

Министерство образования Республики Беларусь  
Белорусский государственный университет  
Юридический факультет

Государство и право в XXI веке

Материалы международной научно-практической конференции,  
посвященной 95-летию юридического факультета  
Белорусского государственного университета  
26–27 ноября 2020 года, г. Минск

Минск, 2021

УДК 34(06)  
Г 728

Решение о депонировании документа вынес:  
Совет юридического факультета  
Протокол № 5 от 21.01.2021 г.

Редакционная коллегия:  
Т.Н. Михалёва (гл. ред.), А.А. Пухов (заместитель гл. ред.),  
Н.А. Антанович, Г.А. Василевич, Л.Л. Голубева, А.А. Данилевич,  
Т.И. Довнар, С.А. Калинин, Т.И. Макарова, М.В. Мещанова,  
А.А. Пилипенко, О.Н. Романова, А.Л. Савенок,  
Т.А. Червякова, В.Б. Шабанов.

Рецензенты:  
Годунов Валерий Николаевич, директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник образования Республики Беларусь;  
Мороз Игорь Анатольевич, старший помощник Генерального прокурора Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – 1106 с. – Библиогр. в конце отдельных статей.

Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета содержат публикации ведущих белорусских и зарубежных ученых-юристов, посвященные проблемам юридической науки, развития законодательства и совершенствования правоприменительной деятельности.

Рассчитаны на широкий круг ученых – юристов, политологов, а также преподавателей, аспирантов, студентов.

## **Оглавление**

|                                                                                                                                                        |           |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------|
| <b>ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ .....</b>                                                                                                                         | <b>20</b> |
| Василевич Г.А. ОБ АКТИВИЗАЦИИ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИХ НАЧАЛ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....                                                                     | 20        |
| Карпович Н.А. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОСЛАНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ..... | 26        |
| Макарова Т.И. ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ И МЕСТО В НАУКЕ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ .....               | 33        |
| Михалёва Т.Н. ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС: ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ .....                                                                           | 42        |
| Павлов В.И. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ПОЗНАНИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА .....                 | 48        |
| Пилипенко А.А. НАУЧНО-ПРИКЛАДНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ФОРМАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ .....                                                               | 52        |
| Савенок А.Л. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА .....                                                             | 61        |
| Скаков А.Б. СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ .....                                                                    | 64        |
| Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРОВ ОБ ОСУЖДЕНИИ ЛИЦ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА .....                         | 71        |
| <b>РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА .....</b>                                                    | <b>82</b> |
| Абламейко М.С. О РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....                                                                 | 82        |
| Андрияшко М.В. ПРАВО РЕБЕНКА НА ГРАЖДАНСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТАХ .....                               | 86        |
| Антонова О.А. О ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ ВАЖНЫХ ВОПРОСОВ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ .....    | 91        |
| Антанович Н.А. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА .....                                 | 94        |
| Бакун А.С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 .....                                                                     | 97        |
| Баранов Д.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ .....                                                                                     | 101       |

|                                                                                                                                                                                       |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Бичун В.М. КОРОЛЬ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ<br>ВЛАСТИ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО .....                                                                                             | 104 |
| Бородич А.И. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА .....                                                                                                                                                 | 107 |
| Валеўка А.В. РЭФАРМАВАННЕ СІСТЭМЫ ДЗЯРЖАЎНАГА КІРАВАННЯ<br>РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХVІІІ СТ. ....                                                                             | 111 |
| Вершок И.Л. ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В<br>КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ<br>ЗНАЧЕНИЕ .....                                                      | 114 |
| Веташкова Т.В., Хилькевич В.В. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ<br>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ<br>БЕЛАРУСЬ .....                                                              | 119 |
| Вечорко В.Ю. ЯВЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ КАК НАУЧНОГО МЕТОДА В<br>ПРАВЕ .....                                                                                                               | 122 |
| Волчкевич О.В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ<br>ЛИШЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ<br>СТРАНАХ.....                                                        | 127 |
| Гасанов А.П. ГРАЖДАНСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК<br>ТРЕБОВАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЕ К КАНДИДАТАМ НА СЛУЖБУ В<br>ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                | 132 |
| Голубева А.И. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА В<br>ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОРУССКОЙ ССР ВО ВТОРОЙ<br>ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА .....                                        | 134 |
| Голубева Л.Л. СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЕ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМКІ<br>Ў БЕЛАРУСІ .....                                                                                                      | 138 |
| Гуйда Е.П. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КРАУДСОРСИНГА В<br>НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....                                                                                                  | 142 |
| Гурина М.В. РОЛЬ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В<br>ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА<br>СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ.....                                        | 146 |
| Доўнар Т.І. МЕТАДАЛАГІЧНА-ПАЗНАВАЛЬНАЕ І КУЛЬТУРА-<br>ВЫХАВАЎЧАЕ ЗНАЧЭННЕ ВУЧЭБНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ “ГІСТОРЫЯ<br>ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ” .....                                           | 150 |
| Дорина В.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В РАМКАХ<br>РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....                                                                                | 159 |
| Егоров А.В. ИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ<br>НА ЮРИДИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА.....                                                                                              | 162 |
| Залесны Я. ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРАВО<br>(ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОМИССИЯ): ПОПУЛЯРИЗАТОР<br>РАЗУМНОГО ПРАВЛЕНИЯ ИЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО<br>КОЛОНИАЛИЗМА? ..... | 164 |
| Иванова Д.В. СВОЙСТВА СИСТЕМЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ<br>СОБСТВЕННОСТИ .....                                                                                                           | 172 |



|                                                                                                                                                   |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Калинин С.А. КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ<br>СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ<br>БЕЛАРУСЬ .....                   | 176 |
| Каспирович-Шумак А.А. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНТЕРНЕТ-<br>ПОРТАЛ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ .....                                  | 182 |
| Качалова О.В., Беляев М.В. РАБОТА СУДОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ:<br>КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ .....                                          | 185 |
| Киселёва Т.М. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА<br>ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА .....                                                  | 188 |
| Кожевников В.В. О ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА<br>ОСНОВЕ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО<br>ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА) ..... | 191 |
| Колодинская И.В. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ<br>РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО<br>ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ .....   | 194 |
| Кондратович Н.М. КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НА<br>ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ<br>.....                                     | 196 |
| Куневич Г.Г. РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ<br>БЕЛАРУСЬ .....                                                                           | 199 |
| Курак А.И. ИНСТИТУТ НАРОДОВЛАСТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:<br>НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ .....                                                  | 202 |
| Лагун Д.А. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО<br>СТАТУСА ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                             | 206 |
| Леднева А.С. ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ<br>ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ .....                                                                        | 210 |
| Ленцевич О.М. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «БАНКРОТСТВО<br>ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА» И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЕГО ВВЕДЕНИЯ В<br>РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....     | 214 |
| Маркитантов А.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В<br>УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ .....                                                                 | 218 |
| Мамекин М.С. «КАЛЯРОВАЯ РЭВАЛЮЦЫЯ» ЯК КАТЭГОРЫЯ<br>ПАЛІТЫЧНАЙ НАВУКІ: ПРАБЛЕМНЫ АСПЕКТ .....                                                      | 222 |
| Масловская Т.С. ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВУ И ПРАВУ В ЦИФРОВУЮ<br>ЭПОХУ .....                                                                              | 226 |
| Матарас В.Н. КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ<br>ПРАВО .....                                                                               | 229 |
| Медведева В.В. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ЭТАПЫ<br>РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА<br>НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ .....      | 233 |
| Минько Н.С. ИНТЕГРАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И АДАПТИВНОСТЬ ПРАВА:<br>ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ .....                                                            | 238 |

|                                                                                                                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Мисуно Е.И. ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ .....                               | 241 |
| Мухин С.Г. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОСНОВНЫЕ МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ .....                                                             | 245 |
| Наумович Т.В. СКРЫТЫЙ КРИЗИС В ПАНДЕМИЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗДОРОВЬЯ.....                                                                                    | 249 |
| Олесько С.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ .....                                                                                    | 253 |
| Орловская Е.И. ЗАРОЖДЕНИЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕЙМОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ.....                                                                                    | 262 |
| Перепелица Е.В. ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ.....                                                                         | 265 |
| Полешко А.Н. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА.....                                      | 269 |
| Праневіч Д.А. НЕКАТОРЫЯ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВЫЯ ІДЭІ Ё БЕЛАРУСІ Ў ХІХ СТАГОДДЗІ.....                                                                                     | 271 |
| Савостикова А.К. ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ .....                                                                                                    | 273 |
| Сажина В.В. НЕЙТРАЛИТЕТ В ЗАРУБЕЖНОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ .....                                                                                                   | 278 |
| Сапунков А.А. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СУДЕБНОГО ОКРУГА (1865-1878 ГГ.) .....                                                                     | 281 |
| Сенькова Т.В. ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....                  | 284 |
| Середа Р.А. ИНФОРМАЦИОННО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА .....                                                          | 287 |
| Соловьёв П.В. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМПАКТНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА .....                                                               | 290 |
| Томашевский К.Л. ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ И ДОПОЛНЕНИЯХ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (О ВЕРХОВЕНСТВЕ ЗАКОНА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВАХ).....                       | 293 |
| Трипузова А.А. К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПА ПОДДЕРЖКИ КОНКУРЕНЦИИ, ЗАПРЕТА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕДОБОРОСОВОСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ..... | 297 |
| Устюкова В.В. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ.....                                               | 301 |
| Фоменко А.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛАЧНЫХ БОЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ .....                                                                                       | 305 |

|                                                                                                                                                                                             |            |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| Цюга С.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ПРОВЕДЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ..... | 309        |
| Чечелев С.В. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В США В XVIII – XIX ВВ. ....                                                                                                                            | 313        |
| Шафалович А.А. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА .....                                                                                     | 317        |
| Шишкин В.В. РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ИСЛАМСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА.....                                                                                 | 320        |
| Шоха Т.П. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ КАК ЦЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УКРАИНЕ.....                                                                                                     | 322        |
| Щербик Д.В. ГЛАВА ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТ КОНСТИТУЦИИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ.....                                                                                                | 326        |
| Янч В.В. ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ .....                                                                                                                                                  | 330        |
| Ярмоц Е.Н. МОДЕЛИ СУДЕБНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ .....                                                                                                                                         | 334        |
| <b>РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО, ФИНАНСОВОГО ПРАВА И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В XXI ВЕКЕ .....</b>                                                               | <b>338</b> |
| Авдеева Т.В., Басалай Е.И. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ .....                                                        | 338        |
| Азарова Ж.М., Ачеповский Г.А. СУЩНОСТЬ И ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НАХОДКУ .....                                                                                                  | 342        |
| Антропцева И.О. РЕГУЛИРУЮЩАЯ И КОНТРОЛЬНАЯ ФУНКЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....                                          | 345        |
| Арушаньянц А.Н. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ КОНКУРЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ .....                                                             | 348        |
| Березюк Л.А. ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ РЕЖИМА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ ПРИ СМЕННОЙ РАБОТЕ .....                                                                                           | 353        |
| Бесецкая Н.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ИЗВЕЩЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ .....                                                                     | 357        |
| Букаева И.Н., Михольская В.В. СПОРТИВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ (ТВОРЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..                                                                            | 361        |
| Вартанян А.М. ОБ ОСНОВНЫХ ОТЛИЧИЯХ ТРАСТА ОТ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ.....                                                                                                      | 365        |
| Василевский А.В. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН СОГЛАШЕНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА .....                                                                | 368        |
| Вербицкая И.К. ВИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК НЕФОРМАЛИЗОВАННАЯ КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА .....                                                                                              | 372        |

|                                                                                                                                                                                                                       |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Витушко В.А., Храмцова Ю.М. О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ .....                                                                                                                                                    | 376 |
| Вишнякова М.А. ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА КАК МЕРА БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ .....                                                                                                                      | 380 |
| Воронецкая И.В. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ПРАВА ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ НА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ .....                                          | 382 |
| Габриянич А.Б. К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФОРМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ .....                                                                                                     | 385 |
| Гаврильченко Ю.П. ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ПРАВА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ.....                                                                                                                                            | 388 |
| Гапоненко Д.В. ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ МЕДИАТОРА.....                                                                                                                                                                | 392 |
| Говзич В.Г., Тибец И.С. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ МЕЖДУ УСЫНОВИТЕЛЕМ И УСЫНОВЛЕННЫМ .....                                                                                                               | 394 |
| Годунов В.Н. ПРИМЕРНЫЕ И ТИПОВЫЕ ДОГОВОРЫ КАК СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....                                                                                                                        | 398 |
| Головенчик М.Г. КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОСТИ .....                                                                                                                                           | 401 |
| Греченков А.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС НАНИМАТЕЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВЫХ КОДЕКСОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА .....                              | 405 |
| Грибов Н.Д. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КОНТРОЛЬ УЧАСТНИКАМИ КОРПОРАЦИИ .....                                                                                                                                        | 408 |
| Гридюшко А.М. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ И ЕЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....                                                                                    | 411 |
| Гриневич А.И. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ .....                                                                                                   | 415 |
| Гриневич М.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЙ ИСПОЛНЕНИЮ В ЧАСТИ ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ (СТ. 314 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ) ..... | 418 |
| Гурьев С.А. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....                                                                                                                                 | 422 |
| Гуцко П.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ .....                                                                                                                   | 426 |
| Делибозоглова В.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ВЕДЕНИЯ СВОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ .....                                                                    | 430 |

|                                                                                                                                                          |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Долинская В.В. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЧАСТНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....                                                      | 434 |
| Евменчикова О.А. ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА.....                | 437 |
| Егорова А.Г. ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....                   | 441 |
| Емельянова Ю.В. ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА НАЙМА АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ ЧЛЕНА СЕМЬИ НАНИМАТЕЛЯ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ .....                                      | 444 |
| Ермакович С.Л. АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕФЕРЕНЦИЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ СУБЪЕКТАМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ .....                                 | 448 |
| Ермоленко Е.В. МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ..... | 451 |
| Иванова Т.В. ДЕЙСТВИЕ ПРАВА КАК ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА В ПРАВООТНОШЕНИЯХ .....                                                           | 453 |
| Ивуть Н.И. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....                                                             | 457 |
| Карпович А.Ю. К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ .....                                    | 460 |
| Капитанова А.А. ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА НАСЛЕДНИКА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                               | 464 |
| Князькин С.И. РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ .....                                                                           | 467 |
| Ковалёва Н.О. МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ МИКРОФИНАНСОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ .....                  | 471 |
| Колядко И.Н. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА .....                                                                           | 473 |
| Комоцкая И.А. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ .....             | 477 |
| Константинова В.А. ОТРАЖАЕТ ЛИ ПОСТАНОВЛЕННЫЙ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИГОВОР ОБЪЕКТИВНУЮ ИСТИНУ? .....                              | 481 |
| Короткевич М.П. НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О БРАКЕ И СЕМЬЕ: СОГЛАШЕНИЕ О ДЕТЯХ .....                                                                     | 484 |

|                                                                                                                                                                                                         |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Кунец А.Г. ДИФФАМАЦИЯ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА ДИСБАЛАНСА .....                                                                                   | 487 |
| Куницкая О.М. СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ .....                                                                                                                      | 491 |
| Кучинская А.А. РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....                                                                                                                         | 495 |
| Лаевская Е.В. КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ .....                                                                                                                       | 499 |
| Лазарчук Е.А., Попкова А.Ю. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ, СОВЕРШЕННЫХ АФФИЛИРОВАННЫМИ ЛИЦАМИ.....                                                                                         | 503 |
| Ландо Д.Д. К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ .....                                                                                                             | 506 |
| Лещенко С.К. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ И РАЗВИТИЮ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ: НОВАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ..... | 508 |
| Лобач А.Ю. ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ IT-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ.....                                                                                                        | 512 |
| Макаревич В.Д. СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ СОГЛАШЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЁРСТВЕ .....                                                                                                               | 515 |
| Мартыненко И.Э. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗОНАХ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ИХ УТОЧНЕНИЕ.....                                                           | 519 |
| Махмудова А.С. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПИЩЕВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....                                                                          | 523 |
| Мещанова М.В. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА.....                                                                                           | 527 |
| Мотина Е.В. ПРАВА РАБОТНИКА И ИНТЕРЕСЫ НАНИМАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ .....                                                                                     | 530 |
| Николайчик М.А. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПАТЕНТООБЛАДАТЕЛЯ..                                                                                           | 535 |
| Никонова Н.Н. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПОСРЕДСТВОМ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.....                      | 539 |
| Нихайчик О.Л. САМОЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ .....                                                                                                                                                            | 543 |
| Ошмян Ю.В. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ТРУДОВЫХ СПОРОВ .....                                                                                                                                                         | 546 |
| Паращенко В.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ .....                                                              | 550 |

|                                                                                                                                                             |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Петоченко Т.М. МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ТРУДОВОГО ДОГОВОРА .....                                                                                 | 554 |
| Попов А.С., Трунов С.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ТРУД ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ .....                                                                   | 557 |
| Постовалова Т.А. ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В XXI ВЕКЕ .....                                                                 | 560 |
| Прибытко А.А. ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ОНЛАЙН РЕШЕНИЯ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ .....                                                                   | 564 |
| Рапян Ю.Х. МЕСТО ПОСЛЕДУЮЩЕГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ .....                        | 568 |
| Романова О.Н. ПРИМЕНЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ....                                                | 572 |
| Русенчик Т.М. РОДИТЕЛЬСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ: ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУБЪЕКТЫ.....                                                                          | 576 |
| Садчиков М.Н. ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЛОГОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....                                               | 581 |
| Салей Е.А. К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....                                                                                     | 583 |
| Самсонов Н.В. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕГЛАМЕНТАЦИЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ..... | 586 |
| Семашко И.И. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ДЕТЕЙ НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО-ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ.....                                                               | 589 |
| Степанов М.В., Сидельников В.О. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ .....                                                | 594 |
| Синкевич К.В. ДИСКУССИЯ О МЕСТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....                                                                | 597 |
| Синюк Е.В. РАСШИРЕНИЕ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ СУДАМ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ .....                                                    | 603 |
| Скобелев В.П. О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ФИКСИРОВАНИЮ ХОДА ПРОЦЕССА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....                                                             | 605 |
| Солянкина Н.А. ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НАНИМАТЕЛЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НОРМАМ ТРУДОВОГО ПРАВА .....                                                           | 610 |
| Стрижак М.С. ЗАЩИТА ПРАВ РОДИТЕЛЕЙ И ОХРАНА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ .....                                                                                        | 614 |
| Таранова Т.С. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ В СУДЕ ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ ДОСТУПА .....                                             | 618 |
| Ткаченко Д.Г. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ .....                                                             | 630 |

|                                                                                                                                                                                             |            |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| Унукович Е.А. К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА, РАССМАТРИВАЕМОГО МЕЖДУНАРОДНЫМ АРБИТРАЖНЫМ (ТРЕТЕЙСКИМ), ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ.....                                                                    | 633        |
| Уржинский К.К. ВОПРОСЫ КОНКУРЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДОВЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ .....                                               | 637        |
| Федкович К.А. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ И ЕГО СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....                                                                                                     | 640        |
| Фурса Е.И., Фурса С.Я. ПРИНЦИПЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ .....                                                                                                    | 644        |
| Халецкая Т.М. О СОДЕРЖАНИИ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ» .....                                                                                                     | 648        |
| Хватик Ю.А., Малинка Т.В. К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЛИЦ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КЛИНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЯХ, В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 .....                                                     | 652        |
| Хилько О.П. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ГАРАНТИЙНЫЙ РЕМОНТ .....                                                                                                           | 655        |
| Шахнов И.С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, ПРАВ НА НЕГО И СДЕЛОК С НИМ.....                                                                          | 658        |
| Шевко Н.М. ПРАВА ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: УГРОЗЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....                                                                                      | 662        |
| Шевченко Г.Н. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПУБЛИЧНОГО ОБЕЩАНИЯ НАГРАДЫ И ПУБЛИЧНОГО КОНКУРСА, КАК ВИДЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК .....                                                       | 665        |
| Шимкович М.Н. МЕСТО ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....                                                                 | 668        |
| Ядревский О.О. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ .....                                                                         | 672        |
| Ясинская-Казаченко А.В. РАСШИРЕНИЕ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И «ВИРТУАЛИЗАЦИИ» ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....                                                | 676        |
| <b>РАЗДЕЛ III. ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ .....</b> | <b>681</b> |
| Асаёнок Б.В., Веренчиков И.Р. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЗНАНИЯ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ .....                                                           | 681        |
| Асаёнок Б.В. ВОПРОСЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА .....                                                                                               | 684        |



|                                                                                                                                                                                    |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Барков А.В. ПРИЗНАКИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ ИХ УТОЧНЕНИЯ .....                                                                                                                | 687 |
| Борико С.В. О РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                                                                   | 691 |
| Боровик П.Л. ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ .....           | 694 |
| Боярская А.В. МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ БАЗИС УПРОЩЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ..... | 697 |
| Бруяко А.Н. О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗДЕЛ VI ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                                                          | 701 |
| Бурый В.Е. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                                                                         | 705 |
| Григорович В.Л. НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ .....                                                                                                                  | 708 |
| Данилевич А.А. КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ .....                                                                                               | 711 |
| Данько И.В. ИНСТИТУТ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ .....                                                                                                        | 713 |
| Зайцева Л.Л. МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАКОНОПРОЕКТА .....                                                                                                     | 716 |
| Иванова Л.Ф. ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: ОТ НАУЧНОЙ ДЕФИНИЦИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ .....                                                                                              | 719 |
| Игликова А.А. ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                                                             | 721 |
| Кадников Н.Г., Кадников Ф.Н. О СОБЛЮДЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ .....                                                       | 725 |
| Каменецкий Ю.Ф. СЛЕДСТВЕННАЯ ПРОФИЛАКТИКА: ЦЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ЗАДАЧИ .....                                                                                                 | 728 |
| Каминский Э.С. О ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ .....                                                                      | 734 |
| Кашинский М.Ю. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ .....                                                                                          | 737 |
| Кийко Н.В., Пухов А.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ .....                                                                               | 741 |
| Князев И.М. О ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СТАТЬЯМ 361-1, 361-2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                                             | 745 |

|                                                                                                                                                                         |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Козел В.М. К ВОПРОСУ НРАВСТВЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К НЕГЛАСНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....                   | 749 |
| Красиков В.С. АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....                                                                      | 753 |
| Кукштель В.А. УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ.....                                                                            | 761 |
| Кухарьков Ю.В., Чудаев М.Ф. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА ВНЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....                                           | 765 |
| Лаворенко С.Ю. О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ)..... | 769 |
| Лапина И.А., Лапина С.В. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В БЕЛАРУСИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....                                                                                         | 771 |
| Марковичева Е.В. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ.....                                                  | 775 |
| Марчук В.В. КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ РЕСУРСЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА.....                                                                             | 778 |
| Матлак А.Н., Чванкин В.А. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ.....                                          | 783 |
| Никитин Ю.А. ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ ИЛИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ.....                                                                                      | 786 |
| Павлова Л.В. ПЕНАЛИЗАЦИЯ И ДЕПЕНАЛИЗАЦИЯ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ.....                                                                                              | 789 |
| Пацкевич А.П. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....                                                                                                    | 793 |
| Петров А.П. , Петров В.А. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ.....                                                                                                       | 797 |
| Петров В.А. СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....                                                                      | 800 |
| Попов Е.М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОДКУПА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ.....                                       | 803 |
| Ревтова С.Ю. НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧЕЛОВЕКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....                                                                         | 807 |
| Реутская .А. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ.....                                                                                              | 810 |
| Руденя Ю.Е. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....               | 812 |
| Рыбак А.В. ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА.....                                                                                                               | 816 |

|                                                                                                                                                                                  |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Рыбак С.В. НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСПРАВЛЯЕМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ .....                                            | 819 |
| Рыбаключева О.З. К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ РАБОТЫ С КАДРАМИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ .....                                                                       | 824 |
| Савич М.В., Локтевич О.И. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ .....                                        | 828 |
| Савчук Т.А. ИНСТИТУТ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ В РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....                                           | 832 |
| Саковец И.Н. О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ.....                                                  | 836 |
| Самарин В.И. СМЕНА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ .....                                                                         | 840 |
| Стаценко В.Г. ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ .....                                                                                                                           | 843 |
| Талалаев В.А. К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ИМИТАЦИОННЫХ СРЕДСТВ .....                                                                             | 847 |
| Талан М.В., Нагорнов К.И. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ, ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ..... | 850 |
| Ткачев А.В. ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА .....                                   | 857 |
| Третьяков Г.М. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ                                                                                | 861 |
| Хлус А.М. ЕДИНСТВО В ПОНИМАНИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ .....                        | 865 |
| Храмов С.М. МЕТОДИКА УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.....                                                          | 870 |
| Хутов К.М. ФУНКЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА .....                                                                                                                                 | 874 |
| Чванкин В.А. ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ОДЕЖДЫ И ПОВРЕЖДЕНИЙ НА НЕЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МЕХАНИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ОДЕЖДЫ .....                                     | 877 |
| Чешко В.Ю. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ .....                                                                                                      | 880 |
| Шевцов Ю.Л. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ .....                                                                                           | 884 |

|                                                                                                                                                                                              |            |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| Шидловский А.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПЕНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ .....                                                                                                          | 889        |
| Шнейдерова Д.И. «SCAM-ПРОЕКТЫ» КАК СРЕДСТВО ХИЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ .....                                                                                             | 893        |
| Шпаковский Н.В. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БССР С ПРИНЯТИЕМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РСФСР 1922 ГОДА.....                                                    | 897        |
| Яцута И.С., Челядинский С.А. ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНИНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА УЧАСТИЕ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ.....                                                            | 900        |
| <b>РАЗДЕЛ IV. ВКЛАД АГРАРНО-ПРАВОВОЙ, АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....</b>                                   | <b>905</b> |
| Авдей А.Г. О ПРАВЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА УЧАСТИЕ В ПРИНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ .....                                                                                                 | 905        |
| Акимов Н.Н. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ В ЛИНЕЙНОМ СООБЩЕНИИ.....                                                                                          | 909        |
| Анисимов А.П. О НЕКОТОРЫХ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ .....                                                                                          | 913        |
| Балюк Г.И., Власенко Ю.Л. ПРИНЦИП СБАЛАНСИРОВАННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СОЗДАНИЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ .....                                                                 | 916        |
| Бевз Е.В. ОГРАНИЧЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ИХ ОБОСНОВАННОСТЬ: ПРАВОВОВЫЕ АСПЕКТЫ .....                                                      | 918        |
| Биткова Л.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ .....                                                                             | 923        |
| Боголюбов С.А. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ XXI ВЕКА.....                                                                                                        | 927        |
| Бурукина О.А. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА .....                                                         | 934        |
| Валевко А.С. ЭЛЕМЕНТЫ И ПРИЗНАКИ СОСТАВА НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ (ст.11.26 КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ).....                                        | 947        |
| Василевич С.Г. ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ – НОВЫЙ ВИД АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ.....                                                                                                               | 951        |
| Воронина Н.П. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ .....                                                                                              | 953        |
| Гашникова Т.В. ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ НОРМАТИВОВ КАЧЕСТВА АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА И ИНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЫБРОСОВ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ ..... | 956        |

|                                                                                                                                                |      |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| Герасимович К.А. ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС .....                                                                               | 960  |
| Григорьева К.А. АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ДОКТРИНЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ .....                                              | 963  |
| Гришкевич О.В. НОВАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....                                              | 966  |
| Гусаров А.В. К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РАСТИТЕЛЬНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ЕАЭС .....         | 970  |
| Девятковская К.В. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОСТУПКА .....                                                                         | 974  |
| Довгялло М.М. ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОВЕРОК .....                                                       | 977  |
| Заец Е.И. ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ .....                                                                | 980  |
| Захарин А.Н. ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ .....                       | 983  |
| Злотникова Т.В. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА .....                 | 985  |
| Исаева И.Э., Попов И.А. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ .....                    | 989  |
| Калишук В.О. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ.....                             | 993  |
| Карамышев А.В. ПУБЛИЧНЫЕ БЮДЖЕТНЫЕ СЛУШАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ .....                                       | 995  |
| Кванина В.В., Уланова Е.С. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ .....                              | 999  |
| Киселевская Г.К. ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ .....                                                 | 1002 |
| Коваленко Т.А. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УКРАИНЫ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА.....                     | 1006 |
| Ковальчук Н.И. ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ..... | 1009 |
| Колесникова К.В. К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС .....                  | 1013 |

|                                                                                                                                                             |      |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| Краснобаева Л.А. КОНВЕРГЕНЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ .....           | 1015 |
| Красуцкий Г.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО СЕРВИТУТА .....                                                      | 1019 |
| Кузьмич И.П. РОЛЬ АГРАРНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ .....                                                       | 1023 |
| Лещина Э.Л. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....                        | 1027 |
| Лизгаро В.Е. ОБЪЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА .....                                           | 1031 |
| Макарова Н.В., Макарова Т.И. О ПРАВОВЫХ ФОРМАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА .....                                                                        | 1035 |
| Мищенко И.В. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГАРМОНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....                          | 1039 |
| Мороз Н.О. СУЩНОСТЬ ТЕРМИНА «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО» В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА ОТ ИНОСТРАННОЙ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ.....                              | 1043 |
| Мороз О.В. ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ИНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ .....                       | 1047 |
| Павлющик С.В. РОЛЬ ДИСЦИПЛИНЫ «ВОЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ПРАВОВАЯ РАБОТА В ВОЙСКАХ» В ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ .....                                      | 1050 |
| Пестова Т.П. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О РАССМОТРЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ..... | 1053 |
| Пилецкий К.В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ «УМНЫЙ ГОРОД» ДЛЯ Г. МИНСКА .....                                                 | 1057 |
| Платонова Е.О. ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В УКРАИНЕ.....                                                               | 1061 |
| Самусенко Л.А. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....                                    | 1065 |
| Сафин З.Ф., Лунева Е.В. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ .....         | 1068 |
| Сенько А.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВЕНСТВА СТОРОН В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРОЦЕССЕ .....                                             | 1072 |

|                                                                                                                                                                                                          |      |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| Телятицкая Т.В., Рамазанова Н.О. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ<br>ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ<br>БЕЛАРУСЬ .....                                                                           | 1075 |
| Толочко О.Н. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С<br>КОРРУПЦИЕЙ .....                                                                                                                                 | 1079 |
| Холупко В.Э. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА<br>СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ .....                                                                                                         | 1083 |
| Хотько О.А. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ<br>БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО<br>РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА<br>И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА) ..... | 1087 |
| Чернышова В.М. МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: АНАЛИЗ<br>ПРОБЛЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ .....                                                                                                                     | 1091 |
| Чижев И.М. К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО<br>РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ<br>СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ .....                                                                        | 1095 |
| Шахрай И.С. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ВИДОВ<br>ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ФУНКЦИЙ<br>ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ .....                                                                      | 1099 |
| Шингель Н.А. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВА<br>СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ<br>УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ .....                                                                                   | 1102 |

## ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

### ОБ АКТИВИЗАЦИИ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИХ НАЧАЛ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

**Г.А. Василевич**

*заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор,  
член-корреспондент НАН Беларуси,  
Заслуженный юрист Республики Беларусь*

В Республике Беларусь есть необходимая законодательная основа для развития местного самоуправления: в Конституции предусмотрена соответствующая глава, где имеется ряд статей, касающихся организации органов местного самоуправления. Действует закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», ряд законодательных актов, посвященных функционированию системы местного самоуправления. Тот факт, что местное самоуправление выделено в нашей Конституции в самостоятельную главу, свидетельствует об организационной обособленности этого звена государственного механизма управления общественными делами.

На самом высоком государственном уровне неоднократно отмечалось, что мощные местные Советы депутатов, наряду с молодежными, профсоюзными организациями, должны стать основой гражданского общества Беларуси. То, что местное самоуправление является одной из основ развития демократии в Беларуси, подтверждается многочисленными упоминаниями местного самоуправления в актах текущего законодательства: в том или ином контексте оно упоминается почти в 30 тысячах актов.

Отметим, что Беларусь имеет определенные традиции развития местного самоуправления. Достаточно часто в литературе обращается внимание на сельские общины как одно из проявлений местного самоуправления. Наряду с ними, начиная с X-XII вв., развивались городское самоуправление, которому «была присуща своя судебная система, налоговые правила, свободные выборы органов управления, предоставление князем привилегий [1].

Этот процесс был динамичным и был обусловлен не только экономическими, но и политическими факторами. Так, в целях получения государством (ВКЛ) поддержки со стороны населения в условиях угрозы его распада все больше поселений получали магдебургское право: в начале 90-х гг. XVIII в., «на этнических землях Беларуси имелось около 120 поселений с магдебургской правовой системой» [1].

Профессор Т. И. Довнар, оценивая выдаваемые городам Беларуси привилегии на магдебургское право, отмечала зависимость организации и полномочий местных органов власти от государственно-правового положения



территориальной единицы в составе государства, сложившихся обычаев, воли владельцев земель [2, с. 10, 16].

С получением привилегия (магдебургского права) на самоуправление населенный пункт приобретал автономию в решении вопросов развития предпринимательства, в частности в развитии русских ремесел и промыслов [3, с. 10]. Однако процесс развития местного самоуправления не шел «по нарастающей». После вхождения белорусских земель в состав Российской империи сфера полномочий местного самоуправления сужалась, и в 1830-1840 гг. магдебургское право в Беларуси было ликвидировано. Восстановление местного самоуправления началось после земской реформы, то есть подписания 1 января 1864 г. Александром II Указа о введении губернских и уездных земских учреждений в России.

На землях Беларуси существовали различные формы участия граждан в решении вопросов местного значения. В дореволюционный период 1917 года, особенно после отмены крепостного права, важное значение имели сельские (крестьянские) общины.

В советской юридической литературе местное самоуправление часто идеализировали. Не отвергая полностью все позитивное, что было в тот период, заметим, что коллегиальные представительные органы (Советы) в значительной степени находились под влиянием партийных инстанций и исполнительной власти. Уже в первые годы советской власти М. Рейснер отметил превращения, как он писал, «совдепии» в «исполкомую» [4, с. 123]. Официально система народовластия предполагала единство Советов всех уровней, их полновластие и верховенства в системе государственной власти. Преимуществом этого считалось устранение конфликта между центром и местной властью.

С обретением Республикой Беларусь своей государственности стало активно развиваться и местное самоуправление, которое часто называют демократией малых пространств. В настоящее время действует Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 № 108-З (ред. от 18.12.2019) «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Однако потенциал и активность местных Советов депутатов как представительных органов народа, к сожалению, в последние годы снизились. Можно слышать претензии по поводу того, что местные Советы депутатов проявляют недостаточно инициативы, находятся в тени местных исполнительных и распорядительных органов.

В российской научной литературе высказана близкая нам позиция, что местное самоуправление в условиях правового государства «становится особенностью внутренней организации государственной власти» [5, с. 94]. К сожалению, в монографии под редакцией Т.Д. Зражевской наряду с указанной позицией отмечено, что факт не вхождения местного самоуправления в систему государственной власти в то же время не означает его полное обособление [5, с.106].

Следует различать в системе органов местного самоуправления те коллегиальные органы, которые имеют двойственную природу (Советы депутатов), они реализуют полномочия от имени государства и одновременно являются органами местного самоуправления. Наряду с Советами депутатов есть иные общественные структуры, занятые местным самоуправлением – органы общественного территориального самоуправления. Однако и им государством могут быть переданы некоторые полномочия, например, добровольным народным дружинам – полномочия по поддержанию общественного порядка, наблюдательным комиссиям, товарищеским судам.

В настоящее время в Беларуси существует 1309 местных Советов депутатов, в том числе 7 регионального (области и город Минск), 128 базового уровня (районы и города областного подчинения) и 1274 первичного уровня (сельсоветы, поселки, города районного подчинения). Всего в местных представительных органах работает около 20 тысяч депутатов, из них около 14 тысяч – депутаты Советов первичного уровня, то есть наиболее приближенные к населению.

На середину 2018 года в республике было создано более 32 тысяч органов территориального общественного самоуправления, в состав которых входило около 58 тысяч человек. При этом в коллегиальных ОТОС работает 8 тысяч 532, а единоличных (обычно – это старосты) – 23 тысячи 695 человек.

По сути, эти две ветви местного самоуправления взаимодополняют друг друга, должны работать во взаимодействии для решения общих вопросов, важных для местного населения.

Формируются местные Советы депутатов по мажоритарному принципу. Причем избирательное законодательство в этом отношении постоянно менялось в сторону признания выборов состоявшимися в пользу сокращения необходимого количества участников. Это, на наш взгляд, свидетельствует о некотором неблагополучии, апатии избирателей, что всегда ранее было предметом критики западных демократий. Необходимо повысить авторитет местных Советов депутатов, чего можно добиться, используя, по меньшей мере, два направления: 1) повысить статус местных Советов посредством расширения полномочий; 2) изменить систему и содержание выборов, перейдя к мажоритарной или смешанной системе; в этом случае политические партии могут вдохнуть новые импульсы в работу местных коллегиальных представительных органов власти.

В этой связи нами предлагается снизить возраст до 16-17 лет для участия граждан в собраниях по выдвижению кандидатов в депутаты местных Советов депутатов. Действующая редакция Конституции (ст.64) увязывает возраст 18 лет с правом избирать. Но выдвижение кандидатов, на наш взгляд, можно считать прямо не относящимся к избранию депутатов. Аналогичное право (выдвижение кандидатов) можно было предусмотреть и для сбора подписей в пользу соответствующего кандидата. С учетом времени функционирования

(например, не менее года) ОТОСов и их численности можно было наделить ОТОСы правом выдвижения кандидатов в депутаты.

Все эти меры способствовали бы активизации избирательного процесса, усилению конкуренции между кандидатами, а значит прохождению в Совет наиболее подготовленных и пользующихся доверием избирателей лиц.

Одной из форм непосредственной демократии являются собрания граждан. Созываются они местными Советами депутатов. Согласно законодательству правом принимать участие в их работе обладают граждане, достигшие 18 лет. Полагаем, что также можно было снизить возраст до 16-17 лет для участников таких собраний.

Полезно было бы принимать на региональном уровне хартии или программы развития местного самоуправления на региональном уровне. Безусловно, в них не должно быть положений, противоречащих актам законодательства, обладающим более высокой юридической силой, включая Конституцию. Такого рода хартии помогают адаптировать «к местным условиям» многочисленные законоположения, представляют их в благоустроенном виде, логическом изложении, сопровождают необходимыми комментариями и таким образом облегчают работу с законодательством, оказывают содействие возникновению у населения правильных и достаточно полных представлений о том, как построен и работает механизм местного самоуправления, как граждане могут его контролировать и принимать участие в его работе» [6, с.128]. Полагаем, что введение такого рода практики (принятия хартий) имеет позитивный потенциал для расширения самоуправленческих начал. Такого рода хартии должны приниматься коллегиальными представительными органами – местными Советами депутатов с участием представителей органов территориального общественного самоуправления, функционирующими не менее шести месяцев до принятия указанного юридического документа.

В хартиях можно ставить задачи по развитию местного самоуправления. Альтернативой хартиям могут быть программы по развитию местного самоуправления, в которых может быть акцентировано внимание по поддержке органов территориального общественного самоуправления, включая предоставление субвенций, проведение конкурсов на реализацию социально значимых проектов среди ОТОСов. В Российской Федерации такая практика складывается [7, с. 371–372].

Преимуществом местного самоуправления является то, что оно балансирует государственную власть по вертикали и горизонтали. Если государственная власть стремится создать для всех равные условия жизни, то органы местного самоуправления заботятся о населении, проживающем на соответствующей территории. Такой дух конкуренции стимулирует все представительные и иные органы действовать в интересах людей. Вертикальная организация власти проявляется в том, что органы местного самоуправления являются элементом публичной власти.

Объем полномочий местных Советов депутатов свидетельствует об их более высоком статусе в системе местных органов власти, так как они принимают или утверждают основополагающие документы для развития соответствующей административно-территориальной единицы. Зарубежный опыт также показывает, что посредством принятия своих решений об утверждении программ, бюджете и отчете о его исполнении, установлении местных налогов и споров, определении режима коммунальной собственности можно активно воздействовать на исполнительную власть в интересах проживающего на соответствующей территории населения.

Дальнейшие шаги для обеспечения более тесной связи местных органов с населением надо обеспечить, используя информационные технологии. Здесь потенциал еще полностью не задействован. Более основательными должны быть сайты местных Советов, полезно сделать эти сайты площадкой для возможных опросов населения, отчетов депутатов перед избирателями и сбора отзывов о таких отчетах и обсуждениях. Информационные технологии могут быть использованы для сбора подписей под публичной инициативой по вопросам общественного значения, публичного обсуждения проектов решений. Полагаю, что на законодательном уровне следовало бы закрепить требование о размещении программ победивших кандидатов, с которыми они шли на выборы, а также принятие сводной программы Совета депутатов с учетом предвыборных обещаний.

Полезным было бы участие представителей ОТОСов в обсуждении кандидатуры при избрании Председателя Совета. Здесь могут быть задействованы координационные районные советы ОТОСов. Вообще полезным было бы реализовать идею так называемых больших местных Советов, в работе которых при решении наиболее важных вопросов, например утверждении программ, местного бюджета, отчета о его исполнении, принимали бы участие не только депутаты, но с правом совещательного органа члены ОТОС, а также члены общественных консультативных советов, создаваемых из представителей организаций, расположенных на территории АТЕ.

Назрела пора создания предусмотренной статьей 7 закона о местном управлении и самоуправлении Национальной ассоциации местных Советов депутатов. Для усиления контрольной деятельности со стороны местных Советов депутатов, обеспечения многополярности мнений полезно было предусмотреть в Избирательном кодексе возможность проведения выборов в местные Советы, например в областные, используя пропорциональную либо смешанную систему выборов.

Известно, что для участия в референдумах лицо должно обладать избирательным правом. Зарубежный опыт свидетельствует, что для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни (референдумы обычно для этих целей и проводятся) иногда общеустановленный возраст при проведении референдума снижается на год-два. На первый взгляд, статья 76 Конституции исключает какие-либо варианты отходы от ее

предписаний. Однако известны различные виды референдумов, например, императивные и консультативные. Полагаем, что посредством дачи Парламентом официального толкования указанной конституционной нормы можно было разрешить молодым людям, старше 16 лет, принимать участие в консультативных референдумах.

В соответствии с ч. 1 ст. 35 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» граждане имеют право по вопросам местного значения в установленном порядке вносить в Совет проекты решений или мотивированные предложения о необходимости принятия, изменения, дополнения, толкования, приостановления действия, признания утратившими силу, отмены решений Совета либо их отдельных положений. Отметим, что до настоящего времени в законодательстве Республики Беларусь отсутствует порядок реализации такой инициативы гражданами. Данный пробел должен быть устранён, в том числе в направлении улучшения ситуации с реализацией права молодёжи на участие в управлении делами общества и государства.

С указанным выше вопросом связан вопрос о праве несовершеннолетних лиц направлять свои обращения в государственные органы и должностным лицам. Здесь следует более основательно решить данный вопрос в законе об обращениях граждан и юридических лиц. В частности, предоставить общее право на обращение с 10 лет, право оценивать необходимость ответа, его форму и возможного контакта с родителями по поводу письма предоставить руководителю организации. Обращение, поступившее от лица, достигшего 14 лет, должно быть рассмотрено в общем порядке.

### **Библиографический список**

1. Сидорчук, В.К. История права о местном самоуправлении Беларуси. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34023/1/BA.pdf>. – Дата доступа: 10.03.2020.
2. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права / Я. Юхо, А. Абрамовіч, Т. Доўнар, У. Сатолін. - Мінск, 2000. – 128 с.
3. Круталевич, В.А. На путях национального самоопределения: БНР - БССР - Республика Беларусь / В.А. Круталевич. - Минск, 1995. - 140 с.
4. Райснер, М.А. Государство буржуазии в РСФСР / М.А. Райснер. - М.; Прага, 1923. - 327 с
5. Становление гражданского общества. Личность, самоуправление, власть : Монография / Под ред. проф. Т.Д. Зражевской. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. – 368 с.
6. Барабашев, Г.В. О хартии местного самоуправления в США . Государство и право. – 1994. – № 5. – С.126–133.
7. Карлов, А.С. Территориальное общественное самоуправление: проблемы и перспективы развития. – Выборы и иные формы непосредственной

демократии в системе местного самоуправления : модернизация, эффективность, ответственность : материалы Международной научно-практической конференции (г.Самара, 2-5 июня 2011 г.) / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. – Самара: Изд– Самарский университет, 2012. – С. 370–375.

## **КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОСЛАНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**Н.А. Карпович**

*заместитель Председателя Конституционного Суда*

*Республики Беларусь,*

*доктор юридических наук, профессор*

Конституция Республики Беларусь как общественный договор об устройстве общества и государственной власти определяет статус человека в этом обществе, его основные права, свободы и гарантии их реализации, соответствующие главные цели и задачи государства во всех сферах его функционирования и на всех уровнях управления. В современных условиях можно констатировать особую значимость последовательного воплощения в жизнь конституционной модели общественных отношений. На прочной конституционной основе действует авторитетная государственная власть, утверждается баланс социально-политических и иных интересов, развивается конструктивное взаимодействие государства, общества и отдельных его членов.

На обеспечение соответствия норм законов и иных нормативных правовых актов букве, духу, смыслу и содержанию положений Конституции направлены заключения и решения Конституционного Суда Республики Беларусь. В концентрированном виде деятельность Конституционного Суда по реализации возложенных на него Конституцией и законом полномочий отражается в его ежегодных посланиях Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь. В основе излагаемых в данных посланиях выводов и предложений Конституционного Суда находится признание того, что конституционные нормы, провозглашающие принципы и ценности демократического социального правового государства, являются также главным инструментом успешного его построения при условии неукоснительного их соблюдения.

Закрепляя экономические основы конституционного строя, права и свободы граждан в экономической и социальной сферах, включая право каждого на достойный уровень жизни, Конституция определяет цели и основополагающие задачи социально-экономического развития Республики

Беларусь, оказывает регулятивное воздействие при определении направлений такого развития. Так, Конституционный Суд в посланиях «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» и «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году» указал, что главные цели социально-экономической политики государства определяют конституционные принципы социальной справедливости, социальной защищенности и социальной солидарности. Как отметил Конституционный Суд, из конституционного принципа социального государства вытекает обязанность государства обеспечивать рост благосостояния граждан, создавать условия для улучшения их жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, содействовать развитию их экономической активности, при преодолении индивиденческих настроений в социальной сфере. При этом должен быть соблюден надлежащий баланс социально-экономических прав граждан и их ответственности за выполнение конституционных обязанностей, устанавливаться правовые механизмы, способные обеспечивать социальную защиту граждан исходя из социально-экономических факторов развития Республики Беларусь. Данные факторы в современных условиях предопределяют, в частности, трансформацию сущности социального государства, которое выступает не только как основной фактор благополучия общества, обеспечения социальной справедливости и социальной солидарности, но и как государство, обеспечивающее социальное партнерство, социальную ответственность всех хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности (решения от 21 января 2018 г. и от 11 марта 2020 г.).

Задачи социально-экономического развития Республики Беларусь определяются прежде всего с учетом основополагающих конституционных положений о правах и свободах граждан в экономической и социальной сферах, гарантиях и принципах реализации этих прав и свобод. Конституционный Суд указал, что в современных условиях критерием устойчивости правовой системы и уровня развития государства и общества является способность государства обеспечить реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина, вырабатывать новые механизмы реализации и защиты прав, предусматривать меры стимулирования творческого начала в человеке, гармонизации отношений между отдельной личностью, обществом и государством (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году», решение от 14 марта 2019 г.). Основой успешного решения этих задач выступает гармонизация отношений между отдельной личностью, обществом и государством, стимулирование творческого начала в человеке. Как отмечено Конституционным Судом, необходимо всемерно поддерживать и формировать осознанную, инициативную, творческую, самоорганизованную деятельность граждан в разных формах и сферах жизнедеятельности, направленную на благо общества (Послание

«О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году»).

Гармонизация общественных отношений, социальное согласие, в настоящее время во многом определяющие также качество жизни граждан наряду с их материальным достоянием, достигаются на основе конституционных принципов гуманизма и справедливости. Обеспечение социальной справедливости Конституционный Суд видит в создании равных условий для развития личности, равенства стартовых возможностей граждан для реализации их прав и свобод, в учете современного понимания справедливости в законотворческом процессе, взаимодействия моральных и правовых норм в практическом правоприменении. В условиях глобализации и цифровизации справедливый баланс социальных интересов достигается путем поддержания всеми доступными юридическими и организационными средствами гармоничного взаимодействия личности, общества и государства, обеспечения равноправного партнерства на принципах конституционной демократии (послания «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году» и «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году»).

Для реализации конституционных целей и ценностей необходима система мер общегосударственной, общенациональной, общегражданской поддержки, основанной на принципе взаимного доверия власти и народа. В связи с этим Конституционным Судом в Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году» обращено внимание на то, что в условиях различных социальных, национальных и иных интересов, идеологических и морально-нравственных ориентиров, определяющих правосознание общества, необходим поиск компромисса и согласия в достижении конституционной цели – утверждения Республики Беларусь суверенным демократическим социальным правовым государством.

Среди основных задач социально-экономического развития особое место занимает дальнейшая конституционализация общественных отношений. Она предполагает прямое воздействие конституционных принципов и норм на социально-экономические процессы посредством правовых механизмов обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия в конкретных общественных отношениях. В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году» указано, что идея современного конституционализма должна находиться в основе общественного правосознания, реализовываться на всех уровнях правового воспитания и формирования личности как гражданина, осознанно и добровольно соблюдающего законы своей страны, способного проявлять конституционный патриотизм при защите ценностей и идеалов Конституции.

Верховенство Конституции связано с признанием в обществе необходимости осознанного и добровольного исполнения Основного Закона государства, знанием каждым своих конституционных обязанностей,



добросовестным и ответственным их исполнением. Важно, чтобы все субъекты отношений имели возможность и внутреннюю потребность соизмерять свою деятельность с конституционными требованиями. Высокий уровень правовой культуры, правосознания, становление и развитие конституционного мышления превращают конституционные нормы в реальные общественные отношения. Через осмысление и реализацию конституционных положений происходит становление всех членов общества как носителей конституционных прав, свобод и обязанностей, активных участников конституционных отношений.

В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2012 году» (решение от 22 января 2013 г.) обращено внимание на требование повышения уровня правосознания, формирования конституционной культуры. При этом указано, что в укрепление конституционной законности должны вносить свой вклад не только государственные органы и должностные лица, ответственные за создание конституционного правопорядка, но и граждане, организации, а также институты гражданского общества, что обеспечит верховенство права во всех сферах жизни общества и государства.

Для эффективного достижения целей и решения задач социально-экономического развития Республики Беларусь необходимо постоянное совершенствование правовых условий и механизмов реализации конституционных принципов и норм. Как неоднократно в своих решениях отмечал Конституционный Суд, такие механизмы должны основываться на соблюдении законодателем принципа пропорциональности при установлении ограничений прав и свобод граждан, то есть разумной соразмерности ограничений, не искажающей сути конституционных прав и свобод. Соблюдение принципа пропорциональности при установлении запретов и ограничений выступает основой достижения баланса между конституционными правами и свободами граждан и публичными интересами государства и общества. В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2011 году» указано, что любые ограничения конституционных прав и свобод должны не только быть юридически допустимыми, социально оправданными, но и отвечать требованиям справедливости, являться необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений (решение от 18 января 2012 г.).

В качестве инструмента оценки действия указанных механизмов, по мнению Конституционного Суда, может выступать система конституционного мониторинга, который позволит объективно оценивать уровень реализации и развития конституционных принципов и ценностей в законодательстве и правоприменении в целях легитимности и социальной приемлемости нормативных правовых актов. Конституционным Судом указано также на актуальность обеспечения действенного научного нормотворческого прогнозирования в целях оперативного реагирования на потребности

общественного развития, в том числе разработки научно обоснованных концептуальных методологических основ долгосрочного прогнозирования эффективности законодательства (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году»).

Законодателю адресованы положения посланий Конституционного Суда, в которых отмечалось, что принятие законодательных решений должно основываться на началах открытости, транспарентности, доступности для обсуждения, на всестороннем анализе регулирующего воздействия и оценки последствий принятия правовых предписаний. Конституционный Суд изложил мнение о том, что в современных условиях необходимо стремиться к достижению опережающего правового регулирования общественных отношений, принимать законы, обеспечивающие не только своевременное решение насущных социально-экономических задач, но и перспективное стратегическое развитие (послания «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2016 году» (решение от 18 января 2017 г.), «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году» и «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году»).

Для правового регулирования любого уровня важно обеспечивать определенность правовых норм, полное и последовательное закрепление нормативной воли. В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году» указано, что любой нормативный правовой акт должен носить определенный характер, эффективно воздействовать на общественные отношения и устанавливать соразмерное правовое регулирование, что является важным условием упорядоченности общественной жизни, осознанного подчинения человека и гражданина праву. Отмечая необходимость четкого, ясного и недвусмысленного изложения правовых норм, точно устанавливающих требования, предъявляемые к действиям физических и юридических лиц, рамки возможного, должного и запрещенного поведения, Конституционный Суд подчеркнул особое значение гарантирования последовательности правового регулирования, опирающегося на фундаментальные конституционные ценности и конституционные принципы. Такая последовательность, по мнению Конституционного Суда, обеспечивается, в частности, достижением разумной стабильности и предсказуемости правового регулирования в законодательной политике как важнейшего условия уверенности участников общественных отношений в стабильности своего правового статуса, формирования доверия к законодательным актам и их безусловного исполнения (Послание Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2012 году»).

Успешное достижение целей и задач развития общества и государства основывается на обеспечении реализации в социально-экономических отношениях конституционных принципов реализации этих отношений. В

частности, в актах Конституционного Суда обращено внимание, что конституционный принцип законности предполагает необходимость соблюдения законов как физическими и юридическими лицами, так и органами государственной власти, должностными и иными лицами, которые осуществляют государственные функции и должны действовать в пределах предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. При этом должно быть исключено формальное применение закона, не соответствующее духу права и справедливости (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2011 году»).

Важнейшими задачами социально-экономического развития являются создание и развитие правовых условий и механизмов формирования конституционной экономики как важнейшей составляющей формирования социального государства. Такие условия и механизмы, как отметил Конституционный Суд, должны отвечать конституционным положениям о предоставлении всем равных прав в целях осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, гарантий равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности, равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; о регулировании экономической деятельности в интересах человека и общества; об обеспечении направления и координации государственной и частной экономической деятельности в социальных целях (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2010 году»). Конституционный Суд также указал, что для устойчивого и эффективного социально-экономического развития необходимы оптимальное сочетание экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, учет взаимного влияния правовых и экономических факторов при принятии государственных решений в сфере экономики; при этом Парламент при осуществлении законодательной деятельности волен сделать выбор, считающийся целесообразным для социально-экономического развития страны (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году»).

Ряд предложений Конституционного Суда основан на учете особенностей текущего периода. Так, обращено внимание на то, что развитие информационного общества и информационного государства создает новые условия, а также новые возможности для обеспечения и защиты социально-экономических прав граждан, эффективной реализации государством своих функций. Как отметил Конституционный Суд, информационное измерение изменяет роль права собственности, интеллектуальных и иных прав, порядок и способы их защиты, наряду с концептуальной модернизацией института собственности не только как экономической категории, но и социокультурного фактора развития общества с учетом интересов будущих поколений. В связи с этим правовое регулирование института собственности должно оперативно

учитывать интенсивное развитие современных экономических отношений, созидательные и стимулирующие возможности права собственности, его социокультурные аспекты, быть адаптировано к цифровым технологиям и инновациям (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году»).

В условиях глобализации и интеграции, углубления взаимодействия международного и национального права Конституционный Суд указал на роль международного права как правовой гарантии международной безопасности и эффективного сотрудничества, при этом подчеркнув, что в целях охраны основ конституционного строя необходимо, чтобы в наднациональном законодательстве уровень защиты прав и свобод граждан был не ниже, чем предусмотрено Конституцией (Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году»).

На создание для этого соответствующих правовых условий направлены предложения Конституционного Суда, содержащиеся в ряде его посланий, в частности: о выработке действенных механизмов обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, конституционных основ государственного устройства, сохранения правового суверенитета и конституционной идентичности; о выработке правовых механизмов и процедур, обеспечивающих ясное соотношение различных правовых порядков и национального законодательства, легитимность решений интеграционных органов и баланс национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, фундаментальных конституционных основ белорусского государства, обуславливающих конституционную идентичность; о развитии правовых гарантий соблюдения принципа субсидиарности в отношениях с наднациональными органами; о разработке концепции унификации законодательства в рамках Евразийского экономического союза; о создании эффективных механизмов защиты прав и законных интересов граждан в интеграционных отношениях.

В числе конкретных мер совершенствования правового регулирования Конституционным Судом обращено внимание на необходимость: своевременного законодательного регулирования реализации прав нового поколения; принятия нормативных правовых актов, направленных на защиту персональных данных граждан, обеспечение информационного суверенитета и кибербезопасности страны; модернизации законодательства о местном самоуправлении исходя из необходимости оптимального использования как государственно-правового воздействия, так и действия внутренних механизмов саморегуляции, активного участия в реализации социальной политики, наряду с государственными органами, производственных и общественно-профессиональных организаций; выработки новых подходов к кодификации, определению критериев правового регулирования на уровне законов и уровне подзаконных актов, обеспечивающих исключение избыточного правового

регулирующего, излишней детализации отдельных положений и неоправданно частой терминологической корректировки; модернизации гражданского законодательства путем разработки и принятия нового Гражданского кодекса; совершенствования и кодификации законодательства в области интеллектуальной собственности, создание должных правовых механизмов для обеспечения активного участия граждан в приватизационных процессах объектов собственности и инвестировании экономики; развития правового регулирования в сфере социального предпринимательства, разработки соответствующих стимулирующих регуляторных механизмов; совершенствования правового регулирования, создающего условия для конструктивного участия граждан на принципах сотрудничества в процессах управления на местном, региональном и общегосударственном уровнях; введения специализированного административного судопроизводства, определяющего порядок рассмотрения споров между гражданами и государством в лице государственных органов и должностных лиц.

Таким образом, ежегодные послания Конституционного Суда Республики Беларусь являются особыми юридическими документами, в которых на основе углубленного осмысления конституционных положений указывается на конституционно-правовые ориентиры социально-экономического развития общества и государства в современных условиях, направления наиболее полной реализации конституционных ценностей, принципов и норм в экономических и социальных отношениях.

## **ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ И МЕСТО В НАУКЕ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ<sup>1</sup>**

**Т.И. Макарова**

*заведующий кафедрой экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор*

Формирование собственного понятийно-категориального аппарата – одна из важнейших задач науки, и юридическая наука, для которой точность и единообразное толкование терминов являются не только условием взаимопонимания между учеными, но и фактором, обеспечивающим единую правоприменительную практику, не составляет исключения. Ранее мы обращали внимание на то обстоятельство, что после перехода науки со всеобщего средства общения – латыни на национальные языки, ее

---

<sup>1</sup>Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского экономического союза».

обязательным атрибутом становится постоянная дискуссия о терминологии. В этом смысле категориальный аппарат юридической науки зачастую осложнен ещё и двойным (научным и бытовым) смыслом применяемых понятий [1]. Науке экологического права свойственны все вышеназванные проблемы, к которым она присовокупляет свои собственные особенности, обусловленные предметом – общественными отношениями, которые подлежат регулированию эколого-правовыми нормами. Эти общественные отношения лежат в сфере взаимодействия человека (общества) с окружающей средой, как средой его обитания. Основу экономики всех социально-экономических формаций, ее материальный базис составляет использование природных ресурсов, что и порождает все экологические проблемы. Осознав это в середине XX в., человечество последовательно формирует на международном и национальном уровнях меры противодействия загрязнению окружающей среды. Так сформировалось современное содержание науки экологии, в числе прикладных задач которой не только прогнозирование и оценка потенциальных отрицательных последствий экономической деятельности, но и обоснование соответствующих природоохранных мер и мероприятий на основе теории взаимоотношения природы и общества, где человечество рассматривается как неотъемлемая часть биосферы [2, с. 6–8; 3, с. 18–23]. Такого рода меры охраны окружающей среды для того, чтобы их можно было применять в практической деятельности, должны быть оптимально закреплены в законодательстве. Таким образом, главной особенностью правового механизма охраны окружающей среды и соответственно научной эколого-правовой терминологии является внешне обусловленный (зависимый в первую очередь от науки экологии) характер формирования входящих в него институтов, что зачастую обусловлено открытием или научным обоснованием на уровне естественных наук новых закономерностей, влекущих дополнительные воздействия на окружающую среду и требующих создания новых инструментов ее охраны. При этом практика природоохранной деятельности не стоит на месте: появляются новые подходы и основанные на них способы ее осуществления, что влечет внесение дополнений в экологическое законодательство [4].

Изучение процессов, формирующих охрану окружающей среды на глобальном и национальном уровнях, позволяет утверждать, что эти процессы затрагивают не только отдельные природоохранные средства и регламентирующие их правовые институты, но и основополагающие, системообразующие категории экологического права. Так, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) понятие «охрана природы» было трансформировано в системообразующий термин «охрана окружающей среды» (Резолюция ГА ООН «Экономическое развитие и охрана природы» от 18 декабря 1962 г. № 1831/XVII); признана роль благоприятной окружающей среды для соблюдения основных прав человека (Резолюция ГА ООН «Проблемы окружающей человека среды» от 3 декабря 1968 года № 2398/XXIII); подтверждена связь социального прогресса с охраной

окружающей среды (Резолюция ГА ООН от 16 декабря 2005 г. № 60/157 «Право на развитие»); декларациями международных конференций ООН введена концепция устойчивого развития, как сочетания взаимодополняющих основ – экономической, социальной сфер и охраны окружающей среды, реализуемых на глобальном, региональном, локальном уровнях (Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 1992 г., Саммит по устойчивому развитию, Йоханнесбург, 2002 г.); посредством концепта «зеленая» экономика» подтверждена связь экономического развития и социального прогресса с сохранением окружающей среды (резолюции ГА ООН от 27 июля 2012 года 66/288 «Будущее, которого мы хотим», от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года») [5].

Итак, мы видим, что системообразующая эколого-правовая категория «охрана окружающей среды», официально появлению которой мы обязаны международным усилиям, не статична: в ее развитии прослеживается путь от понимания ее как деятельности по сохранению природы, то есть отказу от воздействия на естественные экологические системы и проистекающие в них процессы, до признания обусловленности сохранения окружающей среды экономическим развитием и социальным прогрессом, что уже само по себе вступает в диалектическое противоречие с первоначальным пониманием охраны природы. На уровне национального права эта ключевая эколого-правовая категория воспринимается своеобразно, но не только по причине языковых различий (о чем мы вели речь в начале этой статьи), но также в силу правовых традиций. Так, в российской науке и законодательстве вплоть до 2002 г. (а в украинской – до сих пор [6]) использовался термин «окружающая природная среда» Задачами «природоохранительного законодательства Российской Федерации» согласно Закону РФ от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» признавались: «регулирование отношений в сфере взаимодействия общества и природы с целью сохранения природных богатств и естественной среды обитания человека, предотвращения экологически вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, оздоровления и улучшения качества окружающей природной среды, укрепления законности и правопорядка в интересах настоящего и будущих поколений людей» [7]. Первая редакция Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (от 26 ноября 1992 г.) [8], хотя по названию соответствовала признанному международному подходу, несла на себе явный отпечаток концепции, существовавшей со времен принятия Закона БССР «Об охране природы» [9], поскольку в ней в качестве объекта правоотношений рассматривались «объекты природы, подлежащие охране» (ст. 3). Редакция Закона, принятая 17 июля 2002 г. определяет объект иначе – «объекты отношений в области охраны окружающей среды», и хотя перечни таких объектов первой и второй редакций практически идентичны (земля, недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, леса, растительный и животный

мир, особо охраняемые природные территории, типичные и редкие природные ландшафты и др.), однако второй редакцией Закона эти объекты включены в природно-социальный комплекс – окружающую среду, представляющую собой согласно ст. 1 данного закона соединение природной среды, как «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов» сантропогенными объектами [10]. В таком контексте окружающая среда – это среда обитания человека как биологического вида и социального индивида, а ее охрана – постоянный процесс сохранения и поддержания в благоприятном состоянии природной среды средствами предотвращения вредного воздействия на окружающую среду со стороны деятельности, осуществляемой посредством и при помощи антропогенных объектов, как объектов, созданных человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающих свойствами объектов природных [10, ст. 1].

Если появление категории «окружающая среда» (англ. – «environment») и наполнение понятия «охрана окружающей среды» (англ. – environmental protection) конкретным содержанием представляет собой поддающийся правовому анализу динамичный процесс, изучение которого возможно на основе и с использованием правовых документов международного и национального уровня, то другое, активно используемое наукой понятие «экологическая безопасность» и сопряженное с ним «обеспечение экологической безопасности» оказывается феноменом совсем иного порядка. Первое, на что следует обратить внимание, что в правовых документах это понятие появляется практически одновременно с переходом к концепции охраны окружающей среды (что, безусловно, объединяет эти понятия), и в зависимости от контекста (естественнонаучного или правового) имеет различающееся наполнение и в английском языке составляет два самостоятельных термина<sup>2</sup>.

В развитии учения об обеспечении экологической безопасности (в отличие от продемонстрированного ранее становления понятия «окружающая среда» и ее охрана) мы не обнаружим четких вех, по которым можно проследить процесс эволюции данной научной категории, но зато обнаружим множество научных подходов в определении сущности такого явления, как «экологическая безопасность» и ее обеспечение. В науке экологического права по-разному воспринимается как само это понятие, так и истоки его появления. Оттолкнемся от формального взгляда: законы Республики Беларусь и Российской Федерации «Об охране окружающей среды» определяют этот термин идентично: белорусский закон как «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [10, ст. 1]; российский закон – как «состояние защищенности природной среды

---

<sup>2</sup>См., например: «Legal support of environmental safety as a reaction to environmental threats...» или «Criteria for ecological safety in science and technology».



и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [11, ст. 1]. Эколого-правовой наукой признается, что «состояние защищенности» обеспечивается посредством соблюдения требований в области охраны окружающей среды, которые в Законе Республики Беларусь также определены как требования экологической безопасности. Критерием этого состояния названы обязательные условия, установленные нормативными правовыми актами, а также техническими актами в области охраны окружающей среды» [10, ст. 1; 11, ст. 1]. В украинской эколого-правовой науке право экологической безопасности обособляется в качестве самостоятельной части экологического права со своим предметом – общественными отношениями, называемыми авторами этой концептуальной идеи «антропоохранными», и даже обосновывается как подотрасль экологического права [12]. В науке экологического права, как поддерживается взгляд на самостоятельность и отдельность отношений по обеспечению экологической безопасности от отношений по охране окружающей среды [напр., 13-17], так и критикуется выделение понятия в качестве самостоятельной правовой категории в силу того, что в практической деятельности обеспечение экологической безопасности не реализуется как самостоятельное направление, осуществляемое отдельно от охраны окружающей среды [18-19]. На что, как нам представляется, следует обратить внимание при сравнении категорий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности», так это «беспредметность» последней, что видно уже из легального определения, фиксирующего «состояние защищенности окружающей среды», что позволяет согласиться с позицией ученых (М.М. Бринчука, Р.Х. Гиззатуллина), доказавших, что обеспечение экологической безопасности не реализуется как самостоятельное направление, осуществляемое отдельно от охраны окружающей среды. Однако это направление имеет под собой стратегический фундамент, поскольку рассматривается в качестве самостоятельного направления национальной безопасности в соответствии с документами программного характера, в частности, Республики Беларусь [20] и Российской Федерации [21]. Именно это обстоятельство переводит наши рассуждения в принципиально иную плоскость и придает понятию экологической безопасности конкретность относительно территории, на которой требуемое «состояние защищенности окружающей среды» подлежит обеспечению.

В таком контексте экологическая безопасность как совокупность факторов окружающей среды и воздействующей на нее хозяйственной деятельности не только определенное состояние, но еще и процесс, «вписанный» в конкретное жизненное пространство, на что, в частности, указывают Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г., № 575 [20] и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом

Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., № 683 [21], документы, устанавливающие стратегические основы национальной безопасности (включая безопасность экологическую) в отношении территории соответствующего государства. Это обстоятельство добавляет к характеристике категории «экологическая безопасность» (состояние защищенности, совокупность эколого-значимых процессов) еще и фактор территории или жизненного пространства, для которых эти состояния и процессы актуальны.

Здесь мы подходим к обоснованию понятия «эколого-безопасное пространство», определению его содержания как категории науки экологического права. Формирование пространства, в котором происходит взаимодействие общества с окружающей средой обуславливается не только факторами природного и техногенного характера (что было показано ранее), которые в восприятии философской науки получили определение «социоприродных трансформаций», основными признаками которых называются «дегуманизация техники и технологии, процессы технического и технологического воздействия человека на природу» [22, с. 11], но и политическими и институциональными процессами. Причем проистекают эти процессы на всех уровнях – международном, региональном, внутригосударственном, локальном.

В политическом плане формирование понимания эколого-безопасного пространства должно базироваться на политической воле и взаимном желании государств выстраивать общие основы обеспечения благоприятности окружающей среды. В качестве позитивного примера приведем процессы становления международных организаций уровня ООН по охране окружающей среды, к которым относятся создание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) резолюцией XXVII сессии ГА ООН № 2997/XXVII от 15 декабря 1972 г. в соответствии с рекомендациями Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде и трансформация юридического статуса главного исполнительного органа – Совета управляющих ЮНЕП в Ассамблею ООН по окружающей среде ЮНЕП с представительством всех 193 государств-членов ООН и функциями основного управляющего и нормотворческого органа ЮНЕП в области охраны окружающей среды на высшем уровне на основании резолюции ГА ООН от 13 марта 2013 г. № 67/251[5]. С другой стороны, исследуя ранее содержание Договора об учреждении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [23], мы были вынуждены констатировать, что проведение согласованной экологической политики не заявлено в качестве самостоятельной цели учреждения данного союза, хотя очевидно, что избежать воздействия на окружающую среду в процессе формирования единого экономического пространства объективно невозможно [24].

На региональном уровне на формирование пространства экологической безопасности межгосударственных образований (например, ЕАЭС) оказывает влияние и геополитический фактор. Государства-члены ЕАЭС территориально принадлежат к различным в географическом отношении частям Евразии

(Беларусь – европейской, Казахстан и Кыргызстан – азиатской, Россия – евроазиатской), а также одновременно являются членами иных межгосударственных образований (ШОС, БРИКС), что формирует новые, как бы накладывающиеся одно на другое пространства, каждое со своим кругом общественных отношений и правосубъектностью членов. И здесь мы видим, что интересы государств-членов могут серьезно разниться. Так, для Республики Беларусь, не высказывающей политического устремления на ассоциацию или членство в Европейском Союзе, ввиду наличия общей границы с тремя государствами этого союза (Польша, Литва и Латвия) неотъемлемой частью экологической политики становится согласование и гармонизация природоохранных подходов с ЕС. Республикой Казахстан в программном документе «Стратегия «Казахстан-2050» поставлена цель к 2050 году войти в число тридцати самых развитых государств мира и достигнуть фундаментальных показателей развитости государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития [25]. Для такого государства как Российская Федерация фактором формирования эколого-безопасного пространства являются, как сама территория, так и федеративное устройство, обуславливающие «единство и многообразие российского эколого-правового пространства» [26] и различия в подходах к институализации охраны окружающей среды [27].

Подводя итог, мы констатируем, что современной доктрине экологического права, ее научно-категориальному аппарату недостает определенных параметров, которые могут быть введены понятием «эколого-безопасное пространство». Если «окружающая среда», как среда обитания человека, – это конкретный набор компонентов природной среды (земля, недра, воды растительный мир, животный мир, атмосферный воздух), природных объектов и природных комплексов (леса, реки, типичные и редкие ландшафты, особо охраняемые природные территории), природно-антропогенных объектов, т.е. созданных деятельностью человека и имеющих признаки природных объектов (парки, водохранилища и др.) и антропогенных объектов (вся инфраструктура жизнеобеспечения человека); «экологическая безопасность» – определенное, заданное на уровне технических нормативных правовых актов, безопасное для человека состояние окружающей среды, тогда «охрана окружающей среды» – процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов и инструментов, обеспечивающих и поддерживающих экологическую безопасность. Другими словами, речь идет о процессах, поддерживающих определенное экологическое состояние. Отсутствует территориально-пространственный признак, указывающий на то, в границах какой территории осуществляются такого рода процессы с соответствующим (обеспечение экологической безопасности) результатом.

Будучи реалистами, мы понимаем, что на больших пространствах, например, Евразийского экономического союза, сложно добиться одинаково безопасного состояния окружающей среды, но это не означает, что не следует

стремиться к такому состоянию. Ранее мы указывали на расширение сферы, подлежащей эколого-правовому регулированию, как объективный фактор, который нельзя не учитывать при осмыслении направлений развития правового пространства в целом [24], теперь обращаем внимание, что введение пространственного критерия, как возможности очертить для определенной территории институциональные рамки, устанавливаемые международным договором, межгосударственным соглашением, законом, позволяет конкретизировать объект (территорию) в отношении которой применимы эколого-правовые меры. В этом смысле вошедшее в научный оборот (используемое, в том числе и автором) понятие «эколого-правовое пространство», должно восприниматься как абсолютная юридическая фикция, но дополненное факторами объективного порядка – уровень экономики, социальная сфера, установленные правом природоохранные средства, применение которых возможно на определенной территории, формирует «эколого-безопасное пространство», как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды и применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

#### **Библиографический список**

1. Лизгаро, В.Е., Макарова, Т.И. Терминология экологического права: проблемы единообразного понимания и подходов к унификации // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н.Бибило (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2006. — Спец. вып. — С. 164-173.
2. Передельский, Л.В, Коробкин, В.И., Приходченко, О.Е. CD Экология: электронный учебник. — М.: КНОРУС, 2009.
3. Дроздов, В.В. Общая экология. — СПб.: РГГМУ, 2011. — 412 с.
4. Кванина, В.В., Макарова, Т.И. Экологический комплаенс в системе правовой охраны окружающей среды / В.В.Кванина, Т.И.Макарова // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2020. — № 1. — С. 95-101.
5. Резолюции Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] — Официальный веб-сайт Организации Объединенных Наций – Режим доступа : <https://www.un.org/ru/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> – Дата доступа – 11.11.2020.
6. Про охорону навколишнього природного середовища[Электронный ресурс]: Закон України, 25 червня 1991 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 41. – Ст.546.
7. Об охране окружающей природной среды : Закон Российской Федерации от 19 дек. 1991 г. – М.: Республика, 1992. – 64 с.
8. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1993. – № 1. – Ст. 1.

9. Об охране природы в Белорусской ССР :Закон БССР, 21 дек. 1961 г. // СЗ БССР. – 1961. – № 38. –Ст. 380.
10. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП: в ред. Закона от 17 июля 2002 г. № 126-З ( с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]:Федер. Закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020
12. Краснова, Ю.А. Право екологічної безпеки України: теоретичні аспекти :монографія. - Київ: НУБіПУ України, 2017. - 589 с.
13. Колбасов, О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) / О.С.Колбасов // Совет. государство и право. – 1988. – № 12. – С. 47–55.
14. Тимошенко, А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А.С.Тимошенко // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 84–92.
15. Копылов, М.Н. О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» / М. Н. Копылов // Изв. вузов. Правоведение. – 2000. –№ 1. – С. 113–120.
16. Русин, С.Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) / С. Н. Русин // Экол. право. – 2010. – № 5. – С. 12–18.
17. Краснова, И.О. Экологическая безопасность как правовая категория [Электронный ресурс] / И. О. Краснова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
18. Бринчук, М.М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? / М. М. Бринчук // Государство и право. – 1994. – № 8-9. – С. 118–127.
19. Гиззатуллин, Р.Х. О параметрах экологической функции государства / Р. Х. Гиззатуллин // Экол. право – 2008. – № 2. – С. 10–14.
20. .Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 (ред. от 24.01.2014) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
22. Арсанукаев, Р.Х. Эколого-безопасное развитие: философско-методологический анализ :автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Р.Х. Арсанукаев ; ФГОУВПО «Росс. акад. госуд. службы при Президенте Росс. Федерации» – М., 2009. – 30 с.

23. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : 29 мая 2014 г. (в ред. от 08.05.2015) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

24. Макарова, Т.И. Право окружающей среды Евразийского экономического союза: проблемы формирования / Т.И.Макарова // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т.И.Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 55-58.

25. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» : Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана от 14 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] : Официальный сайт Президента Республики Казахстан – Режим доступа : [http://www.akorda.kz/ru/official\\_documents/strategies\\_and\\_programs](http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs) – Дата доступа – 15.10.2020.

26. Боголюбов, С.А. Единство и многообразие российского эколого-правового пространства / С.А.Боголюбов // Журнал российского права. — 2017. — № 11. — С.73-81.

27. Макарова, Т.И. Институционализация охраны окружающей среды как фактор реализации экологической политики на уровне законодательства субъектов Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. – 2020.– Т. 20. – № 1. – С. 90-94.

28. Макарова, Т.И. Юридический инструментализм как метод формирования эколого-правового пространства / Т.И. Макарова // Екологічне право України (Украина). – 2017. – № 1-2. – С. 40-46.

## **ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС: ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Т.Н. Михалёва**

*декан юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Построение единого рынка в современном мире было бы не только неполным без включения цифровой повестки в правовую и организационную материю интеграционных объединений, но и малоэффективным. Формирование единого рынка определяют через создание единого пространства со свободой движения определенных факторов, к которым классически относят товары, услуги, капитал, трудовую силу [1, с. 61]. Мы сегодня соотносим суть эффективной межгосударственной интеграции со свободой движения ресурсов развития, и в предстоящей нам перспективе эти

ресурсы во многом связаны именно с цифровой трансформацией, в том числе с созданием социо-цифровых сетей.

Цифровая трансформация повседневной жизни, бизнес-среды, государственного управления требует не только внедрения инновационных правовых и институциональных инструментов, но создание единого цифрового пространства в интеграционном объединении, подключение пятой свободы – свободы движения информации внутри интеграционного объединения. Безусловно, такие процессы должны быть органично обусловлены укреплением кибербезопасности, защиты данных, инновационным регулированием вопросов управления информацией.

Проникновение цифровых технологий и главенство информационно-коммуникативного элемента в современных отношениях уже отразилось на формировании повестки ведущих интеграционных объединений. Так, в 2014 году в ЕС стартовала Стратегия цифрового рынка - спустя 7 лет после перехода Европы к этапу экономического и валютного союза на основании Лиссабонского договора.

В ЕАЭС цифровая повестка была запущена в 2016 году, менее чем через два года после подписания Договора о Евразийском экономическом союзе. В декабре 2020 года премьер-министр Российской Федерации на Первом Евразийском конгрессе предложил, что к четырем свободам рынка должна добавиться еще одна – свобода движения информации. В настоящее время предложен комплекс мероприятий по формированию Единого цифрового пространства. При этом изначально в учредительных актах Союза заложена готовность к цифровой трансформации экономики и общественных отношений, базирующаяся на ряде общих и специальных норм Договора, несмотря на то, что буквально в тексте употребляются категории, связанные прежде всего с информационным обеспечением интеграционных процессов и информационным взаимодействием.

Ученые справедливо указывают на цифровую трансформацию интеграции, синергетический эффект в достижении интеграционных целей, важность научного обобщения для эффективности развития цифрового интеграционного пространства [2, с. 10].

Адаптация существующего права к новым цифровым отношениям возможна, но без создания новых норм не обойтись [3, с.5]. Этот тезис в полной мере относится и к интеграционному праву.

Не вполне можно согласиться с выводом о том, что «специфической чертой модели ЕАЭС является выделение направлений и приоритетных инициатив как основы проработки проектов государственно-частного партнерства», аспектом которой «является политико-правовая модель интеграции», закреплённая в соответствующих инструментах п цифровизации [4, с. 126]. Программный метод используется в различных видах и в иных интеграционных объединениях. Например, в ЕС также применяется стратегическое планирование, разработка общих приоритетов, метод открытой

координации (Strategy: the European Commission`s Priorities). Что действительно могло бы стать инновационным с точки зрения правового прогнозирования и программно-стратегического планирования особенно в динамичную цифровую эру, это системная кратко-, средне- и долгосрочная постановка (и корректировка при необходимости) целей и задач.

В настоящий момент действует ряд основных актов стратегического характера по цифровой повестке: план мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 года № 19, Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12, Концепция трансграничного информационного взаимодействия, утвержденная Решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 7.

В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года «О стратегических направлениях развития экономической интеграции до 2025 года» направление 5 посвящено формированию цифрового пространства Союза, цифровых инфраструктур и экосистем и включает в себя девять основных сегментов цифровой трансформации: прослеживаемость товаров в ЕАЭС, трансграничное пространство доверия и электронный документооборот, интегрированная информационная система Союза, цифровые экосистемы (в т.ч. оборот данных, защита персональных данных), цифровая трансформация в сфере интеллектуальной собственности, электронная торговля, внешняя цифровая повестка, повышение технического обеспечения цифровизации (беспрепятственный интернет-трафик) и совершенствование механизмов проработки инициатив и реализации проектов.

Анализируя эти трэки цифровой трансформации, следует отметить, с одной стороны, их комплексность (от технического оснащения к единым информационным системам), но с другой - их торгово-экономический характер, в основном. Активно же развивающийся Союз необходимо воспринимать и как новое информационное пространство. Возникновение нового информационного пространства требует системных антиэнтропийных механизмов, прежде всего аксеологических, ценностных установок. На ялтинской конференции, проводимой журналом «Международная жизнь» ежегодно, в 2017 году прозвучала идея об актуализации общей исторической памяти и важности управления информационными потоками, для формирования позитивного имиджа в массовом сознании, привлекательность государств-участников ЕАЭС в том числе вовне, на международной арене.

С точки зрения цифровизации вопрос расширения информационного присутствия, позитивного «брендирования» евразийского интеграционного проекта видится в создании собственного домена первого (верхнего) уровня. Все официальные сайты в настоящее время размещены на домене «.org» -



eurasiancommission.org, courteurasian.org. Этот домен первого уровня используется большинством международных организаций и в целом представляется удобным и достаточно безопасным. Однако с точки зрения определения евразийского взаимодействия как выходящего за пределы классического международного сотрудничества к созданию наднационального интеграционного проекта, со своей парадигмой развития, стратегией внутреннего и внешнего позиционирования, т.е. создания евразийского «бренда», переход евразийских акторов (официальных союзных органов, дополнительных интеграционных неправительственных организаций, юридических и физических лиц-резидентов ЕАЭС и т.п.) может стать сильным аргументом прогресса евразийской интеграции, реализации Единого Цифрового Пространства.

Вопрос о регистрации в ICANN домена верхнего уровня ЕА, по аналогии с доменом Европейского союза .EU обсуждался в 2014 году, однако идея не реализована. Безусловно, при регистрации такого домена верхнего уровня речь будет идти и о том, чтобы его администратором был сам Союз, что потребует наделения его органов специальной компетенцией в данной сфере, то есть достижения соответствующих договоренностей между государствами-членами. Соответственно, ЕАЭС сможет устанавливать правила для пользователей, в том числе такого рода, чтобы сайты и ресурсы располагались на серверах в пределах территории Союза и др.

Не стоит забывать, что с точки зрения международного экономического права именно интеграционные объединения могут (в этом их цель, собственно) избегать условий наибольшего благоприятствования для третьих стран по тем позициям, где предоставляют в своих рамках государствам-членам более льготные условия взаимной торговли. Более того, они могут вводить ограничения во внешней торговле, исходя из интересов, угроз и рисков для интеграционного объединения. Европейская стратегия в области данных, судебная практика в этой сфере, проект акта о цифровых рынках 2020 г. являются элементами формирования системы защиты внутреннего цифрового пространства. Аналогичным образом есть все основания и в евразийском регионе сочетать развитие свободы движения информации и цифровых ресурсов со стратегией защиты информационного и цифрового Союза извне.

В Цифровой повестке ЕАЭС цифровая трансформация позиционируется как драйвер интеграции, в связи с чем при дальнейшем раскрытии п. 5.4 Стратегии развития ЕАЭС в реализационных актах Комиссии, международных договорах в рамках Союза следует обратить пристальное внимание на кросс-отраслевые решения и построение цифровых экосистем. Этот тренд в целом характерен для цифровой эпохи, в отношении же интеграции он особенно важен, так как способен мультиплицировать эффект перелива (spill-over effect).

Цифровизация различных отраслей экономики в масштабах интеграционного проекта должна сопровождаться поддержанием транспарентности и доступности интеграционных ресурсов, созданием единых

информационно-телекоммуникационных сетей и возможностью ими пользоваться гражданам и резидентам государств-членов, физическим и юридическим лицам. При введении института единого гражданства Союза, без чего, как мы полагаем не обойтись на пути дальнейшего построения ЕАЭС, целесообразно закрепление единых цифровых прав и обязанностей за гражданами. Вместе с тем, начать проработку и закрепление цифровых прав и обязанностей (подчеркнем, только в такой неразрывной связи, поскольку большие возможности цифровизации порождают и большие угрозы) можно уже сейчас на уровне Комиссии.

При проектировании Единого цифрового пространства необходимо закладывать возможность предоставления органами интеграции электронных услуг физическим и юридическим лицам. По аналогии с процессами G2B (government to business) и G2Px (government to persons) - элементы электронного правительства – целесообразно создание цифровых коммуникаций в процедурах между органами интеграционного объединения и бизнесом, а также гражданами. Это значительно «приблизит» разноуровневых акторов интеграции, позволит сделать интеграционную систему мультисубъектной полицентричной сетевой моделью – наиболее эффективным типом построения социосистем в современном мире.

Так, процедуры обращения заявителей в Суд ЕАЭС должны постепенно быть приведены к цифровому стандарту (например, направление электронными средствами связи любых процессуальных документов, использование электронной цифровой подписи) с поэтапным приведением к более сложным элементам электронного правосудия (например, создание электронных кабинетов и администрирование судопроизводства с использованием технологий, внедрение телекоммуникационных технологий на различных стадиях отправления правосудия). Эти и любые иные вопросы цифровизации деятельности органов ЕАЭС требуют тщательного планирования и правового обеспечения, начиная от включения соответствующих положений в акты первичного права Союза и заканчивая техническими правовыми актами.

Необходимо единообразное и в конечном итоге единое регулирование обращения данных в ЕАЭС, определение четких подходов к разделению данных, какими целесообразно обмениваться в рамках интеграционных процессов, а какую информацию следует хранить исключительно в государстве-члене, а также выработать механизмы обеспечения безопасности данных (например, обезличивание), которые могут помочь расширить перечень видов информации для обмена. Оценивая это с юридической точки зрения, в рамках предусмотренной в настоящее время в Договоре компетенции Союза и государств-членов и возможных правовых инструментов взаимодействия это может быть сделано в форме международного договора в рамках Союза. В дальнейшем целесообразно отнесение этой компетенции в сферу единой политики и принятие соответствующего акта прямого действия обязательной юридической силы – например, решения ЕЭК.

Цифровая эпоха дает нам возможность «приблизить» интеграцию к многочисленному населению Евразийского экономического союза, сделать его институты понятными, создать действительно «пространство без границ» для торговли, общения, безопасности при сохранении национальной идентичности, суверенных прав. Расширение цифровой компетенции Союза актуально в областях, где правовое регулирование происходит в направлении унификации. Гармонизация информационного взаимодействия в иных сферах деятельности также необходима. Большие возможности цифровой эпохи порождают и вызовы в вопросах безопасности, этики, защищенности всех субъектов правоотношений. Это требует оперативного регулирования с привлечением экспертного потенциала на уровне Союза, а также схожих организационно-правовых механизмов реализации ответственности в случае нарушения установленных правил. Цифровая повестка ЕАЭС достаточно широкая, но и это лишь первые шаги на пути цифровой трансформации. Формирование прогнозной научно-обоснованной концепции развития Союза в цифровую эпоху сделает евразийский интеграционный проект эффективным, долгосрочным, устойчивым.

#### **Библиографический список**

1. Михалева, Т.Н. Правовое регулирование региональной экономической интеграции : вызовы и перспективы / Т.Н. Михалева. – Минск: Институт радиологии, 2016. – 196 с.
2. Хабриева, Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Н. Михалева. – Журнал российского права. – 2018 – 9 (261). – 5–16.
3. Талапина, Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Т.Н. Михалева. – Журнал российского права. – 2018 – № 2. – С. 5- 17.
4. Шугуров, М.В. Тенденции и перспективы развития региональной научно-технологической интеграции в контексте цифровой повестки ЕАЭС: политико-правовое измерение. Право и политика. / Т.Н. Михалева. – 2020. – № 9. – С. 119-141.

# **АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ПОЗНАНИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

**В.И. Павлов**

*начальник кафедры теории и истории государства и права  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент,  
Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Республики Беларусь*

Эффективное развитие национальной правовой системы Республики Беларусь, своевременные ответы на вызовы угрозам национальной безопасности в социально-правовой сфере, противодействие преступности требуют не только наличия разветвленной системы юридических гарантий, но и развитой теории и методологии правового познания. В условиях кризиса западноевропейской юридической методологии, связанной с упадком нравственности и правовой культуры, невозможностью разрешения проблемы мигрантов, девальвации учения о правах человека, приводящих к резонансным преступлениям и резкому падению уровня безопасности жизни населения, отечественная правовая школа нуждается в разработке собственных методологических подходов в праве на уровне общеправовой теории. Антропологический кризис, наблюдаемый в Европе, выражающийся в низкой эффективности традиционных механизмов правовой охраны личности вынуждает обратиться к базовым теоретико-методологическим основаниям построения теории правового познания – к проблеме человека и субъекта права.

Любой правопорядок основывается на отражении в правовом регулировании определенной антропологической модели и социальных ожиданий, исходящих от населения конкретного региона и конкретной культуры. Поэтому без понимания базовой модели человека в праве и антрополого-правовых оснований человеческого поведения, проявляющихся в конкретном обществе и правопорядке, невозможно эффективно формировать систему законодательства и в целом выстраивать правовую политику, прежде всего, в сфере обеспечения национальной безопасности. Для этого требуются такие методологические подходы в правовом познании, которые в своей основе используют определенную антропологическую модель – модель правового человека. Разработка таких подходов возможна только в рамках проведения комплексных научных исследований, направленных на совершенствование и даже создание новых методологических подходов к решению актуальных задач правовой действительности, в том числе и в сфере деятельности правоохранительных органов. Одним из таких теоретико-методологических подходов является разрабатываемая автором антропологическая концепция права (антропология права) [1–3], которая выступает методологическим инструментом понимания, познания и преобразования правовой реальности, на основе которого возможно и развитие отраслевого юридического знания.

В юридической науке последних десятилетий антропология права рассматривается как универсальный инструмент теоретико-методологического и практического правового познания, занимающий самостоятельное место в современной общеправовой теории и соответствующий запросам юридической практики [4–8]. Антрополого-правовое исследование правовой реальности позволяет определить предмет и систему методов антрополого-правового познания, усовершенствовать понятийно-категориальный аппарат общеправовой теории, сформулировать новый – антропологический тип понимания права, выявить значение и место системы организации публичной власти в антрополого-правовом измерении. Практическая направленность антрополого-правового исследования состоит в возможности юридической антропологизации основных разделов общеправовой теории, наиболее связанных с человеком в праве – в частности, раздела о субъекте права (правонарушитель, потерпевший), правовом сознании, правотворчестве, правореализации, юридической ответственности.

Основная идея антропологической концепции права состоит в методологической переориентации правового познания с традиционного вопроса о праве и его сущности на вопрос о действующем в правовой реальности человеке. Подчеркнем, что антропологическая концепция права представляет один из множества других аспектов современного правового познания, которое на современном этапе развивается на основе методологического плюрализма. Наряду с антрополого-правовым познанием сохраняет свою значимость традиционная позитивистски ориентированная общеправовая теория, а также и другие концепции права – коммуникативная теория права, юридическая герменевтика, правовая феноменология, юснатурализм (конституционализм) и т.д.

В антропологии права методологическая переориентация на человека в праве традиционно отражается посредством формулирования принципа человекомерности права как базового начала антрополого-правового познания. Его можно сформулировать следующим образом: это главное исходное положение антропологической концепции права, которое означает представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком. Этот принцип обеспечивает представление правовой реальности в перспективе антропологической переориентации всех правовых, по преимуществу институционально оформленных правовых явлений, когда антропологический элемент постигается не только в субъектной, но и в человекомерной перспективе. Человекомерность же права предполагает концентрацию на личностных структурах человека в праве, прежде всего его ценностях и месте в различных юридических конструкциях и т.д. Иными словами, при разработке отраслевых моделей субъекта и человека в праве недостаточно использовать лишь традиционные формально-правовые свойства субъектности, которые не отражают ценностного наполнения конкретного опыта правового существования в конкретном правопорядке. Отражение же

этих ценностей а также практик правового существования, типов правового поведения и т.д. возможно только в случае широкого понимания правовой субъектности.

Еще одним аспектом антропологической концепции права является формулирование антропологического типа правопонимания. Поскольку правопонимание всегда связано с выяснением вопроса о сущности права, или, о «главном в праве», то применительно к антропологии права с учетом принципа человекомерности сущность права невозможно раскрыть без учета сущности человека, действующего в правовой реальности. В рамках антропологической концепции права поэтому нами была предпринята попытка переосмыслить понимание человека в праве, который стал рассматриваться не в сущностной, а в динамической, энергийной парадигме. Несмотря на то, что правопонимание в рамках антропологии права связано с человеком, тем не менее, в конструкции антропологического подхода к уяснению «главного в праве» присутствует как норма права, представленная нормативной системой права, так и факт правовой жизни, представляющий собой конкретное жизненное обстоятельство правовой действительности (правовой жизни), рассмотренное в аспекте его непосредственной фактической данности для человека в праве независимо от восприятия этого обстоятельства как формально-правового положения, определенного в гипотезе правовой нормы (эти и другие понятия, разработанные нами применительно к антропологической концепции права, представлены в «Аналитическом словаре основных терминов и понятий антропологической концепции права» [9]). Таким образом, антропологический тип правопонимания представляет собой такой способ понимания права, выявляющий главное в праве («сущность права») в едином правовом комплексе трех взаимосвязанных элементов правовой реальности – а) человека в праве; б) нормы права; в) факта правовой жизни. Из трех указанных элементов правовой реальности главное место принадлежит человеку в праве, который рассматривается в контексте энергийной парадигмы через понятия «правовое существование» и «правовая субъективация».

Завершая краткое описание методологического ядра антропологической концепции права следует отметить, что полученные результаты антрополого-правового исследования могут стать основой для формулирования предложений по совершенствованию правовой системы Республики Беларусь. В частности, на основе разработки антропологической концепции права станет возможным совершенствование национального законодательства в охранительных отраслях права – уголовном и административном материальном и процессуальном отраслях. Кроме того, станет возможным и совершенствование других элементов национальной правовой системы, в частности, упорядочение источников правового регулирования в рамках в том числе и ведомственного нормотворчества, развитие учения о норме права и юридической практике, в том числе и практике правоохранительных органов Республики Беларусь. Отдельное место будет уделено разработке юридической

ответственности в антрополого-правовом контексте. На сегодняшний день автором концепции уже сформулирован ряд результатов отраслевого характера, связанных с учением о субъекте права, правовым сознанием, правотворчеством, правореализацией, юридической ответственностью. В целом разработка антропологической концепции права позволит сформировать самостоятельное общетеоретическое научное направление в рамках национальной правовой школы, которое даст возможность по-новому, с учетом конкретного правопорядка и модели человека понимать и преобразовывать правовую реальность, обосновывать ее устойчивость и определенность.

### **Библиографический список**

1. Павлов, В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В.И. Павлов // Правоведение. – 2015. – №4. – С. 71–97.
2. Павлов, В.И. Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 325–376.
3. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017.
4. Дробышевский, В.С., Калинин, А.Ф. Введение в юридическую антропо-логию: проблемы методологии права. Ч. 1. – Чита : ЧитГУ, 2004.
5. Пучков О.А. Антропологическое постижение права / О.А. Пучков. – Екатеринбург : УрГЮА, 1999.
6. Рулан, Н. Юридическая антропология : учебник для вузов : пер. с фр. Л.П. Данченко, А.И. Ковлера, Т.М. Пиняльвера, О.Э. Залогойной / Н. Рулан. – М. : НОРМА, 2000.
7. Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб. : Изд. дом Алеф-Пресс, 2015.
8. Архипов, С.И. Субъект права: теоретическое исследование Монография. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
9. Павлов, В.И. Аналитический словарь основных терминов и понятий антропологической концепции права // Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 243–263.

# НАУЧНО-ПРИКЛАДНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ФОРМАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

**А.А. Пилипенко**

*заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования  
хозяйственной деятельности юридического факультета*

*Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Осуществление финансового (налогового) контроля предполагает проведение определенных процессуальных действий, первичной итоговой формализацией которых является акт проверки. При попытке обжаловать данный процессуальный документ, субъекты предпринимательской деятельности (налогоплательщики) сталкиваются с позицией, согласно которой акт проверки, не содержит обязательных (императивных) предписаний, влекущих для них юридические последствия, сам по себе не может нарушать их права и законные интересы и, соответственно, не является предметом обжалования в судебных инстанциях. Подтверждением того, что акт проверки не имеет самостоятельного юридического значения вне связи с решением, вынесенным на его основе, мы находим в ч. 1 ст. 227 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-З: «Юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или гражданин, а также прокурор вправе подать в суд, рассматривающий экономические дела, заявления о признании недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа, который не соответствует законодательству и которым нарушаются права и законные интересы юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или граждан, либо об обжаловании действий (бездействия) государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица, если считают, что нарушены права и законные интересы юридического лица, индивидуального предпринимателя или гражданина в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также что оспариваемый ненормативный правовой акт, обжалуемые действия (бездействие) противоречат законодательному или иному нормативному правовому акту» [1].

В то же время обратим внимание, что вопросы определения правового статуса акта проверки получили свое развитие в науке налогового права. При этом, данные исследования находятся в фокусе прикладного моделирования возможности налогоплательщика обжаловать результаты контрольных действий должностных лиц налоговых органов, которые формализованы именно в акте проверки, а не в окончательном решении по ее результатам. Проблематика данного вопроса показала наличие двух полярных точек зрения.

Первая группа авторов полагает, что налогоплательщик имеет право обратиться в судебные инстанции за защитой своих прав и законных интересов



путем обжалования акта проверки [2, с. 3; 3, с. 41; 4, с. 314–315; 5, с. 72]. Например, Ю.О. Савченко в самом общем виде полагает, что «для более полной защиты своих прав заинтересованные лица (организации и индивидуальные предприниматели) должны иметь право в определенных случаях обжаловать акт налоговой проверки в суд, причем как совместно с решением налоговых органов, так и отдельно» [5, с. 72]. С точки зрения О.В. Берга, «включение в акты проверки выводов о неуплате налогов нарушает права налогоплательщика, поскольку в случае распространения сведений о неуплате налогов они порочат его честь, достоинство или деловую репутацию, а в случае, если соответствующие сведения не распространялись, – причиняют ему моральный вред в форме нравственных страданий, связанных с обвинением в нарушении налогового закона» [2, с. 3]. По нашему мнению, данная точка не является достаточно обоснованной в контексте нивелирования вышеуказанным автором правовых аргументов, перенося их, в большей степени, в эмоциональную плоскость.

Вторая группа авторов придерживается точки зрения, согласно которой акт проверки не является предметом обжалования в судебных инстанциях, т.к. он не влечет для налогоплательщика никаких правовых последствий и является лишь основанием для вынесения соответствующего решения в отношении налогоплательщика [6, с. 201; 7, с. 385, 8, с. 645; 9, с. 31, 10, с. 89]. При этом, обозначенная группа авторов предлагает вариативность аргументов в пользу своей точки зрения. Как отмечают М.С. Белова, В.А. Кинсбургская и А.А. Ялбуганов, «акт налоговой проверки не обладает признаками ненормативного правового акта и не является самостоятельным документом процессуального характера, влекущим правовые последствия (так как сам по себе без соответствующего решения налогового органа не имеет юридической силы), а значит, и не может быть обжалован ни в судебном, ни в административном порядке» [6, с. 201]. Суждение Д.В. Тютина заключается в том, что «акт налоговой проверки (аналогично – протокол об административном правонарушении) разумно квалифицировать, как производное письменное доказательство, формулирующее претензии (обвинение) в нарушении закона к частному субъекту от имени уполномоченного публичного субъекта. Такая квалификация, в частности, означает, что подобный документ не может быть самостоятельно обжалован, с признанием его недействительным (незаконным). Но, одновременно, на подобный документ частным субъектом могут быть представлены возражения, которые должны быть учтены при принятии итогового правоприменительного акта уполномоченным публичным лицом» [8, с. 645]. Этот же автор в другом своем исследовании расширяет свою позицию по рассматриваемому нами вопросу: «Следует отметить, что сам по себе акт проверки не порождает и не может порождать обязанностей налогоплательщика по уплате доначисленных в акте налогов (пеней). Обязанность по уплате любого налога – следствие деятельности налогоплательщика, а не налоговых органов. Что же касается акта

проверки, то в нем может только фиксироваться мнение проверяющих налоговых инспекторов относительно того, по каким причинам и в каких именно суммах налогоплательщик не уплатил налоги в проверенном периоде и в каком размере подлежат уплате пени за неуплату этих налогов. В принципе, налогоплательщик, не возражающий против позиции проверяющих, может уплатить доначисленные налоги (пени) только на основании информации, содержащейся в акте проверки» [9, с. 31].

В контексте последней научной позиции отметим, что представление об акте проверки как о мнении проверяющих является достаточно популярным и прослеживается, в том числе, и у представителей белорусской налогово-правовой науки. Например, Е.П. Ярмош, в этой связи, констатирует следующее: «Поскольку акт проверки представляет собой субъективное мнение должностных лиц контролирующего органа, то основания для его обжалования отсутствуют. Обжаловать можно решение по акту проверки, в котором частное мнение проверяющих уже становится официальной позицией государства в лице налогового органа по отношению к налогоплательщику» [10, с. 89]. С нашей точки зрения сводить акт проверки к мнению должностных лиц контролирующих органов представляется не вполне последовательным в силу законодательных требований к данному процессуальному документу. Так, ч. 4 п. 59 Положения о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 (далее – Положение) [11] предусматривает, что в акте проверки должны быть соблюдены ясность и точность изложения выявленных фактов. Не допускается включение в акт проверки различного рода не подтвержденных документально фактов и данных о деятельности проверяемого субъекта. Аналогичные положения содержатся в ч. 1 п. 2 ст. 81 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) [12]. Учитывая, что вменяемые субъекту предпринимательской деятельности (налогоплательщику), императивно должны быть основаны на соответствующих нормах законодательства, в данном случае более правильно вести речь о правовой позиции контролирующего органа в лице его должностного лица. В то же время, учитывая повышенную фискализацию деятельности контролирующих органов, обремененную зачастую сомнительным правоприменением норм законодательства, приводит к тому, что научные изыскания приобретают направленность по детерминированию все большего субъективизма применительно к формализации итогов контрольных мероприятий.

Полярность взглядов на правовую природу акта проверки, являясь достоянием налогово-правовой науки, приобрела формализованные черты противоречивости и непоследовательности в соответствующих правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ). При этом следует обратить внимание на определенную непоследовательность правовых позиций органа конституционного правосудия Российской Федерации, который ранее отмечал следующее: «Акт выездной налоговой

проверки, в ходе которой обнаружено налоговое правонарушение, являясь итоговым актом налогового контроля, в то же время – поскольку в нем обосновывается факт правонарушения и наличие в деянии лица признаков состава правонарушения, указывается норма налогового законодательства, определяющая конкретный вид налогового правонарушения, диспозицию правонарушающего деяния и соответствующую санкцию, – выступает и в качестве правоприменительного акта, которым, по существу, возбуждается преследование за совершение налогового правонарушения, т.е. начинается процесс привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения» [13]. Аналогичная позиция содержится в другом акте КС РФ, в котором, в частности, указано, что «при выездной налоговой проверке итоговым актом налогового контроля и в то же время правоприменительным актом выступает акт проверки, который вручается проверяемому лицу. Налогоплательщик может представить свои возражения по акту в целом или по его части, поскольку этим актом возбуждается преследование за совершение налогового правонарушения, т.е. начинается процесс привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения» [14]. Соответственно, как отмечают А.В. Куракин и Д.В. Карпухин, «по мысли Конституционного Суда РФ, акт налогового контроля выступает в качестве правоприменительного акта, то есть юридического факта, порождающего негативные правовые последствия для правонарушителя – процесс привлечения к юридической ответственности» [15, с. 55]. Аналогичную позицию постулирует Е.П. Васькова [3, с. 41].

Содержательная интерпретация правового статуса акта налоговой проверки КС РФ прослеживается еще в одном акте данного органа конституционного правосудия: «У налогоплательщика право на представление своих возражений по правоприменительному акту возникает не с момента издания постановления о привлечении к налоговой ответственности и возбуждения преследования за совершение налогового правонарушения, а с момента предъявления налоговым органом требования представить соответствующие объяснения и документы, подтверждающие правильность исчисления и своевременность уплаты налогов, т.е. до привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. На налоговый орган также возлагается обязанность заблаговременно известить налогоплательщика о дате рассмотрения материалов проверки – не только выездной, но и камеральной, поскольку из названия и содержания статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации, определяющей процедуру привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности, следует, что она распространяется на производство по делам о правонарушениях, выявленных в ходе как выездной, так и камеральной налоговой проверки» [16]. Последнее интерпретационное положение КС РФ, по мнению А.В. Куракина и Д.В. Карпухина, «представляет собой особую ценность для научно-методологического исследования проблемы признания акта налоговой

проверки интерпретационным актом, поскольку предоставляет налогоплательщику возможность с момента предъявления налоговым органом требования до привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений. По сути, признание акта налоговой проверки индивидуальным ненормативным актом значительно повышает степень защиты прав налогоплательщика во взаимоотношениях с налоговыми органами» [15, с. 56].

Однако с течением времени КС РФ скорректировал свою позицию в части определения акта налоговой проверки в качестве правоприменительного акта: «Акт выездной налоговой проверки, как следует из положений статьи 100 Налогового кодекса Российской Федерации, предназначен для оформления результатов такой проверки и сам по себе не порождает изменений в правах и обязанностях налогоплательщиков. По итогам рассмотрения данного акта налоговым органом принимается решение (как это имело место в деле заявителя), которое может быть обжаловано налогоплательщиком в вышестоящий налоговый орган или в суд. При этом оспариваемые заявителем пункт 1 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации, пункт 2 статьи 29 и пункт 1 части 1 статьи 150 АПК Российской Федерации не препятствуют тому, чтобы в ходе такого обжалования, среди прочего, было проверено соблюдение налоговым органом требований, предъявляемых к составлению акта выездной налоговой проверки. При таких обстоятельствах нет оснований считать, что оспариваемые законоположения, рассматриваемые в контексте их применения в конкретном деле заявителя, затрагивают его конституционные права» [17].

Краеугольным камнем научных рассуждений и правовых позиций КС РФ, а также последующего анализа соответствующих норм национального законодательства, в контексте определения правовой природы акта проверки, видится разрешение вопроса о том, затрагивает ли данный процессуальный документ права и законные интересы налогоплательщика. По нашему мнению, имеются основательные законодательные предпосылки для утвердительного ответа на данный вопрос, оставляя в стороне принадлежность автора к той или иной научной позиции.

Наиболее активное привнесение отрицательных претерпеваний с финансовой точки зрения для налогоплательщика связано с исполнением решения по акту проверки, что, на первый взгляд, предполагает, что именно оно и должно являться предметом обжалования в судебных инстанциях, а не сам акт проверки. В этой связи можно вспомнить положения ч. 2 п. 17 ранее действовавшего постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 19 мая 2005 г. № 21 «О некоторых вопросах, связанных с применением Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь», в которой отмечается, что под решением, которое может быть оспорено в хозяйственном суде, понимается решение установленной формы, подписанное руководителем налогового органа (его заместителем), вынесенное в отношении

определенного плательщика (иного обязанного лица) [18]. Однако прикладная реальность свидетельствует о многочисленных случаях уплаты налогоплательщиками недоимок и пеней на основании акта проверки, чему есть соответствующие правовые предпосылки в рамках корреспонденции норм финансового (налогового) и административного законодательства. Так, одним из предусмотренных ст. 7.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (далее – КоАП) [19] обстоятельств, смягчающих административную ответственность является добровольное возмещение или устранение причиненного вреда либо исполнение возложенной на лицо обязанности, за неисполнение которой налагается административное взыскание. Применительно к данному обстоятельству ст. 7.9 КоАП предусматривает наложение административного взыскания в виде штрафа в размере, уменьшенном в два раза, либо в пределах установленных в санкциях статей Особенной части КоАП минимальных и максимальных размеров, уменьшенных в два раза. Добровольное возмещение или устранение причиненного вреда предполагает уплату налогоплательщиками недоимок и пеней на основании акта проверки (только таким образом презюмируется атрибутивность добровольности как обстоятельства смягчения административной ответственности), а не на основании обязательного для исполнения проверяемым субъектом решения по акту проверки [11, ч. 5 п. 73].

Придание акту проверки ярко выраженного правоприменительного характера, в контексте корреспонденции норм финансового (налогового) и административного законодательства, также прослеживается в вопросе составления по факту выявленных нарушений проверяющим протокола об административном правонарушении именно на основании акта проверки, а не решения по акту проверки [11, ч. 1 п. 59; 12, ч. 3 п. 1 ст. 81]. Несмотря на сентенцию законодателя о возможности составления данного процессуального документа, он всегда составляется, т.к. содержание акта проверки в обязательном порядке включает в себя, в том числе, описание факта нарушения законодательства, место и время его совершения, акты законодательства, требования которых нарушены, и (или) предусмотренная законодательными актами ответственность за такое нарушение [11, абз. 11 ч. 1 п. 60]. Более того, происходит прикладная нейтрализация легальной вариативности применения (неприменения) мер административной ответственности путем вынесения (или не вынесения) постановления о наложении административного взыскания [11, ч. 1 п. 59], т.к. данное постановление всегда выносится, опровергая презумпцию невиновности в рамках административного законодательства [19, ч. 5 ст. 4.2], и постулируя презумпцию виновности в рамках финансового законодательства, опровергая сомнительным образом (финансовое законодательство не разрешает вопрос о наличии вины у субъекта предпринимательской деятельности) закрепленную презумпцию невиновности проверяемого субъекта [11, абз. 2 п. 3]. Еще раз обратим внимание, что

отрицательные правовые последствия в виде применения мер административной ответственности в отношении налогоплательщиков применяются не на основании решения по акту проверки, а на основании самого акта проверки. Дополнительным прямым подтверждением данного тезиса является норма законодательства, в соответствии с которой днем обнаружения административного правонарушения, выявленного в ходе проверки, считается день вручения акта проверки проверяемому субъекту (его представителю).

Также следует учитывать динамический аспект акта проверки, в котором формализованы многочисленные действия (бездействие) проверяющих, совершенные до составления данного процессуального документа и значительным образом препятствующих осуществлению предпринимательской деятельности. Например, в отношении налогоплательщика в соответствии со ст. 55 НК может применяться приостановление операций по счетам как способ обеспечения исполнения налогового обязательства и (или) уплаты пеней. Также отметим, в соответствии с п. 74 Положения в отношении проверяемого субъекта до составления акта проверки может быть вынесено предложение о приостановлении деятельности до устранения нарушений, послуживших основанием вручения (направления) предложения.

В контексте осуществления действий (бездействия) в рамках реализации проверяющими предоставленных им законодательством дискреционных полномочий, обратим внимание на ч. 2 п. 78 Положения, в которой сказано, что действия (бездействие) проверяющих могут быть обжалованы в вышестоящий контролирующий (надзорный) орган или вышестоящему должностному лицу, которому проверяющие непосредственно подчинены, и (или) в суд. Соответственно, п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 2019 г. № 6 «О применении судами законодательства при рассмотрении экономических и гражданских дел, возникающих из налоговых правоотношений» предусматривает, что судам подведомственны, в частности, экономические и гражданские дела, возникающие из налоговых правоотношений, о признании незаконными (неправомерными) действий (бездействия) налоговых, иных уполномоченных органов, их должностных лиц [20]. А п. 12 данного нормативного правового акта исключительным образом перечисляет решения налоговых, иных уполномоченных органов, их должностных лиц, законность которых может быть проверена в судебном порядке. В данном случае, в контексте формализации действий проверяющих в акте проверки, следует согласиться с отдельными представителями налогово-правовой науки, которые полагают возможным обжалование акта налоговой проверки по аналогии с обжалованием действий (бездействия) проверяющих [5, с. 72].

Все вышесказанное свидетельствует о весомых предпосылках сделать вывод о том, что акт проверки следует признать ненормативным правовым актом, непосредственно затрагивающим права и законные интересы субъекта

предпринимательской деятельности (налогоплательщика). Соответственно, в законодательстве следует предусмотреть возможность обжалования выводов проверяющих, формализованных в акте проверки, напрямую в суд, не дожидаясь вынесения решения по акту проверки.

### **Библиографический список**

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одоб. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфор. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Берг, О.В. О понятии невозможности рассмотрения дела / О.В. Берг // Арбитр. и гражд. процесс. – 2001. – № 2. – С. 2–5.
3. Васькова, Е.П. Судебная оценка правовой природы акта налоговой проверки / Е.П. Васькова // Налоговед. – 2011. – № 2. – С. 39–44.
4. Вершинин, А.П. Выбор способа защиты гражданских прав / А.П. Вершинин. – СПб. : Спец. юрид. фак. по переподгот. кадров по юрид. наукам С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. – 384 с.
5. Савченко, Ю.О. О возможности обжалования акта налоговой проверки / Ю.О. Савченко // Хоз-во и право. – 2002. – № 8. – С. 70–73.
6. Белова, М.С. Налоговый контроль и ответственность: анализ законодательства, административной и судебной практики / М.С. Белова, В.А. Кинсбургская, А.А. Ялбуганова ; под ред. А.А. Ялбуганова. – М. : Academia, 2008. – 416 с.
7. Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации, части первой (расширенный) / А.В. Брызгалин [и др.] ; под ред. А.В. Брызгалина. – М. : Аналитика-пресс, 1999. – 592 с.
8. Тютин, Д.В. Налоговое право: курс лекций / Д.В. Тютин. – М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2020. – 1088 с.
9. Тютин, Д.В. Налоговый контроль, ответственность и защита прав налогоплательщиков / Д.В. Тютин. – М. : КОНТРАКТ, 2014. – 216 с.
10. Ярмош, Е.П. Досудебное урегулирование налоговых споров в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Е.П. Ярмош. – Минск, 2012. – 145 л.
11. Положение о порядке организации и проведения проверок [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфор. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
12. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одоб. Советом Респ. 02 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфор. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа [Электронный ресурс] : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 июля 2005 г., № 9-П // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2020.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Мосэнергоремонт» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 3 окт. 2006 г., № 442-О // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

15. Куракин, А.В. Правовые акты финансового контроля: в налоговой, бюджетной и банковских системах / А.В. Куракин, Д.В. Карпучин // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 48–61.

16. По жалобе открытого акционерного общества «Востокибэлектросетьстрой» на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей третьей и четвертой статьи 88, пункта 1 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации и части 4 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 12 июля 2006 г., № 267-О // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2020.

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ЗАО «МП Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 138 НК РФ, пунктом 2 статьи 29 и пунктом 1 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 27 мая 2010 г., № 766-О-О // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

18. О некоторых вопросах, связанных с применением Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 19 мая 2005 г., № 21 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфор. Респ. Беларусь. – Минск, 2020 (утратил силу)

19. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одоб. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой инфор. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

20. О применении судами законодательства при рассмотрении экономических и гражданских дел, возникающих из налоговых правоотношений [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда



## **ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА**

**А.Л. Савенок**

*заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный работник образования Республики Беларусь*

В своем познавательном движении человек активно меняет социальную действительность, постоянно расширяет горизонты практического освоения ранее неизвестного. Так, изобретение стекла и создание линз позволило заглянуть в далекий космос и проникнуть в мир мельчайших организмов. Создание печатного станка, парового двигателя и двигателя внутреннего сгорания кардинально изменили быт людей. В свою очередь, жизнь современного общества невозможно представить без автоматизации производства, применения новых конструкционных материалов, использования ракетно-космической техники, широкого применения информационных технологий. Считается, что кульминацией научно-технического развития общества в ближайшие годы станет создание технологий искусственного интеллекта, способного заменить человека во многих сферах его деятельности. В настоящее время такие технологии и робототехника считаются наиболее перспективными. Однако предсказать все положительные стороны и отрицательные последствия применения робототехники и технологий искусственного интеллекта в различных сферах человеческой деятельности вряд ли возможно. Не секрет, что уже сейчас существуют отдельные проблемы правового регулирования достижений научно-технического прогресса.

Прежде всего отметим, что современная юридическая наука не находится в стороне от происходящих в обществе процессов. По многим направлениям ведется кропотливая научно-исследовательская работа, в том числе и по правовому обеспечению регулирования достижений научно-технического прогресса. Однако такая деятельность различными отраслями права ведется разрозненно, вне рамок каких-либо концептуальных основ. Философия права и теория права еще не предложили те основополагающие направления, на которых могла бы строиться работа отдельных отраслей. Как известно, обычных предписаний в виде различного рода технических норм и правил безопасности здесь уже явно недостаточно, поскольку речь идет о технике, способной самообучаться (машинное обучение) и менять свое «поведение» в зависимости от поставленной задачи и складывающейся обстановки. Поэтому важно изначально очертить ту границу, за которую нельзя переходить при

использовании техники. Иными словами, нужно принципиально решить, какие функции нельзя передавать технике и что всегда должно остаться за человеком.

Изучение юридической литературы показывает, что сегодня во многих государствах достаточно остро стоит вопрос о необходимости определения статуса и рамок использования искусственного интеллекта. С целью урегулирования существующих проблем в последние годы такие страны как США, Великобритания, Китай, Япония, Южная Корея достаточно активно предпринимают регламентирующие меры по использованию техники с элементами искусственного интеллекта. В Республике Беларусь эта проблема не настолько насущна как в тех странах, где уже активно проходят испытания беспилотной техники, в том числе на дорогах общего пользования. Однако наша страна не сможет и не должна оставаться в стороне от надвигающейся роботизации различных технических устройств. Очевидно, что в условиях жесткой межгосударственной конкуренции сохранять существующие объемы промышленного и сельскохозяйственного производства без использования различных автоматизированных технических систем с элементами искусственного интеллекта будет невозможно. Однако инновационное развитие должно осуществляться без угроз для национальной безопасности, сохраняя жизнь и здоровье граждан.

Необходимость скорейшего правового обеспечения использования беспилотного транспорта очевидна, поскольку пробелы в законодательстве могут привести к серьезным правовым проблемам. Для примера можно привести происшествие в США, получившее широкую известность и неоднократно описанное в юридической литературе. Так, в марте 2018 года в городе Темпе в штате Аризона автомобиль Volvo XC90 насмерть сбил пешехода, переходившего дорогу. Обычно такая ситуация не вызывает серьезных трудностей при квалификации деяния виновного лица. Однако указанное нами дорожно-транспортное происшествие нельзя отнести к обычному. Впервые в истории пешеход погиб в результате совершения дорожно-транспортного происшествия беспилотным автомобилем. Учитывая, что водитель в беспилотном автомобиле отсутствует, неизбежно возникает вопрос о правовой оценке деятельности лиц, причастных к смерти участников дорожно-транспортных происшествий. Огромное количество субъектов, участвующих в создании беспилотной техники, а также принимающих различные решения в процессе ее эксплуатации, порождает сложность в определении конкретного виновного лица при совершении аварии, повлекшей гибель людей или причинившей материальный ущерб. Очевидно, что сформировавшиеся в прошлом веке и доминирующие в настоящее время подходы в теории права не позволяют решать однозначно вопросы вины в случае причинения вреда беспилотной техникой.

Важно также отметить, что правовые аспекты использования робототехники и технологий искусственного интеллекта нуждаются в междисциплинарных исследованиях и координации усилий всей системы

права, поскольку обеспечить правовое разрешение различных конфликтных ситуаций в рамках отдельных отраслей невозможно. Это связано с тем, что, чем выше уровень автономности того или иного устройства, тем сложнее установить лиц, прямо причастных к определенному событию, повлекшему причинение вреда общественным отношениям. Поэтому первостепенной задачей на пути дальнейшего развития современных технологий является определение вида и предела ответственности субъектов, осуществляющих разработку, эксплуатацию и сервисное обслуживание автоматизированных технических систем.

Отсутствие конкретных нормативных правовых актов в Республике Беларусь по регулированию использования робототехники и технологий искусственного интеллекта не должно препятствовать развитию этих технологий. Как представляется, в общем виде человечество уже сформировало подходы, которые важны для всего процесса правообразования, позволяющие соответствующим технологиям должным образом развиваться. Кроме широко известных общепризнанных принципов права, отражающих универсальные человеческие ценности и являющиеся надежной базой на пути создания конкретных правовых норм в различных отраслях, в ряде философских работ сформулированы положения, могущие стать отправной точкой дальнейших исследований [1, с. 221–238].

Определенный интерес для процесса нормотворчества в области функционирования искусственного интеллекта могут представлять фантастические произведения А. Азимова. Сформулированные им три закона робототехники хотя и не смогут оказать юристам конкретную помощь, поскольку они не направлены на регулирование конкретных общественных отношений, тем не менее могут стать своего рода техникой безопасности мирного существования человека и робота [2]. Хотя очевидно, что в настоящее время необходимы, прежде всего, правила (законы) поведения для людей, касающиеся тех функций, которые нельзя делегировать технике (роботу). Такие правила (законы) нами были предложены. Они заключаются в следующем:

1. Человек не может передавать технике (роботу) право на осуществление юридически значимых действий.
2. Человек не может передавать технике (роботу) право на осуществление действий, требующих морального выбора.
3. Человек не может возлагать на технику (робота) ответственность за вред, причиненный в процессе ее функционирования [3, с. 196].

### **Библиографический список**

1. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Биbihина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Азимов, А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 05.11.2020.
3. Савенок, А.Л. Человек. Право. Техника / А.Л. Савенок. // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : Сб. научн. трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» / под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Академия МВД, 2019, – С. 190–196.

## **СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

**А.Б. Скаков**

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин  
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,  
доктор юридических наук, профессор*

Обеспечение прав и законных интересов осужденных, наряду с их исправлением и предупреждением совершения ими новых преступлений, является важной задачей, возложенной на государственные органы. Данное положение объясняется тем, что лишение свободы не приостанавливает гражданство лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и, таким образом, соблюдение их конституционных прав гарантируется государством. Исключение составляют права и законные интересы, реализация которых ограничивается условиями исполнения отдельных видов наказания. Так, например, наиболее строгое наказание – лишение свободы содержит в себе запрет на свободное перемещение. Все другие ограничения признаются незаконными и должны быть немедленно устранены.

В этой связи, следует отметить, что исполнение лишения свободы по прогрессивной системе во взаимодействии с процессом probation (пенитенциарная и постпенитенциарная probation – сноска автора) является наиболее эффективным способом исполнения указанного наказания и обеспечивает, как исправление осужденных и предупреждения ими новых преступлений, так и реализацию конституционных прав и законных интересов данной категории лиц. Осужденным предоставляется право самостоятельно выбирать ту или иную модель поведения. Иными словами, они сами являются творцами своей судьбы. Если осужденные ведут себя правопослушно, то их правовое положение неуклонно и поступательно расширяется. В противном случае оно ограничивается дополнительными карательными мерами.

Таким образом, прогрессивная система исполнения лишения свободы и probation способствуют нормализации оперативно-режимной обстановки в пенитенциарных учреждениях и препятствуют распространению влияния криминальной элиты на спецконтингент.

Однако, не все так хорошо, как хотелось бы. В исправительных учреждениях Казахстана наблюдается рост числа осужденных на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В настоящее время в них доля указанных категорий достигла 90%. Среди спецконтингента наблюдается повышение влияния не только лидеров криминального мира, но и исламских экстремистов и террористов, являющихся адептами запрещенных организаций (например, ИГИЛ). Естественно, данное обстоятельство отразилось на дисциплинарной практике осужденных. Они стали вести себя агрессивно, проявлять неповиновение законным требованиям сотрудников пенитенциарных учреждений, провоцировать их на противоправные действия. Это объясняется тем, что таким нагнетанием напряженности лидеры криминалитета и исламисты стремятся оказать давление на руководство пенитенциарных учреждений с целью получить послабления режима содержания. Другим важным преследуемым ими обстоятельством является создание негативного общественного мнения на деятельность пенитенциарной системы страны.

Здесь также необходимо отметить то, что криминальная элита, с целью показать свое влияние и авторитет среди осужденных, провоцируют их массовое неповиновение, членовредительство и другие противоправные действия.

В этих условиях, следует отметить, что сотрудники пенитенциарных учреждений нередко поддаются провокациям и совершают противоправные действия (например, превышение должностных полномочий, пытки), которые становятся достояниями гласности. Они становятся поводом для серьезных проверок деятельности исправительных учреждений, а также основанием для дальнейшего реформирования пенитенциарной системы. Кроме того, незаконные, унижающие честь и достоинство формы обращения с осужденными способствуют и совершенствованию законодательства.

Общеизвестно, что более социально полезным является предупреждение преступности, чем устранение наступивших негативных последствий от совершенного противоправного деяния. В этой связи, при подготовке законопроектов принимаются во внимание необходимость предупреждения пыток и других незаконных методов ведения следствия, а также совершенствования системы видов уголовных наказаний в целях повышения их эффективности в процессе профилактики преступлений.

В настоящее время можно наблюдать как положительные, так и отрицательные результаты их реализации.

К числу недостатков, на наш взгляд, следует отнести:

Во-первых, не в полной мере эффективно реализуется профилактика пыток и других незаконных видов обращения с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, что приводит к грубым нарушениям их прав и законных интересов. Особое значение придается предупреждению пыток, превышение должностных полномочий и т.д., которые имеют место быть как деятельности в пенитенциарных учреждениях, так и органов следствия. Здесь следует

отметить, что именно для следственных органов характерно применение незаконных методов ведения следствия, а именно пыток с целью раскрытия преступлений. Однако, наблюдаются предпосылки к росту числа правонарушений в учреждениях, что безусловно приводит к возможности массовых актов неповиновения и беспорядков. Более того, указанные незаконные действия негативно отражаются в обществе. Среди населения распространяются слухи об избиениях и других актах насилия в отношении осужденных, что непосредственно отражается на имидже всей правоохранительной системы страны;

Во-вторых, для эффективного исполнения лишения свободы по прогрессивной системе до настоящего времени, к сожалению, не определены и не созданы правовые и материальные условия. Здесь следует отметить, что отсутствует соответствующая современным научным достижениям система критериев оценки поведения осужденных, что существенно влияет на обоснованное применение тех или иных институтов прогрессивной системы исполнения лишения свободы. Определять степень исправления осужденных только по количеству вынесенных им поощрений, на наш взгляд, не в полной мере отвечает требованиям применения институтов прогрессивной системы (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения; институт изменения условий содержания путем перевода в исправительное учреждение другого вида; институт замены наказания и институт условно-досрочного освобождения – сноска автора). В правоприменительной практике деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы наблюдается профанация важнейшего процесса исправления лиц, лишенных свободы, их социальной адаптации и реабилитации, что приводит к её сбою. Так, например, улучшить свои условия содержания могут приспособленцы и лицемеры, о чем предупреждал профессор А.Е. Наташев [1, с. 204–209].

В-третьих, усложнена процедура применения институтов прогрессивной системы. Как правило, практически все элементы указанной системы (за исключением института изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения – сноска автора) может назначать только суд. Учитывая загруженность судов, думается, не стоит ждать от них эффективного применения прогрессивной системы.

Кроме того, отсутствие в Уголовно-исполнительном кодексе законодательно утвержденного понятия «прогрессивная система» препятствует единообразному его толкованию.

В-четвертых, в уголовно-исполнительном законодательстве наблюдаются коллизии и пробелы в правовой регламентации процесса исполнения наказания в виде лишения свободы, в частности, применение мер поощрения и взыскания в отношении различных категорий осужденных к различным видам наказания. Так, например, в законодательстве не регламентируется процесс снятия взыскания у лиц, осужденных к общественным и исправительным работам.

В-пятых, до настоящего времени не созданы необходимые материальные условия для надлежащего исполнения, лишения свободы, ареста, исправительных работ и ограничения свободы. В частности, при исправительных учреждениях средней, максимально и чрезвычайной безопасности (колоний общего, строгого и особого режима соответственно – сноска автора) не созданы льготные условия содержания, которые должны располагаться за их пределами. Только в этих условиях, когда, вставшие на путь исправления, осужденные полностью выводятся из-под негативного влияния криминальной субкультуры, можно будет говорить о высокой эффективности институтов прогрессивной системы и об успешной социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Кроме указанных, существуют ряд других проблем, выявленных в ходе применения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, которые нами не выделены отдельно в связи требованиями, предъявляемыми к статьям.

Говоря о положительных результатах действия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, следует отметить высокий потенциал институтов прогрессивной системы. Уже сейчас наблюдается значительное снижение численности осужденных к лишению свободы, содержащихся в исправительных учреждениях. По данному критерию Казахстан с 3 места перешел на 97 в мире по численности осужденных на единицу населения.

В местах лишения свободы наблюдается оздоровление социальной обстановки среди коллектива осужденных, постепенно нейтрализуется негативное влияние криминальных авторитетов на них. Повышается эффективность процесса социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Особенно он активизировался после принятия Закона Республики Казахстан «О пробации» [2].

Отмечая в целом положительные тенденции в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, следует все же обратить внимание на выше указанные недостатки, устранение которых, безусловно, положительно отразится на исправлении осужденных, на их социальной адаптации и реабилитации. Именно желание повысить эффективность институтов прогрессивной системы, а также совершенствовать пробацию осужденных, позволяет нам внести на рассмотрение научного сообщества некоторые рекомендации и предложения.

Во-первых, необходимо улучшить работу по подбору и подготовке кадров для работы в пенитенциарных учреждениях. К сожалению, качественный состав сотрудников подразделений пенитенциарной системы значительно снизился по сравнению со служащими исправительно-трудовых учреждений в советский период развития страны. Это и не удивительно. Низкая заработная

плата сотрудников исправительных учреждений, ниже даже работников полиции, которые работают с обычными гражданами, в то время, как пенитенциаристы с осужденными, представляющими опасность для человека, общества и государства.

Во-вторых, необходимо обеспечить трудовую занятость осужденных. К сожалению, в современных экономических условиях свободной конкуренции предприятиям исправительных учреждений невозможно эффективно соперничать в получении тендеров с обычными предприятиями из-за их низкой рентабельности, устаревших средств производства и, в первую очередь, неквалифицированного труда осужденных.

В-третьих, следует возродить работу самодеятельных организаций осужденных. К сожалению, ликвидация данных организаций привело к росту влияния криминальной субкультуры на спецконтингент. Был ликвидирован инструмент, способствующий его социальной активности.

В-четвертых, принимая во внимание отсутствие в законодательстве категории «прогрессивная система», нами предлагается следующее авторское её понимание: «Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения, объема его прав».

В-пятых, учитывая значительные положительные результаты по профилактике пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива, нами предлагается распространить применение прогрессивной системы как способа исполнения наказания, альтернативные лишению свободы. Здесь имеются ввиду такие наказания, как: штраф, общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы и арест. В этом случае, для исполнения указанных выше наказаний должны быть созданы три условия содержания – (строгие, обычные и облегченные), применение которых будет зависеть от поведения осужденных. При этом следует помнить, что вновь прибывшие осужденные должны содержаться в обычных (стандартных) условиях содержания. Дальнейшее правовое положение будет зависеть от поведения самого осужденного.

На примере исполнения штрафа рассмотрим его реализацию по прогрессивной системе. При вступлении приговора в законную силу осужденный к штрафу помещается в обычные условия содержания, а именно: проживает дома без права покидать административную территорию пробационного контроля без санкции службы пробации с запрещением посещать питейные и увеселительные заведения и т.д. Осужденный может выходить из дома, но не далее 1 километра, если в городе, и не далее 500 метров, если в сельской местности. При положительном поведении все ограничения снимаются и осужденный содержится в облегченных условиях содержания. Перевод осужденного в названные условия предполагает также



наступление у последнего права на досрочное снятие пробационного контроля, но не ранее 3 месяцев нахождения на данном этапе. В случае нарушения условий пробационного контроля, осужденный оказывается в строгих условиях содержания, предусматривающих запрет свободного передвижения, за исключением посещения рабочего места и учебного заведения. В обычных условиях осужденный содержится 6 месяцев. В случае положительного поведения он может быть переведен на облегченные условия содержания, но не ранее 3 месяцев с начала отбывания наказания в обычных условиях. Перемещение осужденных из одних условий в другие не должно быть скачкообразно. Вопрос о переводе решает наблюдательная комиссия, созданная при службе пробации. Срок пробационного контроля – 1 год, который может быть продлен еще на 1 год при злостном невыполнении требований службы пробации.

В таком же порядке, институт прогрессивной системы должен применяться при исполнении других наказаний, альтернативных лишению свободы.

Таким образом, применение прогрессивной системы исполнения всех видов уголовного наказания обеспечит высокую степень контроля и надзора за осужденными, разорвет их криминальные связи, предупредит совершение поднадзорными новых преступлений и будет содействовать их успешной ресоциализации.

В-шестых, процессу ресоциализации осужденных будет способствовать и пробационный контроль. По нашему глубокому убеждению, гармоничное взаимодействие прогрессивной системы и пробации обеспечит высокий уровень профилактики преступности. В этой связи, на наш взгляд, является ошибочным мнение некоторых практических работников о ликвидации одного из важного её вида – досудебной. Именно на ранней стадии уголовного процесса применение профилактических мер является наиболее эффективным. Однако, в погоне за экономией финансовых средств мы можем лишиться важного инструмента в противодействии криминальной субкультуре, особенно в современных условиях производственного кризиса, который несомненно приведет к росту преступности.

Высказанные нами предложения не бесспорны, однако они направлены на развитие уголовной политики государства в целом, а потому имеют право на существование.

Резюмируя все изложенное, нам хотелось бы в заключение сделать некоторые краткие выводы.

Необходимо увеличить заработную плату сотрудникам уголовно-исполнительной системы, работающим непосредственно с лицами, оказавшимися в сфере уголовного судопроизводства. При этом, их заработная плата должна быть не менее чем в два раза выше сотрудников полиции. Кроме того, необходимо значительно расширить объем пакета социальной защиты указанных работников.

Следует создать необходимые условия для повышения трудовой занятости осужденных. В этой связи необходимо предусмотреть предоставление государственного заказа для развития производства внутри учреждений. Для привлечения частных производителей в создании рабочих мест лицам, оказавшимся в сфере уголовного судопроизводства, предусмотреть налоговые преференции вплоть до полного освобождения от уплаты выплат в пользу государства. Учитывая то, что указанные предприниматели выполняют государственную функцию по трудоустройству осужденных и иных лиц, ведущих асоциальный образ жизни, высказанное нами предложение допустимо и уместно.

Целесообразно развивать механизм участия институтов гражданского общества в общественном контроле за деятельностью пенитенциарных учреждений, в проведении воспитательных и иных мер, направленных на исправление осужденных, их социальной адаптации и реабилитации. В этой связи, следует, на наш взгляд, создать наблюдательные комиссии при каждом пенитенциарном учреждении. В составе указанных комиссий должны работать представители местных органов власти, на территории которых расположены данные учреждения, системы правосудия, прокуратуры, полиции, администрации пенитенциарного учреждения, представители общественных объединений, неправительственных организации, общественные, государственные деятели, видные ученые, работники культуры, искусства и т.д. При этом, возложить на наблюдательные комиссии судебную функцию изменения условий отбытия наказания, замены наказания, предоставление условно-досрочного освобождения и т.д. За судом сохранить назначение наказания и определения вида пенитенциарного учреждения для его отбывания.

Необходимо развивать систему общественных, самодеятельных организаций осужденных с целью привития им чувства коллективизма, развития навыков общения с другими лицами.

Учитывая положительный опыт исполнения лишения свободы по прогрессивной системе, необходимо распространить её действие на другие уголовные наказания (штраф, общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы).

Другой важный вывод состоит в том, что в действующем законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания всех видов уголовного наказания по прогрессивной системе с широкомасштабным применением probation приобретает вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных и обеспечит профилактику противоправных действий как со стороны осужденных, так сотрудников пенитенциарных учреждений.

### **Библиографический список**

1. Наташев, А.Е. Основы теории исправительно-трудового права / А.Е. Наташев, Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит., 1967. – 191 с.; Наташев, А.Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы / А.Е. Наташев // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. – Саратов, 1961. – С. 245-251.; Наташев, А.Е. Основные вопросы кодификации исправительно-трудового законодательства / А.Е. Наташев // Учен. зап. Вsesоюз. ин-та юрид. наук. – М., 1962. – № 14. – С. 204-209.
2. Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 № 38-VI.
3. Михлин, А.С. Дискуссионные вопросы замены неотбытой части наказания более мягким / А.С. Михлин // Проблемы освобождения осужденных от отбывания наказания: сб. науч. тр. / ВНИИ МВД СССР; под ред. Н.А. Стручкова. – М., 1983. – № 67. – С. 30-35.

### **ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРОВ ОБ ОСУЖДЕНИИ ЛИЦ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА**

**В.Б. Шабанов**

*заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор*

**Л.Ю. Буданова**

*старший преподаватель кафедры организации режима  
и оперативно-розыскной деятельности  
в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала  
Академии Федеральной службы исполнения наказаний России,  
кандидат юридических наук*

Опыт рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора об осуждении лиц к наказаниям без изоляции от общества, зарубежных стран нельзя игнорировать при разработке предложений по совершенствованию законодательства. Анализ практики деятельности суда, а также органов и учреждений, исполняющих наказания, позволяет выявить положительные моменты, которые могут быть использованы для выработки научных рекомендаций по улучшению их деятельности.

Зарубежная практика исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, которая доказала свою эффективность, имеет большой научный и практический интерес.

Франция. Общие вопросы исполнения наказаний урегулированы УПК Франции 1958 г., который в настоящее время действует в редакции Закона от 11 июля 1975 г. [2].

Одной из особенностей УПК Франции является то, что суд не только обращает приговор к исполнению и решает вопросы, возникающие при его исполнении, но и осуществляет фактическую сторону исполнения приговора. В связи со значительным объемом возложенных на суд полномочий во Франции действуют специализированные суды по надзору за исполнением судебных решений [3, с. 189].

Разновидность условного осуждения – «отсрочка с испытанием», в УПК Франции регламентируется ст.ст. 739–743 [4].

Согласно ст. 739 УПК Франции, суд, вынесший приговор в виде наказания «отсрочки с испытанием» обеспечивает надзор за осужденным. Обязанности, которые должен соблюдать осужденный, регламентированы ст.ст. 132-44 – 132-45 Уголовного кодекса Франции [5].

Согласно ст. 740 УПК Франции, судья в течение испытательного срока следит за исполнением возложенных на осужденного обязательств лично, либо «через квалифицированных лиц, в обязанности которых входит надзор за осужденными» [5], при этом данных лиц УПК Франции не перечисляет.

На основании ст. 741-2 УПК Франции, в случае неисполнения условно осужденным обязанностей, судья по представлению прокурора выносит решение о направлении осужденного в исправительное учреждение до вынесения решения. В соответствии со ст. 742-1 УПК Франции суд вправе продлить испытательный срок осужденному, но не более чем на 3 года [6], иные субъекты при судебном заседании не присутствуют.

Статья 762-4 УПК Франции устанавливает, что контроль за соблюдением надзорных мероприятий осужденным по месту его постоянного жительства осуществляет пенитенциарный судья. После вынесения приговора судья может в любое время, заслушав осужденного и мнение прокурора района, изменять перечень мест, которые осужденному запрещено посещать в порядке надзора, и сам надзор, при этом данное решение судьи временное, однако срок действия такого решения в данной статье не указан [7]. Необходимо отметить, что квалифицированные лица, в обязанности которых входит надзор за осужденными, участия в заслушивании не принимают.

В обязанности лиц, исполняющих наказания, в частности, агента по пробации, входит представление судье во время исполнения наказания ходатайств осужденных или собранных по собственной инициативе доказательств, позволяющих суду принимать меры по изменению порядка и условий отбывания наказания заключенного [4, с. 267]. Таким образом, указанное должностное лицо фактически осуществляет контроль за отбыванием осужденными наказания и сообщает суду о выявленных нарушениях, хотя не является участником судебного заседания по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением решения суда. При

неисполнении такого вида наказания как общественно полезные работы, осужденный подвергается дальнейшему уголовному преследованию в виде тюремного заключения, которое назначается судом с учетом обоснования прокурора [8]. При этом в судебном заседании принимает участие сотрудник службы пробации, обеспечивающий надзор за осужденным.

Таким образом, во французском уголовно-процессуальном законодательстве регламентируется порядок исполнения наказаний, тем самым объединяя уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения субъектов. Правовое положение органов и учреждений, исполняющих наказания, при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, ограничивается в основном консультативной функцией. Лица, исполняющие наказания, не связанные с изоляцией от общества, в т.ч. сотрудники службы пробации, представляют в суд сведения об отбывании наказаний осужденными, исполнении ими обязанностей, перенаправляют заявленные осужденными в суд ходатайства, однако, при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением наказания, не участвуют.

Федеративная Республика Германия. Стадия исполнения приговора, как отмечает А.В. Грищенко, присутствовала в германском уголовно-процессуальном законодательстве еще со времен изданного Карлом V в 1532 г. Уголовного Уложения, в котором упоминается «стадия исполнения приговора» [9].

На современном этапе согласно параграфу 451 УПК Германии исполнение приговора производится прокуратурой, а также другими органами «постольку, поскольку оно передано им управлением юстиции». Прокуратура тем самым является органом исполнения приговора [10, с. 182]. Непосредственное исполнение приговора в Германии осуществляется управомоченными на то должностными лицами специализированных органов судебного преследования. К компетенции суда относится разрешение отдельных вопросов, связанных с исполнением приговора.

В период испытательного срока согласно параграфу 453b УПК Германии контроль за осужденными осуществляет суд. На основании параграфа 453 УПК Германии «последующие решения, касающиеся условного осуждения, суд принимает без судебного заседания в форме определения», представитель прокуратуры и осужденный при этом должны быть заслушаны, иные субъекты в заслушивании участия не принимают [10, с. 183–184].

На основании параграфа 459h УПК Германии решения органа исполнения наказания могут быть обжалованы в суд [3, с. 191], при этом данная норма указывает на возможность обжалования именно действий органа, исполняющего наказания.

Таким образом, представитель органа или учреждения, исполняющего наказание, субъектом уголовно-процессуальной деятельности при рассмотрении и разрешении судом вопросов, касающихся исполнения

уголовных наказаний, в Германии не является. Полномочия по представлению позиции стороны, исполняющей уголовные наказания, осуществляют органы прокуратуры, которые также вправе обжаловать решение суда. Так, представитель государственного органа Германии, осуществляющего исполнение наказания, самостоятельно не подает в суд ходатайства о прекращении реального отбывания осужденным наказания, а лишь высказывает свое согласие или возражение, а значит субъектом, уполномоченным на обращение в суд по вопросам, связанным с освобождением осужденного от реального отбывания наказаний, не является.

Великобритания. В Великобритании вместо предусмотренного за совершение преступления лишения свободы судом может быть издан приказ о пробации, согласно которому осужденный будет находиться под наблюдением службы пробации от одного года до трех лет, при этом его могут обязать проживать в исправительном общежитии пробации. На основании заявления осужденного или чиновника службы пробации суд может издать приказ о переходе к условному освобождению [11, с. 33–34]. При этом именно офицеры пробации готовят доклады и отчеты для судов, на основании которых строится рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора [11, с. 66–67].

В случае отсутствия осужденного на месте выполнения общественных работ без уважительной причины (например, болезни, семейных обстоятельств), после одного предупреждения, сделанного сотрудником службы пробации, дело может быть пересмотрено в суде. В суд обращается сотрудник службы пробации, который непосредственно следит за отбыванием наказания осужденным. В результате рассмотрения обращения в суд осужденному может быть назначено либо наказание за нарушение условий, либо применено тюремное заключение [1, с. 10].

Участия в судебном заседании лица, осуществляющие контроль за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, не принимают, но офицеры пробации готовят доклады и отчеты для судов, на основании которых строится рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора.

Эстония. В Эстонии обязанность по исполнению наказаний без изоляции осужденного от общества возложена на службу пробации (уголовного надзора), которая интегрирована в судебную систему [12, с. 93].

В случае совершения поднадзорным правонарушения, за которое Уголовный кодекс Эстонии не предусматривает применение прямых санкций, задача инспектора состоит в том, чтобы решить, как отреагировать на нарушение. Если выясняется, что поднадзорный нарушил требования испытательного срока, инспектор пробации обязан требовать от него объяснение в письменном виде. Необходимо информировать суд о совершении осужденным нарушения, независимо от его характера, посредством предоставления очередного или внеочередного доклада. Внеочередной доклад содержит предположения инспектора о том, как организовать деятельность в

период испытательного срока после совершения правонарушения осужденным [12, с. 99].

Инспектор службы пробации при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, не является обязательным участником судебного заседания, но обязан явиться в суд в случае получения судебной повестки, для пояснения предоставленного в суд отчета. В иных случаях инспектор участвует в заседаниях суда по необходимости [12, с. 100]. Однако понятие «необходимое участие» инспектора службы пробации в судебном заседании по УПК Эстонии не определено, что позволяет суду принимать такое решение исходя из сложившейся ситуации. При этом права и обязанности офицера пробации в случае его участия в судебном заседании в УПК Эстонии не закреплены.

На основании ст. 428 УПК Эстонии, если осужденный уклоняется от общественных работ или не выполняет обязанности, возложенные на него или нее, офицер по надзору, т.е. инспектор службы пробации, представляет специальный отчет в суд, в котором ходатайствует об исполнении в отношении осужденного наказания в виде лишения свободы. Судья по месту жительства осужденного принимает решение в течение десяти дней с момента получения отчета инспектора пробации об аннулировании общественно-полезных работ и обеспечении исполнения наказания в виде лишения свободы [13].

Вышеуказанные решения судья принимает в соответствии со ст. 432 УПК Эстонии, в которой закреплен порядок рассмотрения вопросов, возникающих в процессе исполнения судебных решений. Судья, в ведении которого находится урегулирование вопросов, связанных с исполнением судебных решений, принимает письменное решение, без вызова сторон, т.е. субъектов, участвующих при исполнении приговора суда, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 425–426 УПК Эстонии (досрочное освобождение от наказания в связи с болезнью, условно-досрочное освобождение), где в суде должны быть заслушаны осужденный, его адвокат, в случае наличия такого, а также прокурор и представитель медицинской комиссии, давшей заключение о состоянии здоровья осужденного [14].

Остальные решения, в том числе связанные с исполнением наказаний без изоляции осужденного от общества, принимаются судом на основании специального доклада, отчета инспектора пробации, представленного им в суд.

Таким образом, согласно эстонскому уголовно-процессуальному законодательству, инспектор службы пробации, осуществляющий исполнение наказания или контроль за условно осужденными, при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением наказаний без изоляции осужденного от общества, не является обязательным участником судебного заседания. Суд, как правило, принимает решение без судебного заседания на основании представленного отчета инспектора пробации. Указанный отчет является прообразом ходатайства перед судом об изменении порядка и условий

отбывания наказания и должен содержать доводы, подтверждающие обоснованность заявляемого ходатайства.

Украина. Исполнение наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) Украины [15, с. 31–32].

В отношении лица, уклоняющегося от отбывания наказания в виде общественных работ (ч. 2 ст. 40 УИК Украины), исправительных работ (ч. 5 ст. 46 УИК Украины), УИИ направляет материалы прокурору для решения вопроса о привлечении осужденного к уголовной ответственности согласно ст. 389 УК Украины [16].

Решения суда по вопросам, связанным с исполнением приговора, обжалуются в апелляционном порядке. Однако, согласно ст. 318 УПК Украины, правом на апелляционное обжалование представитель органа или учреждения, исполняющего наказание, не наделен [17].

Таким образом, по УПК Украины, представитель органа или учреждения исполнения наказаний, а в том числе представитель УИИ, кроме подачи представления и участия в судебном заседании, не наделен никакими правами, порядок его участия в судебном заседании не урегулирован, к субъектам, которые вправе обжаловать решение суда, он не отнесен. УПК Украины не устанавливает перечень материалов, прилагаемых к представлению, но и не регламентирует вообще представление данных материалов в суд и порядок ознакомления с таковыми субъектов, участвующих в судебном заседании.

Республика Казахстан. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан, исполнение наказаний, а также мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ) Республики Казахстан [18].

В обязанности УИИ по исполнению наказания в виде общественных работ также входит в соответствии с ч. 3 ст. 30 УИК Республики Казахстан в случае уклонения осужденного от отбывания наказания осуществление первоначальных розыскных мероприятий и внесение в суд представления об объявлении осужденного в розыск [18].

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ (ч. 2 ст. 35 УИК Республики Казахстан), исправительных работ (ч. 4 ст. 42 УИК Республики Казахстан) УИИ направляет в суд представление о замене данных видов наказаний в соответствии с УК Республики Казахстан [18]. Согласно ч. 2 ст. 50 УИК Республики Казахстан в отношении лиц, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, УИИ представляет в суд материалы для решения вопросов о замене ограничения свободы лишением свободы [18]. Однако, какие именно материалы направляются в суд, содержат ли они какое-либо ходатайство, УИК Республики Казахстан не регулирует.

Согласно ст. 455 Уголовно-процессуального закона Республики Казахстан, все вопросы, связанные с исполнением наказаний, кроме применения



принудительных мер медицинского характера при освобождении от отбывания наказания, разрешаются судьей единолично в судебном заседании [19, с. 159].

Вопросы, связанные с исполнением приговора рассматриваются судом в месячный срок по представлению (ходатайству) органа, ведающего исполнением наказания, либо по представлению специализированного государственного органа, обеспечивающего исправление несовершеннолетнего. В судебное заседание вызываются представители органов и организаций, по представлению (ходатайству) которых рассматривается дело, основанием для назначения судебного заседания может быть и ходатайство осужденного [19, с. 156–158].

Непосредственно порядок проведения судебного заседания по УПК Республики Казахстан не отличается от российского. Правовое положение представителя органа, ведающего исполнением наказания, в Уголовно-процессуальном законе Республики Казахстан не урегулировано и еще больше сужено по сравнению с российским законодательством.

Республика Беларусь. Исполнение приговора в Республике Беларусь регулируется нормами уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права [20, с. 286]. Согласно УПК Республики Беларусь, принятому 16.07.1999 г., в ходе исполнения приговора могут возникать разного рода препятствия, которые вызывают необходимость принять решение о том, чтобы не исполнять приговор в том виде, в котором он вынесен. Такие решения относятся к исключительной компетенции суда [20, с. 286].

Обращение приговора к исполнению в Республике Беларусь согласно ст. 401 (ст. 432) УПК состоит в том, что суд вместе с копией приговора направляет органу, осуществляющему исполнение наказания, письменное распоряжение об исполнении приговора, форма и реквизиты которого законодательством не закреплены, и оформляется исходя из сложившейся судебной практики. По сути, данный документ не является процессуальным, а имеет характер сопроводительного письма [20, с. 289].

Наказания, а также меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией осужденного от общества, в Республике Беларусь исполняют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ). УИИ обязаны контролировать своевременность внесения представлений в суд по вопросам исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и иных мер уголовной ответственности в случаях, предусмотренных УИК Республики Беларусь.

УПК Республики Беларусь регламентирует исполнение приговора в разделе XI. В п.п. 1–3 ст. 402-2 УПК определен порядок разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 436 УПК) [21]. Вопросы, связанные с исполнением приговора, разрешаются судьей единолично в судебном заседании в участии прокурора. В судебное заседание, как правило, вызывается осужденный. Представитель органа, ведающего исполнением наказания, вызывается в судебное заседание при разрешении судом вопросов

об освобождении от наказания, о смягчении наказания или об ином улучшении положения осужденного в соответствии со статьей 9 Уголовного кодекса Республики Беларусь, об условно-досрочном освобождении от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием и т.п.

Представитель органа, ведающего исполнением наказания, на основании ст. 403 УПК Республики Беларусь возбуждает перед судом ходатайство и является обязательным субъектом в ходе судебного заседания при разрешении вопроса о снятии судимости.

Порядок проведения судебного заседания в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь регулируется в ст. 402-2 УПК: председательствующий открывает судебное заседание и объявляет, какой материал подлежит рассмотрению, затем объявляется состав суда, устанавливается личность осужденного, ему разъясняются права. При этом не закреплена обязанность разъяснения прав другим субъектам, участвующим в судебном заседании, в том числе представителю органа, ведающего исполнением наказания. Затем председательствующий опрашивает осужденного, а также вызванных в судебное заседание лиц, о наличии у них ходатайств. Рассмотрение дела начинается с доклада судьи, после чего он заслушивает явившихся в судебное заседание лиц. Затем в судебном заседании исследуются имеющиеся в деле документы. После этого заслушивается заключение прокурора. Порядок и сроки обжалования решения суда по вопросам, связанным с исполнением приговора, УПК Республики Беларусь не регулирует. Согласно п. 6 ст. 399 УПК определение и постановление суда, не подлежащие обжалованию и опротестованию, вступают в законную силу и обращаются к исполнению немедленно по их вынесению.

На основе анализа законодательства зарубежных стран можно сделать вывод, что во многих государствах в уголовно-процессуальном законодательстве регламентация вопросов, связанных с исполнением приговора, порядка судебного заседания, по вопросам исполнения приговора, степень участия органов и учреждений, исполняющих наказания, а также их роль различна. Во Франции относительно других уголовно-процессуальных законов, УПК включает в себя также нормы, регулирующие уголовно-исполнительные правоотношения. Главенствующую роль при исполнении приговора играет пенитенциарный судья, права и обязанности органов и учреждений, исполняющих наказания, закреплены в УПК, но в части непосредственного исполнения наказаний. Что касается роли органов и учреждений, исполняющих наказания без изоляции осужденного от общества, при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, то она в большей мере является консультативной. Относительно УПК РФ, в УПК Франции закреплён порядок разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, а также сроки и порядок обжалования такого решения.

В УПК Германии как таковое судебное заседание по вопросам, связанным с исполнением приговора, отсутствует, все вопросы разрешаются судом после заслушивания представителя прокуратуры и осужденного, сроки проведения которого установлены УПК. Таким образом, прокуратура представляет интересы государства в области уголовной политики, а также является органом исполнения приговора, представитель учреждения, исполняющего уголовные наказания, субъектом уголовно-процессуальной деятельности не является, за исключением вопросов, связанных с приостановлением реального отбывания наказания и назначения осужденному испытаний. Отсутствие судебного заседания по вопросам исполнения приговора обусловлено непосредственным участием суда при исполнении отдельных видов наказаний, отведением судебному контролю главенствующей роли в процессе исполнения наказаний.

Таким образом, во Франции и Германии видится повышенная роль суда в процессе непосредственного исполнения наказания из-за введения должности пенитенциарного судьи. Органы, исполняющие наказания, выполняют вспомогательную консультативную функцию.

Зарубежный опыт рассмотрения и разрешения судом вопросов, возникающих при исполнении приговора, вышеуказанных стран в своей совокупности представляет значительный интерес. В частности, примером детального закрепления порядка и сроков рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора и органического соединения уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных процедур, служит УПК Франции. Большое доказательственное значение для разрешения вопросов, связанных с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, имеет отчет офицера службы пробации Эстонии, так как суд принимает решение, только исходя из представленных в нем материалов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания, по исполнению приговора в зарубежных странах остается слабо урегулированной законодательством.

В международных актах, таких как Минимальные стандартные правила ООН и отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые Генеральной Ассамблеей по рекомендации VIII Конгресса ООН 14 декабря 1990 г., указывается о возникновении вопросов при исполнении приговора о наказаниях, не связанных с изоляцией от общества. Решение данных вопросов также должно быть отнесено к исключительной компетенции суда, при этом их правильное разрешение требует участия представителя учреждения или органа, исполняющего наказание.

### Библиографический список

1. Потапов, А.М. Зарубежный опыт исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы : учебное пособие / А.М. Потапов, А.С. Колосов, А.В. Звонов, Р.В. Комбаров. – Вологда, 2012. – С. 3–10.
2. Слепцов, И.В. Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) // [http://www.juristlib.ru/book\\_6413.html](http://www.juristlib.ru/book_6413.html). – Дата доступа: 01.11.2012.
3. Рябцева, Е.В. Исполнение приговора в уголовном процессе России. – Ростов н/Д, 2007. – С. 189–197.
4. Уголовно-процессуальный Кодекс Франции 1958 г. с изм. и доп. на 01.01.1966 г. / пер. с французского С.В. Боботова, под ред. В.И. Калиновской. – М. : Прогресс, 1967. – 323 с.
5. Article 739 Code of criminal procedure of France, 1958 // <http://www.legislationline.org>. – Дата доступа: 01.11.2012.
6. Article 740 Code of criminal procedure of France, 1958 // <http://www.legislationline.org>. – Дата доступа: 01.11.2012.
7. Article 762-4 Code of criminal procedure of France, 1958 // <http://www.legislationline.org>. – Дата доступа: 01.11.2012.
8. Егоров, С. Зарубежный опыт исполнения наказаний в виде обязательных работ / С. Егоров, В. Тычинский // Ведомости УИС. – 2004. – № 6. – С. 26.
9. Грищенко, А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – С. 15.
10. Филимонов, Б.А. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии с изм. и доп. на 01.01.1993. – М., 1994. – С. 182–184.
11. Павлухин, А.Н. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний / А.Н. Павлухин, И.А. Давыдов, Н.Д. Эриашвили. – М. – С. 33–34, 66–67.
12. Тимофеев, М.Т. Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору) / М.Т. Тимофеев. – СПб., 2005. – С. 93–100.
13. 428. Code of Criminal Procedure of Estonia, passed 12 February 2003 // <http://www.legislationline.org>. – Дата доступа: 05.12.2012.
14. 432. Code of Criminal Procedure of Estonia, passed 12 February 2003 // <http://www.legislationline.org>. – Дата доступа: 05.12.2012.
15. Иваняков, Р.И. Эволюция наказаний, альтернативных лишению свободы, в зарубежных странах / Р.И. Иваняков, И.Н. Смирнова, Е.С. Тунчик. – Псков, 2011. – С. 31–34.
16. Уголовно-исполнительный кодекс Украины, принятый 11 июля 2003, вступил в законную силу 01.01.2004 г. // [http://kodeksy.com.ua/ka/ugolovno-ispolnitelnij\\_kodeks\\_ukraini](http://kodeksy.com.ua/ka/ugolovno-ispolnitelnij_kodeks_ukraini).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г., закон № 4651-VI // [http://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovno-processualnij\\_kodeks\\_ukraini-novaja-redakcija/2012-11-20-158](http://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovno-processualnij_kodeks_ukraini-novaja-redakcija/2012-11-20-158). – Дата доступа: 22.05.2013.

18. Уголовно-исполнительный кодекс Казахстана, введенный в действие 13.12.1997 г., законом № 209-1 // [online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=1008443#sub\\_id=7010000](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008443#sub_id=7010000). – Дата доступа: 13.12.2012.
19. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Казахстан. – Алматы, 2003. – С. 156–159.
20. Бибило, В.Н. Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск, 2003. – Вып. 14. – С. 286–289.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, принят Палатой представителей 24.06.1999. – СПб., 2001. – С. 522–523.

## **РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

### **О РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**М.С. Абламейко**

*доцент кафедры конституционного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Развитие информационных технологий предопределило становление нового общества – информационного. Началом развития информационного общества в правовой сфере принято считать издание постановления Совета Министров Республики Беларусь от 27 ноября 1991 г. № 444 «О программе информатизации в Республике Беларусь». Впоследствии, на каждую пятилетку, были приняты Программы развития информационного общества. Принимались нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь (указы, декреты), Совета Министров (постановления), министерств и иных республиканских органов государственного управления и др. Вместе с тем, следует констатировать некоторую бессистемность, присутствие дублирования, что в свою очередь приводит к проблемам в правоприменении.

К настоящему времени необходимое законодательство, обеспечивающее и регулирующее правоотношения в рамках современных информационных процессов, в основном разработано, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Развитие информационно-коммуникационных технологий, интернета, облачных технологий и цифровых платформ, а также информационный обмен из разных каналов данных, обеспечили появление открытых информационных систем и глобальных промышленных сетей, выходящих за границы отдельного предприятия и взаимодействующих между собой. Такие системы и сети оказывают преобразующее воздействие на все сектора современной экономики и бизнеса за пределами самого сектора ИКТ, и переводят промышленную автоматизацию на новую четвертую ступень индустриализации.

Четвертая индустриальная (промышленная) революция (Индустрия 4.0) – переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени в постоянном взаимодействии с внешней средой, выходящее за границы одного предприятия, с перспективой объединения в глобальную промышленную сеть вещей и услуг [1].

В Республике Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021 – 2025 годы» среди приоритетных направлений научно-технической и инновационной деятельности на 2021 – 2025 годы определены в том числе цифровые

информационно-коммуникационные и междисциплинарные технологии, основанные на них производства (технологии «умного» города; технологии больших данных; искусственный интеллект и робототехника; цифровые пространственные модели, технологии дополненной реальности) [2].

Реалии сегодняшнего дня требуют развития не только ИКТ, но и развитой законодательной базы. При этом, следует понимать, что технологии всегда будут опережать право, но разрыв не должен быть существенным. В этой связи представляется возможным рассмотрение различных путей совершенствования законодательства в информационной сфере.

Республика Казахстан пошла по пути принятия Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» от 25 июня 2020 г. № 347-VI, которым внесла изменения во многие кодифицированные акты и законы.

В Российской Федерации в 2014 году Институтом государства и права Российской Федерации была представлена Концепция Информационного кодекса Российской Федерации, обосновывающая подход к разработке Информационного кодекса на основе обзора действующего информационного законодательства и анализа причин снижения его эффективности. Представлена модель кодификации норм общей части информационного законодательства как единой системы базовых задач, принципов и структуризации норм, регулирующих отношения в процессе развития информационного общества [3]. Вопросы кодификации отрасли информационного права продолжают обсуждаться и в настоящее время.

Также следует упомянуть принятый на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, состоявшемся в г. Санкт-Петербурге, постановлением от 3 апреля 2008 г. № 30-6 Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ, который также предусматривает кодификацию отрасли информационного права для гармонизации законодательства стран СНГ.

Анализ развития информационного общества в Республике Беларусь показывает, что развитию информационного общества и процессам цифровизации уделяется большое внимание, рассматривая данные направления развития страны, как приоритетные. Вместе с тем, следует отметить, что в настоящее время существуют пробелы в правовом регулировании, в частности отсутствие именно законов, регулирующих: электронную торговлю, национальный сегмент сети Интернет, персональные данные, инжиниринг и другие сферы. Также, следует констатировать, что основной массив законов был принят в начале 2000-х годов, и, хотя на протяжении длительного времени в них вносились изменения, некоторые из них требуют пересмотра. В частности, это касается Закона «Об информации, информатизации и защите информации».

Развитие и совершенствование национального законодательства в сфере построения информационного общества должно основываться на принципах и подходах, сформулированных в международных актах. При этом развитие нормативной правовой базы в данной сфере, на наш взгляд, необходимо базировать на следующих принципах:

- учет действующих нормативных правовых актов, в том числе кодексов;
- независимость от технических новшеств, чтобы любая, даже самая незначительная техническая инновация не приводила к необходимости срочно вносить изменения в законодательство;
- избежание излишнего регулирования, поскольку в ряде случаев развитие саморегулирования может оказаться более эффективным средством создания цивилизованного информационного пространства;
- обеспечение минимизации негативного информационного воздействия и негативных последствий функционирования информационных технологий и систем;
- недопущение несанкционированного распространения, использования и уничтожения информации;
- гармонизация национального информационного законодательства с международным законодательством и законодательством других стран.

Основными мероприятиями в сфере формирования законодательной базы развития информационного общества могут быть:

- создание базы данных действующих нормативных правовых актов, регулирующих сферу информатизации. Это может быть частью имеющейся базы данных Национального центра правовой информации;
- постоянная разработка новых нормативных правовых актов;
- формирование перспективного плана научных исследований в сфере разработки и изменения законодательства и проведение научных исследований. Данные исследований в первую очередь могут быть проведены в Белорусском государственном университете и НАН Беларуси по заказу Министерства связи и информатизации.

Целями подготовки информационного законодательства являются:

- определение единого понятийного аппарата в сфере цифровизации;
- установление правовых основ государственного управления в сфере цифровизации, разграничение функций между государственными органами с учетом современного уровня развития цифровой экономики и информационного общества;
- правовое обеспечение использования современных информационных технологий и глобальной компьютерной сети Интернет в условиях их постоянного развития и цифровизации общественной жизни;
- закрепление правовых основ электронного правительства;
- уточнение правовых, организационных и технических аспектов защиты информации, информационных ресурсов (систем).



Развитие информационного законодательства будет поступательно двигаться в направлении постепенного перехода к кодифицированному акту – Информационному кодексу Республики Беларусь.

Дальнейшее развитие информационного общества требует продолжения разработки законодательной базы с привлечением ученых и практиков, работающих в данной области. Существует несколько возможных путей развития информационного законодательства:

- создание единого кодифицированного акта – Информационного кодекса,
- внесение изменений во все действующие акты законодательства одним Законом – принятие единого Закона, касающегося цифровых технологий,
- принятие новых законов в сфере информационного права по отдельным направлениям.

Вместе с тем, реализация любого из этих подходов требует комплексной, тщательной проработки и систематизации. На наш взгляд, целесообразным является разработка и принятие Концепции развития информационного законодательства. К разработке данной Концепции необходимо привлечь все заинтересованные органы государственного управления, представителей частной сферы и членов гражданского общества. Данная Концепция должна охватывать нормативную базу во всех значимых сферах развития информационного общества, предоставить возможность осуществления государственного-частного партнерства, предоставить площадку для диалога государственных органов и впоследствии определит векторы развития информационного законодательства. В дальнейшем, в рамках реализации Концепции следует разработать и принять Дорожную карту (Программу), в которой определить ответственные органы за реализацию всех мероприятий и сроки выполнения.

### **Библиографический список**

1. Четвертая промышленная революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php>. – Дата доступа: 10.11.2020.
2. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.igpran.ru/public/publiconsite/Conception\\_IC\\_compress.pdf](http://www.igpran.ru/public/publiconsite/Conception_IC_compress.pdf)). – Дата доступа: 10.11.2020.

# **ПРАВО РЕБЕНКА НА ГРАЖДАНСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТАХ**

**М.В. Андрияшко**

*доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления УО  
«Барановичский государственный университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Термин «гражданство Республики Беларусь» легально дефинирован частью первой ст. 1 Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон «О гражданстве») как устойчивая правовая связь человека с Республикой Беларусь, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека [1].

Правом человека на гражданство во многом предопределен статус человека. Поэтому вопросам приобретения, сохранения и прекращения гражданства Республики Беларусь придается важное государственное значение.

Всеобщая декларация прав человека (1948) определила в ст. 15, что каждый человек имеет право на гражданство (1) и никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство (2) [2]. Придерживаясь содержания части первой ст. 8 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституции) о признании Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечении соответствия им законодательства, норма части второй ст. 15 Всеобщей декларации прав человека (1948) дословно воспроизведена в части второй ст. 10 действующей Конституции, согласно которой «никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство» [3].

Указанное соответствует одному из принципов гражданства Республики Беларусь, предусмотренному частью второй ст. 5 Закона «О гражданстве», о том, что «Республика Беларусь стремится к избежанию случаев безгражданства» [1]. Несмотря на это, Республика Беларусь не является участницей Конвенции ООН о сокращении безгражданства (1961) [4; 5]. Частью первой ст. 10 Конституции в отношении граждан Республики Беларусь закреплена гарантия защиты и покровительства государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами [2].

Вопросы гражданства Республики Беларусь как неотъемлемого атрибута государственного суверенитета Республики Беларусь приобретают особое значение применительно к несовершеннолетним лицам. Часть первая ст. 32 Конституции определила, что брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [2]. Защита детства и других перечисленных институтов осуществляется посредством реализации мероприятий, предусмотренных ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), и подчиняется задачам законодательства о браке и семье, среди которых, в частности, «установление прав детей и обеспечение их

приоритета...» и «учет наилучших интересов ребенка при принятии государственными органами, иными организациями решений в отношении детей» [6]. Относительно дискуссионности применяемой методологии и терминов «задача» и «цель» мы упоминали в ранее опубликованных работах [7, с. 220].

Продолжая, отметим, что депутатами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 19 ноября 2020 г. во втором чтении принят проект Закона «Об изменении Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» [8], направленный на совершенствование законодательства о гражданстве с учетом практики его применения, в том числе по вопросам гражданства несовершеннолетних.

Постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по законодательству и государственному строительству отметила, помимо прочего, что «исходя из положений Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., законопроектом вводится принцип учета наилучших интересов ребенка при принятии решений в отношении детей по вопросам гражданства»; «в целях улучшения демографического потенциала законопроектом предусматривается установление возможности приобретения гражданства в порядке регистрации детьми, родившимися и постоянно проживающими в Республике Беларусь, родители которых являются лицами без гражданства» [9].

В части третьей ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) определено, что каждый ребенок имеет право на приобретение гражданства [10]. При этом право ребенка на гражданство рассматривается как одна из мер защиты ребенка, «которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства» (1) [10]. Мерами защиты ребенка является также необходимость немедленной регистрации ребенка после рождения и дать ребенку имя (2) [10].

В п.п. 7 – 8 Замечания общего порядка № 17 (Статья 24) Комитета ООН по правам человека отмечается, что право ребенка быть зарегистрированным немедленно после рождения и иметь имя и фамилию должно истолковываться как тесно связанное с правом на специальные меры защиты, и призванное способствовать признанию правосубъектности ребенка, особенно в отношении детей, родившихся вне брака. Обязанность регистрировать детей после их рождения в первую очередь направлена на то, чтобы уменьшить для них опасность стать предметом похищения, торговли или незаконных перемещений либо других видов злоупотреблений (п. 7) [11]. Цель закрепления права ребенка на гражданство заключается в предотвращении такого положения, когда ребенок получает меньшую защиту со стороны общества и государства ввиду его положения апатрида. Однако государствам не предписывается в обязательном порядке предоставлять свое гражданство всем детям, родившимся на их территории. Тем не менее Комитет ООН по правам человека обязывает государства принять все соответствующие меры как во внутреннем

плане, так и в сотрудничестве с другими государствами в целях обеспечения предоставления любому ребенку гражданства в момент его рождения. В этой связи во внутригосударственном законодательстве не допускается никакой дискриминации в отношении приобретения гражданства между законорожденными детьми и детьми, родившимися вне брака или детьми, родившимися от родителей-апатридов, или на основе гражданства одного или обоих родителей (п. 8) [11].

Конвенция ООН о правах ребенка (1989), восприняв положения ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), также устанавливает правило о том, что «ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу» (ст. 7) [12]. Важным видится упоминание в ст. 8 Конвенции ООН о правах ребенка (1989) положения о том, что право ребенка на гражданство, равно как и право на имя, право на семейные связи как предусмотрено законом, в совокупности образуют право ребенка на сохранение своей индивидуальности (1), при этом, если ребенок незаконно лишается части или всех элементов своей индивидуальности, государство обеспечивает ему необходимую помощь и защиту для скорейшего восстановления его индивидуальности (2) [12].

По общему правилу в Республике Беларусь определение гражданства детей, наряду с определением собственного имени, отчества, фамилии детей, относится к личным неимущественным правам и обязанностям родителей (ст. 68 КоБС) [6]. Согласно ст. 72 КоБС основания и порядок приобретения, сохранения и прекращения ребенком гражданства Республики Беларусь определяются законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь [6].

В соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка», каждый ребенок имеет право на гражданство, а также определено, что «основания и порядок приобретения и изменения гражданства ребенка определяются законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь, регулирующими вопросы гражданства» [13].

В соответствии с п. 5 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», под законодательными актами понимаются Конституция Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь [14]. Таким образом, обнаруживается разночтение, нуждающееся в устранении. Согласно части четвертой ст. 10 Конституции приобретение и утрата гражданства осуществляются в соответствии с законом [3]. Конвенция ООН о правах ребенка (1989) также в качестве источника упоминает закон (п. 1 ст. 8) [12]. Согласно части первой ст. 2 Закона «О гражданстве» вопросы гражданства в Республике Беларусь регулируются «Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом,

другими актами законодательства и международными договорами Республики Беларусь» [1]. При этом, согласно п. 1 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» под актами законодательства понимается максимально широкий массив нормативных правовых актов, составляющих законодательство, которое, в свою очередь, согласно п. 1 ст. 3 этого же Закона определено как система нормативных правовых актов, характеризующаяся их внутренней согласованностью, иерархией и обеспечивающая правовое регулирование общественных отношений. Отметим, что закрепление конституционного положения о законе как виде нормативного правового акта, юридической силы которого достаточно для правового регулирования вопросов приобретения и утраты гражданства, соответствует принципам и нормам международных правовых актов.

Ввиду указанного, видится целесообразным с учетом предстоящей перспективы оптимизации текста Основного Закона, учесть, что положения о гражданстве в настоящее время закреплены в полном соответствии с нормами и принципами международных договоров Республики Беларусь. В то же время, положения о правовом регулировании вопросов гражданства несовершеннолетних лиц, предусмотренные ст. 72 КоБС, ст. 7 Закона «О правах ребенка» и в общем частью первой ст. 2 Закон «О гражданстве» видятся нуждающимися в уточнении.

### **Библиографический список**

1. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2016 г., № 414-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 28.07.2016. – 2/2411.

2. Всеобщая декларация прав человека (1948) [Электронный ресурс] : Офиц. сайт ООН. – Режим доступа : [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/declhr.Sht ml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.Sht ml). – Дата доступа : 04.10.2020.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

4. Конвенция ООН о сокращении безгражданства (1961) [Электронный ресурс] : Резолюция 896 (IX) Генеральной Ассамблеи ООН, 4 дек. 1954 г. (принята 30 авг. 1961 г.) / Офиц. сайт ООН. – Режим доступа : [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions /statelessness.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions /statelessness.shtml). – Дата доступа : 04.10.2020.

5. United Nations Treaty Collection. Chapter V. Refugees and stateless persons. Convention on the Reduction of Statelessness (1961) [Electronic resource] : UN. – Access mode : [https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg\\_no=V-4&chapter=5&clang=\\_en](https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=V-4&chapter=5&clang=_en). – Access date : 04.11.2020.

6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г., № 277-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 28.12.2019. – 2/2715.

7. Андрияшко, М. В. Меры по сохранению и укреплению институтов брака и семьи в Республике Беларусь / М. В. Андрияшко // Гуманітарна наука ХХІ століття: сучасні виклики в галузі права, освіти, соціальних та поведінкових наук: матеріали заочної міжнар. наук.-практ. конф. (м. Чернігів, 6 листопада 2020 р.) / гол. ред.: О. М. Тогочинський; Академія Державної пенітенціарної служби. – Чернігів : Академія ДПтС, 2020. – С. 219 – 223.

8. 19 ноября 2020 года на очередном заседании четвертой сессии Палаты представителей седьмого созыва депутаты рассмотрели 10 вопросов [Электронный ресурс] : Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, офиц. сайт, 2020. – Режим доступа : <http://www.house.gov.by/ru/news-ru/view/19-nojabrja-2020-goda-na-ocherednom-zasedanii-chetvertoj-sessii-palaty-predstavitelej-sedmogo-sozyva-62972-2020/> . – Дата доступа : 19.11.2020.

9. Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, офиц. сайт, 2020. – Режим доступа : <http://www.sovrep.gov.by/ru/senators-ru/viewCommittee/pk-zgs-ru-07-40/>. – Дата доступа : 19.11.2020.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) [Электронный ресурс] : Резолюция 217А(III) Генеральной Ассамблеи ООН, 16 дек. 1966 г. / Офиц. сайт ООН. – Режим доступа : [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pactpol.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml). – Дата доступа : 04.10.2020.

11. Замечание общего порядка № 17 (Статья 24) [Электронный ресурс] : Комитет ООН по правам человека, 1989 г. – Режим доступа : <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom17.html>. – Дата доступа : 16.10.2020.

12. Конвенция о правах ребенка (1989) [Электронный ресурс] : Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН, 20 нояб. 1989 г. / Офиц. сайт ООН. – Режим доступа : [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/childcon.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml). – Дата доступа : 16.10.2020.

13. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХІІ ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г., № 362-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.05.2016. – 2/2360.

14. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 31.07.2018. – 2/2568.

## **О ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ ВАЖНЫХ ВОПРОСОВ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**О.А. Антонова**

*заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин  
УО «Белорусский государственный экономический университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В соответствии со ст. 37 Конституции Республики Беларусь граждане участвуют в управлении делами государства и общества через различные правовые формы, среди которых предусматривается и проведение разнообразных видов обсуждений. В данной статье Основного закона прямо указывается на республиканские и местные собрания, не исключая возможности закрепления и применения иных способов. В развитие конституционных положений на законодательном уровне были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие порядок реализации той или иной формы прямого участия граждан в решении государственных вопросов. При этом, хотелось бы подчеркнуть самостоятельность и независимость таких институтов, в том числе и от органов государственной власти. Другими словами, право граждан, как носителя и источника государственной власти, на участие в управлении государственными делами (например, путем проведения обсуждений) может быть реализовано ими по собственной инициативе, без волеизъявления государственных органов и должностных лиц. В связи с этим, считаем спорным утверждение В.А. Евстафьева о том, что «посредством реализации своих полномочий в пределах обозначенных направлений деятельности, Глава государства формирует базовые предпосылки для всесторонней и самостоятельной реализации гражданами их конституционных прав на участие в управлении делами страны» [1, с. 62].

К сожалению, практика показывает, что в современной политической жизни в Беларуси гражданская инициатива остается слабо востребованной самим населением страны, например, не используется институт местных референдумов, институт законодательной инициативы. В большинстве случаев фактической реализации форм непосредственного участия граждан в управлении предшествовала инициатива публичных органов, должностных лиц. Не является исключением и вовлечение граждан в процесс разработки изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь через функционирование диалоговых площадок, платформ. Интересным в этой связи является опыт Исландии, где не в простых условиях «проект Конституции Исландии 2011 г. был разработан учредительным собранием, в состав которого входили рядовые граждане, а не представители политической элиты. Благодаря использованию социальных медиа и официального сайта, Конституционный Совет смог установить прямые контакты с населением и оперативно

реагировать на предложения и комментарии граждан» [2, с. 55]. Сложность условий заключалась в том, что «процесс пересмотра Конституции инициировали сами граждане в рамках протестных социальных движений, возникших на волне финансового и банковского кризисов, когда тысячи людей вышли на улицы с требованием отставки правительства» [2, с. 57]. Первоначально для разработки проекта должно было быть создано Конституционное Собрание, в состав которого могли входить от 25 до 31 делегата, избранных прямым голосованием граждан. Выдвижение кандидатов осуществляется не менее 30 и не более 50 избирателями. Кандидаты должны обладать избирательным правом. Не могут выдвигаться в состав Конституционного Собрания Президент Республики, члены парламента и их заместители, а также члены правительства. «Исходя из численности населения страны, один из 500 избирателей страны баллотировался в качестве кандидата, и один из 15 избирателей поддержал кандидата в состав Собрания» [2, с. 57]. Однако выборы были признаны недействительными, в силу чего был создан Конституционный Совет, в состав которого были назначены 25 кандидатов, набравших наибольшее число голосов на выборах в Конституционное Собрание. «В состав Совета входили доктора, юристы, священник, профессора, представители СМИ, фермер, математик, три бывших члена парламента, философ, поэт, артист, директор театра, профсоюзный лидер, медсестра, защитник прав инвалидов [2, с. 57].

Диалоговые площадки в Республике Беларусь были проведены на различных уровнях территориальной организации, как правило, вели дискуссию со стороны государственной власти члены Совета Республики Национального собрания, председатели местных исполнительных и распорядительных органов. По итогам нескольких заседаний на каждой площадке были сформулированы обобщенные предложения по внесению изменений и дополнений в действующую Конституцию Республики Беларусь. Планируется, что высказанные предложения должны быть представлены в организационный комитет Всебелорусского народного собрания. Достаточно активно освещается работа диалоговых площадок в средствах массовой информации.

По своей природе диалоговые площадки являются современной разновидностью обсуждений важных вопросов государственной и общественной жизни. С помощью обсуждений, выступающих в качестве института прямой демократии, реализуется участие граждан в управлении делами государства и общества, выявляется общественное мнение, осуществляется контроль за деятельностью государственных органов и отдельных должностных лиц. Некоторые авторы определяют диалоговые площадки как модель взаимодействия гражданского общества с властью, которая характеризуется тем, что «Традиционно площадками взаимодействия выступают открытые форумы с участием в качестве равноправных партнеров сотрудников НКО, экспертов-преподавателей образовательных организаций,



государственных и муниципальных служащих, политиков, общественников» [З с. 104]. По этому поводу Е.А. Исаева отмечает, что «Эффективность диалоговых площадок напрямую зависит от доверия общественных экспертов и населения к их работе, к реальной возможности влияния на процесс принятия властных решений» [4, с. 39-40]. Применительно к региональному уровню указанный автор считает, что для создания действенных диалоговых площадок имеет значение несколько факторов, среди которых: 1) развитость общественного сектора региона, т.е. наличие экспертного потенциала для участия в диалоговых площадках; 2) открытость власти и готовность идти на контакт с представителями общественного сектора, готовность выявлять, видеть и ценить экспертный потенциал НКО региона; 3) готовность НКО идти на контакт с властью; 4) подход к формированию диалоговых площадок [4, с. 40-41].

По нашему мнению, если говорить о нормативном регулировании, то в Республике Беларусь требуется принятие единого законодательного акта, который бы закреплял принципы, виды и порядок проведения обсуждений гражданами важных государственных и общественных вопросов, включая и республиканские и местные собрания, и диалоговые площадки, и обсуждения проектов нормативных правовых актов. Конструкция обсуждений проектов законов и вопросов республиканского и местного значения включает в себя: характер обсуждений, на который влияет их уровень; круг субъектов и их правовой статус (инициаторы, организаторы, граждане и их объединения); предмет таких обсуждений. Этот единый нормативный правовой акт будет способствовать развитию участия граждан в выработке решений по важным вопросам государственной и общественной жизни на основе сопоставления различных мнений и предложений.

### **Библиографический список**

1. Евстафьев, В.А. Государственные институты Беларуси в процессах политического участия // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2019. – № 1. – С. 61-67.
2. Васильева, Т.А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 55-62.
3. Чаплыгин, А.А. Модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества / А.А. Чаплыгин, Е.А. Агеева // Вестник экспертного совета. – 2018. – № 3 (14). – С. 104-107.
4. Исаева, Е.А. Нормативно закреплённые диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности / Е.А. Исаева // Власть. – 2013. – № 8. – С. 39-41.

**ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ  
НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ  
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Н.А. Антанович**

*заведующий кафедрой политологии юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
доктор политических наук, профессор*

Становление прикладного политологического знания шло параллельно с изучением государства и права. В период институционализации политической науки как дисциплины в конце XIX в. политика изучалась в тесной связи с конституционным правом, а основными методологическими подходами были институциональный и формально-правовой. Тесное взаимодействие политики и права обусловлено и их сущностными характеристиками в качестве фундаментальных регуляторов общественных отношений. Характеристики права – государственная природа, нормативность, общеобязательность, формализованность, направленность на стабилизацию общественных отношений. Характеристики политики – целенаправленность, властный характер, управление общественными делами, конфликтно-консенсусная диалектика, направленность на динамику социальных отношений. Право и политику объединяют рационально-волевой характер и направленность на регулирование социальных отношений, диалектика общесоциальной и социально-групповой составляющих [1; 2].

На постсоветском пространстве политологическое обучение часто ведется на философских, исторических факультетах, созданы и самостоятельные факультеты политических наук. В БГУ подготовка политологов ведется по специальности «политолог-юрист». Инициатором открытия отделения политологии в БГУ был доктор философских наук, профессор А.М. Байчоров. Открытие специальности «политолог-юрист» инициировал С.В. Решетников (заведующий кафедрой политологии БГУ с 1993 по конец 2019 гг.). В 1994 г. кафедра и отделение политологии были переведены на юридический факультет БГУ.

В БГУ первый набор студентов на специальность «политология» был осуществлен в 1992 г. (первый выпуск – в 1997 г.). Направление специальности в БГУ – 1-23 01 06-01 Политология (политико-юридическая деятельность). По согласованию с БГУ в БГЭУ в 2009 г. (через 17 лет после БГУ) была открыта специальность «политолог-менеджер» (специализация «политический менеджмент»).

В 2017 г. на юридическом факультете БГУ открыта магистратура по специальности 1–23 80 07 Политология (выпускники получают степень магистр политических наук).

Кафедра политологии БГУ является ведущим научным учреждением Республики Беларусь по подготовке аспирантов и докторантов по

специальностям 23.00.01; 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05. На базе кафедры создавались и действовали советы по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата политических наук. В настоящее время действует совет Д 02.01.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата политических наук по специальностям 23.00.01, 23.00.02, 23.00.05. С сентября 2000 по июль 2005 гг. профессор С. В. Решетников работал директором Института государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, где по его инициативе были открыты совет по защите диссертаций по политическим наукам (по специальностям 23.00.01, 23.00.02, 23.00.04) и соответствующая аспирантура.

Научная школа кафедры политологии юридического факультета БГУ развивается по следующим направлениям:

Теория политики, методология политической науки (теория государственной политики и управления, политическая аналитика).

Институциональное измерение государственной политики и управления (виды государственной политики в соответствии с системой органов государственного управления, политическая система, взаимосвязь политики и права).

Процессуальное измерение публичной и государственной политики, политического и государственного управления (политическая деятельность, политическое поведение, деятельность политических партий и групп интереса, GR-деятельность).

Технологическое, инструментальное измерение публичной и государственной политики, политического и государственного управления; организация отношений с органами государственной власти, политические технологии, лоббизм.

Политическое пространство и политическое поле (политические идеологии, политическая идентичность, массовая и политическая коммуникация, связи с общественностью).

Проблемы глобального и регионального развития (региональная подсистема международных отношений; феномен пограничных и трансграничных регионов; этнополитика; этнический и религиозный факторы политических процессов и государственной политики).

Подготовка политологов на юридическом факультете БГУ тесно связана с исследованием государственного управления как направления политической науки. Подчеркнем, становление политического анализа (в изначальной англоязычной трактовке – Policy Analysis) как ядра политической науки было связано с государственным управлением.

Кафедрой политологии юридического факультета БГУ разработаны типовые планы для специальности 1–23 01 06 «Политология (по направлениям)», а также типовые программы по учебным дисциплинам: «Введение в политическую теорию», «Теория политики», «Методология политической науки», «Политические идеологии», «Сравнительная

политология», «Теория государственного управления», «Теория принятия политических решений», типовая программа по интегрированному модулю «Политология». На специальности «Политология» (1 степень) читается 20 учебных дисциплин; на 2-й ступени образования (магистратура) – 11 учебных дисциплин. Ежегодно в учебный процесс внедряются 1-2 дисциплины специализации и факультативы.

Кафедра политологии БГУ на протяжении своего 30-летнего существования является центром отечественной политической науки и местом работы специалистов высочайшего класса, среди которых 4 доктора наук (3 из них – доктора политических наук) и 12 кандидатов наук. Сотрудники кафедры разработали более 100 монографий, учебников и учебно-методических пособий, по которым политическую науку изучают студенты в ряде белорусских вузов.

В нашей стране инициативу подготовки политологов-юристов подхватили Институт предпринимательства и парламентаризма (в 2020-2021 учебном году набор студентов составил 20 человек на дневную платную и 15 человек на заочную платную формы обучения), БИП-Институт правоведения (набор студентов в 2020-2021 учебном году: 30 человек на дневную платную и 25 человек на заочную платную формы обучения). В БГЭУ набор по специальности «политолог-менеджер» в 2020-2021 учебном году на дневную форму обучения: 5 бюджетных и 20 платных мест. В Брестском государственном университете ведется подготовка по специальности «историк-политолог» с набором 10 бюджетных и 15 платных мест.

С момента первого выпуска дневное отделение юридического факультета БГУ по специальности «Политология» с присвоением квалификации «политолог-юрист» закончили более 660 профессионалов своего дела. Среди выпускников: государственные служащие республиканских и местных органов власти; работники сферы образования и науки, сотрудники НАН Беларуси; аналитики различных исследовательских центров и «фабрик мысли»; работники системы органов прокуратуры, сотрудники бизнес-структур, банков и специалисты в сфере НКО.

Таким образом, политологическое образование на юридическом факультете Белорусского государственного университета – уникальный феномен на постсоветском пространстве в силу междисциплинарной подготовки по специальности «Политология» с присвоением квалификации «политолог-юрист».

### **Библиографический список**

1. Значение политического сознания для постановки общественных проблем на повестку дня политики (на примере Республики Беларусь) // С. В. Решетников, Н.А. Антанович, О.Е. Побережная // Вестн. БГУ. – Сер. 3, 2015. – № 3. – С. 110 – 114.

2. Междисциплинарность в изучении государственных институтов и публичной политики: о взаимодействии политической и правовой наук (мировой опыт и практика подготовки специалистов с квалификацией «Политолог-юрист» на юридическом факультете БГУ) / Антанович Н.А., Михайловский В.С., Ильина Е.М., Паречина С.Г.// Юрыдычная навука і адукацыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта: зб. навук. прац / рэдкал.: Т.М. Міхалева (гал. рэд.) і інш.; пад рэд. Т.М. Міхалевай і інш. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 485 –495.

## **КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020**

**А.С. Бакун**

*заместитель декана по учебно-воспитательной работе  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Действующая Конституция Республики Беларусь [1] представляет собой пример Основного Закона, созданного в период демократических преобразований и содержащего основные универсальные принципы и положения. Более того, большинство норм действующей Конституции Республики Беларусь реализованы в течение ее срока действия, и лишь отдельные нормы и конституционные механизмы не были использованы на предыдущих этапах развития белорусской государственности. Однако если есть запрос на реформирование конституционного процесса в широком смысле этого понятия, а также пересмотр конституционных ценностей, то применительно к белорусской конституционной реформе следует двигаться по направлению закрепления консервативных конституционных ценностей и сохранения классических институтов государственной архитектуры. Тенденции закрепления консервативных конституционных ценностей в результате конституционного реформирования наблюдаются в отдельных странах в последнее десятилетие (например, Конституция Венгрии 2011 года [2], Конституция Российской Федерации с изменениями и дополнениями 2020 года [3]).

Нельзя не согласиться с Т.С. Масловской, что, «учитывая современные внутренние и внешние вызовы и угрозы, возникающие кризисные явления, будет продолжаться усиление ценностной составляющей конституции, которое выступает конституционным ответом (конституционной реакцией) на кризис ценностей в обществе (легализация однополых браков, утрата патриотических чувств и др.) и государстве (мир, безопасность, здоровье). Продолжится .... увеличение объема каталога конституционных ценностей в целом» [4, с. 51]. Следовательно, поэтому необходимо акцентировать внимание на закрепление консервативных конституционных ценностей в процессе конституционной

реформы в Республике Беларусь, направленных на защиту национальных интересов белорусского государства.

Конституционные поправки в процессе белорусской конституционной реформы 2020, полагаем, можно разделить на четыре группы: ценностно-декларативные, символично-характеризующие, правочеловечные, институциональные. К первой группе поправок можно отнести закрепление духовных ценностей белорусского народа и исторических значимых событий в развитии белорусской государственности в Преамбуле Конституции Республики Беларусь. Так, полагаем, следует дополнить Преамбулу Конституции Республики Беларусь словосочетаниями «опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, чтя память о Победе в Великой Отечественной войне и сохраняя веру в Бога» с целью закрепления религиозных ценностей белорусского народа и превенции искажения исторического военного прошлого Беларуси.

Ко второй группе поправок можно отнести поправки в Раздел I Конституции Республики Беларусь, которые определяют основные характеристики белорусского государства, его государственную символику и языковую среду. Так, следует дополнить статью 19 Конституции Республики Беларусь детализированными уточнениями:

«Символами Республики Беларусь как суверенного государства являются ее Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн.

Государственный флаг Республики Беларусь представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из двух горизонтальных цветных полос: верхней – красного цвета и нижней – зеленого цвета.

Государственный герб Республики Беларусь представляет собой размещенный в серебряном поле зеленый контур Государственной границы Республики Беларусь, наложенный на золотые лучи восходящего над земным шаром солнца. Вверху поля находится пятиконечная красная звезда. Герб обрамлен венком из золотых колосьев, переплетенных справа цветками клевера, слева – цветками льна. Венок трижды перевит с каждой стороны красно-зеленой лентой, в средней части которой в основании Государственного герба Республики Беларусь в две строки начертаны золотом слова «Рэспубліка Беларусь».

Государственный гимн Республики Беларусь представляет собой музыкальное произведение на слова М.Н Климковича и В.И. Каризны на музыку Н.Ф. Соколовского».

Такое детализированное описание государственных символов необходимо для превенции подмены этих государственных символов иными историческими и псевдоисторическими государственными символами, а также для защиты на конституционном уровне имеющихся государственных символов Беларуси.

Кроме того, не следует дополнять часть первую статьи 1 Конституции Республики Беларусь словосочетанием «светское государство». Конституционное закрепление светскости белорусского государства может

быть негативно воспринято верующей частью населения республики. Также, на наш взгляд, не следует исключать русский язык из перечня государственных языков в статье 17 Конституции Республики Беларусь с целью сохранения языкового баланса в белорусском обществе и возможности оказания образовательных услуг иностранным гражданам.

Третью группу поправок составляют поправки в статьи белорусской Конституции, в которых закреплены права и свободы человека. Такие поправки необходимы с целью совершенствования существующего билля о правах, адаптации универсальных конституционных норм к особенностям развития белорусского общества на современном этапе. Необходимо дополнить статью 24 Конституции Республики Беларусь следующим образом «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых посягательств. Смертная казнь в Республике Беларусь не применяется». Конституционное закрепление отмены смертной казни повлечет собой гуманизацию наказания в соответствии с международными стандартами в области прав человека.

В свою очередь, статью 31 Конституции Республики Беларусь следует дополнить предложением «Свобода вероисповедания и свобода совести гарантируется. Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» с целью уточнения дефиниции, закрепленной в статье 31 Конституции Республики Беларусь, и подтверждение гарантий реализации свободы выбора в отношении религии как верующим, так и неверующим гражданам государства.

Также часть вторую статьи 32 Конституции Республики Беларусь необходимо дополнить предложением «Брак – это союз мужчины и женщины. Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях» с целью сохранения традиционного института брака, способствующего демографическому развитию белорусского государства.

Целесообразно часть первую статьи 33 Конституции Республики Беларусь дополнить предложением «Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение. Реализация указанной свободы, в том числе посредством сети Интернет, осуществляется согласно действующему законодательству» с целью установления конституционных пределов реализации и предотвращения злоупотребления свободой мнений, убеждений и их свободного выражения, способствования реализации данных свобод субъектами в правовом поле.

Четвертая группа поправок включает в себя поправки в отношении полномочий отдельных органов публичной власти и соотношения между собой существующих и создаваемых государственных институтов. Все эти поправки

касаются Раздела IV Конституции Республики Беларусь. Полагаем, что не следует упразднить Конституционный суд Республики Беларусь и объединять конституционную юстицию с судами общей юрисдикции во главе с Верховным Судом Республики Беларусь. Более того, необходимо расширить полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь, и предоставить ему право толковать Конституцию Республики Беларусь с целью универсализации применения конституционных норм всеми субъектами конституционно-правовых отношений.

Необходимо учитывать при введении института общего омбудсмана, который предназначен выполнять роль медиатора между обществом и государством, наличие в Республике Беларусь института специального омбудсмана. Общим омбудсманом может выступить Уполномоченный по правам человека при одной из палат Национального собрания Республики Беларусь, необходимость наличия которого в белорусской системе государственного управления дискутируется в доктрине длительное время. Специальным омбудсманом является Уполномоченный по делам религий и национальностей, который действует при Совете Министров Республики Беларусь и выполняет функции учета (например, религиозных организаций), а также контрольные функции (например, по отношению к деятельности религиозных организаций).

Более того, необходимо оставить в Конституции Республики Беларусь классический институт делегированного законодательства в виде делегированных законодательной властью исполнительной власти (Президенту, премьер-министру) полномочий на издание нормативных правовых актов, но определить условия при которых данное делегирование будет осуществляться, с целью сохранения классических конституционных механизмов, соответствия общемировым тенденциям и оперативного решения вопросов государственного управления.

Таким образом, Республика Беларусь в своем развитии государственности находится на этапе конституционной модернизации, которая включает в себя усиление аксиологической составляющей Основного закона, переосмысления универсального билля о правах и пересмотра функций органов государственного управления.

### **Библиографический список**

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Конституция Венгрии, 25 апр. 2011 г. [Электронный ресурс] // Московский городской университет. Коллекция Конституций. Режим доступа : <https://sdo.mgpu.ru/mod/folder/view.php?id=4343>. – Дата доступа : 14.11.2020.



3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ : инф.-правовая система. – Режим доступа : [www.spinform.ru](http://www.spinform.ru). – Дата доступа : 14.11.2020.

4. Масловская, Т.С. Конституционная модернизация: современные векторы развития // Журнал Белорусского государственного университета. – Право. – 2020. – № 3. – С. 46–52.

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Д.А. Баранов**

*юрисконсульт ОАО «Дорстроймонтажтрест»*

В условиях перехода индустриального к информационному обществу - цифровизация стала главным показателем эффективности и конкурентоспособности экономики. Сегодня в мире активными темпами происходит развитие сферы цифровых технологий, которые будут оказывать в большей мере влияние на жизнь человека и соответственно сказываться на развитии законодательства. Все большее использование современных технологий ускоряет процесс «цифровизации права». Можно с уверенностью сказать, что в современном обществе сформировался тип общественных отношений который привел к появлению современных форм управления и концептуально новым экономическим отношениям – так называемой «цифровой экономике». Отсутствие правового регулирования таких отношений создает определенные риски для их реализации в повседневной жизни и правоприменительной практике. А это привело к необходимости разработки соответствующих законодательных актов. Принятие в Республике Беларусь Декрета «О развитии цифровой экономики» не только выявило большое количество пробелов в правовом регулировании, но и послужило толчком к внедрению в хозяйственную деятельность множества неизвестных белорусскому законодательству инновационных инструментов. Можно выделить, такие как блокчейн, токен, майнинг, смарт-контракт, цифровые валюты – криптовалюта и др. Были введены институты английского права опцион и опционный договор [1]. Такое обновление определило тенденции в развитии законодательства, его качественно другом уровне, открыло возможности имплементации новых правовых институтов в различные отрасли права Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что использование цифровых технологий в сфере права также проявляется через предоставление государственных услуг в электронном виде, посредством распространения электронно-цифровой подписи, развитием Интернет-торговли, появлении правовых Интернет-платформ, позволяющих подготовить простые правовые документы, оказанию

юридических услуг и онлайн медиации – разрешение споров через Интернет, анализе и систематизации судебных решений и др. Развитие цифровых технологий влияет и на криминалистическую деятельность правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, ведет к повышению уровня специальных знаний в раскрытии преступлений, эффективности судебной деятельности, ее гуманизации, снижению латентности, обеспечивает безопасность личности, общества и государства. Правовая информатизация происходит и в системе судопроизводства. Одной из значимых новаций является внедрение электронного судопроизводства «Е-court», что позволяет дистанционно обращаться в суд с подачей документов в электронном виде. Сегодня при разработке нового единого процессуального кодекса ведется работа над введением в гражданский и хозяйственный процесс института электронных доказательств. Результатом таких шагов станет повышение оперативности и доступности правосудия, снижение судебных расходов, а также усиление состязательного принципа судопроизводства. Таким образом с появлением новых видов экономических отношений в сфере обмена информацией, а также общим проникновением цифровых технологий в бытовые, управленческие, коммерческие структуры открылись новые возможности в оптимизации и повышении эффективности правового регулирования любых сфер общественных отношений. Главная задача в этом процессе – суметь своевременно создать необходимые правовые условия.

В последующем развитие цифровых технологий в праве будет ориентировано на появление информационно-правовых систем по разработке и согласованию нормативных документов для повышения качества юридической техники их составления, создание компьютерной системы поддержки правовых решений на основе искусственного интеллекта, включая сервисы автоматизированного оформления документов по типовым делам. Одновременно должны быть разработаны методы управления рисками для компьютерного анализа судебных актов с целью выявления ошибок коррупционной составляющей. Еще одна важная проблема, которую предстоит решать именно юристам, — определение правового режима искусственного интеллекта. Понятно, что абсолютная цифровизация применения нормы к конкретному случаю нереализуема в силу логической природы правоприменения присущей только человеку. Правовые понятия являются одновременно оценочными и условными. Критерий их определения часто субъективный, интуитивный (например, в связи с «малозначительностью деяния»), а не объективный, что позволяет говорить о возникновении противоречий при использовании математических алгоритмов в нормативных системах. Поэтому искусственный интеллект невозможен в ситуациях оценочных понятий и категорий, а каждая норма уже представляет собой оценку. Таким образом, полная алгоритмизация права и правоприменения исключена.

Цифровизация жизни наряду с позитивными тенденциями породила и негативные факторы, такие как: новые риски и угрозы для человека, рост безработицы, а также формирование и распространение особой сферы преступлений – киберпреступности. Уже сегодня общество столкнулось с проблемой отпадения необходимости подготовки специалистов многих профессий. А это процесс, который несет глобальные цивилизационные изменения, связанные с подрывом основ жизни большинства людей, ставших не нужными в условиях нового цифрового уклада. Цифровизация и алгоритмизация права может привести не только к исчезновению справедливости и правосудия, но и к принятию абсурдных правоприменительных решений. Поэтому в современных условиях мир должен идти не только по пути проведения трансформации правовых реалий в угоду развитию научно-технического прогресса, но и думать о новых задачах права – сбережение ценности человека, защите его прав и свобод перед угрозой невостребованности для общества. Речь идет о необходимости пересмотра стандартов правового регулирования на уровне международно-правовых институтов и государств всего мирового сообщества.

Использование цифровых технологий и искусственного интеллекта в системе нормотворчества и правоприменения, бесспорно, является уже неизбежностью, что актуализирует вопрос о формировании «цифрового права» как совокупности норм или цифровых стандартов в форме компьютерных программ, алгоритмов или математических решений. Основной вопрос перед юристами, учеными: возможно ли новое регулирование в рамках классических правовых категорий гражданского или иных отраслей права или требуется кардинально новый подход к праву и правоприменению. С развитием «цифровизации» следует признать необходимость нового взгляда на правовые институты в эпоху информационного общества, проведению последовательной адаптации традиционных правовых механизмов к другим реалиям. Уже сегодня в теории права изучаются понятия об «электронном лице» (искусственном интеллекте), «цифровом имуществе», «цифровых транзакциях», «смарт-контрактах» как новых категориях права. Эти и многие другие вопросы ждут своего решения в условиях уже складывающихся цифровых правоотношений.

### **Библиографический список**

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8. — Минск, 2017.— Режим доступа: <http://president.gov.by/>— Дата доступа: 09.11.2020.

# КОРОЛЬ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

**В.М. Бичун**

*преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического  
факультета Белорусского государственного университета, магистр  
юридических наук*

Форма правления в Польше в X-XI вв. представляла собой раннефеодальную монархию. Во главе государства стоял князь, происходивший из княжеского рода полян. Теоретически он был ни в чем не ограниченным господином всего княжества, т.е. его территории и всех жителей. Как обладатель всей полноты власти князь выступал и верховным военачальником, судьей, руководил внешней политикой, назначал управителей провинций и городов и чиновников. В силу специфики возникновения раннефеодальных монархий князь координировал свою власть крупной знатью (можновладством), то есть представителями территориальных родов, без которой управление государством оказалось бы невозможным.

С коронацией Болеслава I Храброго в 1025 г. Польша вошла в логику развития западной католической цивилизации. Это позволило в рамках феодализма и закрепощения крестьян усилить королевскую власть, сформировать центральный и местный аппарат управления, который строился по дворцово-вотчинному принципу. Короли назначали воевод, канцлеров, коморников и других должностных лиц [1, с. 31; с. 275-276]. Однако такое усиление королевской власти сопровождалось противостоянием со стороны крупных феодалов, князей отдельных территорий. При этом крупные феодалы нуждались в сильной центральной власти для обеспечения закрепощения свободных крестьян. Одновременно союзником королевской власти стала и Римская Католическая Церковь, структуры которой в Польше освободились от немецкого влияния и обрели в 1000 г. собственный центр г. Гнезно.

Власть короля имела хотя и династический, но в первую очередь родовой характер, в котором принцип первородства («примогенитура» (лат. *primogenitura*)) и передачи власти только одному из сыновей последовательно не проводился. Следствием были частые междоусобицы, которые позволяли знати усиливать свое политическое влияние, поддерживая того или иного претендента на престол.

Польские короли в XI-XII вв. опирались на королевский совет, состоявший из крупных земельных магнатов, как светских, так и духовных. Помимо обсуждения важных государственных вопросов (объявления войны, заключения мира и т.д.) члены королевского совета принимали участие в решении судебных дел. Иногда короли созывали съезды, на которые приглашались светские и духовные феодалы. И королевский совет, и съезды феодалов выступали главным образом в качестве совещательных органов при короле. Нобили-можновладцы обладали правом отпора монарху в случае

невыполнения им своих обязательств и законов. При этом Римско-католическая Церковь, которая объективно становилась крупным землевладельцем, постепенно усиливала свою независимость от королевской власти, особенно в периоды ее слабости. Так, после съезда в Божикове (1210 г.) прелаты Польши считали себя независимыми от светской администрации и суда. Параллельно каноническое право стало регламентировать обширные сферы общественной жизни.

После смерти короля Болеслава III Кривоустого (1138 г.) Польша распалась на ряд самостоятельных княжеств, управлять которыми по завещанию должны были сыновья умершего короля. Воспользовавшись этим, крупные феодалы добились полной самостоятельности и превратились в независимых правителей в своих землях (вотчинах). Одновременно феодальная раздробленность и постоянные междоусобные войны ускорили формирование многочисленного слоя рыцарей – шляхтичей, из которых состояли дружины и придворный аппарат управления крупных феодалов. Параллельно начался процесс формирования сословий, получивших или добившихся своих особых привилегий, крупных магнатов – панов, мелких феодалов – шляхты, духовенства и горожан.

В период феодальной раздробленности каждый удельный князь в своем владении являлся носителем всей полноты власти, возглавлял войско, заключал договоры с другими государствами, обладал судебными функциями. Вассалы князя составляли княжеский совет, параллельно с которым существовал и аппарат управления (воевода, коморник, канцлер и др.). При этом большинство из названных должностей со временем стали наследственными.

К началу XIV в. сложились предпосылки объединения Польши в единое централизованное государство. Заметное оживление экономической жизни положило начало формированию единого внутреннего рынка. Усилившаяся эксплуатация крестьян и городской бедноты привела к обострению классовой борьбы. Внешняя опасность со стороны Германии ускорила консолидацию всех социальных групп Польши в борьбе с угрозой порабощения и процесс объединения польских земель в единое государство [3, с. 35-37].

В первые десятилетия XIV в. князю Владиславу I Локетеку удалось объединить значительную часть польских земель. Успехи Владислава I и особенно его сына Казимира III Великого в политическом объединении страны объяснялись тем, что короли получили поддержку своих намерений от шляхты, которая стремилась к внутреннему миру, к ограничению произвола крупных магнатов [2, с. 278].

Однако объединение происходило в Польше несколько иначе, чем в других странах Запада. Польские города, где господствующее положение занимали немцы-колонисты, не были заинтересованы в установлении сильной королевской власти. Король же, видя свою главную опору в рыцарстве, был вынужден идти на удовлетворение их политических и экономических требований [4, с. 256]. В силу вышесказанного королевская власть не смогла

достичь той степени политического единства страны, которого достигли в свое время феодальные государства Франция и Англия, ибо она опиралась только на шляхту, добившуюся за оказанную поддержку расширения своих привилегий.

Одновременно на судьбу Польского государства повлиял и личностный фактор – Казимир III Великий не имел сыновей и поэтому единственным претендентом на польский престол рассматривался Людовик Венгерский, его племянник (сын сестры). В 1355 г. Людовик Венгерский, в обмен за права на польский трон в случае отсутствия у Казимира мужского потомства, издал в Буде привилегию для польских сословий, в которой подтверждал их права и обещал шляхте не собирать чрезвычайных налогов. Однако Людовик Венгерский также не имел сыновей и поэтому, чтобы сохранить власть за своими дочерьми, Кошицким привилеем 1374 г. в обмен на согласие польской знати на наследование трона по женской линии освободил рыцарей от поземельного налога, за исключением двух грошей с одного лана крестьянской земли [5, с. 128]. Король также обязался выкупать рыцарей, попавших в плен во время походов. Сходную привилегию, связанную с налогами, получило в 1381 г. духовенство. Конфедерация рыцарства и городов в Радомске (1384 г.) пригласила дочь Людовика Ядвига в Польшу. Осенью Ядвига, которой едва исполнилось одиннадцать лет, была коронована в Кракове «королем» Польши. Факт избрания на престол и сам возраст юной королевы укрепили права сословного представительства на совместное с государем участие в управлении.

Таким образом, королева приобрела инструментальную роль, будучи зависимой от сословий, а решающую роль играла знать Польши, которая приняла политическое решение отказать жениху Ядвиги Вильгельму Габсбургу, чтобы выдать ее замуж за литовского князя Ягайло, который, в свою очередь, проведет христианизацию языческой Литвы и заключит унию с Польшей. 14 августа 1385 г. была заключена личная уния в Крево. В феврале 1386 г. Ягайло принял крещение в Кракове и на собрании рыцарей был избран королем Польши. В результате перед Кревской унией (1385 г.) в Польше сложилась уникальная ситуация, когда королевская власть, ради династических интересов, сознательно была ограничена в правах по отношению к Церкви, знати и шляхте. Это затруднило потенциальную централизацию Польши и оказало важное влияние на модели государственного управления в Великом княжестве Литовском.

### **Библиографический список**

1. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 544 с.
2. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов : в 2-х т. / под ред. Н. Крашенинниковой, О. Жидкова. – М. : Инфра-М, 2015. – Т.1. Древний мир и Средние века. – 2015. – 719 с.

3. Аргучинцев, Г.К. История государства и права славянских народов / Г. К. Аргучинцев. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 303 с.

4. Вениосов, А.В. История государства и права зарубежных стран : учебник / А. В. Вениосов, В.В. Сажина. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 639 с.

5. Гудавичюс Э. История Литвы : с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – М. : Фонд им. И. Д. Сытина BALTRUS, 2005. – Т. 1. 2005 – 670 с.

## ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА

**А.И. Бородич**

*профессор кафедры конституционного и международного права Академии  
Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Раскрывая основные аспекты права в условиях цифровизации, необходимо подчеркнуть, что под цифровизацией подразумевается переход с аналоговой формы передачи информации на соответствующую цифровую форму. Иными словами, цифровизация представляет собой внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни личности, общества и государства. Что касается правовой стороны, то в современных условиях цифровизация затронула многие стороны в жизни общества, государства и достаточно глубоко проникла в область законодательства и широкого применения права на практике (например, обеспечение национальной безопасности, защита информации, цифровые права людей и т. д.).

Существенно то, что большинство людей сталкиваются с цифровым правом в повседневной жизни, но при этом, порой правоотношения обычно проходят неосознанно, хотя касаются многих действий, совершаемых в сети и связанных с цифровыми услугами. Всё чаще совершаются киберпреступления, правонарушения, связанные с переходом многих услуг и возможностей в цифровую среду. Поэтому, ориентироваться в цифровом праве необходимо многим юристам, особенно в правоохранительной сфере, так как в цифровую среду переходит всё больше правоотношений, в том числе и вопросы защиты прав и свобод человека, законных интересов личности, общества и государства.

Обратим внимание, что право представляет собой совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных норм поведения, соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия. Если под правом понимать совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся между субъектами по поводу определенного объекта, то в условиях цифровизации каждый компонент данного определения нуждается в уточнении. Традиционно субъектами права являются физические лица, юридические лица, государство.

Не уточняя каждый компонент, выделим только один субъект – физическое лицо, которое посредством Интернета выстраивает виртуальные

отношения, где субъект часто прячется за так называемой виртуальной личностью, или цифровым образом. Его псевдоним (nickname, сетевое имя) может маскировать субъекта (остается идентифицируемый IP-адрес, что далеко не всегда означает привязку к определенному субъекту). Согласно проекта Закона Республики Беларусь «О персональных данных», персональные данные представляют собой любую информацию, относящуюся идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано на основании такой информации. Однако Интернет повысил возможности косвенного определения лица (сопоставляя те или иные данные, можно идентифицировать личность, формально не нарушая правила автоматической обработки данных). Иными словами, действует правило «все, что зашифровано, может быть и расшифровано». Кроме того, Интернет обусловил появление информационных посредников, провайдеров, блогеров и прочих субъектов, статус которых требует конкретизации в отраслях права (информационном, административном, уголовном и др.).

Важный компонент, на который воздействует цифровизация, это объекты права, среди которых важное место занимает информация. Согласно Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З информация представляет собой сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Вопросы доступа к информации и пользования ею приобретают ключевое значение во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства (экономической, социальной, политической, гуманитарной и др), а потому затрагивают как частное, так и публичное право. В условиях цифровизации приоритетно не право доступа к отдельным документам, а доступ к информационной базе, возможность интерактивного участия в нормотворческих процессах государства. Поэтому, информация – универсальный объект права в любой правовой отрасли.

По мнению автора, самый динамичный компонент – действия субъектов по поводу объектов, определяемые как международные отношения и внутригосударственные правоотношения.

Международное право является особой правовой системой, регулирующей межгосударственные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества, в том числе и в условиях цифровизации. Нормы международного права создаются путём соглашения акторов, в первую очередь таких, как государства и межправительственные организации. Так, в Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» от 23.04.2005 г., утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 60/177 отмечается, что в период глобализации быстрое развитие информационных технологий, новых систем телекоммуникаций и компьютерных сетей сопровождается злоупотреблением этими технологиями в преступных целях. В документе



подчеркивается необходимость разработки национальных мер и развития международного сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий.

Законодательно признана юридическая сила виртуальных действий. Так, выражение мнения через Интернет способно повлечь юридические последствия. В связи с этим, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (Преступления против порядка управления) закреплены преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Комментарии в социальной сети, ре-пост или просто лайк могут быть квалифицированы как деяние, в котором усматривается состав преступления.

Согласно Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 (в ред. Закона от 29 июня 2020 г. № 33-3) под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления. К предпринимательской деятельности относится, наряду с другими, оказание услуг по разработке веб-сайтов, установке (настройке) компьютеров и программного обеспечения, восстановлению компьютеров после сбоя, ремонт, техническое обслуживание компьютеров и периферийного оборудования, обучение работе на персональном компьютере.

В то же время контракты, связанные с использованием Интернета, тоже довольно необычны. Какова правовая природа пользовательского соглашения с почтовыми серверами. Здесь присутствуют признаки публичного договора, но сами типовые правила, содержащиеся в пользовательском соглашении, обусловленные технической регламентацией, проистекают из особых видов технических актов. Необычные вопросы возникают и в связи с Интернетом вещей. Законодательство о защите прав потребителей пока не в полном объеме рассчитано на Интернет вещи.

В административном праве также возникает множество новых явлений, сказывающихся на порядке осуществления государственного управления. Развиваются механизмы электронного участия граждан в управлении, обогащаются способы информирования общества со стороны государственных институтов. То есть государство использует Интернет. В этой связи необходим цифровой реестр, в котором регистрируются официальные аккаунты органов государственного управления в социальных сетях, административная ответственность за правонарушения. Так, в проекте Кодекса Республики

Беларусь об административных правонарушениях 2020 г. имеется Глава 23 (Административные правонарушения в области связи и информации).

Нельзя обойти вниманием вопросы правового регулирования самого Интернета. В Республике Беларусь ведётся активная деятельность по правовому регулированию сети Интернет, где значимым шагом было принятие Указа Президента № 60 от 1 февраля 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», которым поставлены задачи:

- защита интересов личности, общества и государства в информационной сфере;

- создание условий для дальнейшего развития национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет;

- повышение качества и доступности предоставляемой гражданам и юридическим лицам информации о деятельности государственных органов, иных организаций и интернет-услуг.

В законодательном акте содержится и ряд требований, призванных сделать информацию о государственных органах и иных государственных организациях более доступной. В этих целях Указом предусмотрена обязанность государственных органов, иных государственных организаций и хозяйственных обществ с преобладающей долей государства в их уставных фондах размещать информацию о своей деятельности на официальных сайтах этих органов и организаций, обеспечивать их эффективное функционирование и систематическое обновление.

На основании изложенного полагаем, что перед правовой наукой стоят задачи по осмыслению происходящих в праве изменений в условиях цифровизации, в числе которых:

- совершенствование методологии юридической науки, ее обогащение познавательными средствами, позволяющими изучать право в условиях цифровизации;

- выявление механизмов и закономерностей влияния цифровизации на отрасли права;

- разработка стратегии, тактики и юридического инструментария управления цифровизацией в праве;

- создание концепции опережающего отражения в праве общественных отношений в сферах жизнедеятельности общества и государства, сопряженных с использованием цифровых технологий;

- поиск надлежащей формы регулирования Интернета на международном и национальном уровнях.

## РЭФАРМАВАННЕ СІСТЭМЫ ДЗЯРЖАЎНАГА КІРАВАННЯ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVIII СТ.

**А.В. Валеўка**

*старшы выкладчык кафедры канстытуцыйнага права і  
дзяржаўнага кіравання юрыдычнага факультэта  
УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт»*

Значным дасягненнем дзейнайсці сойма 1764 г. было стварэнне цэнтралізаванай сістэмы кіравання гаспадарчай дзейнасцю і фінансамі. У мэтах павышэння эфектыўнасці выканаўчай улады былі створаны дзве скарбовыя (фінансавыя) камісіі для Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) і Польшчы на чале з падскарбіямі. Сойм утварыў таксама вайсковую камісію, але толькі для Польшчы. Чартарыскія не захацелі абмяжоўваць уладу гетмана ВКЛ М. Масальскага, які падтрымліваў на той час «фамілію».

Пастановы канвакацыйнага сойма адносна грашова-фінансавай палітыкі дзяржавы мелі адной з асноўных мэтаў абмежаванне ўлады падскарбіяў. Для гэтага былі створаны спецыялізаваныя калегіяльныя органы – скарбовыя камісіі. Для ВКЛ была ўтворана Эканамічная рада літоўскага скарбу, якая таксама мела назву Скарбовая камісія ВКЛ. У тэксце соймавай канстытуцыі «KomissyaSkarbyW. X. Lit.» адзначалася мэта стварэння Скарбовай камісіі ВКЛ: «як найлепей арганізаваць парадак Літоўскага скарбу і памножыць яго даходы праз увядзенне лепшага кіравання» [5].

Рашэнні на пасяджэннях камісій прымаліся большасцю галасоў, што выключала магчымасць аднаасобнага прыняцця пастаноў адносна збору і размеркавання дзяржаўных даходаў [1, с. 185]. Пастановай сойма замацоўвалася, што пры выкананні сваіх службовых паўнамоцтваў камісары Эканамічнай Рады былі абавязаны клапаціцца пра інтарэсы дзяржавы, а не пра свае ўласныя інтарэсы, не атрымліваць іншай платы, акрамя пэўнай дзяржавай за іх службу, і ва ўсіх справах кіравацца аб'ектыўнасцю і справядлівасцю [3, с.129]. Ужо ў першыя этапы сваёй дзейнасці скарбовыя камісіі паказалі сябе вельмі перспектыўнымі органамі дзяржаўнага кіравання. Так, згодна са справаздачай, якая адбылася на сойме 1766 года, у дзяржаўную казну паступіла 13 731 тыс. злотых, з іх доля Скарбовай камісіі складала 5 111 тыс. злотых [1, с. 186]. Да ўтварэння скарбовых камісій даходы дзяржавы складалі каля 325 тыс. злотых. Увядзенне Генеральнай мытні і фінансавых камісій у Кароне і ў Літве паклала пачатак рэфармаванню фінансавай сістэмы Польшчы, якая сфармавалася ў «саксонскі перыяд» і зацверджанай канстытуцыямі 1717 г. на «нямым сойме». Фармальна каронная фінансавая камісія пачала працаваць з 1 ліпеня 1764 года, а літоўская - толькі 1 сакавіка 1765 г.

Канвакацыйны сойм ліквідаваў прыватныя пошліны і ўстанавіў «галоўную пошліну», аднастайную і абавязковую для ўсіх жыхароў дзяржавы, не выключаючы шляхту, святарства і самога караля. Такім чынам падаткі абавязаны былі выплачваць усе катэгорыі насельніцтва. Мясцовыя падаткі былі

ліквідаваныя, акрамя падатку на ўтрыманне дарог і мастоў, аднак і яны спаганяліся з абмежаваннімі. Змены таксама адбыліся і ў адносінах габрэйскага насельніцтва. Падатак за агульную колькасць габрэяў быў адменены, а замест гэтага яны павінны былі плаціць падушны падатак [3, с. 186]. Адбыліся і пэўныя змены ў адносінах да гарадоў: на іх карысць стала абкладацца падаткамі не толькі мяшчанства, але і шляхта, маючая тут нерухомасць. Сойм ліквідаваў абавязак мяшчан выдзяляць бясплатна кватэры паслам на сойм і ўдзельнікам шляхецкіх з'ездаў.

Ліквідаваліся ўсе прыватныя мытныя пункты і пошліны, і ўводзілася так званая генеральная пошліна, якую са спецыяльнай інструкцыяй абавязаны былі плаціць усё, пачынаючы ад караля і кожнага шляхціца да купца і селяніна [4]. Ад выплаты новай пошліны вызваліліся толькі шляхецкія тавары, якія перавозіліся з аднаго валодання ў іншую ці на торг, а таксама тавары, што ўвозіліся з-за мяжы, але толькі ў тым выпадку, калі перавозчык (шкіпер) прысягне, што тавар прызначаны для яго ўласных патрэб, а не для продажу [4].

Не ўся шляхта станоўча адносілася да рэфармавання сферы фінансаў і гандлю. І. Кітурка прыводзіць прыклад са Жлобінскай ярмаркі. Пры правядзенні кірмашоў у Жлобіне права спаганяць мыта ад купцоў меў рэчыцкі маршалак пан Халецкі, і на падставе гэтага яго камісар запатрабаваў ад Ю. Арамовіча так званую салюцыю - плату за пагаршэнне становішча ў памеры 75 злотых для пана Халецкага і 15 злотых для сябе [2, с. 130]. Суперінтэндант Рэчыцкай Каморы не мог наважыцца на выплату такіх грошай і адправіўся з данясеннем ў Гродна, аднак па шляху сустрэў рэчыцкага маршалка, «меў з ім сур'ёзную размову», але пан Халецкі адказаў, што прыняць рашэнне можа толькі на месцы. У выніку па прыездзе ў Жлобін Ю. Арамовіч за дазвол правесці дагляд купцоў вымушаны быў заплаціць пану Халецкаму 80 рублёў і яго камісару 6 злотых з дзяржаўных грошай, каб з-за страчанага часу скарб не панёс яшчэ большых страт [2, с. 130]. На ўсіх гарадскіх варотах Жлобіна суперінтэндант расставіў стражнікаў для ажыццяўлення дагляду і праверкі належных дакументаў, каб тавары не перамяшчаліся без выплаты пошліны. Пры гэтым Ю. Арамовіч паведаміў у Скарбовую камісію аб інцыдэнце, які меў месца. Калі шляхціц Дамінік Маліноўскі са сваім слугой Тадэвушам Пшыгодскім хацелі праехаць праз аддаленыя вароты з нейкім таварам, стражнік адмовіўся іх прапусціць, паколькі яны не прад'явілі спецыяльны знак на права праводзіць воз, які павінны былі атрымаць у горадзе. У адказ на гэта «стражнік атрымаў ад пана Маліноўскага ўдар у галаву, а затым быў моцна збіты » [2, с. 130]. Гэтая сітуацыя выразна паказвае нам узнікшае падчас рэфармавання сутыкненне паміж новымі поглядамі на дзяржаўную рэчаіснасць і шляхецкай ідэалогіяй. Многія прадстаўнікі шляхты не ўспрымалі сур'ёзна тых змены ў дзяржаўным і грамадскім жыцці Рэчы Паспалітай, якія адбываліся ў другой палове XVIII ст. Моцная дзяржаўная ўлада ўспрымалася пануючым саслоў'ем як пагроза іх прывілеяванаму стану.

Пачаўшыся вельмі аптымістычна, рэфармацыйныя намаганні, аднак, з цягам часу прыходзілі ў заняпад. Гэта было выклікана таксама і супярэчнасцямі паміж Чартарыйскімі і каралём Станіславам Аўгустам наконт некаторых пытанняў. Асабліва гэта тычылася фінансавай рэформы. Адным з напрамкаў фінансаванага аздараўлення Рэчы Паспалітай павінна было стаць утварэнне Манетнай камісіі, якая займалася пытаннямі чаканкі новай дзяржаўнай манеты. Гэтая рэформа павінна была забяспечыць фінансавую бяспеку Рэчы Паспалітай і спыніць выкарыстанне замежнай манеты [3, с. 187]. Аднак на шляху ўдасканалення грашовай сістэмы дзяржавы рэфарматары сутыкнуліся з шэрагам супярэчнасцяў. Розныя пазіцыі былі наконт месца чаканкі новай манеты. У якасці такіх разглядаліся: Варшава, Гданьск, Торунь і Эльблонг. Была створана Манетная камісія для ўрэгулявання пытанняў фінансавай рэформы. Галоўнай задачай яе дзейнасці быў выпуск новай манеты. Гэта тлумачылася неабходнасцю ўстанаўлення адзінай агульнадзяржаўнай манеты і спынення чаканкі мясцовай манеты ў Польскай Прусіі. Рэформа была таксама накіравана супраць хаджэння ў краіне замежнай манеты і ўцечкі срэбра за мяжу з-за неадпаведнасці курса польскага злотага і рэальнага ўтрымання срэбра ў манеце. Гэта праблема асабліва абвастрылася ў гады Сямігадовай вайны, калі Прусія выпусціла вялікую колькасць «дрэнны манеты» з паніжаным утрыманнем серабра. Нарэшце, чаканка новай манеты ў Варшаве павінна была не толькі папоўніць дзяржаўную казну за кошт рэгаліях прэрагатыў кароны, але і падняць аўтарытэт Станіслава Аўгуста сярод шляхты.

Сваю працу манетная камісія пачала ў студзені 1765 г. і выказалася ў пачатку за захаванне права чаканкі сярэбраных грошай у Гданьску і Торуні, а медных – у Эльблонга. Прычым новая каралеўская манета не павінна была па змесце срэбра істотна адрознівацца ад манеты Каралеўскай Прусіі або Курляндзіі. Вясной 1765 г. гарады Каралеўскай Прусіі пагадзіліся з гэтай прапановай, але з умовай, што яны атрымаюць права чаканіць такую ж уласную манету.

Аднак неўзабаве камісія змяніла сваё рашэнне. Манету было вырашана чаканіць у Варшаве, а яе выраб даручыць прускаму банкіру Швейгерту, які меў канторы ў Берліне і Пецябургу і хацеў узмацніць пазіцыі свайго банка, удзельнічаючы ў правядзенні грашовай рэформы ў Польшчы.

Станіслаў Аўгуст падпісаў кантракт са Швейгертом. Аднак, як успамінаў сам кароль, зроблена гэта было ў адсутнасць М. Чартарыскага, пасля вяртання якога супраць кантракту выступілі Я. Борха і А. Пшаздзецкіх, а таксама С. Любамірскіх. Яшчэ раз выявіўся канфлікт паміж «старымі» членамі «Фаміліі» і «сябрамі» караля. У снежні 1765 года праект Швейгерта быў адкінуты, а Станіслаў Аўгуст вымушаны быў пагадзіцца з кампрамісным варыянтам праекта Я. Борха і зацвердзіў рашэнне камісіі аб выпуску новай манеты [3, с. 186].

Праекты пераўтварэння дзяржаўных фінансаў сустрэлі моцнае супраціўленне як унутры краіны, так і з боку суседніх вялікіх дзяржаў,

галоўную ролю сярод якіх у гэтым адыграла Прусія. Як адзначае Б.У. Носаў, «уплыў знешняга фактару абцяжарвае адказ на пытанне, наколькі разгледжаныя фінансавыя рэформы былі абумоўлены сацыяльна-эканамічным ладам польскага грамадства другой паловы XVIII ст., а наколькі былі навеяны моднымі еўрапейскімі тэорыямі, аднак варта прызнаць, што вылучэнне падобных праектаў сведчыла аб усведамленні найбольш перадавой часткай польскіх магнатаў неабходнасці новых сучасных спосабаў дзяржаўнага кіравання, на што і была накіравана палітыка «Фаміліі» [3, с. 187].

Меры па ўпарадкаванні дзяржаўнага бюджэту Польшчы і яе грашовай сістэмы, абвешчаныя канвакацыйным соймам і ажыццёўленыя ў 1765-1766 гг., не толькі істотна папоўнілі дзяржаўную казну, але і ўтрымлівалі ў сабе спробу новага падыходу да дзяржаўных фінансаў: у пэўнай меры абмяжоўвалі падаткавыя імунітэты і прывілеі шляхты як пануючага саслоўя.

### **Бібліяграфічны спіс**

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2007. – 344 с.
2. Китурко, И.Ф. Скарбовая комиссия ВКЛ и реорганизация таможенной службы в 1765 – 1772 гг. / И.Ф. Китурко // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; пад рэд. А.А. Кавалені, В.В. Даніловіча [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 129 – 139.
3. Носов, Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756 – 1768 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. – М.: Индрик, 2004. – 728 с.
4. Korzon Tadeusz Wewnetrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764 – 1794) badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego T.4 / T. Korzon. - Kraków : Księgarnia L. Zwolińskiego i S-ki ; Warszawa : nakł. Księgarni Teodora Paprockiego i S-ki, 1897. – 339 s.
5. Komissya Skarby W. X. Lit. / Volumina legum. – Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. – Т. VII. – L. 75-78.

## **ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

**И.Л. Вершок**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Определение правосознания в юридической литературе традиционно сводится к перечислению различных его внешних проявлений, в качестве которых выделяются эмоции, чувства, идеи, акты признания или непризнания права. При наличии отрицательных оценок, связанных с действующим правом,

констатируется феномен так называемого правового нигилизма, изучаемого в основном лишь в форме массового выражения явно негативного отношения к правовым нормам. Однако все выше перечисленные внешние проявления правового сознания на самом деле являются только видимой, но при этом небольшой частью сложнейших процессов динамики правового сознания и сводятся к его характеристике, осуществляемой в рамках объекта науки.

В результате общая теория права формирует конструкт, отражающий застывшую картинку состояния правового сознания конкретного субъекта в определенном пространственно-временном отрезке. С одной стороны, данный конструкт характеризуется объективностью и верифицируемостью, так как хотя бы один раз получал свое эмпирическое подтверждение. С другой стороны, в нем присутствуют лишь некоторые, доступные для восприятия наблюдателем проявления правового сознания, что не полностью отражает особенности остальных этапов его протекания, для исследования которых простого наблюдения и (или) фиксации его результатов совсем недостаточно.

Приведенная характеристика правового сознания, заданная в виде совокупности отдельных внешних проявлений объекта, отражает его состояние в определенных условиях, но не дает знаний о дальнейших вероятных направлениях его трансформации. В иных условиях, отличающихся от прежних и обладающих в современном мире стремительной динамикой, вероятно, возможны и другие проявления правового сознания, не отраженные в ранее сформированном его определении.

Кроме того, внешние формы проявления правового сознания даже в виде правомерного поведения или внешнего признания проектируемых или принятых правовых норм могут не отражать реального состояния правового сознания по отношению к ним: «принятие правил в качестве общих стандартов группы может быть отделено от относительно пассивного обычного индивидуального примирения с правилами путем повиновения им «только со своей стороны» и в экстремальном случае внутренняя точка зрения с ее характерным нормативным использованием юридического языка может быть ограничена официальным миром» [1, с. 121]. Избыток биологической энергии, невозможность (социальная аномия) или неспособность (высокий уровень противоречий) реализовать повышенные способности; внутренний раскол личности, невроз; изоляция индивида; снижение ценности жизни; искажения в ценностно-смысловой сфере духовности, свободы совести, свидетельствующие о неаутентичности; выбор отрицательных идеалов, приводящих к «диффузной, негативной идентичности и ложной субъектности» [2, с. 19-23] могут вызывать внутреннее отторжение правовых норм, которое еще внешне никак себя не проявляет и может даже еще не восприниматься самим носителем правосознания, но с большой вероятностью проявится в нелегитимности правовых норм, девиации и даже в правонарушении.

В связи с этим, внешние признаки проявления правового сознания при отсутствии более конкретной информации о его динамике на практике

дополняются мнением субъекта правотворчества или правоприменения о том, что думал (-ет) субъект-носитель правового сознания. В частности, правоприменительная практика при квалификации правонарушения нацелена на максимально объективное изучение фактической основы дела, но при этом правоприменитель вынужден реконструировать недостающие элементы схемы состава правонарушения на основе собственного усмотрения: стереотипов, опыта, индивидуальных особенностей восприятия и знания жизни. В итоге его решение о субъективной стороне правонарушения – это вывод «о том, что думает судья о том, как думал субъект правонарушения» с использованием наиболее убедительных нарративов.

Что касается нормотворческого процесса, то выраженное в нем внешне одинаковое мнение при обсуждении проекта нормативного правового акта также может иметь существенные отличия в его социально-психологических причинах и правовых последствиях. Например, правовое сознание профессионала (лица, задействованного в решении публично-правовых вопросов на профессиональной основе) имеет предопределенную нормами процессуального права и соответствующей подготовкой когерентность. В отличие от участия в публичном обсуждении частного лица (рядового гражданина), правовое сознание профессионального участника обсуждения состоит в специфическом проявлении субъектности, выражающемся в том, что при выполнении должностных обязанностей он должен реализовывать публичные функции, а в остальное время может решать и собственные частно-правовые вопросы.

В обоих примерах нет гарантий, что в процессе усмотрения правоприменителя или субъекта правотворчества, даже добросовестно стремящихся к объективной оценке окружающей социально-правовой действительности, не будут произвольно допущены когнитивные ошибки, например, вызванные каузальной интуицией [3, с. 105], либо преувеличенной эмоциональной когерентностью [3, с. 112-113], а также ретроспективным искажением [3, с. 267].

С целью выявления и предотвращения ряда когнитивных ошибок в юридической практике необходимо формирование теоретической схемы динамики правового сознания как специфического вида сознания с использованием трансдисциплинарного подхода, распространенного в исследованиях постнеклассического периода. Данная исследовательская задача возможна посредством деконструкции понятия правового сознания, позволяющей преодолеть недостатки описательности при формировании определения правового сознания, осуществляемого по результатам метода наблюдения. В действительности, метод наблюдения был распространен в классической науке, но при этом допускал возможность получения эмпирической информации юристами со своего узко-направленного поля зрения на объект, а философам, социологам, психиатрам, политологам и иным исследователям – со своего.



Предлагаемая деконструкция не предполагает разрушение уже существующего классического понятия правосознания, она сводится к критическому исследованию объекта, а также самого субъекта и характеризуется «двойной рефлексией» [4, с. 31-32]. В ее результате появляется возможность выявить важнейшие социально-психологические признаки правового сознания, основанные на свойствах субъектности, интенциональности его носителя и динамики в условиях реадaptации субъекта к меняющимся факторам социально-правовой действительности. Исследователю необходимо сместить акцент с осуществления наблюдения доступных только ему проявлений правового сознания на целенаправленное и разностороннее изучение его динамики, используя теоретически осмысленные и подтвержденные эмпирически социо-психологические данные.

Кроме этого, деконструкция предполагает отказ от попытки редукции правового сознания к узко-рациональным компонентам, ведь оно обладает и определенными нерациональными (иррациональными), предрациональными компонентами, придающими ему свойство еще большей динамики. Указанные компоненты могут существенно предопределять интенсивность и качество процессов легитимации права, правовой социализации, правообразования, обуславливать качество правового поведения (правомерного или противоправного). В частности, деконструкция делает возможной схематизацию правового сознания преступника при оценке субъективной стороны правонарушения, участника публичного обсуждения проекта нормативного правового акта, изучение профессионального правового сознания должностного лица, динамику правового сознания субъектов гражданско-правовых отношений и ряд других процессов правового сознания.

Начало деконструкции правового сознания должно осуществляться по признаку интенциональности: когда его носитель нацелен на собственно-юридические последствия, либо направляет свое сознание на иной, социально-правовой результат. Так, интенциональность сознания смещается на узко-догматические юридические источники как конечную инстанцию в случаях, когда механизмы неюридического, естественно-правового регулирования оказываются неэффективными – не упорядочивают общественные отношения. Люди дают деньги взаймы, договариваются добровольно компенсировать причиненные убытки или решают сожительство, часто не обращая внимание на то, что такие отношения по своей природе являются правовыми и допуская их неюридическое упорядочение, вплоть до того, что в литературе рассматривается идея первичной (этической) и вторичной (юридической) легитимности норм уголовного права [5, с. 67-76]. При невозможности самостоятельно предотвратить или решить юридический конфликт, субъекты направляют интенциональность своего сознания на дополнительный предмет – соответствующие правовые нормы, опосредующие приведенные выше в качестве примера общественные отношения о порядке взыскания денег или

компенсации убытков в принудительном порядке, регистрации брака и обеспечения имущественных прав супругов, заключения брачного договора.

Для наиболее полного и объективного исследования правового сознания как предмета науки необходимо осуществлять дальнейший комплексный анализ его динамики, связанной с внутренним осознанием собственных прав и обязанностей и (или) соответствующего их юридического опосредования. Предложенные в результате деконструкции понятия правового сознания схемы его динамики перспективно подвергать дальнейшему изучению в контексте проблем прикладных наук в качестве уже не объекта, а предмета научного знания. При этом следует учитывать, что прежде чем давать оценку самим субъектам-носителям правового сознания, необходимо оценить также достоинства и недостатки самой правовой системы [6, с. 80-83].

### **Библиографический список**

1. Харт, Г.Л.А. Понятие права ; пер. с англ. Е.В. Афонасин, А.Б. Дидикин. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 302 с.
2. Гусейнов, А.Ш. Внешние и внутренние факторы нигилизма:междисциплинарный подход // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 4-2 (28). – С. 19–23.
3. Канеман, Д. Думай медленно...решай быстро ; пер. с англ. А. Андреева, Ю. Делигиной, Н. Парфеновой. – М. : АСТ, 2019. – 653 с.
4. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
5. SzczuckiKr. Ethical legitimacy of criminal law// International Journal of Law, Crime and Justice. – 2018. – Vol. 53. – P. 67–76.
6. Гамидов, Э.Н. Сущность правового нигилизма // Право и государство: теория и практика. – 2013. – 10 (106). – С. 80–83.

## **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**Т.В. Веташкова**

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса  
юридического факультета*

*УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»*

**В.В. Хилькевич**

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса  
юридического факультета*

*УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»*

Совершенствование механизма подготовки и принятия нормативных правовых актов должно отвечать целям проводимых в стране экономических, политических и социальных преобразований и создания сильного и процветающего государства.

Для повышения эффективности механизма подготовки и принятия нормативных правовых актов требуется осуществление на государственном уровне ряда дополнительных нижеизложенных законодательных и организационных мер. Эти меры должны быть направлены на повышение управляемости в системе нормотворческих органов и качественного уровня принимаемых нормативных правовых актов.

1. Основным направлением совершенствования деятельности нормотворческих органов является достижение в их практической деятельности максимального учета программного социально-экономического и политического курса, проводимого Главой государства, согласованности с данным курсом и поручениями Президента Республики Беларусь всех разрабатываемых в республике проектов нормативных правовых актов.

В этом направлении действий одной Администрации Президента Республики Беларусь не достаточно, поэтому работа по обеспечению соблюдения программного курса Главы государства должна быть усилена со стороны всех министерств и иных органов, подчиненных Правительству, местной «вертикали», контролирующих и надзорных органов. Из практики нормотворческих органов должен быть исключен стиль работы, направленный на лоббирование узковедомственных интересов и установление собственных ведомственных «правил игры», противоречащих законодательным решениям и поручениям Главы государства [1].

2. В качестве одной из наиболее актуальных и своевременных законодательных мер в сфере совершенствования организации подготовки нормативных правовых актов является принятие Кодекса Республики Беларусь о правовых актах, комплексно регламентирующего организационно-практические вопросы работы государственных органов (организаций) над всеми правовыми актами – нормативными и ненормативными. Это обусловлено тем, что ввиду отсутствия в законодательстве четких требований к

ненормативным правовым актам, в таких ненормативных документах, как распоряжения, письмах, указаниях, не проходящих необходимой юридической экспертизы, устанавливаются самостоятельные обязательные правила поведения, подменяющие нормативные акты и нарушающие права и законные интересы граждан и юридических лиц. Доктор юридических наук Г.А. Василевич считает, что «принятие кодекса не является панацеей от всех проблем» [2. с. 103]. К тому же на практике возникают вопросы о соотношении норм, содержащихся в кодексах и обычных законах.

Принятие данного кодекса позволит устранить существующий пробел в законодательном регулировании отношений по подготовке ненормативных правовых актов, установив четкие требования к предмету таких правовых актов. Поэтому в очередном ежегодном плане подготовки законопроектов следует предусмотреть необходимость разработки концепции Кодекса Республики Беларусь о правовых актах.

3. Важной мерой в области совершенствования организации подготовки нормативных правовых актов является законодательное обеспечение надлежащих условий для прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов.

В этих целях на уровне законодательного акта Главы государства следует установить отсутствующие в настоящее время единые и исчерпывающие требования к составлению обоснований необходимости принятия нормативных правовых актов, что позволит подготавливать проекты правовых актов на основе системных, всесторонних, творческих и научных подходов. Кроме того, на министерства финансов и экономики следует законодательно возложить обязанность по разработке финансово-экономических обоснований к проектам нормативных правовых актов.

4. Для совершенствования механизма подготовки и принятия нормативных правовых актов необходимо сформировать эффективную систему взаимодействия субъектов нормотворческой деятельности, базирующуюся на принципах ведомственного партнерства, последовательности, конкретности и оперативности.

Из нормотворческой практики государственных органов (организаций) должен быть искоренен стиль работы, выражающийся в несогласованности заключений по проектам правовых актов этих органов ранее высказанной ими позиции по данным проектам. Нормотворческими органами при согласовании проектов не должны представляться нечеткие и расплывчатые замечания, которые учесть невозможно в силу неясности конкретной сути возражений и необходимых путей реализации высказанных замечаний.

Безусловно, названная практика только деструктивно влияет на организацию нормотворческого процесса в республике, поскольку затягивает сроки подготовки и принятия проектов.

Также в перспективе следует разработать и утвердить положения о взаимодействии отдельных государственных органов (в частности, о

взаимодействии между Правительством и Парламентом, между Палатой представителей и Советом Республики, между министерствами и государственными органами, непосредственно подчиненными Президенту Республики Беларусь), что исключит межведомственные конфликты и разночтения при совместной нормотворческой работе.

5. Считается целесообразным принятие комплекса мер, направленных на совершенствование системы проводимых экспертиз проектов нормативных правовых актов, к которым относятся следующие:

принятие мер по более тщательному анализу нормотворческими органами логичности и системности структуры проектов при проведении их обязательной юридической экспертизы, что будет способствовать созданию нормативных правовых актов, не требующих после их принятия издания излишних комментариев и разъяснений по вопросам их правоприменения;

законодательная регламентация не урегулированных в настоящее время вопросов, связанных с проведением обязательной лингвистической (филологической) экспертизы проектов, что позволит исключить из принимаемых актов, в первую очередь, ведомственных, допускаемые орфографические ошибки, стилистические и корректорские неточности. В данном законодательном акте помимо закрепления сложившейся практики лингвистической экспертизы отдельных нормативных правовых актов следует дополнительно ввести проведение обязательной лингвистической экспертизы проектов высших судебных органов, республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству, Национального банка, местных Советов депутатов и исполнительных и распорядительных органов;

повышение инициативности нормотворческих органов при проведении факультативных видов экспертиз проектов нормативных правовых актов (научной, финансово-экономической, экологической, социологической, психологической, гендерной, исторической), в том числе с привлечением независимых экспертов из числа представителей научных учреждений, установление тесного взаимодействия нормотворческих органов и научных учреждений.

Следует отметить, что в настоящее время создаются благоприятные условия и возможности для привлечения в необходимых случаях к экспертизе законопроектов зарубежных специалистов и международных организаций (МОТ, Комиссия ООН по правам человека, Международный валютный фонд и др.). Такая практика дает возможность более полно учесть зарубежный опыт, новые тенденции в развитии соответствующего законодательства.

6. Для снятия чрезмерной нагрузки на отдельные нормотворческие органы, в частности, Минюст, необходимо пересмотреть подходы к ведомственному нормотворчеству республиканских органов государственного управления и местных органов власти и управления, повысив уровень их правовой работы.

Деятельность этих органов должна быть направлена таким образом, чтобы множественные, разрозненные ведомственные акты систематизировались в единых, комплексных правовых актах, а вновь принимаемые акты в максимальной степени просчитывались с позиции не чисто ведомственных интересов, а соблюдения законных прав и свобод граждан и юридических лиц, получения реального экономического эффекта. В данном направлении требуется значительное усиление на местах прокурорского надзора и контрольной деятельности органов юстиции.

Хотелось бы выразить уверенность, что затронутые проблемы совершенствования механизма подготовки и принятия нормативных правовых актов могут быть разрешены совместными усилиями нормотворческих органов путем их кропотливой и надлежаще спланированной нормотворческой работы.

### **Библиографический список**

1. Кузуров, Д.В. Актуальные вопросы нормотворческой деятельности в Республике Беларусь / Д.В. Кузуров [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Василевич, Г.А. Нормативные правовые акты государственных органов / Г.А. Василевич. – Минск.: Право и экономика, 2012. – 232 с.

## **ЯВЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ КАК НАУЧНОГО МЕТОДА В ПРАВЕ**

**В.Ю. Вечорко**

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

«Действительно, различные объекты и явления легче изучать тогда, когда они упорядочены, «разложены по полочкам», систематизированы. Особенно это необходимо, когда имеется внешняя схожесть понятий, когда трудно выделить внутренние качественные отличительные признаки» [1, с. 18]. В этой связи классификация выступает одним из первичных и важных способов познания объекта.

Классификация законов, равно как и иных нормативных правовых актов, представляет собой явление весьма сложное, нередко довольно противоречивое и всегда – многоаспектное и многогранное [2, с. 136]. И это не случайно, имея в виду трудно переоцениваемую не только академическую, фундаментальную в плане развития национальных правовых систем, права и законодательства как таковых в целом, но и сугубо прикладную, практическую значимость классификации.

Терминологическая расшифровка понятия «классификация» весьма разнообразна. Под классификацией принято понимать, с одной стороны, логическую операцию, состоящую в разделении всего изучаемого множества предметов по обнаруженным сходствам и различиям на отдельные группы [3, с. 363], а с другой – результат процесса логической операции разделения множества явлений по определенному критерию (критериям); систему соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, используемую как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов [4 с. 585; 13, с. 238].

В отечественной теории государства и права классификация:

- либо определяется как прием, состоящий в разделении юридических явлений на группы, виды, разделы без рассмотрения правил и принципов такого разделения, то есть только с точки зрения формального (логического) аспекта;

- либо ей отводится второстепенная роль в рамках изучения проблем системности в праве, построения классификаторов, группировке явлений государственно-правовой действительности без исследования содержательного (методологического) аспекта;

- либо не упоминается вообще.

Природа классификаций в праве достаточно сложна. Современное белорусское законодательство содержит многочисленные примеры использования словосочетаний с использованием термина «классификация». Встречаются такие построения, как классификация в обогащении [5], классификация видов государственного долга [6], классификация документов в пределах архива [7], классификация индивидуального потребления по целям [8], классификация лекарственных средств [9], классификация объектов растительного мира, расположенных на землях населенных пунктов [10], классификация опасных грузов [11], классификация финансирования дефицита бюджета [12] и другие.

Между тем в СТБ 6.01.1-2001. «Единая система классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации Республики Беларусь: основные положения» нами было найдено понятие классификации без каких-либо дополнительных определений к этому слову. Классификация в СТБ 6.01.1-2001. понимается как разделение множества объектов на подмножества по сходству или различию в соответствии с принятыми методами [13]. Однако, по нашему мнению, и в данном правовом акте понятие «классификация» носит узкоотраслевой характер.

Несмотря на широкое распространение в законодательном массиве, классификация все же, еще раз подчеркну, не имеет, как объект исследования, заметной «популярности» в научной среде. Как правило, классификациям отводится роль статического инструментария, «фиксатора» многомерности определенного явления в правовой действительности. Собственная значимость

классификации, ее специфика в каждом отдельном случае не выделяется, что принижает ценность этого феномена.

Все вышесказанное говорит об одном – отсутствии единства и последовательности в изложении гносеологических и онтологических позиций в научной правовой среде при формулировании понятия «классификация в праве».

К общим признакам классификации в праве как научного метода необходимо отнести следующие:

Классификация в праве – метод научного познания, необходимый этап исследовательской деятельности, с помощью которого отражаемое явление в праве реализует себя в действительности, вскрывает свою сущность и отграничивается от других объектов правовой сферы. Превращение классификации в праве в метод научного познания приводит его [право] к массовому целенаправленному построению и тем самым создает условия для выявления и фиксации правил осуществления этой работы. Представляя собой уникальный метод научного познания, научно-практическое направление, она имеет своей целью познание и формирование принципов, приемов, процедур реализации юридической практики, определение достигнутого уровня экономического, правового и культурного развития конкретного государства.

Понимание классификации как научного метода позиционирует ее как системную научно-обоснованную деятельность, направленную на повышение эффективности и правотворчества, и реализации правовых актов, и более эффективное и качественное осуществление правового регулирования всей системы общественных отношений. Классификация ориентирована на выявление и фиксацию закономерностей законодательства, путей практической реализации или адаптации положений и выводов теории права, юридических отраслевых наук.

Классификация в праве – это элемент научного познания, основа многих смежных научных исследований. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что она, являясь одним из элементов человеческой деятельности, в том числе и научной деятельности права в целом, позволяет решать важнейшие теоретические и практические проблемы в праве.

Классификация в праве – это естественный инструмент познания реальной правовой действительности, источник знания о ней. В практической плоскости классификация обеспечивает научный подход в выборе форм и методов правового регулирования, в построении научного правового материала и т. п. [14, с. 254].

Классификация в праве – это один из уникальных, относительно самостоятельных, объективно существующих и реально функционирующих приемов юридической техники. Классификация, как прием юридической техники, используется на всех стадиях жизни законодательных актов. Без нее нельзя обойтись в процессе разработки первоначального варианта, обсуждения проекта, оформления и принятия правового акта. Толкование закона и его



дальнейшая реализация также требует применение приемов классификации. Классификация как прием юридической техники обладает глубинным социокультурным потенциалом.

При этом, теория и практика юридической техники не на должном уровне уделяет внимание такому приему как классификация, оставляя ее рассмотрение «в стороне» теоретического анализа. Многообразные виды классификации, как писал Чуманов Е.В. лишь выпукло «напоминают» о своем существовании в действующем законодательстве, во многих актах международного публичного, частного и гуманитарного права.

Классификация в праве имеет по преимуществу формально-юридический характер, то есть деление производится без учета онтологических (внеправовых) признаков объектов. Основное внимание при классификации уделяется признакам, «наделяющим» объекты классификации юридически значимым содержанием [15, с. 22].

Рассматривая классификацию, как и сами законы, выступающие, по словам М. Ориу, в виде «выразителей субстанции общих идей» [16, с. 260- 267], с различных сторон и под разными углами зрения нельзя не видеть, во-первых, что классификация носит, с одной стороны, объективный, а с другой – субъективный характер, что предопределяется ее многочисленными и многообразными критериями.

Классификация в праве обладает юридической силой, то есть, может быть обязательной для исполнения субъектами права. Примером служит иерархическая классификация нормативных правовых актов, установленная Законом Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [92].

Целью классификации в праве является выделение наиболее экономным и доступным образом значимого отношения между однородными (однопорядковыми) объектами (фактами, обстоятельствами, состояниями, процессами) правовой сферы.

Исходя из вышеобозначенных признаков рассматриваемого феномена, полагаем возможным предложить следующий вариант определения понятия «классификация в праве».

Классификация в праве – инструмент правовой реальности, представляющий собой формально-юридическое (логическое) и содержательно-правовое (методологическое) деление явлений в правовой сфере (явлений в праве и правовых явлений: фактов, обстоятельств, состояний, процессов) на классы (группы, виды) – разряды (классификационные единицы) в соответствии с избранным критерием (классификационным признаком), обусловленное его определенными научными или практическими целями и задачами, и имеющий своей целью установление как можно большего количества объективно существующих связей (иерархии (в том числе субординации и соподчинения) или координации) и значимого отношения между ними.

### **Библиографический список**

1. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис... доктора юрид. наук : 12.00.08 / Н. Г. Кадников ; Юридический институт МВД России. – М., 2000. – 349 с.
2. Марченко, М.Н. Источники права : учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М. : ТК Велби, изд-во Проспект, 2005. – 760 с.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. - 2-е изд. – Т. 21. – М. : Большая советская энциклопедия, 1953. – 894 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Большая советская энциклопедия, 1985. – 874 с.
5. Об утверждении Правил безопасности и охраны труда при дроблении, измельчении и обогащении полезных ископаемых : Постановление Министерства архитектуры и строительства Респ. Бел., 29.06.2007 г., № 12 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. О бюджетной классификации Республики Беларусь : Постановление Министерства финансов Республики Беларусь, 31.12.2008 г., № 208 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Об утверждении Правил работы государственных архивов Республики Беларусь : Постановление Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, 25.11.2005 г., № 7 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Об утверждении Инструкции по организации и проведению выборочного государственного статистического наблюдения за ценами и тарифами на потребительские товары и платные услуги, оказываемые населению : Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь, 12.11.2013 г., № 244 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. О лекарственных средствах : Закон Республики Беларусь, 20.07.2006 г., № 161-З // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. Об утверждении Инструкции о порядке государственного учета объектов растительного мира, расположенных на землях населенных пунктов, и обращения с ними : Постановление Министерства жилищно-коммунального

хозяйства Республики Беларусь, 29.12.2004 г., № 40 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

11. О перевозке опасных грузов : Закон Республики Беларусь, 06.06.2001 г., № 32-3 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

12. Бюджетный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Республики Беларусь, 16.07.2008 г., № 412-3 // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13. СТБ 6.01.1-2001 Единая система классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации Республики Беларусь. Основные положения. – Минск : Госстандарт, 2001. – 12 с.

14. Карасева, М.В. Финансовое правоотношение / М. В. Карасева. – М., 2001. – 288 с.

15. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М. :Юристь, 2001. – 444 с.

16. Васильев, А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юридическая литература, 1976. – 264 с.

## **КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИШЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

**О.В. Волчкевич**

*преподаватель кафедры конституционного и международного права  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

Международными нормативными правовыми актами установлено, что никто не может быть произвольно лишен своего гражданства (п. 2 ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, п. с ч. 1 ст. 4 Европейской конвенции о гражданстве от 6 ноября 1997 года).

Часть 2 статьи 10 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство. С целью реализации данной конституционной нормы Законом Республики Беларусь от 1 августа 2002 года «О гражданстве Республики Беларусь» в статье 3 закреплены принципы гражданства Республики Беларусь, к которым отнесена и вышеуказанная конституционная гарантия, а также предусмотрены два иных способа прекращения гражданства:

путем выхода и утраты. Понятие утраты гражданства законодательно не определяется, однако соответствующее понятие содержится в ч. 4 ст. 10 Конституции, что свидетельствует о его отличии от лишения гражданства. Основаниями утраты гражданства в соответствии со ст. 19 Закона являются: поступление на службу в органы власти иностранного государства (в том числе полицию, вооруженные силы и т. д.), по заявлению родителей несовершеннолетних, а также в случаях, предусмотренных международными договорами. Лишение гражданства, по смыслу ч. 2 ст. 10 Конституции, представляет собой пассивный способ его прекращения, не связанный с соответствующим заявлением лица, носит характер санкции. Это форма прекращения гражданства за действия, противоречащие интересам государства. Обычно такая мера применяется только к натурализованным гражданам.

Конституция Республики Армения в ст. 47 закрепляет право на гражданство. Согласно ч. 5 данной статьи, гражданин Республики Армения не может быть лишен гражданства. Основания для прекращения гражданства Республики Армения устанавливаются законом. Статьей 25 Закона Республики Армения «О гражданстве Республики Армения» от 24.03.2007 года установлено, что лицо может лишиться гражданства Республики Армения, если оно: приобрело гражданство Республики Армения и, проживая постоянно за границей, в течение семи лет без уважительных причин не состояло на консульском учете; приобрело гражданство на основании ложных сведений или фальшивых документов; приобрело гражданство другого государства с нарушением законодательства о гражданстве Республики Армения.

В отличие от Конституции Республики Беларусь, в ч. 2 ст. 10 Конституции Республики Казахстан предусмотрены основания лишения гражданства. Лишение гражданства допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан. Также в ст. 21 Закона Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» от 20 декабря 1991 года закреплены основания утраты гражданства этого государства, к которым также относят приобретение гражданства другого государства; участие лица в иностранных вооруженных конфликтах, экстремистской и (или) террористической деятельности на территории иностранного государства.

Нормы конституционного права Кыргызской Республики содержат возможность лишения гражданства данного государства, детально регламентируют данное основание прекращения гражданства, компетентные органы и процедуру лишения гражданства. В Конституции Кыргызской Республики отдельная статья 13 регламентирует лишение гражданства: не допускается произвольное лишение гражданства Кыргызской Республики; лишение лица гражданства Кыргызской Республики допускается в случаях и порядке, предусмотренном конституционным Законом. В настоящее время на общественное обсуждение представлен проект Конституционного Закона

Кыргызской Республики «О гражданстве», которым предусмотрено два основания прекращения гражданства: выход и лишение (ст. 29). Часть 1 статьи 35 проекта Конституционного Закона закрепляет, что лишение гражданства Кыргызской Республики является исключительной мерой по защите национальной безопасности и государственных интересов Кыргызской Республики, а ч. 2 ст. 35 перечисляет основания лишения гражданства, к которым относятся в том числе: совершение действия, представляющего угрозу национальной безопасности Кыргызской Республики; прохождение за пределами Кыргызской Республики подготовки для совершения террористического или экстремистского преступления; участие в террористических организациях, признанных таковыми в Кыргызской Республике; участие в вооруженном конфликте или боевых действиях на территории иностранного государства.

Часть 3 ст. 6 Конституции Российской Федерации закрепляет положение о том, что гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Федеральным законом от 31.05.2002 года «О гражданстве Российской Федерации» не регламентирована возможность ни лишения гражданства, ни утраты гражданства. Так ст. 18 данного Закона регламентирует, что гражданство Российской Федерации прекращается вследствие выхода из гражданства Российской Федерации либо по иным основаниям, предусмотренным Федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Также особенностью законодательства о гражданстве Российской Федерации является закрепление возможности выбора иного гражданства (оптация) при изменении Государственной границы Российской Федерации.

Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Республики Таджикистан порядок приобретения и утраты гражданства определяется конституционным законом. Конституционный Закон Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан» от 08.08.2015 года содержит прямое указание о прекращении гражданства Республики Таджикистан вследствие лишения гражданства (п. г ч. 1 ст. 27), наряду с другими пятью основаниями прекращения гражданства: выход, утрата, отмена решения о приеме в гражданство, путем оптации, по иным основаниям, предусмотренным данным конституционным Законом.

Конституция Республики Узбекистан не содержит прямого указания о возможности или запрете лишения гражданства. ч. 4 ст. 21 Конституции Республики Узбекистан указывает, что основания и порядок приобретения и утраты гражданства устанавливаются законом. Так ч. 5 ст. 4 Закона Республики Узбекистан от 13.03.2020 года «О гражданстве Республики Узбекистан» регламентирует, что никто не может быть лишен гражданства Республики Узбекистан, за исключением случаев, предусмотренных данным Законом. Гражданство Республики Узбекистан прекращается вследствие выхода из гражданства либо утраты гражданства Республики Узбекистан. Согласно ст. 25 указанного Закона основаниями утраты гражданства Республики Узбекистан

также являются: если лицо, постоянно проживающее за границей, не встало на постоянный консульский учет без уважительных причин в течение семи лет (п. б); если лицо причинило существенный вред интересам общества и государства, занимаясь деятельностью в пользу иностранного государства, либо путем совершения преступлений против мира и безопасности (п. г); если лицо приобрело гражданство иностранного государства по рождению или по гражданству родителя — гражданина иностранного государства в несовершеннолетнем возрасте и не оформило выход из гражданства иностранного государства по достижении возраста двадцати одного года (п. е).

В ст. 25. Конституции Украины закреплено положение о том, что гражданин Украины не может быть лишен гражданства и права изменить гражданство. Согласно ст. 17 Закона от 01.03.2001 года «О гражданстве Украины», гражданство прекращается вследствие выхода, утраты и по основаниям, предусмотренным международными договорами Украины. В 2017-2018 годах часто обсуждалась возможность лишения гражданства Украины лиц, имеющих двойное гражданство.

Согласно п. 1 ст. 16 Конституции Германии никого нельзя лишить германского гражданства. Утрата гражданства может последовать только на основании закона, а против воли заинтересованного лица лишь в том случае, если оно тем самым не становится лицом без гражданства. Несмотря на то, что статья 16 Основного закона ФРГ запрещает лишение гражданства Германии без согласия человека, в определённых условиях человек может потерять гражданство или лишиться его. Такими случаями согласно § 17 Закона о гражданстве являются приобретение гражданства иностранного государства по заявлению (с 2007 года более не распространяется на Швейцарию и страны ЕС); вступление в вооружённые силы иностранного государства (при наличии гражданства других стран); если выяснится, что условия, приведшие к получению гражданства, получены обманным путём.

Согласно ч. 3 ст. 4 греческими гражданами являются все те, кто обладает предусмотренными законом качествами. Лишение греческого гражданства допускается только в случае добровольного приобретения иного гражданства или поступления на службу, противоречащую национальным интересам, в зарубежной стране в соответствии со специально предусмотренными законом условиями и процедурой.

В Конституции Италии о гражданстве почти ничего не говорится. Лишь ст. 22 устанавливает общий принцип, согласно которому никто не может лишаться гражданства по политическим мотивам. В остальном этот институт урегулирован актами текущего законодательства.

Конституция Испании устанавливает правило о том, что ни один испанец по происхождению не может быть лишен своего гражданства (ч. 2 ст. 11).

Согласно Закона «О лишении канадского гражданства» канадское правительство имеет право лишать гражданства иммигрантов, осужденных по обвинениям в терроризме, в государственной измене и в шпионаже. Также

гражданства США возможно лишиться после осуждения за государственную измену США.

Конституция Бразилии параграфом 4 ст. 12 регламентирует, что объявляются потерявшими свое гражданство бразильцы: чья натурализация была аннулирована судебным решением за деятельность, противоречащую национальным интересам; кто приобрел другое гражданство, за исключением случаев (признания первоначального гражданства иностранным законодательством; предоставления натурализации в соответствии с иностранным законодательством бразильцам, проживающим в иностранном государстве в качестве условия пребывания на его территории или предоставления гражданских прав).

В соответствии со ст. 10 Конституции Японии необходимые условия гражданства определяются законом. Таким актом стал Закон о подданстве Японии от 4 мая 1950 г. В ст. VIII «Лишение подданства» говорится о том, что «гражданин Японии лишается японского подданства с момента добровольного принятия им гражданства иностранного государства».

Таким образом, в результате анализа норм конституционного права Республики Беларусь и зарубежных стран, можно сделать выводы:

Конституциями большинства стран регламентирован запрет лишения гражданства (Армения, Беларусь, Германия, Украина, Узбекистан);

ряд государств в Конституции закрепляет возможность лишения гражданства (Казахстан, Киргизия, Япония), в других государствах возможность лишения гражданства предусмотрена законом (Армения, Таджикистан, Канада (принят специальный закон, которым регулируется только лишение канадского гражданства));

в некоторых государствах закон, регулирующий правоотношения, связанные с гражданством, является конституционным (Киргизия, Таджикистан);

законодательство о гражданстве некоторых государств выделяет выход и лишение, некоторые государства предусматривают выход и утрату, другие закрепляют возможность выхода, утраты и лишения гражданства (Таджикистан);

нормы конституционного права предусматривают возможность лишения гражданства при приобретении гражданства иностранного государства (Армения, Япония);

в настоящее время государства вводят в законодательство норму о возможности лишения государством гражданства лица, которое осуществляло террористическую или экстремистскую деятельность (Казахстан, Канада, Киргизия).

# **ГРАЖДАНСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ТРЕБОВАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЕ К КАНДИДАТАМ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**А.П. Гасанов**

*старший преподаватель*

*кафедры конституционного и административного права  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

На протяжении существования института государственной службы одним из важнейших аспектов является подбор наиболее квалифицированных и перспективных кадров, отвечающих современным тенденциям развития государства и общества. Указом Президента Республики Беларусь от 18.07.2001 № 399 утверждена Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь, состоящая в комплексе правовых норм, принципов, форм, методов и средств, обеспечивающих эффективность подбора и расстановки кадров, их подготовку, переподготовку и повышение квалификационного уровня. Посредством реализации названной Концепции обеспечивается оптимальный подбор и расстановка кадров, создаются условия для развития их профессиональных компетенций и поддержания надлежащего квалификационного уровня. В другом нормативном документе – Программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 гг. предусмотрено принятие комплекса мер по усовершенствованию порядка отбора и прохождения государственной службы, включая органы прокуратуры.

В настоящее время условия приема на службу в органы прокуратуры установлены в Законе Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) и Указе Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 № 181 «Об утверждении Положения о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь», которые базируются на положениях Закона Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе). Изучение данных нормативных правовых актов свидетельствует о недостаточной урегулированности процедуры отбора на должность прокурорского работника, а именно критериев, которым должен отвечать кандидат на такую должность, и объема и характера ограничений при поступлении на службу в органы прокуратуры.

В тоже время обратим внимание, что отечественные правоведы и даже авторы комментария к Закону о прокуратуре не уделяют внимания названным вопросам, а ограничиваются простым комментированием законодательных предписаний [1, с. 198–200]. Представляется, что современные критерии формирования кадров в органы прокуратуры должны строиться на научно-обоснованных подходах и профессиональном отборе кандидатов на прокурорские должности, максимально дистанцируясь от субъективно-личностной оценки таких кандидатов.



Главным требованием, предъявляемым не только к будущим прокурорам, но и ко всем государственным служащим, является наличие у них гражданства Республики Беларусь. Исходя из того, что прокурорский надзор осуществляется исключительно от имени государства, то требование о гражданстве к кандидатам на должность прокурора нам представляется вполне обоснованным.

Наличие гражданства Республики Беларусь является одним из главных критериев для государственной службы, под которым принято понимать устойчивую правовую связь человека с Республикой Беларусь, выражающуюся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанную на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека. Такая правовая связь означает юридическое состояние лица, в силу которого оно обладает определенной совокупностью прав и обязанностей, установленных законодательством данного государства, и может пользоваться его защитой и покровительством [2, с. 104]. И, как справедливо указывает Г.А. Василевич, гражданство выражает не только правовую связь лица с государством, но и политическую, независимо от национальной принадлежности гражданина [3, с. 143].

Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон о гражданстве) называет следующие основания приобретения гражданства: по рождению, в результате приема; в порядке регистрации; по иным основаниям, предусмотренным законодательством. Следует отметить, что ни Закон о прокуратуре, ни Закон о государственной службе не устанавливает никаких требований к кандидатам касательно способа приобретения ими гражданства Республики Беларусь. Указанное означает, что должность прокурора может занять в том числе лицо, которое не являлось гражданином Республики Беларусь по рождению, а приобрело гражданство иными предусмотренными законом способами.

Выход либо утрата гражданства Республики Беларусь соответственно влечет за собой и прекращение прохождения службы в органах прокуратуры. Однако при этом законодательством ничего не говорится о правовых последствиях поступления или дальнейшей службы в случае наличия у лица гражданства другого государства. Анализ ст. 11 Закона о гражданстве показывает, что государство не запрещает гражданину Республики Беларусь быть гражданином другой страны, но при этом государство не признает такое гражданство и такое лицо рассматривается только как гражданин Республики Беларусь. Отсюда следует, что прокурору, как и иным категориям государственных служащих в целом, не запрещено законом быть гражданином других государств.

Вместе с тем необходимо учитывать, что прокуратура занимает особое место в системе государственных органов. Для обеспечения поддержания законности и правопорядка прокурор наделен широким кругом полномочий, которые он должен применять для обеспечения исполнения законов всеми поднадзорными объектами, которые он осуществляет от имени Республики

Беларусь. Наличие гражданства иного государства ставит под сомнение возможность безупречной службы в целях выполнения задач и функций прокуратуры в интересах государства и общества. По этой причине во многих государствах, например в Российской Федерации, Кыргызской Республике, наличие гражданства другого государства является основанием для отказа в приеме на службу в прокуратуру.

Таким образом, полагаем необходимым законодательно определить основанием для отказа в принятии на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь наличие гражданства иного государства. Данное предложение обусловлено особым положением прокуратуры в системе государственных органов Республики Беларусь и важностью безупречной прокурорской службы.

### **Библиографический список**

1. Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л. Г. Букато [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Амалфея, 2012. – 264 с.
2. Конституционное право России : учебник для бакалавров / В. Г. Стрекозов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт ; ИД Юрайт, 2016. – 316 с.
3. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич – Минск : Выш. школа, 2016. – 399 с.

## **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОРУССКОЙ ССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

**А.И. Голубева**

*преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
магистр юридических наук*

Поскольку норма Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. (далее – Основы) об установлении отцовства по суду (статья 16) не имела обратной силы, возникал вопрос об охране прав и интересов детей, родившихся до 1 октября 1968 года, а также детей, родившихся после 1 октября 1968 года, родители которых не успели по различным причинам оформить отцовство. Если родители не оформили отцовство, они могли это сделать путем подачи совместного заявления в органы Записи Актов Гражданского Состояния (далее – ЗАГС), как в отношении детей, родившихся до 1 октября 1968 года, так и в отношении детей, которые родились после этой даты. Сложнее обстояло дело в тех случаях, когда совместное заявление в органы ЗАГС не могло быть подано ввиду смерти отца ребенка [1; 2].

Дела об установлении факта отцовства, если ребенок родился не ранее 1 октября 1968 года, а также факта признания отцовства, если ребенок родился до 1 октября 1968 года, рассматривались в порядке особого производства по правилам, предусмотренным для установления фактов, имеющих юридическое значение, согласно правилам, предусмотренным статьями 233 – 238 Гражданского процессуального Кодекса БССР 1964 года (далее – ГПК) [3].

Заявителями по делам особого производства, связанным с установлением отцовства, могли быть те же лица, которые вправе были предъявить иск: мать ребенка, опекун (попечитель), лица, на иждивении которых находился ребенок, а также сам ребенок по достижении им совершеннолетия. Отец ребенка не мог быть заявителем, так как дело особого производства именно потому и возникало, что предполагаемый отец ребенка умер.

Согласно статьи 237 ГПК в заявлении должно было быть указано, для какой цели заявителю необходимо установить данный факт, а также должны были быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения или восстановления документов, удостоверяющих данный факт.

То есть при приеме заявления суды должны были требовать от заявителей указания на цель установления факта. Цель обращения могла быть общей и специальной. Общая цель – регистрация умершего лица в качестве отца ребенка в актовой записи о рождении, так как в силу статьи 238 ГПК решение судьи об установлении факта, подлежащего регистрации в органах ЗАГС или оформлению в других органах, служило основанием для такой регистрации или оформления, не заменяя собой документов, выдаваемых этими органами. В качестве специальной цели, в частности, рассматривалась необходимость оформления пенсии, получения наследства и др. [1; 3].

Дела об установлении факта отцовства или факта признания отцовства в порядке особого производства рассматривались по месту жительства заявителя (статья 236 ГПК).

Подготовка дела об установлении факта признания отцовства (факта отцовства) к судебному разбирательству заключалась в выяснении обстоятельств, которые должны были быть предметом доказывания, в установлении заинтересованных в исходе дела лиц, в определении круга необходимых доказательств, назначении дела к слушанию и обеспечении условий для рассмотрения его в одном судебном заседании.

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 года к участию в деле должны были быть привлечены заявитель и заинтересованные граждане и организации. В зависимости от цели к участию в деле могли быть привлечены соответствующие заинтересованные лица: родственники предполагаемого отца; из числа организаций, чаще всего привлекали органы социального обеспечения (в случае возникновения вопроса о назначении пенсии); финансовые органы (в случае, если ставился вопрос об оформлении права наследства) и т. д. Если в ходе рассмотрения дела этими

лицами возбуждался спор о праве, подведомственный суду, заявление оставалось без рассмотрения [4].

Предмет доказывания по делу различался в зависимости от того, какой факт устанавливался. Если отцовство устанавливалось в отношении детей, родившихся до 1 октября 1968 года, то по делам об установлении факта признания отцовства, в предмет доказывания в силу статьи 3 Закона СССР от 27 июня 1968 года должны были быть включены факты:

1) признание этим лицом своего отцовства при жизни;

2) нахождение ребенка на иждивении предполагаемого отца. При этом не требовалось, чтобы иждивение было полным, то есть чтобы средства, предоставляемые ребенку, являлись единственным и основным источником его существования. Достаточно было, чтобы ребенок находился на содержании отца. Не требовалось также, чтобы иждивение имело место со дня рождения ребенка до дня смерти предполагаемого отца. Суд мог установить факт признания отцовства и в случае, если ребенок к моменту смерти предполагаемого отца не находился на его иждивении, но ранее это лицо содержало ребенка и признавало себя отцом этого ребенка [5].

В соответствии со статьей 3 Закона СССР от 27 июня 1968 года признание отца умершим приобретало юридическую значимость и являлось основанием для установления этого факта, если оно сочеталось с фактом нахождения ребенка на его иждивении. Однако суд был вправе установить факт признания отцовства, если ребенок родился уже после смерти отца, признававшего свое отцовство, и в силу этого ребенок не мог находиться на его иждивении. Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу Д. было отмечено: «Зачатый, но еще не родившийся ребенок не мог находиться на иждивении предполагаемого отца, поэтому здесь отсутствие иждивенства заменялось отношением будущего отца к матери, заботой о ней и ребенке, рождения которого они ожидают. В данном случае требовалось доказать, что умерший признавал отцовство в отношении будущего ребенка» [6].

При недоказанности этих фактов наличие других фактов, предусмотренных ч. 2 статьи 53 Кодекса о браке и семье Белорусской ССР 1969 года (далее – КоБС) (например, совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемым отцом), юридического значения не имело и «факт признания отцовства» установлен быть не мог [7].

Если отцовство устанавливалось в отношении ребенка, родившегося после 1 октября 1968 года, суд должен был устанавливать «факт отцовства», принимая во внимание любое из обстоятельств, предусмотренных ч. 2 статьи 53 КоБС. Установление факта отцовства не связывалось с обязательным нахождением ребенка на иждивении умершего, как это было предусмотрено статьей 3 Закона СССР от 27 июня 1968 года. Суд мог установить этот факт, даже если умерший (при жизни) отрицал свое отцовство, но по делу были установлены обстоятельства, указанные в ч. 2 статьи 53 КоБС. Поэтому,

например, было возможно установление факта отцовства и в тех случаях, когда факт признания отцовства не подтверждался, однако нашли подтверждение другие факты (совместное проживание и ведение общего хозяйства, совместное воспитание или содержание ребенка).

В качестве доказательств, которые могли подтвердить устанавливаемые факты, использовались те же фактические данные, которые применялись в делах искового производства об установлении отцовства. Так, по одному из дел об установлении факта признания отцовства суд указал в решении: «То обстоятельство, что Ю. признавал свое отцовство, подтверждается приобщенными к делу письмами умершего, подписями, сделанными им на подарках, показаниями свидетелей, в том числе работников больницы, которую Ю. посещал в период нахождения там ребенка как его отец. Ю. обращался в местком с просьбой о предоставлении путевки в санаторий «Мать и дитя», приобретал детские вещи. Со дня рождения ребенка и по день своей смерти Ю. содержал заявительницу и ребенка, так как заявительница в этот период не работала» [6].

Судебные решения по делам об установлении факта признания отцовства и факта отцовства служили основанием регистрации отцовства в органах ЗАГС (статья 210 КоБС). Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда СССР решение суда по делам об установлении отцовства и факта признания отцовства должны были основываться на всесторонне проверенных данных, подтверждающих заявленные требования. В этих решениях должны были также содержаться сведения, необходимые для регистрации акта об установлении отцовства в органах ЗАГС. Поэтому в резолютивной части решения суда согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда БССР от 5 сентября 1972 года «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» должны были содержаться необходимые данные об отце ребенка [4].

Таким образом, происхождение ребенка могло быть установлено и после смерти отца ребенка. При установлении факта признания отцовства (в отношении детей, родившихся до 1 октября 1968 года) суд устанавливал факт признания отцовства умершего и нахождения ребенка на его иждивении. Факт отцовства мог быть установлен в отношении детей, родившихся после 1 октября 1968 года, в случае смерти предполагаемого отца, не состоявшего в браке с матерью ребенка.

### **Библиографический список**

1. Гражданский процесс БССР : учеб. пособие: в 4 ч. / Т.А. Белова [и др.]; под ред. Н.Г. Юркевича, В.Г. Тихини. – Минск: Выш. школа, 1980. – Ч. 2. – 205 с.
2. Основы семейного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 года// [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=243>. – Дата доступа: 13. 02. 2020.

3. Гражданский процессуальный кодекс БССР 1964 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.02.200.

4. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. – М.: Спарк, – 2001. – 448 с.

5. Сборник нормативных актов по гражданскому процессу / С.Н. Бурова [и др.]; под ред. Н.Г. Юркевича. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 352 с.

6. Кочиев, Т.Д. Судебная защита прав и интересов в сфере брачно-семейных отношений: учебное пособие / Т.Д. Кочиев [и др.]; под ред. Д.М. Чечота. – Ашхабад: МНО ТССР. – 1988. – 104 с.

7. Кодекс о браке и семье Белорусской ССР 1969 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.03.2020.

## СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЕ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМКІ Ў БЕЛАРУСІ

**Л.Л. Голубева**

*дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права  
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,  
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт*

Палітыка-прававая думка Беларусі ў сваім развіцці прайшла некалькі этапаў. Яе станаўленне пачалося ў перыяд распаўсюджвання хрысціянства і фарміравання беларускага этнасу. У XI – XIII стст. палітыка-прававая думка развівалася пад уплывам візантыйскай палітыка-прававой культуры. У гэты час з’яўляецца царкоўна-палітычная ідэалогія – цэзарапапізм (лац. *cascara* – “імператар” і лац. *Рара* – “папа”, “айцец”), згодна з якой галава заканадаўчай, выканаўчай і судовай улады – імператар (цэзар) з’яўляецца адначасова і галавой хрысціянскай царквы. Канчатковай мэтай гэтай ідэалогіі было забеспячэнне адзінства і магутнасці царквы [1].

У XIV ст. уплыў візантыйскай палітыка-прававой культуры пачынае слабець, а заходнееўрапейскай – узмацняецца. У гэты час частка шляхецкай моладзі з ВКЛ пачынае сістэматычна атрымліваць вышэйшую юрыдычную адукацыю ў заходнееўрапейскіх універсітэтах. З’яўляецца царкоўна-палітычная ідэалогія папства – папацэзарызм, згодна з якой намеснікам Бога на зямлі разглядаўся ўжо прадстаўнік не свецкай (як у цэзарапапізме), а царкоўнай улады [1]. Знакамітымі асветнікамі ў дадзены час былі Е. Полацкая (1100 (?) – 1167 (?)), К. Тураўскі (1110 (?) – 1182 (?)), К. Смаляціч (1110 – 1164) і інш. Яны адмаўляліся ад усяго матэрыяльнага, уключаючы і царкоўную маёмасць, у той

час як многія манастыры, цэрквы, асобныя святары з'яўляліся буйнымі ўласнікамі, рабілі акцэнт на духоўным, вечным [2].

Эпоха Адраджэння характарызуецца ўздыхам свецкай навукі, станаўленнем нацыянальнай мовы, нацыянальнай самасвядомасці, гуманістычнага светапогляду. Такія гуманісты як Ф. Скарына (1490 – 1551), М. Літвін, А. Волян (1530 – 1610), М. Радівіл-Чорны (1515 – 1565), Л. Сапега (1557 – 1633) і інш. засяродзілі ўвагу на інтарэсах чалавека, абвясціўшы задавальненне яго правоў першачарговымі. У цэнтры іх увагі знаходзіліся пытанні роўнасці людзей перад законам, рэлігійнай толерантнасці і палітычнага плюралізму. На дадзеным этапе назіраецца пераход да саслоўна-прадстаўнічай манархіі, распаўсюджваюцца ідэі гуманізму, фарміруецца нацыянальная філасофская, прававая і грамадска-палітычная думка. Рэфармацыйныя ідэі пачалі распаўсюджвацца на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) у другой чвэрці XIV ст. [3; 4]. Ідэолагі рэфармацыйнага руху лічылі, што для выратавання душы веруючага не патрабуецца ўдзелу каталіцкай царквы, таму што выратаванне адбываецца не добрымі справамі, а ўнутранай верай. Прадстаўнікі Рэфармацыі (Я. Кішка (1552 – 1592), С. Будны (1530 (?) – 1593), В. Цяпінскі-Амельяновіч (1540 – 1604), П. Гезка (1525 (?) – 1573), М. Чаховіц (1532 – 1613), Л. Крышкоўскі (1536 (?) – 1573 (?)) і інш.) адмаўлялі неабходнасць існавання Рымскай Каталіцкай царквы, каталіцкага духавенства як асобнага сацыяльнага слоя, які згодна з вучэннем царквы надае чалавеку Божую ласку. Яны патрабавалі адчужэння царкоўнай маемасці (зямельнай уласнасці каталіцкай царквы) на карысць дзяржавы і прыватных асоб, ліквідацыі каталіцкіх кляштараў і манахаў, адмены царкоўнай дзесяціны, пышнага каталіцкага культу, стварэння дэмакратычнай і самакіравальнай таннай царквы. Адзінай крыніцай веры ідэолагі Рэфармацыі лічылі Свяшчэннае Пісанне і адмаўлялі значэнне Свяшчэннага Падання. Рэфармацыйны рух праявіўся ў ВКЛ пераважна ў формах лютэранства, кальвінізму (атрымаў найбольшае распаўсюджванне) і арыянства [4; 5].

У сярэдзіне XVI ст. у Еўропе ўзніклі контррэфармацыйныя ідэі, накіраваныя супраць ідэй і вынікаў рэфармацыйнага руху. Гэты этап характарызуецца перавагай рэлігійна-палемічнай літаратуры. У гэты час, што вельмі важна, адбываецца фарміраванне сярэдняй адукацыі (ва ўсіх гарадах Беларусі ствараюцца калегіумы (сярэдня навучальныя ўстановы)), а ў 1579 г. з'яўляецца першая на беларускіх землях вышэйшая навучальная ўстанова – Віленская езуіцкая Акадэмія. Для прапагандвання ідэй Контррэфармацыі актыўна выкарыстоўваліся царкоўныя суды, манастырскія каталіцкія ордэны, вярхоўная, дзяржаўная ўлада шэрагу каталіцкіх краін (Іспанія, Рэчы Паспалітай), рэакцыйныя рэлігійна-палітычныя групы і феадалаў і шляхты. Асаблівасцю дзейнасці езуітаў было тое, што яны не адасабляліся ад свецкага жыцця, а, наадварот, прымалі ў ім актыўны ўдзел і, такім чынам, актыўна ўплывалі на свядомасць людзей у патрэбным кірунку [4]. З канца XVII ст. выкарыстанне старажытнабеларускай мовы прыпыняецца, а сацыяльна-

палітычныя і прававыя думкі выказваюцца на лацінскай, польскай і рускай мовах. Іх змест звязаны з крытыкай феадальна-прыгонніцкай сістэмы, дзяржаўнага і судовага ўладкавання, сістэмы феадальнага права. Асноўнымі ідэолагамі Контррэфармацыі былі П. Скарга (1536 – 1612), І. Пацей (1541 – 1613), М. Смятрыцкі (1577 – 1633), А. Філіповіч (1595 (?) – 1648), Х. Філалет (1564 – 1624) і інш.[6].

Наступны этап у развіцці палітыка-прававой думкі Беларусі характарызуецца пранікненнем у другой палове XVIII ст. у Рэч Паспалітую з Заходняй Еўропы (з Францыі) асветніцкай ідэалогіі. Пад уплывам асветніцкай ідэалогіі ў ВКЛ пашыраюцца антыпрыгонніцкія ідэі, расце колькасць прыхільнікаў рэфармавання грамадства на новых буржуазна-дэмакратычных асновах. Носьбітамі прагрэсіўных ідэй з’яўляліся прадстаўнікі перадавой часткі шляхты, а таксама буржуазіі, якая нараджалася. Гэта І. Страйноўскі (1752 – 1815), І. Храптовіч (1729 – 1812), Т. Касцюшка (1746 – 1817), Я. Ясінскі (1759 (?) – 1794) і інш. [4]. У дадзены перыяд на беларускіх землях распаўсюджваюцца ідэі натуральнага права і дагаворнага паходжання дзяржавы; узнікаюць розныя праекты паляпшэння грамадска-палітычнага ладу Рэчы Паспалітай на аснове вопыту еўрапейскіх дзяржаў. Прымаецца адна з першых у свеце канстытуцый – Канстытуцыя 3 мая 1791 г.

У гэты час асаблівай папулярнасцю карыстаўся фізіякратызм. Фізіякраты сапраўднай крыніцай багацця лічылі зямлю, а сапраўднай прадукцыйнай працай – земляробскую працу. Таму яны крытыкавалі прыгоннае права, якое стрымлівала прагрэс у сельскай гаспадарцы, прапаноўвалі розныя праекты адмены прыгонніцтва, даказвалі неабходнасць фермерскага спосабу вядзення сельскай гаспадаркі [4]. Фізіякраты прытрымліваліся тэорыі натуральнага права і дагаворнага паходжання дзяржавы. Асновай вучэння вядомага прадстаўніка фізіякратызму І. Страйноўскага было вучэнне пра натуральны парадак і як вынік яго – натуральнае права. Натуральны парадак рэчаў ён разглядаў як адзінства фізічнага і маральнага парадку. На яго думку ніхто не мае права пазбавіць чалавека яго натуральнай свабоды. Ён павінен абараняць ад гвалту сваю ўласнасць і свабоду і, адпаведна, не рабіць замаху на чужую прыватную ўласнасць, не ўжываць сілы ў адносінах да іншых людзей, за выключэннем выпадкаў самаабароны. Прынцыпы натуральнага права ён разглядаў у якасці крытэрыяў “ісціннасці” або “няправільнасці” таго ці іншага сацыяльна-палітычнага ладу [6].

І. Храптовіч, вядомы фізіякрат, у сваёй працы “Пра натуральнае права” звяртае ўвагу на наяўнасць у грамадстве “натуральнага парадку”, які ўстанаўлівае правы і абавязкі ўсіх членаў грамадства[7]. Для падтрымання такога парадку ў супольным жыцці заключаюцца дагаворы. Чым бліжэй закон да натуральнага права, тым найбольш ён справядлівы. Прагрэсіўным момантам у вучэнні І. Храптовіча з’яўляецца тое, што маральны парадак ён ставіць у залежнасць ад фізічнага парадку прыроды. Маральныя законы, на яго думку, цалкам адпавядаюць таму, што карысна і неабходна чалавеку ў яго жыцці. Як і



ўсе фізіякраты, грамадства ен разглядаў як натуральны арганізм, што складае частку прыроды, у якую ўваходзяць чалавек і яго маральныя прынцыпы. Калі ж чалавек не мае свабоды ці бяспекі або пазбаўлены ўласнасці, ен становіцца ізгоем, бескарысным для сябе і грамадства. І. Храптовіч лічыў чалавека і яго здольнасці, перш за ўсе разумовыя, галоўным элементам вытворчасці. Гаспадарчымі рэформамі і вызваленнем сялян ад прыгоннай залежнасці вучоны абгрунтаваў магчымасць узнаўлення грамадства [7]. Ен верыў, што пры належнай арганізацыі грамадскага жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі “натуральнага права” ўзнікае магчымасць стварэння пастаянна растучай забяспечанасці і асветы для ўсіх.

У XIX ст. палітыка-прававая думка Беларусі развіваецца па трох асноўных ідэйных накірунках: ліберальна-буржуазнаму, кансерватыўна-манархічнаму, рэвалюцыйна-дэмакратычнаму. Развіццё палітыка-прававых ідэй характарызуецца ўплывам польскай і расійскай палітычнай думкі. Галоўнай праблемай уласна беларускай грамадска-палітычнай думкі, узнікшай у гэты перыяд, становіцца абгрунтаванне права беларускага народа на нацыянальна-культурную аўтаномію і палітычнае самавызначэнне. Перадавыя ідэі выказваюць студэнты і выкладчыкі Віленскага ўніверсітэта (Я. Чачот (1796 – 1847), Т. Зан (1796 – 1855), А. Міцкевіч (1798 – 1855) і інш.), Я. Снядэцкі (1756 – 1830), В. Страйноўскі (1759 – 1834), І. Лабажэўскі (1750 (?) – 1826), І. Даніловіч (1787 – 1843), М. Валловіч (1806 – 1833), Ф. Савіч (1815 – 1861), К. Каліноўскі (1838 – 1864) і інш. [1; 4].

У XX ст. працягваецца развіццё ідэі нацыянальнай дзяржаўнасці. Цэнтрам марксісцкай палітыка-прававой думкі сталі Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (1921), Інстытут філасофіі і права АН БССР (1931). Першыя навуковыя працы па станаўленню і развіццю палітычнай і прававой думкі Беларусі з’явіліся ў 1930-я гг. Гэта былі даследаванні А. Луцкевіча (1884 – 1942), А. Цвікевіча (1888 – 1937), Г. Парэчына (1894 – 1938), А. Станкевіча (1891 – 1949) і інш. [4]. Аднак у той час гэтыя даследаванні не атрымалі працягу. Пасля Вялікай Айчыннай вайны цікавасць да гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі ўзрасла. Пасляваенную грамадска-палітычную і прававую думку ў Беларусі развівалі І.І. Марціновіч, В.А. Круталевіч (1922 – 2006), А.В. Дулаў (1924 – 2018), В.Ф. Чыгір, С.А. Падокшын (1931 – 2004), С.Ф. Сокал (1943 – 2020), С.П. Маргунскі (1911 – 1978), І.А. Юхо (1921 – 2004) і інш. Аднак даследаванні на конт станаўлення і развіцця поглядаў на дзяржаву, права, палітыку, заканадаўства актывізаваліся толькі з утварэннем суверэннай Рэспублікі Беларусь. У гэтым накірунку працуюць такія знакамітыя навукоўцы, як Т.І. Доўнар, В.Ф. Шалькевіч, І.У. Вішнеўская і інш. [4; 8; 9].

Такім чынам, можна з упэўненасцю сказаць, што ў нашай краіне на сённяшні дзень развіваюцца практычна ўсе найбольш значныя напрамкі палітычных і прававых даследаванняў і створаны трывалы фундамент для правядзення далейшых даследаванняў у галіне грамадска-палітычнай і прававой думкі.

### Бібліяграфічны спісак

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993 – 2003. – Т. 4: Кадэты – Ляшчэня. – 1997. – 432 с.
2. Голубева, Л. Л. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: вучэб. метаад. комплекс / Л. Л. Голубева. – Мінск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 84 с.
3. Падокшын, С. А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С. А. Падокшын. – Мінск, 2003. – 316 с.
4. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. – Мінск: Маладзёжнае навуковае суполніцтва, 2002. – 248 с.
5. Падокшын, С. А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С. А. Падокшын. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 316 с.
6. Асветнікі зямлі Беларускай: энцыкл. даведнік / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2001. – 496 с.
7. Храптовіч, І. Л. Аб прыродным праве / І. Л. Храптовіч – Вільнюс: SANTARA, 2014. – 219 с.
8. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI – XVIII стст.: хрэстаматыя / аўт.-склад. Т.І. Доўнар, Ю.П. Доўнар, Л.Л. Голубева; пад рэд. Т.І. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2004. – 206 с.
9. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / І.У. Вішнеўская. – Мінск: Тэсей, 2004. – 271 с.

## О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КРАУДСОРСИНГА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Е.П. Гуйда**

*старший научный сотрудник Национального центра законодательства  
и правовых исследований Республики Беларусь*

Использование информационно-коммуникационных технологий в нормотворческой деятельности позволяет активизировать общественный диалог, обратную связь с населением. В юридической литературе отмечается, что в современных условиях достижение наибольшей полноты и достоверности информации, необходимой для разработки как законопроектов, так и иных проектов нормативных правовых актов, возможно только при использовании информационных ресурсов, которые позволяют не только аккумулировать значительные объемы информации, но и осуществлять ее обработку в соответствии с конкретными целями и задачами как всего законотворческого процесса, так и каждого из его этапов [1, с. 47].

Новые формы взаимодействия граждан и государства получили название «краудсорсинг». Дословно термин «crowdsourcing» переводится как crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов». В научной литературе

выделяют четыре типа стратегий краудсорсинга: краудфинансирование (crowdfunding), краудсоздание (crowdcreation), краудголосование (crowdvoting) и «мудрость толпы» (wisdom of the crowd). В основе современных моделей краудсорсинга – использование информационно-коммуникационных технологий, реализация проектов на специализированных сайтах в сети Интернет. В настоящее время насчитывается значительное количество трактовок краудсорсинга, большая часть которых имеет достаточно схожее значение, а расхождения касаются только различных сфер деятельности. Как отмечают ученые (И.Р. Насыров, И.Л. Савельев), важной и достаточно популярной сферой использования краудсорсинга является общественное обсуждение законопроектов и иных управленческих решений, прорабатываемых органами власти [2, с. 95]. Площадками для обсуждения являются как онлайн, так и оффлайн каналы связи с гражданами, желающими принять участие в обсуждениях.

В национальном законодательстве институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов закреплен с 2000 г. ранее действовавшим Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», а также Директивой Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь».

В последние годы активизировались электронные коммуникации между общественностью и нормотворческими органами. В Республике Беларусь краудсорсинг получил распространение относительно недавно. По инициативе Министерства культуры Республики Беларусь проводилось открытое обсуждение проекта концепции Кодекса о культуре, которое было организовано в январе 2012 г., краудсорсинг-площадка для обсуждения была открыта на форуме TUT.by. Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов проводится с 2015 г. на сайте «Правовой форум Беларуси». С принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» и постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов» достаточно детально регламентируются порядок и условия проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов и, в частности, сайт «Правовой форум Беларуси» определен в качестве основного способа проведения публичного обсуждения. Цель форума – предоставление посетителям интерактивной площадки для общения, обмена опытом и мнениями (в том числе с участием специалистов в области права) по вопросам, связанным с правом, правоприменительной практикой, разъяснением законодательства и т. д.

Как показывает практика, граждане активно участвуют в обсуждении проектов тех нормативных правовых актов, которые затрагивают актуальные социальные вопросы и в целом проблемы общественности. С момента создания

сайта «Правовой форум Беларуси» проведено обсуждение свыше 340 проектов правовых актов [3, с. 97].

Как свидетельствует зарубежный опыт, аналогичные ресурсы используются в ряде зарубежных стран. Например, портал «Открытые НПА» является единственной официальной краудсорсинговой платформой в Казахстане, посредством которой общественности предоставлена возможность участия в публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов. В Российской Федерации для общественного и независимого обсуждения наиболее значимых проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет создан специальный официальный сайт [regulation.gov.ru](http://regulation.gov.ru) (Федеральный портал проектов нормативных правовых актов).

Можно согласиться с высказанным в отечественной юридической литературе мнением о том, что «практика размещения проектов законов в Интернете еще не вполне развита. Каждый должен иметь возможность направить свое предложение или поправку в закон» [4]. Следует заметить, что у граждан не имеется равной возможности использования глобальной компьютерной сети Интернет, а значит, что отсутствует возможность ознакомления с проектом некоторой частью населения страны.

Безусловно, с появлением интернет-возможностей обсуждение проектов нормативных правовых актов стало более масштабным и квалифицированным. Полагаем, что закрепление детального механизма публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов на законодательном уровне позволит государственным органам учитывать мнение граждан, получить обратную связь с обществом, что создаст предпосылки не только для принятия высококачественных и стабильных нормативных правовых актов, но и для формирования общественного мнения, повышения правосознания населения.

Вместе с тем необходим более детальный анализ нового понятия в нормотворческом процессе, возникшего в связи с информатизацией общества, «краудсорсинг». Требуют конкретизации и корректировки на правовом уровне следующие вопросы: 1) условия и обстоятельства, исключающие проведение публичного обсуждения, а также случаи, когда может проводиться повторное (или дополнительное) публичное обсуждение; 2) процедура рассмотрения и анализ представленных предложений и замечаний по проекту нормативного правового акта; 3) способы доведения до граждан результатов общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

Следует учитывать и тот факт, что размещенные для публичного обсуждения тексты проектов нормативных правовых актов специфической тематики могут оказаться сложными для понимания обычным гражданам, в отношении которых в последующем будут применяться эти нормы законодательства. Трудности с пониманием текста проекта могут стать причиной неучастия в его обсуждении. Нормотворческим органам следует

размещать краткую информацию о том, кого именно (медицинских работников, учителей и др.) и каким образом (увеличение заработной платы, увеличение пенсионных выплат и т.д.) затронет данный проект. Обязательно следует указывать, какую проблему решает та или иная новелла, а также к каким последствиям приведет ее реализация.

Проблемным является вопрос учета предложений граждан, данных в ходе публичного обсуждения. Необходимо конкретизировать механизм учета, оценки обоснованности и целесообразности того или иного замечания и предложения. Одним из ключевых направлений является прогнозирование и оценка возможных рисков, связанных с принятием проекта нормативного правового акта. В рамках публичного обсуждения можно было бы предусмотреть специальный раздел, адресованный сбору прогнозов и мнений по возможным рискам. Так, анализ предложений в этой части мог бы проводиться в отношении всего проекта нормативного правового акта (или конкретной нормы).

Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов представляет собой диалог между нормотворческими органами и гражданами. В связи с этим следует активизировать работу, направленную на вовлечение общественности в нормотворческую деятельность государства, используя весь потенциал технологии краудсорсинга.

### **Библиографический список**

1. Кибак, И. А. Специальные профилактические меры предупреждения психологических ошибок в законотворческой деятельности // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 3 : Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 2. – С. 45–49.
2. Насыров, И. Р. Технологии краудсорсинга в государственном управлении / И.Р. Насыров, И.Л. Савельев // Ученые записки Казанск. ун-та. – 2012. – Т. 154, кн. 6. – С. 94–104.
3. Шаршун, В.А. Цифровизация нормотворческой деятельности: понятие и содержание // Право.by. – 2020. – № 3 (65). – С. 95–101.
4. Василевич, Г.А. Некоторые аспекты использования информационных технологий для расширения участия граждан в управлении делами государства [Электронный ресурс] // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015) : докл. V Междунар. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск : НЦПИ, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

# **РОЛЬ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

**М.В. Гурина**

*старший преподаватель*

*Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года (далее – НСУР) в качестве стратегической цели предусматривает формирование качественной системы образования, в полной мере отвечающей потребностям постиндустриальной экономики и устойчивому развитию страны. Реализация этой цели может быть достигнута в том числе посредством интеграции национальной системы образования в международное образовательное пространство, т.е. участия Республики Беларусь в проектах по формированию общего образовательного пространства, реализуемых в настоящее время главным образом в рамках региональных интеграционных объединений.

Наиболее тесное сотрудничество в области образования Республика Беларусь осуществляет в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), одним из приоритетных направлений политики государств-участников которого является формирование общего образовательного пространства.

Правовой основой сотрудничества государств-участников СНГ в области образования является Соглашение о сотрудничестве в области образования, заключенное в г. Ташкенте 15 мая 1992 года, статья 1 которого гарантирует всем лицам, проживающим на территории государств-участников, равные права на образование и его доступность независимо от национальной принадлежности или иных различий. Лица, постоянно проживающие на территории одного из государств-участников и имеющие гражданство другого государства-участника, получают образование на всех уровнях, а также учёные степени и звания, на условиях, установленных для граждан этого государства, что безусловно, должно способствовать формированию общего образовательного пространства.

Непосредственно на формирование общего образовательного пространства направлены Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ (далее – Соглашение 1997 года) и Концепция формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ (далее – Концепция) от 17 января 1997 года.

В соответствии с Концепцией общее образовательное пространство СНГ характеризуется общностью принципов государственной политики в области образования, согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, перечней профессий и специальностей, уровней образования, нормативных сроков обучения, стандартов и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров и программ, равными

возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в образовательных учреждениях на территории СНГ.

Соглашением 1997 г. определены направления взаимодействия государств-участников, важнейшими из которых являются следование согласованным принципам в области образования (статья 8) и сближение норм национального законодательства (статья 5). Действительно, формирование общего образовательного пространства немыслимо без процессов унификации и гармонизации национального законодательства в сфере образования. Основной правовой формой унификации и гармонизации законодательства, безусловно, являются межгосударственные договоры, заключаемые государствами-участниками по различным вопросам в области образования. В тоже время анализ межгосударственных соглашений государств-участников СНГ в области образования показывает, что ими охвачены в основном только высшее и послевузовское образование, что явно недостаточно. Образование в целях устойчивого развития предполагает постепенное формирование интеллектуально и гармонично развитой личности, способной найти конструктивные и творческие решения возникающих глобальных проблем и повысить устойчивость и жизнеспособность общества [1]. Формирование такой личности должно осуществляться на всех ступенях образования, начиная с дошкольного.

По этой причине для достижения цели гармонизации национального законодательства могут использоваться и другие формы сотрудничества (например, принятие рекомендаций, т.е. предложений по сближению законодательства, а также модельное правотворчество, т.е. принятие актов модельного законодательства).

В настоящее время в юридической литературе предлагаются различные определения понятий «модельное законодательство», «модельный закон», ведутся дискуссии относительно правовой природы, юридической силы и места такого рода актов в системе источников права [2; 3].

Правовой основой для разработки и принятия актов модельного законодательства в СНГ является Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (далее - МА) от 14 апреля 2005 года (с дополнениями от 25 ноября 2008 года № 31-21) (далее - Положение). В соответствии с пунктом 1.2 Положения модельный законодательный акт СНГ – законодательный акт рекомендательного характера, принятый МА в установленном порядке, в целях формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств-участников по вопросам, представляющим общий интерес, приведения законодательства государств-участников Содружества в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках Содружества, и иными международными договорами, участие в которых государств-участников Содружества является весьма желательным для достижения общих целей. Основными критериями

обоснованности разработки и принятия модельных законодательных актов являются актуальность и возможность сближения на их основе законодательства государств; конкретизация положений договоров, заключенных в рамках СНГ, для ускорения процесса их имплементации; наличие пробелов в нормативном регулировании сферы образования.

В сфере образования в настоящее время государствами-членами СНГ принят достаточно большой массив модельных законов, регулирующих наиболее важные сферы общественных отношений, касающихся образования. Среди них можно назвать следующие модельные законы: «Об образовании» от 3 апреля 1999 года № 13-8, «О дошкольном образовании» от 4 декабря 2004 года № 24-15 (в редакции от 13 апреля 2018 года № 47-9), «О среднем общем образовании» от 17 апреля 2004 года № 23-13, «О внешкольном образовании» от 4 декабря 2004 года № 24-14, «О начальном и среднем профессиональном образовании» от 16 мая 2011 года № 36-5, «Об образовании взрослых» от 6 декабря 1997 года № 10-9 (в редакции от 25 ноября 2016 года), «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 7 декабря 2002 года № 20-2, «О воспитании детей и молодежи» от 14 мая 2009 года № 32-5, «О статусе учителя» от 4 декабря 2004 года № 24-13, «О просветительской деятельности» от 20 мая 2016 года № 44-11, «О лицензировании, государственной аттестации и аккредитации учреждений/организаций высшего и послевузовского образования в государствах-участниках СНГ» от 03 декабря 2009 года. Значительное внимание государствами-участниками СНГ уделяется вопросам вовлечения в образовательный процесс детей с особенностями развития, о чем свидетельствует принятие модельных законов в этой сфере «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» от 7 декабря 2002 года и «Об инклюзивном образовании» от 25 ноября 2016 года № 45-5. и отвечает целям Концепции устойчивого развития ООН.

В 2000 году была подготовлена и принята вначале Концепция модельного образовательного кодекса для государств-участников СНГ, а затем и сам Модельный образовательный кодекс (постановление МА от 16 ноября 2006 года № 27-12).

Модельным законодательством СНГ в сфере образования также регулируется ряд значимых и актуальных вопросов, отражающих важнейшие тенденции развития современного образования. В частности, в принятых в 2014 году в целях реализации Концепции развития дистанционного обучения в государствах-участниках СНГ модельные законы «О трансграничном образовании» от 28 ноября 2014 года № 41-24 и «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования» от 18 апреля 2014 года № 40-15 нашли правовое закрепление такие организационные формы получения образования как электронное обучение, трансграничное образование, сетевая форма реализации образовательных программ, которые до настоящего времени не нашли должного закрепления в национальном законодательстве государств-участников СНГ, в том числе в



действующем Кодексе Республики Беларусь об образовании. Таким образом, нормы указанных модельных законов создают необходимую правовую основу и могут использоваться в качестве типовых для развития национального законодательства, что прямо предусмотрено пунктом 8.3 Положения. Согласно данному пункту использование модельных законодательных актов может осуществляться либо в форме разработки и принятия на их основе внутригосударственных нормативных правовых актов либо внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты.

Таким образом, наличие гармонизированного и унифицированного законодательства государств-участников является важным и неотъемлемым условием формирования общего образовательного пространства в рамках СНГ. При этом договорная правотворческая деятельность СНГ не всегда является эффективной и нередко подвергается критике [4]. По этой причине для достижения цели гармонизации национального законодательства государств-участников в области образования может использоваться такая правовая форма как модельное правотворчество. Принятие актов модельного законодательства (модельных законов и кодексов) позволяет, во-первых, обозначить наиболее актуальные направления развития законодательства государств-участников в сфере образования, во-вторых, разработать типовые нормы для принятия на их основе внутригосударственных нормативных правовых актов; в-третьих, внести изменения и дополнения в уже действующие нормативные правовые акты, в-четвертых, способствует скорейшей и более точной имплементации межгосударственных соглашений, что в совокупности служит достижению цели гармонизации национального законодательства в сфере образования.

### **Библиографический список**

1. Образование в интересах устойчивого развития [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – Режим доступа: <https://ru.unesco.org/themes/obrazovanie-v-interesah-ustoychivogo-razvitiya#:~:text=%>. – Дата доступа: 05.11.2020.
2. Шестакова, Е.В. Модельное законодательство: теоретико-правовые аспекты и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 ; / Рос. Акад. правосудия. – М., 2006. – 24 с.
3. Безбородов, Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции : монография / Ю.С. Безбородов. – М. : Проспект, 2018. – 237 с.
4. Барковский, И.А. Правотворческая деятельность Содружества Независимых Государств / И. А. Барковский. – Минск : Дикта, 2007. – 158 с.

# МЕТАДАЛАГІЧНА-ПАЗНАВАЛЬНАЕ І КУЛЬТУРА-ВЫХАВАЎЧАЕ ЗНАЧЭННЕ ВУЧЭБНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ “ГІСТОРЫЯ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ”

**Т.І. Доўнар**

*прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права  
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,  
доктар юрыдычных навук, прафесар*

Нельга не заўважыць, што на сучасным этапе развіцця беларускай дзяржаўнасці вышэйшая адукацыя становіцца тым важным фактарам дзяржаўнага развіцця, які садзейнічае вырашэнню эканамічных, палітычных, сацыяльных, культурных і іншых праблем сучаснага грамадства. У сваю чаргу гэты фактар вызначае і важнейшыя мэты адукацыі, якія ў апошнія гады на ўзроўні масавага ўяўлення некалькі змяніліся. Так, напрыклад, калі раней у адносінах да прафесійнай адукацыі было пашырана грамадскае меркаванне, што вышэйшая школа павінна галоўным чынам рыхтаваць кваліфікаваных спецыялістаў, то на пачатку ХХІ ст. яно пачало схіляцца да неабходнасці падрыхтоўкі перш за ўсё высокаадукаваных і культурных асоб.

Адназначна гэтаму змяняецца і сутнасць сучаснай адукацыі, бо яна зараз не можа кіравацца папярэднімі традыцыямі адукацыйнай сістэмы і павінна перш за ўсё садзейнічаць развіццю індывідуума. Менавіта таму самаадукацыя, дыстанцыйныя адукацыйныя праграмы, інфармацыйныя тэхналогіі становяцца неад’емнай часткай сучаснай сістэмы адукацыі і падставай далейшага ўдасканалення падрыхтоўкі прафесіяналаў з вышэйшай адукацыяй. Зразумела, у аснову дзяржаўнай стратэгіі развіцця адукацыі павінен быць пакладзены сацыяльны заказ грамадства, які зараз скіраваны на аптымальнае спалучэнне інтарэсаў навучэнца і патрэб грамадства, падрыхтоўку спецыялістаў шырокага профілю, што дазваляе забяспечыць даступнасць адукацыі, арыентаванасць асобы на развіццё ўласных навыкаў і ўсебаковае духоўнае развіццё.

Фарміраванне арыентаванасці будучых спецыялістаў і каштоўнасных устаноў асобы адбываецца ў большасці ў вышэйшай школе і вядучая роля ў вырашэнні гэтай складанай задачы належыць гуманітарным навукам. Менавіта яны фарміруюць сістэму светапогляду асобы студента, вызначаюць яе інтэлектуальнае і духоўнае развіццё, садзейнічаюць станаўленню ў студэнта тых якасцей, якія дазваляць у далейшым адказна выконваць свае прафесійныя і грамадзянскія функцыі.

Сярод гуманітарных дысцыплін у сістэме падрыхтоўкі прафесійных юрыстаў важнае месца належыць гісторыі дзяржавы і права Беларусі, якая ў якасці гістарычнай навукі ўяўляе сабой частку гісторыі чалавецтва, а ў якасці юрыдычнай — адну з фундаментальных галін ведаў, на якіх грунтуюцца дасягненні і высновы юрыспрудэнцыі ў цэлым. Менавіта гэты прадмет з’яўляецца адной з тых фундаментальных дысцыплін, якія з’яўляюцца

падставай для вывучэння іншых юрыдычных дысцыплін. У сваю чаргу прадмет грунтуецца на дасягненнях гістарычнай і гісторыка-прававой навукі.

Прадметам вывучэння вучэбнай дысцыпліны “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” з’яўляецца сістэма ведаў аб узнікненні і эвалюцыі беларускай дзяржаўнасці, найбольш важных этапах, тэндэнцыях і асаблівасцях гістарычнага развіцця дзяржавы і права Беларусі [1, с. 3]. Як вучэбная дысцыпліна, «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» мае мэтай – даць веды студэнтам аб канцэптуальных асновах, храналагічнай паслядоўнасці і асноўных этапах развіцця беларускай дзяржаўнасці і прававой сістэмы; іх асаблівасцях і характэрных рысах; эвалюцыі важнейшых прававых інстытутаў і галін права; дасягненнях прававой культуры Беларусі. Вучэбная дысцыпліна дае студэнтам не толькі агульнае ўяўленне аб стане, характэрных рысах і тэндэнцыях развіцця айчыннай дзяржавы і яе права, але перш за ўсё дапамагае асэнсаваць узровень развіцця беларускай дзяржаўнасці і яе прававой культуры на тым ці іншым гістарычным этапе, выявіць ролю народа ў гістарычным працэсе і месца асобы ў грамадстве.

Такім чынам, вучэбная дысцыпліна накіравана на выяўленне і асэнсаванне характэрных рыс і асаблівасцей дзяржаўна-прававога развіцця Беларусі на папярэдніх гістарычных этапах, а таксама на разуменне значэння сучаснай беларускай дзяржавы і айчыннай прававой сферы. Перш за ўсё яна прызначана даць яснае і глыбокае разуменне заканамернасцей гістарычнага працэсу, асаблівасцей узнікнення, станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці на працягу папярэдніх стагоддзяў, у тым ліку адносна прычын змен тыпаў і формаў дзяржавы, эвалюцыі дзяржаўных органаў і палітыка-прававых інстытутаў, змен у прававым становішчы насельніцтва і інш. Пры гэтым вучэбная дысцыпліна садзейнічае набывццю студэнтамі навыкаў абагульнення гістарычнага матэрыялу, умення яго аналізаваць, сістэматызаваць і з навуковых пазіцый фармуляваць належныя вывады. Акрамя таго, прадмет гісторыі дзяржавы і права Беларусі мае на мэце фарміраванне ў студэнтаў прававога мыслення. Гістарычны аналіз заканадаўства неабходны студэнтам-юрыстам для правільнага разумення дзеючага заканадаўства і крытычнай ацэнкі састарэлага нарматывна-прававога матэрыялу [1, с. 3].

Увогуле папярэдні вопыт юрыспрудэнцыі не толькі дапамагае ў асэнсаванні ранейшых гістарычных дасягненняў і недахопаў, але садзейнічае пазбегнуць мінулых памылак, маючы мэтай, на падставе пераемнасці станоўчага гістарычнага вопыту, больш паспяховае будаўніцтва сучаснай дзяржаўнасці, яе прававых інстытутаў, належнага заканадаўства і іншых элементаў прававой сферы. Акрамя таго, гістарычныя веды, якія даюць падставы праз прызму мінулага заглянуць у будучае, непасрэдна ўплываюць на светаўяўленне студэнтаў і духоўнае развіццё асобы.

Такім чынам, прадмет мае не толькі пазнавальнае, але і метадалагічнае і практычнае значэнне, бо дапамагае студэнтам у фарміраванні правільнага светаўяўлення і выпрацоўцы погляду на дзяржаўнасць як на дынамічны

арганізм, які пастаянна развіваецца ў цеснай узаемасувязі з рэальным грамадска-палітычным і эканамічным становішчам.

У сувязі з тым, што прадмет “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” вывучаецца на першым курсе вышэйшых юрыдычных навучальных устаноў школьныя ўяўленні першакурснікаў аб гістарычным працэсе развіцця беларускай дзяржаўнасці, як правіла, даволі павярхоўныя і разрозненыя. Пры гэтым студэнты праходзяць складаны перыяд адаптацыі да ўмоў навучання ў вышэйшай навучальнай установе, які ўключае як праблему інтэграцыі ў новую сацыяльную прастору са складанасцю узаемаадносін са студэнтамі, выкладчыкамі, адміністрацыяй, так і новай лекцыйна-практычнай сістэмай навучання, што патрабуе больш значнай самастойнасці і адказнасці. Акрамя таго, амаль кожны выкладчык сацыягуманітарных навук пры выкладанні прадмета сустракаецца з такімі цяжкасцямі, як канкрэтнасць мыслення студэнтаў, пэўная неінфарміраванасць у сферы кніжнай культуры і як наступства – няведанне гуманітарнай тэрміналогіі і няўменне працаваць з першакрыніцамі, а таксама непаразуменне праблемнага характару гуманітарных дысцыплін, у тым ліку непаразуменне, звязанае з наяўнасцю ў прадмеце выкладання некаторых невырашаных, дыскусійных пытанняў. Пры гэтым сучасныя студэнты з лёгкасцю дастаюць любую інфармацыю з электронных крыніц, хоць карыстаюцца ёю, у тым ліку дыферэнцыраваць, аналізаваць і адапціраваць для адказу на семінарскіх занятках, у поўнай меры не могуць. Як правіла, яны з задавальненнем адказваюць на пытанні адносна канкрэтных гістарычных падзей, або персаналій, аднак з цяжкасцю ім даюцца пытанні аналізу заканадаўства, выяўлення асаблівасцей і тэндэнцый у развіцці дзяржавы і права, а таксама тыя пытанні, што патрабуюць выяўлення ўзаемасувязей развіцця права з сацыяльна-эканамічнымі, палітычнымі працэсамі ў грамадстве.

Таму зараз застаецца актуальнай праблема ўдасканалення сістэмы вышэйшай адукацыі, у тым ліку ў сферы вывучэння гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Больш патрэбным становіцца не столькі вывучэнне студэнтамі факталогіі, як гэта было ў школе, але філасофіі гістарычнага развіцця, што, на наш погляд, будзе садзейнічаць фарміраванню самастойнасці мыслення і пашырэнню кругагляду студэнтаў. Асабліва патрэбна звярнуць увагу не толькі на фарміраванне сістэмы гістарычных ведаў у студэнтаў, але і на іх каштоўнасныя арыентацыі. Увогуле фарміраванне гістарызма мыслення зараз з’яўляецца адным з паказчыкаў культуры адукаванага чалавека. Менавіта таму адной з мэт вывучэння курса з’яўляецца далучэнне асобы студэнта да культурна-гістарычнага кантэксту, самаарыентацыі ў цывілізаваным часе-прасторы.

Належнае вывучэнне дысцыпліны дазваляе сфарміраваць у студэнта зладжаную і дакладную сістэму эканамічных, палітычных, філасофскіх поглядаў адносна гістарычнага развіцця дзяржаўнасці Беларусі, а таксама прывучае маладых людзей самастойна і маштабна мысліць, пазбягаць

аднабаковых, мала звязаных з рэчаіснасцю вывадаў і ацэнкаў. Тым больш, што адносна Беларусі многія гістарычныя дзяржаўна-прававыя пытанні застаюцца яшчэ мала даследаванымі, іншыя ж разглядаюцца навукоўцамі з вельмі супярэчлівых пазіцый [2, с. 39]. Складанасць у вывучэнні гісторыі беларускай дзяржаўнасці, г.зн. дзяржаўна-прававых феноменаў, што існавалі на тэрыторыі сучаснай Беларусі і на этнічна блізкіх землях, яшчэ і ў тым, што яна перасякаецца з рэтраспекцыяй дзяржаўнасці іншых народаў. Гэта тычыцца і цывілізацыйнай прыналежнасці беларускіх зямель, якія знаходзіліся на мяжы Захаду і Усходу.

Увогуле на сучасным, найноўшым этапе развіцця чалавечай цывілізацыі значна павялічылася значэнне асэнсавання ўласнай гісторыі дзяржаўна-прававога развіцця. Асабліва гістарычныя веды сталі важнымі ва ўмовах вельмі складаных геапалітычных працэсаў ва ўсім свеце. У сувязі з гэтым неабходна акцэнтаваць увагу студэнтаў, што сучасныя патрэбы ў веданні і далейшым развіцці гісторыка-прававой навукі звязаны не толькі з тымі прабеламі, што ў ёй засталіся, але ў сувязі з пастаяннымі трансфармацыямі дзяржаўна-прававой сферы і адпаведна гэтаму - з неабходнасцю перагляду шэрагу папярэдніх уяўленняў аб гістарычным працэсе і эвалюцыі дзяржаўнасці.

Пераасэнсаванне папярэдніх гістарычных і тэарэтыка-прававых навуковых падыходаў адносна такіх палітычных інстытутаў, як дзяржава і права, садзейнічае ўдасканаленню сучаснай дзяржаўна-прававой сферы. Тым больш, што менавіта ў гісторыі права найбольш акрэслена адлюстроўваюцца характэрныя рысы сацыяльна-эканамічнага і палітычнага жыцця народа і тыя змены, якія адбываюцца ў сувязі з развіццём і ўскладненнем гістарычнага працэсу. Рэканструяванне забытых, але блізкіх прававому менталітэту, прававой свядомасці і прававой культуры беларускага народа дзяржаўна-прававых каштоўнасцей, у тым ліку ідэй, прававых інстытутаў, механізма ўрэгулявання грамадскіх адносін і інш., дапамагае не толькі асэнсаваць і ацаніць узровень мінулай прававой культуры грамадства, але і якасна ўплываць на сучаснае функцыянаванне як асобных прававых з'яў так і ўсёй прававой сферы ў цэлым [1, с. 4]. Менавіта навуковы аналіз папярэдняга дзяржаўна-прававога вопыту дазваляе звярнуць увагу на тыя недахопы і дасягненні, якія мелі месца ў мінулым, і ўлічыць гэта пры ўдасканаленні дзяржаўна-прававых інстытутаў, чым потым будуць непасрэдна займацца сучасныя студэнты.

Такім чынам, гісторыка-прававая навука мае асаблівае значэнне ў справе падрыхтоўкі належных юрыстаў-прафесіяналаў, паколькі яна дапамагае прааналізаваць і асэнсаваць папярэдні ход гістарычнага развіцця, улічыць папярэднія дасягненні, выключыць ранейшыя недахопы і на падставе гэтага прагназаваць перспектывы далейшага дзяржаўна-прававога развіцця і прапаноўваць найбольш прымальныя механізмы яго ўдасканалення. Пры гэтым гістарычны аналіз эвалюцыі айчыннай прававой сферы заўсёды мае галоўнай мэтай - удасканаленне ранейшых і фарміраванне новых прававых інстытутаў і іншых элементаў прававой сістэмы, а таксама больш дасканалых

заканадаўства, найболей адэкватнага сучаснай прававой свядомасці. Такі падыход садзейнічае павышэнню эфектыўнасці функцыянавання беларускай дзяржаўнасці як галоўнага на сённяшні момант палітычнага інстытута, які выступае прыладай для дасягнення найлепшага сацыяльна-эканамічнага жыцця грамадзян ва ўмовах усталявання дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавы [1, с. 4].

Гэтаму ў значнай ступені будзе садзейнічаць пошук новага зместу і метадалогіі выкладання гісторыі дзяржавы і права Беларусі, што мяркуе пераход да новых тэхналогій навучання, пры якіх логіка вучэбнай дысцыпліны павінна адпавядаць логіцы гісторыка-прававой навукі і ўвогуле логіцы развіцця навуковага пазнання у цэлым. Такі падыход адпавядае мэтам вузаўскай адукацыі, якія накіраваны не толькі на авалоданне студэнтамі ведамі, уменнем і навыкамі, але і іх здольнасць арыентавацца ў вакольным сусвеце. Вельмі важна арыентаваць студэнтаў на веданне імі агульначалавечых духоўных каштоўнасцей, створаных за тысячагоддзі сусветнай гісторыі, якія павінны арганічна спалучацца з духоўнымі нацыянальнымі каштоўнасцямі. Менавіта ўсё гэта будзе садзейнічаць фарміраванню самостойнасці мыслення, пашырэнню кругагляду і светаўяўленню студэнта, а таксама праяўленню талярантнасці, ўзаемапаразумення і г.д.

Адносна студэнтаў-юрыстаў, на наш погляд, перш за ўсё неабходна сканцэнтравать увагу на дасягненнях у сферы айчынай прававой культуры, якія знайшлі адлюстраванне ў працах шматлікіх папярэдніх навукоўцаў, перш за ўсё правазнаўцаў, філосафаў, сацыёлагаў, а таксама ў помніках права. Так, вывучэнне гістарычных філасофскіх і прававых крыніц, так і інтэпрэтацыя іх даследчыкамі і выкладчыкамі адыгрывае важную роль у захаванні гістарычнай памяці. Тым больш, што адны і тыя ж крыніцы ў розныя гістарычныя перыяды трактаваліся па-рознаму. Пры гэтым такую амбівалентную пазіцыю ў адносінах да тэкстаў часам выказваў адзін і той жа даследчык у розны перыяд сваёй дзейнасці. Часцей за ўсё гэта было абумоўлена існуючай грамадска-палітычнай сітуацыяй, або палітычнымі схільнасцямі даследчыка, ці іншымі аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі фактарамі. Менавіта таму застаецца важнай праблема непрадузятага аналізу гістарычных тэкстаў у кантэксце агульнага асэнсавання складанага шляху развіцця беларускай нацыі, яе самасвядомасці і самапазнання.

У гэтым кантэксце даследаванне прававой спадчыны беларускага народа, якое даволі доўга стрымлівалася шэрагам фактараў, а таксама правільная трактоўка яго дае студэнтам-юрыстам уяўленне не толькі аб асаблівасцях дзяржаўна-прававога развіцця на тым ці іншым гістарычным этапе, але і ўзроўні прававой культуры тагачаснага грамадства. Студэнты-юрысты павінны непасрэдна знаёміцца з помнікамі айчыннага права, аналізаваць іх, супастаўляць з прававымі крыніцамі іншых дзяржаў, пры гэтым звяртаць увагу на асаблівасці функцыянавання і гістарычнага развіцця нарматворчых і іншых дзяржаўных органаў, судовай сістэмы, заканадаўства, а таксама - на

праблемныя і дыскусійныя пытанні айчыннай гісторыі дзяржавы і права. Пры выкладанні гісторыі дзяржавы і права Беларусі патрэбна звярнуць увагу студэнтаў, што дзяржаўнасць як навуковая катэгорыя ўяўляе сабой неад’емнае права этнанацыянальнай супольнасці, яе патэнцыяльную здольнасць і практычную магчымасць працяглага самастойнага гістарычнага існавання і развіцця, а дзяржава (дзяржаўнае ўтварэнне) — канкрэтна-гістарычную форму рэалізацыі гэтага права ў часе і прасторы. Беларуская дзяржаўнасць як адзінае цэлае знайшла ўвасабленне ў дзвюх непарыўных формах — гістарычнай і нацыянальнай. Менавіта на сучасным этапе развіцця дзяржаўнасці вельмі важным стаў нацыянальна-дзяржаўны падыход у яе вывучэнні, пры якім гісторыя ўласнага народа становіцца прыярытэтным кірункам навуковых даследаванняў.

У сувязі з гэтым востра паўстае праблема захавання гістарычнай памяці беларускага народа як гаранта яго соцыякультурнай ідэнтычнасці, у тым ліку звязаная з ёю пытанне статуса беларускай мовы. Пры выкладанні прадмета гісторыі дзяржава і права Беларусі абавязкова звяртаецца ўвага на тое, што беларуская мова доўгі гістарычны перыяд была дзяржаўнай. Многія беларускія навукоўцы (гісторыкі, правазнаўцы, мовазнаўцы і інш.) пазначалі, што паколькі палітыка-эканамічным цэнтрам Вялікага Княства Літоўскага былі беларускія землі (пад назвай «Літва»), якія і складалі цэнтральную частку дзяржавы, тагачасная беларуская мова была прызнана дзяржаўнай на ўсёй тэрыторыі Вялікага Княства [3, с. 73]. На падставе аналізу помнікаў права замежныя і айчынныя навукоўцы ўпэўненыя ў сцвярджалі і сцвярджаюць, што ў помніках права, асабліва ў Статутах 1529, 1566, 1588 гг., знайшла адлюстраванне багатая прававая культура беларускага народа, а беларуская прававая лексіка склала аснову гэтых помнікаў права. У Статутах праявіўся “дзелавы стыль старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы, асобныя характэрныя рысы якой былі адзначаны ў прывілеях, пацвярджэннях, тэстаментах і г.д., што дазваляе гаварыць пра старабеларускую дзелавую пісьменнасць як сістэму тэкстаў, аб’яднаную сферай функцыянавання, прызначэннем, тыповымі моўнымі сродкамі” [4, с. 68-69]. Менавіта ўсё гэта сведчыць аб значнай сфарміраванасці і высокім ўзроўні заканадаўчых творчасці і тэхнікі ў Вялікім Княстве Літоўскім, што ў сваю чаргу рабіла даволі эфектыўным уздзеянне закона на палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае жыццё дзяржавы.

Неабходна адзначыць, што ўжо Першы Статут 1529 года, як вынік першай агульнай сістэматызацыі права Вялікага Княства Літоўскага, узнёс прававую сістэму дзяржавы на больш якасны ўзровень. З гэтага часу ў дзяржаве быў пакладзены пачатак больш важнага этапу развіцця сістэматызаванага заканадаўства на мове, даступнай насельніцтву Вялікага Княства Літоўскага. Таксама на беларускай мове былі напісаны некалькі пазней Статуты 1566 і 1588 гадоў. Знакаміты даследчык І. Даніловіч пісаў, што Статуты “напісаны на “простонародном литовско-русском наречии” [5, с. 16, 34]. Зразумела, што мелася на ўвазе тагачасная беларуская мова. Таксама А. Міцкевіч пазначаў

адносна беларусаў, што «пісьмовых помнікаў у іх мала, толькі Літоўскі Статут напісаны іх мовай, самай гарманічнай і з усіх славянскіх моў найменш змененай» [6, с. 230]. Пры гэтым ён казаў не пра тоеснасць народных гаворак і кніжнай мовы, а пра кніжна-дзелаваю форму літаратурнай мовы таго перыяду. Увогуле многія навукоўцы пазначалі, што характэрнай рысай культурна-гістарычнага працэсу XVI ст. было выкарыстанне беларускай мовы не толькі ў сферах дзелавай пісьменнасці, у тым ліку ў заканадаўстве, але і ў асноўных жанрах свецкай літаратуры.

Мовай Статутаў вельмі ганарыліся заканадаўцы. Так, у прадмове да Статута 1588 года Леў Сапега адзначаў «... не обчым яким языком, але своим власным правасписаные маем и каждого часу, чого нам потреба ку отпору всякое кривды, ведати можем» [7, с. 47]. Аб гэтым гаварылася і ў самім тэксе Статута. Напрыклад, у арт.1 чацвертага раздзела пра абавязкі судовага пісара было напісана: «...А писар земский маєть поруску литерами и словы рускими вси листы, выписы и позвы писати, а не иным езыком и словы» [7 р. 4, арт. 1]. Пры гэтым неабходна сказаць, што значэнне Статута 1588 года ўзрастала ад таго, што ён быў амаль адразу надрукаваны на беларускай мове ў Віленскай тыпаграфіі братаў Мамонічаў, што рабіла яго больш даступным шырокаму колу насельніцтва.

Многія даследчыкі статутнага заканадаўства падкрэсліваюць, што ўсе тры Статуты былі напісаны на зразумелай насельніцтву Вялікага Княства Літоўскага мове, якая была прызнана дзяржаўнай. Напрыклад, літоўскія навукоўцы, акцэнтуючы ўвагу на сутнасці, значэнні і дасканаласці Статутаў, пісалі, што яны быў напісаны на старажытнай беларускай мове, «прочно утвердившейся к тому времени в качестве языка великокняжеской канцелярии» [8, с. 12.]. Аб гэтым жа пісаў у свой час вядомы літоўскі даследчык С. А. Лазутка. Таксама і знакаміты польскі гісторык права Ю. Бардах пазначыў, што Статуты былі напісаны на старажытнай беларускай мове, якая была дзяржаўнай у Вялікім Княстве Літоўскім [9, с. 190].

Некалькі пазней Я. Карскі ў сваёй фундаментальнай працы «Беларусы» пісаў, што ў часы Вялікага Княства Літоўскага былі канчаткова выпрацаваны асаблівасці беларускай мовы. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта У. І. Пічэта, падтрымліваючы меркаванне свайго вучня В. Д. Дружыца, акцэнтаваў увагу на тым, што мова Статутаў – гэта мова беларускага пісьменства, дасягнуўшага ў XVI ст. высокага развіцця, і хоць яна некалькі адрознівалася ад жывой народнай гаворкі, аднак фанетычна і марфалагічна была беларускай [10, с. 491 і інш. ]. Увогуле ўсё гэта сведчыць не толькі пра беларускую прыналежнасць Статутаў, але і пра беларускую сутнасць самога Вялікага Княства Літоўскага.

Адзначаючы моўныя асаблівасці статутнага заканадаўства, шматлікія навукоўцы-мовазнаўцы (А.І. Жураўскі, Л.М. Шахун, І.І. Крамко, М.А. Новік і інш.) падкрэслівалі што яны служылі узорам і крыніцай граматычных і лексічных сродкаў і спецыяльнай юрыдычнай тэрміналогіі для пісцоў



наступных дзесяцігоддзяў. Менавіта на гэта акцэнтуюць увагу выкладчыкі гісторыі дзяржаы і права Беларусі.

Увогуле на лекцыях і семінарскіх занятках выкладчыкі звяртаюцца да многіх праблемных пытанняў паэтапнага гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці. Выказваючы ўласнае меркаванне па дыскусійных пытаннях, яны робяць спасылкі на тэксты помнікаў права, на найбольш важныя і найноўшыя навуковыя публікацыі, рэкамендуюць студэнтам самастойна азнаёміцца з імі, каб потым абгрунтаваць уласныя пазіцыі. Пры гэтым выкладчыкі абавязкова закранаюць у параўнальным аспекце многія сучасныя дзяржаўна-прававыя праблемы, прыводзяць гістарычныя і сучасныя прыклады належнай і ўзорнай грамадскай дзейнасці, служэння беларускаму народу, імкнення да захавання нацыянальных каштоўнасцей, а таксама прыклады сумленых адносін да любой працы, што, несумненна, мае метадалагічны і выхаваўчы характар.

Практыка выкладчыцкай дзейнасці паказвае, што вывучэнне студэнтамі гісторыі дзяржавы і права Беларусі садзейнічае не толькі сістэмнаму засваенню вучэбнага курса і фарміраванню дакладных ўяўленняў аб храналагічнай паслядоўнасці, этапах і асаблівасцях гістарычнага развіцця беларускай дзяржавы і яе прававой сістэмы, але з'яўляецца важкай падставай для паспяховага засваення студэнтамі іншых юрыдычных дысцыплін і ў выніку – належнай падрыхтоўкі будучых заканадаўцаў і правапрымяняльнікаў. Набытыя веды дапамагаюць будучым юрыстам стаць сапраўднымі прафесіяналамі ў прававой сферы, а таксама інтэлектуальнымі асобамі з шырокім навуковым светапоглядам і ўласнай грамадзянскай пазіцыяй па пытаннях грамадска-палітычнага і дзяржаўна-прававога жыцця Беларусі. Акрамя таго, засваенне ўласнай гісторыі садзейнічае не толькі фарміраванню прафесіяналаў з высокай эрудыцыяй і культурай, але і выхаванню іх у духу патрыятызму і павагі да гістарычнага мінулага і дасягненняў продкаў.

Пры гэтым нельга забываць, што гісторыя выступае ў інфармацыйнай прасторы як аб'ект проціборства. Навукоўцы падкрэсліваюць, што ў сучасны перыяд “...множатся возможности внешних деструктивных воздействий на национальный исторический процесс» [11, с. 7]. Тым больш, што адсутнасць сістэмных ведаў у сферы айчыннай гісторыі і неразвітасць крытычнага мыслення пры ацэнцы гістарычных звесткаў прыводзіць да таго, што моладзь надае перавагу Інтэрнэту ў параўнанні з іншымі крыніцамі, таму часам аўтаматычна суадносіць любыя паведамленні ў сацыяльных сетках і на тэматычных сайтах з рэчаіснасцю, не можа адрозніць гістарычны факт ад выдумкі. Увогуле лічбеныя тэхналогіі здольны параджаць змяшэнне фактаў, а ва ўмовах палітызацыі гісторыі і пад ўплывам надзвычайнага даверу сродкам масавай інфармацыі, у тым ліку публікацыям у Інтэрнэце і іншым падобным крыніцам, сфарміраваць у асяроддзі моладзі аднамерную памылковую гістарычную памяць і комплекс нацыянальнай непаўнавартасці.

У сувязі з гэтым асабліва важнай задачай вучэбнай дысцыпліны гісторыі дзяржавы і права Беларусі на сучасным этапе з'яўляецца аналітычнае

вывучэнне гісторыі нашай дзяржаўнасці з выяўленнем аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў гістарычнага развіцця, з высвятленнем “белых плям”, супярэчнасцей, недакладнасцей і інш. Пры гэтым вывучэнне прадмета належыць паставіць на новую метадалагічную і тэарэтычную аснову, якая дазволіць студэнтам не толькі засвоіць асноўныя гістарычныя факты і падзеі, але навучыць іх супастаўляць розныя падыходы ў гісторыяграфіі, ацэньваць уплыў на гістарычнае развіццё разнастайных фактараў, выяўляць характэрныя асаблівасці і тэндэнцыі паэтапнага гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці. Усё гэта будзе садзейнічаць не толькі засваенню глыбокіх ведаў, але дапаможа студэнтам мысліць самастойна і маштабна, навучыць іх супастаўляць, аналізаваць і рабіць належныя абгрунтаваныя вывады, пазбягаючы пры гэтым аднабаковых, мала звязаных з рэчаіснасцю ацэнак і вывадаў. Увогуле фарміраванне гістарызма мышлення стане падставай не толькі належнай падрыхтоўкі юрыстаў-прафесіяналаў, але і станаўлення высокаадукаванай культурнай асобы з нацыянальна-каштоўнымі арыенцірамі, што ў сваю чаргу будзе садзейнічаць далейшаму паспяховаму развіццю беларускай дзяржаўнасці.

### Бібліяграфічны спіс

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 438 с.
2. Доўнар, Т.І. Дасягненні і недахопы ў развіцці гісторыка-прававой навукі Беларусі / Т. І. Доўнар // Право.by. – 2015. – № 2 (34). – С.38-45.
3. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: Вучэб. дапам. / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
4. Паляшчук, Н.В. Кампазіцыя і змест заканадаўчых артыкулаў Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588: лінгвастылістычны аспект / Н.В. Паляшчук // Матэрыялы IX Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў “Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі (Мінск, 18-19 красавіка 2-13 г.) / Нацыянальная бібліятэка Беларусі ; складальнікі: Т. А. Сапега, А. А. Суша. – Мінск, 2013. – 261 с.
5. Данилович, И. Взгляд на литовское законодательство и литовские Статуты / И. Данилович // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. – Москва, 1841. – Т.1. – С.1-46.
6. Mickewicz, A. Dziela wszystkie : w 16 t. [Wydanie sejmowe] / A. Mickewicz.- Warszawa : Nakl. Skarbu RP, 1933. – Т.16: Rosmowy z Adamem Mickewiczem /zebral i oprac. S. Pigon ; przedmowe hapisal W. Mickewicz. – 1933. – 560 s.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
8. Pirmasis Lietuvos Statutas – Первый Литовский Статут. – Vilnius. V.: Mintis, 1983. – 420 p.

9. Bardach, J. Statuty Litewskie a prawo rzymskie / J. Bardach. – Warszawa : Centre for Studies on the Classical Tradition in Poland and East-Central Europe; Uniw. Warszawski, 1999. – 160 s.

10. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV – XVI вв. / В. И. Пичета. – М.: Изд-во АН БССР, 1961. — 815 с.

11. Коршунов, Г.П. Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох / Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26-27 сентября 2019 г. / под ред. : Коршунов Г.П. (гл. ред) .) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси, Минск : ООО “СУГАРТ”, 2019. С.229-231. (всего 360 с.)

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

**В.В. Дорина**

*ассистент кафедры конституционного права  
и государственного управления юридического факультета  
УО «Полоцкий государственный университет»*

Развитие информационных технологий в последние годы стало приоритетным направлением развития Республики Беларусь. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» подтвердил необходимость развития государства в данном направлении. Внедрение информационных технологий в том числе и в систему здравоохранения может стать одним из значимых этапов для реализации права человека на охрану здоровья. Актуальность темы невероятно возросла в силу развития пандемии COVID-19 в 2020 году, в силу чего возможность получать услуги здравоохранения, не выходя из дома, стала особенно востребована.

В замечаниях общего порядка № 14 Комитета по социальным, политическим и культурным правам были определены основные элементы, наличие которых необходимо для реализации права на охрану здоровья. Одним из элементов является *доступность* учреждений, услуг, товаров здравоохранения, которая включает несколько аспектов: недискриминацию, экономическую и физическую доступность, доступ к информации.

Эти элементы наиболее продуктивно можно реализовать с помощью системы электронного здравоохранения, суть которой заключается в повышении качества медицинского обслуживания населения, доступности услуг, предоставляемых системой здравоохранения, информированности населения о состоянии собственного здоровья, применение современных информационно-коммуникативных технологий при планировании лечебно-профилактических мероприятий с учетом возможностей медицинских учреждений. Еще одним преимуществом с точки зрения принципа недискриминации при реализации права на охрану здоровья является отсутствие препятствий для получения услуги в рамках электронного

здравоохранения для людей с ограниченными возможностями, пожилых людей, людей, проживающих в отдаленных местностях со слабо развитой инфраструктурой. Проблемы физической доступности к услугам электронного здравоохранения также снижаются, учитывая практически всеобъемлющий охват услугами сети Интернет на территории страны. Например, целью телемедицины, как одного из элементов электронного здравоохранения является предоставление качественной медицинской помощи любому человеку, независимо от его местонахождения и социального положения [1, с. 7].

При реализации в Республике Беларусь Концепции развития электронного здравоохранения на период до 2022 года, создана централизованная информационная система здравоохранения (ЦИСЗ), что создает возможности для формирования и ведения единого информационного архива пациентов и оперативного предоставления медицинских данных, ЦИСЗ должна обеспечивать взаимодействие всех субъектов системы здравоохранения и предоставлять широкий спектр медицинских электронных сервисов. Результатами реализации данной концепции должны стать, например, снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни населения за счет повышения качества оказания медпомощи. Это является одной из основных задач при реализации права на охрану здоровья.

Однако, несмотря на очевидный положительный эффект, ожидаемый в результате внедрения систем электронного здравоохранения, вызывает ряд вопросов проблема нормативно-правового обеспечения данного института.

Для внедрения цифровых технологий в сферу здравоохранения необходимы нормативные правовые акты, регулирующие вопросы конфиденциальности данных пациента, доступа к информации, защиты и качества данных, ответственности при предоставлении услуг электронного здравоохранения. В соответствии с рекомендациями ВОЗ и МСЭ для создания национальной системы электронного здравоохранения необходимо создавать правовую и правоприменительную среду для защиты потребителей и установления доверия к практикам и системам электронного здравоохранения, а также принимать национальное законодательство, которое должно как минимум регулировать вопросы доступа и прав собственности на данные пациентов, хранящиеся в электронной медицинской карте, определять, кто имеет право доступа к этим данным, разрешать пациентам ограничивать доступ по их желанию, вносить изменения и удалять данные; обеспечивать, чтобы пациенты были информированы о связанных с вышеуказанными действиями рисках [2, с. 105].

Необходимо устранить пробелы в национальном законодательстве, а также принять новые нормативные правовые акты, отвечающие международным требованиям правовой регламентации услуг в рамках электронного здравоохранения.

В целях совершенствования законодательства об электронном здравоохранении М.С. Абламейко и С.В. Абламейко предложили введение

таких правовых понятий как «услуги электронного здравоохранения», «дистанционные лечебно-диагностические манипуляции», «электронная история болезни», «телемедицина», «телемедицинские консультации», «телемедицинский мониторинг» [3, с. 39]. Поддерживаем данную идею и предлагаем дополнить их такими понятиями как «мобильное здравоохранение», «электронный рецепт», «электронный диагноз».

В целом можно сделать вывод о том, что внедрение системы электронного здравоохранения положительно скажется на реализации права на охрану здоровья, повысит уровень доступности медицинских услуг, сократит время на получение некоторого вида консультаций, а также время, проведенного в учреждениях здравоохранения для получения информации, консультации, либо записи на прием. Особенно востребованной система электронного здравоохранения видится в период эпидемий вирусных заболеваний, при которых посещение учреждений здравоохранения ограничено либо и вовсе недоступно, что наблюдается в период пандемии COVID-19 во всем мире в целом и в Республике Беларусь, в частности. Однако очевидны некоторые пробелы в правовом регулировании функционирования системы электронного здравоохранения, которые необходимо устранять путем совершенствования нормативно-правового массива, регулирующего вопросы защиты персональных данных пациента, передачи и обмена информации между медицинским персоналом, защиты прав потребителей услуг электронного здравоохранения, регламентация доступа пациента к своим данным и др.

### **Библиографический список**

1. Баранов, А.А. Телемедицина — перспективы и трудности перед новым этапом развития / А.А. Баранов, Е.А. Вишнева, Л.С. Намазова-Баранова // Педиатрическая фармакология. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 6-11.
2. От инноваций к внедрению: Электронное здравоохранение в Европейском регионе ВОЗ [Электронный ресурс] //Всемирная организация здравоохранения. – 2016 // Режим доступа: [http://www.euro.who.int/\\_\\_data/assets/pdf\\_file/0018/310455/From-Innovation-to-Implementation-eHealth-Report-EU-ru.pdf?ua=1](http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0018/310455/From-Innovation-to-Implementation-eHealth-Report-EU-ru.pdf?ua=1) . – Дата доступа: 15.10.2020.
3. Абламейко, М.С. Правовые вопросы развития электронного здравоохранения в Республике Беларусь / М.С. Абламейко, С.В. Абламейко // Проблемы управления. – 2014. №4 (53). – С. 33-39.

# ИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА ЮРИДИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

**А.В. Егоров**

*заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству  
Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Вопрос определения места национальной правовой системы на юридической карте мира имеет не только узкопрофессиональный, но и политический характер. Идентификация системы права, равно как и других компонентов, входящих в структуру национального правового организма, способствует росту авторитета самого государства на политической арене. Кроме того, расширение сферы международного трансграничного взаимодействия правовых систем требует от национального правоприменителя наличия соответствующего юридического кругозора, и в частности, знания основных традиций и тенденций развития ведущих правовых культур современности. Трудно сегодня представить судью, не владеющего вопросами применения коллизионных норм и соответствующих норм зарубежного или международного права, к которым отсылает национальное законодательство. И, наконец, идентификация национального права способствует повышению качества законотворческой работы отечественного парламента.

К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют комплексные общеправовые исследования, посвященные определению места и роли правовой системы Республики Беларусь на юридической карте мира. Исключение составляют лишь некоторые работы в форме научных статей, часто опубликованные даже не в белорусских правовых изданиях, а в зарубежных журналах [1; 2; 3].

С точки зрения сравнительного правоведения, как науки теоретико-методологического свойства, национальную правовую систему наиболее целесообразно относить к одной из трех правовых семей. Согласно данной концепции белорусскую правовую систему можно отнести к романо-германской семье права. Но данная правовая общность неоднородна и представлена в виде двух групп правовых систем, развивающихся в разных направлениях, хотя и в рамках одной правовой семьи. Речь идет о правовых системах германского (немецкого) и французского типов. Данные системы представляют собой как бы два полюса одной формально-правовой общности, но достаточно сильно разнящихся в характере своих структурных компонентов. Помимо данных разновидностей сегодня выделяются и другие общности в рамках общей романо-германской группы. В частности, речь идет о правовых системах скандинавских стран [4, с. 272], славянской правовой группе [5, с. 201]. Поэтому возникает закономерный вопрос: к какой из всех названных групп принадлежит белорусская правовая система?

Представляется, что научно-обоснованная типология национальной правовой системы должна основываться на наиболее общих критериях распределения всего правового массива по структурным группам. К числу данных критериев необходимо относить не идеологические основания, как это делала советская наука контрастирующего правового сравнения, а технико-юридические условия группирования правовых систем. К таковым основаниям предлагается отнести: структуру права, источники права, нормативную однородность и правовой понятийный фонд.

По общей структуре белорусская система права не отличается от традиционно принятой доктрины деления всего нормативного массива на отрасли публичного и частного права. Отличаемся мы в восприятии внутренней структуры самих групп. На первый взгляд, национальной системе права импонирует немецкий подход строгого деления отраслей на конституционное, гражданское, уголовное право и т. д. Но большое количество так называемых комплексных отраслей позволяет нам говорить о тенденции тяготения структуры белорусского права к скандинавской группе правовых систем. В скандинавских странах кодексы не имеют того систематизирующего отраслевого деления, которое свойственно правовым системам немецкого и французского права. Правда, сегодня можно говорить об этом свойстве национальной структуры белорусского права только как о наметившейся тенденции.

Традиционные источники белорусского права претерпели существенные изменения. В системе национальных форм появились несвойственные для романо-германского права источники. В частности, речь идет об усилении роли судебных решений высших инстанций, что нашло даже законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Это свойство также сближает нашу правовую систему со скандинавской правовой группой. В частности, в Швеции уже с 1971 года Верховный суд рассматривает типовые случаи правоприменительного характера, а выносимые данной инстанцией решения обязательны для всех звеньев судебной системы.

Та же закономерность обнаруживается и на уровне определения нормативной однородности белорусского права. Традиционно наша норма не является казуальной, как англосаксонские правила. Но одновременно белорусская норма права не имеет той степени абстракции, которая свойственна, скажем, немецким нормам. Сама система и характер действующего законодательства свидетельствуют о наличии казуальных тенденций в правовом регулировании. Все в большей степени правовые нормы пытаются детализировать каждый из шагов правоприменительной практики. Достаточно сказать, что одно из предложений государственных органов, поступившее в Палату представителей Национального собрания касалось включения в Уголовно-процессуальный кодекс отдельной главы о правилах квалификации, что всегда существовало на уровне доктрины.

Также национальную особенность и соответственно близость со скандинавской правовой группой составляет понятийно-категориальный аппарат. Речь идет не о лингвистическом своеобразии языка, который всегда будет уникальным. Мы констатируем наличие общих подходов в оценке социальных явлений посредством профессиональной терминологии. Белорусским и скандинавским юристам свойственен прагматичный подход в оценке правовых категорий и понятий. Правда, скандинавские системы пошли намного дальше романских традиций в восприятии правовых конструкций. Например, в этих странах гражданский и уголовный процессы используют однотипные правила. Видна роль и американской правовой культуры, откуда заимствуются сегодня новые категории и понятия правового характера. Эта же тенденция свойственна и ряду романо-германских общностей, среди которых не является исключением белорусская правовая система.

### **Библиографический список**

1. Kalinin, S A. On information Modeling of the Legal System in Belarus // Sudebnik: A law review of Moscow Higher School of Social and Economic Sciences and of The Vinogradoff Institute, Dickinson School of Law Pennsylvania State University. – 2005. – Vol. 10, Issue 4. – P. 741-746.
2. Egorova, A.G. Foreign and National Law: forms of Normative Interaction // The Integration of Legal Sysnems: Post-Soviet Aproaches. London : Wildy, Simmonds & Hill, Publishers, 2015. – P. 170–182.
3. Егоров, А.В. Типологическая характеристика белорусской правовой системы // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 87 – 93.
4. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М. : Юристъ, 2009.
5. Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – М. : Норма, 2010.

### **ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРАВО (ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОМИССИЯ): ПОПУЛЯРИЗАТОР РАЗУМНОГО ПРАВЛЕНИЯ ИЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОЛОНИАЛИЗМА?**

**Я. Залесны**

*профессор факультета политологии и международных исследований  
Варшавского университета,  
доктор юридических наук*

Европейская комиссия за демократию через право (англ. European Commission for Democracy through Law, фр. Commission européenne pour la démocratie par le droit), более известная как Венецианская комиссия (англ. Venice Commission, фр. Commission de Venise). Данное название также довольно часто употребляется в официальных документах Европейской



комиссии за демократию через право (в дальнейшем также Европейская комиссия), равно как в документах Совета Европы. Название «Венецианская комиссия» связано с местом, в котором заседает Европейская комиссия. Это Скуола Сан-Джовани Эванджелиста (Scuola Grande di San Giovanni Evangelista) в Венеции (Италия).

Венецианская комиссия сформирована в 1990 г. Инициативу ее создания приписывают итальянскому министру Антонио Марио ла Пергола. Венецианская комиссия была создана в результате трансформации устройства государств Центральной и Восточной Европы. Она должна была стать независимым экспертным органом, который предоставляет помощь в разработке и реализации изменений государственного устройства, основанных на принципе правового правления и демократических отношений власти. Прежде чем обратиться к свойствам и характеру деятельности Комиссии, необходимо назвать ключевые правовые условия ее функционирования.

Правовое основание.

Европейская комиссия за демократию через право осуществляет свою деятельность на основании Устава. Действующий в настоящее время Устав был принят Комитетом министров государств-членов Европейского Союза в Страсбурге 27 февраля 2002 г.

Задачи.

В свете действующих правовых регулирований Венецианская комиссия должна осуществлять деятельность, направленную на построение демократических институтов государства, защиты прав и свобод личности. Спецификой ее деятельности являются гарантии, которые предоставляет государство в рамках служения демократии. Она должна реализовать следующие цели: 1) укрепление понимания правовых систем государств-членов Европейского Союза, в частности – с целью унификации данных систем; 2) пропаганда правового правления и демократии; 3) исследование проблем, связанных с функционированием демократических институтов и их укреплением и развитием.

Приоритетными Комиссия называет работы, касающиеся конституционных, законодательных и административных принципов и методов, направленных на повышение эффективности деятельности демократических институтов и их укрепления, а также принципов правового правления. Обращает внимание на основные права и свободы, в частности те, которые относятся к участию граждан в общественной жизни. Приоритетно воспринимает также участие органов местного и регионального самоуправления в укреплении демократии.

Деятельность Венецианской комиссии сосредоточена на конституционном праве отдельных государств – членов Европейского Союза, равно как на избирательном законодательстве, правах меньшинств и защите прав личности. С данной целью она предоставляет конституционную помощь. Предоставление помощи является главной сферой деятельности Комиссии. Помощь выражается

в форме заключений, консультаций или формулирования рекомендаций и указаний. Помимо документов, направленных конкретным отдельно взятым государствам, Комиссия разрабатывает также рекомендации универсального характера, не касающиеся отдельных государств и их правовых систем (например, Заключение от 2006 г. о защите прав человека в кризисных ситуациях, Отчет от 2010 г. о роли парламентской оппозиции). Они могут быть использованы различными государствами, в зависимости от возникших у них потребностей.

#### Формы деятельности.

Венецианская комиссия является независимым консультативным органом. Она ведет сотрудничество с государствами-членами Совета Европы, а также с зарегистрированными третьими странами, равно как заинтересованными организациями и международными органами.

#### Индивидуальные заключения.

Основной формой деятельности Венецианской комиссии является выдача заключений относительно проектов нормативных актов, разработанных в отдельных государствах, а также уже действующих законодательных актов. Таким образом, она диагностирует представляющиеся угрозы, риски нарушения законности, прав и свобод личности.

Без ущерба для компетенции органов Совета Европы Венецианская комиссия может провести исследования по собственной инициативе. В результате – может создавать разработки и проекты указаний, правовых актов и международных договоров. В связи с тем фактом, что она действует в системе Совета Европы, каждое предложение Комиссии может обсуждаться и поддаваться одобрению уставными органами Совета Европы.

Процедура формулирования заключения состоит из нескольких этапов. Она начинается с запроса государства (правительства, главы государства или парламента), комитета министров, парламентского собрания, конгресса местных властей, Конгресса местных и региональных властей Европы, Генерального Секретаря либо международной организации (например, ОБСЕ, соответственно: ЕС) или органа, принимающего участие в работе Комиссии. В случае, если государство обращается с запросом на выдачу заключения по вопросу, касающемуся другого государства, Венецианская комиссия информирует данное государство и, если оба государства не выразят на это согласие, передает дело в Комитет министров.

После получения запроса Комиссия формирует группу докладчиков (рабочую, англ. *rapporteurs*). Зачастую они выбираются из числа членов Комиссии. В состав группы докладчиков не входит представитель государства, которого касается запрос. Докладчики консультируют властей конкретного государства в процессе разработки проектов законодательных актов. На основании их замечаний и наблюдений секретариат Комиссии разрабатывает вступительный, совместный проект заключения, касающийся соответствия данных проектов демократическим стандартам и защите прав человека. В

проекте указывает также вариант возможного его усовершенствования. Далее члены группы докладчиков проводят ознакомительный визит в государство, которого касается исследуемый правовой акт. Как правило, он включает беседы с представителями властей и прочими ключевыми в данном аспекте субъектами (как, например, представители политической оппозиции, общественных организаций). На данном основании разрабатывается окончательный консолидированный проект заключения. Еще до начала пленарного заседания консолидированный проект заключения предоставляется всем членам Комиссии. На данном этапе производства он может быть поддан консультациям с представителями властей контролируемого государства. Последний этап процедуры – это обсуждение проекта на пленарной сессии, принятие заключения в его финальном варианте, а далее – его публикация на веб-сайте Комиссии и передача заявителю.

Комиссия выдает предварительное заключение на пленарном заседании, как правило, в присутствии представителей соответственного государства. Зачастую заключения выдаются путем достижения консенсуса. Исключением являются случаи, когда невозможно устранить разногласия относительно занимаемых позиций, тогда проводится голосование.

#### Общие рекомендации.

Помимо доминирующих заключений, касающихся правовых регулирований, принимаемых в отдельно взятых государствах, Венецианская комиссия выдает также общие рекомендации по вопросам, касающимся конституционного права, защиты прав и свобод личности. В них представляет методы решения конкретных вопросов, касающихся государственного устройства в демократических и правовых государствах. Отдельные разработки Комиссии имеют характер своего рода кодексов производства. Являются рекомендацией относительно методов решения данного вопроса, находящегося в плоскости государственного устройства [1, с. 5]. Документами, имеющими данный характер, являются: Кодекс хорошей практики в избирательных вопросах от октября 2002 года [2], Кодекс хорошей практики в вопросах референдумов от марта 2007 года [3], равно как Кодекс хорошей практики в вопросах политических партий от декабря 2008 года. [4].

#### *Amicus curiae*

Венецианская комиссия является правовым институтом, имеющим характер так называемого «*amicus curiae*», т.е. «друга суда». Дает заключения по делам, находящимся в судах и трибуналах, как международных, так и отдельных государств. Например, данного типа заключения формулируются по необходимости процедуры, которая осуществляется в Европейском суде по правам человека, конституционных судах Грузии и Албании.

#### Юридическая сила заключений.

Заключения Венецианской комиссии не имеют обязывающей юридической силы. Государства не обязываются к соблюдению сформулированных Комиссией рекомендаций. Не предоставляют отчетов о введении в свое

законодательство заключений Венецианской комиссии, также если речь идет об индивидуальных заключениях, равно как и всех вместе разработок Комиссии [1, с. 6].

Комиссия, как стандартный консультативный орган, не имеет компетенций наложения санкций на государства, которые, по ее мнению, не соблюдают демократических стандартов. Она может только убеждать их власть предпринять определенные меры, рекомендовать принятие данных правовых решений. В то же время, от желания властей государства зависит конечный результат предпринятых мер. Тем не менее, определения Венецианской комиссии опосредованно воздействуют на государственные правовые системы. Так происходит благодаря практике вынесения решений государственных судов, конституционных судов и Европейского суда по правам человека. В выносимых решениях они относятся к рекомендациям Венецианской комиссии. Аналогично этому, за ее рекомендациями обращается Совет Европы и органы власти Европейского Союза [5, с. 584 и след.] и в данном, опосредованном, режиме они подлежат внедрению. Довольно значимым является также политическое влияние Комиссии, в действительности придаваемое значение принимаемым ею определениям и рекомендациям. Несмотря на то, что это один из многих субъектов, высказывающихся на темы устройства государства, его иногда наделяют особым уважением участники публичных дебатов, международных сообществ, коллегий, национальных органов государственной власти, что, несомненно, придает достоинство деятельности Венецианской комиссии и побуждает ее к формулированию глобальных заключений и рекомендаций.

Комиссия сотрудничает с конституционными и эквивалентными судами в двухстороннем режиме, а также при посредничестве обществ, представляющих данные суды. Чтобы популяризировать данное сотрудничество, в 2002 году Комиссия сформировала Объединенный совет по конституционному правосудию (англ. Joint Council on Constitutional Justice), состоящий из членов Комиссии и представителей ведущих сотрудничество судов и обществ.

Раз в год Комиссия представляет в Комитете министров отчет о проделанной работе. Он также содержит эскиз ее будущей деятельности.

#### Практика.

Венецианская комиссия разработала более 500 юридических заключений, касающихся законности, реализации прав и свобод человека в более 50 государствах. Особенно важным является сотрудничество с Европейской комиссией. Последняя регулярно ссылается на заключения Венецианской комиссии во время оценки того, соответствуют ли по своему устройству государства, стремящиеся к членству в Европейском Союзе, самому Евросоюзу. Их используют также при оценке того, соответствуют ли государства-члены Европейского Союза стандартам законности и демократического правления. Во многих государствах, таких как Албания и

Тунис, с ключевым участием Венецианской комиссии была принята конституция.

В доктрине фиксируются масштабные недостатки в области добросовестности деятельности Венецианской комиссии. Изначально одной из основных целей деятельности Комиссии является навязывание стандартов либеральной и конституционной демократии посткоммунистическим государствам, а выражаясь точнее – представлений о данных стандартах. В данном контексте польский конституционалист М.М. Вишоваты оперирует понятием «демократическая уравниловка» на обозначение одной из угроз, связанных с непродуманным навязыванием разным народам абстрактных правовых конструкций, не соответствующих ни опыту государственного устройства данных народов, ни их потребностям в формировании государственного устройства [6]. Причем зачастую эти представления – нестабильны во времени и изменчивы в зависимости от государства, в котором они должны внедряться. Решения в сфере государственного устройства, воплощаемые в государствах так называемой Старой Европы, Венецианская комиссия признает неприемлемыми для других государств. Однако, с другой стороны, пытается навязать им правовые конструкции, которые негативно восприняты в современных государствах, либо неприменяемые ними. Мартье де Виссер непосредственно указывает на то, что в деятельности Венецианской комиссии доминирует «неоколониальное» мышление. Она пытается навязать государствам Центральной и Восточной Европы, равно как и другим, правовые решения, отвлеченные от их фактических потребностей государственного устройства, не имеющие применения в государствах Западной Европы, но которые она авторитарно признает стандартными [7, с. 1005]. Она пытается в рамках государственного устройства колонизировать государства как периферийные территории, политически зависимые от метрополий, которые – по фактическому состоянию – не имеют таких свойств. Решения в сфере государственного устройства, которые внедряются в государствах так называемой старой континентальной Европы, признаются недопустимыми, антиконституционными и антидемократическими для государств так называемой посткоммунистической Европы. В них представляются миражи идей прогресса и современности, идеология конституциональной глобализации [8], которая должна поглотить региональные различия, традиции и обычаи, внедрить универсальные правовые решения, воплощающие идеал мировой политической однородности. Она навязывает их как что-то неизбежное и очевидное, не предполагающее дискуссии, что противоречит постулатам конституционализма и политических наук, обращающих внимание на то, что не существует правовых конструкций, универсальных для всех, что каждый правовой рецепт должен основываться на специфике данного государства и служить реализации политических ценностей данного, конкретного политического сообщества, которое отличается от прочих политических сообществ. Венецианская комиссия не замечает, при этом, нарушения прав и

свобод человека в государствах так называемой старой Европы, например, негативных последствий чрезвычайного положения, действующего во Франции с 2015 года, которое в 2017 году формально было отменено, но вместо него были введены новые, не менее репрессивные правовые регулирования, в рамках которых имеет место массовое нарушение прав и свобод граждан. Помимо этого, пренебрегает последствиями расизма как постколониального наследия части государств Западной Европы.

Для фактического влияния Венецианской комиссии ключевое значение имеет тот факт, что ее эффективность зависит от ее авторитета, ее восприятия властями государств. В действительности проблемой является формулировка Комиссией заключений относительно желаемых изменений в устройстве данного государства, без углубленного анализа его конституционных, культурных и общественных условий, что существенно снижает их ценность и возможность применения [7, с. 994]. Без успехов она была привлечена в помощь в решении конфликтов, касающихся правового и международного статуса Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья. В 2012 году правительство Бельгии обвинило Комиссию во вмешательстве во внутренние дела государства. Еще одним примером неудачной, авторитарной попытки вмешательства в устройство государства и навязывания своих субъективных и доктринально сомнительных правовых конструкций является критика с ее стороны проекта изменений конституции Княжества Лихтенштейн в 2002 году. Проект предусматривал, среди прочего, расширение прав князя. В своем заключении Венецианская комиссия признала это конституционным «шагом назад», несоответствующим направлению развития и эволюции современных монархий. По мнению Венецианской комиссии, единственным допустимым направлением изменений государственного строя является ликвидация монархического типа правления или превращение монарха в фигуранта, одобряющего то, что решило правительство. В 2003 году проект изменения конституции был подан оценке народа. Путем проведения референдума, вопреки рекомендациям Венецианской комиссии, граждане княжества Лихтенштейн свободным и демократическим путем выразили свою позицию, поддержав расширение его компетенций. Таким образом, Комиссия за демократию через право, которая в своем названии указывает на деятельность, направленную на укрепление демократии, высказалась против демократии, против народа Лихтенштейна, и за то, чтобы отяготить его своими представлениями о желаемой системе отношений властей.

Безуспешно завершилась процедура Венецианской комиссии относительно Польши в 2016 году. Комиссия получила запрос польского министра иностранных дел о выдаче заключения на тему изменений, осуществляемых в конструкции Конституционного суда в Польше после 2015 года. Поскольку министр обратился в Венецианскую комиссию за предоставлением заключения на данную тему, постольку в последствии членные польского Совета министров не проявили интереса к ведению конструктивного диалога с ней и

выполнению предложенных рекомендаций. В свою очередь, Венецианская комиссия не проявила тщательности в понимании конституционных основ устройства Польши. Данный факт обусловил то, что приглашающий субъект обвинил ее в совершении ошибок и осуществлении пристрастной интерпретации в формулировании заключения [9; 10; 11]. Сама же Венецианская комиссия не смогла освободиться от предубеждений и отклонений, позволяющих делать вывод о том, что она формулирует широкие заключения и оценки в аспекте дел, недостаточно рассмотренных, вследствие этого – отягощенных риском неполного понимания.

Сила воздействия Венецианской комиссии является производной авторитета Совета Европы и созданной ним так называемой системы ценностей [12]. В действительности стоит отметить обесценивание ее значимости. Венецианская комиссия ввязалась в текущее политическое соперничество. Под предлогом независимых и профессиональных заключений она пытается навязать конкретным государствам заключения и правовые конструкции, не имеющие убедительного научного обоснования, сомнительные в аспекте конституционности, при этом отягощенные риском неэффективности. Для участников политических отношений заметным становится применение Венецианской комиссией разных стандартов относительно разных государств, что, в свою очередь, в плоскости настоящих размышлений ставит вопрос об объективизме против субъективизма деятельности, как ключевых механизмов работы данной организации.

### **Библиографический список**

1. Rulka M. Wpływ dorobku Komisji Weneckiej na prawodawstwo krajowe // Europejski Przegląd Sądowy. maj 2016.
2. Kodeks Dobrych Praktyk Wyborczych z października 2002 r. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD\(2002\)023rev.aspx](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2002)023rev.aspx) (24.10.2020).
3. Kodeks Dobrych Praktyk Referendalnych z marca 2007 r. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD\(2007\)008rev.aspx](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2007)008rev.aspx) (24.10.2020).
4. Kodeks dobrych praktyk w zakresie partii politycznych z grudnia 2008 r. [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2009\)021-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)021-e) (24.10.2020).
5. Hoffmann-Riem W. The Venice Commission of the Council of Europe – Standards and Impact // The European Journal of International Law. 2014. Vol. 25. no. 2.
6. Wiszowaty M. M. Komisja Wenecka – promocja dobrych standardów czy demokratyczna urawniłowka?. <http://www.konstytuty.pl/archives/tag/komisja-wenecka/page/2> (24.10.2020).

7. De Visser M. A Critical Assessment of the Role of the Venice Commission in Process of Domestic Constitutional Reform // American Journal of Comparative Law. 2015. Volume 63. Number 4.
8. Zalesny J., Goncharov V., Savchenko M. Model of the Evolution of Social Development in the Philosophy of Global Constitutionalism // WISDOM. 2019. Number 2 (13).
9. Opinia w sprawie nowelizacji ustawy z dnia 25 czerwca 2015 r. o Trybunale Konstytucyjnym Rzeczypospolitej Polskiej, przyjęta przez Komisję Wenecką na 106. sesji plenarnej (Wenecja, 11–12 marca 2016) // Przegląd Sejmowy. 2016. nr 3.
10. Szymanek J. Trybunał Konstytucyjny de lege ferenda – propozycje nowelizacji ustawy w odpowiedzi na opinię Komisji Weneckiej // Przegląd Sejmowy. 2016. nr 4.
11. Szmulik B. Opinia w sprawie uwag do nowelizacji ustawy z dnia 25 czerwca 2015 r. o Trybunale Konstytucyjnym, przygotowanych przez Komisję Wenecką // Przegląd Sejmowy. 2016. nr 5.
12. Jaskiernia J. Rada Europy jako „organizacja wartości” // Studia Politologiczne. 2010. Vol. 17.

## **СВОЙСТВА СИСТЕМЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

**Д.В. Иванова**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Обычно свойства системы права исследуют специалисты в области теории права. В учебных целях этот вопрос освещается кратко в некоторых учебниках и учебных пособиях [1, с. 228–236; 2], в монографиях и научных статьях иногда проводятся более глубокие исследования [3; 4]. В отношении системы правовой отрасли или тем более правового института, как правило, ограничиваются анализом системы с точки зрения ее состава, реже структуры. Вопросы свойств такой системы остаются неосвещенными.

Первоначально наиболее продуктивным будет обращение к результатам, полученным непосредственно в теории систем. Все свойства системы, которые выделяют специалисты в различных источниках, можно разделить на три группы [5, с. 22–41]. Можно встретить их различные названия, но мы будем использовать наиболее часто встречающиеся. Свойства, которыми система обладает в любой момент, называют статистическими свойствами. Сюда относят целостность, открытость, внутреннюю неоднородность и структурированность. К динамическим, в свою очередь, – функциональность, стимулируемость, изменчивость системы со временем, существование в



изменяющейся среде. Они показывают, как «меняется» система со временем. Есть и третья группа, именуемая в ряде источников, синтетическими свойствами. Это эмерджентность, неразделимость на части, ингерентность, целесообразность. Эти свойства можно назвать наиболее обобщающими и указывающими на взаимодействие системы со средой.

Прежде всего, любая система представляет что-то целое, обособленное от не-системы, т. е. от всего остального. Так и система права, отрасли права или правового института обособлены от иной правовой системы, другой отрасли или иных правовых институтов, что и позволяет нам в принципе говорить о данном институте. Обособленность системы права интеллектуальной собственности в настоящее время не вызывает ни у кого сомнений.

В то же время, несмотря на обособление какая-либо система не отрывается от других систем и среды в целом, она связана с ними, обменивается с ними ресурсами. Среда с системой связана направленно. И среда связана с системой так, что она влияет на систему; и, наоборот, по связи (связям) система влияет на среду. В теории систем это входы и выходы системы соответственно [6, с. 21]. Для права интеллектуальной собственности наиболее важной «средой», конечно, следует назвать гражданское право, хотя и иные отрасли (налоговое право, административное и уголовное право) и систему права Республики Беларусь в целом не следует забывать в данном случае. Кроме того, система не постоянна по отношению к среде (средам) и меняет свои границы [7, с. 148–149]. Прослеживается данное качество на примере группы норм, охраняющих секреты производства (ноу-хау), некоторых иных правовых положений.

Свойство внутренней неоднородности имеет очевидное выражение в системах правового характера. Оно раскрывается как объяснение того, что внутри система не проявляет одинаковые качества в разных местах, и обособленные участки могут отличаться друг от друга. Так, во-первых, мы видим части системы, а, во-вторых, можем оценить их неоднородность. В результате формируется состав самой системы, и создается модель данной системы. Исследуя правовую отрасль или правовой институт, мы также определяем ее (его) неоднородность, ее (его части), поскольку они отличаются между собой – институты, подинституты, группы норм, – причем с различными характеристиками – разной величины, разработанности. Если данная правовая отрасль позволяет выделить общую и особенную части, это прекрасно демонстрирует свойство внутренней неоднородности такой системы.

В литературе отмечаются сложности построения такой модели. Например, на части система делится по-разному. В этом случае не надо смешивать различимость частей и разделимость на части. Свойство внутренней неоднородности не означает последнего, следует различать, а не разделять на части, и зависит это от цели, которую ставит исследователь [5, с. 27–28].

Вторая сложность состоит в предельности дробления и определении уровня, на котором следует остановить выделение частей. В праве такой предел установлен на уровне правовой нормы, и вряд ли стоит идти дальше.

Четвертое свойство тесно связано с первым, это структурированность. Части системы тоже связаны между собой. Их взаимодействие в значительной степени оказывает влияние на свойства всей системы. Все это представляет собой структуру системы. «Связи как бы скрепляют части и удерживают их как целое», – пишет Ф. П. Тарасенко [5, с. 29]. Связь – это ограничение степени свободы элементов [6, с. 25]. Перечень существенных или устойчивых связей между элементами системы – это и есть ее структурированность [7, с. 109]. При исследовании данного свойства важно обращать внимание на предыдущее свойство, а именно на состав системы. В связи с возможностью по-разному выделить части получается несколько моделей состава изучаемой системы. Соответственно несколько будет и структурных моделей. Можно выбрать для целей изучения одну, но следует понимать, какая модель нужна нам в данном конкретном случае. Кроме того, процесс анализа структурности системы связан с определением существенности или устойчивости связей, сложность такого определения лежит на ученом. Исследование структуры системы права, правовой отрасли или института имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. При подготовке изменений в нормативные акты следует учитывать как те связи, которые уже существуют, так и те, которые сформируются в результате принятия нового нормативного правового акта.

Динамические свойства позволяют охарактеризовать изменения в системе, произошедшие за определенный момент времени. Анализировать эти свойства в отношении социальных систем не всегда просто. Функциональность показывает изменения, которые система производит во внешней среде, результаты такого воздействия. Стимулируемость – это подверженность системы воздействиям извне и изменения поведения системы под таким воздействием. Отчасти этим занимаются исторические науки. Однако, следует признать, что история права интеллектуальной собственности как наука в Республике Беларусь развивается чрезвычайно слабо.

Со временем система также меняется, это могут быть наиболее очевидные изменения для наблюдения. В системе могут трансформироваться состав системы, ее структура, их комбинации и т. д. Изменения могут быть быстрыми и медленными, количественными (рост системы) и качественными (развитие системы), происходят также обратные процессы – спад или уменьшение и деградация. Вокруг системы существуют другие системы, которые тоже постоянно находятся в процессе изменения. Для нашей исследуемой системы это означает постоянно изменяющуюся среду, на которую система тоже реагирует.

Наиболее интересным свойством системы многие ученые называют эмерджентность (или эмергентность). Проще говоря, это свойство указывает на то, что объединение частей в систему порождает новые свойства, которые не равны простой сумме свойств этих частей. «Система есть нечто большее, чем просто совокупность частей» [5, с. 37]. Эти новые качества и называют «эмерджентными». Считается, что ответственной за эти качества является

структура системы. При разных структурах у систем из одних и тех же элементов будут возникать разные свойства. Эмерджентность показывает целостность системы: это свойство есть только у целой системы. Существует и представление об эмерджентности в динамике, обозначается оно термином «синергетичность». Свойство эмерджентности права интеллектуальной собственности еще предстоит оценить.

С практической точки зрения учеными указывается на важность неразделимости системы на части. Если исследовать именно саму систему, то можно делать это только как целое. Изъятие частей меняет состав и структуру, а значит, речь идет уже о другой системе. Кроме того, часть внутри системы и та же часть вне ее – это разные объекты.

Следующее свойство – ингерентность – это согласованность, приспособленность системы к среде. Ингерентность может изменяться и ее степень тоже может отличаться. От нее зависит качество осуществления своих функций системой. В искусственных системах, а позитивное право – это искусственная система – ингерентность является заботой человека.

Наконец, целесообразность – самое очевидное свойство системы, поскольку именно цель диктует состав и структуру. «Система есть средство достижения цели», – таково одно из определений системы [5, с. 41]. Однако следует помнить, что одна и та же цель может быть достигнута разными способами, т. е. путем построения различных систем возможно достижение одной и той же цели.

Всеми этими свойствами обладает в той или иной степени и система права интеллектуальной собственности. Наиболее интересными, с нашей точки зрения, будут дальнейшие исследования таких групп свойств системы права интеллектуальной собственности как статистические и синтетические. Особенно эта система раскрывается через свойства целостности, открытости, внутренней неоднородности (в литературе еще говорят об организованности или дифференциации, проявляющейся в разделении на институты, субинституты и иные группы норм), структурированности (включая горизонтальные и вертикальные связи, иерархичность, непротиворечивость), эмерджентности (или синергичности), ингерентности (непротиворечивости и адаптируемости).

### **Библиографический список**

1. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.
2. Теория государства и права : учеб. / Рос. ун-т дружбы народов, Юрид. ин-т ; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М. : Статут, 2019. – 512 с.
3. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 264 с.

4. Благодир, А.Л. О понятии, свойствах и структуре системы права / А. Л. Благодир // Вестник Вятского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 84–91.
5. Тарасенко, Ф.П. Прикладной системный анализ : Учеб. / Ф. П. Тарасенко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 186 с.
6. Волкова, В.Н. Теория систем : учеб. пособие / В.Н. Волкова, А.А. Денисов. – М. : Высш. шк., 2006. – 511 с.
7. Сурмин, Ю.П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие / Ю.П. Сурмин. – Киев : МАУП, 2003. – 368 с.

## **КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**С.А. Калинин**

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического  
факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Современные мировые события свидетельствуют о завершении эпохи Модерна, финальном кризисе капиталистической мир-системы и генезисе новой социально-экономической формации (в марксистской методологии). Это требует от заинтересованных субъектов надлежащего анализа сложившейся ситуации и поиска стратегий реагирования, в том числе, через переосмысление сложившихся и конвенционально допустимых / недопустимых моделей публичной власти и социального регулирования, детерминированных проблематикой Будущего и смысла истории. При этом условиями такого анализа и поиска является неопределенность Будущего и критическая вероятность новой Тридцатилетней войны за гегемонию в мир-системе, степень победы (выживания) в которой и определит адекватность (неадекватность) новых форм власти и регулирования.

Важнейшей предпосылкой для реализации поставленных задач, является, на наш взгляд, проблема властного субъекта, способного, выступая от имени населения в целом либо определенной группы, сформировать образ Будущего и трансформировать реальность в нужном ракурсе. Одновременно, утверждая значимость потребности субъекта (субъектной потребности) в предопределении векторов изучения реальности [1, с. 17-23], следует учитывать наличие множества конкурирующих субъектов, отношение между которыми целесообразно, принимая во внимание также и библейское «ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес 5; 3), описывать категориями «противоречие» и «война». В этом контексте юриспруденция (на наивысших уровнях абстракции) должна вводить в собственный объект (предмет) осмысление противоречий и форм их преодоления (разрешения), понимая, что «война – это великое дело для

государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели» [2, с. 37], а также «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [3, с. 12]. Вышесказанное актуализируется и тем, что Беларусь, в отношении которой долгое время реализовывались стратегии гибридных войн, цветных революций и управляемого хаоса, обладает недостаточным концептуально-методологическим потенциалом по активному противодействию враждебным действиям.

Введение названных категорий усложняет отношения внутри объекта (предмета) юриспруденции, охватывающего два неразрывно взаимодействующих и взаимообусловленных, но различных феномена: государство и право, каждый из которых развивается в логике собственных закономерностей, в том числе, реальнообусловленных войной и противоречиями.

Государство в настоящее время легально выводящим себя из власти народа (населения определенной территории), также является объектом сложного субъектного воздействия, в том числе, различного рода войн, в рамках которого социальные группы (классы, страты, сословия и т.д., зачастую выходящие за пределы его государства) пытаются реализовать свои интересы путем использования и (или) государственной власти. В последние десятилетия такое полисубъектное воздействие на государство особенно ярко проявляется в ходе конституционных и избирательных процессов, находящихся под пристальным вниманием международного сообщества, а точнее субъектных анонимизированных структур, присвоивших себе такое наименование. При этом данные процессы, как объективная точка бифуркации, представляют собой прекрасный момент для реализации целенаправленных стратегий перехвата субъектности государства и подчинения его чуждым интересам.

Право же, с одной стороны, «переводит» властные решения на язык юридических процедур и норм, но, с другой стороны, выступает инструментом, при помощи которого государство создает механизм разрешения (сглаживания) социальных противоречий (механизм правового регулирования). Такая природа права особенно ярко проявляется в ходе любых политических и социально-экономических реформ, в том числе требующих изменения Конституции, подтверждая такую важную закономерность права как необходимость его постоянного обновления в целях обеспечения справедливого на конкретный момент правового регулирования.

На наш взгляд, вышеназванные тенденции и закономерности следует рассматривать в качестве внешних детерминант современного конституционного процесса в Республике Беларусь, который, в наиболее глобальном измерении, направлен на обеспечение успешного функционирования государства в интересах белорусского народа в изменяющихся глобальных условиях и вызовах. Поэтому целью такого процесса должна быть не столько модернизация текста Основного Закона,

сколько перспективное усиление субъектности Беларуси, создание определенного проекта Будущего и институционализации предпосылок его формирования в Настоящем. В таком контексте Конституция должна адекватно и упреждающе закрепить цель, сущность и легитимность государства как политико-территориальной проекции конкретного народа, порожденной разворачиванием мировоззренческих антрополого-аксиологических аксиом в рамках исторических вызовов, а также обеспечить условия его успешного функционирования в рамках индустриально-техногенной цивилизации.

Конституционный процесс в Республике Беларусь прошел несколько стадий. Первоначально все постсоциалистические конституции, включая Основной Закон Беларуси, были приняты в логике либеральной геокультуры, окончательная победа которой казалась в конце 80-х – начале 90-х годов XX века окончательной и бесповоротной [4]. Однако, практика показала, что, несмотря на ряд позитивных аспектов, любая незападная государственность понимается данной геокультурой как изначально ущербная (недостаточная) и призванная к десувверенизации и подчинению ядру мир-системы, а либеральные социально-гуманитарные концепты изначально не предназначены для обеспечения успеха незападных стран.

В 1996 г. активная субъектная позиция белорусского государства и народа, использовавшая в качестве основы совершенствования Основного Закона французскую модель разделения властей, позволила преодолеть идею верховенства Советов как единственной высшей власти и наделила Президента как Главу государства действенными механизмами своевременного реагирования на возникающие социальные проблемы, тем самым минимизировав причины политических конфликтов между различными ветвями власти [5]. Однако такое использование западных идей для создания эффективной и социально-ориентированной модели государственной власти вызывало резкую критику по причине якобы «неготовности» нашей страны к восприятию передовых правовых идей [6], хотя в результате Беларусь получила 25 лет устойчивого развития, в том числе, в условиях глобального экономического кризиса и падения эффективности капитала (инвестиций). При этом отсутствие подобных конституционных механизмов и (или) воли к противодействию внешней и внутренней агрессии ввергли ряд сопредельных стран через гибридные войны, «демократические» цветные революции и иные инструменты управляемого хаоса в ситуацию несостоявшейся государственности.

Современный конституционный процесс в Республике Беларусь реализуется в рамках двух важнейших условий. С одной стороны, это давно запланированное мероприятие [7]. С другой стороны, изменение Конституции рассматривается как один из шагов по укреплению народного единства в Беларуси, правовая основа дальнейшего успешного функционирования государства в условиях возникших внешних и внутренних вызовов. Все это актуализирует необходимость сохранения прошедших испытаний временен

конституционных моделей и норм, а также включения в Основной Закон новых норм и положений, адекватных функционированию в условиях глобального кризиса, неопределенности Будущего и смены социально-экономической формации, касающихся

а) усиления исторических оснований государственной легитимности и субъектности;

б) защиты традиционных антрополого-аксиологических стереотипов и норм;

в) закрепления принципов перспективного социально-экономического регулирования в условиях индустриально-техногенной цивилизации и терминальной фазы современной капиталистической мир-экономики.

Легитимация государства отражает реализацию антрополого-аксиологических стандартов народа в конкретных исторических событиях. Однако в действующем Основном Законе, кроме указания в Преамбуле на «многовековую историю развития белорусской государственности», такие основания представлены недостаточно. По сути, основой суверенной легитимности Республики Беларусь и белорусского народа является статус Победителя (как составной части СССР) в Великой Отечественной войне; государства (народа), наиболее среди союзных республик пострадавшего от нацизма мировоззрения, в силу морального превосходства и жертвенности выстоявшего и освободившего мир от коричневой чумы. В основе Победы лежит чрезвычайная и мобилизационная сущность как общерусской, так и советской государственности, а также создание в рамках последней собственной материально-технической базы, обеспечивших на основе социалистических идей о всеобщем равенстве и справедливости, коллективизме и жертвенности, творческом служении и самоограничении, противостоящих античеловеческому расизму и нацизму, выживание народа и государства в условиях перспектив духовного и физического уничтожения. Это объективно предопределило сущность социально-ориентированной и взвешенной («соборной») политики Беларуси (поддержание связей с Россией, постсоветским пространством и иными государствами антигитлеровской коалиции, сохранение социальных функций государства и преодоление крайнего индивидуализма; минимизация негативных сторон капитализма и т.д.). Поэтому подрыв легитимности Победы в перспективе подрывает государственность Беларуси как державы-основательницы ООН, переводя ее из субъектного статуса победителя в несубъектный статус «жертвы» тоталитарных режимов, среди которых «сталинский режим» позиционируется как нечто более страшное и жестокое, стимулируя раскол постсоветского пространства, для которого Победа является (пока еще) единственной общепризнанной скрепой, свидетельствующей о единой борьбе с человеконенавистнической идеологией.

Зависимость государства от определенных антрополого-аксиологических стереотипов обуславливает важность их учета, поддержания и защиты, так как

их изменение объективно трансформирует сущность государства. Некритическое же заимствование (использование) антрополого-аксиологических аксиом, свойственных иным народам (цивилизациям), может привести к гибели государства, в том числе и при достижении таким государством своих краткосрочных целей. Поэтому в Конституции целесообразно указать на приверженность Беларуси традиционным христианским ценностям Православной и Католической конфессий, содержательно описать ценности, признаваемые в качестве общечеловеческих<sup>3</sup>, включая безусловную ценность моногамной семьи, акцент на преимущественный коллективизм и взаимопомощь, отразить необходимость поддержания баланса прав, обязанностей и интересов, запрет злоупотребления правом, солидарную и взаимную ответственность человека, общества, в том числе и предпринимательского сообщества, и государства за будущее Беларуси.

Функционирование любого современного государства также детерминировано, в том числе, и его индустриально-техногенной и информационной сущностью, а также способностью эффективно организовать экономическую деятельность, создать необходимую инфраструктуру и обеспечить справедливое накопление и перераспределение благ, стимулировать и поощрять активное инициативное поведение человека, а также обеспечить необходимую и достаточную помощь лицам, находящимся в социально опасных ситуациях. Это требует включения в Основной Закон норм, устанавливающих принципы регулирования экономической деятельности в индустриально-техногенной и информационной цивилизации. Так, собственность, особенно крупная либо касающаяся критически важной инфраструктуры, не должна быть безусловным правомочием, а пользование ею должно одновременно служить общему благу, включая обязанность собственников (инвесторов) по участию в социально-значимых проектах. Одновременно следует закрепить и исключительное право собственности государства на объекты критической инфраструктуры либо установить обязанность собственников по обеспечению возможности государства управления данными объектами в национальных и иных публичных интересах в целях их бесперебойного функционирования и обеспечения доступа к предоставляемым ими услугам на социально-обоснованных и справедливых условиях.

Отражение вышеизложенного в Конституции параллельно обуславливает и переосмысление концептуально-методологического инструментария социально-гуманитарного знания в целом и юриспруденции в частности, так как в рамках либеральной геокультуры отмеченные аспекты игнорируются (замалчиваются). Поэтому в рамках современного конституционного процесса следует одновременно рассматривать такие социальные феномены как

---

<sup>3</sup> Такое уточнение важно в силу содержательной утраты категорией «общечеловеческие ценности» однозначной позитивной коннотации и ее отождествления с ценностями и интересами отдельных держав.



целенаправленное и обращенное в Будущее развитие Республики Беларусь и создавшего его народа, конфликтующее взаимодействие властных субъектов в рамках гибридных войн, цветных революций и управляемого хаоса, антрополого-аксиологическая и индустриально-техногенная природа государства, а также развивать новые способы изучения и понимания объективной реальности.

### **Библиографический список**

1. Калинин, С. А. Об исходных принципах преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции. – Право.by, 2017. – № 5. – С. 17-23.
2. Сунь Цзы. Трактаты о военном искусстве [Текст]. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель, 2011. – С. 37.
3. Клаузевиц Карл фон. О войне : [перевод с немецкого]. Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2007. – С. 12.
4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М. : Изд-во АСТ : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
5. Абрамовіч, А.М. Кастытуцыйная рэформа : праблемы і перспектывы. Веснік БДУ, 1996. – Серыя 3. – № 3. – С. 81-84.
6. Абрамович, А.М. Политика «двойных стандартов» для Беларуси неприемлема. – Народная газета, 1998. – 10 июня. – С. 8.
7. Лукашенко, А.Г. Обращение Президента к парламентариям пятого и шестого созывов. Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://president.gov.by/ru/news\\_ru/view/vstrecha-s-deputatami-palaty-predstavitelej-i-chlenami-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-belarusi-14586/](http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-deputatami-palaty-predstavitelej-i-chlenami-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-belarusi-14586/). – Дата доступа: 07.10.2020.

# НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ

**А.А. Каспирович-Шумак**

*ведущий специалист управления тематических и локальных банков данных  
Национального центра правовой информации Республики Беларусь*

Информация является одним из важнейших ресурсов жизнедеятельности современного общества, и ее передача в рамках общественных отношений является необходимым условием его прогрессивного и непрерывного развития. Государственная политика в области правовой информатизации направлена на создание действенного механизма реализации конституционно закрепленных прав на беспрепятственное получение информации о действующем законодательстве, на создание условий для эффективного и качественного обеспечения правовой информацией государственных органов и организаций, юридических лиц и граждан Республики Беларусь. При этом основной целью является создание единого информационно-правового пространства, позволяющего на основе использования информационных технологий обеспечить более высокую степень коммуникативности существующей национальной правовой системы. Данный процесс, в свою очередь, предполагает появление новых и совершенствование существующих форм и способов выражения права.

Как верно отмечает И.Д. Тиновичкая, одним из показателей цивилизованного общества является уровень его информированности, а также уровень информированности коллективов обо всех явлениях экономической, политической, а также социальной и правовой действительности [1, с. 32].

На сегодняшний день одним из способов обеспечения права граждан на информацию (правовую информацию) выступает Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (далее – Портал). Портал создан на основании Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года № 609 «О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 года № 524» (далее – Указ № 609), в соответствии с которым названный ресурс определен как «основной государственный информационный ресурс глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации» [2], который позволяет обеспечивать пользователям свободный доступ к правовой информации. Согласимся с мнением Н.Н. Радивановича, который отмечает, что основа государственной политики в области обеспечения права на информацию – реализация принципа общедоступности правовой информации, которая направлена на удовлетворение информационных потребностей как общества в целом, так и конкретного индивида [3, с. 76–77]. Правовая информация в Концепции государственной автоматизированной системы правовой информации рассматривается в виде основы правовой информатизации и как один из

системообразующих элементов государственной автоматизированной системы правовой информации [4, с. 75]. Правовая информатизация представляет собой организационный, социально-экономический, информационно-технологический, образовательный и научно-практический процесс, направленный на создание оптимальных условий современного удовлетворения потребностей органов государственной власти и управления, юридических и физических лиц в актуальной, достоверной и полной правовой информации на основе информационных и телекоммуникационных технологий и внедрения в правовую сферу [5, с. 41].

В связи с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» с 20 ноября 2020 года вступили в силу изменения в Указ № 609, в соответствии с которыми в качестве целей функционирования Портала выделено «своевременное обеспечение информацией о важнейших общественно-политических и правовых событиях в государстве и обществе» [6]. Полагаем, что данные изменения расширили и дополнили порядок функционирования Портала. В соответствии с внесенными изменениями в Положение о Портале предлагаем внести изменения в пункт 2 Положения о Портале, а именно после слов «права и правовой информатизации» добавить слова «обеспечивающий своевременной информацией о важнейших общественно-политических и правовых событиях». Необходимо отметить, что на Портале размещается не только новостная информация, но и информация, касающаяся изменений и дополнений действующего законодательства, а также представлена статистика по включению в Национальный реестр правовых актов вновь поступивших документов.

Следует обратить внимание на новый раздел Портала «Инфографика права», содержащий подборки по наиболее актуальным вопросам. К примеру, к Международному дню студента размещен правовой гид по студенческой жизни, включающий в себя информацию о поступлении в учебные заведения, вопросы распределения и перераспределения, назначения стипендий, а также иные актуальные вопросы для студентов. Для студентов предусмотрена и реализована возможность обсудить и внести свои предложения по совершенствованию правового регулирования в области образования, высказать мнение по любому вопросу, касающемуся образовательного процесса.

Отметим, что одним из основополагающих (основных) для реализации прав граждан на информацию является доступность, полнота и достоверность предоставляемой и размещаемой в сети Интернет информации. Необходимо отметить, что данные требования являются основными для функционирования интернет-сайтов государственных органов, для использования гражданами и реализации права на доступ и получение достоверной информации по интересующим их вопросам. В связи с чем, на законодательном уровне

закреплены требования к информации, размещаемой на интернет-сайтах органов государственного управления.

В связи с вступившими изменениями предлагаем внести изменения в пункт 2 Положения о Портале, путем внесения в него следующего изменения: «Национальный правовой портал – основной государственный информационный ресурс глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации, обеспечивающий своевременной информацией о важнейших общественно-политических и правовых событиях государства».

Функционирование Портала способствует росту эффективности использования информационных технологий в области права и правовой информатизации, решению вопросов сотрудничества государственных органов, иных организаций и граждан в правовой сфере, гарантирует гражданам получение полной и достоверной правовой информации, а также информации, имеющей важное общественно-политическое значение.

### **Библиографический список**

1. Тиновическая, И.Д. Право на информацию и механизм его реализации / И.Д.Тиновическая // Законодательные проблемы информатизации общества: Труды ВНИИСЗ. – М., 1992. – Труды 52. – С.29–41.
2. О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524: Указ Президента Республики Беларусь, 16 декабря 2002 г., № 609 // ИПС «ЭТАЛОН» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
3. Правовая информатизация в Республике Беларусь: становление и перспективы развития / Н.Н. Радиванович [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Радивановича. – Минск: НЦПИ, 2007. – 400 с.
4. Концепция государственной автоматизированной системы правовой информации / Ю.И. Кашинский [и др.] // Проблемы правовой информатизации: сб. ст. – Минск: НЦПИ, 1998. – Вып. 1. – 96 с.
5. Правовая информатизация. Термины и определения: СТП 37477375.01-2011. – Введ. 04.04.2011. – Минск: НЦПИ, 2011. – 67 с.
6. О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности: Указ Президента Республики Беларусь, 17 ноября 2020 г., № 415// ИПС «ЭТАЛОН» / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.

## **РАБОТА СУДОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ**

**О.В. Качалова**

*руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия  
Российского государственного университета правосудия,  
доктор юридических наук, доцент*

**М.В. Беляев**

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала  
Российского государственного университета правосудия,  
доктор юридических наук, профессор*

Перед судами в период пандемии коронавирусной инфекции встала серьезная задача обеспечения прав человека и доступа к правосудию в новых условиях. В Декларации Европейской комиссии по эффективности правосудия, принятой 10 июня 2020 года, указывается, что право на справедливое судебное разбирательство должно быть защищено в любое время и становится особенно важным во время кризиса, что обуславливает необходимость непрерывного функционирования судебной системы. А чрезвычайные меры должны осуществляться на принципах верховенства права, уважения прав человека, законности, правовой определенности и соразмерности. Действующий запрет на ограничение права на справедливое судебное разбирательство и права на защиту от обвинения сталкивается с фактической невозможностью их полноценного обеспечения в условиях пандемии, что создает ситуацию, которую можно условно определить как отложенную возможность реализации ряда правомочий, имманентно включенных в вышеуказанные права. В Декларации Европейской комиссии по эффективности правосудия указывается, что во время пандемии закрытие судов может быть необходимо для защиты здоровья и безопасности людей, однако это должно быть сделано тщательно и пропорционально, поскольку это приводит к ограничению доступа к правосудию, которое является основополагающим принципом верховенства закона.

В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 8 апреля 2020 года судам было рекомендовано приостановить личный прием граждан в судах и рекомендовать подавать документы через электронные интернет-приемные судов или посредством почтовой связи; обеспечить своевременные прием, обработку и регистрацию документов, поданных в суды посредством почтовой связи и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Было рекомендовано рассматривать дела и материалы безотлагательного характера (избрание, продление, отмена или изменение меры пресечения; а также дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным), а также при наличии технической возможности инициировать

рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи. Судам также разъяснили их право с учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима повышенной готовности, введенного в соответствующем субъекте РФ, самостоятельно принимать решение о рассмотрении дел, не являющихся безотлагательными. В обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID) № 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 21.04. 2020 года было указано, что невозможность рассмотрения дела в связи с введением особых правовых режимов в условиях пандемии является основанием для отложения судебного разбирательства в соответствии со статьей 253 УПК РФ. Вопросы об отложении судебного разбирательства, продлении сроков рассмотрения дела разрешались судом применительно к каждому уголовному делу с учетом необходимости соблюдения сроков рассмотрения дела судом соответствующей инстанции и положений о разумных сроках.

Российские суды во всех регионах страны без ограничений рассматривали материалы об избрании, продлении, отмене или изменении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий; о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Во многих регионах суды продолжили рассматривать уже начатые рассмотрение ранее уголовные дела по существу (когда судебное следствие уже завершено, уголовные дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением, в порядке гл. 40 УПК РФ (без проведения судебного следствия).

Следует отметить, что суды абсолютного большинства стран, охваченных пандемией коронавируса, ввели подобные ограничения (Великобритания, Германия, Молдова, Казахстан и др.). В Верховном Суде Великобритании слушания проводились в режиме видеоконференцсвязи, когда это было необходимо. Стороны заранее получали информацию о слушании и процедурах тестирования (каналов, устройств). Документы к слушаниям представлялись в электронном виде. Посетители не допускались в здание суда. Слушания транслировались в прямом эфире, затем также видео размещалось на сайте. Новые жалобы подавались исключительно в электронном виде. Верховный суд США перенес публичные слушания на неопределенный срок, а срок подачи заявлений в Верховный Суд продлил на 150 дней.

В судах Казахстана были составлены списки и расставлены приоритеты по срокам рассмотрения дел и материалов: дела, находящихся в производстве следственных судов; дела, которые не могут быть перенесены или отложены;

дела, которые могут быть перенесены либо отложены на период до окончания режима чрезвычайного положения. Казахстан сообщил о полном переходе судов на онлайн-работу, отложении процессов и популяризации примирения. Более 90 % судебных процессов проводятся по видеоконференцсвязи. Процент приостановленных уголовных дел не превышает 14%. Опыт Казахстана представляется очень важным, поскольку переход на онлайн режим работы позволяет существенным образом минимизировать вынужденные ограничения прав участников уголовного судопроизводства, своевременно обеспечивая защиту их законных интересов.

Верховный Суд России стал рассматривать дела онлайн посредством веб-видеоконференцсвязи из офисных или жилых помещений, с применением технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу. Аналогичная система организована в Московском городском суде, а также 60 арбитражных судах различных субъектов Российской Федерации. При этом сторонам предоставлена возможность не только онлайн-участия в судебном заседании, но и онлайн-ознакомления с материалами дела, поскольку все документы, поступающие в суд, сканируются и загружаются в специальные программы, например, «Мой арбитр». Таким образом, возникает не только существенная экономия времени судей и сотрудников аппарата, но и расширяется возможность доступа к правосудию граждан, которые каким-либо образом ограничены в передвижении, в том числе, и по причинам самоизоляции.

21 мая 2020 года в Верховном Суде Республики Татарстан впервые было проведено судебное заседание путем использования технологии веб-конференции. Заседание в подобном формате было организовано по ходатайству стороны судебного процесса, направленному через Единую систему идентификации и аутентификации «Госуслуги», с использованием специализированной компьютерной платформы Vinteo. Веб-конференции позволяют снизить число посетителей суда, что наиболее актуально с учетом санитарно-эпидемиологической обстановки.

Но остаются и проблемы, которые даже в текущих условиях функционирования судебной системы пока не представляется возможным разрешить. Так, отсутствует техническая возможность дистанционной работы судей и сотрудников. Во-первых, материалы дел не могут быть перемещены куда-либо из здания суда, а их оцифровывание судами общей юрисдикции пока не производится. Во-вторых, отсутствие механизма защиты информации вне суда приводит к невозможности удаленной работы, поскольку деятельность судов связана с персональными данными, государственной тайной и т. д. Вместе с тем, вызовы пандемии коронавируса стали дополнительным толчком в развитии цифровизации судебной системы.

## **ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА**

**Т.М. Киселёва**

*доцент кафедры конституционного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Проблемы обеспечения равенства сохраняют свою актуальность в современном мире, несмотря на принятие на международном и национальном уровне широкого круга мер. Не случайно в качестве одной из целей устойчивого развития ООН провозглашено сокращение неравенства среди людей и между странами (цель № 10).

Неравенство имеет различные проявления – неравенство в имущественном положении, в социальном статусе, в наборе прав и свобод и т. д. Каждый аспект неравенства оказывает негативное влияние на развитие государства, вызывает разногласия в обществе. Поэтому каждому государству следует предупреждать и исключать случаи неравенства, принимать меры по обеспечению реального равенства и равенства возможностей всех членов общества.

Ценность равенства признается и подтверждается как на международном уровне, так и конкретными странами. Так, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что все люди рождаются равными в своих правах, а ст. 2 уточняет, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Пункт 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что каждое участвующее в Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Кроме этого, ст. 26 Пакта определяет, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона.

Пункт 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах содержит схожую норму, устанавливающую, что участвующие в указанном Пакте государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального



происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

В Конституции Республики Беларусь принцип равенства получил закрепление в нескольких формах. Так, базовой нормой в закреплении принципа равенства можно считать ст. 22 Конституции, в которой провозглашается, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. При этом указанная статья закрепляет лишь часть принципа равенства: равенство перед законом и равную защиту прав, но не содержит прямого указания на равный набор прав для каждого человека либо запрет на дискриминацию при реализации прав и свобод, а также на равенство возможностей. Если проанализировать конституционные нормы, то можно увидеть, что принцип равенства, помимо используемых в ст. 22 формулировок, также раскрывается в широком перечне норм, которые размещаются в различных разделах Конституции (к примеру, в ст.ст. 11, 13, 16, 32, 38, 39, 42, 66 и некоторых других). Соответствующие нормы возможно рассматривать как уточнение принципа равенства, проявление его частных случаев.

Однако закрепление на международном или конституционном уровне принципа равенства в той или иной формулировке не обеспечивает фактическое равное положение всех членов общества, так как для решения проблемы неравенства правовых норм недостаточно. Государству следует учитывать реальное положение дел в государстве и принимать меры по поддержке отдельных категорий граждан.

Проблема неравенства приобретает новое наполнение в условиях цифровизации общества, проникновения информационных технологий в большинство публичных и частных отношений. При этом развитие информационных технологий оказывает двойное влияние на отношения в сфере обеспечения равенства.

С одной стороны, внедрение информационных технологий в различные отношения предполагает активное использование таких технологий всеми членами общества. Однако очевидно, что не все люди в равной степени имеют возможность и желание использовать современные технологии. Поэтому, как только информационные технологии стали внедряться не только в частные отношения, но и в отношения между государством и гражданами, в юридической литературе был поднят вопрос о цифровом неравенстве.

Действительно, для того, чтобы гражданин мог воспользоваться, к примеру, электронной услугой или получить необходимую информацию в электронной форме он должен иметь доступ к сети Интернет и обладать определенными навыками. Поэтому перевод отношений между государством и населением в электронную форму не будет возможен до того момента, пока каждому гражданину не будет обеспечена реальная возможность использования тех или иных технологий. Также важно учитывать вопрос готовности и желания граждан обращаться к информационным технологиям,

что может быть связано с личными убеждениями граждан (в том числе религиозными) или отсутствием доверия к современным технологиям.

Следует признать, что в современном мире говорить об остроте проблемы цифрового неравенства уже не приходится. С каждым годом информационные технологии используются населением все более активно. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2019 г. 82,8% населения в возрасте от 6 до 72 лет имели доступ к услугам сети Интернет (для сравнения, в 2013 г. такой показатель составлял 58,4%, а в 2016 г. – 71,1%) [1].

Но при этом необходимо учитывать, что отказ от информационных технологий не должен стать новым основанием для дискриминации человека. Государство должно сохранять традиционные способы реализации прав и свобод, исполнения обязанностей как альтернативу информационным технологиям. Такой подход прослеживается в Республике Беларусь. Так, с 2021 году планируется введение в действие ID-карт, которые станут заменой паспорта гражданина Республики Беларусь. При этом гражданам предоставляется возможность выбора – получить ID-карту или традиционный бумажный паспорт.

Отдельное место занимает проблема участия в информационных отношениях лиц с низким доходом. Данные лица изначально находятся в ситуации неравенства, а необходимость использования информационных технологий, приобретение которых связано с новыми затратами, еще больше ухудшит их положение. Поэтому государству необходимо обеспечивать свободный доступ к информационным технологиям для обеспечения базовых потребностей. Этот доступ может быть обеспечен через сеть публичных библиотек, через специально создаваемые центры, либо путем адресной помощи. Однако важно, чтобы такая помощь не приводила к иждивенческому поведению граждан.

С другой стороны, цифровизация общества имеет позитивное значение для обеспечения принципа равенства. Внедрение информационных технологий может обеспечить равные возможности тем категориям лиц, которые по различным причинам не могут использовать традиционные способы взаимодействия с государством и иными субъектами, или для которых такое использование затруднительно. Новые возможности предоставляются путем введения и развития систем электронного образования, электронной коммерции, электронных обращений, электронных государственных услуг и т.п.

Например, развитие системы электронных государственных услуг сделает свободным доступ к таким услугам лицам, для которых личное обращение в государственный орган связано с рядом сложностей (лица с инвалидностью, лица, проживающие в удаленных населенных пунктах, многодетные семьи, лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы и т.п.).

Однако важно, чтобы внедрение информационных технологий не заменяло иные меры по обеспечению равенства. Например, использование таких

технологий для привлечения лиц с инвалидностью к активному участию в различных отношениях (образовательных, трудовых, политических и т.п.) не может происходить в ущерб созданию безбарьерной среды. В противном случае положение данной категории лиц ухудшится. Поэтому информационные технологии могут стать вспомогательным механизмом обеспечения равенства, но не главным или, тем более, единственным.

Таким образом, цифровая трансформация общества оказывает двойственное влияние на обеспечение равенства в современных государствах. С одной стороны, внедрение и использование информационных технологий в различных общественных отношениях, и в первую очередь публичных, может приводить к возникновению новых аспектов неравенства (цифровое неравенство, ухудшение положения лиц с низким доходом и т.п.). С другой стороны, современные технологии способны решить ряд проблем, связанных с предоставлением равенства возможностей различным слоям населения – лицам с инвалидностью, лицам, проживающим в отдаленных населенных пунктах и т.п. В то же время государство не может отказываться от принятия комплекса мер по обеспечению реального равенства и равенства возможностей, ограничиваясь исключительно расширением практики использования информационных технологий.

#### **Библиографический список**

1. Доступ населения в возрасте 6 - 72 лет к услугам сети Интернет [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа: URL <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/dostup-naseleniya-v-voznraste-6-72-let-k-uslugam-seti-internet/>. – Дата доступа: 24.10.2020.

### **О ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ОСНОВЕ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА)**

**В.В. Кожевников**

*профессор кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета*

*Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,  
доктор юридических наук, профессор*

Поводом написания данной научной статьи стал анализ взглядов в основном отечественных российских ученых-теоретиков по вопросу о видах юридической ответственности, являющейся важнейшим понятием общей теории права. В процессе нашего дальнейшего исследования следует обратить внимание, по крайней мере, на следующие общетеоретические положения:

статус «материальной ответственности» рабочих и служащих; содержание гражданско-правовой ответственности. Что касается вопроса о материальной ответственности, сразу отметим, что подавляющее число автор ее рассматривают в качестве одного из видов юридической ответственности. Например, В.Л. Кулапов и А.В. Малько в краткой форме утверждают, что «материальная ответственность следует за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации рабочими и служащими при исполнении ими своих трудовых обязанностей» [1, с. 327]. В равной мере следует критически оценить позицию Р.В. Шагиевой и А.П. Севрюкова, которые, необоснованно связывая гражданско-правовую ответственность с возмещением ущерба, восстановлением нарушенного права, другими санкциями, полагают, что «особенность материальной и гражданско-правовой ответственности в том, что имущественный и иной вред может быть возмещен причинителем добровольно...» [2, с. 482-483]. В.С. Нерсисянц в свое время писал, что «материальная ответственность работника-это по своей природе особая разновидность гражданско-правовой ответственности за вред» [3, с. 526]. Кстати говоря, отметим, что и наши белорусские коллеги ученые С.Г. Дробязко и В. С. Козлов, признавая материальную ответственность, в отношении последней пишут, что она «... наступает за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации рабочими, служащими при неисполнении ими своих трудовых обязанностей. Размер ущерба. определяется судом (ст. 409 ТК Республики Беларусь) [4, с. 428]. На наш взгляд, ученые, признающие материальную ответственность и ассоциирующие ее с необходимостью возмещения причиненного предприятию, учреждению, организации ущерба, необоснованно отождествляют между собой меры юридической ответственности и меры защиты (восстановительные меры). Рассматривая юридическую ответственность только как ретроспективную, полагаем, что первая должна пониматься следующим образом: это применение к правонарушителю предусмотренных штрафной (карательной) санкцией юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишения личного, имущественного или организационного характера. При характеристике юридической ответственности авторами совершенно обоснованно обращается внимание на такой ее признак, согласно которому она «влечет негативные последствия (лишение свободы, родительских прав), возложение на него новых дополнительных обязанностей (выплата определенной суммы, совершение каких-либо действий)». Рассматривая юридическую ответственность только как ретроспективную, полагаем, что первая должна пониматься следующим образом: это применение к правонарушителю предусмотренных штрафной (карательной) санкцией юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишения личного, имущественного или организационного характера. При характеристике юридической ответственности авторами совершенно обоснованно обращается внимание на такой ее признак, согласно которому она

«влечет негативные последствия (лишение свободы, родительских прав), возложение на него новых дополнительных обязанностей (выплата определенной суммы, совершение каких-либо действий)» [5, с. 344]. Как отмечают учеными, «назначение мер защиты – восстановить прежнее нормальное правовое положение путем принуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной юридической обязанности. Дополнительные негативные последствия для субъекта, совершившего противоправное деяние, наступать могут, но они имеют не основной, а сопутствующий характер» [6, с. 415]. Известный российский ученый С.С. Алексеев, трактуя защиту права как государственно-принудительную деятельность, направленную на осуществление «восстановительных» задач – на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности, замечал следующее: «если главная функция юридической ответственности – штрафная (виновное лицо «держит ответ»), то функция мер защиты сводится к восстановительным задачам, к тому, чтобы обеспечить исполнение юридической обязанности, защиту права» [7, с. 202-203]. Как результат необоснованного смешения мер юридической ответственности и мер защиты, в литературе бытует весьма спорная трактовка гражданско-правовой ответственности, с которой достаточно часто соотносят материальную ответственность, обращая внимание на их сходства и различия. Например, Е.Л. Ковалева полагает, что «данный вид ответственности носит, прежде всего, компенсационный характер и ставит своей целью возместить полностью ущерб, причиненный неправомерными действиями правонарушителя»; «одновременно гражданско-правовая ответственность предусматривает и карательные санкции: штраф, пени, неустойку» [8, с. 467].

Говоря о гражданско-правовой ответственности, А.С. Шабуров утверждает, что «она носит преимущественно восстановительный характер, но предполагает лишения штрафного, имущественного порядка в виде пени, штрафа, выплаты недоимки и др.» [9, с. 271]. С позиции В.М. Баранова, «гражданско-правовая ответственность выражается в возмещении убытков, неустойке, штрафах, пени, принудительном восстановлении прошедшего правового состояния, принудительном исполнении правовой обязанности» [10, с. 550]. М.Н. Марченко среди санкций, применяемых за те или иные гражданские правонарушения, называет: «возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда и др.» [11, с. 633]. Полагаем, что одним из распространенных средств гражданско-правовой ответственности является взыскание неустойки. Согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ, «неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения». В заключение подчеркнем, что рассмотренные вопросы юридической ответственности имеют и теоретическое, и практическое значение для практики правоприменительной деятельности.

### **Библиографический список**

1. Кулапов, В.Л., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник. М.:Норма, 2009.
2. Шагиева, Р.В., Севрюков, А.П. Поведение людей в правовой сфере // Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие/ отв. ред. Р.В.Шагиева. – М.:Норма, 2011.
3. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник. – М.:Норма, 2002.
4. Дробязко, С.Г., Козлов В.С. Общая теория права: учебное пособие. – Минск: Амалфея, 2005.
5. Виниченко, О.Ю., Попов В.И. Теория государства и права: учебное пособие. – М.:Проспект, 2010.
6. Протасов, В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. – М.:Городец, 2010.
7. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. – М.:Проспект, 2008.
8. Ковалева, Е. Д. Юридически значимое поведение. Правонарушения. Юридическая ответственность//Проблемы теории государства и права: учебник/под ред. В.М. Сырых. – М.:Эксмо, 2008.
9. Шабуров, А.С. Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность //Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2007.
10. Баранов, В.М. Юридическая ответственность /Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2007.
11. Марченко, М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник в 2-х томах. – М.: Проспект, 2008. – Т. 2. – Право.

### **ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ**

**И.В. Колодинская**

*ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
юридического факультета*

*УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»*

В период подготовки конституционной реформы следует обратить внимание на несоответствие ряда положений Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) современному законодательству об образовании, что требует надлежащего правового урегулирования. В частности, по вопросу о совмещении работы с получением образования в Конституции присутствуют некоторые архаичные нормы, существование которых было актуальным в советский и постсоветский периоды.

Так, в соответствии со ст. 39 Конституции гражданам Республики Беларусь в соответствии со способностями и профессиональной подготовкой гарантируется право равного доступа к любым должностям в государственных органах. В данной статье законодатель выделяет из всей системы образования только один вид дополнительного образования взрослых – профессиональную подготовку. Формально получается, что граждане Республики Беларусь могут воспользоваться предоставленным им правом равного доступа к любым должностям в государственных органах только при освоении содержания образовательной программы указанного вида образования, что исключает возможность воспользоваться этим правом гражданам, уже освоившим содержание иных образовательных программ дополнительного образования взрослых и образовательных программ основного образования.

Содержание рассматриваемой нормы Конституции объясняется тем, что профессиональной подготовкой до недавнего времени считались различные виды обучения, направленные на профессиональное совершенствование и профессиональную готовность к трудовой деятельности. В настоящее же время профессиональная подготовка существует уже как отдельный вид дополнительного образования взрослых, направленный на приобретение профессии лицами, которые ранее профессии не имели. Она реализуется путем освоения содержания образовательной программы профессиональной подготовки рабочих (служащих).

Современное законодательство об образовании включает профессиональную подготовку в общегосударственную систему образования, но не содержит норму, определяющую виды дополнительного образования взрослых и их легальное определение, как это имело место в действовавшем ранее Законе Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. «Об образовании». Однако отсутствие такой нормы не является препятствием для выделения профессиональной подготовки в качестве отдельного вида дополнительного образования. В частности ч. 3 ст. 220<sup>1</sup> Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) устанавливает обязанность нанимателя создавать работникам, проходящим профессиональную подготовку, повышение квалификации, стажировку и переподготовку, необходимые условия для совмещения работы с получением соответствующего образования. Из словосочетания «для совмещения работы с получением соответствующего образования» однозначно вытекает то, что профессиональная подготовка является отдельным видом образования.

Статья 205 ТК, устанавливающая поощрение работников, совмещающих работу с получением образования, также указывает на место профессиональной подготовки в системе образования, но, как и ст. 39 Конституции, не выделяет ее из данной системы: «При установлении более высокой квалификации (разряда, класса, категории и др.) по должности служащего (профессии рабочего) или при продвижении по работе учитываются успешное прохождение работниками профессиональной подготовки, повышение квалификации, прохождение

переподготовки, стажировки работников, наличие общего среднего, профессионально-технического образования, а также получение ими среднего специального, высшего образования, наличие ученой степени, ученого звания».

На основании вышеизложенного считаем целесообразным предусмотреть наделение правом равного доступа к любым должностям в государственных органах граждан Республики Беларусь, освоивших не только образовательную программу профессиональной подготовки рабочих (служащих), но и программы всех видов основного и дополнительного образования взрослых, с учетом чего в ст. 39 Конституции слова «профессиональной подготовкой» следует заменить на слово «образованием».

Кроме того, в ч. 1 ст. 41 Конституции, гарантирующей гражданам Республики Беларусь право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, считаем целесообразным слова «профессиональной подготовкой» исключить.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 Конституции каждый может на конкурсной основе бесплатно получить соответствующее образование в государственных учебных заведениях. Используемое в указанной норме слово «может», согласно толковым словарям русского языка, трактуется как вводное словосочетание, которое выражает неуверенность или предположительность, а также ориентировано на возможности субъекта (физические, материальные, интеллектуальные и др.). С учетом сказанного считаем целесообразным в ч. 2 ст. 49 Конституции слово «может» заменить на слова «имеет право», исходя из того, что второе понятие в отличие от первого ориентировано не только на возможности данного субъекта, но и на интересы других людей.

Кроме того, используемое в рассматриваемой норме понятие «учебные заведения» не соответствует законодательству об образовании. Для того, чтобы привести в соответствие положения Конституции и законодательства об образовании считаем целесообразным слова «учебных заведениях» заменить здесь на слова «учреждениях образования».

## **КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ**

**Н.М. Кондратович**

*доцент кафедры конституционного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Последние десятилетия характеризуются интенсивными конституционными преобразованиями во многих постсоветских республиках.

Конституционные реформы, как правило, имеют целью корректировку действующей конституционной модели, что характерно и для постсоветских



стран, где за последние годы серьезным изменениям подверглись, в частности, основные законы Армении (2015 г.), Азербайджана (2016 г.), Кыргызстана (2016 г.), Грузии (2018 г.), Российской Федерации (2020 г.). Нередко предпосылкой конституционных преобразований выступает кризис доверия граждан к власти.

Одним из основных приоритетов конституционных реформ в постсоветских республиках явилось изменение республиканской формы правления (Армения, Кыргызстан, Казахстан и др.), и, как следствие, – перераспределение полномочий между ветвями власти, расширение полномочий законодательной власти, независимости судебной власти, а также конституционализация статуса высших должностных лиц государства, прежде всего, президента республики.

От президентской к парламентской модели правления перешли Грузия, Молдова, Армения, Кыргызстан [1].

Конституционные реформы, наряду с изменением республиканской формы правления, предусматривают изменение избирательной системы. Наблюдается переход от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной избирательной системе или смешанной. Так, согласно ч. 3 ст. 89 Конституции Республики Армения Национальное Собрание избирается по пропорциональной избирательной системе.

Поправки к Конституции Российской Федерации 1993 года были предложены президентом в послании Федеральному собранию 15 января 2020 года и приняты в качестве Закона о поправке от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (206 изменений). На основе внесенных поправок, осуществлена модернизация президентской формы правления посредством усиления роли, самостоятельности и ответственности парламента и правительства, перераспределения отдельных полномочий между президентом, парламентом и правительством, исходя из принципа единства и разделенности государственной власти. Из поправок, касающихся статуса президента РФ, особый интерес представляют требования к кандидату в президенты: он должен проживать на территории России не менее 25 лет (ранее — не менее 10 лет), не должен быть обладателем иностранного гражданства или вида на жительство не только на момент выборов, но и ранее. Внесение нормы о недопустимости наличия ранее гражданства иностранного государства, вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на проживание ранее на территории другого государства является гарантией недопустимости иностранного влияния на будущего президента (за исключением наличия гражданства государств или частей государства, принятых в состав Российской Федерации).

Важным приоритетом демократизации конституций современных постсоветских республик является область прав и свобод человека. Все более важными и актуальными для каждого человека становятся информационные

права. В современном мире наблюдаются значительные изменения правового статуса личности в связи с дальнейшим развитием информационного общества, его переходом на новый уровень цифрового общества. Всесторонняя информатизация, использование открытых информационных систем, придают особую значимость задаче обеспечения охраны личных прав. Так, согласно ст. 32 Конституции Украины (с изменениями от 03.09.2019) каждому гарантируется право требовать устранить, исправить недостоверную, неполную либо собранную, противоречащим закону способом, информацию. Эта конституционная норма усиливает гарантии защищенности граждан и позволяет укрепить доверие к государству со стороны его граждан.

Какой бы ни была цифровая реальность по степени ее развитости, она, в конечном счете, должна подпадать под действие Конституции как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в правовой системе, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим указанную сферу новых отношений.

Одним из направлений конституционных реформ на постсоветском пространстве выступает либерализация избирательного права. В соответствии с конституционной реформой 2016 в Азербайджане отменяется возрастной ценз для избрания президентом, который до сих пор составлял 35 лет, понижается возрастной порог для кандидатов в депутаты Милли Меджлиса с 25 до 18 лет.

В целях усиления конституционных гарантий единства народа Казахстана внесено изменение в пункт 2 статьи 39 Конституции, согласно которому признаются неконституционными любые действия, способные нарушить не только межнациональное, но и межконфессиональное согласие.

Законом Республики Казахстан от 10 марта 2017 года № 51-VI «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» в Конституцию Казахстана 1995 г. были внесены принципиально новые положения. В частности, конституционной реакцией на угрозу терроризма в ст. 10 включено положение, предусматривающее, что лишение гражданства допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан.

Конституционной реформой 2016 г. в Кыргызстане отменен срок давности за совершенные ранее тяжкие преступления, связанные с геноцидом и экоцидом (массовое уничтожение растительного и животного мира).

Модернизация местного самоуправления, его реформирование в целях повышения эффективности и усиления демократических элементов в его функционировании является также приоритетным направлением конституционных преобразований на постсоветском пространстве. Наблюдается поиск новых форм территориальной организации, наиболее подходящих для обеспечения эффективного, отвечающего насущным задачам времени управления на местах. Происходит усиление роли органов местного самоуправления и увеличение их удельного веса в управленческой

деятельности, расширение гласности их деятельности, обеспечение ответственности и подотчетности их населению. Так, согласно статье 140 Конституции Украины местное самоуправление является правом территориальной громады – жителей села или добровольного объединения в сельскую громаду жителей нескольких сел, поселка и города – самостоятельно решать вопросы местного значения в рамках Конституции и законов Украины. Органы местного самоуправления в пределах полномочий, определенных законом, принимают решения, являющиеся обязательными к исполнению на соответствующей территории. Права местного самоуправления защищаются в судебном порядке.

Рассмотрены лишь отдельные приоритетные направления конституционных преобразований на постсоветском пространстве.

Основными целями конституционных изменений в этих странах на современном этапе выступает консолидация основ правового государства и демократии, развитие и укрепление демократических институтов и защита основных прав.

#### **Библиографический список**

1. Кондратович, Н.М., Масловская Т.С. Конституционные преобразования в странах СНГ и Западной Европы: эволюционная необходимость или ответ современным вызовам / Н.М. Кондратович, Т.С. Масловская // STUDIA POLITOLOGICZNE. – Варшава, 2019. – Том 52. – С. 35-49.

## **РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**Г.Г. Куневич**

*старший преподаватель кафедры конституционного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Началом развития и становления муниципального права в Беларуси, как и в других республиках бывшего СССР, явилось принятие Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 г.) и белорусского закона «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в БССР» (1991 г.). Уже в начальный период развития муниципального права и законодательства о местном самоуправлении постсоветских государств встал вопрос: развиваться ли местному самоуправлению по советскому варианту, т.е. оставаясь частью системы государственной власти, или по муниципальному – с организационным обособлением органов местного самоуправления от органов государственной власти [1, с. 7].

Понятие «муниципальное право» является новым для белорусского государствоведения и рассматривается в следующих аспектах: как научная

дисциплина, как комплексный правовой институт или отрасль права, как учебная дисциплина.

Муниципальное право как научная дисциплина представляет собой совокупность научных концепций, теорий и знаний о местном самоуправлении и его развитии в различные периоды белорусской государственности и зарубежных моделях местного самоуправления, но основным проблемным вопросом является понятие муниципальных органов и муниципальной власти [2, с. 4].

Развитие муниципального права в Республике Беларусь происходит под влиянием муниципального права зарубежных стран и Российской Федерации, других стран СНГ и имеет некоторые особенности. В США и других странах англо-саксонской правовой семьи деятельность муниципальных органов называется местным управлением (*local government*), иногда – местным самоуправлением (*local self-government*), в ФРГ – коммунальным самоуправлением (*kommunale selbstverwaltung*), в Республике Польша – территориальным самоуправлением (*samorząd terytorialny*).

Муниципальное право как научная дисциплина находится в стадии становления, изучаются различные муниципальные модели, опыт муниципальных реформ в странах ЦВЕ и СНГ, анализируются доктринальные понятия местного самоуправления и разрабатываются научные концепции реформирования системы местного управления и самоуправления Беларуси. В теории конституционного и административного права Беларуси по-прежнему, как и в советский период белорусской государственности, местное самоуправление рассматривается в комплексе с местным управлением.

В юридической науке Российской Федерации существуют различные доктринальные понятия местного самоуправления и различные подходы к предмету муниципального права, но общим является использование термина «муниципальный» как синонима «местный», что подчеркивается в ст. 2 Закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Такой же подход к использованию термина «муниципальный» существует в законодательстве Армении, Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины.

Важнейшим условием развития местного самоуправления является его конституционная модель, представляющая собой своего рода несущую конструкцию, от правильного построения которой во многом зависят эффективность самоуправления, оптимальность сочетания местных, региональных и общегосударственных интересов. Конституционную модель организации местного самоуправления в теории конституционного и муниципального права принято называть конституционными основами местного самоуправления.

В Беларуси реализуется так называемая государственная или административная модель местного самоуправления. Сравнивая модели местного самоуправления в странах СНГ, отдельные авторы полагают, что

среди государств-участников СНГ наиболее четко выраженная административная (советская, вернее «квазисоветская») модель сформировалась в Республике Казахстан и Республике Беларусь.

Выбор термина «квазисоветская» определяется тем, что хотя указанные государства юридически и не являются «советскими», однако, в основе их государственного устройства еще сохраняются элементы советской системы управления. Речь идет о жесткой централизации публичной власти и функционировании органов местного самоуправления в системе государственной власти [3, с. 9].

В Республике Беларусь муниципальное право как совокупность правовых норм, регулирующих реализацию конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления, следует рассматривать, по нашему мнению, как комплексный правовой институт, объединяющий нормы конституционного, административного, гражданского, налогового, финансового, экологического и др. отраслей права.

Большинство российских авторов считают муниципальное право комплексной отраслью права (О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев, И.И. Овчинников, А.Н. Писарев, Ю.А. Дмитриев, В.В. Комарова, В.В. Пылин и др.) [1, с. 10].

Из анализа зарубежных систем органов местного самоуправления следует, что в белорусской модели отсутствуют такие органы местного самоуправления как администрация местных Советов депутатов во главе с мэром, но это только одна из многочисленных проблем конституционного и муниципального права Беларуси.

В Республике Беларусь существует потребность дальнейшего развития муниципального права на основе принципов и стандартов, закрепленных в Европейской Хартии местного самоуправления. На современном этапе развития белорусской государственности назрела необходимость модернизации раздела V Конституции и принятия двух отдельных законов – «О местном самоуправлении» и «О местных государственных администрациях».

Муниципальное право как учебная дисциплина ставит своей задачей изучение теорий и моделей местного самоуправления, муниципально-правовых норм и институтов, на основе которых формируется и функционирует система местного самоуправления.

Актуальной проблемой муниципального права как учебной дисциплины является ее место и содержательное наполнение для целей образовательного процесса [4, с. 17].

### **Библиографический список**

1. Муниципальное право России: учебник / С.А. Авакьян, В.Л.Лютцер, Н.Л.Пешин [и др.]; отв. ред. С.А.Авакьян. – М.: Проспект, 2011. – 544 с.
2. Куневич, Г.Г. Муниципальное право Республики Беларусь: Учеб.-метод. пособие / Г.Г.Куневич. – Минск: НО ООО «БИП – С», 2002. – 103 с.

3. Чихладзе, Л.Т. Местное самоуправление и местное управление в странах – участниках СНГ: теория, практика и тенденции развития. Автореф. диссерт. на соиск. уч. звания д. ю. н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://emsu.ru/face/dissert/davtoferat\\_chihladzelt.pdf](http://emsu.ru/face/dissert/davtoferat_chihladzelt.pdf). – Дата доступа: 11.11.2020.

4. Актуальные проблемы муниципального права: учебник/ под ред. Л.Т.Чихладзе, Е.Н.Хазова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 559 с.

## **ИНСТИТУТ НАРОДОВЛАСТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

**А.И. Курак**

*доцент кафедры конституционного права и международного права Академии  
управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Как известно, содержание понятия «суверенитет» (от латинского «*suverenus*») было разработано еще в XVI в. французским философом Ж. Боденом, который суверенитетом обосновывал неограниченную власть монархов. Однако уже в XVII – XVIII вв. учение о суверенитете стало использоваться в целях утверждения демократической концепции государства.

Что же касается нашей страны, то здесь институт народовластия получил правовую основу с принятием 27 июля 1990 года Декларации о государственном суверенитете БССР [1]. В дальнейшем он нашел закрепление в ряде статей Конституции, принятой 15 марта 1994 года [2]. Так, в ее ст. 3 прямо отмечается, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ, который осуществляет свою власть как непосредственно, так и через представительные и иные органы. Как справедливо отмечает известный отечественный ученый Г.А. Василевич «весь смысл Конституции, ее цель – обеспечить торжество добра и справедливости, что присуще такому творцу истории, как народ» [3, с. 15]. Конституционные положения, касающиеся народовластия, нашли свое дальнейшее развитие в текущем законодательстве.

Исходя из того, что высшей формой непосредственной (прямой) демократии является референдум, начнем вести речь именно с него. Что касается республиканских референдумов, то они, как известно, неоднократно проводились в Беларуси. Практики же местных референдумов в республике до сих пор не имеется, хотя действующее законодательство их предусматривает. Использование местных референдумов могло бы стать одним из важных средств развития народовластия, усиления роли и активности населения в решении вопросов местного значения, повышения авторитета, доверия и уважения к органам власти.

Ведя речь о референдуме, хотелось бы затронуть два момента. Первое. В соответствии с Избирательным кодексом юридическую силу референдума определяет орган, его назначающий как по собственной инициативе (в отношении республиканского референдума – Президент Республики Беларусь, в отношении местного – соответствующий Совет депутатов), так и по инициативе граждан [4, ст.ст.124; 127]. Однако, логично предположить, что если с инициативой о проведении референдума выступают граждане, то они будут заинтересованы в положительном решении выносимого на референдум вопроса. Но орган, назначающий референдум, вопреки их желанию может определить его как консультативный, т.е. не имеющим обязательного юридического значения. На наш взгляд, подобная ситуация в определенной мере не согласуется с конституционным положением об источнике власти. *Второе.* Немаловажным обстоятельством, сдерживающим интерес граждан к инициированию референдумов, является тот факт, что финансирование расходов, связанных со сбором подписей в поддержку предложения о проведении референдума и проведением агитации по инициированию референдума, осуществляется за счет средств фонда самой инициативной группы [4, ст.ст.114-1;128-1]. Как нам представляется, порядок финансирования мероприятий, связанных с проведением референдума не должен зависеть от того, кто выступает в качестве инициаторов его проведения – органы власти либо граждане.

Одной из форм непосредственной демократии выступают также республиканские и местные собрания граждан, которые в соответствии со ст. 3 Закона «О республиканских и местных собраниях» созываются для обсуждения вопросов государственной и общественной жизни республиканского или местного значения [5]. Предстоящая реформа конституционного законодательства не может не коснуться и данного Закона, который требует коренного пересмотра, и прежде всего, в плане придания этим собраниям более значимого статуса, повышения их роли в жизнедеятельности государства и решении вопросов местного значения. Ныне же их полномочия, и прежде всего местных собраний, сводятся по сути к ничему не значащим положениям, типа рассматривают, обсуждают и т.п. К примеру, одним из формальных полномочий местных собраний является оценка деятельности органов местного управления и самоуправления. Однако Закон не содержит ни критериев оценки этой деятельности, ни ответа на вопрос, какие последствия могут наступить для данных органов, если, например, собрание признало их деятельность не удовлетворительной? Определенным сдерживающим фактором для реализации права граждан на возможность инициирования местных собраний (как и местных референдумов, о чем говорилось выше) является то обстоятельство, что Закон устанавливает неодинаковый подход к финансированию подготовки и проведения этих собраний применительно к их инициаторам, т.е. Советам депутатов и гражданам. Во втором случае финансирование осуществляется за счет средств самих граждан (ст. 7).

Отметим еще два момента, которые следовало бы учесть при совершенствовании рассматриваемого Закона. Первое. Согласно ст. 13 Закона, местные собрания могут проводиться на территории административно-территориальной единицы или ее части (территории микрорайонов, кварталов, улиц, дворов, агрогородков, поселков, деревень и др.) (ст.13). А как быть, если какой-то вопрос актуален для граждан, проживающих на территориях двух или нескольких административно-территориальных единиц? Необходимо, чтобы и этот случай нашел отражение в Законе. Второе. Статья 3 Закона определяет республиканские и местные собрания в качестве основной формы непосредственной демократии. На наш взгляд, использованное здесь слово «основной» является не совсем удачным, поскольку оно в определенной мере перекликается с определением референдума, как «важнейшей» формы непосредственной демократии.

Требует законодательного урегулирования и вопрос, касающийся республиканских собраний в плане изменения их названия. Дело в том, что проводимые на общенациональном уровне собрания именуются как «Всебелорусские народные собрания». Представляется, что такое название является более приемлемым, поскольку оно ассоциируется с институтом народовластия. Можно рассмотреть и другой, возможно даже более приемлемый вариант, который исключает необходимость наличия Закона «О республиканских и местных собраниях». Как нам представляется, заслуживает внимания предложение о придании Всебелорусскому народному собранию конституционной основы. В этом случае логично предположить, что положения Конституции, касающиеся данного собрания, должны найти свое развитие в Законе «О Всебелорусском народном собрании». При таком подходе встает вопрос, а как же тогда быть с местными собраниями? Лучшим вариантом было бы включить положения о них в Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [6].

Дальнейшее развитие местного самоуправления не возможно без повышения статуса Советов депутатов, как представительных органов власти на местах и центрального звена местного самоуправления. К примеру, Советам депутатов можно было бы передать право избрания судей соответствующих судов общей юрисдикции, которые в данный момент назначаются на должность Президентом. Им можно было бы предоставить и право избрания председателей исполнительных комитетов, которые, в зависимости от их уровня, ныне назначаются Президентом единолично либо по согласованию с ним. Возможность реализации сказанного обуславливается рассматриваемой необходимостью передачи некоторых полномочий от Президента другим органам власти.

Хотелось бы затронуть и еще один момент, касающийся Советов депутатов. Как известно, при Совете Республики функционирует Совет по взаимодействию органов местного самоуправления. О возможности наличия данного Совета говорится в Законе «О местном управлении и самоуправлении в



Республике Беларусь» (ст. 8). В то же время ст. 7 данного Закона допускает возможность создания Национальной ассоциации местных Советов депутатов. В таком случае будет ли необходимость наличия указанного Совета при Совете Республики? На наш взгляд, вряд ли, поскольку его функции в значительной мере станут перекликаться с функциями Национальной ассоциации местных Советов.

С учетом необходимости дальнейшего развития института народовластия, и прежде всего на местном уровне, полагаем целесообразным в названии Закона «О местном управлении и самоуправлении» указанные в нем институты поменять местами. Логичность такого подхода вытекает из того, что правовой статус Советов депутатов более значим, чем статус исполнительных комитетов. В качестве доказательств этого можно привести ряд примеров. Однако в случае принятия решения об избрании руководителей исполнительных и распорядительных органов базового, а в дальнейшем может быть и областного уровня, будет логичным разработать данный Закон в новой редакции, исключив из его названия институт «управления».

При работе над совершенствованием законодательства в области местного самоуправления представляется важным уделить внимание развитию и такой формы народовластия как правотворческая инициатива граждан, потенциал которой ныне практически не востребован. Выскажем по данному вопросу буквально несколько наших пожеланий. Первое. Было бы желательным, что бы с правотворческой инициативой граждане могли обратиться не только в Совет депутатов, как это имеет место сегодня, но и в исполнительные комитеты (местные администрации). Включение последних в состав адресатов правотворческой инициативы граждан по вопросам местного значения будет способствовать развитию инициативных начал непосредственной демократии на местном уровне. Второе. Представляется целесообразным уточнить в Законе о местном управлении и самоуправлении, что инициатива должна быть не только в рамках вопросов местного значения, но и в пределах предоставленных соответствующему местному Совету и исполнительно-распорядительному органу полномочий (в случае распространения на последних правотворческой инициативы граждан). Третье. При анализе положений Закона о местном управлении и самоуправлении в инициативе по принятию решений можно выделить две самостоятельные формы инициатив граждан: в виде проекта решения и в виде мотивированного предложения о необходимости принятия, изменения, дополнения, толкования, приостановления действия, признания утратившими силу, отмены решений местного Совета депутатов либо их отдельных положений. Однако, что касается мотивированных предложений, то Закон не содержит требований к их оформлению, не регламентирует, какие элементы должно содержать предложение и посредством каких параметров следует оценивать, является предложение мотивированным или нет.

В завершение отметим, что проблема института народовластия сложна и многогранна. Каждая из его форм требует глубокого всестороннего анализа.

### **Библиографический список**

1. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики : Декларация Верховного Совета Белорусской ССР, 27 июля 1990 г., № 193-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.09.1991 г., № 1085-ХІІ // Вед. Верх. Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 31. – Ст. 536.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. 3. Василевич, Г.А. Народ – источник государственной власти// Государство. Демократия. Закон: сб.науч.ст., посвящ.80-летиюпроф. А. А. Головки/ редкол. Г.А.Василевич (отв.ред.) [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 317с.
4. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 фев. 2000г.: принят Палатой представителей 24.01.2000 г. : одобр. Советом Респ. 31.января. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015г. № 268-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. О республиканских и местных собраниях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2000 г.,: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 348-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 20 февр. 1991 г., № 108-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2016г., № 348-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

### **О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**Д.А. Лагун**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Заявленная в Республике Беларусь работа по проведению конституционной реформы имеет своей целью принятие новой конституции и, в том числе, реализацию вытекающих из нее преобразований системы органов государства и общественных институтов.

Одна из ведущих ролей в развитии будущего страны должна быть отведена Парламенту, представленному в обновленном виде. Усиление статуса законодательного органа, повышение его значения в формировании обновленной государственности Республики Беларусь, стабилизации правового

регулирования обуславливает особое внимание, которое необходимо уделить самому этому органу в системе разделения властей.

Представляется возможным рассматривать оптимизацию правового статуса Парламента Республики Беларусь по нескольким направлениям:

- функциональному;
- организационно-структурному;
- практико-ориентированному.

На наш взгляд, вектор преобразований должен задавать именно новый функционал Парламента, который органично повлечет изменения в его структуре и практической деятельности. Итог реформирования этого процесса видится в установлении полноценного высшего законодательного органа, первенствующего в осуществлении законодательных полномочий и эффективно реализующего законодательную власть.

Полагаем, что в Республике Беларусь сложилась стабильная, не требующая кардинального теоретического переосмысления система распределения конституционных полномочий Парламента, Президента и Правительства в области принятия (издания) законов Республики Беларусь, указов Главы государства и постановлений Совета Министров. Так, законы должны приниматься по вопросам регулирования наиболее важных общественных отношений. Указы Президента – издаваться либо по вопросам конституционной компетенции Главы государства, либо по вопросам его законной компетенции (подзаконные указы); постановления Правительства, опирающиеся на законы и указы, в любом случае приобретают подзаконную юридическую силу.

Оптимизация и усиление функционала Парламента в данном случае предполагает, с одной стороны, ревизию статуса общественных отношений как наиболее важных, что должно повлечь принятие новых законов по вопросам, ранее урегулированным на уровне указов Президента (например, в сфере страхования, лицензирования, аттестации, правил дорожного движения и др.). С другой стороны, возможен отказ от института декретного нормотворчества (декретов, имеющих силу законов) и придание закону большей юридической силы по отношению к остальным (подзаконным) нормативным правовым актам.

Таким образом, Парламент сконцентрирует у себя полномочия по регулированию наиболее важных для государства и социума общественных отношений, что предопределил возрастание его политической ответственности за правильность и результативность принимаемых решений.

Следующим приемлемым шагом, направленным на балансирование системы сдержек и противовесов, может стать расширение полномочий Парламента в вопросах влияния на другие ветви власти. Допускаем передачу Парламенту значительных полномочий по формированию судебского корпуса (применительно к судам общей юрисдикции). Избрание судей парламентским путем положительно скажется на статусе самого законодательного органа и на

независимости и самостоятельности судей, что, несомненно, усилит доверие к правосудию. Нами не поддерживается предложение о передаче полномочий по формированию судебной власти областного и районного звена на соответствующий уровень местных органов самоуправления, так как это может повлечь «кумовство» в правосудии, предвзятость принимаемых решений и нарушение принципа беспристрастности судей. Также полагаем, что Парламент может занять более активную роль в формировании Правительства, например, участвуя в избрании всего президиума, а не только Премьер-министра.

Расширение функционала законодательного органа, повышение его статуса должно происходить за счет оптимизации его структуры, обоснованного упрощения законодательного процесса, взвешенной корректировки организации его деятельности и, очевидно, без увеличения бюджетных расходов на его содержание.

Реализация поставленных задач возможна, по нашему мнению, через организационно-структурные преобразования.

Считаем не столь существенным пересмотр наименования Парламента. Может быть оставлено прежнее название – Национальное собрание Республики Беларусь. Допустим возврат к более ранним названиям – Верховных Совет или даже Сойм, либо заимствование названий парламентов других стран (ассамблея, конгресс и др.). Основной упор следует сделать на обоснованное упрощение его процедурной деятельности и функционирования с целью оперативного и качественного законодательства. В этом плане предлагаем отказаться от громоздкой двухпалатной структуры действующего Парламента, которая объективно удлинняет законотворческий процесс и усложняет его работу. Возврат к однопалатному парламенту, по нашему мнению, максимально полно отражает унитарный характер белорусского государства и компактный размер его территории. Существующее количество депутатов (110) вполне соответствует и современным реалиям, а вот срок их полномочий может быть увеличен до 7 лет. Данная мера повысит уровень стабильности законодательной (и в целом государственной) власти и снизит бюджетные расходы на избирательный процесс.

Вопрос о реформировании действующей в Республике Беларусь мажоритарной и внедрение партийной избирательной системы считаем преждевременным, так как зарегистрированные в Республике Беларусь политические партии являются малочисленными и не отражают интересов сколь-либо значимых слоев населения. Предложение о частичном или полном замещении одной избирательной системы другой следует рассматривать лишь в отдаленной перспективе в качестве самостоятельной реформы избирательного права.

Интенсификация законодательной работы Парламента может проходить за счет объединения его сессий в одну ежегодную продолжительностью 10-11 месяцев, что позволит расширить временные рамки законотворчества без повышения бюджетных расходов. Обеспечению работоспособности и

загруженности Парламента будет способствовать расширению перечня субъектов права законодательной инициативы за счет включения в него новых государственных органов (Конституционный суд, Верховный суд, Генеральная прокуратура, Национальный банк и, возможно, другие), общественных институтов (Белорусская республиканская коллегия адвокатов, Белорусская нотариальная палата, республиканские профсоюзные организации, Аудиторская палата, Белорусская торгово-промышленная палата и др.), а также через упрощение процедуры доступа к праву законодательной инициативы граждан. При этом, «непрофессиональным» субъектам права законодательной инициативы (гражданам) следует предоставить право законодательного предложения, которое реализуется без приложения текста будущего законопроекта.

Интенсификация законотворческой работы Парламента объективно повлияет на увеличение нагрузки на депутатов, что, отчасти, может быть компенсировано через передачу Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, а также Национального центра правовой информации Республики Беларусь из ведения Администрации Президенты Республики Беларусь в ведение Парламента.

Практико-ориентированное направление в реформировании и оптимизации правового статуса Парламента включает в себя задачи по повышению профессиональной и политической активности депутатов при реализации ими предоставленных полномочий, и, в первую очередь, права законодательной инициативы и фактической разработке текстов законопроектов. Для массового внедрения названной практики депутат может обращаться, в том числе, к политической партии, членом которой он является, либо к профессиональным сообществам, включая юридические и научные сообщества.

Оправданным шагом по популяризации практической деятельности Парламента должна стать полноценная реализация принципа гласности в его работе. В этих целях следует наладить освещение его заседаний и иной деятельности в онлайн-режиме посредством как средств массовой информации (прямые включения или политические программы с участием депутатов на телевизионных каналах), так и через сеть Интернет (ведение сплошных видеотрансляций заседаний в прямом эфире). Подобные меры смогут повысить узнаваемость и авторитет депутатов и политических партий, что благоприятно скажется на формировании всей политической системы Республики Беларусь.

Реформирование организационных и функциональных аспектов деятельности Парламента в условиях новой конституции требует рассмотрения вопроса о запуске нового избирательного процесса в отношении Парламента в течение установленного переходного периода. Полагаем, что он может продлиться 1-2 года после принятия новой конституции.

Таким образом, считаем, что высказанные, а также иные предложения в связи с совершенствованием правового статуса Парламента должны

способствовать достижению единой цели: усилению роли Парламента в системе разделения властей, повышению его авторитета, политической ответственности, а также эффективности осуществляемой им деятельности.

## **ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ**

**А.С. Леднева**

*доцент цикла государственно-правовых дисциплин  
кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск  
УО «Военная академия Республики Беларусь»,  
кандидат исторических наук, доцент*

Геном человека – это национальное достояние любого государства. Полностью геномный текст человека был прочтен в 2001 г. Результаты были опубликованы в самых престижных журналах «Nature» и «Science». Многие работы в области геномной инженерии, генетики были отмечены Нобелевскими премиями – Дж. Уотсон, Ф.Крик, которые установили структуру ДНК, А. Корнберг, выделивший белки, нужные для синтеза ДНК, Ф.Сенгер, создавший метод определения последовательности букв-нуклеотидов в ДНК. Интенсивное развитие биотехнологий в последние десятилетия привело к возникновению новой области знаний – геномики, занимающейся изучением геномов на молекулярном уровне, роли генов в регуляции биологических функций организмов. Достижения этой науки применяются в судебно-медицинской практике, спорте, природоохранной деятельности, а также определяют развитие целого ряда взаимосвязанных с ней областей научного знания. Дальнейшему становлению исследований способствовало отнесение биотехнологии к приоритетам научно-технической деятельности, разработке и принятию в Республике Беларусь национальных биотехнологических программ, в рамках которых развернуты работы по целому ряду направлений.

Выход на молекулярный уровень знаний генетических структур организмов наметил практическое применение в различных областях человеческой деятельности и одновременно поставил задачу правовой защиты индивидуума от проникновения в его генетический код. Государство содействует развитию научных и технических исследований в интересах всех граждан [1, ст. 51]. И гражданин, и власть должны быть уверены, что личные данные не будут использованы для совершения мошенничества. Еще до широкого развития интернет-технологий сбор сведений о жизни граждан был существенно ограничен, а в некоторых случаях и запрещен, например, законом об оперативно-розыскной деятельности.

Обладание информацией о поведении человека позволяет иметь над ним власть, а с другой стороны – это вопрос безопасности, личные сведения могут быть использованы злоумышленниками. Именно правовое государство, когда успешно развивающиеся цифровые технологии проникают во многие сферы

человеческого бытия, должно обеспечить защиту персональных данных своих граждан – информацию об их занятиях, здоровье, привычках, друзьях, пороках, пристрастиях и т.д. Если эти данные интегрировать, что законом сейчас не запрещено, можно будет очень много узнать о конкретном человеке. В интернете личные данные собирают, продают, сдают в аренду. «Цифровые следы», которые остаются у пользователей мобильной сетью, платежными банковскими карточками, оплаты за предоставленные услуги, пользования интернетом и социальными сетями, представляют значительный интерес для бизнес-структур, политических партий, деструктивных элементов, вымогателей и шантажистов.

Доступность к генетической базе вызывает опасение и возможности клонирования человека, под которым понимается создание биологического двойника из взрослой клетки организма-донора. Вопрос о применении генной инженерии (в том числе различных форм клонирования) к человеку на сегодняшний день законодательно не решен, т.к. Закон Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» [2] изъял соответствующие отношения из сферы своего действия. В Республике Беларусь из-за относительного технического несовершенства медицинской базы вопрос о клонировании человека не столь актуален, как в странах Западной Европы и США. Однако, учитывая значимость данной проблемы в современном мире и возможность возникновения правовых вопросов в данной области в будущем, представляется, что в ст. 1 «Основные термины» Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [3] необходимо внести отдельной статьей изменение, касающееся возможности клонирования человека: «Клонирование – создание биологического двойника индивида. Клонирование и выращивание человеческого организма в качестве трансплантационного материала запрещается. Допустимо клонирование отдельных органов и тканей человека». Полагаем, что на законодательном уровне в государстве уже теперь можно будет решить основные вопросы, связанные с возможным созданием в будущем человеческого клона.

Необходимо отметить, что вопрос о характере правового регулирования отношений в области безопасности генной инженерии, недоступности информации о результатах генетических идентификаций и ДНК-паспортизаций был и продолжает является дискуссионным и не получил комплексного рассмотрения в белорусской юриспруденции. Впервые мировое сообщество обсудило вопрос о правовом регулировании генно-инженерной деятельности в 1992 году в Рио-де-Жанейро, приняв Конвенцию о биологическом разнообразии [4]. В Республике Беларусь в настоящее время деятельность в области генной инженерии, биотехнологий регламентируется достаточно широким кругом нормативных правовых актов [5]. Развиваясь как социально-ориентированное государство, белорусское законодательство защищает интересы каждого гражданина, несет ответственность за создание условий для свободного, безопасного развития.

Еще одно направление, которое тесно связано с правом человека на защиту его личных данных — это биометрия — использование физических характеристик для проверки идентичности. За очень небольшими исключениями люди в основном похожи. Однако каждый человек по-своему уникален, каждый может быть выделен по многим признакам от любого другого человека, живущего в настоящее время или когда-либо жившего в последние 100 тысяч лет. Человеческие различия являются результатом того, что ученые-биологи называют «хаотическим морфогенезисом». Этот термин используется для описания процесса случайных вариаций в процессе роста и развития, в результате которых каждый человек становится индивидуализированным физически. Это верно даже в отношении близнецов, которые имеют общую ДНК для тех же физических черт, поскольку некоторые из этих черт будут проявляться различными путями. Хаотический морфогенезис и определяет сущность биометрии. Именно поэтому, например, у каждого человека отпечатки пальцев, радужная оболочка и сетчатка глаза уникальны. Все люди имеют различия во внешних и внутренних органах.

Законодатели, специалисты по безопасности и противодействию коррупции единодушны в необходимости правовой охраны личных данных. Необходимо работать на упреждение и не позволять проводить тотальную слежку за гражданами со стороны бизнеса. Идея регулировать личные данные (иногда их называют большими данными) принадлежит президенту компании Info Watch Наталье Касперской. Суть в следующем: в России существует закон «О персональных данных», который регулирует работу компании с персональными данными граждан, позволяющими идентифицировать человека. Минимальный их набор — фамилия, имя и фотография. Но есть данные, обращение которых в интернете не регламентировано. Они разрознены по ресурсам или сервисам и доступны многим пользователям. Поэтому законодательно необходимо прописать обязанность компаний предоставить справку пользователю обо всей собранной о нем информации, а также возможность для лица в целях защиты своей частной жизни заставить компанию эту информацию удалить. И ответственность за удаление должна быть уголовной.

Таким образом, проблема права человека на жизнь, на личную неприкосновенность тесно связана с рядом научных и медицинских проблем в области генной инженерии, геномики, биотехнологий, правовое регулирование которых в Республике Беларусь нуждается в совершенствовании. Представляется возможным присоединение Республики Беларусь к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины; Конвенции о правах человека и биомедицины; Дополнительному протоколу к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающегося запрещения клонирования человеческих существ, поскольку они содержат перспективы гармонизации белорусского законодательства с



мировыми правовыми тенденциями в области разработки и внедрения результатов нано- и биотехнологий.

Существующее положение по защите персональных данных свидетельствует, что, несмотря на существование международных и региональных стандартов в области прав человека, на практике многие параметры личной жизни человека могут быть отцифрованы и стать известны. Прогресс в области компьютерных технологий не остановить. Можно сказать, что люди в настоящее время только слегка прикоснулись к отрицательным последствиям информационного общества. Поэтому следует стимулировать дальнейшее исследование проблемы осуществления идентификации и проверки личных данных таким образом, чтобы это было, с одной стороны, безопасно, а с другой, не вызывало негативных эмоций у пользователя. Возможно, для регулирования подобной сферы понадобится создание отраслевой ассоциации, которая будет вырабатывать этические правила работы с информацией, затрагивающей личную жизнь человека. Необходимо также изучать и демонстрировать правовые, социально-политические, этические и стратегические издержки безразличия к обеспечению неприкосновенности частной жизни в цифровом мире.

#### **Библиографический список**

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005.

2. О безопасности генно-инженерной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 96-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г., № 154-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г., № 433-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О биологическом разнообразии: Конвенция ООН (закл. в г.Рио-до-Жанейро 5 июня 1992 г.): вступила в силу для Респ. Беларусь 29 декю 1993 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Положение «Об оценке рисков в генно-инженерной деятельности и выдаче разрешительного документа»: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 июня. 2019 г., № 382; Положение о порядке и условиях предоставления информации юридическим и физическим лицам из банка данных о генно-инженерных организациях: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июня 2019 г., № 404 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

# **К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА» И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЕГО ВВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**О.М. Ленцевич**

*доцент кафедры теории и истории права  
УО «Белорусский государственный экономический университет»,  
кандидат исторических наук, доцент*

Поскольку на законодательном уровне в нашей стране вопросы банкротства граждан не урегулированы, легального определения термина «банкротство физических лиц» в белорусском законодательстве не существует. Однако преимущества данного института, демонстрируемые международной практикой [1], позволяют обратиться к анализу целесообразности его использования в нашей стране.

К жителям Республики Беларусь как субъектам гражданского права применяется термин «физические лица», что позволяет отнести к данной категории не только непосредственно граждан нашего государства (патридов), но и иностранных граждан и лиц без гражданства (апатридов). Основной причиной наступления ситуации невозможности оплаты и появления долгов является для физических лиц потребительское кредитование, поэтому отметим: в белорусских банках потребительские кредиты имеют право получать только белорусские граждане. Другим категориям такая возможность предоставляется только в случае серьёзного обеспечения: наличия банковского депозита, активов в компании, поручительства, что случается нечасто. В связи с этим считаем возможным наряду с термином «физическое лицо-должник» использовать термин «гражданин-должник».

Анализ иностранных источников демонстрирует, что терминология, а также название процедуры банкротства в отношении физического лица, не занимающегося предпринимательской деятельностью, различается. Однако, в целом, для обозначения такого явления, как несостоятельность (банкротство) физических лиц, применяются такие понятия, как «потребительское банкротство», «банкротство физических лиц, не предпринимателей», «неторговая несостоятельность», «личное банкротство» и т.д. Перечисленные понятия, как правило, используются в литературе как тождественные.

Закон о банкротстве РФ от 26 окт. 2002 года, № 127-ФЗ даёт легальное определение термина «банкротство»: «... это признанная судом, арбитражным судом неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

По В.С. Белых, отправной точкой в признании экономической несостоятельности, по российскому законодательству, является совокупность следующих признаков:

неспособность в полном объёме удовлетворять требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей;

эта неспособность связана с невозможностью должника заплатить налоги в бюджет и иные обязательные платежи во внебюджетные фонды;

такая неспособность трансформируется в несостоятельность (банкротство) должника, если она признана таковой судом, арбитражным судом [2, с. 6].

В понятии «несостоятельность» в США отсутствует признак необходимости признания арбитражным судом статуса несостоятельности должника [3, с. 60].

Как видится, за рубежом данный термин может означать применение в отношении должника судебной процедуры, позволяющей максимально и пропорционально удовлетворить требования кредиторов и освободить должника от долгового бремени в ситуации, когда становится известно, что должник, по объективным причинам, не способен и/или не будет способен исполнить обязательства перед кредиторами в будущем. Иными словами, это законодательно закреплённый компромисс между кредиторами и должником, который призван решить проблему безнадёжности исполнения последним взятых на себя обязательств.

В действующем белорусском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) должники (юридические лица и ИП) делятся на несостоятельных должников и должников-банкротов. Возникает вопрос, применимы ли оба понятия в отношении гражданина-должника? Термины «экономическая несостоятельность» и «банкротство», согласно национальному законодательству, не являются тождественными. Главным критерием разделения данных понятий является выносимое судом решение – о санации или о ликвидации [4, с. 18; 5, с. 165]. Если в отношении должника возможно проведение санации, т.е. существует возможность восстановления его платёжеспособности, такой должник может быть признан несостоятельным. Если неплатёжеспособность должника имеет устойчивый характер и его финансовое восстановление представляется невозможным, то такой должник признаётся банкротом [2, с. 13].

В отношении физического лица, не занимающегося предпринимательской деятельностью, на первый взгляд, меры восстановления платёжеспособности, которые используются в отношении субъектов хозяйствования, не применимы. Кроме того, возможные меры восстановления платёжеспособности гражданина имеют узкий (ограниченный) характер. Совокупность таких мер (к примеру, поиск для гражданина работы) признавать в качестве санации было бы некорректно. Как видится, санация применима только в отношении субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью. То есть, если придерживаться буквального толкования, то гражданин несостоятельным быть не может, а до момента введения ликвидационного производства он должен оставаться заявителем. Однако такое мнение, на наш взгляд, было бы

ошибочным. Дело в том, что с момента подачи заявления и до возбуждения ликвидационного производства может пройти значительное время, в течение которого гражданин (ориентируясь на правовой опыт зарубежных стран), как правило, имеет возможность предотвратить банкротство посредством так называемой реструктуризации долгов. Несмотря на существующие отличия между реструктуризацией и санацией гражданина-должника с момента вынесения судом решения о реструктуризации долгов, было бы правильным признавать всё-таки несостоятельным.

Исходя из опыта российского законодательства, реструктуризация долгов представляет собой реабилитационную процедуру, применяемую «... в деле о банкротстве к гражданину в целях восстановления его платёжеспособности и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации долгов» [6, с. 16]. План реструктуризации в настоящее время применяется в отношении субъектов хозяйствования и действует в соответствии с Указом № 200 от 24 мая 2018 года. При этом реструктуризация долгов, согласно закону Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 13 июля 2012 года, № 415-З, не является процедурой. Если и при санации, и при реструктуризации долгов должник может предотвратить банкротство, возникает резонный вопрос, в чём же отличие между данными понятиями? Возможно, реструктуризацией долгов можно назвать процедуру санации применительно к физическим лицам? От этого будет зависеть используемая в институте банкротства граждан терминология.

Под санацией принято понимать, в первую очередь, восстановление платёжеспособности, т.е. создание таких условий, в которых должник сможет не только удовлетворить требования кредиторов без проведения банкротства с ликвидацией, но и иметь возможность брать на себя и исполнять новые обязательства. Акцент здесь сделан на восстановление платёжеспособности. Применение плана погашения долгов гражданином-должником имеет своей целью не восстановление платёжеспособности как таковой, а изменение источников погашения долгов. Т.е. вместо того, чтобы продавать личное имущество (как при ликвидационном производстве), должник получает возможность удовлетворять требования кредиторов из заработной платы. Таким образом, институты санации и реструктуризации (погашения) долгов преследуют разные цели. Тем не менее, оба они являются способами удовлетворения требований кредиторов.

Реструктуризация долгов может быть вполне применима в рамках института банкротства физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью. Эта процедура может применяться, если гражданин имеет стабильный заработок или может вернуть прежний уровень доходов. При этом исполнительное производство и начисление пени (штрафных санкций) в отношении должника приостанавливается, разрабатывается индивидуальный график погашения долгов. Нужно также

отметить, что данная процедура может и не быть связана с судебным решением. Так, в Германии сейчас существует стадия внесудебного урегулирования долгов, целью которой является уменьшение нагрузки на органы правосудия. Здесь действуют специальные организации (бюро в статусе общественных организаций), а также специально подготовленные адвокаты, разрабатывающие план урегулирования долгов. Подобный план является частноправовым соглашением и для вступления в силу должен быть одобрен всеми без исключения кредиторами. Принятие судом заявления должника возможно при условии, что в течение 6 месяцев, предшествующих подаче заявления в суд, он предпринимал безуспешные попытки достичь соглашения с кредиторами в рамках внесудебной процедуры [7, с. 80].

Ликвидация, по сравнению с реструктуризацией долгов – это крайняя мера, в которой происходит реализация личного имущества и признание должника банкротом с последующим списанием почти всех обязательств, оставшихся неудовлетворёнными. При этом для установления точной терминологии отметим, что «ликвидация» в отношении организации подразумевает её закрытие. В жизни человека подобный термин, безусловно, вызывает некорректные ассоциации. Поэтому более рационально было бы назвать данную процедуру, например, «реализацией имущества». Следует также отметить, что понятие реализации имущества, в контексте исследуемой процедуры, а также поддерживая разделение понятий «неплатёжеспособность» и «банкротство», последнее будет тождественно реализации имущества.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что институт несостоятельности (банкротства) физического лица является необходимым элементом развитой правовой системы правового государства с рыночной экономикой и имеет давний опыт функционирования в экономически развитых государствах. Введение данного института в законодательство Республики Беларусь позволит оздоровить и стабилизировать социально-экономическую ситуацию в государстве, вернуть обществу экономически активных субъектов, помочь кредиторам в оптимальном разрешении их проблем с должниками, экономя их средства и время, а также легитимизируя процедуру взыскания просроченных долгов. Таким образом государство, выполняя свою социальную функцию, поможет своим гражданам выйти из финансовых трудностей. Использование зарубежного опыта формирования и функционирования данного института безусловно будет содействовать построению оптимальной модели в Республике Беларусь. В построении данного института также необходимо учесть опыт института банкротства для юридических лиц и ИП, имеющийся в белорусском законодательстве.

### **Библиографический список**

1. Говзич, В.Г. Институт банкротства физического лица: международный опыт и практика применения на постсоветском пространстве /

В.Г. Говзич, О.М. Ленцевич // Вестн. Коми респ. акад. гос. службы упр. Сер.теор. и практика упр. – 2019. – № 22 (27). – С. 97 – 105.

2. Белых, В.С. Банкротство граждан (Критерии. Статус. Процедуры): учебно-практ. пособие / В.С. Белых, В.М. Богданов, В.А. Запорощенко; под общ.ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2016. – 128 с.

3. Шишмарева, Т.П. Процедуры банкротства, применяемые в отношении физических лиц в Соединенных Штатах Америки / Т.П. Шишмарева, Д.П. Петрух // Цивилист. – 2013. – № 3. – С. 60–62.

4. Телюкина, М.В. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в дореволюционном и современном праве / М.В. Телюкина // Юрист. – 1997. – № 12. – С. 18–23.

5. Сидорчук, В.К. Хозяйственное право: учеб. пособие / В.К. Сидорчук. – Минск: РИВШ, 2016. – 406 с.

6. Банкротство физических лиц. Основные изменения в законодательстве: в 2 ч. / под ред. В.А. Гуреева. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. – Ч. 1. – 175 с.

7. Задиран, С.В. Институт несостоятельности физических лиц: опыт Германии/ С.В. Задиран //Право Беларуси.–2003.–№ 48.–С. 78–83.

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

**А.В. Маркитантов**

*доцент кафедры конституционного права  
Уральского государственного юридического университета,  
кандидат юридических наук*

В 2020 году мировое сообщество столкнулось с эпидемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, что привело к масштабным ограничениям в большинстве государств.

Зачастую соответствующие меры, принимаемые в срочном порядке, не соответствуют законодательству и умаляют основные права и свободы граждан. Так, Конституционный Суд Австрии признал незаконными и чрезмерными требования об ограничениях на допуск в рестораны групп посетителей, о запрете мероприятий с участием более десяти человек, о необходимости прохождения государственными служащими чрезвычайной государственной службы при отсутствии режима чрезвычайного положения [1].

Конечно, вводимые властями запреты в подавляющем большинстве случаев направлены на предотвращение возможного ущерба жизни и здоровью, которые являются фундаментальными ценностями в современном мире.

«По мере роста осознания того, что эпидемия коронавируса может угрожать правам человека во всем мире, Организация Объединенных Наций призывает страны принять более согласованный, глобальный и ориентированный на права человека подход к этой пандемии, которую

Генеральный секретарь Антониу Гутерриш назвал «общечеловеческим кризисом» [2].

На наш взгляд, в качестве неотъемлемой части ориентированной на права человека борьбы с пандемией должны выступать гарантии реализации права на судебную защиту в ситуации распространения новой коронавирусной инфекции.

Это следует из Международного пакта о гражданских и политических правах, государства-участники которого приняли обязательства обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты [3].

Поскольку коронавирус распространяется в закрытых помещениях, в которых люди держатся кучно или контактируют [4], в качестве наилучшего варианта судебной защиты в сложившейся ситуации мы считаем использование электронных ресурсов.

В Российской Федерации принята федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы», согласно которой к мероприятиям, обеспечивающим реализацию права на судебную защиту посредством применения электронных ресурсов, относятся:

- создание комплекса сканирования и хранения электронных образов судебных документов, а также проведение работ по переводу судебных архивов в электронный вид;
- упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела;
- оснащение федеральных судов общей юрисдикции комплектами оборудования для допроса потерпевших и свидетелей без возможности их визуального наблюдения;
- применение систем видео- и аудиопотоколирования хода судебных заседаний, средств оцифровки документов и оборудования видео-конференц-связи.
- внедрение программно-аппаратного комплекса видео-конференц-связи судей арбитражных судов, оборудование залов судебных заседаний видеокамерами купольного типа и создание системы хранения видеозаписи всех судебных заседаний;
- создание в арбитражных судах специализированных правовых электронных библиотек;
- организация входного сканирования всех поступающих в арбитражные суды документов и формирование электронных дел (пилотный проект «Электронное дело»);

- создание электронного архива для хранения электронных документов с целью перехода на принудительное исполнение в электронном виде [5].

С внедрением перечисленных мероприятий планировалось, что граждане получают возможность использовать информационные технологии на каждом этапе судебного процесса – от подачи иска (заявления) до исполнения судебного акта.

В дальнейшем необходимость противодействия новой коронавирусной инфекции буквально вынудила судебные органы Российской Федерации обширно использовать технологии электронного правосудия при разрешении споров, в том числе с применением систем видеоконференц-связи и веб-конференции (онлайн-заседания).

В частности, в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил приостановить личный прием граждан в судах и рекомендовать подавать документы только через электронные интернет-приемные судов или по почте России, а всем судам при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи [6].

Согласимся с позицией Д.Х. Валеева и Н.Н. Маколкина, по мнению которых, эпидемия коронавируса и принимаемые против нее меры способны катализировать процессы автоматизации и цифровизации рабочих процессов, что началось задолго до пандемии, но именно сейчас стало в наивысшей степени актуальным и необходимым. Данные обстоятельства способны дать толчок к развитию онлайн-сервисов. При этом развитие и интеграция цифровых технологий затронут все сферы жизни, включая и отправление правосудия, что, безусловно, станет новым этапом его развития [7, с. 235].

Участники судебных разбирательств получили реальную возможность реализовывать право на судебную защиту без необходимости личного присутствия в залах судебных заседаний, в том числе:

- знакомиться с материалами судебных дел;
- направлять процессуальные заявления различного характера (иски, отзывы, ходатайства и т.п.);
- получать информацию о принятых судебных актах и процессуальных действиях лиц, участвующих в деле;
- знакомиться с судебной практикой по актуальным категориям дел и субъектам правоотношений.

Третейские суды, создаваемые для разрешения экономических споров, также активно используют механизмы разрешения споров без очного присутствия представителей сторон.

Например, во втором квартале 2020 года в Арбитражном центре при Российском союзе промышленников и предпринимателей было рассмотрено 54 дела, из которых 25 – с использованием видео-конференц-связи (ВКС) и еще 22 дела – в упрощенном порядке по письменным документам [9].



В этой связи интересно мнение Г.В. Севастьянова о том, что можно также ожидать выхода конкуренции мировых арбитражных центров на новый уровень и сделать прогноз, что в ближайшей перспективе мы, видимо, станем свидетелями "гонки высоких арбитражных технологий" и новаций правил администрирования и арбитража [8, с. 125].

К подлежащим обсуждению мерам совершенствования доступа к правосудию с использованием электронных ресурсов считаем возможным отнести:

- определение места судебного разбирательства и формирование состава суда на онлайн-заседании путем случайной выборки;
- свободный доступ слушателей к онлайн-заседаниям, если этому нет законодательных ограничений;
- законодательное урегулирование порядка участия в онлайн-заседаниях экспертов, свидетелей и иных участников процесса судебного разбирательства.

Согласимся с позицией И.Н. Лукьяновой, утверждающей что «возможности использования онлайн-заседаний существенно расширились бы, если бы появилась возможность оглашать письменные и, возможно, осматривать вещественные доказательства, воспроизводить аудио- и видеозаписи» [10, с. 47].

Как справедливо отмечает Т.Ю. Вилкова, «независимо от того, как сформулирована конституционная норма об обеспечении доступа к правосудию, право на него не существует само по себе. С ним корреспондирует обязанность государства обеспечить возможность его эффективной реализации. Каждый гражданин в случае нарушения его права должен иметь возможность добиваться судебной защиты его права» [11, с. 163].

Поэтому противодействие новой коронавирусной инфекции COVID-19 обуславливает необходимость скорейшего обеспечения государством доступа к судебной защите посредством использования электронно-цифровых технологий, что существенно облегчит как осуществление правосудия судами, так и доступ к нему граждан.

### **Библиографический список**

1. WeitereEntscheidungen des VfGH aus der Oktober-Session // Режим доступа: [https://www.vfgh.gv.at/medien/Entscheidungen\\_Oktober-Session.php?fbclid=IwAR0NOdCCiMs-ru3QyiwKaI0-UWIKVFZdGOyQIPdgr\\_7z0rast\\_Z-8FTov7s](https://www.vfgh.gv.at/medien/Entscheidungen_Oktober-Session.php?fbclid=IwAR0NOdCCiMs-ru3QyiwKaI0-UWIKVFZdGOyQIPdgr_7z0rast_Z-8FTov7s). – Дата обращения: 07.11.2020).
2. Защита прав человека в условиях пандемии COVID-19 // Режим доступа: <https://www.un.org/ru/coronavirus/protecting-human-rights-amid-covid-19-crisis>. – Дата обращения: 07.11.2020).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 1994.
4. Рекомендации Всемирной организации здравоохранения для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-

19) // Режим доступа: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public>. – Дата обращения: 07.11.2020.

5. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013. – № 1. – ст. 13.

6. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС «Консультант плюс».

7. Валеев, Д.Х., Маколкин, Н.Н. Прогнозирование динамики судебной защиты в условиях цифровизации // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 3. – С. 227 - 243.

8. Севастьянов, Г.В. Арбитраж и судопроизводство в условиях пандемии: к теории "процессуального форс-мажора" // Закон. – 2020. – № 5. – С. 118 - 129.

9. Арбитраж в период пандемии: делимся нашим опытом // Режим доступа: <https://arbitration-rspp.ru/news/13-07-2020>. – Дата обращения: 07.11.2020.

10. Лукьянова, И.Н. Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху "COVID-19" и после) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 7. – С. 44 – 50.

11. Вилкова, Т.Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 8. – С. 155 - 163.

## **«КАЛЯРОВАЯ РЕВАЛЮЦИЯ» ЯК КАТЭГОРЫЯ ПАЛІТЫЧНАЙ НАВУКІ: ПРАБЛЕМНЫ АСПЕКТ**

**М.С. Мамекін**

*выкладчык кафедры паліталогіі  
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*

Праблематыка, звязаная з «каляровымі» рэвалюцыямі, якія сталі знакавымі з'явамі апошніх дзесяцігоддзяў у палітычным жыцці некаторых краін, працягвае набіраць папулярнасць. Тэма «каляровых» рэвалюцый актыўна абмяркоўваецца ў СМІ і ў экспертнай супольнасці на працягу апошніх гадоў. Спецыялістамі распрацоўваюцца розныя значэнні гэтага феномену, даследуюцца тэхналогіі, вылучаюцца асаблівасці і спецыфіка.

Паняцце «каляровая рэвалюцыя» (як і іншыя паняцці, якія з'яўляюцца прыватнымі прыкладамі «каляровых» рэвалюцый) складаецца з дзвюх частак, дзе адна частка апісвае важныя характарыстыкі і асаблівасці пэўнай палітычнай «рэвалюцыйнай» сітуацыі, падкрэсліваючы «фірменны стыль» [1, с. 4-5] гэтых з'яваў, і самога тэрміна «рэвалюцыя». Каб вызначыць абгрунтаванасць

існавання менавіта такога паняцця, а таксама аддзяліць ад шэрагу роднасных, вызначыўшы пры гэтым ступень адпаведнасці гэтага паняцця працэсам, якія яно апісвае, былі прааналізаваны складніковыя часткі гэтай катэгорыі.

Як не існуе адзінай дакладнай тэорыі рэвалюцыі, так няма і адзінага азначэння самога паняцця «рэвалюцыя». Адной з самых удалых уяўляецца дэфініцыя Б.А. Ісаева, у межах якой раскрываюцца адметныя рысы рэвалюцыі ў класічным разуменні: «Рэвалюцыя – гэта гвалтоўнае звяржэнне кіруючага рэжыму з наступнай перабудовай усёй палітычнай і прававой сістэмы і глыбокімі рэформамі ва ўсіх сферах дзяржавы і грамадства» [2, с. 44-45]. Разглядаючы тэорыю паняцця «рэвалюцыя» ад яго паходжання ў XVI стагоддзі да сённяшніх дзён, М. Э. Будзіна наступным чынам характарызуе паняцце ў рамках класічнага падыходу: «“рэвалюцыя”вызначаецца як змена існуючага грамадска-палітычнага ладу з наступным пераходам дзяржаўнай улады ад існуючай улады да новай кіруючай эліты» [3, с. 22].

Канец 80-х гадоў XX стагоддзя ў Еўропе быў адзначаны серыяй рэвалюцый антыкамуністычнай накіраванасці, якія прайшлі адносна спакойна (за выключэннем Румыніі), за што і былі ўдастоены назвы «аксамітных» рэвалюцый, бо «аксамітны» – «мяккі», «далікатны», чым падкрэслівае бяскроўны характар тых падзей. Можна зрабіць выснову аб тым, што «аксамітнасць» рэвалюцый азначала адрозненне працэсаў, што адбываліся, ад класічнай пралетарскай рэвалюцыі. Пачатак жа XXI стагоддзя быў азнаменаваны ўзнікненнем новай з’явы, якая ў далейшым стала называцца «каляровымі рэвалюцыямі». Са змястоўнага боку аб’ядноўвае «аксамітныя» і «каляровыя» рэвалюцыі іх няўзброены характар.

Такім чынам, на сённяшні дзень мы з пэўнай доляй упэўненасці можам вылучыць фактычна тры розныя з’явы і, як вынік, тры розныя катэгорыі: класічную, «аксамітную» і «каляровую» (вылучаецца таксама асобная разнавіднасць «каляровых рэвалюцый», названая «паўзучай» [4, с. 192]. ці «ціхай каляровай рэвалюцыяй». Сцісла аналізуючы асноўныя змястоўныя адрозненні згаданых катэгорый, адзначым, што для класічных рэвалюцый характэрным з’яўляецца змена кіруючай эліты і змена грамадскага ладу. Для «аксамітных рэвалюцый» характэрна звяржэнне дзеючых лідараў і змена грамадскага ладу, а для «каляровых рэвалюцый» – кругазварот існуючых эліт і стары грамадскі лад. Паколькі глыбейшае парўнанне тыпаў рэвалюцыі не з’яўляецца прадметам даследавання, адзначым толькі, што для правільнага суаднясення гэтых з’яў не менш важна разам з мэтамі і вынікамі аналізаваць таксама іх форму і тэхналогіі. Больш падрабязнае вывучэнне адрозненняў «каляровых», «аксамітных» і класічных рэвалюцый праводзілася А. Г. Панамаровай, Б.А. Ісаевым і іншымі.

З улікам вышэйсказанага можна прыйсці да заключэння, якое здаецца лагічным: з пункту гледжання класічнага падыходу ў найменнях «каляровых рэвалюцый» ўжыванне слова «рэвалюцыя» з’яўляецца непрымальным, а больш дарэчна было б выкарыстоўваць паняцце «пераварот». Гэтай пазіцыі

прытрымліваюцца некаторыя даследчыкі, напрыклад, Громава А.В., якая лічыць, што «"каляровыя" рэвалюцыі не змяняюць грамадска-палітычнага ўладкавання дзяржавы, а толькі праводзяць ратацыю палітычных і эканамічных эліт, у сувязі з чым тэрмін «рэвалюцыя» ўжываецца ў дачыненні да іх толькі ў значэнні «перавароту». [5, с. 10].

Аднак існуе і іншы пункт гледжання, паводле якога падзеі, названыя «аксамітнымі» і «каляровымі» рэвалюцыямі, далі штуршок да пераасэнсавання традыцыйнай канцэпцыі рэвалюцыі і ўзнікнення новага падыходу. Так, М.Э. Будзіна адзначае, што «з пазіцый "сучаснага" падыходу да вызначэння паняцця "рэвалюцыя", у найменні "каляровыя рэвалюцыі" гэты тэрмін ужываецца цалкам апраўдана, бо на цяперашнім этапе развіцця тэорыі рэвалюцыі рамкі гэтага паняцця становяцца больш размытымі, і пад апісанне "рэвалюцыі" падыходзіць усё больш не толькі сацыяльна-палітычных, але і тэхнічных, навуковых, грамадскіх і іншых змен» [3, с. 28]. Варта заўважыць, што сваім найменнем «каляровыя» рэвалюцыі шмат у чым абавязаны журналістам і піяршчыкам, якія, выкарыстоўваючы ў гэтым паняцці тэрмін «рэвалюцыя», хацелі прыўнесці ў гэта найменне больш значнасці. Падкрэслім, што ў навукавай літаратуры няма адзінства ў вызначэнні сутнасці самой катэгорыі, таму ахарактарызуем яе ў самым агульным сэнсе ў якасці негвалтоўных рэвалюцыйных палітэхналогій, накіраваных на змену кіруючых палітычных рэжымаў.

Аналіз каларысцкага складніку катэгорыі «каляровая рэвалюцыя», што апісвае важныя характарыстыкі пэўнай рэвалюцыйнай з'явы, робячы яе ўнікальнай, дазволіў зрабіць выснову аб тым, што колер у выбары назвы той ці іншай рэвалюцыі ў шэрагу выпадкаў сапраўды меў сэнс. Тлумачыцца гэта тым, што колеры і знакі адыгралі важную ролю падчас дасягнення мэтай некаторых «каляровых» рэвалюцый, бо падобныя знакавыя сістэмы ўздзейнічаюць на глыбокія сферы псіхікі больш непасрэдна, чым азначэнні, перададзеныя вербальна. Таму выбар чырвонай ружы, белага кулака на чорным фоне, аранжавага колеру ці сучаснага дзяржаўнага сцяга ў якасці знака не былі выпадковымі. Дарэчы, сістэмнае выкарыстоўванне «фірменнага стылю» (сімвалікі і колеру) «каляровых» рэвалюцый стала прынцыпова новай з'явай, што адрознівала іх ад рэвалюцый «аксамітных».

Як адзначае С.М. Сідорчанка, даследаванні ў галіне псіхалогіі колеру даказваюць, што сінія і зялёныя колеры актывізуюць парасімпатычны аддзел нервовай сістэмы, што спрыяе з'яўленню пачуцця спакою і заспакаенняў людзей, тады як чырвоныя, жоўтыя і аранжавыя колеры актывізуюць сімпатычны аддзел нервовай сістэмы, што стымулюе дзейнасць чалавека [6, с. 152]. Колер таксама змяшчае гістарычную алузію ці каштоўнасць складнік, які з'яўляецца прынцыповым рычагом выбару і мабілізацыі. Таму нядзіўна, што PR-тэхналогіі і палітэхналогіі надавалі шмат увагі такому навуковаму напрамку, як псіхалогія колеру, а разам з тым і колера-сімвалічнай атрыбутыцы «каляровых» рэвалюцый. Так, напрыклад, адна з

самых паспяховых «каляровых» рэвалюцый, якая адбылася ва Украіне ў 2004 годзе, афарбаваўшы галоўныя плошчы краіны ў аранжавы колер, атрымала свой знак не выпадкова. Архетып аранжавага колеру задзейнічаўся па прычыне таго, што ён мяркуе ў людзей актыўнасць, пазітыўнае самаадчуванне і жаданне змен [6, с. 152.]. Таксама пры выбары колеру ў якасці знака рэвалюцыі адзначаўся і папярэдні досвед выкарыстання гэтага колеру. Так, рэвалюцыя ў Кувейце атрымала назву «блакітнай» па прычыне таго, што пратэстоўцы выкарыстоўвалі плакаты менавіта такога колеру.

Нягледзячы на тое, што ў шэрагу выпадкаў колер сапраўды становіўся знакам рэвалюцыйных падзей, у наступным замацоўваючыся ў найменні гэтых працэсаў, важна адзначыць, што значна часцей прадметам, які выбіраўся ў якасці сімвала, даючы назву рэвалюцыйным падзеям, выступалі аб'екты расліннага і навакольнага свету (напрыклад, рэвалюцыя кедраў у Ліване, твітэрная рэвалюцыя ў Егіпце і інш.). М.Э. Будзінай было праведзена даследаванне, падчас якога было выяўлена 41 найменне рэвалюцыйных падзей, якія праходзілі ў 21 краіне. Па выніках гэтага даследавання колер даў пачатак толькі 19,5 % найменняў падобнага роду падзей [7]. Таксама існуе меркаванне, паводле якога сімвалічныя назвы «каляровых» рэвалюцый, якія фарміруюцца на аснове фірменнага стылю (сімволікі і колеру) пратэстных акцый, сталі фармальнасцю, а рэвалюцыі часта не маюць адзінай ідэнтыфікацыі. [1, с. 6]

З улікам агучаных пазіцый бачыцца, што выкарыстоўванне слова «каляровыя» ў найменні з'яўляецца не зусім апраўданым.

Такім чынам, ужыванне катэгорыі «каляровая рэвалюцыя» на сённяшні дзень падаецца досыць дыскусійнымі можа выкарыстоўвацца ў паліталогіі з пэўнай доляй умоўнасці. Абумоўлена гэта вышэй апісанымі фактарамі, а таксама тым, што ва ўжытак паняцце ўвайшло дзякуючы журналістам і піяршчыкам, а не было распрацавана ў акадэмічных кругах. Аднак трэба разумець, што гэта паняцце, нягледзячы на сваю неадназначнасць, ужо досыць трывала ўкаранілася як у айчыннай, так і ва ўсёй рускамоўнай літаратуры. Заходнія ж палітолагі і СМІ выкарыстоўваюць гэту катэгорыю значна радзей, аддаючы перавагу ў кожным канкрэтным выпадку канкрэтнай назве, якая характарызуе працэс пратэстнай актыўнасці ў асобна ўзятай краіне.

### Бібліяграфічны спіс

1. Родькин, П.Е. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. – М.: Совпадение, 2015. – 120 с.
2. Исаев, Б.А. Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции» // Конфликтология / 2014. – № 4. – С. 43–63.
3. Будина, М.Э. Понятие «революция» в контексте именованія «цветные революции» // Вестник ТвГУ. Сер. "Филология". – 2013 № 24 (5). – С. 22–29.
4. Панин, В. Н., Тамбиева, З. С. «Цветные» революции как продукт информационно-коммуникативных технологий: аспекты «эволюции»

«классических» революций // Современная наука и современная наука и инновации. – 2019. – №3 (27). – С. 192-198.

5. Громова, А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций»: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В. Громова. Рос. ун-т дружбы народов. М.: 2009. – 19 с.

6. Федорченко, С. Н. Фрейм-анализ политической символики "цветных революций": теоретико-методологические и исторические аспекты проблемы // Вестник Московского гос. областного университета. – 2012. – № 3. – С. 64-72.

7. Будина, М.Э. Символы цветных революций в составе их именований // Концепт. – 2014. – № 08. – С. 1-7.

## **ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВУ И ПРАВУ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

**Т.С. Масловская**

*доцент кафедры конституционного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Государство и право в своем развитии испытывает выраженное воздействие различных факторов, включая динамично развивающиеся информационные технологии. В результате расширяющееся распространение информационно-коммуникационных (а в последнее время появляющихся цифровых) технологий существенным образом влияет на функционирование государства, модернизацию права. Вместе с тем, цифровизация сама по себе выступает одним из глобальных вызовов современному государству.

Термин «цифровизация» в последнее время все чаще встречается в правовой литературе. На наш взгляд, следует разграничивать понятия «информатизация» и «цифровизация»: в основе всего, что связано с «цифрой», лежит искусственная среда, цифровая реальность, цифровая сфера, в которой происходит создание нового продукта в цифровой форме. Следует также учитывать, что информационно-коммуникационные и цифровые технологии также различаются, последние предполагают использование специальных алгоритмов, кодов и пр.

По справедливому утверждению В.Д. Зорькина, «сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [1].

Цифровой сектор стремительно развивается, правовая регуляция не всегда оперативно реагирует на появление инноваций. Вместе с тем, некоторые государства принимают акты стратегического характера в этой сфере. Например, в Республике Казахстан принята программа «Цифровой Казахстан», рассчитанная на 2018-2022 годы. Во Франции действует Закон о цифровой Республике 2016 года. На наш взгляд, к цифровизации следует подходить

комплексно, принципиально важным является определение и принятие Стратегии цифрового развития государства.

На сегодняшний день мы наблюдаем формирование правовых институтов цифровой сферы: цифровая личность, цифровое общество, цифровое государство. Одним из наиболее развивающихся институтов выступает цифровая личность.

На конституционном уровне пока еще не зафиксированы термины «цифровая личность», «цифровые права» и т.п., а на международном уровне наблюдается частичная регламентация (Необходимость признания и защиты цифровых прав провозглашена в ряде международных правовых актов, например, в Хартии глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 года) [1]. В будущем, полагаем, возможно такое закрепление.

В современных условиях содержание права на информацию существенно расширяется, что связано с распространением данных и знаний посредством сети Интернет. Наблюдается укрепление и расширение открытости публичных данных, прежде всего касающихся органов государственной власти, возможностей осуществления реализуемых государственных услуг онлайн, вводится понятие данных, представляющих общий интерес, открытых данных (Big data, Open data). В рамках развития концепции «Открытого правительства» в зарубежных странах распространяется возможность использования гражданами открытых платформ данных государственных органов (например, во Франции, США, Южной Корее и др.). В Республике Беларусь также планируется создание «Национального портала открытых данных», на котором будет размещаться в открытом доступе общественно полезная информация, касающаяся различных сфер, включая торговлю, образование, здравоохранение, культуру, транспортное обслуживание и др.

Открытость и доступность информации для граждан, с одной стороны, очевидная необходимость сбора и обработки персональных данных со стороны государства – с другой, может привести к возникновению противоречий между государственными и общественными интересами и конституционным правом личности на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь. Таким образом, следует констатировать возникновение новых рисков, «опасностей» для человека, связанных с использованием его персональных данных. В этих условиях представляется необходимым, по нашему мнению, усиливать взаимный контроль, т.е. контроль не только со стороны государства, но и со стороны граждан.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 года № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» отмечается, что «быстрые темпы технологического развития позволяют людям во всех регионах мира пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями и в то же время повышают способность правительств, компаний и физических лиц отслеживать, перехватывать и собирать информацию, что может нарушать или ущемлять права человека,

особенно право на неприкосновенность личной жизни, закрепленное в статье 12 Всеобщей декларации прав человека и в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах» [2]. При этом подтверждается, что «те же права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайновой среде, включая право на неприкосновенность личной жизни». В документе также подчеркивается, что необходимость обеспечения общественной безопасности может оправдывать сбор и защиту некоторой конфиденциальной информации, но государства должны гарантировать соблюдение в полном объеме своих обязательств по международному праву прав человека. Вместе с тем, Генеральная ассамблея ООН призывает все государства учредить новые или продолжать использовать уже имеющиеся независимые, эффективные внутренние надзорные механизмы, способные обеспечивать транспарентность в соответствующих случаях и подотчетность в отношении слежения государств за сообщениями, их перехвата и сбора личных данных [2].

В отношении дальнейшей цифровизации можно предположить создание в будущем специальных алгоритмов, кодов, используемых для написания искусственным интеллектом законов, вынесения судебных решений, объединения людей в организации на основе общих данных и пр. Однако, надо учитывать, что, например, при вынесении судебных решений искусственным интеллектом на основе анализа Больших данных подвергнется изменению сама концепция судебной практики. Следует согласиться с Б. Матье в том, что это позволит предвидеть решение судей или даже того или иного судьи, то есть развивать форму предсказуемого правосудия [3, с. 5].

Необходимо также обратить внимание на проблему прозрачности принятия решений с помощью алгоритмов и ответственности за принятые решения, которая требует научного осмысления.

Важнейшей проблематикой эволюции права в цифровую эпоху является сохранение и трансформация правовых ценностей. Задачей современного государства выступает не только сохранение, но и усиление значения фундаментальных правовых ценностей и вечных идеалов добра, свободы, достоинства, справедливости, равенства. Роль указанных ценностей должна усиливаться не только и не столько посредством правовой регуляции, а в первую очередь – в правоприменительной деятельности, в основе решений правоприменителей должны лежать правовые ценности, правовые принципы, правовые нормы.

Одним из фундаментальных вызовов государству на сегодняшний день выступает кризис доверия граждан к власти, который усугубляется в цифровую эпоху. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, «коллективное доверие является фундаментальной основой, обеспечивающей функционирование правовой системы и публичных институтов, равно оно обеспечивает признание коллективных ценностей. Для функционирования правовой системы граждане должны доверять судебной системе и другим публичным институтам, причём



такое доверие тесно переплетено в принципах функционирования системы государственного управления - открытостью и транспарентностью (проницаемостью) принятия управленческих решений» [4]. Для преодоления такого негативного вызова следует предпринять ряд мер, среди которых, на наш взгляд, - это усиление контроля народа как источника власти за деятельностью государственных органов, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, цифровизация выступает одновременно благом и вызовом для современного государства и права. С одной стороны, развитие цифровых технологий отвечает потребностям времени, с другой – ставит ряд проблем, требующих решения.

### **Библиографический список**

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2013 года [по докладу Третьего комитета (A/68/456/Add.2)] 68/167. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век // [https://online.zakon.kz/document/?doc\\_id=31499342#pos=14;-44](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31499342#pos=14;-44).
3. Матье Б., Масловская Т.С. Проблемы принципа юридической безопасности // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 3. – С. 3-8.
4. Валерий Зорькин: Право будущего в эпоху цифр // <https://rg.ru/2020/04/15/zorkin-pravo-budushchego-eto-te-zhe-vechnye-cennosti-svobody-i-spravedlivosti.html>.

## **КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

**В.Н. Матарас**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Предложения, которые сейчас обсуждаются по перераспределению полномочий в Конституции между Президентом, парламентом и правительством ставят перед наукой ряд проблем. Провозглашаться с трибун, записываться в Конституции, а также, в так называемых современных учебниках, может многое, в силу мировоззренческих или политических предпочтений, а нас интересует объективная реальность. Следует сохранять максимальную честность при исследовании содержания и трансформации общества. Смена поколений – объективный процесс. То, что устраивало в

государственном и конституционном строительстве одно поколение, может не устроить следующее и происходит конфликт.

Утверждаем, что конституционная форма государства и распределение полномочий всегда вторичны по отношению к физическим и потенциальным возможностям коллектива и правящей группы. Качество лиц правящего отбора, который проявляется в процессе жизнедеятельности общества и дееспособного государства, и есть реальная живая форма правления государством, а не конституционно-книжная механика. Именно положительный отбор правящей группы несет всю физическую тяжесть каркаса социальной системы государства. По сути, потенциальные возможности правящего отбора и есть содержание формы правления и конституционного строя [1, с. 111]. Вопреки теоретической демократии и демократическим предрассудкам фактически и реально всегда и всюду в любом государстве управляет правящее меньшинство. Основная проблема, какое это меньшинство? Способно то или иное правящее меньшинство ответить на внутренние и внешние вызовы или нет?

Принцип формальной демократии гласит, что право избирать имеют граждане, достигшие 18 лет, и не участвуют те, кто признан судом недееспособным, содержащимся по приговору суда в местах лишения свободы. А если гражданин достиг 35 лет, то уже может стать Президентом Республики Беларусь. Этого, на наш взгляд, явно недостаточно для того чтобы управлять такой сложной системой, как государство.

Здесь сложная проблема положительного отбора, избрания способного управлять, а не казаться таковым, сводится иногда к случайному выбору. Власть есть и должна быть тяжелым бременем, а не реализацией пустого тщеславия. Тот, кто более подготовлен и способен по своим качествам нести это сложное бремя управления и должен быть избран.

Что провозглашает нынешняя формальная демократия? Всеобщее, равное, прямое, тайное голосование – порядок, который в сегодняшнем мире кажется несомненным как всеобщий закон природы. В него верят, как в откровение, и не задумываются. Преобладание принципа математически бессодержательного количества над содержательным качеством тех лиц, кто способен и понимает, кого они избирают, и кто способен управлять [2, с. 292]. Предполагается ложная посылка, что народ не сложная система разных по интеллектуальному уровню и жизненному опыту лиц, а механическая совокупность атомарных и идеальных (знающих и рациональных) единиц. Это только слепая философская вера (не рациональная) в простое количество голосов. В это просто верят, не задумываясь.

Прямое право особенно спорно. У нас на каждого депутата приходится примерно около 65 тысяч избирателей. Выборы Президента Республики Беларусь проводятся по единому избирательному округу, составляющему всю территорию Республики Беларусь. Могут ли они сказать, что знают того или иного кандидата в Президенты в полном смысле этого слова или в объеме понимания того, насколько он по своим потенциальным возможностям

способен управлять. Прямое право при таком большом избирательном округе приводит к тому, что большинство избирателей не знакомы с претендентами, знают их виртуально и по шаблонным слухам из интернета, а программы все они пишут примерно одинаково.

Ни в одной Конституции в мире, даже самой демократической, нет статьи, которая бы включала ответственность избираемых лиц за слова, произнесенные перед выборами, и тем более об их административной или уголовной ответственности. Если такие положения закрепить в Конституции, желающих поуправлять нами и поучиться на нас в опыте управления поубавится.

Очевидно, что надо искать форму выборов более высокую, чем простое механическое голосование. Это только фетишизм философской веры Европы с ее продолжением в США, недостатки которой компенсируются экономической и социальной структурой ее общества и развитой игрой в многопартийную систему.

Во времена СССР этот недостаток прямых выборов компенсировался отработанной системой партийного отбора. Это создавало систему партийно-удобных и удобных, но все же профессиональных на среднем звене управленцев. Сейчас, чтобы хоть как-то снивелировать этот процесс, применяется ресурс административного аппарата. А зачем его применять, если можно создать систему, способную функционировать в правовом поле и положительном отборе лучших.

Благая цель всеобщего голосования – выявить суверенную волю народа: ту настоящую волю, которая будет направляться лучшим образом для этого народа. Наделив народ суверенной властью, правоведы избрание и голосование на выборах перепутали с понятием «физической передачи власти». Концепт «суверенитет народа» стал рассматриваться в терминах благ (или материальной власти), которым обладают как собственностью и могут передать кому-либо. Спросите у меня и задайте этот вопрос сами себе! Когда я опускаю бюллетень в урну для голосования, передаю ли я власть? И как я могу ее передать, если я ей (властью) не обладаю. Как я могу вообще что-либо передать, продать или подарить, если я не являюсь собственником. Логично написать на бюллетене: «договор дарения», и надпись: «Дарю, пользуйся»! поскольку договор дарения односторонний акт, а не договор купли-продажи, при котором пришлось бы приглашать вторую сторону кандидата в Президенты и требовать подпись, а также определять сумму и форму оплаты.

На самом деле избиратель только отдает на выборах свой голос и в соответствии с законом избирает какое-либо лицо на приобретение соответствующего правового статуса. Тот, кто избран для отправления верховной власти в политическом сообществе, при вступлении в должность обладает этой властью по уполномочию, определяемому Конституцией.

Каждый из нас, живущий своей повседневной будничной жизнью, не всегда знает и понимает даже свой собственный интерес. Тем более сложно понять, а кто из кандидатов способен воплотить в силу своих потенциальных

возможностей ту или иную программу действий. Мифы о постоянно умнеющем избирателе мы слышим уже не первый год.

Телевидение и интернет выявляет только внешность кандидата, манеру держаться и актерский талант, но не государственные и профессиональные способности. Все приемы (тактика и стратегия) предвыборной борьбы требуют от кандидата в Президенты одних качеств, а для государственного управления – совершенно других, почти ничего с первыми общего не имеющих. Опираясь на лиц, имеющих денежный ресурс и интересантов, можно использовать прессу и интернет в своих интересах.

Идеальная цель и задача выборов – отбор лучшего из кандидатов в Президенты по профессиональным и интеллектуальным качествам. На наш взгляд, это должно быть связано с опытом управления, возрастным и образовательным цензом, успехами в хозяйственной и общественной жизни, повышенной квалификацией. Необходима образовательная и профессиональная подготовка, а не логика лица, с кругозором практики только европейских государств и выучившего готовые штампы западного политического мира. Выборы и отбор лучших должны сплетаться, срастаться, превращаться в единую функцию. Таково, по нашему мнению, должно быть строение избирательного права при выборах в Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного предлагается следующее.

Необходимо проводить выборы Президента Республики Беларусь через систему двухступенчатых выборов. Необходимо создать систему отбора, где вначале избираются толковые выборщики, оправдавшие себя в своих территориальных единицах базового и первичного территориального уровня местных Советов и знакомые с нуждами своих сограждан, а затем уже Собрание (коллегия) выборщиков изберет из представленных кандидатов в Президенты лучшего по своим профессиональным и интеллектуальным качествам.

### **Библиографический список**

1. Матарас В.Н. Методы исследования форм государства в историческом времени и пространстве// В.Н. Матарас // Весник БГУ, серия 3.История. Экономика. Право. Минск: БГУ, 2016. – №1. – С.104–112.
2. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? / Алесандр Солженицын.– СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.– 544 с.

# ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

**В.В. Медведева**

*старший преподаватель*

*Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Сегодня мы живем в эпоху цифровизации и развития глобальных систем сотрудничества стран и активизация общественных связей. Безусловно в этом контексте государствам необходимо популяризировать свои культурные достижения и традиционные ценности, что в итоге существенно повлияет на место этого государства в современном миропорядке. И именно культура формирует способность государства располагать и притягивать к себе интерес из других стран, открывает новые возможности и способствует увеличению его внешнеполитической конкурентоспособности. Такой подход к специфической роли культуры, когда она рассматривается как ценный нематериальный актив в международных отношениях, обусловил формирование особого направления внешнеполитической деятельности, получившей название внешней культурной политики.

Отметим важность внешней культурной политики в различных государствах. Во-первых, европейские страны: Франция, Германия, Великобритания, Испания, Италия, где сложились свои национальные концепции культурного влияния, разработана система действенных институтов, продумана целостная программа практических мероприятий. Во-вторых, Соединенные Штаты Америки (далее – США), где понятие о культурной привлекательности государства входит в более широкую внешнеполитическую концепцию, успешно реализуемую во многих странах мира. США давно «экспортируют» свою массовую культуру, ценности свободы, демократии и прав человека, обеспечивая этим высокие позиции в международных рейтингах мягкой силы на протяжении последних лет [1]. В-третьих, возрастает интерес к внешней культурной политике у государств Азии, особенно у Китая и Японии. Эти страны не менее активно проводят различные культурные мероприятия во всем мире, формируют собственное видение роли культуры во внешней политике.

Однако, не только отдельные страны всерьез занимаются разработкой и осуществлением внешней культурной политики. Сегодня можно найти примеры международных организаций и межгосударственных объединений, ставящих вопрос о необходимости выработки общей внешней культурной политики. Наиболее показателен в этом отношении опыт Европейского союза (далее – ЕС), где проходит процесс формирования единой внешней культурной политики. Повышение внимания к культурному измерению внешнеполитической деятельности ЕС, по мнению исследователей, обусловлено «становлением ЕС как единого игрока на международной арене и

повышением роли культуры в трансформации всемирного социума» [2, с. 55]. О том, что в ЕС всерьез задумались о необходимости согласованных действий в области внешней культурной политики, говорит принятие в течение 2015-2017 гг. ряда важных документов: программа «Культура во внешних сношениях ЕС», «Заключение по культуре во внешних сношениях ЕС с фокусом на роль культуры в сотрудничестве в целях развития», «Стратегия международных культурных связей» и некоторые др.

В основе этих документов лежит идея культуры как средства развития и взаимопомощи, межкультурного диалога, повышения роли культурной дипломатии ЕС, активного взаимодействия с ЮНЕСКО и др. Как считают эксперты, осознание необходимости выработки единой для всей Европы внешней культурной политики стало «определённым ответом на вызовы десятилетия – кризис идентичности, волна миграции, межкультурные столкновения, угроза выхода некоторых государств из структуры ЕС, терроризм на ближнем Востоке и в Европе, экономический кризис» [3, с. 106].

Следует отметить, что еще в 1990-х гг. происходило становление внешней культурной политики Республики Беларусь. Так, уже в 1995 году была принята Концепция развития международных связей, а в 1997 году – Государственная программа информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. В свою очередь отметим, что работу по реализации внешней культурной политики Республики Беларусь осуществляют Министерство иностранных дел, Министерство культуры, а также Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (далее – БЕЛОД).

Формируя единое правовое пространство стран участниц СНГ следует понимать, что единство теоретического подхода в терминологии и последующее закрепление ее в договорах о международном сотрудничестве и дублируя в национальном праве подчеркивает важность и влияние такого политического ресурса, как культурная политика. Для большинства стран-членов характерна официальная незакрепленность и непроработанность этого понятия. Так, в Таджикистане используется термин «культурно-гуманитарная дипломатия», в Казахстане – «культурное сотрудничество», в Туркменистане, Армении, Азербайджане — «культурная дипломатия», в Молдове — «публичная дипломатия». При этом практически во всех государствах СНГ, кроме России, эта сфера деятельности не носит самостоятельного характера, а включена либо в концепции национальной культурной политики (например, Армения, Казахстан, Киргизия), либо внешней политики (например, Таджикистан, Азербайджан) [4, с. 150].

Существующее законодательство и система соглашений в области культурного сотрудничества, система институтов и наличие целого ряда культурных мероприятий, осуществляемых на регулярной основе при участии всех членов Содружества, вполне могут стать платформой для выработки общей внешней культурной политики. В Уставе СНГ (статья 3) отмечено, что

одной из основ Содружества является тесное сотрудничество в сохранении культурных ценностей и культурный обмен [5].

Стремление к согласованности позиций государств-участников СНГ в межгосударственном культурном сотрудничестве отражена в принятой в мае 2011 года «Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры». В этом документе усматривается идея о необходимости выработки комплекса единых механизмов, направленных на создание благоприятных условий для распространения общих гуманистических и культурных ценностей народов государств Содружества [6]. В дополнение к нему 29 мая 2015 года была принята программа «Основные мероприятия сотрудничества государств – участников СНГ в области культуры на 2016–2020 годы» в театрально-концертной, музыкальной, библиотечной, информационной сфере, в области кино, науки, образования, изобразительного искусства, совместной подготовки кадров [7].

Историческое развитие правового закрепления культурных связей стран СНГ достигло высокого уровня соприкосновения сфер культуры, спорта на современном этапе. Так, сложилась скоординированная система культурных мега-событий, в которых участвует подавляющее большинство государств-членов. Многие из этих мероприятий стали традиционными, проводятся на регулярной основе и привлекают большое число участников. Такие мега-события стали своеобразными культурными брендами СНГ и в перспективе их можно рассматривать как базовые мероприятия совместной внешней культурной политики стран Содружества.

Одним из старейших культурных мега-проектов на пространстве СНГ является ежегодный Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», проводимый с 1992 года. Это один из крупнейших культурных проектов Союзного государства, безусловно, способствующий развитию культурного диалога между странами СНГ.

Дипломатический потенциал фестиваля «Славянский базар» бесценен. Он содействует культурному сближению стран СНГ, обмену национальными творческими традициями, вызывает у участников чувство культурного единства, популяризирует национальные музыкальные культуры. Не следует забывать и об имиджевом характере фестиваля, поскольку он считается одним из ключевых культурных проектов стран Содружества [8, с. 35].

Следующим по значимости можно отметить культурный мега-проект, который может быть в дальнейшем положен в основу общей внешней культурной политики Содружества, являются Молодежные Дельфийские игры государств-участников СНГ. Игры проводятся с 2002 года в различных городах стран СНГ. Это мега-событие задумывалось на стыке спорта и культуры. Главная цель Игр полностью согласуется с целью внешней культурной политики (как национальной, так и внешней) государств-членов СНГ: приумножение культурных традиций, сохранение и развитие национальной культуры, укрепление культурных связей между странами Содружества.

Сочетание культурных, спортивных и гуманитарных аспектов в программе Игр делает эффективным инструментом внешней культурной политики, т.к. они направлены на поддержку взаимопонимания между народами Содружества и популяризацию общих культурных ценностей.

В начале XXI века получил особое распространение и такой вид культурных мега-событий как Год культуры, позволяющий стране-организатору проводить многочисленные культурные мероприятия и популяризовать таким образом свои лучшие культурные достижения в течение довольно длительного периода. Как инструмент внешней культурной политики Год культуры обладает репутационным, коммуникационным, брендинговым потенциалом, способствует культурному сближению стран, популяризации национальной культуры и языка. Заслуживает внимания роль Года национальной культуры в процессе формирования благоприятного образа страны-организатора. Это и довольно эффективная форма событийного пиара, и своеобразная реклама туристического, научного, делового потенциала стран-организаторов.

Особое место в спортивной палитре СНГ занимают Международные спортивные игры государств-участников СНГ под девизом «В Содружестве - мир и здоровье». Игры проходят с 2000 года и включают соревнования по различным видам спорта. Эти игры можно образно назвать «Олимпиадой стран СНГ», поскольку они собирают практически всех членов Содружества. Для продвижения культурного многообразия СНГ важно, что в программу игр включены не только традиционные спортивные дисциплины, но и редкие национальные виды спорта. Это позволяет не только поддерживать национальные культурные традиции народов СНГ, но и популяризировать их, прививать к ним интерес у молодого поколения [9, с. 95].

При выработке общей стратегии культуры во внешней политике СНГ с другими странами необходимо опираться не только на общую, объединяющую идею, но и на проработанную схему финансирования, эффективные механизмы реализации, продуманную систему внешних инструментов. Это позволит более полно и последовательно использовать потенциал культуры во внешней политике и международном сотрудничестве для равноценного представления культур всех членов Содружества во внешнем мире [10].

Для этих целей следует создать эффективную систему институтов на основе сочетания деятельности факторов надгосударственного, государственного, негосударственного и индивидуального уровня. Основой может стать работа уже существующих институтов СНГ, ответственных за культурную деятельность в Содружестве и за его пределами.

Важным представляется вопрос о возможности создания единого электронного культурно-информационного центра СНГ, работающего по принципу культурного института за рубежом от лица всего Содружества. Такая структура могла бы стать одним из операторов внешней культурной политики СНГ и укрепить ее институциональные основы. Хорошо зарекомендовал себя и



институт «посланников культуры», когда известные представители национальных культур, спорта, известные политики, ученые, бизнесмены, журналисты принимают участие в культурных мероприятиях, словно «персонифицируя» собой культурные достижения представляемой ими страны или, как в нашем случае, межгосударственной организации.

Перспективной областью дальнейшего развития безусловно станет цифровое пространство и связанные с ним новые формы культуры и искусства. Поэтому, полагаем, перспективы использования и других направлений внешней культурной политики на пространстве СНГ довольно обширны и требуют более креативного, инновационного подхода к их реализации.

### **Библиографический список**

1. Soft Power 30. A global ranking of soft power 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf>.: – дата доступа: 12.11.2020.
2. Спиридонов, П. Европейский союз: на пути к общей внешней культурной политике // Современная Европа. – 2017. – С. 55—61.
3. Табаринцева-Романова, К. Развитие внешней культурной политики ЕС после Лиссабонского договора // Современная Европа. – 2017. – №4. – С. 98—108.
4. Полетаева, М.А. Национальные культурно-языковые стратегии стран СНГ: опыт культурологического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 11 (671). – С. 148—158.
5. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187>: – дата обращения: 05.11.2020.
6. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: [http://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31083225#pos=42;-314](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31083225#pos=42;-314).: – дата доступа: 10.11.2020.
7. Культурное сотрудничество стран СНГ – в планах более 120 мероприятий за пять лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://cis.minsk.by/news.php?id=5250>. – дата доступа: 09.11.2020.
8. Фокин, В.И., Боголюбова, Н.М., Николаева, Ю.В. Культурное сотрудничество на пространстве СНГ // Управленческое консультирование. – 2017. – № 5 (101). – С. 28—43.
9. Боголюбова, Н.М., Николаева, Ю.В., Боголюбов, М.А. Гуманитарное сотрудничество в спорте на пространстве СНГ как фактор интеграции // Управленческое консультирование. – 2016. – № 4 (88). – С. 90—97.

10. Бафоев, Ф.М. Культурная дипломатия в системе международных связей на постсоветском пространстве[Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. №6. С. 662—667. Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/110/25748/>.: – дата доступа: 06.11.2020.

## **ИНТЕГРАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И АДАПТИВНОСТЬ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

**Н.С. Минько**

*заведующий сектором эколого-правовых исследований  
Центра государственного строительства и права ГНУ  
«Институт экономики НАН Беларуси»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Интеграционные процессы определяют важнейшие направления развития государственности. Одной из главных закономерностей устойчивого развития является прогрессирующая интернационализация общественной жизни и ее качественно новая фаза – интеграционное развитие. Интеграционное развитие определяет направления интеграционного взаимодействия, в том числе пути дальнейшего развития законодательства и права.

На современном этапе интеграционная мотивация носит все более выраженный экономический характер. Начиная с XX века и по сей день было образовано множество союзов государств, преследующих цель улучшить свое экономическое положение за счет синергического эффекта от совместных действий [1].

Направления интеграционного взаимодействия весьма многообразны и предусматривают экономическую, правовую, информационную и иные виды интеграции. Сегодня в деятельности интеграционных союзов их участники используют достаточно разнообразные модели реализации своих интересов и стратегий, что обусловлено особенностями развития государства, историческими, экономическими предпосылками, имеющимися конкурентными преимуществами, а также конкретными целями, определенными в рамках участия в совместном проекте. Цели интеграционного развития в значительной мере обуславливают степень и направления совершенствования права и законодательства с учетом его адаптивности (адаптационного потенциала).

Сегодня юридическая наука не уделяет достаточного внимания вопросу о стратегии развития права, основанной на его адаптивных возможностях, обусловленных вектором интеграционных процессов. Однако российским ученым Э.Л. Сидоренко раскрываются адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации. Она обозначает ключевые задачи адаптивности права (разрешение противоречий, стимулирование позитивного развития и минимизация рисков), а также задается вопросом о том, могут ли традиционные правовые конструкции быть адаптированы к реалиям цифровой

экономики и как может быть выстроена модель универсализации права транснациональных технологий [2, с. 57]. С автором можно согласиться в том, что «фактически формируется пласт новых аксиологических и эвристических задач через выбор стратегии развития права, принципиально новых правовых конструкций с запасом прочности на перспективу. Такая разработка должна вестись на уровне не отдельного государства, а международного сообщества для обеспечения универсализации права» [2, с. 61].

В науке адаптивность рассматривается как общая характеристика неспецифической способности к процессам адаптации, а также как критерий способности правовой системы к выживанию в динамичных условиях (адаптационный потенциал).

В свою очередь адаптацию в большинстве случаев разные авторы трактуют как процесс приспособления, изменения параметров, элементов и самой системы, в целом. Как и понятие адаптация, адаптивность приобрело популярность в разных сферах науки, в каждой из которых оно рассматривается по-своему. В зарубежных источниках понятие адаптивность (adaptability) достаточно часто отождествляется с гибкостью (flexibility), предубежденностью (anticipation), способностью к быстрой переналадке (agility). На сегодняшний день понятие «адаптивность», как и «адаптация» используются в разных отраслях, и все шире применяются для характеристики экономических, технических и социальных систем. Это понятие используется не только в естественных, но и в технических и общественных науках, что свидетельствует о его общенаучном статусе. Именно благодаря общенаучному статусу, понятие «адаптивность» до сих пор не получило четкого, общепризнанного определения, как обычно случается, когда понятие используется более чем в одной области знаний. В тоже время адаптивность и адаптация, это разные категории, обозначающие характеристику и процесс, соответственно [3].

В связи с указанным в свете тенденций интеграционного развития остро встает вопрос научного осмысления, анализа, институционализации категорий «адаптивность права» и «адаптивность законодательства», при этом правовая интеграция и интеграционное развитие в целом могут и должны выступать эффективным инструментом развития правовой системы государства.

В целях дальнейшей разработки концептуальных основ интеграционных явлений ключевым является вопрос о том, чем является интеграция – процессом, результатом (последствиями) либо процессом, приводящим к определенным последствиям. Можно сделать вывод о том, что интеграционное развитие в свете рассматриваемых нами проблем предполагает возникновение новых интегративных качеств (свойств) и возможностей у ранее разрозненных элементов, находящихся во взаимодействии и создающих новое цельное образование, которые не были им свойственны ранее.

При этом общепринятым является понимание интеграции в контексте процессов глобализации. Политическая интеграция предполагает создание

нового целого в определенных территориальных границах либо без привязки к территории. В первом случае имеется в виду создание наднационального образования в какой-либо форме. Такая форма интеграции имеет внешние границы и является региональной, а не глобальной [4].

Следует принимать во внимание, что участники интеграции могут быть объединены не исключительно общностью территории, а единой культурой, духовными ценностями, экономическими интересами, обычаями, традициями и иными нормами. Таким образом, вопросы интеграционного развития носят междисциплинарный характер.

В свете сказанного аспекты адаптивности права и законодательства приобретают актуальный характер. Требуют научного осмысления идеи адаптивности инфраструктуры интеграционных образований с учетом принципа (закона) разнообразия состояний, согласно которому множество управленческих реакций системы должно быть не менее разнообразным, чем совокупность возможных воздействий со стороны среды и проблемных ситуаций в окружении, в котором осуществляется жизнедеятельность системы. Возникает вопрос о том, можно ли рассматривать адаптивность права (законодательства) как критерий способности правовой системы к выживанию в динамичных условиях, и каков ее адаптационный потенциал (способность системы трансформироваться в новое устойчивое состояние в соответствии с изменением условий ее деятельности)? Перед современными исследователями могут встать вопросы оценки адаптационных рисков и иные взаимосвязанные проблемы. Таким образом, проблема адаптивности права в контексте интеграционного развития в современных условиях предполагает постановку совершенно новых исследовательских задач.

### **Библиографический список**

1. Чеканова, Т.Е. Особенности стратегии интеграционного развития Евразийского экономического союза. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 530–542.
2. Сидоренко, Э.Л. Адаптивные возможности российского права в условиях цифровой трансформации. Государственная служба. – 2020. – Том 22. – № 2. – С. 56–63.
3. Ячменева, В.М., Османова, З.О. Адаптивность и адаптация: сравнительная характеристика понятий в контексте управления деятельностью предприятия. Экономика строительства и природопользования. – № 4(65). – 2017. – С. 85–91.
4. Побединский, И.М. Концептуальные основы интеграционных процессов. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 12(86). – 2008. – С. 32–38.

# **ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**Е.И. Мисуно**

*младший научный сотрудник отдела разработки и ведения словарей и  
классификаторов управления правовой информатизации  
Национального центра правовой информации Республики Беларусь*

Непосредственное участие граждан в управлении делами государства является одной из основных форм участия граждан в решении государственных дел. Стоит отметить, что такое участие не может осуществляться без существенной поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. Гражданин не сможет полностью реализовать свое конституционное право на участие в управлении делами государства вне организационно-правового оформления.

Конституционный принцип народовластия предопределил развитие разнообразных форм участия граждан в управлении делами государства на всех уровнях публичной власти [1]. Перечень форм непосредственного участия граждан в управлении делами государства не является и не может быть исчерпывающим. Все формы участия граждан в управлении делами государства оказывают «социальный эффект», который проявляется в значимых для общества изменениях. В статье 37 Конституции Республики Беларусь приводится неисчерпывающий перечень форм непосредственного выражения мнения населения. Среди них: участие в референдумах, обсуждении проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, а также вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях.

Стремительное развитие информационных технологий, а также информатизация всех сфер жизни общества и государства предопределяет развитие новых форм участия общественности в решении государственных дел, которые способствуют эффективному, быстрому и прозрачному интерактивному общению между гражданами и органами государственной власти в целях достижения баланса общих и частных интересов, нахождения наиболее приемлемой точки зрения и оптимального варианта правового регулирования конкретной сферы общественных отношений. В связи с этим традиционные формы участия граждан в управлении делами государства нуждаются в совершенствовании и преобразовании с учетом внедрения электронных технологий.

Во многих странах предусмотрена возможность дистанционного и электронного голосования на выборах разных уровней, отправление электронных обращений, опрос граждан при помощи мобильного телефона и социальной карты, обсуждение проектов нормативных правовых актов и законодательных инициатив на специально созданных интернет-платформах,

мобильные приложения, интернет-приемные для виртуального общения с избирателями и обсуждения законопроектов, поступающих в парламент, блоги для обсуждения, социальные сети. Электронные платформы взаимодействия населения с государством позволяют гражданам как быть услышанными, так и поучаствовать в решении важных государственных вопросов непосредственно.

В целом электронные формы непосредственного участия граждан в управлении делами государства можно классифицировать на следующие три группы:

форумы идей – электронные платформы, которые предоставляют возможность населению высказать свое мнение по существу рассматриваемого вопроса;

национальные платформы электронных обращений;

электронные инициативы граждан [2].

Вышеназванные формы электронного участия населения также можно разделить на частные и государственные информационные ресурсы.

Существует тенденция к созданию многофункциональных платформ участия, которые объединяют опросы общественного мнения, форумы, консультации с общественностью на одном ресурсе (Финляндия, Тунис). Однако во многих странах формы электронного участия населения предусмотрены на разных платформах.

В практике зарубежных стран встречаются и особые формы непосредственного участия граждан в управлении делами государства с использованием информационно-коммуникационных технологий. Так, особой формой взаимодействия между населением и государством в Республике Корея является партисипативное бюджетирование, которое позволяет гражданам вносить бюджетные предложения и участвовать в проверке и анализе целесообразности и приоритетности внесенных предложений, тем самым повышая прозрачность финансовых операций и интерес общественности к бюджету. В настоящее время система партисипативного бюджетирования используется муниципальными органами власти по всей стране путем сбора предложений, требующих финансирования со стороны центрального правительства. Специальный портал включает подробный график процесса и сочетает в себе онлайн и офлайн действия.

Республика Беларусь последовательно идет по пути создания электронного государства. Принимаются комплексные меры по внедрению информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизни, выстраивается электронная коммуникация между государством, бизнесом и населением. Реализуемые мероприятия позволяют Беларуси занимать достаточно высокие позиции в глобальном рейтинге готовности к электронному государственному управлению, формируемому ООН. Так, по итогам 2019 года среди 193 стран республика заняла 40-е место [2].

Особый интерес в настоящее время представляют такие способы участия граждан в управлении делами государства как общественная или гражданская

инициатива, а также институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Общественная инициатива представляет собой форму коллективного волеизъявления граждан, которое позволяет доводить до компетентного государственного органа мнение определенной группы граждан, в результате чего требуется его оперативное реагирование. В юридической литературе институт «общественной инициативы» получил неоднозначную оценку. Так, одни авторы относят его к самостоятельной форме участия населения в управлении делами государства [3]. Вторая группа авторов рассматривает общественную инициативу в качестве собирательного термина, которая представляет собой любой вид инициативы, исходящей от граждан при принятии общественно-значимых решений [4].

В России и Литве гражданам предоставлена возможность направления общественных (правотворческих) инициатив и голосования по ним на специальном интернет-ресурсе. Представляется целесообразным и в Республике Беларусь в перспективе предусмотреть возможность размещения на интернет-платформе законодательных инициатив и их обсуждение.

Институт публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов призван обеспечить возможную коммуникацию граждан и государства, организуемую с использованием информационных технологий, для выявления общественного и профессионального мнения о содержании правового акта и последующего учета этого мнения в нормотворческих решениях. В Беларуси институт публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов известен достаточно давно и впервые на законодательном уровне был закреплен в Законе от 10 января 2000 года № 361-З «О нормативных правовых актах». Вместе с тем практическая реализация консультаций с общественностью по проектам нормативных правовых актов свое активное продвижение на практике получила относительно недавно. При этом в контексте цифровой повестки дня определяющее значение для реализации института публичного обсуждения имеет ресурс «Правовой форум Беларуси», который после принятия Закона от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» стал основной платформой в Интернете для реализации электронной коммуникации между обществом и государством при публичном обсуждении проектов НПА. На сайте «Правовой форум Беларуси» каждый посетитель вправе принять участие в обсуждении проектов нормативных правовых актов, ознакомиться с текстом акта, информацией о необходимости принятия (издания) данного НПА, иными материалами, относящимися к проекту НПА, замечаниями и предложениями по любому проекту, оставить комментарии, обменяться мнением с другими заинтересованными лицами, а также получить информацию об итогах общественного обсуждения, которые публикуются на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь в разделе новостей в виде сводной таблицы учтенных и неучтенных замечаний.

Таким образом, использование электронных технологий повысит процент вовлеченности граждан в процессы государственного управления. Участие граждан в электронном управлении представляет собой социальный обмен между населением и государством. В основе непосредственного участия граждан в решении государственных дел лежит сознательное и заинтересованное участие человека в управлении делами государства, суть которого заключается в том, что сам гражданин в большей степени заинтересован в конечном результате. Однако мотивация населения к участию в решении государственных дел может снижаться, в связи с чем государство должно взаимодействовать с населением, чтобы участие в решении государственных дел не носило формальный характер, а представляло собой компромисс между обществом и государством. В свою очередь внедрение новых форм непосредственного участия граждан в управлении делами государства, в том числе с использованием информационных технологий, позволит преодолеть отчуждение граждан от осуществления публичной власти.<sup>4</sup>

#### **Библиографический список**

1. Липчанская, М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-v-upravlenii-delami-gosudarstva-traditsionnye-formy-i-sovremennye-tendentsii>. – Дата доступа: 01.11.2020.
2. UnitedNations-governmentssurvey 2020 [Электронныйресурс]. – Режимдоступа: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf). – Дата доступа: 01.11.2020.
3. Примакова, Т.О. Правовое обеспечение использования информационных технологий в процессе участия граждан в управлении делами общества и государства / Т.О. Примакова // Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых ученых: монография / под общ. ред. проф. С.А. Авакьяна. М. :Юстицинформ. – 2015. – С. 318.
4. Едкова, Т.А. Государственные и общественные институты. Гражданские инициативы / Т.А. Едкова, А.Н. Чертков, С.М. Зырянов // Журнал российского права. – 2013. – № 11. – С. 111-112.

---

<sup>4</sup> Настоящий доклад подготовлен в рамках реализации темы «Реализация прав граждан на непосредственное участие в управлении делами государства в условиях информационного общества» при финансовой поддержке БРФФИ № Г20М-009 от 04.05.2020 г., № государственной регистрации 20201233 от 08.07.2020 г.



# ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОСНОВНЫЕ МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

**С.Г. Мухин**

*ведущий научный сотрудник отдела исследований*

*в области гражданского, экологического и социального права*

*Института правовых исследований*

*Национального центра законодательства и правовых исследований Республики*

*Беларусь, кандидат юридических наук*

Согласно п. 9 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормотворческая деятельность – государственная деятельность по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов [1]. Таким образом, качество нормотворческой деятельности определяет качество системы законодательства и каждой отдельной нормы.

Нормотворческий процесс также должен осуществляться с соблюдением основных требований нормотворческой техники, среди которых: логическое построение проекта нормативного правового акта (далее – НПА); краткость и точность изложения нормативных правовых предписаний; ясность, простота и доступность языка изложения нормативного правового акта, исключающие различное толкование его нормативных правовых предписаний, отсутствие внутренних противоречий; единство терминологии в законодательстве, единообразие и однозначность терминологии нормативного правового акта.

С нашей точки зрения, соблюдение всех вышеперечисленных требований нормотворческой техники позволяет не только выстроить логически грамотную систему законодательства, но и сделать это законодательство доступнее для самого широкого круга субъектов (граждан, не являющихся профессионалами-юристами, юридических лиц и других).

Самый главный вопрос, который возникает в этой ситуации: как выстроить такую качественную нормотворческую деятельность. Ответ могут дать современные высокие технологии.

Компьютерная техника, существующая на сегодняшний день, в своей основе имеет вычислительные единицы, которые позволяют обрабатывать информацию и выдавать соответствующий результат в том или ином виде (документ, изображение, сигнал и т.д.). В качестве таких единиц выступают CPU (central processing unit, т.е. центральный процессор), GPU (graphics processing unit, т.е. графический процессор) и другие подобные процессоры и вычислительные модули. В основе подобных процессоров лежит транзистор, который определяет двоичную логику машины (логику, состоящую из 0 и 1, где 0 – это состояние транзистора, в котором он не пропускает сигнал, а 1 – это состояние транзистора, в котором он этот сигнал пропускает). Иными словами,

машина может преследовать исключительно простейшую логику и делать выводы исходя из бинарного предопределенного выбора и его производных (более сложных конструкций, но тем не менее основанных на нескольких бинарных связях).

Таким образом, основное преимущество логики современных компьютерных технологий, а именно простота и прямая логика, является и их недостатком. Такая логика тяжело применима или даже неприменима в крайне нелинейных системах. Тем не менее, несмотря на то, что общество характеризуется нелинейностью многих процессов, правила поведения, которые принимаются этим обществом, стремятся избежать этой нелинейности и общество стремится к однозначности и предопределенности в этих правилах.

Исходя из сказанного выше можно сделать вывод о том, что приведение норм права максимально к той форме, которая удобна для машины, будет удобна и для человека благодаря своей однозначности и определенности (на сколько это возможно). Однако, возникает вопрос как достичь такой логичности и использовать это с применением современных технологий. Некоторым группам разработчиков программного обеспечения и ученых получилось, отчасти, ответить на этот вопрос.

Организация научных и промышленных исследований Содружества из Австралии разработала проект Data 61 (Данные 61). Целями проекта, среди прочего, являются: исследовать возможности логической модели, чтобы улучшить ее способность правильно представлять нормы; изучить автоматизированную генерацию процессов, соответствующих требованиям; улучшить полуавтоматическое получение формальных моделей норм из документов на естественном языке человека [2].

Всё это строится на интерпретации юридической аргументации [3]. Юридическая аргументация имеет свои особенности, которые отличают её от других форм аргументации. Изменения норм определяются самими нормами, а нормы и правовые концепции являются источниками, созданными законодателем. Однако изменения в нормативной системе влияют на то, соответствуют ли существующие информационные системы, представляющие действующий набор норм, измененному законодательству.

В рамках проекта Data 61 было создано программное обеспечение SPINdle [4], которое является средством помощи принятия решений на основе так называемой отменяемой логики (defeasible logic). Рассуждение является отменяемым, если соответствующий аргумент убедителен с рациональной точки зрения, но не является дедуктивно достоверным [5]. Обычно это происходит, когда дается правило, но могут быть определенные исключения из правила. Отменяемая логика является предметом изучения как философов, так и ученых в области компьютерных наук (особенно тех, кто занимается искусственным интеллектом).

Как видно, вышеуказанная технология основана на автоматизации уже существующих норм. В Дании пошли по несколько иному пути. Агентство по

цифровизации Министерства финансов Дании разрабатывает новую логику законодательства, которая была бы достаточно проста и понятна, тем самым готова к цифровизации (упрощала бы процесс цифровизации), но в то же время охватывала весь необходимый круг отношений. Это называется готовое к оцифровке законодательство (digital-ready legislation) [6].

Цель законодательства, готового к использованию цифровых технологий, - сократить бюрократизм за счет упрощения законодательства и интеграции работы в публичном секторе (государственном управлении) и технологий. Согласно этой концепции, необходимо упростить ненужное и сложное законодательство, а новое законодательство должно быть легко понятным и совместимым с цифровыми технологиями [6]. По сути, цель законодательства, готового к цифровым технологиям, - систематическая дебюрократизация государственного сектора.

Законодательство, готовое к цифровым технологиям, основывается на семи основных принципах [7; 8]. Первый принцип – это «простые и понятные правила». (законодательство должно быть простым и ясным, чтобы быть легко обрабатываемым, а также способствовать более единообразному государственному управлению). Принцип 2: «Цифровое взаимодействие» (законодательство должно поддерживать цифровую коммуникацию с гражданами и бизнесом). Третий принцип – это «возможность автоматизированной обработки норм». Принцип 4: «Согласованность между органами власти – единообразные концепции и повторное использование данных» (по возможности, концепции (понятия/определения) и данные должны повторно использоваться органами государственного управления, а сами понятия должны быть определены четко, недвусмысленно и последовательно). Пятый принцип – «Безопасная и надежная обработка данных». Принцип 6: «Использование общественной инфраструктуры» (законодательство должно учитывать возможность использования существующей общественной инфраструктуры (базу данных личных номеров паспорта и т.п.)). Седьмой принцип: «Предотвращение мошенничества и ошибок» (законодательство должно быть сформулировано таким образом, чтобы позволять эффективно применять информационные технологии в целях контроля (контроль правильности информации с помощью соответствующих государственных регистров и т.п.), в то же время необходимо определить, открывает ли законодательство новые возможности для мошенничества).

Похожее решение было принято и в Новой Зеландии. В начале 2018 года в Новой Зеландии провели эксперимент, суть которого сводилась к переводу двух законов в форму программного кода. Свою работу команда Novell LabPlus разбила на три этапа: детальный разбор существующих административных процедур, создание «псевдокода» (по сути, алгоритм решения задачи), и, собственно, написание самого оцифрованного закона [9].

На пути цифровизации существует множество проблем общественного, морального и организационного плана, которые надо решать, о чем

свидетельствуют и указанные выше семь принципов готового к цифровизации законодательства, а также об этом говорится в британском исследовании «Regulatory Technology: Replacing Law with Computer Code» (Регулятивные технологии: Замещение закона компьютерным кодом) [10].

Тем не менее, с нашей точки зрения, формирование законов в наиболее простой, логичной и последовательной манере так, чтобы такое законодательство было легко переложить на компьютерную логику, решает значительно больше проблем чем создает. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие предварительные выводы:

нормотворческую деятельность следует формировать на основе построения простой, понятной и последовательной логики правовой нормы, нормативного правового акта и системы законодательства в целом, что позволит избежать двоякого толкования нормы, а также применять такие нормы и правильно их понимать наибольшему кругу лиц;

приведение логики законодательства в наиболее простую и понятную форму наиболее вероятно с применением современных информационных технологий, в частности технологий искусственного интеллекта, включающей технологии обработки натурального языка человека, обработки больших данных, машинного обучения;

при цифровизации законодательства, норма, по сути, превращается в программный код, который легко менять, обрабатывать, обновлять, отслеживать логику как самой нормы, так и всего нормативного правового акта (одних норм в сравнении с другими нормами) и законодательства в целом;

в процессе цифровизации законодательства необходимо соблюдать основополагающие принципы существования общества, соблюдая права граждан и юридических лиц (особенно это касается права на защиту персональных данных).

### **Библиографический список**

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Business Processes and Legal Informatics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://research.csiro.au/bpli/>. – Date of access: 11.09.2020.
3. Logic and Reasoning [Electronic resource] / Business Processes and Legal Informatics. – Mode of access: <https://research.csiro.au/bpli/our-research/reasoning/>. – Date of access: 11.09.2020.
4. SPINdle [Electronic resource] / Business Processes and Legal Informatics. – Mode of access: <https://research.csiro.au/bpli/tools/spindle/>. – Date of access: 11.09.2020.
5. Defeasible Reasoning [Electronic resource] / Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/reasoning-defeasible/>. – Date of access: 11.09.2020.

6. Digital-ready legislation [Electronic resource] / Agency for Digitisation. Denmark. – Mode of access: <https://en.digst.dk/policy-and-strategy/digital-ready-legislation/>. – Date of access: 11.09.2020.
7. Guidances and tools [Electronic resource] / Agency for Digitisation. Denmark. – Mode of access: <https://en.digst.dk/policy-and-strategy/digital-ready-legislation/guidances-and-tools/>. – Date of access: 11.09.2020.
8. Seven principles for digital-ready legislation [Electronic resource] / Agency for Digitisation. Denmark. – Mode of access: <https://en.digst.dk/policy-and-strategy/digital-ready-legislation/guidances-and-tools/seven-principles-for-digital-ready-legislation/>. – Date of access: 11.09.2020.
9. LabPlus: Expanding the Service Innovation Toolkit [Electronic resource] / New Zealand Government. – Mode of access: <https://www.digital.govt.nz/blog/labplus-expanding-the-service-innovation-toolkit/>. – Date of access: 11.09.2020.
10. Regulatory Technology: Replacing Law with Computer Code [Electronic resource]. – Mode of access: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3210962](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3210962). – Date of access: 11.09.2020.

## **СКРЫТЫЙ КРИЗИС В ПАНДЕМИЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗДОРОВЬЯ**

**Т.В. Наумович**

*старший преподаватель кафедры конституционного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

В марте 2020 года Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Гебрейесус объявил вспышку нового коронавируса Covid-19 пандемией. Среди многих побочных эффектов пандемии стало ясно, что нынешний кризис в области здравоохранения создал питательную среду для роста домашнего и внутрисемейного насилия. Понятие насилия следует понимать здесь в самом широком смысле, как это определено ВОЗ: «преднамеренное использование физической силы или силы, угрожающей или фактической, против себя, другого человека или против группы или сообщества, которое либо приводит или имеет высокую вероятность получения травмы, смерти, психологического вреда, неправильного развития или депривации». И мир столкнулся с новой мировой проблемой, порожденной пандемией – вспышкой роста насилия в семье. Из-за резко увеличившихся случаев заболевания Covid-19, одним из самых главных предписаний было предписание о самоизоляции – рекомендации о необходимости постоянного пребывания дома. Закрылись многие школы, предприятия, многие люди были уволены, уволены или вынуждены работать из дома.

В связи с ограничением личного передвижения и ограничениями постоянного пребывания людей в своих домах правозащитники выразили обеспокоенность по поводу потенциального роста насилия в семье, насилия со стороны интимного партнера (Intimate partner violence (IPV)).

Наряду с числом заболевших COVID-19 резко выросло и число случаев бытового насилия – настолько резко, что это заставило Генерального секретаря ООН выступить с призывом защитить женщин, оказавшихся в западне в собственном доме – наедине с насильником. Глава ООН Антониу Гутерриш обратился ко всем воюющим сторонам с призывом немедленно сложить оружие и бороться с общим врагом – коронавирусом. «Но насилие не ограничивается полем боя, - отметил Генеральный секретарь. - Многих женщин и девочек опасность подстерегает там, где они должны чувствовать себя в полной безопасности: в собственном доме». По словам Генерального секретаря, в некоторых странах число женщин, обращающихся в службы поддержки, удвоилось.

Опросы по всему миру показали, что с января 2020 года количество случаев домашнего насилия резко возросло, по сравнению с тем же периодом 2019 года. По данным Американского журнала экстренной медицины и данным ООН, после начала пандемии количество инцидентов домашнего насилия увеличилось на 300% в провинции Хубэй, Китай; 25% в Аргентине, 30% на Кипре, 33% в Сингапуре и 50% в Бразилии. Во многих странах «Горячие линии» по вопросам домашнего насилия подготовились к увеличению спроса на услуги по мере того, как государства применяли предписания медиков, но многие организации столкнулись с обратным. В некоторых регионах количество звонков упало более чем на 50%. Эксперты в этой области знали, что общее количество случаев домашнего насилия не снизилось. Все понимали, что скорее, жертвы не смогли безопасно обратиться к услугам специалистов «горячих линий». Многие государства в экстренном порядке начали создавать способы выявления латентных случаев насилия в семье в условиях самоизоляции, чтобы помочь и защитить своих граждан. Так, власти Канарских островов пошли на уловку, чтобы помочь женщинам, оказавшимся в трудной ситуации: жертвам домашнего насилия достаточно попросить в аптеке «Маску-19». По этому кодовому слову фармацевты поймут, что покупательнице срочно нужна помощь [1].

Пандемия подтвердила важные истины: неравенство, связанное с социальными детерминантами здоровья [2], усиливается во время кризиса, а постоянное нахождение дома людей не создает одинаково безопасных условий для всех людей.

По данным СМИ, каждая четвертая женщина и каждый десятый мужчина сталкиваются с IPV, а насилие может принимать различные формы: оно может быть физическим, сексуальным или психологическим. Люди всех рас, культур, полов, сексуальной ориентации и религий испытывают IPV. Экономическая нестабильность и не безопасное жилье только ухудшили и без того непростую

ситуацию с распространением домашнего насилия. Но проблему IPV невозможно решить без учета социальных факторов, особенно в контексте пандемии, которая вызывает всеобщую изоляцию.

Важнейшим фактором предотвращения насилия является экономическая независимость. Для многих людей, столкнувшихся с IPV, финансовые затруднения мешают разорвать отношения с партнером-агрессором из-за отсутствия альтернативного источника существования и финансовой независимости. Но пандемия усугубила и финансовые затруднения, вызвав рост потерь работы и безработицы.

Ограничения, введенные ВОЗ для борьбы с распространением вируса, также ограничили доступ к другим источникам жилья, где могли бы укрыться пострадавшие от домашнего насилия: отели сократили количество мест или закрылись, а ограничения на поездки закрыли доступ людям к безопасным убежищам и кризисным комнатам.

Закрытие школ и детских учреждений и перевод детей на дистанционное обучение усугубило стрессовую ситуацию в семьях. Дистанционное обучение часто требует участия и контроля родителей или опекунов. Но, как показала практика, некоторые семьи не имеют возможности обеспечить детям бесперебойный доступ к надежному Интернет-соединению. Не все родители имеют возможность помочь ребёнку в обучении на дому. Многие вынуждены уходить на работу, в то время, как дети остаются дома для дистанционного обучения. Это создает дополнительный стресс в семье, связанный с балансированием родителей между работой, образованием детей, присмотром за ними. И такая нервная ситуация, связанная с изоляцией во время пандемии, привела во всем мире к резкому росту жестокого обращения с детьми. А учителя, воспитатели детских садов и врачи не в состоянии распознать ситуацию насилия, и вовремя сообщить о признаках насилия, так как они стали меньше общаться с детьми и семьями, чем так, как это было до пандемии.

Во время принимаемых мер в борьбе с пандемией из-за режима самоизоляции жертвам домашнего насилия было сложнее получить помощь: обратиться в милицию/полицию, найти убежище и даже просто выйти из дома. Во многих государственных учреждениях, в том числе и в МВД, были приостановлены личные приемы граждан. Рекомендовано обращаться через специальные он-лайн сервисы на официальных сайтах. В условиях строгой изоляции также поменялся режим работы судов. Рассмотрение большинства дел было отложено, некоторые заседания проходили в дистанционном режиме. Обращения в суд во многих странах стали возможны только в электронном виде или по почте.

Многие дела, касающиеся разводов, опеки над детьми и домашнего насилия, были заморожены. Это ухудшало и без того сложные отношения в семье. В некоторых случаях, когда жертвы насилия пытались позвонить в

милицию, их попытки были безуспешными, потому что правоохранители были заняты мониторингом соблюдения карантинных мер.

На наш взгляд, из-за отсутствия четких правил карантина некоторые люди, столкнувшиеся с насилием, боялись покинуть свои дома, так как не хотели нарушать предписания. По наблюдению некоммерческих организаций, в некоторых случаях агрессоры даже угрожали женщинам звонком в милицию из-за их намерения уйти и нарушить карантин. В соседней России МВД во время пандемии заявило, что люди, которые нарушили карантин в чрезвычайной ситуации, включая домашнее насилие, не будут привлекаться к ответственности. И это, по мнению многих экспертов НКО, работающих с жертвами насилия в семье, важный шаг по искоренению такой проблемы, как насилие в семье в условиях пандемии.

Несмотря на то, что в Беларуси карантин официально не объявили, но проблема домашнего насилия все же обостряется. По данным некоммерческой благотворительной медиаплатформы «ИМЕНА», если в феврале на горячую линию звонили по 2-3 раза в день, то во время пандемии таких обращений уже в три раза больше. Новые клиентки признаются, что они очень переживают и боятся того, что может произойти, если муж, к примеру, перестанет ходить на работу» [3]

По мере того, как пандемия затягивается, злоупотребления тоже растут. Подобно тому, как болезнь продолжает уносить все больше жизней, домашнее насилие, связанное с карантином, уносит все больше жертв. Пандемия коронавируса показала не только системные проблемы со здравоохранением во всем мире, но и выявила масштабы многих скрытых проблем, таких как домашнее насилие.

Проблема насилия против женщин признается в той или иной степени многими членами общества. В последние годы создаются общественные организации, работающие с этой проблемой, открываются кризисные центры, убежища для жертв домашнего насилия. Но это все – частные инициативы. В условиях таких чрезвычайных ситуаций, как пандемия, именно государство должно стать на защиту пострадавших от насилия в семье. И одним из первых шагов в этом направлении должно стать расширение механизма взаимодействия между органами МВД и организациями гражданского общества, помогающими жертвам насилия в семье, а также с приютами для лиц, пострадавших от бытового насилия, чтобы они могли добраться до безопасного места. Рост домашнего насилия – это одна из негативных сторон новой реальности, с которой столкнулся весь мир в условиях пандемии.

### **Библиографический список**

1. Анаекер, А. Пандемия спровоцировала всплеск домашнего насилия [Электронный ресурс] – Доступ: <https://www1.wdr.de/radio/cosmo/programm/sendungen/radio-po-russki/gewalt-114.html>. – Дата доступа: 21.01.21.



2. Социальные детерминанты здоровья [Электронный ресурс] – Доступ: [https://www.who.int/topics/social\\_determinants/ru](https://www.who.int/topics/social_determinants/ru) – Дата доступа: 21.01.21г.

3. Некоммерческая благотворительная медиаплатформа [Электронный ресурс]- Официальный сайт: <https://imenamag.by/pages/about> - Дата доступа 21.01.21.

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**С.С. Олесько**

*помощник прокурора Россонского района Витебской области*

С течением времени каталог конституционных ценностей любой страны неизбежно претерпевает количественные и качественное изменение. Причиной этому служат перемены в общественно-государственном устройстве страны (рост инационального контингента, аккультурация, вхождение в состав федерации или конфедерации, а также международные организации и многое другое).

Современный Мир находится в условиях построения качественно нового курса своей государственности, учитывая глобальные вызовы *эпохи цифровизации*. Это означает, что переосмыслены должны быть практически все институты и категории конституционного права: от самого его понятия и до обоснования нового поколения прав человека – цифровых прав. В новом ракурсе должны быть осмыслены и конституционные ценности.

Ценность является универсальной и многомерной категорией, включающей все сферы и уровни жизнедеятельности субъектов любых общественных отношений, выступающей для этих субъектов индикатором, определяющим характер взаимоотношений между ними. Как категория, опосредованная философским, социологическим и правовым аспектами, ценность выражается в интересах личности, общества и государства, в их ориентациях и предпочтениях, в силу которых они строят друг с другом определённые взаимоотношения [1]. Ценности связаны с познавательной, творческой и практической деятельностью данных субъектов, в результате которой рождаются их волевые решения, строится их правомерное и неправомерное поведение [2, с. 5].

Исторически для Беларуси ценности всегда выполняли роль ключевых ориентиров развития белорусской государственности, о чём свидетельствуют и положения преамбулы Основного Закона Беларуси, где чётко провозглашено: «Мы, народ Республики Беларусь... подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности... принимаем настоящую Конституцию...» [3]. Указанные положения говорят об историческом развитии и о преемственности системы

ценностей. Именно в преамбуле нашли своё закрепление такие важные конституционные ценности как дань историческим традициям, национальный суверенитет (в праве на самоопределение), коллективизм (в формулировке «мы, народ») и др.

Легальное определение термина «ценность» в законодательстве Республики Беларусь не закреплено. Между тем, на наш взгляд, конституционные ценности можно понимать как сформированные на историческом, культурном и подсознательном уровне представления и идеалы об организации и развитии общественно-государственного устройства, которые отражены в виде обобщённых, ключевых, стратегических приоритетов (принципов и целей) общественно-государственного развития, определенных и закрепленных в качестве вектора конституционного развития страны на уровне конституции и конституционных законов и разъясненных органом конституционного контроля в условиях достижений конкретной эпохи в целях поддержания оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.

С учетом сущности и особенностей цифровой эпохи можно говорить о формировании «цифровых конституционных ценностей» как системы представлений и идеалов о задачах, целях и принципах общественно-государственного развития, которые сформированы под влиянием веяний тенденций общественных отношений и информационных технологий.

Конституция Республики Беларусь охотно апеллирует к понятию «ценность», в связи с чем, толкование ее норм должно осуществляться при учете действительного содержания конституционных ценностей. Использование категории «ценность» представлено в ч. 1 ст. 2 белорусской Конституции [3]. Такие конституционные ценности, названные в этой норме, как «человек, его права и свободы», необходимо подвергнуть переосмыслению в условиях цифровизации. И здесь речь можно вести о формировании такого нового наполнения как «цифровая личность, её права и свободы в условиях цифровой реальности».

Одна из причин расширения каталога конституционных ценностей – это общемировая цифровизация. При формировании «цифровых конституционных ценностей» отправными началами становятся основополагающие международные документы. К примеру, Хартия о сохранении цифрового наследия 2003 года (далее – Хартия) [4] устанавливает для государств новые конституционные ценности и говорит о цифровом наследии. В отличие от прежнего историко-культурного наследия, на смену приходит необходимость охраны государством цифрового наследия, обеспечения равного доступа к нему, принятия мер по защите прав будущих поколений на доступ к нему. И в этом проявляется новый признак права – оно должно обладать функцией предвидения.

Важное значение также имеют и документы Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (далее – ООН), в которых подчёркнута

необходимость защиты мировых «цифровых конституционных ценностей». Так, в декабре 2013 года ООН принята резолюция № 68/167, в которой выражена глубокая обеспокоенность тем, что слежение за сообщениями и их перехват могут иметь негативные последствия для осуществления прав человека. ООН подтвердила, что те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны защищаться и в онлайн-среде и призвала все государства уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровой коммуникации [5].

Учитывая эти международные документы, судебная практика передовых западных стран уже пошла по пути защиты «цифровых конституционных ценностей». К примеру, в мае 2020 года Конституционный Суд Федеративной Республики Германия принял решение о несоответствии своей Конституции положениям Закона о Федеральной разведывательной службе, где разведывательной службе предоставлено право проводить проверку больших информационных потоков на предмет интересной для такой службы информации [6]. По мнению Суда, такое право нарушает тайну телекоммуникационной связи и свободу средств массовой информации.

По указанному пути пошла и Российская Федерация, предлагая в качестве поправок в свою Конституцию, разработанных в 2020 году, положения о том, что к ведению страны относятся информация, информационные технологии и связь, обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных [7].

Параллельно с утверждением новых конституционных ценностей в Море происходит ограничение ряда прав в глобальной компьютерной сети Интернет, выдвигая на передний план все те же конституционные ценности, в частности, честь и достоинство, общественную и национальную безопасность. К примеру, в 2020 году во Франции принят Закон о запрете языка ненависти в социальных сетях. Указанный Закон обязывает платформы и поисковые системы удалять контент оскорбительного характера – подстрекательство к ненависти или насилию и расистский или религиозный фанатизм – в течение 24 часов. В противном случае им грозит штраф в размере до 1,25 миллиона евро [8].

Республика Беларусь как член ряда международных образований и субъект, активно участвующий в международной жизни, принимает вызовы цифровизации, в результате чего происходит качественно новое переосмысление имеющихся конституционных ценностей, многие из которых составляют права человека.

К примеру, важной конституционной ценностью в условиях цифровизации является право на информацию. Именно эту ценность необходимо считать «отправной точкой» для различного вида тайн – врачебной, адвокатской, коммерческой, служебной, усыновления, исповеди, личной и семейной жизни, корреспонденции, телефонных и иных сообщений и пр. В то же время, далеко не все из них охраняются на уровне Основного Закона Беларуси. Особо ценными Конституция называет тайну личной и семейной жизни,

корреспонденции, телефонных и иных сообщений (последнюю обычно относят к тайне личной жизни, хотя Конституция их чётко разделяет – ст. 28 и ч. 3 ст. 34).

День за днем информационные технологии все плотнее наполняют жизнь личности, общества и государства новыми возможностями. Достигнутый прогресс заметно упростил работу с информацией, сделал ее доступной для массового потребления и, одновременно с этим, ограничил доступ к некоторой ее части, защитив ее от посторонних глаз. Под завесой тайн осталась та информация, к которой сторонние лица доступ иметь просто не должны, ввиду охраны такими тайнами определенных конституционных благ, представляющими ту или иную ценность. По сути дела, разговор идет об обеспечении конституционно-правового баланса интересов личности, общества, государства в информационных правоотношениях. Такой баланс – это ни что иное как состояние уравниваемости конституционно-правовых интересов выше перечисленных субъектов в информационной сфере в целях поддержания конституционного правопорядка, в т.ч. в условиях цифровых преобразований.

Конституционный Суд Республики Беларусь руководствуется указанным принципом в своей деятельности. Так, в п. 5.4 решения «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» от 23.01.2018 № Р-1120/2018 [9] Конституционный Суд указал, что в случае реализации гражданами права на получение информации о принятом решении по результатам проверки по заявлению или сообщению о преступлении и при выполнении корреспондирующей указанному праву обязанности должностных лиц органа уголовного преследования следует соблюдать пределы ограничения права тех граждан на получение этой информации, обусловленные необходимостью соблюдения прав, свобод и законных интересов других лиц – с одной стороны, характером информации, содержащейся в материалах проверки, – с другой. Тем самым Конституционный Суд показал, как следует расставить приоритеты в интересах личности, общества и государства при осуществлении защиты соответствующих конституционных ценностей, что особо важно в условиях эпохи цифровых преобразований, стремительно происходящих в современном Мире.

Сейчас модно говорить об информационном суверенитете и кибербезопасности как о конституционных ценностях, на что в своем Послании о конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году в свое время обращал внимание и Конституционный Суд, о защите интересов виртуальной личности и цифровой конституции. Подобные новшества являются реакцией на изменения в общественно-государственном устройстве под влиянием процесса цифровизации, коснувшегося и Республики Беларусь (цифровая экономика и ее следствие – смарт-контракты, технология блокчейн и пр.). Эти и многие другие новшества не должны нивелироваться, в то же время, относиться к ним необходимо с определенной осторожностью, поскольку в Беларуси практика

использования некоторых из них либо пока еще вовсе отсутствует, либо только начала формироваться.

Думается, новейшие цифровые конституционные ценности должны найти отражение в нормах Основного Закона Республики Беларусь. Особенно важно при этом уделить внимание такой ценности как «информационный суверенитет», что подразумевает под собой создание в государстве определенных гарантий по защите от вмешательства извне с использованием информационных технологий. С учетом обозначенной конституционной реформы в стране, на это следует акцентировать внимание.

Цифровыми конституционными ценностями в Республике Беларусь также являются цифровое государство (цифровая экономика, электронные правительство и правосудие) и информационное общество. Вместе с тем, переосмыслению подлежит и личность, в связи с чем, можно говорить о том, что приходит время, когда речь уже можно вести и о цифровой личности, рассматривая ее с точки зрения конституционной ценности.

Процесс цифровизации, с одной стороны, благоприятно воздействует на личность, общество и государство, с другой – разрушает сложившийся уклад их взаимоотношений, изменяет устоявшийся конституционно-правовой баланс их интересов. В цифровую эпоху в общество проникают технологии и преобразуют его в т.н. «информационное общество». В свою очередь, личность вынужденно «отправляется» в виртуальный мир и переводится в разряд «виртуальной». Но не каждая личность готова к таким переменам, поэтому не все из них включаются в «новое» общество. Это обусловлено тем, что цифровизация коренным образом меняет характер взаимоотношений между личностью и обществом – традиционная коммуникация между людьми ослабевает, замещается коммуникацией, осуществляемой с помощью информационных технологий.

Переосмысливая представления о личности в условиях цифровизации, важно учесть, что, с одной стороны, использование искусственного интеллекта – это большой прогресс, с другой – своего рода регресс, т.к. общество переходит к выполнению более примитивных форм работы и не использует свой интеллект в той мере, в которой это необходимо для его дальнейшего развития. В следствие этого может наступить регрессивное движение страны по определенным стратегическим направлениям ее деятельности. Последствия этого также могут быть непредсказуемыми.

В следствие цифровизации в обществе могут возникнуть «новые» конституционные ценности, как производные от уже существующих, так и абсолютно «новые». В частности, к примеру, конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства как конституционная ценность в условиях цифровой эпохи должна быть переосмыслена и рассмотрена в преломлении сквозь цифровую личность – информационное общество – цифровое государство. Коренным образом цифровизация затронет такие конституционные ценности как тайны: личные, семейные и др., что

обусловлено тем, что жизнь личности, как и сама она в ее цифровом представлении, станут многогранными (многомерными).

Важным аспектом данного конституционного баланса является его новое проявление – это баланс между возможностью доступа правоохранительных структур к компьютерной информации и правом граждан на ее конфиденциальность.

На конкретном этапе развития страны место конституционных ценностей определено тем, что определенный полновластный субъект, исходя из исторической эпохи, в которой существует эта страна, толкует текст конституции, отражая при этом ряд ее ценностей, а в случае необходимости – также защищает их. В Республике Беларусь ведущая роль в охране конституционных ценностей принадлежит Конституционному Суду Республики Беларусь. В соответствии с ч. 1 ст. 116 Конституции Республики Беларусь, последний осуществляет контроль за конституционностью нормативных правовых актов [3].

Обширный перечень полномочий Конституционного Суда позволяет ему «стоять на страже» конституционных ценностей, в т.ч. в цифровую эпоху. В актах конституционного правосудия он формулирует выводы, основанные на ценностях, одобряемых Конституцией. В решении от 09.07.2019 № Р-1186/2019 по вопросу о соответствии Конституции Закона «Об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» он указал, что в последние годы наблюдается значительный рост активности нацистских движений и насильственного экстремизма, которые выражают антиконституционные устремления и создают реальную угрозу укладу демократических конституционных ценностей Беларуси [10].

Ещё пример. В решении от 09.07.2019 № Р-1185/2019 о конституционности Закона «Об изменении законов» Конституционный Суд обратил особое внимание на материнство и отцовство как социальные конституционные ценности, подлежащие в настоящее время особой защите [11].

Важно также то, что Конституционный Суд в своих актах определяет соизмеримость ограничения интересов личности с теми или иными конституционными ценностями. Так, по резонансному вопросу об исполнении воинских долга и обязанности, продиктованных в ст. 57 Конституции, Суд в своем решении от 10.07.2019 № Р-1188/2019 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам эффективного функционирования военной организации государства»» [12] сделал акцент на том, что анализ вводимых ограничений прав и свобод личности позволяет прийти к выводу, что они являются соразмерными конституционно защищаемым целям и ценностям. Тем самым, Конституционный Суд не только акцентирует стороннее внимание на определенных конституционных ценностях, но и устанавливает то, на сколько те или иные ограничения интересов личности соотносятся со сложившимися в стране ценностями.

Заслуживает внимания решение Конституционного Суда от 23.04.2019 № Р-1167/2019 «О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам» [13], в котором Суд заметил, что вследствие ограничения возможности пересмотра в судебном порядке постановления прокурора о прекращении возбужденного им производства по вновь открывшимся обстоятельствам нарушается баланс в защите таких конституционных ценностей как справедливость и правовая определенность, что влечет причинение вреда гарантируемым Конституцией правам гражданина, защита и восстановление которых – конституционная цель правосудия. Закрепление возможности обжалования указанного постановления прокурора в судебном порядке позволит повысить эффективность института пересмотра вступивших в законную силу постановлений суда, сделать правосудие для граждан более доступным. Судом обращено внимание и на то, что ключевые конституционные ценности – это справедливость и правовая определенность. При этом должна соблюдаться конституционно-правовая сбалансированность интересов личности, общества и государства при защите данных конституционных ценностей.

На формирование правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь оказывают влияние и правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, в решении «О соответствии Конституции Республики Беларусь Жилищного кодекса Республики Беларусь» от 29.06.2012 № Р-728/2012 [14] Конституционный Суд сослался на постановление ЕСПЧ по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» от 21.02.1986, приведя позицию ЕСПЧ о том, что в современном обществе обеспечение населения жильем является важнейшей социальной потребностью; решение жилищного вопроса не может быть целиком отдано на откуп рынку, неограниченное действие которого, особенно в ситуации трансформации экономики, способно создать опасность нежелательных социальных последствий, а потому отражает не только частный, но и публичный интерес. Отсылка в мотивировочной части решения Конституционного Суда на европейскую судебную практику свидетельствует об универсальном характере ряда конституционных ценностей, о происходящих во всем мире процессах глобализации и интеграции правовых систем государств.

Однако такое место в правоприменительной деятельности Конституционному Суду Республики Беларусь было отведено не всегда. Так, анализ практики конституционного контроля за период с 1994 года по 2019 год показал, что с течением времени Суд все чаще апеллирует к тем или иным конституционным ценностям. Интересно, что, например, в 1994 году (в первом году своей деятельности) Суд практически не акцентировал внимание на конституционных ценностях. По нашему мнению, это свидетельствует о росте значения института конституционных ценностей в Беларуси. В условиях интеграции, глобализации, унификации и ряда иных масштабных процессов Конституционный Суд, указывая на те или иные конституционные ценности,

пытается показать белорусскую идентичность, сохранить уклад сформировавшихся ценностей, не препятствуя возникновению «новых», не допуская в страну неприемлемых и антиконституционных ценностей. Этим Конституционный Суд реализует свою защитную функцию, которая направлена на обеспечение и поддержание в стране конституционного правопорядка.

Еще одним механизмом защиты конституционных ценностей в эпоху цифровизации выступает Европейский Суд по правам человека. Так, в 2018 году имело место быть дело Telegram против Российской Федерации, которое сегодня является первой глобальной историей подобного рода. Оно прецедентно, а его последствия очень важны как для России, так и многих иных стран. Так, на арене конфликта интересов выступили, с одной стороны, Telegram, предоставивший для всеобщего пользования мессенджер, а с другой – Российская Федерация, выдвинувшая требования о предоставлении доступа к сведениям о личностях-пользователях.

Таким образом, противостоят интересы двух субъектов – личности в её единичном и концентрированном (общество) выражении по поводу защиты конституционной ценности в виде тайны личной жизни и государства по поводу защиты конституционной ценности в виде национальной безопасности. По российскому законодательству Telegram непременно должен представить для Федеральной Службы Безопасности сведения для декодирования электронных сообщений. В свою очередь, данное обязательство должно исполняться при защите положений Конституции Российской Федерации, представляющих право на тайну переписки и частной жизни.

Важнейшим механизмом правовой защиты конституционных ценностей в цифровую эпоху является деятельность судов общей юрисдикции. К примеру, в Республике Беларусь судебная практика 2020 года содержит в себе такой прецедент. В частности, ГУ по борьбе с организованной преступностью и коррупцией белорусского МВД направило в Верховный Суд заявление о признании канала Nexa и его логотипа экстремистскими материалами, ставящим под угрозу национальную безопасность и такую цифровую конституционную ценность как «информационный суверенитет». Судом данные требования удовлетворены.

Отметим, что цифровая эпоха на передний план в области защиты конституционных ценностей выдвигает государство. При этом государство в понимании сильное, способное обеспечить в полной мере защиту прав и свобод человека, правопорядок, национальную безопасность, суверенитет с учетом развития информационных технологий.

### **Библиографический список**

1. Балаянц, М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества :автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01. – Теория и



история права и государства ; История учений о праве и государстве / М. С. Балаянц. – М., 2007. – 25 с.

2. Мартышин, О.В. Проблема ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.

4. О сохранении цифрового наследия [Электронный ресурс] : Хартия, принятая на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, Франция, 15 окт. 2003 г. // ООН. – 2003. – Режим доступа : [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/digital\\_heritage\\_charter.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml). – Дата доступа : 10.10.2020.

5. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век [Электронный ресурс] : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей, 18 дек. 2013 г. // ООН. – 2013. – Режим доступа : [https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013\\_UN\\_68\\_167.pdf](https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf). – Дата доступа : 10.10.2020.

6. In their current form, surveillance powers of the Federal Intelligence Service regarding foreign telecommunications violate fundamental rights of the Basic Law [Электронный ресурс] // The Federal Constitutional Court. – 2020. – Режим доступа : <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2020/bvg20-037.html>. – Дата доступа : 08.10.2020.

7. Поправки в Конституцию про IT приняты Госдумой во втором чтении [Электронный ресурс] // Экспертный центр электронного государства. – 2020. – Режим доступа : <https://d-russia.ru/popravki-v-konstituciju-pro-it-prinjaty-gosdumoj-vo-vtorom-chtenii.html>. – Дата доступа : 09.10.2020.

8. Парламент Франции принял противоречивый закон о языке ненависти в интернете [Электронный ресурс] // Европейская правда. – 2020. – Режим доступа : <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/05/14/7109884>. – Дата доступа : 08.10.2020.

9. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 23 янв. 2018 г., № Р-1120/2018 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2018. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91801120>. – Дата доступа : 23.05.2019.

10. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 9 июля 2019 г., № Р-1186/2019 // Конституционный Суд Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-53553>. – Дата доступа : 13.10.2019.

11. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов» [Электронный ресурс] : решение

Конституционного Суда Респ. Беларусь, 9 июля 2019 г., № Р-1185/2019 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-53543>. – Дата доступа : 24.10.2019.

12. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам эффективного функционирования военной организации государства» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 10 июля 2019 г., № Р-1188/2019 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-53583>. – Дата доступа : 24.10.2019.

13. О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 23 апр. 2019 г., № Р-1167/2019 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-52493>. – Дата доступа : 24.10.2019.

14. О соответствии Конституции Республики Беларусь Жилищного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2012 г., № Р-728/2012 / Pravo.by. – 2012. – Режим доступа : [http://pravo.by/upload/docs/op/K91200728\\_1342040400.pdf](http://pravo.by/upload/docs/op/K91200728_1342040400.pdf). – Дата доступа : 28.02.2020.

## **ЗАРОЖДЕНИЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕЙМОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ**

**Е.И. Орловская**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета*

*Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Одной из ранних форм зарождения парламентаризма на белорусских землях являлись сеймы. Так исторически назывались сословно-представительные собрания в Великом княжестве Литовском (с 1569 года в объединённой Речи Посполитой), Кролевстве Польском и в землях Чешской короны.

Процесс создания представительных органов на территории Беларуси был довольно непростым и занял несколько столетий. Корни его следует искать в древности, в первых государственных образованиях на территории Беларуси. Начало свое они берут с древних вечевых сходов, которые существовали в древних белорусских княжествах (Туровского, Полоцкого, Витебского и т.д.) и имели различные названия: «вече», «снем», «сойм», встречаются и названия «копа», «купа». Участие в политической жизни страны всего полноправного населения являлось необходимым условием для надлежащего

функционирования органов власти в древних княжествах. Поскольку при наличии небольшого государственного аппарата органы власти вынуждены были искать поддержку у населения.

В период создания Великого княжества Литовского вече на территории Беларуси продолжало действовать. Примеры древних правовых порядков можно найти в законодательстве ВКЛ, прежде всего в областных грамотах. Первоначально Великие князья выдавали их при входе земель в состав государства, однако существуют и более поздние грамоты (Полоцкой земли 1511, 1547, 1580, 1634 гг., Витебской земли 1503, 1509, 1561 гг. и др.). они регламентировали взаимоотношения местных органов управления с органами управления Великого княжества Литовского и были результатом компромисса между ними. Так, великий князь обещал не вмешиваться в церковные и судебные дела этих земель, назначал воевод с согласия населения, освобождал жителей от ряда повинностей, признавал за ними право свободного выезда за границу и др. Таким образом, эти земли имели особый статус в составе Великого княжества Литовского, пользовались особыми правами и льготами. Именно об этом свидетельствует и довольно продолжительное существование местных вече, которые и стали основным образцом для создания общегосударственного сойма [1, с. 15].

Управляли древними государствами князья вместе с крупными феодалами, которые составляли такой государственный орган как рада при князе. Рада ограничивала власть князя. На наш взгляд, рада представляла собой орган, который в зачаточной форме отражал народное представительство, так как в своих решениях рада не могла не опираться на мнение большинства свободных граждан. Кроме того, на заседаниях рады, как правило, велась предварительная проработка тех вопросов, которые потом подлежали обсуждению на вечевом сходе.

Таким образом, сейм как высший законодательный орган берет свое начало с древних вечевых сходов и заседаний рады, которые и привели к созданию структур сословно-представительной демократии в Великом княжестве Литовском.

Кроме этого, существовал еще ряд факторов, повлиявших на создание сословно-представительных органов на белорусских землях.

Особую роль в этом сыграло юридическое оформление и расширение сословных прав шляхты в соответствии с привилеями 1432 г., 1434 г., 1447 г. Так, привилей 1432 г. определенным образом ослаблял дискриминационные статьи Городельского привилея 1413 г., касающиеся православных феодалов, и создавал правовые предпосылки для объединения и выделения всех феодалов в привилегированное сословие шляхты. Привилеем 1434 г. была закреплена одна из важнейших гарантий правового положения шляхты - личная свобода и неприкосновенность. Привилей же 1447 г. был первым общеземским привилеем, который формально уравнивал в правах всех жителей Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского и впервые всесторонне

определил права и вольности шляхетского сословия. Фактически с этого момента для решения вопросов государственного значения, как например сбор финансовых средств, теперь требовалось непосредственное участие всех освобожденных от податей подданных Великого князя.

Важной предпосылкой создания общегосударственного сейма была деятельность местных съездов служилой знати, из которых и складывалась компетенция сейма.

Можно сделать вывод, что создание общегосударственного сейма было подготовлено историей развития Великого княжества Литовского. Эти предпосылки сложились еще до централизации государства в виде местных съездов военно-служилой знати с аналогичным составом и функциями, которые были присущи общегосударственному сейму Великого княжества Литовского.

Каждая область Великого княжества Литовского жила по своему местному праву, поскольку общегосударственной системы правовых норм в этот период еще не существовало. Именно эти местные съезды и стали основой для создания общегосударственного сейма. В основе идеи созыва съездов лежало представление о равенстве всех представителей высшего сословия, основанное на общем для всей шляхты праве на владение землёй на основе рыцарского права. Превращение этих съездов в представительный орган шляхетского сословия произошло на фоне предоставления князьям, панам и рыцарству прав и привилегий шляхты.

Кроме того, нельзя не отметить, что представители тех шляхетских фамилий, которые играли большую роль в созыве и деятельности местных сеймов (Гольшанские, Радзивилы, Олехновичи, Забerezинские и др.), начиная с XV века уже активно участвуют в работе вальных сеймов, а с XVI века они уже получают персональные приглашения для участия в вальных сеймах [1, с.35-36].

Таким образом, сословно-представительные органы Великого княжества Литовского эволюционировали от местных сословных собраний до общегосударственного сейма. Стремясь получить все больше привилегий, шляхта начинала принимать все более активное участие в управлении государством, в результате чего в XV веке сформировался вальный сейм (следует отметить, что до сих пор нет единого мнения о точной дате возникновения общегосударственного сейма). В XV веке были установлены основные принципы его функционирования, в соответствии с которыми никакие новые законы не могли быть приняты без согласия сословий, представленных в сейме, только сейм мог заключать договоры о мире и союзы.

Несомненно и то, что сейм в период создания централизованного государства первоначально представлял собой расширенное заседание рады, а потом постепенно оформился в общегосударственный орган. Этот процесс завершился, когда отдельные земли начинают подчиняться непосредственно центральной власти и вместо «областных сеймов» появляются местные шляхетские сеймики, на которых выбираются делегаты от поветов на

общегосударственный сейм. Этот порядок и был закреплен Статутом ВКЛ 1566 г.

### **Библиографический список**

1. Доўнар, Т.І. Вытокі і гістарычнае развіццё інстытута парламентарызму ў Беларусі / Т.І. Доўнар // Парламецкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV-XVIII стагоддях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск-Навагрудак, 23-24 лістапада 2007 г. / БІП. – Мінск: БІП-С ПЛЮС, 2008. – 261 с.
2. Любавский, М.К. Литовско-русский Сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. — М.: Университетская тип., 1909. — 1116 с.

## **ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ**

**Е.В. Перепелица**

*старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения  
правовой информатизации управления правовой информатизации  
Национального центра правовой информации Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Информационно-коммуникационные технологии проникают во многие сферы жизнедеятельности, меняют действие различных социальных регуляторов. В условиях комплексных цифровых преобразований практически все прежние средства связи и коммуникации неизбежно устаревают. При этом постоянно растущие возможности цифровой среды облегчают доступ к практически любой информации, модифицируют способы ее сбора, поиска, хранения, накопления, обработки и систематизации. По масштабам воздействия на общество цифровизация вполне сопоставима с новой промышленной революцией.

К настоящему времени в Республике Беларусь создан базовый комплекс электронного правительства, включающий общегосударственную автоматизированную информационную систему, систему межведомственного электронного документооборота, Государственную систему управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи, единое расчетное информационное пространство. В качестве целей Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы получило закрепление обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества [1]. В то же время приоритетной и актуальной национальной задачей остается развитие и информационно-правовое обеспечение Интернет-коммуникаций, создающих возможность устойчивого диалога государства и гражданского общества для реального учета

интересов общественности в законотворческих, нормотворческих, управленческих решениях, публичной верификации таких решений.

Интернет-коммуникации оказывают мультипликационный эффект на содержание и структуру социальных связей. Без всякого преувеличения, формируется новое информационное медиапространство, сфера прецедентно развивающейся интересубъективности общества. Благодаря высокотехнологическим средствам преодолеваются коммуникативные барьеры, под которыми принято понимать «психологические препятствия на пути адекватной передачи информации между партнерами по общению» [2, с. 166].

Коммуникации с применением передовых технологий имеют как большие преимущества перед традиционным форматом взаимодействия, так и значительные риски. И то, и другое, как и полифункциональные и синергетические свойства Интернет-коммуникаций только осваиваются правом.

С одной стороны, телекоммуникационные технологии стирают пространственные и временные преграды, создают оптимальные условия для решения многих социальных и правовых проблем, удовлетворения информационных потребностей государства и общества, становятся важной составляющей публичного управления многих стран.

С другой стороны, «оцифровка» всегда имеет побочные эффекты, которые подчас оказываются более вредными, нежели проблемы, которые решаются при помощи телекоммуникационных технологий.

Современный интернет интегрирует бесчисленное множество составляющих: «это и технический объект, и культурный феномен, и общественная практика, складывающаяся в ходе использования социальных сетей и чатов, и дискурсивные стратегии, используемые для объяснения самого интернета» [3, с. 415–416]. Рациональное и безопасное использование преимуществ Интернет-коммуникаций, без ухода как в киберутопизм, так и в киберпессимизм, организация перманентного общественно-государственного дискурса при посредстве этого продукта технической культуры не только в нормотворческом процессе, но и в иных сферах – задача, не имеющая априорного решения.

В информационном медиапространстве возможно установление более тесных связей между гражданами и органами государственной власти, чем в обычном пространстве. «Мобильная революция способствует позитивным преобразованиям, однако они не происходят сами собой, если не меняются люди, процессы и технологии» [4, с. 98]. Интерактивное взаимодействие в сети Интернет не укладывается в схему «запрос-ответ» [5, с. 94], но обязательно предполагает диалектический обмен точками зрения, обратную связь, рекрутирование общественной активности в те лакуны, из которых «уходит» государство.

Ожидаемая в таком случае степень участия граждан в публичном управлении возможна лишь на основе образования общих сервисов, то есть

«оперативных приложений и инфраструктуры общего характера, которые отвечают общим требованиям пользователей в различных областях» [6, с. 79]. Интернет-коммуникации – не столько готовый к использованию инструмент, приносящий искомую пользу только по одному своему определению. Это лишь средство, потенциально позволяющее сформировать неизолированный от общества (публичный, коллективный, гражданский) дискурс для информационного взаимодействия общества и государства, кумулятивного обмена идеями и выработки согласованных решений. Интернет-коммуникации – изменчивое и неустоявшееся явление. Результаты общественного дискурса определяются «не балансом сил, а силой аргументов» [7, с. 94]. Публичный дискурс может представлять большую правовую ценность, если будет открывать для общества смысл принимаемых нормотворческих и управленческих решений, восполнять дефицит возможностей общественного влияния на их содержание. Инновационная среда общения между участниками Интернет-коммуникаций, представляющими государство и общество, формируется в тех юрисдикциях, где созревают необходимые социальные условия, создается соответствующая информационная инфраструктура. Искомая среда критически важна для развития диалогической основы правообразования.

С развитием электронных средств общения, порталов, социальных сетей, сайтов, блогов во многих современных юрисдикциях возникает пространство общественно-государственного сотворчества. Наряду с закономерными примерами бутафорских выборов, многочисленных манипуляций, в мировой практике есть примеры конструктивного информационного взаимодействия государства и общества, снимающего напряженность между соответствующими акторами. «В современном обществе усиливается тенденция к укреплению самоуправленческих начал и саморегулированию. Особенно это заметно в коммуникациях в сети интернет, где весьма востребована общинная и кооперативная модели организации социального взаимодействия. Именно по их образу и подобию нередко формируются сетевые сообщества, потенциально способные образовывать саморегулируемую "криптусреду"» [8, с. 12].

Интернет-коммуникации создают возможность нескольких качественно-разных форматов информационного взаимодействия:

- между разными уровнями публичной власти (по вертикали);

- внутри каждого уровня (по горизонтали);

- каждого из уровней публичной власти с гражданами, заинтересованной общественностью, группами, объединенными на основании общих интересов и разделяемых ценностей.

С точки зрения вклада в создание атмосферы доверия между государством и обществом ключевую роль выполняет именно третий из приведенных видов информационного взаимодействия. Наряду с инструментом взаимодействия между отдельными ветвями, уровнями, структурами и институтами

государства, способом информирования общества о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, о разрабатываемом и действующем законодательстве, Интернет-коммуникация способна выполнять функции в сфере преодоления информационного разрыва, объективно существующего между государством и обществом, создания условий для общественно-государственных интеракций в процессе разработки нормотворческих и управленческих решений и повышения их социальной обоснованности. Тем самым создаются предпосылки для более действенного и эффективного обеспечения конституционного права человека и гражданина на участие в управленческих процессах, повышения уровня доверия и взаимодействия между органами власти и общественными структурами.

Существует высокая потребность развития методологической основы правового обеспечения участия граждан в диалоге с государством в перспективе информационной медиареальности. Переход от спорадического включения общественных акторов в Интернет-коммуникацию с акторами, представляющими государство, к более системному, реализация в общественно-государственном дискурсе не только пассивных, но и активных гражданских прав – не простые задачи, объединяющие информационную, программно-техническую, технологическую и организационную составляющие.

### **Библиографический список**

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г. № 66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Национальная безопасность: информационно-психологическая безопасность, образование / В. Ю. Арчаков [и др.] ; под общ. науч. ред. В. П. Вишневской, С. Н. Князева. – Минск : Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь, 2018. – 193 с.
3. Морозов, Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Е. Морозов ; пер. с англ. И. Кригера. – М. : АСТ : CORPUS, 2014. – 528 с.
4. Скиннер, К. Цифровой банк: как создать цифровой банк или стать им / К. Скиннер ; пер. с англ. С. Смирнова. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 320 с.
5. Ковалева, Н.Н. Правовое регулирование информатизации и оказание электронных услуг / Н. Н. Ковалева // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право : сб. науч. тр. / Ин-т государства и права Рос. акад. наук ; редкол.: Т. А. Полякова [и др.]. – М., 2018. – С. 91–95.
6. Акаткин, Ю.М. Цифровая трансформация государственного управления: датацентричность и семантическая интероперабельность / Ю. М.



Акаткин, Е. Д. Ясиновская ; под науч. ред. и с предисл. В. А. Конявского. – М. : URSS: Ленанд, 2019. – 723 с.

7. Вершинин, М. С. Политические коммуникации в информационном обществе / М. С. Вершинин. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 252 с.

8. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журн. рос. права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

## **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

**А.Н. Полешко**

*юрисконсульт Брестского государственного колледжа связи*

Новейшие технологии позволяют улучшать и упрощать не только сферу бизнеса или образования, но и качество медицинского обслуживания. Информатизация способна оказать непосредственное влияние на прогресс в здравоохранении.

В первую очередь стоит обратить внимание на понятие «электронное здравоохранение». Электронное здравоохранение представляет собой использование электронных коммуникационных технологий для нужд здравоохранения: лечения пациентов, обучения медработников, выявления заболеваний и мониторинга тенденций общественного здравоохранения [1].

В Республике Беларусь функционирует Концепция электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года, в соответствии с которой главной целью ее реализации выступает содействие совершенствованию качества медицинской помощи, посредством прямого обмена информацией между всеми уровнями оказания медицинской помощи и внедрения системы информационной поддержки клинических решений [2].

Современные информационно-коммуникационные технологии изменяют технологию работы медицинских служб различного профиля и поднимают ее на качественно новый уровень, в том числе позволяют внедрить в медицинскую практику дифференцированные методы выявления, диагностики, лечения и прогноза многочисленных заболеваний. Идет активная работа как над внедрением интегрированных информационных систем, так и программного обеспечения, поддерживающего врачебные решения и снижающего количество медицинских ошибок [3, с. 33].

Только благодаря средствам автоматизации, которые охватывают отрасль здравоохранения всё полнее, мы впервые можем говорить о переходе к персонализированной превентивной медицине, когда в центре всей системы не врач, а пациент. Причем не только тот, который уже болен и нуждается в лечении, но и тот, который следит за своим здоровьем и регулярно обращается за консультациями, чтобы его сохранить [4].

При таком подходе врач становится постоянным наблюдателем, тогда как в сложившейся модели здравоохранения врач действует уже после обнаружения проблемы для ее устранения. Постоянно следить за своим здоровьем позволяют такие «умные помощники» как, например, браслеты, постоянно измеряющие ключевые показатели и позволяющие предупредить ухудшение самочувствия; гаджеты, измеряющие еду на наличие аллергенов и многое другое.

Благодаря тому, что больницы получили возможность настраивать взаимодействие своих информационных систем, данные о каждом пациенте могут своевременно передаваться между клиниками, диагностическими и другими центрами, хотя раньше пациент с тяжелым заболеванием, таким как рак или сахарный диабет, переходя из одной клиники в другую, был вынужден в каждом медучреждении заново формировать историю болезни.

На наш взгляд, ключевые шаги в области перехода к электронному здравоохранению Республика Беларусь осуществила тогда, когда началось внедрение и развитие электронной регистратуры, электронной очереди, электронных рецептов и электронной медицинской карты. Однако в силу отсутствия достаточной правовой регламентации, это до сих пор вызывает ряд спорных моментов и вопросов.

Актуальным в настоящее время является развитие и функционирование «телемедицины». В соответствии с Положением о телемедицинском консультировании в Республике Беларусь от 31.10.2017 №1250, телемедицина – комплекс организационных и технологических мероприятий, обеспечивающих осуществление дистанционного врачебного консилиума и/или врачебной консультации, при которой пациент или врач-специалист, непосредственно проводящий обследование или лечение пациента, получает дистанционную консультацию другого врача-специалиста с использованием информационно-коммуникационных технологий [5].

Для проведения дистанционной консультации пациенту не нужно приезжать в медицинский центр, что целесообразно в период пандемии и имеет преимущество над традиционными приемами у специалистов. С обратной стороны, отсутствие качественного интернет-соединения, интегрированных цифровых систем, высокая занятость врачей-специалистов на своих участках в районных центрах является препятствием для качественного оказания услуги и развития данного вида консультаций. Не стоит так же упускать вопрос, касающийся определенной группы граждан, которые настойчиво предпочитают традиционные методы медицины и не всегда готовы идти в ногу со временем.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что автоматизация медицины неизбежна и необходима современному обществу. Республика Беларусь должна развивать систему электронной медицины, ее правовую регламентацию, совершенствовать средства и методы борьбы с проблемами использования средств телемедицины в районах, а также установить баланс между

функцыянаваннем традыцыйных метадаў дыягностыкі і лечэння і ўвядзеннем найбольш інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій.

### **Бібліяграфічны спіс**

1. Электроннае здароўе [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.belcmt.by/ru/sanitation>. – Дата доступа: 09.11.2020.
2. Об утверждении Концепции развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года [Электронный ресурс] : Приказ Министерства Здравоохранения Республики Беларусь, 20 марта 2018 г., № 244 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.
3. Абламейко, М.С., Абламейко, С.В. Правовые вопросы развития электронного здравоохранения в Республике Беларусь. – Минск : Проблемы управления, 2014. – №4. – С. 33–39.
4. Цифровая индустрия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.report/kakie-problemy-v-mediczine-mozhet-reshit-avtomatizacziya-i-povoe-ro/>. – Дата доступа: 10.11.2020.
5. О телемедицинском консультировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Приказ Министерства Здравоохранения Республики Беларусь, 31 окт. 2017 г., № 1250 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.

## **НЕКАТОРЫЯ ПАЛІТЫКА-ПРАВОВЫЯ ІДЭІ Ў БЕЛАРУСІ Ў ХІХ СТАГОДДЗІ**

**Д.А. Праневіч**

*выкладчык кафедры прававых дысцыплін*

*Мінскага філіяла ўстановы адукацыі*

*«Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі»*

У ХІХ ст. палітычная і прававая думка Беларусі развівалася па трох асноўных накірунках: ліберальна-буржуазнаму, кансерватыўна-манархічнаму, рэвалюцыйна-дэмакратычнаму. Упершыню прынцыпы лібералізму былі сфармуляваны англіійскім эканамістам А. Смітам у 1776 г. У Беларусі ідэі лібералізму пачалі распаўсюджвацца ў канцы ХVІІІ – пачатку ХІХ ст. сярод выкладчыкаў і студэнтаў Віленскага ўніверсітэта, а таксама гарадскога насельніцтва. У тагачасных перыядычных выданнях (“Дзеннік віленскі”, “Тыгоднік віленскі”) крытыкаваліся царкоўнае выхаванне, цэбра езуітаў, даказвалася неабходнасць вызвалення сялян, жаночай адукацыі, надання грамадзянскіх правоў яўрэям. У 1-й палове ХІХ ст. у Беларусі сфарміраваліся цэнтры радыкальна-ліберальнай (Дэмакратычнае грамадства) і памяркоўна-ліберальнай (Віленскае дваранскае грамадства) думкі. Актыўны ўдзел у

распаўсюджванні ліберальных ідэй прымаюць прадстаўнікі студэнцкіх таварыстваў Віленскага ўніверсітэта філаматы, філарэты, прамяністыя. Ідэі рэфармавання сістэмы сярэдняй і вышэйшай адукацыі, вырашэнне сялянскага пытання адстойвалі Я. Снядэцкі (1756 – 1830), В. Страйноўскі (1759 – 1834), М.К. Агінскі (1765 – 1833) і іншыя.

У 1857 – 1864 гг. фарміраванне ліберальнага грамадскага руху ў Беларусі актывізавалася. У 1881-1905 гг. пачалося афармленне лібералізму як палітычнай плыні і стварэнне палітычнай ліберальнай апазіцыі. Лідэры апазіцыі: У. Віткевіч, У. Мятлін, А. Аляксандраў і інш.) увайшлі ў склад партыі “Народнай свабоды”. Да вясны 1906 г. у Магілёве і Пінску аформіліся яе групы. Аднак з прычыны слабасці сацыяльнай базы, адсутнасці земстваў, ВНУ і інш. ліберальныя ідэі ў Беларусі ў межрэвалюцыйны перыяд 1907-1917 гг. практычна не выказваліся.

Кансерватызм сфарміраваўся на мяжы XVIII – XIX стст. як рэакцыя на ідэі эпохі Асветніцтва. Кансерватыўная плынь у Расійскай імперыі пачала складвацца ў час першых ліберальных рэформаў Кацярыны II сярод царскіх чыноўнікаў і памешчыкаў. Кансерватызм абараняў веру супраць розуму, традыцыю супраць свабоднага пазнання, іерархію супраць роўнасці, калектыўныя каштоўнасці супраць індывідуалізму, боскія ці натуральныя законы супраць грамадскіх. Шырокая дваранская кансерватыўная апазіцыя склалася ў 1850-я-пач. 1860 г.г. у ходзе абмежавання і ажыццяўлення сялянскай рэформы 1861 г. Аднак арганізацыйна яна не аформілася. У 2-й палове 1860 –х гадоў кансерватыўнае дваранства Беларусі выступіла за захаванне рэшткаў прыгону, ліквідацыю інстытута міравых пасрэднікаў і інш., хоць выказвалася за земскую і судовую рэформы. Прадстаўнікі кансерватызму ў Беларусі выступалі за захаванне патрыярхальных адносін. Прыхільнікі кансерватыўных ідэй І. Лабажэўскі (каля 1750 – 1826), Г. Ржавускі (1791 – 1866), І. Галавінскі (1807 – 1885), К. Буйніцкі (1788 – 1878) і іншыя крытыкавалі змест канстытуцый, заснаваных на прынцыпах “натуральнага права”, ставілі пад сумненне ідэі “грамадскага дагавору”, прынцыпы суверэнітэту народаў і правоў чалавека. Асноватворнымі паняццямі для іх былі “гісторыя”, “жыццё”, “нацыя”. Аднак кансерватыўная думка згаджаецца з прынцыпамі канстытуцыйнай дэмакратыі і індывідуальных правоў, з неабходнасцю асцярожных і паступовых сацыяльна-эканамічных змен. Прадстаўнікі гэтага напрамку выступалі за захаванне рэшткаў прыгону, ліквідацыю інстытута міравых пасрэднікаў і інш, хоць выказваліся за земскую і судовую рэформы. У цэлым кансерватыўныя ідэі не здолелі дастаткова ярка праявіцца ў грамадска-палітычнай думцы і руху ў пачатку XX ст. Рэвалюцыйна-дэмакратычны напрамак у грамадскай думцы Беларусі найбольш выразна акрэсліўся ў канцы 50-х гг. XIX ст.

Рэвалюцыйна-дэмакратычны напрамак у грамадскай думцы Беларусі выразна акрэсліўся ў канцы 50-х гадоў XIX ст., калі ў Расіі пачаўся новы рэвалюцыйна-дэмакратычны этап вызваленчага руху. Яго ідэолагі А. Герцэн, М. Чарнышеўскі, М. Бакунін, М. Агараў, М. Дабралюбаў абгрунтоўвалі

неабходнасць ліквідацыі памешчыцкага землеўладання, перадачы зямлі і ўсіх срокаў вытворчасці народу і інш. Рэвалюцыйны дэмакратызм прадстаўляў сабой адзінства прынцыпаў і ідэй светапогляднага характару, сістэму палітычных каштоўнасцей, у аснове якой ляжала ідэя гістарычнага прадвызначэння працоўнага народа, тэндэнцый сялянскага сацыялізма, якія мелі пэўнае распаўсюджанне ў грамадска-палітычнай самасвядомасці насельніцтва.

Прадстаўнікамі рэвалюцыйна-дэмакратычнага напрамку былі М. Валовіч (1806 – 1833), Ф.А. Савіч (1815 – 1861), Ю. Бакшанскі (1824 – 1863). К. Каліноўскі (1838 – 1864) і інш. Яны крытыкавалі феадальна-прыгонніцкія адносіны сярэдзіны XIX ст. Глыбока раскрывалі сутнасць прыгонніцкай эксплуатацыі ва ўсіх яе формах, паказвалі выключна цяжкае становішча сялян Беларусі, асабліва дзяржаўных.

Яны марылі раздаць усю зямлю сялянам, т. як яна “ад дзядоў-прадзедаў” з’яўляецца іх уласнасцю. Былі прыхільнікамі ідэалаў сялянскага абшчыннага сацыялізму. Выступалі за адмену ў будучым грамадстве ўсіх класавых, нацыянальных і рэлігійных прывілеяў і абмежаванняў. Лічылі, што чалавека патрэбна ацэньваць па яго рэальных справах і заслугах. Новае грамадства павінна быць грамадствам працоўных. Давалі глыбокую крытыку педагогікі, якая склалася ў сучасным яму грамадстве. Лічылі, што існуючы сацыяльны лад не можа забяспечыць дзецям правільнага выхавання і адукацыі. Яны адзначалі, што пануючыя класы не клапацяцца аб адукацыі і выхаванні сялянскіх дзяцей. Выступалі супраць таго, што быццам бы толькі выбраныя здольны вучыцца і займацца навукай. Выказваліся за ўсеагульную адукацыю і выхаванне, якімі будзе займацца непасрэдна дзяржава, за тое, каб школа фарміравала ў дзяцей высокія грамадскія якасці і гуманістычныя ідэалы.

Выказваліся ў гэты час у Беларусі і марксісцка-ленінскія ідэі.

Такім чынам, у палітычнай і прававой думцы Беларусі ў XIX ст. прысутнічалі агульначалавечыя праблемы дзяржавы і права.

## **ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

**А.К. Савостикова**

*преподаватель кафедры конституционного права  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

Одной из главных задач построения информационного общества является цифровизация всех процессов, происходящих в государстве. В связи с этим в последние годы все более широко применяется термин «Цифровая трансформация общества».

Следует отметить, что сам термин «цифровая трансформация» упоминается в различных публикациях, однако, целостного, общепринятого

определения данного понятия нет. Цифровую трансформацию часто называют цифровой революцией. И как любая революция она существенно меняет привычный расклад сил на рынке.

Понятие «цифровая трансформация» включает в себя такие основные процессы, как оцифровка и цифровизация. Под первым понимается преобразование информации с материальных носителей на электронные, что позволяет сделать процесс использования информации удобнее. Цифровизация же представляет собой процесс создания нового инновационного продукта с использованием информационных технологий. Цифровизацию считают глубокой автоматизацией, которая ведет к снижению операционных и трудовых затрат.

Особую важность процессу цифровизации придает ее определяющее значение в переходе к четвертой промышленной революции и к шестому технологическому укладу. Цифровизация национальной экономики уже стала важной составляющей экономического развития большинства стран и становится институциональной основой устойчивого роста производства, повышения конкурентоспособности и уровня жизни белорусов в ближайшем будущем [1, с. 6].

Цифровая трансформация представляет собой достаточно трудоемкий процесс, требующий большого количества затрат как времени, так и ресурсов. В этой связи можно выделить ряд факторов, как сдерживающих процесс цифровой трансформации, так и стимулирующих данный процесс.

К основным факторам, способствующим развитию цифровой трансформации в Республике Беларусь, относятся:

- устойчивая и результативная политическая система;

- признание информатизации одним из важнейших национальных приоритетов устойчивого развития и совершенствование правового регулирования ее процессов;

- развитая информационная индустрия, стимулируемая государством;

- высокий образовательный уровень населения.

Основными факторами, замедляющими развитие информатизации в стране, являются:

- пассивность государственных органов и организаций при решении вопросов в области информатизации;

- отсутствие стимулов для изменения бизнес-процессов, необходимых при внедрении ИКТ;

- недостаточное количества инвестиций в ИКТ, как со стороны государства, так и бизнеса;

- неэффективное использование возможностей государственно-частного партнерства [2].

Также, среди сдерживающих условий можно отметить:

- 1) технологические барьеры и проблема кибербезопасности.

Отсутствие опыта в использовании определенных технологий, недостаточное развитие инфраструктуры (плохая проходимость некоторых каналов связи, недостатки банков данных), а также слабая защищенность информации от киберпреступности, которая развивается одновременно с развитием ИКТ – все это приводит к замедлению процессов цифровой трансформации.

Цифровая трансформация приводит к необходимости создания, внедрения и поддержки новых ИКТ, что приводит к значительным затратам. Не все компании, не во всех отраслях могут себе позволить полный переход к использованию инновационных технологий. Сами проекты по внедрению цифровых технологий являются достаточно дорогостоящими, связано это с тем, что любая система нуждается в должном обслуживании, что включает в себя и замену устаревших технологий новыми, более усовершенствованными и дальнейшую техническую поддержку внедренного продукта. Хотя создание и совершенствование собственной информационной индустрии является приоритетным направлением цифровой трансформации, в некоторых случаях, создание национального продукта нецелесообразно, в связи с большими финансовыми затратами. В связи с этим возникает необходимость заимствования технологий у соседних стран. Это возможно тогда, когда используемые ИКТ не относятся к категории критически важных объектов информатизации и не могут привести к подрыву системы информационной безопасности страны.

Появление новых информационных технологий создает новые риски как для государства в целом, так и для человека в частности (защита персональных данных).

От государства требуется поиск дополнительных решений и средств, направленных на защиту информации в постоянно изменяющихся условиях информационного общества.

2) экономические трудности в странах (вызванные финансовым кризисом 2011 года, пандемией 2020 года и др.) приводит к волатильности валюты и, в общем, неблагоприятной атмосфере для повышения темпов информатизации и развитию цифровой экономики, что отражается как на государственном уровне, так и в частном секторе.

В этой связи происходит возвышение одних стран над другими, кто-то успешно справляется с глобальными проблемами, а кто-то теряет свои преимущества.

3) организационные трудности – цифровая грамотность населения, повышение квалификации специалистов, утечка молодых и перспективных кадров.

Базовым элементом информационного общества и цифровой экономики является человек, формирующий человеческий капитал.

Большое значение имеет человеческий фактор в плане готовности людей к переменам: умение пользоваться техническими устройствами, наличие

определенных знаний и, самое главное, желание использовать ИКТ в повседневной жизни. Человек является постоянным пользователем различных инновационных технологий, реализует свои возможности посредством использования систем электронного правительства, электронной демократии, умного города и другие, тем самым повышает свой интеллектуальный уровень.

Таким образом, значимой проблемой на пути развития цифровой трансформации является наличие технологических, экономических и организационных барьеров, которые в большинстве своем носят объективный характер и напрямую не зависят от усилий государственных органов конкретной страны. Такого рода препятствия необходимо пытаться устранить сообща, посредством международного сотрудничества, начиная от обмена кадрами и заканчивая вопросами обмена технологиями в сфере ИКТ.

Так, на наш взгляд, для решения проблем, стоящих на пути цифровой трансформации, целесообразно определить условия, при которых сдерживающие факторы отойдут на второй план, несмотря на наличие стимулирующих факторов. Среди таких условий можно выделить:

1) наличие актуальной нормативной и технологической базы.

Можно говорить о том, что в Республике Беларусь одним из основных нормативных правовых актов, призванным способствовать развитию цифровой трансформации является Декрет № 8, который установил ряд приоритетных направлений в данной области, а также предусмотрел большое количество льгот для компаний и людей, задействованных в развитии цифровой экономики.

2) должная организация процесса.

В Республике Беларусь основные направления развития цифровой трансформации содержатся в стратегиях и программах, которые были рассмотрены нами ранее. То есть, изначально необходимо определить цели и задачи государственной информационной политики в государстве, затем правильно скоординировать деятельность государственных органов и иных государственных организаций в развитии информационного общества, осуществить меры по укреплению информационной безопасности и определить основные меры государственной поддержки. Без этих базовых этапов процесс цифровой трансформации будет затруднительным.

3) вовлечение и стимулирование людей.

В условиях цифровой трансформации при внедрении ИКТ необходимо обеспечение функционирования информационных продуктов и систем. Робототизация все более широко применяется во всех отраслях цифровой экономики. Тем не менее ни одна машина не может функционировать без контроля со стороны человека, и утверждение о том, что с появлением новых технологий и искусственного интеллекта произойдет сокращение рабочих мест, и «машина» заменит «человека», считаем несостоятельным. Как следствие, необходимо постоянное повышение цифровой грамотности населения, привлечение значительного количества кадров, имеющих определенную



квалификацию в данной области, что способствует появлению новых рабочих мест.

4) возможность переподготовки кадров.

Как следствие из третьего условия вытекает необходимость переподготовки кадров. Система образования требует совершенствования, изменения подходов в обучении. Данные изменения проявляются в том, что практически все профессии требуют определенной технической подготовки. В связи с этим, большое внимание следует уделять курсам, семинарам, образовательным ресурсам и т.д., т.е. постоянно повышать уровень специалиста практически любой отрасли. В свою очередь, происходит увеличение числа специализаций технического характера. Следует отметить, что это может привести к увеличению количества частных образовательных учреждений, которые будут готовить специалистов для ИТ-сферы.

5) государственно-частное партнерство.

Считаем целесообразным в качестве основного условия развития цифровой экономики назвать необходимость баланса как между человеком и технологиями, так и между государством и бизнесом. Например, создание системы электронного здравоохранения предусматривает более удобный и простой доступ к медицине. Для этого необходимо обеспечить человеку право выбора медицинского учреждения (государственного или частного). Чтобы это реализовать, необходимо чтобы к системе электронного здравоохранения страны были подключены как государственные, так и частные учреждения здравоохранения.

Развитие указанных выше пунктов позволит более быстро внедрять инновационные технологии, поможет людям приспособиться к меняющейся действительности, создаст необходимую базу, без которой ни один масштабный процесс не может протекать.

### **Библиографический список**

1. Головенчик, Г.Г. Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации /: моногр. Г.Г. Головенчик– Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 257 с.;
2. Коршунов, Г.П. Цифровая трансформация общества – проблемы и перспективы социологического изучения / Г.П. Коршунов // Журнал Белорусского гос. университета. Социология. – 2019. – 1:12–22.- с. 12-22.

## НЕЙТРАЛИТЕТ В ЗАРУБЕЖНОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

**В.В. Сажина**

*доцент кафедры конституционного и административного права Академии  
управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Нейтралитет – многоотраслевая, а не исключительно конституционно-правовая категория. В обычном понимании нейтралитет – это, прежде всего, неучастие в войне, в мирное же время – это неучастие в создании и поддержании в состоянии боеспособности военных блоков. При реальном нейтралитете страна не вправе: 1) предоставлять собственные вооруженные силы воюющим странам; 2) предоставлять свою территорию воюющим странам; 3) дискриминировать какую-либо из воюющих сторон в вопросах поставки вооружений и других предметов военного назначения.

Нейтралитет как конституционно-правовое понятие появился намного позже, чем его международно-правовой аналог. Если о пресловутом швейцарском международно-правовом нейтралитете говорят как о явлении чуть ли не эпохи Средневековья, то конституционного закрепления принципа нейтралитета в национальном праве этой страны пришлось ждать вплоть до XIX века. Притом ни авторы Конституции Швейцарии 1848 и 1874 гг., ни составители ныне действующей Конституции 1999 года напрямую не закрепляли в тексте основного закона нейтралитет как важнейший и проверенный временем принцип швейцарского конституционного строя.

Нейтралитет как конституционно-правовой принцип близок конституционному принципу «отказа от войны», закреплённому в ряде «пацифистских» конституций после Второй мировой войны. Прежде всего это касается японской конституции 1947 года, в преамбуле и во второй главе которой содержатся заявления о полном неучастии в военных действиях и о неприменении вооруженной силы как средства разрешения международных споров и конфликтов.

Вообще же в течение продолжительного времени в Европе помимо Швейцарии принципа нейтралитета придерживаются Австрия, Ирландия, Лихтенштейн, Мальта, Финляндия, Швеция. Нейтралитет на постсоветском пространстве в 1995 году был провозглашен одним из принципов конституционного строя Туркменистана.

Конституционное выражение этого принципа, между тем, происходит по-разному.

К примеру, как уже упоминалось, текст Конституции 1999 года Швейцарской Конфедерации вводит термин «нейтралитет» не в преамбулу к Конституции или в раздел основные положения, а в ст. 173, п.1-а «Федеральное собрание ... принимает меры для сохранения ... нейтралитета Швейцарии» и в ст. 185, п.1 «Федеральный совет ... принимает меры для сохранения ... нейтралитета Швейцарии» [1].

Такая легальная формулировка, на взгляд большинства исследователей, недостаточна, но вполне объяснима. Объяснить ее можно прежде всего тем, что в странах «старой» демократии сложилась давняя практика использования устойчивых общеизвестных публично-правовых категорий в качестве неписаного конституционного обычая (конвенционного соглашения). А писанные формулировки (в том числе и конституционные) в таких случаях носят дополнительный и, стало быть, заведомо лапидарный характер.

Точно так же статья 9-я австрийского Федерального конституционного закона от 10 ноября 1920 года гласит: «Австрия признает свою ответственность за всестороннюю оборону страны. Оборона направлена на обеспечение внешней независимости, а также неприкосновенности и целостности территории Федерации, в частности, – на поддержание и защиту постоянного нейтралитета» [2].

Вместе с тем, подчеркнем, что, поскольку австрийская Конституция неконсолидированная, то составной частью ее является важнейший для темы конституционного нейтралитета Федеральный закон от 26 октября 1955 года о постоянном нейтралитете Австрии, 65-летний юбилей которого недавно отмечался в этой стране. А это буквально означает, что в Австрии конституционное закрепление принципа нейтралитета нашло свое формально-юридическое отражение.

В свою очередь, неконсолидированная Конституция Швеции ни в одном из составляющих ее четырех конституционных законов – ни в Законе о престолонаследии 1810 года, ни в Законе о свободе печати 1949 года, ни в Форме правления 1974 года, ни в Законе о свободе выражения взглядов 1991 года ни строчкой не упоминает принцип нейтралитета. Это опять же не явилось препятствием для соблюдения Швецией реального нейтралитета в двух мировых войнах и в последующий период «холодной войны».

В тексте Конституции Ирландской республики 1937 года тоже нет ни слова о нейтралитете страны. Однако еще до Второй мировой войны ирландцы де факто начали придерживаться принципа нейтралитета. Выглядело это, мягко скажем, странно: Ирландия не вошла в антигитлеровскую коалицию, закрыв страну для союзных морских конвоев и авиации. Да и симпатии множества ирландцев были на стороне нацистской Германии (в стране как бы по-прежнему исповедовался многовековой принцип: «Что плохо для Англии, хорошо для Ирландии»). Но в то же время отметим, что в НАТО Ирландия осознанно не вступила, поэтому поддерживаемый страной международно-правовой нейтралитет является на сегодняшний день реальным, хоть и, повторим, никак не закрепленным конституционно.

В противоположность вышеприведенным примерам статья 6 Конституции 1992 года Туркменистана гласит: «Туркменистан, являясь полноправным субъектом мирового сообщества, признает приоритет общепризнанных норм международного права, придерживается во внешней политике принципов постоянного позитивного нейтралитета, невмешательства во внутренние дела

других стран, отказа от применения силы и участия в военных блоках и союзах, содействия развитию мирных, дружественных и взаимовыгодных отношений со странами региона и государствами всего мира». Такое юридически корректное краткое закрепление принципа конституционного строя Туркменистана – несомненное достижение авторов текста Конституции Республики Туркменистан. Международное признание нейтралитета этой страны состоялось 12 декабря 1995 года, когда нейтралитет республики был одобрен Резолюцией 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

А еще одно государство – член британского Содружества – парламентская республика Мальта – в Конституции 1964 года чересчур многословно-пафосно, как представляется, закрепила принцип нейтралитета.

Так, первый же раздел основной части Конституции «Государственные принципы» сразу в 1-й статье (п.3) объявляет, что: «Мальта является нейтральным государством, активно стремящимся к миру, безопасности, к социальному прогрессу среди всех наций, придерживаясь политики неприсоединения и отказа от участия в любом военном союзе.

Такой статус будет включать, в частности, что:

(а) никакая иностранная военная база не будет допущена на мальтийскую территорию;

(b) никакие военные объекты в Мальте не будет разрешено использовать любым иностранным силам, кроме как по просьбе компетентных властей Мальты и только в следующих случаях:

- в осуществление присущего ей права на самозащиту в случае любого вооруженного нарушения пространства, суверенитет над которым принадлежит Мальте, или в осуществление мер или действий, решение о которых принято Советом Безопасности Организации Объединенных Наций;

- в любое время при наличии угрозы суверенитету, независимости, нейтралитету, единству или территориальной целостности Мальты;

(с) кроме ранее сказанного, никакие другие благоприятные условия в Мальте не будет разрешено использовать таким образом или в таком размере, чтобы это вело к присутствию в Мальте концентрации иностранных сил;

(d) кроме ранее сказанного, никакой иностранный военный персонал не будет допущен на мальтийскую территорию, кроме военного персонала, осуществляющего или помогающего осуществлять гражданские работы и виды деятельности, и более, нежели в разумной численности военного технического персонала, помогающего в обороне Мальтийской Республики;

(е) верфи Мальтийской Республики будут использоваться для гражданских торговых целей, но могут также использоваться в разумных пределах по времени и по количеству для ремонта военных кораблей, которые были поставлены в положение неучаствующих в боевых действиях, или для постройки кораблей, и в соответствии с принципами неприсоединения названные верфи будут закрыты для военных кораблей двух сверхдержав» [3].

Традиции стилистики конституций, безусловно, не предполагают столь широкую расшифровку конституционных клаузул, как это было сделано на Мальте. Безусловно, что авторы конституционного текста скорее руководствовались деклараторно-политическими соображениями, чем соблюдением общепринятых стандартов написания конституции.

Вместе с тем следует отметить в заключение, что вне зависимости от конкретных, порой не самых удачных конституционных формулировок практика провозглашения нейтралитета в национальном конституционном праве страны – это всегда благо, служащее благородной цели сохранения мира во всем мире.

### **Библиографический список**

1. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.concourt.am/armenian/legal\\_resources/world\\_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm/](http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm/). – Дата доступа: 12.11.2020.
2. Федеральный конституционный закон Австрии от 10 ноября 1920 г. (с изменениями от 1999 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14133/>. – Дата доступа: 12.11.2020.
3. Конституция Мальты от 21 сентября 1964 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-мальты/>. – Дата доступа: 12.11.2020.

## **ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СУДЕБНОГО ОКРУГА (1865-1878 ГГ.)**

**А.А. Сапунков**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,  
кандидат юридических наук, доцент*

Судебная реформа 1864 года и её огромное значение для судеб российской государственности была и остается предметом для многочисленных научных исследований. Однако, сам процесс создания пореформенных судов [1], зачастую определен не четко, что становится причиной множества фактологических ошибок. На удивление мало публикаций посвящены судам С.-Петербургского округа [2; 3; 4].

Законом от 20 ноября 1864 года сроки создания «новых» судов, места их размещения, границы территории округов не оговаривались [5, с. 179-180]. Только в указе от 19 апреля 1865 года было определено, что в С.-Петербургский округ войдут 3 губернии (С.-Петербургская, Новгородская и Псковская), где планировалось создать 6 окружных судов, из которых

местоположение двух еще не было определено [6, с. 383-388]. Законом от 13 декабря 1865 года к территории округа был присоединен Весьегонский уезд Тверской губернии, а также был окончательно определен список судов (С.-Петербургский – 1 разряда; Новгородский и Псковский – 3 разряда; Устюженский, Белозерский и Великолуцкий – 4 разряда) [7, с. 335]. Рассматривались и альтернативные варианты населенных пунктов для дислокации окружных судов: в С.-Петербургской губернии – Луга, Петергоф, Гдов, Новая Ладога и Ямбург [8], в Новгородской губернии – Сомино и Череповец [9].

После завершения всех технических мероприятий указом от 19 марта 1866 года было объявлено о введении судебных уставов в С.-Петербургской губернии [10, с. 312], указом от 2 октября 1866 года (п. 2) – в губерниях Новгородской и Псковской [11, с. 82-83].

Торжественное открытие общих судов округа происходило в следующем порядке: С.-Петербургские судебная палата и окружной суд – 17 апреля, Великолуцкий окружной суд – 28 октября, Псковский окружной суд – 31 октября, Новгородский и Устюженский окружные суды – 17 ноября, Белозерский окружной суд – 26 ноября 1866 года [12, с. 5-27]. Таким образом, 19 марта 1866 года пореформенные суды появились только в одной из губерний округа, а полностью судебный округ был сформирован и начал функционировать с 26 ноября 1866 года.

Важной вехой в формировании системы общих судов империи в целом и судов Петербургского округа, в частности, стало реформирование структуры судебных палат. Изначально судебные палаты было решено создавать в составе двух департаментов (одного – гражданского и одного – уголовного). Однако многообразие функций судебного органа потребовало более сложной структуры [13; 14]. Указом от 16 января 1873 года был сформирован штат ещё одного гражданского департамента судебной палаты, который стал третьим в её составе [15, с. 83-84]. В XX в. число департаментов в составе судебных палат доходило до восьми [16, с. 1].

За весь период существования пореформенных судов Российской империи судебные палаты никогда не упразднялись, а окружные суды упразднялись крайне редко. Всего было 4 случая закрытия суммарно 6 окружных судов: Устюженский и Белозерский (1878), Ржевский и Рыбинский (1889), Изюмский (1898), Седлецкий (1912).

Законом от 30 мая 1878 года в Новгородской губернии были расформированы два суда 4-ого разряда (Устюженский и Белозерский) и взамен был создан один суд 3-его разряда (Череповецкий). К округам Устюженского и Белозерского судов относилось 7 уездов, из них: 4 были переданы – Череповецкому суду; 2 уезда добавились в округ Новгородского суда, который теперь увеличился до 7 уездов, но разряд данного суда не повышался; а Весьегонский уезд Тверской губернии был передан в Московский судебный

округ, где был отнесен к ведению Кашинского окружного суда [17, с. 388-389]. Череповецкий окружной суд был открыт 4 июня 1878 года.

Таким образом, С.-Петербургский судебный округ прошел этап первоначального формирования и далее преобразовывался за счет включения в его состав новых губерний: Витебской (1883) [18, с. 437-438], Лифляндской, Эстляндской и Курляндской (1889) [19, с. 411], Олонецкой (1892) [20, с. 85]. На территории указанных 5 губерний было открыто ещё 6 окружных судов: Витебский, Рижский, Ревельский, Митавский, Либавский и Петрозаводский, которые стали подведомственны С.-Петербургской судебной палате.

### **Библиографический список**

1. Сапунков, А.А. Классификация региональных вариантов проведения реформы 1864 г. на основе эволюции роли судебных палат в судебной системе Российской империи // Администратор суда. – 2015. – № 3. – С. 42-46.
2. Курас, Т.Л. Создание и общая характеристика Санкт-Петербургской судебной палаты (1866-1917 гг.) // Власть. – 2014. – № 12. – С. 169-173.
3. Парташ, Н.В. Великолукский окружной суд Псковской губернии в эпоху Временного правительства: по материалам государственного архива Псковской области // Кирилло-Мефодьевские чтения в СамГТУ: сборник. Самара: СамГТУ, 2016. – С. 62-65.
4. Сабанцев, А.Н. Судебные учреждения Олонецкой губернии: 1784-1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Петрозаводск, 2003.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ РИ). Собр. 2. – Т. 39. – Отд. 2. – СПб., 1867. – № 41473.
6. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 40. – Отд. 2. – СПб., 1867. – Прил. к № 42587.
7. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 40. – Отд. 2. – СПб., 1867. – № 42769.
8. Проекты зданий окружных судов. 1866 г. / Техническо-строительный комитет МВД. С.-Петербургской губернии. Источник электронных копии: РГИА Ф. 1293. Оп. 167. Д. 172, 173, 174, 175, 176. [Электронный ресурс]: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/768551>, <https://www.prilib.ru/item/768572>, <https://www.prilib.ru/item/768604>, <https://www.prilib.ru/item/768614>, <https://www.prilib.ru/item/768623>. – Дата доступа 01.10.2020.
9. Замечания Министра МВД на соображения комиссии, высочайше учрежденной для окончания работ по преобразованию судебной части, о порядке введения в действие судебных уставов 20-го ноября 1864 года. – С. 13-14 // РГИА Ф. 1Б. – Оп. 1. – Д. 82450. – Л. 49-50. [Электронный ресурс]: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/343202>. – Дата доступа 01.10.2020.
10. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 41. – Отд. 1. – СПб., 1868. – № 43130.
11. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 41. – Отд. 2. – СПб., 1868. – № 43696.

12. Мурзанов, Н.А. Список судебных деятелей первого призыва учреждений, открытых в 1866-1876 гг. // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – В 2-х т. –Т. Доп. Пг.: Сенат. тип., 1914.

13. Сапунков, А.А. Учреждение института судебных палат как важнейшая часть судебной реформы второй половины XIX века в Российской империи // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта: сборник. – Омск : СибГУФК. 2012. С. 185-192.

14. Сапунков А. А. Роль судебных палат в судебном правотворчестве Российской империи второй половины XIX - начала XX века // Российский судья. – 2016. – №4. – С. 59-63

15. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 48. – Отд. 1. – СПб., 1876. – № 51783.

16. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. – Вып. 25. – СПб., 1911.

17. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. 53. – Отд. 1. – СПб., 1880. – № 58594.

18. 18 ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. 2. – СПб., 1886. – № 1166.

19. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. 9. – СПб., 1891. – № 6187.

20. ПСЗ РИ. – Собр. 3. – Т. 12. – СПб., 1895. – № 8303.

## **ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Т.В. Сенькова**

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права  
юридического факультета*

*УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Вопросы теории юридической ответственности: ее понятие, функции, цели разработаны в юридической науке на достаточно высоком уровне. Свои работы этим проблемам посвятили С.Г. Дробязко, А.Ф. Вишневский, А.Н. Горбатов, В.А. Кучинский, Н.В Сильченко, С.С. Алексеев, Н.И. Матузов, А.В. Малько и др. Несмотря на наличие различных подходов, в том числе в исследовании функций ответственности, сформировались устойчивые представления о них, как основных направлениях воздействия на общественные отношения, посредством которых достигаются цели юридической ответственности. Функции юридической ответственности системно взаимосвязаны и дополняют друг друга, каждая функция имеет свою цель, способ реализации. Среди основных функций юридической ответственности принято выделять карательную, воспитательную, профилактическую, восстановительную.

Вопрос функций юридической ответственности может вызывать интерес с точки зрения их правового закрепления и реализации. В Республике Беларусь проведена масштабная работа по совершенствованию административно-деликтного законодательства, результатом которой стала подготовка проектов



Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – проект КоАП) и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – проект ПИКоАП) [1; 2]. В этой связи следует отметить, что существенно усилено профилактическое (предупредительное, превентивное) направление административной ответственности. По-новому определены задачи и принципы законодательства. Так проект КоАП ставит четкую задачу перед органами, ведущими административный процесс по предупреждению административных правонарушений, а также по выявлению и устранению причин и условий, которые способствуют их совершению. Предупреждение административных правонарушений указано в качестве цели административной ответственности наряду с воспитанием физического лица, совершившего административное правонарушение.

Ключевым стало введение профилактических мер воздействия, которые могут быть приняты в отношении лица, совершившего административное правонарушение при освобождении его от ответственности. Таким образом, профилактические меры воздействия планируется применять вместо административных взысканий по отдельным категориям правонарушений. Систему профилактических мер воздействия в соответствии со ст. 5.1 проекта КоАП составляют устное замечание, предупреждение, меры воспитательного воздействия.

Устное замечание выносится физическому лицу и состоит в разъяснении противоправности, общественной вредности и недопустимости административного правонарушения. В соответствии со ст. 5.2 проекта КоАП устное замечание не может быть применено к индивидуальному предпринимателю, должностному лицу, в случае если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность, а также по делам о правонарушениях, влекущих административную ответственность по требованию потерпевшего. В соответствии со ст. 8.2 проекта КоАП устное замечание обязательно объявляется при освобождении физического лица от административной ответственности в связи с признанием совершенного деяния малозначительным.

Предупреждение выносится в письменной форме в постановлении об освобождении от административной ответственности с целью предостеречь лицо, совершившее административное правонарушение о недопустимости противоправного поведения и неблагоприятных правовых последствиях повторного совершения административного правонарушения. Лицо, совершившее административный проступок или значительное административное правонарушение освобождается от административной ответственности с вынесением ему предупреждения при одновременном соблюдении условий, указанных в ст. 8.3 проекта КоАП. К несовершеннолетним предупреждение может быть применено независимо от категории совершенного административного правонарушения при соблюдении

условий, установленных ст. 9.3 проекта КоАП. Основными условиями освобождения от административной ответственности с вынесением предупреждения являются признание факта совершения правонарушения, выражение согласия на освобождение от административной ответственности, а также, если на лицо не налагалось административное взыскание и оно не освобождалось от административной ответственности в течение одного года до совершения административного проступка или значительного правонарушения. Таким образом, предупреждение исключено из системы административных взысканий.

Меры воспитательного воздействия, такие как разъяснение законодательства, возложение обязанности принести извинение потерпевшему, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга могут быть применены только к несовершеннолетним лицам, совершившим административное правонарушение в связи с освобождением от административной ответственности. Применение мер воспитательного воздействия является факультативным и осуществляется по усмотрению органа, ведущего административный процесс. Однако их исполнение для несовершеннолетнего обязательно, а систематическое неисполнение может повлечь отмену постановления об освобождении от административной ответственности (ст. 9.4, ст. 9.5).

В связи с введением профилактических мер воздействия проект ПИКоАП определяет порядок их применения, а также возлагает обязанность на государственные органы и должностных лиц принимать меры по предупреждению (профилактике) административных правонарушений с целью обеспечения публичности административного процесса (ст. 2.9).

В соответствии со ст. ст.10.4 проекта ПИКоАП регулируется порядок вынесения постановления об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения в случае фиксации административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. Также требования к постановлению об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения установлены ст. 10.5, ст. 12.10 проекта ПИКоАП.

Ведение профилактических мер воздействия существенно ограничивает сферу применения административных взысканий. Более того, в соответствии со ст. 1.4 проекта КоАП профилактическим мерам воздействия отдается предпочтение по сравнению с административными взысканиями, которые должны налагаться в случае невозможности применения мер профилактики. Особенность профилактических мер воздействия состоит в отсутствии неблагоприятных последствий привлечения к ответственности. На современном этапе развития административно-деликтного законодательства привлечение к административной ответственности ставит своей целью обеспечить не негативный, а позитивный характер ответственности. Применение профилактических мер воздействия несет в себе, безусловно,

конструктивное начало, способствует более эффективной реализации профилактической функции административной ответственности.

### **Библиографический список**

1. Проект Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях[Электронный ресурс] / Правовой Форум Беларуси – Режим доступа<https://forumpravo.by/forums/?forum=15&topic=14390#post148928>. – Дата доступа: 26.10.2020.
2. Проект Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]/ Правовой Форум Беларуси – Режим доступа <https://forumpravo.by/forums/?forum=15&topic=14391#post148282>. – Дата доступа: 26.10.2020.

## **ИНФОРМАЦИОННО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА**

**Р.А. Середа**

*заместитель начальника*

*кафедры конституционного и международного права*

*Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,*

*кандидат юридических наук, доцент*

Современные глобализационные процессы предопределяют пересмотр традиционных подходов к понятию и признакам государственного суверенитета и национальной безопасности. Если 30-40 лет назад ключевыми гарантиями независимости государства являлись территориальная целостность и сильная армия, то в условиях современного общества на первый план стали выходить проблемы обеспечения информационно-интеллектуальной безопасности.

Стремительно развивающиеся способы практически бесконтрольной передачи колоссальных объемов информации, не связанной границами и правовыми нормами, влечет совершенствование способов ведения информационных войн и возможность прямого влияния на политическую и социально-экономическую систему государства. В связи с этим, действующая концепция национальной безопасности Республики Беларусь особое внимание уделяет информационной безопасности, под которой понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. К основным национальным интересам в указанной сфере, в числе прочих, относится эффективное информационное обеспечение государственной политики.

Однако, на наш взгляд, за истекшее десятилетие реализации данной концепции представленный подход нуждается в совершенствовании.

Внедрение современных информационных и телекоммуникационных технологий в деятельность государственных органов, реализация концепции «электронного правительства», вне всяких сомнений, является трендом развития цифрового общества. Однако, как демонстрируют текущие политические процессы во многих странах, современные технологии общения и передачи информации все чаще используются в целях вмешательства во внутренние дела государства и политического давления на общество и государственные органы. Современные интернет-сервисы все в большей степени заменяют традиционные средства информационного влияния на людей: газеты заменяются новостными сайтами, телевидение – сервисом «YouTube», собрания граждан коллективов – интернет-мессенжерами и т.п. При этом, зачастую отсутствует элементарный контроль за содержанием распространяемой информации, что при наличии низкой ответственности распространителей и невысокого уровня критичности потребителей информации создает благоприятную почву для информационных интервенций, имеющих не намного меньшие последствия, чем интервенция военная.

В связи с этим полагаем обоснованным вести речь о самостоятельном признаке государственного суверенитета – информационном суверенитете, обуславливающем независимость информационного пространства государства и общества и его защиту от деструктивных вторжений извне, связанных с распространением лживой (искаженной) информации, имеющим целью вмешательство во внутреннюю политику государства. Недостаточное внимание к защите указанного аспекта суверенитета может повлечь непредсказуемые последствия вплоть до утраты государственности.

Вторым направлением рассматриваемого аспекта безопасности государства является интеллектуальная безопасность. Сегодня общепризнанным является тот факт, что благополучие современного государства зависит, в первую очередь, от человеческого капитала и его интеллектуального потенциала. Переход значительной доли ВВП ряда стран в сферу информационных и высокотехнологичных разработок обусловил стратегическое значение ИТ-специалистов для развития экономики государства. В этой связи все более острой становится проблема оттока указанных специалистов из Республики Беларусь. Причинами трудовой миграции из нашей страны в страны ЕС и США, как правило, являются более выгодные условия труда, благоприятные социально-бытовые либо даже климатические условия проживания. Данная проблема еще более осложняется распространением в ИТ-среде концепции «цифровых кочевников» – нómáдov (NOMAD), философия которых предусматривает свободное перемещение в пределах земного шара, в условиях постоянного подключения к сети Интернет, через которую осуществляются все необходимые деловые, социальные и личностные коммуникации.

Для таких людей стираются привычные границы государств, которые бы обуславливали место их постоянного жительства и занятости. Современные

номады, находясь в постоянном движении, сами выбирают страны и правительства, создающие наиболее выгодные условия для их профессиональной деятельности в данный момент времени. Соответственно утрачивается и значение гражданства, как связующего правового звена между человеком и государством.

Классическое понимание гражданства традиционно понимается как устойчивая правовая связь человека с государством, характеризующаяся длительностью, наличием взаимных прав и обязанностей во многих сферах жизни общества и государства. При этом процесс получения гражданства, как правило, представляет собой довольно длительную бюрократическую процедуру, обусловленную целым рядом цензов. Очевидно, что такая «основательность» гражданства в современных странах продиктована желанием как можно крепче привязать человека к государству, повысить социальную ценность данного статуса, укрепить национальное сплочение граждан в стране.

Вместе с тем, для рассматриваемой нам группы высокоинтеллектуальных специалистов классический формат гражданства становится слишком тесным, ограничивающим их в свободе выбора локации профессиональной деятельности. Отсутствие альтернатив приводит к тому, что такие граждане, покидая страну, выходят из гражданства, утрачивая как правовую так и экономическую связь со своей родиной. Рассматриваемые проблемы особо актуальны для Республики Беларусь, которая по ряду экономических и социально-бытовых показателей не всегда может соперничать с США и странами ЕС. В этой связи альтернативой классическому гражданству может стать цифровое гражданство, как возможность удовлетворить мобильные потребности «цифровых кочевников» и сохранить их социальные и экономические связи с Республикой Беларусь.

Цифровое гражданство – это возможность участвовать в жизни онлайн. Под цифровым гражданством понимается способность индивидов участвовать в жизни общества в условиях происходящей технологической трансформации. Согласно определению автора концепции К. Моссбергер, к цифровым гражданам относятся те, кто часто использует цифровые технологии для получения политической информации, выполняя свои гражданские обязанности, и для получения экономической выгоды в ходе трудовой деятельности. Таким образом, характерными признаками цифрового гражданства являются присутствие в цифровой среде в качестве постоянного пользователя, потребление политической информации, гражданское участие, экономический интерес и профессиональная деятельность.

Цифровое гражданство рассматривается в трех аспектах участия в общественной жизни: 1) включение в различные формы общения посредством использования цифровых коммуникаций, 2) воздействие Интернета на способность участвовать в качестве граждан в политике и 3) влияние Интернета на равенство возможностей на рынке труда [1]. Таким образом, концепция

цифрового гражданства позволит нивелировать географические и социально-бытовые различия между странами, предоставив возможность сохранения и приобретения экономических и политических связей с государством.

Данная концепция уже получила реализацию в странах постсоветского пространства. Так, Эстония с 2014 года запустила платформу e-Residency. Это сервис представляет собой удаленную систему создания и управления бизнесом. Причем для его получения не нужно приезжать в Эстонию: карту электронного резидента выдают в консульствах этой страны. Революционность e-Residency в том, что для открытия компании не нужно покидать свою страну, если человек живет в другом государстве. Удаленно происходит открытие банковского счета и электронная подача налоговых деклараций. По состоянию на 2019 год данной системой воспользовались более 50 тыс. человек [2].

Таким образом, реализации подобного проекта в Республике Беларусь будет являться адекватным шагом на пути сохранения интеллектуального потенциала и развития ключевой отрасли IT-технологий. Очевидно, что для успешного внедрения указанной концепции потребуются не только значительные финансовые вложения, но и соответствующая конституционно-правовая модернизация всего института гражданства в Республике Беларусь. Однако, учитывая взятый государством курс на приоритетное развитие IT-отрасли экономики, данный шаг будет необходим и послужит обеспечению информационно-интеллектуальной безопасности нашего государства и укреплению его суверенитета в цифровом пространстве.

### **Библиографический список**

1. Пырма, Р. В. Политические грани цифрового гражданства / Р. В. Пырма // Власть. – 2019. – №4. – С. 69-78.
2. Иванейко, С. Электронное гражданство и ноль бюрократии: как Эстония стала IT-страной / С. Иванейко [Электронный ресурс] // ONLINER.BY. – Режим доступа <https://tech.onliner.by/2020/10/12/kak-estoniya-stala-it-stranoj> – Дата доступа: 13.11.2020.

## **ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМПАКТНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА**

**П.В. Соловьёв**

*старший преподаватель кафедры конституционного права и  
государственного управления юридического факультета  
УО «Полоцкий государственный университет»*

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» согласно статьи 6, в число основных принципов нормотворческой деятельности включает принцип системности и комплексности правового регулирования общественных отношений.

Системность правового регулирования – это согласованность и целостность системы нормативных правовых актов, отсутствие противоречий и дублирований в законодательстве. В свою очередь, комплексность правового регулирования предполагает охват правовым регулированием всех общественных отношений, необходимость правового регулирования которых обусловлена политическими, экономическими и социальными процессами, сущностью и содержанием действующей правовой системы государства, отсутствием пробелов в правовом регулировании.

Однако реализация принципов системности и комплексности правового регулирования тесно взаимосвязана с вопросом компактности законодательства. Стремление к системному и полному правовому регулированию общественных отношений может приводить к такому негативному явлению как чрезмерное разрастание нормативного массива, которое влечёт снижение обзримости и ясности законодательства, затрудняется поиск и усвоение норм права участниками правоотношений. Реализация принципов системности и комплексности правового регулирования с сохранением компактности нормативного массива, в первую очередь, достигается через экономию правового регулирования, т.е. установление лишь минимального необходимого набора правовых норм и отказ от излишней правовой регламентации всех сфер общественных отношений, а также через соблюдение общих правил юридической техники о краткости и точности изложения нормативных правовых предписаний. Для обеспечения компактности законодательства в нормотворчестве также используются такие инструменты как «правотворческий мораторий», законодательство с ограниченным сроком действия. Обеспечению компактности законодательства служит и правило «один за один» (англ. one in – one out). Данное правило требует при разработке проекта нормативного правового акта в сфере экономики и предпринимательства, содержащего новое регулирование, предусматривать отмену существующего регулирования, издержки исполнения которого со стороны бизнеса равны вводимому регулированию. Основное предназначение этого правила – это недопущение заурегулированности экономических отношений и бюрократизации бизнес-процессов, однако служит также действенным инструментом сдерживания роста числа нормативных правовых актов.

Обеспечение компактности законодательства имеет конституционно-правовое значение, поскольку одним из элементов принципа верховенства права является требование о ясности и понятности действующего законодательства для всех субъектов права. Чрезмерный объем нормативных правовых актов влечёт снижение обзримости и ясности законодательства, затрудняется поиск и усвоение норм права для всех участников правоотношений, что неизбежно приводит к ошибкам в реализации права и снижает степень понимания и доверия к закону.

Вместе с тем, следует обратить внимание на возможное изменение представлений о компактности законодательства, его ясности и обозримости в условиях цифровизации права. На определенном этапе цифровизации права, под которой мы понимаем изменение правотворческой и правоприменительной деятельности через внедрение в них информационных технологий, нормативный правовой акт может трансформироваться в «цифровой нормативный правовой акт».

Цифровой нормативный правовой акт – это не просто привычный нормативный правовой акт, переведённый в электронную форму, он предполагает совершенно иную концепцию к закреплению норм права. Выскажем ряд гипотетических предложений о цифровом нормативном правовом акте в контексте вопроса о компактности законодательства.

1. Цифровой нормативный правовой акт будет интерактивным, т.е. поиск и усвоение норм права будет происходить через взаимодействие субъекта права и «закона». Фактически цифровой нормативный правовой акт будет предоставлять ответ на те запросы, которые ему адресуют участники правоотношений. В этой связи требования о ясности и обозримости законодательства, требование нормотворческой техники о краткости изложения нормативных правовых предписаний, требования о структуре акта и др. могут утратить своё значение. Цифровой нормативный правовой акт будет эффективно обеспечивать поиск и усвоение нормы права под конкретный запрос правоприменителя или иного участника правоотношений. У субъектов права уже не будет необходимости ориентироваться и знать весь нормативный правовой акт. Это позволяет цифровому нормативному правовому акту быть не кратким и со сложной для обозрения структурой.

2. В настоящее время законодатель формирует нормативный правовой акт как сумму общих правил и наиболее важных исключений из этих правил, стремится избегать дублирований нормативных предписаний, использует общие категории в тексте нормативного правового акта. Все это призвано обеспечивать компактность законодательства, но одновременно может вызывать проблемы с конкретностью, однозначностью и достаточностью нормативных правовых предписаний.

В свою очередь, цифровой нормативный правовой акт способен обеспечить максимальную полноту правового регулирования соответствующих общественных отношений, закрепить не только главные, но и второстепенные положения, предусмотреть максимальное количество особых порядков регулирования необщих ситуаций и различных исключений. Это становится возможным в силу того, что интерактивное взаимодействие с цифровым нормативным правовым актом позволит осуществлять поиск и усвоение норм права участниками правоотношений в актах со сложной структурой.

3. Современные представления о ясности, простоте и доступности языка законодательства также могут поменяться в условиях необходимости изменения языка цифрового нормативного правового акта в сторону его



адаптации к машинному правоприменению, где правоприменителем является роботизированная система. Машиночитаемый и машиноисполняемый цифровой нормативный правовой акт предполагает ряд отличий от «классического» нормативного правового акта: использование в нем меток (ключевых слов) для распознавания и уяснения его содержания машиной-правоприменителем, построение акта как алгоритма действий, что неизбежно усложнит архитектуру нормативного правового акта, его восприятие человеком.

В целом, цифровой нормативный правовой акт и его специфическая сложная форма требуют своего конституционно-правового осмысления с позиций легитимности такого способа закрепления норм права. Если для обеспечения легальности цифрового нормативного правового акта требуется лишь правовое закрепление этого нового института, то для легитимности «цифрового закона» требуется формирование в обществе понимания его статуса.

## **ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ И ДОПОЛНЕНИЯХ В КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (О ВЕРХОВЕНСТВЕ ЗАКОНА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВАХ)**

**К.Л. Томашевский**

*профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин  
Международного университета «МИТСО»,  
доктор юридических наук, профессор*

В условиях переживаемого Республикой Беларусь острого общественно-политического кризиса в настоящее время активными темпами идет процесс подготовки очередной конституционной реформы, связанной с разработкой значительных изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. В тезисах коснемся ряда актуальных направлений совершенствования Конституции по вопросу обеспечения верховенства закона, упорядочения системы нормативных правовых актов, формулировок трудовых и иных социально-экономических прав, перераспределения полномочий Президента.

Предлагаем дополнить ст. 7 Конституции принципом верховенства закона, в том числе правилом о том, что законы имеют более высокую юридическую силу по отношению ко всем иным нормативным правовым актам (не считая Конституции и международных договоров, ратифицированных Республикой Беларусь). Помимо принципа верховенства права в Конституции должен быть закреплен и обеспечиваться принцип верховенства закона (в доктрине иногда он именуется верховенством правового закона). Закрепление и обеспечение этого принципа в деятельности государственного аппарата, с одной стороны, усилит роль Парламента как единственного законодательного органа в стране, а, с другой стороны, внесет вклад в обеспечение другого важнейшего

конституционного принципа – разделения властей. Терминология ст. 7 и других норм Конституции должна быть унифицирована с устоявшейся в действующем законодательстве (т.е. нормативные акты или правовые акты следует во всех статьях, где они упоминаются, заменить на «нормативные правовые акты»).

Считаем необходимым исключить из Конституции право Президента принимать временные декреты, имеющие силу закона, а равно указы, которые могут конкурировать по юридической силе с законами, для чего следует исключить нормы ч. 2 ст. 85, ст. 101, ч. 3 ст. 137. При этом у Президента остается право издавать подзаконные указы, обязательные к исполнению на территории Республики Беларусь. Это объясняется тем, что Президент не должен собой подменять законодательный орган (Парламент), что нивелирует принцип разделения властей, ведет к возникновению юридических коллизий, конкуренции норм законов (в т.ч. кодексов) и актов Президента.

Предлагаем скорректировать ч. 2 ст. 14 Конституции в части круга субъектов социального партнерства и их представителей: «Отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, нанимателями (их объединениями) и профессиональными союзами (их объединениями) осуществляются на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон». Участниками социального партнерства помимо объединений нанимателей и профсоюзов (как в действующей редакции ч. 2 ст. 14 Конституции) могут быть отдельные наниматели (при ведении коллективных переговоров, заключении коллективных договоров, их изменении, дополнении), а также объединения профсоюзов (на отраслевом и республиканском уровнях социального партнерства).

Право на труд в ч. 1 ст. 41 Конституции должно гарантироваться любому человеку, а не только гражданам Республики Беларусь. Согласно ст. 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. О праве на труд как праве каждого человека говорится и в ст. 6 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., ратифицированного Республикой Беларусь. В соответствии со ст. 11 Закона Республики Беларусь от 04.01.2010 № 105-З (ред. от 16.12.2019) «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы имеют право заниматься трудовой деятельностью наравне с гражданами Республики Беларусь. Поскольку «род занятий и работы» - более широкое понятие по отношению к профессии в ч. 1 ст. 41 нужно добавить слово «иного».

Часть 2 ст. 41 Конституции предлагается изложить в следующей редакции: «Государство создает условия для полной занятости населения. В случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также выплата пособия по безработице в

соответствии с законом». В ч. 2 ст. 41 предлагается заменить словосочетание «обучение новым специальностям» на слова «профессиональная подготовка, переподготовка». Термин «специальность» с 28.01.2020 исключен из Трудового кодекса Республики Беларусь (Законом Республики Беларусь от 18.07.2019 № 219-З «Об изменении законов»), сохранившись в законодательстве об образовании. При этом обучение безработных, как правило, происходит в формах профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации согласно Закону Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» и Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12.10.2006 №1334 (ред. от 28.01.2020).

Часть 3 ст. 41 Конституции предлагаем сформулировать в следующей редакции: «Каждый человек имеет право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы. Работники имеют право на заключение коллективных договоров, соглашений и право на забастовку. Проведение локаутов в Республике Беларусь запрещено». Опираясь на положения ч. 4 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 8 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., ратифицированного Республикой Беларусь, предлагается слово «Граждане» заменить на «Каждый человек». Поскольку право на заключение коллективных договоров, соглашений и право на забастовку может быть реализовано только работниками, стоит выделить отдельное предложение, ограничив круг субъектов только работниками. Необходимо запретить локауты как ответные действия нанимателей по закрытию предприятий и увольнению работников за их участие в забастовках.

Предлагается дополнить ч. 4 ст. 41 Конституции также указанием на запрет обязательного труда: «Принудительный или обязательный труд запрещается, кроме работы или службы, определяемой приговором суда или в соответствии с законом о чрезвычайном и военном положении». Дополнение ч. 4 ст. 41 словами «или обязательный» обусловлено необходимостью приведения нормы Конституции в соответствие с Конвенцией МОТ об упразднении принудительного труда 1957 г., ратифицированной Республикой Беларусь в 1995 г., согласно которой каждый член МОТ (включая Беларусь) обязался упразднить принудительный или обязательный труд. В конвенциях МОТ различается принудительный и обязательный труд, причем и тот и другой запрещены.

В ч. 1 ст. 42 Конституции предлагается заменить устаревший термин «лицо, работающее по найму», не используемый в современном трудовом законодательстве, на категорию «работник» (ст.1 и ст.11 Трудового кодекса Республики Беларусь).

В ст. 43 Конституции предлагается заменить термины «трудящиеся» на «работающие» (раскрывается в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 23.06.2008 № 356-З (ред. от 18.12.2019) «Об охране труда»), а «работающие по найму» на «работники» (ст. 1 Трудового кодекса) в целях приведения к актуальной

юридической терминологии. Перед словами «рабочей недели» следует дополнить словом «продолжительности» для обеспечения точности смысла нормы. Термин «ежегодных оплачиваемых отпусков» заменить на «трудовых отпусков», а вместо слов «дней еженедельного отдыха» заменить «выходными днями» по современной терминологии трудового права. Перечень периодов времени отдыха лучше сделать открытым, так как есть и другие их виды (нерабочие государственные праздники и праздничные дни, свободные от работы дни).

Ряд предложений по корректировкам в Конституцию касается изменений в ст. 84 о полномочиях Президента Республики Беларусь, а именно:

В ч. 2 ст. 83, п. 8, 9 и 11 ст. 84, п. 2 ст. 98 исключить судей и Председателя Высшего Хозяйственного Суда, поскольку Высший Хозяйственный Суд ликвидирован.

Пункт 9 и 11 ст. 84, п. 4 ст. 98 в части избрания (назначения) председателя и членов Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов (ЦИК). В настоящее время 6 членов ЦИК избираются Советом Республики, остальные (включая Председателя) назначаются Президентом. Стоит напомнить, что часть членов Совета Республики также назначается Президентом. Предлагается перераспределить полномочия между двумя палатами Парламента и Президентом следующим образом: по три члена ЦИК избираются Палатой представителей и Советом Республики (то есть всего шесть), три назначаются Президентом. Председатель ЦИК избирается Палатой представителей с последующим одобрением Советом Республики. Реализация этого предложения позволит уравновесить полномочия Президента и палат Парламента в части формирования ЦИК, сделав этот орган более независимым от лица, занимающего должность Президента.

Предлагается п. 10 ст. 84 Конституции в части назначения «иных судей» исключить. Предлагается вернуться к выборности судей и председателей областных, городских и районных судов на основе открытого конкурса, организуемого Верховным Судом. Подобный механизм уже несколько лет успешно реализуется в Украине и по данным СМИ вопрос об изъятии данных полномочий у Президента уже обсуждался на встрече Главы государства с Председателем Верховного Суда Республики Беларусь. Данное предложение направлено на усиление независимости судебной власти от других ветвей власти и обеспечение реального разделения властей в Республике Беларусь.

Пункт 23 ст. 84 Конституции предлагается исключить, поскольку вопрос об отложении или приостановлении на три месяца проведения забастовки ни разу в истории Беларуси не ставился и решался. Заметим, существующий согласно трудовому законодательству механизм организации и проведения в Беларуси забастовок настолько сложен в реализации на практике, что за последние 20 лет не зафиксировано ни одной забастовки, которая бы в случае ее организации не признавалась незаконной. Последний резонансный пример – дело о признании незаконной забастовки, объявленной стачкомом

ОАО «Беларуськалий», которое рассматривалось в сентябре Минским областным судом. Напомним, что 11 сентября 2020 г. Минский областной суд удовлетворил заявление Минской областной прокуратуры, поданное в интересах ОАО «Беларуськалий» к стачкому, признав незаконной забастовку, объявленную 17.08.2020.

В заключение научного сообщения отметим, что это только часть тех насущных изменений и дополнений в Конституцию, которые должны открыто и всесторонне обсуждаться научной общественностью, государственными служащими и представителями институтов гражданского общества для восстановления конституционной законности, правопорядка и усиления демократических начал на современном сложном этапе государственного строительства в Беларуси.

### **К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПА ПОДДЕРЖКИ КОНКУРЕНЦИИ, ЗАПРЕТА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ**

**А.А. Трипузова**

*старший научный сотрудник НИИ теории и практики  
государственного управления  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Конституционные принципы, являясь важнейшим регулятором общественных отношений, определяют их порядок и направление развития. Суть Основного Закона как совокупности конституционных правил заключается в максимально допустимом повышении общественного благосостояния, в том числе за счет четкого определения и эффективной защиты прав собственности.

Конкуренция является важнейшим и неотъемлемым атрибутом рыночной экономики. Монополистическая деятельность препятствует развитию конкуренции, создает условия для коррупции, подрывает экономическую безопасность страны, а соответственно негативно сказывается на состоянии конституционного правопорядка и законности в целом. Усиление недобросовестной конкуренции на том или ином сегменте рынка также можно отнести к числу внутренних угроз экономической безопасности.

Обязательным условием развития современной экономики, которая должна основываться на добросовестной конкуренции и ориентироваться на нужды потребителя, становится обеспечение ее надежных конституционно-правовых гарантий. В условиях мирового экономического кризиса, асимметрии возможностей субъектов хозяйствования противодействие монополистической деятельности приобретает новое звучание.

В связи с этим актуальным вопросом предстоящей конституционной реформы видится закрепление конституционно-правового статуса поддержки

конкуренции, запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Это придаст новый импульс и поднимет на более высокий уровень совершенствование антимонопольного законодательства и практику применения конституционных норм.

В настоящее время в ст. 13 Конституции Республики Беларусь наряду с постулатом об осуществлении государством регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества закреплена обязанность государства способствовать развитию кооперации. При этом отсутствует аналогичная норма, касающаяся развития и поддержки конкуренции, а также не закреплён запрет на монополистическую деятельность, что не в полной мере соответствует уровню социально-экономического развития страны, принципам рыночной экономики и государственного регулирования экономикой.

Безусловно, отсутствие в Конституции Республики Беларусь терминов «конкуренция» и «противодействие монополистическая деятельность» не означает, что эти явления находятся вне государственного регулирования и правового поля.

Основной Закон гарантирует право собственности, равенство различных ее форм, свободу предпринимательства, защиту экономических и иных прав и свобод, а также допускает (на уровне закона) их ограничения и запреты в интересах национальной безопасности, прав и свобод других лиц (ст.ст. 13, 23, 44). Тем самым Конституция заложила правовые основы для запрета монополистической деятельности, получившие дальнейшее развитие в Законе Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и его новой редакции от 08.01.2018 [1].

Проверяя конституционность положений названного закона и анализируя содержание приведенных конституционных норм, Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что законодатель при осуществлении правового регулирования экономических отношений должен исходить из обязанности государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее недопущению, ограничению, устранению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность [2].

Отметим, что Конституционный Суд Республики Беларусь неоднократно указывал, что положения ст. 13 Конституции предполагают прежде всего свободу предпринимательства. Согласно с мнением Л. Г. Козыревой о том, что свобода предпринимательства представляет собой универсальный конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования предпринимательской деятельности, в том числе свободы конкуренции [3].

В то же время динамика социально-экономических и политических отношений в настоящее время обуславливает необходимость закрепления в Основном Законе поддержки конкуренции в качестве самостоятельного конституционного принципа, а также запрета монополистической деятельности

и недобросовестной конкуренции, в том числе как гарантии и средства обеспечения этого принципа.

Необходимость принятия эффективных мер по предупреждению, выявлению, пресечению антиконкурентных действий признается на международном уровне, в том числе Договором о ЕАЭС, участником которого является Республика Беларусь.

Учитывая курс на гармонизацию и унификацию национальных законодательств стран ЕАЭС, конституционные нормы по защите конкуренции наших экономических партнеров имеют особый интерес.

Из пяти государств-членов ЕАЭС три страны – Россия, Казахстан и Армения прямо закрепили подобные гарантии, запреты или ограничения в своих Основных Законах (ст. 34 Конституции РФ, ст. 33.1 Конституции Армении, ст. 26 Конституции Казахстана).

Социально-экономическая значимость конкуренции признается Конституцией Российской Федерации, согласно которой гарантируется поддержка конкуренции (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ) и не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34 Конституции РФ).

Инициатором закрепления конституционного принципа поддержки конкуренции в качестве основы экономического строя выступил судья Конституционного Суда РФ, профессор Г. А. Гаджиев, который внес такое предложение, работая над Конституцией РФ 1993 года в качестве эксперта и участника Конституционного совещания.

Отличие данного принципа от других Г.А. Гаджиев усматривает прежде всего в том, что необходимость развития конкуренции может рассматриваться как публичная цель, оправдывающая различные по степени интенсивности ограничения предпринимательской деятельности. Определяя место названного принципа в системе других конституционных принципов, ученый подчеркивает, что «конкуренция является основой функционирования рыночной экономики – а значит, и основой конституционного строя». Монополистические действия, посягающие на конкуренцию, нарушают конституционно гарантированные экономические права и свободы иных хозяйствующих субъектов и потребителей. В связи с этим конкуренция справедливо отнесена и к такой категории конституционных общественно значимых целей, как защита прав и законных интересов других лиц. По данным причинам, а также в связи с обязанностью государства поддерживать рыночные механизмы и контролировать монополии в Конституции РФ и сделан акцент на недопустимость использования свободы экономической деятельности для монополизации и недобросовестной конкуренции [4].

В ч. 4 ст. 26 Конституции Республики Казахстан также содержатся принципиальные положения, согласно которым монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом; недобросовестная конкуренция запрещается. Данные нормы выделены и закреплены отдельно,

наряду с гарантированным правом на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности.

Конституция Республики Армении относит к основам конституционного строя гарантию свободной экономической конкуренции наряду с гарантией свободы экономической деятельности (ст. 8). В числе основных прав и свобод в ст. 33.1 Конституции указано право каждого заниматься предпринимательской деятельностью, не запрещенной законом. Одновременно выделены запрещенные действия: злоупотребление монопольным или доминирующим положением на рынке и недобросовестная конкуренция. Подчеркнуто, что законом могут устанавливаться ограничения конкуренции, возможные виды монополии и их допустимые размеры, если это необходимо для защиты интересов общества.

Полагаем, что конституционный уровень запрета монополистической деятельности подчеркивает особую важность конкуренции для экономики и предопределяет необходимость ее надежной правовой охраны.

При этом представляется необходимым различать монополизацию как процесс (или ситуацию), который не обязательно во всех случаях влечет негативные последствия для его участников, и правовой термин «монополистическая деятельность» как незаконный процесс и (или) результат действий (бездействия), актов, посягающих на конкуренцию, ограничивающих ее. В этой связи предлагается в Конституции Республики Беларусь использовать именно правовой термин «монополистическая деятельность».

С учетом международного опыта и современных тенденций развития конституционной экономики, в рамках работы над изменением Конституции Республики Беларусь представляется важным структурное выделение и закрепление поддержки конкуренции, а также запрета на монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию в качестве самостоятельных конституционных принципов и норм. Такой подход повысит их значимость в правовом регулировании экономических отношений, придаст конкуренции особый статус конституционной ценности и экономического блага.

В конечном итоге эти изменения будут способствовать разрешению проблем взаимосвязи эффективной государственности с формированием желаемого, с точки зрения конституционного развития, правосознания и поведения участников экономических отношений, совершенствованию антимонопольного регулирования и конкретизируют вектор развития экономических отношений.

Изложенное позволяет сделать вывод о перспективности заявленных предложений, а равно дальнейшей научной дискуссии, в том числе о конкретной формулировке данных конституционных принципов и гарантий, а также определения их места среди других конституционных норм (в том числе с учетом их возможной корректировки и дополнений), в контексте их конституционной обусловленности и взаимосвязи.



### **Библиографический список**

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-З : в ред. от 08.01.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 4 дек. 2013 г., № Р-862/2013 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Козырева, Л.Г. Вопросы формирования конституционных экономики в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л.Г. Козырева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Конституционная экономика / Ответственный редактор Г. А. Гаджиев. – М. : Юстицинформ. – 2010. – 256 с.

## **УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ**

**В.В. Устюкова**

*главный научный сотрудник Института государства и права РАН,  
доктор юридических наук, профессор*

В последние десятилетия термин «безопасность» – один из самых популярных и широко употребляемых как в документах стратегического развития Российской Федерации, так и в Законах. При этом в структуре национальной безопасности России выделяют ее отдельные составляющие: экологическую, продовольственную, информационную, радиационную, промышленную и другие. К числу таких составляющих можно отнести и биологическую безопасность.

Указом Президента РФ от 11 марта 2019 года № 97 утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу. Согласно этим Основам состояние химической и биологической безопасности определяется состоянием защищенности населения и окружающей среды от негативного воздействия опасных химических и биологических факторов, при котором химический и биологический риск остаются на допустимом уровне.

На обеспечение биологической безопасности направлены, среди прочих, и ветеринарно-санитарные меры, поскольку продукция животного

происхождения может рассматриваться как биологически опасная продукция, и при ее ненадлежащем качестве она может представлять угрозу жизни и здоровью людей и животных.

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 02 февраля 2015 года № 151-р, констатируется, что животноводство является существенным загрязнителем окружающей среды. Крупные свинокомплексы и птицефабрики из-за высокой токсичности отходов (3-й класс опасности) и больших локальных объемов представляют собой серьезную угрозу для окружающей среды.

Среди целей государственной политики в области обеспечения устойчивого развития сельских территорий названы повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов; повышение эффективности сельского хозяйства и вклада сельских территорий в социально-экономическое развитие страны, обеспечение занятости и др. В качестве одного из принципов государственной политики в данной сфере назван принцип обеспечение эпизоотического благополучия сельских территорий, а в качестве одной из задач - обеспечение доступа сельского населения к ветеринарным услугам. Достижение этих целей и задач будет способствовать решению проблемы биологической безопасности.

Нельзя также забывать, что при ведении сельского хозяйства образуются биологические отходы, которые требуют захоронения или утилизации. Нарушение порядка обращения с ними создает угрозу биологической безопасности и влечет за собой привлечение сельскохозяйственных и перерабатывающих организаций к административной ответственности по части 3 статьи 10.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Вместе с тем практика применения данной нормы КоАП РФ вызывала вопросы и неоднозначные подходы в судебной практике. Диспозиция статьи носит бланкетный характер и отсылает к Ветеринарно-санитарным правилам сбора, утилизации и уничтожения биологических отходов, которые были утверждены еще Минсельхозпродом РФ 04 декабря 1995 года № 13-7-2/469 (далее – Правила 1995 г.). В связи с этим возникают вопросы: на кого распространяются эти Правила, что понимать под биологическими отходами и как их разграничить, например, с пищевыми и иными отходами.

Пунктом 1.1 Правил предусмотрено, что они являются обязательными для исполнения владельцами животных независимо от способа ведения хозяйства, а также организациями, предприятиями (в дальнейшем организациями) всех форм собственности, занимающимися производством, транспортировкой, заготовкой и переработкой продуктов и сырья животного происхождения.

Согласно пункта 1.2 Правил биологическими отходами являются: трупы животных и птиц, в т.ч. лабораторных; абортированные и мертворожденные плоды; ветеринарные конфискаты (мясо, рыба, другая продукция животного происхождения), выявленные после ветеринарно-санитарной экспертизы на

убойных пунктах, хладобойнях, в мясо и рыбоперерабатывающих организациях, рынках, организациях торговли и др. объектах; другие отходы, получаемые при переработке пищевого и непищевого сырья животного происхождения.

Обратим внимание: в п. 1.1 Правил, определяющем, для кого эти Правила обязательны, нет организаций, осуществляющих реализацию продуктов и сырья животного происхождения типа магазинов розничной торговли, продовольственных рынков и других подобных организаций, однако они неоднократно привлекались к ответственности по ч. 3 ст. 10.8 КоАП РФ органами Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору России (далее - Россельхознадзор). Видимо, эти органы руководствовались при этом пунктом 1.2, где вдруг появляются организации торговли, хотя не совсем понятно, почему. Судебная практика при этом была достаточно противоречивой.

В одних случаях суды не соглашались с органами Россельхознадзора и признавали их постановления о привлечении магазинов розничной торговли к ответственности за нарушение указанных Правил *незаконными*. Так, например, обществу с ограниченной ответственностью «Агроаспект» вменялось в вину то, что животноводческая продукция, не прошедшая термическую обработку, мясная продукция с истекшими сроками годности или по иным причинам снятая с реализации, утилизируется путем списания товаров в общий контейнер, предназначенный для твердых бытовых (коммунальных) отходов. Договор по утилизации биологических отходов отсутствует. И первоначально суды первой и апелляционной инстанции считали действия Россельхознадзора правомерными.

Однако суд кассационной инстанции пришел к выводу о наличии оснований для отмены судебных актов, указав в решении: тот факт, что деятельность общества по продаже продукции животного происхождения сопровождается транспортировкой и хранением не свидетельствует о наличии у общества, являющегося магазином розничной торговли, обязанности по соблюдению ветеринарно-санитарных правил. Данных о том, что общество имеет статус сельхозпроизводителя, является владельцем животных и осуществляет производство, транспортировку, заготовку и переработку продуктов и сырья животного происхождения в материалах дела не имеется. Суд также согласился с доводами Общества, что здесь неприменимо понятие биологических отходов. Мясо и мясная продукция с истекшим сроком годности (т.е. продукты питания, утратившие полностью или частично свои первоначальные потребительские свойства в процессе хранения) являются пищевыми отходами и не относятся к числу биологических отходов (трупов) в понимании, придаваемом Ветеринарно-санитарными правилами и ГОСТом. (См.: постановление ФАС Московского округа от 22 октября 2018 года по делу № А40-184094/17-33-1689 // СПС «Гарант» - здесь и далее). Аналогичные

решения принимали и иные арбитражные суды (См., напр.: постановление ФАС Центрального округа от 23 марта 2018 года по делу № А54-3863/2017).

Однако в большинстве случаев суды, вслед за органами Россельхознадзора толковали пункт 1.1 Правил расширительно, применяя его к *любым* организациям, при осуществлении деятельности которых возникают биологические отходы (либо отходы, которые Россельхознадзор относил к биологическим). Некоторые авторы положительно оценивают подобную практику, ссылаясь на то, что Верховным судом Республики Марий Эл подтверждена допустимость распространения рассматриваемых Правил на отношения, возникающие при обороте продукции животного происхождения с истекшим сроком годности, в связи с чем подтверждена законность привлечения магазинов к ответственности за нарушение этих Правил [1, с. 174].

Мы не можем согласиться с таким подходом и с отождествлением биологических отходов с пищевыми отходами, а также с распространенной практикой судов ссылаться в обоснование своих решений на нормативные акты, не имеющие отношения к делу. Например, при привлечении к ответственности по той же статье 10.8 КоАП РФ рынка «Центральный» суд указал, что рынок нарушил, помимо указанных Правил, еще и Инструкцию о порядке браковки, направления на химическую утилизацию и уничтожение непригодных в пищу мяса и мясных продуктов на мясоперерабатывающих предприятиях, утвержденных Минсельхозпродом России 10 июля 1996 года № 13-7-2/681. (Решение Арбитражного суда г.Москвы от 29 марта 2019 года по делу № А40-308559/2018). Такая «аргументация» не укрепляет доверие к судебной власти. По нашему мнению, когда речь идет об ответственности, то расширительное толкование норм, применение их по аналогии недопустимо.

Следует отметить, что частично указанные спорные вопросы «снимаются» в связи грядущими изменениями законодательства. Упомянутые выше Правила 1995 г. утрачивают силу в связи с введением в действие с 1 января 2021 г. новых Ветеринарных правил перемещения, хранения, переработки и утилизации биологических отходов, утвержденных Приказом Минсельхоза России от 26 октября 2020 года № 626.

В п. 1 новых Правил указано, что они устанавливают обязательные для исполнения физическими и юридическими лицами требования при перемещении, хранении, переработке и утилизации биологических отходов, за исключением биологических отходов, которые относятся к радиоактивным. Как мы видим, здесь уже идет речь любых лицах, в результате деятельности которых могут образовываться биологические отходы, или специально занимающиеся деятельностью по их перемещению, хранению, переработке и утилизации, а не только о владельцах животных и сельхозорганизациях, занимающихся животноводством.

Вместе с тем вопрос о соотношении понятий «биологические отходы» и «пищевые отходы» по-прежнему остался открытым. Более того, он стал еще более неопределенным в связи с изменением в новых Правилах формулировки

понятия «биологические отходы». Теперь к биологическим отходам отнесены трупы животных и птиц, абортированные и мертворожденные плоды, ветеринарные конфискаты, другие отходы, непригодные в пищу людям и на корм животным. По сравнению с прежним определением теперь из п. 2 Правил исчезла расшифровка термина «ветеринарные конфискаты» (а часто именно к ним и относили просроченную продукцию) и появился неопределенный термин «другие отходы», под который можно в принципе подвести все, что угодно. Так что можно ожидать новых судебных споров.

На необходимость решения проблемы захоронения и утилизации отходов от животноводческой деятельности (т.е. фактически биологических отходов) уже обращалось внимание в юридической литературе [2, с. 28-31]. Возможно, новые Правила будут в какой-то степени способствовать этому.

### **Библиографический список**

1. Сабирьянов, А.Ф. Правовое регулирование оборота биологических отходов в гипермаркетах / А.Ф. Сабирьянов // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. – 2019. – Т. 240. – № 4. – С. 172-174.
2. Владимиров, И.А. Проблемы совершенствования государственного надзора в сфере животноводства / И.А. Владимиров // Экологическое право. – 2018. – № 3. – С. 28–31.

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛАЧНЫХ БОЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**А.А. Фоменко**

*старший преподаватель юридического факультета  
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

Совершенствование законодательства в сфере физической культуры и спорта на современном этапе должно проводиться с учетом исторических традиций и правового опыта, менталитета населения. Ввиду вышеизложенного изучение аспектов правового регулирования прототипа спортивно-зрелищных мероприятий, такого уникального на уровне народного сознания феномена, как кулачный бой, становится актуальным.

На начальном этапе развития Российского государства во времена царствования Михаила Федоровича кулачные бои были запрещены Указом от 9 декабря 1640 года. Проведение боев воспрещалось в Китай-городе, Белом каменном и Земляном городе. В качестве санкций за его нарушение предусматривалось задержание при последующем наказании кнутом в Земском приказе. Тенденция применения императивного приема в регулировании данного вопроса, поскольку в то время кулачные бои представлялись в большей степени опасным для правопорядка явлением с причинением увечий и гибели

населения, прослеживалась на протяжении всего существования Российского царства.

В законодательных актах Российской империи кулачные бои получили законный статус. Именной указ, объявленный Генерал-полицеймейстером графом А.М. Девиером 21 июля 1726 года, признавал легитимными кулачные бои после информирования и согласования с Полицмейстерской канцелярией. Предпосылкой данного указа стала осведомленность Екатерины I о регулярных кулачных боях на Адмиралтейской стороне, на Аптекарском острове и в других местах Санкт-Петербурга, которые сопровождались нечестными приемами противоборства, применением ядер, камней, кистеней в рукавицах. Низкий морально-этический характер поединков сопровождался массовыми побоищами и убийствами на улицах столицы. Именно с целью установления правопорядка и вытеснения социально-вредных отношений между горожанами без запрета традиционной народной забавы с закреплением всех положительных эффектов от кулачных боев Императрица приняла решение фиксировать возможность их проведения в Полицмейстерской канцелярии, где уточняли место, время и состав участников.

Этот указ стал первым действенным способом правового регулирования кулачных боев в России, основанным не столько на запрете, сколько на позитивном возложении ответственности на субъект права. Кроме того, указ Екатерины I был первым нормативным правовым актом в российской истории, регламентирующим спортивные единоборства. При этом привлекались лица с воинской должностью (сотники, пятидесятники и десятники) с целью обеспечения правопорядка и соблюдения правил поединка, по сути дела, выполняющие функцию спортивных судей.

В правление Екатерины II Уставом о благочинии или полицейским от 8 апреля 1782 года был введен запрет поступков в ходе народных забав, наносящих кому-либо вред. Однако, тем же документом в п. 1 ст. 219 допускалось усмотрение полиции, т.е. возможность дозволить общенародные игры и забавы, если сочтут их допустимыми. Было введено исключение из общих правил от том, что «полиция в случаях просьбы о дозволении учинить игры, основанные на силе и противоборстве телесном ... также игр общенародных, или забавы ..., если не находит в том ничего противного закону и вреда общего или частного, то дает позволение и назначает день и час, когда начать» (ст. 67, 69). Несмотря на все будущие запреты кулачных боев, данное исключение в Российской империи никогда отменено не было, оно подтверждается в Своде законов 1857 года (ст. 198) и в неофициальном издании Свода Законов 1912 года (ст. 138).

В законах 1782 г. (15379 ст. 219 п. 3,4), 1845 г. (19283 ст. 1232), 1864 г. (41478 ст. 38, 39, 117, 118, 135) оговаривалось, что при общенародных забавах и увеселениях никто не должен шуметь, кричать, говорить громко, начинать ссору, брань, драку или иное чем можно причинить рану, вред и убыток, или

опасение. Однако запрет ограничивался 100 саженьями (213,36 метра) от места проведения мероприятия.

К тому же, Именной указ от 22 декабря 1796 года разрешал частному человеку организовать любые публичные зрелища (в первоначальном тексте закона речь идет только о театре, но возобладало расширительное толкование) при условии, что за известную плату будет организован надзор полиции, предохраняющий от шума и всяких непристойностей (ст. 7). Данная норма тоже останется неизменной до времени крушения империи (Устав о предотвращении и пресечении преступлений, ст. 144). Разумеется, полиция, которой частным образом, но официально доплачивали за участие в проведении мероприятия, проявляла максимальную лояльность к его участникам.

Кроме того, взимался сбор с публичных зрелищ и увеселений в пользу ведомства учреждений Императрицы Марии (Устав о предотвращении и пресечении преступлений, ст. 139). Официально декларировалось, что орган благотворительности – ведомство Императрицы Марии содержится на личные деньги рода Романовых, но допускались и вложения со стороны частных лиц. Таким образом, организаторы народных забав еще и оплачивали имиджевые мероприятия правящей фамилии. Сбор осуществлялся на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 5 мая 1892 года с увеселений всякого рода, устраиваемых за плату с посетителей. В качестве мероприятий подлежащих к уплате сбора упомянуты: бега, скачки и т.д.

Следовательно, запрет кулачных боев носил неполный характер. Законодательная уловка периода правления Екатерины II приводила к тому, что «в Москве, а отчасти и в Петербурге, кулачные бои особенно процветали с XVIII и до половины XIX века ... в это время между иными страстными любителями, ... как например граф Растопчин, выделяется особенно знаменитый ... граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский» [1, с. 112]. В данном факте имеет место случай, когда «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Разумеется, подобное было возможно только с участием обличенных властью и богатством покровителей.

Запрет не распространялся на народные гуляния, связанные с кулачным боем. Например, традиция «взятия снежного городка» широко известна современному россиянину благодаря картине В. И. Сурикова (1891), включенной в школьную программу. Картина написана после посещения художником масленичных гуляний в Красноярске. Обычай включал кулачный бой как составную часть действия и запрет на него не распространялся. Надо отметить свидетельство М.В. Красноженовой, что в 70-е годы XIX в. местными властями было запрещено проведение «городка» в станице Тогашино под Красноярском [2, с. 31], но это единичный случай, в других местах традиция сохранялась.

В конце XIX в. появилась другая законодательная уловка. В заведениях трактирного промысла с разрешения губернатора допускались игры, музыка и тому подобные развлечения. Правило было введено Положением о трактирном

промысле от 8 июня 1893 года (ст. 12). Закон от 7 января 1902 года (Раздел 3, ст. 1) распространил указанную норму на Царство Польское. Следовательно, возможность законного проведения боксерских поединков в помещении существовала.

Именно на рубеже XIX-XX вв. в России происходит всплеск интереса к атлетизму [3], происходит культивирование английского бокса, в 1894 г. издается первое пособие [4], появляются первые кружки и проводятся первые соревнования. «Следует также иметь ввиду, что культивируемый в России в те годы бокс был со значительной примесью «французского бокса», в котором применялись ножные удары» [5, с. 116], разрешавшиеся и в традиционных русских кулачных боях.

Кроме того, в 1906-1914 гг. небывалый расцвет переживает цирковая имитация классической борьбы - «шике», и ее спортивно-соревновательный аналог - «бур», где блистали известные борцы И. В. Поддубный и И. В. Лебедев (Дядя Ваня) [6, с. 310-312].

Все перечисленные новые формы в какой-то мере были призваны заменить уже практически утративший в то время значение русский кулачный бой. Возникает новое культурное явление: не народная забава, а современное спортивно-развлекательное зрелище. В дальнейшем правовое регулирование происходит уже в рамках спорта, который признается общественно-полезным явлением. Кроме того, с отказом армии от рекрутского набора, при сокращении срока действительной службы по жребию до 5 лет (Закон от 14 июля 1888 г.) стала поощряться спортивная подготовка подданных. В примерном уставе для стрелково-гимнастических обществ среди рекомендованных видов спорта была указана атлетическая борьба (§ 28 п. 3), а также гимнастические игры, способствующие правильному развитию организма (§ 29) [7, с. 18].

Таким образом, самым эффективным приемом правового регулирования кулачных боев стала введенная Екатериной I их строгая регламентация, которая практически приравнивала их к спортивно-зрелищным мероприятиям. Однако этот позитивный опыт не получил дальнейшего развития. В период правления Екатерины II сложилась система терпимого отношения к кулачным боям. Запрет носил не полный характер, проведение боев допускалось с согласованием местных полицейских властей, в том числе в виде казачьей традиции «взятия снежного городка».

На рубеже XIX-XX вв. кулачные бои частично вытесняются нарождающимся спортивно-олимпийским движением и иными новыми спортивно-зрелищными видами, к примеру, силовыми номерами в цирке.

### **Библиографический список**

1. Лебедев, В.К истории кулачных боев на Руси // Русская старина. – 1913. – Т. 155. – № июль-август-сентябрь. – С. 103–123.



2. Красножанова, М.В. Взятие «Снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина : этнографический сборник. Вып. 2 / под. ред. М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова. – Иркутск, 1924. – С. 21-37.
3. Сагеева, Г.Н. История возникновения атлетизма в России // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – Т. 6. – № 2. – С. 155–157.
4. Кистер, М.О. Английский бокс: Boxing: руководство с рисунками. СПб., 1894. – 48 с.
5. Суник, А.Б. Российский спорт и Олимпийское движение на рубеже XIX-XX веков. – Изд. 2-е. – М., 2004. – 764 с.
6. Дмитриев, Ю.А. Цирк в России: от истоков до 1917 г. – М.: Искусство, 1977. – 415 с.
7. Никитин, М. Об образовании и развитии стрелково-гимнастических обществ СПб., 1899. – 31 с.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ  
УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И  
ПРОВЕДЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ  
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**С.А. Цюга**

*помощник депутата Палаты представителей  
Национального собрания Республики Беларусь*

Избирательный процесс в современном мире – явление достаточно динамичное. Можно констатировать, что от выборов к выборам растет желание граждан активнее участвовать в политической жизни государства. Последняя избирательная кампания 2020 года по выборам Президента Республики Беларусь – яркий тому пример. Для качественного и продуктивного участия различных субъектов избирательного процесса необходимо постоянно совершенствовать их конституционно-правовой статус, вносить изменения и дополнения в избирательное законодательство с учетом запросов общества, анализа прогрессивного мирового опыта и практики проведения предыдущих избирательных кампаний. В связи с вышеизложенным, полагаем, назрела необходимость в совершенствовании национального законодательства по вопросам правосубъектности участников избирательного процесса и проведению избирательных действий в Республике Беларусь.

Во-первых, предлагаем ввести в научный оборот понятия, необходимые для понимания норм как об участниках избирательного процесса, так и о субъектном составе конституционно-правовых отношений и их законодательно закрепить в отдельных статьях Избирательного кодекса Республики Беларусь, а именно: 1) «доверенное лицо» – это гражданин, обладающий избирательным правом, определенный кандидатом на выборную

должность для оказания помощи в период избирательной кампании и зарегистрированный в установленном законом порядке. Предлагаем данную норму-дефиницию закрепить в ст. 155 Избирательного кодекса Республики Беларусь; 2) «избирательные комиссии» – независимые коллегиальные органы, образуемые в порядке, установленном настоящим Кодексом, для подготовки и проведения выборов различных видов и обеспечивающие реализацию и защиту избирательных прав граждан. Предлагаем дополнить приведенное в п. 9 ст. 155 Избирательного кодекса Республики Беларусь перечисление видов комиссий их обобщенным определением; 3) «инициативная группа», под которой понимается группа избирателей, действующая на принципах самоорганизации, образованная и зарегистрированная в установленном законом порядке для реализации законных интересов: по выдвижению кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей, в депутаты местных Советов депутатов; по проведению республиканского или местного референдума; по реализации права законодательной инициативы; при возбуждении вопроса об отзыве депутата Палаты представителей, депутата местного Совета депутатов. Предлагается закрепить данное понятие в ст. 155 Избирательного кодекса Республики Беларусь Республики Беларусь; 4) «трудовой коллектив» – это добровольное объединение работников, участвующих своим трудом в деятельности предприятия (учреждения, организации) на основе трудового договора (контракта), и имеющее возможность участвовать в избирательном процессе, при соблюдении требований, установленных Избирательным кодексом Республики Беларусь. Считаем возможным закрепить это понятие в норме-дефиниции, включив ее в ст. 155 Избирательного кодекса Республики Беларусь.

Во-вторых, внести изменения и дополнения в национальное законодательство по вопросам правосубъектности участников избирательного процесса и проведению избирательных действий в Республике Беларусь, в частности: 1) исключить из текста ст. 64 Конституции Республики Беларусь и ст. 4 Избирательного кодекса Республики Беларусь норму: «в голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей», а ст. 4 Избирательного кодекса Республики Беларусь дополнить нормами следующего содержания: «Не имеют права быть избранными граждане Республики Беларусь, имеющие вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Республики Беларусь на территории иностранного государства. Указанные граждане вправе быть избранными в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Республики Беларусь» 2) ст. 80 Конституции Республики Беларусь, а также ч. 1 ст. 57 Избирательного кодекса Республики Беларусь изменить и дополнить нормой, следующего содержания: «Президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 35 лет, обладающий избирательным правом

и постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее двадцати пяти лет непосредственно перед выборами, не имеющий и не имевший ранее вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Республики Беларусь на территории иностранного государства»; 3) ст. 81 Конституции Республики Беларусь дополнить следующими нормами: «Президент избирается на шесть лет непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании», «одно и то же лицо не может занимать должность Президента более двух сроков», «Президенту в порядке, установленном законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Республики Беларусь»; 4) осуществить переход к однопалатному парламенту в связи с чем ч. 2 ст. 90 Конституции Республики Беларусь «Парламент состоит из двух палат – Палаты представителей и Совета Республики» исключить, закрепить в ст. 91 Конституции Республики Беларусь, что «конституционный состав Национального собрания – 150 депутатов», ст. 92 Конституции Республики Беларусь и ст. 57 Избирательного кодекса Республики Беларусь изменить и изложить в следующей редакции: «депутатом Национального собрания может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 25 лет, постоянно проживающий на территории Беларуси, не имеющий вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Республики Беларусь на территории иностранного государства. Депутатам Национального собрания в порядке, установленном законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Республики Беларусь; ст. 93 Конституции Республики Беларусь изменить, закрепив положение о том, что «срок полномочий Парламента – пять лет»; 5) ч. 3 ст. 57 Избирательного кодекса Республики Беларусь изменить и изложить в следующей редакции: «депутатом местного Совета депутатов может быть избран гражданин Республики Беларусь, достигший 21 года»; 6) законодательно предусмотреть обязательное опубликование программ кандидатов в депутаты, избираемых в местные Советы депутатов, а также обязательное участие их в дебатах; 7) законодательно предусмотреть избрание глав исполнительных комитетов, совместив их выборы с выборами в местные Советы депутатов; 8) дополнить ст. 76 Избирательного кодекса Республики Беларусь нормой следующего содержания: «доверенное лицо в ходе избирательной кампании может представлять интересы только одного кандидата»; в данную статью также можно включить нормы, содержащие перечисление основных прав и обязанностей доверенных лиц; 9) закрепить в Избирательном кодексе Республики Беларусь нормы по совершенствованию правового положения членов Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов: о запрете для членов

Центральной комиссии вида на жительство в иностранном государстве; о сроке полномочий членов Центральной комиссии (изложить ч. 4 ст. 32 Избирательного кодекса Республики Беларусь в следующей редакции: «Срок полномочий членов Центральной комиссии – пять лет. Срок полномочий Центральной комиссии нового состава начинается со дня ее образования в правомочном составе»); 10) в ст. 34 Избирательного кодекса Республики Беларусь предусмотреть утверждение состава избирательных комиссий соответствующими местными представительными органами; 11) в отдельной статье Избирательного кодекса Республики Беларусь закрепить правовой статус члена инициативной группы; 12) закрепить право отмены решения о регистрации инициативной группы за нарушение избирательного законодательства в период сбора подписей и (или) проведения агитации; 13) конкретизировать и законодательно закрепить организацию пикетов по сбору подписей и проведению предвыборной агитации; 14) наделить союзы политических партий правом участия в выборах; 15) дополнить ч. 5 ст. 13 Избирательного кодекса Республики Беларусь нормами по совершенствованию правового статуса наблюдателя, в частности разрешить им: знакомиться со списками избирателей; наблюдать за подсчетом голосов избирателей на расстоянии и в условиях, обеспечивающих обзорность содержащихся в бюллетене отметок избирателей; наблюдать за составлением комиссией протокола о результатах голосования; получать заверенные копии указанных протоколов; высказывать замечания на нарушения и действия председателя и членов избирательных комиссий с возможностью дальнейшего обжалования в вышестоящую комиссию и в суд; распространять полученную информацию в ходе голосования в СМИ и сети Интернет; носить нагрудный знак (бейдж) с обозначением своего статуса. Предоставить наблюдателям право создания Координационного центра наблюдения за выборами для согласования их деятельности, аккумуляции отчетов, замечаний и предложений. Это оптимизирует правовой статус наблюдателя, повысит его роль в избирательном процессе; 16) детализировать права и обязанности журналистов в период избирательной кампании и изложить соответствующую норму в ст. 46 Избирательного кодекса Республики Беларусь, что позволит разграничить правовой статус журналиста и наблюдателя. В законодательство о СМИ необходимо внести дополнения и закрепить понятие «блогер», раскрыть его правовой статус; 17) закрепить в ст. 74 Избирательного кодекса Республики Беларусь нормы, устанавливающие правовые условия взаимоотношений кандидата с негосударственными СМИ (например, наделить последних правом предоставлять на равных условиях кандидатам на выборные должности эфирное время и печатные площади).

В-третьих, внедрить в практику применение инновационно-коммуникативных технологий, образовательных программ для повышения эффективности современного избирательного процесса, уровня электорально-правовой культуры его участников: 1) создать на официальном сайте

Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов электронные ресурсы: «Государственный регистр избирателей», «Регистр соискателей работы в избирательной сфере», 2) создать Координационный центр наблюдателей (сайт для регистрации желающих быть наблюдателями и координации их деятельности); 3) применить электронное голосование в качестве дополнительной формы волеизъявления для граждан, которые находятся за рубежом в день выборов; 4) провести экспериментальное внедрение в избирательный процесс комплексов обработки избирательных бюллетеней – КОИБов; 5) создать при Академии управления при Президенте Республики Беларусь Центр непрерывного образования в избирательной сфере, предназначенный для повышения квалификации участников избирательного процесса (членов избирательных комиссий всех уровней, избирателей, наблюдателей, кандидатов на выборные должности и др.); 6) расширить практику распространения образовательных проектов: «Школа депутата», «Школа помощника депутата», «Школа избирателя», «Школа наблюдателя» и т.п.

## **ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В США В XVIII – XIX ВВ.**

**С.В. Чечелев**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета*

*Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат  
юридических наук, доцент*

Принятые в 2020 году последние поправки в конституцию РФ закрепляют возможность создания на её территории так называемых федеральных территорий (ст. 67 п.1) – т. е. территорий с несколько иным конституционно-правовым статусом, нежели составляющие ныне Российскую Федерацию 85 субъектов.

В связи с этим представляется не лишённым смысла обратиться к анализу исторического опыта государств, в составе которых были или также имеются федеральные территории. Так, в США понятие федеральная территория впервые появляется в практике государственного строительства США в конце XVIII в. Тогда такой статус получили некоторые территории из земель, официально вошедших в состав США после заключения Парижского мира 1783 года с Великобританией, расположенных между Аллеганскими горами и р. Миссисипи. Среди них следует выделить Северо-Западную Территорию (ордонанс о её создании 1787 года в силу прецедентности характера американского права не только закрепил правовой статус нового вида территории тогдашней Конфедерации Штатов, но и определил порядок образования на её территории новых штатов) [1]. В августе 1789 года, теперь уже федеральный конгресс США, действовавший на основе Конституции США 1787 года,

переутвердил ордонанс на новой основе. Данная федеральная территория создавалась в треугольнике между Великими озёрами, рекой Огайо на Юге и рекой Миссисипи на западе на землях, свободных от требований других штатов США.

На этой территории власть осуществляли федеральные органы США. Всех должностных лиц штата (губернатора, вице-губернатора, секретаря, казначея территории, судей и др.) назначал, как и всех федеральных государственных служащих президент США с согласия сената.

Согласно Ордонанса, местные представительные законодательные органы территории начинали функционировать, когда количество свободных поселенцев мужского пола превышало 5 тыс. чел. Двухпалатное законодательное собрание состояло из губернаторского Совета и палаты представителей. В последней заседало 22 представителя пропорционально населению каждого графства. Ордонанс также гарантировал свободу вероисповедания и запрещал дискриминацию по религиозному признаку.

В 13 графствах, на которые была разделена вся территория, по мере появления более или менее значительного местного населения организовывались местные органы самоуправления.

В первоначальных границах территория просуществовала до 1800 г., когда на западной её части была образована Территория Индиана [2], а восточная стала в 1803 г. штатом Огайо. Создававший новый штат акт конгресса (Enabling Act 1802) в свою очередь, стал модельным для процедуры образования штата из федеральной территории [3]. В свою очередь и Территория Индиана претерпела несколько разделов и выделов и также впоследствии в разное время стала основой ряда штатов (Индиана, Мичиган, Иллинойс, Висконсин и др.).

В 1790 году аналогичная территория была создана на юге новоприобретённых владений США (не территориях, от претензий на которые отказалась в своё время Северная Каролина). Особенностью этой территории было то, что в отличие от Северо-Западного ордонанса Юго-Западный ордонанс разрешал существование рабства на этих землях [4]. Таким образом, было положено начало тенденции распространения рабовладения на новые территории на Западе, приведшее в очень скором времени к окончательному оформлению двух секций (Юга и Севера) и спору за новые земли на Западе, который явился одной из причин Гражданской Войны. Сама же Юго-Западная территория прекратила существование в связи с организацией в 1796 году штата Теннесси [5].

В последующем новые федеральные территории возникали в качестве первоначальной формы территориальной организации новоприобретённых Соединёнными штатами земель. В основном это происходило путём выделения части территории из более старого территориального образования по мере увеличения численности населения в данной местности. Упразднение территории происходило из-за преобразования её целиком или части в штат. Оставшаяся часть могла составить новую федеральную территорию.

Так, например, на землях так называемой луизианской покупки (1803 г.) в период до Гражданской войны были образованы территории: Луизиана (1805-1812), Миссури (1812-1821), Арканзас (1819-1836), Айова (1838-1846), Канзас (1854-1861), Небраска (1854-1867), Миннесота (1849-1858).

На территориях уступленного Великобританией Орегона и захваченных у Мексики в ходе войны 1846-1848 годов были образованы федеральные территории Нью-Мехико (1850-1912), Юта (1850-1896), Вашингтон (1853-1889), Орегон (1846-1859), Колорадо (1861-1876), Невада (1861-1864), Дакота (1861-1889), Аризона (1863-1912), Айдахо (1863-1890) Монтана (1864-1889), Вайоминг (1868-1890), Оклахома (1890-1907).

Причём, как мы видим, гражданская война в значительной степени ускорила этот процесс, явившись мощным катализатором (в разных своих аспектах) ускоренного освоения Запада.

Все вышеперечисленные территориальные образования имели статус федеральных организованных территорий.

Кроме того, в составе США в XIX в. была организована так называемая неорганизованная индейская территория, которую конгресс США образовал законом 1834 года (Indian Intercourse Act) с целью расселения на ней переселяемых с территорий к востоку от р. Миссисипи индейцев [6]. В дальнейшем она неоднократно сокращалась вплоть до упразднения ее в 1907 году [7]. Её территория разделялась на отдельные индейские резервации [8].

Во второй половине XIX в. в составе США появились территории не имевшие статуса территории. Так, Аляска, купленная в 1867 году у России имела первоначально статус Департамента (до 1877 года под управлением Военного департамента, затем департамента финансов США (до 1879 года) и военно-морского до 1912 года. И только согласно The Second Organic Act of 1912 года самое северное владение США получило права организованной федеральной территории [9].

Наконец, после принятия конгрессом США «Резолюции о новых землях» (Newlands Resolution) 4 июля 1898 года к США была присоединена Республика Гавайи в качестве ещё одной федеральной территории [10].

Наконец, самые позднейшие приобретения США в XIX в., произведённые в ходе Испано-Американской войны 1898 года (Гуам и Пуэрто-Рико) так и не получили за более чем вековую историю пребывания в составе США статуса не только штата, но и организованной инкорпорированной территории. Это же относится и к Американскому Самоа, полученному Соединёнными Штатами по Берлинскому договору 1899 года и Тройственной конвенцией (Tripartite Convention) 1899 года [11, с. 130].

К началу XX в. в составе США оставалось 4 организованных территории (Гавайи, Нью-Мехико, Аризона, Оклахома) и 1 неорганизованная (Индейская), а также не имеющий статус территории округ Аляска. На протяжении XX в. все организованные территории получили статус штата, а индейская территория первоначально стала частью территории Оклахома.

В настоящий момент в составе США имеются 4 организованные неинкорпорированные и 1 неорганизованная территория (Американское Самоа). Все они представляют собой удалённые островные территории в Карибском море или Тихом океане. Представляется, что дальнейшая их эволюция – вопрос времени и будет определяться, прежде всего, уровнем их социально-экономического развития, демографическими и некоторыми другими показателями.

### Библиографический список

1. An Ordinance for the Government of the Territory of the United States, North-West of the River Ohio. July 13, 1787 A Century of Lawmaking for a New Nation: U.S. Congressional Documents and Debates, 1774– 1875 Statutes at Large, 1 st Congress, 1 st Session [Электронный ресурс] URL: <http://rs6.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llsl&fileName=001/llsl001.db&recNum=173>. – Дата доступа: 07.11.2020.
2. Act Creating Indiana Territory, 1800 July 4, 1800 [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20080619174831/http://www.in.gov/history/6214.htm>. – Дата доступа: 07.11.2020.
3. Enabling Act 1802 Ohio History Central [Электронный ресурс] URL: [https://ohiohistorycentral.org/w/Enabling\\_Act\\_of\\_1802\\_\(Transcript\)](https://ohiohistorycentral.org/w/Enabling_Act_of_1802_(Transcript)). – Дата доступа: 07.11.2020)
4. Act for Government of the Southwest Territory 1790 [Электронный ресурс] URL: <http://www.minnesotalegalhistoryproject.org/assets/The%20Southwest%20Ordinance.pdf>. – Дата доступа: 07.11.2020.
5. An Act for the admission of the State of Tennessee into the Union. Tennessee law. The Early Days [Электронный ресурс] URL: <https://www.tngenweb.org/law/17960601.html>
6. The Indian Intercourse Act June 30, 1834 A Century of Lawmaking for a New Nation: U.S. Congressional Documents and Debates, 1774 – 1875 Statutes at Large, 23st Congress, 1 st Session [Электронный ресурс] URL: <http://rs6.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llsl&fileName=004/llsl004.db&recNum=776>. – Дата доступа: 07.11.2020)
7. Oklahoma Statehood Bill 16 November 1907 [Электронный ресурс] URL: <https://history.house.gov/HouseRecord/Detail/15032436203>. – Дата доступа: 07.11.2020).
8. Hawes. J. W. Indian Territory/The American Cyclopædia. 1879. [Электронный ресурс] URL: [https://en.wikisource.org/wiki/The\\_American\\_Cyclopædia\\_\(1879\)/Indian\\_Territory](https://en.wikisource.org/wiki/The_American_Cyclopædia_(1879)/Indian_Territory). – Дата доступа: 07.11.2020)



9. 37 Stat. 512 (Pub. Law 62-334) AN ACT To create a legislative assembly in the Territory of Alaska,. to confer legislative power thereon, and for other purposes. August 24, 1912 [Электронный ресурс] URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/37/STATUTE-37-Pg512a.pdf>. – Дата доступа: 07.11.2020)
10. Newlands Resolution July 7th, 1898 [Электронный ресурс] URL: <https://www.hawaii-nation.org/annexation.html>. – Дата доступа: 07.11.2020)
11. Watson, R.M. History of Samoa. –Whitcombe and Tombs Ltd. – 1918.

## **МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

**А.А. Шафалович**

*доцент кафедры теории и истории права юридического факультета  
Белорусского государственного экономического университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Вызовом устойчивому развитию общества является все ускоряющееся развитие инновационных технологий, которое уже в ближайшее время способно до основания потрясти теорию и практику прав человека, оказывая все более осязаемое влияние на их фундаментальные положения. Необходимость переосмысления самого понятия и принципов прав человека стало предметом данного исследования.

Значимость адекватного вызовам устойчивому развитию общества понятия прав человека сложно переоценить. Это объясняется практико-ориентированностью теории прав человека, которая на сегодняшний день, думаем, вполне соотносима с регулятивной функцией источника права.

При всей массивной нормативной регламентации прав человека парадоксальным считаем то минимальное внимание, которое уделяется системообразующей категории в сфере прав человека — самому его понятию. Из всех слагаемых теоретического знания о правах человека (его мощнейшей классификации; общепризнанных принципов прав человека, ставших источниками права международного и национального; методологических основ; функций; типологий прав человека и др.) понятие прав человека не претерпело концептуальных изменений с момента его создания.

К слову, доподлинно не известно происхождение понятия прав человека. В одних источниках говорится о Т. Пейне, одном из «отцов» Конституции США, который впервые употребил этот термин в одноименной монографии «Права человека», датированной 1791 годом [1]. Однако, не трудно заметить, что наименование Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года уже оперирует этим термином, в силу чего утверждение об авторстве Т. Пейна в отношении понятия прав человека ошибочно.

В научной и учебной литературе нам удалось найти очень немного авторских дефиниций понятия права человека, что для любой правовой теории

вещь неслыханная, тем более для такой практически значимой. И это при том, что данное понятие наслуху у каждого человека, и это — первое, о чем он вспомнит, говоря о праве: «Права человека — это права, которые присущи каждому человеку в силу того, что он человек» [2, с. 14].

Первостепенную важность в определении прав человека играет важнейшая для права категория — правопонимание. Итак, первые определения понятия прав человека даны в духе либеральной теории и естественного права: это естественные, неотъемлемые и неотчуждаемые права, присущие человеку в силу человеческой природы (на начальных этапах развития идеи естественного права) или рациональности человека (на этапе формирования классической школы естественного права).

Доминирование неклассической методологии привело к позитивации (конституционализации, а позднее и интернализации) прав человека и пониманию последних как юридических прав, устанавливаемых в нормотворческом процессе как на национальном, так и на международном уровне. Причем, акцент на ведущей роли государства соотносится с этатическим позитивизмом, а возрастающее влияние международного права — с нормативизмом. Казалось, с естественной концепцией, положившей начало теории прав человека, «покончено». Ее крупнейшие представители А. Кафман и В. Майхофер, которые по принятию основных документов по правам человека 1966 года, заявили о бесперспективности дальнейшего исследования естественного права. Думается, они поторопились, поскольку все «новые» права человека до момента их позитивного закрепления неизбежно проходят стадию существования на уровне естественного права. Так, было, например, с правом на Интернет. В связи с событиями в Сирии была принята расширенная резолюция Совета по правам человека ООН в форме утвержденного доклада от 3 июня 2011 года, в котором право на доступ к Интернету отнесено к числу базовых и неотъемлемых прав человека в современном мире, к категории «цифровых прав» [3].

Таково положение дел сегодня со многими соматическими, биотехнологическими, информационными и гендерными правами. Безудержная позитивация «новых» и «старых» прав нам видится отнюдь не как позитивный момент в развитии прав человека. Она означает пробельность, коллизионность и быстрое устаревание норм прав человека. То, что позитивное право обеспечивает большую правовую защиту, чем естественное — это лишь видимость. Думаем, в новых условиях формирования инновационного общества более перспективными становятся нетрадиционные источники права, особенно принципы прав человека, да и сама теория прав человека вполне может претендовать на роль субсидиарного (дополнительного) источника права.

Смеем не согласиться с мнением, отвергающим как таковую возможность существования прав человека в смысле универсальных принципов, или

мнением о пределах прав человека (например, Дж. Льюис в статье «Европейский предел прав человека» [2]).

Роль и авторитет принципов права в сфере защиты прав человека можно сравнить с ролью десяти Божьих заповедей, которые имеют универсальное действие и общеизвестны, что решает вопрос распространения знания правовых норм в этой сфере. Таким образом, полагаем, в целях устойчивого развития общества следует признать принципы в сфере регулирования прав человека и саму теорию прав человека в качестве вспомогательных источников права.

Однако все вышеупомянутые определения означают доминирование классического видения прав человека, связанного с утверждением идеи свободной, автономной и сильной личности, самостоятельно реализующей свои права. Парадокс заключается в том, что в современных условиях научно-технического прогресса с учетом значимости социальных, экономических прав «индивид оказался вновь зависимым (хотя и качественно иначе) от государства» [4, с. 24].

Считаем заслуживающим внимания нетрадиционным, выходящим за рамки правопонимания и методологии, определение прав человека, данное М. Дж. Перри: существуют некоторые вещи, которые никогда не должны быть сделаны по отношению к человеку, а также некоторые иные вещи, которые, наоборот, всегда должны осуществляться по отношению к человеку. И те и другие «вещи» – то, что объединено общим названием «права человека» [5].

В условиях бурного развития медицинских технологий в целях устойчивого развития человечества, полагаем, отсчет прав человека должен начинаться с эмбрионального состояния. Парадоксально то, что юридическая защита права на наследование еще неродившегося ребенка уже давно имеет место. Так, согласно ст. 1037 Гражданского кодекса Республики Беларусь, «Наследниками по завещанию и закону могут быть...также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства». Такое положение дел, когда право на наследование возникает раньше прав человека, раньше, чем он получит право на имя, противоречит логике. В связи с этим рекомендуем распространять права человека от момента его зачатия и нормативно защитить геном человека от вмешательств в силу рисков самоуничтожения человечества.

В связи с выше изложенным, в целях устойчивого развития общества требуются расширение понятия «права человека» и придания теории прав человека, в первую очередь, принципам прав человека статуса субсидиарного источника права.

### **Библиографический список**

1. Пейн, Т. Права человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reader.bookmate.com/jUVilaW6>. – Дата доступа: 04.11.2020.

2. Права человека: учеб. пособие / С. А. Балащенко [и др.]; науч. ред. С.А. Балащенко, Е.А. Декайло. – Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.
3. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. – Режим доступа: [http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27\\_en.pdf](http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf). – Дата доступа: 28.06.2020.
4. Проскурин, С. Права человека, постиндустриализм и Россия // Права человека в современном мире: тезисы международного теоретического семинара, посвященного 50-летию принятия Всеобщей декларации прав человека. – М., 1999. – С. 48–51.
5. Льюис, Дж. Европейский предел прав человека. Lewis, J. The European ceiling on human rights [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-04-062-lyuis-dzh-evropeyskiy-predel-prav-cheloveka-lewis-j-the-european-ceiling-on-human-rights-public-law-l-2007-spring-p-720-747/viewer>. – Дата доступа: 04.11.2020.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З (с изм. и доп.) // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 12.01.2017. 2/2452.

## **РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ИСЛАМСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА**

**В.В. Шишкин**

*старший преподаватель юридического факультета  
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

Вместе с расширением Московского царства, и включения в его состав новых народов, остро встал вопрос о присяге (клятве) Московскому царю лиц, исповедующих другие религии – ислам, католицизм, иудаизм, буддизм, языческие культы и многие другие религиозные традиции.

В Соборном уложении 1649 года клятве посвящена глава XIV «О крестном целовании»[6, с. 71-73]. В правовой системе формируются три вида присяги государственного значения:

- присяга верноподданническая, в виде крестного целования у христиан и шертной клятвы у магометан, ламаистов, язычников, как тюркоязычных, так фино-угров;
- присяга на верность службы, должности и на чины;
- присяга в судебном процессе.

Присяга в Московском царстве была тем универсальным правовым институтом, который четко отвечал на запросы времени, и позволял увеличить число верноподданных. Однако существовал ряд проблем с приведением мусульман к присяге, так как приведение их к присяге посредством

крестоцелования было невозможно, то использовался уже устоявшийся в мусульманском мире институт шерти.

Одной из форм присяги мусульман, была дачи ими шерти, закрепляемой в шертных грамотах. Как отмечает М. Бережков, «слово “шерть” происходит от арабского “шэрт”, означающего “условие, договор”, потом в татарское время принявшего у нас значение “клятвы, присяги”» [2, с. 4.]. Юридическим актом данного договора (присяги) являлась шертная грамота. Шертные грамоты (шерть, шарт – от арабо-персидского слова условие, соглашение), шартнаме – договор, соглашение, одно из наименований международных договоров [3, с. 155].

Шертные грамоты впервые введены в государствах Ближнего и Среднего Востока. Широкое распространение получили в татарских ханствах. Наибольшее число известных шертных грамот заключено между татарскими ханами и русскими великими князьями (царями) [3, с. 155].

М.О. Акишин отмечает, что в XV–XVII вв. шертными грамотами и записями регулировались отношения с калмыками, башкирами, народами Северного Кавказа, Казахстана и Сибири и т.д. [1, с. 233]. Шертные грамоты существовали до начала XVIII в. [3, с. 155].

Освещение вопроса развития шертных грамот учеными строили как на основе выявления их общих закономерной, так и специфических черт, им присущих [10, с. 28-33], продиктованных чаще всего географическим и национальным характером. Так, по географическому признаку выделяются крымские [5, с. 12], сибирские [8, с. 22], кавказские шертные грамоты, по национальному – татарские, калмыцкие [10, с. 28-33] и другие.

Об универсальности данного правового института мусульманского права как шерть, говорит уже то, что он активно использовался при даче присяги, в том числе и не мусульманского населения. Так в отношении клятвы язычников также использовался институт шерти [4, с. 172-177; 7, с. 8].

В заключении стоит отметить, что шерть как институт исламского права органично вошла в правовую систему Московского царства наделив ее определенными чертами самобытности, позволив наладить сотрудничество между мусульманским миром и Москвией, как в дипломатических, так и правовых направлениях.

### **Библиографический список**

1. Акишин, М.О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2013. – Том 12. – Вып. 5. – Археология и этнография. – С. 233.
2. Бережков, М. Крымские шерстные грамоты. – Киев, 1894.
3. Давлетшин, Г.М. Клятва, договор, шертование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 4.

4. Конев, А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 6.
5. Лашков, Ф. Памятники отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел (продолжение) // ИТУАК. – Симферополь, 1890. – Т. 10.
6. ПСЗ РИ. – Собр.1. – Т. 1. – СПб.: тип. II отд. СЕИВК, 1830. – №1.
7. Слугина, В.А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования. – Дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2017.
8. Соколова, З.П. Животные в религиях. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998.
9. Трепавлов, В.В. «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. науч. конф.: Тез. докл. Челябинск, 1995.
10. Трепавлов, В.В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестн. Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 8-19. – Ч. 1.

## **ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ КАК ЦЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УКРАИНЕ**

**Т.П. Шоха**

*ассистент Института права  
Киевского национального университета им. Тараса Шевченко,  
кандидат юридических наук*

Деятельность Организации Объединенных Наций более 70-ти лет непосредственно связана с решением экологических проблем глобального характера.

В связи с этим, а также учитывая то, что участие Украины в деятельности ООН является одним из приоритетных направлений внешней политики нашего государства, 30 сентября 2019 года был издан Указ Президента Украины «О целях устойчивого развития на период до 2030 года» [1].

В соответствии с этим документом, на основе перечня глобальных целей устойчивого развития, провозглашенных Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года № 70/1, с учетом специфики, изложенной в Национальном докладе «Цели устойчивого развития: Украина» [2], определен широкий комплекс целей - ориентиров для разработки национальных прогнозных и программных документов, проектов нормативно-правовых актов.

В качестве одной из таких целей названо содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития,

обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных учреждений на всех уровнях (п. 16).

Анализируя обеспечение доступа к правосудию как одно из направлений для достижения целей устойчивого развития, прежде всего необходимо определить его законодательные основы.

Согласно ч. 3 ст. 11 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» [3] нарушенные экологические права граждан должны быть восстановлены, а их защита осуществляется в судебном порядке.

На основании процессуального законодательства Украины дела о защите экологических прав рассматриваются в соответствии с правилами отраслевой подведомственности судов в порядке гражданского, хозяйственного и административного судопроизводства.

При этом термин «подведомственность» в законодательстве Украины не определен и раскрывается через перечень дел, которые рассматривает тот или иной суд исходя из круга субъектов и характера спора.

В частности, к юрисдикции хозяйственных судов относятся споры, которые возникают в связи с осуществлением хозяйственной деятельности и сторонами которых выступают преимущественно юридические лица [4]. Юрисдикция административных судов распространяется на дела в публично-правовых спорах, стороной которых, как правило, является субъект властных полномочий [5]. Гражданскими судами или судами общей компетенции рассматриваются дела, которые возникают из гражданских, земельных и других правоотношений, кроме дел, рассмотрение которых осуществляется в порядке другого судопроизводства [6]. В соответствии со ст. 124 Конституции Украины [7] юрисдикция судов распространяется на все правоотношения в государстве.

Кроме этого, более двадцати лет частью национального законодательства Украины является Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [8].

В соответствии с положениями Орхусской Конвенции доступ общественности к правосудию включает три основных элемента: право оспаривать решения об отказе в предоставлении экологической информации; право оспаривать нарушение процедуры участия общественности; право обращаться в суд по поводу каких-либо нарушений национального экологического законодательства со стороны частных лиц или государственных органов.

Аналогичные нормы содержат также Директивы 2003/4/ЕС, 85/337/ЕЭС и 96/61/ЕС, имплементация которых является одним из обязательств Украины в соответствии со ст. ст. 360-363, 365, 366 дополнения XXX к Договору об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом [9].

Вместе с тем, несмотря на то, что и в законах Украины, и в Конвенции закреплены по сути аналогичные положения касательно права на судебную защиту того или иного перечня экологических прав, исходя из дефиниции

«доступ к правосудию» такой доступ не может ограничиваться только правом на судебную защиту.

Понятия доступа или доступности часто рассматривается не только как возможность достижения той или иной цели, но и как отсутствие препятствий в достижении такой цели. В связи с этим обеспечение доступа к правосудию в интересах устойчивого развития должно осуществляться прежде всего путем законодательной регламентации устранения тех препятствий, которые не позволяют реализовать предусмотренное законами и Конвенцией право на судебную защиту или излишне усложняют его реализацию.

Достижение основной цели экологического права – обеспечения закрепленного в Конституции Украины права каждого на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду, определяется не только закреплением такого права на конституционном уровне, не только наличием огромного количества, предусмотренных законодательством эколого-правовых норм, но прежде всего тем, сможет ли лицо воспользоваться таким своим правом и защитить его в случае нарушения, способно ли государство обеспечить соблюдение эколого-правовых норм и беспрепятственный доступ к правосудию с целью его защиты.

В процессе реализации права на судебную защиту такими препятствиями являются прежде всего:

1) недостаточный уровень эколого-правовой культуры населения и, как следствие, эколого-правовой нигилизм;

2) недостаточное количество юристов, которые специализируются на предоставлении юридических услуг по судебной защите экологических прав и интересов в судах общей юрисдикции, в порядке административного и хозяйственного судопроизводства, а также в Европейском суде по правам человека, умеют правильно и полно формулировать и обосновывать правовую позицию участника судебного рассмотрения экологического спора, способных анализировать судебную статистику, прогнозировать и формировать изменения в судебной практике рассмотрения экологических споров;

3) отсутствие четких критериев обеспечения доступа к правосудию в законодательстве Украины, а также необходимость систематизации экологического законодательства с точки зрения эффективности его применения.

Устранение этих препятствий будет способствовать обеспечению наиважнейшей, на наш взгляд, составляющей устойчивого развития – экологического правопорядка, который в специальной литературе рассматривается как состояния системы межсубъектных отношений субъектно-объектных связей в сфере взаимодействия общества и природы, осуществляемых в заданных правом параметрах, призванных обеспечить способность окружающей природной среды выступать материальной основой существования социосферы [10, с. 18]. А это, в свою очередь, позволит обеспечить экологическую и социальную составляющую устойчивого развития.



Подводя итог, следует отметить, что обеспечение доступа к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, является целью и важной правовой составляющей концепции устойчивого развития, частью широкого комплекса средств обеспечения сбалансирования его экономического, социального и экологического измерений.

В связи с этим, первоочередными способами обеспечения доступа к правосудию в Украине должна стать разработка национальных программных документов, нормативных правовых актов, которые бы регламентировали порядок и способы повышения эколого-правовой культуры, разработка дополнительных образовательных программ подготовки юристов эколого-правовых специализаций, а также систематизация экологического законодательства.

### **Бibliографический список**

1. Про цілі сталого розвитку :Указ Президента України від 30.09.2019 № 722/2019 // Офіційний вісник України. – 2019. – № 79. – Ст. 2712.
2. Цілі сталого розвитку: Україна. Національна доповідь. – Київ: М-во економічного розвитку і торгівлі України. – 2017. – 174 с.
3. Про охорону навколишнього природного середовища: Закон України від 25.06.1991 № 1264-XII // Відомості Верховної Ради. – 1991. – № 41. – Ст. 546.
4. Господарський процесуальний кодекс України: Закон України від 06.1.1991 № 1798-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 6. – Ст. 56.
5. Кодекс адміністративного судочинства України: Закон України від 06.07.2005 № 2747-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 35-36. – Ст. 446.
6. Цивільний процесуальний кодекс України: Закон України від 18.03.2004 № 1618-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 40-42. – Ст. 492.
7. Конституція України від 28.06.1996 // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
8. Про ратифікацію Конвенції про доступ до інформації, участь громадськості у прийнятті рішень та доступ до правосуддя з питань, що стосуються довкілля: Закон України від 06.07.1999 № 832-XIV // Відомості Верховної Ради. – 1999. – № 34. – Ст. 296.
9. Про ратифікацію Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони : Закон України про ратифікацію від 16.09.2014 № 1678-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 40. – Ст. 2021.

10. Ращупкина Л.В. Экологический правовой порядок: Общетеоретический анализ: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Владимир, 2006. – 160 с.

## **ГЛАВА ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТ КОНСТИТУЦИИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ**

**Д.В. Щербик**

*доцент кафедры теории и истории государства и права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Ряд современных конституций для характеристики роли главы государства использует термин «гарант». Так, о президенте как гаранте конституции говорится в конституциях Российской Федерации, Республики Беларусь, конституция Украины называет президента среди прочего «гарантом соблюдения конституции», в конституции Испании король – «арбитр и гарант правильного функционирования государственных институтов».

Традиция рассматривать главу государства как гаранта единства, соблюдения законности восходит к истории. Так, уже в Средневековье существовала традиция рассмотрения главы государства как защитника мира. В условиях феодальных междоусобиц обеспечение мира являлось сущностной необходимостью, в результате чего благо, как цель государства, сводилось прежде всего к его поддержанию. Так, Фома Аквинский отмечал: «Намерение любого правящего должно быть направлено на то, чтобы он заботился о благе того, что принял под управление. ... Благо же и спасение соединенной совокупности в том, чтобы сохранялось ее единство, называемое миром; если же мир пропадает, то гибнет польза от жизни в общении, и сама совокупность в состоянии раздора становится обременительной для себя» [1, с. 102].

Сохранение мира было тесно связано с обеспечением законности. Подобно образу Христа, который «есть сама справедливость», монарх выступал носителем справедливости. Он действует не только как правитель, т.е. назначает на должности, руководит управлением, ведет войны, но и как судья. «Нужно дойти до первого и высшего судьи, чье суждение прекращает все раздоры либо косвенно, либо непосредственно, и это будет монарх или император» [2, с. 36].

Право же короля издавать законы, с одной стороны, обосновывалось как уподоблением монарха Богу-Отцу, так и легендой о передаче квиритами данной власти принцепсу в период упадка Римской республики: «Не без долгих совещаний и серьезных обсуждений передали квириты римскому государю своей *lex regia* как право издавать законы, так и *Imperium*, чтобы правосудие проистекало от того же самого лица (правлящего... народом по своей власти), от которого также исходит и защита правосудия. Решение, следовательно, было принято по соображениям полезности и необходимости, чтобы в одном том

же лице сочетались как источник правосудия, так и его защита, чтобы у Силы не было недостатка в Справедливости, а у Справедливости— в Силе» [3, с. 177].

Но связан ли сам обладающий столь значительными полномочиями для поддержания мира средневековый монарх законами? Политико-правовая мысль того времени предлагала два решения данного вопроса. Первый подход возносит короля над законом, отмечая все же его внутреннее стремление соблюдать последние. Так, Э. Канторович в своем исследовании следующим образом интерпретирует позицию И. Солсберийского: «Он (монарх – авт.)свободен и «не связан законами», поскольку «ожидается, что он действует на основе своего врожденного чувства справедливости», и потому что он обязан *ex officio* почитать закон и правосудие из любви к справедливости, а не из страха перед наказанием»[3, с. 173].

Другой подход, опираясь на идею о воплощении естественного права в традициях, либо вытекая из метафор брака монарха и королевства, представлений о королевстве как корпорации (едином теле) воплощенном не только в монархе, но и его дворе, совете, парламенте, связывал короля требованием следования законности.

В условиях становления сословного общества, второй подход получил свое наибольшее развитие, однако, наступление эпохи абсолютизма актуализировало стремление королевской власти выйти за рамки ограничений. Так, в своем выступлении в Палате общин король Яков I уподоблял монарха Богу, высказывал претензию на неограниченную, квазибожественную земную власть [4, с. 191]. Идеолог английского абсолютизма Филмер подтверждал: «прерогатива короля - быть выше всех законов; нет законов без высшей власти, которая управляет ими или создаёт их; король - единственный непосредственный творец, критик и вершитель всех законов;... парламент - это двор короля, палаты общин - это только часть государства, главой и правителем которого является король; законы, принимаемые в парламенте, могут быть приостановлены или отменены королём по мотивам, известным только ему» [5, с. 258-259]. Однако, попытка расширить свои полномочия за счёт ординарной прерогативы, т.е. тех полномочий, которые королевская власть ранее осуществляла вместе с парламентом, натолкнулась на противодействие английского общества и парламента. Даже во Франции, где абсолютизм укоренился, монарх все равно оставался связан как основными законами королевства, неписанными традициями, священными и подлежащими всеобщему соблюдению, так и менее важными, но все же длительное время ограничивавшими короля кутюмами провинций [6, с. 61, 65].

Кризис, вылившийся в Английскую революцию породил ситуацию двоевластия. В наибольшей мере данное видение воплотилось в республиканской конституции Англии, в соответствии с которой законодательная власть принадлежит совместно парламенту и лорду-

протектору, а управление – лорду-протектору при содействии совета. Его именем будут издаваться указы и вызовы в суд, полномочия, патенты и другие распоряжения, он будет назначать всех должностных лиц, обладать правом помилования. Он должен управлять ... во всех делах при содействии совета и на основании настоящего акта и законов. Ему вручается руководство армией с согласия парламента, а в его отсутствие с ведома и согласия совета. Он же с согласия последнего будет руководить вопросами внешней политики [7, с. 175-176]. В подобном ключе ситуация развивалась и после Славной революции. Д. Локк выразил данный подход следующим образом: «В некоторых государствах, где законодательная власть не всегда в действии, а исполнительная власть вверена одному лицу, которое также принимает участие в законодательстве, это одно лицо при таком устройстве в весьма правдоподобном смысле может быть также названо верховным, но не в том смысле, что оно обладает всей верховной властью, которая состоит в издании законов, но в том, что оно обладает высшей исполнительной властью, от которой все низшие должностные лица получают все свои различные подчиненные полномочия или, по крайней мере, большую их часть. Законодательная власть также не стоит выше его, потому что никакой закон не может быть издан без его согласия, а так как оно, по всей вероятности, никогда не согласится подчиниться другой части законодательной власти, — то в этом смысле указанное выше лицо довольно правильно называется верховным...» [8, с. 350]. Очевидно, однако, что роль хранителя конституции все же на себя начинает переносить парламент, который с данной эпохи начинает бдительно следить за деятельностью монарха, стремясь не допустить превышения им своих полномочий и нарушения неписанной конституции страны.

Столкновение двух суверенов – монарха и представленного в лице парламента народа, чреватое революциями и гражданскими войнами, породило новый вариант концепции гаранта конституции в период Июльской монархии во Франции. Б. Констан выдвинул идею нейтральной королевской власти, которая бы осуществляла арбитраж между остальными властями, прежде всего законодательной властью парламента и деятельностью исполнительной властью правительства. Неприкосновенный и безответственный монарх в данной ситуации должен был обладать лишь негативными полномочиями, обеспечивающими защиту государства и предотвращение вредной для него политики правительства или парламента [9, с. 38]. Он должен иметь право отстранять министров, распускать выборную палату, назначать новых пэров в верхнюю палату, использовать право вето на законы, кроме этого обладать правом помилования, правом раздавать пожалования, вознаграждения, оказывать покровительство и др. [9, с. 39-40, 48, 49]. Однако, отметим, что Б. Констан несколько непоследовательно лишал палату права высказывать недоверие министрам, сохраняя за монархом право их назначения, а значит сохраняя за ним некоторое деятельностное влияние на исполнительную власть

и, тем самым, оставляя палате лишь возможность саботирования непопулярных предложений правительства [9, с. 113-115].

В течении XIX в. монархическая власть постепенно утрачивает свою легитимность, происходит возвышение парламента. Однако, достижение всеобщего избирательного права и формирование партийной демократии, перерождает парламентаризм, а мировая война и послевоенная разруха приводят его к кризису. Обладающий уже демократической легитимностью глава государства в очередной раз высказывает претензию на роль гаранта конституции и государства. Новый вариант концепции предлагает К. Шмитт, который обвинив парламент в вырождении, недемократичности, партийной раздробленности, олигархической ангажированности, а суд в сущностной неспособности быть деятельностным гарантом конституции оставаясь в сфере юстиции, возводит на роль гаранта президента. Нейтральная власть, принадлежащая главе государства, должна обеспечивать арбитражное разрешение существующих конфликтов вплоть до принуждения к благу для всех и обеспечивающему единство народу решению [10, с. 207]. Угроза перманентной гражданской войны и распада государственности стали побудительными мотивами для усиления в концепции К. Шмитта чрезвычайных полномочий главы государства, опиравшихся на широкое толкование соответствующей статьи Веймарской конституции, и перерастании его в плебисцитарного диктатора-спасителя единства народа и обеспечения стабильности, способного переучредить, находящееся в упадке государство. Пришедший диктатор (А. Гитлер) показал опасную чрезмерность подобной концентрации власти в руках главы государства.

После Второй мировой войны реинкарнации в большей степени была популярна позиция активно оппонировавшего К. Шмитту Г. Кельзена, который рассматривал все органы государства как независимых гарантов конституции, выделяя при этом особую роль Конституционного суда. Однако, в кризисных для государства и общества ситуациях идея главы государства как гаранта конституции неизменно переживала реинкарнацию. Так произошло при учреждении Пятой республики во Франции, при реформах государственного устройства на постсоветском пространстве и в других регионах. Современная дискуссия о главе государства как гаранте конституции идет уже об объеме полномочий, соответственно о смешанной, президентской или суперпрезидентской республиках.

Таким образом, институт главы государства – гаранта конституции имеет длительную историю. Он актуализируется в периоды кризисного состояния общества, угрозы распада государственности, гражданской войны.

### **Библиографический список**

1. Аквинский, Ф.О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / Ф.Аквинский; пер. и комм. А. Марей // Социологическое обозрение. - 2016. - Т. 15. - № 2. - С. 96-128.

2. Данте Алигьери. Монархия. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — 192 с.
3. Канторович, Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Э.Х.Канторович; Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серegiной.— М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.—752 с.
4. Wielomski, A. Mysl polityczna reformacji i kontrreformacji: w 2 t. / A. Wielomski.— Wyd.: Von Borowiecky, 2013. — Т.1. — 440 s.
5. Шарифжанов, И.И. Корона и парламент в Англии XVII века: королевская прерогатива или суверенитет парламента? / И.И.Шарифжанов // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. - Том 155, кн. 3, ч. 1. – 2013. – С. 256-262.
6. Метивье, Ю. Франция в XVI-XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV / Ю.Метивье; пер. с фр. А. В. Голубкова, С. В.Панова. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 190 с.
7. Орудие управления, 16 декабря 1653 г // Законодательство английской революции 1640 - 1660 гг. / Сост.: Дмитриевский Н.П.; Отв. ред.: Косминский Е.А. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946. - С.175-182.
8. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк, Дж. Сочинения: В 3 т. Пер. с англ. и лат. ; ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М.: Мысль, Т. 3. 1988 С.135-405.
9. Констан, Б. Принципы политики пригодные для всякого правления / Б.Констан // Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С.23-262.
10. Шмитт, К. Гарант конституции / К.Шмитт// Государство: Право и политика [Текст] / пер.с нем. и вступ.ст.О.В.Кильдюшова; сост.ВВ.Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2013. – с.27- 220.

## **ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ**

**В.В. Янч**

*доцент кафедры истории и теории права юридического факультета  
УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»,  
кандидат философских наук, доцент*

Общество представляет собой совокупность индивидов и групп людей, связанных между собой системой социальных связей. Для поддержания устойчивости системы любое общество стремится таким образом воздействовать на поведение индивидуальных и коллективных субъектов, чтобы минимизировать количество случаев девиаций и стимулировать людей к следованию социально одобренным образцам, стандартам поведения. В

конечном итоге это приводит к формированию институтов и механизмов социального контроля.

Можно смело утверждать – там где есть общество или социальная группа, состоящая минимум из двух человек, там есть социальный контроль. То есть, уже в первобытном обществе через систему запретов (табу), дозволений и позитивных обязываний начинает функционировать система социального контроля. Фактически социальный контроль – это способ, которым наш социальный порядок согласовывается и поддерживается, тот механизм, с помощью которого сообщество или группа действует как единое целое и поддерживает изменяющееся равновесие.

В Философском энциклопедическом словаре социальный контроль понимается как «совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т.п.), посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении...» [1, с. 639]. То есть, это способ регулирования общественных отношений, направленный на устранение элементов дезорганизации и тем самым – на сохранение устойчивости в развитии социальной системы. Д.Г. Дыльнов отмечает, что «контроль должен приводить к позитивным практическим результатам, иметь конструктивное значение в системе человеческой деятельности, обеспечивая не только стабильность, но и целенаправленное всестороннее развитие, совершенствование социальной системы» [2, с. 33].

Социальный контроль – это далеко не всегда грубая сила и принуждение. Он реализуется через систему разнообразных мягких и жестких агентов влияния, начиная с искусства и заканчивая правом, с его принудительными возможностями. Поэтому можно говорить о наличии в системе социального контроля мягких и жестких сторон. В английской терминологии их можно выразить через понятия *soft control* и *strict control*. Очевидно, что социальный контроль должен рассматриваться шире, нежели система принуждения. Тем не менее, несмотря на наличие «мягких» сторон механизма социального контроля, следует иметь ввиду, что ключевой особенностью его функционирования является наличие *давления* на лиц и группы, отличающиеся *нонконформистским* поведением.

На наш взгляд, социальный контроль можно определить как совокупность механизмов в форме моделей давления, с помощью которых общество поддерживает социальный порядок и сплоченность. Эти механизмы устанавливают и обеспечивают соблюдение стандарта поведения для членов общества и включают в себя множество компонентов, таких как принуждение, сила, стыд, сдерживание и убеждение. Социальный контроль осуществляется через отдельных лиц и учреждения, начиная от семьи и сверстников и заканчивая такими институтами, как государство, религиозные организации, школы и трудовые коллективы. Независимо от источника, цель социального контроля – поддерживать соответствие установленным нормам и правилам.

Социальный контроль обычно используется членами группы как реакция на любого, кого они считают отклоняющимся, проблемным, угрожающим или нежелательным, с целью обеспечения соответствия. Социальный контроль осуществляется как на макро, так и на микроуровнях. Макросилами социального контроля выступают правоохранительные и правоприменительные государственные органы, используемые для поддержания порядка и привлечения, в случае необходимости, к юридической ответственности. Социальный контроль на макроуровне также обеспечивают политические и религиозные институты, а также властвующие элиты путем установления норм (в том числе и правовых), предлагаемых обществу в качестве обязательных к исполнению либо соблюдению.

С другой стороны, социальный контроль осуществляется в процессе социализации и на микроуровне под влиянием родителей, родственников, сверстников, неформальных лидеров. Индивид усваивает социальные нормы, и они становятся частью его личности. В процессе социализации растущий ребенок узнает ценности своих групп, а также общества в целом, постигает способы поведения и мышления, которые расцениваются как правильные и неправильные.

В конечном итоге, социальный контроль должен способствовать интернализации базовых социальных ценностей и норм, когда они становятся внутренними регуляторами поведения индивида. То есть, должно быть достигнуто такое состояние, когда будет иметь место совпадение собственных желаний человека с социальными ожиданиями его группы. Любое же отклонение сверх определенной степени терпимости встречает сопротивление со стороны общества, поскольку считается угрозой благополучию группы. Так как в каждой группе есть отклонения от установленных норм, общество и государство применяют санкции – поощрения и наказания, для приведения поведения нонконформистов в соответствие с ожиданиями группы. Таким образом, социальный контроль является средством исправления ошибок, допущенных в процессе социализации.

Социальный контроль преследует следующие цели:

1. восстановление целостности и стабильности социальной системы.

Речь идет о том, что общество стремится найти баланс между традиционными и инновационными формами существования. Первоначально любые новации воспринимаются как угроза существующему порядку и стабильности. Проявляется стремление общества заставить своих членов жить так, как жили их предки. В реализации этой цели активно участвуют семья, церковь, старейшины, которые имеют значительную неформальную власть над членами семей и других социальных групп. И хотя соблюдение старого порядка в меняющемся обществе может препятствовать социальному прогрессу, все же большинство считает, что необходимо поддерживать преемственность и единообразие в обществе.

2. Регулирование индивидуального социального поведения.



Социальный контроль необходим для того, чтобы регулировать индивидуальное поведение в соответствии с социальными целями и социальными ценностями. Это помогает поддерживать общественный порядок. Если индивиды не будут жить согласно предписанным нормам поведения и если их корыстные побуждения не будут подчинены благосостоянию целого, будет довольно сложно эффективно поддерживать социальную организацию. Следовательно, обществу необходим социальный контроль, чтобы существовать и развиваться.

### 3. Подчинение социальным решениям.

Общество принимает определенные решения. Эти решения принимаются для того, чтобы поддерживать ценности общества и не всегда разделяются всеми его членами. Посредством социального контроля делается попытка заставить подчиняться социальному решению.

### 4. Установление социального единства.

Единство невозможно без социального контроля. Социальный контроль регулирует поведение людей в соответствии с установленными нормами, что обеспечивает единообразие поведения и единство людей.

### 5. Поддержка социальной солидарности.

Социальный контроль призван вызывать чувство солидарности в умах людей. В конкурентном мире существует разделение людей по имущественному, образовательному, расовому, гендерному и иным критериям. Зачастую преодолеть эти различия просто невозможно. Это влияет на социальную гармонию и общественный порядок. В этих условиях социальный контроль призван нивелировать наиболее неприемлемые формы поведения, провоцирующие социальные антагонизмы.

### 6. Наложение социальных санкций.

Любое заметное отклонение от принятых норм считается угрозой благополучию группы в целом. Таким образом, группа применяет санкции, чтобы контролировать поведение отдельных лиц. Социальный контроль обеспечивает социальную санкцию к социальным способам поведения.

### 7. Коррекция культурной дезадаптации.

Общество подвержено изменениям. В нем по-прежнему рождаются новые изобретения, новые философские и религиозные учения, новые формы семьи, новые культурные стандарты. Человек должен приспосабливать свое поведение к изменениям, происходящим в обществе. Но все люди не могут одинаково приспособиться к новым условиям. Одни становятся прогрессивными, другие остаются на консервативных позициях. В субкультурах нарушение норм порой становится трендом, своеобразной модой. Получают распространение, а порой и одобрение, девиантные формы поведения. Причиной тому – неправильная культурная адаптация. В этих условиях возрастает значение социального контроля как механизма, препятствующего культурной дезадаптации.

Наиболее мощными нормативными регуляторами в системе социального контроля являются право, мораль, религия, политика, корпоративные нормы.

Среди них право занимает доминирующее положение, которое обусловлено двумя факторами. С одной стороны, правовые предписания обеспечиваются принудительной силой государства. Выполнение предписаний иных социальных регуляторов реализуется за счет иных факторов (совесть, общественное мнение, религиозные убеждения). Во-вторых, именно право определяет место иных социальных регуляторов в системе нормативного регулирования. Например, религия может быть возвышена вплоть до её огосударствления, а может быть низвергнута, как это случилось во времена массовой атеизации в Советском Союзе в 20-30-годы XX века.

Ненормативные регуляторы (информационный, ценностный, социальный институт предсказаний) являются инструментами «мягкого контроля», так как не содержат в себе четких, однозначных указаний на необходимое, с точки зрения интересов общества, поведение. Не предусматривают они и жесткой системы санкций. Воздействие на общественные отношения, поведение индивидов и социальных групп осуществляется через рекомендацию желательного для общества поведения индивидов и их групп. Санкций как таковых нет, результат же достигается через воздействие на индивидуальное или групповое сознание.

Поэтому право, благодаря своей нормативной, институциональной и формализованной природе, будучи обеспеченным принудительной силой государства, на современном этапе выступает основным элементом системы социального контроля.

### **Библиографический список**

1. Философский энциклопедический словарь / Глав. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Норма, 1983. – 840 с.
2. Дыльнов, Д.Г. Социальный контроль в условиях современного российского общества / Д.Г. Дыльнов // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2008. – Т.8. – Вып.1. – С.32-37.

## **МОДЕЛИ СУДЕБНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ**

**Е.Н. Ярмоц**

*заведующий кафедрой конституционного права  
и государственного управления юридического факультета  
УО «Полоцкий государственный университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Характерной особенностью существования судебной власти сегодня является процесс ее внутренней самоорганизации, при которой она самостоятельно определяет направления своего развития и осуществляет управленческую деятельность. Современный суд, наряду со своей основной функцией по осуществлению правосудия, способен выполнять и иные функции: информационно-консультативную (сбор, анализ, систематизация и

предоставление полезной и необходимой для граждан и иных заинтересованных лиц информации о судебной деятельности); аналитическую (мониторинг общественного мнения и дифференциация социальных ожиданий от судебной деятельности, анализ статистических данных, судебной практики, мониторинг СМИ об основных новостях, касающихся судебной деятельности); образовательно-корпоративную (взаимодействие с вузами, иными учреждениями и организациями, проведение совместных круглых столов, конференций, обмен опытом; создание положительного образа судебных органов в глазах общественности).

В современных условиях развития белорусской государственности возникает необходимость в эффективном управлении судом как институциональной единицей судебной власти. Категория «управление» в большей степени присуща исполнительной ветви государственной власти, но, в то же время, в целях обеспечения повышения эффективности деятельности судебной власти ее использование применительно к судебной деятельности также представляется уместным.

Сочетание слов «судебное» и «администрирование» указывает на двойственную природу данной деятельности. Полагаем, что администратора суда необходимо рассматривать как должностное лицо, деятельность которого непосредственно не связана с осуществлением правосудия, но которое способствует его осуществлению, выполняя функции по управлению судебным учреждением, а также по обеспечению технической, психологической и иной поддержки и сопровождению судебного процесса.

Интересно, что зачастую при назначении на должность судебного администратора предпочтение отдается не судьям, а профессиональным менеджерам, которые подотчетны суду. Как правило, судебный администратор осуществляет свою деятельность по следующим основным направлениям: планирование и организация текущей судебной деятельности; подбор и расстановка кадров; управление финансами; распределение дел между судьями; вопросы автоматизации управления; работа с информационными источниками; контроль за ведением делопроизводства и связью с общественностью, средствами массовой информации, иными государственными органами и учреждениями; работа с присяжными заседателями и др. Причем, как правило, в крупных судах практически каждое из направлений курируется соответствующим помощником администратора суда [1, с. 36].

Во многих государствах пришли к осознанию необходимости учреждения в судах новых должностей, функционально дополняющих должность администратора суда: должность судебного психолога (педагога), выполняющих функцию психолого-педагогического сопровождения подростка и его родителей до, во время и после судебного процесса [2], технического персонала для работы с информационными и компьютерными системами, должность управляющего судебными делами, судебных корреспондентов и т.п.

Объем и характер полномочий судебного администратора разнятся в зависимости от модели судебного администрирования, принятой в том или ином государстве. Однако все они основываются на понимании того, что работа суда должна строиться на взаимодействии председателя суда и администратора суда. Первая модель характерна для государств постсоветского пространства, где еще совсем недавно на законодательном уровне функции по материально-техническому обеспечению деятельности судов были разделены между органами исполнительной и судебной власти, а председатель суда рассматривался в качестве единоличного руководителя судебного учреждения. Однако сегодня, к примеру, в Украине [3] и Российской Федерации [4] законодательно регламентирован статус судебного администратора, что свидетельствует о формировании практико-экспериментальных основ судебного администрирования. При этом руководство аппаратом суда осуществляет председатель суда, в подчинении которого находится администратор суда. Деятельность администратора суда носит преимущественно организационно-распорядительный характер.

Вторая модель сложилась в государствах, имеющих давние традиции функционирования института судебного администрирования. Для данной модели характерным является то, что администратор суда обладает самостоятельностью и является фактическим руководителем аппарата суда. Как правило, его деятельность не ограничивается материально-техническим обеспечением деятельности суда, а связана с выполнением и контролем за выполнением некоторых процессуальных и процессуально-технических функций, связанных с обеспечением судебного процесса. Судебные администраторы участвуют в процессах планирования и организации текущей деятельности суда, укомплектования отдела судебной администрации необходимыми кадрами и руководства их работой. Здесь круг полномочий судебного администратора по управлению работой суда довольно широк.

В Республике Беларусь законодательно не закреплено создание такого института как судебное администрирование. Но можно сказать, что аналогом института судебного администрирования выступает институт «организационного и материально-технического обеспечения деятельности судов», который нельзя отнести ни к одной из вышеупомянутых зарубежных моделей судебного администрирования. В Беларуси нет должности судебного администратора, а работу суда организует председатель суда, на которого, помимо этого, возложена его основная функция по осуществлению правосудия. Представляется, что одному человеку довольно непросто сочетать выполнение данных функций. Полагаем, что передача функций по организационному, материально-техническому и кадровому обеспечению деятельности судов общей юрисдикции и органов судейского сообщества из компетенции Министерства юстиции и главных управлений юстиции областных (Минского городского) исполнительных комитетов Республики Беларусь в компетенцию Верховного Суда Республики Беларусь явилась одновременно и правовой

предпосылкой и правовым основанием для формирования института судебного администрирования в судах общей юрисдикции Республики Беларусь.

### **Библиографический список**

1. Соломон, П. История и роль администраторов суда в Канаде / П. Соломон // Администратор суда. – 2006. – № 1. – С. 32–42.
2. Васильева, А.С. Об организации работы психолога в суде / А. С. Васильева, С.В. Калинин // Администратор суда. – 2006. – № 1. – С. 32–35.
3. Вильгушинський, М.И. Взаимодействие судов с местными государственными администрациями в Украине / М. И. Вильгушинський // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 116–118.
4. Смирнова, Е.В. Перспективы совершенствования правового статуса администратора районного суда / Е. В. Смирнова // Вестник Костромского университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – С. 299–302.

## **РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО, ФИНАНСОВОГО ПРАВА И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В XXI ВЕКЕ**

### **ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

**Т.В. Авдеева**

*старший преподаватель кафедры гражданского права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

**Е.И. Басалай**

*старший преподаватель кафедры гражданского права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) допускает заключение соглашений, участники которых принимают на себя обязательства семейно-правового характера. Это породило дискуссию о том, насколько широко инструментарий гражданско-правового договора может быть использован для регулирования соответствующих отношений. Вопрос о возможности применения гражданской ответственности при нарушении семейно-правовых соглашений является наиболее сложным, как с доктринальной точки зрения, так и в плане его юридико-технического закрепления.

Действующее законодательство о браке и семье практически не решает вопрос об ответственности за нарушение семейно-правовых договорных обязательств. Статья 6 КоБС «Защита прав, вытекающих из брачных и семейных отношений» существующие средства защиты не перечисляет, источник их обнаружения не определяет. В КоБС отсутствует отдельная статья, которая устанавливала бы правила применения норм Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 года (далее – ГК) о договоре к семейным соглашениям. Правовое регулирование отдельных брачно-семейных соглашений осуществляется либо посредством прямого определения некоторых вопросов данных соглашений (ст. 13, 13<sup>1</sup>, ст. 76<sup>1</sup>, ст. 103<sup>1</sup>-103<sup>6</sup>, 111<sup>1</sup>, 112, КоБС), либо посредством отсылки к соответствующим статьям ГК (ч. 8 и ч. 10 ст. 13, ч. 1 ст. 103<sup>3</sup> КоБС). Ни в одной из указанных норм четкого ответа на вопрос, какие меры гражданско-правовой ответственности могут быть использованы при нарушении соответствующих соглашений, не содержится.

Непросто ответить на поставленный вопрос и прибегнув к общему правилу межотраслевого взаимодействия семейного и гражданского права (ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК). *Во-первых*, сформулированное в ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК условие субсидиарного применения норм гражданского права для регулирования семейных отношений не является достаточно ясным, *во-вторых*, при существующем внутриотраслевом ограничении на применение по аналогии норм гражданского права, устанавливающих ответственность (п. 3 ст. 5 ГК), применение

межотраслевой аналогии в вопросах ответственности выглядит еще более проблематичным.

С учетом сказанного, считаем, что вопрос о возможности использования мер гражданско-правовой ответственности при нарушении брачно-семейных соглашений требует более четкого юридико-технического решения. Из анализа норм КоБС должно вытекать: какие формы гражданско-правовой ответственности могут быть использованы для защиты семейно-правовых соглашений; существуют ли какие-либо ограничения их использования в зависимости от характера принимаемых на себя сторонами обязательств; подлежат ли применению меры гражданско-правовой ответственности и какие, если стороны не согласовали их специально; будут ли использоваться меры гражданско-правовой ответственности при нарушении обязательств из договора, если данные меры предусмотрены для случаев нарушения обязательств, не урегулированных соглашением сторон (например, за нарушение алиментной обязанности предусмотрена законная неустойка в виде пени).

Законодательное регулирование ответственности за нарушение семейно-правовых соглашений невозможно без соответствующего доктринального обоснования. Изложим собственные подходы к решению обозначенной проблемы.

Правовое регулирование семейных соглашений посредством отсылки к отдельным нормам ГК о договоре само по себе не свидетельствует о гражданско-правовой принадлежности данных соглашений. Природа семейных соглашений определяется их содержанием, а именно, условиями принимаемых на себя сторонами семейно-правовых обязательств, которые весьма специфичны. Таким образом, применение к соглашениям в сфере семейных отношений гражданско-правовых договорных механизмов, в том числе механизма гражданско-правовой ответственности, не означает, что содержательная часть данных механизмов подлежит непосредственному, без учета природы семейных обязательств, заимствованию. Ответственность за нарушение семейных обязательств должна быть адекватна интересам участников данных обязательств, для защиты которых они и предназначены. Именно с таких позиций необходимо оценивать возможность применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение семейных соглашений.

Можно выделить следующие особенности семейно-правовых соглашений, которые определяют возможность использования и значение традиционных мер гражданско-правовой ответственности для защиты прав участников таких соглашений.

1. Большинство семейных соглашений направлено на конкретизацию семейно-правовых обязанностей, существующих в силу закона (алиментной обязанности, обязанности по воспитанию детей). Защита прав участников таких соглашений осуществляется с помощью специальных семейно-правовых санкций (например, ограничение родительских прав), которые не подлежат

отмене или изменению соглашением сторон ввиду их императивного характера. Таким образом, договорная ответственность за нарушение семейно-правовых обязательств выступает дополнительным средством воздействия на неисправную сторону. При отсутствии у сторон такой возможности мотивация к заключению семейно-правовых соглашений объективно снижается. Во-первых, когда законный режим защиты семейно-правовых обязательств ничем не отличается от договорного, подрывается эффективность семейного соглашения как дополнительного инструмента регулирования отношений сторон. Во-вторых, нарушение дополнительных обязательств, принятых на себя обязанной стороной, не всегда делает возможным применение к ней установленных в законе специальных семейно-правовых санкций.

2. Поскольку большинство принимаемых на себя сторонами в семейно-правовой сфере обязательств носят личный неимущественный характер, непосредственное понуждение к их реальному исполнению исключается. Добиться исполнения таких обязательств возможно с помощью косвенных способов воздействия на обязанное лицо. Создавая угрозу имущественных потерь для правонарушителя, меры гражданско-правовой ответственности выступают достаточно действенным способом косвенного понуждения к исполнению семейно-правовых соглашений.

3. Ответственность в частноправовой сфере выполняет прежде всего восстановительную (компенсационную) направленность, и только во вторую очередь – карательную. Неблагоприятные последствия нарушения семейно-правовых обязательств (как неимущественных, так и имущественных) практически всегда локализуются в сфере личных неимущественных интересов сторон. Возникает вопрос, насколько гражданско-правовая ответственность, направленная на восстановление имущественного положения пострадавшего от правонарушения лица, адекватна последствиям нарушения семейно-правовых обязательств.

Необходимо признать, что компенсационный потенциал гражданско-правовой ответственности в сфере семейных отношений не является таким высоким, как в сфере гражданских отношений. Денежное предоставление (например, неустойка) не может быть компенсацией (денежным суррогатом) нарушенного неимущественного интереса, поэтому на первый план выходит штрафная составляющая данной ответственности, имеющая важное превентивное значение. Опять-таки, компенсация морального вреда, в случае признания ее формой ответственности за нарушение семейных обязанностей, будет выступать не в качестве прямого, но опосредованного способа компенсации (удовлетворения) пострадавшего неимущественного интереса.

Но было бы неверно недооценивать компенсационную функцию гражданско-правовой ответственности в сфере семейных отношений. Нарушение семейно-правовых обязательств, не только имущественных (алиментных), но и неимущественных (обязательств по воспитанию детей) может сопровождаться нарушением имущественного интереса и требовать



компенсации. Например, нарушение алиментной обязанности не только влечет определенные издержки морально-психологического характера для взыскателя и ребенка, но также финансовые затруднения, решение которых может быть сопряжено с дополнительными потерями и расходами (продажа имущества, заимствование денежных средств). Нарушение согласованного сторонами режима участия в воспитании ребенка может повлечь для одного из родителей потери, связанные с невозможностью нормально осуществлять трудовую деятельность, транспортными расходами, расходами по найму лиц, осуществляющими уход за ребенком и т.д.

Как видно, при нарушении семейно-правовых обязательств может быть задействован как компенсационный, так и штрафной потенциал мер гражданско-правовой ответственности, а значит, функционально гражданско-правовая ответственность адекватна тем интересам, защита которых должна быть обеспечена в рамках семейно-правовых обязательств.

4. При согласовании ответственности за нарушение семейно-правовых обязательств необходимо учитывать имущественные и неимущественные интересы всех лиц, права и обязанности которых затрагивает данное соглашение. В соглашении о воспитании детей такими лицами являются как стороны соглашения, так и ребенок.

5. Договор как способ определения отношений сторон всегда сопряжен с проблемой соотношения нормативного и договорного регулирования. Суть последней – в допустимости использования сторонами той степени свободы, которая максимально отвечала бы реализации их интересов и не таила бы в себе угрозу для осуществления и защиты данных интересов. Общественная (публичная) значимость семейных отношений и связанных с данными отношениями ценностей обуславливает приоритет императивного метода правового воздействия в соответствующей сфере. Именно поэтому семейно-правовое соглашение изначально рассматривалось как инструмент, призванный повысить гарантии их интересов в сфере семейных отношений. С учетом сказанного, договорные меры гражданско-правовой ответственности также следует рассматривать в качестве дополнительных и применяемых только по соглашению сторон. Тем самым гражданско-правовая модель, когда ответственность в форме возмещения убытков, взыскания законной неустойки и уплаты процентов по ст. 366 ГК подлежат применению, независимо от того, согласовали стороны такую ответственность в договоре или нет, едва ли подходит для семейных соглашений. Если в гражданском праве указанные меры ответственности образуют законный режим ответственности за нарушение прав и интересов сторон обязательства, в семейном праве такой режим представлен специфическими семейно-правовыми санкциями. Таким образом, меры гражданско-правовой ответственности не подлежат применению при нарушении семейно-правовых договорных обязательств, если стороны специально не предусмотрели их применение. Применив ту же логику, следует прийти к выводу о том, что меры гражданско-правовой ответственности,

предусмотренные законом за нарушение семейно-правовых обязательств (например, неустойка за неуплату алиментов) не подлежат применению в том случае, когда данная мера не предусмотрена соглашением об уплате алиментов.

6. Характер личных неимущественных, а также имущественных отношений в семейном праве, а также порождаемых в результате нарушения данных отношений последствий, требуют отдельного обсуждения вопроса о роли в семейном праве такой формы ответственности как компенсация морального вреда. Насколько применим здесь общий подход гражданского законодательства, вытекающий из ст. 152 ГК. Несмотря на то, что личный неимущественный интерес присутствует практически во всех семейных отношениях и страдает при их нарушении, считаем, что придание компенсации морального вреда статуса общего средства защиты участников семейных, в том числе, договорных отношений, нецелесообразно. Это связано с личным доверительным характером семейных взаимоотношений, которые требуют бережного отношения и сохранения даже в конфликтной ситуации, учитывая их длящийся перспективный характер. В то же время, законодатель, может признать право на компенсацию морального вреда в качестве санкции за отдельные семейные правонарушения, когда другие формы не могут быть использованы либо не являются достаточно эффективными (например, в целях защиты добросовестного супруга при признании брака недействительным; при лишении родительских прав за жестокое обращение с ребенком).

Таким образом, применение мер гражданско-правовой ответственности в семейных отношениях соответствует интересам субъектов семейного права, в связи с чем, нуждается в дополнительной доктринальной разработке и надлежащей правовой регламентации.

## **СУЩНОСТЬ И ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НАХОДКУ**

**Ж.М. Азарова**

*старший преподаватель кафедры общепрофессиональных и  
специальных юридических дисциплин  
факультета бизнеса и права  
Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*

**Г.А. Ачеповский**

*студент факультета бизнеса и права  
Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*

Всем известно, что хищение чужого имущества является противоправным, а также что ответственность за такое деяние предусмотрена нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Однако не всем известно, что присвоение найденного имущества также является противоправным и может повлечь

административную и даже уголовную ответственность. Чтобы не попасть в неприятную ситуацию, необходимо знать некоторые нормы актов законодательства, регулирующие правила поведения лица в случае обнаружения чужого имущества и охраняющие право собственности.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) выделены такие понятия, как бесхозная вещь, брошенная вещь и находка, и в зависимости от того, к какой категории относится обнаруженная вещь, для лица, нашедшего и присвоившего такое имущество, будут наступать те или иные правовые последствия. Как же определить вещь брошенная или это находка?

Существуют разные позиции к пониманию понятия находки. Так, под находкой следует понимать юридический факт, лежащий в основе возникновения права собственности у лица, а можно понимать именно ту вещь, которая была найдена. Находка как юридический факт – это выявление вещи, выбывшей из владения собственника или другого управомоченного на владение лица несмотря на их волю.

В настоящее время под находкой понимается неожиданное обнаружение какой-либо чужой вещи, которая выбыла из владения собственника или иного законного владельца помимо его воли. То есть владелец данной вещи ее потерял, причем такая потеря должна совершиться вне сферы его владения.

Исходя из положений ст. 228 ГК под находкой понимается потерянная вещь. Закон обязывает лицо, нашедшее потерянную вещь, немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить и возвратить найденную вещь этому лицу. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. В случаях, когда лицо, имеющее право требовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший обязан заявить о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления (чч. 1,2 ст. 228 ГК).

Находкой считается вещь, потерянная одним лицом (собственником) и найденная другим. Причем и потеря вещи, и ее отыскание должны быть случайными.

В юридическом значении термин находка отличается от других близких способов приобретения права собственности:

а) от обращения в собственность легкодоступных вещей (грибов, ягод и т.п.) – тем, что право собственности на утерянной вещи у кого-то уже существовало;

б) от вещей, от которых собственник отказался (металлолом, бракованная продукция и другие отходы и т.п.), – тем, что собственник находки предположительно заинтересован в возврате вещи;

в) от безнадзорных животных – только тем, что находка является неодушевленным предметом. В остальном они очень похожи, и нормы ГК, применяемые к безнадзорным животным и находке, очень близки;

г) от клада – тем, что собственник последнего намеренно его спрятал и не может быть установлен. Кроме того, клад могут составлять только деньги и ценные предметы.

В целом, находка объединяется с предметами под пунктами «б» – «г», а также с некоторыми другими в общее понятие «бесхозные вещи», то есть те, которые не имеют собственника или собственник которых неизвестен, либо вещи, от права собственности на которые собственник отказался (ст. 226 ГК).

Право собственности на какую-либо вещь может возникнуть по различным основаниям, которые принято делить на две группы:

первоначальные (например, создание новой вещи путем изготовления или переработки);

производные (например, приобретение вещи по договору купли-продажи или др.).

Разница между ними в том, что в первом случае прежний собственник у вещи отсутствует, во втором – имеет место правопреемство от одного собственника к другому.

Что касается находки, то она занимает как бы промежуточное положение. С одной стороны, прежний собственник у утерянной вещи существовал, но с другой – он не известен. Тем не менее в юридической литературе находку относят к первоначальным способам приобретения права собственности: ведь если ее хозяин отыщется, изменений в правах на вещь не происходит, возникают только обязательственные отношения по возмещению затрат на хранение и т.п.

За утрату или повреждение вещи нашедший отвечает лишь в случае умысла или грубой неосторожности и в пределах стоимости вещи. В данном случае срабатывает Гражданский кодекс, а в частности статья 229 «Приобретение права собственности на находку»: если в течение шести месяцев с момента уведомления органа внутренних дел (органа местного самоуправления) о находке лицо, уполномоченное получить найденную вещь, не будет установлено или не заявит о своем праве получить вещь, нашедший приобретает на эту вещь право собственности. В случае отказа нашедшего от приобретения вещи в собственность, она поступает в коммунальную собственность.

Белорусское законодательство не возлагает на нашедшее лицо либо соответствующий орган обязанности размещать объявление о находке в СМИ. Более того, предполагается, что именно потерявший будет предпринимать активные действия по поиску вещи, в том числе путем объявлений в печати, по радио и т.п. Правовые рамки здесь установлены гл. 55 ГК «Публичное обещание награды». Именно она будет иметь приоритет над нормами ст. 228–230 ГК. Например, если в объявлении был указан конкретный размер награды, то нашедшее лицо вправе требовать именно его.

Таким образом, с точки зрения теории гражданского права находка относится к числу юридических действий, а именно к одностороннему

волеизъявлению нашедшего лица. В его результате возникает обязательство собственника по возмещению расходов и оплате вознаграждения такому лицу. Помимо возмещения расходов, связанных с находкой, нашедший имеет право на вознаграждение за находку в размерах до двадцати процентов стоимости вещи. Возмещение расходов и вознаграждение за находку можно требовать, в зависимости от того, к кому вещь поступит, либо от лица, которому вещь будет возвращена, либо от органа местного самоуправления. Нашедший не имеет права на вознаграждение, если не заявил о находке или пытался ее утаить.

В конце, хочется отметить, всем известно с детства, что чужое брать нельзя. Необходимо помнить и о том, что в случае, если вы нашли чужую вещь, нужно принять все возможные меры по возврату такой вещи законному собственнику. Это гражданский долг и предусмотренная законом обязанность обнаружившего находку. В таких случаях каждый, наверное, хотел бы, чтобы имущество в случае потери обратно возвращалось к нему.

## **РЕГУЛИРУЮЩАЯ И КОНТРОЛЬНАЯ ФУНКЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

**И.О. Антропцева**

*доцент Института государственной службы и управления  
Российской академии народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации,  
кандидат юридических наук, доцент*

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 все государства столкнулись с необходимостью введения ограничений на передвижение граждан, остановки деятельности организаций, производств, закрытие предприятий общественного питания (кафе, ресторанов), торговых центров, закрытие границ и прекращение авиасообщения между странами – все это нанесло серьезный урон экономикам стран. Отдельные отрасли народного хозяйства, отдельные предприятия пострадали в большей степени, что потребовало от всех государств поиска различных инструментов для управления и минимизации последствий локдауна.

Под государственным управлением понимают вид социального управления, который в узкоспециальном смысле представляет собой системно организованную деятельность исполнительной власти и иных субъектов, сочетающую исполнительно-распорядительные и иные формы организующего взаимодействия государства с управляемой подсистемой в целях упорядочения и комплексного социально-экономического развития общества.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 органам государственной власти пришлось искать совершенно новые подходы при осуществлении государственного управления, причем именно наиболее

эффективных и быстро реализуемых. Одним из основных инструментов государственного управления в условиях пандемии стало активное использование регулирующей и контрольной функции налогообложения.

Ранее регулирующая функция использовалась органами государственной власти для стимулирования развития отдельных отраслей народного хозяйства, экономического роста, «регулирования социально-экономических процессов», оказания «влияния на инвестиционный климат, стимулирование роста производства и потребления». «В условиях свободной рыночной экономики налог остается действенным средством влияния государства на общественные отношения с целью придания их развитию желаемой для государства направленности».

В течение 2020 года возникла совершенно иная задача: обеспечить возможность функционирования хозяйствующих субъектов, недопущения массового банкротства предприятий, минимизации ущерба экономикам стран от вынужденно введенных ограничительных мер, основной становится задача выживания для бизнеса, что и повлекло за собой трансформацию сути регулирующей функции налогообложения.

В условиях пандемии регулирующая функция используется для облегчения нагрузки на налогоплательщиков, предоставление им доступа к дополнительным денежным потокам. Она в первую очередь направлена на предотвращение банкротства предприятий, обеспечению возможности исполнения предприятиями обязанности по выплате заработной платы и сохранения рабочих мест. Необходимо обратить внимание, что использование указанных функций приобретает именно социальную направленность в условиях пандемии, поскольку конечным субъектом является именно общество, граждане конкретного государства.

Согласно рекомендациям Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предлагалось правительствам государств использовать следующие меры: изменение сроков уплаты налогов, отсрочка и рассрочки уплаты налоговых платежей, отмена взыскания пеней и штрафов, приостановление взыскания задолженности по налогам, ускорение рассмотрения вопросов по возмещению налога на добавленную стоимость, включая внедрение автоматизированных процессов взаимодействия с налогоплательщиками. Перечисленные меры использовались для отдельных секторов экономики, которые в большей степени пострадали от введения со стороны органов государственной власти ограничительных мер по работе предприятий и передвижению граждан, например, воздушный транспорт, сфера спорта, отдыха и развлечений, гостиничный и туристический бизнес и другие, либо применительно к отдельным субъектам: самозанятым гражданам, малому и среднему бизнесу. Например, в Австралии срок уплаты налогов может быть отложен на срок до 6 месяцев, в Австрии налогоплательщикам предоставлено право на уменьшение авансовых платежей по налогу на прибыль, в Германии предусмотрели механизм уменьшения авансовых налоговых платежей.

Все рекомендованные меры позволяли создать условия для наиболее пострадавших предприятий исполнять свои обязательства перед третьими лицами и снизить на них налоговую нагрузку в условиях ограничения деятельности. В тоже время после начала ими осуществления деятельности не сразу обязать их исполнить налоговые обязательства, а постепенно рассчитываться с бюджетами без ущерба изъятия ограниченных потоков денежных средств после начала осуществления деятельности после отмены ограничительных мер.

Учитывая императивность налогового законодательства и серьезность мер ответственности, которые применяются со стороны государств за нарушение исполнения обязанности по уплате налогов, предоставлению отчетности, что в силу объективных причин препятствовало добросовестным налогоплательщикам исполнить такие обязанности в соответствии с требованиями действующего законодательства каждого государства в срок, установленный со стороны государства, требовался новый подход и к реализации контрольной функции.

Контрольная функция налогообложения направлена на осуществления контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, которая выражается в предоставлении налоговой отчетности, проведению проверок налоговыми органами, применению санкций в случае нарушения налогоплательщиками обязанности по уплате налоговых платежей в бюджет. В рамках оказания поддержки бизнесу и гражданам в период пандемии происходит также трансформация сути контрольной функции налогообложения. Она приобретает социальную направленность. С одной стороны, сокращая количество проверок, органы государственной власти минимизируют физические контакты. С другой стороны, происходит поиск новых форм осуществления контроля, то есть с использованием автоматизированных систем и удаленного контроля. Налоговые органы ряда стран отказываются от взыскания с налогоплательщиков штрафных санкций за нарушение исполнения обязанности по уплате налогов, нарушению сроков подачи отчетности в период действия ограничительных мер. Взыскание таких штрафов фактически повлекло бы за собой изъятие денежных средств, потоки поступления которых и так были приостановлены для многих предприятий, а соответственно могло привести к банкротству предприятий, сокращению рабочих мест и невозможности исполнения обязанности по выплате заработной платы работникам. Например, в Бельгии было приостановлено взыскание задолженности по налогам и сборам для всех категорий налогоплательщиков, в Бразилии течение процессуальных сроков было приостановлено на 90 календарных дней.

Кроме того, перед налоговыми органами возникает новая задача в рамках реализации контрольной функции: не допустить использование предоставленных преференций с целью поддержки бизнеса недобросовестными налогоплательщиками, которые пытались избежать ответственности за нарушение налогового законодательства, например, изменяя оперативно виды

деятельности в качестве основных. В рамках предоставления значительных послаблений и поддержки отдельных хозяйствующих субъектов налоговым органам необходимо было также эффективно организовать налоговый контроль и пресечь злоупотребления со стороны недобросовестных налогоплательщиков, желающих воспользоваться сложившейся ситуацией, используя удаленный формат общения.

В рамках реализации контрольной функции также потребовалось выстраивать диалог с налогоплательщиками, учитывая, что возможность очного общения и обращения за консультациями в очном формате были существенно ограничены. На сайтах в сети интернет публиковались разъяснения, активно использовался формат обмена электронными сообщениями, личные кабинеты налогоплательщиков.

Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия коронавируса привела к трансформации сущности регулирующей и контрольной функции налогообложения, использования их государствами для обеспечения поддержки предприятий, отдельных отраслей экономики и граждан, предупреждения банкротства, что повлекло бы еще больший ущерб экономике стран. Регулирующая и контрольная функция приобрели социальную направленность как наиболее эффективный инструмент государственного управления в условиях пандемии.

## **ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ КОНКУРЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**А.Н. Арушаньянц**

*научный сотрудник отдела исследований в  
области гражданского, экологического и социального права  
Института правовых исследований*

*Национального центра законодательства и правовых исследований Республики  
Беларусь*

Принцип свободы конкуренции, предусмотренный европейским конкурентным законодательством [1, с. 13], занимает особое место в правовом регулировании предпринимательской деятельности, обеспечивающим положительное влияние на экономику и общество в целом. Для Республики Беларусь принцип свободы конкуренции является относительно новым правовым понятием, который опосредован конституционными правами и экономическими свободами граждан Республики Беларусь. Однако свобода конкуренции в качестве самостоятельного принципа правового регулирования не получила до настоящего времени комплексного теоретического анализа. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение зарубежной научной доктрины, в том числе с применением исторического метода правового



исследования, позволяющего проследить генезис и историю становления свободы конкуренции в качестве принципа правового регулирования предпринимательской деятельности.

Становление свободы конкуренции в качестве принципа правового регулирования оправданно рассматривать в процессе становления антимонопольного регулирования, так как именно в рамках противодействия монополистическим проявлениям в хозяйственной жизни и получила свое развитие свобода конкуренции.

Придерживаясь общепринятой периодизации истории, следует отметить, что хозяйственная деятельность в период античности была представлена «самобеспечивающимися» [2, с. 15] рабовладельческими хозяйствами, поэтому как социально-экономическое явление конкуренция отсутствовала. Однако в период существования Древнего Рима зарождалась практика законодательного регулирования о запретах монополий и соглашений купцов (Дигесты Юстиниана [2, с. 117]), а также формировались базовые принципы и понятие свободы в целом, одним из которых является принцип индивидуализма, проявлявшийся в гражданском обороте как «стремление приноровлять сделку к особенностям данного случая и, по возможности, выражать в сделке те особенные цели, которые могли руководить сторонами при ее заключении» [3, с. 44-45]; выработанный римский правом институт частной собственности [3, с. 50].

Для средневекового этапа исторического развития характерны некоторые попытки в ограничении прав монополистов по установлению цен (например, выработанный в рамках канонического права принцип «*justum pretium*», то есть принцип «справедливой цены» [4, с. 119]). Конкуренция как явление, однако, не получала своего должного признания внутри страны, но развивалась во внешней торговле государств. О «конкурентных преимуществах» государств пишет С.В. Кравцевич [5, с. 28], а К. Маркс выделял «внешнюю конкуренцию» [5, с. 53] как этап в развитии конкуренции.

Конкуренция как экономическое явление получила свое наибольшее развитие с XVIII в., когда, во-первых, были ликвидированы наследственные и сословные привилегии. Во-вторых, бурное развитие промышленного производства вызвало рост общественного разделения труда, резко усилилось значение торговли и денежного обращения в экономике европейских стран.

Значимость конкуренции и ее положительная роль впервые нашла свое отражение в научных трудах А. Смита [6], который не давал определения конкуренции, однако писал о полной свободе как «свободе каждого выбирать себе занятие, которое считает подходящим для себя, и менять его, когда сочтет нужным» [6].

Закрепление в Декларации прав человека и гражданина 1791 года общеправовых принципов свободы, равенства и братства предопределили правовое регулирование хозяйственной деятельности и развитие идей свободы конкуренции в качестве принципа правового регулирования.

Дальнейшее развитие буржуазного права сформировало принцип государственного невмешательства в осуществление хозяйственной деятельности, так называемый принцип *laissez-faire et laissez-passer* («дайте делать и дайте пройти») [7, с. 8], сложившийся в XIX в.

Однако политика невмешательства на практике означала установление законодательных льгот и привилегий для крупных компаний, что привело к монополизации отраслей хозяйствования. В сложившихся условиях законодательная практика противодействия монополизации пошла по двум путям. В первом случае монополии были полностью запрещены (в 1890 году принят в США Закон Шермана). Во втором случае допускалось существование монополии, которая, однако, не должна была ограничивать или препятствовать развитию конкурентных отношений. Такая практика была распространена среди европейских государств.

Следует особо выделить доктринальный подход картельного законодательства Германии, так как именно представителями данной школы была сформулирована концепция свободы конкуренции. В США в основе конкурентного законодательства были заложены теории Чикагской и Гарвардской школ.

Представителями ордолиберализма свобода конкуренции понималась как «полная (добросовестная) конкуренция», действующая в условиях определенного конкурентного порядка, обеспечиваемого государством [8, с. 77]. При этом государство определяет правила экономической игры, гарантирует их соблюдение всеми хозяйствующими субъектами и не вмешивается непосредственно в хозяйственный процесс. Таким образом, политика свободы конкуренции заключалась в создании государством правовых рамок, в которых реализуется свобода конкуренции. Свобода конкуренции признавалась главной целью государственной политики и предполагала свободу действий и принятия решений конкурентами в рыночной экономике, а также свободу выбора контрагентов в процессе обмена. Признавался ограниченный характер свободы конкуренции пределами свобод конкурентов. В целом в рамках ордолиберальной концепции свобода конкуренции характеризовалась открытыми рынками (обеспечение гарантий доступа на рынки всем хозяйствующим субъектам как со стороны спроса, так и со стороны предложения); свободой договоров между хозяйствующими субъектами, исключая те соглашения, которые ограничивают свободу конкуренции (например, соглашение об организации картеля); признанием полной хозяйственной и имущественной ответственности всех участников рынка; антимонопольным законодательством и контролем; содействием конкуренции на основе стабильной экономической политики государства, облегчающей предсказуемость условий частного инвестирования, хозяйственного прогнозирования и планирования на микроуровне [8, с. 79].

Представители Гарвардской школы (1950–1960 гг.) отстаивали необходимость государственного вмешательства и понимали конкуренцию как

структуру рынка, на котором действует множество хозяйствующих субъектов, и в зависимости от которого определяются поведение и результаты деятельности конкурентов. В отличие от этого, Чикагская школа (начало 1970-х гг.) отдает предпочтение поведенческому пониманию конкуренции и свободным рынкам, опровергает необходимость государственного регулирования. Однако в отличие от концепции *laissezfaire* данный подход придерживался необходимости установления правил игры, а не неограниченной свободы («свободы без берегов» [7, с. 48]).

Как показал анализ научных публикаций представителей тех или иных школ конкуренции свобода конкуренции используются ими как очевидный факт, не требующий отдельного рассмотрения и определения и, как правило, сводившийся к свободе от государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность.

По нашему мнению важно различать как понимается сама конкуренция: будь то ситуация на рынке либо как поведение субъектов хозяйствования. В первом случае свободу конкуренции следует определять как свободу входа на рынок. Здесь уместно обратить внимание на теорию состязательных рынков В. Баумоля, согласно которой отсутствие входных барьеров на рынок благоприятно сказывается на уровне общественного благосостояния, даже если рынок является высококонцентрированным [9, с. 91]. Наряду с этим, по нашему мнению, следует вести речь и о свободе выхода с рынка. При этом должны сокращаться излишние барьеры, создаваемые не только государством на уровне закона, но и барьеры, создаваемые крупными игроками на рынке. Недаром в отечественном законодательстве предусмотрено положение о запрете злоупотребления монопольным положением путем создания другим хозяйствующим субъектам препятствий доступу на товарный рынок или уходу с товарного рынка.

Отождествление понятия конкуренции с поведением хозяйствующих субъектов требует рассматривать свободу конкуренции как свободу в совершении конкурентных действий в пределах, установленных законом. В свете сказанного важно также подчеркнуть, что свобода конкуренции предполагает государственное регулирование хозяйственных отношений с той только разницей, что заключается оно в определении правовых рамок действия хозяйствующих субъектов. Такое утверждение признается и в зарубежной литературе. Так, как пишет Р. Штобер, «ни одно государство не отказывается от управления экономикой, так как государство ответственно за развитие экономики и либеральные государства также вырабатывают общие правовые условия, предоставляя возможности для экономической деятельности» [10, с. 25].

В свою очередь свобода конкуренции является не абсолютной, а имеет ограниченный характер дабы защитить конкуренцию от самой себя, «от присущих ей саморазрушительных сил» [11].

### Библиографический список

1. Graells, A.S. Public Procurement and the EU competition rules. Second Edition/ A.S. Graells – 2015. – 570 p.
2. Кравцевич, С.В. Историко-экономические взгляды на формирование представлений о конкуренции / С.В. Кравцевич. – Чита: ЧитГУ, 2011. – 146 с.
3. Муромцев, С.А. Гражданское право Древнего Рима: Лекции Сергея Муромцева, профессора Московского Университета / С.А. Муромцев. – М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1883. – 697 с.
4. Писенко, К.А. Развитие антимонопольного права: от механизмов противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования : монография / К.А. Писенко. – М. : РУДН, 2010. – 240 с.
5. Конкурентное право России: учебник / Д.А. Алешин, И.Ю. Артемьев, Е.Ю. Борзило и др. ; отв. ред. И.Ю. Артемьев, А.Г. Сушкевич ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 391 с.
6. Смит, А Исследование о природе и причинах богатства народов / А.Смит [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gumer.info> – Дата доступа: 20.07.2020.
7. Онкен, А. Невмешательство и свобода торговли. История максимы Laissez-faire et laissez-passer / А. Онкен; пер. с нем. И.П. Шматова – М., Челябинск 2020. 282 с. – Режим доступа: <https://znanium.com> – Дата доступа: 10.09.2020.
8. Арушаньянц, А.Н. Понятие и содержание принципа свободы конкуренции / А.Н. Арушаньянц [Электронный ресурс] // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Тамбов, 22-23 мая 2020 г.: в 2 т. Т. 1 / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Стромов. – Тамбов, 2020. – С. 76-79.
9. Соколова, Е.В. Теоретические основы формирования конкурентной политики / Е.В. Соколова // Вестн. С-Петербургского ун-та. Сер. Менеджмент. – 2012. – С. 82-100 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 10.09.2020.
10. Штобер, Р. Хозяйственно-административное право. Основы и проблемы. Мировая экономика и внутренний рынок: перевод с нем. / Р. Штобер – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – 370 с.
11. Fuders, F. Zum so genannten freien Wettbewerb. Versuche einer Begriffsdefinition [Электронный ресурс] // Universidad Austral de Chile – Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/270341564\\_Zum\\_so\\_genannten\\_freien\\_Wettbewerb\\_-\\_Versuch\\_einer\\_Begriffsdefinition](https://www.researchgate.net/publication/270341564_Zum_so_genannten_freien_Wettbewerb_-_Versuch_einer_Begriffsdefinition) October 2009 – Дата доступа: 10.09.2020.

## **ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ РЕЖИМА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ ПРИ СМЕННОЙ РАБОТЕ**

**Л.А. Березюк**

*ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин  
УО «Белорусский государственный экономический университет»*

Исследование правового регулирования сменного режима работы показывает, что он находится на стыке стандартного и нестандартного режима рабочего времени, если придерживаться данной классификации. Это объясняется тем, что в зависимости от количества смен в учетном периоде и их продолжительности, сменный режим работы вполне может соответствовать большинству признаков стандартного режима рабочего времени, за исключением прерывности и односменности.

Сменный режим работы и режим рабочего времени при сменном режиме работы регламентируется ст. 125 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Так, работа в две и более смены считается сменной работой. Сменная работа вводится в тех случаях, когда длительность производственного процесса (работы) превышает установленную продолжительность ежедневной работы, а также в целях более эффективного использования оборудования, увеличения объема производства (работ, услуг). То есть введение сменной работы невозможно без оснований, а только при условии наличия двух названных факторов. Полагаем, что в связи с тем, что режим рабочего времени является одним из основных показателей гибкости в трудовых правоотношениях, регулирование которого преимущественно осуществляется на локальном уровне, необходимо позволить нанимателям вводить сменный режим работы и в случае, если длительность производственного процесса (работы) *не* превышает установленную продолжительность ежедневной работы.

Режим рабочего времени при сменной работе определяется графиком сменности, который является «правовым способом регулирования режима рабочего времени на сменных производствах» и чья роль на предприятиях чрезвычайно велика, поскольку он должен устанавливать режим работы как предприятия в целом, так и отдельных его цехов и служб, и именно в нем должны быть отражены вопросы использования рабочего времени, установлено возможное количество смен, определена продолжительность рабочего времени в течение смены (начало и окончание смены), перерывы для отдыха и порядок чередования смен. В графике может быть предусмотрен порядок перехода работников из одной смены в другую, а также действия работодателя и работника при неявке сменщика» [1, с. 10].

При этом, как отмечал Л.Я. Гинцбург, график сменности может быть как отдельным актом, так и частью правил внутреннего трудового распорядка. При этом сущность графика сменности – нормативная. Это не акт однократного применения, а общее правило, которое действует в течение определенного

периода, адресовано ко многим, не поименованным лицам и имеет в виду каждого, кто в течение срока действия графика выполняет трудовые функции на определенных рабочих местах [2, с. 251]. Именно поэтому важно четко централизованно урегулировать правила составления графиков сменности и требования, предъявляемые к его составлению в законодательстве о труде.

График работ (сменности) утверждается нанимателем по согласованию с профсоюзом и доводится до ведома работников не позднее одного месяца до введения его в действие (ч.ч. 4-5 ст. 123 ТК). Исключение составляет право нанимателя изменить последовательность чередования работников по сменам, предупредив об этом работника не позднее чем за день до начала смены в случае производственной необходимости (ч. 2 ст. 32 ТК). Как правило, график сменности разрабатывается для работников со сменным режимом рабочего времени. В свою очередь, график работ используется для определения режима рабочего времени, устанавливаемого работником на *несменных* работах [3, с. 547]. Аналогичной позиции придерживаются общие суды Республики Беларусь, что подтверждается судебной практикой [4]. Вместе с тем, не во всех нормах ТК употребляется понятие «график работ (сменности)». В частности, помимо термина «график работ (сменности)» используются понятия «график сменности» (ч. 3 ст. 124 ТК, ч. 2 ст. 125 ТК), «график работы» (ч. 3 ст. 118 ТК), «график» (ч. 1 ст. 95 ТК, ч. 4 ст. 125 ТК, ч. 5 ст. 147 ТК). Представляется, что необходимо унифицировать терминологию ТК в данной части, внося соответствующие изменения в ТК.

Законодательство содержит типовые формы графиков работ (сменности) для отдельных категорий работников (например, для работников на железнодорожном, автомобильном транспорте) [5], однако отсутствуют единые требования к их составлению и отображаемой в них информации. График работ (сменности) разрабатывается нанимателем самостоятельно на различные периоды времени (месяц, квартал). Однако, очевидно, что правильно составленный график работ (сменности) должен исходить из установленной законом продолжительности рабочего времени, а также должен обеспечивать соответствующее закону соотношение рабочего времени и времени отдыха [6, с. 126].

Продолжительность смены не может превышать 12 часов. Иная продолжительность смены для отдельных категорий работников может устанавливаться Правительством Республики Беларусь (ч. 2 ст. 125 ТК). Так, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2008 года № 104 определен перечень категорий работников, для которых может устанавливаться продолжительность смены свыше 12 часов, но не более 24 часов. Работники чередуются по сменам равномерно. Работа в течение двух смен подряд запрещается (ч. 2 ст. 125 ТК). Представляется, что такая равномерность может нарушаться в случаях, когда отдельных работников запрещено привлекать к работе в ночное время, даже если она приходится на часть рабочего дня или смены (беременные женщины, работники моложе

восемнадцать лет) (ч. 4 ст. 117 ТК) либо не получено письменное согласие на работу в ночное время от инвалидов при условии, что такая работа не запрещена им индивидуальными программами реабилитации инвалидов, а также женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет (ч. 5 ст. 117 ТК). Следовательно, необходимо дополнить ч. 2 ст. 125 ТК указанием на исключение в правиле о равномерном чередовании работников по сменам.

Соблюдение законодательства о труде в области рабочего времени и его режимов, а также соблюдение установленной процедуры уведомления работника о внесении изменений в график сменности, позволяет работнику заранее планировать свое свободное время и распоряжаться им в силу личных интересов, а также выполнять семейные обязанности. При этом, как отмечено МОТ, непредсказуемый и «плавающий» график смен крайне трудно сочетать с выполнением семейных обязанностей. Один из способов организации посменной работы для людей с семейными обязанностями – разрешить им меняться местами [6]. Учитывая, что порядок чередования по сменам не относится к существенным условиям труда, для нанимателей в Республике Беларусь упростился порядок обмена сменами между работниками. Вместе с тем, правового механизма такого обмена не существует. Полагаем, что необходимо закрепить в ч. 2 ст. 125 ТК возможность на локальном уровне предусмотреть процедуру обмена сменами при сменной работе.

Таким образом, исследование проблем регламентации и применения сменной работы позволяет сделать следующие выводы. Режим рабочего времени при сменной работе находится, как видится, на стыке стандартного и нестандартного режимов рабочего времени. Применение сменной работы может быть как выгодным для работников и нанимателей, так и иметь некоторые неблагоприятные последствия. Вместе с тем, их можно избежать, соблюдая правила введения (достаточно детально урегулированы ТК) и применения сменной работы (в законодательстве о труде имеются некоторые пробелы). В данном контексте предлагается отказаться от централизованного закрепления условий введения сменной работы (ч. 1 ст. 125 ТК); установить срок уведомления работников об изменении графика работ (сменности) не позднее одного месяца до введения его в действие в ч. 5 ст. 123 ТК; в отдельной части ст. 125 ТК закрепить правила чередования работников по сменам (работники чередуются по сменам равномерно, за исключением случаев, когда это невозможно в связи с ограничениями, установленными для работы в ночное время, сверхурочной работы, работы в государственные праздники и праздничные дни), а также возможность обмена сменами (порядок обмена сменами определяется коллективным договором (соглашением), локальными правовыми актами).

Анализ употребления в законодательстве о труде терминов «график работы», «график сменности», «график», «график работ (сменности)» позволил выявить отсутствие единообразного подхода в части терминологии,

используемой при регулировании сменной работы. Это показывает необходимость в целях унификации подходов к использованию названных терминов внести соответствующие изменения в ТК в данной части, заменив слова «график сменности» на «график работ (сменности)» в ч. 3 ст. 124 ТК; «график работы» на «график работ (сменности)» в ч. 3 ст. 118 ТК; «график» на «график работ (сменности)» в ч. 1 ст. 95 ТК, в ч. 5 ст. 147 ТК; «график» на «график сменности» в ч. 4 ст. 125 ТК.

В связи с тем, что на законодательном уровне отсутствует определение графика работ (сменности), а также перечень реквизитов, которые он должен содержать, представляется необходимым закрепить данные положения в гл. 5 постановления Министерства труда Республики Беларусь от 5 апреля 2000 г. № 46 «Об утверждении Типовых правил внутреннего трудового распорядка» в следующем виде:

«График работ (сменности) – это локальный правовой акт, регулирующий распределение рабочего времени в календарном (учетном) периоде с учетом времени отдыха работников при несменном (сменном) характере работ.

График работ (сменности) должен содержать наименование организации или ее структурного подразделения, дату утверждения, регистрационный индекс, подпись нанимателя, гриф утверждения».

#### **Библиографический список**

1. Никитина, Н.Р. Режим рабочего времени и виды (правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.05 / Н.Р. Никитина; Акад. труда и соц. отнош. – М., 2011. – 23 с.
2. Гинцбург, Л.Я. Регулирование рабочего времени в СССР / Л.Я. Гинцбург. – М.: Наука, 1966. – 304 с.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь / Г.А. Василевич, К.И. Кеник, Р.И. Филлипчик [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Дикта. - 2011. – 1200 с.
4. Решение районного суда (извлечение) по иску К. к ОАО «Д» о взыскании расходов при служебных командировках (суточных), среднего заработка за задержку выплаты окончательного расчета при увольнении от 8 июля 2016 г. [Электронный ресурс] / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь / [А.В. Барашник и др.] под общ. ред. Л.И. Липень. – Минск: Амалфея, 2020. – Т. 1. – 895 с.
6. Островский, Л.Я. Рабочее время по советскому трудовому законодательству / Л.Я. Островский. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1963. – 157 с.
7. Привести условия труда в большее соответствие с потребностями семьи: информационный материал № WF5 [Электронный ресурс] : Международная организация труда. – Режим доступа:



## **ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ИЗВЕЩЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**Н.А. Бесецкая**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
УО «Полоцкий государственный университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Современный темп технического развития оказывает сильное влияние на все сферы жизни общества. Цифровые технологии – ее неотъемлемая часть. Их применение является объективным фактом, который нельзя отрицать или игнорировать. В связи с этим представляет определенный интерес то, как под действием этих процессов изменилось или должно измениться правовое регулирование соответствующих общественных отношений. Не смогло избежать их влияния и процессуальное законодательство, несмотря на весь присущий ему в определенной степени консерватизм. Особо показательно это на примере института судебных извещений. Актуальность поднятой проблемы еще более усиливается в свете разработки в Республике Беларусь единого процессуального законодательства о гражданском и хозяйственном судопроизводстве. Надлежащее и своевременное информационное обеспечение участников цивилистического процесса имеет глобальное значение для правильного рассмотрения и разрешения судом дела, а его необеспечение влечет системное негативное влияние на все фундаментальные принципы гражданского и хозяйственного судопроизводства. Несмотря на отмеченную важность соблюдения процессуальной формы применительно к судебным извещениям и тяжести последствий ее несоблюдения, на практике довольно часто именно здесь допускаются ошибки.

Однако, прежде всего, стоит определиться, в чем же заключается задача суда по судебному извещению? Несовершенство норм о судебной корреспонденции и в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК), и в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) не позволяет однозначно установить, что означает выполнение судом надлежащего извещения участвующих в деле лиц. Так, из толкования ч. 1 ст. 142 ХПК вытекает, что экономический суд должен располагать сведениями о получении адресатом направленной ему копии судебного постановления или судебного извещения. При этом фразу «о получении адресатом» можно понимать по-разному: и в контексте «только поступление», и в контексте «поступление и непосредственное восприятие». В ГПК вообще отсутствует соответствующая норма. Кроме того, в

ч. 2 ст. 140 ХПК, ч. 2 ст. 143 ГПК устанавливается только, что любой используемый судом способ доставки должен обеспечивать фиксирование факта извещения или вызова. Вследствие этого, можно только исходить из толкования, что подразумевается под «фактом извещения или вызова»: факт отправления или факт доведения судебного извещения до сведения адресата? Неоднозначность такого толкования указанных норм ярко проявляется при применении судом современных средств связи, так как именно в этих случаях объективно трудно быть уверенным, что информация не только дошла до адресата, но и была прочитана им. На практике же суды демонстрируют крайне формальный подход, ограничиваясь лишь фиксацией факта отправления судебной корреспонденции адресату.

Вместе с тем цели, задачи и принципы судопроизводства невозможно реализовать без доведения судом сведений, которые должны отражаться в судебной корреспонденции, таким образом, чтобы адресат мог ее непосредственно воспринимать и руководствоваться ею.

В юридической литературе возможность использования современных каналов передачи информации для целей судебного извещения оценивается диаметрально: либо с энтузиазмом, либо скептически. В частности, Е.В. Зайченко приходит к выводу о допустимости, эффективности доведения процессуально значимой информации таким образом [1, с. 16]. Напротив, В.П. Скобелев утверждает, что надлежащее извещение возможно только при использовании бумажной судебной корреспонденции [2, с. 84]. Однако, на наш взгляд, истина лежит где-то посередине.

Использование современных технологий в процессе судебного извещения может обеспечить, в сравнении с традиционными способами, такие преимущества как: легкость использования; скорость передачи информации; снижение материальных издержек. Практические же проблемы обусловлены, прежде всего, технической составляющей. Справедливости ради, стоит отметить, что они были созданы изначально не для этих целей. И в связи с этим возникает вопрос, что необходимо адаптировать: данные технологии под цели и задачи судопроизводства или процессуальные нормы о судебной корреспонденции под их технические возможности? На наш взгляд, несмотря на альтернативный характер этого вопроса, ответ на него не может быть полярным и однозначным. Необходимо не только разработать эффективные процессуальные нормы, но и создать соответствующие сервисы, использующие современные способы передачи информации, адаптированные под правила судопроизводства (например, специализированные безопасные электронные платформы и т.п.). Критерии надлежащего извещения должны соблюдаться судом единообразно независимо от избранного им способа доставки или вручения судебной корреспонденции с достоверной фиксацией не только факта передачи или отправки сообщения, но и факта его получения адресатом.

Что касается действующего правового регулирования, то законодатель фактически в обоих кодексах (ГПК и ХПК) ограничивается только

констатацией возможности использования современных способов, предъявляя к ним единственное требование - обеспечение фиксации извещения или вызова. При этом не предлагает хотя бы минимальный объем процессуальных правил их применения. Так, в ГПК и ХПК устанавливается право известить участников процесса посредством «глобальной компьютерной сети Интернет», но размытость указанной формулировки не позволяет установить, где именно и какая информация будет размещаться. По сути, это может означать и официальный сайт или страницу суда либо иной сайт, и Единый портал электронных услуг, а также страницу адресата в социальной сети (Facebook, Twitter, одноклассники и т.п.). Вместе с тем участники процесса должны иметь четкое представление о месте размещения соответствующей информации. В инструкциях по делопроизводству не определяется на кого возлагается такая обязанность. И, самое главное, законодательно не определено каким образом должен быть зафиксирован факт и время ее размещения, а также что будет надлежащим доказательством этого. Кроме того, в обоих кодексах на участников процесса не возлагается обязанность самостоятельно получать информацию о движении дела и ответственность за ее неисполнение (например, подобные правила содержатся в п. 6 ст. 121 АПК Российской Федерации). Тем не менее в свете сохраняющегося значительного разрыва в вопросе обеспеченности доступа к Интернету юридических и физических лиц, перспектива возможности выработки унифицированных правил использования сети Интернет при судебном извещении в Едином процессуальном кодексе представляется призрачной. И простой перенос в него формулировок из действующих кодексов, не решит поднятой проблемы.

В ст. 144 ГПК и ст. 140 ХПК определяется содержание судебных извещений (повесток) только применительно к традиционным способам доставки и вручения. При этом и технические особенности иных способов доставки судебного извещения (например, СМС-сообщений) ограничивают возможность применения данных правил. Следовательно, при их использовании передаваемая информация может быть, по сути, любой (по усмотрению того, кто его направляет). Полагаем, закон должен отдельно предусматривать содержание сообщений, направляемых по абонентскому номеру сотовой связи или электронному адресу.

Кроме того, учитывая тот факт, что при доставке судебного извещения посредством большинства современных способов связи возникает коллизия между фактом его доставки и фактом его восприятия лично адресатом, в процессуальном законодательстве следует предусмотреть опровержимую презумпцию надлежащего извещения в случае доставки сообщения на техническое устройство адресата, что позволит обеспечить разумный баланс интересов участников процесса.

В ст. 147 ГПК и ст. 143 ХПК фикция извещения установлена только при несообщении суду о перемене адреса. Однако игнорируются случаи несообщения суду об изменении абонентского номера сотовой связи и адреса

электронной почты, которые не исключают возможность злоупотребления процессуальным правом и намеренное затягивание процесса по делу.

Трудно не согласиться с В.П. Скобелевым в оценке качества регулирования современных способов передачи информации: «... нормы глав 16 ГПК и 13 ХПК в своей основной массе «заточены» под бумажную судебную корреспонденцию» [2, с. 84]. Однако это не может быть единственным доводом против. Кроме того, технические достижения последнего времени позволяют преодолеть большинство высказанных в юридической литературе критических замечаний в отношении судебного извещения с использованием различных современных технологий (например, отправители электронной почты могут воспользоваться бесплатными сервисами, обеспечивающими фиксацию не только получения, но и открытия электронного письма адресатом; отправка СМС-извещения через специальные Интернет-сервисы или программы и т.д.). Проблема здесь кроется не в самих современных способах передачи информации, а в отсутствии норм, регламентирующих их применения для целей судебного извещения, и гарантирующих соблюдение требований процессуальной формы и принципов судопроизводства.

Полагаем, трудно отрицать тот факт, что со временем использование современных способов передачи информации для вручения судебной корреспонденции станет преобладающим. Однако их внедрение, безусловно, не должно носить «стихийный», «саморегулируемый» характер. На совершенствование процессуальных норм о традиционных способах вручения ушел не один десяток лет. И при этом их использование по-прежнему не лишено недостатков. Вместе с тем современный темп жизни, естественно, диктует необходимость более быстрой реакции законодателя на изменение общественных отношений. Фактически уже накоплен достаточный опыт практической реализации большинства современных способов передачи информации, который может послужить основой для выработки адекватных правил их применения в целях судебного извещения. Это позволит наиболее оптимально учитывать как преимущества, так и их недостатки, а грамотный подход к их правовому закреплению упростит и ускорит коммуникацию между судом участниками процесса. Тем не менее упрощение не должно стать самоцелью, в ущерб требованиям создания надлежащей процессуальной формы. Вследствие этого процесс трансформации правового регулирования института судебных извещений – это неизбежная реакция на внедрение в правила судопроизводства цифровых технологий.

### **Библиографический список**

1. Зайченко, Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Е. В. Зайченко ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2013. – 29 с.
2. Скобелев, В.П. Возможно ли извещение о судебном процессе посредством СМС-сообщений и иных современных средств коммуникаций

считать надлежащим? / В.П. Скобелев // Право на судебную защиту как гарантия эффективности несудебных форм защиты : материалы междунар.науч.-практ. круглого стола, Минск, 1 нояб. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 83-87.

## **СПОРТИВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ (ТВОРЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**И.Н. Букаева**

*доцент Российского государственного университета  
физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК),  
кандидат юридических наук, доцент*

**В.В. Михольская**

*доцент Московского государственного университета  
геодезии и картографии (МИИГАиК),  
кандидат юридических наук, доцент*

Отсутствие в действующем российском законодательстве такого определения как «произведение» не оставляет сомнения в необходимости его закрепления с определением его характерных признаков, что позволит регулировать вопросы о предоставлении авторско-правовой охраны.

По результатам проведенного анализа определений, содержащихся как в законодательстве, так и в доктрине цивилистической науки, выделяют существенные признаки в определении произведения:

- первый - это результат деятельности автора;
- второй - результат должен иметь творческий характер;
- и, третий признак, состоит в том, что результат должен быть выражен в объективной форме в различных сферах человеческой деятельности: науке, литературе и искусстве.

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК Российской Федерации, «объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, независимо от назначения и достоинства произведения, а также от способа его выражения».

Как справедливо отмечает Н.В. Махагонова, что кроме формально-юридических условий признания произведения объектом авторского права есть ещё и «требования профессиональные, этические, требования, выдвигаемые самим обществом» [1, с. 23].

В российской юридической науке, в связи с коммерциализацией спорта, остро стоит вопрос о том, будет ли пользоваться правовой охраной спортивное произведение, обладающее всеми признаками объекта авторского права, но не относящиеся прямо к сфере науки, литературы и искусства, например, произведение технического творчества.

Э.П. Гаврилов справедливо полагает, что охраной по действующему законодательству пользуются любые произведения, в которых проявляется

творчество и которые обладают всеми предусмотренными законом признаками объекта авторского права [2, с. 78], что разделяется и современной практикой.

Используя данную посылку профессора Э.П. Гаврилова, можно сделать вывод, что относительно таких видов спорта, которые создаются спортсменами для исполнения на соревнованиях, последние будут пользоваться правовой охраной, хотя прямо в законе они не отмечены.

Всероссийский реестр видов спорта России насчитывает 159 видов, из них, как минимум в 7 создается результат интеллектуальной деятельности - спортивное произведение (художественная гимнастика, синхронное плавание, фигурное катание, танцевальный спорт, эстетическая гимнастика, спортивная аэробика, акробатический рок-н-ролл).

В указанных видах спорта авторами создается спортивное произведение, обладающее эстетическим содержанием, в том числе признаками и элементами искусства. Спортсмен исполняет спортивное произведение путем выполнения технических элементов и движений, свойственных данному виду спорта, которые, в свою очередь, были созданы интеллектуальным трудом авторов.

Существует связь между автором-спортсменом и создаваемым им произведением, что обуславливает возможность законодательных принципов регулирования отношений в сфере спорта.

Показателем творческого характера произведения, по мнению большинства российских ученых, является его новизна. Новизна может выражаться в новом содержании, в форме произведения, в новой идее, в новой научной концепции и т.п. В сфере спорта под новизну можно рассматривать как синоним оригинальности произведения.

По общему правилу, творческой признается любая умственная деятельность, и как следствие, результат этой деятельности охраняется авторским правом, если не будет доказан факт прямого копирования, «пиратства», плагиата, либо в соответствии с законодательством вообще не может являться объектом авторского права [3, с. 154]. В данном случае речь идет о презумпции творческого характера и умственной деятельности, и любого из ее результатов.

Таким образом, одним из признаков результата интеллектуальной деятельности — является умственная деятельность одного автора, либо соавторов спортивного произведения.

Еще одним признаком результата интеллектуальной деятельности является его объективная форма.

Результат интеллектуальной деятельности представляет собой нематериальную субстанцию. Результат интеллектуальной деятельности выражается во внешнем выражении (трансформируется в форму объективную), для того, чтобы быть доступным для участников правовых отношений. Объективная форма выражается различными способами и фиксируется на каком-либо материальном носителе.

Получается, что наличие двух указанных признаков – является обязательным, при признании произведения таким объектом, при этом, обнародованность произведения значения не имеет. Придание произведению материальной формы - обязательное условие для его становления объектом авторского права.

Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», закрепляет в пункте 11.1 ст. 2 правовые гарантии охраны символики физкультурного мероприятия или спортивного мероприятия, при этом легального определения такому понятию как «спортивное произведение» не содержит.

Специальная литература по физической культуре и спорту для «эстетико-творческих» видов спорта не предъявляет требований к лицам, чьим трудом должно или может быть создано спортивное произведение. Результатом интеллектуальной деятельности в этих видах спорта является фактический результат интеллектуальной деятельности тренеров, хореографов, спортсменов, по созданию авторских (соавторских) спортивных произведений.

Как требует норма, закрепленная в ч. 3 ст. 1259 ГК РФ, любой результат творческой деятельности, для того, чтобы его можно было обсуждать, должен быть зафиксирован, т.е. существовать в «...какой-либо объективной форме».

Актуальны в спорте новые спортивные технологии, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, методы и способы спортивной подготовки, используемые оригинальные методики тренировки и спортивные тактические схемы. Но, спортивное произведение, исполняемое самим спортсменом (командой спортсменов) получает выраженную обьективированную форму. Как отмечают специалисты в области спорта, спортивное произведение в «эстетико-творческих» [4, с. 18] видах спорта состоит из названия, плана, фигурного рисунка и записей исполнения, движений, то есть включает и отображает признаки и формы творческой свободы создания собственной спортивно-художественной композиции. Из чего следует, что оно может быть зафиксировано в письменном виде, в форме изображения, как установлено п. 3 ст. 1259 ГК РФ.

Как показывает практика, постановка спортивных номеров, спортивных произведений для спортсменов в творческих видах спорта требует творческого подхода, новых мыслей и новых постановочных идей, которые затем принимают обьективированную форму выражения. В «эстетико-творческих» видах спорта создается произведение, которому до настоящего времени не дано определение.

Нет понятия, нет и правовой охраны, поэтому многие вопросы, связанные с охраной результата интеллектуальной (творческой) деятельности на спортивное произведение требуют внесения соответствующих дополнений в законодательство. Спортивная наука, как и другие науки, имеет в своем арсенале немало разработок, позволяющих отнести к объектам интеллектуальной собственности такой объект как «спортивное произведение»,

которое предлагается закрепить на законодательном уровне. Так, можно согласиться с В.М. Байрамовым и С.В. Байрамовым, которые предлагают под спортивным произведением понимать «результат творческой деятельности тренера и/или хореографа, и/или спортсмена, который может быть создан как отдельно каждым из них, так и совместно» [ 5, с. 7 ].

По мнению авторов, интеллектуальная собственность в сфере спорта имеет место, но она не определена теоретически, не изучена практически и не представлена конкретными объектами, поэтому требуется проведение специальных исследований.

Предлагается ввести в перечень п. 1 ст. 1259 части четвертой ГК РФ «Объекты авторского права» понятие «спортивное произведение». Так же закрепить в ст. 2 Закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» легальное определение понятию «спортивное произведение».

Авторы предполагают, что закрепление понятия «спортивное произведение» может не только помочь развитию российского спорта, но обеспечит правовую охрану результата интеллектуальной деятельности, сократит риск недобросовестной конкуренции в его «эстетико-творческих» видах.

#### **Библиографический список**

1. Махагонова, Н.В. Авторское право. М.: Юридическая литература. – 1999. – С. 23
2. Гаврилов, Э.П. Авторское право. Издательские договоры. Авторский гонорар. – М., 1998. – С.78.
3. Гаврилов, Э.П., Городов, О.А. Гришаев, С.П. (и др.). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. – Часть четвертая (постатейный). – М: ТК Велби, Из-во Проспект, 2017. – С. 154
4. Кашапов, П.В. Специфика регулирования интеллектуальных прав в сфере спорта в РФ // Интеллектуальная собственность. – Авторское право и смежные права – 2015. – № 2. – С.18.
5. Байрамов, В.М., Байрамов, С.В. Особенности регулирования права на результаты интеллектуальной деятельности (включая авторские и смежные права) и средства индивидуализации в области физической культуры и спорта на примере спортивно-трудовых отношений / Вестник спортивной науки. – 2017. – № 6. – С. 7-10.



## **ОБ ОСНОВНЫХ ОТЛИЧИЯХ ТРАСТА ОТ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ**

**А.М. Вартанян**

*заместитель декана юридического факультета*

*УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», кандидат  
юридических наук, доцент*

В международной практике гражданского оборота используется множество институтов, призванных урегулировать тот или иной вид общественных отношений. При этом существование разных правовых систем иногда порождает сложности такого регулирования, так как институты, действующие в рамках одной правовой системы, не всегда находят свое закрепление в других правовых системах. В качестве примера можно привести институт доверительного управления имуществом, который характерен для законодательства стран, принадлежащих к континентальной системе права, и институт доверительной собственности (траста), который активно используется в странах с общей системой права.

Выявление отличительных особенностей доверительной собственности (траста) и доверительного управления имуществом представляется актуальным, так как в настоящее время наблюдается сближение правовых систем, при котором элементы институтов одной правовой системы в определенном виде заимствуются для регулирования общественных отношений в рамках другой правовой системы. Это характерно и для институтов доверительного управления имуществом и доверительной собственности (траста).

Институт доверительной собственности (или траст – от англ. trust – доверие) сформировался в рамках англо-саксонской правовой системы и призван урегулировать правоотношения, связанные с передачей собственником (учредителем траста) своего имущества другому лицу – управляющему (доверительному собственнику) для управления им в интересах самого собственника (учредителя траста) или указанного им третьего лица (бенефициара).

Считается, что институт доверительной собственности зародился в Англии в XII – XIII вв., в основе его правового регулирования лежало право справедливости (equity), и связан данный институт с желанием собственника передать свое имущество в управление другому лицу. В настоящее время наиболее широкое распространение институт доверительной собственности получил в Англии и США.

Концепция траста предусматривает расщепление права собственности на юридическое (legal ownership) и бенефициарное (equitable ownership), которые могут принадлежать разным как юридическим, так и физическим лицам. Юридическим правом собственности переданного в траст имущества владеют доверительные управляющие, трасти (trustee), которые им распоряжаются только в интересах бенефициарного собственника этого же имущества,

обладающего правом принудительно обеспечить соблюдение данных обязательств на основании принципов права справедливости [1, с. 45].

В странах, относящихся к романо-германской правовой системе, институт доверительной собственности в таком виде, как он закреплён в англосаксонской системе права, не нашел своего отражения. Однако необходимо отметить, что аналогом такого института в странах романо-германской правовой системы выступает договор доверительного управления имуществом.

Например, в Гражданском кодексе Республики Беларусь [2] (далее – ГК Республики Беларусь) содержится Глава 52 «Доверительное управление имуществом». В соответствии с п. 1 ст. 895 ГК Республики Беларусь по договору доверительного управления имуществом одна сторона (вверитель) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а доверительный управляющий обязуется за вознаграждение осуществлять управление этим имуществом в интересах вверителя или указанного им лица (выгодоприобретателя).

Однако следует отметить, что основное отличие траста от доверительного управления имуществом сводится к тому, что, по сути, траст представляет собой переход вещного права (права собственности) от учредителя траста к доверительному собственнику, в то время как при доверительном управлении имуществом не происходит передача вещных прав, а сам договор порождает обязательственные правоотношения между его сторонами.

Несмотря на наличие в романо-германской правовой системе схожего с доверительной собственностью (трастом) института, преимущества траста перед договором доверительного управления имуществом порождают объективное влияние данного института на правовые системы государств, относящихся к указанной правовой системе. Например, в юридической литературе уже достаточно давно поднимался вопрос о возможности включения института доверительной собственности (траста) в российскую правовую систему. Так, например, А. Казаков придерживается точки зрения, в соответствии с которой современный английский траст может быть в полной мере интерпретирован в континентальную правовую систему [3, с. 20].

При этом другие авторы использование траста в рамках романо-германской правовой системы сопоставляют с определенными рисками. Как отмечает А.В. Мазаева, так как стороны международных частных отношений свободны в использовании иностранных правовых институтов, траст стал применяться в сделках с иностранным элементом. Однако использование иностранных институтов само по себе влечет риски и непредсказуемость, в особенности при разрешении спорных ситуаций в суде, а также повышение стоимости сделок. Кроме того, учреждение траста для учредителя почти всегда означает полный отказ от контроля имущества [4, с. 109].

В связи с этим, с целью предоставления возможности странам, право которых не знает института доверительной собственности, признавать иностранные трасты, в 1985 году была принята Гагская конвенция о праве,

применимом к трастам, и их признании. Данная конвенция стала уникальным договором, закрепляющим коллизионные нормы, позволяющие определить применимое право к создаваемым трастам, в том числе на территории государств, национальное законодательство которых не регулирует данный институт.

Как справедливо отмечает П.В. Турышев, «поскольку текст Конвенции вырабатывался с участием как англо-американских, так и континентальных юристов и изначально рассчитывался на применение в разных правовых системах, то он получился наиболее приемлемым для восприятия российским законодательством» [5, с. 25].

Сравнивая институт доверительной собственности (траста) и договор доверительного управления имуществом, следует отметить, что институт траста в большей степени отвечает интересам собственника, нежели договор доверительного управления. Так, например, Глава 52 ГК Республики Беларусь не раскрывает содержание понятий «интерес вверителя или указанного им лица (выгодоприобретателя)», «должная заботливость об интересах выгодоприобретателя или вверителя», не закреплены жесткие требования, которым должен соответствовать доверительный управляющий, из содержания норм вытекает невозможность доверительного управляющего выполнять реальные правомочия собственника по отношению к вверенному ему имуществу. Недостаточная регламентация в законодательстве данных вопросов порождает правовую неопределенность, которая на уровне международных частных правоотношений провоцирует их субъектов к применению именно института доверительной собственности (траста) для управления своими активами.

Таким образом, сравнение институтов доверительного управления имуществом и доверительной собственности (траста) позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в мировой практике существует две модели, обеспечивающие возможность управления имуществом другого лица – это доверительная собственность (траст), являющаяся институтом права собственности в англо-саксонской правовой системе, и договор доверительного управления имуществом, являющийся институтом обязательственного права в романо-германской правовой системе. При этом в настоящее время имплементация норм о доверительной собственности (трасте) в романо-германскую правовую систему не представляется возможным без существенного реформирования гражданского законодательства стран данной правовой системы. Это обусловлено непризнанием в странах континентального права концепции расщепленной собственности, а признанием за собственником права собственности как абсолютного права с присущими только ему правомочиями владения, пользования и распоряжения.

### **Библиографический список**

1. Касаткина, А.С. Гаагская конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании / А. С. Касаткина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения – 2016. – № 5. – С. 44-48.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одоб. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Казаков, А. К вопросу о рецепции траста российским правом / А. Казаков // Корпоративный юрист. – 2006. – № 7. - С. 20-25.
4. Мазаева, А.В. Доверительное управление и траст: опыт стран континентального права / А. В. Мазаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения – 2017 – № 1 – С. 108-113.
5. Турышев, П.В. Траст и договор доверительного управления имуществом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / П. В. Турышев. - М., 1997. – 162 л.

### **ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН СОГЛАШЕНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА**

**А.В. Василевский**

*младший научный сотрудник*

*Национального центра законодательства и правовых исследований  
Республики Беларусь*

С марта 2018 года резиденты Парка высоких технологий (далее – ПВТ) вправе заключать между собой и (или) с третьими лицами соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (далее – соглашение о предоставлении опциона). Данное право предоставлено резидентам ПВТ в рамках эксперимента по апробации новых правовых институтов на предмет возможности их последующей имплементации в гражданское законодательство. Отметим, что участники гражданского оборота и ранее имели возможность заключения подобного рода соглашений, в силу гражданско-правового принципа свободы договора. Вместе с тем, по ряду причин, среди которых не последнюю роль играет отсутствие соответствующего нормативного регулирования, практика их заключения была незначительной. Экспериментальные нормы законодательства закреплены в положениях подп. 5.2 п. 5 Декрета Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [1].

В абз. 2 и 3 подп. 5.2 п. 5 Декрета № 8 установлен механизм правового регулирования соглашения о предоставлении опциона, согласно которому одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право

заключить один или несколько договоров. Другая сторона, соответственно, вправе заключить договор путем акцепта названной оферты. Условия договора подлежащего заключению, а также порядок, сроки и условия акцепта безотзывной оферты устанавливаются непосредственно в самом соглашении о предоставлении опциона.

В целях идентификации носителей субъективных прав и обязанностей поименуем стороны соглашения о предоставлении опциона, по аналогии с наименованием сторон отдельных видов обязательств, предусмотренных Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси) [2] – опциодатель и опциополучатель.

Обязанностями опциодателя в рассматриваемых правоотношениях являются: предоставление опциополучателю имущественного права на заключение основного индивидуально определенного договора и при соответствующем волеизъявлении опциополучателя заключение такого договора.

Опциополучатель, в свою очередь, вправе распорядиться принадлежащем ему имущественным правом двумя способами: 1) принять предложение (акцептовать безотзывную оферту) и безоговорочно, на условиях, предусмотренных соглашением о предоставлении опциона, заключить основной договор либо 2) молчать в течение срока для акцепта. Такое молчание является допустимым способом волеизъявления и не должно расцениваться как односторонний отказ опциополучателя от исполнения соглашения о предоставлении опциона, в смысле ст. 291 ГК Беларуси.

По общему правилу соглашение о предоставлении опциона является односторонней сделкой, поскольку для его совершения, в соответствии с абз. 2 и 3 подп. 5.2 п. 5 Декрета № 8, необходимо и достаточно выражения воли (действия) одной стороны – опциодателя. Такая сделка, согласно ст. 156 ГК Беларуси создает обязанности лишь для лица ее совершившего.

Вместе с тем, по усмотрению сторон, в соответствии с абз. 3 подп. 5.2 п. 5 Декрета № 8, соглашение о предоставлении опциона может предоставляться за плату и (или) другое встречное предоставление (опционную премию). В таком случае обязанности сторон корреспондируют друг другу, сделка является взаимной и для ее заключения необходимо выражение согласованной воли (действий) двух или более сторон.

Как и любое иное гражданско-правовое обязательство, соглашение о предоставлении опциона должно исполняться надлежащим образом. В случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения (далее – неисполнение) стороной принятых на себя обязанностей, она несет гражданско-правовую ответственность в соответствии с условиями соглашения о предоставлении опциона и требованиями законодательства.

Наличие вины у нарушившей обязательство стороны предполагается. Лицо может быть освобождено от ответственности, если докажет, что неисполнение произошло в результате действий или бездействий потерпевшей стороны либо

обстоятельств непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. При этом сторона, нарушившая обязательство, не может ссылаться на виновные действия своих контрагентов или иных третьих лиц.

В теории права под гражданско-правовой ответственностью принято понимать «обеспеченное государственным принуждением возложение предусмотренных законом или договором лишений имущественного характера на лицо, совершившее неправомерное действие» [3].

В Декрете № 8 не содержится предписаний, устанавливающих специальную гражданско-правовую ответственность за неисполнение соглашения о предоставлении опциона. В связи с этим стороны руководствуются общими для всех видов обязательств положениями гражданского законодательства об ответственности, которые закреплены в Главе 25 ГК Беларуси.

По общему правилу, нарушавшая обязательство сторона (должник) обязана возместить потерпевшей стороне (кредитору) убытки, причиненные неисполнением соглашения о предоставлении опциона. Убытки определяются в соответствии с правилами, установленными ст. 14 ГК Беларуси.

Наряду с этим, за неисполнение соглашения о предоставлении опциона кредитор может взыскать с должника – неустойку, если условия о ней предусмотрены в самом соглашении. При этом, убытки также подлежат возмещению в части, не покрытой неустойкой. Стороны могут предусмотреть и иной порядок возмещения убытков и уплаты неустойки, в соответствии с которыми кредитор может требовать взыскания: 1) только неустойки, но не убытки; 2) убытков в полной сумме сверх неустойки; 3) по выбору либо неустойки, либо убытков.

Если иное не предусмотрено соглашением сторон, согласно п. 1 ст. 367 ГК Беларуси, уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре. Те же действия должника при неисполнении обязательства, на основании п. 2 ст. 367 ГК Беларуси, освобождают его от исполнения обязательства в натуре.

В силу специфики содержания соглашения о предоставлении опциона, для сторон характерно нарушение конкретных обязанностей и вследствие этого привлечение к определенной гражданско-правовой ответственности. Рассмотрим наиболее типичную для каждой из сторон форму ответственности за неисполнение обязательства.

Для опциополучателя, прежде всего, характерно неисполнение денежного обязательства. В случае неуплаты либо несвоевременной выплаты опционной премии, если она предусмотрена соглашением сторон, опциополучатель несет ответственность в соответствии со ст. 366 ГК Беларуси, в которой предусмотрена выплата процентов за пользование чужими денежными средствами. Если убытки, причиненные таким нарушением, превышают сумму

причитающихся процентов, опциодатель вправе также требовать от опциополучателя возмещения убытков в части, превышающей сумму этих средств.

Кроме того, при полном отсутствии оплаты опционной премии, опциодатель вправе отказаться от заключения основного договора. Такой отказ не является односторонним отказом от исполнения обязательства и не подпадает под запрет п. 1 ст. 291 ГК Беларуси, а имеет правовое основание, предусмотренное п. 2 ст. 309 ГК Беларуси.

В свою очередь, опциодателю свойственно неисполнение обязательства заключить основной договор. Так, в ходе исполнения соглашения о предоставлении опциона может сложиться ситуация, при которой, опциодатель утратил экономический интерес в заключении основного договора, к примеру, в связи с изменением конъюнктуры рынка, имущественным положением и др. При этом опциодателю в некоторых таких случаях экономически более выгодно понести имущественные затраты по компенсации опциополучателю причиненных убытков и выплате неустойки, нежели заключить основной договор.

Максимально учесть экономические интересы сторон, при таком развитии правоотношений, становится возможным благодаря предусмотренному в п. 2 ст. 367 ГК Беларуси механизму привлечения к ответственности за неисполнение обязательства в натуре, согласно которому, если иное не предусмотрено соглашением сторон, опциодатель освобождается от заключения основного договора, при возмещении убытков и уплате неустойки опциополучателю.

Схожий механизм разрешения приведенной спорной ситуации предусмотрен ст. 380 ГК Беларуси. Его отличительной чертой по сравнению с выше представленным способом является то, что обязательство прекращается не посредством привлечения к ответственности, а по добровольному соглашению сторон, предоставлением взамен исполнения отступного (уплатой денег, передачей имущества и т.п.), размер, сроки и порядок предоставления которого устанавливается сторонами.

В завершении настоящего исследования подчеркнем, что в действующем гражданском законодательстве Республики Беларусь отсутствуют нормы, устанавливающие специальную гражданско-правовую ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. Стороны такого соглашения должны руководствоваться общими положениями гражданского законодательства об ответственности с учетом специфики реализуемых ими правоотношений.

### **Библиографический список**

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декаб. 2017 г., № 8 // Консультант Плюс /

ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 135-З // Консультант Плюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – Т. 1. // // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

## **ВИНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК НЕФОРМАЛИЗОВАННАЯ КАТЕГОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

**И.К. Вербицкая**

*доцент кафедры гражданского права и процесса  
ЧУО «БИП-Институт правоведения»*

Гражданское право эволюционно, его развитие требует новых научных подходов к определению гражданско-правовых институтов для достижения эффективного судопроизводства. Существующие в науке доктринальные понятия меняются, расширяются, поэтому расширяется и предмет их правового регулирования.

Вопрос актуализации определения вины в современной цивилистической науке не был в должной степени осмыслен. В правоприменительной деятельности Республики Беларусь этот разрыв между теорией и практикой продемонстрировал потребность дальнейшего изучения и обоснования спорных вопросов, связанных с характеристикой исследуемого института. Генезис вины имеет актуальное значение для выявления сущности самой гражданско-правовой ответственности и эффективности её применения. Анализ существующих точек зрения показал дуализм подходов к определению сущности и признаков вины как условия гражданско-правовой ответственности.

Наиболее распространенной является точка зрения о вине как о психическом отношении правонарушителя к своему поведению и его результату (психологический подход). Так, О.С. Иоффе утверждает, что «под виной понимают психическое отношение лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию, а также к наступающими в связи с этим противоправными последствиями» [1, с. 110]. Следует отметить, что и современная цивилистика нередко поддерживает психологический подход к трактовке вины, считая, что данный признак позволяет её отграничить от других форм субъективного отношения к поведению и его результату [2, с. 140; 3, с.54].

В то же время ряд учёных старались избежать понимания вины через психическое отношение лица к своим действиям. Сторонники поведенческого



подхода при определении вины придерживаются позиции модели ожидаемого поведения в договорном обязательстве. Б.И. Пугинский, будучи сторонником поведенческого взгляда в вопросе определения вины, отмечал, что должник имеет (имел) реальную возможность исполнить обязательство, но не предпринял всех необходимых мер к тому, чтобы не допустить неисполнение [4, с. 217]. Думается, что факт непринятия необходимых мер по исполнению обязательства и фактическое его неисполнение выступают как непосредственный процесс и наступивший результат.

На данный признак акцентировала своё внимание и О.А. Кузнецова, отмечая, что представленные категории диалектически связаны между собой, в силу чего одна из них не может относиться к субъективной стороне правонарушения – вине, а другая – к объективной его стороне – противоправности. В результате вина растворяется в противоправном поведении и не имеет в гражданском праве самостоятельного значения» [5, с. 134]. Среди современных учёных и исследователей, данный подход также нашёл отражение в ряде научных работ [6, с. 103].

Анализ этого субъективного признака, показало его фактическое отождествление с категорией вины. П. 2 ч. 1 ст. 372 ГК Республики Беларусь [7] понятие вины характеризует через принятие мер для надлежащего исполнения обязательства при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства. «Вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуаций» [8, с.7].

Сущностное понимание категорий заботливости и осмотрительности напрямую связано с принципом добросовестности и разумности в гражданском праве.

Правовое понимание разумности берёт свои истоки из англо-саксонской системы права, – это обычный гражданин, «человек из автобуса» [9, с. 145]. М.И. Брагинский характеризует его как «среднего человека» [10, с. 101], В.И. Емельянов проводит параллель между менее полезными и более вредными действиями лица, видя в этом определённую эталонность среднего человека [11, с. 116]. По утверждению М.Ф. Лукьяненко «суд выясняет, каким было действие субъекта и каковы его последствия; как поступил бы в данной ситуации средний человек; сравнивает реальные действия с действиями среднего человека. Если суд приходит к выводу, что они менее отвечают интересам контрагента в гражданском правоотношении, чем действия в такой же ситуации «среднего» человека, то логично заключить, что требование разумности соблюдено не было» [9, с. 145]. Подобная оценочная категория действий участника правоотношения и его сравнение с иным средним человеком, вряд ли стоит квалифицировать и трактовать правовой категорией разумности. В контексте правопонимания и возможности дальнейшего

использования данного понятия в правоприменительной деятельности, разумность следует понимать, как логичное, целесообразное действие, предпринятое стороной в рамках конкретного обязательства.

Добросовестность В.И. Емельяновым трактуется в качестве действия стороны, которая «действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда» [11, с. 99]. М.Ф. Лукьяненко в такой трактовке видит совпадение добросовестности и невиновности. Сущность проблемы обоснования добросовестности, видится в решении данного вопроса, основываясь исключительно на ожидаемом поведении должника при осуществлении им своих обязательств, при которых, соблюдая права и интересы контрагента, он окажет им содействие, в том числе информационное.

Фактически судья, выявляя виновность лица и определяя фактор его заботливости и осмотрительности, должен ориентироваться на некий поведенческий стандарт аналогичного субъекта предпринимательской деятельности, действия которого при схожей правовой ситуации можно сопоставить с действиями разумного должника. Данный алгоритм, используемый судом при анализе оценочных категорий разумности, добросовестности, заботливости и осмотрительности может стать оптимальным для вынесения решения и как следствие превращает фактическое толкование такой категории в сопоставление с иными аналогичными ситуациями. Результатом такого оценочного характера может стать внедрение в практику судов прецедента, не являющегося источником гражданского права Республики Беларусь. Таким образом, использование неформализованных категорий, носящих исключительно оценочный характер по усмотрению суда, не представляет собой перспективы его применения.

Думается, что законодательное закрепление исследуемых оценочных понятий также не решит проблему обоснования виновности или невиновности участника гражданского правоотношения. Выходом из такой ситуации может стать лишь законодательное закрепление установление факта осуществления заботливости и осмотрительности со стороны должника. В соответствии со ст. 241 ГПК Республики Беларусь суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в судебном заседании всех входящих в предмет доказывания фактов [12]. Результатом таких действий послужит юридическая оценка этих действий на основании подтверждённых фактических обстоятельств.

Учитывая нормы действующего законодательства, считаем целесообразным понятие должной заботливости и осмотрительности трактовать с точки зрения установления фактических обстоятельств правоотношения между сторонами. Исходя из этого, закономерным следует считать вывод о том, что понятие осмотрительности выступает более приемлемым, прикладным для юридического лица с точки зрения

правоприменения, а элемент заботливости ближе к действию физического лица, вступающего в обязательство.

В связи с изложенным, считаем целесообразным под доказательством должной осмотрительности понимать комплекс мероприятий, направленный на совершение разумных действий для исполнения обязательства. Истец должен предоставить суду доказательства прогнозирования рисков, поиск альтернативных способов, материалов, изучение деловой репутации контрагента. Достоверность подобной информации выступит доказательством установления фактических обстоятельств, подтверждающих принятие мер с должной степенью осмотрительности, которая от него требовалась.

### **Библиографический список**

1. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.
2. Исупова, Е.А. Вина как условие наступления гражданско-правовой ответственности / Исупова Е. А. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 1 (январь). – С. 139–143.
3. Шепель, Т.В. Вина в гражданском праве: законодательство и цивилистическая доктрина / Т. В. Шепель // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Право. – 2014. – Т. 10, № 2. – С. 50–55.
4. Пугинский, Б.И. Правовая экономика: проблемы становления / Б. И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1991. – 238 с.
5. Кузнецова, О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 2 (20). – С. 127–139.
6. Харатян, Г.Г. Понятие вины в гражданском праве / Г. Г. Харатян // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. / Кузбас. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Новокузнецк, 2019. – Вып. 2. – С. 101–103.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Теоретико-прикладные аспекты ответственности участников гражданских правоотношений в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь и углубления экономической интеграции в рамках ЕАЭС / Ю. А. Амелъченя [и др.] // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов VIII Респ. науч. конф., Минск, 24 окт. 2019 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. – Минск, 2019. – С. 3–16.

9. Лукьяненко, М.Ф. Условия формирования судебного усмотрения при применении гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия // Российский юридический журнал. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2009, № 5 (65). - С. 144–155.

10. Брагинский, М.И. Осуществление и защита гражданских прав / М. И. Брагинский // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1995. – № 7. С. 99–113.

11. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / Емельянов В.И. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.

12. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11января. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10декабря. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18декабря. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2020 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ**

**В.А. Витушко**

*профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности  
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,  
доктор юридических наук, профессор*

**Ю.М. Храмцова**

*заместитель руководителя энергетической практики  
юридической компании «НАФКО»,  
кандидат юридических наук*

В юридической литературе и законодательстве содержание права собственности рассматривается как совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения(триада). Считается, что правомочия собственника упоминаются еще в римском праве до классического периода. В то время отмечались отдельные полномочия собственника: *utifruihaberepossidere* (пользоваться, потреблять плоды, иметь, владеть). Разработка частноправового понятия собственности (*proprietas*) была завершена только в конце классического периода [1, с. 191-192].

Характеристика права собственности через перечисление правомочий владения, пользования и распоряжения в национальном праве впервые была закреплена в XIX в. (ст. 420 т. X ч. 1 Свода законов Российской Империи) [2, с. 77-114]. Позже эта позиция получила развитие в проекте Гражданского уложения, где каждому из правомочий собственника была посвящена отдельная статья книги третьей проекта (ст. 17-19). Владение, пользование и распоряжение признавались главнейшими правами, которые вытекают из права собственности [3, с. 56-59].

В гражданском законодательстве советского периода и ныне при определении прав собственника наблюдается определенная преемственность с положениями дореволюционного закона (ст. 58 ГК БССР 1923 г., ст. 86 ГК БССР 1964 г., ст. 210 ГК Беларуси 1998 г.). Однако определения содержания каждого из данных правомочий действующее законодательство не дает. Определение содержания правомочий владения, пользования и распоряжение осуществляется доктринально.

Правомочие владения представляет собой юридически обеспеченную (то есть основанную на законе) возможность иметь вещь у себя. Владение – это хозяйственное господство собственника над вещью. Владение выражает закрепленность вещи за субъектом. В гражданском праве обычно выделяют такие виды владения как законное (титульное) и незаконное, добросовестное и недобросовестное.

Правомочие пользования заключается в юридически обеспеченной возможности эксплуатации, использования вещи, извлечения ее свойств. С процессом использования вещи связано такое понятие как «приращение», которое предусматривает возникновение и отделение от вещи плодов, продукции или доходов.

Собственник может самостоятельно использовать вещь, но вместе с тем он имеет возможность передать ее другому лицу во владение и пользование для извлечения требуемых свойств имущества. Например, передать в аренду земельный участок или здание. В такой ситуации права третьих лиц в части использования имущества собственника будут определяться как законодательством, так и договором с собственником.

Правомочие распоряжения означает возможность определения фактической и юридической судьбы вещи. Реализация правомочия распоряжения возможна самыми различными способами. Собственник может отчуждать свое имущество по сделкам, может устанавливать ограниченные вещные права на вещь, может обременять ее (отдавать в залог и др.), уничтожить, менять назначение имущества, распоряжаться иным образом. В науке гражданского права существуют различные подходы в отношении того, какие действия составляют распоряжение: только действия юридического характера или как юридические, так и фактические (такие как уничтожение, потребление и т.п.) действия [4, с. 18, 327].

В цивилистике на протяжении длительного времени дискутируемыми остаются вопросы о том, раскрывает ли в полной мере содержание права собственности триада правомочий, можно ли перечислить все правомочия собственника, которые входят в субъективное право собственности [2, с. 77-114; 3, с. 60-61; 5, с. 47-48; 6, с. 182].

Юридическая литература дореволюционного периода (как отечественная, так и зарубежная) в основном выражала мнение о том, что перечислить все права, принадлежащие собственнику, невозможно. Помимо правомочий владения, пользования и распоряжения назывались такие как употребление,

уничтожение, изменение, исключение третьих лиц, отыскание от владельца, отчуждение, предоставление отдельных прав другим лицам и т.п. [3, с. 60; 7, с. 180; 8, с. 236-237]. Право собственности рассматривалось как самостоятельное целое, которое не прекращает своего существования, если какое-либо из правомочий по тому или иному основанию не принадлежит собственнику [3, с. 60].

В советской науке гражданского права также были представлены разные взгляды на указанную проблему. Одни ученые считали, что право собственности полностью определяется правомочиями владения, пользования и распоряжения [5, с. 47-57]. Другие такой подход отрицали [4, с. 15-22, 31].

В юридической науке в XX в. даже предпринимались попытки разработать общее для правовых систем определение права собственности, которое не ограничивалось бы тремя-четырьмя основными полномочиями [9, с. 5-22].

Современные отечественные доктрины также опираются на вывод о том, что триада правомочий не выражает в полной мере право собственности [10, с. 517-527]. Получили развитие теории, рассматривающие триаду правомочий собственника как многомерные понятия, как относительно самостоятельные системы, включающие в себя элементы разного порядка [11, с. 375-376; 12, с. 293-320].

Развивая вышеизложенные представления о внутреннем содержании каждого правомочия собственника отмечается, что в правомочие владения входят такие его элементы как фактическое [1, с. 172] и юридическое владение имуществом, его учет, контроль, содержание и поддержание в должном состоянии, др. [13, с. 331-332]. В правомочие пользования дополнительно включаются такие его составляющие как фактическое и юридическое извлечение свойств имущества [13, с. 333]. Определение судьбы имущества может осуществляться по договору с подрядчиком (спецификация согласно ст. 221 ГК Беларуси), отказом от имущества и имущественных прав в пользу других лиц (включая право прощения долга согласно ст. 385 ГК Беларуси), восстановлением имущества в его первоначальном состоянии и усовершенствование путем модернизации, др. [13, с. 333-334].

Соответственно, необходимо признать, что законное (юридическое, титульное) владение, пользование и распоряжение будет считаться первичным у собственника и производным у нанимателя. Такой подход позволяет всегда сохранять за собственником необходимые элементы из триады правомочий, что необходимо для признания того, что отчуждая некоторые свои правомочия, собственник не теряет своего права собственности.

Выделение в составе триады правомочий их внутренних элементов (прав) позволяет, во-первых, увидеть внутреннюю взаимосвязь этой триады и динамику внешне статических отношений собственности в гражданском обороте. Так, фактическая и юридическая передача вещи по договору во владение нанимателю, есть, одновременно, форма юридического пользования

имуществом самим собственником. Во-вторых, наличие внутренней структуры (элементов) у триады правомочий указывает на внутреннюю неразрывную и непрерывную (континуальную) взаимосвязь вещных и обязательственных прав. Передача имущества в наем есть не только осуществление права собственности в форме юридического пользования, но, одновременно, это есть приобретение собственником договорных обязательств. Причем, наниматель имеет вещные способы защиты своих прав на имущество, даже от собственника (ст. 286 ГК Беларуси). Этим унифицируется не только осуществление, но и защита вещных и обязательственных прав.

В-третьих, перераспределение своих правомочий собственником путем передачи, оставаясь собственником, отдельных своих правомочий субъектам производных вещных и обязательственных прав (п. 2 ст. 210 ГК Беларуси), указывает на общие основы романо-германской системы взаимосвязи прав собственника и субъектов производных вещных прав на одну вещь с англосаксонской системой распределения правомочий на одну вещь между несколькими собственниками [14, с. 66].

Таким образом, определение содержания внутренней структуры у триады правомочий собственника позволяет определить механизм функционирования вещного права как динамичной системы, его неразрывную и непрерывную (континуальную) взаимосвязь с обязательственным правом, другими институтами гражданского права, что соответствует императиву о единстве предмета и метода регулирования всех гражданско-правовых институтов как в национальном, так и в планетарном правовом пространстве.

### **Библиографический список**

1. Римское частное право: учебн. / Под. ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012.
2. Рубанов, А. А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / Отв. ред. В. П. Мозолин. – М.: Наука, 1986.
3. Гражданское Уложение. Книга третья. Вотчинное право. Проект Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи по составленію Гражданского Уложения. Ст. 1-174 съ объясненіями. – СПб : 1902. – Т. 1.
4. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность. – Ленинград : Из-во Акад. наук СССР, 1948.
5. Генкин, Д. М. Право собственности в СССР. – М. : Госюриздат, 1961.
6. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М. : Статут, 2000.
7. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. – М. : Книга по Требованию, 2012.
8. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1911.

9. Кикоть, В.А. Об основных тенденциях развития учения о праве собственности при государственно-монополистическом капитализме // Лазар, Я. Собственность в буржуазной правовой теории: Пер. с нем. – М.: Юрид. лит., 1985.

10. Чигир, В.Ф. Собственность и право собственности. Их сущность. Дискуссия о понятиях «собственность» и «право собственности» // Избр. труды. – Минск, 2014.

11. Витушко, В.А. Курс гражданского права: Общая часть.: научн.-практ. пособие : в 2 ч. – Минск : БГЭУ, 2001. – Т. 1.

12. Павлов, В.П. Математические модели в вещном праве // Проблемы вещного права в Союзном государстве Беларуси и России : монография / кол. авторов ; под. ред. В.П. Павлова. – М. : РУСЛАЙНС, 2019.

13. Витушко, В.А. Гражданское право: учеб. пособие. – В 2 ч. – Ч.1. Минск: Белорус. наука, 2007.

14. Витушко, В.А. Гражданское право (в схемах и определениях): В 2 ч. – Ч. 1. – Учеб. пособие. – Минск : Амалфея, 2003.

## **ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА КАК МЕРА БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ**

**М.А Вишнякова**

*преподаватель кафедры трудового и социального права  
юридического факультета*

*Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

События 2020 года непосредственно повлияли на экономику России. В условиях пандемии одни работодатели вынуждены были либо отправлять своих работников в простой, либо расторгать с ними трудовые договоры, другие же, наоборот, наращивали производство. Экономический кризис показал, что стандартные схемы отношений между работником и работодателем уже не отвечают требованиям современного времени. На сегодняшний день российское трудовое право нуждается в пересмотре норм регулирования трудовых отношений. Приостановление трудового договора (трудовых правоотношений), возможно, станет способом, необходимым российскому трудовому законодательству с учетом современной экономической и правовой действительности.

В настоящее время приостановление трудового договора в российском трудовом праве используется для регулирования трудовых отношений спортсменов и служебных отношений государственных служащих.

Нормы о приостановлении служебного контракта содержатся в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (статья 37), Федеральном законе «О прокуратуре



Российской Федерации» [3] (статьей 43.1), Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» [4] (статьей 45).

Правовая сущность приостановления трудового договора (трудовых правоотношений) спортсменов определена в статье 348.4 Трудового Кодекса РФ [5].

Однако, заложенное законодателем в статье 348.4 ТК РФ, понимание приостановления трудового договора (трудовых правоотношений) является расширенным и не соответствует его действительной правовой природе.

Основоположником идеи выделения подинститута приостановления трудового договора был профессор Л.Ю. Бугров. Л.Ю. Бугров связывает с приостановлением действия трудового договора (трудового правоотношения) приостановление именно обязанности работодателя предоставлять работнику работу [1, с. 121-122]. Это объясняется юридической природой трудового договора, трудовых правоотношений – их полное приостановление невозможно. Определенные права и обязанности сторон, прямо предусмотренные трудовым договором или вытекающие из факта его заключения (о ведении кадровых документов, материальной ответственности сторон, неразглашении конфиденциальной информации и т.д.), всегда будут действующими, если нет прекращения трудового договора.

Приостановление действия трудового договора (трудового правоотношения) необходимо связывать с приостановлением обязанности работодателя предоставлять работнику работу, и с приостановлением последним выполнения его трудовой функции. Приостановление происходит как в отношении сторон, так и третьих лиц.

Приостановление действия трудового договора (трудового правоотношения) имеет временный характер, продолжается до устранения обстоятельств, явившихся основанием для приостановления.

Конструкция приостановления трудового договора (трудового правоотношения) предполагает определение для работников определенных гарантий на весь его период. Например: запрет увольнения работника по инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем); сохранение за работником его места работы (должности); сохранение права устроиться на работу к другому работодателю на условиях совместительства; включение в стаж, дающий право работнику на ежегодный основной оплачиваемый отпуск.

Приостановление трудового договора даст возможность осуществить временный перевод работника к другому работодателю, когда в одних организациях идет процесс увольнения работников, а в других – дефицит квалифицированного персонала. Работодатель, заинтересованный в возвращении работников, которым он сегодня не может предоставить работу, мог бы по согласованию с другим работодателем и с письменного согласия

работника перевести его к другому работодателю на срок, определяемый соглашением сторон.

Введение указанной нормы, безусловно, даст предпосылку к повышению гибкости и мобильности трудовых ресурсов, но необходимо изменить отношение к трудовым ресурсам со стороны работодателей.

### **Библиографический список**

1. Бугров, Л.Ю. Приостановление трудового договора // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 112-124.
2. СЗ РФ. – 2011. – № 49 (часть I). – Ст. 7020.
3. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
4. СЗ РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.
5. СЗ РФ. – 2002. – № 1 (Часть 1). – Ст. 3.

## **ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ПРАВА ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ НА ЗЕМЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

**И.В. Воронцовская**

*старший преподаватель кафедры международного права  
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»*

В данной научной работе региональная интеграция рассматривается как фактор развития национальной правовой системы в контексте интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Исследованию правового регулирования землепользования граждан посвящены научные труды И.А. Иконичкой, Ю.Г. Жарикова, Б.В. Ерофеева, Н.Г. Станкевич, Д.М. Демичева, О.А. Бакиновской, И.П. Манкевич, И.С. Шахрай и др. российских и белорусских правоведов.

Изучение и анализ результатов теоретических аспектов рассматриваемой проблемы дают основание полагать, что вопросы, касающиеся экономического аспекта правового регулирования права собственности и права пожизненного наследуемого владения граждан на землю, являются актуальными и вызывают интерес у многих исследователей, однако в настоящее время широкого освещения не получили.

Актуальность работы состоит в комплексном исследовании экономического аспекта права собственности и права пожизненного наследуемого владения на землю в Республике Беларусь с позиции государства в контексте региональной интеграции.

Земельные ресурсы имеют очень важное значение для экономики государства. Экономический аспект права собственности на земельные участки проявляется в порядке предоставления земельных участков в собственность. В

государствах, входящих в ЕАЭС [1] право собственности на землю может быть государственным и частным.

По нашему мнению, понятие экономического аспекта права собственности и права пожизненного наследуемого владения на землю с позиции публичных интересов в контексте региональной интеграции заключается в рациональном использовании земельных участков, приносящем прибыль экономике государства и в эффективном налогообложении земельных участков.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) гражданам Республики Беларусь земельные участки могут предоставляться на праве собственности, праве пожизненного наследуемого владения, праве аренды (субаренды), праве временного пользования [2].

В соответствии со статьей 12 КоЗ земельные участки могут предоставляться в частную собственность гражданам Республики Беларусь для:

- строительства и (или) обслуживания жилого дома;

- обслуживания зарегистрированной организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (далее – организация по государственной регистрации) квартиры в блокированном жилом доме, отделенной от других квартир вертикальной стеной и расположенной непосредственно на земельном участке (далее – квартира в блокированном жилом доме);

- ведения личного подсобного хозяйства в сельских населенных пунктах, поселках городского типа – зарегистрированным по месту жительства в этих населенных пунктах или в иных населенных пунктах, расположенных на территории соответствующего сельсовета;

- коллективного садоводства;

- дачного строительства.

В соответствии со статьей 14 КоЗ земельные участки могут предоставляться в пожизненное наследуемое владение гражданам Республики Беларусь:

- для строительства и обслуживания жилого дома – в случаях, установленных Президентом Республики Беларусь, когда земельные участки предоставляются без проведения аукциона;

- для обслуживания принадлежащих им на праве собственности или ином законном основании жилого дома, зарегистрированной организацией по государственной регистрации квартиры в блокированном жилом доме;

- для ведения личного подсобного хозяйства в сельских населенных пунктах, поселках городского типа – зарегистрированным по месту жительства в этих населенных пунктах или в иных населенных пунктах, расположенных на территории соответствующего сельсовета;

- для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства;

- для коллективного садоводства;

- для дачного строительства;

- для традиционных народных промыслов (ремесел) [2].

Таким образом, на сегодняшний день основания предоставления земельных участков гражданам в собственность и в пожизненное наследуемое владение в Республике Беларусь во многом дублируются, и с целью усовершенствования земельного законодательства требуется внести уточнения путем указания критериев предоставления земельных участков гражданам в собственность и в пожизненное наследуемое владение.

В Российской Федерации со вступлением в силу Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 года № 136-ФЗ (далее – Земельный кодекс) гражданам не предоставляются земельные участки на праве пожизненного наследуемого владения. Между тем, у лиц, получивших землю в пожизненно наследуемое владение еще до введения новых норм земельного права, то есть до вступления в действие российского Земельного кодекса, это право сохранилось до сих пор. Современное земельное законодательство Российской Федерации нацелено на постепенную ликвидацию из земельных правоотношений права пожизненного наследуемого владения [3].

Сравнительный анализ экономического аспекта права собственности и права пожизненного наследуемого владения на земельные участки показал следующее. Предоставление земельных участков на праве частной собственности соответствует экономическим интересам государства, привлекает денежные ресурсы в экономику страны. Право пожизненного наследуемого владения граждан отвечает в большей степени не экономическим, а социальным интересам общества, дает возможность доступа к земельным участкам различным слоям населения и, таким образом, помогает поддерживать баланс частных и публичных интересов.

В результате проведенного исследования нами было выявлено, что экономический аспект права собственности и права пожизненного наследуемого владения на земельные участки с позиции государства в контексте региональной интеграции заключается в рациональном использовании земельных участков, приносящем прибыль экономике государства и в эффективном налогообложении земельных участков.

### **Библиографический список**

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : 29 мая 2014 г. : в ред. от .1 окт. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г. № 425-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. от 24 окт. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Пожизненное наследуемое владение в собственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kadastr.ru/magazine/news/pozhiznennoe-nasleduemoe-vladenie-v-sobstvennost/>. – Дата доступа: 12.11.2020.

## **К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФОРМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

**А.Б. Габриянчик**

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса  
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»*

Одним из направлений развития института специальных знаний является формирование новых классификационных форм использования специальных знаний и их внедрение в гражданское и хозяйственное судопроизводство.

В качестве нового системообразующего критерия для классификации форм использования специальных знаний следует считать цель их использования. При определении целей института специальных знаний для использования его в судопроизводстве, необходимо отталкиваться от общей цели судопроизводства и его задач, закрепленных в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь [2] (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь [4] (далее – ХПК). В таком ракурсе очевидным является возможность использования специальных знаний для достижения таких целей (задач) как: получение доказательственной информации по делу; обеспечение полноты, объективности и своевременности рассмотрения дела; содействие примирению сторон.

Реализация такой цели института специальных знаний как содействие примирению сторон осуществляется посредством интеграции примирительных процедур. Примирители (в широком смысле слова, как участники примирительных процедур, содействующие сторонам в выработке взаимоприемлемого соглашения, либо обладающие правом вынесения рекомендательных или обязательных для сторон решений) в примирительных процедурах, интегрированных в судебную деятельность также обладают специальными знаниями (специальными по отношению к знаниям судей), необходимыми для урегулирования споров. Таким образом, примирительные процедуры могут быть отнесены к формам использования специальных знаний в цивилистическом процессе.

Процессуальное законодательство Республики Беларусь предоставляет возможность урегулировать спор (конфликт) посредством примирительной процедуры, урегулированной главой 17 ХПК, а также обращения к процедуре медиации. Реализация данных процедур предполагает участие независимого беспристрастного лица (медиатора, примирителя), обладающего специальной профессиональной подготовкой и компетенцией для урегулирования конфликта, что, по сути, представляет собой форму применения специальных

знаний в судопроизводстве. Однако, в отличие от медиации, имеющей внесудебный характер, примирительная процедура проводится в рамках возникшего хозяйственного процесса, что обуславливает особый процессуальный статус примирителя. Таким образом, процессуальное положение примирителя, функции, выполняемые им в судопроизводстве, комплекс знаний и умений, которыми он обладает, позволяют с уверенностью относить его к категории сведущих лиц.

ХПК определяет понятие примирительной процедуры через медиацию, которая представляет собой переговоры сторон с участием третьей нейтральной стороны в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Примирителем в хозяйственном процессе является лицо, назначенное экономическим судом для проведения переговоров между сторонами в рамках примирительной процедуры. Согласно ст. 156 ХПК примирителем может выступать лицо, занимающее государственную должность в экономическом суде, медиатор, а также иное лицо, обладающее квалификацией, необходимой для урегулирования спора.

Не вызывает сомнений, что для правильного и эффективного выполнения своих функций, примиритель, прежде всего, должен владеть специальными технологиями разрешения споров, быть сведущим в области психологии, конфликтологии, обладать навыками в сфере коммуникации, эффективного ведения переговоров и др. Таким образом, примиритель должен обладать определенными знаниями, техникой их применения и квалификацией для выполнения своих функций. Полученные примирителем знания и навыки их применения явно выходят за рамки профессиональных знаний судей, что позволяет считать эти знания и навыки специальными.

В целом процессуальное положение примирителя в хозяйственном судопроизводстве полностью соответствует признакам сведущих лиц: отсутствие какой-либо заинтересованности в исходе дела (разрешении спора), наличие специальных знаний и навыков их применения для урегулирования споров, особый порядок назначения (привлечения).

Наряду с примирительной процедурой в хозяйственном процессе, регламентируемой главой 17 ХПК, перспективным на наш взгляд, является внедрение в правовую систему Республики Беларусь предварительной независимой экспертной оценки как комбинированного способа альтернативного разрешения споров (далее – АРС).

Независимая экспертная оценка как способ АРС обладает вариативностью в зависимости от запросов сторон и может существовать как минимум в двух формах: установление привлеченным специалистом фактических обстоятельств дела либо оценка им норм права и правовых шансов сторон в сложившемся споре [1, с. 396; 3, с. 30]. Использование независимой экспертной оценки в мировой практике привело к еще большему разнообразию и выделению таких процедур как: предварительная нейтральная оценка (EarlyNeutralEvaluation), экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела (Fact-Finding),

экспертное определение (Expertdetermination), независимое разрешение (Adjudication) и др.

Следует отметить, что ряд международных организаций успешно внедрили предварительную независимую оценку в различных формах в свою деятельность. Так, Международная торговая палата, созданная в 1919 году, начиная с 1923 года, проводит посреднические (примирительные) процедуры в соответствии со специальным регламентом, который предоставляет сторонам возможность, в том числе, обратиться к нейтральному лицу для получения заключения по одному или более вопросам [5]. Всемирная организация интеллектуальной собственности в 2016 году приняла Правила ВОИС, касающиеся вынесения экспертного заключения, которые содержат подробное описание данной процедуры и порядок ее проведения [6].

Все указанные выше вариации независимой экспертной оценки объединены общими признаками.

Во-первых, нейтральный участник урегулирует спор, используя специальные знания как правового, так и технического и иного характера.

Во-вторых, указанные процедуры являются добровольными.

В-третьих, присутствует диспозитивность сторон при выборе эксперта.

В-четвертых, данная процедура является гибкой в зависимости от запроса сторон и может быть организована как вне суда, так и путем ее встраивания в судопроизводство.

В-пятых, процедура является конфиденциальной, а деятельность эксперта – вознаграждаемой.

Предварительную независимую экспертную оценку как примирительную процедуру следует относить к формам использования специальных знаний, поскольку проводящее ее лицо отвечает признакам сведущих лиц: обладает независимостью и беспристрастностью, специальными знаниями и компетенцией для урегулирования споров, особым процессуальным статусом.

Подводя итог, отметим следующие выводы:

1. при определении целей института специальных знаний для использования его в судопроизводстве, необходимо отталкиваться от общей цели судопроизводства и его задач, закрепленных в ГПК и ХПК. В таком ракурсе очевидным является возможность использования специальных знаний для достижения таких целей (задач) как получение доказательственной информации по делу, обеспечение полноты, объективности и своевременности рассмотрения дела, а также содействие примирению сторон;

2. определение содействия примирению сторон в качестве одной из целей судопроизводства и необходимость наличия у лица, осуществляющего функцию примирения, специальных познаний, позволяет рассматривать примирительные процедуры как самостоятельную форму использования специальных знаний в гражданском и хозяйственном судопроизводстве наряду с такими традиционными формами как проведение экспертизы и привлечение специалиста;

3. перспективным направлением совершенствования института примирительных процедур в правовой системе Республики Беларусь представляется возможность внедрения в гражданское и хозяйственное судопроизводство предварительной независимой экспертной оценки, которая может быть использована в различных видах: предварительная нейтральная оценка (EarlyNeutralEvaluation), экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела (Fact-Finding), экспертное определение (Expertdetermination), независимое разрешение (Adjudication) и др.

### **Библиографический список**

1. Альтернативное разрешение споров : учеб. / под ред. Е. А. Борисовой. – М. : Издательский Дом «Городец», 2019. – 416 с.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З: в ред. ЗаконаРесп. Беларусь от 17 июля 2020 г. № 45-З[Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Здрок, О.Н. Медиация : пособие / О. Н. Здрок. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 540 с.
4. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г. : одобр. СоветомРесп. 26 ноября 1998 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Dispute resolution services [Electronic resource] / – Mode of access: <https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/docdex/docdex-expert/>. – Date of access: 30/10/2020.
6. Expert determination [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.wipo.int/amc/en/expert-determination/rules/>. – Date of access: 30/10/2020.

## **ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ПРАВА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ**

**Ю.П. Гаврильченко**

*профессор кафедры финансового права и правового регулирования  
хозяйственной деятельности*

*Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор*

Цифровизация общественных отношений обуславливает стремительное развитие информационного права, при этом все более актуальными становятся вопросы правового обеспечения безопасности информационной среды. Число вредоносных объектов, которые обнаруживаются в сети ежегодно, исчисляется миллиардами, их распространение ведется более чем 100 миллионами интернет



адресов, и эти показатели ежегодно увеличиваются не менее, чем на 40% [1, с. 22]. При этом все чаще используются сложные элементы нападения, особую опасность составляют угрозы мобильным устройствам, которые ранее редко подвергались атакам. В литературе высказывается мнение о финансировании нападений в области киберпространства со стороны государственных органов некоторых стран [2, с. 30].

Несмотря на существующие проблемы, категория кибербезопасности остается одной из самых слабо разработанных в отечественной и зарубежной науке, в том числе правовой. По поводу ключевых понятий данной сферы отсутствует единообразие подходов.

В общем виде кибернетика (от греч. – «искусство управления») может быть определена наука об управлении, связи и переработке информации. К предметной области кибернетики относятся не только информационные, как полагают некоторые авторы [3, с. 99], но и телекоммуникационные технологии. При этом управление подразумевает не наличие прямолинейных команд, а формирование и передачу таких сигналов, которые способны обеспечить стабильное развитие и устойчивость к возникающим угрозам.

Представляется ошибочной негативная конструкция определения кибербезопасности, согласно которой кибербезопасность предполагает защиту от максимального количества угроз. Данный термин целесообразнее определять в позитивном аспекте как обеспечение благоприятной среды для правомерной и успешной работы пользователей и систем в киберпространстве.

Некоторые авторы рассматривают кибербезопасность исключительно на уровне деятельности организации, полагая, что «основной целью кибербезопасности является упрощение программ, управляющих киберрисками, чтобы любая фирма могла позволить внедрить ее у себя» [4, с. 64]. Однако более обоснованно говорить о существовании разных уровней кибербезопасности: индивидуального [см., напр.: 5], коллективного (в том числе на уровне субъектов хозяйствования), государственного.

Международный стандарт ИСО/МЭК 27032:2012 Руководящие указания по кибербезопасности (ISO/ IEC 27032:2012 Information technology - Security techniques - Guidelines for cybersecurity) исходит из того, что киберпространство - сложная среда, не существующая ни в какой физической форме, возникающая в результате взаимодействия людей, ПО, интернет сервисов посредством технологических устройств и сетевых связей. Это высказывание может быть признано справедливым, но с оговоркой. Данная среда, рассматриваемая как в статическом (информация в ее цифровом представлении), так и динамическом понимании (информационное взаимодействие, специфическая деятельность), способна функционировать только при существовании соответствующего физического обеспечения (техническая инфраструктура, сами технологии, программное обеспечение, с помощью которых осуществляется реализация основных действий с информацией).

Технологическое обеспечение становится важнейшим условием создания безопасности киберсреды. В литературе отмечается, что уже в ближайшее время зависимость от иностранных производителей оборудования и разработчиков программного обеспечения может достигнуть критического уровня, поставив под угрозу саму возможность обеспечения кибербезопасности [2, с. 31]. В частности, власти Китая, несмотря на успехи в создании «Золотого щита» (Великий китайский файрвол), признали зависимость и незащищенность вследствие повсеместного использования программной платформы для мобильных устройств Android, основанной на «открытом» коде, но, как предполагается, подконтрольной специальным службам США [6, с. 131-132].

В подавляющем большинстве государств сложилась ситуация, при которой на каждом из участков информационно-коммуникационной инфраструктуры (чипы, схемотехника и т.п.) с высокой долей вероятности используются зарубежные решения с недостаточно изученной начинкой. Это явление оказывает положительное влияние на развитие экономики, ускоряя и удешевляя процессы, но создаёт угрозу национальной безопасности.

В литературе отмечается, что на постсоветском пространстве для понимания кибербезопасности, как правило, используют более широкое понятие информационной безопасности, под которым понимают состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства в информационной сфере от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие. При этом на Западе используют термин «кибербезопасность», под которым понимают надежность, устойчивость и неприкосновенность компьютерных сетей [7, с. 367]. Полагаем, такое жесткое разделение и чрезвычайно узкий подход к кибербезопасности утратили свою актуальность.

В 2000 г. Всекитайским собранием народных представителей была предпринята попытка определить классификацию возможных правонарушений в информационной сфере (постановление ВСНП по защите интернет-пространства). В результате выделены области, в которых могут осуществляться нарушения: экономическая, образовательная, сфера поддержания общественной стабильности и защиты граждан. Позднее известная британская компания составила рейтинг стран по уровню кибербезопасности, оценив не только традиционные показатели вроде процента зараженных вирусами устройств, но и такое важное условие, как своевременные изменения законодательства в данной области. Таким образом, кибербезопасность обретает все новые грани и аспекты.

В данном контексте нужно понимать, что конструктивные изменения законодательства обеспечивают защиту не только от киберпреступлений, но и от других киберугроз. В частности, в литературе исследуются такие новые угрозы, как кибертерроризм, сетевая война, кибервойна [8].

Характерной особенностью кибертерроризма и его отличием от киберпреступности называются его масштаб, интенсивность, открытость и

последствия. В условиях разных подходов государств к вопросам кибербезопасности, а также использования киберпространства для продвижения политических интересов все более актуальными становятся проблемы кибервойн. «Почти сразу же после своего возникновения киберпространство превратилось в пятое (после земли, моря, воздуха и космоса) поле битвы различных политических и военных сил и продолжает оставаться таковым» [9, с. 152]. На февральской Мюнхенской конференции по безопасности 2018 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш призвал мировое сообщество приступить к серьезному обсуждению международного юридического режима, связанного с кибервойнами.

В условиях подобного противодействия все острее поднимается вопрос о защите киберсуверенитета. В 2015 г. в г. Учжэне на международной конференции по развитию Интернета Си Цзиньпин заявил, что Китай будет отстаивать свои национальные интересы в Интернете и не потерпит компромисса в вопросах обеспечения киберсуверенитета КНР.

Таким образом, концепция кибербезопасности разрастается, захватывая все новые аспекты социального взаимодействия. Это порождает необходимость исследования и детализации множества категорий и терминов, поскольку данный вопрос нуждается в самой серьезной и всесторонней проработке с учетом современных реалий.

### **Библиографический список**

1. Безкоровайный, М.М., Татузов, А.Л. Кибербезопасность – подходы к определению / М.М. Безкоровайный, А.Л. Татузов// Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1. – С. 22-27.
2. Згоба, А.И., Маркелов, Д.В., Смирнов, П.В. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения / А.И. Згоба и др. // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 5(8). – С. 30-38.
3. Томилов, И.О., Грицкевич, Е.В. Анализ актуальных киберугроз и средств защиты от них / И.О. Томилов, Е.В. Грицкевич// ИнтерэкспоГеоСибирь. – 2018. – С. 99-105.
4. Сафонова, М.Ф., Ципляева, С.А. Кибербезопасность: проблемы и решения / М.Ф. Сафонова, С.А. Ципляева// Естественно-гуманитарные исследования. – 2019. – № 24 (2). – С. 63-68.
5. Гольчевский, Ю.В., Некрасов, А.Н. К вопросу о кибербезопасности интернет-пользователей/ Ю.В. Гольчевский, А.Н. Некрасов // Известия ТулГУ, Технические науки, 2013.–Вып. 3. – С. 253-261.
6. Сейранова, С.Н. Киберугрозы как серьезный вызов национальной безопасности КНР / С.Н. Сейранова// Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – С. 131-136.
7. Ищанова, Р.К. Обеспечение кибербезопасности / Р.К. Ищанова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – С. 367-368.

8. Булай, Ю.Г., Булай, Р.И. Профилактика и противодействие киберпреступности, а также международным киберугрозам/ Ю.Г. Булай, Р.И. Булай// Академическая мысль. –2017.– № 1. – С. 31-35.

9. Кардава, Н.В. Киберпространство как новая политическая реальность: вызовы и ответ / Н.В. Кардава // История и современность. – 2018. –№ 2. – С. 152-166.

## **ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ МЕДИАТОРА**

**Д.В. Гапоненко**

*младший научный сотрудник*

*Национального центра законодательства и правовых исследований  
Республики Беларусь*

Процедура медиации, будучи эффективным способом урегулирования правовых конфликтов, притягивает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. При этом востребованность данной процедуры в большинстве случаев напрямую зависит от степени реализации ее принципов, служащих основой оценки достижения социально значимых результатов.

Среди основополагающих принципов процедуры медиации законодатель Республики Беларусь выделяет принцип добросовестности, получивший отражение в положениях Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации), Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 года № 1150 «Об утверждении правил проведения медиации» (далее – Правила проведения медиации) и Постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 года № 15 «Об утверждении правил этики медиатора» (далее – Правила этики медиатора).

Обращаясь к трактовке термина «добросовестность», следует привести определение, отраженное в Юридическом словаре Блэка (Black's Law Dictionary), согласно которому добросовестность есть состояние ума, состоящая в честности в убеждениях или целях, верности своему долгу или обязательству, соблюдении разумных коммерческих стандартов добросовестности в торговле или бизнесе, или отсутствии намерения обманывать или искать недобросовестную выгоду [1, с. 307].

Среди явных нюансов национального правового регулирования медиативных отношений в контексте принципа добросовестности следует упомянуть о разрозненности положений правовых актов относительно субъектного состава. Так, согласно положениям ст. 3 Закона о медиации принцип добросовестности применим лишь в отношении сторон анализируемой процедуры, при этом п. 5 гл.1 Правил проведения медиации, п. 4 и п. 6 гл. 2 Правил этики медиатора относят принцип добросовестности к поведению и сторон процедуры, и медиатора [2; 3; 4].

Необходимость установления принципа добросовестности применительно как к сторонам медиации, так и медиатору продиктована вполне реальной возможностью присутствия факта поиска недобросовестной выгоды от каждой из сторон, что окажет негативное влияние на конечный результат процедуры – урегулирование правового конфликта.

Также следует подчеркнуть особую роль нравственно-этических норм именно в деятельности медиаторов. Учитывая данный нюанс представителями некоммерческого партнерства «Национальная организация медиаторов» в 2012 г. был подготовлен проект Кодекса медиаторов России, размещенный в сети Интернет для общественного обсуждения [5].

Принцип добросовестности медиатора в контексте проекта данного Кодекса был изложен в качестве стремления медиатора действовать как на стадии подготовки к процедуре, так и непосредственно при ее проведении к тщательному соблюдению правил, принципов и норм, установленных Кодексом, а также обязанность уделить требуемые для эффективного проведения процедуры время, силы и внимание, при этом избегая оценочных, грубых и резких суждений (п. 3.6 Кодекса медиаторов России) [5].

На основании вышеизложенного считаем обоснованным закрепить принцип добросовестности как в отношении сторон процедуры медиации, так и медиатора. При этом, целесообразно из положений п. 6 гл. 2 Правил этики медиатора исключить термин «добросовестности», поскольку речь в данной норме идет лишь о сущности принципа беспристрастности. Принцип добросовестности медиатора закрепить в положениях того же п. 6 гл. 2 Правил этики медиатора в следующей формулировке: «Принцип добросовестности медиатора заключается в участии медиатора в переговорах сторон в целях содействия предупреждению или урегулированию спора (конфликта) сторон с должной тщательностью, внимательностью, оперативностью и надлежащим использованием своих способностей. Указанная формулировка будет соответствовать закреплённой в п. 12.6 гл. 3 Правил этики медиатора обязанности медиатора проявлять добросовестное отношение к исполнению своих обязанностей, обязательность и пунктуальность, обеспечивать оптимальную организацию своего труда.

### **Библиографический список**

1. Black's Law Dictionary : 2d pocket ed. - St, Paul, Minn. – 2001. – 796 p.
2. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Об утверждении Правил проведения медиации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 2013 г., № 1150 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Об утверждении Правил этики медиатора [Электронный ресурс] : постановление Министерства Юстиции Респ. Беларусь, 17 янв. 2014 г., № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Кодекс медиаторов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedim.ru/pravovye-akty/kodeks-mediatorov-rossii/>. – Дата доступа: 10.11.2020.

## **ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ МЕЖДУ УСЫНОВИТЕЛЕМ И УСЫНОВЛЕННЫМ**

**В.Г. Говзич**

*доцент кафедры бухгалтерского учета, экономики и права  
Института повышения квалификации и переподготовки  
экономических кадров  
Белорусского государственного экономического университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

**И.С. Тибец**

*преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

Общепризнанно, что усыновление относится к приоритетным формам семейного воспитания детей, лишившихся родительского попечения. Восполняя отсутствие собственных детей, усыновление укрепляет семью бездетных супругов. С другой стороны, ребенок получает все положительное, что даёт семья для формирования личности. Происходит гармоничное сочетание интересов ребенка, усыновителя и общества в целом [1, с. 211].

Семья является уникальной социальной общностью, в наибольшей степени приспособленной к биопсихическим особенностям человека, где при благоприятно складывающихся отношениях реализуются все его потребности [2, с. 38].

Усыновление представляет собой сложный юридический акт. В нем находят отражение воля лиц, выразивших желание усыновить ребенка, родителей, давших согласие на усыновление своего ребенка, самого ребенка, достигшего 10-летнего возраста, и других лиц, установленных законом, а также воля государства, выраженная в решении суда [4, с. 15]

Таким образом, решение суда об установлении усыновления является снованием возникновения прав и обязанностей между усыновителем и усыновленным. Одновременно в результате принятия судебного решения прекращаются ранее существовавшие правоотношения ребенка с его биологическими родителями и их родственниками. Акт усыновления порождает определенные правовые последствия, создает юридическое

состояние и направлен на регулирование отношений между усыновителем и усыновленным.

С этим утверждением можно согласиться, имея в виду, что усыновление является наиболее предпочтительной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Но способов защиты семейных прав и интересов существует достаточно много, и в этой связи нельзя раскрывать сущность усыновления только как способ защиты прав и интересов, осуществляемый судом.

О понятии усыновления можно говорить в следующих смыслах: 1) усыновление - форма воспитания детей в семье усыновителя, при которой обеспечиваются условия жизни, равные с условиями жизни родных детей. В этом понятии акцентируется внимание на конечной цели - обеспечение ребенку в чужой семье условий, отвечающих той бытовой, психологической, духовной близости, которая существует в родных семьях; 2) усыновление как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, - это способ определения юридической судьбы ребенка посредством деятельности государственных, муниципальных органов власти, а также суда, направленный на его устройство в семью усыновителей для воспитания; 3) усыновление - юридический факт, устанавливаемый в судебном порядке и порождающий возникновение комплекса правоотношений, аналогичных по содержанию с родительскими [3, с. 38].

Спорным остается вопрос и о правовой природе отношений между усыновителем и усыновленным. В разное время учеными высказывались различные мнения относительно характера отношений, возникающих между усыновителем и усыновленным. Ряд ученых придерживается мнения, что отношения между усыновителем и усыновленным равнозначны отношениям между родителями и детьми.

Эти отношения, несмотря на чисто юридический способ их установления, представляют собой с социальной точки зрения подлинно семейно-родственные отношения (родительские) [3, с. 11].

Однако если права и обязанности усыновителей практически идентичны родительским, то фактические отношения, возникающие в процессе усыновления, не всегда напоминают родительские. В тех случаях, когда ребенок считает усыновителей своими родителями, их отношения не отличаются от родственных. Если ребенок знает о том, что усыновители не его родители, фактические отношения между ними могут быть несколько иными" [4, с. 288].

В основе данной позиции лежит идея того, что родительское правоотношение основывается на происхождении одного лица от другого, т.е. возникают отношения родства.

Родительское правоотношение основывается на биологической связи между людьми, происходящими один от другого или от общего предка.

Родство как юридический акт всегда имеет естественное биологическое происхождение, характеризующееся общностью крови [5, с. 16].

Пробелы в белорусском законодательстве имеют свою позицию следующим образом. Родительское правоотношение отличается от отношений усыновления по основаниям и моменту возникновения, по основаниям прекращения, по порядку восстановления в правах. Эти правоотношения оформляются разными документами. Кроме того, при принятии решения об установлении усыновления в качестве одного из условий усыновления предусмотрена разница в возрасте между усыновителем и усыновленным, в законодательстве закрепляется норма о тайне усыновления [5].

Действительно существуют различия между отношениями кровных родителей и детей и отношениями, складывающимися при усыновлении. Отмена усыновления снимает запрет на заключение брака между усыновителем и усыновленным. Лишение же родителей в отношении детей родительских прав такое ограничение не отменяет. Различны и основания для лишения родителей родительских прав и отмены усыновления. Усыновление может быть отменено и при отсутствии вины усыновителей. Отмена усыновления прекращает право наследования между усыновителем и усыновленным. Лишение же родителей родительских прав осуществляется судом только при наличии виновного поведения родителей. Право наследования детей после родителей, лишенных родительских прав, сохраняется.

Родители в отношении иных детей (в том числе рожденных, после лишения родительских прав в отношении конкретного ребенка) наделяются всей полнотой родительских прав и обязанностей. Существование таких различий вполне оправдано, что объясняется разными основаниями возникновения и прекращения соответствующих отношений. Однако права и обязанности, признаваемые законом за кровными родителями, в полном объеме закрепляются за усыновителями.

Следовательно, родительское правоотношение может и не основываться на факте кровного родства. В целях обоснования данной позиции необходимо провести исследование понятия правоотношения. Право регулирует общественные отношения, воздействуя на них и преобразуя их. Именно результат преобразования общественного отношения в юридическое и получил название правоотношения. На определенном этапе развития юридической мысли правоотношение стало рассматриваться как единственная форма реализации правовых норм. В науке отсутствует единство мнений о понятии правоотношения. В литературе были предприняты попытки выработать научные концепции, позволяющие решить данную проблему.

Итак значит, правоотношение, будучи правовой формой поведения участников фактических отношений, имеет и правовое содержание. Для того, чтобы определить схожесть или различие правовых отношений, возникающих при кровном родстве и в связи с усыновлением, необходимо проанализировать их с точки зрения структуры правоотношения, определить элементы и



содержание каждого из них. Субъектами родительского правоотношения выступают, как правило, лица, связанные между собой кровно-родственными отношениями, основываясь на биологическом происхождении ребенка от определенных мужчины и женщины.

Субъектами отношения по усыновлению, как правило, становятся лица, не связанные друг с другом кровно-родственными отношениями. Хотя закон не исключает возможности усыновления детей, оставшихся без попечения родителей, их родственниками по крови (братьями, сестрами, бабушками, дедушками, тетями, дядями и т.п.). Объектами отношений как родительских, так и отношений, возникающих при усыновлении, являются действия и имущество. Наиболее распространенными объектами семейных отношений выступают действия как результат сознательной деятельности людей. В зависимости от их объективного проявления действия в семейном праве принято подразделять на положительные (например, присвоение имени ребенку, предоставление средств на его содержание), в форме воздержания (например, родители не должны злоупотреблять своими родительскими правами, лица, которым известно об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления).

Из этого следует, что объем личных неимущественных и имущественных прав, которыми наделяются кровные родители и дети в отношениях между собой тождественен тому объему аналогичных прав и обязанностей, которые возникают у усыновителей и усыновленных в силу факта установления усыновления. Данное положение кодекса свидетельствует о том, что содержание родительского и усыновительского правоотношения полностью совпадают в силу прямого указания закона.

Таким образом, исследование правовой природы родительских и усыновительских отношений, позволяют сделать вывод об их тождественности в части содержания возникающих правоотношений. Остальные элементы, характеризующие соответствующие правоотношения, имеют как сходство, так и существенные различия.

### **Библиографический список**

1. Нечаева, А.М. Комментарий судебной практики по применению семейного законодательства. – М.: Изд-во Эксмо, 2017.
2. Паршукова, К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 2.
3. Нечаева, А.М. Охрана детей-сирот в России: История и современность. – М., 2012.
4. Рязанцев, В.В. Правоотношения усыновления в российском семейном праве. Монография. – М., 2001.

## ПРИМЕРНЫЕ И ТИПОВЫЕ ДОГОВОРЫ КАК СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**В.Н. Годунов**

*директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции  
Белорусского государственного университета»,  
доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный работник образования Республики Беларусь*

Действующее гражданское законодательство Республики Беларусь закрепляет принцип свободы договора. В ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 года (далее – ГК) этот принцип отнесен к основным началам гражданского законодательства и сформулирован следующим образом: «Граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством». Данное положение предусмотрено и в ст. 391 ГК «Свобода договора».

В качестве одного из элементов свобода договора включает определение содержания договора по соглашению сторон.

По общему правилу, условия договора определяются по усмотрению сторон. В ст. 2 ГК записано, что участники гражданских правоотношений свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Реализуя свое право определять содержание договора, стороны формулируют соответствующие условия заключаемого договора.

Вместе с тем стороны вправе предусмотреть в договоре, что его отдельные условия определяются примерными условиями, разработанными для договоров этого вида и опубликованными в печати. Указанные примерные условия могут быть изложены в форме примерного договора или иного документа, содержащего эти условия (ст. 397 ГК).

Исходя из данной нормы, имеет место определенная практика утверждения уполномоченными государственными органами соответствующих примерных договоров. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 июля 2005 года № 779 утверждена примерная форма договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, постановлением от 24 сентября 2008 года № 1408 определена примерная форма договора найма жилого помещения частного жилищного фонда организаций и т.д.

Возникает вопрос о правовой природе таких актов.

Согласно Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 года. «О нормативных правовых актах» (ст. 2) нормативный правовой акт – это официальный документ установленной формы, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным лицом) в пределах его компетенции или референдумом с соблюдением предусмотренной законодательством

процедуры, который направлен на установление, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально не определенный круг лиц и неоднократное применение.

Примерные договоры носят рекомендательный характер. Условия этих договоров становятся обязательными для сторон в случае их непосредственного включения в договор или отсылки к ним в конкретном договоре.

Следует сделать вывод, что акты, которыми утверждаются примерные договоры, это нормативные правовые акты, содержащие рекомендательные нормы. Издавая такой акт, государственный орган исходит из того, что утверждаемый примерный договор будет применяться участниками договорных отношений при заключении конкретного договора как модель или образец.

По сравнению с практикой утверждения примерных договоров в Республике Беларусь гораздо более широкое распространение получило утверждение типовых договоров.

Возможность таких договоров предусмотрена в п. 4 ст. 396 ГК. В случаях, предусмотренных законодательными актами, Правительство Республики Беларусь может издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров ( типовые договоры, положения и т.п.), если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Например, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2014 года. № 1064 утверждена типовая форма договора оказания туристических услуг.

Однако утверждение типовых договоров вышло далеко за пределы договоров, относящихся к публичным договорам. Возьмем для примера жилищные отношения. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 марта 2013 года № 193 утвержден типовой договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда, постановлением от 5 апреля 2013 года № 269 – типовой договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии, постановлением от 31 декабря 2014 года № 1297 – типовой договор найма арендного жилья, постановлением от 24 сентября 2008 года № 1408 – типовой договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда, постановлением от 27 декабря 2006 года № 1733 в редакции постановления от 8 мая 2013 года № 356 – типовой договор найма жилого помещения (части жилого помещения), принадлежащего обязанным лицам на праве собственности.

В пункте 1 ст. 21 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» предусматривается типовой утверждаемый нормативный правовой акт как нормативный правовой акт, определяющий

единые подходы к правовому регулированию определенной группы общественных отношений.

В отличие от примерных договоров условия типовых договоров обязательны для сторон конкретного договора. Стороны вправе включить в договор дополнительные условия к предусмотренным в типовом договоре, если они не противоречат законодательству.

Договоры, по которым утверждена типовая форма, по сути становятся договорами присоединения, когда условия договора определяются одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (ст. 398 ГК). Разница в том, что в данном случае условия договора определяются уполномоченным органом в типовой форме.

Такой подход находит отражение и в законодательстве. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 9 октября 2017 года № 365 «О развитии агроэкотуризма» (п. 6) договоры на оказание услуг в сфере агроэкотуризма между субъектами агроэкотуризма и агроэкотуристами заключаются путем принятия агроэкотуристом условий, предусмотренных субъектом агроэкотуризма в договоре (договор присоединения). Типовой договор на оказание услуг в сфере агроэкотуризма утверждается Советом Министров Республики Беларусь. Такой типовой договор утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июня 2006 года № 818 в редакции постановления от 26 декабря 2017 года № 1003.

По нашему мнению, при утверждении типовых форм в отношении договоров, не являющихся публичными, следует учитывать, что это ограничивает принцип свободы договора.

Применительно к утверждению примерных или типовых договоров необходимо также обратить внимание на следующий момент. В нормативном акте не всегда указывается характер формы договора – рекомендательный или обязательный. Приведем постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2006 г. № 1191 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 4 августа 2006 г. № 497», которым утверждены, как сказано в постановлении, «прилагаемые формы»: договора найма жилого помещения частного жилищного фонда граждан; договора аренды (субаренды) нежилых помещений; договора аренды жилого помещения частного жилищного фонда граждан; договора аренды (субаренды) машино-места. Полагаем, что при издании таких нормативных правовых актов должна быть определенность в степени их обязательности.

# **КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОСТИ**

**М.Г. Головенчик**

*преподаватель УО «Юридический колледж  
Белорусского государственного университета»*

Последние несколько десятилетий отмечаются глобальным прорывом в области развития информационных и телекоммуникационных технологий. Весь этот процесс, получивший в литературе ёмкое понятие «цифровизация» [1], направлен на упорядочение производственных операций, облегчение взаимодействия между участниками социальных и правовых отношений, а в целом – на разработку и унификацию единых алгоритмов, посредством которых вся окружающая нас информация подлежит переводу в бинарный код, который впоследствии становится легко читаемым современными техническими устройствами.

Вместе с тем, вся история развития человеческой цивилизации показывает, что любое научно-техническое достижение, решение, изобретение и проч. могут использоваться не только на пользу обществу, но и во вред ему. Не являются исключением и разработки в области информационных технологий. В то время как одни члены общества получают удовлетворение от использования всех благ современного технического прогресса, другие используют эти же блага для достижения совсем иных – преступных целей. Примеров совершения противоправных деяний, сопряженных с использованием современных средств коммуникации и связи, более чем достаточно: мошенническое завладение денежными средствами путем неправомерного получения удаленного доступа к ним, противоправное использование сведений составляющих личную тайну граждан, саботаж нормальной работы государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и проч. На одном из последних заседаний коллегии Следственного комитета Республики Беларусь было отмечено, что только за последний отчетный год относительный показатель преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники и направленных против информационной безопасности, увеличился в два раза и превысил 12%. В этой связи совершенствование работы по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий было определено главой Следственного комитета Республики Беларусь в качестве приоритетного направления в деятельности данного органа на 2020 год [2].

Несмотря на значительность угрозы киберпреступности и ее распространенность по всему миру, вплоть до настоящего времени ученым не удалось выработать четкого представления о том, что необходимо считать киберпреступлением. На сегодняшний день на страницах специальной литературы можно обнаружить лишь попытки выявить и обосновать те или иные признаки такого преступного деяния, а существующие нормативные документы чаще всего идут по пути формирования некоторого списка

противоправных деяний, которые надлежит квалифицировать таким образом. Так, по мнению белорусских ученых В.В. Белокопытова и В.М. Филиппенкова киберпреступлением следует считать «вид правонарушения, непосредственно связанного с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, включающий в себя распространение вирусов, нелегальную загрузку файлов, кражу персональной информации, например, информации по банковским счетам». К киберпреступлениям, с точки зрения указанных авторов необходимо относить только такие противоправные деяния, «в которых ведущую роль играют компьютер или компьютерная сеть» [3].

Несмотря на, в целом, верную попытку обозначить круг деяний, характеризующихся как киберпреступность, подобное определение не содержит всех необходимых признаков, по которым то или иное преступление следует относить к разряду киберпреступлений. Это прослеживается уже в том, что понятия «использование компьютера» и «использование компьютерных технологий» на сегодняшний день уже нельзя рассматривать как тождественные. Так, И.Г. Чекунов справедливо обращает внимание на то, что современные гаджеты являются достаточным средством для того, чтобы совершить киберпреступление через телекоммуникационные системы и сети [4, с. 54]. Понятие «компьютер» сегодня не должно ограничиваться привычным пониманием его как набора взаимосвязанных элементов (системный блок, клавиатура, монитор и т.д.), а вывод о признании того или иного устройства компьютером должен делаться исходя из тех функциональных возможностей, которые данное устройство предоставляет его обладателю. В частности, к такому функционалу следует отнести возможность подключения к телекоммуникационным сетям и осуществление там действий, связанных с размещением, получением или модификацией информации.

Кроме того, принципиально значимым является вопрос о режиме совершения противоправного деяния – «online» или «offline». В зависимости от ответа на данный вопрос необходимо осуществлять следующую градацию преступлений рассматриваемой группы – противоправные деяния, совершенные «offline» следует квалифицировать как компьютерные преступления, но в то же время к числу киберпреступлений их относить нельзя. На этом основании нужно сделать вывод о том, что компьютерные преступления и киберпреступления следует соотносить как целое и часть – киберпреступления являются составной частью компьютерных преступлений, но не ограничивают последние [5, с. 43].

Также в число признаков киберпреступления следует включить характеристику элементов субъективной стороны, поскольку такие преступления могут быть совершены только умышленно. При этом представляется, что умысел лица может быть как прямым, так и косвенным. Так, преследуя цель завладения чужим имуществом, виновное лицо через глобальную сеть Интернет проникает в базу данных коммерческого банка, где, посредством видоизменения хранящейся там информации, «перечисляет» на

интересующий его счет денежную сумму. Виновный действует с прямым умыслом, осознавая общественно опасный характер своего деяния, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая наступления таких последствий. В ином случае виновный модифицирует компьютерную информацию о движении поездов, что приводит к коллапсу на определенном транспортном узле. В подобной ситуации виновный осознает общественную опасность своего деяния, выразившегося в неправомерном доступе к компьютерной информации и ее модификации, предвидит возможные последствия и безразлично относится к наступлению любого их вида.

Таким образом, к числу признаков киберпреступления следует отнести: 1) использование информационно-коммуникационных технологий как средства совершения преступления; 2) модификация цифровой информации в режиме «online»; 3) наличие умысла на совершение противоправного деяния. Исходя из этих признаков, представляется возможным сформулировать следующее определение киберпреступления – это умышленное дистанционное посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения, совершенное посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. Также следует отметить, что одним из важных криминологическо-криминалистических признаков киберпреступления является его трансграничный характер. Изменяя цифровую информацию, лицо, находясь в одной точке земного шара, может причинить вред охраняемому объекту, находящемуся под защитой внутреннего законодательства иного государства. В этой связи для должного противодействия распространению киберпреступности требуются совместные усилия государств.

Характеризуя межгосударственные усилия, направленные на борьбу с проявлениями трансграничной киберпреступности, следует отметить, что на сегодняшний день большинство мировых держав понимают опасность этого явления и предпринимают определенные шаги к тому, чтобы противостоять ей. Вместе с тем, нельзя не отметить, что, во-первых, вплоть до настоящего времени не было разработано единого международного документа, посвященного данной проблеме – все существующие международные соглашения в этой области носят лишь региональный характер. Во-вторых, даже имеющиеся дву- и многосторонние соглашения, распространяющие свое действие на определенный регион, как правило, существенно отстают в своем правовом регулировании от стремительно развивающегося технического прогресса. Внесение же соответствующих изменений и дополнений требует прохождения значительных бюрократических процедур, что подчас нивелирует актуальность правовых документов. Достаточно отметить, что в сентябре 2018 года было подписано Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий [6]. Вместе с тем, потребовалось около полутора лет для того, чтобы Соглашение вступило в законную силу. В соответствии с нормами

Соглашения государства-участники должны были провести внутренние процедуры, предусмотренные их национальным законодательством, направленные на имплементацию норм Соглашения во внутригосударственное законодательство. Однако третий необходимый участник Соглашения, выполнивший условие по извещению депозитария о прохождении имплементационной процедуры, сделал это только в феврале 2020 года, после чего потребовался еще месяц для того, чтобы Соглашение обрело свой надлежащий юридический статус.

Таким образом, для успешной борьбы с международной киберпреступностью, которую, без сомнения, можно отнести к числу глобальных проблем современности, требуется, во-первых, унификация подходов к пониманию самой сущности этого явления, во-вторых, активизация усилий всех, без исключения государств, направленных на оперативную модернизацию внутреннего законодательства и разработку глобального международного соглашения, нормы которого регулировали бы складывающиеся отношения в рассматриваемой сфере.

### **Библиографический список**

1. Цифровизация, промышленный интернет вещей и Индустрия 4.0. Кратко // Газпром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/menedzhment/142438-tsifrovizatsiya-promyshlennyy-internet-veshchey-i-industriya-4-0-kratko/>. – Дата доступа: 08.11.2020.
2. Год борьбы с киберпреступлениями. На заседании коллегии Следственного комитета поставлены задачи на 2020 год // Следственный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/god-borby-s-kiberprestuplenijami-na-zasedanii-kollegii-sledstvennogo-komiteta-postavleny-zadachi-na-2020-god-8809/>. – Дата доступа: 08.11.2020.
3. Белокопытов, В.В. Особенности совершения и предупреждения киберпреступлений / В.В. Белокопытов, В.М. Филиппенков // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск: ЮрСпектр, 2020.
4. Чекунов, И.Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности / И.Г. Чекунов // Российский следователь. – 2014. – № 18. – С. 53-56.
5. Бытко, С.Ю. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий: Дис. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Бытко. – Саратов, 2002. – 204 с.
6. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (Заключено в г. Душанбе 28.09.2018) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 01.08.2019. – 3/3682.



# **ПРАВОВОЙ СТАТУС НАНИМАТЕЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВЫХ КОДЕКСОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

**А.А. Греченков**

*профессор кафедры гражданского и трудового права  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Для обозначения «работодательского» субъекта трудовых отношений (стороны трудового договора) в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) и трудовых кодексах других государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ТК государств – членов ЕАЭС) используется различная терминология.

Так, в ТК Беларуси используется термин «наниматель». Согласно абз. 7 ч. 1 ст. 1 ТК наниматель – юридическое или физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником. Таким образом, ТК Беларуси, во-первых, различает две категории нанимателей – юридическое лицо или физическое лицо; во-вторых, признает нанимателем лицо, наделенное законодательством правом заключения и прекращения трудового договора с работником, а не лицо, фактически состоящее в трудовых отношениях с работником на основании заключенного трудового договора; в-третьих, связывает «работодательские» полномочия нанимателя только с правом заключения и прекращения трудового договора с работником, не указывая при этом право нанимателя изменять трудовой договор, которое непосредственно вытекает из содержания гл. 3 ТК «Изменение трудового договора» и связывается с такими понятиями, как перевод, перемещение и изменение существенных условий труда. Отметим, что на данные обстоятельства уже обращалось внимание в белорусской юридической литературе [1, с. 324–326; 2, с. 175–176].

В ТК всех других государств – членов ЕАЭС используется термин «работодатель». К примеру, согласно подп. 39 п. 1 ст. 1 ТК Республики Казахстан работодатель – физическое или юридическое лицо, с которым работник состоит в трудовых отношениях.

Наниматели (работодатели) наряду с работниками, являясь субъектами трудовых отношений, основанных на трудовом договоре, общепризнанно относятся к основным субъектам трудового права [3, с. 100]. Как и все другие субъекты трудового права, они наделены специфическим свойством – правовым статусом, в содержание которого в литературе обычно включаются следующие элементы: 1) трудовая правосубъектность (трудовая право- и дееспособность); 2) основные (статутные) трудовые права и обязанности, установленные законодательством; 3) юридические гарантии указанных прав и

обязанностей; 4) ответственность за нарушение трудовых обязанностей, предусмотренная законодательством [4, с. 97].

Давая оценку используемой в ТК государств – членов ЕАЭС терминологии, полагаем, что используя термин «наниматель», белорусский законодатель поступил весьма удачно и дальновидно. Во-первых, данным термином подчеркивается, что работнику предоставляется не любая работа, а работа именно по трудовому договору (найму). С учетом данного обстоятельства некоторыми российскими авторами высказывалось предложение о возвращении в российское трудовое право термина «наниматель», поскольку он «четко отражает суть возникающих с участием этого лица отношений» [5, с. 365].

Во-вторых, белорусский законодатель нашел для термина «работодатель» иное подходящее применение. Он тоже используется в законодательстве, но только в более широком значении – для обозначения юридических и физических лиц, предоставляющих гражданам различные виды работ. Например, в соответствии с абз. 16 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 года № 356-З «Об охране труда» под работодателями понимаются юридические лица, их обособленные подразделения, имеющие учетный номер плательщика, и индивидуальные предприниматели, предоставляющие работу гражданам по трудовым договорам, гражданско-правовым договорам, физические лица, предоставляющие работу гражданам по трудовым договорам, юридические лица, предоставляющие работу на основе членства (участия) в организациях любых организационно-правовых форм, а также юридические лица, привлекающие граждан к выполнению работ (оказанию услуг) в порядке и на условиях, установленных законодательством. В аналогичном значении термин «работодатель» используется и в Законе Республики Беларусь от 17 апреля 1992 года № 1596-XII «О пенсионном обеспечении». Так, в ч. 1 ст. 75 данного Закона сказано, что работающие граждане и члены их семей (в случае потери кормильца) подают заявление о назначении пенсии через работодателя по месту последней работы.

При оценке терминов «наниматель» и «работодатель» чрезвычайно важно также учитывать, что определения данных терминов должны быть согласованы с определением термина «работник», поскольку работник в соответствии с ТК всех государств – членов ЕАЭС является другой стороной трудового договора. Вместе с тем в ТК Беларуси и некоторых других государств – членов ЕАЭС указанные термины согласованы не в полной мере.

Так, в абз. 13 ч. 1 ст. 1 ТК Беларуси термин «работник» определяется как «физическое лицо, состоящее в трудовых отношениях с нанимателем на основании заключенного трудового договора». Сопоставление терминов «наниматель» и «работник» убеждает в том, что они не в полной мере соответствуют друг другу: в основу первого термина положен такой признак, как наличие у юридического или физического лица права заключать и прекращать трудовой договор; в основу второго – фактическое нахождение

лица в трудовых отношениях на основании заключенного трудового договора. Обеспечить их соответствие, по нашему мнению, возможно путем отражения в содержании термина «наниматель» одновременно двух вышеуказанных признаков, выражающих особенности правового статуса нанимателей. Подчеркнем, что на целесообразность подобного подхода уже обращалось внимание в белорусской юридической литературе [2, с. 176].

Статутные права и обязанности нанимателей (работодателей) во всех государствах – членах ЕАЭС закреплены в ТК и иных нормативных правовых актах. Они определяют рамки их поведения в сфере применения труда работников. При этом в ТК Беларуси основные права и обязанности нанимателей находятся в отрыве друг от друга: основные права нанимателей предусмотрены в ст. 11, находящейся в гл. 1 ТК «Общие положения»; обязанности нанимателей содержатся в ст. 54 и 55, находящихся в гл. 5 ТК «Обязанности работников и нанимателей». В отличие от этого в ТК Кыргызской Республики, Республики Казахстан и Российской Федерации основные права и обязанности работодателей объединены в отдельной статье. Причем наиболее подробно основные права и обязанности работодателей изложены в ТК Республики Казахстан.

Во всех государствах – членах ЕАЭС ответственность нанимателя (работодателя) за ненадлежащее выполнение своих обязанностей предусмотрена ТК и иными нормативными правовыми актами. Суть этой ответственности состоит в применении к нанимателям (работодателям) и их должностным лицам определенных правовых санкций. Так, в соответствии с ТК Беларуси за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей наниматели (уполномоченное должностное лицо нанимателя) несут ответственность, предусмотренную ТК и иными законодательными актами (ч. 3 ст. 55); юридические и физические лица, виновные в нарушении законодательства о труде, несут дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательством (ст. 465). К недостаткам последней формулировки можно отнести, в частности, отсутствие указания на материальную ответственность нанимателей, формальное распространение на нанимателей – юридических лиц дисциплинарной и уголовной ответственности (которые на них не могут быть возложены).

На основании вышеизложенного полагаем, что некоторые нормы ТК Беларуси, определяющие права, обязанности и ответственность нанимателя, нуждаются в корректировке. Так, абз. 7 ч. 1 ст. 1 ТК Беларуси, определяющий термин «наниматель», целесообразно изложить в следующей редакции: «наниматель – юридическое или физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения, изменения и прекращения трудового договора, состоящее в трудовых отношениях с работником на основании такого договора». Вряд ли правильно отрывать друг от друга права и обязанности нанимателя, поскольку они составляют содержание единого элемента

правового статуса данного субъекта. Думается, что в перспективе их следует объединить в одной главе ТК «Основные права и обязанности нанимателей». Нормы об ответственности нанимателей и их уполномоченных должностных лиц целесообразно изложить более четко и подробно с указанием конкретных видов ответственности, которые могут нести все эти лица.

### **Библиографический список**

1. Курс трудового права. Общая часть: учеб. пособие / А.А. Войтик [и др.]; под общ. ред. О.С. Курылевой и К.Л. Томашевского. – Минск: Тесей, 2010.
2. Курс трудового права. Особенная часть. Кн. 1: Индивидуальное трудовое право: в 3 т. Т. 1 / А.А. Войтик [и др.]; под общ. ред. О.С. Курылевой и К.Л. Томашевского. – Минск: Амалфея, 2014.
3. Трудовое право: учебник для бакалавров / отв. ред. К.Н. Гусов. – М.: Проспект, 2013.
4. Трудовое право: учебник / В.И. Семенов [и др.]; под ред. В. И. Семенова. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016.
5. Курс российского трудового права: в 3 т. / под ред. Е.Б. Хохлова. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – Т. 1: Общая часть.

## **ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КОНТРОЛЬ УЧАСТНИКАМИ КОРПОРАЦИИ**

**Н.Д. Грибов**

*доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства  
Российского государственного университета правосудия,  
кандидат юридических наук, доцент*

Право контроля (controlright) обозначает, что акционеры являются собственниками корпорации (традиционное понимание корпорации) и в связи с этим они наделены рядом правомочий [2, с. 2131]. Право на контроль является фундаментальным и не может быть нивелировано у участника корпорации. Так, в деле о признании недействительным решения внеочередного общего собрания акционеров российский суд удовлетворил требования истца и указал, что принятие оспариваемого решения направлено на вывод актива общества и сосредоточение полномочий по его контролю в руках совета директоров материнского общества за пределами корпоративного контроля участников материнского общества [7].

Содержание права на контроль различается в зависимости от доктринального источника. Так, правовед Д. Веласо сводит его к праву на голосование по определенным фундаментальным вопросам для корпорации [3]. Д. Армоур усматривает, что право контроля выступает коллективным правом принятия некоторых решений, назначения и снятия с должности директоров [2, с. 320].

Из анализа положений ст. 65.2. Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона Российской Федерации «Об акционерных обществах», Федерального закона Российской Федерации «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 64 Гражданского кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» следует, что право контроля в российском и белорусском законодательстве не выделяется.

Однако в российской судебной практике часто используется термин «корпоративный контроль», поскольку распространен иск о восстановлении корпоративного контроля. Интересен вопрос о соотношении двух данных понятий. Арбитражные суды усматривают, что источником воли общества являются именно его участники, а утрата корпоративного контроля препятствует их возможности формировать волю корпорации. В доктрине верно отмечается, что корпоративный контроль правильнее рассматривать как влияние участника на решения общества путем осуществления корпоративных правомочий, и правомочие выдвигать кандидатов в совет директоров общества и голосовать по вопросу формирования коллегиального исполнительного органа общества является его важнейшей составляющей [4]. Соответственно «право контроля» и «корпоративный контроль» по своему содержанию аналогичны.

Таким образом, в рамках российского права содержание права контроля составляет право участвовать в управлении делами корпорации и право на осуществление контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества. При этом, в российской науке корпоративного права разграничивают право на получение информации о деятельности корпорации и право контроля за финансово-хозяйственной деятельностью. Так, Я.А. Смирнова усматривает, что право на контроль значительно шире, чем право на получение информации, где последнее выступает лишь методом осуществления, реализации первого [6, с. 123]. Д. В. Ломакин указывает, что право на контроль позволяет участникам корпорации в целях проверки деятельности требовать от корпорации в лице уполномоченных органов совершения определенных действий [5]. Так, по требованию акционера (акционеров) общества, владеющего в совокупности не менее чем 10 процентами голосующих акций общества, может быть проведена проверка финансово-хозяйственной деятельности общества<sup>5</sup>.

Приведённые позиции ученых представляются верными, однако, следует их дополнить тем, что право на осуществление контроля за финансово-хозяйственной деятельностью включает не только правомочие на получение информации и требование совершения определенных действий, но и право на изменение корпоративного управления и возможность обратиться участнику

---

<sup>5</sup> См. п. 3 ст. 85 Федерального закона Российской Федерации «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 24.07.2020.

юридического лица с косвенным иском в защиту интересов юридического лица. Допустим ситуацию, когда участник получает информацию о финансовых нарушениях в обществе, какие разумные действия он должен совершить? Первым действием является смена руководства юридического лица, а вторым, в случае неудачи подобных мер и пассивности руководства, предъявление искового заявления об оспаривании сделки или взыскании убытков с виновного лица.

Поэтому представляется, что в содержание права на осуществление контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества входят четыре правомочия: участвовать в управлении, получать информацию, требовать проведения ревизии, предъявлять косвенный или прямой иск. Например, в деле «Валеев Д.Р. и другие против ООО «Параллель», суд удовлетворил прямой иск истца об обязанности общества провести проверку, так как было доказано, что ее проведение было инициировано участниками, принято на общем собрании и менеджмент корпорации уклоняется от её осуществления<sup>6</sup>. Соответственно по своему содержанию право на контроль шире права на участие и получение информации.

Анализ доктрины, иностранного и российского законодательства показывает, что право на контроль имеет определенные ограничения. Первые ограничения именуются прямыми и связаны с вопросами, по которым могут голосовать и инициировать акционеры. Например, для российского общества с ограниченной ответственностью данный круг вопросов ограничивается компетенцией общего собрания. В Кодексе Штата Делавэра установлено, что акционер может голосовать по вопросам избрания директоров, изменениям в устав, слияниям, продаже корпоративных активов и ликвидации юридического лица<sup>7</sup>. Следует отметить, что Вторая Директива ЕС по вопросам прав акционеров установила право акционеров определять политику вознаграждения директоров компании. Вторые ограничения называются косвенными и имеют цель предотвратить личное обогащение участника за счет корпорации и иных акционеров. Например, таким ограничением выступает обязанность участника раскрывать аффилированных с ним лиц [1, с. 617].

Подводя итог изложенному следует отметить следующее:

право на контроль является фундаментальным правом участников юридического лица и позволяет определять траекторию развития корпорации;

право на контроль включает четыре правомочия: участвовать в управлении, получать информацию, требовать проведения ревизии, предъявлять косвенный или прямой иск;

---

<sup>6</sup> Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2019 N 17АП-12694/2019-ГК по делу № А71-22326/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». - Дата обращения: 15.05.2020.

<sup>7</sup> Delaware Code Online. General Corporation Law. URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/>. - Дата обращения: 15.05.2020.

право на контроль не является абсолютным и ограничено прямыми и косвенными ограничениями.

### **Библиографический список**

1. Bainbridge S. The Case for Limited Shareholder Voting Rights. *UCLA Law Review*, Vol. 53, pp. 601-636, 2006.
2. Idowu S.O., Capaldi N., Zu L., Das Gupta A. *Encyclopedia of Corporate Social Responsibility*. – 2013. – 2772 p.
3. Velasco J., The Fundamental Rights of the Shareholder, 40 *U.C. Davis L. Rev.* 407 (2006–2007). URL: [https://scholarship.law.nd.edu/law\\_faculty\\_scholarship/311](https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/311)
4. Зотова, Е.К. Пределы использования иска о восстановлении корпоративного контроля // *Вестник гражданского права*. – 2019. – № 3. – С. 154–170.
5. *Корпоративное право: учебник* / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 735 с.
6. Смирнова, Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Специальность 12.00.03, 2019. – 246 с.
7. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2020 по делу № А32-43143/2019. [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» – Дата доступа: 24.07.2020.

## **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ И ЕЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**А.М. Гридюшко**

*ведущий специалист управления правового регулирования  
бюджетно-финансовых отношений и налогообложения главного управления  
нормотворческой деятельности в сфере экономики и экологии  
Министерства юстиции Республики Беларусь*

В современном мире уже давно освоены достижения научно-технической революции и активно применяются информационные технологии в коммерческой практике. Законодатели многих стран «не успевают» за стремительно развивающимися технологическими новациями и зачастую не обеспечивают им должного и своевременного правового регулирования. В связи с этим следует выявить проблемные аспекты существующей правовой регламентации электронной коммерции в Республике Беларусь, в том числе в сфере налогообложения и определить перспективы законодательного развития при разрешении данных вопросов.

В отношении электронной коммерции научная доктрина не однородна, что вызывает дискуссию о ее сущности. Часть ученых придерживается мнения, что

основой электронной коммерции является структура традиционной торговли, а использование электронных сетей придает ей гибкость [1, с. 2]. Другие опираются на синонимичность электронной коммерции и электронной торговли, утверждая, что они являются частными случаями друг друга [2, с. 75]. Существует также мнение, что электронная коммерция понимается в качестве продажи товаров, при которой как минимум организация спроса на товары осуществляется через Интернет [3, с. 13].

Следует согласиться с выводами Ю.С. Кубкиной, которая эмпирически и этимологически, обобщая электронную коммерцию, определяет ее в двух значениях, широком и узком. В широком смысле электронная коммерция представляется как любая экономическая деятельность, включающая использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). В узком смысле, это коммерческая деятельность по купле-продаже товаров или услуг в сети Интернет с целью получения прибыли [4, с. 54]. На основе данных выводов прослеживается следующее соотношение: электронная коммерция вбирает в себя любую экономическую деятельность с использованием ИКТ, в том числе и электронную торговлю как ее частный элемент.

Согласно этому пониманию к электронной коммерции можно отнести: электронный обмен информацией (ElectronicDataInterchange, EDI), электронное движение капитала (ElectronicFundsTransfer, EFT), электронную торговлю, электронную розничную торговлю (E-Tailing), электронные деньги (e-cash), электронный маркетинг (e-marketing), электронный банкинг (e-banking), электронные страховые услуги (e-insurance) [5].

Анализ белорусского законодательства в сферах торговли и использования глобальной компьютерной сети Интернет (далее – сеть Интернет) позволяет сделать вывод о наличии узкого подхода к пониманию электронной коммерции. Это проявляется в отсутствии законодательно закреплённой нормативной дефиниции понятия «электронная коммерция» и наличии требований к осуществлению электронной торговли. Согласно установленным требованиям электронная торговля регламентируется как торговля с использованием сети Интернет и осуществляется с учетом запретов и ограничений для данного вида экономической деятельности.

Отсутствие определения электронной коммерции на уровне законодательства позволяет утверждать, что действующий правовой механизм отношений, связанный с использованием сети Интернет требует совершенствования, поскольку на практике имеют место сложности применения существующих правовых норм в этой сфере.

Следует отметить, что при имеющейся правовой неопределённости в данном вопросе и с учетом фискальных интересов государства, логика законодателя понимается следующим образом: субъект торговли, имея возможность доступа к сети Интернет, вправе создать свой интернет-магазин (сайт), пройдя установленный порядок регистрации в доменной зоне Республики Беларусь. Только после закрепления интернет-магазина в



белорусском сегменте сети Интернет, субъект торговли может реализовывать товары или услуги, но исключительно через свой информационный ресурс. При этом он вправе использовать иные информационные ресурсы сети Интернет, в том числе социальные сети, для размещения информации о продаже товаров при наличии в этой информации адресной (гиперссылки) на зарегистрированный субъект торговли в Торговом реестре Республики Беларусь [6].

Данный подход позволяет упростить процесс контроля за налогоплательщиками, определив создание интернет-магазина как обязательное условие для осуществления торговли с помощью сети Интернет, что положительно сказывается на налогообложении субъектов данной деятельности, в том числе если этими субъектами являются иностранные организации. Также данная концепция отвечает запросам информационной безопасности государства [7].

Существующее нормативное регулирование налогообложения предусматривает, что к субъектам торговли, использующим для реализации товаров и (или) услуг сеть Интернет, определен подход трансформации существующих видов налогов, а не формирования новых, ввиду особой природы экономической деятельности, осуществляемой этими субъектами. Основным изменяемый вид налога – налог на добавленную стоимость (далее – НДС) [8].

Согласно налоговому законодательству Республики Беларусь с 1 января 2018 года при взимании НДС, объектом такого налога служит оборот по реализации иностранными организациями той или иной услуги для белорусских потребителей - физических лиц в электронной форме, что является отличительной особенностью трансформированного налога [9]. Данное регулирование является результатом переработки международного опыта и устоявшегося понимания элементов электронной коммерции как «цифрового усовершенствования» классических экономических отношений, введенное с целью создания равных условий ведения бизнеса национальными и иностранными организациями.

Несмотря на повышение налоговых поступлений от внедренной инициативы, остается проблема недополучения таких поступлений из-за размывания налоговой базы и усложненных схем ухода от налогов (BEPS) [10, с. 2], что возвращает к проблеме неравной конкуренции субъектов бизнеса. В частности, это касается организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Беларусь в области информационных технологий, где часто возникают вопросы постоянного представительства налогоплательщика, признании вида дохода, соразмерности налогообложения электронной продукции и онлайн-услуг в сегментах B2C и B2B.

Для обеспечения эффективности и устойчивости экономического развития через призму определения сущности электронной коммерции и как следствие применения к ней эффективного налогообложения перспективным

направлением видится интеграционная экономическая политика, складывающаяся в рамках региональной экономической интеграции Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Общий экономический интерес и существующая безбарьерная среда являются основой для совместной проработки государствами-членами вопроса о повышении стандартов при осуществлении электронной коммерции.

К приоритетным направлениям развития ЕАЭС в данной области относятся: выделение товаров, приобретенных в рамках трансграничной электронной торговли, в отдельную категорию; введение института оператора электронной торговли; введение декларации электронной торговли; обеспечение возможности реализации физическим лицам товаров трансграничной электронной торговли с использованием таможенных складов; введение уведомительного порядка в части соблюдения требований техрегламентов Союза; возможность подтверждения обоснованности применения нулевой ставки НДС при экспорте товаров в рамках трансграничной электронной торговли [11].

Нет сомнений, что на сегодняшний день как в Республике Беларусь, так и в других государствах-членах ЕАЭС, приоритет развития отдается правовой регламентации электронной торговли, однако практика показывает, что электронная коммерция, аккумулируя в себе взаимосвязанные элементы экономической деятельности в цифровой экономике, является реальностью завтрашнего дня.

Таким образом для Республики Беларусь развитие правотворчества в рамках разработки государствами-членами ЕАЭС единых подходов к регламентации электронной коммерции и их имплементация в национальное законодательство позволит разрешить существующие вопросы правоприменительной практики в данной сфере, в том числе и в области налогообложения.

### **Библиографический список**

1. Козье, Д. Электронная коммерция / Д. Козье // Пер. с англ. : Издательско-торговый дом «Русская редакция». – М., 1999. – 288 с.
2. Климченя, Л.С. Электронная коммерция: учеб. пособие / Л. С. Климченя. – Минск: Выш. шк., 2004. – 191 с.
3. Кобелев, О. А. Электронная коммерция: учеб. пособие / О. А. Кобелев // под ред. С.В. Пирогова. – 3-е изд. – М.: Издательско-торговая кооперация «Дашков и К», 2008. – 684 с.
4. Кубкина, Ю. С. Электронная коммерция: роль, понятие и направление развития / Ю. С. Кубкина // Юж. фед. ун-т. – 2012. – Т. 10, № 2-2. – С. 53-55.
5. E-Commerce [Electronicresource]. – Modeofaccess: <https://www.justia.com/business-operations/managing-your-business/e-commerce/>. – Dateofaccess: 28.10.2020.

6. Жук, А. В. Размещение рекламы в социальной сети и через интернет-магазин [Электронный ресурс] / А. В. Жук // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 11 мая 2016 г. № 362-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Высоцкая, С. Л. Электронная коммерция: вызов для трансформации налогообложения [Электронный ресурс] / С. Л. Высоцкая // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Хайк, М. Проект BEPS: глобальный подход к борьбе с налоговыми злоупотреблениями / М. Хайк // Бизнес и дизайн ревю. – 2017. – Т. 1, № 4 (8). – С. 6.

11. Правила интернет-торговли в странах ЕАЭС намерены изменить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/october/55638/>. – Дата доступа: 30.10.2020.

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

**А.И. Гриневич**

*адвокат Минской городской коллегии адвокатов*

Рост глобализации мировой экономики, появление новых интеграционных образований способствует развитию рынка транспортно-экспедиционной деятельности: все большее значение приобретает хорошо организованная и своевременная доставка грузов, определяющую роль в которой играют организации – экспедиторы. Несмотря на то обстоятельство, что договор транспортной экспедиции детерминирован в действующем законодательстве стран-участниц ЕАЭС, на практике возникают сложности с квалификацией тех или иных услуг и возможности их включения в предмет, заключенного между сторонами соглашения об организации перевозки груза. Особую актуальность названная проблема приобретает в связи с активной «цифровизацией» транспортно-экспедиционной деятельности, более широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий в складывающиеся между экспедитором и его контрагентами правоотношения.

Анализ законодательства Республики Беларусь, определяющий порядок осуществления транспортно-экспедиционной деятельности, показал несовершенство формулировок отдельных правовых норм, что на практике порождает сложности с их толкованием и установлением их истинного правового наполнения, а, следовательно, с правовой квалификацией складывающихся между сторонами договора правоотношений, наличия возможности включения отдельных категорий услуг в предмет договора транспортной экспедиции. Критерии отнесения услуг к транспортно-экспедиционным приобретают особую актуальность, в том числе и в силу п. 2 ст. 126 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), которая предоставляет организациям, оказывающим экспортируемые транспортные услуги в рамках заключенного договора транспортной экспедиции, применять льготу по налогу на добавленную стоимость.

В юридической литературе складывается представление о предмете договора транспортной экспедиции как о совокупности оказываемых экспедитором услуг, связанных с перевозкой груза [1, с. 12].

По мнению Ю. Нестерчука, предмет договора транспортной экспедиции составляет совокупность услуг, оказываемых экспедитором, и действия клиента, направленные на возмещение расходов экспедитора и уплату вознаграждения [2, с. 7]. По мнению В.Т. Смирнова, услуги, являющиеся предметом договора транспортной экспедиции делятся на основные (по организации перевозок, включая заключение договора перевозки) и дополнительные, которые могут охватывать любые вопросы, касающиеся транспортировки груза. Договор может быть заключен на полное или частичное транспортно-экспедиционное обслуживание [3, с. 471].

Согласно п. 1 ст. 755 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), по договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны (клиента - грузоотправителя или грузополучателя) выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой груза. Договором транспортной экспедиции могут быть предусмотрены обязанности экспедитора организовать перевозку груза транспортом и маршрутом, избранными экспедитором или клиентом, обязанность экспедитора заключить от имени клиента или от своего имени договор (договоры) перевозки груза, обеспечить отправку и получение груза, а также другие обязанности, связанные с перевозкой. В качестве дополнительных услуг договором транспортной экспедиции может быть предусмотрено осуществление таких необходимых для доставки груза операций, как получение требующихся для экспорта или импорта документов, выполнение таможенных и иных формальностей, проверка количества и состояния груза, его погрузка и выгрузка, уплата расходов, возлагаемых на клиента, хранение груза, его получение в пункте назначения, а также выполнение иных операций и услуг, предусмотренных договором.

В настоящий момент перечень услуг, оказываемых транспортными компаниями, не ограничивается поименованными в ГК. Распространение получили такие специфические виды услуг, как предоставление финансовых гарантий (поручительство) при помещении перемещаемого груза клиента под таможенную процедуру таможенного транзита, предварительное уведомление таможенных органов стран ЕС, электронное предварительное информирование (далее – ЭПИ) таможенных органов государств-участников ЕАЭС о перемещаемом грузе.

Отсутствие нормативного закрепления критериев отнесения ЭПИ к транспортно-экспедиционным услугам позволяет контролирующим органам ставить вопрос о невозможности включения названной услуги в предмет договора транспортной экспедиции, например, в случаях, когда клиентом по договору выступает экспедиционная организация, об отсутствии оснований для ее квалификации в качестве транспортно-экспедиционной в связи с тем, что она непосредственно не связана с перевозкой груза.

По нашему мнению, неоднозначность толкования правовых норм, может быть устранена путем внесения изменений в действующее законодательство.

В частности, видится целесообразным из п. 1 ст. 755 ГК исключить положения о том, что клиентом по договору может выступать грузополучатель или грузоотправитель, упразднить дифференциацию транспортно-экспедиционных услуг на основные и дополнительные на уровне ГК и изложить норму в следующей редакции:

«1. По договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны (клиента) организовать выполнение транспортно-экспедиционных услуг, связанных с перевозкой груза. Перечень транспортно-экспедиционных услуг определяется законодательными актами Республики Беларусь и договором транспортной экспедиции».

Кроме того, целесообразным видится закрепление в Законе Республики Беларусь «О транспортно-экспедиционной деятельности» (далее – Закон) критериев определения транспортно-экспедиционных услуг, в том числе путем конкретизации ст. 8 «Транспортно-экспедиционные услуги».

В частности, предлагаем изложить ч.1 ст. 8 Закона в следующей редакции:

«К транспортно-экспедиционным услугам относятся любые услуги, связанные с организацией и (или) обеспечением перевозки груза любыми видами транспорта, оказываемые экспедитором клиенту вне зависимости от формы предоставления услуг. Транспортно-экспедиционные услуги могут быть оказаны с организационной, технологической, информационно-справочной, сервисной и иной, не противоречащей законодательству Республики Беларусь, целью».

В ч. 2 ст. 8 Закона изложить приблизительный перечень транспортно-экспедиционных услуг, включив в существующий перечень услуги по электронному предварительному информированию таможенных органов о перемещаемом грузе.

### **Библиографический список**

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 29 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. от 18 дек. 2019 г. // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.6 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Брагинский, М.И. Договорное право : Книга четвертая. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М. : Статут, 2003. – 716 с.
3. Нестерчук, Ю.В. Договор транспортной экспедиции / Ю.В. Нестерчук // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 14. – С. 5–11.
4. Гражданское право : в 3 т. / под. ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. Проспект, 2005. – Т. 2 : Гражданское право. Часть 2. / А.П. Сергеев [и др.]. – 2005. – 848 с.
5. О транспортно-экспедиционной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 13 июня 2006 г., № 124-З : с изм. и доп. от 29 ноября 2010 г. // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» : версия 6.6 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

### **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЙ ИСПОЛНЕНИЮ В ЧАСТИ ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ (СТ. 314 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

**М.В. Гриневич**

*адвокат Минской городской коллегии адвокатов*

Правовой механизм взыскания задолженности путем совершения исполнительной надписи нотариуса белорусскому законодателю известен достаточно давно. Однако широкое применение такого внесудебного способа взыскания в бизнес-среде началось с вступлением в силу 10 августа 2015 года Указа Президента № 195 от 7 мая 2015 года №195 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь».

Данным актом был расширен установленный Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 года № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» (далее – Указ № 366) перечень требований, являющихся бесспорными, и для взыскания задолженности по которым необходимо обращаться к нотариусу за совершением исполнительной надписи.

Благодаря внесенным изменениям возможным стало совершение исполнительной надписи о взыскании по требованиям юридических лиц и

индивидуальных предпринимателей, признанных должником в письменной форме: (1) задолженности по коммерческим договорам: купли-продажи, поставки, подряда, возмездного оказания услуг, т.д. и (2) неустойки в связи с такой задолженностью, если ее уплата предусмотрена законодательством или договором.

Учитывая сложившуюся в течение пяти лет правоприменительную практику, по нашему мнению, можно констатировать, что обновленный институт исполнительной надписи нотариуса, призванный в свое время в той или иной мере заменить приказное производство в судах, на сегодняшний день доказал свою эффективность и является доступным способом взыскания бесспорной задолженности.

Однако, если единый порядок совершения исполнительной надписи по коммерческим договорам в правоприменительной практике нотариусов так или иначе сложился, то единая практика оспаривания исполнительной надписи нотариуса в судах Республики Беларусь все еще продолжает формироваться.

Так, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее - ХПК) предусматривает два способа оспаривания исполнительной надписи нотариуса в суде:

жалоба на нотариальное действие (отказ в его совершении) (ст. 266 ХПК);

иск о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению (абз. 5 ст. 42 ХПК).

Жалоба на нотариальное действие подается в том случае, если по мнению заявителя была нарушена процедура совершения исполнительной надписи.

Иск о признании исполнительной надписи, не подлежащей исполнению, подается если между должником и взыскателем по исполнительной надписи имеется спор о праве. К примеру, соответствующий иск может быть подан, если:

должник считает взыскание задолженности в целом неправомерным (задолженность была погашена им еще до совершения исполнительной надписи либо договор, на основании которого образовалась задолженность, между ним и взыскателем давно расторгнут);

должник считает, что размер неустойки, взысканной с него на основании исполнительной надписи, является завышенным и есть основания для ее уменьшения судом на основании ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее - ГК).

Следует отметить, что практика экономических судов по искам о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению в части «завышенной» неустойки, в последнее время в целом единообразна.

Так, решением экономического суда Витебской области от 30 июля 2019 года по делу №49-2/2019 было частично удовлетворено требование истца о признании не подлежащей исполнению исполнительной надписи в части, поскольку размер пени, взысканной на основании исполнительной надписи, был явно несоразмерным последствиям нарушенного обязательства.

Вынося соответствующее решение, суд указал, что при взыскании задолженности в соответствии с нормами Указа №366 путем совершения нотариусом исполнительной надписи у должника отсутствует возможность заявления ходатайства об уменьшении неустойки. Вместе с тем на основании ч. 1-2 ст. 314 ГК, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе ее уменьшить. Поэтому независимо от способа взыскания вопрос об уменьшении неустойки подлежит разрешению в судебном порядке при наличии соответствующих требований. С учетом требований ст. 314 ГК критериями для установления несоразмерности в каждом конкретном случае могут быть чрезвычайно высокий процент неустойки, установленный в договоре; значительное превышение суммы неустойки над суммой возможных убытков (в том числе превышение суммы неустойки над суммой невозвращенного долга); непродолжительный срок исполнения обязательства и т.д. [1].

Руководствуясь вышеупомянутыми критериями, Постановлением судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 8 мая 2018 года по делу №6-12/2018/62А/585К оставлены в силе решения суда первой и апелляционной инстанции экономического суда Минской области об отказе в признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению в части взыскания неустойки. Судебная коллегия пришла к выводу, что судами правомерно не была применена статья 314 ГК, так как истцом не были представлены доказательства того, что подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушенного обязательства. В том числе, судом учитывалось, что согласованный сторонами размер неустойки (0,2%) не является чрезвычайно высоким, период просрочки исполнения обязательств по оплате (с сентября 2013 года по сентябрь 2017 года) был достаточно продолжительный, кроме того, истцом не принималось каких-либо действий, направленных на добровольное внесудебное урегулирование спора и не производились оплаты до момента обращения взыскателя за совершением исполнительной надписи и предъявления ее к расчетному счету истца [2].

В отличие от ХПК, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее - ГПК) прямо не предусматривает такой способ защиты нарушенного права, как подача иска о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению.

В ст. 351 ГПК закреплено только право на подачу жалобы на нотариальное действие в рамках производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений.

Тем не менее, в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 1998 года №7 «О практике рассмотрения судами дел по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении» указано, что дела по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении рассматриваются в порядке производства по делам, возникающим из



административно-правовых отношений при условии, что у заинтересованных лиц отсутствует спор о праве гражданском, подведомственный суду общей юрисдикции. Заявления лиц, оспаривающих права и обязанности, основанные на совершенном нотариальном действии, рассматриваются судом в порядке искового производства.

Таким образом, при наличии между сторонами спора о праве, он должен быть разрешен в порядке искового производства путем предъявления соответствующего иска.

Исходя из сложившейся правоприменительной практики, заинтересованными лицами в районные суды предъявляются иски о частичной либо полной: отмене исполнительной надписи нотариуса, признании ее недействительной, либо, по аналогии с ХПК – о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению.

При этом, исходя из известной нам практики, единые механизмы применения ст. 314 ГК при рассмотрении такого рода исков между районными и экономическими судами на сегодняшний день до конца не выработаны.

Так, решением суда Московского района г.Минска от 25 июня 2019 года гражданке Щ. (поручитель по кредитному договору) было отказано в удовлетворении исковых требований к ЗАО «Б» (кредитодатель) о признании подлежащей исполнению исполнительной надписи о взыскании суммы основного долга в размере 3 181,80 рублей и неустойки в размере 11 829,39 рублей (по ставке 3,0 процента от просроченной суммы кредита, процентов за пользование кредитом, за каждый календарный день просрочки).

Суд указал, что доводы Щ. о том, что договорная неустойка является способом обеспечения обязательств, предусмотренных договором, и не должна служить источником обогащения одной из сторон, не являются основанием для удовлетворения исковых требований о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению, поскольку в силу ст. 314 ГК вопросы несоразмерности взыскиваемой неустойки последствиям нарушенного обязательства, право уменьшения неустойки - относится к компетенции суда [3].

При этом, критерии для установления несоразмерности неустойки, в частности, превышение суммы неустойки над суммой невозвращенного долга более чем в три раза, период просрочки - судом проанализированы не были. Указанное решение суда было оставлено в силе апелляционной инстанцией Минского городского суда.

Схожая позиция апелляционной инстанции отражена и в Определении судебной коллегии по гражданским делам городского суда от 30 марта 2020 года, которым оставлено без изменения решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований гражданина С., о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению в части взыскания неустойки ввиду ее несоразмерности последствиям нарушенного обязательства,

при сумме основного долга в размере 535,62 рубля, общей сумме пени в размере 3060,64 рубля [4].

Таким образом, мы можем констатировать, что в системе судов общей юрисдикции пока не сложились единые подходы к применению ст. 314 ГК при рассмотрении судами исков о признании исполнительных надписей не подлежащих исполнению, кроме того, способы оспаривания исполнительной надписи нотариуса при наличии между сторонами спора о праве в ГПК прямо не закреплены. Полагаем, что единые подходы применения проанализированных нами норм должны быть разработаны и закреплены в едином процессуальном кодексе, работа над которым ведется научным сообществом в настоящий момент.

### **Библиографический список**

1. Решение экономического суда Витебской области от 30 июля 2019 г. по делу №49-2/2019.
2. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 8 мая 2018 г. по делу № 6-12/2018/62А/585К.
3. Решение суда Московского района г. Минска от 25 июня 2019 г.
4. Определение судебной коллегии по гражданским делам городского суда от 30 марта 2020 г.

## **ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**С.А. Гурьев**

*доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной  
деятельности юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Понятие «саморегулирование» получило широкое распространение в экономической теории, вместе с тем, его можно также рассматривать в качестве отдельного правового института. В мировой законодательной практике применение механизмов саморегулирования широко распространено и считается неотъемлемым элементом функционирования современной экономики и хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, в наиболее общем и универсальном виде данный термин определяется П.В. Крючковой как институт, позволяющий группам экономических агентов создавать и применять легитимные, не противоречащие закону правила, регулирующие их хозяйственную деятельность [1, с. 12]. Авторами дополнительно отмечаются такие составляющие саморегулируемой деятельности как осуществление контроля за соблюдением правил ведения хозяйственной деятельности и применение санкций к нарушителям, а также

обеспечение внесудебного разрешения споров [2, с. 54]. Контрольную функцию можно отнести к ключевой в сфере саморегулирования [3, с. 18-20].

В юридической науке дискуссионным является вопрос о соотношении саморегулирования и государственного регулирования. Одни исследователи противопоставляют данные категории, ставя под сомнение возможность их одновременного использования в определённых сферах предпринимательской деятельности, фактически сводя роль саморегулирования лишь к ограничению государственного вмешательства в экономику и созданию «свободной экономики». Другие авторы видят саморегулирование в качестве составной части либо элемента государственного регулирования.

Полагаем, что саморегулирование и государственное регулирование взаимосвязаны и в какой-то мере дополняют друг друга. Так, саморегулирование не предполагает полного исключения государства из определённой сферы предпринимательства и осуществляется в рамках предписаний, создаваемых государством. Кроме того, наличие саморегулирования в определённой сфере общественных отношений не исключает необходимости государственного контроля за указанными отношениями для обеспечения соблюдения прав их субъектов. В то же время, по своей сути, саморегулирование подразумевает некоторую альтернативу и ограничение вмешательства государства в предпринимательскую сферу, что обуславливает ключевые преимущества рассматриваемого института, предполагающего дополнительную защиту прав потребителей через установление строгих стандартов и правил предпринимательской деятельности и попутное снижение нагрузки на государственные финансы (содержание и финансирование деятельности аппарата контроля).

По мнению исследователей, создание сети саморегулируемых организаций (СРО) способно решить целый ряд стратегических задач, стоящих как перед рыночными субъектами хозяйствования, так и перед государственными органами власти, среди которых: оптимизация выполняемых госорганами функций и оказываемых услуг; защита интересов бизнеса посредством реализации механизма контроля СРО, снижение административного давления на бизнес и коррупционных рисков; развитие института стандартизации как инструмента добровольного повышения качества деятельности посредством принятия участниками СРО правил ведения предпринимательства; совершенствование инструментов досудебного и внесудебного разрешения споров и пр. [4, с. 179].

В качестве преимуществ саморегулирования выступают также репутационные факторы: с одной стороны, улучшается имидж государственных контролирующих органов за счёт сокращения проводимых проверок, с другой, как показывает зарубежная практика, СРО пользуются высоким авторитетом и субъекты предпринимательства добровольно повышают стандарты своей работы, чтобы стать их членами.

К возможным недостаткам саморегулирования можно отнести риск его монополизации определёнными субъектами, что ведёт к ограничению конкуренции и созданию искусственных барьеров для предпринимательской деятельности.

В Республике Беларусь саморегулирование весьма ограничено применяется с 1990-х гг. Можно вести речь о наличии элементов саморегулирования в деятельности Белорусской нотариальной палаты, адвокатуры и др. Перспективными сферами для внедрения саморегулирования считаются такие виды деятельности как аудиторская, оценочная, транспортная, рекламная, риэлтерская и др. Ведутся дискуссии касательно возможности создания СРО в сфере строительства.

В настоящее время, на наш взгляд, уровень развития саморегулирования является недостаточным, что обусловлено в первую очередь отсутствием нормативных актов, комплексно регулирующих данный аспект, хоть в законодательстве Республики Беларусь не содержится каких-либо ограничений по созданию СРО.

Из действующих нормативных правовых актов наиболее подробно деятельность СРО регламентирована в Законе Республики Беларусь от 05.01.2015 № 231-З «О рынке ценных бумаг» касательно СРО профессиональных участников рынка ценных бумаг. Указом Президента Республики Беларусь от 19.09.2017 № 338 «О налоговом консультировании» также предусмотрено создание Палаты налоговых консультантов, которой будет делегирована часть функций по ведению реестра налоговых консультантов, а также наделению и лишению данного статуса.

Общие вопросы либерализации экономики и сокращение регулятивных функций государства отражены в Директиве Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» и Декрете Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства».

В настоящее время на рассмотрении Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь находится проект Закона «О саморегулируемых организациях» (далее – Проект закона), разработанный Министерством экономики Республики Беларусь. Принятие Закона должно ликвидировать отставание Республики Беларусь в этой сфере от стран-партнёров по СНГ, поскольку, например, в Российской Федерации и Республике Казахстан саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности осуществляется на основании специальных законов уже определённый период времени и успело получить значительное развитие. Также ожидается, что Закон даст толчок для развития рассматриваемого института и будет способствовать росту предпринимательской активности.

Если говорить об общей характеристике Проекта закона, то под «саморегулированием» в нём понимается самостоятельная и инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности.

Проектом закона установлены принципы саморегулирования, среди которых можно выделить в качестве ключевых разграничение компетенции государственных органов и СРО в целях исключения двойного регулирования и контроля, недопустимость незаконного вмешательства государственных органов в деятельность СРО, ответственность членов СРО за выполнение установленных стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности и др.

В Проекте закона уделено значительное внимание стандартам и правилам предпринимательской и профессиональной деятельности, а также требованиям, предъявляемым к ним и ответственности за их невыполнение, что вполне объяснимо с точки зрения обеспечения соблюдения законных прав и интересов в сфере предпринимательства.

Членство в СРО Проектом закона устанавливается как добровольное, так и обязательное, если это предусмотрено законодательными актами. Регламентируется порядок создания, деятельности, формирования имущества, основные функции, вопросы обеспечения информационной безопасности, документы, органы управления, права и обязанности СРО, ответственность их членов и др.

В целом, Проект закона можно оценить как удачный, есть основания полагать, что в случае его принятия будет дан старт более масштабному последующему развитию законодательства Республики Беларусь в данной сфере, включая отраслевое.

Таким образом, развитие саморегулирования в Республике Беларусь пока объективно отстаёт от большинства западных и ряда постсоветских государств, что связано с недостаточным законодательным регулированием обозначенной сферы. Ситуация должна во многом исправиться с принятием давно ожидаемого экспертами и бизнес-сообществом Закона «О саморегулируемых организациях». Представляется, что принятие данного Закона приведёт к комплексному урегулированию вопросов создания и деятельности СРО, что в свою очередь со временем позволит расширить перечень сфер экономики, в которых возможно функционирование таких организаций и благоприятно скажется на развитии отечественного предпринимательства, повысив его эффективность.

### **Библиографический список**

1. Крючкова, П.В. Саморегулирование хозяйственной деятельности: институциональный анализ. М.: ТЕИС, 2005. - 169 с.
2. Юрьева, Т.В., Миронюк, Н.Ю. Саморегулирование: история вопроса и перспективы развития // Экономический анализ: теория и практика. 44 (251) – 2011. - С. 54 – 58.
3. Гурьев С.А. Контрольная деятельность саморегулируемых организаций как альтернатива государственному контролю (надзору) // Современное финансовое законодательство Республики Беларусь: оптимизация соотношения публичных и частных интересов : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 28 ноября 2019 г. / БГУ, Юридический фак., Каф.финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности ; [под ред. В. С. Каменкова, А. А. Пилипенко]. – Минск : БГУ, 2020. - С. 18-20.
4. Ткаченко, М.В., Борщевский, Г.А. Некоторые проблемы саморегулирования хозяйственной деятельности в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. - № 3. - С. 176 – 186.

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ**

**П.А. Гуцко**

*преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук*

Совершенствование пенсионного обеспечения является важной задачей, предусмотренной Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (далее – Стратегия). Последнее время у многих ученых особый интерес вызывает такая категория работников как медицинские работники. Это вызвано распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) и необходимостью предоставления им в условиях неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки дополнительных гарантий не только в сфере труда, но и в области пенсионного обеспечения.

Анализ законодательства о пенсионном обеспечении и архивных материалов Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (далее – Фонд) позволил выявить проблемные вопросы, требующие своего урегулирования. Рассмотрим тезисно отдельные вопросы и сформулируем возможные пути их решения.

1. Отсутствие единой терминологии. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон № 2435-XII) сформулированы определения терминов «медицинский работник»,

«фармацевтический работник», «работники здравоохранения». При этом термин «работники здравоохранения» является собирательным и включает в себя не только два предыдущих, но и иных работников системы здравоохранения. В пенсионном законодательстве значение термина «медицинский работник» не соответствует Закону № 2435-ХІІ. Под ним понимается и фармацевтические работники, и иные работники. С целью устранения правовой неопределенности считаем целесообразным использовать в пенсионном законодательстве собирательный термин «работники здравоохранения».

2. Низкий размер досрочных профессиональных пенсий. В соответствии со ст. 14 Закона Республики Беларусь от 5 января 2008 года № 322-З «О профессиональном пенсионном страховании» (далее – Закон № 322-З) «досрочная профессиональная пенсия исчисляется путем деления суммы пенсионных сбережений на число месяцев досрочного пенсионного периода застрахованного лица». На размер пенсии влияет сумма пенсионных сбережений, тариф взносов на профессиональное пенсионное страхование, досрочный период, период уплаты взносов. Стоит отметить, что период уплаты взносов довольно-таки непродолжительный (10 лет), учитывая длительный переходный период в системе профессионального пенсионного страхования. Средний реальный размер досрочной профессиональной пенсии по данным Фонда составляет 50 руб. Это значительно ниже размеров трудовой пенсии по возрасту за работу с особыми условиями труда, трудовой пенсии за выслугу лет. Учитывая то, что досрочная профессиональная пенсия предоставляется при условии прекращения работы в особых условиях труда до достижения общеустановленного пенсионного возраста, полагаем целесообразным установить ее обязательную минимальную величину в размере бюджета прожиточного минимума. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 14 Закона № 322-З пунктом 3 следующего содержания: «3. Минимальный размер досрочной профессиональной пенсии устанавливается в размере наибольшей величины бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения, утвержденного Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь, за два последних квартала».

3. Применение одновременно как аттестации рабочих мест по условиям труда, так и критериев оценки условий труда. Для медицинских работников, занятых в особых условиях труда, применяется аттестация рабочих мест. Для медицинских работников, занятых отдельными видами профессиональной деятельности, применяются критерии оценки условий труда. Изначально было установлено два критерия оценки условий труда: непосредственное выполнение работы, обусловленной занятостью в соответствующих должностях и учреждениях в течение полного рабочего дня; занятость в должности не менее чем на полную ставку. В 2016 году добавился третий критерий: отнесение условий труда на рабочем месте по результатам аттестации рабочих мест по условиям труда к вредным и (или) опасным.

Получилось, что для отдельных категорий медицинских работников применяются одновременно два способа оценки условий труда (аттестация и критерии). Полагаем, это не обоснованно ведет к чрезмерной дифференциации. Правоприменительная практика показала, что третий критерий является формальным и объективно невозможен для таких медицинских работников. Вредные и опасные работы предусмотрены отдельными списками, а условия их пенсионного обеспечения отличаются от иных работников. В связи с этим считаем правильным исключить такой критерий из критериев оценки условий труда.

4. Возможность получения ежемесячной доплаты к заработной плате вместо профессионального пенсионного страхования (далее – доплата) медицинским работникам, занятым в особых условиях труда (Список № 1). Право на доплату установлено пунктом 1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2013 года № 441 «О некоторых вопросах профессионального пенсионного страхования и пенсионного обеспечения» (далее – Указ). Размер доплаты определяется работодателем, но должен быть не менее суммы взносов на профессиональное пенсионное страхование работника. На практике наблюдается тенденция увеличения количества граждан, выбирающих доплату. На наш взгляд, это обусловлено следующими основными причинами: низкий размер досрочной профессиональной пенсии, возможность продолжения работы в особых условиях труда, а также желание получения выплаты по принципу «здесь и сейчас». В целом законодательное закрепление такой альтернативы досрочным профессиональным пенсиям, как доплата способствует решению важной задачи, предусмотренной Стратегией, – сокращению института досрочных пенсий. Однако, не стоит забывать, что основной целью досрочного пенсионного обеспечения является охрана здоровья, защита от профессиональных рисков и профилактика профессиональных заболеваний работников. Ввиду этого мы утверждаем, что институт досрочных пенсий в целом должен быть сохранен, более того предоставление доплат для отдельных категорий работников нецелесообразно, так как противоречит указанной цели. В связи с этим мы предлагаем в п. 1.2 Указа исключить из числа получателей доплат категорию работников, занятых в опасных и особо вредных условиях труда (Список № 1).

5. Отсутствие дополнительного пенсионного страхования. По итогам Национального опроса населения «Отношение населения к системе социальной защиты населения: пенсии и рынок труда» в рамках совместного исследования Исследовательского центра ИПМ и BEROС, проведенного в марте 2020 года, установлено, что 90,9% белорусов считает, что существующая пенсионная система неспособна обеспечить им безбедную старость. Продолжительный профессиональный стаж, невысокий тариф взносов на профессиональное пенсионное страхование и относительно невысокая заработная плата медицинских работников не способствуют получению большой пенсии. Ввиду этого полагаем целесообразным развивать дополнительное пенсионное



страхование. Несмотря на то, что оно предусмотрено различными нормативными правовыми актами, должного внимания на практике не получило. В настоящее время в Беларуси такой вид страхования осуществляют страховые компании «Стравита» и «Приорлайф». На наш взгляд, для медицинских работников дополнительное страхование должно быть корпоративным, то есть за счет нанимателя, и обязательным. По сведениям страховой компании «Стравита» при корпоративном страховании преимущества имеет не только работник в виде дополнительной пенсии, но и наниматель, получающий «налоговые льготы, оптимизирование затрат на социальные выплаты, инструмент управления персоналом, повышение лояльности к нанимателю, снижение текучести кадров, конкурентоспособный социальный пакет». Финансирование обязательного корпоративного страхования возможно осуществлять за счет, в том числе, средств, получаемых от оказания платных медицинских услуг. Развитие обязательного корпоративного страхования для медицинских работников будет способствовать дальнейшему становлению третьего уровня пенсионной системы – дополнительного негосударственного пенсионного обеспечения, предусмотренного Концепцией реформы системы пенсионного обеспечения, постановлением Совета министров Республики Беларусь от 17 апреля 1997 года № 349. Одновременно с внедрением обязательного корпоративного страхования возможно пересмотреть перечень должностей медицинских работников на предмет объективности предоставления им досрочной пенсии. В связи с вышеизложенным предлагаем разработать проект Указа Президента Республики Беларусь «Об обязательном корпоративном страховании медицинских работников», предусматривающий не только обязанность нанимателя, но и условия страхования в зависимости от категорий медицинских работников, страховых случаев и другое.

6. Отсутствие гарантий в условиях неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки. У медицинских работников не формируется профессиональный стаж и им не устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени из-за непроведения аттестации рабочих мест. Данная проблема остро возникла в период необходимости быстрого перепрофилирования организаций здравоохранения в условиях распространения COVID-19. В связи с этим предлагается предусмотреть возможность в исключительных случаях устанавливать сокращенную продолжительность рабочего времени и формировать профессиональный стаж независимо от проведения аттестации рабочих мест и ее результатов.

7. Взаимозачет стажа. Суммирование периодов работы с особыми условиями труда и занятости отдельными видами профессиональной деятельности медицинских работников вызывает определенные сложности в правоприменительной практике, так как отсутствует согласованность в нормативных правовых актах. В специальный стаж учитывается профессиональный стаж и наоборот. Однако имеются особенности. Согласно

ст. 16 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» (далее – Закон № 1596-XII) осуществляется взаимозачет периодов работы с особыми условиями труда (так, к Списку № 2 суммируется Список № 1). Согласно ст. 48 Закона 1596-XII – взаимозачет не применяется, то есть медицинским работникам к периодам занятости отдельными видами профессиональной деятельности не суммируются периоды работы в особых условиях труда. Согласно п. 10 и 11 Положения о порядке исчисления профессионального стажа для определения права на досрочную профессиональную пенсию, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2008 года № 1488, к периодам занятости отдельными видами профессиональной деятельности суммируются периоды работы в особых условиях труда медицинских работников. С целью устранения противоречий предлагаем внести соответствующие изменения в законодательство.

Таким образом, совершенствование законодательства о пенсионном обеспечении медицинских работников будет способствовать предоставлению им дополнительных гарантий в сфере социального обеспечения, а также направлено на реализацию основных задач социальной политики Республики Беларусь.

## **СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ВЕДЕНИЯ СВОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**В.В. Делибозоглова**

*преподаватель УО «Юридический колледж  
Белорусского государственного университета»*

Белорусское законодательство об исполнительном производстве не содержит нормы о множественности сторон в исполнительном производстве. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 47 Закона Республики Беларусь от 24.10.2016 № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон) при возбуждении в отношении одного и того же должника нескольких исполнительных производств судебный исполнитель объединяет их в сводное исполнительное производство [1]. Таким образом, полагаем, что ст. 47 Закона относится к случаям факультативной множественности. Обязательная множественность (обязательное соучастие) в исполнительном производстве достаточно распространено: самый частый пример – взыскание алиментов на нескольких несовершеннолетних детей по одному исполнительному документу.

Рассмотрим российское законодательство об исполнительном производстве. Так, в силу ч. 1 ст. 34 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон РФ) возбужденные в отношении одного должника несколько исполнительных производств имущественного характера, а также возбужденные в отношении нескольких

должников исполнительные производства по солидарному взысканию в пользу одного взыскателя объединяются в сводное исполнительное производство [2].

Приведенные положения белорусского и российского законодательства свидетельствуют, что перечень оснований ведения сводного исполнительного производства в Российской Федерации шире, а также первое основание сформулировано иначе, чем в Республики Беларусь. Постараемся проанализировать, где основания ведения сводного исполнительного производства сформулированы более корректно с точки зрения достижения целей исполнительного производства. Начнем с анализа такого основания, как возбуждение в отношении одного должника нескольких исполнительных производств.

В Республике Беларусь сводное исполнительное производство ведется, как при имущественных требованиях (о взыскании денежных средств и передаче имущества, так и при требованиях неимущественного характера: о понуждении должника к совершению определенных действий или воздержанию от них). В Российской Федерации сводное исполнительное производство ведется только по требованиям имущественного характера.

В Республике Беларусь вопрос о постановке в сводное исполнительное производство и исполнение требований о понуждении должника к совершению определенных действий, где должник отказывался совершать действия сам и их выполнил взыскатель или они выполнены за его счет, и соответственно, далее судебный исполнитель взыскивает затраченную на исполнение сумму как расходы по исполнению. С одной стороны, взыскание такой суммы не влияет на *очередность* удовлетворения денежных требований остальных должников по денежным требованиям, т.к. расходы по исполнению взыскиваются во внеочередном порядке (ст. 121 Закона), с другой – сумма, полученная от реализации имущества должника, *уменьшается* на сумму расходов по требованию о понуждении к совершению определенных действий, таким образом, затрагивая права других должников. Доступность информации об основаниях уменьшения суммы, доступной к распределению между другими должниками можно в таком случае обеспечить только в рамках сводного исполнительного производства.

В сводное исполнительное производство в соответствии с Законом должны включаться и требования о передаче имущества. Это целесообразно с точки зрения получения иными должниками информации об уменьшении имущества должника, доступного к реализации для погашения задолженности. В то же время проблемным является вопрос о постановке в сводное исполнительное производство исполнительного документа о взыскании стоимости имущества, которое не удалось передать (такой новый исполнительный документ выдается судом по результатам изменения способа исполнения в случае, когда исполнительный документ о передаче имущества не мог быть исполнен ввиду отсутствия имущества). Следует отметить, что ст. 88 Закона РФ содержит аналогичные правила. В связи, с чем возникает вопрос, в какую очередь в таком

случае ставить новый исполнительный документ на взыскание денежной суммы. В соответствии с действующим законодательством такой документ будет последним (как наиболее поздно предъявленный) в рамках четвертой очереди. Так было не всегда, потому что в соответствии с п. 148 инструкции по исполнительному производству 2004 года [3], изменение способа исполнения происходило в рамках одного исполнительного производства, без выдачи нового исполнительного документа (что на самом деле не во всех случаях обязательно, так как решение о взыскании имущества является факультативным и стоимость имущества указана в исполнительном документе (собственно от нее судебный исполнитель рассчитывает принудительный сбор за исполнение требований о передаче имущества), что позволяло учитывать время его первоначального предъявления).

Исходя из этого, ведение сводного исполнительного производства, как при имущественных требованиях, так и при требованиях неимущественного характера представляется более верным и правильным.

Законодательство Российской Федерации об исполнительном производстве выделяет и второе основание ведения сводного исполнительного производства – в отношении нескольких солидарных должников, неизвестное белорусскому законодательству.

Часть 2 ст. 34 Закона РФ определяет особенности ведения такого сводного производства, если исполнительные документы в отношении одного должника или нескольких должников по солидарному взысканию предъявлены в разные подразделения территориальных органов Федеральной службы судебных приставов. Поступившие исполнительные документы, содержащие требования имущественного характера к должнику, в отношении которого ведется сводное исполнительное производство, и возбужденные в других подразделениях судебных приставов исполнительные производства передаются приставу-исполнителю, ведущему сводное исполнительное производство, о чем извещаются взыскатель, должник, суд, другой орган или должностное лицо, выдавшие исполнительный документ [4, с. 59-60].

В соответствии со ст. 323 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5] каждому из солидарных должников устанавливается обязанность оплатить в полном объеме сумму, которая указана в исполнительном документе, без деления суммы долга части. Исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитором (п. 1 ст. 325 ГК РФ). Обязательства всех солидарных должников перед кредитором прекращаются на основании п. 1 ст. 408 ГК РФ.

Также следует отметить, что, допуская сводное исполнительное производство в отношении солидарных должников, ч. 3.1 ст. 112 Закона РФ устанавливает специальные правила взыскания исполнительского сбора: исполнительский сбор взыскивается однократно в размере семи процентов от

подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества, солидарно.

Исполнительное производство в соответствии со ст. 47 Закона РФ оканчивается судебным приставом в случае фактического исполнения за счет одного или нескольких должников требования о солидарном взыскании, содержащегося в исполнительных документах, объединенных в сводное исполнительное производство.

Таким образом, наличие специальных правил о ведении сводного исполнительного производства в Российской Федерации соответствует принципу процессуальной экономии, способствует реализации принципа добросовестности участников гражданского оборота, позволяя взыскателю своевременно получать информацию об общем размере удержанных с должников сумм.

Полагаем, что основания ведения сводного исполнительного производства при наличии нескольких взыскателей в Республике Беларусь сформулированы более правильно с точки зрения обеспечения доступности информации об имущественном положении должника и перспективах удовлетворения требований взыскателей по сравнению с Российской Федерацией. На основании вышеизложенного можно также сделать вывод о целесообразности введения в законодательство Республики Беларусь специальных правил ведения сводного исполнительного производства при наличии нескольких исполнительных производств, возбужденных одним взыскателем в отношении нескольких солидарных должников.

### **Библиографический список**

1. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г. № 439-З// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] :Федер. закон, 2 окт. 2007 г., № 229-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
3. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 20.12.2004 № 40// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Воронов, Е.Н. Исполнительное производство (заключительная стадия гражданского процесса): учеб.пособие / Е.Н. Воронов; ЮгоЗап. гос. ун-т. Курск, 2014. –175 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ/ КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

# ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЧАСТНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

**В.В. Долинская**

*профессор кафедры гражданского права  
Московского государственного юридического университета  
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),  
член Научно-консультативного совета  
при Верховном Суде Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор*

Термин «цифровая экономика» (digitaleconomy) (электронная, интернет-экономика) впервые был употреблен в 1995 году американским ученым из Массачусетского университета Николасом Негропonte при разъяснении преимуществ новой экономики в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 года №203, цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1].

Автор воспринимает цифровизацию как одно из средств хранения, поиска и передачи информации, т.е. информационную технологию [2].

Приблизительно с 2017 года началось правовое оформление отношений в рамках цифровой экономики в России и Беларуси: в Российской Федерации – с программных документов [3], а затем путем внедрения новых информационных технологий и введения в гражданский оборот и правовое пространство новых структур, в Республике Беларусь эти стадии были объединены [4].

Декрет № 8 ввел в оборот термины (блокчейн, криптовалюта, майнинг, смарт-контракт, токен и др.) и дал им определения. С учетом первичности информационных отношений в документе закреплён классический правовой режим (создание, размещение, владение, совершение сделок и т.д.), предпринята попытка урегулирования потенциальных конфликтов между ним и валютным законодательством, законодательством о рынке ценных бумаг и т.п. Несмотря на определенного рода экспериментальность (ограничение правового статуса участников отношений, ограничение «зоны» действия таких отношений, срок действия норм) автору импонируют межотраслевой характер этого акта, реализация гражданско-правового принципа равенства через доступ к новым видам деятельности и правовым средствам юридических и физических лиц, привлечение юридических лиц к правотворчеству через разработку локальных правовых актов в рассматриваемой сфере. В целом Декрет № 8 создаёт правовую основу для расширенного перечня направлений работы

Парка высоких технологий с учётом основных трендов современной мировой экономики, прорывных технологий.

В рамках реализации российской Программы, имеющей формат «дорожной карты», отметим:

1) применительно к статусу субъекта

а) создание системы унифицированного учета сведений о населении Российской Федерации, обеспечивающей их актуальность и достоверность [5]; б) перевод книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг) в электронную форму [6]; в) переход (с 01.01.2021 г.) к «реестровой модели» в сфере лицензирования отдельных видов деятельности - отказ от предоставления лицензий в бумажном виде в пользу электронного документооборота и ведения реестра лицензий в цифровом формате [7]; г) закрепление правового статуса специального субъекта – оператора электронной площадки [8];

2) применительно к объектам гражданских прав

а) ведение реестров Единого государственного реестра недвижимости, кадастровых карт и книг учета документов и хранение реестровых дел в электронной форме [9]; б) включение с 01.10.2019 года в число имущественных прав цифровых прав (ст.ст.128, 141.1 ГК); в) легализацию видов цифровых прав - выпуск, учет и обращение которых связаны исключительно с базами данных и алгоритмами - в качестве цифровых финансовых активов и еще дальше отстоящей от реальных объектов прав цифровой валюты [10], а также утилитарных цифровых прав и цифровых свидетельств - неэмиссионных бездокументарных ценных бумаг, не имеющих номинальной стоимости, удостоверяющих принадлежность их владельцу утилитарного цифрового права, причем последний может только требовать оказания определенных услуг, а распоряжаться им имеет возможность обязанное лицо - депозитарий, осуществляющий учет этого права [11, ст.ст.8 и 9];

3) применительно к информационному обеспечению деятельности

а) рост числа видов деятельности, обязательным условием которых является раскрытие информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [например, 12, ст. 3.1]; б) обращение к идее смарт-контракта и электронного договора [13, ч. 2 ст. 309; 14; 15, Р.6; 16].

Даже этот краткий обзор норм права приводит к выводу, что оформляются две тенденции: 1) изменение правового статуса и режима классических субъектов, объектов прав и правовых средств; 2) появление новых объектов и правовых средств.

Специфика правового статуса участников гражданского оборота в условиях цифровизации сводится к повышению требований (например, более высокий размер уставного капитала), эксклюзивности видов их деятельности и цифровизации информации об этих субъектах. Применительно к объектам гражданских прав происходит: а) изменение правового режима классических

объектов и 2) появление новых объектов прав. Информатизация общества и цифровизация экономики ведут к структурным изменениям всего рынка услуг.

Полагаем, что, объединив потенциал обоих государств, удастся выстроить по-настоящему эффективную модель для построения общей цифровой экономики.

### **Библиографический список**

1. Собрание законодательства (далее – СЗ) РФ. – 2017. – № 20. Ст.2901. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 10.05.2017;
2. Vasily V. Tarakanov, Agnessa O. Inshakova and Vladimira V. Dolinskaya. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor Elena G. Popkova (Studies in Computational Intelligence). - Springer, 2019. P.3-15. – Режим доступа: <https://www.springer.com/gp/book/9783030133962>.
3. Об утверждении программы «Цифровая экономика в Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017. – №1632-р // СЗ РФ. – 2017. – №32. – Ст. 5138.
4. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. – № 8. – Режим доступа: // <http://pravo.by>.
5. Федеральный закон от 08.06.2020, №168-ФЗ "О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации" 08.06.2020. – СЗ РФ. – 2020. – №24. – Ст.3742. Режим доступа: // <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 г. №254 "Об утверждении Правил перевода в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг)". – СЗ РФ. – 2017. №11. – Ст.1571 (с изм.). – Режим доступа: // <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 07.03.2017;
7. Федеральный закон от 27.12.2019 г. №478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности». – СЗ РФ. – 2019. – № 52 . – Ч. I. – Ст. 7796 (с изм.). – Режим доступа: // <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 28.12.2019.
8. Постановление Правительства РФ от 08.06.2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки». – СЗ РФ. – 2018. – №26. – Ст. 3843 (с изм.). – Режим доступа: // <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 19.06.2018.



9. П.3 ст.7 Федерального закона от 13.07.2015 г. №218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости». – СЗ РФ. – 2015. – №29. – Ч. I. – Ст. 4344 (с изм.). – Режим доступа: // <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 14.07.2015

10. Федеральный закон от 31.07.2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – СЗ РФ. – 2020. – №31. – Ч. I. – Ст. 5018. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 31.07.2020.

11. Федеральный закон от 02.08.2019 г. №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». –СЗ РФ. – 2019. – №31. – Ст. 4418 (с изм.). – Режим доступа: [www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). – Дата доступа: 02.08.2019.

12. Федерального закона от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2005. – №1. – Ч. 1. – Ст. 40 (с изм.).

13. Гражданский кодекс Российской Федерации.

14. Федеральный закон от 02.08.2019 г. №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; СЗ РФ. – 2020. – №31. – Ч. I. – Ст. 5018. – Режим доступа: [www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). – Дата доступа: 31.07.2020.

15. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.09.2018 г. №2101-р. – СЗ РФ. – 2018. – № 42. – Ч. II. – Ст. 6480. – Режим доступа: [www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). – Дата доступа: 11.10.2018

16. Концепция развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга, утв. Распоряжением Правительства РФ от 21.02.2020 г. № 381-р. – СЗ РФ. – 2020. – №10. – Ст.1357. – Режим доступа: [www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). – Дата доступа: 02.03.2020.

## **ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА**

**О.А. Евменчикова**

*старший преподаватель кафедры гражданского права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

В доктрине в качестве отдельного вида иммунитета государства рассматривается коллизионный иммунитет, суть которого заключается в невозможности применения к отношениям с участием государства норм

иностранного материального права, без его прямого на то согласия [1, с. 160–161]. В законодательстве большинства государств получил закрепление подход, согласно которому государство, выступая в качестве участника частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, действует наравне с иными субъектами, в связи с чем к подобным отношениям подлежат применению общие правила о выборе применимого права. Указанный подход получил закрепление в ст. 1114 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

В настоящее время в законодательстве большинства зарубежных государств в качестве основополагающей признана концепция гибкого подхода к определению права, подлежащего применению к договорам, согласно которой к договору подлежит применению право государства, с которым правоотношение наиболее тесно связано [2, с. 209]. В частности, данная концепция получила закрепление в п. 3 ст. 4 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза от 17 июня 2008 года № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» разрешает проблему конфликта законов в отношении наиболее распространенного вида обязательств частноправового характера – обязательств, вытекающих из гражданско-правовых или торговых (коммерческих) договоров (далее – Регламент Рим I) и является доминирующей в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов Европейского Союза.

В то же время в законодательстве ряда государств, в том числе Республики Беларусь, получила закрепление иная концепция, в соответствии с которой предусмотрено использование комплекса коллизионных предписаний, включающего «первоначальное применение жестких коллизионных норм, а при невозможности на их основе определить применимое право – гибкое коллизионное регулирование» [2, с. 209]. В качестве общего правила для выбора применимого права в законодательстве Республики Беларусь, а также ряда государств, с которыми у Республики Беларусь установлено тесное экономическое сотрудничество, закреплён следующий подход: при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору должно применяться право страны местонахождения (основного места деятельности, места жительства) стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора (доктрина характерного исполнения) [2, с. 211]. При невозможности определить сторону договора, осуществляющую решающее исполнение, следует руководствоваться правом страны, с которой договор наиболее тесно связан (закон наиболее тесной связи). Как отмечается в литературе, «для того, чтобы применить данный критерий, необходимо установить «наиболее тесную связь» возникшего правоотношения с конкретным порядком» [2, с. 64].

Исходя из концепции коллизионного регулирования договорных обязательств, закреплённой в законодательстве Республики Беларусь, принцип наиболее тесной связи подлежит субсидиарному применению при

невозможности установить сторону, осуществляющую решающее исполнение. Подобная ситуация может возникнуть в случае заключения смешанных и (или) непоименованных договоров.

На практике применение критерия наиболее тесной связи имеет определенные сложности в силу высокой степени неопределенности его содержания и присутствия субъективного начала, поскольку выбор права осуществляется путем толкования договора и всех относящихся к нему обстоятельств. В доктрине [3, р. 79; 4, р. 92; 5, с. 136] принцип наиболее тесной связи также приводится в качестве основания для применения права государства к договорным отношениям с частными лицами, поскольку в большинстве случаев сделки с участием государства имеют существенные связи с его территорией. Кроме того, исполнение по договорам с участием государства осуществляется, как правило, на территории данного государства. В частности, инвестиции на основании инвестиционного соглашения, как правило, осуществляются на территории государства, выступающего его стороной. Если инвестиционное соглашение между иностранным инвестором и государством не содержит оговорку о применимом праве, отношения сторон подчиняются, как правило, праву государства-реципиента.

Кроме того, заключение договоров с участием государства в некоторых случаях связано с выполнением определенных процедур на территории данного государства: проведение аукциона (конкурса) по выбору поставщика (исполнителя), проведение регистрации договоров в государственных реестрах, что также служит дополнительным фактором, свидетельствующим о наличии тесной связи договора с территорией Республики Беларусь. В частности, законодательством Республики Беларусь предусмотрено проведение:

конкурса по выбору частного партнера для заключения соглашения о государственно-частном партнерстве (ст. 6 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 года № 345-З «О государственно-частном партнерстве»);

конкурса или аукциона по выбору инвестора для заключения концессионного договора (ст. 13 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 63-З «О концессиях»);

конкурса по выбору инвестора (инвесторов) для заключения инвестиционного договора (п. 1.3 Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь»);

конкурса или аукциона по продаже акций (долей в уставных фондах) хозяйственных обществ, находящиеся в собственности Республики Беларусь или в собственности административно-территориальных единиц, а также предприятий как имущественных комплексов в процессе приватизации государственного имущества (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 года № 2103-ХІІ «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»);

аукциона (конкурса) по распоряжению государственным имуществом (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 10 мая 2019 года № 169 «О распоряжении государственным имуществом»).

Процедура регистрации договоров в государственных реестрах установлена законодательством для:

инвестиционных договоров (п. 13 Положения о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июля 2016 года № 563 «О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 года № 10»);

концессионных договоров (ст. 23 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 63-З «О концессиях»);

соглашений о государственно-частном партнерстве (п. 4 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 года № 345-З «О государственно-частном партнерстве»);

договоров, предметом которых является недвижимое имущество (п. 3 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 года № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним»).

Таким образом, применительно к выше перечисленным договорам возникают основания для признания наличия тесной связи договора с территорией Республики Беларусь, что может стать дополнительным фактором, предопределяющим разрешение коллизионного вопроса в пользу права Республики Беларусь.

По мнению В.А. Канашевского, принцип наиболее тесной связи «сохраняет свою значимость и сегодня ввиду отсутствия международных регуляторов» [6, с. 546]. Однако, как справедливо отмечается в доктрине, указание на особенности субъекта договора как на определяющий применимое право фактор нарушает принцип равенства субъектов международного частного права и противоречит коллизионным нормам, устанавливающим порядок участия государства в частноправовых отношениях [7, с. 320]. Поскольку в большинстве случаев договоры с участием государства имеют существенную связь именно с его территорией, можно сделать вывод, что по последствиям применения к договорным обязательствам принцип наиболее тесной связи фактически равнозначен коллизионному иммунитету государства.

С учетом изложенного следует констатировать, что практическая реализация закрепленного в законодательстве Республики Беларусь подхода, отрицающего коллизионный иммунитет государства, возможна при регулировании частноправовых отношений с участием государства, вытекающих из поименованных договоров, перечень которых установлен п. 1 ст. 1125 ГК. К отношениям, возникающим из прямо не поименованных в данной статье договоров, по которым невозможно однозначно определить

сторону, осуществляющую исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, более вероятно применение права государства-участника спора на основании принципа наиболее тесной связи правоотношения с территорией данного государства.

### **Библиографический список**

1. Богуславский М.М. Международное частное право. – Изд 7-е, перераб. и доп. – М., 2016.
2. Международное частное право: учеб. пособие / В. П. Мороз [ и др.]; под ред. В. П. Мороза. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016.
3. Delaume, G. Law and Practice of Transnational Contracts / Delaume, G. – New York.: Oceana Publications, 1988.
4. Sornarajah, M. The pursuit of nationalized property / M. Sornarajah. – Dordrecht: M. Nijhoff Publ., 1986.
5. Отдельные виды обязательств в международном частном праве / [Н. Г. Доронина и др.] ; отв. ред. В.П. Звеков; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Статут, 2008.
6. Канашевский, В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование / В.А. Канашевский. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, В.В. Грачев и др. ; под ред. А.П. Сергеева. – М. : Проспект, 2011.

## **ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**А.Г. Егорова**

*доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса  
юридического факультета*

*УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Вопросам применения жилищных норм уделяется большое значение как в юридической науке, так и в сфере правоприменения. Об этом свидетельствует число принимаемых судебных решений, а также рост числа публикаций в ведущих юридических журналах. Но, к сожалению, вопросам теоретического свойства в жилищно-правовой тематике уделяется недостаточное внимание. Вместе с тем, объективно самостоятельная сфера жилищно-правовых отношений существует и развивается. Она присутствует не только в виде конкретного комплекса норм, но и в доктринальных формах – как самостоятельное направление правовых исследований и как учебная дисциплина.

Жилищное право, как самостоятельная отрасль в системе белорусского права может рассматриваться сегодня исключительно в качестве комплексной отрасли права. Первым на данный характер жилищного права обратил внимание исследователь В.К. Райхер [1, с. 47 - 50]. И хотя уже прошло довольно продолжительное время, утверждение автора остается актуальным до сих пор по следующим причинам.

Во-первых, это обусловлено разнородностью норм. Сюда относятся и конституционные нормы, закрепляющие права граждан на жилище (ст. 48 Конституции Республики Беларусь), и нормы, распределяющие компетенцию между различными органами власти и управления в сфере жилищных правоотношений, и нормы, регулирующие постановку граждан на учет нуждающихся в жилых помещениях. Спектр данных регулятивных правил достаточно широк. С другой стороны, жилищные отношения продолжают регулироваться нормами гражданско-правового характера, доля которых в общей регулятивной массе достаточно велика. И можно сказать, что гражданско-правовая природа жилищных отношений прежде всего определяет характер жилищного права как частной отрасли национального права. Это обстоятельство послужило поводом для утверждения определенной концепции, что жилищное право является подотраслью гражданского права. Но представляется, что в современный период разрастания технократических условий управления различными имущественными объектами, говорить о таком характере жилищного права уже поздно. Тем более, что и ряд исследователей, все больше тяготеют к признанию данной правовой ветви самостоятельной частно-публичной отраслью права [2, с. 5 - 30]. Конечно же, термин этот достаточно условен и еще требует своего практического и доктринального подтверждения. Но, представляется, что он имеет право на жизнь в качестве синонима «комплексной отрасли права».

Представляется, что основным критерием определения комплексности зародившейся отрасли права необходимо сегодня признавать не доктринальные концепции предмета и метода правового регулирования, что свойственно дифференциации традиционных устоявшихся отраслей права, а целевую установку появления этих новых норм, то есть то, для чего законодатель и правоприменитель определили необходимость существования такой отрасли правового регулирования.

Во-вторых, комплексность характера отрасли права влечет комплексность законодательства или, напротив, определяется комплексностью системы законодательства, регулирующего жилищные отношения. Первичным, основным блоком являются гражданские нормы, которые, как известно, нацелены на удовлетворение и регулирование частного интереса в жилищной сфере. Но кроме данных норм, мы имеем дело с публичными нормами, которые, с одной стороны, не должны противоречить принципам и нормам гражданского права, с другой стороны, должны развивать положения частноправового характера. Так, публичные начала в жилищном праве

позволяют создать баланс интересов различных участников жилищных отношений. Также публичные нормы служат алгоритмом реализации частноправовых норм при регулировании ими жилищных отношений. Как итог, совместная реализация частных и публичных норм в жилищных отношениях позволяет снимать социальные конфликты в обществе и избегать социальной напряженности. Без взаимовыгодного применения обеих групп норм качество применения жилищного законодательства как исключительно частного или публичного заметно пострадало бы.

Жилищное право, как самостоятельное научное направление в нашей стране возникло достаточно недавно. Подавляющее большинство исследований носит больше учебный характер и представлено в форме изданий, адресованных студенческой аудитории. Вместе с тем, исследования, проводимые отечественными цивилистами, в рамках гражданского права, позволяют сегодня использовать имеющиеся наработки для их адаптации к проблемам жилищного права. К числу исследователей, занимающихся гражданско-правовыми вопросами жилищных отношений можно отнести В.Ф. Чигиря, которым были подготовлены фундаментальные работы в данной области [3]. Развитие белорусской науки жилищного права необходимо рассматривать в аспекте самостоятельного научного направления. Какой бы влиятельной не была цивилистическая наука, на данный момент она не сможет обеспечить полного и качественного формирования новой науки, испытывающей потребность в комплексном задействовании специальных знаний из других отраслевых юридических наук. Речь идет не только о частноправовых дисциплинах, но и о целом ряде научных направлений в области административного, налогового, и даже уголовного права. Следует отметить также роль и влияние новых научных направлений. Такие направления как информационное право, сравнительное правоведение, предпринимательское право и целый ряд других способны также оказать свое позитивное влияние на самостоятельное развитие науки жилищного права [4].

Жилищное право, как самостоятельная учебная дисциплина должна не только стать полноценным компонентом, формирующим знания будущих юристов, но обрести свой учебный статус при подготовке специалистов других направлений. Большое значение и востребованность данная дисциплина будет иметь в подготовке специалистов экономического профиля, студентов, обучающихся по специальностям, связанным с экспертизой недвижимости, оказанием риэлтерских услуг. Кроме того, жилищное право или его определенный спецкурс должны преподаваться при осуществлении переподготовки специалистов, которые решили изменить свой образовательный профиль.

Таким образом сфера жилищного права станет не только приобретать научные компоненты регулирования общественных отношений, но и повлечет качественным образом на правосознание как специалистов, так и гражданского общества в целом.

### **Библиографический список**

1. Райхер, В.К. Общественно-исторические типы страхования. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
2. Жилищное право как частно-публичная отрасль права // Жилищное право. – 2011. – № 3. – С. 5-30.
3. Чигир, В.Ф. Договор найма жилого помещения: по новому жилищному законодательству. – Минск : Амалфея, 2001.
4. Егоров, А.В. Сравнительное правоведение, сравнительное право и международное частное право // Правовое обеспечение экономических реформ в славянских государствах. – Минск : БГЭУ, 2000. – С. 168 – 177.

### **ИЗМЕНЕНИЕ ДОГОВОРА НАЙМА АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ ЧЛЕНА СЕМЬИ НАНИМАТЕЛЯ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ**

**Ю.В. Емельянова**

*преподаватель кафедры правового обеспечения  
экономической деятельности*

*Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Жилищные правоотношения, хоть и характеризуются относительной стабильностью, являются развивающимся явлением, что не исключает возможности их изменения.

По общему правилу, предусмотренному п. 1 ст. 60 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) договор найма арендного жилья может быть изменен по соглашению сторон, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Одним из таких частных случаев является изменение договора найма арендного жилья по требованию члена семьи нанимателя арендного жилья о заключении с ним отдельного договора найма (ч. 2 п. 1 ст. 60 ЖК). В литературе данный случай изменения договора найма еще называют «разделом жилого помещения» или «разделом лицевого счета».

Чаще всего раздел жилого помещения используется для урегулирования споров по вопросам пользования и содержания жилого помещения, которые возникают между бывшими супругами, между родителями и взрослыми детьми, а также другими гражданами, которые хоть и проживают в одном жилом помещении, но не ведут общего хозяйства, и часто имеют неприязненные отношения. Как справедливо отмечает Е.В. Попова, после раздела жилое помещение превращается в коммунальное уже не только фактически, но и юридически, а члены или бывшие члены семьи становятся соседями [1, с. 95].

Раздел арендного жилья может осуществляться как в судебном, так и во внесудебном порядке. Во внесудебном порядке изменение договора найма арендного жилья происходит в порядке осуществления административной процедуры в соответствии с пп. 1.1.13 Перечня административных процедур,



осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 года № 200 (далее – Перечень административных процедур).

Для изменения договора найма арендного жилья по требованию члена семьи нанимателя о заключении с ним отдельного договора найма, должны быть соблюдены определенные условия.

Во-первых, право требовать раздела арендного жилья, согласно ч. 2 п. 1 ст. 60 ЖК и абз. 10 графы 3 пп. 1.1.13 Перечня административных процедур, может только совершеннолетний член семьи нанимателя арендного жилья.

Представляется, что правом требовать изменения договора найма арендного жилья с заключением отдельного договора найма обладают не только совершеннолетние члены семьи нанимателя, но и дееспособные несовершеннолетние, поскольку они вправе самостоятельно заключать договора. Что касается, несовершеннолетних (за исключением эмансипированных или вступивших в брак), а также граждан, признанных недееспособными или ограниченных в дееспособности судом, то, исходя из положений п. 2 ст. 53 ЖК, право требовать заключения отдельного договора найма арендного жилья в их интересах может их законный представитель.

Такой позиции придерживается и Верховный Суд Республики Беларусь, отмечая в Обзоре судебной практики, что «не является препятствием для изменения договора найма жилого помещения с заключением отдельных договоров несовершеннолетний возраст лиц, которым изолированное жилое помещение выделялось в пользование судом.

Решением суда Борисовского района постановлено изменить договор найма, выделив двум несовершеннолетним детям Х. во владение и пользование две жилые комнаты, их отцу – одну изолированную комнату. Судебная коллегия по гражданским делам Минского областного суда, оставляя решение без изменения, правильно указала, что изменение договора найма с заключением отдельного договора найма в интересах несовершеннолетних детей по требованию их законного представителя (матери Х.) согласуется с положениями ЖК, и связано с реализацией гарантированных жилищным законодательством прав несовершеннолетних детей» [2, с. 28].

Требовать раздела жилого помещения может и сам наниматель арендного жилья, хоть это прямо и не предусмотрено жилищным законодательством, поскольку наниматель обладает теми же правами, что и члены его семьи.

Также, прямо не предусмотрена в ЖК возможность требования бывшим членом семьи нанимателя изменения договора найма арендного жилья и заключения с ним отдельного договора. Такое право вытекает из положений п. 4 ст. 58 ЖК, согласно которым бывшие члены семьи нанимателя, проживающие совместно с ним, сохраняют все свои права и несут обязанности в соответствии с договором найма, если иной порядок не установлен письменным соглашением о порядке пользования жилым помещением.

Следовательно, требовать раздела арендного жилья могут не только члены семьи нанимателя арендного жилья, но и сам наниматель, а также бывшие члены его семьи, которые проживают совместно с ним.

Во-вторых, для раздела арендного жилья необходимо письменное согласие остальных совершеннолетних членов семьи, проживающих совместно с членом семьи нанимателя арендного жилья, в том числе и письменное согласие самого нанимателя. Отказ, как нанимателя, так и остальных совершеннолетних членов семьи от изменения договора в добровольном порядке может быть обжалован в судебном порядке (п. 2 ст. 60 ЖК).

В-третьих, возможность изменения договора найма арендного жилья по данному основанию зависит от наличия изолированной комнаты (комнат), которая может быть выделена члену семьи нанимателя арендного жилья. Следует согласиться с мнением Ю.Г. Басина, что наличие отдельной комнаты, отвечающей по размерам доле выделяющегося, является единственным реально необходимым условием для раздела жилого помещения [3, с. 24].

Согласно п. 20 ст. 1 ЖК изолированной жилой комнатой признается жилая комната, не связанная с другой жилой комнатой общим входом. Следует отметить, что раздел жилого помещения возможен только в том случае, если к моменту изменения договора найма арендного жилья члену семьи нанимателя изолированная комната может быть выделена фактически, а не технически.

Однако, одной только возможности выделения изолированной комнаты недостаточно. Согласно ч. 2 п. 1 ст. 60 ЖК необходимо, чтобы ее размер соответствовал приходящейся на члена семьи нанимателя доле общей площади жилого помещения. При этом, наниматель и члены, бывшие члены его семьи, имеют право на равную долю общей площади занимаемого жилого помещения, независимо от возраста и продолжительности проживания. Иной порядок определения приходящейся на члена семьи нанимателя доли общей площади жилого помещения, может быть установлен в письменном соглашении о порядке пользования жилым помещением, которое должно быть заключено и зарегистрировано в установленном законодательством порядке.

В-четвертых, для изменения договора найма арендного жилья по требованию члена семьи нанимателя, необходимо, чтобы арендное жилье было предоставлено во владение и пользование не на период трудовых (служебных) отношений.

С момента создания фонда жилых помещений коммерческого использования (арендного жилья) подп. 2.3 Указа Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 года № 512 «О некоторых вопросах использования государственного жилищного фонда» был установлен запрет на раздел арендного жилья. Данный запрет был закреплен и в подп. 1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013 года № 563 «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений». Вследствие чего, вплоть до момента вступления в силу новой редакции ЖК от 15 мая 2019 года, члены семьи нанимателя арендного жилья, независимо от условий, на которых

предоставлялось арендное жилье, не вправе были требовать заключения с ним отдельного договора найма.

В Российской Федерации от института раздела жилых помещений отказались еще при принятии в 2004 года нового Жилищного кодекса Российской Федерации. Достаточно емко по этому поводу высказался Ю.К. Толстой, отмечая, что аргументы, приводимые в обоснование позиции об упразднении раздела жилья, заслуживают внимания, но «они все же менее весомы, чем аргументы тех, кто считает, что за гражданами, получившими жилое помещение в наем, право на его раздел следует сохранить» [3, с. 126].

Несмотря на то, что наниматель и члены его семьи, как собственно и бывшие члены его семьи, в случае имеющихся разногласий в любой момент могут заключить соглашение о порядке пользования жилым помещением, в отдельных случаях единственным способом минимизации конфликтов может быть только раздел жилого помещения. Возможно, поэтому новая редакция ЖК вернула возможность раздела арендного жилья по требованию члена семьи нанимателя, но оставила ограничение для договоров найма арендного жилья, заключенное на срок трудовых (служебных) отношений.

Таким образом, для изменения договора найма арендного жилья по требованию члена семьи нанимателя арендного жилья о заключении с ним отдельного договора найма необходимо наличие следующего юридического состава:

1) заявление нанимателя, члена, бывшего члена семьи нанимателя арендного жилья с требованием заключения с ним отдельного договора найма;

2) письменное согласие нанимателя арендного жилья и проживающих совместно с ним других совершеннолетних членов семьи нанимателя. В случае раздела арендного жилья в судебном порядке, наличие письменного согласия не является обязательным;

3) наличие изолированной жилой комнаты (комнат), которая может быть выделена в пользование члену семьи нанимателя, либо исходя из приходящейся на его долю общей площади жилого помещения, либо в соответствии с соглашением о порядке пользования жилым помещением;

4) решение об изменении договора найма арендного жилья по требованию члена семьи нанимателя, если изменение договора происходит в порядке осуществления административной процедуры; либо соответствующее решение суда, если изменение договора происходит в судебном порядке.

Раздел жилого помещения влечет за собой не только изменение предмета договора, поскольку жилое помещение по договору условно делится на части и закрепляется за двумя и более нанимателями. Меняется и субъектный состав, на стороне нанимателя за счет заключения с членом его семьи отдельного договора. А также происходят изменения в содержании договора, например: уменьшается размер платы за арендное жилье, так как он зависит от площади занимаемого жилого помещения.

### **Библиографический список**

1. Попова, Е.В. Договор найма жилого помещения :дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Попова. – Волгоград, 2004. – 193 с.
2. Практика применения судами жилищного законодательства при разрешении споров, связанных с договорами найма жилых помещений государственного жилищного фонда (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2014. – № 3. – С. 23–34.
3. Басин, Ю.Г. Вопросы советского жилищного права / Ю. Г. Басин. – Алма-Ата : Изд-во Казах.ун-та, 1963. – 244 с.
4. Толстой, Ю.К. Жилищное право : учебник / Ю. К. Толстой. – М. : ТК Велби : Проспект, 2007. – 176 с.

### **АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕФЕРЕНЦИЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ СУБЪЕКТАМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ**

**С.Л. Ермакович**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Эффективное функционирование рыночной экономики предполагает неукоснительное соблюдение всеми участниками гражданско-правовых отношений правил конкуренции. К их числу, помимо субъектов хозяйствования, относится государство, которое устанавливает правила конкурентного поведения и взаимодействия субъектов на товарных рынках и, при необходимости, осуществляет защиту нарушенных прав и законных интересов участников хозяйственной деятельности.

Важным рычагом государственного воздействия на товарные рынки является предоставление государственных преференций отдельным субъектам предпринимательской деятельности. Согласно Закону Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [1] под государственной преференцией понимается «предоставление государством отдельным хозяйствующим субъектам преимущества, обеспечивающего им более выгодные условия деятельности, путем передачи государственного имущества, иных объектов гражданских прав, предоставления государственной финансовой поддержки» (п. 2.7. ст. 23).

Конкретные формы государственных преференций могут быть самыми разнообразными: предоставление отдельным хозяйствующим субъектам налоговых льгот, специального правового режима функционирования, предоставление льготных кредитов, гарантированный сбыт произведенной продукции, льготный допуск к государственным закупкам, страхование рисков предпринимательской деятельности и т.п.

Однако государственные преференции ставят в исключительное (привилегированное) положение отдельных хозяйствующих субъектов, выводят их из-под конкурентного воздействия рынка и тем самым ослабляют конкурентные возможности остальных субъектов рыночных отношений. Поэтому вышеуказанный Закон запрещает предоставление государственных преференций, если они приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции и (или) причинению вреда правам, свободам и законным интересам юридических или физических лиц (п. 1.4 ст. 23).

Указанные выше новеллы Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», несмотря на их важность и необходимость, являются явно недостаточными для их эффективного применения в практике антимонопольного регулирования. Они должны быть дополнены другими нормами и, прежде всего, нормами, указывающими на цели предоставления государственных преференций. Полагаем, что эти цели должны быть достаточно ограниченными, сведены к разумному минимуму, четко сформулированными, иметь отношение к наиболее важным публичным интересам. В частности, государственные преференции могут и должны предоставляться в целях охраны окружающей среды, обеспечения обороноспособности и безопасности государства, поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, охраны здоровья граждан.

Конкретизация целей государственных преференций придаст им адресный характер и позволит направить их на решение приоритетных задач социально-экономического развития.

По примеру других стран следует также отразить в антимонопольном законодательстве те формы преференций, которые не относятся к государственным. В этом отношении показательным является Закон Российской Федерации «О защите конкуренции» [2], который содержит перечень форм государственной помощи субъектам товарного рынка, не являющихся государственной преференцией (п. 4 ст. 19 гл. 5).

В антимонопольном законодательстве следует также закрепить условия, исключающие возможность предоставления государственных преференций. Однозначно они не должны регулярно предоставляться «хронически» убыточным предприятиям с государственной формой собственности. Постоянная поддержка не стимулирует их руководство к повышению эффективности управления и в тоже время создаёт спрос на ещё большую помощь.

Государственная помощь не должна оказываться и хозяйствующим субъектам, занимающим доминирующее положение на товарных рынках, т.к. это неизбежно приведёт к ещё большему усилению их рыночной власти, могущей ещё более негативно повлиять на конкурентоспособность остальных хозяйствующих субъектов. Данное мнение находит своё подтверждение в практике конкурентного регулирования Европейского Союза [3, с. 138-139].

Поскольку государственные преференции имеют преимущественно дискриминационный характер, т. е. оказанная государственная поддержка ставит в более благоприятное положение отдельных хозяйствующих субъектов при одновременном ущемлении конкурентных возможностей остальных, то в этой связи в антимонопольном законодательстве следует указать признаки ограничения конкуренции. К ним можно отнести: снижение объёмов продаж и прибыли непривилегированных хозяйствующих субъектов, рост или снижение цены товара, не связанных с изменением общих условий обращения товара на рынке, сокращение численности хозяйствующих субъектов на рынке, затруднение доступа на рынок новых хозяйствующих субъектов.

Однако указанные признаки ограничения конкуренции могут быть следствием и других обстоятельств, например, следствием монополистической деятельности хозяйствующих субъектов. Но нужно иметь в виду, что именно государственные преференции как раз и способствуют усилению рыночной власти, во многих случаях обеспечивают возможность достижения отдельными субъектами товарных рынков доминирующего положения и использования его исключительно в собственных интересах, не принимая во внимание интересы всех остальных хозяйствующих субъектов.

Формализация всех вышеназванных мер в антимонопольном законодательстве повысит эффективность правового регулирования предоставления государственных преференций в сфере предпринимательской деятельности, основанной на конкурентных началах.

### **Библиографический список**

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Респ. Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З с последующими изменениями и дополнениями. Pravo.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300094>. – Дата доступа: 16.11.2020.
2. О защите конкуренции. Закон Рос. Федерации от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями. Consultant.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_61763](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763). – Дата доступа: 16.11.2020.
3. Сидорчук, В. К. Введение в европейское конкурентное право: учебное пособие / В. К. Сидорчук. – Минск: Зорныверасок, 2010. – 178с.

# **МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**Е.В. Ермоленко**

*доцент кафедры гражданского и трудового права  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Существование и функционирование надежного и действенного механизма гражданско-правовой защиты субъективных прав является важным условием обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Все усилия белорусского законодателя должны быть направлены на разработку и внедрение в правовую действительность страны самых разнообразных юрисдикций и полномочий по защите имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданских правоотношений.

Общепризнанным является выделение в структуре механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений таких этапов как: 1) гражданско-правовая регламентация общественных отношений, которая может быть основана на нормативном регулировании, а также определяться соглашением участников таких отношений; 2) возникновение субъективных прав и обязанностей у субъектов конкретных гражданских правоотношений на основании юридических фактов; 3) реализация субъективных прав и обязанностей в таких формах применения права как соблюдение, использование, исполнение, применение.

В структуре механизма гражданско-правовой защиты субъективных прав можно выделить этапы, присущие механизму гражданско-правового регулирования общественных отношений, а также некоторые специфические этапы и присущие им элементы, обусловленные особенностями возникновения охранительных гражданских правоотношений и формами реализации права.

Так, на первом этапе механизма гражданско-правовой защиты создается правовая регламентация общественных отношений на основе норм права или соглашения сторон, закрепляющая права и обязанности субъектов гражданских правоотношений и обеспечивающая их защиту.

На втором этапе, на основании конкретных юридических фактов объективное право преобразуется в субъективные права и обязанности сторон гражданских правоотношений. Для последующей реализации механизма гражданско-правовой защиты субъективных прав немаловажное значение будет иметь вид гражданского правоотношения, возникшего на данном этапе и, в зависимости от характера взаимосвязи управомоченного и обязанного субъектов (кругу и определению обязанных лиц) оно может быть абсолютным (праву управомоченной стороны противостоит обязанность неопределённого круга лиц воздержаться от определённых действий) или относительным (праву управомоченного лица корреспондирует обязанность конкретного лица).

На третьем этапе наступают юридические факты негативного характера, которые, в свою очередь, порождают охранительные гражданские правоотношения. Основопологающим элементом механизма гражданско-правовой защиты на данном этапе является субъективное право на защиту нарушенных благ.

На четвертом этапе происходит реализация субъективного права на защиту в форме применения права. При этом управомоченный субъект имеет право на собственные действия, направленные на защиту и восстановление нарушенного субъективного права или охраняемого законом интереса (самозащита), право на обращение к специальным правоприменительным (правозащитным) органам, организациям и лицам, которые в рамках своей компетенции могут рассмотреть и разрешить притязания потерпевшей стороны, а также имеет право требовать правомерного поведения непосредственно от обязанного лица. На данном этапе происходит принятие индивидуального правоприменительного акта, касающегося участников охранительного гражданского правоотношения.

Последний, пятый этап, можно охарактеризовать как реализацию правоприменительного акта, в случае обращения за защитой и восстановлением нарушенного субъективного права или охраняемого законом интереса к уполномоченным на то государственным органам, иным организациям и лицам. Так, реализация правоприменительного акта может быть осуществлена обязанным лицом, как в принудительном, так и в добровольном порядке.

Функционирование действенного механизма гражданско-правовой защиты субъективных прав должно опираться на общепризнанные принципы международного права, национальное законодательство Республики Беларусь. Согласно ст. 59 Конституции Республики Беларусь государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь. В ст. 60 Конституции содержится положение, которое гарантирует защиту гражданских прав в судебном порядке. Более детальную регламентацию данные положения находят в отраслевом законодательстве Республики Беларусь.

Следует отметить, что законодательство Республики Беларусь о защите субъективных гражданских прав в целом соответствует общепризнанным международным стандартам в области прав человека и современным тенденциям развития внесудебных юрисдикций и, что является немаловажным, постоянно совершенствуется, в результате чего появляются новые правовые конструкции защиты гражданских прав. О чем свидетельствуют, например, принятые Законы Республики Беларусь: от 18 июля 2011 года № 301-З «О третейских судах», от 9 июля 1999 года № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде», от 12 июля 2013 года № 58-З «О медиации».

Гражданское и гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь предусматривает и регламентирует различные формы, порядки, способы и средства защиты субъективных гражданских прав. Тем не менее, в



белорусской цивилистике в настоящее время назрела необходимость создания единой концепции механизма гражданско-правовой защиты субъективных прав, которая в полной мере будет способствовать реализации правозащитной функции гражданского права.

Механизм гражданско-правовой защиты субъективных прав обладает межотраслевой спецификой и содержит как материально-правовой, так и процессуально-правовой аспекты правового регулирования. Поэтому его детальная разработка требует комплексного подхода, системности в изучении ключевых институтов и категорий защиты субъективных гражданских прав.

Для реализации действенного механизма гражданско-правовой защиты необходимо избегать законодательного закрепления абстрактных категорий и правовых явлений. Все предусмотренные в Республике Беларусь правовые конструкции должны быть направлены на реальное обеспечение прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений. Нормы права, а также правоприменительная (правозащитная) деятельность не должны носить лишь формальный характер, они должны быть способны к действительной реализации предусмотренного законодательством страны права на защиту субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов.

## **ДЕЙСТВИЕ ПРАВА КАК ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА В ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

**Т.В. Иванова**

*старший преподаватель кафедры теории и  
истории государства и права юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

Правопонимание в рамках любого типа основывается на признании способности права выступать регулятором социальных отношений. Исходное ценностное начало права – способность оказывать воздействие на волю и сознание людей. Отсюда и проистекает значение вопросов действия права. При этом право мы рассматриваем во взаимосвязи с иными социальными явлениями и философскими основаниями, экономикой, географией, мировоззрением, в отрыве от которых не будет иметь место действие права, трансформация абстрактных положений в реальные правоотношения, то есть – в логике открытой системности [1, с. 97].

Действие права – это его информационное, ценностно-мотивационное и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения в пределах определенного пространства, времени и круга лиц. Право потеряло бы всякий смысл, если бы не проявляло себя как активное творческое начало, если бы не формировало и не изменяло общественную среду, не определяло направление и формы поведения участников общественных отношений. Право действует и в сфере законотворчества, и в области активной реализации

установленных законоположений, и в сфере пассивной охраны действующих нормативных правовых актов. Действие права указывает на функционирование отдельных норм и всей правовой системы. Оно подчеркивает динамизм права, хотя и статическая функция права немыслима вне его действия.

Действие права означает переход (перевод) социальных моделей и абстрактных ценностей в реальную практику. Действие права материализует присущую праву по определению справедливость в поведение отдельной личности, поведение социальных общностей, образ жизни общества. Право как серьезная социальная сила реализует свой потенциал в ходе воздействия на общественные отношения. Действие права имеет свою внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона связана с восприятием права его адресатами. Внешняя – с формами и методами, которыми заявляет о себе право, а также формами и методами правомерного поведения управомоченных и обязанных субъектов.

Было бы неверно отрывать действие права от потребностей и интересов людей. Социально-экономическая, политическая, культурная и собственно правовая обусловленность действия права составляет его системообразующий стержень. В книге Ш.Л. Монтескье «О духе законов» наиболее полно, на наш взгляд, была прослежена в свое время зависимость содержания права, его направленность и его результативность от многообразных условий жизни разных народов. По условиям современности мы имеем разве лишь более цивилизованное в целом проявление многочисленных факторов, но время не изменило их направленности на механизм действия права.

Невозможно отрывать действие права от деятельности государства. Этот момент освещается в работах о соотношении права и государства, о понятии права и государства, их воздействии на развитие общества. Задача государства состоит в обеспечении действия права. Оно вырабатывает средства правовой регуляции. Оно пускает эти средства в ход для достижения конечных целей права.

Как следует из приведенного ранее определения, действие права включает в себе прежде всего информационное начало. Право содержит многообразную информацию, и не просто правовую информацию, а знания о самых разнообразных аспектах жизни социума. Именно поэтому исторические памятники права служат для нас кладезью правовой информации о различных государственно-правовых институтах, о различных сторонах жизни общества. А знание, как известно, учит и призывает соответствующим образом действовать.

С информационным действием права тесно связано и действие ценностно-мотивационное. Следует, однако, заметить, что помимо действия определенных знаний на мотивацию адресатов права напрямую, законодателю приходится вводить специальные нормы и положения, закрепляемые, в частности, в преамбулах, дабы вызвать мотивы правомерного поведения.

Информационное и ценностно-мотивационное действие права в первую очередь призвано реализовать охранительную функцию права. Но особой содержательной стороной действия права является собственно правовое регулирование, отражающее сугубо динамическую роль права. Здесь право организует поведение участников общественных отношений, заставляя их действовать активно в соответствии с возлагаемыми на них обязанностями, стимулирует соответствующее поведение, фиксируя у своих адресатов субъективные права.

Действие права охватывает собой предметное действие; действие во времени; действие в пространстве; действие по кругу лиц.

В предмет правового регулирования входят волевые отношения, что исключает распространение действия права на события или состояния, в которых не участвует человеческая воля. Повлиять на их ход право не может.

Во времени действие права начинается еще до появления государственного веления, когда формируются социальные предпосылки правового регулирования той или иной ситуации (источники права в материальном смысле). Именно источники права побуждают к действию субъектов правотворчества. Именно источники права материализуются и способствуют принятию нормативных правовых актов. И лишь затем актуализируется проблема действия актов, изданных в установленном порядке компетентными государственными органами.

Действие права в пространстве не ограничено какими-либо территориальными пределами. Не случайно имеет место примат международного права. Однако действие законов и других нормативных правовых актов, исходящих от государства, ограничивается пределами государственной территории.

Право в принципе адресовано человеку. Но, воплощаясь в нормативных правовых актах государства, оно ограничивается в своем действии, как правило, кругом лиц, проживающих на территории данного государства.

Право выступает в качестве высшей социальной ценности лишь тогда, когда его принципы и нормы воплощаются в жизни, реализуются в действиях субъектов социального общения. Общество, с одной стороны, и государство, с другой, принимают на себя обязательство следовать праву. Речь идет о конструировании правопорядка. Суть правопорядка состоит в том, что на основе права складываются реальные общественные отношения [2, с. 375]. При анализе действия права в связи с правопорядком следует иметь в виду три обстоятельства: 1) разные правовые системы “доверяют” поиск и формирование права разным силам – народу, парламенту, судьям, администраторам, ученым и т.д.; 2) творческая реализация права, становление прочного конкретизированного правопорядка всегда заключают в себе элементы правотворчества; 3) разные правовые системы по разному определяют, какие акты признавать правом [3, с. 411].

Исходной формой действия права государством является законоотворчество. Принятие законов, формулирование в законах правовых предписаний – трудоемкий процесс для субъектов законоотворчества. Тем самым они реализуют содержащиеся в общественных отношениях объективные по обстоятельствам и естественные по условиям места и времени требования. Принятие подзаконных актов — уже вторичный процесс. Здесь в основном в форме конкретизации реализуется право, выраженное в законах.

Установление государством правовых норм не представляет самоцели. Главная же задача состоит в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом осуществлении положений норм права, т.е. реализации права в объективном смысле.

Реализацию права можно рассматривать как процесс, и как конечный результат действия права.

Как конечный результат реализация права означает достижение полного соответствия между требованиями норм совершить или воздержаться от совершения определенных поступков и суммой фактически последовавших действий. Так, согласно нормам, регулирующим индивидуальную трудовую деятельность, граждане до начала занятия ею должны: 1) получить разрешение; 2) уплатить государственную пошлину за выдачу документа на разрешение; 3) получить регистрационное удостоверение или 4) получить лицензию. Только эти действия, а не какие-либо их эквиваленты, и только в полном наборе будут означать реализацию требований закона. Реализацией права достигается тот результат, к которому законодатель стремится и который, по его мнению, должен привести к какой-то полезной цели. Достижение последней (в нашем примере, скажем, развитие какого-то промысла, каких-то услуг) выходит за рамки реализации права. Юриста интересуют лишь действия, которых требует закон.

Реализация права как процесс может быть охарактеризована с объективной и субъективной стороны.

С объективной стороны она представляет собой совершение определенными средствами, в известной последовательности, в некоторые сроки и в некотором месте предусмотренных нормами права правомерных действий.

Субъективная сторона в реализации права характеризует отношение субъекта к реализуемым правовым требованиям, его установки и волю в момент совершения предписываемых действий. Субъект может быть заинтересованным в реализации права, осуществлять правовые предписания из сознания общественного долга или из страха неблагоприятных последствий. Но главное в этом процессе – scrupulous следование образу действий, условиям места и времени их совершения. Сущность реализации права с субъективной стороны состоит в повиновении адресата норм права их требованиям. Если он решительно отказывается повиноваться предъявленному требованию, то последнее никогда не будет осуществлено в его поведении. Поэтому

государство использует ряд методов для того, чтобы сформировать у граждан, должностных лиц и коллективных субъектов права потребность, желание или необходимость совершить предусмотренные в нормах права действия.

Эффективность перевода нормативных требований права в реальное поведение связана в конечном счете с совершенствованием элементов механизма действия права (норм права, юридических фактов, правоотношений), воздействием на ценностно-мотивационную сторону действия права (формированием определенного уровня правовой культуры субъектов правоотношений).

### **Библиографический список**

1. Калинин, С.А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы : о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. – Том 15. – №1. – С. 94-124.
2. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ ; Изд-во «Четыре четверти», 2017.
3. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010.

## **ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

**Н.И. Ивуть**

*ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
УО «Белорусский государственный экономический университет»*

В целях укрепления и развития судебной системы важное значение имеет надлежащее и своевременное исполнение судебных постановлений и иных актов. Эффективность защиты прав несовершеннолетних в исполнительном производстве зависит в первую очередь от совершенства законодательства об исполнительном производстве и от качества работы судебных исполнителей. Несовершеннолетние в силу недостаточного объема дееспособности, не могут самостоятельно защищать свои интересы в исполнительном производстве. Для этих целей в исполнительном производстве существует институт представительства.

Сторонами исполнительного производства согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» являются взыскатель и должник [1].

Взыскателем является гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства, в том числе индивидуальный

предприниматель, юридическое лицо Республики Беларусь, иностранное юридическое лицо, организация, не являющаяся юридическим лицом, Республика Беларусь, административно-территориальная единица Республики Беларусь, в пользу или в интересах которых выдан исполнительный документ. А должником является гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, организация, не являющаяся юридическим лицом, Республика Беларусь, административно-территориальная единица, обязанные по исполнительному документу совершить определенные действия (передать денежные средства и (или) иное имущество, исполнить другие требования, содержащиеся в исполнительном документе) или воздержаться от совершения определенных действий [1, абз. 2, 4 ст. 1].

Несовершеннолетние также могут являться сторонами исполнительного производства. Однако, права и законные интересы несовершеннолетних, не обладающих дееспособностью в полном объеме, и граждан, признанных в установленном порядке недееспособными или ограниченно дееспособными, в исполнительном производстве представляют их законные представители. Данное положение, как отмечает Н.Н. Никонова [2] не соответствует требованиям законодательства. Так как дееспособностью в полном объеме обладают и эмансипированные граждане, и лица, вступившие в брак до достижения 18 лет. Кроме того, не обладая дееспособностью в полном объеме, несовершеннолетние могут обладать дееспособностью в рамках определенной группы правоотношений. На наш взгляд, по аналогии с гражданским процессуальным законодательством, предоставляющим несовершеннолетним право самостоятельно обращаться в суд за защитой своих личных прав и охраняемых законом интересов на основании ч. 3 ст. 59 ГПК Республики Беларусь, соответствующее право необходимо предоставить данным лицам и в исполнительном производстве. В связи с этим представляется возможным их самостоятельное участие на стороне взыскателя. Участвуя самостоятельно, они будут обладать всеми процессуальными правами, в том числе правом, предоставленным им ст. 20 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» пользоваться помощью представителя. И в данном случае следует принять нормы о договорном, а не законном представительстве.

Представителями в исполнительном производстве могут быть адвокаты, законные представители, близкие родственники (родители, усыновители (удочерители), дети, в том числе усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки), супруг (супруга), иные лица в случаях, предусмотренных законодательными актами [1, ч. 2 ст. 20]. Анализ данной нормы позволяет выделить виды представительства в исполнительном производстве, к которым следует отнести законное и договорное. Как отмечает Е.А. Унукович «закон ограничил возможность участия в исполнительном производстве некоторым лицам, которые могут выступать представителями в суде по гражданским делам. Так, Закон не предусматривает возможность участия в исполнительном производстве представителей, назначенных судом;

не предусмотрена возможность участия представителем одному из соучастников» [3, с. 568]. Также не представлена возможность общественных организаций участвовать в качестве представителя в исполнительном производстве.

Следует согласиться с мнением Н.Н. Никоновой, полагающей правильным и логичным сохранять в исполнительном производстве полномочия официального представителя до назначения несовершеннолетнему законного представителя [2]. В тоже предлагается предоставить право судебным исполнителям привлекать в исполнительное производство официальных представителей, которыми могут являться представители органов опеки и попечительства, до вступления в производство законных представителей либо в случае противоречия интересов несовершеннолетних и законных представителей.

В заключение следует отметить, что законодательство об исполнительном производстве в сфере представительства прав и интересов несовершеннолетних лиц требует совершенствования. Следует предусмотреть возможность участия несовершеннолетних от 14 до 18 лет в исполнительном производстве на стороне взыскателя самостоятельно и наделить их всеми правами взыскателя, в том числе и правом поручить ведение дела своему представителю. В данном случае следует рассматривать вопрос не законного представительства, а договорного. Необходимо предусмотреть в исполнительном производстве такие виды представительства как официальное и общественное и в связи с этим следует расширить перечень лиц, которые могут быть представителями. Анализируя полномочия судебного исполнителя, представляется необходимым предоставить ему право назначать официального представителя до вступления в исполнительное производство законного представителя либо в случае конфликта интересов законных представителей и несовершеннолетних лиц.

### **Библиографический список**

1. Об исполнительном производстве: Закон Республики Беларусь, 24 октября 2016 г. № 439-З: в ред. от 18.12.2019 № 277-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://etalonline.by/document/?regnum=h11600439&q\\_id=2374283](https://etalonline.by/document/?regnum=h11600439&q_id=2374283). – Дата доступа: 20.10.2020.
2. Никонова Н.Н. О некоторых проблемах участия несовершеннолетних в качестве стороны исполнительного производства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/241148/1/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%2055-58.pdf>. – Дата доступа: 19.10.2020.
3. Унукович, Е.А. Об участии представителя в исполнительном производстве / Е.А. Унукович // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-

экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 567-570.

## **К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ**

**А.Ю. Карпович**

*юрисконсульт СООО «Мобильные ТелеСистемы»*

Гражданско-правовой договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ регулирует отношения по проведению изысканий и разработке соответствующей проектно-сметной документации между субъектами, действующими преимущественно в сфере строительства. Его различные аспекты освещены в трудах О.А. Бакиновской, Ю.И. Балашова, В.В. Богдан, В.Ф. Бохан, Л.Н. Лисицы, Д.О. Чистилиной, М.А. Яснюки других отечественных и зарубежных ученых и специалистов. Вместе с тем, в судебной практике имеется значительное число споров, связанных с исполнением данного договора. Предметом споров, как правило, являются его существенные условия, в частности, предмет, срок и цена договора. Указанное требует научного анализа проблематики определения предмета и иных существенных условий договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. В данной статье анализируются правовое регулирование и практика в указанной области, вносятся предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

В науке гражданского права поддерживается позиция о том, что подряд на выполнение проектных и изыскательских работ – самостоятельные гражданско-правовые отношения, результат которых широко применяется в сфере строительства. Проектные и изыскательские работы выступают этапами, предшествующими возведению, реконструкции, реставрации, капитальному ремонту, благоустройству объекта, его сносу и иным видам деятельности, определенным законодательством (далее – строительства). Они, во-первых, обусловлены необходимостью обеспечить безопасность процесса строительства и эксплуатации построенного объекта для третьих лиц, а во-вторых, служат средством достижения цели строительства [1, с. 7].

Подряд на выполнение проектных и изыскательских работ выделяется в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) в отдельный вид договора подряда в силу особенностей, определяющих его сущность, а именно, особого характера работ, выполняемых подрядчиком, составляющих предмет данного договора, а также специфических признаков результата работ, подлежащего передаче заказчику. Исходя из определения данного договора ст. 713 ГК, в предмет договора входят следующие работы: разработка проектно-сметной документации; выполнение изыскательских работ;



разработка проектно-сметной документации и выполнение изыскательских работ. Вместе с тем, иными актами законодательства предмет договора на выполнение проектных и изыскательских работ трактуется более широко. Указ Президента Республики Беларусь от 14 января 2014 года № 26 «О мерах по совершенствованию строительной деятельности» определяет, что на основании договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ проектной организацией осуществляется разработка предпроектной (прединвестиционной) документации, наряду с проектной документацией на объект (пп. 1.6 п. 1). Соответствующее положение содержится также в п. 3 Правил заключения и исполнения договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 апреля 2014 года № 297 (далее - Правила ПИР). В целях обеспечения системного правового регулирования считаем целесообразным внести в ст. 713 ГК изменения, изложив предмет договора на выполнение проектных и изыскательских работ следующим образом: «По договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ подрядчик (проектировщик, изыскатель) обязуется по заданию заказчика разработать предпроектную (предынвестиционную) документацию и (или) выполнить изыскательские работы, и (или) разработать проектно-сметную документацию, а заказчик обязуется принять и оплатить их результат».

Договор на выполнение проектных и изыскательских работ заключается с учетом нормы п. 1 ст. 402 ГК, согласно которой договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора; существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Именно с момента согласования всех существенных условий договора в предусмотренной законодательством форме возникают договорные правоотношения между сторонами. Несогласование всех существенных условий договора может привести к признанию его незаключенным, а также вызвать в последующем судебные споры между сторонами.

Согласно ГК, в договоре подряда, помимо его предмета, должны быть указаны также сроки выполнения работ, цена работы (ст. 656, 662 и 663). Статья 714 ГК определяет исходные данные для выполнения проектных и изыскательских работ, устанавливая, что по договору подряда на выполнение указанных работ заказчик обязан передать подрядчику задание на проектирование, а также иные исходные данные, необходимые для составления проектно-сметной документации; подрядчик обязан соблюдать требования, содержащиеся в задании и других исходных данных для выполнения

проектных и изыскательских работ, и вправе отступить от них только с согласия заказчика.

Однако договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ отличается особо сложным составом регулируемых отношений, а его исполнение подразумевает ряд последовательных протяженных во времени стадий. Это предопределяет развитие нормативной регламентации его содержания в актах законодательства об архитектурной и строительной деятельности. В первую очередь она выражается в расширении перечня существенных условий, о которых стороны обязаны договориться. Так, согласно п. 10 Правил ПИР существенным условием рассматриваемого договора выступает предмет договора, при определении которого должны быть указаны наименование и местонахождение объекта проектирования и изыскательских работ; сторонам также следует определиться, какие работы предстоит выполнить подрядчику: в целом проектные и изыскательские или какой-то определенный вид, или их совокупность.

Вместе с тем, правовое регулирование в рассматриваемой области требует повышения уровня системности и правовой определенности. Это подтверждается тем обстоятельством, что учеными и практиками различно толкуются некоторые положения Правил ПИР, в частности, норм, согласно которым к существенным условиям договора отнесены сроки начала и завершения выполнения работ, являющихся предметом договора (число, месяц и год), а также по соглашению сторон сроки начала и завершения выполнения отдельных видов (этапов) работ (промежуточные сроки). Отмечается, что, если в договоре указан порядок определения сроков выполнения работ в зависимости от наступления каких-либо событий, то такое условие не следует считать согласованным [2], т.е. срок начала выполнения работ должен быть определен конкретной календарной датой, а не указанием на период времени. Вместе с тем, Р.А. Колбасов, исходя из ст. 191 ГК, которая, по его мнению, является императивной, указывает, что гражданское законодательство предусматривает возможность альтернативного определения срока: указанием календарной даты либо указанием на событие, которое должно неизбежно наступить [3]. Эта позиция, тем не менее, представляется спорной ввиду того, что нормы ГК являются общими относительно исчисления сроков, а Правила ПИР закрепляют специальные требования в этой части с целью корректного исполнения договора рассматриваемого вида. Также следует отметить, что большинство работ в сфере строительства являются дорогостоящими с четко распланированными датами их выполнения, поэтому такая неоднозначная категория, как «событие, которое должно неизбежно наступить», является не совсем уместной для определения существенных условий такого вида договора.

Правилами ПИР также определено, что время проведения государственной экспертизы, а также последующей доработки проектной документации для устранения замечаний не включается в указанный в договоре срок выполнения работ. Срок доработки определяется по соглашению сторон и указывается в

дополнительном соглашении к договору (п. 35). В связи с этим отметим, что такое правовое регулирование не обеспечивает реализацию законных интересов заказчика, поскольку стороны не всегда могут предвидеть конечный срок получения заключения государственной экспертизы ввиду возможных недостатков проектной документации. Если отрицательное заключение государственной экспертизы выдается в связи с существенными недостатками проектной документации, то справедливо предусмотреть ответственность за это подрядчика, допустившего такого рода недостатки, в том числе его обязанность по уплате неустойки за просрочку выполнения работ. В связи с этим в п. 35 Правил ПИР целесообразно указать, что срок выполнения работ включает срок проведения государственной экспертизы и доработки проектной документации по замечаниям государственной экспертизы.

При согласовании порядка расчетов как существенного условия договора, сторонами должны быть согласованы: расчетный период; основание для расчетов; авансы; оплата выполненных работ (оказанных услуг). Если расчетный период не установлен, то в соответствии со ст. 665 ГК заказчик должен рассчитаться с подрядчиком после окончательной сдачи результатов работы при условии, что работа выполнена надлежащим образом и в согласованный срок, либо с согласия заказчика – досрочно. Основания для данных расчетов определены в п. 37 Правил ПИР, в частности, основанием для расчетов за выполненные проектные и (или) изыскательские работы является акт сдачи-приемки выполненных работ, а основанием для расчетов за разработку предпроектной (предынвестиционной) документации – акт оказанных услуг. В связи с этим отметим, что договор на разработку предпроектной (предынвестиционной) документации по своей сути является договором подряда, следовательно, основанием для расчетов должен быть акт сдачи-приемки выполненных работ, а не акт оказанных услуг. Требуется также анализа возможность по факту выполнения работ по разработке предпроектной (предынвестиционной) документации оформлять как акт сдачи-приемки выполненных работ. Полагаем, что, поскольку законодательством не предусмотрена обязательная форма акта оказанных услуг, равно как и акта сдачи-приемки выполненных работ, подрядчик, в том числе стороны по согласованию между собой, вправе определять любую форму этих актов. Соответственно, указание в договоре на разработку предпроектной (предынвестиционной) документации в качестве основания для расчетов акта сдачи-приемки выполненных работ будет являться законным основанием для осуществления расчетов.

Таким образом, правовое регулирование существенных условий договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и правоприменительная практика в этой области требуют совершенствования. В целях повышения уровня их системности необходимо прежде всего закрепить в п. 1 ст. 713 ГК в определении договора на выполнение проектных и изыскательских работ указание на включение в его предмет разработки

предпроектной (предынвестиционной) документации, а также внести комплекс изменений в Правила ПИР.

### **Библиографический список**

1. Книга, Е.В. Подряд на выполнение проектных и изыскательских работ :автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Саратов, 2015.
2. Существенные условия договоров» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Колбасов, Р.А. Разъяснение от 09.02.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА НАСЛЕДНИКА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**А.А. Капитанова**

*старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права,  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук*

Современное гражданское законодательство Республики Беларусь предусматривает случаи наделения субъектов гражданского права некоторыми преимуществами в осуществлении принадлежащих им правовых возможностей. Такие преимущества законодатель назвал преимущественными правами. По нашему мнению, под преимущественным правом следует понимать предусмотренную законом и ограниченную пресекательным сроком потенциальную возможность управомоченного лица реализовать предоставленное ему право в первоочередном порядке перед третьими лицами вступить в гражданское правоотношение.

Преимущественные права встречаются в различных гражданских правоотношениях: в вещных, обязательственных, корпоративных и наследственных. В современной цивилистике одной из наиболее обсуждаемых тем является проблема преимущественных прав в наследственных правоотношениях.

Преимущественные права наследника при разделе наследственного имущества урегулированы нормами ст. 1082 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь).

Для того чтобы разобраться в сущности таких прав, необходимо, прежде всего, определить, в каких случаях они возникают. Одним из основных юридических фактов, влекущих возникновение преимущественного права у наследника, является открытие наследства. Согласно ст. 1035 ГК Республики Беларусь наследство открывается вследствие смерти гражданина или объявления его судом умершим [1]. По мнению И.А. Маньковского, «открытие

наследства означает возникновение субъективного наследственного права» [2, с. 350]. Поэтому, на наш взгляд, только с момента открытия наследства у управомоченного лица, ставшего наследником, возникает преимущественное право на определенные объекты из состава наследства при его разделе. Однако, отметим, что для возникновения у наследника субъективного преимущественного права одного лишь факта открытия наследства недостаточно. Так, анализируя некоторые положения ст.1082 ГК Республики Беларусь, мы можем выделить следующие условия возникновения у наследника преимущественных прав на наследственное имущество: обладание совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, доля в праве на которую входит в состав наследства (ч.1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь); постоянное пользование совместно с наследодателем или самостоятельно неделимой вещью, входящей в состав наследства (ч. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь) [1].

Итак, мы можем сделать вывод о том, что для возникновения у наследника преимущественного права в отношении наследственного имущества необходимо наличие таких условий, которые со смертью наследодателя либо объявлением его умершим никак не связаны.

Согласно ч. 1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь наследник, обладающий совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, доля в праве на которую входит в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли вещи, находящейся в общей собственности [1].

Как видим, одной из особенностей входящей в состав наследства вещи является то, что эта вещь неделима. Российский цивилист А.П. Фоков предлагает делить все объекты права общей собственности на три группы: абсолютно неделимое имущество (объекты права общей собственности, неделимые в силу физических свойств); условно неделимое имущество (объекты права общей собственности, неделимые в силу указания закона); субъективно неделимое имущество (объекты права общей собственности, неделимые в силу соглашения сособственников) [3, с.119]. По мнению С.Е. Никольского, «для возникновения у наследника преимущественного права важна, в первую очередь, юридическая неделимость вещи, входящей в состав наследства». Вместе с тем ученый отмечает, что «субъективная неделимость вещи, установленная соглашением сторон и играющая важную роль в отношениях общей собственности, не имеет того же значения при наследовании, поскольку такое соглашение, заключенное с участием наследодателя, не создает для остальных наследников обязанности относиться к такой вещи как к неделимой» [4]. По нашему мнению, для возникновения у наследника преимущественного права, предусмотренного ч. 1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь, необходимо, чтобы в состав наследства входила одна или несколько вещей, признаваемых неделимыми в силу закона либо не подлежащих разделу в силу своих физических или потребительских свойств.

Еще одной особенностью вышеназванного преимущественного права является то, что такое право на получение неделимой вещи предоставлено тому из наследников, кто имеет долю в праве общей собственности на нее. На наш взгляд, данная позиция законодателя имеет под собой достаточные основания, поскольку право собственности «есть закрепленная за субъектом гражданского права возможность совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия по своему усмотрению, неся бремя содержания имущества, одновременно не превышая пределов, установленных правовым порядком, не нарушая прав и законных интересов других лиц...» [5, с. 115]. Мы полагаем, вполне логично, что законодатель предоставил преимущественное право на получение вещи в счет своей наследственной доли тому из наследников, кто имеет к этой вещи самое непосредственное отношение. Такое право полностью соответствует имущественным интересам наследника, который, с одной стороны, не желает допущения к числу участников общей собственности посторонних лиц, а с другой – заинтересован в приращении собственной доли.

Однако отметим, что указанная норма не дает ответ на вопрос, каким образом необходимо поступить, если совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь обладали два наследника или более, из числа тех, кто был призван к наследованию. Думается, названную проблему можно решить, дополнив ч. 1 ст. 1082 ГК Республики Беларусь положением следующего содержания: «В случае, если к наследованию призваны два наследника или более, из числа лиц, обладавших совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, доля в праве на которую входит в состав наследства, указанная доля в праве общей собственности подлежит разделу между этими наследниками пропорционально размеру принадлежащих им долей в праве общей собственности».

Согласно ч. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь наследник, постоянно пользовавшийся совместно с наследодателем или самостоятельно неделимой вещью, входящей в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли этой вещи. Отметим, что в данном случае преимущественное право у наследника возникает только в случае, если по поводу указанной неделимой вещи до дня открытия наследства не возникло отношений общей собственности. У такого наследника отсутствуют какие-либо субъективные права на неделимую вещь, однако он имеет преимущество в силу того, что постоянно пользовался этой вещью, знает все ее особенности, и, возможно, затратил определенные денежные средства и личный труд для ее эффективного использования. Следовательно, у наследника имеется определенный имущественный интерес в использовании именно этой вещи, который у остальных наследников отсутствует.

В таком случае может также возникнуть вопрос о том, кто имеет право на получение указанной вещи в счет своей наследственной доли, если до дня открытия наследства неделимой вещью пользовались два наследника или более

из числа наследников, призванных к наследованию. Поэтому, считаем уместным дополнить ч. 2 ст. 1082 ГК Республики Беларусь положением следующего содержания: «В случае, если к наследованию призваны два наследника или более, из числа лиц, постоянно пользовавшихся неделимой вещью, указанная неделимая вещь поступает в общую долевую собственность этих наследников в соответствии с причитающимися им наследственными долями, если иное не предусмотрено соглашением наследников, принявших наследство, в состав которого входит неделимая вещь».

Таким образом, в заключение отметим, что критерии выбора наследника, которому в тех или иных случаях предоставляется преимущественное право на получение наследственного имущества, зависят от его отношения к такому имуществу: имел ли он долю в праве общей собственности на вещь, пользовался ли ею. При этом отметим, что такое преимущественное право обусловлено объективным свойством вещи – ее неделимостью.

### **Библиографический список**

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 12.11.2020.
2. Гражданское право. Особенная часть : учеб. пособие / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 368 с.
3. Фоков, А.П. Проблемы права общей собственности : теоретические и практические аспекты : Монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2003.
4. Никольский, С.Е. Преимущественные права в наследственном праве России и зарубежных стран : Монография. / С.Е. Никольский, О.Е. Блинков [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2020.
5. Щенникова, Л.В. Вещное право. Учебное пособие. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2001. – 240 с.

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

**С.И. Князькин**

*доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства  
Российского государственного университета правосудия,  
кандидат юридических наук, доцент*

Правосудие по гражданским, экономическим и административным делам, как и вся отрасль процессуального права испытывают на себе влияние преобладающего типа правопонимания. Не умаляя значимости к иным

подходам к праву, основными типами понимания права являются позитивистский и естественно-правовой. На постсоветском пространстве, в России и Республике Беларусь исторически преобладает позитивистский подход к праву, в соответствии с которым право отождествляется с законом и не может реализовываться, защищаться, если не закреплено в законе или иных формах права. Представители юридического позитивизма часто не останавливают внимание на этом аспекте подхода. В качестве одного из преимуществ позитивизма выдвигается равная мера закона, которой можно одинаково измерить, урегулировать многочисленные противоречивые интересы, включая спорные отношения. Сторонники позитивизма отмечают нецелесообразность привнесения в право неправовых категорий [1; 2], включая правовые позиции судов как результат модельного толкования норм права.

В терминологическом плане позитивистский подход преследует верховенство закона, а естественный подход, - верховенство права. Даже на лингвистическом уровне имеет место непонимание, когда английское «rule of law», употребляемое Европейским Судом по правам человека, отечественными специалистами-юристами и представителями средств массовой информации переводится как «верховенство закона», в то время как на самом деле «law» - в переводе очевидно означает не что иное, как право и только право.

Закон используется как панацея от всех ошибок и упущений в сфере юридического регулирования многоликих общественных отношений. Суд использует закон в качестве основного инструмента восстановления и защиты нарушенных прав со всеми сопутствующими последствиями. И этот подход оправдан, когда закон и право, а точнее, заложенные законодателем меры по защите нарушенного права, смысл применяемого в конкретном споре закона, данный ему законотворцем, соответствуют природе спорных отношений, их специфике, совокупности установленных судом обстоятельств и собранных доказательств. Но такое совпадение бывает далеко не всегда и не по каждому спору.

Обратной стороной идеализации закона выступает заведомое ограничение суда, во-первых, принципиальной невозможностью защиты нарушенного права, а, во-вторых, неадекватностью средств его защиты, которые заложены законодателем. При таких существенных ограничениях принятие справедливого судебного решения в большинстве случаев невозможно. Алгоритм разрешения спора и принятия решения начинается не с установления факта нарушения права, а с выяснения того, на каком законе или другом нормативном правовом акте основано заявленное требование. Лишь в случае положительного ответа на второй вопрос истец получит судебную защиту нарушенного права, но только в той части и теми средствами, которые предусматривает закон или, того хуже, подзаконный акт.

Последнее обстоятельство является дополнительной проблемой, поскольку верховенство закона автоматически признаёт соответствие подзаконных актов,



регионального законодательства, федеральному закону и, что самое абсурдное, - Конституции и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом вопрос о конституционности всего массива нормативных правовых актов, - специальных законов, конкретизирующих федеральные конституционные и рамочные федеральные законы, положений, приказов, содержащих порядки реализации прав граждан и организаций, и применяемых судами либо не ставится в принципе, либо разрешается эпизодами, в порядке абстрактного нормоконтроля, - производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов. Конечно, такой выборочный контроль не может снять ежедневную неопределённость суда о соответствии подзаконного акта Конституции, то есть, соответствии правам и свободам, и его пригодности в разрешении конкретного спора.

Существует огромное количество примеров из судебной практики, демонстрирующих принятие решения с позиции верховенства закона, но расходящееся со справедливым судебным разбирательством. Например, гражданское и семейное законодательство не позволяют заинтересованному лицу в судебном порядке изменить условия брачного договора, или вовсе расторгнуть его, даже если он был заключён на крайне невыгодных, несправедливых условиях для одной из сторон. Подавляющая часть имущества после расторжения брака переходит одинокому супругу, а оставшаяся мизерная часть, - бывшей супруге, у которой чаще всего на содержании остаются несовершеннолетние дети. Аналогичным образом суд не позволяет признать договор дарения недействительным в иных случаях, не поименованных гражданским законом, даже если обстоятельства изменились настолько, что даритель оказывается без средств к существованию. Вряд-ли законодатель имел в виду такие обстоятельства реальной жизни, формулируя положения гражданского закона.

В этом случае уповать на законодателя не требуется, необходимо, чтобы суд истолковал закон сообразно конкретным фактическим обстоятельствам дела, указав на невозможность следования букве закона в данных обстоятельствах. Судебное толкование не только демонстрирует негодность данного закона, но и указывает на иные формы права, включая акты большей юридической силы, применение которых способно привести к принятию не только законного и обоснованного, но и справедливого решения по конкретному делу. Разница в верховенстве закона и верховенства права состоит в том, что одни и те же обстоятельства дела и собранные доказательства с позиции следования букве закона и его духу не позволяют восстановить нарушенное право, а с позиции верховенства права никаких формальных препятствий у суда в принципе не существует.

Реализация позитивного и естественного понимания права имеет специфику и в проверочной судебной деятельности. При верховенстве закона проверка судебных актов не только в так называемых судах права, - кассационных и надзорной судебных инстанциях, но и в суде апелляционной

инстанции отталкивается от применённых законов и подзаконных актов. Алгоритм рассмотрения жалоб заинтересованных лиц начинается с проверки правильности применения норм процессуального права, безусловных процессуальных оснований изменения, отмены судебных актов. В этой части с логикой законодателя можно согласиться лишь частично: наличие далеко не всех оснований свидетельствует о нарушении права на судебную защиту, повлекшем неправильное разрешение спора [3, с. 49-54]. Обязанность отменить решение суда первой инстанции независимо от того, правильно ли оно в вопросах полноты установленных обстоятельств, собранных доказательств и их справедливой судебной оценки, представляет собой пример верховенства процессуального закона над справедливым судебным разбирательством. Отсутствие здравого смысла состоит в том, что суды апелляционной инстанции нередко вынуждены дословно воспроизводить текст решения суда первой инстанции при его отмене по безусловным процессуальным основаниям.

Ещё одним признаком господства позитивизма в проверочной судебной деятельности является наличие так называемых интересов законности, позволяющих выйти за пределы доводов жалобы и проверить судебный акт в полном объёме. И в этом случае можно говорить о том, что суд связан формальными ограничениями, далёкими, или, по крайней мере, не всегда совпадающими с целями справедливого судебного решения. Даже перечисление законодателем категорий дел, по которым суд вправе проверить решение в полном объёме, не свидетельствует о склонении суда к детальному анализу фактических обстоятельств этих дел в целях принятия справедливого судебного решения. Если бы это было именно так, то возникает обоснованный вопрос о том, почему справедливая судебная защита и восстановление прав в иных спорах не является целью правосудия.

Третьим признаком преобладания позитивного подхода к праву в рамках проверки судебных актов является известное ограничение судов кассационной инстанции в доказывании: они не вправе не только собирать и исследовать новые доказательства, но и выражать своё мнение относительно уже собранных предшествующими судебными инстанциями доказательств. Положения процессуального закона прямо допускают проверку соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. И даже при прямом разрешении закона вмешиваться в вопросы факта, Верховный Суд Российской Федерации как бы извинительно отмечает, что суду кассационной инстанции разрешена не переоценка доказательств, а изменение правовой квалификации спора и только в целях, указанных в законе. Эта модельная позиция является примером того, как господство позитивизма не только отпугивает суды от свободного судебного толкования норм права, но и загоняет их в более узкие рамки полномочий, чем даже те, которые предусмотрены законом.

Необходимо отметить, что для перехода к верховенству права в судебной деятельности не требуется новое законодательное регулирование. Всё зависит от суда, который призван реанимировать не только свободную судебную

оценку доказательств, но и свободное толкование норм права для их соотнесения с обстоятельствами каждого дела и решения вопроса о возможности их применения в рамках конкретного спора.

### **Библиографический список**

1. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права. – М., 1999. – 429 с.
2. Шершеневич, Г.Ф. О чувстве законности. – Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 года // СПС «Гарант.
3. Князькин, С.И. Условный характер безусловных процессуальных оснований отмены судебных актов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 6. – С. 49-54.

## **МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ МИКРОФИНАНСОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ**

**Н.О. Ковалёва**

*юрисконсульт РУП «Белскупдрагмет»*

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 23.10.2019 № 394 (далее – Указ) специализированным организациям предоставляется право на осуществление микрофинансовой деятельности (предоставление микрозаймов).

В соответствии с п.п. 2.3 п. 2 Указа микрофинансовую деятельность вправе осуществлять юридические лица:

созданные в форме государственного (республиканского или коммунального) унитарного предприятия, а также хозяйственного общества, 50 и более процентов акций (долей) в уставном фонде которого находится в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц, зарегистрированные в сельской местности и включенные в государственный информационный ресурс «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь»;

осуществляющие скупку драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях и ломе для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь.

Согласно ч. 2 п. 3 юридические лица, названные в п.п. 2.3 п. 2 настоящего Указа, вправе осуществлять микрофинансовую деятельность со дня информирования Национальным банком о получении уведомления о намерении осуществлять данную деятельность, направленного на бумажном носителе (заказным письмом) или в электронном виде в порядке, установленном Национальным банком. Следовательно, предприятия попадают под осуществление микрофинансовой деятельности, но не приобретают статус микрофинансовой организации.

Согласно «Положению о порядке осуществления микрофинансовой деятельности» утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 23.10.2019 № 394 (далее - Положение), при осуществлении микрофинансовой деятельности юридические лица, названные в подпункте 2.3 пункта 2 Указа должны соблюдать требования, установленные для микрофинансовых организаций в пунктах 4, 13 - 22 Положения.

В соответствии с подпунктом 1.1 пункта 1 статьи 115 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее - НК) объектами налогообложения налогов на добавленную стоимость (далее - НДС) признаются обороты по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав на территории Республики Беларусь.

Вместе с тем, операции по предоставлению возмездных денежных займов, в том числе коммерческих займов, предоставляемых покупателями товаров (работ, услуг) в виде аванса или предварительной оплаты объектами налогообложения НДС не признаются (пп. 2.27 п. 2 статьи 115 НК). При этом, положения подпункта 2.27 пункта 2 ст. 115 НК не применяются в отношении:

микрозаймов, предоставляемых коммерческими организациями, включенными Национальным банком Республики Беларусь в реестр микрофинансовых организаций, физическим лицам под залог движимого имущества, предназначенного для личного, семейного или домашнего использования;

коммерческих займов, предоставляемых продавцами товаров (работ, услуг) в виде отсрочки или рассрочки оплаты отгруженных товаров (выполненных работ, оказанных услуг).

Следовательно, операции по предоставлению денежных займов специализированной организацией, не включенной в реестр микрофинансовых организаций, объектом обложения НДС не признаются.

Согласно пункту 5 статьи 184 НК прибыль, полученная от регулярного предоставления микрозаймов физическим лицам под залог движимого имущества, предназначенного для личного, семейного или домашнего использования, коммерческими организациями, включенными в реестр микрофинансовых организаций, подлежит налогообложению налогом на прибыль по ставке в размере двадцать пять (25) процентов.

Следовательно, прибыль организаций, не включенных в реестр микрофинансовых организаций, подлежит налогообложению налогом на прибыль по ставке в размере восемнадцать (18) процентов.

Исчисление и уплата подоходного налога с физических лиц в отношении подлежащих налогообложению доходов в виде займов, полученных от белорусских организаций, производятся в соответствии со статьей 220 НК (подпункт 1.1 пункта 1 статьи 220 НК). А именно с доходов в виде займов, указанных в подпункте 1.1 пункта 1 статьи 220 НК, исчисление подоходного налога с физических лиц производится налоговыми агентами в порядке, установленном статьей 216 НК. Уплата подоходного налога производится

налоговым агентом за счет собственных средств не позднее дня, следующего за днем выдачи физическому лицу займа. По мере погашения физическим лицом займа ранее уплаченная сумма налога в размере, пропорциональном погашенной задолженности по соответствующему договору, подлежит возврату налоговому агенту, уплатившему налог (пункт 2 статьи 220 НК).

При этом, согласно пункту 2 статьи 216 НК при выдаче физическим лицам микрозаймов микрофинансовыми организациями в порядке, предусмотренном законодательством, исчисление и уплата подоходного налога с физических лиц не производится.

Таким образом, при выдаче займов физическим лицам, организациями, не являющимися микрофинансовыми организациями, исчисление и уплата в бюджет подоходного налога с физических лиц осуществляется в соответствии с пунктом 2 статьи 220 НК.

Полагаем, что в Налоговый кодекс необходимо внести изменения в части распространения льготы по налогу на добавленную стоимость в соответствии со статьей 118 НК на организации, которые осуществляют микрофинансовую деятельность, но не внесены в реестр микрофинансовых организаций.

#### **Библиографический список**

1. Указ Президента Республики Беларусь от 23.10.2019 № 394 «О предоставлении и привлечении займов» // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть), 29 декабря 2009 г. № 71-З: с изм. и доп. от в ред. Законов Республики Беларусь от 30.12.2018 № 159-З, от 18.12.2019 № 275-З, от 18.12.2019 № 277-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

### **КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**И.Н. Колядко**

*профессор кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Обсуждение теоретических предпосылок единого гражданского процессуального кодекса впервые произошло в апреле 2018 года на международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктор юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь Николая Григорьевича Юркевича. В докладе И.Н. Колядко «Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь» отстаивался тезис, что унификация законодательства о

гражданском и хозяйственном судопроизводстве с учетом общности предмета и метода регулирования привела к необходимости обеспечить единство отрасли процессуального права и законодательства [1, с. 496]. При этом предложения по структуре кодекса учитывали теоретическую традицию выделять общую часть, основанную на универсальных принципах, правилах и институтах, в том числе институте мирового соглашения и различных формах применения, а в особенной части использовать современные теоретические представления о постадийном развитии процессуальных правоотношений, существующих видах производств в суде первой инстанции, порядка рассмотрения судом вопросов исполнительного производства и международного гражданского процесса [1, с. 497]. Эти предложения основывались на том, что в предмет регулирования кодекса после отдельного регулирования порядка исполнения судебных решений не входят все вопросы исполнения. В настоящее время логично предложить в связи с этим в качестве наименования кодекса – Кодекс гражданского судопроизводства, который должен урегулировать особенности рассмотрения гражданских, экономических, в том числе возникающих из публично-правовых отношений.

Заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь А.А. Забара в своем докладе «О едином гражданском процессуальном кодексе» предложил взять за основу структуру действующего Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), но учесть новеллы Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) и при обосновании структуры кодекса обеспечить единство процессуальных и судоустройственных начал [2, с. 457].

Таким образом, был представлен в целом одинаковый подход о наличии общей и особенной части кодекса. Одновременно был поставлен ряд вопросов о совершенствовании регулирования особенной части посредством формирования всех видов производств в суде первой инстанции, а также форм пересмотра судебных постановлений, которые до настоящего времени различаются в гражданском и хозяйственном судопроизводстве. Представляется, что применительно к последнему вопросу необходимо опираться на традиционные формы пересмотра: апелляция, кассация, надзорное производство как исключительная стадия лишь в Верховном Суде, а производство по пересмотру дел по вновь открывшимся обстоятельствам урегулировать с учетом понятия вновь открывшихся и новых обстоятельств.

Условиями для дальнейшей унификации форм пересмотра и определения единых подходов в новом кодексе является то, что реформа апелляционного и надзорного производства в ГПК сопровождалась разграничением оснований пересмотра – незаконность и (или) необоснованность в апелляции и лишь незаконность в надзорном производстве, что также имеет место в кассации и надзорном производстве в хозяйственном судопроизводстве. Одновременно предпринимаются попытки апелляционную инстанцию в хозяйственном судопроизводстве учредить в вышестоящем суде. Все это создаст предпосылки

судоустройственного характера по учреждению единого кассационного суда по гражданским и экономическим делам в структуре Верховного Суда Республики Беларусь.

Таким образом будут созданы предпосылки для единообразного регулирования форм пересмотра судебных постановлений.

За время прошедшее после конференции наибольшее развитие и анализ произошел по проблемам видов производства в гражданском и хозяйственном судопроизводстве. Обозначилась проблема реформирования производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, в котором в ГПК не охвачены все дела публично-правового характера. Принципиальным отличием ГПК от ХПК является то, что в ХПК отсутствуют общие положения для аналогичного производства и преобладает концепция понятия вида производства как категория дел, в которой не учитывается необходимость двухуровневого регулирования особенностей в виде общих положений для всего производства и отдельных норм для каждой категории дел, входящих в данный вид производства [3, с. 213].

В доктринальном плане эта проблема исследовалась профессором В.М. Шерстюком сначала применительно к системе гражданского процессуального права советского периода [4, с. 231–232], а затем применительно к системе гражданского судопроизводства в современном состоянии в Российской Федерации [5, с. 217, 220]. Профессор В.М. Шерстюк обосновал наличие не только институтов, но и субинститутов как в материальном, так и в процессуальном праве.

Формирование субинститута в виде отдельного вида производства происходит при наличии регулирования как общих правил данного производства, так и процедуры (особенностей) рассмотрения отдельных категорий дел. При этом отнесение отдельных категорий дел к соответствующему виду производства должно учитывать природу и характер правового конфликта. При анализе отдельных видов производства возможность формирования субинститута производства в суде первой инстанции посредством выделения вида судопроизводства возможно при наличии общих положений и особых правил. Следует согласиться с мнением профессора В.М. Шерстюка, что созданы условия для выделения в качестве вида судопроизводства особенностей рассмотрения ряда категорий дел с участием иностранного элемента после закрепления на основании международных договоров правил о рассмотрении просьб о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи (ст. 561-1 ГПК), а также закрепления вопреки структуре ГПК производства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа в главе 28-2, а не в главе 41.

Представляется, что с учетом произошедшей унификации регулирования видов судопроизводства в Кодексе гражданского судопроизводства следует выделить исковое производство на основании цивилистических (гражданских и

экономических) дел; производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений, в том числе на основе дел публично-правового характера из искового и особого производств; особого производства; о несостоятельности и банкротств, в которых предметом защиты являются материальные права и интересы и используются общие правила рассмотрения гражданских дел; производство по оспариванию решений третейских судов и трудовых арбитражей; производство по признанию и приведению в исполнение решений иностранных судов и арбитражей; производство, связанное с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов, где предметом защиты являются вопросы процессуального характера и используются общие правила рассмотрения гражданских дел. Кроме того, следует развивать упрощенные формы производства, которые не используют устное судебное разбирательство, – приказное производство в виде двух порядков по ГПК и ХПК и формирование иных процедур. На основе правил международного гражданского процесса сформировать вид производства, основанный на субъектном составе, учитывающий особенности рассмотрения отдельных категорий дел.

### **Библиографический список**

1. Колядко, И.Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И.Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н.Г. Юркевича, Минск, 20-21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.Н.Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – 579 с. – С.495–498.
2. Забара, А.А. О едином гражданском процессуальном кодексе / А.А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н.Г. Юркевича, Минск, 20-21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.Н.Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – 579 с. – С.454–459.
3. Болохонов, Б.С. К вопросу о критериях классификации видов судопроизводства в гражданском и хозяйственном законодательстве / Б. С. Болохонов // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / Учреждение образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы" ; гл. ред. С. Е. Чебуранова ; ред. кол.: С. Е. Чебуранова [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2018. – С. 210–213.
4. Шерстюк, В.М. Система советского гражданского процессуального права // Избранные труды. М.: Изд. дом «Городец». – 2017.
5. Шерстюк, В. М. Проект закона о внесении изменений и дополнений в гражданское процессуальное законодательство, внесенный постановлением



Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30, нуждается в доработке / В.М. Шерстюк // Вестник гражданского процесса. – 2017. – Том 7. – № 6. – С. 213–224.

## **НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ**

**И.А. Комоцкая**

*начальник научно-исследовательской части  
Международного университета «МИТСО»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Гарантированность и своевременность защиты прав человека, в том числе в сфере государственного социального страхования, являются не только важными составляющими социального характера государства, что провозглашено в ст. 1 Конституции Республики Беларусь [1], но и повышают уверенность граждан в реализации их прав и свобод.

В последние десятилетия правоотношения в праве социального обеспечения характеризуются их стремительным развитием, усилением страхового механизма социальной защиты. Вместе с тем на современном этапе повышается роль государственного социального страхования, что обуславливает актуальность повышения эффективности правового механизма восстановления нарушенных прав субъектов социальных правоотношений, в частности, путем совершенствования правового регулирования юридической ответственности.

Как в теории права, так и в науке права социального обеспечения не сформировалось единого подхода к юридической ответственности. В. А. Кучинский, рассматривая юридическую ответственность в общетеоретическом аспекте, раскрывает ее как особую, связанную именно с правонарушением субъективную обязанность субъекта права претерпеть предусмотренные законодательством неблагоприятные, карающие последствия совершенного противоправного виновного деяния [2, с. 47]. В.П. Галаганов и С.С. Маслов под юридической ответственностью в праве социального обеспечения понимают фактическое претерпевание правонарушителем лишений имущественного характера, предусмотренных санкцией, вследствие нарушений предписаний норм права социального обеспечения с целью восстановления нарушенного права [3, с. 131–132; 4].

Как указывают В.С. Аракчеев и А.Ю. Зеленина, материальные нормы права социального обеспечения лишены санкций, а их установление за неиспользование правомочий лишено всякого смысла, «ибо управомоченный субъект самостоятелен в праве использования либо отказа от использования предоставленной ему возможности получения помощи или содержания со

стороны государства» [5, с. 131]. Вместе с тем могут иметь место виновные нарушения социальных прав граждан, в том числе на государственное социальное страхование, в процедурных и процессуальных правоотношениях, обеспечивающих реализацию материальных норм. В этой связи, в целях реализации прав граждан на государственное социальное страхование важным представляется закрепление четкого механизма юридической ответственности субъектов рассматриваемых правоотношений.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы указанного вида страхования, является Закон Республики Беларусь от 31 января 1995 г. «Об основах государственного социального страхования» [6], ст. 13 которого закрепляет отсылочную норму об ответственности за нарушение законодательства о государственном социальном страховании. Анализ законодательных и подзаконных актов Республики Беларусь, закрепляющих вопросы обеспечения пенсиями и пособиями по государственному социальному страхованию, показал, что вопросы ответственности в них также, как правило, не раскрываются.

Важной особенностью юридической ответственности в праве социального обеспечения выступает «сочетание правовосстановительных и правоограничительных санкций в отношении обеспечиваемого гражданина и санкций правовосстановительного характера в отношении обеспечивающего органа» [7, с. 69–70]. Правовосстановительные санкции характеризуются возмещением причиненного ущерба, например, предоставлением неполученных или полученных не в полном объеме пенсий или пособий в целях восстановления имущественного права застрахованного лица. Правоограничительные санкции устанавливают отказ или ограничение предоставления соответствующего вида социального обеспечения. В частности, пособие по временной нетрудоспособности назначается в размере 50 процентов от установленной величины в случаях нарушения режима, предписанного врачом, заболевания или травмы, причиной которого(ой) явилось потребление алкоголя и др.

Таким образом, осуществляется взаимная защита прав и интересов субъектов государственного социального страхования.

Особое внимание в праве социального обеспечения с 1960-х гг. уделяется вопросам субсидиарной ответственности государства. В современной науке права социального обеспечения О. С. Курченко обосновал идею субсидиарной ответственности государства в системе обязательного пенсионного страхования, которая «должна включать в себя не только обязанность государства по восполнению дефицита бюджета страховщика в целях надлежащего исполнения социально-страховых обязательств, финансируемых на распределительной основе, но также и государственные гарантии по получению накопительной части трудовой пенсии, рассчитанной исходя из фактически поступивших страховых взносов и минимального дохода от их инвестирования» [8, с. 8]. В белорусской системе государственного

социального страхования прямой нормы, предусматривающей обязанность государства по восполнению дефицита бюджета страховщика, не закреплено. При этом такая обязанность исходит из такого принципа государственного социального страхования, как гарантированность пенсий, пособий и других выплат в соответствии с законодательством, а также положений по возмещению отдельных выплат из государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь, не подкреплённых страховым механизмом, за счёт привлечения трансфертов из республиканского бюджета. Вместе с тем установлены общие нормы об административной ответственности за нарушение порядка использования средств бюджета, государственных внебюджетных фондов в ст. 11.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [9].

Следует согласиться с Н. В. Антипьевой, что институт юридической ответственности в праве социального обеспечения на современном этапе активно развивается, в этой связи «общего подхода к установлению мер ответственности субъектов соответствующих отношений пока не сформировалось» [10, с. 85]. Можно выделить следующие виды юридической ответственности за нарушение законодательства о государственном социальном страховании: конституционно-правовая, административная, уголовная, дисциплинарная. Вопрос о материальной ответственности в науке права социального обеспечения остается дискуссионным.

Не останавливаясь подробно на указанных видах юридической ответственности, рассмотрим лишь отдельные аспекты. Так, в Республике Беларусь КоАП предусматривает лишь специальную административную ответственность в отношении плательщиков страховых взносов за неуплату или неполную уплату обязательных страховых взносов или взносов на профессиональное пенсионное страхование (ст. 11.54 КоАП). Вместе с тем Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь уполномочен составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 11.61, 23.1–23.5, 23.16, 24.4–24.6 КоАП.

Для сравнения, в Российской Федерации более широко развито законодательство, учитывающее особенности современного развития системы социальной защиты. В частности, предусмотрена административная ответственность за нарушение требований российского законодательства, касающихся деятельности негосударственных пенсионных фондов; установленных российским законодательством об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования порядка и сроков представления сведений (документов) в органы Пенсионного фонда Российской Федерации; непредоставление на безвозмездной основе услуг по погребению, невыплата социального пособия на погребение. Вместе с тем предусмотрена уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что юридическую ответственность за нарушение законодательства о государственном социальном страховании следует рассматривать как обязанность субъекта претерпеть предусмотренные законодательством лишения имущественного характера за совершение противоправного виновного деяния. В связи с отсутствием четкого механизма защиты прав граждан в сфере государственного социального страхования целесообразно совершенствование национального социального законодательства в данной сфере и усиление юридической ответственности за нарушение прав граждан в сфере социальной защиты.

### **Библиографический список**

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Кучинский, В.А. Юридическая ответственность и вина: проблемы соотносимости. Формирование правовых основ инновационной экономики : материалы респ. научно-практ. конф., Минск, 12 дек. 2008 г. / [редкол.: Г.А. Короленок (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2008. – С. 44–47.
3. Галаганов, В. П. Право социального обеспечения : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2018. – 510 с.
4. Маслов, С. С. Понятие и виды юридической ответственности субъектов правоотношений по социальному обеспечению : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. – М., 2017. – 192 с.
5. Аракчеев, В.С., Зеленина, А.Ю. К вопросу о некоторых аспектах понятийной характеристики юридических норм права социального обеспечения РФ // Вестник Томского госуд. ун-та. – 2011. – № 342. – С. 128–131.
6. Об основах государственного социального страхования : Закон Респ. Беларусь, 31 янв. 1995 г., № 3563-ХП : с изм. от 09.01.2017 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. Право социального обеспечения : учеб. для вузов / Е.Н. Доброхотова [и др.] ; под ред. М.В. Филипповой. – М. : Юристъ, 2006. – 446 с.
8. Курченко, О. С. Государство как субъект права социального обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2009. – 22 с.
9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 21 апр. 2003 г., № 194-З: с изм. от 18.12.2019 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. Антипьева, Н. В. Особенности юридической ответственности за правонарушения в сфере социального обеспечения // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. – 2015. – № 4 (30). – С. 78–90.

## **ОТРАЖАЕТ ЛИ ПОСТАНОВЛЕННЫЙ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИГОВОР ОБЪЕКТИВНУЮ ИСТИНУ?**

**В.А. Константинова**

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики  
юридического факультета*

*Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,  
кандидат юридических наук, доцент*

Современные тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства характеризуются дифференциацией форм судебного разбирательства, широким распространением упрощенных производств, что неизбежно отражается на принимаемых судебных решениях. Ярким примером упрощения процессуальной формы судебного разбирательства уголовных дел является предусмотренный гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (далее – особый порядок). В рамках указанного порядка судебное следствие предельно сокращено, постановление обвинительного приговора осуществляется без непосредственного исследования судом доказательств виновности, которая устанавливается в ходе предварительного расследования в условиях ограниченной состязательности. Суд же дает оценку обоснованности обвинения путем опосредованного изучения материалов дела преимущественно в стадии подготовки к судебному разбирательству.

Несмотря на сужение возможностей по исследованию доказательств в особом порядке в силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ обвинительный приговор может быть постановлен только при условии, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается собранными по делу доказательствами, обратное влечет необоснованность приговора и, как следствие, искажение сущности правосудия.

Как справедливо отмечает О.В. Качалова, «верификация (проверяемость) доказательств на этапе назначения судебного заседания в условиях отсутствия состязательности практически сведена к минимуму...» [2, с. 164]. И.Л. Петрухин выражает оправданное сомнение в том, достаточно ли серьезно судья за рамками судебного следствия знакомится с доказательствами [3, с. 79].

Обвинительный приговор как результат дифференцированного порядка судебного разбирательства приобретает специфичные черты. Наиболее острым является вопрос, вынесенный в название настоящего доклада: «Отражает ли постановленный в особом порядке судебного разбирательства приговор объективную истину?»

В.А. Азаров весьма точно отмечает, что российский законодатель открывает возможности проявления в судопроизводстве как объективной, так и формальной истины [4, с. 14]. Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи [5, с. 3]. Изложенное резко увеличивает вероятность судебных

ошибок и принятия неправосудных решений [6, с. 16]. Вынесенный по результатам особого порядка приговор сегодня может быть основан на высокой степени вероятности вывода о причастности подсудимого к преступлению (на базе формальной истины), а приговор, вынесенный в общем порядке, - на достоверных выводах о виновности (на базе объективной истины) [4, с. 15; 7, с. 172]. Возможно ли сегодня с уверенностью утверждать, что изложенные в постановленном в особом порядке приговоре фактические обстоятельства соответствуют реальной действительности? Представляется, что однозначно ответить на вопрос о характере истины, выраженной в таком приговоре, не представляется возможным. С одной стороны, вероятность установления в особом порядке объективной истины не отрицается, с другой стороны, подобная процедура, безусловно, содержит меньше процессуальных гарантий, способствующих достижению данной цели доказывания. Как отмечает Л.Г. Татьяна, законность приговора в этой ситуации вполне может носить формальный характер, так как суд не будет уверен в его правильности [8, с. 38]. Не случайно в силу ст. 90 УПК РФ данная разновидность обвинительного приговора не имеет преюдициального значения.

Таким образом, в постановленном в особом порядке обвинительном приговоре законодатель позволяет отражать истину формальную, допускающую определенную, пусть даже и весьма высокую, но все же степень вероятности вывода о совершении преступления. Данная разновидность приговора представляет собой ту цену, которую оплачивает наше общество за экономию на правосудии.

Законодатель, конечно, предусмотрел ряд условий, способствующих установлению объективной истины в особом порядке (в частности, обязательное участие обвинителя, защитника, подсудимого, согласие на рассмотрение дела в особом порядке обвинителя и потерпевшего). Но достаточна ли совокупность данных условий для установления объективной истины, может ли она заменить полноценное судебное следствие? Полагаем, что нет. Отсутствие у суда возможности непосредственного исследования доказательств в особом порядке может привести к постановлению необоснованных, отражающих формальную истину приговоров, что не отвечает сущности правосудия.

В сравнительно-правовом ключе представляются интересными параллели с обвинительным приговором, постановленным в ускоренном производстве, предусмотренном гл. 47 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) [9]. Так, в отличие от российского особого порядка, рассмотрение дел в ускоренном порядке Республики Беларусь возможно без государственного обвинителя (ч. 2 ст. 455, ч. 2 ст. 457 УПК РБ), без защитника (ч. 3 ст. 457 УПК РБ); без оглашения предъявленного обвинения (ч. 5 ст. 458 УПК РБ) и более того – в заочном производстве (ч. 1 ст. 459 УПК РБ) что, на наш взгляд, в меньшей мере способствует установлению обстоятельств реальной действительности. Однако, ч.ч. 6, 7 ст. 458 УПК РБ

предусматривают возможность получения показаний обвиняемого по поводу предъявленного обвинения, а также показаний потерпевшего; ч. 3 ст. 459.1 УПК РФ закрепляет право судьи указать в приговоре доказательства виновности, что очевидно способствует отражению в приговоре объективной истины.

В связи с изложенным полагаем необходимым закрепить в УПК РФ право суда непосредственно исследовать отдельные доказательства, а также отражать результаты их исследования в обвинительном приговоре с целью оценки обоснованности обвинения и установления по уголовному делу объективной истины.

### **Библиографический список**

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Рос.газ. – 2001. – 22 дек.
2. Качалова, О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016.
3. Петрухин, И. Л. Особый порядок судебного разбирательства // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 79-80.
4. Азаров, В.А. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. – Серия «Экономика». – Юридические науки. – 2003. – № 4. – С. 14-15.
5. Свиридов, М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сборник статей / под ред. Ю.К. Якимовича. – Томск, 2002.
6. Азаров, В.А., Беккер, Т.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: монография. – М., 2019.
7. Ревенко, Н.И. Возможности проявления формальной истины в уголовном судопроизводстве России // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2005. – № 2 (3). – С. 169-173.
8. Татьяна, Л.Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 38-40.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> –Дата обращения: 10.11.2020).

## **НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О БРАКЕ И СЕМЬЕ: СОГЛАШЕНИЕ О ДЕТЯХ**

**М.П. Короткевич**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье расширяется свобода субъектов семейных отношений по выбору договорных конструкций для определения своих прав и обязанностей. Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) в 1999 году допускалось заключение субъектами семейного права только брачного договора (ст. 13) и соглашения о детях (ст. 38). Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 года № 164-З в ст. 13 КоБС были внесены дополнения и закреплено право заключать брачный договор также лиц, вступающих в брак (не только супругов). Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 446-З в КоБС были включены нормы о возможности заключения соглашения о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (далее – соглашение об уплате алиментов) (ст. 91, Глава 11-1). Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 года № 277-З «Об изменении законов» (далее – Закон № 277-З), который вступил в силу 1 июля 2020 года, в КоБС внесено ряд изменений и дополнений в том числе в части договорного регулирования семейных отношений. В частности, новацией является иной подход к регулированию соглашения о детях. Законом №-277 КоБС дополнен статьёй 76-1, предоставившей возможность заключить соглашение о детях родителям несовершеннолетних детей независимо от состояния их в браке. Такое соглашение по общему правилу подлежит нотариальному удостоверению. При этом сохранена возможность родителей, брак которых расторгается в судебном порядке, в случае наличия спора о воспитании и содержании детей, заключить соглашение о детях в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством для заключения мировых соглашений (такой порядок заключения соглашения о детях действовал до вступления в силу Закона № 277-З).

Указанное обуславливает необходимость научного осмысления данного нововведения в аспекте анализа его субъектов, содержания данного соглашения, его формы и динамики изменения регулируемых отношений.

В соответствии со ст. 76-1 КоБС соглашение о детях может быть заключено в целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Данное соглашение заключают родители между собой. При этом родители как могут состоять в браке, так и не состоять. До вступления в силу Закона № 277-З такое право было предоставлено только родителям (супругам) при расторжении брака в судебном порядке. Таким образом, КоБС в настоящее время закрепляет два возможных варианта



оформления соглашения о детях. Первый из них – это письменная форма и нотариальное удостоверение. Второй вариант предоставляется родителям (супругам) при расторжении брака в судебном порядке. Соглашение о детях указанных лиц может быть заключено в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК) для заключения мировых соглашений.

Таким образом, в первом случае родители действуют исключительно по соглашению между собой, не имея изначально спора, в том числе по тем вопросам, которые хотят включить в соглашение о детях. Во втором случае, при рассмотрении судом иска о расторжении брака супруги (родители) могут достичь соглашения об общих несовершеннолетних детях, заключив соглашение о детях, в частности, в течение предоставляемого супругам трехмесячного срока (ст. 36 КоБС). Если супруги (родители) не смогут достичь соглашения и заключить соглашение о детях при наличии спора о воспитании и содержании детей, в случае отсутствия соглашения о детях (ранее заключенного), брачного договора, либо, если в этих соглашениях указанные вопросы не урегулированы, то суд при вынесении решения о расторжении брака определяет, с кем из родителей будут проживать дети, порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя, размер алиментов на детей (ст. 39 КоБС).

Таким образом, если при заключении нотариально удостоверяемого соглашения о детях родители несовершеннолетнего ребёнка руководствуются исключительно внутренними побуждениями. Такие родители могут отказаться от заключения соглашения о детях, отсутствие которого не повлияет на их права и обязанности. В случае же расторжения брака и наличия спора о воспитании и содержании детей, супругам-родителям желательно договориться и заключить соглашение о детях, так как в ином случае за них эти вопросы решит суд.

В ст. 76-1 КоБС закреплено, что в соглашении о детях родители могут определить, с кем из них будут проживать дети, порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя, размер алиментов на детей, порядок выезда из Республики Беларусь детей и иные вопросы воспитания и содержания детей, если это не нарушает права и законные интересы детей и других лиц и не противоречит законодательству. Норма ст. 76-1 КоБС учитывает возможную конкуренцию норм соглашения о детях и брачного договора, а также соглашения об уплате алиментов – соглашение о детях может быть заключено только если эти вопросы не урегулированы указанным соглашением, договором либо не разрешены вступившим в законную силу судебным постановлением. Таким образом, в целях устранения возможной конкуренции положений указанных соглашений КоБС просто не допускает заключение соглашения о детях, определяющего вопросы, которые закреплены в ином соглашении (договоре). Норма, закрепляющая аналогичный запрет на заключение соглашения об уплате алиментов условий, если алименты

уплачиваются в соответствии с заключенными в установленном законодательством порядке брачным договором или соглашением о детях, содержится в части седьмой ст. 91 КоБС. При этом в ст. 13 КоБС аналогичная оговорка отсутствует. КоБС не предусматривает запрета на заключение брачного договора, либо включение в него условий, которые уже предусмотрены в заключенном супругами (родителями) соглашении о детях.

Статьей 76-1 КоБС обозначены пределы, в которых родители могут определить права и обязанности в отношении своих несовершеннолетних детей в соглашении о детях: «иные вопросы воспитания и содержания детей, если это не нарушает права и законные интересы детей и других лиц и не противоречит законодательству». В связи с этим возникает вопрос о том, возможно ли в соглашении о детях предусмотреть уплату алиментов как в соглашении об уплате алиментов, например, путем передачи имущества в собственность ребенка (ст. 103-6 КоБС). Учитывая, что ст. 76-1 КоБС не предусматривает требования государственной регистрации соглашения о детях, предусматривающего передачу недвижимого имущества в собственность ребенка, полагаем закрепить такое условие можно только в соглашении об уплате алиментов (ст. 103-2 КоБС содержит требование о государственной регистрации соглашения об уплате алиментов, предусматривающего передачу недвижимого имущества в собственность ребенка). При этом заключенное соглашение о детях будет являться препятствием для заключения соглашения об уплате алиментов (часть седьмая ст. 91 КоБС).

В связи с указанным в ст. 76-1 КоБС должно быть учтено, что правоотношения между родителями по вопросам, связанным с воспитанием детей, являются длящимися (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2004 № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей»), а значит, могут изменяться обстоятельства из которых стороны исходили при заключении соглашения. Полагаем, что в ст. 76-1 КоБС следовало бы включить условие о порядке и основаниях изменения и расторжения соглашения о детях (в том числе по желанию одного из родителей).

Требует дополнительного научного осмысления невозможность изменения по воле родителей соглашения о детях, которое было заключено в порядке, установленном ГПК для заключения мировых соглашений. Полагаем, данное обстоятельство следует учитывать и разъяснять супругам (родителям), расторгающим брак в суде и имеющим спор о воспитании и (или) содержании несовершеннолетних детей, существенные отличия вариантов оформления соглашения о детях.

С учётом сказанного следует констатировать направленность законодателя на расширения вариантов договорных конструкций, заключение которых возможно субъектами семейных правоотношений. В тоже время проведенное исследование показывает необходимость совершенствования норм законодательства о браке и семье в части договорного регулирования семейных

прав и обязанностей участников. Видится целесообразным осуществить ревизию предусмотренных КоБС соглашений (договоров) на предмет допустимости дублирования их содержания и устранить возможные конкуренции норм таких соглашений, разграничив субъектов и (или) условия их заключения. В качестве исключения возможно допущение дублирования содержания семейно-правовой соглашений (договоров), но только при условии закрепления правил, устраняющих возможную конкуренцию таких соглашений.

## **ДИФФАМАЦИЯ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА ДИСБАЛАНСА**

**А.Г. Кунец**

*научный сотрудник управления правовой информатизации  
Национального центра правовой информации Республики Беларусь*

Гарантии защиты чести и достоинства личности при стремительном распространении информации приобретают особую актуальность в контексте защиты информационной безопасности личности, и в первую очередь в контексте борьбы с «интернет-диффамацией»: распространением в сети Интернет сведений, порочащих честь, достоинство и репутацию кого-либо. Как отмечается в доктрине, право на распространение информации, право на свободу слова и право на защиту чести, достоинства, а также право на личную жизнь в условиях цифровой реальности вступают в определенный дисбаланс [1, с. 25]. Так, с учетом конфликта интересов личного и частного, приватного и общественного возникает потребность изучения концепта «диффамация».

Имея латинские корни, диффамация, как вид уголовно наказуемого деяния, имеет нормативное закрепление в нормативных правовых актах различных государств. Во Французской Республике уголовная ответственность за диффамацию закреплена в ст. 29 Закона Французской Республики от 29 июля 1881 года «О свободе прессы»: «Любое утверждение или обвинение в совершении деяния, нарушающего честь либо уважение лица или обществ, в отношении которых совершается преступление, является диффамацией (прим. автора – клеветой)» [2]. Также положением данной статьи уточняется, что прямое либо косвенное опубликование подобных утверждений или обвинений является наказуемым даже если оно сделано в сомнительной (скрытой) форме, либо было направлено против конкретно не названных субъекта или обществ [2, ст. 29]. Любое же оскорбительное либо презрительное высказывание, не содержащее обвинений в каких-либо фактах, в соответствии с законом считалось оскорблением [2, ст. 29]. Также в соответствии с положениями данного закона диффамация может быть публичной и непубличной, может быть направлена против физических лиц и групп лиц, против общественного деятеля либо общественного института, также диффамация может быть

направлена против памяти умершего [2, ст. 34]. Примечательно, что положения ст. 29 данного закона действуют во Французской Республике до настоящего времени.

Ответственность за диффамацию также содержится в нормативных правовых актах иных государств (в Великобритании в Законе о диффамации 1952 года, в Уголовных кодексах Швейцарии (ч. 1 ст. 173.1), Королевства Швеции (глава 5, абз. первый ст. 1, ст. 2), в Австрии (глава 4, § 111), Германии (ст. 186, ст. 187, ст. 188). Следует подчеркнуть, что в уголовном законодательстве европейских стран диффамацией признается бездоказательное утверждения либо распространение порочащих фактов независимо от их правдивости.

В восточноевропейской юриспруденции концепт «диффамация» впервые вошел в нормативный оборот в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года (далее – Уложение). В ст. 1039 Уложения понятие «диффамация» относилось к оглашению в печати обстоятельств личной жизни частного либо должностного лица, либо общества, или установление такого обстоятельства, которое может повредить его чести, достоинству или доброму имени [3]. Как отмечает Е.Г. Комиссарова, «именно печатная форма свершившейся порочности, в целях отличия от иных форм порочных проявлений, вызвала к жизни в тот исторический период новое нормативное явление с названием «диффамация» [4, с. 9].

Проблематика введения подобного института на современном этапе все чаще поднимается в правовой доктрине с учетом развития электронных СМИ. В данной связи актуально обратить внимание на последствия обнародования отрицательных для репутации субъектов сведений, т. е. диффамации.

В отношении диффамации существует несколько подходов к пониманию данного концепта и возможности его интегрирования в правовые системы государств. В частности, учёный-правовед И.С. Ной настаивал на том, что концепт диффамации «чужд правосознанию советского народа», на основании того, что советский народ имел «неограниченные права в разоблачении безнравственных поступков любого лица, независимо от общественного положения» [5, с. 82]. Иной подход представляет А.Л. Анисимов, по мнению которого огласке могут предаваться сведения, которые не влияют на общественную оценку личности, но могут стать причиной душевных страданий или даже психологического потрясения [6, с. 42]. Как справедливо отмечает М.Е. Жаглина, распространение о человеке сведений, соответствующих действительности, но содержащих негативную характеристику о данном человеке (судимость, нахождение в психбольнице, наличие заболевания и т.п.), создает дискомфорт и причиняет определенные переживания [7, с. 50].

Современная правовая наука, не выработала на данный момент единого подхода к содержанию концепта диффамации, зачастую понимая под ней «распространение порочащих сведений, соответствующих действительности» [8, с. 5]. Т.Н. Нуркаева и С.А. Щербаков трактуют данное понятие как:

«распространение истинных сведений о личной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну, без его согласия, порочащих его честь, достоинство или подрывающих его репутацию, если это не затрагивает интересы общества, других лиц [...]» [9, с. 51]. В.М. Лебедев, А.М. Эрделевский относят к диффамации любое распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию [10, с. 325; 11]. А.М. Эрделевский также провел классификацию видов диффамации в зависимости от соответствия действительности и субъективного отношения распространителя к своим действиям: умышленная недостоверная диффамация (клевета), заключающаяся в распространении заведомо ложных порочащих сведений; неумышленная недостоверная диффамация – неумышленное распространение ложных порочащих сведений; достоверная диффамация – распространение правдивых порочащих сведений [11].

Диффамация также может рассматриваться с точки зрения *autonomusconcept*, сущность которого заключается в том, что наднациональный судебный орган при толковании тех или иных юридических понятий наполняет их таким содержанием, которое независимо от содержания, придаваемого этим же понятиям в национальных правовых системах. В частности, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) зачастую прибегает к употреблению термина «диффамация» при рассмотрении дел (дело «MagossoetBrindani c. Italie» № 59347/11; дело «Têtec. France» № 59636/16; дело «Buturugă c. Roumanie» № 56867/15).

Отметим национальный опыт Российской Федерации по соотнесению понятия диффамация, употребляемого в практике ЕСПЧ, и с актами внутреннего законодательства. Подобная попытка была осуществлена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2003 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», в котором Верховный Суд РФ указал, что используемое ЕСПЧ в его постановлениях понятия диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как отметили представители российской юридической доктрины, подобное толкование представляет собой факт прихода в российское законодательство диффамации, как официальной юридической категории [4, с. 9; 13, с. 121].

В Республике Беларусь одним из условий ответственности за распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, является распространение заведомо ложных [14, ст. 188], не соответствующих действительности сведений [15, ст. 153]. Нормы гражданского законодательства не возлагают ответственность на лицо, распространившее соответствующие действительности сведения, которые порочат честь, достоинство или деловую репутацию другого лица [15, ст. 153]. Как следствие, подобные случаи остаются без должного правового

регулирования, и без должных гарантий обеспечения иных личных прав, в частности, диффамация может причинить вред неприкосновенности личной жизни.

Таким образом, несмотря на то, что положениями Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена ответственность за незаконное соби́рание либо распространение информации о частной жизни, личной или семейной тайне другого лица, без его согласия, повлекшее причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего [14, ст. 179], распространение любых других компрометирующих сведений, остается за пределами правового регулирования указанной нормы. Так, с одной стороны, придание гласности неблагоприятных поступков гражданина, которые выходят за рамки неприкосновенности личной жизни, является допустимым и в определенных ситуациях оправданным [6, с. 42], и может считаться мерой воздействия на гражданина, но с другой стороны, постоянное напоминание о неблагоприятных поступках снижает эффективность данной меры воздействия.

### **Библиографический список**

1. Чеботарева, А.А. Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации в информационном обществе / А. А. Чеботарева // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – № 3(9). – 2013. – С. 24-27.
2. LaloisurlalibertédelaPresse. 29 juillet 1881 / Bulletin des lois de la République Française. BNF. Gallica // Mode d'accès: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k214111r/f158.image>. - Dated'accès: 12.11.2020.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. / Национальный правовой интернет-портал «Pravo.by» // Режим доступа: [https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie\\_o\\_nakazaniyah\\_ugolovnih\\_i\\_ispravitelnyh\\_1845\\_goda.pdf](https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnyh_1845_goda.pdf). – Дата доступа: 12.11.2020.
4. Комиссарова, Е.Г. Теория диффамации в учении о защите чести и достоинства / Е. Г. Комиссарова // Юридическая наука и правоприменительная практика. - № 4 (30), 2014. – С. 8-14.
5. Ной, И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве / И. С. Ной // Саратов, 1959. – 126 с.
6. Анисимов, А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. Учебное пособие / А. Л. Анисимов // М. : Владос-Пресс, 2001. – 224 с.
7. Жаглина, М.Е. Диффамация и защита чести, достоинства и деловой репутации / М. Е. Жаглина // Вестник Воронежского института МВД России. - № 2, 2009. - С. 50-55.
8. Сергеев, А.П. Право на защиту репутации / А. П. Сергеев // Л. : Знание, 1989. – 32 с.

9. Нуркаева, Т.Н., Щербаков, С.А. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства / Т. Н. Нуркаева, С. А. Щербаков // Российская юстиция. – № 2. – 2002. – С. 50-52.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева // М.: Норма, 2007. – 976 с.
11. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский // М.: ВолтерсКлувер. – 2004. – 320 с.
12. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации : 24 февраля 2005 г. №3 / Режим доступа: <http://base.garant.ru/12138961/>- Дата доступа: 12.11.2020.
13. Гаврилов, Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение / Е. В. Гаврилов // Подготовка доклада о состоянии прав человека в Российской Федерации и зарубежных странах. – М. : Юрист, 2010. – С. 121-128.
14. Уголовный кодекс Республики Беларусь :9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24июня1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
15. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

## **СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

**О.М. Куницкая**

*доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной  
деятельности юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Статья 14 Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) предоставляет инвесторам право на реализацию своих имущественных прав в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Согласно п. 3.1 п. 3. Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О цифровой экономике» (далее – Декрет № 8) для целей налогообложения отчуждение токенов, в том числе путем обмена на иные токены, рассматривается как реализация имущественных прав.

Инвестиции по Закону об инвестициях являются объектами гражданских прав. Под инвестициями понимается любое имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться такими объектами, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными данным Законом, в целях преимущественно предпринимательского характера. Закон об инвестициях перечисляет объекты гражданских прав, оставляя их перечень открытым, указывая на необходимость данных объектов иметь оценку их стоимости, а также исключая виды объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота). Данные объекты становятся инвестициями в момент, когда происходит их вложение предусмотренными Законом способами.

В цифровой экономике появляются условно новые объекты гражданских прав. К числу таковых следует относить токены.

Анализ норм Декрета №8 предполагает вывод о том, что любой токен является самостоятельным объектом гражданских прав. Исходя из положений ст. 128 ГК Республики Беларусь методом исключения, можно отнести его к иному имуществу, поскольку токены прямо не обозначены в качестве вещи. Правовой режим объекта для целей налогообложения не предопределяет сам по себе его гражданско-правовой природы.

В то же время, согласно определению, заложенному в Декрете № 8, токен прямо не называется объектом гражданских прав, а как «запись в реестре блоков транзакций (блокчейне)» удостоверяет наличие у лица – владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав. Фактически токен означает запись в блокчейне о наличии прав в отношении каких-либо объектов.

Согласно п.п 2.1 п. 2 Декрета № 8 юридические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных данным Декретом, совершать следующие операции: через резидента Парка высоких технологий (далее – ПВТ) создавать и размещать собственные токены в Республике Беларусь и за рубежом; через операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, иных резидентов ПВТ приобретать, отчуждать токены, совершать с ними иные сделки (операции). Оператор криптоплатформ предоставляет физическим и (или) юридическим лицам возможность совершения между собой и (или) с ним сделок (операций) с использованием информационной системы. Оператор обмена криптовалют осуществляет с использованием информационных систем от собственного имени и в своем интересе обмен цифровых знаков (токенов) одного вида на цифровые знаки (токены) другого вида, их покупку и продажу за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги (Приложение 1 к Декрету № 8).

Также п.п 2.1 п. 2 Декрета № 8 разрешено размещение цифровых знаков (токенов) – совершение гражданско-правовых сделок либо иных юридически значимых действий, направленных на передачу цифровых знаков (токенов) их первым владельцам на условиях, определенных лицом, создавшим через



резидента ПВТ такие цифровые знаки (токены), в том числе в целях привлечения от первых владельцев белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, цифровых знаков (токенов) другого вида (Приложение 1 к Декрету № 8).

На территории Республики Беларусь инвестиции осуществляются следующими способами: созданием коммерческой организации; приобретением, созданием, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества (за исключением приобретения или строительства гражданами жилых помещений); приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности; приобретением акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда; на основе концессии; иными способами, кроме запрещенных законодательными актами Республики Беларусь (ст. 4 Закона об инвестициях).

Учитывая, что в настоящее время действующее законодательство о цифровой экономике признает токены объектом гражданских прав, логично предположить, что у инвестора, обладающего им, есть возможность также вкладывать данное имущество, расценивая это действие как «осуществление инвестиций» способом, открытый перечень которых установлен в ст. 4 Закона об инвестициях [1, с. 37].

Для решения вопроса об отнесении подобного вложения к способам осуществления инвестиций следует провести правовой анализ процедуры ICO (ICO – InitialCoinOffering).

Гражданско-правовые сделки с цифровыми знаками (токенами), в том числе их первичное размещение (ICO) могут стимулировать развитие предпринимательства и повысить инвестиционную активность. В ходе ICO субъекты хозяйствования привлекают инвестиции по модели схожей с первичным размещением акций (IPO – InitialPublicOffering). Владелец токенов получает определенные имущественные права по отношению к эмитенту токена. Важнейшую роль в обеспечении ICO на блокчейне играют специальные инвестиционные интернет-платформы. Они уже заняли достойное место в мировом хозяйстве и зарекомендовали себя простым и одним из эффективных инструментов [2, с. 106].

В Республике Беларусь осуществляется специальное регулирование ICO, без распространения на него положений о ценных бумагах даже по аналогии. В п.п 3.3. п. 3 Декрета № 8 прямо указано, что законодательство о ценных бумагах, секьюритизации, требования о лицензировании профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам не распространяются на отношения (деятельность, операции) резидентов ПВТ с использованием токенов, в том числе на тождественные (схожие) с отношениями (деятельностью, операциями), регулируемые указанным законодательством. Тем не менее, в п.п 3.4. п. 3 Декрета № 8 закреплено, что размещение юридическими лицами созданных ими токенов приводит к возникновению обязательства перед

владельцами этих токенов. Отказ от удовлетворения требований владельца токена со ссылкой на отсутствие основания обязательства либо на его недействительность не допускается (п.п. 4.4 п. 4 Декрета № 8).

После издания Указа Президента Республики Беларусь от 18.07.2018 № 239 «О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь» в рамках реализации Декрета № 8 Наблюдательный совет ПВТ своим решением от 23.10.2018 (протокол №08/ НС-5пр) в локальных нормативных правовых актах урегулировал осуществление видов деятельности, заявляемых резидентами ПВТ, в том числе оказание услуг, связанных с созданием и размещением токенов с использованием Интернета (деятельность организатора ICO); а также деятельность оператора криптоплатформы; деятельность оператора обмена криптовалютой; иную деятельность с использованием токенов [3].

Пункты 1 и 2 Правил оказания услуг, связанных с созданием и размещением цифровых знаков (токенов), и осуществления операций по созданию и размещению собственных цифровых знаков (токенов) (далее – Правила) несколько уточняют п.п. 2.1 п. 2 Декрета № 8, определяя, что: 1) резидент ПВТ может осуществлять операции по созданию и размещению собственных токенов; 2) резидент ПВТ может оказывать услуги, связанные с созданием и размещением токенов. Один и тот же резидент ПВТ может создавать и размещать собственные токены, а также организовывать ICO.

Резидент ПВТ вправе самостоятельно размещать собственные токены одним или несколькими из следующих способов: 1) прямая реализация токенов первым владельцам, в том числе по договорам купли-продажи, мены (включая случаи, при которых первым владельцем токенов выступает оператор криптоплатформы); 2) реализация токенов на торгах в информационной системе оператора криптоплатформы, выступая участником торгов токенами (в том числе в случае, если он сам обладает статусом оператора криптоплатформы и реализует токены на организованных им же торгах токенами); 3) реализация токенов на торгах, организованных на зарубежной торговой площадке, выступая участником торгов токенами (ч. 2 п. 31 Правил).

Таким образом, имеются основания для признания токенов инвестициями поскольку они: 1) принадлежали инвестору на законном основании; 2) вкладываются им на территории Республики Беларусь; 3) вкладываются способами, предусмотренными Законом об инвестициях; 4) вкладывались в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого результата либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Не принимая во внимание спорность вопроса о формулировке «способ осуществления инвестиций», отметим также возможность отнесения к ним «размещение цифровых знаков (токенов)», определяемого как совершение гражданско-правовых сделок либо иных юридически значимых действий, направленных на передачу цифровых знаков (токенов) их первым владельцам, в

том числе в целях привлечения от первых владельцев белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, цифровых знаков (токенов) другого вида.

### **Библиографический список**

1. Куницкая, О.М. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь // Право.by. – 2020. – № 3. – С. 34-39
2. Федорова, Т.А. ICO и проблемы экономической безопасности // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2018.43. – С. 105-111.
3. Утверждены регламенты в отношении деятельности с цифровыми знаками (токенами) // Официальный сайт Парка высоких технологий. – Режим доступа: URL:<http://park.by/post-2225/>. – Дата обращения: 26.10.2020).

## **РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**А.А. Кучинская**

*главный специалист управления законопроектных работ  
и экспертизы нормативных правовых актов*

*Главного юридического управления  
Национального банка Республики Беларусь*

Появление и развитие платежных систем (далее – ПС) неразрывно связано с экономическими, социально-политическими, научными и техническими преобразованиями, происходящими в мировом сообществе. ПС являются неотъемлемой частью финансовой системы любого государства и обеспечивают непрерывное, безопасное и оперативное проведение платежей и расчетов. Современный этап развития ПС связан с использованием цифровых банковских технологий, в том числе дистанционного доступа к банковским счетам и проведением расчетов в безналичной форме, а также с появлением систем расчетов с использованием электронных денег (электронных платежных систем, далее – ЭПС). Широкое использование в расчетах ЭПС, привело к их исследованию в научной литературе.

Согласно опубликованным данным мировой рынок электронных платежей растет весьма быстрыми темпами. В настоящее время он достиг отметки в 539 миллиардов долларов, при этом прогнозируется рост к 2022 году примерно на 21% [1, с. 31].

Институциональной средой любой современной ПС, в том числе ЭПС, является совокупность субъектов (банков, других финансовых организаций, расчетных и клиринговых палат), правил и технологий составления, удостоверения и передачи платежного распоряжения, информационных

технологий и систем передачи данных, правового обеспечения взаимодействия ее участников.

ЭПС могут быть классифицированы: в зависимости от совершаемых операций (осуществляющие переводы денежных средств, использующие банковские и иные карты, использующие электронные деньги (виртуальные денежные единицы); по сфере действия (локальные, международные и национальные); по характеру обслуживаемых сделок (универсальные и специализированные); по форме собственности (государственные, частные и смешанные) и др.

При определении сущности ЭПС исследователи используют несколько подходов, в соответствии с которыми их рассматривают как: электронный компонент ПС; подвид ПС; платежный механизм, при использовании которого платежи осуществляются дистанционно с помощью определенных технических устройств и каналов связи; самостоятельный вид ПС, совокупность аппаратных устройств, программных средств, информационных сетей и организационной структуры, обеспечивающих один или несколько видов платежей и др. Так, Д.А. Кочергин под ЭПС понимает ПС, которая позволяет осуществлять обмен стоимостью в электронной форме [2, с. 53]. Согласно К.В. Станиславчику ЭПС – это электронный компонент ПС [3, с. 50]. По мнению А.Я. Курбатова, под ЭПС понимают платежные механизмы, при использовании которых платежи за товары, работы, услуги или получение наличных денег в кредитных организациях осуществляются дистанционно с помощью определенных технических устройств и каналов связи [4, с. 68]. А.Я. Курбатов также полагает, что, исходя из сущности правового регулирования, которое осуществляется через наделение субъектов правами и обязанностями, ЭПС представляет собой совокупность субъектов, обеспечивающих проведение платежей, получателей платежей – организаций, реализующих товары (услуги), а в ЭПС, использующих виртуальные денежные единицы, – еще и потребителей, которые должны быть зарегистрированы в этих ЭПС [5, с. 126]. ЭПС, с точки зрения А.В. Юрасова, должна гарантировать выполнение требований конфиденциальности, целостности информации, аутентификации и авторизации, безопасности, поддержки широкого спектра платежных инструментов, минимизации себестоимости транзакций, возможности стороннего арбитража и аудита [6, с. 219].

На наш взгляд, указанные определения не лишены недостатков. Исследователи всегда учитывают правовую составляющую ЭПС, по сути игнорируя факт наличия в ПС наряду с ее участниками, совокупности общественных отношений, возникающих между ними, их прав и обязанностей, отношений по поводу наблюдения и надзора за ЭПС, а также наличие норм и правил, регулирующих указанные группы отношений. В данном случае следует исходить из того, что юридические лица, входящие в ПС, связаны между собой отношениями не только экономической, но и правовой природы.

Правовые нормы как обязательный компонент ЭПС, как правило, подразделяются на три вида: правовые нормы, установленные рамочным законодательством в области осуществления платежей; правовые нормы, нормативные правовые акты, разработанные регулирующим государственным органом – национальным (центральным) банком; правовые нормы договорного права между субъектами хозяйствования.

Современная ПС Республики Беларусь (далее – РБ) сформировалась в конце 90-х годов XX в., что позволило при ее формировании и развитии в полной мере использовать накопленный позитивный опыт других стран и учесть обязательные для ее успешного функционирования требования и принципы. ПС включает в себя ПС Национального банка, ПС банков (в том числе системы расчетов с использованием электронных денег), расчетно-клиринговую систему по ценным бумагам, систему безналичных расчетов по розничным платежам, автоматизированную информационную систему единого расчетного и информационного пространства. Правовое регулирование ЭПС осуществляется на основе норм Гражданского кодекса РБ, Банковского кодекса РБ, нормативных правовых актов Национального банка, в том числе принимаемых совместно с Советом Министров РБ или республиканскими органами государственного управления, иных актов законодательства, локальных правовых актов банков, договоров между участниками и пользователями ЭПС. Специальным нормативным правовым актом, регулирующим функционирование электронных денег и ЭПС, являются Правила осуществления операций с электронными деньгами, утвержденные постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 года № 201. В целях совершенствования функционирования ПС разработан и находится на стадии согласования проект Закона Республики Беларусь «О платежных системах и платежных услугах».

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) работа по формированию общего платежного пространства ведется в соответствии с Договором о ЕАЭС, ратифицированном Законом Республики Беларусь от 9 октября 2014 года «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» и предполагает гармонизацию законодательства в области ПС, обеспечение совместимости национальных платежных систем, обеспечение независимости платежного пространства ЕАЭС от внешних факторов и др.

Следует также отметить, что функционирующие в настоящее время ЭПС имеют ряд особенностей и свою специфику правового регулирования эмиссии, распространения, использования и погашения электронных денег. По данным международных организаций в мире насчитывается более пятидесяти ЭПС, в которых используются электронные деньги на основе смарт-карт и на базе сетей. Самыми распространенными ЭПС в странах ЕАЭС являются PayCash (Россия), CyberPlat (Россия), Яндекс.Деньги (Россия), WebMoneyTransfer (Беларусь, Россия), KZM Альянс-банка (Казахстан), «Тау-кошелек»

(Казахстан), WebMoneyKazakhstan (совместный проект WebMoney Россия, Yvision и HalykBank), Idram (Армения), WeChatPay (Кыргызстан) и др.

В настоящее время в исследованном автором законодательстве стран мира, как правило, отсутствует правовое закрепление понятия «электронная платежная система». При этом прослеживаются два подхода: выделение ЭПС в качестве самостоятельного объекта правового регулирования и обеспечение правового регулирования электронных денег в рамках функционирующих ПС. В странах Европейского союза предпочтение отдается второму подходу. В странах ЕАЭС в соответствии с законодательством установлены определения ПС, в которых могут функционировать электронные деньги: «система электронных денег» (Республика Казахстан); «система расчетов с использованием электронных денег» (Республика Кыргызстан, Республика Беларусь); «платежно-расчетная система» (Республика Армения); «платежная система» (Российская Федерация). На наш взгляд, такой подход сложился не столько ввиду отсутствия необходимости в установлении определения «электронная платежная система», сколько в силу понимания понятия «платежная система» в широком смысле, распространяющее свое действие на все виды ПС, в том числе и на ЭПС, предназначенную для перевода электронных денег (электронных средств платежа). В тоже время в целях закрепления правового статуса ЭПС, предназначенной для функционирования электронных денег, как самостоятельного средства платежа, отличного от традиционных денег, а также учитывая их значительное количество, полагаем уместным законодательно закрепить на национальном уровне и согласованное на международном уровне понятие «электронная платежная система», что будет способствовать дальнейшему их развитию. Полагаем, что определение понятия ЭПС может быть следующим: «электронная платежная система – платежная система, обеспечивающая эффективные и безопасные способы проведения платежей по сетям передачи данных, включая мобильную связь и Интернет, с использованием электронных единиц стоимости, представляющая собой совокупность законодательно установленных инструментов, процедур и правил, технологий».

Таким образом, современные ЭПС получили широкое распространение, их деятельность регламентирована международным и национальным законодательством, локальными правовыми актами эмитентов электронных денег, при этом имеет ряд особенностей и специфику правового регулирования.

### **Библиографический список**

1. World Payments Report 2019. // Capdemini research institute [Electronic resource]. – Mode of access :<https://worldpaymentsreport.com/wp-content/uploads/sites/5/2019/09/Top-10-Trends-in-Payments-2019.pdf>. Date of access : 21.03.2020.
2. Кочергин, Д.А. Финансово-кредитная система. Бюджетное, валютное и кредитное регулирование экономики, инвестиционные ресурсы / Проблемы

современной экономики, № 1, 2016. – С.93-96 [Электронный ресурс]. – Проблемы современной экономики. – Режим доступа : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5694>. – Дата доступа : 11.04.2020.

3. Станиславчик, К.В. Оценка и обоснование электронных платежных систем : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / К.В. Станиславчик. – Иваново, 2003. – 160 л.

4. Курбатов, А.Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству Российской Федерации / А. Курбатов // Хоз-во и право. – 2007. – № 9. – С. 68–84.

5. Курбатов, А.Я. Правосубъектность кредитных организаций : теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. – М. : Юриспруденция, 2010. – 280 с.

6. Юрасов, А.В. Электронная коммерция : учеб. пособие / А.В. Юрасов. – М. : Дело, 2003. – 480 с.

## **КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**Е.В. Лаевская**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Правовое обеспечение цифровизации экономики является важной задачей и одновременно серьезным вызовом для правовой системы любого государства, включая Республику Беларусь.

В исследованиях, посвященных проблеме цифровизации экономики, отмечается отсутствие единого подхода к содержанию понятия «цифровая экономика» [1]. М.А. Положихина отмечает, в частности, что представления о цифровой экономике варьируются от весьма узких до чрезвычайно широких. Так, в узком смысле цифровую экономику представляют как разновидность коммерческой деятельности по производству и продаже электронных товаров и услуг и относят к ней, во-первых, электронную торговлю, электронный банкинг, электронные деньги, во-вторых, сервисы по предоставлению онлайн услуг; информационные сайты, зарабатывающие на рекламе; интернет медиа (звукозапись, кино, пресса, издательская деятельность); создание развлекательного и делового программного обеспечения, в-третьих, производство соответствующего оборудования и другие виды деятельности [2]. В контексте цифровизации экономики исследователи выделяют также современные тренды: трансформацию условий жизни человека, распространение новых бизнес-моделей, цифровизацию промышленности и науки, формирование цифрового государственного управления, тем самым, обращая внимание на комплексность и всеобщий, всеохватывающий характер цифровизации.

Принимая во внимание комплексность цифровизации, авторы учебника «Цифровое право» отмечают тенденции формирования цифровой экономики на трех уровнях. К этим уровням они относят, во-первых, рынки и отрасли экономики (традиционные сферы деятельности), где осуществляется непосредственное взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг); во-вторых, платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики; в-третьих, среду, которая создает условия для развития платформ и технологий, эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики и охватывает нормативное регулирование, информационную структуру, кадры и информационную безопасность [3, с. 27].

Цифровизация экономики как процесс цифровой трансформации экономических отношений на основе использования технологического, процессного, платформенного, отраслевого и комплексного подходов обеспечения информационно-коммуникационных связей объективно оказывает значительное влияние на общество и государство, способствуя внедрению цифровых технологий в область социальных, культурных, управленческих отношений, что порождает насущную необходимость совершенствования правовых актов (как ненормативных, так и нормативных) с учетом складывающихся в цифровой среде общественных отношений.

Анализ современных государственных программ Республики Беларусь, направленных на обеспечение цифровизации экономики, позволяет сделать вывод о том, что они формируются с учетом понимания цифровизации в широком смысле и охватывают не только внедрение цифровых инноваций в собственно экономические отношения, но и продвижение цифровизации в область социальных коммуникаций, в сфере функционирования электронного правительства. Подобный подход следует использовать и в современном цикле государственного планирования при разработке государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы, а также при разработке отраслевых государственных программ, в которых аспект цифровизации должен стать определяющим для развития.

Анализ законодательства, обеспечивающего цифровизацию экономики в Беларуси, позволяет выявить тенденцию трансформации правовой системы в контексте цифровизации, а именно, внедрение новых правовых понятий, правовых институтов и подходов регулирования происходит как на уровне ненормативных правовых актов (например, на уровне программ, стратегий), так и в системе нормативных правовых актов, регулирующих отношения, традиционно относящиеся как к публично-правовой, так и частно-правовой сфере. Очевидно этот процесс правовой трансформации будет приобретать все более глобальный для правовой системы характер, принимая во внимание развитие цифровых технологий, активно используемых во всех сферах производства и потребления, экономической и социальной жизни общества. Соответственно, процессы цифровизации экономики будут оказывать



воздействие на законодательство в целом, в том числе на его традиционные отрасли, такие, как гражданское, трудовое, административное, уголовное и др.

Наряду с подходом, определяющим направления развития традиционных отраслей права в контексте цифровизации, в доктринальных исследованиях активно обсуждается идея формирования особого «цифрового права», обособленность от других отраслей и содержание которого, однако, сегодня является весьма дискуссионным вопросом в силу глобальности происходящих технологических цифровых изменений и сложности учета влияния этих изменений на правовую сферу [3, с.29]. Преждевременным на современном этапе, на наш взгляд, представляется вывод о самостоятельности и сформированности цифрового права как отдельной правовой отрасли [3, с. 36]. Тем не менее, очевидно цифровизация в ближайшей перспективе окажет значительное влияние не только на традиционные отрасли законодательства, но и на все элементы права, заставит переосмыслить классические представления о правоотношении, в том числе о его субъекте и объекте.

В области формирования правовых основ регулирования общественных отношений в цифровой среде наибольшую значимость приобретают вопросы определения правового статуса новой «цифровой личности». Процессы цифровизации экономики применительно к субъекту правоотношения требуют совершенствования правового обеспечения юридически значимой идентификации личности, определения условий и содержания, особенностей осуществления и защиты прав лица в цифровом пространстве (например, право на доступ в Интернет, право на забвение, право на «цифровую смерть» и т.п.).

Цифровизация экономики актуализирует также проблему пересмотра традиционных взглядов на систему объектов права и определения места в этой системе таких объектов, как цифровые финансовые активы, цифровые права – своего рода «неюридические субстанции», выражающие интересы субъектов гражданских отношений. Закрепление в законодательстве цифровых прав, иных правовых категорий неимущественного свойства (токены, криптовалюта и др.) актуализирует частно-правовое регулирование отношений в области использования в гражданском обороте больших данных, заключения и исполнения смарт-контрактов, применения технологий блокчейн, цифровизации государственных закупок, использования цифрового инструментария в антимонопольном правовом регулировании, новых форм проявления объектов интеллектуальной деятельности в цифровой среде.

Цифровизация экономики требует расширения классического подхода к методу правового регулирования, поскольку современное цифровое пространство тяготеет к использованию способов саморегулирования в управлении различными процессами. На условиях сетевой, так называемой общинной и кооперативной модели организации взаимодействия, формируются сегодня отношения между субъектами, которые создают саморегулируемую «криптосреду».

Платформенный подход цифровизации экономики на принципах прозрачности (открытости) и доступности для субъектов отношений различной информации в цифровой форме потребует формирования новых подходов правового регулирования публичных отношений в области разработки проектов правовых актов (как нормативных, так и ненормативных) и обсуждения их с общественностью, проведения административных процедур, иных решений государственных органов, организации и функционирования доступных для населения государственных информационных ресурсов (реестров, реестров, баз данных), организации государственного контроля и надзора, осуществления правосудия; а с другой стороны – совершенствования законодательства, регулирующего отношения в области противодействия новым цифровым угрозам и вызовам, прежде всего, обеспечивающего безопасность цифровых данных, платформ и субъектов соответствующих отношений, введение особых правил соблюдения конфиденциальности в цифровой среде, внедрение правовых подходов, направленных на предотвращение загрязнения информационного пространства, прозрачность принятия решений алгоритмами, преодоление дефицита кадров, замещение рабочих мест и т.д.

Важным аспектом формирования эффективных правовых основ цифровизации является совершенствование правового режима стимулирования цифровых инноваций. В этом контексте представляется актуальным использование экспериментальных правовых режимов (далее – ЭПР), так называемых «регуляторных песочниц», обеспечивающих создание благоприятной регуляторной среды с целью устранения барьеров при внедрении технологий и реализации цифровых проектов. Полагаем, что зарубежный опыт использования ЭПР весьма интересен для Республики Беларусь, особенно в сфере организации финансового рынка (рынка ценных бумаг, рейтинговых услуг и др.). Представляется, что формирование правового обеспечения использования ЭПР особенно актуально в контексте выполнения обязательств Республики Беларусь по созданию единого финансового рынка к 2025 году в рамках ЕАЭС [4].

### **Библиографический список**

1. Митин, В. Семь определений цифровой экономики / В. Митин // CRN ИТ-бизнес. Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=116780>. – Дата доступа: 3.09.2020.
2. Положихина, М.А. Цифровая экономика как социально-экономический феномен / М.А. Положихина // Экономические и социальные проблемы России. 2018. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/Elena/Downloads/tsifrovaya-ekonomika-kak-sotsialno-ekonomicheskiy-fenomen.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2020.
3. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.

4. Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс]: Решение Высшего Евразийского экономического совета, 11 окт. 2017г. №12. Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_282472/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/). – Дата доступа: 1.10. 2020.

## **НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ, СОВЕРШЕННЫХ АФФИЛИРОВАННЫМИ ЛИЦАМИ**

**Е.А. Лазарчук**

*старший преподаватель кафедры общепрофессиональных  
и специальных юридических дисциплин  
факультета бизнеса и права*

*Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*

**А.Ю. Попкова**

*студент факультета бизнеса и права*

*Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*

В правоприменительной деятельности и судебной практике нередко возникают спорные ситуации, связанные с нарушением порядка заключения юридическим лицом хозяйственных договоров, в которых имеется заинтересованность его аффилированных лиц. Нарушение такого порядка может повлечь негативные последствия как для хозяйственного общества, так и для контрагента по такому соглашению, связанные с последующим признанием договора недействительным. Поэтому в контексте настоящего исследования предполагается раскрыть круг субъектов, относящихся к аффилированным лицам хозяйственного общества, привести примеры из судебной практики и предложить рекомендации по предупреждению ситуаций по признанию недействительными договоров, в которых имеется заинтересованность его аффилированных лиц.

Согласно ст. 56 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 года № 2020-XII «О хозяйственных обществах» [1] (далее – Закон о хозяйственных обществах) аффилированными лицами хозяйственного общества – физическими и юридическими лицами, способными прямо и (или) косвенно определять решения либо оказывать влияние на их принятие хозяйственным обществом, а также юридическими лицами, на принятие решений которыми хозяйственное общество оказывает такое влияние, являются:

1) члены совета директоров (наблюдательного совета), коллегиального исполнительного органа, физическое или юридическое лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа этого общества;

2) физическое лицо, которое единолично или совместно со своими супругом (супругой), родителями, детьми и их супругами, усыновителями, усыновленными (удочеренными) и их супругами, и другими лицами владеет

или имеет право распоряжаться долей в уставном фонде (акциями) хозяйственного общества в размере двадцати и более процентов;

3) юридическое лицо, которое владеет или имеет право распоряжаться долей в уставном фонде (акциями) хозяйственного общества в размере двадцати и более процентов либо имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом, в соответствии с договором;

4) унитарные предприятия, созданные хозяйственным обществом;

5) супруг (супруга), родители (опекуны, попечители), совершеннолетние, эмансипированные или вступившие в брак до достижения восемнадцати лет (далее – совершеннолетние) дети и их супруги, усыновители, совершеннолетние усыновленные (удочеренные) и их супруги, дед, бабушка, совершеннолетние внуки и их супруги, родные братья и сестры и родители супруга (супруги) физического лица, являющегося в соответствии с законодательством аффилированным лицом хозяйственного общества;

6) члены коллегиальных органов управления юридического лица, являющегося аффилированным лицом хозяйственного общества, физическое или юридическое лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа этого юридического лица;

7) юридические и физические лица, в управление которым переданы принадлежащие Республике Беларусь либо ее административно-территориальным единицам акции открытых акционерных обществ, созданных в процессе разгосударствления и приватизации объектов, находящихся в республиканской или коммунальной собственности;

8) представители государства в органах управления хозяйственных обществ, доли в уставных фондах (акции) которых принадлежат Республике Беларусь либо ее административно-территориальным единицам;

9) другие лица, указанные в Законе о хозяйственных обществах.

При этом юридическое лицо определяет круг его аффилированных лиц, ведет их учет в целях избежания различных злоупотреблений при заключении от их имени аффилированными лицами в своих интересах или в интересах других физических и (или) юридических лиц хозяйственного договора. Решение о сделке, в совершении которой имеется заинтересованность аффилированных лиц, должно приниматься общим собранием участников хозяйственного общества большинством от общего количества голосов участников хозяйственного общества, не заинтересованных в совершении этой сделки.

Необходимо подчеркнуть, что хозяйственный договор, в совершении которого имеется заинтересованность аффилированных лиц хозяйственного общества, совершенный с нарушением предусмотренных Законом о хозяйственных обществах требований и (или) нарушающий права и законные интересы хозяйственного общества, участников этого общества, является оспоримым и может быть признан судом недействительным по иску участников хозяйственного общества, самого хозяйственного общества, а также

членов совета директоров (наблюдательного совета), коллегиального исполнительного органа [1, ст. 57<sup>1</sup>].

Так, в экономическом суде Витебской области было рассмотрено дело по иску ООО «А» к ОАО «Т» о признании сделок купли-продажи недействительными, поскольку в нарушение установленного ст. 58 Закона о хозяйственных обществах порядка совершения крупной сделки решение общего собрания участников ООО «А» не принималось. Доводы ответчика о взаимоотношениях сторон до заключения договора и при исполнении договора не принимаются судом, поскольку данные взаимоотношения не являются решением о заключении конкретной сделки и не являются прямым одобрением сделки общим собранием участников, а также не подменяют собой необходимость принятия соответствующего решения общим собранием участников общества. Суд удовлетворил иски в полном объеме и признал недействительными с момента совершения договор купли-продажи недвижимого имущества от 08.05.2014 № 1 и договор купли-продажи имущества от 08.05.2014 № 2, заключенные между ОАО «Т» и ООО «А» [2].

Нетрудно заметить, что хозяйственный договор, который совершен аффилированным лицом и не соответствует требованиям законодательства, может быть признан недействительным и повлечь наступление негативных последствий, указанных в ст. 57<sup>1</sup> Закона о хозяйственных обществах. Законодатель вводит такие правила совершения сделок, стремясь ограничить воздействие аффилированных лиц на хозяйственные общества, тем самым стабилизирует гражданско-правовой оборот и деятельность самой организации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо придерживаться требований законодательства при совершении хозяйственных договоров аффилированными лицами, которые обязаны действовать в интересах общества и проявлять должные осмотрительность и добросовестность, как если бы они проявляли их при осуществлении хозяйственным обществом аналогичной сделки, в совершении которой их заинтересованность отсутствовала. Несоблюдение требований, указанных в законодательстве, может оказать негативное влияние на саму организацию и ее контрагентов посредством признания хозяйственных договоров, заключенных между ними, недействительными, тем самым нарушив гражданский оборот.

Стоит также в ст. 56 Закона о хозяйственных обществах внести некоторые изменения. Так, при оспаривании таких договоров под аффилированными лицами предлагаем понимать не только субъектов, перечисленных в Законе о хозяйственных обществах, но и лиц, у которых с физическим лицом, являющимся в соответствии с законодательством аффилированным лицом хозяйственного общества, имеются близкие личные и (или) деловые взаимоотношения, в том числе отношения подчиненности, способные привести к фактическому конфликту интересов. Например, такими могут быть признаны лица, не состоящие в зарегистрированном браке, но находящиеся в фактических брачных отношениях, а также близкие друзья. Внесение подобных

изменений необходимо по причине того, что такие лица способны косвенно оказывать влияние на решение о совершении сделок хозяйственным обществом. Однако в суде доказывание таких обстоятельств будет затруднительным. Представляется, что развитие законодательства в исследуемой области должно идти в направлении обеспечения добросовестных отношений между субъектами хозяйствования. Внесение указанных изменений в действующее законодательство позволит обеспечить верховенство принципа разумности и добросовестности участников хозяйственных правоотношений.

### **Библиографический список**

1. О хозяйственных обществах: Закон Респ. Беларусь, 9 декабря 1992 г., № 2020-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2017 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Решение экономического суда Витебской области по делу № 82-17/2015 от 09 июня 2015 года [Электронный ресурс] URL: <http://court.gov.by/ru/Ekonomicheskij/sud/Vitebskoj/oblasti>. – Дата доступа: 01.11.2020.

## **К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

**Д.Д. Ландо**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Регулирование гражданско-правовых отношений в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь традиционно основывалось на Гражданском кодексе (далее – ГК), отражающем фундаментальные начала такого регулирования, и специальных законах, призванных определить особенности правовой охраны отдельных объектов интеллектуальной собственности. Полагаем, что данная система регулирования доказала свою эффективность, а озвучиваемые проблемы наличия пробелов и дублирования в правовом регулировании, отсутствия единообразной терминологии, устаревания норм могут быть решены путем внесения изменений в соответствующие законодательные акты при должном уровне юридической техники законодателя.

На уровне нормативного правового акта ориентиры развития законодательного регулирования в сфере интеллектуальной собственности были определены в стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 марта 2012 года № 205 (глава 3). Одним из основных направлений совершенствования такого регулирования

провозглашено увеличение кодифицированной составляющей законодательства, обеспечивающей системность и комплексность регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Следует отметить, что по состоянию на ноябрь 2020 года вопрос о целесообразности или нецелесообразности кодификации законодательства об интеллектуальной собственности не получил однозначного разрешения не только в рамках научной дискуссии, но и среди государственных органов и организаций.

Можно было бы предположить, что усилия по увеличению кодифицированной составляющей были предприняты в результате кардинальной переработки раздела V ГК «Интеллектуальная собственность» в рамках созданной Национальным центром законодательства и правовых исследований Рабочей группы. Вместе с тем, в силу количества, сущностного содержания предлагаемых корректировок в ГК соответствующие изменения до сих пор не достигли стадии принятия. С учетом вышеизложенного некорректной представляется первоначальная формулировка проекта стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2021–2030 гг. о целесообразности «возврата» к рассмотрению вопросов о кодификации законодательства Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности.

При этом обоснование необходимости принятия Закона об изменении ГК содержит указание на цель устранения если не всех, то большей части проблем, наличием которых сегодня обосновывается целесообразность принятия Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности: изложение указанного раздела в новой редакции обусловлено рядом концептуальных изменений, связанных с «уточнением объектов интеллектуальной собственности, норм, посвященных распоряжению исключительным правом, введением новых норм, регулирующих вопросы исчерпания исключительного права и т.д. Предлагается систематизация норм, определяющих основы правового режима отдельных объектов интеллектуальной собственности, с изложением их по стереотипной схеме, предполагающей определение объекта правовой охраны, основания предоставления такой охраны, общих положений о содержании исключительного права на соответствующий объект интеллектуальной собственности, особенностей распоряжения исключительным правом на соответствующий объект, если такие особенности обусловлены его природой, а также срока действия исключительного права, а в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности, являющихся результатами интеллектуальной деятельности, также закрепление основных норм о личных неимущественных правах авторов этих результатов».

Состояние гражданского законодательства традиционно определяют по состоянию Гражданского кодекса, реформирование которого невозможно без осознания роли ГК как основополагающего нормативного правового акта в сфере регулирования частных отношений [1, с. 214]. На наш взгляд, именно ГК призван закрепить принципы и нормы правового регулирования общественных

отношений в сфере интеллектуальной собственности. Предложения по объединению в едином законодательном акте разноотраслевых норм считаем технической операцией, а не переработкой установленного нормативными правовыми актами правового регулирования общественных отношений. При этом оснований для осуществления самостоятельной кодификации отдельных сфер частного правового регулирования, в данный момент включенных в ГК, не усматривается [2, с. 259].

### **Библиографический список**

1. Салей, Е.А., Ландо, Д.Д. Гражданское законодательство Республики Беларусь: состояние и перспективы развития // 20 лет Гражданскому кодексу Республики Беларусь: взгляд в будущее : сб. ст. Междунар. круглого стола, посвящ. 95-летию заслуженного юриста Респ. Беларусь, проф. В. Ф. Чигира, Минск, 5 нояб. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: В.Н. Годунов [и др.]. – Минск : РИВШ, 2020. – С. 204-214.

2. Годунов, В.Н., Мещанова, М.В., Салей, Е.А., Ландо, Д.Д. Кодификация гражданского законодательства Республики Беларусь: состояние и перспективы // Юрычная навука і адукацыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т.М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т.М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 244-262.

## **ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ И РАЗВИТИЮ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ: НОВАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

**С.К. Лещенко**

*заместитель директора по научно-методической работе  
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников  
прокуратуры, судов и учреждений юстиции  
Белорусского государственного университета»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) осуществляет активную работу в налоговой сфере по внедрению новых механизмов взаимодействия государств в целях противодействия уклонению и уходу от уплаты налогов. С принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2020 года № 590 [1] наше государство присоединяется к двум важным инициативам ОЭСР в налоговой сфере: Глобальному форуму по налоговой прозрачности и обмену информацией по налоговым вопросам (далее – Глобальный форум) и Инклюзивной группе по



имплементации Плана действий по вопросу противодействия размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения.

Глобальный форум (англ. - Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes) создан ОЭСР в целях решения проблем налоговой конкуренции между государствами посредством совершенствования обмена налоговой информацией между их компетентными органами и обеспечения открытости данных о плательщиках налогов. По состоянию на февраль 2020 года Глобальный форум объединяет 161 налоговую юрисдикцию, в том числе государства, не являющиеся членами ОЭСР [2].

Инструментами Глобального форума выступают:

- внедрение в национальное законодательство стандартов прозрачности и обмена налоговой информацией, включающих, во-первых, обмен информацией *по запросу* компетентных органов (англ. - Exchange of Information on Request (EOIR)) и, во-вторых, ежегодный *автоматический* обмен информацией о финансовых операциях нерезидентов (англ. - Automatic Exchange of Information (AEOI));

- проведение экспертных оценок законодательства на предмет реализации названных стандартов.

Глобальный форум обеспечивает опубликование обзоров по результатам мониторинга и экспертной оценки реализации стандартов прозрачности и обмена информацией в целях налогообложения. Оценка проводится по десяти существенным элементам, включающим бухгалтерскую и банковскую информацию, качество и своевременность предоставления данных, при этом важным является не только наличие соответствующей информации, но и обеспечение доступа к ней, а также реализация государством механизма обмена данными о плательщиках налогов. Процесс экспертной оценки в соответствии с методологией проверки [3] проходит два этапа: на первом этапе изучается нормативно-правовая база; на втором - реализация правовых норм на практике. При этом с 2016 года применяется новый стандарт для экспертной оценки, основанный на требованиях ФАТФ - Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

По состоянию на 1 сентября 2020 года рейтинг «соответствует стандарту» (в отношении стандарта прозрачности и обмена налоговой информацией по запросу компетентных органов, EOIR) был присвоен 22 юрисдикциям, рейтинг «в значительной степени соответствует» - 89, «частично соответствует» - 11, «не соответствует» - 2. Отметим, что многим государствам, первоначально получившим низкий рейтинг, удалось в течение короткого промежутка времени значительно повысить его. Так, Британские Виргинские острова, Люксембург и Кипр в 2013 году признаны не соответствующими стандарту EOIR, но уже в 2015 году им присвоен рейтинг «в значительной степени соответствует» [4].

Участие в Глобальном форуме будет способствовать повышению имиджа Республики Беларусь как государства, демонстрирующего приверженность выполнению международных требований обеспечения прозрачности налоговой

информации. При этом до проведения экспертной оценки национального налогового законодательства и составления отчетов ОЭСР [5] потребуется корректировка нормативных правовых актов в целях реализации стандартов EOIR и AEOI.

Участие Республики Беларусь в Инклюзивной группе по имплементации Плана действий по вопросу противодействия размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (англ. – Inclusive Framework on Base Erosion and Profit Shifting, далее - Инклюзивная группа BEPS) [6] потребует глубинных трансформаций национального налогового законодательства и корректировки действующих международных договоров (двусторонних соглашений и конвенций в отношении налогов на доходы и имущество).

В опубликованном в июле 2020 года отчете Инклюзивной группы BEPS отмечено, что имплементация мероприятий BEPS, начавшаяся в 2015 году, представляет собой наиболее крупное за последнее столетие изменение международных налоговых правил [7], имеющее целью решить проблемы уклонения от уплаты налогов, повысить согласованность национального налогового законодательства государств с международными принципами и обеспечить более прозрачную налоговую среду. Как указывает Л.В. Полежарова, Планом BEPS предложено реформирование международной и локальных налоговых систем, создающих, по сути, наднациональное регулирование в налоговой сфере [8, с. 328].

План BEPS – 15-томный документ [9], работа над которым велась под эгидой ОЭСР более 10 лет. Для Республики Беларусь первостепенное значение имеет имплементация четырех из пятнадцати направлений (действий) BEPS, входящих в т.н. «минимальный стандарт»: общее противодействие «недобросовестной налоговой практике», предотвращение злоупотреблений положениями международных договоров в отношении налогов на доходы и имущество, оптимизация требований по документированию трансфертного ценообразования и «пострановой отчетности», разработка и повышение эффективности механизмов решения споров между государствами по налоговым вопросам, соответственно действий 5, 6, 13 и 14 Плана BEPS. При этом реализация действия 6 Плана BEPS, предполагающего внесение изменений в содержание действующих международных договоров в сфере налогообложения, неразрывно связана с подписанием и последующей ратификацией Республикой Беларусь Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения от 24 ноября 2016 года, вступившей в силу 1 июля 2018 года [10]. По данным на 5 ноября 2020 года участниками Конвенции являются 94 налоговые юрисдикции. Конвенция, получившая в научных источниках наименование Multilateral Instrument (Многосторонний инструмент) или сокращенно – MLI, закрепляет уникальный механизм одновременного изменения положений всех

действующих двусторонних налоговых соглашений в отношении налогов на доходы и имущество.

Представляется, что помимо реализации двух инициатив ОЭСР в налоговой сфере в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2020 года № 590 необходимо начать работу по всесторонней оценке МЛІ, анализу позитивных и негативных последствий ее подписания, а также определению целесообразности внесения отдельных изменений, рекомендуемых ОЭСР, в национальное налоговое законодательство.

### **Библиографический список**

1. О присоединении к Глобальному форуму по налоговой прозрачности и обмену информацией по налоговым вопросам и Инклюзивной группе по имплементации Плана действий по вопросу противодействия размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 окт. 2020 г., № 590 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <http://www.oecd.org/tax/transparency/who-we-are/members>. – Date of access: 12.11.2020.
3. Exchange of Information on Request: Handbook for peer reviews 2016-2020. Methodology 2016 for peer reviews and nonmember reviews / Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <http://www.oecd.org>
4. /tax/transparency/documents/revised-methodology.pdf. – Date of access: 12.11.2020.
5. Compliance ratings following peer reviews against the standard of EOIR / OECD [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <http://www.oecd.org/tax/transparency/documents/exchange-of-information-on-request-ratings.htm>. - Date of access: 12.11.2020.
6. Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes Peer Reviews / OECD [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: [https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/global-forum-on-transparency-and-exchange-of-information-for-tax-purposes-peer-reviews\\_2219469x](https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/global-forum-on-transparency-and-exchange-of-information-for-tax-purposes-peer-reviews_2219469x). - Date of access: 12.11.2020.
7. BEPS. Inclusive Framework on Base Erosion and Profit Shifting / OECD [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <http://www.oecd.org/tax/beps/beps-about.htm>. - Date of access: 12.11.2020.
8. OECD / G 20 Inclusive Framework on BEPS: Progress Report. July 2019–July 2020 / OECD [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access:

<https://www.oecd.org/tax/beps/oecd-g20-inclusive-framework-on-beps-progress-report-july-2019-july-2020.pdf>. - Date of access: 12.11.2020.

9. Полежарова, Л. В. Международное налогообложение: современная теория и методология : моногр. / Финансовый ун-т при Правительстве РФ ; под ред. Л. И. Гончаренко. – М. : Магистр : Инфра-М, 2016. – 416 с.

10. BEPS 2015 Final Reports. Final BEPS package for reform of the international tax system to tackle tax avoidance / OECD [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <http://www.oecd.org/tax/beps-2015-final-reports.htm>. - Date of access: 12.11.2020.

11. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent BEPS / OECD [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf>. - Date of access: 12.11.2020.

## **ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ**

**А.Ю. Лобач**

*нотариус Минского областного нотариального округа*

Для развития любого органа в существующем мире необходима его консолидация с новыми технологиями, которые вводятся в жизнь общества. Очевидна все более возрастающая потребность граждан в электронном документообороте. В связи с этим необходимо внедрение новых технологий в сфере нотариата не только чтобы обеспечить потребность граждан в указанных услугах, но и, во-первых, обеспечить доступ нотариуса к информации, которую можно быстро получить и обработать, а, во-вторых, предложить обществу новые виды нотариальных действий, направленных на обеспечение стабильности развития экономической и правовой жизни общества.

На сегодняшний день можно отметить, что появление Единой информационной системы в жизни нотариата является большим шагом на пути внедрения информационных технологий. Нотариусы начиная с 01.01.2017 года обязаны вносить в ЕИС все нотариальные действия. Внутри система ЕИС подразделяется на блоки, такие как: реестр всех совершенных нотариальных действий, реестр завещаний, реестр наследственных дел, реестр депозита нотариуса.

Реестр совершенных нотариальных действий представляет собой закрытую систему, что обеспечивает тайну совершения нотариальных действий. Открытым доступом является реестр заведенных наследственных дел, который содержит информацию об открытых наследственных делах после умерших граждан с указанием их ФИО, даты смерти, а также ФИО нотариуса, в производстве которого находится указанное наследственное дело. А также сервис по проверке доверенности на предмет ее отмены. Указанные сервисы

доступны на сайте Белорусской нотариальной палаты для всех пользователей. Также существует так называемый реестр завещаний, доступ к которому имеет пользователь ЕиСа, то есть нотариус, имеющий право доступа в систему.

Развитие публичных реестров имеет большую роль для обеспечения наиболее полной защиты прав и законных интересов граждан, в том числе для предотвращения фактов мошенничества. Также можно обратить внимание на опыт иных стран, которые доверили нотариату ведение публичных реестров. Так, в Российской Федерации достаточно актуальным является реестр уведомлений о залоге движимого имущества. Одним из способов разгрузки местных исполнительных и распорядительных органов является доверие нотариату ведение реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В рамках системы нотариата также возможно создание реестра доверенностей, что способствовало бы более быстрому развитию экономического оборота.

Одной из проблем, с которой сталкиваются практикующие нотариусы, является ограниченность сведений, содержащихся в ЕИС. Необходимо установление каналов коммуникации нотариата с другими субъектами, такими как банки, местные исполнительные и распорядительные органы, национальное кадастровое агентство, и иными. Также необходимо законодательно пересмотреть сроки предоставления информации для органов нотариата. Существующие на сегодняшний день 14 дней с момента получения запроса не соответствуют критериям, которое выставляет нам все более убыстряющийся водоворот экономической жизни.

Современная жизнь в целом а также сложившаяся за прошедший год санитарно-эпидемиологическая обстановка, вызванная появлением и распространением коронавирусной инфекции и повлекшая за собой ограничение перемещения граждан, влекут неизбежность развития гражданского оборота в формате он-лайн. Для того, чтобы в указанных условиях не только не потерять свою актуальность, но и выйти на новый уровень обеспечения стабильности гражданского оборота, нотариату необходимо решить ряд задач, которые ставит перед ним общество. [1, с. 4]. Во-первых, возможность удаленного обращения к нотариусу для совершения тех нотариальных действий, которые не связаны с установлением воли и волеизъявления обратившегося лица. среди таких действий можно назвать совершение исполнительной надписи, обеспечение доказательства, свидетельствование верности перевода, принятие денежных средств в депозит нотариуса, принятие документов на хранение. Во-вторых возможность внедрения такого нотариального действия, как возможность перевода документов с бумажного носителя в электронный и наоборот, при котором и бумажная и электронная версии документа имеют одинаковую юридическую силу. При этом становится возможным для нотариата мгновенно передать указанный документ в любую точку Республики Беларусь по закрытым системам связи, и воспроизвести указанный документ для последующей

передачи заинтересованным лицам. Это будет актуально для такого вида нотариальных действий, как выдача доверенностей, согласий, дубликатов документов, свидетельствование копий, выписок. В-третьих создание хранилища электронных документов. На сегодняшний день документы на бумажном носителе чаще всего хранятся на руках у граждан, и в процессе хранения теряются, рвутся, уничтожаются. Существует такое нотариальное действие, как принятие документов на хранение. Но гораздо более актуальным было бы как принятие их на хранение, так и перевод их в электронный вид для последующего хранения и выдачи по запросу лица, предоставившего указанный документ на хранение. В рамках указанного действия также возможно принятие на хранение любого рода файлов, содержащих аудио, фото, либо текстовые документы, содержащие какого-либо рода информацию, имеющую значение для обратившегося лица. В-четвертых, развитие такого нотариального действия как обеспечение доказательств нотариусом, что также позволило бы значительно разгрузить судебную систему. Дав возможность нотариату обеспечивать доказательства не только до возбуждения дела в суде, но и в рамках производства по делу, а также расширить компетенцию нотариуса по обеспечению не только письменных, но и иных доказательств, позволило бы суду решать вопрос только о допустимости такого доказательства, что значительно сэкономило бы и время и деньги. В-пятых внедрение более широкой законодательно определенной возможности использования электронно-цифровой подписи нотариуса, позволило бы экономить и материальные и временные ресурсы, в том числе самих нотариусов. Направление различного рода запросов, отчетов, выдача информации заинтересованным лицам в случаях, предусмотренных законом на сегодняшний момент вполне могла бы осуществляться с помощью электронной почты и вполне соответствовала бы принципам обеспечения тайны нотариального действия, чем существующий на сегодняшний момент сервис Белпочты по доставке бумажного носителя.

Конечно указанные новшества не возможны без существенного изменения законодательства.

Таким образом нотариату на современном этапе необходимо решить ряд проблем, которые препятствуют возможности внедрения электронно-цифровых технологий в работу нотариуса. Кроме указанного изменения законодательства также должен быть решен вопрос материально-технического обеспечения, это касается как вопроса возможности использования необходимого программного обеспечения, так и вопроса обеспечения безопасности как электронных баз данных, так и надлежащей защиты систем электронного документооборота [2, с. 6]. Так же достаточно остро встает вопрос недостаточной квалификации работников системы нотариата в случае перехода на электронный документооборот.

Возможность создания электронного архива документов влечет за собой расходы на обеспечение сохранности и целостности электронных документов, в

том числе подписанных с помощью ЭЦП. Следует понимать то, что в связи с постоянным развитием и усовершенствованием компьютерных технологий и программного обеспечения, средства создания, обработки и кодирования информации постоянно модифицируются, что влечет за собой переход на более высокий уровень создания и хранения документа [3, с 12]. Так, для примера сегодня в далекое прошлое ушла возможность прочитать какой-либо текст на дискете, и в случае предоставления информации на таком носителе, мы зачастую сталкиваемся с проблемами воспроизведения информации. Так и с архивом электронных документов необходимо постоянно поддерживать техническую возможность ознакомления и воспроизведения документа без его искажения, что в свою очередь влечет значительные материальные расходы. Указанная проблема может быть решена только путем сотрудничества органов нотариата и государства, и, таким образом, взятия государством на себя материального ресурса, необходимого для нормального функционирования электронного архива.

### **Библиографический список**

1. Германова, А.А. Основные нотариальные действия на современном этапе и их усовершенствование с помощью цифровизации нотариата // Нотариус № 5/2020. – С. 3-6
2. Дроздова, Е.А., Радченко, Е.П. IT-технологии в работе нотариата // Нотариус № 2/2020. – С. 43-44
3. Борисенко, Н.В. Нотариат Республики Беларусь. Его задачи и функции / Н.В. Борисенко // Задачи и функции нотариата на современном этапе развития общества : материалы междунар. конф., Минск, 15 мая 2015 г. / Белорус. Нотар. Палата ; сост.: Н.В. Борисенко, А.В. Стрех. – Минск, 2015.

## **СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ СОГЛАШЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЁРСТВЕ**

**В.Д. Макаревич**

*старший преподаватель кафедры гражданского права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Соглашение о государственно-частном партнерстве (далее – соглашение о ГЧП) является новым видом договора для законодательства Республики Беларусь. Возможность заключения данного соглашения и его условия впервые были предусмотрены в Законе Республики Беларусь от 30 декабря 2015 года № 345-З «О государственно-частном партнёрстве» (далее – Закон о ГЧП), который вступил в силу 2 июля 2016 года [1].

При этом незначительный период времени с момента закрепления норм о данном соглашении в белорусском законодательстве, а также отсутствие заключенных соглашений о ГЧП в Республике Беларусь не привлёк серьёзного

внимания к исследованию условий данного соглашения в отечественной литературе.

В отличие от Республики Беларусь обширная практика применения соглашения о ГЧП наблюдается в Российской Федерации, где с момента первого законодательного закрепления соглашение о ГЧП в г. Санкт-Петербурге согласно Закону Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 года № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» [2] реализовано или находится в стадии реализации значительное количество проектов.

Соглашение о ГЧП, заключаемое по праву Республики Беларусь, как и любой иной договор, подчиняется основным положениям о заключении договора, содержащимся в п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2]. При этом к данному соглашению применимы особенности, предусмотренные в Законе о ГЧП [1].

Принимая за основу гражданско-правовую природу соглашения о ГЧП, при анализе его существенных условий мы должны исходить из того, что в соглашении о ГЧП можно выделить три группы существенных условий:

- о предмете договора,

- которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида,

- все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Учитывая основополагающую роль условий о предмете соглашения о ГЧП в договорных отношениях полагаем целесообразным рассмотреть условия соглашения о ГЧП начать непосредственно с его предмета.

Так, согласно п. 3 ст. 24 Закона о ГЧП предметом соглашения о ГЧП являются создание и (или) модернизация объекта инфраструктуры, его техническое обслуживание и (или) эксплуатация либо техническое обслуживание и (или) эксплуатация объекта инфраструктуры [1].

Анализ предметов соглашения о ГЧП в Республике Беларусь и Российской Федерации позволяет прийти к выводу об их схожести, но при этом следует отметить, что в Российской Федерации вопросу приобретения частным партнером права собственности на создаваемый им объект уделено больше внимания.

Кроме того, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации предмет соглашения о ГЧП может комбинироваться из перечисленных в законодательстве элементов, позволяющих решать стоящие перед партнерами задачи в рамках единого договора. При этом следует отметить, что предметом соглашения о ГЧП как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации всегда является техническое обслуживание и (или) эксплуатация объекта инфраструктуры. Объясняется данный подход тем, что частный партнер привлекается в проект ГЧП в первую очередь для оказания услуг на объекте



инфраструктуры, который частный партнер может создавать и (или) модернизировать в зависимости от условий проекта ГЧП.

Касательно проектов, предусматривающих исключительно создание и (или) модернизацию объекта инфраструктуры следует отметить, что к ним применим иной механизм, а именно механизм закупок в строительстве или государственных закупок, т.к. для обслуживания и (или) эксплуатации объекта инфраструктуры будет необходимо привлечение иного лица, например в рамках последующей процедуры государственных закупок.

Анализ предметов соглашения о ГЧП в Республике Беларусь и Российской Федерации позволяет прийти к выводу об их схожести, но при этом следует отметить, что в Российской Федерации вопросу приобретения частным партнером права собственности на создаваемый им объект уделено больше внимания.

Следующим блоком существенных условий соглашения о ГЧП являются условия, названные в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида. Данные условия непосредственно содержатся в ст. 29 Закона о ГЧП. Среди условий, перечисленных в ст. 29 Закона о ГЧП отдельно следует рассмотреть такое условие, как обязательства сторон по благоустройству территории и охране окружающей среды, в том числе по сбору и иному обращению с отходами, а также по принятию иных мер по предотвращению вредного воздействия на окружающую среду. Учитывая, что данное условие характерно лишь для договоров в рамках которых создается, модернизируется или обслуживается объект инфраструктуры, непосредственно располагающийся на земельном участке указывать его как существенное условие для всех без исключения соглашений о ГЧП в рамках которых создается, модернизируется или обслуживается объект инфраструктуры, например в IT-сфере приведет к невозможности их заключения, так как данные проекты могут не иметь тесной связи с земельным участком. В связи с чем предлагается данное условие из Закона о ГЧП исключить.

Содержащийся в законодательстве о ГЧП перечень обязательных условий, с одной стороны, позволяет понять суть правоотношений, которые возникнут после заключения соглашения о ГЧП, но с другой несут с собой риск признания данного соглашения незаключенным в случае не включения в конкретное соглашение о ГЧП всех без исключения условий названных в Законе о ГЧП в качестве обязательных.

Кроме того, такое условие как предмет соглашения о ГЧП по сути является дублирующим условием, содержащимся в п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь [3], исходя из чего предлагается его из Закона о ГЧП исключить.

В тоже время следует обратить внимание на ряд условий, содержащихся в иных положениях Закона о ГЧП, которые можно с уверенностью отнести к существенным условиям соглашения о ГЧП, а именно:

о применимом праве – законодательство Республики Беларусь (п. 4 ст. 24 Закона о ГЧП) [1];

условия, не подлежащие изменению, которые содержатся в решении о реализации проекта ГЧП (абз. 6 ч. 1 п. 2 ст. 16 Закона о ГЧП) [1].

Приведенное описание обязательных условий соглашения о ГЧП, хотя и содержит оговорку о возможности включения в данное соглашение иных, не противоречащих законодательству Республики Беларусь условий, по нашему мнению, нуждается в дополнении условиями, без включения которых в соглашение о ГЧП проект не может быть реализован. К данным условиям, по нашему мнению, относятся:

условия вступления в силу соглашения о ГЧП (например, с момента предоставления земельного участка частному партнеру (в случае необходимости), с момента получения заёмного финансирования частным партнером (в случае его привлечения));

условия и порядок возникновения права частной собственности на объект инфраструктуры (в случае создания объекта инфраструктуры частным партнёром и не возмещения ему затрат, связанных с созданием данного объекта);

обязательства сторон в связи с досрочным расторжением соглашения о ГЧП, заменой частного партнёра, а также возвратом объекта соглашения о ГЧП в случаях, предусмотренных Законом о ГЧП и соглашением о ГЧП.

Проведённый анализ условий соглашения о ГЧП показывает следующее:

1. соглашение о ГЧП по своей сути является гражданско-правовым договором и подчиняется основным положениям о заключении договора содержащемся в п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь;

2. с учетом цели привлечения частного партнера в проект ГЧП в первую очередь для оказания услуг на объекте инфраструктуры, который частный партнер может создавать и (или) модернизировать в зависимости от условий такого проекта, полагаем оправданным подход законодателя к определению в качестве основных элементов предмета соглашения о ГЧП технического обслуживания и (или) эксплуатации объекта инфраструктуры;

3. предмет соглашения о ГЧП составляет комбинация следующих элементов: создание объекта инфраструктуры; модернизация инфраструктуры; техническое обслуживание объекта инфраструктуры; эксплуатация объекта инфраструктуры. При этом отсутствие в качестве самостоятельного предмета соглашения о ГЧП таких элементов как техническое обслуживание или эксплуатация, свидетельствует о том, что мы имеем дело с экономико-правовой ситуацией, которая должна быть урегулирована с помощью иных гражданско-правовых конструкций, например, договора государственной закупки;

4. из перечня существенных условий соглашения о ГЧП, содержащихся в ст. 29 Закона о ГЧП, предлагается исключить:

в виду дублирования содержащегося в п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь такого условия, как предмет соглашения;

в виду его применимости не ко всем соглашениям о ГЧП таких условий как – обязательства сторон по благоустройству территории и охране окружающей среды, в том числе по сбору и иному обращению с отходами, а также по принятию иных мер по предотвращению вредного воздействия на окружающую среду.

5. в качестве существенных условий соглашения о ГЧП предлагаем отнести условие о применимом праве, которым является законодательство Республики Беларусь, а также условия, не подлежащие изменению, которые содержатся в решении о реализации проекта ГЧП.

Помимо этого, существенными условиями соглашения о ГЧП следует считать:

условия вступления в силу соглашения о ГЧП, и условия и порядок возникновения права частной собственности на объект инфраструктуры;

обязательства сторон в связи с досрочным расторжением соглашения о ГЧП, заменой частного партнёра, а также возвратом объекта соглашения о ГЧП в случаях, предусмотренных Законом о ГЧП и соглашением о ГЧП.

#### **Библиографический список:**

1. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-З // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах [Электронный ресурс]: Закон Санкт-Петербурга, 25 дек. 2006 г., № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» // <http://docs.cntd.ru/document/8442332>. Режим доступа: 20.11.2020.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

### **ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗОНАХ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ИХ УТОЧНЕНИЕ**

**И.Э. Мартыненко**

*заведующий кафедрой гражданского права и процесса  
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»,  
доктор юридических наук, профессор*

В соответствии со ст. 15 Конституции Республики Беларусь, государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, за развитие культур всех национальных общностей, проживающих в стране. На

этой норме основана система законодательства об охране историко-культурного наследия, которая кроме Кодекса Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс о культуре) [1]) включает также Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах охраны историко-культурного наследия» от 18 октября 2017 года № 527 (далее – Указ № 527 [2]), направленный на регулирование предпринимательской деятельности в зонах охраны недвижимых историко-культурных ценностей.

Данная проблема фактически не раскрыта в юридической литературе по предпринимательскому (хозяйственному) праву (лишь некоторых из заявленных нами аспектов касался А.И. Гришин [3]), поэтому мы обращались к источникам в области правовой охраны историко-культурного наследия и практическому опыту применения данного законодательства. Начнем с понятий и определений. К материальным историко-культурным ценностям относятся: заветные места; памятники археологии; памятники архитектуры; памятники истории; памятники градостроительства; памятники (монументального) искусства, определение которых приводится в ст. 66 Кодекса о культуре.

Что касается зон охраны недвижимой материальной историко-культурной ценности, то функциональное предназначение заключается в обеспечении сохранения недвижимых памятников и их окружающей среды, а порядок их установления определены в ст. 105 упомянутого выше кодекса. В соответствии с указанной нормой, устанавливаются следующие зоны охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей: 1) охранный зона; 2) зона регулирования застройки; 3) зона охраны ландшафта; 4) зона охраны культурного слоя. Конкретные для каждого объекта зоны охраны, их границы и состав определяются проектом зон, утвержденным Министерством культуры. Режимы содержания и использования зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей предусматриваются ограничение или полное запрещение деятельности, которая создает угрозу сохранению памятников (их окружающей среде) и условиям их содержания и использования. При этом все виды работ в зонах охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей выполняются только в пределах требований режимов содержания и использования этих зон охраны.

Предпринимательская деятельность в соответствии с положениями упомянутого выше Указа № 527, которая оказывает непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны ее охраны путем создания дополнительных транспортных нагрузок, привнесения функций, не характерных для этой ценности, создания дополнительных объемно-пространственных сооружений, не свойственных и не характерных для этой историко-культурной ценности, не может осуществляться без соглашения, заключенного в письменной форме (выделено нами - И.М.) с собственником историко-культурной ценности, и соответствующего разрешения.

В целях создания условий надлежащего сохранения, восстановления, содержания и использования отдельных видов историко-культурных ценностей

Указом № 527 утверждено Положение о порядке осуществления отчислений за предпринимательскую деятельность, которая оказывает непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны охраны недвижимой материальной историко-культурной ценности, выплаты компенсаций за ущерб, который причиняется историко-культурным ценностям или зонам охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей.

Установлены два вида отчислений:

1) отчислений за предпринимательскую деятельность, которая оказывает непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны охраны недвижимой материальной историко-культурной ценности. К непосредственному воздействию, которое оказывается предпринимательской деятельностью на историко-культурную ценность или зоны ее охраны, относится: создание дополнительных объемно-пространственных сооружений (например, возведение пристроек, обустройство и размещение нестационарных объектов торговли и нестационарных объектов общественного питания, средств наружной рекламы и других объектов на территории историко-культурной ценности и (или) в зонах ее охраны); создание площадок для стоянок и подъездов автомобильного транспорта; изменение функционального использования историко-культурной ценности, помещений в историко-культурной ценности, устройство новых входных групп, крылец, козырьков, вентиляционных систем, внешних кондиционеров, спутниковых антенн, встроенных банкоматов; ухудшение отличительных особенностей историко-культурной ценности при выполнении требований пожарной безопасности, охраны окружающей среды, санитарных и иных требований;

2) выплаты компенсаций за ущерб, причиненный историко-культурным ценностям или зонам охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей, и за ограничение в связи с этим доступа граждан к историко-культурным ценностям.

Отчисления производят юридические и физические лица от дохода, полученного от деятельности, которая оказывает непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны ее охраны. Размеры отчислений составляют для юридических и физических лиц Республики Беларусь, в том числе индивидуальных предпринимателей, 5 процентов, для иностранных юридических и физических лиц 25 процентов от дохода, полученного в результате деятельности, которая оказала непосредственное воздействие на историко-культурную ценность или зоны охраны, и вносятся не позднее 10 февраля года, который наступает за отчетным годом.

Выплата компенсаций осуществляется от дохода, полученного юридическими и физическими лицами от деятельности, которая нанесла ущерб историко-культурным ценностям или зонам охраны. Размеры компенсаций за такой ущерб составляют до 5 процентов от прибыли, полученной в результате деятельности, которая нанесла вред историко-культурным ценностям или зонам охраны. Выплата компенсаций должна осуществляться ежемесячно и

определяется на практике в каждом случае отдельно. Юридические и физические лица выплачивают компенсации по предписаниям Министерства культуры в случаях, если они:

а) не имеют возможности ограничить или полностью прекратить движение транспортных средств, самоходных сельскохозяйственных, мелиоративных и дорожно-строительных машин на дорогах, прилегающих к недвижимым материальным историко-культурным ценностям или зонам охраны, которые создают угрозу сохранению этих ценностей или зонам охраны;

б) не имеют возможности ограничить или полностью прекратить хозяйственную или иную деятельность, которая приводит к загрязнению воздушного или водного бассейна и создает угрозу сохранению недвижимых материальных историко-культурных ценностей или зонам охраны;

в) не имеют возможности приостановить или полностью прекратить деятельность, ограниченную охранным обязательством;

г) допускают несоответствующее использование историко-культурных ценностей.

Установление факта причинения вреда осуществляется Министерством культуры на основании акта о причинении вреда, подготовленного местными исполнительными и распорядительными органами, на территории которых находится историко-культурная ценность. Обязанность по выплате компенсации, ее размер и периодичность выплаты устанавливаются в предписании Министерства культуры.

Если юридические и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, не осуществляют предпринимательской деятельности, связанной с получением прибыли, они должны ежемесячно выплачивать фиксированную сумму компенсаций, размер которой определяется методом расчета затрат, необходимых для ликвидации последствий ущерба, причиненного историко-культурным ценностям или зонам охраны.

Указанные отчисления направляются в фонд Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства.

Как свидетельствует изучение вопроса, на протяжении многих лет вышеназванные требования Положения выполнялись не в полном объеме, хотя в настоящее время такая практика изменена.

Завершая изложение данного вопроса, в заключении сформулируем некоторые предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность. Речь идет об изменении и дополнении Кодекса о культуре следующего характера:

– считаем, что все упомянутые выше отношения в области осуществления предпринимательской деятельности в границах охраняемой законом недвижимой историко-культурной ценности и взысканием в связи с этим обязательных платежей подлежат регулированию именно в Кодексе о культуре, что требует дополнения его новой нормой, например, это может быть ст. 104-4 Кодекса о культуре;

– целесообразно переименовать (с уточнением содержания) предусмотренную в п. 1.2 ст. 105 Кодекса о культуре зону охраны недвижимой историко-культурной ценности в зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности и определить ее как территорию, в пределах которой устанавливается режим использования земель и земельных участков, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность; в рамках данной зоны должны быть определены конкретные требования по осуществлению предпринимательской деятельности, затрагивающей объекты наследия (памятники, историко-культурные ценности), а также необходимые отчисления и выплаты компенсаций, если такую деятельность невозможно прекратить или изменить. Тем самым будет достигнута комплексность правового регулирования предпринимательской деятельности, затрагивающей объекты историко-культурного наследия Беларуси, а значит – обеспечивающие его сохранение.

### **Библиографический список**

1. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 г., № 413-З : принят Палатой представителей, 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны: Указ Президента Республики Беларусь, 18 окт. 2007 г., № 527 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 252. – 1/ 9038.
3. Гришин, А.И. Историко-культурное наследие в предпринимательстве: пример недвижимости// А. И. Гришин // Российское предпринимательство. – 2012. – № 6 (104). – С.151–158.

## **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПИЩЕВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**А.С. Махмудова**

*директор юридической компании «Bona Mente Consulting»*

«У нас как у потребителей могут быть самые разнообразные вкусы и предпочтения, наши представления об идеальном питании могут отличаться, но всегда и везде мы рассчитываем, что наша еда будет безопасной. Если еда не безопасна, это не еда» [1, с. 22] – эти слова говорил Маркус Липп – старший сотрудник по вопросам безопасности пищевых продуктов Секретариата ЖЕСФА\*, над которыми стоит задуматься каждому, для полноценной и здоровой

---

\*ЖЕСФА – международный экспертный научный комитет под совместным управлением ФАО и ВОЗ, Комитет проводит заседания с 1956 года, первоначально с целью оценки безопасности пищевых добавок.

жизни нам всем необходимо обеспечение пищевой безопасности, гарантом которой является государство.

В эпоху глобализации этот вопрос беспокоит всех стран, рост случаев заболеваний пищевого происхождения по всему миру, настораживает все мировое сообщество, где небезопасные продукты питания представляют угрозу для здоровья человека и экономики во всем мире. Правовое обеспечение пищевой безопасности является одним из главных приоритетов любого современного государства, которое пытаются решить и совместными усилиями как на международном, так и на региональном уровне.

Исторические документы свидетельствуют о том, что еще с древних времен: «правители государств всегда законодательно закрепляли правила в защиту своих подданных от нечестной практики в торговле продовольствием» [2, с. 1].

В настоящее время, перед современным государством остро стоит вопрос разработки механизмов эффективного обеспечения пищевой безопасности и повышение экспортного потенциала страны в сфере сельскохозяйственной продукции, которая тесно связана с торговыми отношениями, находящимися в процессе постоянного динамичного развития.

Для решения данного вопроса необходимо, чтобы правовое обеспечение пищевой безопасности осуществлялось системно и функционально и было направлено на совершенствование законодательной и правоприменительной практики.

Для достижения данной цели, в сфере осуществления государством экономической и социальной политики, целесообразным считается разработка стратегии, которая является одним из основных элементов юридической технологии, обладающая наибольшей эффективностью.

Известно, что применение понятия “стратегия” плавно перешла из военной сферы в политико-правовую.

В словаре С. И. Ожегова дается следующая трактовка термина «стратегия» — это «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [3, с. 1011]. В нашем случае это стратегическое планирование государства.

А. М. Голощапов, определяя роль государственно-правовой стратегии, писал, что она: «направлена на координацию всех правовых действий и законодательных ресурсов органов государственной власти для достижения политических, правовых, экономических и социальных целей» [4, с. 430].

Считается, что государственная стратегия должна опираться на общественные интересы всего общества. При стратегическом планировании, если государство четко определяет основные социальные цели; основные приоритеты и задачи, обеспечивающие достижение этих целей; основные направления, средства, мероприятия и механизмы реализации, то это порождает общественное доверие к власти.



Обладая теоретическими знаниями в области стратегического планирования, часто не удается применять их на практике из-за отсутствия методологического опыта.

При выявлении основных направлений стратегического планирования в сфере правового обеспечения пищевой безопасности, в рамках исследования, была применена категориально-системная методология с использованием категориального метода «ряд информационных критериев» (РИК), которые были разработаны профессором В.И. Разумовым [5, с. 113-114]. Данный научный метод предполагает формирование ряда качественных характеристик системного объекта, отражаемых информационными критериями (ИК). При этом данные характеристики уместно считаются при расположении их в определённой последовательности с учётом того, что всякая последующая качественная характеристика отражает большую системность объекта в сравнении с предыдущим [6, с. 198].

На основе данного метода была разработана модель генетической типологии «правового обеспечения пищевой безопасности», исследуемой как системный объект, на базе которого были классифицированы основные виды деятельности, которые позволяют изучить структурное строение, а также проследить за процессом формирования новых функций и структурных изменений.

Практическое значение полученных результатов заключается в том, что структурно-элементный состав системы «правового обеспечения пищевой безопасности» может быть учтен при государственном стратегическом планировании, где основные направления могут базироваться на следующих выделенных основных видах деятельности:

информационно-просветительская деятельность;

научно-прогностическая деятельность (включающая деятельность научных лабораторий и научно-исследовательских институтов, осуществляющих оценку рисков в области пищевой безопасности);

нормотворческая деятельность;

правоприменительная деятельность (включающая: организационно-управленческую, правоохранительную и контрольно-надзорную);

кадрово-образовательная деятельность.

С целью совершенствования всех видов деятельности, осуществляемой в рамках системы «правового обеспечения пищевой безопасности», необходимо сформировать конкретные задачи и мероприятия по их реализации, с учетом чётких временных рамок, и направленные на достижение поставленных целей, которые определены на начальном этапе.

Для формирования целей государственной стратегии, планирования необходимо проведения всестороннего анализа внешней среды: (влияние международных отношений, условия глобализации, в данном случае необходимо учитывать аспекты региональной и международной интеграции)

и внутренней среды: (кадровые, материально-технические и финансовые ресурсы), с учетом экономических и социальных факторов.

Таким образом, применение системного подхода при определении основных направлений государственной стратегии в сфере правового обеспечения пищевой безопасности, позволяет структурно и функционально ее разработать, учитывая все ее необходимые элементы и влияние среды на их развитие, “чтобы обеспечить системе внутреннюю прочность, устойчивость, высокую степень сопряженности всех ее элементов, ее способность противостоять среде в качестве самостоятельного образования” [7, с. 93], который будет способствовать эффективной реализации, достигая поставленных целей. Представления об “эффективности” в отношении правового регулирования Г. В. Мальцев считал: “не что иное, как осознание степени достижения целей права с учетом затраченных усилий и средств” [8, с. 31].

В свою очередь, профессор В.М. Сырых справедливо отмечал, что: «когда отсутствует один элемент или более, явление утрачивает свою сущность, становится иным правовым явлением ... закономерная связь выступает основной структурной связью правовых явлений и действует как необходимость, требуя наличия строго определенной совокупности элементов» [9, с. 30], так и в разработке государственной стратегии необходимо учитывать все существующие элементы, составляющие неотъемлемую часть системы “правового обеспечения пищевой безопасности”.

### **Библиографический список**

1. Многообразный мир стандартов. Codex Alimentarius, 2018 // URL:[http://www.fao.org/fileadmin/user\\_upload/codexalimentarius/doc/CA0162RU.pdf](http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/codexalimentarius/doc/CA0162RU.pdf)(датаобращения: 05.11.2020).
2. Понимание Кодекса // Продовольственная и Сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций (ФАО) и Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ). Пятое издание, август 2018 года. Codex Alimentarius. [Fifth edition, August 2018] // URL:<http://www.fao.org/3/CA1176RU/ca1176ru.pdf>(датаобращения: 05.11.2020).
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка под ред. Л.И. Скворцова. – М., 2004.
4. Голощапов, А.М. Место и роль Государственной Думы в функционировании государственно-правовой стратегии // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 429–433.
5. Разумов, В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 277 с.
6. Боуш, Г.Д. Кластеры в экономике: научная теория, методология исследования, концепция управления: монография. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – 408 с.

7. Ображиев, К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 2. – No 1.

8. Мальцев, Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

9. Сырых, В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

## **ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

**М.В. Мещанова**

*заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Исследуя объективные предпосылки кодификации законодательства в сфере международного частного права, мы берем за основу его понимание как суммативной системы правовых норм, сгруппированных в виде полисистемного нормативного комплекса. Национальная составляющая полисистемного комплекса международного частного права представляет собой определенную совокупность позитивных норм законодательства. При этом нельзя забывать, что система права и система законодательства – это взаимосвязанные, но далеко не идентичные категории [1–3; 4, с. 20–21].

В юридической литературе встречается широкое понимание термина «кодификация», при котором практически ставится знак равенства между систематизацией законодательства как таковой и одним из видов такой систематизации – кодификацией. Вместе с тем научная школа цивилистики юридического факультета БГУ придерживается строгого формально юридического понимания данного явления [5].

При анализе объективных предпосылок кодификации международного частного права возьмем за общетеоретическую основу понятие кодификации, сформулированное Д. А. Керимовым, который отмечает: «Кодификация является тем же самым законотворчеством. Но в отличие от текущего законодательства... кодификация упорядочивает значительную часть уже существующего и действующего законодательства, как правило, его изменяя, дополняя и преобразуя» [6, с. 71–103].

Следует обратить внимание на тот факт, что кодификационный акт призван обладать внутренним единством. Известный французский ученый профессор Реми Кабрьяк (RémyCabrilac), изучивший с позиций цивилистической науки процесс кодификации, отмечает: «В такой ситуации кодификация предстает в качестве деятельности по приданию правовым нормам такой формы, в которой они становятся единым целым» [7, с. 108–109].

Согласно ст. 72 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» [8] систематизация нормативных правовых актов осуществляется путем кодификации, консолидации, инкорпорации, в том числе электронной инкорпорации, проведения справочно-информационной работы и иными способами. Следовательно, кодификация законодательства рассматривается как самостоятельный вид его систематизации, отличный, например, от консолидации правовых предписаний. Под кодификацией понимается «вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающийся переработкой установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт (кодекс, правила), содержащий систематизированное изложение нормативных правовых предписаний, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений».

Исходя из теории права и легальной трактовки понятия «кодификация», содержащейся в законодательстве Республики Беларусь, можно обосновать необходимость наличия ряда предпосылок для разработки кодифицированного акта.

Во-первых, объективной предпосылкой кодификации является существование самостоятельного вида отношений, являющихся предметом регулирования кодифицированного акта, и придающих ему внутреннее единство.

Как известно, система частного права стран СНГ не основывается на монистическом подходе. Регулирование частноправовых отношений осуществляется нормами, содержащимися как минимум в двух кодифицированных актах: Гражданском кодексе и Кодексе о браке и семье (или его аналоге). Кроме того, предметом оживленных дискуссий является выделение предпринимательских (коммерческих) кодексов. Соответственно, объективного единства частноправового регулирования не существует.

Далее встает вопрос о возможности рассматривать частноправовые отношения с иностранным элементом как самостоятельный вид отношений. Полагаем, что сам вид отношений по своей природе может входить в правовое поле гражданского, семейного, либо трудового права. Тот факт, что в указанных отношениях присутствует иностранный элемент, не влияет на их сущностные (видовые) характеристики.

И наконец, в акты зарубежного законодательства, именуемые кодексами (например, Кодекс международного частного права Бельгии [9]) традиционно включаются нормы международного гражданского процесса, регулирующие вопросы юрисдикции. Очевидно, что указанные нормы не являются частноправовыми, соответственно, образовывать с коллизионными нормами единый правовой массив с точки зрения предмета правового регулирования они не могут.

Во-вторых, для кодификации необходим значительный объем накопленного правового материала. При этом «перепроизводство» нормативных предписаний приводит к их противоречивости, сложности иерархического соподчинения и другим негативным последствиям. В таких условиях кодификация должна сыграть роль «упорядочивающего» фактора. Однако в сфере международного частного права говорить об избыточности нормативного регулирования не приходится, более того, в Республике Беларусь такого регулирования явно недостаточно.

В-третьих, необходима устоявшаяся правоприменительная практика, которая может служить индикатором эффективности применения тех или иных правовых норм. Следует также отметить, что международное частное право традиционно признается сложным и казуистичным правовым образованием. Правила выбора применимого права требуют многократной апробации в судебной практике, а многообразие реальных жизненных ситуаций не может быть полностью учтено при формулировании нормативных конструкций. П. Майе (P. Mayer) в отношении международного частного права подчеркивает: «исключительно сложный характер решаемых проблем требует придерживаться здесь концепции правовых норм, создаваемых на основании рассмотрения конкретных ситуаций. Если у нас не будет такого маяка, то человеческий разум, какова бы ни была присущая ему сила абстракции, рискует впасть в заблуждение» [Цит. по 7, с. 392]. Можно с уверенностью сказать, что практика правоприменения в сфере международного частного права в Республике Беларусь только начинает формироваться.

При этом для признания процесса систематизации норм позитивного права кодификацией необходимо наличие совокупности указанных предпосылок, что, очевидно, не наблюдается в сфере правового регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом.

В настоящее время Республика Беларусь стоит на позициях межотраслевой систематизации норм международного частного права, которые включены в отраслевые кодексы. Указанный подход, по нашему мнению, нельзя признать устаревшим или регрессивным, несмотря на то, что большинство зарубежных стран с начала XX века буквально захлестнула волна нормотворчества в сфере международного частного права, сопровождающаяся принятием самостоятельных законов или даже кодексов. Представляется, что любой процесс совершенствования законодательства должен базироваться на национальных традициях правотворчества и учитывать объективные предпосылки для осуществления определенного вида систематизации. При этом мы не усматриваем в правовой системе Республики Беларусь объективных предпосылок для кодификации международного частного права, а межотраслевая систематизация соответствующих норм позволяет сохранить взаимосвязь коллизионного и материально-правового регулирования соответствующих отношений в условиях дуализма в частном праве.

### Библиографический список

1. Брик, А. Д. Система права и систематизация законодательства: методология исследования / А. Д. Брик // Философия права. – 2011. – № 6. – С. 42–47.
2. Шаганенко, В. П. Система права: понятие, сущность и значение / В. П. Шаганенко // Юридическое образование и наука. – 2013. – № 4. – С. 36–40.
3. Гордиенко, П. Ю. Систематизация права: проблема сущности и юридической природы / П. Ю. Гордиенко // Философия социальных коммуникаций. – 2012. – № 4. – С. 27–33.
4. Мещанова, М. В. Системность в международном частном праве : [монография] / М. В. Мещанова ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 244 с.
5. Кодификация гражданского законодательства Республики Беларусь: состояние и перспективы / В. Н. Годунов [и др.] // Юрыдычная навука і адукацыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т. М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 244–262.
6. Керимов, Д. А. Законодательная техника : Науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М. : Норма : Норма-Инфра, 2000. – 127 с.
7. Кабрияк, Р. Кодификация / Пер. с фр. Л. В. Головки / Р. Кабрияк. – М. : Статут, 2007. – 476 с.
8. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
9. Loi portant le Code de droit international privé [Électronique ressource], 16.07.2004 : tel que modifié par 01.08.2019. – Mode d'accès : [http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi\\_loi/change\\_lg.pl?language=fr&la=F&cn=2004071631&table\\_name=loi](http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&cn=2004071631&table_name=loi). – Date d'accès : 14.01.2020.

### ПРАВА РАБОТНИКА И ИНТЕРЕСЫ НАНИМАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

**Е.В. Мотина**

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Роль нанимателя в регулировании отношений на конкретном предприятии базируется на концепции «хозяйская власть нанимателя». Это понятие известно с момента становления отрасли трудового права и достаточно разработано в теории. В целом не оспаривается, что такая власть должна быть ограничена

пределами рабочего времени и места работы (см. ст. 28 Конституции Республики Беларусь, ст. 53, ч. 1, 2 ст. 110, п. 8 ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)), за исключением случаев специальной дисциплинарной ответственности и тяготеющих к ним отдельных оснований прекращения трудового договора (например, п. 3 ст. 47 ТК). Однако в информационный век происходит усложнение социальной действительности, обусловленное расширением форм контроля над многими сферами. Этому способствует и повсеместное распространение информационных технологий, которое обостряет вопросы взаимодействия сторон трудового договора за пределами двух указанных ограничителей. Рассмотрим некоторые аспекты.

Установление правил внутреннего трудового распорядка возможно только на основании норм трудового законодательства, социально-партнерских соглашений с учетом принципов трудового права. Внутренний трудовой распорядок – это регламент (порядок) выполнения работниками работы у нанимателя под его руководством и контролем. Как известно, принцип ухудшения правового положения работника по сравнению с нормами законодательства о труде (так называемый принцип *in rebus*) недопустим в отечественной правовой действительности. Поэтому требования нанимателя по соблюдению каких-либо предписаний не могут распространяться на личную жизнь работника. Однако в последнее время стало популярным принятие кодексов этики (чести) в различных организациях (в частности, для бухгалтеров, аудиторов, артистов, врачей). Для некоторых категорий работников (например, преподавателей) принятые нанимателем локальные правовые акты действительно могут быть обусловлены спецификой выполняемой работы или так называемым профессиональным долгом. Для других работников такой локальный правовой акт нанимателя может иметь лишь моральное установление, нарушение которого не может влечь привлечение работника к дисциплинарной ответственности. Положения кодексов этики в любом случае должны соответствовать правам человека и гражданина, закрепленным в законодательстве. Как известно, локальные правовые акты нанимателя к законодательству не относятся. Так, не является законным следующее положение Правил этики одного из учреждений образования: «Во внерабочее время работник должен руководствоваться Правилами этики и общепринятыми нормами этики и морали». Соответственно, также неправомерно, что «работник за несоблюдение Правил несет дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [1].

Следующий момент касается баланса прав работников на высказывания в социальных сетях и соответствующих интересов нанимателя. Фактически речь идет о специфике социальных связей работника и нанимателя за пределами рабочего времени в среде социальных сетей. Важно определить, есть ли конкурирующие интересы сторон трудового договора в контексте социальных медиа; можно ли разрешать возникающий конфликт средствами трудового

права; где проходит граница между неприкосновенностью частной жизни работника и интересами нанимателя. В данном случае мы не ведем речь о нарушении правил использования рабочего времени, охраны труда при пользовании социальными сетями по месту работы. Акцент сделан на реализации конституционных прав гражданина и работника при пользовании социальными медиа. Вот лишь некоторые из них: неприкосновенность личной жизни, тайна корреспонденции, телефонных переговоров, право на честь и достоинство; свобода мнений, убеждений, их свободное выражение и др. Характерно, что отдельные наниматели принимают соответствующие локальные правовые акты, ограничивающие права работников на публикацию сведений о деятельности нанимателя, на производство фото- и видеосъемки по месту работы. Таким образом, активность работника в сети становится объектом правового регулирования. Примечателен следующий пример. В 2013 году федеральный апелляционный суд США признал кнопку «Мне нравится» в соцсети Facebook выражением свободы слова. Произошло это после рассмотрения иска жителя Вирджинии, уволенного из-за «лайка», поставленного политическому противнику его начальника – местному шерифу [2]. Этот пример интересен еще и с точки зрения увольнения из-за нелояльности к нанимателю. Примечательно, что Британский суд по трудовым спорам признал законным увольнение работника магазина Apple за негативные высказывания о компании в закрытом аккаунте социальной сети. «Суд посчитал существенным тот факт, что в корпоративных правилах Apple прописан запрет на негативные высказывания о компании и ее продукции. Он также отметил, что даже приватные записи на личных страницах работников могут быть распространены их виртуальными друзьями и нанести ущерб имиджу компании». В результате этого он был уволен «за грубый проступок» [3]. Эти примеры расцениваются нами как негативные. Обратим внимание, что в Австрии лишь в исключительных случаях в трудовой договор могут быть внесены положения, затрагивающие личную жизнь работника. В случае спора суд оценивает, в какой мере такое вмешательство оправдано интересами нанимателя и особенностями трудовой деятельности работника. Важно отметить, что в Австрии строны связаны так называемым принципом «добрых нравов» [4, с. 106]. Подчеркнем, что наниматели оправдывают подобные вторжения в частную жизнь на основании того, что такие данные служат деловому интересу нанимателя. Полагаем, что общение в социальных сетях на личных страницах пользователей, как правило, является составляющей частной жизни и именно так должно восприниматься в обществе и в праве с учетом указанных выше пределов распространения хозяйской власти нанимателя.

Еще одной проблемной областью является осуществление нанимателями контроля за работниками с помощью информационно-коммуникационных технологий. Речь идет о так называемом алгоритмическом контроле или контроле посредством искусственного интеллекта (ИИ). Для осуществления такого контроля используются как системы алгоритмического контроля, так и



хорошо известные ранее методы (фото-, видеосъемка, аудиозапись). Первые используются преимущественно в организациях, занятых в экономике совместного потребления (Uber, курьерские службы в онлайн-сервисах). Вторые – независимо от сферы деятельности. Приведем некоторые примеры. В общественном транспорте Москвы в 2018 году появились приборы «Антисон». Это видеокамера с инфракрасной подсветкой и динамиком. Система анализирует лицо водителя и при проявлении признаков засыпания включает звуковой сигнал и световой индикатор. Водители жаловались на работу этой камеры, поскольку, по их мнению, она вызывает раздражение глаз. В «Мосгортрансе» сообщили, что «жалуются на резь в глазах те, кого уволили за то, что они постоянно отвлекались во время вождения и не следили за дорогой» [5]. Опуская оценку технической стороны этой системы, подчеркнем, что она используется и с целью слежения за работниками, о чем свидетельствует приведенный выше вывод работодателя. В Китае компания по уборке улиц заставила своих сотрудников носить «умные» браслеты. Они показывают время прихода и ухода сотрудника с работы, а также, где находится дворник в процессе работы. Если браслет не фиксирует телодвижения дольше 20 минут, он отправляет носителю звуковой сигнал. Если уборщик на него не реагирует, его начальник может отследить координаты браслета и проверить, что происходит с работником [6]. ИИ контролирует работниц отелей, сообщая им, не только какую комнату убирать, но и отслеживая, как быстро они это делают. Слушает работников колл-центра, указывая, что и как сказать, следя за максимальной занятостью таких работников [7]. В частности, компания CallMiner, рекламирует ИИ, который оценивает вежливость и сочувствие работников колл-центра, измеряемых долей процента. ИИ отслеживает работу разработчиков программного обеспечения, проверяя их клики, прокрутки экрана, фотографируя рабочий стол, и вычитает из общего рабочего времени то, когда работник не производил каких-либо действий, связанных с работой. В итоге продолжительность рабочего дня такого работника увеличивается с 8 до 10 часов с тем, чтобы сохранить оплату труда на прежнем уровне. В некоторых больницах США медсестры носят электронные значки, которые отслеживают, как часто медсестры моют руки [8]. При таком подходе «человек труда для предприятия ничто, лишь выполняемая им функция» [9. с. 9]. Это только некоторые примеры. К ним, несомненно, будут добавляться новые, поскольку темпы технологического прогресса продолжают ускоряться, порождая неизвестные ранее спорные аспекты взаимодействия сторон трудового договора.

В этой работе мы исходили из нормативной точки зрения, что право на неприкосновенность личной жизни является личным неимущественным правом, а не экономическим благом, которое можно обменять на возможность трудоустройства. Полагаем, что существующие правовые ограничения контроля нанимателя за работником и гарантии невмешательства в личную жизнь нуждаются в переосмыслении. Критериями такой оценки должны стать:

специфика реализации конституционных прав работника в процессе взаимодействия с нанимателем; принцип ограничения нанимательского контроля за работниками вне работы; эффективность защиты указанных прав в целом.

### **Библиографический список**

1. Касперович, Л.В. БНТУ новые правила для преподавателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/700838.html?c>
2. Евдокимова, Д., Гончарова, О., Фирсова, Е. Побег от «большого брата» // Газета «Новые известия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/23-09-2013/189421-pobeg-ot-bolshogo-brata>
3. Увольнение работника Apple за комментарии в Facebook признали законным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/11/02/apple/>
4. Закалюжная, Н.В. Дополнительные элементы содержания трудового отношения в российском и зарубежном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 102-107.
5. Водители «Мосгортранса» пожаловались на головокружение, резь в глазах и ухудшение зрения из-за системы «Антисон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/news/2020/03/10/voditeli-mosgortransa-pozhalovalis-na-golovokruzhenie-rez-v-glazah-i-uhudshenie-zreniya-iz-za-sistemy-antison>
6. Уборщиков улиц в Китае заставили носить умные браслеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2019/04/08/uborschikov-ulits-v-kitae-zastavili-nosit-umnye-braslety-oni-trebuyut-vernutsya-k-rabote-esli-dvornik-ne-dvigaetsya-20-minut>
7. How hard will the robots make us work? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theverge.com/2020/2/27/21155254/automation-robots-unemployment-jobs-vs-human-google-amazon>
8. The Rise of Workplace Spying, WEEK (July 5, 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theweek.com/articles/564263/rise-workplace-spying>
9. Киселев, И.Я. Личность в буржуазном трудовом праве. – М.: Наука, 1982. – 192 с.

## **К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПАТЕНТООБЛАДАТЕЛЯ**

**М.А. Николайчик**

*консультант Комитета государственной безопасности  
Республики Беларусь*

Одним из аспектов современной политики в области интеллектуальной собственности является построение сбалансированной системы ограничений патентных прав. В заданном контексте особый научный и практический интерес представляет ретроспективное исследование ограничений исключительных прав патентообладателей.

Многие источники, посвященные зарождению и становлению патентного права, основаны лишь на хронологическом описании процесса законодательного закрепления вопросов патентования изобретений в различных государствах. В свою очередь, для исследования ограничений исключительных прав на этапе возникновения патентных отношений необходимо обратиться прежде всего к экономическим предпосылкам формирования патентного права, философскому обоснованию необходимости охраны прав изобретателей, а также эволюции представлений о назначении патентных прав и охраняемых законодательством об интеллектуальной собственности интересов.

Ограничения исключительных прав патентообладателей зачастую исследуются с 1883 года – даты принятия Парижской конвенции по охране промышленной собственности. Однако полагать, что основополагающий международный акт в области патентного права формировался по принципу «*tabula rasa*» не верно. Парижская конвенция по охране промышленной собственности унифицировала базовые начала патентного права в мировом масштабе, в том числе заложила подходы к определению допустимых ограничений исключительных прав владельцев патентов, в частности, свободное использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и принудительное лицензирование. Стоит предположить, что истоки идей о необходимости ограничения патентных прав необходимо искать в национальном законодательстве отдельных стран в более ранние исторические периоды.

Утверждение о начале истории права интеллектуальной собственности в период древнегреческого и римского права не в полной мере обосновано [1, с. 20.]. Это связано с тем, что рабовладельческий уклад не предполагал необходимости повышения эффективности труда посредством инвестиций в усовершенствование орудий труда [2, с. 81]. В связи с отсутствием большого «спроса на технологии» экономической составляющей интеллектуальной собственности не уделялось должного внимания, т.к. результаты творческой деятельности (права на них) не рассматривались в качестве объектов товарного

оборота. Поэтому отдельные правовые механизмы, схожие с институтами права интеллектуальной собственности, в рассматриваемый исторический период выполняли иные задачи, не связанные с хозяйственной деятельностью.

Начало формирования патентного права обусловлено с рядом взаимосвязанных явлений в период XV – XVII столетий. Во-первых, данный исторический период ознаменован изменением роли новых технических решений в научной сфере, для которой было характерно значительное число естественнонаучных открытий. Во-вторых, совершенствование промышленного производства характеризовалось усилением конкурентной борьбы как основы капиталистического строя и явилось безусловным стимулом для создания и внедрения новых технологий. В-третьих, возникновение новой культурной парадигмы эпохи Возрождения и Просвещения, базирующейся на идеях гуманизации, провозглашении естественного и абсолютного характера права собственности, оказало значительное влияние на правовое регулирование отношений, связанных с нематериальными результатами интеллектуальной деятельности.

Первым шагом на пути становления патентного права являлись привилегии, выдаваемые во многих странах Европы [3, с. 5]. Так, в Англии первая патентная привилегия была пожалована в 1449 году владельцу новой технологии изготовления витражей. А уже в 1474 года сенатом Венеции был принят первый в истории патентный закон («Парте Венециана»), закрепляющий отдельные базовые начала патентного права. Кроме введения необходимости получения согласия владельца привилегии на изготовление аналогичной продукции, закон также формирует требование о практической реализуемости изобретения (полезности для государства) [4, с. 16–17].

Стоит обратить внимание, что в соответствии с самыми ранними привилегиями отсутствовали различия между изобретателями в современном понимании и лицами, которые внедряли технологии, известные за рубежом [5, с. 25]. В 1624 году в Англии был принят Статут «О монополиях», которым устанавливалась незаконность практически всех существовавших в Англии монополий, за исключением монополий изобретателей новых производств. Целью указанного акта было привлечение иностранных мастеров и их новаторских идей в страну [6, с. 126]. В то же время во Франции негативное отношение общества к любым формам ограничений свободы производства и торговли, а также не особо выдающиеся результаты, которых достигали обладатели «патентных грамот», привели к тому, что по решению монарха бенефициарий терял свои права, если не применял свое изобретение в течение одного года [7, с. 22].

Безусловно, на стадии становления патентного права отсутствовали представления о системе ограничений исключительных прав, как и само понятие исключительного права. Концепция исключительных прав была выработана цивилистической наукой позднее. Однако уже тогда законодательством устанавливались ограничительные нормы в отношении

обладателей привилегий. Помимо срочного и территориального характера предоставляемых прав были закреплены ограничительные механизмы, основанные на понимании предназначения выдаваемых привилегий – практическое использование новаторских идей и технологий. В случае невыполнения данного требования обладатель патентной привилегии мог лишиться прав, ей предоставленных. В основу патентных отношений был заложен государственный экономический интерес, направленный на замену импорта путем внутреннего производства современной продукции. Вместе с тем, государство, выдавая патентную привилегию, поощряло новаторов и способствовало получению ими экономической выгоды от исключительного использования привнесенных ими новаций.

В принятом в XIX веке в Европе законодательстве по вопросам патентования также прослеживается целевое назначение выдаваемых привилегий. Например, А.А. Пиленко указывает, что в королевстве Обеих Сицилий собственникам патентов предоставляется право «открывать на всей территории государства такие заведения, которые будут предназначены для эксплуатации патентованных изобретений»; австрийское законодательство (Закон 1832 года) определяло, что «патентодержатель имеет право открывать мастерские и совершать работы, необходимые для разработки предмета его привилегии во всех тех наших странах, коих касается настоящий закон, устраивать склады и заведения для изготовления и продажи патентованного продукта» [2, с. 90]. В дореволюционной России 17 июня 1812 года был принят Высочайший манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художественных промыслах» (Закон Сперанского). Одним из значимых новшеств, привнесенных в данный документ в 1833 году, стало введение обязанности неперенной эксплуатации привилегий с одновременным запретом их переуступки компаниям на акциях. А с принятием 20 мая 1896 года Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования не подлежали правовой охране изобретения, которые противоречат законом природы и изобретения и могли навредить государственным или общественным интересам и т.д. [8, с. 85–86; 9, с. 378].

Приведенные примеры показывают, что законодательство исследуемого периода не делает различий между обладанием патентом (привилегией) и производством, что обусловило наличие требований о применении технических новшеств в интересах развития экономики и общества. Провозглашая незыблемый характер интеллектуальных прав наравне с правом собственности (а в определенный период и отождествляя их), одновременно закладывались ограничительные механизмы, истоки которых заключены в понимании необходимости обеспечения интересов иных субъектов.

Дальнейшая эволюция ограничений патентных прав связана со становлением теории исключительных прав и формированием международных стандартов охраны интеллектуальной собственности. Современный этап развития системы ограничений прав патентообладателей обусловлен

пониманием, что при безусловном признании абсолютного характера исключительных прав, должны удовлетворяться объективные потребности иных заинтересованных субъектов с учетом необходимости обеспечения прав человека, реализации задач в области социальной политики, экономики, национальной и общественной безопасности, здравоохранения, образования, науки и культуры.

Проведенное исследование показывает, что предоставляемое патентообладателю право на ранних этапах становления патентного права не являлось формой неограниченной монополии. Такой подход противоречил бы самой сути формировавшегося капиталистического уклада. Несомненно, на стадии зарождения патентных правоотношений не существовало унифицированных подходов к объему правомочий обладателя патента и пределов ограничений его прав. Предназначение изобретений и предоставления правовой охраны изобретателям заключалось в необходимости практического применения полезных технологий во благо экономического и общественного развития. В правовые институты права интеллектуальной собственности на начальных этапах закладывались ограничительные механизмы, способствующие сдерживанию необоснованных монополистических притязаний и злоупотреблений патентообладателей.

#### **Библиографический список**

1. Блинец, И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра. юрид. Наук: 12.00.01 / И. А. Блинец. – М., 2003. – 381 л.
2. Пиленко, А.А. Право изобретателя : в 2 т. / А.А. Пиленко. – СПб : Тип.: М.М. Стасюлевича, 1902. – Т. 1. – 509 с.
3. Суздальцев, А.И. Основы инженерного творчества: в 2 ч./ А.И. Суздальцев. – Орел : ОрелГТУ, 2010. – Ч. 2 : Основы патентного законодательства – 89 с.
4. Право интеллектуальной собственности : учебник и практикум для академического бакалавриата / под об. Ред. Е.А. Поздняковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 321 с.
5. Основы интеллектуальной собственности – К. : Издательский дом «Ин Юре», 1999. – 600 с.
6. Понкин, И.В. История развития права интеллектуальной собственности. Первые нормативные правовые акты, касавшиеся вопросов авторского права / И. В. Понкин // Вестник РУДН, 2013. – № 3. – С. 124 – 129.
7. Минков, А.М. Международная охрана интеллектуальной собственности / А. М. Минков. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.
8. Баттахов, П. П. Право интеллектуальной собственности в предпринимательстве: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.03 / П. П. Баттахов. – М., 2016. – 392 л.

9. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. М. : Спарк, 1995. – 556 с.

## **ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПОСРЕДСТВОМ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

**Н.Н. Никонова**

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Исполнение исполнительных документов о взыскании денежных средств с физических лиц возможно тремя самостоятельными способами: (1) в рамках исполнительного производства, возбужденного в органах принудительного исполнения, (2) нанимателем должника или лицом, производящим должнику выплаты, приравненные к заработной плате, (3) банком, в котором у должника был открыт счет.

Первому способу посвящен закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 года № 439-З «Об исполнительном производстве» [1] (далее по тексту – Закон). Основанием второго является ч. 3 ст. 41 Закона (при этом сама процедура производства удержаний из заработной платы и приравненных к ней выплат без возбуждения исполнительного производства урегулирована недостаточно, фактически при производстве таких удержаний положения ряда норм Закона применяются по аналогии). В основе третьего способа лежит ст. 207 Банковского кодекса Республики Беларусь [2].

Следует отметить, что при взыскании денежных средств с юридических лиц использование третьего способа являлось и является повсеместным, в том числе и в силу положений ч. 1 ст. 41, абз. 6 ч. 1 ст. 45 Закона, в то время как в отношении физических лиц – должников такой способ применялся не слишком часто, что обусловлено тем, что, с одной стороны, предварительное предъявление исполнительного документа в банк, обслуживающий должника – физическое лицо, не является обязательным для возбуждения исполнительного производства, а с другой – некоторой сложностью для взыскателя получения информации о расчетных счетах физического лица – должника.

Идея о том, что поиск счетов должников в банках и процедура обращения взыскания на них должны быть упрощены, получила закрепление в указе Президента Республики Беларусь № 414 от 16 октября 2018 года «О совершенствовании безналичных расчётов» [3] (далее – Указ № 414). В развитие Указа № 414 принято совместное постановление Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь № 432/11 от 28 июня 2019 года "Об автоматизированной информационной системе исполнения денежных обязательств» [4] (далее – АИС ИДО), которым

утверждено положение о порядке осуществления безналичных расчетов посредством автоматизированной информационной системы исполнения денежных обязательств и ее функционирования (далее – Положение).

С введением в действие АИС ИДО обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на счетах вышло на новый уровень по простоте применения. В то же время возник ряд проблем по исполнению исполнительных документов в отношении должников – физических лиц. Очевидно, что при подготовке Положения разработчики ориентировались в первую очередь на исполнение в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В то же время, анализ норм Указа № 414 и Положения показывает, что исполнение посредством АИС ИДО как по требованиям физических лиц, так и в отношении физических лиц не исключено. Так пояснение 1 к пп. 1.1 Указа № 414 среди плательщиков (должников) перечисляет и физических лиц, как являющихся индивидуальными предпринимателями, так и не обладающих таким статусом. И взыскателем (косвенный участник АИС ИДО) и должником (плательщик, косвенный участник АИС ИДО) могут быть: юридические лица, организации без статуса юридического лица, Республика Беларусь и административно-территориальные единицы в лице соответствующих органов и организаций, а также физические лица, в том числе не являющиеся индивидуальными предпринимателями.

При этом платежные требования в АИС ИДО могут помещаться как непосредственно взыскателями, которые являются прямыми участниками АИС ИДО, так и опосредованно (через обслуживающий банк, который является участником АИС ИДО) взыскателями, которые являются косвенными участниками АИС ИДО (приложение к постановлению № 432/11 «Термины и их определения», п. 23 Положения).

Рассмотрим более подробно некоторые моменты использования АИС ИДО. Так п. 37 Положения определяет очередность обращения взыскания посредством АИС ИДО на различные виды счетов. П. 38 Положения определяет, что исполнение исполнительных документов осуществляется в порядке очередности, установленной законодательством. П. 42 указывает, что «исполнение платежных требований взыскателей, платежных инструкций плательщиков посредством АИС ИДО осуществляется в соответствии с установленной законодательными актами очередностью платежей, указанной в платежных требованиях взыскателей, платежных инструкциях плательщиков, а в пределах одной очереди – с учетом даты и времени поступления в АИС ИДО платежных требований взыскателей, платежных инструкций плательщиков с соблюдением требований, предусмотренных законодательными актами». При этом Положением игнорируется тот факт, что очередность обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на счетах, установлена только в отношении счетов, владельцами которых являются юридические лица и индивидуальные предприниматели (см. порядок расчетов между юридическими



лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 29 июня 2000 г. № 359 «Об утверждении порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь»[5]). В отношении счетов, владельцами которых являются физические лица, такая очередность не установлена. Подобный пробел мог бы быть ликвидирован применением положений ст. 122 Закона. Однако существенная проблема Закона в том, что его положения касаются только ведения исполнительного производства органами принудительного исполнения, но не распространяются на исполнение требований исполнительных документов иными субъектами (банками), в отличие от, например, Федерального закона Российской Федерации «Об исполнительном производстве» [6], ч. 2 ст. 7 которого устанавливает, что органы, организации и граждане в случаях, предусмотренных федеральными законами исполняют требования, содержащиеся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц, на основании исполнительных документов в порядке, установленном Федеральным законом «Об исполнительном производстве» и иными федеральными законами.

П. 40 Положения говорит о невозможности исполнения требований посредством АИС ИДО при обращении взыскания на счета для размещения безотзывных вкладов. А п. 41 Положения предусматривает порядок, который позволяет учитывать относительные имущественные иммунитеты специальных счетов. При этом, иммунитеты, которые устанавливаются законодательством в отношении физических лиц, Положение учитывать не позволяет. В частности, не учитываются иммунитеты, предусмотренные ст. 108 Трудового кодекса Республики Беларусь [7], ст.ст. 104, 107-109 Закона. В тоже время банк видит основания для зачисления денежных средств на счета должника, однако, позволить банку рассчитывать предельный размер удержания, исходя из суммы зачисленной на счета заработной платы или выплат, приравненных к ней, также не представляется правильным ввиду того, что удержание (в том числе и в максимально допустимом размере) уже могло быть произведено у источника выплат (нанимателем, лицом выплачивающим пенсию, пособие и т.д.). При этом какого-либо механизма, позволяющего должнику получить возврат излишне удержанных сумм, законодательством для данного случая не предусмотрено. А возврат неосновательного обогащения неприменим. Единственно правильным в указанной ситуации видится запрет на обращение взыскания на расчетные счета физических лиц, на которые зачисляется заработная плата и выплаты, приравненные к ней Законом, посредством АИС ИДО иначе как при внесении исполнительного документа в систему судебным исполнителем. В этом случае денежные средства зачисляются на счет органа принудительного исполнения, находятся там как минимум десять дней, что дает возможность должнику оспорить излишнее удержание.

Таким образом, проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. Нормативные правовые акты, которые регулируют использование АИС ИДО, не позволяют учитывать гарантии, а также иные особенности при обращении взыскания на денежные средства физических лиц, размещенные на счетах в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях.

2. Целесообразно распространение положений закона «Об исполнительном производстве» не только на деятельность органов принудительного исполнения, но и на деятельность иных субъектов, исполняющих требования исполнительных документов, по примеру ч. 2 ст. 7 Федерального закона Российской Федерации «Об исполнительном производстве».

3. Ввести в положение о порядке осуществления безналичных расчетов посредством автоматизированной информационной системы исполнения денежных обязательств и ее функционирования запрет на использование АИС ИДО для обращения взыскания на расчетные счета физических лиц, на которые зачисляется заработная плата и выплаты, приравненные к ней ч. 3 ст. 103 закона «Об исполнительном производстве» иначе как при формировании и направлении платежного требования судебным исполнителем.

### **Библиографический список**

1. Об исполнительном производстве: закон Республики Беларусь от 24 окт. 2016г. № 439-З// Эталон-Беларусь [Электрон. Ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020.

2. Банковский кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З// Эталон-Беларусь [Электрон. Ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020..

3. О совершенствовании безналичных расчётов: указ Президента Республики Беларусь № 414 от 16 окт. 2018 г. // Эталон-Беларусь [Электрон. Ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020.

4. Об автоматизированной информационной системе исполнения денежных обязательств: постановление Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь №432/11 от 28 июня 2019 г. // Эталон-Беларусь [Электрон. Ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020.

5. Об утверждении порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 29 июня 2000 № 359 // Эталон-Беларусь [Электрон. Ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020..

6. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ//КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / ЗАО "Консультант Плюс". – 2020. – Режимдоступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_71450/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/).

7. Трудовой кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З // Эталон-Беларусь [Электрон. Ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2020.

## САМОЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ

**О.Л. Нихайчик**

*старший преподаватель кафедры гражданского процесса  
и трудового права юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

Понятие самозащиты трудовых прав является достаточно новым в теории трудового права. К настоящему моменту сложились два подхода к пониманию понятия самозащиты: широкий и узкий. Так, сторонники широкого подхода под самозащитой понимают любые действия лица по защите его прав от нарушения [1, с. 10; 2, с. 8]. На наш взгляд, такое широкое понимание понятия самозащиты приводит к тому, что стираются границы между защитой трудовых прав и самозащитой, данные понятия становятся тождественными. Поэтому, наиболее точно отражает сущность самозащиты второй, более узкий подход к определению данного понятия.

По нашему мнению, самозащита трудовых прав – это форма защиты трудовых прав, способами защиты которой являются самостоятельные действия работника, направленные на оперативное предупреждение или пресечение правонарушения с целью восстановления нарушенного права и (или) устранения препятствий в его реализации без обращения или наряду с обращением в специально уполномоченные органы по защите трудовых прав.

В качестве условий правомерности применения работником самозащиты в трудовом праве можно выделить следующие:

Должно иметь место нарушение субъективных трудовых прав работника со стороны нанимателя.

Применение самозащиты прямо предусмотрено нормами действующего трудового законодательства.

Уведомление нанимателя работником о применении самозащиты. По нашему мнению, поскольку применение самозащиты является оперативным реагированием на неправомерные действия нанимателя, а также с целью возможности в дальнейшем доказать факт уведомления нанимателя, то уведомление должно быть в письменной форме.

Способы самозащиты трудовых прав должны быть соразмерны правонарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения.

Одним из способов самозащиты трудовых прав работника является отказ от работы. Как уже указывалось выше применение способов самозащиты возможно только в тех случаях, когда это предусмотрено нормами

действующего трудового законодательства. На основе анализа действующее трудового законодательства мы можем выделить следующие случаи, когда возможно применить такой способ самозащиты как отказ от работы: в ст. 223 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [3] предусмотрен отказ работника от выполнения порученной им работы в случаях: возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья работника и окружающих; не предоставления необходимых средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда; приостановления и запрещения проведения работ органами надзора и контроля.

Следует отметить, что в настоящее время Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь готовит проект Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по защите прав работающих», который будет предусматривать возможность использования такого способа самозащиты трудовых прав как отказ от работы в случае невыплаты нанимателем заработной платы в установленные сроки [4]. В проекте Указа сказано, что если выплата зарплаты задержана на срок более 15 календарных дней, то работник может приостановить работу до ее выплаты. Об этом необходимо письменно уведомить нанимателя за один календарный день. После уведомления работник может отказаться от выполнения своих трудовых обязанностей, отсутствовать на своем рабочем месте, при этом средняя заработная плата за ним не сохраняется. Аналогичная норма содержится в Трудовом кодексе Российской Федерации [5], где в ч. 2 ст. 142 сказано, что в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней работник имеет право, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу на весь период до выплаты задержанной суммы. В ч. 4 ст. 142 ТК РФ указывается что на период приостановления работы за работником сохраняется средний заработок. По нашему мнению, закрепление в проекте Указа нормы о том, что заработная плата за период отказа от работы за работником не сохраняется, приведет к существенному ухудшению правового положения работника, поскольку он может оказаться в ситуации, при которой наниматель не будет заинтересован в немедленном погашении задолженности по выплате заработной платы. В трудовом праве способы самозащиты направлены на приостановление исполнения условий трудового договора, но трудовое правоотношение при этом не прекращается, следовательно, работник по вине нанимателя остается без заработной платы на протяжении неопределенного периода времени, оставаясь формально работником данной организации. Справедливости ради следует отметить, что в соответствии со ст. 58 ТК при несвоевременной выплате заработной платы происходит ее индексация. В соответствии с п. 12 Инструкции о порядке и условиях индексации денежных доходов населения в связи с инфляцией, а также при несвоевременной выплате заработной платы, пенсий, стипендий и пособий [6] подлежит заработной плата, задержка выплаты которой составляет календарный месяц и более по

сравнению со сроком, установленным законодательством, локальным правовым актом нанимателя, трудовым договором (контрактом) работника

Хотелось бы отметить, что проект Указа не содержит сроков, в течение которых наниматель обязан погасить задолженность по заработной плате, лишь указывается на то, что наниматель обязан известить работника о дне выплаты зарплаты письмом с уведомлением не позднее чем за два дня до ее выплаты. После выплаты зарплаты в полном объеме работник должен будет выйти на работу не позднее следующего дня.

Также планируется составить перечень работ, на которых приостановка работы в случае невыплаты зарплаты не допускается. В случае задержки зарплаты свыше 15 календарных дней таким категориям работников будет выплачена денежная компенсация в размере 3% тарифной ставки (оклада) за каждый день задержки.

В действующем трудовом законодательстве Республики Беларусь, можно выделить еще несколько случаев применения такого способа самозащиты работника как отказ от работы. Так, работник может отказаться от работы, не предусмотренной трудовым договором. В п.17 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2001 № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» (далее – Постановление Пленума № 2) [7] указано, что не может быть признан прогулом отказ работника приступить к работе, на которую он был переведен с нарушением закона. Прогулом признается отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня как подряд, так и суммарно без уважительных причин. Данное нарушение закона может выражаться в отсутствии письменного согласия работника на перевод, когда такое согласие требуется (ч. 1 ст. 30 ТК). Соответственно судом признается право работника на такой способ защиты как отказ от выполнения работы, которая не была предусмотрена трудовым договором.

Работник имеет право самостоятельно реализовать свое право на отдых, путем отказа от работы, в том случае, когда предоставление времени отдыха не зависит от усмотрения нанимателя. Так, в соответствии с п. 34 Постановления Пленума № 2 не является прогулом без уважительной причины использование работником дней отдыха в случае, когда наниматель вопреки закону отказал в их предоставлении и время использования работником таких дней не зависело от усмотрения нанимателя. Статья 30 Закона Республики Беларусь от 30.11.2010 № 197-З «О донорстве крови и ее компонентов» [8] обязывает донора не позднее чем за два рабочих дня (за исключением случаев выполнения донорской функции в экстренном порядке в целях сохранения жизни и здоровья реципиента) предупредить нанимателя о датах выполнения донорской функции и использования дней отдыха.

В заключение хотелось бы отметить, что в трудовом законодательстве Республики Беларусь намечается тенденция к увеличению случаев самозащиты

трудовых прав работников, что в целом требует дальнейшего теоретического исследования данного феномена.

### **Библиографический список**

1. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 284 с.
2. Халиков, В.Р. Самозащита в российском трудовом праве :автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.05 / В.Р. Халиков – Томск, 2006. – 26 с.
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Власти подготовили проект указа о зарплатах. Что хотят изменить [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://finance.tut.by/news699123.html>. Дата доступа: 12.11.2020.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 декабря 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : в ред. Федер. закона от 16.12.2019 г. // КонсультантПлюс : Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
6. Инструкция о порядке и условиях индексации денежных доходов населения в связи с инфляцией, а также при несвоевременной выплате заработной платы, пенсий, стипендий и пособий: постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, 5 мая 2009 г. №57 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2001 г., № 2 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. О донорстве крови и ее компонентов: Закон Респ. Беларусь от 30 ноября 2010 г. № 197-З : в ред. от 8 января 2015 г. № 338-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ТРУДОВЫХ СПОРОВ**

**Ю.В. Ошмян**

*адвокат адвокатского бюро «РЕВЕРА»*

Исследование вопроса о понятии и видах индивидуальных трудовых споров имеет практическое значение, поскольку позволяет идентифицировать общественные отношения, которые регулируются правилами о разрешении

индивидуальных трудовых споров, отграничить их от иных общественных отношений, находящихся за пределами указанной сферы регулирования, а также выявить их характерные черты, влияющие на порядок и особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров.

Длительное время в законодательстве не была закреплена легальная дефиниция индивидуального трудового спора. Однако Законом Республики Беларусь от 18.07.2019 № 219-З «Об изменении законов» в ст. 233 ТК внесены изменения, которыми закреплено соответствующее определение. В силу ч. 1 ст. 233 ТК, индивидуальный трудовой спор – это неурегулированные разногласия между нанимателем и работником (лицом, которому отказано в заключении трудового договора, уволенным работником) по вопросам применения законодательства о труде, коллективного договора, соглашения, иных локальных правовых актов, соблюдения условий трудового договора [1].

Рассмотрим, какие доктринальные подходы к понятию индивидуальных трудовых споров отражает приведенное определение.

В литературе используются различные понятия, чтобы охарактеризовать противоречия между работником и нанимателем: спор, конфликт и разногласие являются наиболее часто встречающимися терминами.

Разногласие – это отсутствие согласия из-за несходства во мнениях, взглядах. Конфликт – это столкновение, серьезное разногласие. Спор – это разногласие, разрешаемое судом [2]. Как видим, с точки зрения русского языка указанные термины соотносятся как общее и частное, а также различаются по степени напряженности противоречий и способах их урегулирования.

Отдельные авторы полагают, что наличие разногласий между работником и нанимателем уже само по себе означает наличие спора [3]. Однако, правильным представляется подход В.И. Смолярчука обоснованный в 1970-е гг. в его работах, что индивидуальный трудовой спор – это переданный на рассмотрение юрисдикционного органа неурегулированный конфликт между работником и нанимателем, возникший из неразрешенных разногласий между ними [4].

Впервые деление споров на споры о праве и споры об интересе предложена И.С. Войтинским в 1917 году, в настоящее время поддерживается рядом исследователей (например, О.С. Курылева) [5].

Спор о праве – это споры, охраняемые правом: разногласия по поводу применения нормативных и индивидуальных источников регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений. Спор об интересе – это споры, не охраняемые правом: разногласия по поводу установления условий труда в индивидуальном порядке в отсутствие обязывающей нормы.

Проиллюстрируем данный подход примером:

А) спор с несовершеннолетним работником о предоставлении ему трудового отпуска – это спор о праве, т.к. ТК обязывает нанимателя предоставить такому работнику трудовой отпуск в дни, указанные работником;

В) спор с работником, не отнесенным к особо защищаемым категориям, о предоставлении ему трудового отпуска – это спор об интересе, т.к. ТК не обязывает нанимателя предоставлять таким работникам отпуск в дни, указанные работником.

Формулировка ч. 1 ст. 233 ТК понимает под индивидуальными трудовыми спорами исключительно споры о праве как предмет рассмотрения в суде и комиссии по трудовым спорам. Споры об интересе не могут быть предметом рассмотрения в суде, но могут рассматриваться в согласительных процедурах.

Многие авторы отмечают, что трудовой спор возникает междусубъектами трудовых отношений (работником и нанимателем). Это узкий подход, который не учитывает споры между нанимателем и претендентом на должность, между нанимателем и уволенным работником. Отдельные авторы указывают, что трудовой спор возникает между субъектами трудовых отношений и отношений, тесно связанных с трудовыми (О.С. Курылева, С.А. Голощапов). Это расширительный подход, при котором в категорию трудовых споров попадают споры между безработными и государственной службой занятости (это не трудовые споры, а споры, возникающие из социально-обеспечительных или административно-правовых отношений).

Из формулировки ч. 1 ст. 233 ТК следует, что субъектами трудового спора являются:

- 1) субъекты трудовых отношений: наниматель и работник;
- 2) субъекты отдельных отношений, тесно связанных с трудовыми: наниматель и лицо, которому отказано в заключении трудового договора; наниматель и уволенный работник.

Объектом трудового спора являются защищаемые или оспариваемые интересы сторон:

- 1) по устранению препятствий к реализации права (восстановление на работе незаконно уволенного работника);
- 2) по восстановлению прежнего правового положения путем полного или частичного возмещения утраченных благ (например, в случае незаконного удержания заработной платы, взыскания материального ущерба с работника);
- 3) об установлении новых условий труда в случае, если наниматель их обязан установить.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно отметить, что в основе индивидуального трудового спора лежат разногласия, которые:

- 1) не удалось урегулировать;
- 2) касаются вопроса применения трудового законодательства, нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективных договоров, соглашений, локальных нормативных актов, трудовых договоров;
- 3) которые возникли между с одной стороны – нанимателем, а с другой стороны – работником, уволенным работником, лицом, которому отказано в заключении трудового договора;



4) о которых заявлено в орган по разрешению индивидуальных трудовых споров (суд, комиссия по трудовым спорам).

Типология трудовых споров в литературе достаточно хорошо разработана. Наиболее устоявшиеся критерии классификации трудовых споров: по предмету спора, по субъектному составу, по виду спорного правоотношения.

В зависимости от предмета исковых требований выделяют трудовые споры:

- о восстановлении на работе;
- о выплате заработной платы;
- о возмещении имущественного ущерба, причиненного работниками;
- иные споры.

Такая классификация принята Верховным Судом Республики Беларусь для ведения судебной статистики [6].

Существует также деление трудовых споров по институтам (трудовой договор, заработная плата, трудовая дисциплина) и субинститутам (споры о заключении трудового договора, споры об изменении трудового договора, споры о прекращении трудового договора).

Такое деление используется на практике при подготовке обзоров судебной практики и постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения законодательства о труде.

Исходя из спорного правоотношения можно выделить: споры, вытекающие из правоотношений по занятости и трудоустройству; споры, вытекающие из трудовых отношений; споры, вытекающие из правоотношений по подготовке на производстве и др.

Поскольку в основе многих трудовых споров лежит конфликт и нарушения, которые допускают участники трудовых и тесно связанных с ними отношений, полагаем возможным ввести классификацию индивидуальных трудовых споров в зависимости от того, кто допускает нарушения, приводящие к спору:

1) споры, связанные с нарушениями, допущенными нанимателем, например:

- споры о восстановлении на работе (нарушение – увольнение без законного основания);
- споры об изменении формулировки причины увольнения (нарушение – неверное указание основания увольнения);
- споры о взыскании заработной платы и иных платежей (нарушение – невыплата подлежащих выплате денежных средств);
- споры о восстановлении прежних существенных условий труда (нарушение – незаконное изменение существенных условий труда);
- споры о понуждении к заключению трудового договора (нарушение – незаконный отказ в заключении трудового договора).

2) споры, связанные с нарушениями, допущенными работниками, например:

- споры о возмещении имущественного ущерба, причиненного нанимателю (нарушение – причинение нанимателю имущественного ущерба).

### **Библиографический список**

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 939 с.
3. Голощапов, С.А. Трудовые споры в СССР / С.А. Голощапов, В.Н. Толкунова. – М., 1974. – 197 с.
4. Смолярчук, В.И. Охрана трудовых прав рабочих и служащих / В.И. Смолярчук. – М., «Юридическая литература», 1970. – 118 с.
5. Курылева, О.С. Трудовые и тесно связанные с ними правоотношения: общетеоретические вопросы / О.С. Курылева // Актуальные проблемы права: теория и практика. Сборник научных работ. № 13. – Луганск, 2009. – С. 97-108.
6. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 год [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://court.gov.by/ru/justice\\_rb/statistics/archiv/8186975d68124bb0.html](http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/8186975d68124bb0.html). – Дата доступа: 06.11.2020.

## **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**В.В. Парашенко**

*доцент кафедры гражданского и трудового права  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

В ч. 3 ст. 13 Конституции Республики Беларусь закреплено, что государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Данное положение находит свое дальнейшее развитие в отдельных нормах гражданского, финансового, хозяйственного законодательства, устанавливающих основные начала предпринимательской деятельности, правовой статус, а также права, обязанности и ответственность ее участников.

В современных условиях предпринимательство в целом и предпринимательская деятельность, в частности, является одним из важнейших

и необходимых разновидностей общественных отношений, имеющих одну общую цель – приумножение материального и нематериального потенциала общества, что в свою очередь предполагает обеспечение государством благоприятных условий для реализации индивидами своих способностей на практике в конкретных секторах экономики.

Особую разновидность экономической активности составляет инвестиционная деятельность субъектов. С экономической точки зрения инвестиции следует рассматривать как перераспределение материальных благ от тех, кто их имеет – тем, кто в них нуждается и предполагает отказ субъекта от потребления этих благ в пользу их сбережения и приумножения. Такие действия сочетают в себе одновременно два взаимосвязанных элемента: вложение материальных благ и получение выгод. При этом важно отметить, что, исходя из рискованного характера инвестиционной деятельности, прибыль (выгода) инвестором может быть не только не получена, но и утрачена на безвозвратной основе полностью либо частично.

Так как потерять экономическую выгоду никто из владельцев капитала не рассчитывает и не желает, следует констатировать тот факт, что именно данное обстоятельство в современных условиях ведения бизнеса сыграло главную роль в изменении вектора финансовых потоков от инвестирования в сторону кредитования, при котором, как известно, риски невозврата финансовых вложений значительно ниже.

Отсюда следует, что именно сегодня, как никогда ранее, особую актуальность приобретает проблема такой субъектной характеристики участников инвестиционной деятельности как их добросовестность и разумность, которая в свою очередь предполагает неукоснительное соблюдение ими базовых правил и обычаев ведения бизнеса. Немаловажным является и то обстоятельство, что такие участники должны обладать высоким уровнем правосознания и правовой культуры.

Г.А. Шмарловская и Е.Н. Петрушкевич говоря о реформировании инвестиционного законодательства для привлечения эффективных прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь, справедливо обращают внимание на следующее обстоятельство: «Одним из инструментов привлечения эффективных ПИИ является уменьшение возможностей создания фиктивных коммерческих организаций с иностранными инвестициями (компаний, которые образованы путем перевода капитала из-за рубежа, который предварительно был переведен из Республики Беларусь для стимулирования притока иностранных инвестиций) в пользу реальных компаний с иностранными инвестициями. Фиктивные компании не только уменьшают прозрачность функционирования экономики, но и не приносят новые технологии» [1, с. 117].

Следует признать, что деятельность подобного рода компаний на территории любого государства не только не соответствует, а скорее противоречит основным началам инвестиционной деятельности. К базовым принципам инвестирования относятся: «принцип предельной эффективности

инвестирования, принцип «замазки», принцип сочетания материальных и денежных оценок эффективности капиталовложений, принцип адаптационных издержек, принцип мультипликатора» [2, с. 69].

В ст. 5 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 53-3 «Об инвестициях» закреплены основные принципы осуществления инвестиций, среди которых следует выделить принцип добросовестности и разумности осуществления инвестиций. Общий смысл данного принципа заключается в том, что инвесторы осуществляют инвестиции добросовестно и разумно без причинения вреда другому лицу, окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемления прав и защищаемых законом интересов других лиц или злоупотребления правами в иных формах.

В условиях рыночной экономики значение принципа добросовестности и разумности осуществления инвестиций возрастает в силу того, что в законодательстве не возможно, а в ряде случаев просто нецелесообразно прописать все возможные варианты поведения участников инвестиционной деятельности. Такие категории как добросовестность (например, в заключении и исполнении инвестиционных соглашений, неосуществлении действий, являющихся недобросовестной конкуренцией и направленных на причинение вреда правам, свободам, законным интересам других лиц) и разумность (например, в определении сроков осуществления инвестиционных проектов, размера вознаграждений работникам и др.) позволяют в совокупности скорректировать поведение инвесторов в инвестиционном процессе. Аналогичное правило закреплено в гражданском законодательстве, так, в соответствии с п. 4 ст. 9 ГК в случаях, когда законодательство ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права добросовестно и разумно, добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается.

Важно отметить, что в Республике Беларусь осуществление инвестиций на основании инвестиционных договоров реализуется в рамках так называемого преференциального режима инвестирования, смысл которого заключается в создании благоприятного правового режима для инвесторов посредством наделения их определенным комплексом преимуществ перед другими предпринимателями для поддержки важного для государства направления экономической деятельности и носит строго лично-адресный характер.

Одновременно на основании анализа поводов и оснований расторжения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь можно сделать вывод, что отдельные иностранные инвесторы преследовали цель исключительно получения предусмотренных законодательством льгот и преференций, без намерения надлежащего исполнения инвестиционного договора и реализации инвестиционного проекта. А это ничто иное как злоупотребление инвесторами предусмотренными для них льготами и преференциями, которые они использовали в ущерб государственным интересам для личного обогащения без намерения реализовать инвестиционный проект.

М.М. Богуславский говоря о преимуществах привлечения иностранных инвестиций, весьма точно обращает внимание на вероятные их отрицательные последствия: «На практике известны случаи, когда установление контроля над отечественным предприятием приводило к перепрофилированию его традиционного производства, вело к прекращению выпуска продукции, конкурирующей с продукцией инвестора» [3, с. 266-267]. Подобного рода факты хорошо известны истории Новой России, особенно это касалось крупных оборонных предприятий и предприятий машиностроения, которые были самоликвидированы с целью заполнения местного рынка аналогичным товаром иностранного производства.

Таким образом, на основании сказанного можно сделать вывод, что в современных условиях развития экономических отношений к числу актуальных проблем реализации предусмотренного законом принципа добросовестности и разумности осуществления инвестиций следует отнести: а) получение инвестором льгот и преференций от государства без намерения осуществления инвестиционного проекта в долгосрочной перспективе; б) размещение капитала за границей государства-донора с целью перенесения (создания) вредоносных производств; в) поглощение (банкротство) местного производителя-конкурента. Полагаем, что в национальном законодательстве должны быть предусмотрены соответствующие меры ответственности, а также определенные ограничения для иностранных инвесторов, касающиеся способов осуществления инвестиций, которые в совокупности были бы направлены на реализацию принципа добросовестности и разумности осуществления инвестиций.

### **Библиографический список**

1. Шмарловская, Г.А. Инвестиционный климат Республики Беларусь и стратегия привлечения иностранных инвестиций : пособие / Г.А. Шмарловская, Е.Н. Петрушкевич. – Минск : Дикта : Мисанта, 2012. – 159 с.
2. Маренков, Н.Л. Основы управления инвестициями : Учебник. Изд. 2-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 480 с.
3. Богуславский, М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 704 с.

## **МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ТРУДОВОГО ДОГОВОРА**

**Т.М. Петоченко**

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета*

*Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Самостоятельным видом юридической ответственности является материальная ответственность сторон трудового договора. Ее основной целью является обеспечение трудовых прав и законных интересов участников трудового правоотношения, охрана и защита собственности.

Правовое регулирование вопросов материальной ответственности в трудовом праве не является совершенным. Существенным недостатком следует считать отсутствие в законодательстве о труде Республики Беларусь системного подхода к правовому регулированию материальной ответственности сторон трудового договора.

Анализ дефиниций материальной ответственности, предложенных в научных источниках [1, с. 402; 2, с. 6; 3, с. 233; 4, с. 457; 5, с. 5], позволяет разделить все существующие подходы на две группы:

материальная ответственность состоит в обязанности стороны трудового договора возместить имущественный ущерб, причиненный ею другой стороне трудового договора;

материальная ответственность – обязанность работника возместить в установленных пределах и порядке имущественный ущерб, причиненный нанимателю, с которым он состоит в трудовых отношениях.

Отдельные авторы, определяя правовую природу материальной ответственности в трудовом праве, не учитывают, что она носит двусторонний характер. Материальная ответственность работника является одним из подвидов материальной ответственности сторон трудового договора и существует наравне с материальной ответственностью нанимателя.

Изучение истории становления и развития правового регулирования материальной ответственности свидетельствует о том, что уже в дореволюционном законодательстве началось формирование норм не только о материальной ответственности работника, но и о материальной ответственности нанимателя.

Большой вклад в создание учения о единой материальной ответственности в трудовом праве сыграли ученые, ранее занимавшиеся гражданским правом [6, с. 23; 7; 8, с. 67]. Основным доводом послужило то, что ответственность работника перед нанимателем, как и ответственность нанимателя перед работником строится на том, что они являются сторонами трудового правоотношения, содержание которого – взаимные права и обязанности, в том числе вытекающие из причинения ущерба.

В соответствии с действующим законодательством о труде материальная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности включает два подвида: материальная ответственность работника за ущерб, причиненный нанимателю; материальная ответственность нанимателя за ущерб (вред), причиненный работнику.

Материальная ответственность сторон трудового договора – это совокупность правоотношений, в которых осуществляется право одной из сторон трудового договора на возмещение причиненного ей ущерба (вреда) в результате виновного противоправного деяния, и реализуется обязанность другой стороны трудового договора компенсировать причиненный ею ущерб (вред), в случаях и порядке, предусмотренных законодательством о труде.

Стороны трудового договора могут привлекаться к материальной ответственности только при одновременном наличии следующих условий: ущерб (вред), причиненный в период трудовых правоотношений; вина в причинении ущерба; противоправное деяние; прямая причинная связи между противоправным деянием и возникшим ущербом (вредом).

К общим признакам материальной ответственности сторон трудового договора относятся:

- предпосылкой возникновения материальной ответственности является существование трудового правоотношения;
- ее субъектами являются только стороны трудового договора;
- основанием материальной ответственности является виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей, повлекшее ущерб (вред) для другой стороны;
- каждая из сторон трудового договора может возместить ущерб добровольно;
- материальная ответственность имеет компенсационный характер;
- стороны могут нести материальную ответственность и после прекращения трудового договора, если ущерб причинен в период существования трудовых правоотношений [9, с. 140].

Общие признаки материальной ответственности сторон трудового договора не исключают дифференциации, которая обусловлена, прежде всего, экономическим неравенством сторон. Наниматель обладает нормативной, директивной и дисциплинарной властью над работником.

В науке трудового права сформулированы отличительные признаки правового регулирования материальной ответственности работника и нанимателя [4, с. 860–861], которые, с учетом особенностей национального законодательства о труде, могут быть применены к материальной ответственности сторон трудового договора в Республике Беларусь.

Материальная ответственность работника отличается от материальной ответственности нанимателя следующим:

- закрепление в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) видов материальной ответственности работника в зависимости от формы вины,

предмета посягательства и причинения ущерба при исполнении трудовых обязанностей (полная и ограниченная (ст. 402–404 ТК));

- влияние формы вины на вид материальной ответственности работника (полная или ограниченная); в отношении материальной ответственности нанимателя форма вины роли не играет;

- различный порядок возмещения ущерба (наниматель в зависимости от размера причиненного ущерба (до трех среднемесячных заработков работника) может возмещать ущерб самостоятельно без согласия работника путем удержаний из его заработной платы в соответствии с собственным распоряжением; а работник – только через органы, рассматривающие индивидуальные трудовые споры; сроки (ст. 242 ТК));

- право на возмещение морального вреда имеет только работник (ст. 246 ТК);

- право органа по рассмотрению трудовых споров при определенных условиях снизить размер возмещаемого ущерба работником, и отсутствие такой возможности в отношении нанимателя.

В соответствии с трудовым законодательством Республики Беларусь наниматели могут нести материальную ответственность в следующих случаях:

- незаконного увольнения, перевода, перемещения, изменения существенных условий труда, отстранения от работы (ст. 244, 245 ТК);

- несвоевременного исполнения решения суда или постановления, принятого другим органом по рассмотрению трудовых споров (ст. 243, 247 ТК);

- задержки расчета при увольнении (ст. 78 ТК);

- задержки выдачи трудовой книжки при увольнении (ст. 79 ТК);

- необоснованного отказа в заключении трудового договора (ст. 16 ТК);

- возмещения морального вреда (ст. 246 ТК).

В действующем трудовом законодательстве Республики Беларусь отсутствует системный подход к материальной ответственности сторон трудового договора в целом, и материальной ответственности нанимателя, в частности, что затрудняет применение норм трудового права о материальной ответственности нанимателя, препятствует защите работниками своих прав и законных интересов.

Считаем целесообразным оформить нормы о материальной ответственности нанимателя в виде единого структурного образования, объединив их вместе с нормами о материальной ответственности работника в целостный правовой институт материальной ответственности в трудовом праве Республики Беларусь. Для этого предлагаем дополнить раздел V «Ответственность работников и нанимателей. Надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде» главами, в которых закрепить общие положения материальной ответственности сторон трудового договора, а также случаи материальной ответственности нанимателя перед работником.



### **Библиографический список**

1. Трудовое право России : Учеб.для вузов / [В. В. Глазырин, Р. З. Лившиц, А. Ф. Нуртдинова и др.]; отв. ред. Р. З. Лившиц, Ю. П. Орловский. – М. : ИНФРА-М : Норма, 1998. – 473 с.
2. Василевич, Г.А. Ответственность работника и нанимателя за причиненный ущерб / Г. А. Василевич. – Минск: ООО «Тесей», 2001. – 70 с.
3. Жвиридовская, С.Л. Правовая природа материальной ответственности работника / С. Л. Жвиридовская // Право в современном белорусском обществе. Сб. научных трудов. Вып. 1. — Минск : Право и экономика, 2006. – С. 232–248.
4. Лушников, А.М. Курс трудового права : учеб.для вузов : в 2 т. / А.М. Лушников, М. В. Лушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2009. – Т. 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – 1150 с.
5. Греченков, А.А. Материальная ответственность работников / А. А. Греченков. – Минск : ИПА «Регистр», 2011. – 63 с.
6. Бару, М. И. Регрессные обязательства в трудовом праве / М. И. Бару. – М. :Госюриздат, 1962. –141 с.
7. Стависский, П.Р. Взаимная материальная ответственность субъектов трудового правоотношения / П. Р. Стависский // Советское государство и право. – 1974. – № 11. – С. 62–66.
8. Сыроватская, Л.А. Ответственность по советскому трудовому / Л. А. Сыроватская. – М. : Юрид. лит., 1974. – 184 с.
9. Петоченко, Т.М. Материальная ответственность в трудовом праве Республики Беларусь / Т.М. Петоченко // Актуальные проблемы правового положения субъектов трудового права и права социального обеспечения (современное состояние и перспективы развития законодательства) : сб. науч. ст. ; под ред. И. А. Комоцкой., Т.М. Петоченко – Минск: Четыре четверти, 2017. –С. 137–150.

### **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ТРУД ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ**

**А.С. Попов**

*старший преподаватель - начальник медицинской службы цикла общевоенных дисциплин кафедры тактики и общевоенных дисциплин  
УО «Белорусская государственная академия авиации»*

**С.В. Трунов**

*старший участковый отдела полиции «Кольцово»  
МО МВД России «Новосибирский»*

Право на труд относится к одному из конституционных прав личности. Конституция Республики Беларусь, как «основной закон» государства, гарантирует всем гражданам право на труд как наиболее достойный способ

самоутверждения человека (статья 41). При этом реализация этого конституционного права представлена через выбор профессии и род занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей [1].

Провозглашение права на труд по своей конституциональной сути является гарантией занятости гражданина с учетом обеспечения безопасности трудового процесса, а не только фактическое возникновение (реализацию и прекращение) трудовых отношений.

Для различной категории лиц право на труд реализуется с учетом определенных особенностей. Одной из таких категорий являются граждане, проходящие военную службу – военнослужащие.

В настоящее время военнослужащие реализуют право на труд путем прохождения ими военной службы по контракту. Порядок прохождения такой службы устанавливается отдельными актами законодательства и не регламентируется Трудовым кодексом. Время нахождения граждан на военной службе засчитывается в стаж работы, стаж работы по специальности (в отрасли) и стаж государственной службы [2]. В соответствии с требованиями статьи 10 Закона Республики Беларусь «О статусе военнослужащих», а также пункта 15 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь военнослужащим запрещается выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением военной службы. Из этого общего правила Закон выделяет ряд исключений допуская занятость военнослужащего в виде педагогической, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики. Реализация этого исключительного права кроме того может осуществляться при ряде условий.

При этом необходимо учитывать, что военная служба не является работой (с позиции права) так как не осуществляется по трудовому договору, и, соответственно, не может рассматриваться как основное место работы. В случае оформления трудового договора он должен быть оформлен как договор с работником по основному месту занятости с внесением соответствующих записей в трудовую книжку [3; 4]. Это в свою очередь несет череду правовых последствий как например возможность работы сверх 0,5 ставки (что невозможно при осуществлении работы по совместительству).

Однако, при этом следует учитывать тот факт, что в соответствии со статьей 3 Законом Республики Беларусь от 19.07.2016 № 408-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам борьбы с коррупцией» в редакции указанной выше статьи 10 было внесено существенное дополнение, которое конкретизировало форму договорных отношений между исполнителем и тем, в чьих интересах выполняется работа, определив, что выполнение работ может осуществляться на основании гражданско-правовых договоров. Таким образом, с внесением изменений в законодательстве исключена возможность осуществления

военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, медицинской практики на основании трудового договора (контракта).

В соответствии со статьей 6 Трудового кодекса Республики Беларусь не подпадает под действия этого нормативного правового акта отношения по поводу осуществления обязательств, возникающих на основе договоров, предусмотренных гражданским законодательством.

При выполнении работ на основании гражданско-правовых договоров граждане не состоят в трудовых отношениях с нанимателем, т.е. не являются работниками. Соответственно, указанные выше особенности применения трудового законодательства распространяются лишь на отношения, возникшие до 19.07.2016.

В тоже время, необходимо обратиться к нормам права, регламентирующим порядок осуществления деятельности по оказанию медицинской помощи. Основным нормативным правовым актом является Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», который не только дает определение понятиям «медицинский работник», «медицинская деятельность». Определено, что в организациях здравоохранения оказание медицинской помощи пациентам осуществляется врачами-специалистами, врачами-интернами, медицинскими работниками, имеющими среднее специальное медицинское образование [5].

Таким образом при реализации своего права на осуществление медицинской практики военнослужащие медицинской службы для осуществления медицинской деятельности обязаны заключить гражданско-правовой акт. Однако до настоящего времени не понятен порядок реализации заключения такого рода договора. Каким по своей сути должен являться (подряда, возмездного оказания услуг, иной), кто должен являться сторонами в данном договоре (администрация организации здравоохранения, пациент, военнослужащий) и сколько сторон должно быть в данном договоре. Как будут распределены риски и обязанности из причинения вреда при заключении данного договора. Кроме того, в свете требований по ограничению допуска к занятию медицинской деятельностью неквалифицированных лиц (в частности лицензирование медицинской деятельности) возникает вопрос о необходимости получения военнослужащим дополнительной лицензии для осуществления медицинской деятельности на рынке услуг. Отдельного внимания заслуживает вопрос о порядке ведения бухгалтерского учета расходов на оплату работы медицинского специалиста, так как последний выполняет свои функции вне рамок бюджета заработной платы.

Таким образом, в настоящее время существует определенный пробел в правовом регулировании осуществления медицинской деятельности военнослужащими медицинской службы. Упорядочивание деятельности данной категории лиц возможно путем замены формы гражданско-правового договора на трудовой договор и заключения трудового договора с военнослужащими медицинской службы как с работниками по совместительству.

### **Библиографический список**

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 октяб. 2004 г. – 9-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 64 с.
2. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс] :ЗаконРесп. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 100-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2020.
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 №296-3 [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь. - Режимдоступа:  
[http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900296#load\\_text\\_none\\_1\\_](http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900296#load_text_none_1_) Дата доступа: 10.10.2020.
4. Об утверждении Инструкции о порядке ведения трудовых книжек : Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 16июня 2014 г. № 40 [Электронный ресурс]// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2020.
5. О здравоохранении [Электронный ресурс] :ЗаконРесп. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XXI: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2020.

## **ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В XXI ВЕКЕ**

**Т.А. Постовалова**

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Социальное обеспечение и достойный труд являются необходимыми компонентами рыночной экономики, которые обеспечивают гарантированный доход. Социальное обеспечение также призвано оказывать важное положительное влияние на общество в целом, способствуя социальной сплоченности и общему чувству уверенности и безопасности.

Право человека на социальное обеспечение устанавливает, что создание универсальной и комплексной системы социального обеспечения с широким спектром социальных выплат для каждого человека является обязательным императивом для всех государств.

Выделяются несколько тенденций развития правового регулирования социального обеспечения.

1.Важнейшим направлением развития правового регулирования социального обеспечения является расширение круга лиц, которые охвачены

им. Можно выделить четыре основных способа расширения социальной защиты, такие как:

- увеличение круга лиц, которые подлежат обязательному социальному страхованию;

- продвижение микрострахования, чтобы охватить определенные группы в неформальной экономике;

- разработка универсальных схем, которые предусматривают финансирование из налогов социальных выплат и услуг;

- предоставление социальных выплат с проверкой нуждаемости.

Соответствующее сочетание различных методов зависит от национального контекста и от принятой национальной стратегии.

Растущее число работников с нестандартной занятостью, что часто связано с пробелами в охвате социальным обеспечением, было определено Международной организацией труда, как одна из основных проблем для систем социальной защиты на будущее [1, с. 185-228]. В рамках Европейского союза в целях улучшения социального обеспечения работников с нестандартной занятостью выработаны следующие рекомендации по совершенствованию законодательства:

- ввести минимальные уровни социальных пособий, чтобы обеспечить достойный уровень жизни этих работников;

- усилить консультирование, а также информационные и консультационные услуги, чтобы информировать этих работников об их трудовых правах и правах на социальное обеспечение, а также о возможностях обучения и возможных шагах к постоянной занятости;

- улучшить определенные правила систем социального обеспечения, чтобы позволить этим работникам создавать адекватные права на социальное обеспечение [2, с. 60].

2. Гендерное равенство в системах социального обеспечения является сложным вопросом, который включает проблему прямой и косвенной дискриминации по признаку пола.

Проблемы гендерного равенства часто возникают в правовом регулировании таких вопросов, как:

- пенсии по случаю потери кормильца;

- разделение пенсии при разводе;

- пенсионный возраст;

- стаж для назначения пенсии лицам, выполняющим обязанности по уходу;

- ставки взносов на накопительные пенсии, дифференцированные по признаку пола;

- отпуск родителям, пособия по уходу за ребенком и услуги по уходу за ребенком;

- пособие на ребенка.

Пенсии по случаю потери кормильца основаны на понятии иждивения. Они связывают право на пенсию со страховыми взносами, уплаченными

умершим супругом, они защищают против потери кормильца. Традиционно пенсии по случаю потери кормильца выплачивались только вдове и сиротам, а не вдовцу (если он не имел инвалидности и не был по этой причине зависим от жены). Эта дискриминация была отменена в системе социального обеспечения многих стран, включая США и большинство государств-членов Европейского союза. В многочисленных пенсионных системах женщины, не состоящие в законном браке, не имеют права на пенсию по случаю потери кормильца в случае смерти партнера. Однако в некоторых странах назначают пенсию по случаю потери кормильца при наличии доказательств наличия иждивения или совместного проживания, например, такие нормы предусмотрены в законодательстве Коста-Рики, Дании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Великобритании и Венесуэлы [3, с. 41].

Увеличение количества разводов имеет серьезные последствия для пенсионного обеспечения по старости разведенных женщин, особенно, если они во время брака не работали по найму и у них отсутствует страховой стаж. Если бывший муж женится повторно, то они могут потерять частично или полностью право на пенсию вдовы. Для решения этой проблемы пенсионные системы в разных странах ввели уточнение, известное как «разделение пенсий». Все пенсионные выплаты, заработанные обоими партнерами, когда они были в браке, суммируются, а затем делятся поровну между ними. Такая система существовала в схемах социального обеспечения Канады и Германии почти четверть века. Совсем недавно это было закреплено в законодательстве Ирландии и Швейцарии. Право на разделение пенсий при разводе стали распространять и на профессиональные пенсионные системы.

Во многих странах пенсионный возраст был до недавнего времени более низким для женщин, чем для мужчин. Такая разница объяснялась тем, что возраст для женщин ниже, чтобы компенсировать двойную нагрузку, которую они несли, работая по трудовому договору, а также выполняя большую часть работы по дому. Более низкий пенсионный возраст для женщин представляет собой формальную дискриминацию мужчины. В настоящее время законодатель склонен к установлению единого пенсионного возраста, как это уже существует в Канаде, Франции, Германии, Японии, США и многих других странах.

Многие женщины достигают пенсионного возраста с минимальным или даже нулевым стажем работы потому, что выполняли неоплачиваемую работу по уходу за детьми или больными родственниками или потому, что из-за своих обязанностей по уходу они могли участвовать только в малооплачиваемых формах занятости и приобретали право на пенсии в минимальном размере. Для решения этой проблемы многие страны ввели положения, согласно которым лица, осуществляющие уход за маленькими детьми или за другими лицами, неспособными заботиться о себе, получили право на стаж для назначения пенсии за рассматриваемый период, как если бы они работали и уплачивали взносы на социальное страхование. Среди стран с такими законодательными нормами находятся Германия, Норвегия, Швеция и Швейцария. Эти меры

способствуют гендерному равенству не только потому, что помогают обеспечить более надежный доход для многих женщин, которые уходят с работы, чтобы ухаживать за детьми, но также и потому, что они доступны мужчинам, которые присматривают за детьми, пока их жены продолжают свою трудовую деятельность. Другим подходом, который на практике больше способствует равенству на рынке труда является предоставление услуг по уходу за детьми.

Отпуск по уходу за ребенком и родительские пособия, которые заменяют потерянный заработок, вносят значительный вклад в достижение гендерного равенства, если они доступны матери или отцу или могут использоваться обоими.

Предоставление качественных и доступных социальных услуг по уходу за детьми также играет важную роль в продвижении гендерного равенства.

3. Устойчивое финансирование социального обеспечения и адекватность социальных выплат являются сложной проблемой, которая вызывает дискуссии, как среди юристов, так и экономистов.

Не будет преувеличением сказать, что устойчивость пенсионных систем является одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкиваются социальные государства и государственное финансирование в Европе. Впечатляющая сумма пенсионных расходов и тенденция к их дальнейшему увеличению из-за демографических изменений, связанных с увеличением продолжительности жизни, поместили, начиная с конца XX-го века, пенсии в центр дискуссий по долгосрочной бюджетной и экономической политике.

Вторым фактором, который может повлиять на устойчивость пенсионных систем, являются цифровизация и рост платформенной экономики («gig»). Включая роботизацию как компонент части феномена «цифровизации экономики», платформенная экономика изменяет рынки труда, таким образом, который угрожает подорвать основы институтов социального обеспечения [4]. Потенциал воздействия цифровизации может быть значительным не только для экономических условий, но и как ключевой элемент при разработке моделей пенсионного обеспечения. Эта проблема особенно актуальна для социального страхования по модели Бисмарка, учитывая ее зависимость от страховых взносов работодателей и работников в качестве основного источника финансирования.

Финансовая устойчивость и социальная адекватность пенсий и пособий по социальному обеспечению, вопреки идее о том, что они являются двумя сторонами одной и той же медали, имеют сложную зависимость с теоретической точки зрения и еще более сложны как вопрос политики [5, с. 33].

### **Библиографический список**

1. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. Geneva :International Labour Office, 2016.

2. Spasova S., Bouget D., Ghailani D., Vanhercke B. Access to social protection for people working on non-standard contracts and as self-employed in Europe: A Study of National Policies. Brussels : European Commission, 2017.
3. Social security: Issues, challenges and prospects. Geneva: International Labour Office, 2001.
4. Corujo S. The 'Gig' Economy and its Impact on Social Security // European Journal of Social Security . 2017. Volume 19, issue 4. P. 293–312
5. Treu T. Sustainable Social Security [Electronic resource] / Centre for the Study of European Labour Law "Massimo D'Antona" – Catania: University of Catania, 2018. – Mode of access: [http://aei.pitt.edu/100473/1/20181029-115831\\_Treu\\_n145-2018intpdf.pdf](http://aei.pitt.edu/100473/1/20181029-115831_Treu_n145-2018intpdf.pdf). – Date of access: 05.11.2020.

## **ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ОНЛАЙН РЕШЕНИЯ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

**А.А. Прибытко**

*ведущий юрисконсульт ЗАО «Севзапмонтажтоматика»*

С переходом торговли в онлайн пространство еще большую роль начинает играть защита прав потребителей. Удобство в расчетах и удешевление товаров (за счет уменьшения себестоимости) могут нести риск получить некачественный товар потребителями. Соответственно государству, как регулятору, необходимо создать такие условия, которые способствовали бы прогрессивному развитию бизнеса и защищали слабую сторону – потребителя.

Проблемным видится порядок решения споров в рассматриваемой сфере. Дела такого уровня всегда более сложные, поскольку бизнес и клиента разделяет огромное расстояние и, зачастую, разная правовая система. С другой стороны, необходимо дать однозначные гарантии клиенту для защиты его потенциальных прав, и, тем самым, не дать позволить продавцу прибегнуть к махинациям и обману. В-третьих, необходимо предотвратить потребительский экстремизм и обеспечить работу честному бизнесу в надлежащем русле. Не последним является задача снять потенциальную нагрузку с суда. Эти все вопросы порождает, казалось бы, простой переход торговли в интернет.

Для решения проблем необходимо воспользоваться определенным зарубежным опытом. Особое место занимает онлайн разрешение споров в США. Самым наглядным примером является Политика разрешения споров в области доменных имён (англ. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (UDRP)).

UDRP представляет собой глобальный процесс онлайн-урегулирования споров, который позволяет владельцам торговых марок эффективно бороться с киберсквоттингом. UDRP отличается от традиционной судебной процедуры быстротой, дешевизной и удобством для сторон [1]. Тем не менее, беспокойство вызывает то, что оценка решений комиссий часто показывает



отсутствие единодушия в интерпретации UDRP. Это может быть связано с отсутствием апелляционного контроля и работой комиссии, состоящих из членов множества юрисдикций.

До 2008 года ведущим поставщиком OPC (онлайн разрешение спора) для потребительского посредничества была SquareTrade (торговая площадка). Он был заключен с рядом торговых площадок, крупнейшим из которых был eBay. SquareTrade предлагает два уровня разрешения споров: помощь в переговорах и посредничество [3].

Преимущество рассмотрения большого количества споров состоит в том, что одни и те же вопросы возникают много раз, поэтому можно разделить споры на разные части.

Процесс SquareTrade начинается, когда покупатель или продавец подали жалобу. Если обе стороны пришли к единому решению, спор разрешен. Когда соглашение не достигнуто, стороны переходят к переговорам. Большинство споров решаются на первых двух этапах. В остальных случаях за номинальную плату может быть запрошен посредник, выступающий в качестве эксперта по оценке или который вносит сторонам предложения по урегулированию.

Следует отметить, что Служба разрешения споров (ResolutionServicesteam), пришедшая после 2008 года на eBay, использует многоплановый подход. Она также позволяет покупателям направить «уведомление о мошенничестве», которые анализируются Службой разрешения споров отдельно [2].

Отправной точной регулирования сферы защиты прав потребителей в ЕС является положение ч. 3 ст. 114 Договора о функционировании ЕС, согласно которому любые изменения в сфере защиты прав потребителей должны обеспечивать высокий уровень защиты. Правовые инструменты ЕС были специализированы преимущественно на вопросах контрактного права [4, с. 78].

Часть из них были инкорпорированы в CDR-Директиву о правах потребителей (The Consumer Rights Directive) — акт, объединивший The Doorstep Selling Directive, The Distance Selling Directive, The Consumer Sales Directive, The Unfair Contract Terms Directive.

Для унификации процедуры разрешения споров с участием потребителей на уровне ЕС приняты Регламент ODR и Директива ADR, а также Директива о Судебных запретах (theInjunctionsDirective), Директива о правовой помощи по трансграничным спорам (theLegalAidDirective), Регламент о взаимодействии по вопросам защиты прав потребителей (theConsumerProtectionCooperationRegulation) и Регламент о малых исках (theSmallClaimsRegulation).

К инструментам разрешения споров потребителей можно отнести: Платформа ODR бесплатный веб-инструмент для связи с трейдером; Европейские потребительские центры; Органы по разрешению споров; FIN-NET (помощь в споре против поставщика финансовых услуг в другой стране

ЕС); Национальные органы защиты прав потребителей; процедура мелких претензий, европейское платежное поручение, суд.

Через платформу ODR возможно связаться с трейдером, чтобы разрешить спор напрямую. Если переговоры прошли безрезультатно, то возможно обратиться в суд.

В Китае методами ОРС в основном занимаются не юристы, а инженеры. Яркий пример – торговая площадка Alibaba, где каждый месяц возникает свыше 8 миллионов споров, и ее создатели были вынуждены разработать соответствующую платформу ОРС, которую государство просто не в состоянии контролировать в связи с огромным объемом информации. Тем не менее, инженеры, создающие и улучшающие эту платформу, со временем обрели определенные юридические навыки, и достигли главной цели: у них не только быстрая торговая площадка, но и быстрая система ОРС. Вот почему медиатор в китайской системе ОРС становится оператором компьютерной системы, поскольку в 98 процентов случаев решение генерирует компьютер. То есть в Китае проблема ОРС решается путем оптимизации компьютерных процессов [5, с. 144].

В Беларуси проблема заключается в отсутствии как такового развитого внутреннего рынка онлайн покупок, значительная ретроградность населения по вопросам покупки по интернету, а также осуществление покупок в иностранных магазинах.

Защиту прав потребителя и контроль над соблюдением законодательства о защите таких прав осуществляют уполномоченные государственные органы. Также можно обратиться за помощью в общественное объединение потребителей. Подать жалобу в государственный орган или иную организацию можно онлайн (ч. 2 п. 1 ст. 25 Закона об обращениях граждан и юридических лиц).

Можно заявить, что существующее законодательство по защите прав потребителей при Интернет-торговле развито, по сравнению с зарубежными странами, в меньшей мере.

В Республики Беларусь видятся следующие основные проблемы:

Слабо развитый национальный рынок интернет продаж.

Низкий уровень доверия к интернет торговле.

Низкая правовая культура совместно с низкими судебными пошлинами толкают стороны на урегулирование конфликтов в суде.

Отсутствие заинтересованности бизнеса в создании платформ ОРС.

Также зачастую процессы с участием белорусского бизнеса и потребителя складываются в пользу последнего, что, наоборот, рождает покупательский экстремизм, и сам страх обращения потребителя в инстанцию понуждает продавца идти на встречу.

Самым разумным вариантом кажется создание площадки для урегулирования споров в Министерстве антимонопольного урегулирования и торговли. При внедрении такой площадки, первое время необходимо

предусмотреть обязанность сторон обращаться к ней в случае возникновения споров перед судом (аналог досудебного разбирательства). Помимо прочего профильные ведомства должны стать регулятором, что требует снять с них функцию принимать решения о санкциях до попытки переговоров.

Однако остается вопрос, какой опыт перенимать. Для Беларуси опыт США малоприменим. Даже понудив стороны к предварительной мировой процедуре, мы создадим эффект неиспользуемой нормы права: стороне проще довериться суду, нежели частной площадке. Плюс ручаться за честность такой площадки в условиях слабоконкурентного рынка не приходится. Идея ввести возвратные платежи ударит по бизнесу и породит еще больше потребительского экстремизма.

Опыт ЕС связан с попыткой унифицировать подход на огромном внутреннем рынке. Фактически принимаемые меры связаны с желанием не просто наладить защиту потребителя, но также позволить продавцу и бизнесу выходить на глобальный рынок ЕС.

Опыт же Китая по внедрению ОРС кажется наиболее интересен. С одной стороны, закрывается возможность для потребительского экстремизма через злоупотребление правом защиты контролирующими органами. С другой стороны, такая система не привязана к крупному рынку и спокойно может функционировать в условиях любого рынка и любого уровня запросов.

При внедрении автоматической системы, необходимо определить уровень критериев оценки тех или иных доказательств о нарушении потребительского права и защите сторон. При нынешнем процессуальном законодательстве, скорее существует презумпция виновности продавца, при недовольстве покупателя. Соответственно при автоматизации системы необходимо предусмотреть порядок предоставления товара, его целостности и качества. В развитых рыночных условиях таким критерием может работать некий рейтинг продавца и потребителя, при котором одна сторона будет стремиться предоставить максимально хороший товар, а другая соблюдать свой интерес в его правовых рамках. Другим вариантом будет разработка системы сертификации продавца.

Важным вопросом является защита отечественного потребителя на зарубежных рынках. Но вопрос возможно решить с применением международных договоров.

Подводя итог, можно предложить:

внедрить норму об ОРС в потребительских спорах;

создание автоматизированной площадки по ОРС;

создание конкурентной среды и отказ от существующей практики презумпции виновности продавца в деле защиты потребителя;

заключение международных договоров об обоюдной защите потребителя.

### **Библиографический список**

1. C. Rule. Online Dispute Resolution for Businesses: B2B, E-Commerce, Consumer, Employment, Insurance, and Other Commercial Conflicts. San Francisco: Jossey-Bass, 2002.
2. L. delDuca, C. Rule, K. Rimpfel. eBay de Facto Low Value High Volume Resolution Process: Lessons and Best Practices for ODR System Designers //6 Y.B. Arb. & Mediation. 2014.P. 204-217
3. O. Rabinovich-Einyu. Technology's Impact: The Quest for a New Paradigm for Accountability in Mediation //11 Harvard Negotiation Law Review 2006. P. 253-293
4. P. Cortés. Online Dispute Resolution for Consumers in the European Union (Routledge Research in Information Technology and E-Commerce Law): Routledge; 1st edition, 2010.
5. E. Katsh, O. Rabinovich-Einyu. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes: Oxford University Press; 1st edition, 2017.

## **МЕСТО ПОСЛЕДУЮЩЕГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**Ю.Х. Рапян**

*юрисконсульт ЧУП «СНАВ»*

Вступление в силу Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» от 24 октября 2016 года (далее – Закон) привело к значительному расширению полномочий судебного исполнителя в процедуре принудительного исполнения исполнительных документов. Указанные преобразования привели к сужению компетенции суда в исполнительном производстве. Однако, несмотря на принятие Закона, действующие процессуальные кодексы продолжают регулировать некоторые вопросы по принудительному исполнению. Согласно ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) в сферу регламентации гражданского процессуального законодательства входит порядок производства, связанного с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов (ранее в соответствии с этой статьей, ГПК регулировал порядок исполнительного производства). Обозначенные изменения вызвали необходимость переименования раздела IX ГПК в «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов». Раздел IV Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) регламентирует аналогичные правоотношения. В России производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов, появилось после принятия в 2002 году ГПК РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ и было признано учеными в качестве нового вида

производства, регулирующего процессуальные правоотношения, обязательным субъектом которых выступает суд [1, с.181-182].

Круг основных полномочий суда в исполнительном производстве установлен в ст. 459 ГПК и ст. 325 ХПК. Суды вправе решать и ряд других вопросов, напрямую связанных с исполнением: они принимают меры к обеспечению иска; обеспечивают исполнение решения, не обращенного к немедленному исполнению; изменяют способ и порядок исполнения решения (постановления) и т.д. Как видно, к компетенции суда в исполнительном производстве отнесены вопросы, нуждающиеся, в большинстве своем, в проведении судебного заседания для их разрешения [2, с. 313].

И.Н. Колядко отмечает, что не все, что закреплено в разделе IX ГПК и разделе IV ХПК следует относить к производству, связанному с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов. В частности, автор утверждает, что оспаривание принадлежности должнику имущества, на которое наложен арест, или имущества, включенного в акт описи, не следовало добавлять в названный раздел процессуальных кодексов [3, с. 298]. Данные споры являются предметом судебного контроля в исковом производстве, так же как и дела по жалобам на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, руководителя органа принудительного исполнения (далее – ОПИ) в рамках производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений (§ 9 гл. 29 ГПК), либо отдельного вида производства в ХПК (ст. 266<sup>3</sup>). В 2020 году раздел IX ГПК был дополнен процедурой выдачи исполнительных документов на основании медиативных соглашений (гл.35<sup>1</sup>). Полагаем, что и в дальнейшем соответствующие разделы ГПК и ХПК будут пополняться вопросами, носящими процессуальный характер.

В науке гражданского процессуального права судебный контроль принято разделять на предварительный и последующий. Первый из них проявляется в применении судом мер косвенного принуждения (абз. 9-10 ч. 4 ст. 60 Закона, п. 1-3 ч. 1 ст. 469 ГПК и п. 1-3 ч. 1 ст. 334 ХПК), санкционированием осмотров объектов недвижимости и т.д. [4, с. 3].

Последующий контроль выражается в деятельности суда по проверке законности и обоснованности актов и уже совершенных действий государственных органов, организаций, их должностных лиц. Такой контроль, в свою очередь, бывает двух видов: прямой (непосредственный) и косвенный.

Прямой судебный контроль осуществляется в случае реализации гражданином либо юридическим лицом права обращения в суд с жалобой на постановление, действие (бездействие) судебного исполнителя, его начальника по правилам производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Действующее законодательство к субъектам обжалования (опротестования) относит стороны исполнительного производства, иных лиц, чьи права и охраняемые законом интересы были ущемлены в ходе исполнения исполнительных документов, а также прокурора. Интересна позиция Н.Н. Никоновой о необходимости наделения судов, органов

опеки и попечительства, прокуроров полномочием по предъявлению исполнительного документа к исполнению в интересах несовершеннолетних и недееспособных [5, с. 57]. Целесообразно предоставить подобное право и общественным объединениям. Логическим продолжением предложенных изменений является расширение круга лиц, обладающих правом обжалования (опротестования) постановлений, действий (бездействия) судебного исполнителя и его руководителя, за счет упомянутых субъектов (кроме судов).

Для определения процедуры (гражданской процессуальной либо хозяйственной процессуальной), в соответствии с которой должен производиться контроль за правомерностью деятельности должностных лиц ОПИ, большое значение имеет правильное определение оснований принудительного исполнения. Современное законодательство об исполнительном производстве отказалось от употребления термина «основание исполнения». В общем виде в ст. 460 ГПК перечислены акты, на основании которых выдается исполнительный лист, схожим образом решен данный вопрос применительно к судебному приказу в ст. 326 ХПК.

Ввиду того, что основание исполнения в настоящее время является доктринальным понятием, а не нормативным, разграничение компетенции между судами в пределах единой судебной системы должно производиться исходя из общих положений процессуальных кодексов и с учетом содержания ст. 460 ГПК и ст. 326 ХПК.

Применительно к правилам территориальной подсудности жалоб на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, руководителя ОПИ в гражданском судопроизводстве, считаем, что закрепление исключительной подсудности по названным жалобам в ст. 48 ГПК является неоправданным, т.к. приведенная статья посвящена делам искового производства. Нормы о месте предъявления таких жалоб нужно оставить в ст. 360<sup>3</sup> ГПК и ст. 266<sup>3</sup> ХПК.

Поскольку, согласно ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь, гражданские права и обязанности могут возникать из актов органов государственной власти, постольку защита прав граждан и юридических лиц, нарушенных такими актами возможна путем обращения в суд с иском. При исполнении исполнительных документов возможно нарушение гражданских прав граждан и юридических лиц. По нашему мнению, наиболее распространенные иски из возможных (о признании торгов недействительными, о взыскании убытков, об освобождении имущества от ареста (исключении из акта описи)) должны быть указаны в Законе в качестве споров о праве гражданском. В подобных делах деятельность суда направлена, в первую очередь, на защиту нарушенного субъективного права, поэтому контроль за законностью и обоснованностью постановления судебного исполнителя, его руководителя именуется косвенным [6, с. 129].

Истцом по делу об освобождении имущества от ареста (исключении из акта описи) является собственник арестованного (описанного) имущества либо

лицо, которому такое имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (ч. 2 ст. 87 Закона, ч. 2 ст. 470 ГПК и ч. 2 ст. 335 ХПК).

Особый интерес представляет вопрос об ответчике по анализируемым делам. Процессуальные кодексы устанавливают, кто является ответчиком только в тех случаях, когда арест имущества был осуществлен для обеспечения конфискации, либо, если арестованное имущество уже реализовано (ч. 3 ст. 470 ГПК и ч. 3 ст. 335 ХПК). При этом ст. 87 Закона вовсе не содержит указаний на то, к кому предъявляются иски об освобождении имущества от ареста (исключения из акта описи).

К недостаткам ГПК и ХПК можно отнести то, что данные кодексы при наложении ареста на имущество для обеспечения конфискации к ответчикам относят должника и орган, который осуществил арест. Такая норма не совсем корректна, поскольку круг органов, являющихся взыскателями по исполнительным производствам, где взыскание производится в доход государства, определен в ч. 2 ст. 17 Закона (органы, ведущие административный процесс (кроме суда); налоговые, таможенные, финансовые органы).

Стоит обратиться к ч. 2 ст. 442 ГПК РФ, согласно которой, по общему правилу, должник и взыскатель выступают в роли ответчиков по изучаемым искам. В соответствии с российским процессуальным законодательством «по искам об освобождении имущества из-под ареста (исключение из акта описи) обязательно соучастие на стороне ответчика, вследствие чего непривлечение к участию в деле одной из сторон исполнительного производства в таком процессуальном качестве может служить основанием к отмене решения» [7, с. 233]. Аналогичный подход в определении состава сторон должен быть закреплён и в Беларуси.

Так как иски об освобождении имущества от ареста (исключении из акта описи) нельзя относить к производству, связанному с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов, следует исключить ст. 470 ГПК и ст. 335 ХПК. В то же время нужно дополнить ст. 87 Закона нормами, в которых бы указывалось на круг надлежащих ответчиков по исследуемой категории дел, пока рассматриваемый вопрос не будет подробно урегулирован с процессуальной точки зрения в едином Кодексе гражданского судопроизводства, как и ряд других наиболее распространенных исковых дел.

Процедура рассмотрения этих исков (по нормам ГПК либо ХПК) до принятия нового Кодекса должна зависеть от характера спора и субъектного состава участников процесса (лиц, участвующих в деле).

### **Библиографический список**

1. Треушников, М.К. Творческие поиски в науке гражданского процессуального права / М.К. Треушников. – М. : Издательский Дом «Городец», 2020. – 320 с.

2. Практикум по гражданскому процессу : учебное пособие / Т.А. Белова [и др.] ; под общ.ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко. – Минск :Амалфея, 2018. – 348 с.
3. Колядко, И.Н. О взаимосвязи исполнительного производства и судебного производства, связанного с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов / И.Н. Колядко // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития: материалы Междунар. науч.- практ. конф., Минск, 12-13 сент.2019 г. /ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) и др. – Минск: РИВШ. – 2019.– С. 297-300.
4. Алещенко, А.В. Судебный контроль в исполнительном производстве. Проблемные вопросы / А.В. Алещенко // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы международного круглого стола, 26 октября 2018 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф.гражданского процесса и трудового права ; [редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 3-7.
5. Никонова, Н.Н. О некоторых проблемах участия несовершеннолетнего в качестве стороны исполнительного производства / Н.Н. Никонова // Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних на современном этапе : материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 4 марта 2020 г. / редкол.: Т. С. Таранова (отв. ред.) [и др.]. – РИВШ, 2020.– С.55-58.
6. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / Т.А. Белова [и др.] ; под общ.ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. – Минск: :Амалфея, 2002. – 592 с.
7. Исполнительное производство : учебник / К.Л. Брановицкий[и др.] ; под общ.ред.проф. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2020. – 576 с.

## **ПРИМЕНЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**О.Н. Романова**

*заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В доктрине международного частного права и международного гражданского процесса одним из важных и сложных вопросов является вопрос о возможности (необходимости) применения судами иностранных процессуальных норм. В Республике Беларусь вопрос о применимом процессуальном праве при рассмотрении гражданских (экономических) дел, осложненных иностранным элементом решен в Гражданском процессуальном кодексе (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе (далее –



ХПК). В соответствии с ч. 1 ст. 542 ГПК судопроизводство по гражданским делам с участием иностранных граждан и юридических лиц в Республике Беларусь ведется по правилам ГПК, если иное не предусмотрено специальными законодательными актами или международным договором Республики Беларусь. ХПК, по сути, закрепляет аналогичное правило, устанавливая в ч. 1 ст. 242 ХПК, что дела с участием иностранных лиц рассматриваются экономическими судами по правилам, установленным ХПК, с учетом особенностей, предусмотренных гл. 27 ХПК. При этом, в качестве источника, где может быть установлено иное указаны международные договоры.

Несмотря на различие в формулировках ч. 1 ст. 242 ХПК и ч. 1 ст. 542 ГПК очевидно, что данные бланкетные нормы решают две принципиально разные задачи. С одной стороны, устанавливают, что нормы национального процессуального законодательства, регулирующие порядок рассмотрения и разрешения трансграничных дел не являются однородными: есть общие правила (они совпадают с правилами рассмотрения и разрешения дел, не осложненных иностранным элементом) и есть специальные правила, особенности, которые могут быть предусмотрены в различных источниках. Формулировку, используемую в ХПК в данном случае, следует признать гораздо более удачной. Вторая задача, решение которой заложено в анализируемых статьях касается проблемы *lex fori* – противопоставляются правила национального цивилистического процессуального права и иностранные процессуальные нормы. Первым, при этом, отдается безусловный приоритет. Отсылки к применению иностранного процессуального права содержатся в ГПК, ХПК и международных договорах. В частности, процессуальная дееспособность гражданина определяется законодательством того государства, гражданином которого он является (ч. 1 ст. 550 ГПК); процессуальная правоспособность юридического лица определяется по закону государства, на территории которого оно учреждено (ч. 2 ст. 550 ГПК); по иностранному законодательству решается вопрос, получило ли решение иностранного суда, об исполнении которого заявлено ходатайство, законную силу у себя на родине (п. 1 ч. 2 ст. 5 Приложения № 4 к ГПК, ч. 1 абз. 2 ст. 248 ХПК); во многих международных договорах допускается при исполнении иностранного судебного поручения применение судом по просьбе иностранного суда иностранной процессуальной формы, если это не противоречит законодательству или публичному порядку страны, где исполняется поручение (ст. 14 Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса (Гаага, 1 марта 1954 года), п. 1 ст. 8 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 года) и др.

Проблема определения применимого процессуального права является полиаспектной. Ее решение не может быть единым применительно ко всем видам трансграничных процессуальных отношений. Для целей настоящего исследования методологически правильным представляется разделение

трансграничных процессуальных отношений на две группы: отношения, связанные с оказанием международной правовой помощи в форме выполнения судебных поручений и отношения, возникающие в ходе рассмотрения и разрешения трансграничных дел (включая дела о признании и разрешении принудительного исполнения иностранных судебных решений). Основанием для такой классификации выступает, (кроме специфики процессуальных отношений, выступающих объектом регулирования) причина, по которой возникает потребность в применении иностранной процессуальной нормы.

При оказании правовой помощи в форме выполнения судебных поручений такой причиной выступает просьба (требование) суда иностранного государства. Так, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 9 Конвенции о получении доказательств за границей по гражданским или торговым делам (г. Гаага, 18 марта 1970 года) судебный орган при исполнении поручения применяет средства и процедуры в соответствии с законодательством своего государства. Однако по требованию запрашивающей стороны могут применяться специальные средства и процедуры, за исключением случаев, когда это противоречит внутреннему законодательству запрашиваемого государства или применение этих процедур невозможно по причине его внутренней практики и процедуры или в силу практических трудностей. Двусторонние договоры о правовой помощи, как правило, употребляют термин «*просьба*». Например, в ст. 11 Договора между Республикой Беларусь и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи по гражданским и экономическим делам (г. Каир, 15 января 2017 года) предусмотрено, что компетентный судебный орган осуществляет исполнение просьбы в соответствии с процессуальным законодательством своего государства. Однако такой судебный орган может исполнить просьбу с применением процедуры, указанной в просьбе, в случае, если такое исполнение не противоречит законодательству запрашиваемой Стороны. Аналогичные по сути формулировки содержатся и в других двусторонних договорах о правовой помощи.

С какой целью в международные договоры включены положения о применении иностранной процессуальной формы при выполнении судебных поручений и почему большинство государств признают, что в отсутствие международного договора применение иностранной процессуальной формы в данном случае диктуется соображениями международной вежливости (или взаимности)? Ответ на данный вопрос очевиден: процессуальные отношения, возникающие в связи с исполнением иностранного судебного поручения являются вспомогательными, носят производный от основного (в суде иностранного государства) правоотношения характер. Иностранный суд «заказывает» выполнение определенных процессуальных действий и его интерес в применении своей процессуальной формы априори понятен – повышение эффективности (с точки зрения иностранного суда) оказания правовой помощи. Отсюда и природа ограничения в применении иностранного процессуального права – «противоречие внутреннему законодательству»

запрашиваемого государства, которое нужно толковать, конечно, с точки зрения противоречия духу, а не букве законодательства.

Таким образом, в случае применения иностранного процессуального права в ходе выполнения иностранного судебного поручения очевидными являются основание для подобного применения (просьба иностранного суда) и цель (эффективность оказания правовой помощи). Что касается случаев применения иностранного процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских (экономических) дел, то следует признать, что какая-либо определенность в данном вопросе отсутствует. Те немногочисленные исключения, предусмотренные ГПК и ХПК, во-первых, имеют существенные недостатки, а, во-вторых, не соответствуют требованиям полноты правового регулирования (не отражают реальной, объективно обусловленной потребности в применении норм иностранного процессуального права). Например, уже довольно давно в доктрине анализируется проблема применимого права в области судебных доказательств, в частности, по вопросам допустимости доказательств и определения их доказательственной силы [1, с. 17; 2, с. 236]. Кроме того, судебная практика демонстрирует примеры применения иностранных процессуальных норм в иных случаях. Для примера вполне уместно, с нашей точки зрения, привести описанные в научной литературе дела, относящиеся к советскому (Украина) и постсоветскому (Туркменистан) периоду. Так, в мае 1960 г. народный суд Коростенского района УССР применил статью ГПК Польской Народной Республики - предупредил истцу об ответственности за дачу ложных показаний [3, с. 132]. Суд Туркменистана при рассмотрении спора между туркменской и российской фирмами применил основания для отложения судебного разбирательства, предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом РФ, сославшись на принцип взаимности (при рассмотрении в Арбитражном суде г. Москвы спора с участием туркменских фирм было проявлено уважение к религиозным обычаям мусульман: судебные заседания откладывались в связи с религиозными празднованиями в Туркменистане) [4, с. 49].

Таким образом, необходимость в применении норм иностранного процессуального права возникает в принципиально разных ситуациях - когда на процессуальные правоотношения по трансграничному делу объективно воздействует материальное право иностранного государства (в случае с правилами допустимости доказательств) и в ситуации, когда речь идет о «чистых» процессуальных правоотношениях, «свободных» от влияния (воздействия) материального права.

Иностранное процессуальное право (по общему правилу) должно применяться к тем элементам процессуальной формы, которые находятся под воздействием материальных правоотношений и не применяться (по общему правилу) к тем, которые обладают относительной самостоятельностью. Применение иностранной процессуальной формы в данном случае базируется на общем методологическом положении – процесс должен быть приспособлен

к материальному праву. Значительную сложность, при этом, представляет технико-юридическое оформление данного положения. В отношении же тех элементов процессуальной формы, которые не находятся под воздействием материальных правоотношений и, соответственно, обладают относительной самостоятельностью вопрос о применении иностранных процессуальных норм по трансграничным делам должен решаться иначе. Главным принципом применения иностранного процессуального права в этих случаях должно быть наличие прямых предписаний об этом в национальном законодательстве. При этом, основной проблемой мы видим не технико-юридическое оформление норм, закрепляющих возможность (или необходимость) применения иностранного процессуального права, а определение круга вопросов, требующих обращения к иностранному процессуальному праву. Кроме того, и применительно к первой группе процессуальных отношений (зависящих от модели материального правоотношения), и применительно ко второй, обладающей самостоятельностью, требуют теоретической разработки система принципов, на которых будет базироваться применение судами иностранных процессуальных норм, а также необходимые ограничения.

#### **Библиографический список**

1. Решетникова, И. В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.– практ. пособие / И.В. Решетникова. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010. – 510 с.
2. Медведев, И. Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции / И. Г. Медведев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 405 с.
3. Тилле, А.А. Время, пространство, закон / А.А. Тилле // М., 1965. – 203 с.
4. Нешатаева, Т.Н. Международный гражданский процесс: учеб. пособие / Нешатаева Т.Н., М.: Дело, 2001. – 504 с.

### **РОДИТЕЛЬСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ: ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУБЪЕКТЫ**

**Т. М. Русенчик**

*старший преподаватель кафедры гражданского права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Родительские правоотношения занимают одно из центральных мест в сфере регулирования семейных правоотношений. В действующем Кодексе о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 278-З (далее – КоБС) их регламентации посвящены главы VIII – XII.

Родительские правоотношения являются самостоятельным видом семейных отношений, специфика которых обусловлена особым элементарным составом, а также особенностями их возникновения, изменения и прекращения.

Субъектный состав является первым и ключевым моментом отграничения родительского правоотношения от других видов семейных отношений.

Субъекты родительского правоотношения известны – родители и ребенок (дети). Но дефиниции «родители», «мать», «отец», «ребенок», «дети» в КоБС отсутствуют. Анализ положений КоБС и Положения о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2005 года № 1454 (далее – Положение № 1454) не дает четкого представления об указанных понятиях и основаниях возникновения правовой связи между ними, не смотря на то, что перечисленные дефиниции достаточно часто встречаются и в первом, и во втором нормативном правовом акте.

Возникновение родительского правоотношения, т.е. установление фактических и юридических связей, законодатель связывает с установлением происхождения ребенка от конкретных родителей. В статье 50 КоБС закреплено одно из важнейших положений семейного права Республики Беларусь, которое состоит в том, что взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном порядке. Следовательно, правовая связь родителей и детей, как и правовой статус родителя возникает с момента внесения соответствующих сведений в запись акта о рождении, что подтверждается свидетельством о рождении.

С другой стороны в силу частей 2-4 ст. 50 КоБС взаимные права и обязанности между матерью и ребенком и между отцом, состоящим в браке с матерью ребенка, возникают уже с момента рождения ребенка. Не углубляясь в дискуссию об основаниях возникновения прав и обязанностей родителей и детей, считаем, что, таким образом, законодатель предпринял обоснованную, однако может быть, не совсем удачную, попытку разграничить юридические конструкции «мать», «отец» и «родители», момент возникновения правовой связи с ребенком у которых и объем правомочий не всегда совпадают.

В силу этого матерью следует считать женщину, выносившую и родившую ребенка, за исключением ребенка, рожденного суррогатной матерью, с момента рождения ребенка, удостоверенного медицинской справкой о рождении. Полагаем, что предложенное определение раскрывает специфику ординарного порядка установления материнства, в том числе с применением вспомогательных репродуктивных технологий, за исключением технологий суррогатного материнства. Так, в соответствии с частью 5 ст. 52 КоБС матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Отцом ребенка следует признавать мужчину, состоящего в браке с матерью ребенка, на момент

зачатия и (или) рождения ребенка, в том числе в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным. Таким образом, мать и отец уже с момента рождения ребенка могут как осуществлять фактические права и исполнять фактические обязанности (уход за ребенком, забота о его здоровье, защита его жизни), так и реализовать отдельные юридические права и обязанности в отношении ребенка (регистрация рождения, определение фамилии и имени ребенка, гражданства и места жительства ребенка). Следовательно, момент возникновения материнства (отцовства) и родительства у них не совпадают в полной мере. В то же время в силу части 4 ст. 50 КоБС и части 4 ст. 51 КоБС отцом ребенка, если отец и мать ребенка не состоят в браке, следует признавать мужчину, отцовство которого установлено на основании совместного заявления о регистрации установления отцовства или решения суда об установлении отцовства. То есть, в данном случае отец может осуществлять всю совокупность прав и обязанностей только после процедуры установления отцовства. В этом смысле, де-юре, момент отцовства и момент родительства для него совпадают. Однако, де-факто, при наличии согласия матери ребенка, отец может реализовывать отдельные фактические права и обязанности с момента рождения ребенка.

Следуя указанной логике, полагаем, что родителем (с точки зрения правового статуса) следует считать женщину (мать) и мужчину (отца), материнство или отцовство которых в отношении ребенка удостоверено в установленном законом порядке с момента внесения соответствующих сведений в записи актов гражданского состояния. Поскольку именно с этого момента у них возникает вся совокупность прав, в том числе право законного представительства ребенка, а также право на защиту прав и законных интересов ребенка в отношениях с любыми лицами и организациями, в том числе в судах (ст. 73 КоБС).

Категории «ребенок» и «дети», как субъекты родительского правоотношения, по сути, являются равнозначными понятиями, терминами, используемыми в единственном или во множественном числе.

Определение понятия «ребенок» раскрывается в ст. 1 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, согласно которой ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста. Напомним, что в КоБС такое понятие отсутствует, не смотря на то, что в ст. 179 КоБС формально определены возрастные границы. При этом законодатель использует гражданско-правовую терминологию «малолетний», «несовершеннолетний» и совсем не ясно, с какой целью акцентируется внимание на термине «подросток». А указанные возрастные границы не имеют особого значения для регулирования семейных правоотношений. В связи с этим положения ст. 179 КоБС требуют совершенствования.

Следует отметить, что национальное законодательство отдельных государств определило понятие «ребенок» в отраслевых кодексах. В частности, понятие ребенка сформулировано в ст. 54 Семейного кодекса Российской

Федерации, в соответствии с которой ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). В Кодексе Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», ребенок (дети) рассматривается как лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста (совершеннолетия) (ст. 1). Понятие и правовой статус ребенка закреплены в ст. 6 Семейного кодекса Украины, в соответствии с которой правовой статус ребенка имеет лицо до достижения им совершеннолетия. Как видно, подход законодателей указанных государств в определении дефиниции «ребенок» и в закреплении общих возрастных границ в целом схож.

Правоотношения между родителями и их детьми, которые не достигли совершеннолетия, в полном объеме регламентируются законодательством о браке и семье. Исключение составляют случаи признания несовершеннолетнего полностью дееспособным до достижения возраста восемнадцати лет, либо вступления им в брак до достижения брачного возраста (до совершеннолетия). В данных правоотношениях субъекты, должны именоваться как родители и ребенок (дети), без упоминания признака несовершеннолетия. В целом данное правило применимо именно к личным неимущественным правоотношениям родителей и детей, которые существуют с момента рождения и прекращаются в момент достижения ребенком совершеннолетия.

Таким образом, определение понятия «ребенок (дети)» позволит уточнить положения отдельных норм, регулирующих личные неимущественные отношения родителей и детей. На этом основании представляется целесообразным закрепить в КоБС понятие ребенка, с определением юридически значимых возрастных границ.

КоБС также регулирует отношения между родителями и детьми, которые достигли совершеннолетия. Такие отношения регулируются в случаях, прямо предусмотренных КоБС (ст. 76-1, ст. 88, ст. 91, ст. 99, ст. 100, ст. 102, ст. 103-4) и касаются имущественных (алиментных) прав и обязанностей. При этом, алиментные правоотношения могут возникать с участием как нетрудоспособных (например, ст. 88 КоБС), так и трудоспособных совершеннолетних детей (ст. 100 КоБС). В этом смысле указание «совершеннолетний нетрудоспособный» и «совершеннолетний трудоспособный» как специфические признаки субъекта, участвующего в правоотношении, должны быть сохранены.

Несмотря на то, что ст. 50 КоБС называется «Основания возникновения прав и обязанностей родителей и детей», буквальное толкование ее содержания позволяет сделать вывод о наличии единственного основания для возникновения взаимных прав и обязанностей родителей и детей, указанного в части 1 – это происхождение детей, удостоверенное в установленном порядке. Части 2-4 указанной статьи формально детализируют момент возникновения взаимных прав и обязанностей родителей и детей.

По нашему мнению, заслуживает внимания позиция российского законодателя, который сформулировал название ст. 47 Семейного кодекса

Российской Федерации как «Основание для возникновения прав и обязанностей родителей и детей». В этом отношении позиция белорусского законодателя требует корректировки, а название ст. 50 КоБС уточнения.

Как уже указывалось, возникновение родительского правоотношения основано на происхождении ребенка, удостоверенном в установленном законом порядке. При этом глава 8 КоБС, закрепляющая порядок установления материнства и отцовства, находится за пределами раздела 3 КоБС «Семья» и в настоящее время относится к разделу 2 «Брак». При этом, брак, зарегистрированный в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, и установление происхождения детей (т.е. порядок установления материнства и установления отцовства), являются основаниями для возникновения правоотношений с различным субъектным составом. В случае регистрации заключения брака в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, речь идет о возникновении супружеских правоотношений, в то время, как при регистрации рождения, установления материнства или отцовства возникает родительское правоотношение. Таким образом, раздел 2 КоБС объединяет разные правоотношения с точки зрения субъектного состава. В связи с этим место расположения главы 8 КоБС «Установление происхождения детей» вызывает обоснованное сомнение. Нам представляется, что существующее положение не соответствует теоретической классификации семейных правоотношений и нарушает систему построения норм КоБС.

С учётом изложенного:

Необходимо дифференцировать юридические понятия «мать», «отец» и «родители», поскольку момент возникновения правовой связи с ребенком и объем правомочий этих субъектов не всегда совпадает.

Определить в КоБС понятие «ребенок», для чего часть 1 ст. 179 КоБС изложить в следующей редакции «Ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)», части 2 и 3 статьи 179 КоБС исключить.

Изменить название статьи 50 КоБС, заменить слово «основания» словом «основание».

Главу 8 КоБС из раздела 2, переместить в раздел 3.



# **ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЛОГОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

**М. Н. Садчиков**

*доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права  
им. профессора Н.И. Химичевой  
Саратовской государственной юридической академии,  
кандидат юридических наук, доцент*

Формирование государственности – процесс относительно долгий. На карте мира не так часто появляются или исчезают новые государства. Однако интеграционные межгосударственные процессы проходят с определенной долей интенсивности.

В настоящей статье представлен краткий анализ влияния интеграционных процессов на налоговый суверенитет государства. Известно, что интеграционные процессы относятся к одним из предпосылок формирования международных налоговых правил. Так, отношения в империях между центром и колониями предполагали унифицированные законы, регулирующие экономическую деятельность и налогообложение. Актуальность задач может придать анализ интеграционных процессов, проходящих в Евразийском Экономическом Союзе.

Обращаясь к вопросу влияния интеграционных процессов на налоговый суверенитет государств-участников, представляется необходимым обозначить взгляд некоторых авторов на аналогичный вопрос общего характера, то есть государственный суверенитет в условиях интеграционных процессов. Наиболее обоснованным видится мнение О.М. Мещеряковой о том, что «наднациональность не может рассматриваться как некая независимая от государств власть. Наднациональность всегда служит интересам государств, т.к. именно они определяют цель и задачи интеграции, т.е. именно суверенитет создает наднациональность» [1, с. 10]. Анализ положений конституций государств-членов Европейского Союза позволил В.Е. Чиркину прийти к выводу о том, что «названные формулировки говорят о возможности, а не о свершившемся факте ограниченного суверенитета, ибо «ограниченного суверенитета» по самой концепции суверенитета, как она была принята государствами, не может существовать» [2, с. 10].

Некоторые исследователи трансформируют наднациональность в «коллективный суверенитет». Однако понятие «коллективный суверенитет» отличается по содержанию от государственного и определяется как «свойство интеграционного объединения, позволяющее ему вступать от имени государств-членов и в их интересах в договорные отношения с другими субъектами международного права в рамках полномочий, закрепленных в уставе объединения или договоре о его создании» [3, с. 14]. Думается, что понятие коллективного суверенитета сложно соотнести с понятием налогового

суверенитета. Однако, принадлежность государства к интеграционному образованию определяет некоторые особенности его прав в части установления и взимания обязательных платежей. Например, в рамках Таможенного Союза стороны согласовывают условия присоединения к ВТО. В.Г. Вишняков в отношении интеграционных образований отмечает, что понятия «суверенитет» государства и «передача» ряда полномочий государства межгосударственному объединению «находятся в разных плоскостях ... передача полномочий не нарушает суверенитета и международной правосубъектности стран – членов этого объединения» [4].

Договор о Евразийском экономическом союзе содержит Раздел XVII «Налоги и налогообложение», устанавливающий национальный режим, а также декларирование гармонизации налогообложения с тем, чтобы не нарушать условия конкуренции и не препятствовать свободному перемещению товаров, работ и услуг на национальном уровне или на уровне Союза.

В части косвенного налогообложения создание единой системы взимания налога на добавленную стоимость предусмотрено в Приложении № 18 к Договору. Примечательно, что данная система охватывает только операции, связанные с внешней торговлей, и не сближает налоговые системы в части иных элементов налогообложения. Гораздо значительно ограничивают налоговый суверенитет государств-членов меры по гармонизации (сближению) ставок акцизов по наиболее чувствительным подакцизным товарам.

В соответствии с Соглашением о принципах ведения налоговой политики в области акцизов на табачную продукцию государств-членов Евразийского экономического союза (заключено в г. Санкт-Петербурге 19.12.2019) государства-участники принимают меры, направленные на гармонизацию акцизов на табачную продукцию. Гармонизация акцизов предполагается посредством установления коридора колебания ставок относительно индикативной ставки. Примечательно, что Соглашение предусматривает гибкие инструменты гармонизации, учитывающие особенности экономической составляющей табачной промышленности и потребления табака. Так, среди прочих факторов гармонизация ставок акцизов на табачную продукцию проводится на основе принципов учета различий в размерах валового внутреннего продукта на душу населения государств-членов, располагаемых доходов населения государств-членов, доступности (в том числе ценовой) табачной продукции для населения государств-членов; учета планов социально-экономического развития государств-членов (в том числе их регионов) и некоторых других. Статья 9 Соглашения определяет влияние его содержания на налоговый суверенитет государств-членов. Однако положения статьи 9 Соглашения сужают понятие налогового суверенитета до интересов безопасности.

Статья 73 Договора о Евразийском экономическом союзе устанавливает национальный режим для налогообложения доходов физических лиц,

получаемых от работы по найму. Данное правило распространяется на налоговых резидентов государств-участников.

Таким образом, нормативные основы налоговой координации в Евразийском экономическом союзе не создают угрозу налоговому суверенитету государств-участников, но имеют определенную ценность, так как правила взимания налогов являются существенным фактором, определяющим развитие международной экономической деятельности и создание единого рынка.

### **Библиографический список**

1. Мещерякова, О.М. «Наднациональность в праве Европейского союза и проблемы суверенитета. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2010.
2. Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории) / В. Е. Чиркин. — М.: Норма: ИНФРА М. 2020.
3. Ефремова, Н.А. Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. –М., 2010.
4. Вишняков, В.Г. Правовые проблемы становления Евразийского экономического сообщества // Журнал российского права. – 2001. – №10.

## **К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

**Е.А. Салей**

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Очередное обращение к вопросам государственной регистрации юридических лиц имеет под собой объективные основания и субъективные причины. Объективно-обусловленная ре-актуальность прежде всего связана с активностью нормотворческих органов. В конце 2019 года на публичное обсуждение представлен проект Закона о государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [1], разработанный в соответствии с Планом подготовки законопроектов на 2019 год. Несколько ранее вопросы государственной регистрации юридических лиц прорабатывались в рамках деятельности рабочей группы по совершенствованию Гражданского кодекса Республики Беларусь [2]. Автор уже излагала свои суждения относительно государственной регистрации юридических лиц с акцентом на гражданско-правовой аспект данной проблематики [3]. Однако, помимо поставленных вопросов, ряд из которых приобрели новую окраску, встал вопрос о концептуальном направлении совершенствования законодательства о государственной регистрации

юридических лиц. Поддерживая в целом целесообразность оформления правового регулирования государственной регистрации в форме закона, под сомнение может быть поставлена целесообразность, во-первых, привязки закона именно к субъектам хозяйствования, во-вторых, объединения в одном законе вопросов, связанных с регистрацией и прекращением деятельности таких субъектов.

Еще в 2011 году по данным авторитетного международного издания Doing Business 2011 Республика Беларусь заняла 7 место среди вошедших в рейтинговую оценку 183 государств и 1 место среди стран-членов Содружества Независимых Государств по стартовой привлекательности условий открытия бизнеса (для сравнения: Кыргызская Республика – 14 место, Азербайджан – 15, Армения – 22, Казахстан – 47, Российская Федерация – 108, Украина – 118). Это в первую очередь было связано с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 года № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования». Причем обращаем внимание на то, что данным Декретом были утверждены два Положения: Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования, Положение о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, что было весьма обоснованно с доктринальной точки зрения и удобно с позиции правоприменения. Ранее действовавшее Положение о государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденное Декретом Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 года № 11, несмотря на многочисленные вносимые в него изменения, направленные на упрощение процедур государственной регистрации, устанавливало весьма длительную и затратную процедуру регистрации субъектов хозяйствования. В целях совершенствования такого порядка в качестве определяющего принципа государственной регистрации субъектов хозяйствования в Декрете Президента Республики Беларусь от 19 января 2009 года № 1 был закреплён заявительный принцип государственной регистрации (п. 2.1 Декрета). Для целей обеспечения благоприятных условий открытия и ведения бизнеса, повышения инвестиционной привлекательности Республики Беларусь практически в этот же период, а именно, 31 декабря 2010 года Президентом Республики Беларусь была подписана Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», направленная, в том числе, на дальнейшее упрощение административных процедур регистрации субъектов хозяйствования и обеспечение введения в качестве альтернативной возможности электронной государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе, посредством создания веб-портала Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (п. 1.4 Директивы). К настоящему времени эти задачи в полном объеме решены. Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 года № 7 «О развитии

предпринимательства» внесены очередные изменения в Положение о государственной регистрации, согласно которым для всех субъектов хозяйствования легализована возможность подачи документов в регистрирующий орган для государственной регистрации в электронном виде. Упрощение для учредителей прохождения процедуры создания юридического лица облегчено и допустимостью представления документов для государственной регистрации нотариусами. Как результат проводимой работы по совершенствованию процедур и законодательства в сфере государственной регистрации субъектов хозяйствования по данным Doing Business 2020 по критерию стартовой привлекательности открытия бизнеса Республика Беларусь удерживает достаточно высокую 30 рейтинговую позицию, опережая, в частности, Российскую Федерацию (40) и Кыргызскую Республику (42), уступая Республике Армения (10) и Республике Казахстан (22). Тем самым, даже из изложенного очевидно, что национальное законодательство в сфере государственной регистрации субъектов хозяйствования весьма либерально и конкурентно как в рамках ЕАЭС, так и в масштабах мировых экономик в целом.

В 2019 году, как указано выше, на публичное обсуждение представлен проект закона о государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [4]. Обратим внимание, что еще на момент обсуждения Плана законопроектной деятельности автором критической оценке подвергался собственно концептуальный подход привязки совершенствованию законодательства к субъектам хозяйствования, но тогда обсуждалась целесообразность оформления правового регулирования на уровне закона только государственной регистрации таких субъектов. Действительно, из всех государств-членов ЕАЭС только в Республике Беларусь нет закона, посвященного государственной регистрации юридических лиц, принятие которого было рекомендовано в рамках работы Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС еще в 2013 году [5]. Для создания единых правовых основ осуществления государственной регистрации всех юридических лиц оправдана, на наш взгляд, разработка единого Закона. Именно такой подход реализован во всех государствах-членах ЕАЭС. В частности, в Республике Казахстан единый Закон о государственной регистрации юридических лиц и учетной регистрации филиалов и представительств принят еще в 1995 году. В 2001 году принят Федеральный Закон Российской Федерации «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а также Закон Республики Армения «О государственной регистрации юридических лиц, государственном учете выделенных подразделений, учреждений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». В 2009 году Закон «О государственной регистрации юридических лиц, филиалов (представительств)» принят в Кыргызской Республике.

При этом в рамках такого единого Закона, не утяжеляя и не обременяя его самостоятельным блоком регулирования вопросов прекращения деятельности

юридических лиц, следует, на наш взгляд, обсуждать вопрос о восприятии для целей установления правил о государственной регистрации системообразующей классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, закрепленной в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Вместе с тем, такой подход, в отличие от предложенного в проекте, потребует и концептуального *содержательного* пересмотра, в первую очередь законодательства о некоммерческих юридических лицах.

### **Библиографический список**

1. Проект Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования // Режим доступа: [http://forumpravo.by/files/Proekt\\_Zakon\\_Gosregistracija\\_i\\_likvidacija.pdf](http://forumpravo.by/files/Proekt_Zakon_Gosregistracija_i_likvidacija.pdf).
2. Проект закона в внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь // Режим доступа: [http://forumpravo.by/files/nczpi\\_zakon\\_proekt\\_izmenenija\\_v\\_kodeksi.pdf](http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf).
3. Салей, Е.А. Государственная регистрация юридических лиц: гражданско-правовой аспект // Право и демократия. 2016. Вып. 27. С. 187–205. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/169568/1/187-205.pdf>.
4. Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» // Режим доступа: [http://forumpravo.by/files/Obosnovanie\\_proekt\\_Zakon\\_Gosregistracija\\_i\\_likvidacija.pdf](http://forumpravo.by/files/Obosnovanie_proekt_Zakon_Gosregistracija_i_likvidacija.pdf).
5. Рекомендации по гармонизации законодательства государств – членов ЕврАзЭС в сфере государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: приложение 3 к постановлению МПА ЕврАзЭС, 11 апреля 2013 г., № 15-9 // Режим доступа: <http://www.fhp.bsu.by/files/098.pdf>.

### **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕГЛАМЕНТАЦИЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

**Н.В. Самсонов**

*доцент кафедры гражданского процессуального права  
Ростовского филиала ФГБОУ ВО  
«Российский государственный университет правосудия»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Информационные (цифровые) технологии, бурно развивающиеся в современном мире, оказывают воздействие и на гражданское судопроизводство. Они облегчают доступ к правосудию для значительного числа граждан и организаций, что позволяет более эффективно реализовывать

цели правосудия в цивилистическом процессе. Возможности информационных (цифровых) технологий оказались особенно востребованы во время первого этапа пандемии COVID-19: на фоне введения жестких ограничительных мер только наличие у российских судов возможности проведения процессов с удалённым доступом в суд (как с помощью ВКС, так и он-лайн) позволило безопасно рассмотреть многие гражданские дела.

Тем не менее, цифровизация (информатизация) правосудия имеет и ряд минусов. Как абсолютно справедливо отмечено в российской процессуальной науке – в результате поспешной и непродуманной цифровизации возможны утечка личной, конфиденциальной информации лиц, участвующих в деле, получение несанкционированного доступа к материалам дела, подмена лиц, участвующих в электронном процессе. Цифровизация (информатизация) цивилистического процесса, появление «он-лайн правосудия» вызывает к жизни и новые риски, проистекающие из упрощения возможности фальсификации электронных доказательств, повышает вероятность подлога и искажения содержащейся в них информации. Всё это может стать препятствием для осуществления эффективной защиты прав и интересов лиц, чьи права нарушены или оспариваются [1; 2; 3, с. 214-218].

К сожалению, в современной России суды не всегда в состоянии заметить и надлежащим образом оценить такие злоупотребления. В качестве примера можно привести дело по иску О. к ИФНС Ленинского района г. Ростова-на-Дону<sup>8</sup> [4]. По нашему разумению, появление проблем, связанных с исследованием и оценкой судом электронных доказательств, в частности, таких, которые весьма выпукло обозначились в указанном деле, вызвано отсутствием в цивилистическом процессе четкой, подробной регламентации порядка исследования данного средства доказывания.

Процедура оценки электронных доказательств в российских процессуальных кодексах регламентирована фрагментарно. Качество регулирования, безусловно, несколько улучшилось после вступления в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»<sup>9</sup>, однако продолжает оставаться недостаточным и на настоящий момент, несмотря на попытки конкретизации, предпринятые в Постановлении Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»<sup>10</sup>, Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном

---

<sup>8</sup> См. Материалы дела № 2а-1563/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону.

<sup>9</sup> Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). ст. 3889.

<sup>10</sup> Российская газета. № 297. 2017.

виде, в том числе в форме электронного документа»<sup>11</sup> и Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 11.09.2017 № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»<sup>12</sup>.

Отсутствие надлежащей регламентации этой процедуры приводит к тому, что у некоторых судей возникают затруднения при исследовании электронных доказательств, которые исследуются в порядке, установленном для письменных доказательств и оцениваются без учета особенностей их происхождения.

Мы полагаем, что для минимизации негативных последствий, возникающих при использовании электронных доказательств, а также других отрицательных проявлений цифровизации в цивилистическом процессе, необходима выверенная, достаточно подробная регламентация таких элементов электронного правосудия, как обращение в суд в электронном виде, представление в суд электронных документов, использование технологически современных способов уведомления участников процесса о движении гражданских дел, проведение дистанционных судебных заседаний, а прежде всего, нужна тщательная регламентация процедуры проверки достоверности электронных документов и верификации информации, поступающей в суды в электронном виде.

Кроме того, давно назрела необходимость отказа от взгляда на доказательства, имеющие источником своего происхождения электронный документооборот, как на всего лишь одну из разновидностей письменных доказательств. Данные доказательства, на наш взгляд, следует рассматривать как самостоятельное средство доказывания, обладающее спецификой, подлежащей учёту при его исследовании и оценке.

К сожалению, в подготовленном 19.10.2020 г. Минюстом России и направленном на расширение возможностей применения информационных технологий в судопроизводстве, в том числе на урегулирование вопросов подачи в суд электронных документов, законопроекте «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» вопросы исследования электронных доказательств не затронуты.

Полагаем, следует разработать дополнительные критерии проверки достоверности электронных доказательств, прямо предусмотреть в процессуальном законодательстве обязанность суда, рассматривающего дело, выяснять обстоятельства, связанные с созданием электронных документов и иных цифровых доказательств, в том числе возможность регистрации электронных кабинетов посторонними лицами и возможность получения к ним

---

<sup>11</sup> Бюллетень актов по судебной системе. № 2. февраль. 2017.

<sup>12</sup> Бюллетень актов по судебной системе. № 10. октябрь. 2017.



несанкционированного доступа, особенно в тех случаях, если стороной об этом будет заявлено соответствующее ходатайство.

Это тем более необходимо, что ошибки в исследовании и оценке электронных доказательств зачастую искажают суть правосудия и не позволяют достигать главной цели гражданского процесса, которая состоит в защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и других лиц, цели, которая не может быть изменена (отменена) в результате применения цифровых (электронных) технологий.

### **Библиографический список**

1. Афанасьев, С.Ф. О праве на ложь в гражданском процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. – 2020. – № 1. – С 22 – 28.
2. Борисова, В.Ф. Реализация конституционного права на судебную защиту в аспекте применения электронных технологий // Администратор суда. – 2019. – № 2. – С. 9 – 12.
3. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. – Казань: Отечество, 2020. – 415 с.
4. Самсонов, Н.В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 40 – 54.

## **ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ДЕТЕЙ НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО-ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ**

**И.И. Семашко**

*старший преподаватель*

*УО «Барановичский государственный университет»*

Семья, являясь естественной и основной ячейкой общества, находится под защитой государства (ст. 3) [1]. Она представляет собой уникальный социальный институт, поскольку выполняет две самые важные функции – воспроизводство членов общества и их первичную социализацию [2, с. 254]. Через эти функции проявляется взаимосвязь семьи с обществом и государством. Основные направления государственной семейной политики Республики Беларусь [3], были приняты в целях обеспечения благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, выполнения ею экономической, репродуктивной и воспитательной функций, укрепления нравственных основ семьи и повышения ее престижа в обществе. На наш взгляд, перечисленные функции семьи являются для государства основными (приоритетными), причем две из них – экономическая и воспитательная – вменены семье в обязанность. С

одной стороны, государство и общество заинтересованы в «жизнеспособной» семье ради собственного благополучия [4, с. 8; 5, с. 137], с другой – сама семья нуждается в помощи общества и государства, в частности, в создании и поддержании условий его нормального функционирования» [6, с. 3]. Поэтому в случае ненадлежащего выполнения семьей своих функций, как правило, воспитательной, осуществляется защита прав и законных интересов детей. В этой связи рассмотрим отдельные аспекты признания детей находящимися в социально опасном положении (далее – СОП).

В психолого-педагогической литературе к категории семей, оказавшихся в СОП, относят: 1) неполные семьи, в том числе функционально неполные (то есть семьи, в которых двое родителей, но по различным причинам ее члены недостаточно времени уделяют вопросам семейного воспитания); 2) семьи, где отношения между родителями напряженные или подано заявление на развод; 3) семьи, в которых недавно умер один из родственников, и это обстоятельство в виде негативного последствия отражается на развитии личности и может способствовать депрессии [7, с. 167].

В законодательстве Республики Беларусь определяется содержание СОП, в котором находится не семья, а ребенок. В частности, согласно ст. 85<sup>1</sup> Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [1] и п.1 Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 (далее – Декрет № 18) [8] ребенок считается находящимся в СОП, если установлено, что, во-первых, родители (единственный родитель) ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на детей, во-вторых, являются хроническими алкоголиками или наркоманами, в-третьих, иным образом ненадлежаще выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию детей.

Белорусская исследовательница М.П. Короткевич справедливо отмечает, что все указанные основания, кроме случаев хронического алкоголизма или наркомании родителя, имеют оценочный характер. Тем самым законодатель возлагает на уполномоченные органы обязанность, исходя из конкретных жизненных обстоятельств, оценить насколько те или иные обстоятельства влияют на ребенка [9].

В то же время следует отметить, что названные основания детализируются в иных нормативных правовых актах. В частности, в соответствии с ч. 3 ст. 67 КоБС СОП признается обстановка, при которой:

- не удовлетворяются основные жизненные потребности ребенка (не обеспечиваются безопасность, надзор или уход за ребенком, потребности ребенка в пище, жилье, одежде, получении ребенком необходимой медицинской помощи, не создаются санитарно-гигиенические условия для жизни ребенка и т.д.);

- ребенок вследствие отсутствия надзора за его поведением и образом жизни совершает деяния, содержащие признаки административного правонарушения либо преступления;

– лица, принимающие участие в воспитании и содержании ребенка, ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, злоупотребляют своими правами и (или) жестоко обращаются с ним либо иным образом ненадлежаще выполняют обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, в связи с чем имеет место опасность для его жизни или здоровья.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 года № 200-3 (далее – Закон № 200-3) [10] несовершеннолетним, находящимся в СОП, признается лицо в возрасте до восемнадцати лет:

– которое находится в обстановке, при которой не удовлетворяются его основные жизненные потребности;

– вследствие беспризорности или безнадзорности совершает правонарушения;

– родители, опекуны или попечители которого ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на указанное лицо,

– родители, опекуны или попечители которого злоупотребляют своими правами и (или) жестоко обращаются с ним;

– родители, опекуны или попечители которого иным образом ненадлежаще исполняют обязанности по воспитанию и содержанию указанного лица, в связи с чем имеет место опасность для его жизни или здоровья.

Из анализа оснований признания ребенка находящимся в СОП, зафиксированных в КоБС и Законе № 200-3, следует, что они практически идентичны и более детально и системно изложены в ч. 3 ст. 67 КоБС.

Кроме этого, постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 28.07.2004 года № 47 (далее – постановление № 47) [11] были утверждены критерии и показатели СОП несовершеннолетнего, а также определялось, что решение о признании несовершеннолетнего находящимся в СОП принимается педагогическим советом или советом учреждения образования по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (п. 21).

С 1 февраля 2019 года вступило в силу постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.01.2019 года № 22 (далее – постановление № 22) [12], которым утверждено Положение о порядке признания детей находящимися в СОП (далее – Положение), а также критерии и показатели СОП. Критерии в постановлении № 22 упорядочены и в большей степени, нежели критерии в постановлении № 47, соответствуют основаниям признания ребенка находящимся в СОП, закрепленным в ч. 3 ст. 67 КоБС.

В соответствии с п. 15 Положения решения о признании несовершеннолетних находящихся в СОП принимают координационные советы, функционирующие при местных исполнительных и распорядительных органах. Координационный совет является межведомственным постоянно действующим коллегиальным органом, формируемым из представителей государственных органов, иных организаций, ответственных за реализацию Декрета № 18. В Республике Беларусь в 2018 году было признано детей

находящимися в социально опасном положении – 24961, в 2019 году – 11651 [13, с. 13].

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить следующее.

Во-первых, признание ребенка находящимся в СОП является:

– доказательством, как правило, его ненадлежащего воспитания, а также состояния семьи в СОП;

– основанием оказания государством (в лице соответствующих государственных органов и организаций) помощи семье в реализации ею воспитательной функции. Так, предлагается ввести институт административной опеки над семьей [14, с. 179–181].

Во-вторых, основания признания ребенка находящимся в СОП детально и системно изложены в ч. 3 ст. 67 КоБС. Поэтому в целях определения единых оснований признания ребенка находящимся в СОП предлагаем в Закон № 200-3 включить норму о том, что несовершеннолетний считается находящимся в СОП в соответствии с положениями КоБС.

В-третьих, критерии СОП в Постановлении № 22 соответствуют указанным в ч. 3 ст. 67 КоБС основаниям признания ребенка находящимся в СОП.

В-четвертых, возложение на координационные советы при местных исполнительных и распорядительных органах функций по принятию решений о признании несовершеннолетних находящимися в СОП свидетельствует о расширении границ административно-правового регулирования семейных отношений (особенно в части воспитания детей).

### **Библиографический список**

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля. 1999 г., № 278-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Бабосов, Е. М. Общая социология. Минск: ТетраСистемс, 2010.
3. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 46 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Тихиня, В. Г. Введение // Семья и закон. – Минск : Право и экономика, 2007.
5. Пуляев, В. Т. Размышления о семье российской // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 6. – С. 128–147.
6. Пьянов, А. И. Трансформация институциональных функций российской семьи в переходный период : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04. – Ставрополь, 2003.
7. Ананич, В. А., Свило, С. М. Содержание и элементы работы с семьей, оказавшейся в социально опасном положении // Право/бу. – 2008. – № 1. – С. 167–171.

8. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Короткевич, М. П. Обеспечение благоприятных условий для рождения и воспитания детей нормами законодательства Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] // Ребенок и правосудие: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 13 декабря 2018 г. – М.: АППП, 2018. – С. 82–92. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/237032>. – Дата доступа: 02.03.2020.

10. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. Об утверждении Инструкции о порядке выявления несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите [Электронный ресурс]: постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 28 июля 2004 г., № 47 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. О признании детей находящимися в социально опасном положении [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 янв. 2019 г., № 22 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Исаенок, С. Право на детство // Беларусь сегодня. – 2020. – 2 июня. С. 12–13.

14. Костюченко, Д. Д. Административная опека над несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении // Государство и право в условиях глобализации : материалы Междунар. научн. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 1 ноябр. 2019 г. – Минск : БГУ, 2020. – С. 179–181.

## **СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**М.В. Степанов**

*начальник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права  
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»,  
кандидат юридических наук, доцент*

**В.О. Сидельников**

*адъюнкт Нижегородской академии МВД России*

Человеческое общество невозможно представить без денег. Деньги – специфический товар максимальной ликвидности, который является универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг. Развитие денег неразрывно связано с развитием всей человеческой цивилизации. Товары, продукты, оружие, монеты различных видов от костяных до золотых, бумажные банкноты – это только малая часть того, что было и до сих пор используется в качестве денег.

Глобализация, рост денежных рынков, всеобщая компьютеризация и развитие IT-технологий повлекли за собой появление в обществе большого количества дополнительных институтов, финансовых инструментов и новых форм взаимодействия между людьми. С развитием компьютерных технологий и сетей связи мир вступил в эпоху цифровых валют. Монеты и банкноты постепенно заменяются пластиковыми платежными картами, а в сети «Интернет» работает множество платежных систем, изначально созданных только для электронных платежей, таких как «PayPal», «WebMoney», «Яндекс.Деньги» и других.

В настоящее время, цифровые валюты не выпускаются национальными центральными банками, но платёжные операции с ними совершаются и кластер использования рассматриваемого платёжного средства растёт в геометрической прогрессии, контроль за которым с каждым днём осуществить всё сложнее.

С увеличением масштаба распространения цифровых валют и ростом киберпреступности в мире, приобретает большую актуальность исследование практики регулирования данного вопроса, в первую очередь, международным законодательством, а именно вопроса законотворческой инициативы, заключающейся в определении правовой природы цифровых валют.

В настоящее время в России проблема легализации криптовалюты носит крайне актуальный характер. На протяжении последних лет предпринимаются попытки в рамках законодательного регулирования данной сферы.

Рассматривая конкретные промежутки времени следует упомянуть решение в 2015 году признать криптовалюту Bitcoin денежным суррогатом, а также запретить ее, а тех лиц, которые будут застигнуты в использовании данного виртуальной валюты привлекать к административной и уголовной

ответственности. Отметим, что позиция Министерства финансов неоднократно критиковалась.

2016 год в рамках регулирования индустрии криптовалют ознаменовался созданием при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рабочей группы, целью которой являлась разработка единой согласованной позиции относительно оборота криптовалюты и подготовке проекта регламентирующего закона.

9 мая 2017 года Указом Президента Российской Федерации № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы [1, ст. 2901] и основываясь на данном Указе был учрежден Международный Комитет цифровой экономики – платформа разработки и внедрения проектов цифровой экономики, международное экспертное сообщество, проект поддержки Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», что дало определенный толчок в еще более глубоком осмыслении и подготовке нормативно-правовой базы для сферы криптовалют. Не смотря на это Банка России Эльвира Набиуллина заявила о том, что легализация криптовалют как платежного средства осуществлено не будет, объясняя это тем, что криптовалюты – это частные цифровые деньги.

11 октября 2017 года Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил Правительству Российской Федерации и Банку России до 1 июля 2018 года обеспечить внесение изменений в российское законодательство. Такие поправки должны были регулировать порядок налогообложения и регистрацию компаний, занимающихся добычей криптовалюты (майнингом).

Отметим, что 1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Указанный нормативный правовой акт закрепил нормы, являющиеся основой регулирования экономических отношений в сфере криптовалют, которые ознаменованы включением в закон такого понятия как «цифровые права».

Так, в соответствии с новой редакцией статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) цифровые права отнесены к объектам гражданских прав наряду с вещами и безналичными денежными средствами. Примечательно, что законодатель отнес цифровые права к имуществу, рассмотрев их в качестве имущественных прав. Также отмечено, что цифровые права не могут относиться к безналичным денежным средствам, тем самым не являясь законным средством платежа.

Так, в связи с последними изменениями, к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

Отметим, что законодатель на стадиях обсуждения и принятия изменений в ГК РФ не рассматривал криптовалюту как платежное средство. Первоначально в законопроекте содержалось понятие цифровых денег, под

которыми понималась «не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей». Само определение цифровых прав отсылает нас к Федеральному закону от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2, ст. 4418] (начало действия редакции – 1 января 2020 года), в котором данные права раскрыты более подробно.

Интересно, что специалисты отнесли к недостатку изъятие из законопроекта Федерального закона № 34-ФЗ понятия «цифровые деньги», поскольку это может создавать ситуацию невозможности дальнейшего развития российской криптоиндустрии и использования криптовалюты в так называемой нелегальной зоне.

Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по финансовому рынку А.Г. Аксаков отметил, что подготовлен ряд проектов предложений, которые соответствуют требованиям FATF и вносят ясность в понимание терминологии криптовалюты и ее взаимодействия с российским законодательством. Данное высказывание ознаменовывается тем, что ранее FATF рекомендовала детально изучить законодательный подход Российской Федерации к криптовалюте, ее понятию, роли и процессах регулирования.

Отметим, что в уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение имущественных отношений, связанных с оборотом криптовалюты.

Таким образом, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации опубликовала Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Модернизированный законопроект предусматривает процедуру выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов, а также цифровых валют, особенности деятельности оператора информационной системы и оператора обмена, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов и цифровых валют, в частности.

Также следует отметить, что Банк России, в чьи цели входит развитие национальной платежной системы, изучает возможности выпуска цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ, central bank digital currency, CBDC) — цифрового рубля. Дополнительная форма российской национальной валюты, которая будет эмитироваться Банком России в цифровом виде также даёт почву для развития преступности в данном направлении.

На основании изложенного можно судить о необходимости совершенствования уже существующих и создания новых норм,



устанавливающих ответственность за преступные деяния, сопряженные с использованием криптовалют в преступной деятельности, выработки единых подходов к правовой оценке подобного рода посягательств и модернизации мер противодействия им.

### **Библиографический список**

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – ст. 2901.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – ст. 4418.

## **ДИСКУССИЯ О МЕСТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ<sup>13</sup>**

**К. В. Синкевич**

*преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

В современном мире технический прогресс существенно опережает социальное, и в частности, правовое регулирование [1, с. 9]. В условиях цифровой экономики и информационного общества исследователями признается необходимость нового взгляда на правовые институты, в том числе и институты гражданского права, их последовательной адаптации к новым реалиям [2, с. 130]. Вместе с тем, следует признать, что гражданское законодательство не является механическим отражением состояния цифровой экономики. В тех случаях, когда объективно требуется изменение нормативных предписаний, недопустимо, чтобы подобные новеллы просто прибавлялись к существующим положениям без учета общей системы гражданского права [3, с. 98–99].

В контексте проблематики гражданско-правовых аспектов защиты персональных данных дискуссионным является вопрос отнесения персональных данных к объектам гражданских прав, а именно – к нематериальным благам. В научной литературе обозначенная проблематика затрагивалась в работах таких исследователей как У.А. Меликов [4], В.В. Архипов [5], Ш.Х. Заман [6], К.А. Мефодьева [7] и др.

Представляется необходимым при ответе на вопрос о возможности отнесения персональных данных к числу нематериальных благ, проанализировать понятие и сущность указанного правового явления и определить с тем, обладают ли персональные данные всеми сущностными характеристиками нематериальных благ.

---

<sup>13</sup>Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-080.

По мнению Н.В. Валушко-Орса, с учетом международного опыта под персональными данными следует понимать зафиксированную на материальном носителе информацию о конкретном физическом лице, которая идентифицирована или может быть идентифицирована с ним [8, с. 19].

В Республике Беларусь отсутствует комплексный нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы сбора, обработки, распространения и предоставления персональных данных, что порождает ряд проблем концептуального и прикладного характера. В частности, в законодательстве не сформирован единый подход к определению понятия «персональные данные», что, как подчеркивают исследователи, вызывает проблемы с пониманием этого правового явления и его сущности [9, с. 16].

В проекте Закона Республики Беларусь «О персональных данных» [10] предлагается следующее определение персональных данных: «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано на основании такой информации» (ст. 1).

В научной литературе исследователи акцентируют внимание на следующих отличительных признаках исследуемого правового понятия: персональные данные являются информацией; информация относится прямо или косвенно к физическому лицу; цель использования персональных данных – возможность идентифицировать определенного субъекта; правовым статусом персональных данных обладает информация, зафиксированная на определенном носителе [11]. Таким образом, несмотря на неисчерпывающий перечень информации, которая может быть отнесена к категории персональных данных, ее основной квалифицирующий признак заключается в возможности идентифицировать соответствующего субъекта.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З (далее – ГК) воспринята концепция множественности объектов гражданских правоотношений. Нематериальные блага, согласно ст. 128 ГК, названы в числе объектов гражданских прав.

В доктрине гражданского права отмечаются следующие сущностные особенности нематериальных благ: во-первых, они лишены экономического содержания и являются неимущественными и, во-вторых, неразрывно связаны с личностью их носителя и неотделимы от нее. Их невозможно отчуждать, передавать другим лицам [12].

Т.В. Трофимова выделяет следующую совокупность признаков, присущих нематериальным благам: 1. для возникновения прав на нематериальные блага не требуется дополнительных юридических фактов, они возникают в силу определенных событий, основным из которых является факт рождения; 2. нематериальные блага не подлежат восстановлению в случае их нарушения; 3. неотчуждаемы и непередаваемы иным способом; 4. характеризуются отсутствием имущественного содержания; 5. принадлежат физическим лицам; 6. имеют личный характер. На основании указанных признаков Т.В. Трофимова

предлагает следующее определение нематериальных благ: «нематериальное благо – не имеющий имущественного содержания, неотчуждаемый и непередаваемый иным способом объект гражданского права, принадлежащий, как правило, физическому лицу от рождения или в силу закона, имеющий строго личную направленность и характеризующийся невозможностью его восстановления в случае нарушения» [13, с. 9].

В.В. Архипов, основываясь на совокупности признаков нематериальных благ, выделенных Т.В. Трофимовой, полагает, что с учетом сопоставления признаков указанного объекта гражданских прав, как они известны цивилистике, «концепция персональных данных как вида нематериальных благ представляется заслуживающей если не немедленного признания, то по меньшей мере внимательного изучения» [5].

Относит персональные данные к числу нематериальных благ Ш.Х. Заман, по мнению которого, «персональные данные, как особого рода информация, соответствуют критериям, позволяющим их отнести к числу нематериальных благ». Включение персональных данных в перечень нематериальных благ, считает ученый, будет способствовать их более эффективной защите [6, с. 9].

Применительно к анализу белорусского законодательства, М.С. Абламейко полагает, что ГК не содержит дефиницию понятия «персональные данные», однако в ст. 151 к нематериальным благам относит отдельные виды персональных данных (личная и семейная тайна) [9, с. 17].

Данная позиция представляется спорной. Такие неотделимые от личности блага, как личная и семейная тайна, подлежат гражданско-правовой защите не в качестве разновидности персональных данных, а как самостоятельный объект определенной группы личных неимущественных прав. В соответствии с общепризнанным классификационным критерием – направленность личных неимущественных прав на соответствующую сферу, обеспечивающую интересы их носителей [12] – личная и семейная тайна являются объектом личных неимущественных прав, направленных на неприкосновенность частной жизни личности, его внутреннего мира. Кроме того, информация, составляющая личную и семейную тайну, не всегда позволяет идентифицировать соответствующего субъекта, что является необходимой предпосылкой квалификации тех или иных сведений в качестве персональных данных.

Критически относится к возможности квалификации персональных данных в качестве нематериальных благ К.А. Мефодьева ввиду отсутствия у персональных данных признака неотчуждаемости, присущего нематериальным благам. Автор подчеркивает, что персональные данные фактически участвуют в экономическом обороте, передаются в качестве встречного предоставления в двусторонних и многосторонних обязательствах. Пользовательские соглашения (использование веб-сайта, мобильного приложения, онлайн сервиса) не позволяют пользоваться сервисами до тех пор, пока пользователь не даст согласие на обработку персональных данных [7, с. 173–174].

С развитием цифровых технологий появляются новые разновидности персональных данных. Например, российские суды придерживаются подхода, согласно которому к информации, позволяющей прямо или косвенно идентифицировать пользователя как определенное физическое лицо, относятся следующие сведения: Хэш-ID Пользователя; время просмотра web-страницы; URL; HTTP referer; User Agent; HTTP Cookie [14].

Таким образом, применительно к характеристике персональных данных, полагаем, что с точки зрения неотъемлемости, неотчуждаемости – признаков, имманентно присущих нематериальным благам, – отсутствуют достаточные основания для квалификации персональных данных в качестве самодостаточного личного нематериального блага.

Среди белорусских исследователей высказано мнение, что становление института персональных данных тесно связано с развитием конституционных прав и свобод человека, в частности, с правом на неприкосновенность личной (частной) жизни. Понятие «персональные данные» подразумевает информацию о личной (частной) жизни физического лица. Н.В. Валюшко-Орса полагает, что своего рода продолжением ст. 28 Конституции Республики Беларусь является ч. 1 ст. 18 «Информация о частной жизни физического лица и персональные данные» Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», согласно которой никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных [8, с. 18].

Следует обратить внимание, что как содержание ст. 18 упомянутого закона, так и ее наименование, позволяет сделать вывод, что белорусский законодатель рассматривает понятия «информация о частной жизни» и «персональные данные» в качестве имеющих самостоятельное значение. Вместе с тем, согласно позиции Конституционного суда Республики Беларусь [15], «необходимость защиты персональных данных основывается также на международных обязательствах Республики Беларусь в сфере соблюдения одного из фундаментальных прав человека и гражданина – права на защиту частной жизни, закрепленного в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах». Таким образом, полагаем, согласно позиции Конституционного суда Республики Беларусь, право на защиту персональных данных следует из права на неприкосновенность частной жизни.

Конституционные нормы (в частности, ст. 28 Конституции Республики Беларусь) о гарантировании прав и свобод личности находят развитие в положениях ГК. Согласно п. 2 ст. 1 ГК, отношения, связанные с осуществлением и защитой неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ (личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными), регулируются гражданским законодательством, поскольку иное не вытекает из существа этих отношений. Право каждого на

неприкосновенность частной жизни относится к личным неимущественным правам согласно п. 1 ст. 151 ГК.

В условиях существующего правового регулирования, представляется, что ст. 151 ГК, содержащая общие положения о нематериальных благах, подлежащих гражданско-правовой защите (в том числе, неприкосновенность частной жизни), не исключает возможность обращения за судебной защитой и в случаях нарушения прав гражданина, обусловленных неправомерным использованием персональных данных. Посягающими на неприкосновенность сферы частной жизни граждан в данном случае можно рассматривать деяния (действия или бездействия) оператора персональных данных, совершенные в нарушение императивных требований законодательства, предъявляемых к процессам сбора, обработки, распространения и предоставления персональных данных.

### **Библиографический список**

1. Мирошниченко, О. И., Проскурина, Д. С. Государственный суверенитет: дифференциация категории в условиях киберреалий / О. И. Мирошниченко, Д. С. Проскурина // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. – 2018. – № 3. – С. 9–20.

2. Мамычев, А. Ю., Мирошниченко, О. И. Моделируя будущее права: проблемы и противоречия правовой политики в сфере нормативного регулирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий / А. Ю. Мамычев, О. И. Мирошниченко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 20. – С. 125–133.

3. Иншакова, А. О. Гражданское право в условиях цифровой экономики: анализ доктринальных тенденций адаптации / О. А. Иншакова, А. Я. Рыженков // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире : сб. ст. Международного научного юридического форума памяти профессора В. К. Пучинского. Москва : 18 октября 2019 г. / под ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. – М. : РУДН, – 2019. – С. 98–108.

4. Меликов, У. А. Гражданско-правовая защита персональных данных / У. А. Меликов // Вестн. УрФО. Безопасность в информ. сфере. – 2015. – № 4. – С. 49–53.

5. Архипов, В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория [Электронный ресурс] / В. В. Архипов // ЮрФак : изучение права онлайн. – Режим доступа: <https://urfac.ru/?p=144>. – Дата доступа: 17.10.2020.

6. Заман, Ш. Х. Гражданско-правовой статус физических лиц в Германии, Италии, Франции и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ш. Х. Заман. – М., 2009. – 204 с.

7. Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. А. Мефодьева. – М., 2019. – 228 л.

8. Валюшко-Орса, Н. В. Сущностно-содержательные аспекты персональных данных в Республике Беларусь / Н. В. Валюшко-Орса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2017. – № 2. – С. 17–23.

9. Абламейко, М. С. Правовое регулирование персональных данных с учетом введения ID-карт и биометрических паспортов / М. С. Абламейко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2018. – № 1. – С. 14–20.

10. О персональных данных [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3941&p0=2019023001>. – Дата доступа: 17.10.2020.

11. Платонова, Н. И. Современный подход к пониманию персональных данных / Н. И. Платонова // Право и современ. государства. – 2017. – № 5. – С. 9–16.

12. Гражданское право [Электронный ресурс] : учебник : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1 / А. В. Каравай [и др.]. – Режим доступа: [https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/208618/1/Учебник по ГП.pdf](https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/208618/1/Учебник%20по%20ГП.pdf). – Дата доступа: 17.10.2020.

13. Трофимова, Т. В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Трофимова. – Волгоград, 2004. – 198 с.

14. Постановление от 1 июля 2016 г. по делу № А56-6698/2016. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд (13 ААС) [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/J8ihyq5cYyo1/>. – Дата доступа: 17.10.2020.

15. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О регистре населения» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 21 нояб. 2013 г., № Р-855/2013 // Конституционный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-32763>. – Дата доступа: 17.10.2020.

## **РАСШИРЕНИЕ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ СУДАМ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Е.В. Синюк**

*преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Суды в порядке гражданского судопроизводства рассматривают дела, возникающие из административных и иных публичных отношений, которые можно объединить в две группы:

1) дела, связанные с осуществлением последующего судебного контроля, об оспаривании ограничения прав частных субъектов, возникшего в связи с осуществлением уполномоченным лицом публичных функций;

2) дела, связанные с осуществлением предварительного судебного контроля, об ограничении прав по публично-правовым основаниям.

В настоящее время дела первой группы рассматриваются в порядке производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, второй группы – в порядке искового и особого производства [1, с. 125]. Помимо необходимости объединения всех дел публично-правового характера и выбора единого средства защиты – административного иска [2, с. 33], [1, с. 128], следует также обратить внимание на совершенствование перечня дел, рассмотрение и разрешение которых будет отнесено к ведению суда в порядке гражданского судопроизводства.

В российской научной литературе встречается мнение о необходимости рассмотрения в рамках административного судопроизводства служебных споров [3, с. 328], [4, с. 208]. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 19 Кодекса административного судопроизводства Украины (далее – КАС Украины) споры по поводу принятия граждан на публичную службу, ее прохождения, увольнения с публичной службы считаются публично-правовыми. Схожее положение относительно служебных споров содержит ст. 8.1.3 Административно-процессуального Кодекса Азербайджанской Республики.

Частью 2 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» предусмотрено право государственных служащих обратиться в вышестоящие государственные органы и (или) суд для разрешения споров, связанных с государственной службой. В частности, по вопросам поступления на государственную службу, ее прохождения, реализации прав государственного служащего, перевода на другую государственную должность, дисциплинарной или материальной ответственности, несоблюдения гарантий правовой и социальной защиты, освобождения от занимаемой должности (увольнения), а также в иных случаях, предусмотренных законодательством. В настоящее время рассмотрение такого рода споров происходит в порядке искового производства. Однако, полагаем,

служебные споры могут быть включены в перечень публично-правовых и подлежать рассмотрению в порядке производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, по следующим основаниям:

1) Свойственное субъектам спора неравенство правоотношений, которое в целом выступает характеристикой сторон трудового договора (контракта), но усиливается между государственным служащим и нанимателем в силу наличия у последнего публичных функций. И хотя государственный служащий также в своей трудовой деятельности осуществляет публичные полномочия, в спорах, связанных с государственной службой, он выступает в качестве частного лица, чьи права ограничиваются уполномоченным на выполнение публичных функций субъектом.

2) Следствием вышеобозначенного неравенства выступает необходимость уравнивать процессуальное положение сторон, упростив задачу лица, обратившегося за защитой своих прав по доказыванию своей позиции. В этих целях логично использовать в качестве средства защиты административный (публичный) иск, который в отличие от иска гражданского влечет действие специальных правил распределения обязанностей по доказыванию. Также, говоря о гражданском иске, следует отметить, что в материальных отношениях, выступающих основой для отношений процессуальных, сильны диспозитивные начала, в то время как в трудовых правоотношениях в ряде случаев элементы диспозитивности ослабляются, что тем более характерно для государственных служащих.

Затрагивая вопросы оспаривания действий лиц, выступающих препятствием в реализации права на труд, нельзя не обратить внимание на обжалование решений экзаменационных комиссий о результатах квалификационных экзаменов. Аналогичная категория дел подведомственна административным судам, например, в силу положений п. 9 ч. 1 ст. 19 КАС Украины и п. 5 ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В белорусском законодательстве предусмотрено право обжаловать в суд лишь решения Квалификационной комиссии по вопросам допуска лица к осуществлению нотариальной деятельности, аннулирования свидетельства, проведения аттестации нотариусов, а также рассмотрения иных вопросов, связанных с нотариальной деятельностью (ч. 2 п. 1 ст. 31 Закона от 18 сентября 2004 года № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности»). В то время как обязательная сдача квалификационных экзаменов предусмотрена для целого ряда профессий: для лиц, впервые поступающих на государственную службу, в том числе и для судей Конституционного Суда, Верховного Суда и иных судов общей юрисдикции, для допуска к осуществлению нотариальной и адвокатской деятельности, для допуска к работе врача-специалиста и провизора-специалиста и др.

Учитывая установленное ст. 60 Конституции Республики Беларусь право на судебную защиту, представляется логичным предусмотреть право



оспаривать решения экзаменационных комиссий, содержащих результаты квалификационных экзаменов.

Таким образом, с учетом опыта зарубежного законодательства и анализа возможности расширения подведомственности суду гражданских дел, возникающих из административных и иных публичных отношений, представляется возможным включить в перечень дел публично-правового характера служебные споры, а также дела по оспариванию решений экзаменационных комиссий, содержащих результаты квалификационных экзаменов.

### **Библиографический список**

1. Синюк, Е.В. Судебный контроль по делам публично-правового характера в странах СНГ / Е. В. Синюк // Проблемы управления. – 2020. – № 1 (75). – С. 125–133.

2. Колядко, И.Н. Взаимосвязь форм закрепления права на судебную защиту в материальном и процессуальном праве / И. Н. Колядко // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы международного круглого стола, 26 октября 2018 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права ; [редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 31–34.

3. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения...: сборник избранных научных трудов / Ю.Н. Старилов; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. – 636 с.

4. Пешкова, Т.В. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции в Российской Федерации : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.14 / Т.В. Пешкова. – Воронеж, 2014. – 247 с.

## **О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ФИКСИРОВАНИЮ ХОДА ПРОЦЕССА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**В.П. Скобелев**

*заместитель декана по заочному обучению  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2020 года №45-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон №45-З) предусмотрел внесение в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) ряда корректировок. Большая их часть направлена на то, чтобы обеспечить с 1 января 2021 года сплошное (т.е. во всех случаях) и непрерывное

фиксирование хода судебных заседаний и хода отдельных процессуальных действий, совершаемых вне судебных заседаний.

В целях закрепления новых подходов к фиксированию хода судебных процессов Закон №45-3 прежде всего излагает в новой редакции ст. 113 ГПК. Собственно, на новизну в этом вопросе указывает изменение самого названия данной статьи. Если раньше она называлась «Составление протокола», то теперь – «Фиксирование хода судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия суда вне заседания». Суть новых подходов заключается в том, что отныне согласно ч.1 ст. 113 ГПК ход каждого судебного заседания суда первой инстанции и ход совершения отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания подлежат фиксированию путем использования средств звуко- или видеозаписи с одновременным составлением в письменной форме краткого протокола по правилам ч.1, 4 ст. 174 ГПК.

Наряду с этим предусмотрены случаи, когда звуко- или видеозапись хода судебного заседания (отдельного процессуального действия) не ведется: при неявке в судебное заседание всех участников гражданского судопроизводства (ч.2 ст. 113 ГПК), а также при отсутствии технической возможности осуществления звуко- или видеозаписи (ч.3 ст. 113 ГПК). В подобных случаях (когда звуко- или видеозапись не ведется) ход судебного заседания (отдельного процессуального действия) в суде первой инстанции подлежит фиксированию путем составления в письменной форме протокола по правилам ч. 2, 4 ст. 174 ГПК. В таком протоколе должны быть отражены процессуальные действия в том порядке, в каком они имели место, а также существенные для дела факты, установленные при производстве данных действий, и заявления лиц, участвовавших в процессуальных действиях (ч.3 ст. 113 ГПК).

По поводу данных новелл нужно сделать несколько замечаний общего плана. Во-первых, не совсем удачной является закрепляемая Законом № 45-3 в п. 6 ст. 1 ГПК дефиниция терминов «краткий протокол, протокол». Из дефиниции следует, что в кратком протоколе или протоколе «фиксируются факт производства по гражданскому делу, содержание и результаты процессуальных действий». Но выражение «производство по гражданскому делу» является настолько широким по логическому объему, что охватывает собой абсолютно все, что происходит с гражданским делом в суде, в том числе охватывает и то, что указано в заключительной части дефиниции, – «содержание и результаты процессуальных действий» (а значит, делает эту часть дефиниции излишней). В действительности, краткий протокол, протокол предусмотрен для фиксирования только строго определенной информации по гражданскому делу. Поэтому более правильно в п.6 ст. 1 ГПК было бы написать, что в кратком протоколе, протоколе в случаях, предусмотренных ГПК, фиксируется ход судебного заседания или ход отдельного процессуального действия вне судебного заседания.

Кроме того, п.6 ст. 1 ГПК закрепляет единую дефиницию для краткого протокола и протокола, по сути, нисколько не разграничивая эти категории между собой. Однако краткий протокол и протокол существенно отличаются друг от друга. Как видно из новой редакции ст. 113 ГПК, краткий протокол – это судебный документ, который составляется в соответствии с требованиями новых редакций ч.1, 4 ст. 174 ГПК при осуществлении звуко- или видеозаписи судебного заседания (отдельного процессуального действия), а протокол – этот судебный документ, который составляется в соответствии с требованиями новых редакций ч.2, 4 ст. 174 ГПК в случаях, когда звуко- или видеозапись судебного заседания (отдельного процессуального действия) не ведется.

Во-вторых, не была учтена потребность закрепления в ст. 1 ГПК дефиниции термина «видеозапись» (а потребность имеется потому, что Закон № 45-З предусматривает использование видеозаписи для сплошного фиксирования хода судебных процессов). Ведь видеозаписью, с формальной точки зрения, можно признать и лишь одну фиксацию видеоряда, без одновременного записывания соответствующих звуков. Но такой вариант, очевидно, был бы вряд ли приемлем для целей гражданского судопроизводства. Поэтому в ст. 1 ГПК нужно установить, что видеозапись предполагает одновременное (синхронное) фиксирование информации как визуального, так и звукового характера.

В-третьих, присутствует неточность в определении предмета фиксирования (как применительно к использованию средств звуко- или видеозаписи, так и для случаев составления обычного протокола). Из названия и содержания ст. 113 ГПК следует, что таковым является ход каждого судебного заседания суда первой инстанции и ход совершения каждого отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания. Получается, что абсолютно любое процессуальное действие суда первой инстанции, совершаемое вне судебного заседания, подлежит фиксированию способами, о которых говорит ст. 113 ГПК. Однако в действительности это не так.

Вне судебного заседания судом первой инстанции совершается огромное количество различных процессуальных действий – на стадии возбуждения производства по делу, при подготовке его к судебному разбирательству, после вынесения решения (по вопросам, связанным с исполнительным производством, апелляционной проверкой решения и пр.). И все их фиксировать нет никакого резона. Ведь совершенно нет смысла фиксировать, например, совершаемые на стадии возбуждения дела действия по принятию судом от заявителя исковых материалов, по их рассмотрению на предмет допустимости возбуждения производства по делу, по изготовлению определения о возбуждении дела.

Действия, совершаемые судом первой инстанции вне судебного заседания, подлежали и подлежат фиксированию только тогда, когда на это прямо указывает процессуальный закон. В частности, это такие процессуальные действия, как осмотр, освидетельствование, предъявление для опознания,

судебный эксперимент (см. ст. 210, ст. 213, ч. 5 ст. 215 ГПК). Поэтому в ст. 113 ГПК следует или прямо перечислить отдельные процессуальные действия, подлежащие фиксированию, или сделать ссылки на соответствующие статьи ГПК.

Отмеченная неточность, связанная с определением предмета фиксирования, перекочевала в ст. 113 ГПК из ее прежней редакции, где говорилось о необходимости протоколировании каждого отдельного процессуального действия суда первой инстанции, совершенного вне заседания. И на эту неточность мы уже обращали внимание в контексте Закона от 8 января 2018 года №94-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь», которым нормы о судебных протоколах в связи с введением апелляционного производства были подвергнуты корректировке(но, как видно, далеко не в той степени, как это было необходимо) [1, с. 15].

В-четвертых, в ст. 113 ГПК не определены критерии выбора конкретного способа фиксирования – звуко- или видеозаписи – хода судебного заседания или отдельного процессуального действия, т.к. оба способа фиксирования названы с использованием разделительного союза «или». По нашему мнению, данный вопрос должен решаться судом не в одностороннем порядке, а с учетом мнений юридически заинтересованных в исходе дела лиц и, конечно же, технических возможностей соответствующего судебного органа. Поэтому если все заинтересованные лица настаивают на осуществлении видеозаписи (а не звукозаписи) судебного заседания и технические возможности суда позволяют это сделать, то фиксация хода процесса должна производиться именно таким способом.

В-пятых, в тексте закона не разъяснено, что нужно понимать под отсутствием технической возможности осуществления звуко- или видеозаписи хода судебного заседания или отдельного процессуального действия вне заседания, которое (отсутствие) обуславливает необходимость составления обычного протокола. По-видимому, имеются в виду ситуации, когда нет самих средств звуко- или видеозаписи, или когда они вышли из строя, либо в суд временно прекратилась подача электроэнергии.

Новые подходы к фиксации хода судебных процессов обусловили потребность изложения в новой редакции главы 20 ГПК «Протоколы» (само название главы не изменилось), причем это именно тот случай, когда новая редакция структурному элементу нормативного правового акта была действительно необходима (здесь стоит заметить, что Законом № 45-З многие нормы ГПК без достаточных к тому оснований были изложены в новых редакциях [2, с. 11-13, 14-16]). Правда, скрупулезный анализ показывает, что не со всеми из появившихся в главе 20 ГПК новаций можно полностью согласиться, а некоторые из сохраненных законодателем в этой главе «старых» правовых норм требуют самой серьезной корректировки [3].

Вполне закономерно Законом № 45-З из текста ГПК исключается ст. 239 «Применение технических средств для закрепления доказательств», регламентировавшая порядок использования средств звуко- и видеозаписи для закрепления объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, а также для фиксирования других процессуальных действий доказательственного характера. Попутно заметим, что статья весьма фрагментарно регулировала данный порядок, в том числе не давала четкого ответа на вопрос о продолжительности осуществления звуко- или видеозаписи: с одной стороны, прямого требования о ведении записи на протяжении всего судебного заседания (отдельного процессуального действия) ст. 239 ГПК не закрепляла, но с другой стороны, предусматривала, что «звукозапись, видеозапись допроса лишь некоторых свидетелей либо только одной стороны, третьего лица, а равно специально выделенных для звукозаписи и видеозаписи фрагментов чьих-либо показаний, данных в ходе допроса, не допускаются» (ч. 2 ст. 239 ГПК).

Новые подходы к фиксации судебных процессов отразились и на содержании безусловных оснований к отмене решений в апелляционном порядке. Так, если раньше одно из таких оснований п. 8 ч. 4 ст. 424 ГПК определял как «в деле отсутствует протокол судебного заседания или он не подписан лицами, обязанными его подписать», то благодаря Закону № 45-З содержание п. 8 ч. 4 ст. 424 ГПК получило новую редакцию: «по делу отсутствует звуко- или видеозапись хода судебного заседания или в деле отсутствует протокол судебного заседания в случае, когда он составляется, либо протокол судебного заседания не подписан лицами, обязанными его подписать». По этому поводу нужно сделать одно замечание: отсутствие краткого протокола судебного заседания или отсутствие на кратком протоколе необходимых подписей было бы тоже целесообразно отнести к безусловным основаниям для отмены решений.

Действие установленных ч. 1-3 ст. 113 ГПК правил фиксирования хода судебных процессов распространено на порядок фиксирования хода предварительного судебного заседания (ч. 9 ст. 264 ГПК), а также хода судебного заседания в суде апелляционной инстанции (ч. 4 ст. 113, ч. 1 ст. 420 ГПК).

В ч. 5 ст. 113 ГПК специально подчеркнуто, что «по делам, рассматриваемым в порядке надзора, ход судебного заседания не фиксируется» (тем самым законодатель сохранил, несколько модернизировав, одно из правил, содержащихся в прежней редакции ч. 1 ст. 113 ГПК, – «Протоколы судебных заседаний по делам, рассматриваемым в порядке надзора, не составляются»). Подобный подход в современных условиях вызывает возражения.

Во-первых, в судебном заседании суда надзорной инстанции могут заслушиваться объяснения юридически заинтересованных в исходе дела лиц (ст. 443, ч. 6 ст. 445 ГПК) и мнение прокурора (ч. 7 ст. 445 ГПК), а также изучаться как имеющиеся в деле, так и дополнительно представленные материалы (ч. 2 ст. 445 ГПК). Во-вторых, фиксирование хода судебного

заседания посредством звуко- или видеозаписи не составит большого труда. В-третьих, наличие в судебной системе четыре уровня надзорных инстанций (президиумов областных и Минского городского судов, судебной коллегии по гражданским делам, Президиума и Пленума Верховного Суда) свидетельствует о том, что законодатель не вполне доверяет качеству деятельности нижестоящих надзорных инстанций, а значит, их деятельность целесообразно контролировать посредством сплошного фиксирования хода судебных процессов.

### **Библиографический список**

1. Скобелев, В. Новеллы гражданского судопроизводства и вопросы эффективности нормотворчества / В. Скобелев // Юридический мир. – 2018. – №4. – С. 11-21.
2. Скобелев, В. Что меняется в ГПК? / В. Скобелев // Юридический мир. – 2020. – №9. – С. 8-19.
3. Скобелев, В. Что меняется в ГПК? (окончание) / В. Скобелев // Юридический мир. – 2020. – №10. – С. 8-20.

## **ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НАНИМАТЕЛЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НОРМАМ ТРУДОВОГО ПРАВА**

**Н.А. Солянкина**

*старший преподаватель*

*кафедры правового обеспечения экономической деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Под юридическим основанием ответственности следует понимать нормы права, устанавливающие запреты определенного поведения и меры юридической ответственности за нарушение этих запретов. Отсутствие основания исключает правовую ответственность лица. Преимущественно субъектом юридической ответственности по трудовому праву является работник. Однако законодательство о труде предусматривает основания и порядок применения мер юридической ответственности и к нанимателю, на пример за нарушение порядка и сроков выплаты заработной платы и других причитающихся работнику выплат, нарушение законодательства о труде при прекращении трудового договора и др.

Одним из оснований привлечения нанимателя к юридической ответственности по нормам трудового права является нарушение законодательства о занятости населения, которое посягает на гарантированное Конституцией Республики Беларусь право граждан на труд. Гарантией, направленной на реализацию данного права, является запрещение необоснованного отказа в заключении трудового договора. ТК в ст. 14 закрепляет запрещение дискриминации в сфере трудовых отношений [1]. В частности, запрещается дискриминация, то есть ограничение в трудовых

правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера, не препятствующих исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами и не обусловленных спецификой трудовой функции работника.

Однако не считаются дискриминацией любые различия, исключения, предпочтения и ограничения: основанные на свойственных данной работе требованиях; обусловленные необходимостью особой заботы государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите (женщины, несовершеннолетние, инвалиды, лица, пострадавшие от катастрофы на Чернобыльской АЭС и др.) [2, с. 37].

Законом для отдельных категорий граждан предусмотрено гарантированное право на труд и обязанность нанимателя заключить с ними трудовой договор. В связи с этим ТК содержит норму, запрещающую необоснованно отказывать в приеме на работу отдельным категориям граждан. Следует отметить, что в отношении таких категорий граждан запрещается не любой отказ, а только необоснованный. Однако термин «необоснованный отказ» законодательно не определен, вместе с тем, как показывает судебная практика, необоснованным, как правило, признается отказ в приеме на работу в случаях и по основаниям, прямо запрещенным законом; по основаниям, не предусмотренным действующим законодательством; при отказе нанимателя мотивировать отказ в приеме на работу; в других случаях, когда наниматель не может обосновать правомерность отказа в приеме на работу.

К.И. Кеник отмечает что, необоснованным является отказ в приеме на работу, если мотивы отказа не относятся к деловым качествам работника, а также отказ без приведения нанимателем каких-либо доводов либо по основаниям, не основанным на законе, отказ по явно надуманным, неубедительным причинам [3, с. 46]. Полагаем, что часть 1 статьи 16 ТК необходимо изложить в новой редакции, дополнив ее определением необоснованного отказа, под которым следует понимать незаконный отказ в заключении трудового договора по причинам, не предусмотренным законодательством, по причинам не относящимся к деловым качествам работника, а так же если отказ основывается на несоответствующих обстоятельствах, без уважительных причин и мотивов.

Наниматель в лице руководителя или иного уполномоченного должностного лица нанимателя (если речь идет о юридическом лице) либо индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником, могут отказать в заключении трудового договора.

Отказ в приеме на работу возможен, если причина предусмотрена законодательством.

В отношении лиц, которым незаконно отказано в заключении трудового договора, действуют положения об оплате допущенного ими в этой связи вынужденного прогула, в соответствии с нормами ТК, наравне с другими работниками данного нанимателя. Такой подход, прежде всего, обусловлен причинением лицу, которому было незаконно отказано в заключении трудового договора, ущерба, выразившегося в невозможности реализовывать трудовую функцию и получать заработную плату, то есть за нарушение права работника на труд, наниматель выплачивает работнику заработную плату за вызванный этим вынужденный прогул.

Некоторые категории граждан нуждаются в особой защите со стороны общества и государства, в связи с чем, предлагаются дополнительные гарантии для такой категории работников как инвалиды, так как отношение общества к людям с ограниченными возможностями – это уровень развития этого общества.

Установленный ст. 16 ТК запрет обусловлен необходимостью обеспечения государством дополнительных гарантий по реализации трудовых прав отдельными социально незащищенными категориями граждан, нуждающимися в связи с этим в повышенном внимании и защите из-за неспособности на равных в силу объективных обстоятельств конкурировать на рынке труда [2, с. 36]. Государственная политика Республики Беларусь одной из целей имеет осуществление мер по предупреждению инвалидности, реабилитации инвалидов, обеспечению равенства и полноценного участия в жизни общества.

Вопросы социальной защиты инвалидов, а так же правового регулирования труда такой категории работников исследовались белорусскими учеными. Однако, на наш взгляд, ст. 16 ТК не уделяет должного внимания этой категории граждан. Белорусское законодательство содержит определенные нормы, направленные на социальную защиту граждан, получивших инвалидность от профессионального заболевания. На практике не редки случаи, когда в процессе трудовой деятельности человек в трудоспособном возрасте приобретает инвалидность от общего заболевания, и, как следствие, несмотря на то, что трудовая функция выполняется надлежащим образом, наниматель не заинтересован в заключении либо продлении трудовых отношений с инвалидами, что ведет к социальной незащищенности такой категорией граждан.

Государственная политика в области содействия занятости населения направлена на обеспечение равных возможностей всем гражданам независимо от ... недостатков физического или психического характера, а так же на предоставление дополнительных гарантий занятости гражданам, особо нуждающимся в социальной защите и неспособным на равных возможностях конкурировать на рынке труда (ст. 10) [4].



С целью реализации государственной политики в области содействия занятости населения необходимо ст. 16 ТК дополнить пунктом 10 и запретить необоснованно отказывать в заключении (либо продлении) трудового договора лицам по мотивам, связанным с инвалидностью, а часть 3 ст. 261<sup>5</sup> дополнить пунктом следующего содержания: «4) работающим инвалидам, добросовестно выполняющим свои трудовые обязанности и не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины».

Данная норма позволит наиболее полно реализовать такие функции трудового права как защитная и социальная, так и обеспечит реальную поддержку такой категории граждан. Следует отметить, что законодательством не предусмотрена ответственность нанимателя в случае заключения с работником срочного трудового договора для выполнения работы, которая носит постоянный характер. Представляется, что подобную норму следовало бы ввести в целях обеспечения эффективного трудоустройства населения. Статью 283 ТК необходимо дополнить частью 4 следующего содержания: «В случае заключения трудового договора на выполнение работы, которая носит постоянный характер, наниматель обязан заключать трудовой договор на неопределенный срок. При отказе в заключении такого трудового договора наниматель обязан сообщить мотивы в письменной форме. Отказ в заключении трудового договора на неопределенный срок может быть обжалован в суд. В случае нарушения данной нормы наниматель, в лице руководителя либо иного уполномоченного должностного лица, привлекается к ответственности в соответствии с законодательством».

Соблюдение указанных правил позволит снизить вероятность возможных споров о правомерности отказа в приеме на работу.

### **Библиографический список**

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., №296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Браташ, В.Я. Прием на работу. Заключение трудового договора. Предварительное испытание / В. Я. Браташ // Бюллетень Минтруда и соцзащиты. – 2012. – № 1. – С. 36–43.

3. Кеник, К.И. Материальная ответственность нанимателя за нарушение трудовых прав работников / К. И Кеник // Отдел кадров. – 2011. – № 3. – С. 45–52.

4. О занятости населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июня 2006 г. № 125–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2020 № 50-З г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

# ЗАЩИТА ПРАВ РОДИТЕЛЕЙ И ОХРАНА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**М.С. Стрижак**

*доцент кафедры гражданского права и процесса  
ЧУО «БИП-Институт правоведения»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях. Родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении.

Родители и дети нуждаются в особой поддержке и заботе со стороны государства, поскольку именно от них напрямую зависят демографический статус страны. Защита прав родителей и охрана семейных ценностей обеспечивается, прежде всего, с помощью надлежащего правового регулирования.

В правовом поле действуют две идеологемы. Сторонники первой утверждают, что семья для ребенка – это наиболее безопасное место, поэтому ребенка нельзя рассматривать отдельно от его семьи. Сторонники второй, считают, что в семье могут потенциально нарушаться права ребенка, если родителей не контролировать с помощью социума в лице учителей, врачей и др. Эта радикальная парадигма на практике стала преобладать во второй половине XX века во многих странах, но не нашла социальный консенсус [1].

Статистика не раз подтверждала: наименьший уровень насилия как раз в полной семье, которая не переживала развод. «Чем дальше структура семьи уходит от этой модели, тем опасней она для ребенка. Это не обязательно так во всех случаях, но цифры показывают: в приемных семьях, тем более в учреждениях у детей проблем больше. По данным из разных стран, в замещающих семьях, куда попадают дети сироты или отобранные у родителей, уровень физического насилия над детьми в 6-8 раз выше, чем в обычных семьях. В учреждениях цифры выше раз в 20-30, так как прибавляется еще и насилие детей друг над другом. Словом, подход, согласно которому у родителей и семьи есть презумпция невиновности, имеет под собой научное обоснование» [1].

Большинство противоправных деяний совершается подростками из неблагополучных либо неполных семей. В таких ситуациях судебные решения чаще всего не исполняются, поскольку мать и отец не работают, состоят на учете в наркологическом диспансере, дети голодают и тому подобное. В отношении таких родителей применяется мера семейно-правовой ответственности – лишение родительских прав. Исходя из статистических данных, полученных в ходе исследования преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь, указанная проблема является достаточно актуальной для

нашего государства. В качестве одной из детерминант, влияющих на уровень преступности несовершеннолетних, выступает отношение родителей к воспитанию собственных детей [3, с. 5].

На сегодняшний день очень много социальных сирот, оказывающихся в детских домах при живых родителях. Уменьшению сиротства должно способствовать комплексное укрепление семьи и семейных ценностей. «Во-первых, создание правовой среды, в которой семья защищена от необоснованного вторжения извне, в которой свято уважаются права, авторитет и роль родителей. Во-вторых, повышение общественного престижа семьи, родительства, семейных ценностей, чтобы образ семьи, брака, воспитания детей в массовом сознании был положительным. В-третьих, создание социально-экономических условий, в которых любая желающая этого семья оказывается в состоянии получить нужный ей доход, обеспечить себя жильем и т.п.» [2].

В последнее десятилетие XX в. мировое сообщество обратило внимание на необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних. Знаковым событием стало принятие 20 ноября 1989 года на 44-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Конвенции о правах ребенка. Подписав через год данный международный документ, Республика Беларусь взяла на себя обязательство привести в соответствие с ним национальное законодательство. Так, был принят Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 года, № 2570–XII «О правах ребенка» [4, с. 27].

В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье в разделе (далее – КоБС) «Охрана детства» определены права детей. В соответствии со ст. 181 КоБС ребенок имеет право на особую, преимущественную и первоочередную заботу как со стороны родителей, так и со стороны государства. Государство гарантирует защиту прав ребенка как до, так и после рождения. При этом аборты не запрещены. В ст. 67 КоБС установлена ответственность родителей за ненадлежащее воспитание в случае не обеспечения ими прав и интересов ребенка, в том числе, если ребенок находится в социально опасном положении. Согласно ст. 66.1 КоБС при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями, опекунами, попечителями своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей, или злоупотреблении своими правами, или отрицательном влиянии на поведение детей, или жестоком обращении с ними дети вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет – и в суд.

Республика Беларусь ратифицировала Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, называемые также «Пекинские правила», утвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года. Во исполнение данного нормативного правового акта была создана система правовых механизмов, направленных на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиту их прав и законных интересов,

в том числе, в неблагополучных семьях. Для этого были приняты Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 года № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Закон Республики Беларусь 4 января 2014 года № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

В них было дано определение социально-опасного положения ребенка и определены органы, осуществляющие деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: комиссии по делам несовершеннолетних, органы государственного управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по труду и социальной защите, органы государственного управления здравоохранением, органы государственной службы занятости, органы внутренних дел.

Однако было высказано мнение, что законы не в полной мере соответствуют современным социальным реалиям, уровню развития криминологии и нуждаются в модернизации, в связи с чем стали создаваться новые правовые механизмы. Такие механизмы уже введены во многих европейских странах и получили название ювенальной юстиции – правосудия для несовершеннолетних. При этом ювенальная юстиция западного образца, которая призывает к снисходительному и слишком терпимому отношению по отношению к малолетним правонарушителям, развращает их и приводит к разгулу молодежной преступности [5].

Впервые в истории правосудия были основаны суды по делам несовершеннолетних в США. С самого начала основу миссии ювенальной юстиции составляла забота о детях и подростках, поиск путей решения их специфических проблем, а не вопросы общества и лиц, испытывающих на себе последствия подростковой преступности. Такую ограниченную ориентацию закрепляла реабилитационная парадигма, характеризующая первый этап истории ювенальной юстиции.

Следует отметить, что при названной организации традиционные задачи правосудия не решаются: наблюдается полное равнодушие к ущербу, который нанесли противоправные действия несовершеннолетнего людям или обществу. Примерно в середине XX века реабилитационная парадигма и реабилитационная миссия ювенальной юстиции подверглась серьезной критике [6, с. 15].

Соответственно, недопустимо выведение несовершеннолетних из правового поля «принуждения».

Еще одним аргументом против ювенальной юстиции называют создание расплывчатых критериев оценки семей на предмет неблагополучности и неоправданного в связи с этим отобрания детей. В частности, очень широко трактуется понятие физического и психического насилия над ребенком. Необходимо согласиться с точкой зрения экспертов, которые утверждают, что воспитание в семье предполагает послушание родителям и удержание ребенка от зла, в том числе путем запретов и наказаний, а реализованная система

ювенальной юстиции фактически лишает родителей их естественного права воспитывать детей и преимущественного права на определение системы и приоритетов их воспитания. «В идеологии ювенальной системы родная семья не имеет какой-либо особенной ценности. Это просто среда, в которой протекает жизнь ребенка, и любой уполномоченный от государства внешний наблюдатель может квалифицированно определить, что нахождение в данной семье ребенку бесполезно, изъять ребенка из семьи и передать другим взрослым, которые будут лучше учитывать его интересы. Очевидно, что ювенальная философия подразумевает, что дети принадлежат не родителям, а государству. Оно ими распоряжается, как ценным имуществом» [5].

Таким образом, проекты открывают широкую возможность для изменения системы ценностей в нашем обществе, отрицательно повлияют на демографические показатели и противоречат традиционным семейным и морально-нравственным ценностям [7]. Жизнь человека начинается с семьи. Именно в ней происходит формирование его как личности. Семья должна быть источником любви. Нужно помогать семье. Без нее не может существовать человек.

### **Библиографический список**

1. «У семьи есть презумпция невиновности» [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2070514>.
2. Романовская, Д. Возможна ли Россия без сирот? [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/vozmozhna-li-rossiya-bez-sirot/>.
3. Сокол, С.Ф. Противоправные действия несовершеннолетних и гражданско-правовые основания возмещения причиненного ими вреда / С.Ф. Сокол, М.С. Стрижак // монография – Минск: «БІП – Інститут прававедання», 2011. – 140 с.
4. Сокол, С.Ф., Стрижак, М.С. Ювенальная юстиция: ценность или мода на безответственность несовершеннолетних? // С.Ф. Сокол, М.С. Стрижак // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 4. – С. 27–30.
5. Ярошевич Е. Осторожно: на пороге ювенальная юстиция! [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.pro-life.by/antisemejnye-tehnologii/yuvenal-naya-yustitsiya/ostorozhno-na-poroge-yuvenal-naya-yustitsiya/>
6. Масудов, Р. Ювенальная юстиция: взаимодействие государства и общества в реагировании на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ) / Р. Масудов, М.Г. Флямер // Вопр. ювен. юстиции. – 2001. – № 1. – С. 9–17.
7. Ювенальная юстиция в России - Мы против! [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: // <http://www.juvenaljustice.ru/>

# **ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ В СУДЕ ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ ДОСТУПА**

**Т.С. Таранова**

*заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин  
факультета права*

*УО «Белорусский государственный экономический университет»,  
доктор юридических наук, профессор*

Одним из нововведений семейного законодательства, направленных на защиту интересов детей на международном уровне, явились нормы ст. 235-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [1] (КоБС), предусматривающей, что родитель или другое лицо, которое наделено правами опеки или правами доступа в отношении ребенка, вправе требовать возвращения неправомерно перемещенного или неправомерно удерживаемого ребенка или осуществления в отношении такого ребенка прав доступа в соответствии с Конвенцией о гражданских аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.

Из этого следует, что применение нормы ст. 235-1 КоБС сопряжено с применением Конвенции, что вызывает необходимость остановиться на особенностях правового регулирования в данном международном документе вопросов о возвращении ребенка и об осуществлении прав доступа к ребенку.

Конвенция о гражданских аспектах международного похищения детей [2] заключена в Гааге 25 октября 1980 года (далее – Конвенция). В Конвенции используется понятие «международное похищение», состоящее из сочетания слов «международное» и «похищение», каждое из которых имеет значение в рамках отношений, регулируемых Конвенцией.

Международный характер похищения означает, что эти действия касаются интересов субъектов (родителей или других лиц, которые наделены правами опеки или правами доступа, ребенок), являющихся субъектами различных государств, связаны с необходимостью обеспечения международной защиты ребенка.

Международная защита детей, как это следует из содержания преамбулы Конвенции, необходима от вредных последствий их неправомерного перемещения или удержания, и установления процедуры по быстрому возвращению детей в государство их обычного местожительства, а также обеспечения защиты права на общение. В юридической литературе отмечается, что при разрешении дел о похищении детей в рамках Конвенции задачей является не возвращение ребенка конкретному родителю, а возвращение в государство, в котором постоянно проживал. При этом решение о возвращении ребенка, принятое в соответствии с Конвенцией, не затрагивает существа любого вопроса об установлении родительской опеки [3, с. 10].

В рамках Конвенции похищение означает неправомерное перемещение ребенка за границу или удержание ребенка за границей. В связи с чем понятие

«похищение» имеет свои особенности, связанные с его значением и сферой применения. Н.В. Ростовцева отмечает, что данное понятие имеет значение, отличающееся от принятого в уголовном праве. Случаи похищения детей, содержащие признаки преступления к предмету правового регулирования Конвенции не относятся. Конвенция регламентирует отношения в сфере частного права [3, с. 45-50].

Права доступа родителя, проживающего отдельно от ребенка за границей, означают возможность общения с ребенком независимо от факта его нахождения в другом государстве. Права доступа включают право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания.

Целями Конвенции являются а) обеспечение немедленного возвращения детей, незаконно вывезенных или удерживаемых в любом договариваемся государстве; и б) обеспечение действительного соблюдения права на проживание с ребенком и права на общение в соответствии с законодательством одного договариваемого государства в другом договариваемся государстве (ст. 1 Конвенции).

Анализ содержания ст. 235-1 КоБС, посвященной возвращению ребенка и осуществлению прав доступа на основании Конвенции, указывает, что в данной норме предусмотрено два порядка действий по возвращению из другого государства неправомерно перемещенного или неправомерно удерживаемого ребенка или осуществлению в отношении такого ребенка прав доступа.

Применение конкретного порядка указанных действий зависит от следующих обстоятельств: от того, на территории какого государства постоянно проживал ребенок, а также, на территорию какого государства он неправомерно перемещен или неправомерно удерживается. Данные обстоятельства учитываются при определении подведомственности данного спора.

Из содержания ч. 2 ст. 235-1 КоБС следует, что если ребенок постоянно проживал в Республике Беларусь до неправомерного перемещения в другое государство или неправомерного удержания в другом государстве, родители или другие лица, наделенные правами опеки или правами доступа, которые действительно осуществляли права опеки или права доступа на момент неправомерного перемещения в другое государство или неправомерного удержания ребенка в другом государстве либо осуществляли бы эти права, если бы не произошли такие перемещение или удержание, обращаются с заявлением о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа в компетентный орган государства, в которое ребенок перемещен или в котором удерживается, через Министерство юстиции либо непосредственно в компетентный орган государства, в которое ребенок перемещен или в котором удерживается.

В Республике Беларусь Министерство юстиции является Центральным органом в соответствии с Конвенцией. Министерство юстиции Республики

Беларусь выполняет функции центрального органа со стороны Республики Беларусь по передаче ходатайств (просьб) граждан Республики Беларусь в рамках Конвенции (п. 18 Инструкции по оказанию помощи гражданам Республики Беларусь в вопросах исполнения международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 июля 2003 года № 17 [5]).

Иной порядок действий по возвращению ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа установлен для случаев, когда ребенок незаконно перемещен на территорию нашего государства. В соответствии с ч. 3 ст. 235-1 КоБС, если ребенок неправоммерно перемещен в Республику Беларусь или неправоммерно удерживается в Республике Беларусь, родители или другие лица, наделенные правами опеки или правами доступа, вправе обращаться с заявлением о возвращении неправоммерно перемещенного или неправоммерно удерживаемого в Республике Беларусь ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа в суд Республики Беларусь как непосредственно, так и через Министерство юстиции Республики Беларусь.

Обеспечение реализации указанных положений потребовали внесение соответствующих дополнений в гражданское процессуальное законодательство. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [6] (ГПК) дополнен новой главой 28-2, посвященной производству по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к ребенку, который неправоммерно перемещен из иностранного государства на территорию Республики Беларусь или удерживается на территории Республики Беларусь.

Важной особенностью дел данной категории является то, что их рассмотрение и разрешение должно осуществляться по правилам искового производства с учетом положений главы 28-2 ГПК и Конвенции. Это означает, что при рассмотрении и разрешении гражданских дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа необходимо применение не только национального законодательства, но и положений Конвенции, что обуславливает специфику и сложность данных дел.

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к ребенку рассматриваются в суде по правилам искового производства. Это связано с наличием спора о праве. Такой спор между сторонами возникает из семейных правоотношений в связи с нарушением принадлежащих заявителю прав опеки или доступа. Требование предъявляется к конкретному лицу - предполагаемому нарушителю указанных прав. Стороны имеют противоположные юридические интересы. Стороны вправе урегулировать спор посредством заключения мирового соглашения [7, с. 18].

В отличие от искового производства, в котором начало производства по делу связано с поступлением в суд искового заявления, по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа в суд подается в соответствии со ст. 334-8 ГПК не исковое заявление, а процессуальный документ с иным названием - заявление о возвращении неправоммерно перемещенного в



Республику Беларусь или неправомерно удерживаемого в Республике Беларусь ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа (далее – заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа). Лицо, обратившееся в суд с указанным заявлением, именуется заявителем.

С учетом содержания ст. 334-8, 334-10 ГПК, необходимости применения правил искового производства по делам рассматриваемой категории, вторая сторона в производстве по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, именуется ответчиком. Таким образом, сторонами в данном процессе являются заявитель и ответчик, а не истец и ответчик, как в исковом производстве, что также свидетельствует об особенностях производства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к ребенку. В качестве особенностей также следует указать о том, что соответствии со ст. 334-12 ГПК по данным делам не допускается соединение требований, за исключением случая объединения заявителем требований о возвращении двух и более детей или об осуществлении в отношении двух и более детей прав доступа, и предъявление встречного иска по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа.

Конвенция не применяется, если ребенок достигает возраста 16 лет (ст. Конвенции). Согласно 543 ГПК, если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о гражданском судопроизводстве Республики Беларусь, применяются правила международного договора. Из этого следует, что по правилам главы 28-2 ГПК суд не может рассматривать дела о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к ребенку, достигшему 16-летнего возраста.

Из содержания ст. 334-8 ГПК следует, что заявителями могут являться родители или иные лица, полагающие, что ответчиком нарушены их права опеки или права доступа в отношении ребенка. При этом в примечании к данной норме указано на то, что под правами опеки и правами доступа следует понимать понятия, используемые в Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.

В связи с этим необходимо уделить особое внимание понятиям права опеки и права доступа. Термин «права опеки», является переводом термина «rights of custody», указанного в ст. 5 Конвенции на английском языке (Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction [8]), и означает права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять место жительства ребенка. Однако в другом варианте перевода Конвенции на русский язык термин «rights of custody» переводится как «право на проживание», и это право на проживание включает права, относящиеся к уходу лица за ребенком, в частности, право определять место жительства ребенка [9].

На аналогичную ситуацию можно указать относительно русскоязычных переводов термина «rights of access», указанного также в ст. 5 Конвенции на

английском языке. Данный термин переводится на русский язык как «права доступа», которые включают право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания. В другом варианте перевода «rights of access» значит как «право на общение» (т.е. не как «права доступа»), включающее право брать ребенка на ограниченный период времени в место, не являющееся его обычным местом жительства.

Можно полагать, что в терминах «права опеки» и «право на проживание» речь идет о тождественных понятиях по аналогии с термином «rights of custody», используемом в Конвенции, и означающих право на заботу о ребенке, в том числе, в определении места его жительства. Термины «права доступа» и «право на общение» («rights of access»), также можно признать тождественными, и означающими право определенных лиц брать ребенка на ограниченный период времени в место, не являющееся его обычным местом проживания. Вместе с тем в связи с указанными различиями в словоупотреблении терминов Конвенции, и для обеспечения единообразия в правоприменительной деятельности, необходимы соответствующие разъяснения Верховного Суда Республики Беларусь по данным вопросам.

Подсудность гражданских дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа на основании ст. 334-8 ГПК определяется по месту жительства (месту пребывания) ребенка. Согласно ч. 2 ст. 19 Гражданского кодекса Республики Беларусь [10]. (ГК) местом жительства несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов.

Вопрос о месте жительства несовершеннолетних от 14 до 18 лет не урегулирован в ГК, а также в КоБС. Исходя из этого, место жительства такого несовершеннолетнего следует определять исходя из общего правила, содержащегося в ч. 1 ст. 19 ГК, согласно которому местом жительства гражданина признается место нахождения (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, либо населенный пункт, где этот гражданин постоянно или преимущественно проживает, а при невозможности установить такое место - место жительства (при его отсутствии - место пребывания), указанное в документе, удостоверяющем личность, либо другом документе о регистрации, либо место нахождения имущества этого лица.

В ст. 334-8 ГПК указано, что заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа является процессуальным документом. Требования к содержанию заявления о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа установлены Конвенцией. Это означает, что исковое заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа должно быть подготовлено надлежащими субъектами, соответствовать требованиям белорусского гражданского процессуального законодательства о форме и реквизитах каждого процессуального документа, указанных в

ст. 109 ГПК, а также требованиям к содержанию искового заявления, предусмотренным в ст. 243 ГПК.

Кроме того, данное заявление должно содержать сведения, о которых указано в ст. 8 Конвенции, а именно: а) информацию относительно личности заявителя, ребенка и лица, которое, как предполагается, осуществило перемещение или удержание ребенка; б) при наличии такой информации - дату рождения ребенка; в) основания, на которых основывается требование заявителя о возвращении ребенка; г) всю имеющуюся информацию относительно местонахождения ребенка и лиц, с которыми предположительно находится ребенок. Также ст. 8 Конвенции указан неограниченный перечень документов, которыми может сопровождаться или дополняться заявление: е) заверенной копией любого относящегося к делу решения или соглашения; ф) свидетельством или подтвержденным заявлением, исходящим из Центрального органа или другого компетентного органа государства, в котором обычно проживает ребенок, или от правомочного лица относительно соответствующего законодательства этого государства; г) любой другой относящийся к делу документ.

Согласно ст. 13 Конвенция судебные и административные органы должны принимать во внимание информацию, относящуюся к социальному положению ребенка, предоставленную Центральным органом или другим компетентным органом государства постоянного проживания ребенка.

При обращении в суд заявитель на основании подпункта 1.1.15 п. 1 ст. 285 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) [11]. освобождается от уплаты государственной пошлины за рассмотрение заявлений о возвращении неправомерно перемещенного в Республику Беларусь или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа.

О времени и месте судебного заседания или совершения процессуальных действий заявитель извещается через Министерство юстиции (ст. 334-9 ГПК).

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа рассматриваются судом с обязательным участием прокурора и представителя органа опеки и попечительства.

Срок рассмотрения дела, установленный в ст. 334-9 ГПК, отличается от общих правил о сроках рассмотрения дел исковом производстве, и не должен превышать сорока двух дней со дня принятия заявления судом, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству.

В необходимых случаях в соответствии со ст. 334-10 ГПК суд может запретить ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа изменять место жительства (место пребывания) ребенка и временно ограничить право ответчика и (или) ребенка на выезд из Республики Беларусь.

Если у суда появятся основания полагать, что ребенок перемещен в другое государство, суд может, как это следует из ст. 12 Конвенции, приостановить процедуры или отклонить заявление о возвращении ребенка.

По делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа входят факты, образующих предмет доказывания по делу, которые определяются судом с учетом требований и возражений сторон, а также положений Конвенции и норм национального законодательства. Можно выделить несколько групп фактов, входящих в предмет доказывания. К ним относятся:

Во-первых, группа фактов, которые указывают о нарушении ответчиком прав заявителя на проживание с ребенком или уход за ним. Эта группа фактов включает:

- факты наличия права у заявителя на проживание с ребенком или уход за ним;
- факты, указывающие, что во время перемещения или удержания ребенка эти права эффективно осуществлялись, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.
- факты, указывающие, что перемещение или удержание ребенка ответчиком осуществлено с нарушением указанных прав заявителя на проживание с ребенком или уход за ним;

Во-вторых, в предмет доказывания входит группа фактов, свидетельствующих о продолжительности временного периода, прошедшего с момента перемещения или удержания ребенка, и о привыкании ребенка к условиям проживания в другой стране. Эти факты указывают на:

- срок нахождения ребенка на территории другого государства после перемещения или удержания ребенка в другом государстве;
- степень адаптации ребенка в новой среде;

В-третьих, следует выделить группу фактов, при установлении которых суд может отказать в удовлетворении заявления о возвращении ребенка. Они указывают о том, что:

- лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка;
- лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых;
- имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия;
- ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение.

По общему правилу распределения бремени доказывания, доказывание по гражданским делам возлагается на утверждающего *affirmanti incumbit probatio* (лат.) [12]. Ст. 20 ГПК устанавливает, что обязанность представить необходимые для установления истины по делу доказательства лежит на сторонах, третьих лицах и других юридически заинтересованных в исходе дела

лицах. В соответствии со ст. 179 ГПК каждая сторона обязана доказать факты, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений.

Исходя из этого, обратившийся в суд заявитель с требованиями о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, должен представить доказательства незаконности перемещения и удержания ребенка. Для этого заявителю необходимо доказать наличие фактов первой группы (свидетельствующих о нарушении ответчиком прав заявителя на проживание с ребенком или уход за ним), а также доказать отсутствие фактов третьей группы (при установлении которых суд может отказать в удовлетворении заявления о возвращении ребенка).

Необходимость установления фактов первой группы вытекает из содержания ст. 3 Конвенции, в которой указано, что перемещение или удержание ребенка считается незаконным, если: а) это является нарушением права на проживание с ребенком, которым наделяется то или иное лицо, или права на уход за ребенком организации или любого другого органа, как совместно, так и по отдельности, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок обычно проживал непосредственно перед перемещением или удержанием; б) во время перемещения или удержания эти права действительно осуществлялись вместе или по отдельности, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание. При этом права на проживание с ребенком и уход за ним, как это указано в ст. 3 Конвенции, могут, в частности, возникнуть на основании действия закона, или на основании судебного или административного решения, или на основании соглашения, имеющего законную силу в соответствии с законодательством этого государства.

К лицам, имеющим право опеки, относятся лица, которые наделены правами опеки или правами доступа в отношении ребенка, в соответствии с законодательством в государстве обычного проживания несовершеннолетних детей.

Н.В. Тригубович указывает, что с точки зрения практики важно установить, чтобы ответственными за решение вопросов о правах опеки, месте жительства ребенка и других вопросов воспитания и развития ребенка были компетентные органы именно того места, в котором ребенок реально проживает [13, С. 16].

В Республике Беларусь на основании п. 4 Положения о порядке организации работы по установлению и осуществлению опеки (попечительства) над несовершеннолетними детьми [14] опека (попечительство) устанавливается по решению органа опеки и попечительства (местного исполнительного и распорядительного органа) по месту жительства (нахождения) несовершеннолетних детей, подлежащих опеке (попечительству), или по месту жительства кандидата в опекуны (попечители), если это отвечает интересам подопечного.

В соответствии со ст. 14 Конвенции при выяснении вопроса о том, имело ли место незаконное перемещение или удержание ребенка, судебные или административные органы запрашиваемого государства могут непосредственно принимать во внимание законодательство и судебные или административные решения, признанные и не признанные официально в государстве постоянного проживания ребенка, не прибегая к специальным процедурам подтверждения действия этого законодательства или признания иностранных решений, которые в ином случае необходимо было бы применить.

Доказывание наличия фактов второй группы (свидетельствующих о продолжительности временного периода, прошедшего с момента перемещения или удержания ребенка, и привыкании ребенка к условиям проживания в другой стране) лежит на ответчике.

Относительно группы фактов, свидетельствующих о временном периоде, прошедшем с момента перемещения или удержания ребенка, следует указать, что продолжительное нахождение ребенка на территории иностранного государства может быть расценено судом как оказавшее влияние на ребенка в его же интересах, и в связи с этим не требующее применения юридических последствий, связанных с возвращением в государство их обычного местожительства.

По общему правилу, закрепленному в ст. 12 Конвенции договаривающиеся государства, действуя в интересах детей, должны обеспечить их быстрое возвращение в государство их обычного местожительства, обеспечить защиту права на общение. Как исключение можно рассматривать положение указанной статьи 12 Конвенции, предусматривающее, что если разбирательство по делу начато после истечения срока в один год, тем не менее, судебный или административный орган отдает распоряжение о возвращении ребенка, за исключением случаев, когда установлено, что ребенок к этому времени интегрировался в новую среду.

В связи с этим срок, в течение которого несовершеннолетний находится в государстве, в которое он был перемещен или удерживается, входит в предмет доказывания, должен быть подтвержден соответствующими доказательствами, также как и факт адаптации ребенка к новой среде его проживания.

Бремя доказывания обстоятельств, которые ответчик кладет в основание своих возражений против иска о возвращении ребенка, а именно: адаптация ребенка в новом окружении (в том государстве, в котором он находится), законность перемещения или удержания ребенка или наличие очень серьезного риска причинения ребенку вреда в случае его возвращения в государство обычного (постоянного) проживания, возлагается на ответчика [7, с. 10].

Также ответчиком должны быть представлены доказательства относительно фактов, указанных в третьей группе, т.е. фактов, при установлении которых суд может отказать в удовлетворении заявления о возвращении ребенка. При этом, если заявителю необходимо доказать отсутствие таких фактов, то ответчик, наоборот, доказывает, что данные факты

имели место. Таким образом, ответчик должен доказать, что а) лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка или дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых; или б) имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия (ст. 13 Конвенции).

В юридической литературе высказывается и другое мнение о распределении бремени доказывания по рассматриваемым делам. К.А. Тхазеплов указывает, что Конвенция содержит косвенную презумпцию незаконности перемещения и удержания ребенка. Перемещение ребенка всегда считается незаконным, поэтому обстоятельства-исключения не исключают незаконности перемещения ребенка, а лишь позволяют суду оставить ребенка в стране, в которую его перевезли. Доводы истца сводятся к тому, что он считает перемещение и удержание своего ребенка незаконным, ему не нужно предоставлять никаких доказательств в обоснование своих требований. На ответчике должно лежать бремя доказывания всех юридических фактов дела [15, С. 32].

Особенностью рассмотрения и разрешения дел данной категории является и необходимость выяснения наличия возражения ребенка против возвращения. В соответствии со ст. 13 Конвенции судебный или административный орган может также отказать в возвращении ребенка, если он придет к заключению, что ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение. Также судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан предписывать возвращение ребенка, если лицо, учреждение или иная организация, выступающие против его возвращения, докажут, что имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия.

С родителями и другими законными представителями несовершеннолетний состоит в правоотношениях, при этом каждый из них считает, что он действует в интересах ребенка. Мнение ребенка учитывается при разрешении дела. По делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа суд при вынесении решения должен исходить не из интересов родителей, а из интересов ребенка. В преамбуле Конвенции указано, что государства, ее подписавшие твердо убеждены, что *интересы* детей имеют первостепенное значение в вопросах их проживания.

В Республике Беларусь в соответствии с п. 8-2, 8-2.5 Положения об органах опеки и попечительства, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1676 [16] социально-педагогические центры как учреждения образования, осуществляющие

функции по опеке и попечительству, должны по запросу суда выявлять мнение ребенка при рассмотрении дел по спорам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних.

Порядок выявления мнения ребенка в суде в данном случае будет осуществляться посредством его представления органом опеки и попечительства. Такой порядок не противоречит положению ст. 12 Конвенции о правах ребенка [17], из содержания которой следует, что ребенок имеет право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, представляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Между тем, как это следует также из содержания вышеуказанной ст. 12 Конвенции о правах ребенка, в суде ребенок может непосредственно быть заслушан в ходе судебного заседания. Однако порядок процессуального действия по заслушанию в судебном заседании ребенка не определен. Следует в связи с этим уточнить, что ст. 184 ГПК предусматривает ситуацию, когда несовершеннолетний является стороной, третьим лицом или заявителем. В этом случае суд с учетом обстоятельств получает объяснения от самого несовершеннолетнего, его законного представителя или их обоих. Также ст. 189 ГПК предусматривает особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля. Вместе с тем в делах о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа ребенок не является ни стороной (третьим лицом), ни свидетелем по делу. Существование разновидности гражданских процессуальных правоотношений, которые возникают при заслушании в судебном заседании ребенка, требует отдельного регулирования в гражданском процессуальном законодательстве.

Автор Н.В. Трегубович, анализируя вопросы о согласии лица, учреждения или иной организации, осуществлявшим заботу о ребенке, на его перемещение или удержание или не выражении возражений против таковых (п. а) ст. 13 Конвенции) указывает на неурегулированность условий о форме выражения согласия (письменная или устная, не определено, допускается ли молчаливое согласие родителя на переезд ребенка, выражение согласия конклюдентными действиями). При этом судебная практика по данному вопросу разнообразна. В судебной практике бывают обстоятельства, при которых суд может считать, что согласие было дано, пусть и не в письменной форме. Возможны также случаи, когда согласие может вытекать из поведения родителя [18, с. 10].

Кроме того, в соответствии со ст. 20 Конвенции в возвращении ребенка в соответствии с положениями ст. 12 Конвенции может быть отказано, если это



противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод.

Согласно ст. 334-13 ГПК решение суда по делу о возвращении ребенка должно соответствовать требованиям, установленным гл. 28 ГПК, и содержать обоснование необходимости возвращения ребенка в государство постоянного проживания в соответствии с Конвенцией, при необходимости - порядок и сроки возвращения ребенка, и указание на распределение судебных расходов, связанных с рассмотрением дела о возвращении ребенка, или обоснование отказа в возвращении ребенка в государство постоянного проживания в соответствии с Конвенцией, и указание на распределение судебных расходов.

### **Библиографический список**

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 55. – 2/53.

2. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Международное частное право. Сборник документов. – М.: БЕК, 1997. – С. 704–712.

3. Тригубович, Н.В., Семина Т.А., Чернов А.В. Применение медиации при разрешении споров о детях, в том числе в рамках реализации положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. / Н.В. Тригубович, Т.А. Семина, А.В. Чернов А.В. // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 1. – С. 8–11.

4. Ростовцева, Н.В. О применении в России Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей / Н.В. Ростовцева // Судья. – 2014. – № 8. – С. 45–50.

5. Об утверждении Инструкции по оказанию помощи гражданам Республики Беларусь в вопросах исполнения международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи: постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 июля 2003 г. № 17 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 77. – 8/9722.

6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 18-19. – 2/13.

7. Габов, А.В. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / А.В. Габов, Е.С. Ганичева, М.Е. Глазкова, В.М. Жуйков, Д.И. Ковтков, Л.Ф. Лесницкая, Н.И. Марышева, М.Л. Шелютто // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 5 – 25.

8. Convention on the Civil Aspects Of International Child Abduction (Concluded 25 October 1980) [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24> – Дата доступа: 15.10.2020.

9. Конвенция о гражданских аспектах международного похищения детей (Заключена в г. Гааге 25.10.1980) // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1998. – № 18. – ст. 209.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-З // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1999. – № 7–9. – ст. 10.
11. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть): кодекс Респ. Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 4. 2/1623.
12. Словарь латинских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://base.garant.ru/2540005/> Дата доступа: 15.10.2020.
13. Тригубович, Н.В. Толкование понятия "habitual residence" при применении статьи 4 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года / Н.В. Тригубович // Семейное и жилищное право. - 2016. - № 3. – С. 20 – 24.
14. Об утверждении Положения о порядке организации работы по установлению и осуществлению опеки (попечительства) над несовершеннолетними детьми: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 мая 2006 г. № 637 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 86. – 5/22338.
15. Тхазеплов, К.А. Доказывание по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. – № 11. С. –29 – 33.
16. Об утверждении Положения об органах опеки и попечительства: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1676 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 85. – 5/1944.
17. Конвенция о правах ребенка (Заключена в г. Нью-Йорке 20.11.1989) // Ведамасці Вярхоўн. Савета Беларускай ССР. –1990. – № 1. – ст. 7.
18. Тригубович, Н.В. Незаконное перемещение или удержание ребенка согласно Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. и российскому законодательству / Н.В. Тригубович // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 2. – С. 6–11.

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

**Д.Г. Ткаченко**

*юрист ООО «Фирма социальных инноваций»*

Цифровая экономика представляет собой повсеместное использование ИТ (оборудования, программного обеспечения, приложений и телекоммуникаций) во всех аспектах экономики, включая внутренние операции организаций (коммерческих, государственных и некоммерческих). По данным

Международного союза электросвязи (ITU) (2005), человеческий социум развитых стран находится на пороге «Интернета вещей». Следовательно, цифровую экономику можно описать как пирамиду. Верхний раздел - «острие» - включает продукцию кремниевого литья и полупроводниковой промышленности. Сам по себе это небольшой сектор, но он важен, потому что его продукты лежат в основе компьютеров и электронных компонентов, которые используются во все более и более широком диапазоне продуктов, включая бытовую электронику, автомобили, машины и промышленное оборудование, отопление, вентиляцию, и системы кондиционирования (HVAC), и бытовая техника. Крупные торговые сети, такие как Wal-Mart, начали прикреплять «смарт-метки» (RFID или устройства радиочастотной идентификации) к упаковкам основных товаров, продаваемых в супермаркетах.

Второй уровень пирамиды, ниже острия, состоит из компьютерной и телекоммуникационной отраслей, как производства, так и услуг. Эти отрасли можно рассматривать как «основной сектор» цифровой экономики, поскольку этот сектор позволяет работать нижних частей [2, с. 13].

Третий уровень представляет собой «основную часть» цифровой экономики, включая как производство, так и услуги, которые в значительной степени зависят, а иногда почти исключительно от цифровых технологий. Большая часть людей в этих отраслях тратит большую часть своего рабочего времени на компьютеры и телекоммуникационные устройства. В сфере услуг мы должны упомянуть: электронную торговлю, средства массовой информации и развлечения, бизнес-услуги на базе ИТ (такие как центры обработки вызовов и общие центры обслуживания), а также финансовые услуги. В производственном секторе мы можем определить сектора с интенсивным использованием ИТ, где «жизненный цикл продукта» полностью или частично управляется ИТ, например, автомобильная или авиационная промышленность. Однако, даже в самых передовых отраслях цифровизация варьируется в зависимости от департаментов и регионов.

Интенсивное развитие цифровых технологий, распространение Интернета привело к практическому внедрению цифровых технологий в экономические связи между хозяйственными объектами, людьми и государствами. Перенос взаимодействия правоотношений из документарной формы в цифровую привёл к повышению эффективности документооборота как у физических, так и у юридических лиц [1, с. 126].

Достаточно сложные отношения между гражданами, гражданами и государством, гражданами и государством, между юридическими лицами и гражданами, а также внешнеэкономическая деятельность стали производиться дистанционно с использованием цифровых технологий. Растущая сложность и многообразие форм взаимодействия физических и юридических, государства в связи с возникновением дистанционной связи посредством цифровых технологий вызывает необходимость создавать

административно-правовой механизм для регулирования общественных отношений, которые происходят в цифровом виде [4, с. 274].

В связи с возможностью использовать цифровые технологии связи для заключения договоров в бездокументарной форме стали развиваться электронные формы заключения договоров. Цифровая форма договора качественно по содержанию не отличается от документарной, она также существует в тех же юрисдикциях государств. Применяемые сегодня смарт-контракты защищаются с помощью технологии блокчейн.

Из-за развития Интернета, как места размещения социальных сетей, места, где органы государственной власти и частные лица размещают информацию о себе, стал активно развиваться цифровой банкинг. Цифровой банкинг – предоставление банковских услуг с использованием современных устройств, которые включают в себя как использование скоростных цифровых технологий связи, так и программное обеспечение. Работа современных банков и кредитных организаций в условиях цифровой экономики требует разработки нормативно-правового сопровождения банковских операций, а также создание правового регулирования для обеспечения кибербезопасности данных[3, с. 132].

Появление криптовалюты вызывает ряд толкование самого термина криптовалюты: ряд правоведов считает её финансовым цифровым инструментом, другие же рассматривают в качестве имущества. Таким образом, понятие криптовалюты, используемой на основании цифровых платформ, вызывает научные дискуссии при обсуждении цифровой экономики.

Сегодняшнее цифровое право развивается как междисциплинарная сфера взаимодействия целого ряда отраслей права: административного права, информационного права, финансового права, валютного права, банковского права, гражданского права, корпоративного права, международного права. Развитие цифрового права в современном мире включает в себя включение многих норм международного права, включая борьбу с финансированием терроризма, противодействие отмыванию финансовых средств, полученных преступным путём.

В настоящее время опережающими темпами нормотворцы совершенствуют цифровое право в странах англосаксонской правовой семьи, где формулировки цифрового права всегда обладают чётким и ясным толкованием терминов в рамках нормативных правовых актов.

В Восточной Европе становление цифрового права лучше всего происходит в Республике Беларусь, где разработка цифрового права идёт совместно с развитием программирования, высоких технологий. Качество цифрового права является плодом успешной мысли белорусского законодателя, грамотно и чётко отображающего реалии цифровой экономики в правовом поле.

### **Библиографический список**

1. Демяхина, Е.В. Цифровая экономика как актуальная тенденция развития современной экономики // В сборнике: Модернизация российского общества: новые экономические ориентиры. Материалы XX Всероссийской научной конференции (национальной с международным участием). ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики». – 2019. – С. 124-128.
2. Косолапова, М.В., Свободин, В.А. Методологические вопросы системно-цифровой экономики – взаимосвязь системной и цифровой экономик // Мягкие измерения и вычисления. – 2019. – № 6 (19). – С. 13-16.
3. Ушакова, Е.В., Ткаченко, Д.Г. Эволюция цифровых отношений в парадигме цифрового права // В сборнике: Актуальные проблемы современного законодательства. Сборник статей участников V Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Под редакцией Е.В. Былинкиной, С.В. Дубовиченко, О.В. Садовской. – 2020. – С. 131-135.
4. Цирик, О.А. Цифровая экономика –новый вектор развития современной экономики // В сборнике: Современная наука: идеи, которые изменяют мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 273-277.

### **К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА, РАССМАТРИВАЕМОГО МЕЖДУНАРОДНЫМ АРБИТРАЖНЫМ (ТРЕТЕЙСКИМ), ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ**

**Е.А. Унукович**

*старший преподаватель кафедры гражданского процесса и  
трудового права юридического факультета  
Белорусского государственного университета*

В соответствии со ст. 23 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» от 09.07.1999 года № 279-З (далее по тексту – Закон от 09.07.1999 г.), если соглашением сторон не предусмотрено иное, состав международного арбитражного суда может по просьбе любой стороны вынести определение о принятии какой-либо стороной таких обеспечительных мер в отношении предмета спора, которые он считает необходимыми. Однако, следует учитывать, что юрисдикция указанного суда распространяется на стороны, подписавшие арбитражное (третейское) соглашение, что исключает возможность реализации данных мер со стороны третьих лиц (например, банков) [1, с. 196]. Кроме того, положения ст. 23 Закона от 09.07.1999 года рассчитаны на добровольное исполнение сторонами предписаний вынесенного судом определения. В процессуальном законодательстве (ГПК, ХПК), а также в законодательстве об исполнительном производстве не предусмотрен механизм приведения в исполнение определения международного арбитражного суда о применении обеспечительных мер. Таким образом, закрепление за международным арбитражным (третейским) судом, находящимся на

территории Республики Беларусь, права применения мер обеспечения иска при отсутствии возможности их принудительного исполнения, не имеет определяющего значения.

Законом Республики Беларусь «О третейских судах» от 18.07.2011 № 301-З (далее по тексту – Закон от 18.07.2011 года) возможность разрешения в третейском разбирательстве вопроса обеспечения иска не предусмотрена. Однако оба вышеуказанных законодательных акта допускают возможность обращения в государственный суд с просьбой (заявлением, ходатайством) об обеспечении иска (ст. 23 Закона от 09.07.1999 года, ст. 30 Закона от 18.07.2011 года). При этом обращение стороны в государственный суд с заявлением (ходатайством) об обеспечении иска и принятие судом мер по его обеспечению не рассматриваются как несовместимые с арбитражным (третейским) соглашением или как отказ от такого соглашения.

Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела» от 01.07.2014 № 174–З в главу 9 ХПК были внесены изменения, в частности, законодателем были закреплены процессуальные особенности рассмотрения и разрешения заявления об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом. При этом законодателем были восприняты положения как Закона от 09.07.1999 года, так и Закона от 18.07.2011 года, несмотря на существенные отличия в правовом регулировании рассматриваемого вопроса.

Принципальное отличие, прежде всего, касается круга лиц, имеющих право на обращение с заявлением об обеспечении иска.

В соответствии с ч. 2 ст. 23 Закона от 09.07.1999 года обратиться в государственный суд с просьбой об обеспечении иска может состав международного арбитражного (третейского) суда либо сторона арбитражного разбирательства, но с согласия международного арбитражного (третейского) суда. В ст. 30 Закона от 18.07.2011 года право на подобное обращение предоставлено исключительно стороне третейского разбирательства. Вышеуказанные положения и нашли свое закрепление в ч. 3 ст. 113 ХПК.

Позиция международного арбитражного (третейского) суда, находящегося на территории Республики Беларусь, по вопросу необходимости обеспечения рассматриваемого им иска в рамках действующего правового регулирования имеет важное значение, даже если инициатива в применении мер обеспечения иска исходит от стороны арбитражного (третейского) разбирательства. В этом случае к заявлению должен быть приложен документ, подтверждающий согласие международного арбитражного (третейского) суда на обращение стороны в суд, рассматривающий экономические дела, с ходатайством об обеспечении иска (ч. 3 ст. 114 ХПК).

Критические замечания в отношении возможности проявления судом инициативы в применении мер обеспечения иска, в частности, в гражданском

процессе уже были предметом рассмотрения [2, с. 93-96]. Приводимые аргументы в полной мере можно рассматривать и в отношении проявления инициативы международным арбитражным (третейским) судом. Однако в этом случае возникают дополнительные вопросы, требующие своего разрешения. В частности, возникает вопрос возмещения ответчику убытков, причиненных обеспечением иска, поскольку обязанность по их возмещению возлагается на лицо, заявившее ходатайство об обеспечении иска (ст. 120 ХПК), а в рассматриваемой ситуации таким субъектом будет выступать международный арбитражный (третейский) суд.

Кроме того, возникает вопрос по государственной пошлине, которая должна быть уплачена за рассмотрение ходатайства об обеспечении иска (п. 13 Приложение 15 к НК). При обращении международного арбитражного (третейского) суда в суд, рассматривающий экономические дела, с ходатайством об обеспечении иска, именно заявитель обязан будет уплатить государственную пошлину.

Вышеприведенные доводы свидетельствуют, что право обращение в государственный суд с ходатайством об обеспечении иска должно предоставляться заинтересованному лицу (стороне арбитражного (третейского) разбирательства), которое при реализации указанного права должно нести связанные с подобным обращением расходы, а также риски возможной компенсации убытков, причиненных ответчику применением обеспечительных мер. Поэтому предпочтительным в этом вопросе является содержание ст. 30 Закона от 18.07.2011 г., закрепляющей право на обращение в государственный суд с заявлением об обеспечении иска, только стороны третейского разбирательства.

Компетентным в разрешении соответствующего ходатайства будет выступать суд, рассматривающий экономические дела, по месту арбитражного (третейского) разбирательства либо по месту нахождения имущества, в отношении которого могут быть приняты меры по обеспечению иска (ч. 2ст. 115 ХПК).

ХПК предусмотрен ряд специальных требований к документам, прилагаемым к ходатайству об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским), третейским судом (ч. 3-5 ст. 114).

К ходатайству стороны арбитражного разбирательства об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, находящимся на территории Республики Беларусь, прилагается документ, подтверждающий согласие международного арбитражного (третейского) суда на обращение стороны в суд, рассматривающий экономические дела, с ходатайством об обеспечении иска. К ходатайству стороны третейского разбирательства об обеспечении иска, рассматриваемого третейским судом, находящимся на территории Республики Беларусь, прилагается определение этого третейского суда о возбуждении третейского разбирательства.

К ходатайству об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, прилагается также документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, за исключением случая, когда государственная пошлина уплачена посредством использования автоматизированной информационной системы единого расчетного и информационного пространства и учетный номер операции (транзакции) в едином расчетном и информационном пространстве указан в ходатайстве либо сообщен суду, рассматривающему экономические дела, иным способом при подаче ходатайства.

Принципальное отличие ХПК закрепляет в отношении порядка рассмотрения ходатайства об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом. Рассмотрение данного вопроса осуществляется в судебном заседании (ч. 2 ст. 115 ХПК), что исключает возможность оперативного реагирования суда на возможные недобросовестные действия стороны арбитражного (третейского) разбирательства. Отсутствие фактора внезапности в применении мер обеспечения иска может привести к утрате значения указанного института. Законодателем не установлены сроки, в течение которых должно быть назначено судебное заседание по рассмотрению вопроса обеспечения иска, что также следует рассматривать критически с учетом назначения применяемых обеспечительных мер. Кроме того, закрепляя порядок отмены обеспечения иска, обжалования определения суда о применении мер обеспечения иска, законодатель тем самым предусматривает возможность заявления возможных возражений по вопросу обоснованности применения указанных мер.

В этой части хотелось бы отметить, что в ГПК положения, регулирующие особенности рассмотрения ходатайства об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским), третейским судом, не вносились. Это означает, что в гражданском судопроизводстве применяются общие правила главы 25 ГПК за исключением специальных правил, установленных ст. 23 Закона от 09.07.1999 года, ст. 30 Закона от 18.07.2011 года.

Полагаем, необходимым с учетом высказанных замечаний выработать единый подход в регулировании порядка обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским), третейским судом, в гражданском и процессуальном законодательстве.

### **Библиографический список**

1. Брунцева, Е.В. Международный коммерческий арбитраж/Учебное пособие для высших юридических учебных заведений. – Спб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. – 368 с.
2. Унукович, Е.А. К вопросу проявления судом инициативы в применении мер обеспечения иска// Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы международного круглого стола, 26 октября 2018 г., Минск, Беларусь / БГУ,



Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права ; [редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – Деп. в Бел. гос. ун-те 20.02.2019 г. – № №001820022019. – С. 93-96.

## **ВОПРОСЫ КОНКУРЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДОВЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**К.К. Уржинский**

*доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

В качестве предисловия отметим, что креативная трудовая деятельность физических лиц, направленная на создание различного рода духовных и материальных ценностей, является одним из главных условий экономической стабильности и безопасности любого государства. Важнейшим обеспечительным элементом самого организованного трудового процесса, на который ориентировано внимание международно-правового регулирования, является его правовое обеспечение. Так, например, в одном из последних актов Международной организации труда (далее - МОТ) - Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда, принятой в 2019 году на 108 сессии Международной конференции труда по случаю столетия МОТ, указывается в качестве одной из приоритетных задач необходимость сокращения и ликвидации неформального сектора экономики, что подразумевает соответствующее правовое оформление трудовых отношений.

Что касается самого понятия «трудового отношения», то его мы рассматриваем в контексте классического субъектного состава: «работодатель» – «работающий». При этом к работодателю относим нанимателей, т.е. юридических или физических лиц, которым законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником (ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь – далее ТК), а также юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, предоставляющих работу физическим лицам (гражданам) по трудовым договорам, гражданско-правовым договорам. Соответственно работающие – это физические лица, осуществляющие трудовую деятельность по трудовым договорам (работники) и физические лица, работающие по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг, создание объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, в настоящее время можно выделить две главные правовые формы опосредования организованной (привлеченной) трудовой деятельности физических лиц: трудовые и гражданско-правовые договоры.

Определив субъектный состав и правовые формы трудовой деятельности, попытаемся обозначить вопросы, на которые нам хотелось бы ответить в нашей

статье. Прежде всего, под конкуренцией договоров мы рассматриваем не конкуренцию в собственном, экономическом смысле этого слова, а те правовые преференции, которые стороны трудовых отношений (работодатель и работающий) получают при заключении того или иного вида договора: трудового или гражданско-правового. Поэтому главной задачей является определение, какой договор с правовой точки зрения более выгоден для работающего или работодателя.

В данном случае мы фактически говорим об основополагающих подходах двух отраслей права к интересующей нас проблеме. И здесь есть определенные сходства и, конечно же, различия. Главным объединяющим моментом является договорный характер установления, изменения и прекращения отношений, связанных с осуществлением трудовой деятельности. Как трудовые, так и гражданско-правовые договоры заключаются исходя из принципа свободы волеизъявления: свободы договора (гражданское право) и свободы труда (трудовое право). В гражданском праве свобода заключения договора основана на целом ряде факторов, в частности, условиях действительности гражданско-правовых сделок, в качестве одного из которых выступает соответствие воли субъекта его волеизъявлению. Соответственно сделки (договоры) с пороками воли могут быть признаны недействительными. Что касается трудового права, то в нем достаточно давно существует принцип запрета принудительного труда (соответственно, декларируется принцип свободы труда), прописанный в целом ряде актов МОТ таких как: Конвенция «Об упразднении принудительного труда (Конвенция 105)» (заключена в г. Женеве 25.06.1957); Конвенция относительно принудительного или обязательного труда (Конвенция 29) (заключена в г. Женеве 28.06.1930) и т.д. В связи с принятием 18 июня 1998 года Декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» данный принцип соответственно был отнесен к основополагающим.

Что касается дальнейшего функционирования трудовых отношений после заключения соответствующего договора, то здесь ситуация следующая. Так, в трудовом праве в связи с обоснованными производственными, организационными или экономическими причинами наниматель имеет право в порядке, предусмотренном ст. 32 ТК, изменить существенные условия труда работника при продолжении им работы по той же квалификации, должности служащего (профессии рабочего), определенными в трудовом договоре. Наниматель обязан предупредить работника об изменении существенных условий труда письменно не позднее, чем за один месяц. Собственно говоря, договорная свобода здесь отодвигается на задний план и заменяется интересами нанимателя (работодателя), а все условия трудового договора, за исключением трудовой функции могут меняться без согласия работника. В качестве ремарки укажем, что в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусмотрен более длительный срок для предупреждения работника об изменении существенных условий труда – два месяца (ст. 74 ТК РФ). Здесь следует добавить, что в настоящее время пунктом 14 Указа

Президента Республики Беларусь от 24.04.2020 № 143 «О поддержке экономики» нанимателям предоставлено право изменять существенные условия труда работника, за исключением уменьшения размера оплаты труда, в связи с обоснованными причинами неблагоприятного воздействия эпидемиологической ситуации на деятельность нанимателя. В данном случае наниматель обязан предупредить работника об изменении существенных условий труда письменно не позднее, чем за 1 календарный день.

Кроме того, как мы знаем, возможны и иные изменения условий труда без согласия работника: например, переводы в порядке производственной необходимости (ст. 33 ТК); пунктом 14 Указа Президента Республики Беларусь от 24.04.2020 № 143 «О поддержке экономики» нанимателю также предоставлено право производить временный перевод, в том числе в другое структурное подразделение, к другому нанимателю в связи с производственной необходимостью, вызванной неблагоприятным воздействием эпидемиологической ситуации на деятельность нанимателя, а также для замещения отсутствующего работника без согласия работника на срок до 3 месяцев. По соглашению сторон срок такого перевода может быть увеличен.

Что касается гражданско-правовых договоров, то согласно ст. 420 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее - ГК) изменение и расторжение договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК и иными актами законодательства или договором. По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только: при существенном нарушении договора другой стороной; в иных случаях, предусмотренных ГК и иными актами законодательства или договором. При этом, существенным признается нарушение договора одной из сторон, влекущее для другой стороны такой ущерб, в результате которого она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Кроме того, согласно ст. 421 ГК изменение (расторжение) гражданско-правового договора возможно в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, если они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Таким образом, в данном случае гражданское законодательство гораздо более ориентировано в направлении договорного характера изменений условий соглашения, нежели трудовое, последнее же фактически подстраивается под производственные, организационные, экономические нужды нанимателя.

Несомненным бонусом гражданского законодательства по отношению к работающим физическим лицам является принятие Указа Президента Республики Беларусь от 06.07.2005 года № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым

договорам», в котором прописаны серьезные позиции социального пакета в отношении таких лиц: например, в качестве существенных условий договоробязательство заказчика – юридического лица или индивидуального предпринимателя, предоставляющего работу гражданам по гражданско-правовым договорам, по уплате за них в установленном порядке обязательных страховых взносов на государственное социальное страхование в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь; обязательство заказчика по уплате страховых взносов по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, если выполнение работ, оказание услуг, создание объектов интеллектуальной собственности по заключенным им гражданско-правовым договорам с гражданами осуществляется в местах, предоставленных заказчиком.

Вместе с тем, трудовое право и предусмотренные им трудовые договоры сохраняют свои позиции в области социально-правовой направленности и поддержки по отношению к лицам наемного труда, что касается целого ряда его институтов: трудового договора, рабочего времени, времени отдыха, материальной ответственности и ряда других, в чем собственного говоря и заключается суть данной отрасли и ее целевое назначение. Сказанное, однако, не исключает возможного реформирования норм отечественного трудового законодательства в направлении его демократизации, используя, в частности, опыт российского законодателя в контексте приведенной нами нормы ТК РФ в плане увеличения срока предупреждения работника об изменении существенных условий труда.

## **К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ И ЕГО СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**К.А. Федкович**

*юрисконсульт ООО «СМК Астрой»*

Исходя из ч. 2 п. 1 ст. 402, п. 3 ст. 425, п. 1 ст. 427, ст. 476 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), ч. 3 п. 4 Положения о поставках товаров, к существенным условиям договора поставки товаров относятся [1; 2]:

предмет договора. Однако, стоит отметить, что под предметом договора поставки различные ученые определяют разные понятия. Некоторые определяют предметом договора исключительно товар (Б.М. Сейнаров, О.А. Чаусская, В.А. Белов, В.П. Мозолин, И.В. Елисеев, В.Н. Годунов). О.С. Иоффе рассматривает предмет договора поставки через призму товара и цены. Е.А. Суханов и В.В. Витрянский под предметом рассматриваемого договора понимают действия продавца-поставщика по передаче товара

покупателю, а также соответствующие действия покупателя о принятии товара и уплате за него определенной цены [3, с. 173-174].

Чтобы это условие было согласовано, в договоре нужно указать:

- наименование товара, его характеристики (марка, модель и т.п.);
- количество товара или порядок его определения.

В положениях о предмете договора поставки следует также обратить внимание на дискуссионный вопрос, касающийся некоторых характеристик предмета договора. Так, Е.П. Кучер выдвинул предложение о том, чтобы на законодательном уровне зафиксировать требование обязательного согласования отдельных характеристик предмета договора поставки, а именно ассортимента и качества товара [4, с. 15]. Приведённое обоснование не является категорическим, ведь ассортимент, что включает в себя вид, модель, размер цвет и так далее, не всегда может быть согласован. Что касемо требований к качеству предмета поставки, то, если брать поставку товаров для государственных нужд, определенные требования чаще всего уже нашли своё закрепление в государственных стандартах и иных подобных технических нормативных правовых актах. Таким образом, не видится целесообразным на законодательном уровне предъявлять фиксированные требования как к ассортименту, так и к качеству поставляемого товара [5, с. 134-135].

2) цену товара или порядок ее определения. Следует отметить, что на данный момент нет однозначного ответа на вопрос, является условие о цене в договоре поставки существенным либо нет. Да, по ч. 3 п. 4 Положения о поставках товаров условия о цене, а точнее его отсутствие, признает договор поставки незаключенным. Однако, некоторые ученые, в частности Т.В. Авдеева, С.М. Ананич, В.В. Васильева выражают своё мнение относительно того, что условие о цене в договоре поставки не является существенным. Аргументом в их понимании выступает применение к договору поставки общих правил о договоре купли-продажи в части того, что в случае отсутствия цены и возможности её определения по условиям договора оплата будет производиться по цене, которая обычно взимается за аналогичный товар [6, с. 300; 7, с. 64; 8, с. 26].

По общему правилу это условие определяется по соглашению сторон (п. 3 ст. 391, ч. 1 п. 1 ст. 394 ГК Республики Беларусь). При этом нужно учитывать, что цены на некоторые товары могут регулироваться законодательством (ч. 2 п. 1 ст. 394 ГК Республики Беларусь, ст. 7 Закона о ценообразовании).

3) условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Это могут быть любые условия, которые не противоречат требованиям законодательства.

Договор, в котором нет хотя бы одного из перечисленных условий, является незаключенным [1, ч. 1 п. 1 ст. 402]. Стороны не смогут потребовать друг от друга исполнения такого договора.

Рекомендуется, помимо существенных условий поставщику согласовать с покупателем (п. 1 ст. 191, п. 1 - 3 ст. 456, п. 1 ст. 479, ст. 487 ГК, п. 62 и 66 Положения о поставках товаров):

1) срок оплаты товара. Он определяется по соглашению сторон (п. 3 ст. 391 ГК). Если это условие не согласовано в договоре, возможен спор о сроках оплаты и есть риск не получить ее в то время, когда поставщик рассчитывал. Следует акцентировать внимание, что при отсутствии в договоре срока оплаты покупатель должен уплатить деньги в срок, максимально приближенный к моменту передачи ему товара;

2) срок поставки товара. Он определяется по соглашению сторон [1, п. 3 ст. 391]. При отсутствии в договоре поставки товаров строго определенного срока поставки или иного способа его определения применению подлежат правила, установленные ст. 295 ГК Республики Беларусь.

Сроки поставки отдельных партий (периоды поставки) по договору поставки товаров, которым такие сроки не определены, регулируются ст. 478 ГК Республики Беларусь. В соответствии с п. 1 ст. 428 ГК Республики Беларусь, если иное не предусмотрено договором поставки товаров, обязанность по поставке товаров считается исполненной в момент передачи товаров покупателю или указанному им лицу либо сдачи товаров перевозчику. Если договор поставки товаров содержит условие о выборке товаров покупателем в местонахождении поставщика (пункт 2 статьи 480 ГК), то момент исполнения обязательства по поставке определяется в соответствии с правилом пп. 2 п. 1 ст. 428 ГК Республики Беларусь, если иной момент исполнения обязательства по поставке не предусмотрен договором поставки товаров.

3) порядок поставки. Он определяется по соглашению сторон [1, п. 3 ст. 391].

В этом условии стороны могут согласовать:

- адрес, куда товар должен быть доставлен или где происходит его передача;

- график поставки товара партиями;

- распределение транспортных расходов между сторонами и др.

Также договор может содержать условия об обязанности покупателя забрать товар. Такое условие прописывается в случае, когда поставка товара осуществляется путем отдельных партий и есть потребность в поставке как силами поставщика, так и силами покупателя. Если же порядок поставки не согласован, поставщик обязан доставить товар по месту нахождения покупателя;

4) сроки и порядок возврата тары, если она должна быть возвращена.

Пример формулировки условия в договоре:

«Покупатель обязан вернуть тару (поддоны) в течение трех рабочих дней с даты доставки товара. Покупатель возвращает тару своими силами и за свой счет».

Если указанное условие не согласовано в договоре, покупатель обязан возвратить только многооборотную тару и средства пакетирования. Сроки и порядок возврата тары законодательством не урегулированы. В результате между сторонами может возникнуть спор о том, когда должна быть возвращена тара. Если спор будет решаться судом, поставщик может понести дополнительные расходы, например, на оплату госпошлины (п. 84 Положения о поставках товаров);

5) неустойку за просрочку оплаты товара.

Пример формулировки условия в договоре:

«В случае нарушения сроков оплаты, обозначенных в настоящем Договоре, либо в документах, подписываемых в связи с ним, Покупатель несет ответственность в форме уплаты пени в размере 0,2 % от неоплаченной суммы, за каждый календарный день просрочки платежа, вне зависимости от обязанности возместить убытки в полном объеме».

Если в договоре не установлена ответственность покупателя за просрочку оплаты, поставщик не сможет ее взыскать. Ведь законная неустойка за нарушение сроков оплаты товара по договору поставки не предусмотрена.

Что касается покупателя, то для него целесообразно согласовать с поставщиком следующее крайне важное условие договора как требования к качеству товара, если они не предусмотрены законодательством. Стороны вправе предусмотреть любые требования, которые не противоречат законодательству [1, п. 3 ст. 391]. Это может быть безопасность товара, его эксплуатационные, экономические, технические характеристики, надежность и др. Так, если условие о качестве товара не предусмотрено договором, покупатель не сможет требовать от поставщика соответствия товара специальным требованиям. Так покупатель вправе требовать только пригодности товара для целей, для которых товар такого рода обычно используется [1, ч. 1 п. 2 ст. 439].

Подводя итог вышеизложенному можно сделать вывод о том, что акцентирование внимания на правильном изложении положений договора крайне необходимо, так как при корректной формулировке в договоре существенных условий, данные положения в дальнейшем не оказываются в суде спорным основанием.

### **Библиографический список**

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: закон Респ. Беларусь от 07 дек. 1998 г., № 218-3 (в ред. Закона от 5 янв. 2016 г., № 352-3)// Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 11.11.2020.

2. Положение о поставках товаров в Республике Беларусь, утвержденном постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 08.07.1996 № 444 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000

[Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2020.

3. Овсяник, Н.А. Существенные условия договора поставки: анализ теоретических и практических проблем Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов : в 2-х т. Т. 1 / Сост. С. В. Анцух.; под общ. ред. В. Г. Шадурского. — Минск: Издательство «Четыре четверти», 2011. — С. 173-175.

4. Кучер, Е.П. Договор поставки как институт гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.П. Кучер ; Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности. – М., 2007. – 22 с.

5. Войтюль, А.В. О существенных условиях договора поставки / А. В. Войтюль // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. - 2017. - № 2. - С. 133 – 137

6. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. Минск: Амалфея, 2010. – Т.2. – 960 с.

7. Ананич, С.М. Договор поставки: признаки и существенные условия / С.М. Ананич // Право Беларуси. – 2005. - №8. – С. 61-65.

8. Васильева, В.В. Договор поставки: юридические аспекты / В.В. Васильева. – М.: ГроссМедиа; РОС-БУХ, 2008. – 144 с.

## **ПРИНЦИПЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**Е.И. Фурса**

*профессор*

*Киевского национального торгово-экономического университета,  
кандидат юридических наук, профессор*

**С.Я. Фурса**

*профессор института права*

*Киевского национального университета им. Тараса Шевченко,  
доктор юридических наук, профессор*

Сегодня можно утверждать, что и в Украине, и в Беларуси, и в России принципы исполнительного производства нашли свое место в соответствующих законах, но на сколько это оправдано и обосновано сделано в правовом контексте, однозначно сказать сложно, тем более в коротких тезисах. Главное функциональное назначение принципов права необходимо, на наш взгляд, рассматривать в нескольких плоскостях, с учетом их предназначения. Исследования принципов права начались учеными давно и их внедрение в законотворческую практику стало результатом привлечения к законотворчеству ученых. Но насколько такая законотворческая практика может считаться полезной для практического применения во всех сферах правовой деятельности, можно длительное время дискутировать, а предметом такой дискуссии может стать значение принципов для той или иной правовой сферы.



Например, в отдельных работах определяют назначение принципов: «Формулирование принципов непосредственно в тексте закона полезно в двух аспектах: во-первых, принципы помогают и направляют процесс правотворчества, показывая направления и содержание возможного совершенствования исполнительного законодательства, и, во-вторых, обеспечивают правильное применение норм закона в судебной и в юридической практике в целом». Но с таким определением трудно согласиться, поскольку не следует закладывать в содержание закона направление его усовершенствования, а необходимо при его совершенствовании максимально приводить содержание в соответствие с теми потребностями, которые привели к необходимости реформирования законодательного акта. То есть существующие проблемы в право применении не могут решаться озвучиванием принципов. В частности, и в Республике Беларусь и в Российской Федерации, и в Украине имеет место принцип законности, который обязывает правоприменителей следовать его букве, а если закон позволит исполнителям иметь собственное мнение по поводу применения норм законодательства, то вполне может оказаться, что применение тех или иных принудительных мер, по мнению исполнителя, целесообразно по отношению к конкретному должнику или обусловлено ситуацией.

В этой связи можно утверждать, что наделяя исполнителя властью по применению принуждения к должнику, закон должен как можно более тщательнее устанавливать меры, которые могут быть применены, и средства защиты его прав. Представляется недопустимым этот вопрос оставлять на усмотрение исполнителя, а в нашей стране, то есть Украине и частного исполнителя. Поэтому представляется несовместимым с ролью и полномочиями исполнителя принцип верховенства права, который заложен в законодательстве Украины. В частности, верховенство права должно обуславливать доминирование права над требованиями закона, но чье право может расцениваться доминирующим?

В законодательстве Республики Беларусь сформулирован принцип равноправия и добросовестности сторон исполнительного производства, с чем также согласиться невозможно. К такому выводу можно придти, если посмотреть на тот момент, когда стороны «входят» в исполнительное производство: взыскатель наделен исполнительным документом правом требования, а должник – обязательством его удовлетворить, то о каком равенстве прав можно говорить? В то же время, считается: «Следует иметь в виду, что в Постановлении № 10-П признано существование целого ряда специфических принципов исполнительного производства, в частности преимущественной защиты прав взыскателя, несостязательного характера исполнительного производства, соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих социально значимые цели исполнительного производства и направления, по которым должны идти правовое регулирование и правоприменительная практика». Концептуально, приведенная цитата может

считаться правильной по содержанию, но с некоторыми оговорками, что в основе исполнительного производства лежит правовой акт уполномоченного государством органа, который должен быть исполнен в соответствии с требованиями закона. Да, в нем заложено право требования взыскателя, но его нельзя абсолютизировать до уровня доминирования над правами должника. В частности, в таком правовом акте могут иметь место ошибки, которые увеличивают сумму взыскания в интересах взыскателя, он в последующем может быть признан незаконным и придется осуществлять поворот исполнения... Но именно правовой акт должен исполняться в том объеме и таким образом, как предписывает закон, а не желает взыскатель. Нужно признать, что взыскатель также может быть не совсем доволен тем решением, которое постановил суд, но и он должен ему подчиниться или вправе его обжаловать.

Приведенное говорит о том, что ни верховенства права, ни абсолютного равенства сторон в исполнительном производстве быть не должно, а сам закон должен отличаться конкретным содержанием и четким определением сроков и действий исполнителя, чтобы устранить возможность злоупотребления правом. Например, среди принципов права в украинском Законе имеет место принцип разумности сроков исполнительного производства, но при буквальном рассмотрении применения этого принципа у суда возникает абсолютно неадекватный предмет – можно ли считать разумным срок и соответственно того, кто его применил. Поэтому нужно акцентировать внимание на допустимости или нет применения принципов исполнительного производства в сочетании с принципом законности, которые направлены на заполнение пробелов в законодательстве.

Если закон не предусматривает последовательности действий исполнителя и не обязывает его их совершить в определенное время, то рассчитывать на то, что оценочное суждение исполнителя будет направлено на наилучшее исполнение решения, не приходится. Например, в Законе РФ «Об исполнительном производстве» имеет место принцип «2) своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения;», но целесообразность его существования сомнительна. Если сроки совершения исполнительных действий определены в Законе, то исполнитель обязан их придерживаться согласно принципу законности. Если же они не определены, то ни о какой своевременности говорить не приходится.

Исполнитель будет во главу угла ставить свои конкретные интересы, а они будут обуславливаться отношением к своим обязанностям, возможно, и коррупционными составляющими и т.п. При этом, привлекать к ответственности исполнителя за несоблюдение принципов исполнительного производства, как нам представляется, сложно или невозможно. Поэтому, процедура исполнения решений по видам должна содержать минимальные и максимальные сроки выполнения соответствующих действий исполнителем,

временные рамки для сторон исполнительного производства, а также тех лиц, которые принимают в нем участие или на права которых оно воздействует.

В связи с этим, называя соответствующий элемент закона принципами исполнительного производства во всех законах мы автоматически признаем, что это нормы права, которые должны применяться на практике. Если же принципы в законе лишь перечисляются, а не очерчивают способы и границы их применения, то они становятся декларацией о намерениях и их значение утрачивается, поскольку в отличие от гражданского права, где права всех субъектов изначально признаются равными, в исполнительном производстве лишь исполнитель наделяется законом общеобязательными властными полномочиями. Но и эти полномочия касаются лишь субъектов исполнительного производства и ограничены функционально.

В частности, к принципам исполнительного производства всех перечисленных законов отнесено принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Но этот принцип, на наш взгляд, требует соответствующего разъяснения его применения для всех возможных производств, а не только соотносимости обозначенного в исполнительном документе взыскания в отношении денежных сумм, а и для других возможных исполнительных производств. В частности, в средствах массовой информации РФ широко освещаются громкие исполнительные производства о сносе незаконно построенных строений и, к сожалению, подробности исполнения решения остаются за кадром. Но в этих делах возможны несколько способов сноса строений, которые будут отличаться не только по стоимости, но и по срокам исполнения, возможным издержкам и т.п. Поэтому, на наш взгляд, исполнение таких решений должно осуществляться тем способом, который будет определен как оптимальный, а это могут установить только специалисты. Иначе, у потерпевшего должника возникает право обратиться в суд за возмещением убытков, которые были причинены ему в следствии неадекватного выбора способа исполнения решения. Довольно часто в судебной практике имеют место иски о сносе части незаконно построенного дома, которая не только нарушает правила застройки, а и мешает полноценному использованию соседнего участка. В таких случаях суд определяет, какая часть строения должна быть снесена, а остальная остаться нетронутой. Поэтому способ исполнения решения должен выбираться с учетом указанного основоположного требования, хотя и может привести к удорожанию стоимости соответствующих работ.

Поэтому авторы считают, что определяя принципы исполнительного производства, нужно исходить из того, что их банальное перечисление ничего не означает, если не сфокусировать внимание на их раскрытии и применении по отношению к конкретным специфическим правоотношениям. Неужели кто-то в наших странах не понимает, что находится в рамках допустимого законодательством поведения и принцип законности при его упоминании в Законе «Об исполнительном производстве» исправит общую «картину». Что

означает принцип процессуальной экономии для должника, взыскателя и исполнителя, а также к чему он их обязывает вообще и в конкретной ситуации? Если его довести до абсолютного применения, то возникнет много споров на предмет не уведомления должника о производстве исполнительных действий в связи с тем, чтоб не оплачивать почтовое уведомление, не привлечения понятых, поскольку им нужно оплачивать утраченное ими время и т.п.

Поэтому в исполнительном производстве возникает очень много проблемных вопросов, которые хочется обсудить на международном уровне, что обусловлено довольно схожими проблемами и возможностью найти общие решения, а также выслушать незаангажированные замечания от коллег о собственных гипотезах. Очевидно, что приведенный материал лишь незначительная часть от тех доводов и аргументов, которые хотелось бы обсудить, но будем надеяться и на последующие встречи тех, кто исследует проблемы исполнительного процесса.

## **О СОДЕРЖАНИИ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ»**

**Т.М. Халецкая**

*доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Правовой режим, по меткому замечанию С.С. Алексеева, призван концентрировать юридические особенности того или иного участка правового регулирования [2, с. 66]. Определение такого участка правового регулирования – задача довольно сложная. Традиционно в юридической литературе характеристика правовых режимов дается применительно к определенным объектам. Например, в науке земельного права понятие «правовой режим земель» применяется для правовой характеристики различных категорий земель [10, с. 16], в науке экологического права выделяют правовой режим использования и охраны недр, правовой режим использования и охраны вод, правовой режим использования и охраны лесов, правовой режим охраны и использования животного мира, правовой режим охраны и использования растительного мира и др. [11, с. 16]. В цивилистической доктрине чаще всего рассматривается правовой режим вещей [1], но наряду с этим анализируется также правовой режим имущественных прав, принадлежащих субъектам гражданских правоотношений [9], правовой режим сделок [5], правовой режим информации [8]. В рамках науки предпринимательского права ученые характеризуют правовой режим предпринимательской деятельности и правовой режим ее регулирования [7]. Однако нередко анализируемая терминологическая конструкция применяется и в отношении субъектов общественных отношений. Так, согласно п. 2 ст. 1104 Гражданского кодекса Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства

пользуются в Республике Беларусь гражданской правоспособностью наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами Республики Беларусь, что именуется в доктрине международного частного права как предоставление им «национального правового режима».

В науке семейного права термин «правовой режим» широко употребляется применительно к имуществу супругов, однако в учебниках и учебных пособиях по семейному праву его определение обнаружить достаточно сложно. Применительно к белорусской правовой доктрине это объясняется тем, что в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) термин «режим» упоминается лишь в отношении режима общей совместной собственности супругов (ст. 13). Использование термина «режим» исключительно к отношениям супружеской собственности в литературе обоснованно подвергается критике. Так, по мнению О.В. Мельниченко термин «отношения собственности супругов» является узким, поскольку сфера имущественных отношений супругов не ограничивается исключительно отношениями собственности [6, с. 179]. Институт права собственности, рассуждает ученый, это сложный правовой институт, и нормы семейного права определяют особенности осуществления этого права супругами в отношении имущества, приобретенного в браке. Наряду с институтом совместной собственности, важное место в системе имущественных отношений супругов занимают и институт обязательственного права, и институт вещных прав. При этом отдельные права супругов, например, право на занятие предпринимательской деятельностью, а также отдельные обязательства (например, по возмещению вреда) обуславливают различие таких прав. Таким образом, резюмирует О.В. Мельниченко, применительно к имущественным отношениям супругов следует использовать не узкий термин «режим супружеской собственности», а более широкий – «режим имущества супругов» [6, с. 180].

Говоря о структуре правового режима имущества, О. Винник выделяет в нем: структуру этого имущества, порядок его формирования и использования, приобретения и отчуждения, обращения на него взыскания кредиторов; те формы прав на имущество, которые обеспечивают деятельность субъектов гражданских прав и выделяют формы правового режима: право собственности и ограниченные права на чужое имущество [3, с. 4]. Еще более широкого подхода придерживается Ю.В. Герасименко, отмечая, что правовой режим имущества супругов, являясь сложным явлением, выходит за пределы вещных прав и включает в себя «более широкий круг правоотношений, регулируемых <...> различными коллизионными нормами» [4, с. 233], поскольку «вещные права супругов составляют лишь часть объекта правового регулирования и тесно связаны с правовым статусом супругов» [4, с. 233]. Нет оснований не согласиться с подобными суждениями, тем более что их истинность подтверждается и примерами из судебной практики. Так, при разделе совместного имущества судом учитываются также общие долги супругов и

права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи. Приведем пример из практики.

В исковом заявлении истец указал, что состоял с ответчицей в браке с 20.09.2003 года. Решением суда от 18.03.2015 года брак расторгнут. В период брака с использованием льготного кредита и совместно нажитых денежных средств на имя истца была построена трехкомнатная квартира по адресу: г. М., ул. П. На момент расторжения брака остаток долга по кредиту составлял 30 290 300 руб., которые истец уплатил в апреле – мае 2015 года. В соответствии с определением районного суда от 04.09.2015 года об утверждении мирового соглашения стороны произвели раздел квартиры, в соответствии с которым С. выделены в собственность жилые комнаты, площадью 11,1 кв. м и 15,2 кв. м, что составляет 57/100 долей в праве собственности, Д. выделена жилая комната, площадью 13,6 кв. м, что составляет 43/100 долей в праве собственности. Истец просил суд взыскать с ответчика половину выплаченного остатка долга по кредиту после расторжения брака.

Кроме того, истец, ссылаясь на то, что в период с ноября 2014 года по май 2015 года он в квартире не проживал, при этом продолжал оплачивать коммунальные платежи, просил суд взыскать с С. 4 316 600 руб. коммунальных платежей, оплаченных им за период с ноября 2014 года по май 2015 года, а также расходы по оплате госпошлины.

Суд удовлетворил требования Д. о взыскании с С. 1/2 доли от оплаченных им сумм в досрочное погашение кредита, выделенного на строительство квартиры, поскольку в силу ст. 24 КоБС при разделе имущества судом учитываются также общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи. Суд пришел к выводу, что кредит выдавался Д. для строительства квартиры на состав семьи, т.е. в интересах семьи.

Требование истца о взыскании с С. денежных средств по оплате коммунальных и других услуг, связанных с использованием жилым помещением, суд также удовлетворил исходя из ст.ст. 29, 31 Жилищного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих обязанность собственника жилого помещения, членов, бывших членов семьи собственника жилого помещения частного жилищного фонда по внесению платы за жилищно-коммунальные услуги.

Дополнительным аргументом в пользу того, что режим имущества супругов не может быть ограничен лишь определением особенностей осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения супругами общим имуществом служат и положения Проекта Регламента Европейской Комиссии «О юрисдикции, применимом праве, признании и приведении в исполнение решений по делам о режиме собственности супругов» от 16 марта 2011 года. Регламент содержит обобщенное понятие «режим имущества супругов», под которым понимает совокупность норм, регулирующих имущественные отношения между супругами. При этом к элементам правового режима имущества супругов относится: управление имуществом,

приобретенным супругами в браке, обязанности по содержанию одного из супругов, подарки между супругами, наследственные права пережившего супруга, раздел имущества супругов в случае расторжения брака и т.д. [12].

### **Библиографический список**

1. Аверченко, Н.Н. Правовой режим сложных вещей: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. Н. Аверченко. – СПб., 2005. – 264 л.
2. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М.: НОРМА, 2001. – 752 с.
3. Винник, О. Имущественная самостоятельность как необходимое условие для осуществления предпринимательской деятельности / О. Винник // Предпринимательство, хозяйство и право. – 1997. – № 30. – С. 3–6.
4. Герасименко, Ю.В. Некоторые аспекты унифицированного регулирования права собственности на имущество супругов / Ю. В. Герасименко // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель / Ю. В. Герасименко ; под ред. А. Е. Тарасовой. – М. : Инфра-М, 2017. – 482 с.
5. Илюшина, М.Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. ... д-ра.юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Илюшина. – М., 2012. – 522 л.
6. Мельниченко, О.В. Правовое регулювання режиму власності подружжя у проєкті Регламенту Європейської комісії про юрисдикцію, застосування права, визнання та застосування рішень у справах щодо правового режиму майна подружжя / О. В. Мельниченко // Часопис Київського університету права. – 2014. – № 3. – С. 178–182.
7. Российское предпринимательское право: учеб. ; отв ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова – Режим доступа // <http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/Rossiyskoe-predprinimatelskoe-pravo.pdf> – Дата доступа: 30.10.2020.
8. Терещенко, Л.К. Правовой режим информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 07.00.14 / Л. К. Терещенко ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М., 2011. – 54 с.
9. Тусов, А. А. Правовой режим закладной : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 07.00.03 / Л. К. Терещенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 22 с.
10. Шингель, Н.А. Правовой режим земель в Республике Беларусь. / Н.А. Шингель. – Минск.: ГИУСТ БГУ, 2005. – 112 с.
11. Экологическое право: учеб. пособие / С.А. Балащенко [и др.]; под ред. Т. И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск: БГУ, 2008. – 379 с.
12. Proposal for Council Regulation on jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: [http://ec.europa.eu/justice/policies/civil/docs/com\\_2011\\_126\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/justice/policies/civil/docs/com_2011_126_en.pdf). – Date of access: 13.11.2020.

## **К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЛИЦ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КЛИНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЯХ, В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19**

**Ю.А. Хватик**

*доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

**Т.В. Малинка**

*студент Института управленческих кадров  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

В настоящее время государства всего мира переживают период интенсивных изменений, обусловленных пандемией COVID-19. Ни одна сфера жизнедеятельности общества не осталась неприкосновенной в рамках этих трансформаций. Одним из наиболее острых и конфликтных вопросов станет проблема сохранения социальной справедливости, в частности, в сфере здравоохранения. Медицинское мировое сообщество уже ощутило сложности с обеспечением равного доступа к медицинской помощи, а также с организацией клинических испытаний. Остро возникающие вопросы защиты прав человека в указанных сферах требуют четких и безотлагательных решений от руководителей всех уровней, основанных на соблюдении норм национального и международного права.

Пандемия COVID-19 с новой силой высветила ряд актуальных вопросов проведения клинических испытаний:

Сокращение сроков проведения клинических исследований, учитывая экстренность ситуации и острую необходимость в создании новых препаратов и вакцин. В то время как в стандартной ситуации между началом разработки препарата и началом клинических испытаний на популяции людей могут пройти годы, в настоящее время эти сроки резко сокращены. Так о диагнозе COVID-19 впервые было заявлено в конце 2019 года, но уже сейчас проводятся клинические испытания вакцин в популяции людей. Однако, несмотря на обоснованность таких экстренных мер, значительное сокращение сроков исследований может приводить к принятию поспешных выводов и пренебрежению правовыми аспектами клинических испытаний.

Ограничение возможности продолжения ранее начатых клинических испытаний: многие исследовательские центры были вынуждены приостановить свою деятельность на период карантина либо в связи с необходимостью вносить корректировки в предварительный план работ. Помимо этого, в настоящее время во всем мире резко ограничено оказание плановой медицинской помощи, что приводит к невозможности осуществить осмотр пациента. Часть визитов для контроля в ходе испытаний переносятся в он-лайн пространство (телефонный опрос, беседа в скайпе), что в свою очередь значительно затрудняет получение достоверной информации и соответственно



может негативно отразиться на возможности оказания медицинской помощи испытуемым.

С новой силой зазвучал вопрос этики при проведении слепых плацебоконтролируемых исследований, в ходе которых происходит случайное определение испытуемых для введения действующего вещества или плацебо. Ни исследователь, ни испытуемый не обладают информацией о том, какой именно препарат вводился. Такой вариант проведения испытаний является общепринятым и наиболее достоверным, однако, он может создавать определенные правовые коллизии. Так 22 октября 2020 года появилась информация о смерти волонтера, принимавшего участие в исследовании вакцины от коронавируса компании AstraZeneca [1]. Однако, на момент написания данной публикации нет достоверной информации о причине смерти: побочное действие вакцины либо непосредственно инфекция Covid-19, так как не представлена информация о том, какой препарат введен пациенту – вакцина или плацебо.

В настоящее время существует несколько основных международных нормативных документов, регламентирующих правовые аспекты проведения клинических испытаний.

Нюрнбергский кодекс стал первым международным документом, описывающим принципы проведения медицинских опытов на людях, вводящий этические нормы для ученых, занимающимися медицинскими экспериментами. Основным принцип, сформулированный Нюрнбергским трибуналом в рамках Нюрнбергского кодекса, задекларирован в 1 статье: «для проведения эксперимента на человеке необходимо его добровольное осознанное согласие после предоставления ему полной информации о характере, продолжительности и цели проводимого эксперимента; о методах и способах его проведения; обо всех предполагаемых неудобствах и опасностях, связанных с проведением эксперимента, и, наконец, возможных последствиях для физического или психического здоровья испытуемого, могущих возникнуть в результате его участия в эксперименте» [2].

Ведущим документом в сфере регуляции защиты прав человека в связи с применением достижений биологии и медицины на международном уровне является Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьеда, 4 апреля 1997 г.).

Так статья 16 Конвенции о правах человека и биомедицине определяет условия, при которых возможно проведение исследований с участием людей: не существует альтернативных методов исследования, сопоставимых по своей эффективности; риск, которому может быть подвергнут испытуемый, не превышает потенциальной выгоды от проведения данного исследования; проект предлагаемого исследования был утвержден компетентным органом после проведения независимой экспертизы научной обоснованности проведения данного исследования [3].

Помимо этого в ходе заседания 18-ой Генеральной Ассамблеи ВМА в июне 1964 года была принята Хельсинская декларация всемирной медицинской ассоциации, в которой также определены этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта.

В последующие годы в этот документ вносились корректировки, но неизменным остался постулат, что «каждому медицинскому исследованию с участием человека в качестве субъекта должно предшествовать тщательное сопоставление возможного риска и неудобств для включенных в исследование лиц или групп с ожидаемой пользой как для этих, так и для других лиц или групп населения, страдающих от заболевания/состояния, при котором проводится данное исследование. Должны быть предприняты меры по минимизации рисков. Риски должны постоянно контролироваться, оцениваться и документироваться исследователями» [4, ст. 17].

Однако, учитывая давность создания этих нормативных актов и возникновение новых, ранее не регламентированных, разделов медицины (например, биомедицинские технологии) в 2019 году была сформирована новая международная программа стратегических действий в сфере прав человека и биомедицинских технологий на 2020-2025 гг. В данном документе отражены вопросы соблюдения прав человека в сфере биомедицины [5].

Учитывая новые реалии, созданные пандемией COVID-19, в марте 2020 года Еврокомиссия, Европейское агентство лекарственных средств (далее – ЕМА) и национальные агентства опубликовали новые рекомендации для спонсоров по проведению клинических исследований. Документ учитывает отклонения от протокола клинических исследований, которые могут потребоваться в чрезвычайных ситуациях. К ним относят проведение исследований в условиях самоизоляции или карантина субъектов исследования, ограниченного доступа в общественные места, включая больницы, из-за риска распространения инфекции. Чрезвычайная ситуация может потребовать перераспределения ресурсов врачей и другого медицинского персонала. Особые рекомендации относятся к запуску новых клинических исследований лечения или профилактики COVID-19.

Ожидается, что влияние коронавируса на проведение клинических исследований будет многосторонним, отмечает RAPS. Рабочая группа по биостатистике ЕМА призывает спонсоров заранее планировать методы учета систематических отклонений от протокола в связи с вводимыми мерами и решениями, принимаемыми в условиях пандемии. «Необходимо документировать не только сами отклонения, но и их причины, что позволит осуществлять более точный контроль над проведением процесса испытаний, а соответственно, за соблюдением прав испытуемых» [6].

Пандемия поставила исследователей в экстремальные условия, в которых приходится принимать решения в максимально сжатые сроки. Однако, в соответствии с нормативными актами при проведении клинических испытаний перед исследователями в первую очередь ставится задача соблюдения

принципов уважения, защиты прав человека. В таких условиях возникает необходимость более жесткой регламентации вопросов соблюдения прав испытуемых и обеспечения им минимальных стандартов оказания медицинской помощи. В то же время, перед юриспруденцией ставится задача более активных действий в решении данных вопросов. В связи с этим представляется целесообразным более активная имплементация в отечественное законодательство положений, регламентирующих новые сферы деятельности (в частности, биомедицина). Ориентиром в данном вопросе могут послужить рекомендации ЕМА в части регламентации клинических испытаний в чрезвычайных условиях, а также нормативные правовые акты, планируемые к разработке по результатам реализации международной программы стратегических действий в сфере прав человека и биомедицинских технологий на 2020-2025 гг.

### **Библиографический список**

1. В Бразилии скончался волонтер, который участвовал в испытаниях от коронавируса компании AstraZenec [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20201021/vaktsina-1580916895.html> – Дата доступа: 25.10.2020.
2. Нюрнбергский кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm> – Дата доступа: 25.10.2020
3. Конвенция о правах человека и биомедицине [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://rm.coe.int/168007d004> - Дата доступа 25.10.2020.
4. Хельсинская декларация всемирной медицинской ассоциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа [http://acto-russia.org/files/WMA\\_Helsinki.doc](http://acto-russia.org/files/WMA_Helsinki.doc) – Дата доступа: 25.10.2020.
5. Программа стратегических действий в сфере прав человека и биомедицинских технологий на 2020-2025гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/strategic-action-plan-final-e/16809c3af1> – Дата доступа: 25.10.2020.
6. ЕМА изменила правила проведения клинических испытаний в условиях пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pharmvestnik.ru/content/news/ЕМА-izmenilo-pravila-provedeniya-issledovaniy-v-usloviyah-pandemii.html> – Дата доступа: 25.10.2020.

### **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ГАРАНТИЙНЫЙ РЕМОНТ**

**О.П. Хилько**

*ведущий юрисконсульт ООО «А-Модульстрой»*

Приобретая товар, каждый рассчитывает на его качество и возможность использования по назначению как можно дольше, однако даже при самом

бережном использовании бывают случаи, когда товар выходит из строя и причиной тому – заводской брак. Именно для таких случаев изготовитель (поставщик, представитель) обязан устанавливать на товар гарантийный срок. В связи с тем, что изготовитель (поставщик, представитель) не всегда устанавливает данный срок надлежащим образом, для защиты потребителей законодатель также обязал устанавливать на товар гарантийный срок и продавца.

В случае если, товар производится за пределами Республики Беларусь, согласно ч. 2 п. 4 ст. 13 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 09.01.2002 № 90-3 (ред. от 13.06.2018) (далее – Закон), гарантийный срок на такой товар должен быть не меньшей продолжительности, чем гарантийный срок, предусмотренный законодательством Республики Беларусь и (или) техническими регламентами Таможенного союза, техническими регламентами Евразийского экономического союза для аналогичных товаров, производимых на территории Республики Беларусь [1]. Если изготовитель нарушил данное требование, обязанность по установлению соответствующего гарантийного срока ложится на поставщика (представителя).

В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 1 Закона, гарантийный срок – это календарный срок, установленный в днях, месяцах, годах, или наработка, установленная в часах, циклах срабатываний, километрах пробега или иных аналогичных показателях, в течение которых товар (результат работы, услуга) должен соответствовать требованиям к его качеству, определенным в порядке, установленном законодательством [1].

Таким образом, это период времени, в течение которого потребитель может обратиться к продавцу (изготовителю, поставщику, представителю) или в определённую им ремонтную организацию, для проведения ремонта по гарантии.

С научной точки зрения, выделяют различные подходы к определению правовой природы гарантийного срока.

Так, Н.А. Яхнина полагает, что при уяснении понятия гарантийного срока как правового института следует исходить из того, что гарантийный срок является правовым выражением большой технической проблемы – проблемы надежности и долговечности выпускаемых промышленных изделий длительного пользования и по своему существу представляет собой гарантию изготовителя за безотказную надежную работу или службу изделия, за стабильность его качества. Гарантийный срок должен быть тесно связан с надежностью изделия, являясь одной из его технических характеристик [2, с.94].

В свою очередь Ф.Г. Хуснутдинов, считает не корректным отождествление гарантийного срока с технической характеристикой. По его мнению, потребитель, приобретая товар, безусловно, имеет целью извлечение полезных свойств и исправную эксплуатацию приобретаемого товара, исходя из его технических характеристик. Однако, гарантийный срок выступает не

характеристикой, так как это – не объект материального мира, создающий дополнительное полезное свойство для потребителя, а он является временным тестом для товара на предмет соответствия заявленной технической характеристике [3, с. 214].

Е. Шешенин связывает гарантийные сроки со сроками предъявления претензий. Автор отмечает, что в случае, когда для вещей, продаваемых через розничные организации, установлены гарантийные сроки, покупатель в течение гарантийного срока может предъявить претензию по поводу недостатков проданной вещи [4, с. 20].

Согласно ч. 1 и ч.3 ст. 20 Закона, в случае реализации товара ненадлежащего качества, если его недостатки не были оговорены продавцом, потребитель вправе по своему выбору потребовать:

- 1.1. замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества;
- 1.2. соразмерного уменьшения покупной цены товара;
- 1.3. незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара;
- 1.4. возмещения расходов по устранению недостатков товара [1].

Либо вместо предъявления указанных выше требований потребитель вправе расторгнуть договор розничной купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы [1].

Согласно п. 1 ст. 21 Закона, потребитель вправе предъявить предусмотренные статьей 20 Закона требования продавцу (изготовителю, поставщику, представителю, ремонтной организации) в отношении недостатков товара в течение гарантийного срока или срока годности товара.

В отношении товаров, на которые гарантийные сроки или сроки годности не установлены либо гарантийные сроки которых составляют менее двух лет, потребитель вправе предъявить указанные требования продавцу (изготовителю, поставщику, представителю), если недостатки обнаружены в течение двух лет со дня передачи таких товаров продавцом потребителю, а в отношении недвижимого имущества – в течение трех лет со дня его передачи продавцом потребителю, если более длительные сроки не установлены законодательством, техническими регламентами Таможенного союза, техническими регламентами Евразийского экономического союза и (или) договором [1].

Таким образом, может сложиться впечатление, что потребитель максимально защищён законодателем, однако на практике нередки случаи, когда потребитель сталкивается с невозможностью реализовать своё право на гарантийный ремонт. Подобное происходит в случае, если в товаре на который гарантийный срок или срок годности не установлен либо гарантийный срок составляет менее двух лет, проявляется производственный недостаток. В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 21 Закона, в таком случае потребитель может заявить своё требование о проведении гарантийного ремонта напрямую продавцу, изготовителю, поставщику, представителю.

Сложность возникает, если изготовитель находится за пределами Республики Беларусь, а продавец, который часто выступает также и

поставщиком, был признан экономически несостоятельным (банкротом). При этом, как правило, ремонтная организация, осуществляющая безвозмездный гарантийный ремонт, действует на основании договора заключенного только между ней и продавцом. Таким образом, потребитель не имеет законного права заявить требование о проведении гарантийного ремонта непосредственно ремонтной организации. Связаться с изготовителем, находящимся за пределами Республики Беларусь, так же может быть затруднительно. К тому же это может затянуть сроки ремонта.

Ввиду изложенного, полагаем необходимым внести изменения в действующее законодательство Республики Беларусь о защите прав потребителей, что положительно отразится на правоприменительной деятельности.

### **Библиографический список**

1. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 N 2572-XII // Консультант Плюс. Беларусь / [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Дата доступа: 13.11.2020.
2. Яхнина, Н.А. Значение гарантийных сроков в повышении качества продукции // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 93-99.
3. Хуснутдинов, Ф.Г. Правовая природа гарантийных сроков в потребительских отношениях. Вестник экономики, права и социологии // 2016. – № 1. – С. 213-215.
4. Шешенин, Е. Претензионные и гарантийные сроки в договоре купли-продажи // Советская юстиция. – 1968. – № 2. – С. 20-23.

## **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, ПРАВ НА НЕГО И СДЕЛОК С НИМ**

**И.С. Шахнов**

*специалист РУП «Минское городское агентство  
по государственной регистрации и земельному кадастру»*

Государственная регистрация недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним – это элемент системы взаимодействия государства и общества, его неотъемлемая часть. В настоящее время законодателем выработана значительная правовая база, регулирующая схожие отношения, касающиеся государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. К таким относят Гражданский кодекс Республики Беларусь, Кодекс о земле Республики Беларусь и многие другие. Один из наиболее важных этапов становления рассматриваемых отношений связан с принятием Закона Республики Беларусь от 22 июня 2002 года № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее –

Закон о государственной регистрации). Он устанавливает правовые основы и порядок государственной регистрации недвижимого имущества, прав и ограничений (обременений) прав на него, а также сделок с ним в пределах территории Республики Беларусь с целью признания и защиты государством зарегистрированных в соответствии с указанным Законом прав, ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество и сделок с ним [1].

В соответствии со ст. 5 Закона о государственной регистрации, одними из субъектов государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, являются регистраторы – работники соответствующих республиканской и территориальных организаций по государственной регистрации, которые обладают рядом полномочий в области государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Например, они принимают в установленном порядке документы, необходимые для государственной регистрации, осуществляют регистрационные действия, присваивают кадастровые и инвентарные номера объектам недвижимого имущества, а также совершают иные действия в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Практическая деятельность регистраторов очень важна, поскольку позволяет выявить пробелы в действующем законодательстве. Она не представляется возможной без слаженного и чёткого функционирования системы административных процедур. Одной из наиболее актуальных в настоящее время является проблема, когда сроки осуществления административных процедур могут не согласовываться между собой. Чтобы понимать, о чём идет речь, рассмотрим одну из таких ситуаций более подробно.

В территориальную организацию по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним обратилось физическое (или юридическое) лицо или индивидуальный предприниматель, с целью зарегистрировать дополнительное соглашение к договору об ипотеке.

В данном случае регистратором принимается два заявления о государственной регистрации:

1) во-первых, на государственную регистрацию дополнительного соглашения к договору об ипотеке (п. 22.3.45 Указа Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 года № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» (далее – Указ № 200) [2], и п. 63 постановления Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 63 «Об определении перечня документов и (или) сведений, запрашиваемых подчиненными Государственному комитету по имуществу государственными организациями при осуществлении административных процедур по заявлениям граждан» [3], в том случае, если заявитель – физическое лицо, а также п. 17.61 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 года № 156 «Об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными

органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, внесении дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2009 года № 193 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» (далее – постановление № 156) [4], и п. 48 постановления Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 19 июня 2012 года № 20 «Об установлении перечня документов и (или) сведений, запрашиваемых подчиненными Государственному комитету по имуществу государственными организациями при осуществлении административных процедур по заявлениям юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [5], если заявитель – юридическое лицо);

2) во-вторых, на внесение исправлений в документы Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (ЕГРНИ) (п. 22.20 Указа № 200 [2] в случае обращения физического лица и п. 17.74 постановления № 156 [4], если заявитель – юридическое лицо).

Данные административные процедуры необходимо осуществлять в той последовательности, в которой они указаны выше. Действующим законодательством предусмотрен максимальный срок для государственной регистрации дополнительного соглашения к договору об ипотеке – 1 месяц (в случае запроса документов и (или) сведений от других государственных органов, иных организаций). В других случаях регистрационное действие может быть выполнено в обычном порядке (5 рабочих дней), ускоренном порядке (2 рабочих дня) и срочном порядке (1 рабочий день).

Что касается сроков внесения исправлений в документы ЕГРНИ, которым корректируется договор об ипотеке, то законом предусмотрено лишь два срока – 1 месяц (в случае запроса документов и (или) сведений от других государственных органов, иных организаций) и 3 рабочих дня со дня подачи заявления.

Таким образом, налицо проблема соотношения двух указанных административных процедур. Ведь если заявитель закажет государственную регистрацию дополнительного соглашения к договору об ипотеке в несрочном порядке (5 рабочих дней), а для внесения исправлений в документы ЕГРНИ предусмотрен общий срок 3 дня, и два заявления принимаются одновременно, то регистратор не успеет осуществить второе регистрационное действие.

На практике сложился следующий подход, дающий возможность выйти из ситуации: в Разделе V «Дополнительные сведения» заявления на внесение исправлений в документы ЕГРНИ включают фразу: «Прошу считать датой подачи заявления дату государственной регистрации вышеуказанного дополнительного соглашения». Она позволяет приступить к осуществлению второй административной процедуры уже после государственной регистрации дополнительного соглашения к договору об ипотеке.

Подобный подход не решает проблему досконально. Ввиду частого обращения заявителей с подобными двумя заявлениями, полагаем, необходимо



законодательно закрепить возможность регистраторов недвижимости осуществлять внесение исправлений в документы ЕГРНИ в течение 3 рабочих дней после государственной регистрации соответствующего дополнительного соглашения. На наш взгляд, указанную ситуацию можно решить, закрепив в примечаниях к п. 22.20 Указа № 200 и п. 17.74 постановления № 156 следующую формулировку: «При подаче заявления о государственной регистрации дополнительного соглашения к договору об ипотеке срок процедуры начинается течь с момента государственной регистрации дополнительного соглашения к договору об ипотеке». Думается, подобное увеличение срока для внесения исправлений в документы ЕГРНИ позволит решить сложившуюся проблему.

### **Библиографический список**

1. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2002 г., № 133-З (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 87. – № 2/882.
2. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 119. – 1/11590.
3. Об определении перечня документов и (или) сведений, запрашиваемых подчиненными Государственному комитету по имуществу государственными организациями при осуществлении административных процедур по заявлениям граждан : постановление Гос. комитета по имуществу Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 63 (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 277. – 8/22936.
4. Об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, внесении дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2009 г. № 193 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 февр. 2012 г., № 156 (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 35. – 5/35330.
5. Об установлении перечня документов и (или) сведений, запрашиваемых подчиненными Государственному комитету по имуществу государственными организациями при осуществлении административных процедур по заявлениям юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : постановление Гос. комитета по имуществу Респ. Беларусь, 19 июня 2012 г., № 20 (с изм. и доп.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2012. – 8/26093.

# **ПРАВА ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: УГРОЗЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

**Н.М. Шевко**

*старший преподаватель кафедры государственного управления  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

В XXI веке человечество столкнулось с одной из самых страшных угроз – пандемией COVID-19, которая оказывает негативное влияние как на все сферы жизни современного общества, так и на жизнь каждого отдельно взятого человека. Даже в нормальных условиях люди с инвалидностью имеют меньше возможностей для получения медицинских услуг, образования, трудоустройства или участия в жизни общества. Среди людей с инвалидностью выше вероятность оказаться в нищете, и они чаще страдают от насилия, пренебрежительного отношения и жестокого обращения и относятся к числу наиболее маргинализированных групп в любом пострадавшем от кризиса обществе. В свою очередь, кризис COVID-19 еще более усугубляет положение людей с инвалидностью, оказывая на них несоразмерное прямое и косвенное воздействие [1, с. 2]. Как совершенно верно отметил эксперт ООН по правам человека: «Люди с инвалидностью чувствуют, что их оставили позади» [2]. В условиях пандемии люди с инвалидностью испытывают на себе несоразмерное воздействие психологических, физических и институциональных препятствий, которые находят отражение в мерах реагирования на пандемию [3, с. 1].

Конвенция о правах инвалидов 2006 года (далее КПИ) предоставляет государствам юридически обязательную структуру для достижения целей в области устойчивого развития и связанных с ними задач. Это касается не только тех целей, которые прямо относятся к людям с инвалидностью, но и всех целей и задач, включая меры по обеспечению надлежащей защиты жизни и прав людей с инвалидностью перед лицом пандемии COVID-19 [4, п. 1]. Так, ст. 11 КПИ обязывает государства-участники принимать все необходимые меры для обеспечения защиты и безопасности инвалидов в ситуациях риска, включая вооруженные конфликты, чрезвычайные гуманитарные ситуации и стихийные бедствия [5]. Такого рода меры должны быть приняты во всех сферах жизни людей с инвалидностью, включая защиту их доступа к наивысшему достижимому уровню здоровья без дискриминации, общее благополучие и профилактику инфекционных заболеваний, а также меры по обеспечению защиты от негативного отношения, изоляции и стигматизации, что может возникнуть в разгар кризиса [4, п. 2].

Люди с инвалидностью относятся к группе населения с повышенным риском заражения COVID-19 и следовательно могут подвергаться повышенному риску заражения, осложнений и смерти [6]. В сфере медицинского обслуживания и оказания медицинской помощи люди с инвалидностью сталкиваются с дискриминацией и неравенством. Это

проявляется как в отсутствии доступной информации и среды, так и в оказании давления на людей с инвалидностью и членов их семей с целью отказа от реабилитационных мероприятий. На пути преодоления дискриминации многие государства закрепили запрет дискриминации по признаку инвалидности при оказании медицинской помощи и лечении от COVID-19 на национальном уровне. Так, американский бюллетень содержит положение о том, что «люди с инвалидностью не должны быть лишены медицинской помощи на основании стереотипов, оценки качества жизни или суждений об относительной "ценности" человека в зависимости от наличия у него инвалидности и его возраста» [7]. Особого внимания заслуживают люди с инвалидностью, проживающие в специализированных учреждениях, так как они сталкиваются с повышенным риском стать жертвами нарушений прав человека, таких как пренебрежительное отношение, ограничения, изоляция и насилие. С тем, чтобы не допустить такого рода нарушения, а также снизить уровень смертности от COVID-19, людей с инвалидностью, находящихся в специализированных учреждениях, по возможности, необходимо выписывать из специализированных учреждений и обеспечивать оказание им медицинской помощи на базе местного сообщества со стороны семьи и/или неформальных сетей (примеры государств: Швейцария и Испания) [3, с. 3].

Во многих государствах одной из основных мер реагирования на COVID-19 выбрана мера по ограничению передвижения и физического дистанцирования. Однако, строгое соблюдение данной меры, как со стороны людей с инвалидностью, так и со стороны тех, кто оказывает им помощь в повседневной жизни усугубляет и создает новые препятствия и угрозы на пути их жизнедеятельности. В таких условиях люди с инвалидностью, которые зависят от других людей, лишаются доступа к продуктам питания, предметам первой необходимости, лекарствам, повседневной гигиене, что ставит под угрозу их жизнь и здоровье. В большей степени страдают те, кто имеют психосоциальные отклонения, или люди с аутизмом – им особенно тяжело справиться со строгими требованиями изоляции. В этой связи, ряд государств ослабили условия изоляции для людей с инвалидностью и тех, кто оказывает им помощь, а также ввели исключения для людей с аутизмом (в Великобритании и Северной Ирландии разрешено выходить на улицу с соблюдением мер безопасности) [8].

Доступность информации играет одну из основных ролей в обеспечении независимого образа жизни и всестороннего участия людей с инвалидностью во всех аспектах жизни [5, ст. 9]. Государства обязаны предоставлять информацию о COVID-19 и мерах борьбы с ним в доступных для людей с инвалидностью форматах и с помощью доступных средств вне зависимости от формы инвалидности. К сожалению, как отмечается в заявлении Комитета по правам инвалидов: «пандемия COVID-19 показала, что Конвенция о правах инвалидов не была полностью реализована государствами-участниками». Недоступность медико-санитарной информации не позволяет людям с инвалидностью

пользоваться услугами здравоохранения, принимать необходимые решения и жить самостоятельно и безопасно (в том числе находясь в изоляции) наравне с другими. Так, например, с целью соблюдения требований доступности на сайте министерства здравоохранения Новой Зеландии имеется специальный раздел, посвященный предоставлению информации о COVID-19 в доступных для людей с инвалидностью форматах (язык жестов, адаптированные версии для чтения).

В условиях пандемии COVID-19 особого внимания заслуживают дети и люди с инвалидностью (чаще всего молодежь), которые стремятся получить образование. Ограничение (в некоторых случаях грубое нарушение) их права на образование, которое связано с изоляцией и переходом на дистанционное обучение, оказывает негативное влияние как на образовательный процесс, так и на самих учащихся. На пути к получению качественного образования учащиеся с инвалидностью сталкиваются с такими препятствиями, как: отсутствие необходимого оборудования, отсутствие доступа к интернету, недоступность материалов, отсутствие возможности общаться со сверстниками и в целом интегрироваться в общественную жизнь. В сложившейся ситуации многие государства разработали специальные руководства по эффективной интеграции учащихся с инвалидностью в процесс дистанционного обучения (например, США), а также отдельные руководства для учителей по обучению детей с инвалидностью, которые вынуждены находиться на самоизоляции (например, Эквадор) [3, с. 6].

Представленный перечень угроз для людей с инвалидностью в условиях пандемии COVID-19 не является исчерпывающим. Однако, как показывает практика отдельных государств, эффективная реализация правозащитного механизма на национальном уровне будет способствовать достижению общей цели «никто не останется позади».

### **Библиографический список**

1. Policy Brief: A Disability-Inclusive Response to COVID-19 [Electronic resource] // UN. – Mode of access: [https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg\\_policy\\_brief\\_on\\_persons\\_with\\_disabilities\\_final.pdf](https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_on_persons_with_disabilities_final.pdf). – Date of access: 13.11.2020.
2. COVID-19: Who is protecting the people with disabilities? – UN rights expert [Electronic resource] // UN. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25725>. – Date of access: 13.11.2020.
3. TOPICS IN FOCUS COVID-19 AND THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES // UN Hyman Rights, Office of the High Commissioner. - Mode of access: [https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Disability/COVID-19\\_and\\_The\\_Rights\\_of\\_Persons\\_with\\_Disabilities.pdf](https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Disability/COVID-19_and_The_Rights_of_Persons_with_Disabilities.pdf). – Date of access: 13.11.2020.

4. 4.Комитет по правам инвалидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRPD/Pages/CRPDStatements.aspx>. – Дата доступа: 13.11.2020.

5. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : принят. резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи, 13 декабря 2006 г. // ООН. – Режим доступа:[https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/disability.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml). – Дата доступа: 13.11.2020.

6. Реагирование на COVID-19: факторы, которые необходимо учесть в отношении детей и взрослых с инвалидностью[Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.unicef.org/disabilities/files/RUS\\_COVID-19\\_response\\_considerations\\_for\\_people\\_with\\_disabilities.pdf](https://www.unicef.org/disabilities/files/RUS_COVID-19_response_considerations_for_people_with_disabilities.pdf). Дата доступа: 13.11.2020.

7. BULLETIN: Civil Rights, HIPAA, and the Coronavirus Disease 2019(COVID-19)[Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/ocr-bulletin-3-28-20.pdf>. Dateofaccess: 13.11.2020.

8. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии«Часто задаваемые вопросы о вспышке коронавируса: Что можно и нельзя делать» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/new-national-restrictions-from-5-november#protecting-people-more-at-risk-from-coronavirus>. Дата доступа: 13.11.2020.

## **ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПУБЛИЧНОГО ОБЕЩАНИЯ НАГРАДЫ И ПУБЛИЧНОГО КОНКУРСА, КАК ВИДЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК**

**Г.Н. Шевченко**

*профессор кафедры гражданского права и процесса  
Юридической школы Дальневосточного федерального университета,  
доктор юридических наук, профессор*

Во второй части Гражданского кодекса Российской Федерации содержатся три вида обязательств, возникающих из односторонних сделок, под которыми понимаются сделки, которые считаются совершенными в результате действий (волеизъявления) одной стороны. Это обязательства из действий в чужом интересе без поручения, обязательства из публичного обещания награды и обязательства из публичного конкурса. В российском гражданском законодательстве содержатся и иные обязательства, возникающие из односторонних сделок, например, обязательства из завещательного отказа или завещательного возложения, а также вексельные обязательства, но эти обязательства тесно привязаны к наследственному и вексельному праву и несут отпечатки этих подотраслей, в рамках которых традиционно и рассматриваются. Особый интерес вызывают обязательства из публичного

обещания награды и публичного конкурса. Для возникновения обязательств из односторонних сделок, кроме самих односторонних сделок, которые, по общему правилу, не могут порождать обязанностей для третьих лиц, их не совершивших, необходимо наличие и иных юридических фактов (действий, событий), совокупность которых (юридический состав) и обуславливает возникновение обязательств. Следует признать, что термин «обязательство из публичного обещания награды», как и термин «обязательство из публичного конкурса», который традиционно рассматривается как вид публичного обещания награды, носят условный, неточный характер, что, впрочем, не мешает их правильному пониманию. В юридической литературе правильно отмечалось, что эти виды обязательств по своей юридической природе являются внедоговорными регулятивными обязательствами.

Публичное обещание награды достаточно востребовано в жизни, применяется на практике в случаях, когда вместо заключения договора с конкретным лицом на выполнение работ или услуг, предпочтительней обратиться за помощью к неопределенному кругу лиц. Обязательство из публичного обещания награды у лица возникает в тот момент, когда происходит предоставление требуемого результата лицу, публично обещавшему награду. Достижение результата по своей юридической природе является не сделкой, а юридическим поступком, который сам по себе не влечет возникновение обязательства. Как одностороннюю сделку, влекущую возникновение обязательства, следует рассматривать именно предоставление результата лицу, публично обещавшему награду. Обещание награды порождает обязательство при наличии определенных условий. Оно должно быть обращено к неопределенному кругу лиц, то есть носить публичный характер. Обещание произвести выплату награды должно позволять установить лицо, объявившего награду, то есть идентифицировать его личность. Анонимные обещания награды не порождают необходимых юридических последствий. В обещании должно содержаться явно выраженное намерение произвести выплату вознаграждения лицу, предоставившему требуемый результат. Такое вознаграждение, как правило, носит имущественный характер, что не исключает предоставление награды неимущественного характера, например, возможности принять участие в телевизионной передаче. Статья 1055 ГК РФ содержит примеры действий, за которые лицо может произвести выплату награды любому, кто их совершит. Это, в частности, отыскание утраченной вещи или сообщение лицу необходимых сведений. Очевидно, что это только примеры таких действий, которые не могут претендовать на исчерпывающий характер. Единственное требование, предъявляемое к таким действиям, - это их правомерность. Если в публичном обещании награда устанавливается за совершение противоправных действий, то можно ставить вопрос о его недействительности на основании статей 168 и 169 ГК РФ. Как правило, результат при публичном объявлении награды является единственно возможным, и только лицо, предоставившее результат, может претендовать на

получение награды. Однако возможны случаи, когда такие действия могут осуществить несколько лиц самостоятельно и независимо друг от друга, например, сообщить приметы, местонахождение преступника, вещи или иную информацию, тогда право на получение награды возникает у лица, которое первым совершит соответствующее действие, а если это невозможно установить, а также если эти действия совершены одновременно несколькими лицами, то награда должна делиться между ними поровну или в ином размере, предусмотренном их соглашением.

Пробелом российского гражданского законодательства является отсутствие норм, содержащих отстранение от награды. Представляется, что не могут претендовать на получение награды лица, которые своими умышленными противоправными действиями способствовали либо пытались способствовать созданию ситуации, повлекшей за собой объявление о выплате награды, например, лица, укравшие разыскиваемую вещь или похитившие и удерживающие разыскиваемого человека. Противоправность действий таких лиц исключает возможность получения ими награды.

В отличие от публичного обещания награды, которое может быть объявлено в любых, главное - в правомерных целях, публичный конкурс должен быть направлен на достижение общественно-полезных целей, под которыми традиционно понимаются создание произведений науки, литературы, искусства, архитектуры, научно-технических достижений. В случае отсутствия общественно-полезной цели конкурса он может быть признан недействительным.

Другим отличием публичного конкурса от публичного обещания награды, когда вознаграждение выплачивается любому и каждому достигшему требуемого результата, то есть его соответствие определяется объективными критериями, при проведении публичного конкурса вознаграждение выплачивается тому, кто достигнет лучшего из возможных результатов, при котором возможно качественное сравнение результатов и определение победителя, что неизбежно порождает субъективизм оценки, риск несения которого должен быть возложен на участника конкурса.

Важным вопросом при проведении публичного конкурса является определение момента возникновения обязательства из публичного конкурса. Представляется, что обязательственное правоотношение возникает не только из объявления публичного конкурса, которое само по себе не может породить никакого обязательства, но и соответствующего отклика на него в форме предоставления результата и принятия решения об определении победителя и о выплате ему награды. Все эти юридические факты, являясь односторонними сделками, в совокупности и порождают соответствующее обязательство.

Таким образом, следует признать, что обязательства из односторонних сделок весьма разнообразны и не имеют единого экономического содержания или юридической направленности, за исключением публичного обещания награды и публичного конкурса, соотносящихся как род и вид, и являющихся

внедоговорными регулятивными правоотношениями. Общим для всех видов обязательств из односторонних сделок является то, что одним из юридических фактов, входящих в юридический состав, порождающий их возникновение, выступает одностороннее правомерное действие, относящееся к односторонним сделкам.

## **МЕСТО ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**М.Н. Шимкович**

*доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

В современной белорусской юридической литературе преимущественно анализируются вопросы, возникающие в практике применения страхового законодательства. Однако, не меньшую значимость для правоприменительной практики имеют общие вопросы о страховом обязательстве и его правовой природе. Разрешение данных вопросов способствует правильному применению норм гражданского законодательства и определению направлений его совершенствования.

Одним из дискуссионных вопросов в теории страхового права продолжает оставаться вопрос определения места договора страхования в системе гражданско-правовых обязательств. В частности, наиболее часто в литературе обсуждается возможность рассмотрения договора страхования в системе договоров возмездного оказания услуг.

Следует выделить две основные научные позиции по данной проблеме: отнесение страховых обязательств к группе обязательств об оказании услуг и выделение их в самостоятельную группу.

Представители первого направления указывают, что «страховое правоотношение реализуется в рамках предоставления услуги, где ценность имеет сам процесс ее исполнения. Страховая услуга считается оказанной вне зависимости от наступления страхового случая и выплаты страхового возмещения (обеспечения)» [1, с. 6].

Данной позиции поддерживается и Н.В. Корнилова, которая полагает, что «...страхователь обращается к страховщику с целью, чтобы он или иное определенное им лицо при наступлении страхового случая получил страховое возмещение по договору имущественного страхования либо страховую сумму по договору личного страхования. Но и в случае, если страховой риск не реализуется в страховой случай, полезный эффект от действия страхового договора все равно будет, так как на протяжении всего времени существования страхового обязательства страхователь (застрахованное лицо или выгодоприобретатель) имел страховую защиту своего интереса, будучи



уверенным в том, что ему будут произведены страховые выплаты при наступлении страхового случая, то есть ему оказывается страховая услуга, которая может иметь, а может и не иметь такой овеществленный результат, как уплату денег» [2, с. 24].

К числу разновидностей договора возмездного оказания услуг относят договор страхования также М.И. Брагинский и В.В. Витрянский [3, с. 5].

Сущность иной позиции заключается в том, что страхование ни с экономической, ни с правовой точек зрения не относится к деятельности по оказанию услуг (даже рассматриваемой в качестве особой услуги), а договор страхования - к разновидности договора оказания услуг.

В частности, А.И. Худяков исходит из того, что «в процессе осуществления страхования страховщик не оказывает страхователю услугу, а осуществляет его страховую защиту, которая материализуется в страховой и иных выплатах. При этом страховщик при наступлении страхового случая несет ответственность за выплаты, то есть конструкция договора гарантирует достижение предполагаемого положительного результата» [4, с. 244].

Согласно мнению А.Г. Смирных, «попытка охарактеризовать страховую услугу как некий процесс по защите интересов страхователя, обеспечиваемый страховщиком, вряд ли можно считать отвечающей природе страхования, так как защита имущественного интереса приобретает характер действия только при нарушении и умалении соответствующего интереса» [5, с. 23].

Разнится и подход законодателя к решению вопроса о соприкосновении договора страхования и договора возмездного оказания услуг в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) и Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ).

В соответствии со ст. 733 ГК Республики Беларусь по договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. При этом в п. 2 ст. 733 ГК Республики Беларусь определяется, что правила главы 39 ГК Республики Беларусь об оказании услуг не применяются к страховым обязательствам. Однако, называя обязательства, которые исключены из сферы действия главы 39, законодатель именует их услугами.

В ГК РФ содержится идентичное определение договора возмездного оказания услуг, но в п. 2 ст. 779 ГК РФ страхование не значится ни в перечне тех услуг, которые охватываются действием договора оказания услуг, ни в перечне тех услуг, которые регулируются самостоятельными видами договоров.

Таким образом, проанализировав доктринальные источники, законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, по существу данного вопроса мы считаем необходимым отметить, что наибольшее признание в литературе получила позиция отнесения страховых обязательств к

обязательствам об оказании услуг. В качестве контраргументов данной позиции, в литературе отмечаются следующие:

Во-первых, как уже было сказано ранее, в п. 2 ст. 779 ГК РФ договоры страхования не указаны в перечне тех договоров, на которые распространяются и не распространяются правила главы 39 ГК РФ. Из этого некоторые авторы делают вывод, что российский законодатель вообще не рассматривает договоры страхования как договоры об оказании услуг.

Во-вторых, несомненно, есть определенные отличия договора страхования и договора возмездного оказания услуг. Если рассматривать услугу как определенное действие или деятельность, то единственное действие, которое осуществляет страховщик для страхователя – это осуществление страховой выплаты. Но это он может сделать лишь тогда, когда произойдет страховой случай. В результате получается, что, пока не произойдет страховой случай, нет ни страховой услуги, ни самого страхования. Между тем страхование действует, пока действует договор страхования (независимо от того, произойдет страховой случай или нет). Кроме того, неотъемлемым условием обязательств об оказании услуг является невозможность гарантировать достижения предполагаемого положительного результата от деятельности услугодателя. Однако это условие не может быть отнесено к договору страхования. Наоборот, по договору страхования страховщик гарантирует осуществление страховой выплаты, что и составляет сущность страхового обязательства.

В-третьих, при рассмотрении проблем соприкосновения договора страхования и договора возмездного оказания услуг неизбежно возникает вопрос об объекте страховых обязательств. Так, Н.В. Корнилова указывает, что «...в обязательстве по страхованию страховой интерес предопределяет возможность существования его важнейших элементов и является его единственным объектом» [2, с. 10]. Данный вывод подвергается критике, так как, если относить страховые обязательства к обязательствам об оказании услуг, то необходимо признать, что их объектом являются услуги, а не страховой интерес.

А.Г. Смирных в части вопроса отнесения страховых обязательств к обязательствам об оказании услуг делает вывод, что страховое правоотношение не является обязательством по оказанию услуг, поскольку объектом страхового обязательства является не услуга, а имущественный интерес [5, с. 23].

Есть мнение, что использование категории страховые услуги возможно только как объект правового регулирования. Именно в таком аспекте характеризует страховые услуги М.Я. Шиманова [6, с. 20-21]. В свою очередь В. Санникова считает, что «признание страховой деятельности услугами не влечет автоматически признание услуг объектом страховых обязательств. Также, как и признание торговой деятельности услугами не означает, что объектом обязательства купли-продажи являются услуги, а не товар». По мнению данного автора, правильной является позиция тех авторов, которые

указывают в качестве объекта страховых обязательств страховой интерес. Как следствие специфический объект страховых обязательств обуславливает их выделение в самостоятельную группу при классификации гражданско-правовых обязательств [7].

Отмеченные выше доводы несомненно заслуживают внимания. Однако их, по нашему мнению, недостаточно для рассмотрения договора страхования за рамками обязательств об оказании услуг.

1) Деятельность страховой организации – это деятельность, не связанная с созданием материальных благ, соответственно отсутствие овеществленного результата дает основание рассматривать страхование как особую страховую услугу. Кроме того, действие, направленное на страховую защиту страховщика нельзя сводить только к страховой выплате. Страхователь платит не за страховое возмещение или страховую сумму, которую неизвестно, получит он или нет. В равной мере страховая защита еще не есть возмещение вреда, причиненного страховым случаем.

2) Рассмотрение имущественного интереса в качестве особого объекта гражданских прав наряду с вещами, работами, услугами, не раскрытой информацией и другими объектами, определенными в ст. 128 ГК Республики Беларусь, по нашему мнению, не является оправданным. С точки зрения общераспространенного понимания термина «услуга» как действие или деятельность несомненно объект страхового обязательства имеет некоторые особенности. Но с точки зрения теории объекта гражданского правоотношения вполне объект страхового обязательства можно рассматривать как особого рода услугу, воплощающуюся в имущественном интересе страхователя на страховую защиту.

Таким образом, различия между договором страхования и договором возмездного оказания услуг существуют, поэтому законодатель абсолютно оправданно рассматривает договор страхования как самостоятельный тип договора, но при этом в п. 2 ст. 733 ГК Республики Беларусь определяет его как услугу, оказываемую по договору страхования.

#### **Библиографический список**

1. Чебунин, А.В. Актуальные гражданско-правовые проблемы страхования в современном законодательстве :дисс.... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Чебунин. – Томск, 2002. – 254 с.
2. Корнилова, НВ. Развитие страховых понятий в современном законодательстве :дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Корнилова. – Хабаровск, 2002. – 245 с.
3. Брагинский, М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2005. – 1055 с.
4. Худяков, А.И. Теория страхования / А.И. Худяков. М.: Статут, 2010. – 657 с.

5. Смирных, А.Г. Обязательство страхования в системе гражданско-правовых обязательств :автореф. дис. ...канд. юрид.наук12.00.03 / А. Г. Смирных. – М., 2005. – 28с.

6. Шиманова, М.Ю. Основы страхового права России / М. Ю. Шиманова. М. Изд. центр СО «Анкил», 1993. – 176 с.

7. Санникова, Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве [Электронный ресурс]/ Л. В. Санникова// КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

## **ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**О.О. Ядревский**

*доцент кафедры гражданского права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В настоящее время развитие цифровых технологий и переход к цифровой экономике затрагивают практически все сферы деятельности человечества. Несмотря на это, определение термина «цифровые технологии» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. В то же время их перечень можно встретить в программных документах, таких как Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15.12.2016 № 466. Глава 6 указанной программы «Слагаемые роста конкурентоспособности отраслей экономики, основанного на инновациях» содержит раздел 6.1 «Цифровая трансформация экономики (информатизация)», который предусматривает основные направления развития цифровых технологий, в частности, развитие мультисервисной системы электросвязи, широкополосного доступа в сеть Интернет, цифрового телевизионного вещания, предоставление государственных услуг и осуществление административных процедур в электронном виде и т.д.

В то же время, если обратиться к регулированию правовых вопросов цифровых технологий в соседней Российской Федерации, то здесь протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019 № 9 утвержден федеральный проект «Цифровые технологии», входящий в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7). Данный документ интересен тем, что в нем использован такой термин как «сквозные цифровые технологии» и дан их

перечень: большие данные; новые производственные технологии, промышленный интернет, искусственный интеллект, технологии беспроводной связи, компоненты робототехники и сенсорики, квантовые технологии, системы распределенного реестра, технологии виртуальной и дополненной реальности). Исходя из указанного перечня, сквозные цифровые технологии можно определить, как наиболее перспективные направления таких технологий, охватывающие все сектора экономики.

Очевидно, что внедрение указанных технологий в различные сферы жизни ставит и многочисленные вопросы юридического характера. Одним из наиболее актуальных вопросов является специфика правовой охраны объектов интеллектуальной собственности в рамках указанных технологий.

Рассмотрим проблемные аспекты права интеллектуальной собственности некоторых из таких технологий. Так, увеличение количества данных и появление новых технологий обработки таких данных привели к появлению термина «большие данные» («bigdata»). По определению А.И. Савельева, основанному на анализе различных точек зрения, данный термин представляет собой «совокупность инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов из различных источников, подверженных постоянным обновлениям, в целях повышения качества принятия управленческих решений, создания новых продуктов и повышения конкурентоспособности» [1, с. 49].

Многообразие данных, обрабатываемых при помощи технологий «bigdata», нередко может влечь ситуацию, когда часть таких данных представляет собой произведения науки, литературы и искусства либо объекты патентного права. При этом применение традиционных механизмов охраны объектов интеллектуальной собственности ограничивает развитие таких технологий, поскольку требует запрашивание разрешения автора либо иного правообладателя. Д.В. Иванова на этом основании делает вывод, что «авторско-правовой аспект любой стратегии в сфере больших данных связан с анализом того, применяется ли к объектам авторское право, и добавит ли авторско-правовая охрана какой-либо коммерческой ценности активам». В то же время, с целью более широкого использования публикой таких данных, Д.В. Иванова предлагает применять институт открытых лицензий [2, с. 23].

Отметим, что нормы об открытых лицензиях были введены в законодательство Республики Беларусь об авторском праве лишь в середине 2019 года (статья 45 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 «Об авторском праве и смежных правах»). В то же время, полагаем, что данную статью необходимо дополнить нормой о возможности использования лицензиатом произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности (по аналогии с пунктом 2 статьи 1286.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Это позволит, в том числе, обеспечить более свободный режим функционирования технологий, основанных на больших данных.

Кроме того, наряду с объектами авторского права, в составе используемых данных могут быть запатентованные объекты права промышленной собственности (изобретения, промышленные образцы, товарные знаки и т.д.). Полагаем, что и в этом случае необходимо более активное внедрение института открытых лицензий.

Технологии больших данных могут входить в составляющее понятие «искусственный интеллект». Под искусственным интеллектом понимается «система программных и/или аппаратных средств, способная с определенной степенью автономности воспринимать информацию, обучаться и принимать решения на основе анализа больших массивов данных, в том числе имитируя человеческое поведение» [3, с. 15]. При этом можно выделить понятия «слабый» и «сильный» искусственный интеллект. Слабый считается способным выполнить определенные виды задач и ими же ограничен (электронные переводчики, делопроизводители в бизнесе). Сильный представляет собой реальный или гипотетический тип названной технологии, который может достичь или превысить уровень человеческого интеллекта и применять свои способности решения задач к любым проблемам, подобно человеческому мозгу (так называемый «искусственный разум»).

Таким образом, прежде всего в отношении «сильного» искусственного интеллекта возникает проблема определения авторства произведения, созданного таким интеллектом либо при его существенном участии. Существуют различные взгляды на указанный вопрос. При этом такие взгляды можно разделить на машиноцентрические (технология искусственного интеллекта признается полноправным автором результата интеллектуальной деятельности) и антропоцентрические (искусственный интеллект является исключительно инструментом человека в создании результата интеллектуальной деятельности). Кроме того, существуют промежуточные теории, рассматривающие такие произведения либо как служебные объекты интеллектуальной собственности, либо как вообще не подлежащие правовой охране [4, с. 33].

Поскольку в Республике Беларусь отсутствует какое-либо специальное правовое регулирование для технологий искусственного интеллекта, рассмотрим, как такие вопросы регулируются в Российской Федерации. Там принят Указ Президента от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», определяющий цели, задачи и основные направления развития технологий искусственного интеллекта. Кроме того, в развитие данного документа издано распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 21290-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Раздел 2 данного распоряжения посвящен вопросам юридической ответственности в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, в то же время, в нем не указано каких-либо

особенностей для определения авторства созданных им объектов интеллектуальной собственности.

В 2019 году ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» разработало Концепцию комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики. В данной Концепции, в частности, указано, что при обосновании потенциала развития искусственного интеллекта в праве неуместны какие бы то ни было аналогии с юридическим лицом как фикцией, поскольку личное творческое участие в создании результата объекта интеллектуального творчества отсутствует. Даже при определении в координатах права сильного искусственного интеллекта, которому приписывают отдельные свойства «человекоподобного носителя разума», его операбельность не может быть четко отделена от действия программных кодов в алгоритмах программирования, что изначально не является творческим трудом личности. В связи с этим представление музыкальных и поэтических произведений, синтезированных роботехникой, нисколько не свидетельствует в пользу наделения робота качеством субъекта права, соответственно, и автором соответствующего результата интеллектуальной деятельности должен быть признан автор соответствующей программы или владелец IT-мощности [5, с. 87].

Таким образом, позиции права пока ещё достаточно далеки от наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, однако непрекращающееся развитие таких технологий будет ставить этот вопрос как всё более актуальный, первоначально в части возможного ограничения прав авторов технологий искусственного интеллекта в отношении созданных такими технологиями произведений.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что внедрение цифровых технологий ставит необходимость пересмотра традиционных норм права интеллектуальной собственности. Возможными направлениями такого изменения видится некоторое уменьшение роли авторов результатов интеллектуальной деятельности в процессе создания произведений с использованием цифровых технологий, и, соответственно, постепенная утрата ими некоторых прав, и, напротив, обеспечение более широкого доступа таких результатов для общественности, в частности, путем расширения перечня случаев свободного использования произведений, изобретений и других объектов, а также более широкое внедрение института открытых лицензий.

### **Библиографический список**

1. Савельев, А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) / А.И.Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. – № 1. – С. 43–66.

2. Иванова, Д. В. Большие данные и право интеллектуальной собственности / Д.В.Иванова // Право интеллектуальной собственности. 2019. – № 4. – С. 21–24.

3. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XXапр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / Г.И.Абдрахманова, К.О.Вишневский, Л.М.Гохберг и др. ; науч. ред. Л.М.Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.

4. Морхат, П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / П.М. Морхат – М., 2018. – 420 с.

5. Отчет об оказании услуг по теме: Разработка концепции комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики / ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – М. 2019. – 188 с.

## **РАСШИРЕНИЕ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И «ВИРТУАЛИЗАЦИИ» ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**А.В. Ясинская-Казаченко**

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
УО «Белорусский государственный экономический университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В сфере цифровизации экономики в положениях документов Республики Беларусь сформулированы такие понятия как «оператор криптоплатформы», «виртуальный кошелек», «владелец цифрового знака», «криптовалюта», «майнинг», «оператор обмена криптовалют», «размещение цифровых знаков», «реестр блоков транзакций (блокчейн)», «смарт-контракт», «цифровой знак».

Положения данных документов направлены, в частности, на достижение таких целей в сфере цифровизации экономики, как предоставление льгот и преференции участникам отношений, связанных с применением современных технологий и применение мер, направленных на повышение *правовой защищенности* участников отношений, связанных с применением современных финансовых технологий [1, с. 24], названные цели достойно можно распространить на трудовые отношения, в том числе в рамках восстановления нарушенных прав и законных интересов работников при рассмотрении и разрешении трудовых споров.

Трудовые споры — разногласия между субъектами трудового права, без указания на их неурегулированность. Для того, чтобы лучше понять суть этого вопроса необходимо обратиться к судебной практике. В случае возникновения трудового спора работника с нанимателем, при надлежащем оформлении



нанимателем подписанных работником посредством электронной подписи документов, судом во внимание принимается именно факт наличия в локальных правовых актах юридического лица порядка взаимодействия между сторонами трудовых отношений в виде электронного согласования. Так, в качестве доказательств по некоторым делам были приняты расчетные листки, которые наниматель направлял онлайн работникам по электронной почте. Следует подчеркнуть, что такая практика может не применяться в определенных случаях. По общему правилу, такие случаи требуют составления документов только (исключительно) на бумажных носителях с удостоверением «живой» подписи работника. Для преодоления данных противоречий и расширения границ применения усиленной квалифицированной подписи дистанционных работников в случае оформления с ними трудовых отношений, работник может иметь право формировать документ на бумажном носителе на основе информации из электронных документов. При этом, например, на законодательном уровне отсутствует прямая обязанность нанимателей переводить работников при наличии уважительных причин на выполнение дистанционной работы, при этом право отказа нанимателя, представляется должно быть определено лишь в отношении тех видов деятельности, где для организации Интернет-занятости отсутствуют необходимые условия. В этой связи необходимо урегулировать вопрос о соответствии надлежаще заверенного документа на бумажном носителе «копии электронного документа на бумажном носителе, заверенной надлежащим образом».

Разрешения спора в определении понятия «трудовой спор» должно четко отражать различие между разногласиями, разрешаемыми самими сторонами, и трудовым спором, как правоотношением, имеющим юридическое значение с точки зрения, предусмотренных законодательством процедур по его разрешению. В процессе своего развития конфликт проходит последовательно стадии: возникновение разногласий сторон; трудовой спор; противостояние сторон.

Трудовой спор является стадией развития «конфликта интересов», связанного с установлением условий труда, в связи с наличием организационно оформленных разногласий и определенных процедур его рассмотрения и разрешения, при этом «интерес» характеризуется стремлением субъекта трудовых правоотношений достичь определенного результата, овладеть определенным благом материального характера, в том числе, в онлайн процедуре.

В этой связи, развитие информационных технологий, цифровизация экономики, интенсификация трудовых отношений, осуществляемых при помощи компьютерных сетей, настраивает на необходимость поиска эффективных способов рассмотрения и разрешения трудовых споров в эпоху комбинирования (смешения) традиционных и онлайн процедур. Техническим комментарием введено понятие Online Dispute Resolution (далее – ODR) [1, с. 107] – урегулирование споров онлайн, и определено, что ODR может

способствовать сторонам в разрешении и рассмотрении спора простым, быстрым, гибким и безопасным способом, без непосредственного офлайн взаимодействия сторон. Как онлайн аналог традиционных офлайн способов урегулирования трудовых споров, можно рассматривать переговорный процесс, медиацию или третейское разбирательство, или сочетание этих трех способов.

Исходя из сущности процедуры «посредничества» (медиации) законодательство о труде не на должном уровне трактует «посредничество» в системе процедур рассмотрения и разрешения трудовых споров в ст. 251 и ст. 382 Трудового Кодекса Республики Беларусь [2]. Участие посредника в рассмотрении и разрешении трудовых споров может иметь самостоятельного значения, как участника всех стадий рассмотрения и разрешения трудовых споров, в виде нейтрального члена, который постоянно обслуживает процесс ведения переговоров между сторонами в том числе при помощи системы альтернативных механизмов урегулирования споров в режиме онлайн (Technical Notes on Online Dispute Resolution).

Приведем пример медиативной практики в виде смешанной процедуры. Руководителя белорусского предприятия «А» (иностранного гражданина) уволили за нарушение норм законодательства о труде. Иностранец обратился в суд Республики Беларусь с иском о восстановлении на прежнем месте работы и взыскании в свою пользу суммы за нарушение законодательства о труде в размере трех среднемесячных заработных плат. Трудовой спор был сложным, включал не только белорусскую юрисдикцию, были задействованы еще три других государства. Судье для того, чтобы вынести решение, необходимо было разбираться в правомерности приказов, доверенностей, выданных в соответствии с иностранным правом зарубежным учредителем. Судья рекомендовал медиацию. В процедуре медиации выяснилось, что у директора (иностранного гражданина) сложились плохие отношения с учредителем и тот уволил его не только в Беларуси, где директор возглавлял юридическое лицо, но в трех других государствах – в один и тот же день. Директор подал иски в суды всех трех государств. Трудовой спор завершился в режиме онлайн медиации, уволенный директор согласился на крупную компенсацию, но отказался от требования о своем восстановлении на работе. Важным условием договоренностей было то, что директор забирает свои иски из всех иностранных судов [3].

В отличие от формального судебного или арбитражного процесса, во время медиации стороны достигают согласия сами – медиатор не принимает решение за них. Медиация в организации (work-place mediation) как процесс предусматривает решение конфликтов между его сторонами – представителями одной организации, а медиатором может выступать внутренний или сторонний независимый медиатор. Такая медиация является частью системы управления конфликтами в организации. Она может происходить в формате как общих, так и отдельных частных (медиатор-участник) встреч в том числе онлайн-встреч. Онлайн рассмотрение и разрешение предполагает возможность осуществления

сторонами трудового спора контроля процедуры его разбирательства, вовлечение в процесс, помимо медиатора, также примирителя, посредника (нейтрального лица, выступающего в качестве администратора технологической платформы), который технически содействует рассмотрению и разрешению спора. Такой онлайн процесс предполагает выполнение большей части процедуры рассмотрения и разрешения спора на технологической платформе, включая устные слушания в случае необходимости, обсуждения онлайн.

Действующее правовое регулирование не учитывает развитие трудовых отношений, увеличение количества онлайн операций, осуществляемых при помощи компьютерных сетей, о чем свидетельствует отсутствие законодательного закрепления механизма онлайн урегулирования трудовых споров. При этом институт медиации закреплен в Законе Республики Молдова «О медиации» от 3 июня 2015 года, Законе Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года, Законе Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 года. В Законе Республики Молдова процедура медиации в отношении разрешения коллективных трудовых споров разрешена, в Российской Федерации и Республики Беларусь применение процедуры медиации в отношении разрешения коллективных трудовых споров запрещено.

В целях трансформации законодательства, направленного на регулирование трудовых отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики, необходимо сконцентрировать внимание на следующих аспектах трудового законодательства в части:

касающейся правовой защиты граждан в виде возможности переводить работников при наличии уважительных причин на выполнение дистанционной работы, при этом право отказа нанимателя, представляется должно быть определено лишь в отношении тех видов работ, где для организации Интернет-занятости отсутствуют необходимые условия;

необходимости урегулирования вопроса о соответствии надлежащего заверения документа на бумажном носителе «копии электронного документа на бумажном носителе, заверенной надлежащим образом»;

перспектив принятия нормативных правовых актов, обеспечивающих регулирование трудовых отношений с гибкой и дистанционной занятостью в условиях цифровой экономики;

цифрового (электронного) правосудия, включая комбинированные (смешанные), альтернативные (нетрадиционные) способы рассмотрения и разрешения трудовых споров с использованием информационных технологий.

### **Библиографический список**

1. Разработка концепции комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики [Электронный ресурс] : Отчет // ФГНИУ «Институт

законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации» — Москва, 2019, — Режим доступа: [http: // konsercii\\_pravovogo\\_regulirovaniya.docx](http://konsercii_pravovogo_regulirovaniya.docx). — Дата доступа: 08.11.2020.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 296-З; принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. от 17 июля 2018 г. № 124-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСп ектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

3. Медиация: обойдемся без суда [Электронный ресурс] // Экономическая газета — Режим доступа: [http: // https://neg.by/novosti/otkrytj/mediaciya-obojdemsya-bez-suda](http://neg.by/novosti/otkrytj/mediaciya-obojdemsya-bez-suda). — Дата доступа: 08.11.2020.

### **РАЗДЕЛ III. ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

#### **ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЗНАНИЯ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ**

**Б.В. Асаёнок**

*начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин  
кафедры юридических дисциплин, факультета внутренних войск  
УО «Военная академия Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

**И.Р. Веренчиков**

*профессор кафедры криминалистики  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Несмотря на то, что дознание в уголовно-процессуальном законодательстве является важной частью предварительного расследования, вместе с тем криминалистическое обеспечение данного вида уголовно-процессуальной деятельности крайне редко находит отражение в научных публикациях. Исключением являются отдельные работы, посвященные криминалистическому обеспечению деятельности милиции и некоторых иных органов дознания [1; 2]. В рамках криминалистического обеспечения дознания во внутренних войсках МВД Республики Беларусь нами также был подготовлен ряд публикаций. Логическим его продолжением является изучение технико-криминалистического обеспечения деятельности внутренних войск как органа дознания.

Технико-криминалистическое обеспечение традиционно понимается как неотъемлемая часть криминалистического обеспечения. Наличие этого структурного элемента не отрицается практически ни в одном исследовании в русле данной проблематики. Однако по его содержанию и структуре наличествует достаточно большое количество мнений. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии, попытаемся определить нашу точку зрения по данному вопросу.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что криминалистическое обеспечение дознания во внутренних войсках осуществляется преимущественно в контексте воинских преступлений. Это связано с тем, что выявление и пресечение воинской преступности является одной из задач руководства воинских частей и соединений. Подведомственность имеет и территориальный аспект, поскольку воинские части – режимные объекты, где появление сотрудников иных органов дознания может быть вызвано лишь обнаружением тех преступлений, борьба с которыми напрямую отнесена

законодательством к их компетенции. Вместе с тем, возможно осуществление правоохранительных функций при выявлении преступлений в уголовно-исполнительных учреждениях, а также при участии в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

Вопрос о структуре технико-криминалистического обеспечения следует рассматривать как частный момент применения системно-деятельностного подхода к определенному виду деятельности. Причем в основу данного построения следует заложить не столько внешнюю форму данного вида деятельности (ее технико-криминалистический характер), сколько ее цель и содержание. Так, целью технико-криминалистического обеспечения есть разработка научно-технических средств, приемов и способов их применения для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. С учетом этого сама структура технико-криминалистического обеспечения дознания во внутренних войсках может быть изложена следующим образом:

субъект технико-криминалистического обеспечения (научного и практического);

объект технико-криминалистического обеспечения – дознание как практическая деятельность по работе с доказательствами на начальном; этапе предварительного расследования;

силы технико-криминалистического обеспечения дознания (лицо, производящее дознание, специалист и эксперт, а также иные сведущие лица);

средства технико-криминалистического обеспечения дознания (широкий перечень научно-технических и иных средств, веществ и материалов, используемых в работе с доказательствами).

Относительно субъекта технико-криминалистического обеспечения следует изначально разделять научное обеспечение и практическое. Соответственно, в научном обеспечении субъектом технико-криминалистического обеспечения являются научные и учебные учреждения, обеспечивающие деятельность органов дознания (в нашем случае, факультет внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь»), а также отдельные ученые-криминалисты. В практическом обеспечении ведущая роль принадлежит самому органу дознания, который организует изучение потребностей в научно-технических средствах работы с доказательствами, обучении личного состава пользованию ими, обобщает практику работы с доказательствами и т.п. Научный и практический уровни субъектов могут быть эффективными только при наличии постоянного взаимодействия между ними.

В отношении объекта технико-криминалистического обеспечения – дознания как вида уголовно-процессуальной деятельности следует обратить внимание на следующие его особенности. Прежде всего, поисковый характер этой деятельности. Первоначальный этап расследования направлен на то, чтобы получить максимальное количество информации о факте преступления и лице, его совершившем в целях принятия решения о возбуждении уголовного дела. Это не значит, что при производстве дознания нивелируются проверка,

исследование и оценка доказательств. Тем не менее, собирание доказательств является основной сутью этой деятельности. Также нельзя забывать и о том, что органы дознания принимают непосредственное участие в пресечении противоправных деяний в рамках своей компетенции.

Соответственно этому и научно-технические средства и технико-криминалистические приемы и способы работы с доказательствами преимущественно имеют характер инструментария для обнаружения, фиксации и изъятия доказательств. Нельзя при этом не сказать и о такой особенности средств органов дознания, как их специфичность применительно к компетенции органа дознания. В настоящее время еще в недостаточной степени изучен вопрос о криминалистической характеристике научно-технических средств, используемых в непроцессуальной (служебной, административно-юрисдикционной) деятельности органов дознания. Поэтому средствами, обеспечивающими эффективную работу с доказательствами, могут также являться в отдельных случаях (применительно, к примеру, к дознанию внутренних войск) специальные средства, специальная и боевая техника.

Силами, которые реализуют криминалистическое обеспечение дознание во внутренних войсках, являются:

- лицо, производящее дознание;

- иные военнослужащие, принимающие участие в собирании, проверке доказательств противоправного деяния;

- специалист;

- эксперт.

Применительно к деятельности этих указанных лиц и следует говорить о содержании криминалистического обеспечения дознания. Как видится, таким содержанием являются (в практическом преломлении) следующие виды деятельности:

- непосредственно процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела и при производстве дознания как этапа предварительного расследования;

- применение специальных знаний всеми указанными лицами;

- использование результатов служебной и административно-юрисдикционной деятельности.

Применение специальных знаний при проведении дознания во внутренних войсках (как и в других органах дознания) с позиций технико-криминалистического обеспечения не ограничивается только сферой криминалистической техники. Наряду с судебной медициной, судебной психиатрией, наркологией и другими традиционными для расследования преступлений отраслями знаний здесь также широко используются знания из военной сферы, касающиеся организации военной службы, войскового хозяйства и т.п. Все это позволяет говорить о том, что в технико-криминалистическое обеспечение дознания во внутренних войсках следует включать не только технико-криминалистические знания, но и специальные

знания в целом. Кроме того, для ведения дознания могут использоваться материалы служебных расследований, базы данных государственных органов, результаты их контрольно-надзорной деятельности.

### **Библиографический список**

1. Колесникова, М.М. Криминалистическое обеспечение деятельности таможенных органов по выявлению, предупреждению и пресечению таможенных преступлений. – Иркутск, 2008.
2. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. – М., 1997.
3. Балацкий, Е.В. Элементы экономики государственного сектора. Минск : Капитал страны, 2013.
4. Дедов, И.И., Шестакова, М.В., Викулова, О.К. Государственный регистр сахарного диабета в Российской Федерации: статус 2014 г. и перспективы развития // Сахарный диабет. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 5–22.

## **ВОПРОСЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА**

**Б.В. Асаёнок**

*начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин  
кафедры юридических дисциплин, факультета внутренних войск  
УО «Военная академия Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Криминалистическое обеспечение административного процесса в качестве составных элементов включает в себя, наряду с другими элементами, и технико-криминалистическое обеспечение. Вопросы технико-криминалистического обеспечения различных видов правоохранительной деятельности уже долгое время привлекают внимание ученых-криминалистов. Наибольшей разработке при этом подверглась проблематика технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Данный вид деятельности В.А. Волынский дал следующее определение: «организационно-функциональная система, направленная на создание условий постоянной готовности служб и подразделений органов внутренних дел к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задачи на практическую реализацию этих условий в целях получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации и ее использования в процессе раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 11]. Говоря о системе технико-криминалистического обеспечения, А.П. Пацкевич и И.И. Лузгин предлагают следующие компоненты: технические средства; специальные и криминалистические знания; следственные и экспертные подразделения; субъекты, владеющие знаниями и навыками применения технических средств;



нормы уголовно-процессуального законодательства и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие применение средств и способов работы с доказательствами [2, с. 171].

Нельзя сказать, что вопросы технико-криминалистического обеспечения административного процесса отмечены полным пренебрежением со стороны криминалистической науки. Здесь скорее обратная ситуация – наибольшее количество работ в сфере криминалистического обеспечения административного процесса в той либо иной степени касаются вопросов криминалистической техники [3; 4 и др.]. Есть и самостоятельное определение С.Л. Нестерова: «под технико-криминалистическим обеспечением административной деятельности ОВД следует понимать систему правовых, научных и организационных мер по разработке, внедрению и практическому использованию технико-криминалистических средств и научных методов их использования в целях оптимизации способов и методов административной деятельности милиции» [5, с. 14].

Однако эти, как и многие другие публикации, зачастую воспринимают и ретранслируют кальки с технико-криминалистического обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, в силу чего без внимания остается специфика административного процесса.

Эта специфика состоит в следующем. На стадии начала административного процесса для выявления и пресечения различных видов административных правонарушений соответствующими субъектами административно-юрисдикционной деятельности используются специфичные именно для их сферы технические средства (средства контроля скорости движения ГАИ, средства таможенного, пограничного контроля и т.п.). Умения пользования ими входит в компетенции соответствующего органа административной юрисдикции, который далее и становится органом, ведущим административный процесс. Эти средства и компетенции могут не являться криминалистическими, что не умаляет их значения в выявлении и пресечении административных правонарушений. Однако их изучение с криминалистических позиций может повысить эффективность их использования и в большей мере обогатить криминалистические средства и методы работы с доказательствами. Это, в частности, относится к различным базам органов административной юрисдикции, систематизация и централизованное использование которых в криминалистических целях пока еще в полной мере не организовано. Хранящаяся в этих базах данных является «подводной частью айсберга», которая не видна за традиционным изучением криминалистами именно криминалистических, экспертных и оперативно-розыскных учетов.

Специфичны и субъекты технико-криминалистического обеспечения административного процесса. Если на стадии подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению уместно применять подходы, сложившиеся применительно к раскрытию и расследованию

преступлений, то на стадии начала административного процесса имеются существенные отличия. Прежде всего, они касаются того, что используются закрепленные в законодательстве, но не процессуальные средства и методы работы с доказательствами. Это касается и проведения экспертиз (судебные экспертизы здесь практически не используются, а проводятся экспертизы, имеющие не процессуальный характер), и использования иной помощи сведущих лиц. Так, зачастую наиболее компетентным сведущим лицом является тот субъект административно-юрисдикционной деятельности, который выявил или пресек административное правонарушение.

Технические средства и способы выявления и пресечения административных правонарушений на стадии начала административного процесса регламентируются не административно-процессуальным, а иным отраслевым законодательством. Изучение этих сфер может не только обогатить криминалистическую технику, но и дать новые возможности в технико-криминалистическом обеспечении иных видов правоохранительной деятельности.

#### **Библиографический список**

1. Волынский, В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытие и расследования преступлений. – М. : ВНИИ МВД РФ, 1994.
2. Пацкевич, А.П. Проблемы технико-криминалистического обеспечения производства следственных действий // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Серия D. Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 13. – С. 169-174.
3. Кузякин, Ю.П. Концептуальные основы использования специальных знаний в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2008.
4. Фоченкова, Н.А. Использование криминалистических знаний при обнаружении и исследовании доказательств в административном процессе (по материалам России и Литвы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Калининград, 2003.
5. Нестеров, С.Л. Криминалистическое обеспечение административной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – С.-Пб., 2006.

## ПРИЗНАКИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ ИХ УТОЧНЕНИЯ

**А.В. Барков**

*профессор кафедры судебной деятельности  
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников  
прокуратуры, судов и учреждений юстиции  
Белорусского государственного университета»,  
кандидат юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист Республики Беларусь*

Признак совершения преступления должностным лицом с использованием служебных полномочий упоминается в Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) 47 раз. Должностное лицо фигурирует в нормах УК и в качестве потерпевшего. Признаки должностного лица определяются в ч. 4 ст. 4 действующего УК, а также в абзаце 3 ст. 1.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Уголовный кодекс выделяет шесть видов должностного лица: представитель власти (п. 1 ч. 4 ст. 4); представитель общественности (п. 2 ч. 4 ст. 4); лицо, выполняющее организационно-распорядительные обязанности (п. 3 ч. 4 ст. 4); лицо, выполняющее административно-хозяйственные обязанности (п. 3 ч. 4 ст. 4); лицо, уполномоченное на совершение юридически значимых действий (п. 3 ч. 4 ст. 4); должностное лицо иностранного государства или международной организации (п. 4 ч. 4 ст. 4).

Определение, данное в КоАП, не согласуется с УК и не называет такие категории должностного лица как представитель общественности и иностранное должностное лицо. Уже это расхождение представляется неосновательным. Очевидно, что УК и КоАП должны иметь тождественное понимание признаков должностного лица.

Эволюция понятия должностного лица характеризуется постепенным возрастанием определенности в нормах закона и правоприменительной практике. Так, в примечании к ст. 195 УК 1928 г. указывалось: «Под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном, общественном или кооперативном учреждении или предприятии» [1. с.195]. В названном определении отсутствуют указания на особенности функций должностных лиц, что породило крайне широкое необоснованное понимание должностного лица как субъекта преступления.

Согласно примечанию к ст. 166 УК 1960 года (в первоначальной редакции) к должностным лицам относились лица, «осуществляющие функции представителей власти», занимающие «должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей» [2 с. 167]. Так были выделены три категории должностных лиц, однако подробно их признаки не были обозначены.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июня 1993 года № 2401-XII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» примечание к ст. 166 УК 1960 года было изложено в новой редакции. Названы признаки представителей власти: «государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции давать распоряжения и приказы и принимать решения относительно лиц, которые не подчинены им по службе». Появились два новых вида должностных лиц. Это «представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителей власти при исполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия». А также «лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий» [3].

Действующий УК в первой редакции ч. 4 ст. 4 практически воспроизвел предыдущую трактовку должностного лица. Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 года № 227-З ч. 4 ст. 4 была дополнена пунктом 4, перечислявшим виды иностранных должностных лиц.

Представители власти – это, прежде всего, представители законодательной власти (депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь) и органов местного управления и самоуправления – депутаты местных Советов депутатов. Далее закон содержит общее определение представителей власти. К ним относятся «государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе». Ключевыми в этом определении были слова «государственные служащие», под которыми на момент принятия и последующего вступления УК в действие понимались не только служащие государственного аппарата, но и все, кто находился на государственной службе.

Но с введением в действие Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» понятие «государственный служащий» изменило свое содержание: круг этих лиц сузился. В части 3 ст. 7 сказано «Действие настоящего Закона не распространяется на военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, если иное не предусмотрено законодательными актами» [4]. Но корректировки в УК не произошло. Формально начальник органа внутренних дел перестал быть представителем власти...

Возникла правовая неопределенность, которая была устранена следующим образом. В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» [далее – ППВС

от 16 декабря 2004 года № 12] разъяснено, что «представителями власти являются также лица, состоящие на государственной службе, которые в пределах возложенных на их полномочий на осуществление властных функций вправе отдавать распоряжения или приказы либо принимать решения относительно не подчиненных им по службе лиц» [5]. Итак, вместо признака «государственные служащие» Пленумом Верховного Суда предложен признак «лица, состоящие на государственной службе», который восстанавливает прежнее понимание круга лиц, имеющих признаки представителя власти. Такое расширительное толкование представляется обоснованным, сохраняющим первоначальный замысел законодателя. Странно другое, что на протяжении 16 лет, судебная практика опирается на толкование нормы, а сама норма не приводится в соответствие с этим толкованием. Предлагается в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК и в абз. 3 ст. 1.3 КоАП слова «государственные служащие» заменить словами «лица, состоящие на государственной службе».

Определенные сложности возникают при выяснении признаков такой категории должностных лиц, как лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. Они названы в п. 3 ч. 4 ст. 4 УК, но отличительные признаки не раскрыты. В пункте 8 ППВС от 16 декабря 2004 года № 12 сказано, что «лицами, уполномоченными в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, являются работники, совершающие такие действия, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица».

За основу этого разъяснения взяты положения Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 года № 3-129/2001 «О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий» [6]. В названном Заключении определяется, что это лица, «совершающие такие действия, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица».

В трактовке Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь и соответственно в пункте 8 ППВС от 16 декабря 2004 года № 12, по нашему мнению, есть признак, который неприемлем применительно к решению вопросов уголовной ответственности. Этот признак заключен в словах «или могут наступить».

Во-первых, этот признак основан на предположении, на вероятности возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Реализация этой вероятности зависит от поведения других лиц и иных привходящих факторов.

Это вносит неопределенность в оценку поведения обвиняемого лица, что недопустимо в уголовном праве.

Во-вторых, должностные преступления являются умышленными (за исключением служебной халатности) и, следовательно, лицо осознает свои полномочия как должностного лица, предвидит юридически значимый результат своего деяния (врач, выдающий листок нетрудоспособности). Если же юридически значимые последствия зависят от иных обстоятельств и возникают лишь при их наличии, то это не охватывается умыслом деятеля. Иначе говоря, умысел отсутствует!

Полагаем, что в ч. 4 ст. 4 УК следует выделить в отдельном пункте следующее определение: «лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. то есть работники, совершающие такие действия, в результате которых наступают юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица».

Соответственно в п. 8 ППВС от 16 декабря 2004 года № 12 исключить слова «или могут наступить». Предлагаемое сужение круга лиц, подпадающих под признаки лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, не ослабит противодействия коррупции и иным посягательствам на интересы службы, а внесет максимальную определенность в понимание специального субъекта преступления.

### **Библиографический список**

1. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1957. – С. 195.

2. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1961. – С. 167.

3. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 22. – Ст. 278.

4. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г., № 204-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424-428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий [Электронный ресурс] : Заключение

## **О РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**С.В. Борико**

*профессор кафедры правового регулирования  
правоохранительной деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, профессор*

В Республике Беларусь начата подготовка к разработке и принятию новой Конституции. В стране на всех уровнях обсуждаются правовые вопросы, которые будут использованы при разработке новой Конституции.

Центром сбора такой информации является Палата Представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Естественно, что параллельно с разработкой новой Конституции должно разрабатываться и отраслевое законодательство, в том числе уголовное и уголовно-процессуальное.

Если обратиться к Концепции судебно-правовой реформы, принятой Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 года, то мы обнаружим, что в ней содержатся прогрессивные направления устройства государства, его органов, а также нового законодательства [1].

Реализуя основные положения Концепции был утверждён Конституционный суд Республики Беларусь, реформированы общие суды, учреждён независимый орган предварительного расследования – Следственный комитет, упразднены военные суды и военные прокуроры.

Кроме того, были разработаны и приняты новые уголовный, уголовно-процессуальный кодексы, кодекс о судостроительстве и статусе судей.

В Концепции было предложено декриминализировать ряд составов преступлений, внести изменения в систему и содержание наказаний, предусмотрев расширение мер наказаний, не связанных с лишением свободы.

В уголовно-процессуальном законодательстве предлагалось дифференцировать формы судопроизводства, расширить судебный контроль за законностью на досудебных стадиях.

К сожалению производство по уголовным делам остаётся громоздким и затратным, иногда не позволяет оперативно проводить следственные действия после получения информации о преступлении.

Наиболее давно идут споры об упразднении стадии возбуждении уголовного дела, однако она не отменена, хотя в УПК зарубежных странах такая стадия отсутствует.

В Конституции записано, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства.

Однако в определенных случаях государство не защищает потерпевших, которым преступлением причинён вред и обвиняемый не установлен. Примерно 15000 гражданам ежегодно причиняется материальный вред, который не возмещается.

В этой связи следует обратиться к зарубежному опыту, где существует механизм защиты жертв преступлений. Законодательством многих стран предусмотрено создание специальных фондов по защите жертв преступлений. Эти фонды формируются добровольными взносами граждан, юридическими лицами и государством. Фонды возглавляют специальные комиссии, которые рассматривают обращения жертв преступлений и оказывают им необходимую помощь.

Концепцией судебно-правовой реформы предусмотрено создание в стране суда присяжных. Заседателей, как наиболее демократичной форме отправления правосудия и широкого участия в нем населения. Ведь мировой опыт свидетельствует о том, что суд присяжных заседателей гарантирует всесторонность, полноту и объективность судебного разбирательства. По мнению известного российского ученого М. Г. Резника «ничего лучшего суда присяжных для достижения правосудия пока не придумано. Суд присяжных – это единственный суд, где действует презумпция невиновности. По этой причине суд присяжных совершил победное шествие по всем цивилизованным странам» [2].

Одновременно с введением суда присяжных заседателей необходимо отменить высшую меру наказания – смертную казнь.

Из вышеизложенного следует, что с принятием новой Конституции Республики Беларусь предстоит большая работа по разработке и принятию отраслевого законодательства, которое соответствовало бы Конституции.

Таким образом, параллельно с разработкой новой Конституции Республики Беларусь должна вестись разработка отраслевого законодательства.

По нашему мнению в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство следует внести изменения и дополнения следующего содержания:

1) образовать в Республике Беларусь суды присяжных заседателей как наиболее демократическую форму отправления правосудия с участием населения;

2) закрепить на территории Республики Беларусь применение смертной казни;

3) санкции на заключение под стражу, домашний арест и залог должны давать судье как не заинтересованные в исходе дела, изъяв это право прокуратуры;

4) следует расширить перечень преступлений частного обвинения, возбуждаемые лицом, пострадавшим от преступления;



5) судам апелляционной инстанции следует рассматривать уголовные дела в полном объеме с исследованием всех доказательств, что исключит направление дел в суд первой инстанции для повторного разбирательства;

6) досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым необходимо пересмотреть содержание соглашения так, как в таком виде оно нередко применяется на практике;

7) деление досудебного производства на две стадии не способствует быстрому всестороннему полному и объективному расследованию. Необходимо вместо стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования ввести одну стадию, назвав ее «досудебное производство или «предварительное расследование»»;

8) в УПК следует ввести главу, регламентирующую основания и порядок возмещения вреда жертвам преступлений, для чего широко использовать зарубежный опыт;

9) для повышения состязательности при производстве по уголовным делам необходимо расширить полномочия защитника по собиранию доказательств. Кроме того, следует регламентировать основания и процессуальный порядок получения ответа на адвокатский запрос;

10) Вместо справки о проведенном расследовании следует ввести «обвинительное заключение, содержание которого будет отвечать его названию».

Таким образом, реализация выше названных предложений будет способствовать повышению эффективности работы органов уголовного преследования судов, защите прав и законных интересов государства, общества и граждан.

### **Библиографический список**

1. Концепция судебно-правовой реформы: постановление Верховного Совета Республики Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-XII // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Резник, Г.М. И вновь к вопросу о суде с участием присяжных заседателей / Г. М. Резник // Современное право. – № 1. – 2009. – 100 с.

# **ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ**

**П.Л. Боровик**

*доцент кафедры правовой информатики  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Анализ уголовной статистики свидетельствует, что начиная с конца XX в. по настоящее время на территории стран постсоветского пространства наблюдается устойчивый рост преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий. Речь идет об уголовно-наказуемых деяниях не только против информационной безопасности, но и в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропов, изготовления и распространения «детской» порнографии, противоправных действиях экстремистской и террористической направленности, а также иной преступной деятельности (зачастую организованной), осуществляемой с помощью различных средств компьютерной техники во внешне законопослушном сегменте, связанном, например, с банковской и финансовой деятельностью, благотворительностью и риелторскими операциями, туристическим бизнесом и валютно-экспортными сделками.

Специфика указанных преступлений и их постоянный рост закономерно предопределяют повышенное внимание широкого круга ученых. В последние годы на страницах юридической печати все больше внимания уделяется вопросам научно-методического обеспечения противодействия таким преступлениям, включая их предупреждение и выявление, а также расследование.

Так, актуальные проблемы противодействия рассматриваемым уголовно-наказуемым деяниям своевременно затронуты в научных публикациях В.Б. Вехова, П.В. Миненко, Д.Г. Осипенко, В.В. Полякова, А.Н. Тукало, М.В. Кондратьева, В.Е. Козлова, А.М. Ишина, Е.П. Ищенко, Д.Л. Харевича и других ученых. Несмотря на высокую теоретическую и практическую значимость этих исследований, следует отметить, что они не исчерпывают всех аспектов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий. Отсутствие комплексного характера в исследовательской работе на этом направлении ощутимо затрудняет противодействие преступлениям, совершаемым с использованием постоянно совершенствующихся компьютерных и сетевых технологий. В частности, на сегодняшний день недостаточно проработаны вопросы организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий в глобальной сети «Интернет». В серьезном исследовании нуждаются проблемы документирования противоправной деятельности участников преступной деятельности, а также легализации данных, полученных в ходе проведения

указанных мероприятий с целью их дальнейшего использования в уголовном процессе. Не в полной мере изучены и отдельные аспекты криминалистического исследования средств компьютерной техники, несущие следы совершения рассматриваемых преступлений. Имеющиеся пробелы не лучшим образом сказываются на практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, и, несомненно, препятствуют процессу воплощения права, социальной справедливости и осуществлению правосудия в сфере противодействия рассматриваемым преступлениям.

Вышеприведенные обстоятельства обосновывают актуальность осуществления научных изысканий в обозначенной сфере и определяют их задачи, связанные с выработкой соответствующих научно-обоснованных практических рекомендаций. При этом очевидно, что практическое использование подобных методических материалов требует обязательного наличия основательной профессиональной подготовки, а также регулярного обновления имеющихся знаний у оперативных работников, следователей и, разумеется, у специалистов и экспертов.

В контексте затронутой проблемы важно также отметить, что связанное с развитием информационных технологий структурное видоизменение традиционных форм совершения рассматриваемых преступлений, их трансформация в качественно иные не только порождают необходимость изменения организации и тактики противодействия преступности, но и требует новых подходов к системному и институциональному теоретическому осмыслению соответствующих криминологических проблем. Так, на фоне происходящих социальных преобразований особая роль должна отводиться криминологическим научным изысканиям, позволяющим сформировать принципиально новую парадигму противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационных технологий.

Среди перспективных научных направлений, которые ждут своих исследователей, следует отметить и методику раскрытия и расследования преступлений в сфере банковских платежных карточек, а также высокотехнологических мошенничеств. Интересную и вместе с тем сложную тему представляет криминалистическое исследование цифровой информации, технологии работы с электронными следами и большими данными (Big data), идентификация и диагностика программно-технических средств совершения преступлений. Не нашла еще своего отражения в рамках отдельной диссертационной либо монографической работы и проблематика соответствующих судебных экспертиз.

Одним из ключевых этапов раскрытия преступлений является поиск информации, представляющих оперативный интерес, осуществляемый оперативными подразделениями органов внутренних дел. От объема, достоверности и качества оперативно-розыскной информации зависят точность оценки оперативной обстановки, полнота и правильность принимаемых решений, направленность планирования оперативно-розыскных мероприятий,

четкость постановки задач перед исполнителями, эффективность контроля и достижение конечного результата – раскрытие преступлений.

Активное использование субъектами противоправной деятельности возможностей информационных технологий детерминирует резкое возрастание информации, представляющей оперативный интерес, хранящейся, передаваемой и обрабатываемой в информационных системах. На сегодняшний день общество сталкивается с проблемой применения информационных технологий как для подготовки и осуществления преступлений, так и для ухода от ответственности, и в первую очередь для противодействия правоохранительным органам. Например, в настоящее время правонарушители вместо привычной телефонной связи активно используют интернет-мессенджеры со сквозным шифрованием (Telegram, Jaber, VIPole, Sygnal, Skype и др.), ведут и координируют свою противоправную деятельность в «закрытом» сетевом информационном пространстве, именуемом «DarkNet» (в т. ч. в неиндексируемом сегменте сети интернета – «DeepWeb»), осуществляют финансовые транзакции с помощью криптовалют, анонимных электронных кошельков и иных виртуальных активов, маскируют себя в сети с помощью виртуальных частных сетей VPN и различного рода анонимайзеров.

В последние годы свидетельства преступной деятельности, представляющие интерес для органов внутренних дел, все чаще обнаруживаются в компьютерных системах, где они содержатся в различных информационных объектах (электронные документы, сообщения электронной почты, вредоносные программы, «облачные» ресурсы и т. п.). Исследование показывает, что основная специфика пространственно-временной локализации подобных объектов неминуемо сказывается на изменении содержания, методов и форм их вовлечения в уголовный процесс. Вместе с тем, анализ судебной практики привлекает внимание к спектру проблем, связанных с недостаточной готовностью оперативных и следственных органов к использованию данных, хранящихся в компьютерных системах. Даже для сетевых компьютерных преступлений в качестве доказательств в подавляющем большинстве случаев используются «традиционные» объекты, в то время как процессуальное значение «электронных документов», как правило, становится ничтожным в результате неумелых действий по их использованию. Очевидно, что в современных условиях электронно-цифровые следы способны существенно расширить доказательственную базу по многим уголовным делам, а потому их эффективному вовлечению в уголовный процесс следует уделять особое внимание, и соответствующие исследования, разумеется, должны быть продолжены.

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что организация научных исследований по данной тематике требует дальнейшего совершенствования. Среди основных перспективных направлений работы в этой области можно выделить следующие:

организация и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий в глобальной сети «Интернет»;

оперативный поиск и идентификация пользователей в «закрытом» сетевом и неиндексируемом информационном пространстве интернета;

документирование противоправной деятельности участников преступной деятельности, а также легализация данных, полученных в ходе проведения указанных мероприятий с целью их дальнейшего использования в уголовном процессе;

криминологическое исследование проблем совершения преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий;

методика раскрытия и расследования преступлений в сфере банковских платежных карточек, а также высокотехнологических мошенничеств;

криминалистическое исследование цифровой информации, технологии работы с электронными следами и большими данными (Big data) в деятельности по расследованию преступлений;

идентификация и диагностика программно-технических средств совершения высокотехнологических преступлений;

проведение судебных экспертиз по материалам и делам, связанным с совершением высокотехнологических преступлений.

Обозначенные направления научных исследований открывают новые возможности для дальнейшего развития юридической науки и ее практического применения с учетом реалий сегодняшнего дня. В этой связи в настоящее время актуальным является проведение постоянных целенаправленных конференций, круглых столов и других научных мероприятий, посвященных указанным вопросам.

## **МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ БАЗИС УПРОЩЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**А.В. Боярская**

*доцент кафедры уголовного права и криминологии  
юридического факультета*

*Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,  
кандидат юридических наук, доцент*

Объектом рассмотрения в данной статье выступает ускоренное производство, предусмотренное гл. 47 УПК Республики Беларусь, и особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, закрепленный гл. 40 УПК РФ. В качестве предмета изучения берется уголовно-правовой базис соответствующих процедур, под которым понимается круг уголовно-правовых норм, для

применения которых предназначена определенная уголовно-процессуальная форма.

Материально-правовой базис каждого из указанных сходных по своим свойствам уголовно-процессуальных производств является достаточно специфическим и предполагает собственную историю развития.

Обратимся по рассматриваемому вопросу к гл. 40 УПК РФ. Изначально предполагалось, что применение соответствующей процедуры допустимо по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, согласно УК РФ, не превышает 5 лет лишения свободы.

После принятия в 2003 году Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» данное судебное производство стало применяться по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, установленное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы.

Уже в 2006 году Верховный Суд РФ вышел с инициативой изменить положения ч. 1 ст. 314 УК РФ с тем, чтобы ограничить материально-правовой базис особого порядка принятия судебного решения уголовными делами о преступлениях небольшой и средней тяжести. В тот период времени соответствующее предложение поддержано не было. В 2019 году Верховный Суд РФ вновь предпринял попытку сократить применение судебного производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, и она оказалась успешной. На основе проекта закона № 690652-7 Государственной Думой 07.07.2020 года был принят в окончательной редакции Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Таким образом, в настоящее время особый порядок применяется только по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

При этом система категорий преступлений, представленная в ст. 15 УК РФ, не является достаточно стабильной. Уже трижды она подвергалась значительным изменениям (в 2001, 2011 и 2019 годах). В настоящее время преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы. Тогда как к преступлениям средней тяжести относят умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы.

Изначально круг преступлений, при обвинении лица в совершении которых уголовное дело могло быть рассмотрено в особом порядке, определялся максимальным сроком наказания в виде лишения свободы. Летом 2020 года нормативный критерий, определяющий материально-правовой базис особого порядка судебного разбирательства, был изменен и оказался поставленным в зависимость от системы категорий преступлений. О

необходимости принятия соответствующего законодательного решения упоминалось, например, таким автором как О.В. Качалова [1, с. 155].

То есть, относительно развития материально-правового базиса судебного производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, можно заключить следующее:

1. В РФ материально-правовой базис особого порядка судебного разбирательства всегда определялся посредством нормативных признаков общего характера. К конкретному перечислению составов преступлений, по уголовным делам, в отношении которых возможно применение рассматриваемой процедуры, законодатели не прибегали.

2. Общий характер нормативного критерия, определяющего границы уголовно-правового базиса особого порядка обусловил его относительную устойчивость (он изменялся дважды – в 2003 и 2020 годах).

3. В настоящее время законодатели пришли к определению материально-правового базиса особого порядка через систему категорий преступлений, закрепленную в ст. 15 УК РФ. Однако данная система недостаточно стабильна, что может негативно сказаться на устойчивости материально-правового базиса анализируемого судебного производства.

4. Сначала в уголовно-процессуальном законодательстве РФ прослеживалась тенденция расширения сферы применения гл. 40 УПК РФ. Даже формулировалась позиция, что особый порядок должен применяться по всем уголовным делам, вне зависимости от категории [2, с. 211]. Теперь она сменилась тенденцией сокращения числа случаев использования соответствующей уголовно-процессуальной формы. Преобладание в настоящее время тенденции ограничения сферы реализации гл. 40 УПК РФ объясняется тем, что, по верному указанию профессора Л.В. Головки, особый порядок стал для отечественного уголовного судопроизводства не собственно «особым», исключительным, а общим, в связи с чем российский уголовный процесс нуждался в нормализации [3, с. 35].

Обратимся теперь к уголовно-процессуальному и уголовному законодательству Республики Беларусь. Материально-правовой базис ускоренного производства определяется положениями ч. 1 ст. 452 УПК Республики Беларусь. И за весь период действия соответствующего нормативного акта он четырежды подвергался изменению.

Первоначально материально-правовой базис ускоренного производства был представлен списком уголовно-правовых норм, без выделения каких-либо характерных для них общих признаков. Законами Республики Беларусь от 17.07.2006 года №147-З и от 20.12.2007 года №297-З в данный список вносились изменения, связанные с корректировкой круга закрепленных норм. Что было связано, очевидно, с определенной нестабильностью и изменчивостью положений Особенной части УК Республики Беларусь. Отметим, что подобная тенденция характерна и для уголовного законодательства РФ.

Законом от 05.05.2010 года №122-З в ч. 1 ст. 452 УК РФ были внесены существенные изменения. К материально-правовому базису ускоренного производства стали относиться нормы о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступлениях, расследование по уголовным делам в отношении которых производится органами дознания. Соответствующие составы приведены в ч. 12 ст. 182 УПК. И уже Законом Республики Беларусь от 13.12.2011 года №325-З было установлено, что ускоренное производство применяется по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступлениях, без отсылки к каким-либо перечням составов.

При этом к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, относятся умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание. К менее тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше шести лет, а также преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет.

На основании изложенного относительно развития материально-правового базиса ускоренного производства, предусмотренного гл. 47 УПК Республики Беларусь, можно заключить следующее:

1. Материально-правовой базис ускоренного производства не вполне стабилен, определяющий его параметры нормативный критерий подвергался существенным изменениям.

2. Причину подобной изменчивости можно усмотреть в том, что сначала материально-правовой базис рассматриваемой процедуры был представлен в виде списка норм, и лишь в 2010 году он был соотнесен с системой категорий преступлений и выражен в виде признаков более общего характера, которые, как правило, не столь часто нуждаются в преобразованиях.

3. Поскольку система категорий преступлений, представленная уголовном законодательстве Республики Беларусь, более стабильна, нежели классификация преступлений в РФ, думается, что произведенное преобразование делает материально-правовой базис ускоренного производства более устойчивым.

4. Исходя из максимального срока наказания в виде лишения свободы, установленного за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступлений, ускоренное производство в Республике Беларусь никогда не применялось столь активно и широко как особый порядок судебного разбирательства в РФ, применение которого было возможным и в отношении тяжких преступлений.

5. Ускоренное производство, предусмотренное УПК Республики Беларусь, в настоящее время применяется в отношении круга преступных деяний,



сходного по характеру и степени общественной опасности с тем, в отношении которого допустима реализация особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством РФ.

### **Библиографический список**

1. Качалова, О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2016.
2. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / И.А. Александрова и др. Н. Новгород: МВД РФ, Нижегород. акад., 2007.
3. Головкин, Л.В. Справедливость выше любых теоретических установок. Интервью // Уголовный процесс. – 2020. – № 2. – С. 32–41.

## **О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗДЕЛ VI ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**А.Н. Брусяко**

*преподаватель цикла государственно-правовых дисциплин  
кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск  
УО «Военная академия Республики Беларусь»*

В Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) включена самостоятельная глава XVII о преступлениях против мира и безопасности человечества [1], которые относятся к международным преступлениям, посягающим на основные принципы международного права, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Современное международное право признает только индивидуальную уголовную ответственность физических лиц за совершенные ими преступления против мира и безопасности человечества. Если преступные деяния таких лиц связаны с преступной деятельностью государств, последние должны нести международную ответственность, а физические лица – уголовную. Лицо, совершившее преступные действия во исполнение приказа своего правительства или начальства, не освобождается от уголовной ответственности. Официальный статус лица (глава государства или правительства) также не может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности. Однако следует иметь в виду, что многие преступления против мира и безопасности человечества могут быть не связаны с политикой соответствующих государств и их правительств (наемничество, геноцид и др.). За совершением таких преступлений может стоять не государство, а какая-нибудь группа лиц, организация, партия или общественное движение.

Также следует отметить, что Республика Беларусь, как участница абсолютного большинства международных договоров по защите жертв войны, обязалась обеспечить реализацию содержащихся в них международных обязательств, включая ввод в действие национального законодательства,

необходимого для предотвращения серьезных и иных нарушений международного гуманитарного права и наступления наказания за их совершение. Данные нормы нашли свое закрепление в главе XVIII УК о военных преступлениях и других нарушениях законов и обычаев ведения войны [1].

Указанные выше главы законодателем были объединены в раздел VI особенной части УК, который получил соответствующее название: «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», но и отдельные нормы уголовного законодательства в данном разделе являются несовершенными. Отдельные из них предлагается рассмотреть, сформулировать обоснования и предлагаемые редакции дополнений и изменений в содержание соответствующих норм уголовного законодательства.

Применительно к ст. 123 УК (Пропаганда войны):

В соответствии с абз. 10 п. 4 Военной доктрины Республики Беларусь, утвержденной Законом Республики Беларусь от 20.07.2016 № 412-З, война – социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами. Для достижения поставленных целей в современной войне применяются политические, экономические, идеологические, военные и другие насильственные и ненасильственные средства и соответствующие им формы борьбы [2].

Как видится, указанные положения не в полной мере соблюдены при формулировке диспозиции ч. 1. ст. 123 УК [1]. Следует отметить, что согласно данной диспозиции в определенной степени сужен круг сторон, которые могут пострадать в результате противоправных деяний.

С целью уточнения формулировки, а также на основании абз. 10 п. 4 Военной доктрины Республики Беларусь, утвержденной Законом Республики Беларусь от 20.07.2016 № 412-З, предлагается изложить диспозицию ч. 1 ст. 123 УК в следующей редакции: «Распространение в любой форме взглядов, идей или призывов с целью вызвать агрессию одной стороны (государства, народа, нации или социальной группы) против другой (пропаганда войны)».

Применительно к ст. 125 УК (Нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой):

Согласно названию ст. 125 УК прослеживается формулировка, которая не в полной мере отражает обобщенное понятие объекта посягательства диспозиции данной статьи. Кроме того, указанные обстоятельства также не в полной мере соблюдены при формулировании диспозиции ч. 1. ст. 125 УК [1]. В этой связи необходимо отметить, что здесь сужен перечень объектов, которые могут пострадать в результате противоправных действий, а именно территория и (или) имущество.

Таким образом, для уточнения формулировки предлагается:

- название ст. 125 УК сформулировать следующим образом – «Нападение на объекты, пользующиеся международной защитой»;

- изложить диспозицию ч. 1 ст. 125 УК в следующей редакции: «Нападение на объекты, в том числе служебные или жилые помещения, транспортные средства учреждений, территорию, пользующихся международной защитой, с целью провокации международных осложнений или войны».

Применительно к ст. 128 УК (Преступления против безопасности человечества):

В статье 28 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» указаны требования, которым должны соответствовать нормативные правовые акты, в том числе: логичное построение, единство и однозначность терминологии [3]. Указанные требования, по мнению автора, не в полной мере соблюдены в названии ст. 128 УК «Преступления против безопасности человечества» [1].

Исходя из названия раздела VI УК «Преступления против мира и безопасности человечества» видовым объектом данного раздела являются мир и безопасность человечества. Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 128 УК, исходя из названия, является безопасность человечества [1].

Таким образом, основной непосредственный объект одного преступления охватывает собой значительную часть видового объекта преступления. С целью уточнения формулировки, а также на основании примечания к ст. 128 УК предлагается название ст. 128 УК сформулировать следующим образом: «Преступления против безопасности человечества, совершаемые на дискриминационной основе».

Применительно к ст. 130 УК (Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитация нацизма):

Кроме нацизма на международном и национальном уровнях также запрещаются и иные идеологии, признаваемые преступными (апартеид, фашизм и др.). Кроме того, без должного правового реагирования остаются иные преступные идеологии (к примеру, сателлитов Германии, коллаборационистов и др.).

В этой связи для устранения необходимости в постоянной корректировке диспозиции данной статьи, – в случае признания в установленном законом порядке преступной той либо иной идеологии, а также для обеспечения соблюдения международных обязательств Республики Беларусь, – предлагается изложить диспозицию ч. 1 ст. 130 УК в следующей редакции: «Умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности, а равно

умышленные действия по реабилитации нацизма, а также иной преступной идеологии, запрещенной в установленном законодательством порядке».

Применительно к ст. 136 УК (Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов):

Нижний предел санкции за вербовку лиц, не достигших пятнадцатилетнего и восемнадцатилетнего возраста (п. 5 и 5-1 ст. 136 УК), не должен быть ниже санкции за вербовку иных (совершеннолетних) лиц (ст. 132 УК (Вербовка, обучение, финансирование и использование наемников)) [1]. Данное изменение позволит обеспечить сбалансировать нижних пределов санкций за преступления, предусмотренных ст. 132 и п. 5 и 5-1 ст. 136 УК.

С целью обеспечения сбалансированности нижних пределов санкций за преступления, предусмотренных ст. 132 УК и п. 5 и 5-1 ст. 136 УК, а также допустимость наличия корыстного мотива при совершении преступных деяний, предлагается изложить санкцию ст. 136 УК в следующей редакции: «наказываются лишением свободы на срок от семи до двадцати лет со штрафом или без штрафа».

Таким образом, осуществлено рассмотрение отдельных преступлений раздела VI особенной части УК, которые относятся к международным преступлениям, посягающим на основные принципы международного права, обеспечивающие мир и безопасность человечества, и требующие их корректировки. Изложенное отнюдь не исчерпывает все вопросы, возникающие при анализе данного раздела УК. Но, несомненно, они должны быть предметом пристального внимания науки при решении отдельных практических проблем. Представленная статья с рассмотренным в ней кругом вопросов адресуется широкому кругу читателей. Выводы и практические предложения, сформулированные в статье, рекомендованы к использованию в практике подготовки соответствующего проекта нормативного правового акта и направлены в государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

### **Библиографический список**

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 09 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 ноября 2019 г. № 253-З// АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2020.

2. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь[Электронный ресурс]: ЗаконРесп. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-З // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2020.

3. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : ЗаконРесп. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З// АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2020.

## **К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**В.Е. Бурый**

*начальник отдела криминологических исследований  
ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности  
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В Республике Беларусь в 2020 году началось и в 2021 году завершится системное реформирование кодексов по вопросам уголовной ответственности.

В настоящее время в Министерстве юстиции Республики Беларусь обобщаются, систематизируются и согласовываются предложения субъектов-разработчиков по внесению изменений и дополнений в положения Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). После систематизации, обоснования и согласования со всеми заинтересованными органами (министерствами, ведомствами) всех предложений не только по Общей, но и по Особенной части УК, будет готовиться проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь», а затем – аналогичные проекты Законов (после систематизации, обоснования и согласования со всеми заинтересованными органами) в отношении Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов (т.е. положения УК являются основополагающими по ряду ключевых положений указанных кодексов).

Следует отметить, что начатая в текущем году реформация уголовного законодательства продолжает последовательную и системную работу в направлении комплексной либерализации уголовной ответственности, обеспечения адекватности уголовно-правового воздействия содеянному, и продолжает реализацию Указа Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения», Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» и др. [1;2]

Одно из направлений реформирования – декриминализация ряда уголовных составов с административной преюдицией, синхронизация положений УК и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП).

В связи с этим, рассмотрим некоторые позиции по реализации этого направления деятельности в правотворчестве.

Статья 16.4 «Нарушение правил радиационного контроля» КоАП [3].

Изучением данных судебной статистики о рассмотренных административных делах и наложенных административных взысканиях за период с 2015 года по 2019 год (включительно) по данной статье КоАП, отмечается их постоянное незначительное количество (см. таблицу 1).

Таблица 1

|                        | 2019<br>(МВД/суд)                                        | 2018                                                        | 2017                                                        | 2016                                                          | 2015                                                          |
|------------------------|----------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------|
| Статья<br>16.4<br>КоАП | 7/7 – суд. дел<br>рассмотрено<br>/ взысканий<br>наложено | 0/0 – суд.<br>дел<br>рассмотрено<br>/ взысканий<br>наложено | 5/4 – суд.<br>дел<br>рассмотрено<br>/ взысканий<br>наложено | 13/12 – суд.<br>дел<br>рассмотрено<br>/ взысканий<br>наложено | 14/13 – суд.<br>дел<br>рассмотрено<br>/ взысканий<br>наложено |

Следует обратить внимание на то, что состав преступления, предусмотренного статьей 326 «Нарушение правил радиационного контроля» УК, содержит административную преюдицию [4]. Соответственно статья 16.4 КоАП и статья 326 УК предусматривают ответственность за одни и те же деяния. Также необходимо отметить, что диспозиции соответствующих статей КоАП и УК не содержат указания на причинение виновным лицом какого-либо вреда.

Ввиду незначительного количества рассматриваемых судами административных дел и наложенных административных взысканий по статье 16.4 КоАП, а также непривлечения к уголовной ответственности по статье 326 УК (в период с 2015 года по 2019 год ни одного случая, в т.ч. за первое полугодие 2020 года), целесообразно рассмотреть вопрос о декриминализации статьи 326 УК, а статью 16.4. КоАП изложить в следующей редакции:

«Статья 16.4. Нарушение правил радиационного контроля

1. Применение лицом, на которое возложено осуществление радиационного контроля, средств радиационного контроля, не прошедших в установленном порядке поверку или калибровку, либо нарушение им методики выполнения измерений уровня радиоактивного загрязнения, –

влекут предупреждение или наложение штрафа в размере от двух до десяти базовых величин.

2. Те же деяния, совершенные повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, –

влекут наложение штрафа в размере от пятнадцати до тридцати базовых величин.».

Статья 23.41 «Самовольное занятие земельного участка» КоАП [3].

Статьей 23.41 КоАП предусмотрена административная ответственность за самовольное занятие земельного участка. За самовольное занятие земельного участка, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение предусмотрена уже уголовная ответственность (статья 386 УК) [4].

Изучением судебной статистики за 2015-2019 годы, отмечается то, что к уголовной ответственности по статье 386 УК (с момента ее введения в УК в 2015 году) никто не привлекался. Иная ситуация наблюдается с привлечением к административной ответственности по статье 23.41 КоАП (см. таблицу 2).

Таблица 2

|                | 2019                                                 | 2018                                                  | 2017                                                  | 2016                                                  | 2015                                                  |
|----------------|------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------|
| Ст. 23.41 КоАП | 1009/591 – суд. дел рассмотрено / взысканий наложено | 1065/589 – суд. дел рассмотрен о / взысканий наложено | 1239/715 – суд. дел рассмотрен о / взысканий наложено | 1286/799 – суд. дел рассмотрен о / взысканий наложено | 1191/781 – суд. дел рассмотрен о / взысканий наложено |

С учетом вышеизложенного, целесообразно исключить статью 386 из УК и усилить административную ответственность за повторное самовольное занятие земельного участка, изложив статью 23.41 КоАП в следующей редакции:

«Статья 23.41. Самовольное занятие земельного участка

Самовольное занятие земельного участка –

влечет наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от тридцати до ста базовых величин, а на юридическое лицо – от пятидесяти до трехсот базовых величин, –

То же деяние, совершенное повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, –

влечет наложение штрафа в размере от тридцати до пятидесяти базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от ста до двухсот базовых величин, а на юридическое лицо – от трехсот до пятисот базовых величин.»

Актуален по-прежнему вопрос о соотношении (синхронизации) штрафа как уголовного наказания и как административного взыскания. В УК лишь закреплено положение о том, что размер штрафа, назначаемый лицу за совершенное им преступление с административной преюдицией, не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в административном порядке.

В настоящее время в УК содержатся 30 статей, предусматривающих административную преюдицию, из них – в 25 нормах штраф установлен в качестве основного наказания (ст. 177-1, ч. 1-2 ст. 201, ч. 1 ст. 228-1, ст. 234-1, ч. 1 ст. 257, ч. 1 ст. 269, ч. 1 ст. 271, ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 274, ч. 1 ст. 278, ч. 1 ст. 281, ч. 1 ст. 282-1, ч. 1 ст. 295-1, ч. 1 ст. 296, ч. 1 ст. 297, ч. 1 ст. 304, ст. 326, ст. 328-2, ч. 1 ст. 337, ст. 369-2, ч. 1 ст. 371, ст. 385, ст. 386, ст. 387, ч. 1 ст. 412), и в санкциях 2 норм УК штраф закреплен в качестве дополнительного наказания (ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 317-1).

Как следствие, в настоящее время существует проблема в разграничении соотношения размера штрафа как уголовного наказания и как административного взыскания (их размеры не синхронизированы и не согласованы между собой, что приводит к «размыванию» границы между административными правонарушениями и преступлениями). Исходя из анализа санкций ряда статей УК и КоАП, общественный вред отдельных административных правонарушений «оценен» законодателем выше

общественной опасности схожих по признакам составов уголовных преступлений.

Таким образом, декриминализация ряда уголовных составов с административной преюдицией, сбалансированность положений УК и КоАП (например, в вопросе размера штрафа), позволят более качественно реализовать задачу комплексной либерализации уголовной ответственности и обеспечить адекватность уголовно-правового воздействия содеянному.

### **Библиографический список**

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 23.12.2010 № 672 : в ред. Указа от 30.12.2011 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь от 23.11.2017 № 7 : в ред. Декрета от 16.07.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в редакции от 18.12.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в редакции от 11.11.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ**

**В.Л. Григорович**

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Успешное противодействие преступности может осуществляться только всесторонне подготовленными специалистами в процессе выполнения своих служебных обязанностей. Для выявления и расследования преступлений большое значение имеет криминалистика и предлагаемые ею криминалистические средства и методы, тактические приемы и методики расследования преступлений. В этой связи исключительно актуальной является проблема профессиональной, в том числе криминалистической подготовки сотрудников правоохранительных органов, привития будущим и действующим сотрудникам специальных практических умений и навыков, связанных с



криминалистическим обеспечением раскрытия, расследования и предупреждения общественно опасных деяний, собирания и исследования доказательств.

Наиболее значимым принципом государственной политики в сфере образования, установленного в ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании, является принцип «интеграции в мировое образовательное пространство при сохранении и развитии традиций системы образования». Данный принцип нашел свою реализацию в присоединении Республики Беларусь к Болонскому процессу и вступлении ее в Европейское пространство высшего образования, о чем было объявлено 14 мая 2015 года в Ереване на Конференции министров образования стран Европейского пространства высшего образования и форуме по Болонской политике. На сегодняшний день процесс включает в себя 48 стран-участниц из 49 стран, которые ратифицировали Европейскую культурную конвенцию Совета Европы.

Инновационными направлениями государственной политики в сфере высшего образования становятся: переход на образовательные стандарты высшего образования, развитие системы дистанционного обучения, реализация интерактивных методов обучения, внедрение современных информационных технологий, формирование единого информационного пространства посредством развития телекоммуникационных компьютерных сетей и т.д.

Указанные направления изменений ориентиров системы образования связаны с трансформацией образовательного процесса с подхода, основанного на знаниях, на подход, ориентированный на результат образовательного процесса, где вместо знакомых всем знаний, умений и навыков на передний план выдвинуты компетенции, а, следовательно, и «компетентностный подход». Что касается форм и методов получения высшего образования, то они должны быть направлены на формирование в стенах учреждения образования личности нового профессионального типа, ориентированной на современные идеи, ценности, принципы [1, с. 28].

Проблемы применения инновационных методик в преподавании юридических дисциплин анализировались в работах Д.А. Агапова, С.Н. Бабурина, Л.А. Бурляевой, Е.С. Герман, Р.Б. Головкина, Ф.Г. Камкия, Т.С. Паниной, Е.А. Певцовой, О.А. Серовой, Л.В. Сокольской, Н.П. Шиловой, Г.Д. Шкарлупиной и др.

По мнению исследователей, образование должно стать соответствующим инновационной модели развития экономики и отвечать требованиям конкуренции на рынках инноваций, труда и образования. Это стратегический выбор Беларуси в ответ на вызовы современного общества, которое устанавливает такие требования. В этой связи педагоги активно перенаправляют деятельность обучаемых с заучивания информации на приобретение опыта самостоятельной работы ее грамотного добывания и использования, на развитие инициативы самой личности.

В последние годы надлежащая правовая подготовка юристов является важным звеном в обеспечении правопорядка в государстве, гарантией защиты прав и свобод граждан. Достижение высокого профессионального уровня выпускников-юристов прочно связывается с внедрением в образовательный процесс инновационных педагогических технологий [2, с. 43–44].

Основным механизмом в деле формирования компетентностного подхода и личности инновационного типа, по мнению большинства исследователей в этой области, должны стать методы активного и интерактивного обучения. Указанная методология должна развить у обучающихся умение анализировать конкретные практические ситуации, принимать решения, добиваться поставленной цели. Многие существующие интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи. Рассматриваемая методика кардинально меняет роль педагога в образовательном процессе. Преподаватель при таком подходе выступает не основным источником новой информации, а выполняет организующую и направляющую функцию, функцию помощника в работе [1, с. 29].

Интерактивное обучение, как полагают его сторонники, формирует способность мыслить неординарно, по-своему видеть проблемную ситуацию, выходы из нее; обосновывать свои позиции, свои жизненные ценности; развивает умение выслушивать иную точку зрения, умение сотрудничать, вступать в партнерское общение, проявляя при этом толерантность и доброжелательность по отношению к своим оппонентам.

К интерактивным формам обучения исследователи традиционно относят: проблемную лекцию (преподаватель в начале и по ходу изложения учебного материала создает (проблемные ситуации и вовлекает студентов в их анализ), лекцию-провокацию (лекцию с запланированными ошибками), бинарная лекция (работу двух преподавателей, читающих лекцию по одной и той же теме и взаимодействующих как между собой, так и с аудиторией), лекцию-визуализацию (передача преподавателем информации студентам сопровождается показом различных рисунков, структурно-логических схем, опорных конспектов, диаграмм и т. п.), лекцию «пресс-конференцию» (преподаватель просит студентов письменно в течение 2-3 минут задать ему интересующий каждого из них вопрос по объявленной теме лекции. Далее преподаватель в течение 3-5 минут систематизирует эти вопросы по их содержанию и начинает читать лекцию, включая ответы на заданные вопросы в ее содержание), лекция-диалог (содержание подается через серию вопросов, на которые студенты должны отвечать непосредственно в ходе лекции) [3, с. 20].

В заключении отметим, что за последние годы произошли существенные изменения в подходах к обучению не только криминалистики, но и многим другим специальным дисциплинам, которые определяют качественный уровень подготовки выпускника с квалификацией «юрист». Поиск новых технологий в образовательном процессе обусловлен различными обстоятельствами:

социально-экономическими преобразованиями, происходящими в обществе; усилением требований к качеству подготовки юристов; интеграцией отечественного образования в европейские образовательные процессы; инновационной направленностью педагогической деятельности.

### **Библиографический список**

1. Герман, Е.С. Методика преподавания юридических дисциплин в вузе: проблемы и перспективы // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 27–33.
2. Головкин, Р.Б. Синтез инновационных и традиционных педагогических технологий в преподавании базовых юридических дисциплин // Формирование знаний, навыков и профессиональных компетенций в образовательном процессе юридических вузов: матер. всероссийской науч.-практ. конф. Владимир: Атлас, 2013. – С. 43–50.
3. Бабурина, Т.Н. Роль междисциплинарного подхода преподавания в становлении личности специалиста // Формирование знаний, навыков и профессиональных компетенций в образовательном процессе юридических вузов: матер. всероссийской науч.-практ. конф. Владимир: Атлас, 2013. – С. 18–23.

## **КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ**

**А.А. Данилевич**

*заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист Республики Беларусь*

В укреплении законности и правопорядка в нашей стране, наряду с усилением борьбы с правонарушениями, огромное значение имеет повышение уровня культуры отправления правосудия.

Судебная культура включает в себя: организацию труда в суде, профессиональное мастерство судебных работников, нравственные основы судебной деятельности, судебный этикет. Культура судебной деятельности относится ко всем сторонам работы суда. Но особо важное значение культура имеет в стадии судебного разбирательства, в процессе непосредственного осуществления правосудия по уголовным и гражданским делам. В этом плане мы говорим о культуре судебного процесса, как части судебной культуры.

Культура судебного процесса – это, во-первых, неукоснительное и правильное соблюдение и применение судом всех правовых норм в стадии судебного разбирательства, иными словами, высокая правовая культура судебного заседания; во-вторых, рациональная, четкая, отвечающая

нравственным нормам организация проведения судебного процесса; в-третьих, высокое профессиональное мастерство всех участников судопроизводства, прежде всего судьи, прокурора и адвоката, которое включает культуру личного поведения и этику взаимоотношений между ними. В содержание культуры входит также и соблюдение правил судебного этикета, с соблюдением которых осуществляется судебный процесс.

Составной частью культуры судебного разбирательства является культура судебных прений. Прения участников судебного процесса - самостоятельная часть судебного разбирательства. Они подводят итог судебному разбирательству и тесно связаны с ним. Именно поэтому нельзя отделять культуру судебных прений от культуры судебного разбирательства в целом, как нельзя отделять роль участников судебных прений от их роли в судебном рассмотрении дела вообще.

Культура судебных прений складывается из многих компонентов. Это и наличие специально подготовленного зала судебного заседания, его техническая оснащенность, умелая организация судебных прений, высокая культура поведения и взаимоотношений их участников.

Судебные прения по своему характеру – это всегда противоборство сторон, отстаивание своих, нередко прямо противоположных суждений, оценок, выводов. Выступая в суде, прокурор, защитник и другие участники процесса излагают свое понимание фактов, служащих предметом исследования по делу, опровергают неправильные с их точки зрения суждения и оценки противной стороны, указывают на несостоятельность приводимых аргументов, недостаточную убедительность сделанных выводов. При этом между участниками судебных прений могут возникнуть расхождения в интерпретации собранных по делу данных, их оценке, определении их правовой значимости. Ведь каждый участник процесса подходит к пониманию и оценке собранных по делу данных со своей процессуальной позиции, позиции личного опыта и защищаемых их процессуальных интересов.

На этой основе между участниками процесса возможен острый, полемический спор, доказывание несостоятельности точки зрения противной стороны. Но такой спор независимо от его оснований должен проходить корректно, с соблюдением всех этических начал во взаимоотношениях между участниками процесса, в обстановке строгой официальности, присущей судебной процедуре. Недопустимо использование судебных прений для ненужного препирательства, сведения счетов, амбициозных выпадов, мелочных придирок, попыток дискредитировать выступление своего процессуального оппонента. Не соглашаясь с теми или иными высказываниями и суждениями других субъектов процесса, участники судебных прений не должны проявлять нервозности, запальчивости, а на основе тщательного и глубокого анализа собранных по делу данных, умелого толкования закона доказать свою правоту, убедить в верности своей интерпретации фактических и юридических обстоятельств уголовного дела судей и других участников судебного процесса.

Неэтичное поведение участников судебных прений, их амбициозность и неуважительное отношение друг к другу - это прежде всего показатель их низкой общей и профессиональной культуры, свидетельство непонимания ими задач и целей правосудия.

Как бы не был убежден тот или иной участник судебного процесса в своей правоте, насколько бы неосновательными не казались ему утверждения и доводы противной стороны, он не в праве возмущаться и раздражаться по этому поводу. Его задача спокойно и убедительно обосновать свою позицию, дезавуировать возражения своего процессуального противника, аргументированно отстоять свою точку зрения. Глубоко верным остается то положение, что чем значительней расхождения в отстаиваемых позициях между участниками судебных прений, чем острее ведущийся спор относительно тех или иных фактических и юридических обстоятельств уголовного дела, тем больше сдержанности и такта должны проявлять участники судебных прений, тем убедительнее должны быть содержащиеся в их речах аргументы и доводы, тем более доказательными должны быть выводы и предложения.

## **ИНСТИТУТ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**И.В. Данько**

*заведующий кафедрой экономического и финансового права  
ЧУО «БИП-Институт правоведения»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В соответствии со ст. 22 Конституции Республики Беларусь все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Данное установление в сфере уголовного процесса развивается и конкретизируется в ст. 20 УПК, часть 2 которой определяет, что производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом независимо от их происхождения, социального, должностного и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, политических и иных убеждений, отношения к религии, пола, образования, языка, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Вместе с тем в отношении отдельных категорий лиц, наиболее уязвимых в социальном плане, законодатель предусматривает особенности, направленные на повышение уровня защиты данных граждан. Одной из таких дополнительных гарантий является институт законного представительства, применяемый прежде всего к несовершеннолетним участникам уголовного производства. В процессуальной теории он формулируется как система правоотношений между лицом, не обладающим полной уголовно-процессуальной дееспособностью, и лицом, специально указанным в законе, в

рамках которых «происходит защита прав и законных интересов представляемого лица путем реализации собственных прав, присущих законному представителю, а также содействия в реализации прав и законных интересов представляемого» [1, с. 16-18]. Э.Б. Мельникова отмечает, что участие законного представителя несовершеннолетнего связано с двумя обстоятельствами: 1) неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) ответственностью законного представителя за воспитание и поведение несовершеннолетнего [2, с. 70–71]. При этом, как верно утверждает В.М. Лебедев, «одним из основных условий применения норм уголовно-процессуального права в соответствии с волей законодателя является уяснение терминов, используемых в уголовном процессе» [3, с. 9].

В п. 8 ст. 6 уголовно-процессуального закона, предусматривающей разъяснения понятий и наименований, содержащихся в УПК, законные представители трактуются как «родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец».

Из приведенной нормы следует, что законному представителю разрешается вступить в процесс лишь после возбуждения уголовного дела. Это подтверждается и другими предписаниями, например, ч. 3 ст. 56 УПК, в соответствии с которой орган уголовного преследования или суд своим постановлением (определением) признают и допускают к участию в производстве по уголовному делу в качестве законных представителей соответственно подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца одного из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей каждого из них либо представителей организаций, на попечении которых они находятся. Причем согласно ч. 2 ст. 436 УПК законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускается к участию в уголовном деле с момента первого допроса.

Иными словами, законный представитель может появиться в процессе только тогда, когда производство по уголовному делу уже осуществляется и несовершеннолетнему придан соответствующий процессуальный статус (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего). Однако деятельность органов дознания и предварительного следствия не ограничивается производством по уголовным делам, начинаясь гораздо раньше – при рассмотрении заявлений, сообщений о преступлении. В настоящее время данная стадия уголовного процесса фактически превратилась в полноценное расследование. В 2017 году ее правовое регулирование в очередной раз расширилось. Между тем еще до этого А.А. Данилевич и В.И. Самарин справедливо заметили, что современная стадия возбуждения уголовного дела «сблизилась по своему содержанию с

расследованием уголовного дела, превратилась в его суррогат» [4 с. 28]. С учетом поправок 2017 года и существовавших ранее возможностей продления срока проверки по заявлению или сообщению о преступлении, длительность стадии возбуждения уголовного дела сейчас может достигать до шести месяцев, значительно превышая начальный срок предварительного следствия. При этом, исходя из УПК участие законных представителей в этот период не предусмотрено, что негативно сказывается на интересах как несовершеннолетнего лица, в отношении которого проводится проверка его причастности к преступлению, так и несовершеннолетнего пострадавшего. Указанные субъекты активно вовлекаются в процессуальную деятельность в ходе проверки заявлений, сообщений о преступлении. Как правило, у них берется объяснение, по сути, мало чем отличающееся от допроса. Причем получается оно иногда неоднократно. Н.М. Савина приводит случаи, когда граждане по 6-7 раз вынуждены были являться по вызову для дачи объяснения [5, с. 12].

Усугубляет ситуацию и то, что на этой стадии процесса закон не предусматривает участия не только законных представителей несовершеннолетнего, но и других лиц, которые могут оказать последнему юридическую и психологическую помощь при производстве с ним процессуальных действий. Речь идет о защитнике, за исключением случаев задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, о педагоге или психологе, участие которого обязательно в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 435 УПК), а также потерпевшего и свидетеля, не достигших 14-летнего возраста (ст. 221 УПК).

Таким образом, институт законного представительства в уголовном процессе согласно УПК не охватывает отношения, возникающие до возбуждения уголовного дела, – именно там, где в наибольшей степени несовершеннолетние граждане нуждаются в помощи и поддержке со стороны близких. В этой связи необходимо изменение существующего порядка появления законного представителя в уголовном процессе. Думается, он должен иметь возможность участвовать в производстве по материалам и уголовным делам с момента осуществления процессуальных действий с несовершеннолетним лицом независимо от наличия у последнего правового статуса подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Подобная регламентация соответствующих отношений позволит законному представителю с самого начала уголовно-процессуальной деятельности, во-первых, отстаивать права и интересы несовершеннолетнего, во-вторых, оказать помощь органам уголовного преследования в установлении психологического контакта с подростком.

### **Библиографический список**

1. Тетюев, С.В. Отзыв об автореферате диссертации Е.А. Ухаревой «Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в производстве следственных действий (правовые и организационные аспекты)» // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 3. – С. 16 – 18.
2. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии / Э.Б. Мельникова. — М. : Дело, 2001. — 272 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. – М., 2014. – 1054 с.
4. Данилевич, А.А., Самарин, В.И. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь // Законность и правопорядок, 2013. – № 3 (27). – С. 24 - 29.
5. Савина, Н.М. Процессуальные издержки: некоторые проблемные вопросы правовой регламентации / Н.М.Савина // На страже. – 2011. - 15 июля. – С. 12.

### **МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАКОНОПРОЕКТА**

**Л.Л. Зайцева**

*заведующий кафедрой прокурорской деятельности  
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников  
прокуратуры, судов и учреждений юстиции  
Белорусского государственного университета»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В конце прошлого века во многих странах мира появились программы восстановительного правосудия в ответ на кризис традиционной карательной модели правосудия, основная цель которой состоит в привлечении к уголовной ответственности и наказании лиц, совершивших преступления.

Визитной карточкой восстановительного правосудия является особое отношение к событию преступления и его участникам – обвиняемому и потерпевшему. Это отношение состоит в том, что преступление нуждается прежде всего не в наказании и каре обвиняемого, а в восстановлении нанесенного жертве морального, психологического, материального ущерба и социальной реабилитации преступника с целью предотвращения рецидива с его стороны.

Центральным элементом восстановительного подхода к правосудию выступает посредничество (медиация) как специально организуемая процедура, в которой жертва и правонарушитель (обвиняемый) имеют возможность добровольно участвовать в решении порожденных преступлением проблем с



помощью беспристрастной третьей стороны (посредника). Если правонарушитель раскаялся и готов возместить ущерб, составляется примирительный договор, выполнение которого контролируется и влияет на решение по уголовному делу. В ряде стран Европы нормы о посредничестве (медиации) стали частью национального законодательства. При этом использовались различные модели их правовой имплементации.

В Республике Беларусь обсуждение вариантов включения норм о посредничестве (медиации) в Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) началось среди ученых и практиков десять лет назад. Результаты такого обсуждения нашли отражение в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. №672. В подпункте 16.14 этого документа было предусмотрено принятие в 2013-2015 годах мер по введению в уголовном процессе института медиации (посредничества) для внесудебного урегулирования конфликтов.

Указанное направление было закреплено и в Послании о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 года № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции». В этом нормативно-правовом акте также была поставлена задача изучить необходимость введения института согласительного процесса (соглашения сторон обвинения и защиты о квалификации преступления, мере наказания, сумме ущерба и др.), внедрения процедуры медиации по отдельным требованиям, вытекающим из гражданско-правовых отношений.

С принятием Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года №58-3 «О медиации» появилась надежда на внедрение этого института также в уголовное судопроизводство, в том числе по делам о преступлениях несовершеннолетних. Ведь данный закон позволяет использовать медиацию не только для разрешения споров, возникающих из гражданских, трудовых и семейных правоотношений, но и «в рамках иных видов судопроизводства в случаях, предусмотренных законодательными актами». Поскольку соответствующих норм в УПК не имеется, то задачей законодателя является внесение необходимых изменений и дополнений в указанный кодекс, которые позволят использовать медиацию для урегулирования споров, возникающих из уголовно-правовых отношений.

За выполнение этой задачи взялись депутаты Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва. По их предложению проект Закона «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросу медиации» (далее – проект) был включен в План подготовки законопроектов на 2014 год, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2013 года № 572. Подготовка проекта

осуществлялась рабочей группой, в состав которой вошла и автор настоящей статьи.

26 ноября 2014 года в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь состоялся круглый стол на тему «Восстановительное правосудие: медиация в ответ на преступление». В обсуждении вопросов применения медиации в сфере уголовного судопроизводства приняли участие представители Совета Республики Национального Собрания, Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Комитета государственной безопасности, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, научного и адвокатского сообщества. От разработчиков проекта с докладом выступила автор настоящей статьи. Материалы круглого стола были опубликованы в газете «СБ – Беларусь сегодня» от 18 декабря 2014 года.

Следует отметить, что никто из участников дискуссии принципиально против медиации в уголовном процессе не возражал. Существенные расхождения между ними касались исключительно способов правовой регламентации института медиации в УПК, категорий уголовных дел, по которым возможно применение данного института, процессуального статуса медиатора и оплаты его услуг. Было принято решение продолжить работу над проектом закона с учетом высказанных на круглом столе замечаний и предложений.

Совет по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь 31 марта 2015 года после соответствующего обсуждения принял решение о целесообразности поэтапного введения института медиации в уголовный процесс. В качестве первого этапа предлагалось распространить этот институт на те категории уголовных дел, производство по которым в соответствии с УПК может быть прекращено в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

Таким образом, проект закона о введении медиации в уголовный процесс стал предметом широкой общественной дискуссии, в том числе в средствах массовой информации, с участием представителей институтов гражданского общества, юридической науки и практики.

Следует отметить, что в течение двух лет работы над проектом закона было подготовлено несколько вариантов его редакций, которые четыре раза (!) направлялись заинтересованным органам на согласование в связи с принимаемыми мерами по устранению разногласий. Это свидетельствует о внимательном отношении разработчиков к рассмотрению всех поступающих предложений и замечаний. С учетом высказанных рекомендаций разработчиками проекта была предложена модель в наибольшей степени соответствующая нашим социально-экономическим и правовым реалиям и не требующая существенной ломки действующего УПК.

Особенностью данной модели является проведение медиации вне рамок производства по уголовному делу, параллельно с ним, по обоюдному согласию обвиняемого и потерпевшего для достижения примирения между ними. При

этом орган, ведущий уголовный процесс, обязан разъяснить сторонам право на примирение, в том числе в порядке медиации. Решение о прекращении уголовного дела остается правом прокурора или суда, который оценивает результаты примирения, достигнутого с участием либо без участия медиатора. Медиация как дополнение к институту примирения должна способствовать нравственно-психологическому воздействию на обвиняемого с целью осознания им своей ответственности перед другим человеком и обществом в целом.

Большинство заинтересованных органов согласилось с последней концепцией проекта закона, а возражения по поводу отдельных его норм планировалось устранить при подготовке проекта к первому слушанию в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь. К сожалению, в 2017 году дальнейшая разработка проекта была прекращена и больше не возобновлялась. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь так и не появилась, несмотря на многочисленные рекомендации международных и национальных экспертов.

Судьба данного законопроекта особенно огорчает, поскольку подобные нормы уже давно и успешно применяются в ряде государств постсоветского пространства. В частности, в УПК Казахстана и УПК Молдовы содержатся нормы о медиации.

Полагаем, что положения указанного законопроекта до сих пор не утратили своей актуальности и могут быть использованы в настоящее время для совершенствования действующего законодательства, национальной правовой системы в целях продвижения идей восстановительного правосудия в Республике Беларусь.

## **ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: ОТ НАУЧНОЙ ДЕФИНИЦИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ**

**Л.Ф. Иванова**

*доцент кафедры профессиональной подготовки и управления  
в правоохранительной сфере  
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»  
кандидат юридических наук, доцент*

В настоящее время в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предъявлению для опознания посвящены статья 193 и статья 289. Первая из указанных статей устанавливает порядок и условия проведения предъявления для опознания, а вторая регламентирует проведение предъявления для опознания в судебном заседании.

В уголовно-процессуальном законе не раскрывается сущность предъявления для опознания и не называется цель этого следственного действия. Однако, обращение к целям принятия и толкования той или иной трактовки статьи Уголовно-процессуального кодекса просто необходимо. Так

как смысл положений должен быть сформулирован с учетом преследуемых законодателем и заложенных в этих положениях целей. Исходя из смысла действующего законодательства предъявление для опознания – это следственное действие – цель – сформировать доказательство.

На сегодняшний день в юридической литературе существует множество различных определений понятия предъявление для опознания. Основные понятия были сформулированы еще в середине прошлого столетия и в настоящее время они только дополняются и корректируются.

Анализ законодательного опыта стран ближнего зарубежья показывает следующее. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь в ст. 223 дано определение предъявлению для опознания «с целью установления тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом следователь, лицо, производящее дознание, могут предъявить для опознания лицо или объект подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю. Для опознания могут быть предъявлены труп и животное». В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан в ст. 229 также дано определение указанному следственному действию «с целью установления тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом лицо, осуществляющее досудебное расследование, может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому. Для опознания может быть предъявлен и труп». В Уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики законодательно закреплена следующая дефиниция «предъявлением для опознания является следственное действие, содержание которого заключается в демонстрации какого-либо объекта потерпевшему, свидетелю, подозреваемому или обвиняемому с целью установления его идентичности с объектом, который этому лицу ранее был известен или воспринимался им в обстоятельствах, связанных с расследуемым событием».

Один из дискуссионных моментов требующий внимания при регламентации процедуры проведения этого следственного действия, выступает неспособность будущего опознающего лица описать объект, что не влечет за собой исключения возможности безошибочного опознания, так же как правильное описание не обеспечивает возможности точного опознания [1; 2]. В Уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики в ст. 176 УПК, регламентировано, что «неспособность допрашиваемого детально описать особенности и приметы объекта не может служить причиной для отказа от производства предъявления для опознания». В Уголовно-процессуальном кодексе Украины законодатель в ст. 228 указывает на то, что «если лицо заявляет, что оно не может назвать приметы, по которым узнает лицо, однако может узнать его по совокупности признаков, в протоколе отмечается, по совокупности каких именно признаков оно может узнать лицо».

Проанализировав процессуальную регламентацию процедуры проведения рассматриваемого следственного действия странами ближнего зарубежья, можно предложить законодательное закрепление рассматриваемой

дефиниции в следующей редакции: «Следователь может предъявить для опознания лицо или предмет с целью установления тождества или различия опознаваемого объекта с мысленным образом, сохранившимся в процессе восприятия ранее и которое, имеет отношение к событию преступления, свидетелю, потерпевшему, обвиняемому, подозреваемому. Для опознания может быть предъявлен труп».

Процедуру проведения предварительного допроса, предусмотренного перед предъявлением для опознания законодательно регламентировать следующим образом: «Будущие опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они воспринимали соответствующее лицо или предмет, приметах и особенностях, по которым они могут произвести опознание. Неспособность описать объект не исключает возможности производства предъявления для опознания».

### **Библиографический список**

1. Веницкий, Л.В., Иванова, Л.Ф. Тактико-психологические аспекты предъявления для опознания на предварительном следствии. – М.: Юрлитинформ, 2010.
2. Иванова, Л.Ф. Предъявление для опознания (психологический аспект) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Челябинск, 2018. том 18. – № 2. – Серия «Право». – С. 21-25.

## **ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**А.А. Игликова**

*старший прокурор отдела*

*Генеральной прокуратуры Республики Беларусь*

В научной литературе профилактическое наблюдение наряду с превентивным надзором определяется как дополнительная мера уголовной ответственности, применяемая в рамках осуждения к уголовному наказанию в постпенальный период на завершающем этапе реализации уголовной ответственности [1, с. 204].

Наряду с осуждением с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания, осуждением без назначения наказания, превентивный надзор и профилактическое наблюдение законом отнесены к иным мерам уголовной ответственности (глава 11 Общей части УК), которые, по сути, являются мерами государственного принуждения, поскольку применяются государством в лице уполномоченных органов, влекут изменение правового статуса личности и существенно ограничивают права.

Однако из положений ст. 46 УК следует, что в отличие от иных мер уголовной ответственности, предусмотренных ст.ст. 77, 78, 79, 117 УК,

превентивный надзор и профилактическое наблюдение не являются самостоятельными формами ее реализации.

Профилактическое наблюдение не является прямой реакцией государства на совершение преступления, обусловлено наличием уже имеющейся судимости, его осуществление не требует отдельного судебного решения. Его целью является контроль за поведением конкретного осужденного и оказание необходимого профилактического воздействия на его поведение. Соответственно, профилактическое наблюдение, как и превентивный надзор, не преследуют цели общей превенции.

В соответствии с ч. 1 ст. 81 УК профилактическое наблюдение осуществляется за тремя категориями осужденных: 1) лица, осужденные за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимые два и более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления; 2) лица, осужденные в порядке, предусмотренном ст.ст. 77, 78, 79 или 117 УК; 3) лица, условно-досрочно освобожденные от наказания, в течение неотбытой части наказания. Таким образом, вопреки вышеприведенному определению, профилактическое наблюдение может применяться не только в постпенальный период (то есть после отбытия осужденным наказания), но и одновременно с отбыванием наказания (в случаях осуждения за тяжкое или особо тяжкое преступление к наказаниям, не связанным с лишением свободы) либо нахождением лица в режиме испытания в связи с применением иных мер уголовной ответственности, условно-досрочным освобождением от наказания.

К обязанностям осужденных, находящихся под профилактическим наблюдением, отнесены: предварительное уведомление органа внутренних дел об изменении места жительства, о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца; явка в орган внутренних дел по вызову и при необходимости дача пояснений относительно своего поведения и образа жизни (ч. 2 ст. 81 УК). Эти обязанности носят режимно-ограничительный характер и обеспечивают осуществление контроля за поведением осужденных.

Необходимо отметить, что в отношении осужденных с применением ст. 78 УК, а также условно-досрочно освобожденных от наказания, закон предусматривает возможность наряду с обязанностями, обусловленными режимом профилактического наблюдения, возложение на осужденных обязанностей исправительного и ресоциализирующего характера (возместить ущерб потерпевшему, пройти (продолжить) курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании, поступить на работу).

В отношении лиц, осужденных с отсрочкой применения наказания, а также лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания, могут быть применены более строгие обязанности режимно-ограничительного характера, нежели установленные ч. 2 ст. 81 УК, например – явка в орган внутренних дел на регистрацию, запрет на выезд по личным делам на срок более одного месяца за пределы района (города) места жительства, запрет посещения определенных мест, обязанность находиться по месту жительства после наступления

определенного времени (ч. 4 ст. 77, ч. 5 ст. 90 УК). При этом, согласно ч. 3 ст. 77 УК, обязанности, предусмотренные ч. 2 ст. 81 УК, возлагаются на осужденного лишь в случае, если судом для него не были установлены более строгие обязанности, предусмотренные ч. 4 ст. 77 УК. Аналогичного изъятия в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания, закон не содержит. Это связано с тем, что обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 90 УК, могут быть возложены на лицо только на период неотбытой части наказания. По истечении этого периода профилактическое наблюдение осуществляется в отношении лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а их обязанности ограничены установленным ч. 2 ст. 81 УК перечнем.

Последствия неисполнения обязанностей, составляющих содержание иных мер уголовной ответственности, существенно отличаются. Осуждение с применением ст.ст. 77, 78 УК альтернативно наказанию и содержит угрозу его применения. Поэтому невыполнение осужденными с применением ст.ст. 77, 78 УК возложенных судом обязанностей может повлечь отмену отсрочки, условного осуждения и их направление для отбывания наказания. Аналогичные последствия – отмена условно-досрочного освобождения от наказания предусмотрены в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания, и допустивших невыполнение возложенных обязанностей в период неотбытой части наказания.

Для лица, отбывшего наказание и находящегося под профилактическим наблюдением, правовым последствием неисполнения возложенных обязанностей является привлечение к административной ответственности по ч. 2 ст. 24.12 КоАП, а в случае повторного совершения таких действий в течение года после наложения административного взыскания за эти же нарушения – по ч. 3 ст. 24.12 КоАП.

Таким образом, профилактическое наблюдение – это уголовно-правовая мера правоограничительного характера, реализуемая в целях обеспечения иных мер уголовной ответственности, контроля за поведением установленных законом категорий осужденных, не являющаяся самостоятельной формой реализации уголовной ответственности. Вспомогательный (опосредованный) характер профилактического наблюдения, не являющегося наказанием либо альтернативой наказанию, позволяет констатировать, что по своей правовой природе этот институт, как и институт превентивного надзора, следует рассматривать как меру уголовно-правового воздействия на преступность, путем предупреждения противоправного поведения конкретного лица. Правовая природа и содержание профилактического наблюдения позволяет констатировать, что *de lege ferenda* профилактическое наблюдение (как и превентивный надзор) следует рассматривать в качестве самостоятельного уголовно-правового института – иных мер уголовно-правового воздействия.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что по ряду аспектов правовое регулирование профилактического наблюдения нуждается в совершенствовании.

Исходя из диспозиции чч. 2 и 3 ст. 24.12 КоАП, субъект данного правонарушения специальный – лицо, отбывшее наказание. Таким образом, осужденный с применением ст. 79 УК, то есть без назначения наказания не может быть привлечен к административной ответственности за несоблюдение требований профилактического наблюдения. Как обоснованно отмечается в научной литературе, необеспечение ответственности осужденного за подобное противоправное поведение делает указанную меру уголовной ответственности уязвимой в прогнозируемой эффективности и непопулярной в судебной практике [2, с. 197].

В то же время не можем согласиться с предлагаемым вариантом разрешения указанной проблемы – установлением в законе возможности замены профилактического наблюдения на превентивный надзор в случае злостного нарушения осужденным требований профилактического надзора. Осуждение без назначения наказания может применяться в отношении лица, впервые совершившего преступление, не представляющее общественной опасности, или менее тяжкое преступление. Соответственно, ни количественная, ни качественная характеристика судимости такого лица не свидетельствуют о той степени общественной опасности его личности, которая определена законом для установления превентивного надзора. На наш взгляд, мерой реагирования на несоблюдение требований профилактического наблюдения лицом, осужденным без назначения наказания, должно являться его привлечение к административной ответственности. В связи с изложенным диспозицию ч. 2 ст. 24.12 КоАП после слов «Невыполнение без уважительной причины» следует дополнить словами «лицом, осужденным без назначения наказания,».

Санкцией ч. 3 ст. 24.12 КоАП предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста. Следовательно, неоднократное невыполнение лицом, находящимся под профилактическим наблюдением, возложенных на него обязанностей, может рассматриваться как основание для установления превентивного надзора в контексте положений п. 2 ч. 4 ст. 80 УК. Однако такое решение может быть принято лишь в отношении лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление, а также судимых два или более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, тогда как профилактическое наблюдение осуществляется в отношении всех лиц, осужденных за тяжкие или особо тяжкие преступления, вне зависимости от вида назначенного наказания.

Установление такого широкого круга лиц, подпадающих под профилактическое наблюдение исключительно в связи с тяжестью совершенного преступления, представляется необоснованным. Уже сам по себе факт того, что суд назначил за тяжкое преступление наказание, не связанное с лишением свободы, либо применил ст. 70 УК при осуждении за особо тяжкое преступление свидетельствует о наличии обстоятельств существенно уменьшающих степень общественной опасности содеянного, а, следовательно,



и степень угрозы противоправного поведения осужденного в будущем. Кроме того, снижение количества лиц, находящихся под профилактическим наблюдением, позволит повысить эффективность деятельности органов внутренних дел, к компетенции которых отнесено его осуществление, по профилактике преступности за счет снижения нагрузки на сотрудников.

В связи с изложенным, представляется целесообразным осуществление профилактического наблюдения не за всеми осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления, а лишь за осужденными за эти преступления к наказанию в виде лишения свободы.

### **Библиографический список**

1. Афонченко, Т.П. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение в системе мер постпенального контроля. Гомель : учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2017. – 228 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ.коммент. / Т.П.Афонченко[и др.] ; под ред. В.М.Хомича, А.В.Баркова, В.В.Марчука. – Минск :Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

## **О СОБЛЮДЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

**Н.Г. Кадников**

*профессор кафедры уголовного права  
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,  
доктор юридических наук, профессор*

**Ф.Н. Кадников**

*адвокат Московской областной коллегии адвокатов,  
кандидат юридических наук*

Необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий диктуется такими важными задачами уголовной политики как борьба с преступностью, раскрытие и расследование преступлений. Данные мероприятия должны быть проведены в соответствии с нормами Конституции РФ, Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с допол. и измен.) «Об оперативно-розыскной деятельности», УК РФ, УПК РФ и др. нормативных актов.

Несомненно, важнейшим документом, который имеет высшую юридическую силу, среди всех перечисленных, является Конституция РФ. Несмотря на высказывания ряда специалистов «что Конституция не священная корова» и надо мыслить «прагматически», Конституция РФ остается действующим документом, подлежащим неукоснительному исполнению. При этом остается сожалеть о том, что законодатели забыли сформулировать и

дополнить УК РФ нормой об ответственности должностных лиц всех уровней власти за умышленное неисполнение норм главного закона страны, затрагивающих важнейшие охраняемые ею ценности: права и свободы человека. Это тем более актуально, т.к. в статье 1 вышеуказанного закона закреплено понятие оперативно-розыскной деятельности (далее – Закон об ОРД): «Оперативно-розыскная деятельность - вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее - органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств». Статья 3 данного закона закрепляет, что оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Статья 5 однозначно утверждает, что органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции. Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных законом.

Сложно обобщить все проблемы с нарушением конституционных норм при проведении ОРМ, но можно остановиться на наиболее часто встречающихся нарушениях таких важнейших прав и свобод личности, как нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, неприкосновенности жилища, т.к. именно неприкосновенность этих свобод непосредственно охраняются нормами Конституции РФ. Более того, их нарушение влечет строгую юридическую ответственность, вплоть до уголовной.

Диспозиция ч. 1 ст. 137 УК РФ определяет нарушение неприкосновенности частной жизни следующим образом: незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Данная диспозиция, как и другие диспозиции уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, предусматривающие ответственность за нарушение важнейших конституционных прав и свобод, является бланкетной, т.е. требующей знаний иных нормативных актов, в которых уточняются виды личной и семейной

тайны частного лица, понятие средств массовой информации. Имеет важное значение фигура потерпевшего, гражданин, чье право на неприкосновенность частной жизни нарушено. Полагаем, что это может быть любой живой человек, обладающий сведениями, составляющими его личную или семейную тайну.

Незаконность действий виновного определяется тем, что сведения собираются и распространяются без согласия их обладателя либо с нарушением действующего законодательства, в том числе и норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Проблема в том, что нет четкого перечня сведений, относимых к частной жизни, что в конечном итоге приводит к жалобам и заявлениям граждан о соответствующих нарушениях. Органы, осуществляющие ОРД, учитывая такие проблемы, отстаивают свое право на проведение подобных действий, не считая собираемые сведения данными о частной жизни лица. Верховный Суд РФ не дал по этому поводу четких разъяснений, что приводит также к необходимости обращения граждан в суд, а в ряде случаев и к возбуждению уголовного дела. В последнее время много нарушений в данной сфере связаны с незаконной передачей персональных данных гражданина (в том числе и его фамилии, имени, адреса проживания, адреса электронной почты, личный номера сотового телефона) сотрудниками ОВД заинтересованным лицам и учреждениям. Всем известны примеры разглашения огромной базы данных о гражданах (баз ГИБДД, банковских учреждений, налоговых органов и пр.).

Полагаем, что за нарушение неприкосновенности частной жизни, а также и других конституционных прав и свобод граждан санкции, предусмотренные специальными нормами, должны быть изменены в сторону ужесточения. Особенно следует обратить внимание на совершение этих преступлений сотрудниками правоохранительных органов при проведении ОРД. Такие действия следует квалифицировать по совокупности: статьи о нарушении конституционных прав и свобод гражданина и ст. 285 либо 286 УК РФ.

В настоящее время весьма актуальны проблемы законности и незаконности изучения материалов чужой электронной почты, СМС отправок с мобильных телефонов и т.п. информационных обменов между абонентами. Как представляется, такие действия в полной мере охватываются признаками преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 138 УК. Об этом указано и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

Как отметил Пленум Верховного Суда РФ, нарушением тайны телефонных переговоров является, в частности, незаконный доступ к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи (дате, времени, продолжительности соединений, номерах абонентов, других данных,

позволяющих идентифицировать абонентов). Незаконный доступ к содержанию переписки, переговоров, сообщений может состоять в ознакомлении с текстом и (или) материалами переписки, сообщений, прослушивании телефонных переговоров, звуковых сообщений, их копировании, записывании с помощью различных технических устройств и т.п. Особо отмечено, что под иными сообщениями в статье 138 УК РФ следует понимать сообщения граждан, передаваемые по сетям электрической связи, например СМС- и ММС-сообщения, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети «Интернет» мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом. В большинстве случаев для проведения ОРД в указанных случаях требуется судебная санкция.

Рассматривая аналогичную ситуацию, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что передача записей учета звонков без согласия лица, звонки которого подвергались учету, представляет собой неоправданное вмешательство в осуществление права на неприкосновенность частной жизни [1, с. 91].

Законные действия сотрудников правоохранительных органов, в том числе и при осуществлении ОРД, могут временно ограничивать конституционные права граждан, если это связано с пресечением и предупреждением преступлений. Однако в таких случаях, как отмечается в документах Верховного Суда РФ, результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут быть использованы в качестве доказательства по делам, лишь тогда, когда они получены по разрешению суда в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [2].

### **Библиографический список**

1. Лопатин, В.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 91.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

### **СЛЕДСТВЕННАЯ ПРОФИЛАКТИКА: ЦЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ЗАДАЧИ**

**Ю.Ф. Каменецкий**

*начальник Института повышения квалификации и переподготовки  
Следственного комитета Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук*

Для познания сущностно-содержательных аспектов следственной профилактики как правовой деятельности требуется определение ее целей, а также основных проблем, препятствующих достижению данных целей, которые

являются исходными пунктами для определения соответствующей установки по организации функционирования субъектов, реализующих профилактическую деятельность. Исследование целей, проблем реализации и направленных на их решение задач следственной профилактики, находящихся в тесной взаимосвязи, позволяет раскрыть ее концептуальное содержание, конкретизировать понятие указанной деятельности, сформулировать ее задачи, наметить направления для реализации следственной профилактики правоприменителем и выработать научно обоснованные критерии оценки результативности (эффективности достижения субъектами целей профилактической работы).

Повышение эффективности следственной профилактики как вида деятельности требует мысленного предвосхищения ее результатов, а также наличие способов и средств ее достижения. Исходя из ее многосторонности, следует заключить, что следственная превенция характеризуется совокупностью различных взаимосвязанных и взаимообусловленных целей, направленных на предупреждение преступлений и иных общественно опасных фактов.

Основу такого предупреждения составляет пресечение и предотвращение формирования и развития общественно опасной деятельности, включая преступления и иные правонарушения, но не ограничивается только ими. Не менее важной целью выступает минимизация следственным путем последствий, наступивших в отношении ряда лиц, от преступной деятельности, которая включает заглаживание причиненного физического, имущественного или морального вреда. К таким лицам следует отнести не только потерпевших, но и родственников, знакомых, сослуживцев, односельчан различных участников уголовного процесса, которые ощутили на себе последствия противоправной деятельности других (например, не чувствуют безопасности после совершения серии грабежей в вечернее время).

По значимости данная цель несколько не уступает пресечению совершения нового преступления, поскольку с позиции пострадавшего лица является одним из основных мотивов обращения за помощью в органы предварительного следствия, а также неотъемлемым элементом ресоциализации потерпевшего. В этом плане весьма показательным является пример, когда недостаточное внимание по минимализации последствий сексуального насилия в отношении детей может спровоцировать в будущем совершение жертвами преступлений схожих преступлений. Аналогичный пример можно привести по результатам анализа причин и условий совершения ряда воинских преступлений, связанных с неуставными отношениями (случаи, когда потерпевшие от преступлений солдаты совершают схожие преступления в отношении сослуживцев-новобранцев).

Кроме того, целью следственной профилактики является охрана (защита) и восстановление прав граждан. В этом случае речь идет о различных защитных мерах по отношению к гражданам и имуществу, выступающим

потенциальным объектом преступного посягательства. Например, семья потерпевшего обоснованно опасается расправы в связи с участием их родственника в уголовном процессе, что требует применения от следователя комплекса мер (пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого и безопасности в отношении семьи потерпевшего).

Таким образом, система целей следственной профилактики базируется на предупреждении общественно опасных фактов и включает следующие основные направления: пресечение и предотвращение формирования и развития общественно опасной деятельности, минимизация ее последствий, охрана (защита) и восстановление прав граждан.

Для совершенствования правоприменительной практики в зависимости от стадии развития деструктивного явления (объекта воздействия) целесообразно выделить следующие цели следственной профилактики:

1) по отношению к начавшемуся деструктивному явлению включают предотвращение готовящегося, пресечение начавшегося противоправного деяния; предотвращение (уменьшение) и заглаживание вредных (опасных) последствий;

2) по отношению к оконченому деструктивному явлению состоят из привлечения виновных лиц к ответственности; заглаживания последствий; локализации (ограничения) противоправного (преступного) поведения личности; защиты участников уголовного процесса и иных лиц; защиты от преступных посягательств различных объектов;

3) по отношению к новому деструктивному факту (виду, группе) включают нейтрализацию причин (позитивное изменение личностной направленности преступника, корректировка личности, стимулирование законопослушного поведения); нейтрализацию условий (криминогенных обстоятельств), способствующих совершению деструктивных явлений; защиту граждан от противоправного поведения (например, изменение личных данных свидетеля); локализацию противоправного (преступного) поведения личности; защиту от преступных посягательств различных объектов; предотвращение (уменьшение) вредных (опасных) последствий; выработку уголовно-правовых и иных методов и средств противодействия преступности, формирование правовой культуры и правосознания.

Предлагаемая классификация целей следственной профилактики носит теоретико-прикладной характер, позволяет конкретизировать их перечень в зависимости от объекта превентивного воздействия и определить основные направления ее практического осуществления.

В ходе достижения этих целей следственная профилактика сталкивается с целым рядом различных проблемных ситуаций, связанных с наличием определенных препятствий для ее осуществления. Актуальность определения типичных проблемных ситуаций весьма велика, поскольку они являются основой для формулирования проблем, требующих разрешения. Базируясь на положении, что проблема является исходной формой организации всякой

деятельности и предопределяет эффективность последующего решения [1, с. 1], формулирование существующих проблем следственной профилактики предопределяет эффективность ее реализации.

В результате анализа правоприменения выявлены узловые проблемные вопросы осуществления профилактической деятельности, которые характеризуются своей неоднородностью и могут быть сгруппированы соответствующим образом. Основанием для проведения такой классификации выступают существующие внутренние связи между проблемными вопросами. Данные взаимосвязи, проявляющиеся в практике правоприменения, не являются одинаковыми по своей направленности, объему и силе действия.

Логика следственной работы свидетельствует, что наиболее устойчивые взаимосвязи данной человеческой деятельности образуются посредством решения правовых проблем, поскольку законодательство для следственной профилактики как части юридической деятельности является исходным началом для регулирования наиболее важных отношений. Правовые проблемы приобретают стратегический характер в связи с тем, что обусловлены наличием противоречий между конкретными правовыми предписаниями и реальной жизнью людей.

Для обеспечения нормативных предписаний необходимо решение соответствующих организационных проблем, связанных с построением системы субъектов следственной профилактики, определением их функций и компетенций. Следственная профилактика шире уголовно-процессуальной деятельности, она затрагивает различные аспекты служебной деятельности Следственного комитета Республики Беларусь, ее воздействие направлено не только на внешние объекты, но и на самих ее субъектов. Последние выступают одновременно и объектами данной профилактики (например, в случае проведения со следователями мероприятий по профилактике коррупционных правонарушений).

Кроме того, в ходе реализации своих полномочий субъекты следственной профилактики вынуждены решать тактические проблемы, которые в рамках самостоятельной группы вызывают трудности, связанные с определением наиболее оптимальных рекомендаций по планированию и проведению профилактических мероприятий, использованию тактических приемов, средств и методов.

Исходя из изложенного проблемы следственной профилактики представляют собой исходную форму организации соответствующей профилактической деятельности, которая связана с определением трудностей ее формирования и осуществления в целях принятия эффективного решения, включающую проблемы правового, организационного и тактического уровня. Теория и практика свидетельствуют, что не все проблемы могут быть решены, однако как только появляется метод решения проблемы, они превращаются в задачу. В связи с этим избранный научный подход позволяет на основании методов криминалистической науки выдвинуть гипотезу о существовании

правовых, организационных и тактических задач по разрешению проблем следственной профилактики.

В толковых словарях задача определена как то, что требует исполнения, решения [2]; вопрос, требующий нахождения решения по известным данным с соблюдением определенных условий [3]. Применительно к задачам следственной профилактики, которая является деятельностью людей, она представляет собой разновидность установки, предваряющей и определяющей развертывание, воплощение в жизнь соответствующей психической деятельности. Это значит, что задачи следственной профилактики с одной стороны направлены на достижение целей рассматриваемой деятельности, а с другой – на решение ее проблем. Данный подход обеспечивает описание не всех сторон деятельности, а отбор в ней приоритетных узловых пунктов, наиболее сложных моментов осуществления следственной профилактики.

Базируясь на классификации основных криминалистических проблем следственной профилактики (правовые, организационные, тактические), требуется определить основание систематизации ее задач. Таким основанием целесообразно избрать соответствующие уровни решения криминалистических проблем следственной профилактики.

Так, для разрешения ее правовых проблем следует сформировать правовые задачи, связанные с разработкой эффективного правового регулирования данной деятельности, основанной на соответствующей концепции. Организационные проблемы конкретизируются посредством одноименных задач организационно-управленческого и обеспечивающего характера, связанных, с одной стороны, с организацией системы субъектов следственной профилактики (определение их компетенции; координация их деятельности), а с другой, с обеспечением ее функционирования. Тактические проблемы связаны с осуществлением, реализацией следственной профилактики непосредственно в ходе производства предварительного расследования. На их разрешение направлены тактические задачи, связанные с работой конкретного следователя по пресечению преступлений и проведению быстрого, всестороннего, полного и объективного расследования; защите участников уголовного процесса и восстановлению их нарушенных прав; поиску и установлению детерминант преступления; принятию адекватных мер реагирования.

Следует отметить, что задачи следственной профилактики тесным образом связаны с ее функциями, однако эти понятия не тождественны и различаются по конечному результату. Задачи имеют решение или не имеют его, а функции выполняются постоянно, поскольку это – процесс, присущий определенным субъектам следственной профилактики. Задача следственной профилактики может быть выполнена по конкретному уголовному делу. Однако преступность как социальное явление, которое нельзя победить, а можно лишь сдерживать до определенного уровня, обуславливают необходимость постоянной работы по



реализации следственной профилактики, ее адаптации к существующим условиям.

Таким образом, задачи следственной профилактики представляют собой установки, обеспечивающие поиск решения проблем следственной профилактики и достижение ее целей. Они включают компоненты правового, организационного и тактического характера: разработку эффективного правового регулирования данной деятельности, организацию и функционирование системы соответствующих субъектов; пресечение и расследование преступления; защиту и восстановление нарушенных прав; установление детерминант преступления и др.

Проведенное исследование показывает, что, цели следственной профилактики, базирующиеся на предупреждении общественно опасных фактов и включающие пресечение, предотвращение общественно опасной деятельности, минимизацию ее последствий, охрану (защиту) и восстановление прав граждан, сталкиваются с трудностями их достижения на правовом, организационном и тактическом уровне. Такие препятствия могут быть разрешены посредством методов криминалистической науки и установок, обеспечивающих поиск решения проблем. В связи с этим задачи следственной профилактики предполагают разработку эффективного правового регулирования данной деятельности, организацию системы субъектов следственной профилактики и обеспечение ее функционирования; пресечение преступления, проведение быстрого, всестороннего, полного и объективного расследования; защиту участников уголовного процесса и восстановление их нарушенных прав; поиск и установление детерминант преступления, а также принятие профилактических мер реагирования.

#### **Библиографический список**

1. Никофоров, В.Е. Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции (методологический анализ) : автореф. дис. .... д-ра философ. наук. М. : АН СССР, 1989. 44 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Изд.-во АСТ : Мир и Образование, 2017. 736 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/zadacha.html>. Дата доступа: 30.11.2020.

# **О ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

**Э.С. Каминский**

*судья Верховного Суда Республики Татарстан*

Система функций участников уголовного судопроизводства должна быть выстроена и структурирована таким образом, чтобы ее вектор был направлен на достижение назначения уголовного судопроизводства. Это означает, что целенаправленное активное взаимодействие субъектов уголовно-процессуальных правоотношений должно обеспечивать защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Указание в ст. 15 УПК РФ в качестве основных функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, которые являются самостоятельными и не могут возлагаться на один и тот же орган, и одно и то же лицо, не позволяет сделать вывод о возможности достижения назначения уголовного судопроизводства исключительно посредством их реализации. Во-первых, защита прав участников уголовного судопроизводства предполагается не только при разрешении уголовно-правового конфликта, но и в ходе промежуточных уголовно-процессуальных действий, ограничивающих их права и свободы, что не может быть охвачено ни одной из выше обозначенных функций. Во-вторых, аналогичная ситуация возникает и с реабилитацией граждан, а также с разрешением множества вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора. Во-третьих, прекращение уголовного преследования следователем противоречит смыслу ст. 15 УПК РФ о запрете реализации различных функций одним и тем же органом, в это случае мы видим совмещение функций обвинения и разрешения дела, а в ряде случаев – и защиты. Вышеуказанное ставит на повестку дня вопрос о формировании новой системы уголовно-процессуальных функций. В первую очередь, следует отказаться от понимания следователя и прокурора как участников уголовного процесса исключительно со стороны обвинения. Этот вопрос неоднократно обсуждался в уголовно-процессуальной науке. Стереотипы, сложившиеся в практике предварительного расследования, заключающиеся в необоснованном стремлении направить большее количество уголовных дел в суд, приводят к нерациональному использованию процессуальных ресурсов, увеличению судейской нагрузки, затягиванию сроков разрешения уголовного дела. По статистике ежегодно около 20 % уголовных дел прекращается в судах [1]. Очевидно, что эта цифра могла бы быть гораздо ниже в случае изменения доктринальных и законодательных подходов к уголовно-процессуальным функциям и ориентации предварительного расследования на необходимость максимального применения средств разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства по делу.

В свете вышесказанного нуждаются в переосмыслении функции прокурора в уголовном судопроизводстве. Одни исследователи определяют основной функцией прокурора уголовное преследование, а функции надзора, процессуального руководства и другие рассматривают в качестве производных [2, с. 24-28], [3], другие говорят о самостоятельности и единственности надзорной функции [4, с. 14], [5, с. 40]; третьи видят в деятельности прокурора сочетание самостоятельных функций надзора и уголовного преследования [6, с. 124-127], [7, с. 17], [8, с. 63]. Широкое распространение получило мнение, высказанное в свое время разработчиками Концепции судебной реформы 1991 года, что доминирующей функцией прокуратуры является уголовное преследование. Согласно Концепции, надзорные полномочия прокурора распределяются в пользу судебного контроля и самостоятельности следователя, а за прокурором сохраняется функция процессуального руководства расследованием [9]. Однако, как показала практика, отказ от активной роли прокурора в досудебном производстве себя не оправдал.

В публикациях последних лет все активнее звучит идея о реализации прокурором правозащитной функции, направленной на защиту интересов участников уголовного судопроизводства. Так, О.С. Капинус пишет, что прокурор как представитель государства и носитель публичных интересов осуществляет в числе прочих правоохранительную функцию, в отличие от адвоката, призванного всегда только защищать интересы обвиняемого [10]. Реализация прокурором правозащитной функции в разные годы исследовалась в трудах ученых процессуалистов [11, с. 99], [12, с. 44], [13, с. 233-234], в ряде работ она именовалась правоохранительной и правообеспечительной [14, с. 37], [7, с. 14]. Данный подход следует поддерживать, поскольку ряд действий прокурора вряд ли могут быть охвачены в полной мере функциями уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью. Это рассмотрение жалоб в ходе досудебного производства по делу, участие в рассмотрении вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора и т.д.

Определяя функции, которые должен выполнять прокурор для достижения задач, поставленных перед прокуратурой в контексте назначения уголовного судопроизводства, необходимо отметить следующее. Во-первых, в уголовном судопроизводстве прокурор в силу публичности процесса представляет государство, основной задачей которого является обеспечение прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ); во-вторых, многофункциональность государства по обеспечению стоящей перед ним задачи может быть спроецирована на прокурора как его представителя в уголовном судопроизводстве; в-третьих, в качестве необходимых функций прокурора в уголовном судопроизводстве на доктринальном уровне следует определить функцию процессуального руководства досудебным производством и правозащитную функцию, функции уголовного преследования и надзора содержательно являются более узкими и поглощаются первыми; в-четвертых, в целях реализации каждой функции прокурора законодательно должны

устанавливаться полномочия, которые определяются необходимостью соединения задач обвинительной и правозащитной деятельности, а также обязанностью обеспечить в уголовном судопроизводстве единую публичную позицию государственных органов.

### **Библиографический список**

1. Сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.
2. Савицкий, В.М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 24-28.
3. Алексеев, С.Н. Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина и полномочий прокурора: досудебные стадии: Дисс... канд.,юрид., наук. – Самара, 2002.
4. Синельщиков, Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. – 2008. – № 17. – С. 12-16.
5. Буглаева, Е.А., Тетюев, С.В. О новых полномочиях прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 40-43.
6. Соловьев, А.Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой системы. – М.,1997. – С. 137-144.
7. Халиуллин, А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: (проблемы осуществления в условиях правовой реформы: Автореф. дисс... докт.,юрид. наук. – М., 1997.
8. Тушев, А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб:Изд-во Р. Асланова : "Юрид. центр Пресс, 2005.
9. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 "О концепции судебной реформы в РСФСР" // СПС Консультант ПЛЮС.
10. Капинус, О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-83714>.
11. Буланова, Н.В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: монография. – М.: Проспект, 2016.
12. Мельников, Н.В. Прокурорская власть и личность: Правовые средства обеспечения конституционных прав и свобод граждан России. – М.: Юрист, 2003.
13. Качалов, В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. – М.: Юстиция, 2017.
14. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986.

## ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

**М.Ю. Кашинский**

*докторант научно-педагогического факультета учреждения образования  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

В последние десятилетия во всем мире наблюдается значительный рост преступности лиц с психическими расстройствами [1, с. 315]. В научных работах российских криминологов содержится информация о том, что «от 20 до 60 % лиц, совершивших преступления страдают различными расстройствами психической деятельности» [2, с. 10], а «среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, особенно за насильственные преступления, удельный вес лиц с психическими нарушениями составляет до 80% случаев» [3].

Как показал анализ специальной зарубежной и отечественной литературы в уголовно-правовой науке наблюдается отсутствие единого подхода к проблеме уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами за совершенные преступления, а проблемы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами тесно связаны с проблемами вменяемости, уменьшенной вменяемости и невменяемости, которые давно привлекают к себе внимание многих исследователей (Ю.М. Антонян, Л.М. Балабанова, С.В. Бородин, Т.Б. Дмитриева, Н.Д. Гомонов, И.Н. Даньшин, А.И. Долгова, Н.Г. Иванов, Б.Г. Калманов, В.Н. Кудрявцев, Н.С. Лейкина, Р.И. Михеев, Г.В. Назаренко, И.С. Ной, С.С. Овчинский, А.Р. Ратинов, Н.И. Сазонова, А.Б. Сахаров, Ф.С. Сафуанов, О.Д. Ситковская, А.П. Скиба, Б.А. Спасенников, С.Н. Шишков и др.) [1, с. 317, 324].

Необходимо отметить, что правовые категории «вменяемость», «невменяемость», «уменьшенная вменяемость» являются межотраслевыми, поскольку изучаются и активно разрабатываются как уголовным правом, так и судебной психиатрией.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК), как и в большинстве государств постсоветского пространства, отсутствует законодательное определение понятия «вменяемость», а взгляды ученых-юристов на данную проблему имеют фактически диаметрально противоположный характер [4, С.20]. При этом вменяемость в уголовном законе упоминается лишь как само собой разумеющееся требование, которое должно соблюдаться при привлечении лица к уголовной ответственности: «виновным в преступлении может быть признано лишь вменяемое лицо, совершившее общественно опасное деяние умышленно или по неосторожности» (ч. 2 ст. 21 УК) [5].

Понятия «невменяемость» и «уменьшенная вменяемость» раскрываются в ст. 28 и ст. 29 УК Республики Беларусь в так называемой формуле невменяемости и формуле уменьшенной вменяемости, которые состоят из двух

критериев: юридический (психологический) и медицинский (психиатрический или биологический).

Медицинский (психиатрический или биологический) критерий – это качественный критерий, который содержит указание на психическое расстройство и определяет качество биологической организации психики. Представляет собой обобщающий перечень расстройства психики (психических нарушений) выраженный в психиатрических терминах. В УК Республики Беларусь медицинский критерий формулы невменяемости и уменьшенной вменяемости представлен одним признаком – «психическое расстройство (заболевание)». В уголовных законодательствах различных государств медицинский критерий формул невменяемости и уменьшенной вменяемости представлен разным количеством признаков, как правило, от 1 до 4. [4; 6].

Следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь до недавнего времени медицинский критерий формулы невменяемости состоял из четырех признаков (хроническое психическое заболевание, временное расстройство психики, слабоумие, иное болезненное состояние психики), однако Законом Республики Беларусь от 09.01.2019 № 171-З были внесены изменения в формулировку медицинского критерия формулы невменяемости (ч.1 ст. 28 УК) путем замены четырех названных признаков на один – «психическое расстройство (заболевание)». Аналогичные изменения были внесены в формулировку медицинского критерия формулы уменьшенной вменяемости (ч.1 ст. 29 УК) путем замены двух признаков (психическое расстройство и умственная отсталость) на один – психическое расстройство (заболевание)» [7]. Данное изменение формул невменяемости и уменьшенной вменяемости в белорусском законодательстве представляется позитивным как с позиции юриспруденции, так и с позиции судебной психиатрии: введения в ч. 1 ст. 28 и ч. 1 ст. 29 УК Республики Беларусь одного обобщающего признака «психическое расстройство (заболевание)» в медицинский критерий формулы невменяемости и уменьшенной вменяемости не только позволяет их упростить для восприятия юристов, но и позволяет с юридических позиций охватить все многообразие психических нарушений, поскольку существующие компоненты медицинского критерия невменяемости и уменьшенной вменяемости, представляющие собой перечни психических расстройств, не являлись исчерпывающими и не охватывали все их нозологические формы.

Юридический (психологический) критерий – это количественный критерий, который определяет (характеризует) степень тяжести (глубину) интеллектуально-волевого расстройства психики лица во время совершения общественно опасного деяния. Включает в себя, как правило, два признака: интеллектуальный и волевой, которые представлены в УК Республик Беларусь. Интеллектуальный признак означает отсутствие у лица возможности сознавать (понимать) значение своих действий (отдавать отчет своим действиям). В формуле невменяемости – лицо «не могло сознавать фактический характер и

общественную опасность своего действия (бездействия)» (ст. 28 УК), а в формуле уменьшенной вменяемости – лицо «не могло в полной мере сознавать значение своих действий» (ст. 29 УК) [5]. Волевой признак заключается в том, что лицо не может руководить (управлять собой) своим действием (бездействием) во время совершения общественно опасного деяния. Соответственно в качестве юридического критерия может выступать квалификация полной или уменьшенной неспособности подозреваемого (обвиняемого) с психическим расстройством осознавать свои действия или руководить ими. В целом данный критерий отражает способность быть субъектом уголовной ответственности, а также характеризует тяжесть диагностированных болезненных расстройств психики. Вместе с тем в уголовном законодательстве некоторых государств в раскрытии содержания понятия невменяемости используется либо один признак юридического критерия формулы невменяемости – интеллектуальный, а волевой отсутствует (например, Великобритания, США), либо юридический критерий формулы невменяемости отсутствует вообще (ст. 39 УК Голландии, ст. 46 УК Турции, ст. 39 УК Японии), соответственно суды данных государств признают невменяемым лицо лишь на основании медицинского критерия [6].

По нашему мнению использование двух компонентов (интеллектуального и волевого) юридического критерия и одного компонента «психическое расстройство (заболевание)» медицинского критерия формулы невменяемости (уменьшенной вменяемости) является оптимальным, поскольку придает данным и критериям обобщающий характер и позволяет полностью охватить многообразие психических расстройств. В настоящее время данный вариант формул отражен в белорусском законодательстве.

Таким образом, несмотря на отсутствие в УК Республики Беларусь определения понятия «вменяемость», законодательная регламентация понятий «невменяемость» и «уменьшенная вменяемость» в виде формул, содержащих юридический и медицинский критерии, носит достаточно сбалансированный характер. Вместе с тем последовательность расположения юридического и медицинского критериев в формулах представляется нам не совсем удачной: с позиции логики сначала определяется причина невменяемости (уменьшенной вменяемости) – наличие психического расстройства (медицинский критерий – качественный), а затем устанавливается его следствие – степень тяжести (глубина) психического расстройства, лишаящая лицо возможности сознавать (понимать) значение своих действий (отдавать отчет своим действиям) или руководить ими (управлять собой, своим действием или бездействием) во время совершения общественно опасного деяния (юридический критерий – количественный). В этой связи с целью совершенствования законодательной регламентации понятий «невменяемость» и «уменьшенная вменяемость» предлагается внести соответствующие изменения в ст. 28 и 29 УК Республики Беларусь. Следует отметить, что предлагаемая последовательность расположения медицинского и юридического критериев используется польским

законодателем в формуле невменяемости (§ 1. ст.31 УК Республики Польша) [8].

### **Библиографический список**

1. Кашинский, М.Ю. Преступность лиц с психическими нарушениями// М.Ю. Кашинский // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности: [монография] / В.А. Ананич [и др.]; под ред. В.А.Ананича; учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиций) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск: Академия МВД, 2017. – Разд. 2.21. – С. 315–332.
2. Антонян, Ю.М. Преступность и психические аномалии /Ю.М. Антонян, С.В. Бородин; Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1987. – 207 с.
3. Ильюк, Е.В. Применение принудительных мер медицинского характера при ограниченной вменяемости: проблемы применения / Е.В. Ильюк// Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100156734> – Дата доступа: 12.01.2016.
4. Кашинский, М.Ю. Уменьшенная вменяемость: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Республики Беларусь, стран СНГ и Балтии / М. Ю. Кашинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. - 2020. - № 1(48). - С. 18-23.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. № 275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь ред. от 11.11.2019 № 253-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
6. Кашинский, М.Ю. Формула невменяемости: обзор современного законодательства / М.Ю. Кашинский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. - 2020. - № 1. - С. 113 - 117.
7. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2019 г., № 171-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 дек.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. канд. юрид. наук, доц. А. И. Лукашов, докт. юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецова; вступ. статья канд. юрид. наук, доц. А. И. Лукашова, канд. юрид. наук, проф. Э. А. Саркисовой; перевод с польского Д. А. Барилович. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 234 с.



# СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

**Н.В. Кийко**

*начальник кафедры уголовно-исполнительного права  
учреждения образования  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

**А.А. Пухов**

*заместитель декана по научно-образовательной деятельности  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 года различным аспектам уголовной ответственности посвящен Раздел III, состоящий из 6 глав. В ст. 44 УК закреплена дефиниция уголовной ответственности. Так, уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности. Формами реализации уголовной ответственности (ст. 46 УК) является осуждение: 1) с применением назначенного наказания, 2) с отсрочкой исполнения назначенного наказания, 3) с условным неприменением назначенного наказания, 4) без назначения наказания, 5) с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера. В силу того, что превентивный надзор за осужденными в указанном перечне не указан, его следует рассматривать как специальную меру уголовной ответственности режимно-ограничительного характера.<sup>14</sup>

В УК определение превентивного надзора расположено в главе, посвященной иным мерам уголовной ответственности. В ст. 80 УК законодатель определяет превентивный надзор как меру уголовной ответственности, не связанную с применением наказания, которая устанавливается судом в пределах срока судимости, для наблюдения за поведением определенной категории лиц, освободившихся из исправительных учреждений, предупреждения с их стороны преступлений и оказания на них необходимого профилактического воздействия.

Вместе с тем, существующее положение дел вряд ли дает поводы для утверждений о завершении дискуссий о юридической природе превентивного надзора и его месте в системе норм Общей части УК 1999 года<sup>15</sup>. К сожалению, поспешность принятия и непродуманность конструкции данной уголовно-

---

<sup>14</sup>Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И.О. Грунтова и А.В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 524.

<sup>15</sup>Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – С. 361.

правовой нормы, влечет возникновение определенных проблем при правоприменении. Верховный Суд Республики Беларусь в постановлении от 21.12.2017 № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре» абсолютно обосновано указывает, что правильное применение судами законодательства, регулирующего порядок и основания установления, продления, приостановления, возобновления, прекращения превентивного надзора и изменения его требований, имеет важное значение для обеспечения законности применения мер ограничения, связанных с осуществлением превентивного надзора, эффективной профилактики преступности и снижения рецидива преступлений. Таким образом, внимание Высшей судебной инстанции сконцентрировано на двух важнейших проблемах в сфере борьбы с преступностью в Беларуси. Во многом успешность достижения указанных целей зависит не столько от конкретных субъектов правоприменения, сколько от качества нормативного материала.

Превентивный надзор после освобождения из исправительного учреждения устанавливается за лицом, допустившим особо опасный рецидив преступлений, а также за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации (п. 1, 2 ч. 3 ст. 80 УК). Кроме граждан Республики Беларусь, превентивный надзор может быть установлен и в отношении постоянно проживающих в Республике Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства. Диспозитивность уголовно-правового регулирования проявляется в возможности установления превентивного надзора после освобождения из исправительного учреждения за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь на момент освобождения из исправительного учреждения оно признано злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (п. 1 ч. 4 ст. 80 УК). Поэтому, исходя из соображений целесообразности и практической применимости, превентивный надзор не устанавливается за постоянно не проживающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства. Кроме того, в УК 1999 года категории лиц, за которыми устанавливается превентивный надзор, дифференцированы и с позиции метода правового регулирования. Так, в обязательном порядке превентивный надзор после освобождения из исправительного учреждения устанавливается за лицом, допустившим особо опасный рецидив или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если оно в пределах срока судимости более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста

(п. 2 ч. 4 ст. 80 УК). Причем за лицом, указанным в п. 2 ч. 4 ст. 80 УК, превентивный надзор может быть установлен и в том случае, если после освобождения из исправительного учреждения оно было осуждено и отбывало наказание, не связанное с лишением свободы. Следовательно, во всех иных случаях речь идет о наказаниях, связанных с лишением свободы.

По общему правилу превентивный надзор устанавливается на срок от шести месяцев до двух лет, но в пределах срока судимости. За лицом, допустившим особо опасный рецидив преступлений, превентивный надзор подлежит установлению до снятия судимости. За иными лицами, подлежащими превентивному надзору, срок может быть продлен судом в пределах срока судимости в случае несоблюдения этими лицами требований превентивного надзора или их привлечения более двух раз в течение года к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста.

Содержание превентивного режима раскрывается через требования режимно-ограничительного характера. Указанные меры также могут быть подразделены на: императивные и диспозитивные. К числу обязательных требований, возлагаемых судом в случае принятия решения об установлении за лицом превентивного надзора, относятся: 1) прибытие в установленный срок к избранному месту жительства и зарегистрироваться в органе внутренних дел; 2) уведомление органа внутренних дел о перемене места работы и (или) жительства; 3) разрешительный (с согласия органа внутренних дел) порядок выезда за пределы района (города) по служебным и личным делам). Изменение этих требований в течение срока осуществления превентивного надзора не допускается.

Диспозитивность проявляется в правосуде возложить на лицо обязанность соблюдать требования превентивного надзора в соответствии с предусмотренным ч. 8 ст. 80 УК перечнем, который является исчерпывающим: 1) не посещать определенные места; 2) не покидать свое жилище в определенное время суток; 3) являться в орган внутренних дел для регистрации от одного до четырех раз в месяц; 4) не выезжать за пределы Республики Беларусь. В отличие от императивных требований, предусмотренных ч. 7 ст. 80 УК, рассматриваемые обязанности и связанные с ними ограничения в отношении лица могут быть изменены в течение срока осуществления за ним превентивного надзора.

Анализируя основания установления превентивного надзора можно сделать вывод, что обязательным условием его установления является освобождение именно из исправительного учреждения. Согласно ст. 64 УИК исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения. Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в следственных

изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Обязательным признаком исправительного учреждения является то, что там отбывается наказание в виде лишения свободы или пожизненного заключения.

Для решения вопроса о дефинитивном статусе формулы «освобождение из исправительного учреждения» следует руководствоваться положениями УК и УИК. Исходя из этого под освобождением из исправительного учреждения следует понимать освобождение по истечению срока наказания в виде лишения свободы.

Необходимо учитывать, что в главе 12 УК регламентированы иные основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания. В частности, замена неотбытой части наказания более мягким (ст. 91 УК) с точки зрения юридической природы является видом освобождения от наказания. Причем замена неотбытой части наказания более мягким, в отличие от условно-досрочного освобождения, является окончательной и безвозвратной. Таким образом, изменение вида уголовного наказания влечет изменение комплекса правоограничений, свойственных данному виду наказания.

Исходя из этого, на наш взгляд, в случае замены лишения свободы на ограничение свободы в рамках института замены неотбытой части наказания более мягким наказанием в отношении лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, судимого за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации, не требует установления превентивного надзора. Это обусловлено тем, что фактически лицо в последующем освобождается не из исправительного учреждения, а из исправительного учреждения открытого типа, которое не относится к исправительным учреждениям. Кроме этого, замена неотбытой части наказания более мягким наказанием может быть применена к твердо вставшему на путь исправления осужденному.

Согласно ст. 116 УИК степень исправления осужденного к лишению свободы определяется администрацией исправительного учреждения по результатам аттестации осужденного на основании всестороннего изучения его личности и оценки поведения в период отбывания наказания в части соответствия осужденного закрепленным в законодательстве критериям. При этом осужденный может быть признан твердо ставшим на путь исправления по отбытии не менее одной четверти срока наказания, если он принял письменное обязательство о правопослушном поведении, не имеет взысканий, добросовестно относится к труду или учебе, выполнению работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий и проявляет полезную инициативу в иной общественно полезной деятельности, а осужденный, не погасивший до постановления приговора ущерб, причиненный преступлением, - если он также принял все зависящие от него меры по возмещению ущерба.

Кроме этого, поведение осужденного должно свидетельствовать об устойчивом стремлении к правопослушному поведению.

В данном случае, реализация института замены неотбытой части наказания более мягким в отношении осужденного в форме замены лишения свободы ограничением свободы является фактическим воплощением прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания, предусматривающей изменение степени применяемых правоограничений в зависимости от поведения осужденного.

Вместе с тем, с целью совершенствования института превентивного надзора полагаем целесообразным ч. 2 ст. 80 УК изложить в следующей редакции:

«3. Превентивный надзор после освобождения от отбывания наказания устанавливается:

- 1) за лицом, допустившим особо опасный рецидив преступлений;
- 2) за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации.

Внесение указанных изменений будет способствовать устранению правовых пробелов, связанных с тем, что администрация исправительных учреждений при подготовке материалов на представление осужденного к лишению свободы и замены неотбытой части наказания более мягким в виде ограничения свободы, одновременно вынуждена готовить материалы в суд и на установление превентивного надзора.

### **Библиографический список**

1. Балацкий, Е.В. Элементы экономики государственного сектора. Минск : Капитал страны, 2013.
2. Дедов, И.И., Шестакова, М.В., Викулова, О.К. Государственный регистр сахарного диабета в Российской Федерации: статус 2014 г. и перспективы развития // Сахарный диабет. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 5–22.

## **О ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СТАТЬЯМ 361-1, 361-2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**И.М. Князев**

*сотрудник ГУО*

*«Институт национальной безопасности Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Статьи 361-1, 361-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1] содержат составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность соответственно за создание экстремистского формирования и финансирование его деятельности. С момента введения ответственности за

данные преступления [2] практика доказывания по уголовным делам о них в Республике Беларусь отсутствует. Однако такой практический опыт, а также соответствующие теоретико-прикладные разработки имеются в государствах СНГ (Российской Федерации и др.). Указанная проблема исследовалась специалистами Института национальной безопасности Республики Беларусь [3, с. 34–37], что должно учитываться в правоприменительной деятельности органов, ведущих уголовный процесс.

Изложенный в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [4] предмет доказывания носит общий характер. При доказывании по уголовным делам о создании экстремистского формирования и финансировании деятельности экстремистского формирования обстоятельства предмета доказывания, определенные в указанной статье уголовно-процессуального закона, подлежат конкретизации с учетом соответственно диспозиций ст.ст. 361-1 и 361-2 УК.

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 361-1 УК (создание экстремистского формирования), в качестве подлежащих доказыванию обстоятельств могут быть определены следующие:

когда, кем и с какой целью создано экстремистское формирование (каждая из его составных частей);

для осуществления какой деятельности создано формирование;

каковы организационная структура формирования (экстремистская группа, организация) и его численный состав;

кто осуществляет руководство формированием, его структурными подразделениями;

какие действия были совершены для создания экстремистского формирования (например, подбор будущих участников, проведение организационных мероприятий, действия, направленные на объединение лиц, желающих участвовать в указанном формировании, действия, приведшие к образованию устойчивых связей между участниками, руководителями и т.п. в целях совместной разработки планов и (или) создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности);

какие действия были совершены по осуществлению руководства таким экстремистским формированием, его структурными подразделениями (какие действия были совершены для определения структуры формирования, осуществления управленческих функций в отношении экстремистского формирования, его части или структурного подразделения, а также отдельных его участников, для разработки планов деятельности экстремистского формирования либо его частей, распределения функций и полномочий между его частями и структурными подразделениями, определения руководителей формирования, а также его составных частей и т.п.);

какие действия были совершены в связи с участием в экстремистском формировании (какие действия были совершены для формализации участия, какие действия были совершены по подготовке отдельных мероприятий и/или

участия в них, по подготовке к совершению преступлений экстремистской направленности);

совершались ли действия, направленные на подготовку или совершение преступлений экстремистской направленности, каких именно преступлений и какие именно действия;

высказывались ли угрозы, призывы, требования: какие, кем, когда, кому, при каких обстоятельствах, в момент совершения каких именно действий и кем из участников событий;

кому были адресованы указанные угрозы, призывы (лицам определенной национальности, расы, религии, членам партии, участникам демонстрации и т.д.);

сопровождались ли преступные действия требованиями и, если да, то какими именно, когда они были выдвинуты (до, во время или после преступных действий), кому адресованы (представителям государства, органов власти или управления, организаций, гражданам);

были ли составной частью способа совершения преступления: распространение печатной, аудио-, видео- или иной продукции экстремистского содержания, демонстрация плакатов или транспарантов аналогичного содержания, изготовление надписей или рисунков такого же содержания на стенах зданий или иных сооружений и объектов;

если такие надписи или рисунки были изготовлены: когда, где и при каких обстоятельствах они были изготовлены, каково было содержание, кто был автором надписи или рисунка, каким способом текст или изображение стали известны исполнителю, если он не является их автором;

не были ли преступные действия совершены с использованием служебного положения кого-либо из подозреваемых, обвиняемых лиц.

когда, где и при каких обстоятельствах были изготовлены использованные подозреваемыми (обвиняемыми) обнаруженные у них печатные издания или иные носители с информацией экстремистского содержания;

кто принимал участие в подготовке, издании или тиражировании указанной продукции (листовок, дисков и т.п.) и какие именно действия совершал при этом;

кто автор (один из авторов) текста, рисунков, иной информации; если произведение создано авторским коллективом, то кто еще кроме подозреваемых (обвиняемых) входил в этот коллектив, что именно делал (сочинял, изготавливал) каждый из авторов;

являются ли имеющиеся материалы экстремистскими, какие признаки указывают на это, какими доказательствами это подтверждается;

был ли заключен авторский договор, если да, то, на каких условиях, каковы обязанности сторон (в частности, какую работу по этому договору должен был выполнить каждый участник авторского коллектива, порядок, размер и условия выплаты вознаграждения);

кто изготовил тираж интересующего печатного издания (партию иных носителей информации) экстремистского содержания;

какое оборудование или множительные средства были использованы, кому они принадлежат и где находятся в настоящее время;

производилось ли тиражирование по месту постоянного нахождения оборудования (если оно мобильное), где оборудование находится в настоящее время;

кто финансировал изготовление носителей с информацией экстремистского толка;

где, когда и кем приобретались расходные материалы (бумага, носители и др.);

были ли заключены долгосрочные договоры на поставку необходимых расходных материалов и изготовление продукции или сделки были заключены на выполнение конкретного объема работы (какого именно);

кто участвовал в заключении сделок (представлял каждую из сторон, присутствовал по иной причине)

каковы обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (ст.ст. 63, 64 УК), характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого);

характер и размер вреда, причиненного в результате создания и деятельности экстремистского формирования.

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 361-2 УК (финансирование деятельности экстремистского формирования), в качестве подлежащих доказыванию обстоятельств могут быть определены следующие:

имело ли место финансирование деятельности формирования (его структурных подразделений), являющегося экстремистским, и, если да, то когда (в какой период времени) и где;

финансирование деятельности какого именно экстремистского формирования осуществлялось (когда, кем и с какой целью оно было создано; какой деятельностью занималось; каковы организационная структура и численный состав формирования; кто руководит формированием, его структурными подразделениями; и др.);

в чем заключались действия по финансированию деятельности экстремистского формирования (в предоставлении или сборе денежных средств, ценных бумаг либо иного имущества, имущественных прав и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности);

каким способом осуществлялись действия по финансированию деятельности экстремистского формирования (например, путем непосредственной передачи денежных средств представителям экстремистского формирования, безналичного перечисления средств через банки и другие финансово-кредитные организации, совершения сделок по переоформлению имущества либо передаче имущественных прав экстремистскому формированию, распространения лотерей и т.д.);



кто совершал действия по финансированию экстремистского формирования, есть ли в его (их) действиях вина (в виде прямого умысла), каковы мотивы совершения преступления, являлось ли целью финансирования заведомое обеспечение деятельности экстремистского формирования;

обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (ст.ст. 63, 64 УК), характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого);

характер и размер вреда, причиненного в результате финансирования деятельности экстремистского формирования.

### **Библиографический список:**

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 апр. 2016 г., № 358-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Методические рекомендации по проведению оперативно-розыскных мероприятий и уголовно-процессуальных действий при выявлении признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 361<sup>1</sup>, 361<sup>2</sup> Уголовного кодекса Республики Беларусь. – Минск: ИНБ Республики Беларусь, 2017. – 55 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **К ВОПРОСУ ПРАВСТВЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К НЕГЛАСНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**В.М. Козел**

*старший преподаватель кафедры уголовного права,  
уголовного процесса и криминалистики*

*УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»*

Анализ эффективности раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений показывает, что без своевременного получения оперативно значимой информации, установление виновных лиц фактически невозможно. При этом данная информация может оказаться в поле зрения сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (далее ОРД), различными способами. Объектом нашего исследования является информация, полученная от граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе.

Особую тревогу вызывает неоднозначное мнение об отсутствии нравственных начал в использовании негласных источников для раскрытия преступлений, более того существует точка зрения об отсутствии общепризнанных норм нравственности во всей оперативно-розыскной деятельности. И если ранее данное суждение было присуще только определенным слоям общества, то сегодня оно имеет распространение и среди действующих сотрудников правоохранительных органов. Однако наличие в практике неэтичных действий свидетельствует скорее о недостаточной опытности и квалификации отдельных сотрудников, а не отсутствия нравственности в целом.

В данной ситуации уместно мнение известного криминалиста Р.С. Белкина «...можно по-разному относиться к оперативно-розыскной деятельности (розыску, сыску) – любить, игнорировать, ненавидеть, - однако отрицать необходимость его существования нельзя. Сыск столь же древен, как уголовный процесс; он присущ государствам всех времен и народов» [1, с. 185].

На наш взгляд неоднозначность оценки обществом оперативно-розыскной деятельности вызвана рядом причин, таких как:

- ограничением прав и свобод личности в ходе проведения различных оперативно-розыскных мероприятий;
- воздействием оперативного работника на личность путем проникновения в его внутренний мир, с принятием решения, влияющего на его судьбу;
- использованием негласных средств и методов борьбы с преступностью, в том числе с привлечением лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, что не позволяет обществу дать объективную оценку применению тех или иных форм и методов, сил и средств;
- применением мер принуждения.

Попробуем разобраться в морально-этических проблемах работы с негласным аппаратом.

Во-первых, нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, которые отмечают невозможность обосновать нравственную природу либо нравственные истоки агентурной работы с точки зрения общей морали как беспочвенную и неперспективную. Содействие граждан следует рассматривать как моральный компромисс, в котором, с одной стороны, проявляется ее исключительный характер, а с другой — социальная необходимость [2, с. 17].

Во-вторых, отношение сотрудничества оперативного работника и конфиденента, строго регламентированы действующим законодательством. Согласно требованиям, ст. 51 Закона Об оперативно-розыскной деятельности (далее Закон) [3] уполномоченные органы имеют право привлекать граждан к содействию на конфиденциальной основе путем заключения соответствующего контракта. В то же время Закон содержит ряд условий привлечения граждан к участию в ОРД, это прежде всего совершеннолетие и дееспособность, то есть лица, не достигшие совершеннолетия и не являющиеся дееспособными, не

могут привлекаться к оказанию содействия органам, осуществляющим ОРД [4, с. 267].

В-третьих, отношение оперативного сотрудника и конфиденента основывается на обоюдном доверии и охраняемой по обоюдному согласию тайне от окружающих лиц, прежде всего от лиц, совершающих преступления [5, с. 113]. Данное условие обусловлено определенным риском для жизни и здоровья как самого конфиденента, так и членов его семьи со стороны лиц, совершающих преступные деяния. При этом обязательным условием является его добровольность, что исключает использование незаконных способов и методов физического и психического насилия. Конфидент привлекается к сотрудничеству на основании его личных общечеловеческих качеств, что исключает привлечение лиц из корыстных и иных низменных побуждений, однако привлечение лица будет целесообразным, если оно пользуется определенным влиянием и авторитетом в криминальной среде. Вместе с тем, оперативный работник обязан жестко контролировать данных лиц, которые бывают склонны к провокациям и нарушениям закона, так как подавляющее большинство из них – ранее судимые, что является особенностью агентуры подразделений криминальной милиции.

В-четвертых, привлечение к сотрудничеству лиц на конфиденциальной основе направлено на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан от преступных посягательств, что является глубоко нравственным по своей сути. Данное привлечение лица, в свою очередь является средством для решения закрепленных в Законе задач в сфере охраны правопорядка и обеспечения законности. Речь идет о получении упреждающей, превентивной информации о замышляемых и готовящихся преступлениях, а также получения сведений о ранее совершенных деяниях и лиц их совершивших. При этом получить данную информацию возможно исключительно в среде самих преступников или их окружения.

В-пятых, нельзя не согласиться с рядом авторов, которые отмечают особое значение при исследовании морально-этических аспектов конфиденциального содействия, которое обусловлено тем, что отдельные его участки остаются вне сферы правового регулирования, следовательно, правовые нормы детально не регламентируют поведение субъектов рассматриваемых правоотношений [6, с. 124]. Отсутствием строгой регламентации ОРД с одной стороны дает возможность оперативному работнику нестандартно, с элементами творчества решать поставленные задачи, а с другой - допускать нарушение закона и нравственных норм.

В-шестых, предоставление конфиденентом информации, с точки зрения нравственности, не является доносом, так как главным является мотив действий источника, который состоит в оказании помощи оперативнику в предотвращении преступления, совершение которого является по своей сути глубоко безнравственным. При этом материальное вознаграждение конфиденента является не только поощрением, но и заработной платой согласно

заключенного контракта, что подтверждает законность и нравственность его деятельности.

В-седьмых, лица, оказывающие содействие правоохранительным органам, находятся под защитой государства, которое гарантирует им выполнение обязательств, предусмотренных контрактом, а также правовую помощь, связанную с правомерным выполнением общественного долга или возложенных на них обязанностей. Расшифровка конфиденнта может повлечь необратимые последствия для него самого, а также членов его семьи, что требует от оперативного сотрудника четкого выполнения действующего законодательства и этических норм взаимоотношений. Как следствие, работа конфиденнта не должна зависеть от внутриведомственных изменений, а также экономических и политических потрясений [7, с. 252]. Здесь нельзя не отметить аморальную практику допроса конфиденнтов в ходе судебного заседания, которое может повлечь расшифровку источника. Поэтому ряд исследователей обоснованно утверждают об отсутствии причинной связи между известностью источника информации и ее достоверностью, т.е. содержание, действительность которого не вызывает сомнения [8, с. 50].

На основании изложенного мы можем сделать вывод о том, что несмотря на внедрение новых форм и методов работы, в цивилизованном правовом государстве по-прежнему наиболее резонансные преступления раскрываются с помощью негласных форм и методов с привлечением конфиденнтов. Поэтому морально-этические нормы и правила, лежащие в основе конфиденциального содействия, определяют требования к нравственным качествам оперативного сотрудника. Как следствие, осуществление ОРД, следует рассматривать как моральный компромисс, на который общество вынуждено идти для достижения благородных целей. В этике это называется выбором «наименьшего зла», а в праве – «крайней необходимостью» [9, с. 128].

На основании изложенного любой гражданин может совершить поступок, если сообщит о подготавливаемом или совершенном преступлении и наоборот аморальным будет молчание, невольное согласие с ним. Помощь в раскрытии преступлений может стать гражданской позицией и тогда граждане, воспитанные в духе уважения к закону будут не порицать, а одобрять и поддерживать приемы и методы работы правоохранительных органов.

### **Библиографический список**

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: в 3-х томах. – М., 1997. – Т.1. – 464 с.
2. Богданов, А.Н., Хазов, Е.Н. Конституционно-правовые основы, моральные, этические и нравственные принципы оперативно-розыскной деятельности в России / А.Н. Богданов, Е.Н. Хазов // Международный журнал конституционного и государственного права. Изд-во: ООО «Юнити-Дана» (Москва). – 2017. – №1. – С.16-21.

3. Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by>. – Дата доступа: 05.11.2020.
4. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И.И. Бранчель [и др.]; под ред. А.И. Шведа. – Минск :Тетралит. – 2014. – 352 с.
5. Шумилов, А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / А.Ю. Шумилов. – 2-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И. – 2007. – 386 с.
6. Кочетков, Н.М. Морально-этические аспекты правоотношений, возникающие между оперативным сотрудником и лицом, конфиденциально содействующим при выявлении и раскрытии преступлений / Н. М. Кочетков // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – №2(15). – С.122-126.
7. Основы оперативно-розыскной деятельности : Учебник / Под ред. В. Б. Рушайло. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Издательство «Лань». – 2000, 720 с.
8. Середнев, В.А. Нравственное воспитание сотрудников оперативных подразделений как один из компонентов организационно-правового механизма использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу / В. А. Середнев // Проблемы правоохранительной деятельности. Изд-во: Белгородский институт МВД Российской Федерации им. И.Д.Путилина (Белгород). – 2019. – №2. – С.48-56.
9. Сенилов, Д.К., Парамонов, И. М. К вопросу о психологии морального поведения функциональных субъектов оперативно-розыскной деятельности / Д. К. Сенилов, И. М. Парамонов // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – №4. – С.127-129.

## **АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**В.С. Красиков**

*доцент кафедры криминалистики  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Связь юридических наук между собой, а также с науками таковыми не являющимися, можно рассматривать и как синтез, и как соприкосновение, которые могут порождать создание новых наук (например, юридические психология и конфликтология), а также новое видение в рамках традиционных (например, криминалистика как «... не механистическое объединение данных различных наук, а глубокий синтез, сплав знаний в рамках ее предмета и содержания» [1]). «Об этой закономерности развития науки говорил еще академик А.Н. Несмеянов ставшими крылатыми словами: «Точки роста науки лежат на их стыках»» [2, с. 169].

Тем не менее, развитие существующих юридических наук возможно и за счет формулирования (уточнения) понятий, категорий, а также оптимизации законодательства в целях обеспечения единых подходов в решении задач правоохранительной деятельности. Такая постановка проблемы актуальна для науки оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), которая находится в стадии активного развития.

Как отмечалось ранее: «... современная юридическая наука представляет собой сферу человеческой деятельности, направленную на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний об общественных отношениях, закономерностях их возникновения, развития и прекращения. Практическую основу этой научной деятельности составляют сбор фактов, их постоянное обновление, систематизация и критический анализ, результатом чего является синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые общественные явления, но позволяют установить их причинно-следственные связи, а также прогнозировать их дальнейшее развитие» [3, с. 232].

С точки зрения философии материалистического мировоззрения и диалектического метода вполне достаточно для обоснования науки, если у нее есть свой объект и предмет исследования, своя терминология, а также накопленная информация. В этой связи задача науки ОРД состоит в том, чтобы, используя универсальный метод познания, а также общенаучные методы, глубоко исследовать закономерности, складывающиеся в сфере ее интересов, в целях развития науки и гармонизации законодательства, регламентирующего систему противодействия преступности, а также безопасность общества и государства.

С точки зрения права ОРД – это особая система регламентированных законодательством общественных отношений, возникающих (развивающихся и прекращающихся) по поводу: 1) участия граждан в проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ); 2) содействия граждан на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД; 3) получения информации, дающей основания для проведения ОРМ; 4) процедуры проведения ОРМ оперативными подразделениями государственных органов гласно и негласно; 5) использования материалов ОРД; 6) обеспечения безопасности осуществления ОРД.

Научная разработка проблем оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в современных условиях ведется, в том числе, в рамках уточнения и совершенствования дефиниций в законодательстве. Научное определение ОРД, закрепленное в Законе Республики Беларусь 15 июля 2015 года № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», создало новую стратегию развития общественных отношений в сфере противодействия преступлениям.

Во-первых, новизна и особенность возникших оперативно-розыскных отношений заключается в том, что из государственно-правового средства защиты от преступных посягательств ОРД превратилась в деятельность

государственных органов. И здесь следует отметить, что определение само по себе не проясняет суть самого явления (понятие деятельности проблематично разъяснить через деятельность).

Во-вторых, обращают на себя внимание некоторые элементы, характеризующие ОРД и их взаимообусловленность. Итак, это деятельность «...осуществляемая... с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно...». Приведенная конструкция, если понимать ее как набор обязательных признаков, однозначно показывает, что ОРД теперь неразрывно связано и отождествлено с проведением ОРМ, более того, они в настоящее время и отношения, складывающиеся при их проведении – и есть ОРД (фактически, именно это можно назвать оперативно-розыскным процессом). Такая конструкция соответствует положениям действующего закона об ОРД Российской Федерации, где ОРД определяется как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения ОРМ. Похожая формулировка содержалась в статье 1 Закона об ОРД Республики Беларусь 1992 года, где указывалось на то, что эта деятельность «осуществляется ...путем проведения оперативно-розыскных мероприятий».

Такая постановка вопроса означает, что ранее относившееся к ОРД и, более того, воспринимавшееся как основа этой деятельности – взаимодействие с гражданами, оказывающим конфиденциальное содействие, проведение поисковых, разведывательных мероприятий (не относящихся к категории ОРМ), основанных на научных методах познания (включенное наблюдение, личный сыск, установка, мониторинг и др.) – теперь не являются, собственно, оперативно-розыскными. Эта проблема сложная, имеющая последствия в сфере и оперативно-розыскных, и уголовно-процессуальных, и уголовно-исполнительных отношений.

Таким образом: 1) обозначилась тенденция формирования особых отношений, связанных непосредственно с проведением ОРМ, для решения задач ОРД и уголовного процесса, где результаты ОРМ там рассматриваются и как источники доказательств, и как непроцессуальный способ получения источников доказательств; 2) деятельность оперативных подразделений стала подразделяться на оперативно-розыскную и оперативно-служебную, прямо не относящуюся к ОРД, но обладающую признаками обеспечивающего характера, которое следует воспринимать как «оперативное обслуживание», то есть оперативно-служебную деятельность, предусматривающую организацию и тактику осуществления гласных и негласных поисковых, разведывательных и контрразведывательных мероприятий, позволяющих получить основание для проведения ОРМ.

Существует и иной, небесспорный, подход к определению объекта предлагаемого исследования. Так, в законе об ОРД Украины эта деятельность представляет систему гласных и негласных поисковых, разведывательных и

контрразведывательных мер, которые осуществляются с применением оперативных и оперативно-технических средств. Данное определение, фактически, охватывает всю деятельность оперативных подразделений государственных органов в сфере ОРД, осуществляемую через поиск и фиксацию данных о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена уголовным кодексом, разведывательно-подрывной деятельности специальных служб государств и организаций с целью пресечения правонарушений и в интересах уголовного судопроизводства, а также получение информации в интересах безопасности граждан, общества и государства. В этой конструкции оперативное обслуживание либо является одним из элементов ОРД, либо ему тождественно.

Оба подхода (по законодательству Республики Беларусь и Украины) представляются достаточно интересными и дискуссионными.

Синтез изложенной информации позволяет сделать следующие выводы: 1) ОРД является системой общественных отношений, элементы которой, взаимодействуя между собой, образуют единую целостность, что должно быть отражено в дефиниции нормы закона; 2) ОРД включает организацию и тактику осуществления гласных и негласных поисковых, разведывательных и контрразведывательных мероприятий, позволяющих получить основание для проведения ОРМ в части, касающейся абзаца 3 части 1 статьи 16 Закона об ОРД Республики Беларусь. Именно здесь возможно эффективное решение задач предупреждения, выявления и пресечения преступлений; 3) ОРД позволяет получать информацию, необходимую для решения специфических задач, например, в соответствии с положениями ст. 75 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь задачами этой деятельности являются обеспечение личной безопасности осужденных, работников исправительных учреждений и иных лиц.

Следовательно, задача науки ОРД состоит в том, чтобы, используя универсальный метод познания, а также общенаучные методы, глубоко исследовать закономерности, складывающиеся в сфере ее интересов. Это, конечно же, придает общенаучным методам определенные специфичные черты, обусловленные особенностями предмета. Например: «Агентурный метод, по мнению К.К. Горяинова, В.С. Овчинского и К.Г. Синилова, представляет собой совокупность приемов и способов легендированного поведения негласных сотрудников (агентов) и оперативных сотрудников правоохранительных органов и спецслужб по выведыванию оперативно значимой информации и документированию противоправных действий путем установления или развития доверительных отношений с ее обладателями» [4]. Именно эти особенности, присущие ОРД, определяют необходимость поиска путей и форм приложения общенаучных методов к изучению проблем использования в практической деятельности этого государственного правового средства противодействия преступности. В отношении указанного агентурного метода можно признать его общенаучным (метод включенного наблюдения), но



имеющим специфические черты, исходя из особенностей предмета и целей применения.

Что же касается мнения, что методы, приобретшие специфические черты в сфере ОРД реализуются в ОРМ, следует отметить следующее. Несомненно, и методы, и ОРМ взаимодействуют диалектически: они взаимообусловлены, взаимосвязаны и взаиморазвиваются. Но они никогда не превращаются друг в друга. Метод ОРД – это модифицированный научный способ познания, предназначенный для изучения негласно специфического предмета – конкретной преступной деятельности. Негласность применения этого метода означает лишь неуведомление о его применении. ОРМ – это способ получения фактических данных, имеющих либо процессуальное значение, либо относящихся к решению специфических задач ОРД. Тем не менее, в теории ОРД, по мнению Т.В. Астишиной и В.Н. Омелина: «... не сложилась полная ясность о соотношении методов ОРД и оперативно-розыскных мероприятий» [5].

Проблема ОРМ лежит, по всей видимости, в иной плоскости, так как они как юридически закрепленное понятие в законодательстве были сформулированы: во-первых, в связи с необходимостью законодательного оформления возможности использования результатов деятельности оперативных подразделений в интересах уголовного процесса, без чего эти мероприятия не имеют значения. В этом их смысл и содержание как непроцессуального способа получения доказательств (фактически, они являются источниками источников доказательств); во-вторых, в связи с необходимостью обеспечения законности деятельности оперативных подразделений, осуществляемой как гласно, так и негласно; в-третьих, для использования материалов ОРД в процессе доказывания.

Научная разработка проблем ОРМ, в этой связи, может вестись по уточнению либо совершенствованию их дефиниций в законодательстве; разработке и совершенствованию организации и тактики проведения ОРМ; процедурным вопросам, в рамках уголовного процесса, использования полученных в ходе проведения ОРМ материалов в качестве источников доказательств.

Относительно законодательного закрепления нормы об ОРМ следует отметить следующее. Ряд формулировок, обозначающих название мероприятий и их содержание, отражают ведомственный интерес в законотворческой сфере. Так, в настоящее время имеются предложения о совершенствовании оперативно-розыскного законодательства в части: «... получения оперативной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи и используемых лицами, представляющих оперативный интерес как накопители информации... На таких электронных накопителях эти лица хранят номера банковских счетов, информацию об оффшорных зонах, движение неучтенного капитала, адреса своих клиентов...» [6, с. 255]. В этой связи А.А. Будкевич, предлагает новацию – самостоятельное ОРМ, именуемое «снятие (либо

обнаружение, копирование) и преобразование компьютерной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи». Можно предположить, что автор новации действует в логике российского законодателя, который: «... в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» дополнил этот перечень мероприятием, названным «получение компьютерной информации» [7].

Подобный подход к формулированию названий ОРМ и их дефиниций является дискуссионным в силу ряда обстоятельств: во-первых, в законодательство внедряются специфические термины, предполагающие неоднозначные толкования (снятие, получение, обнаружение); во-вторых, не прописываются способы получения информации; в-третьих, не понятен термин «компьютерная информация» в его криминалистическом и процессуальном значении. Список дискуссионных позиций можно продолжать далее.

Есть и иной путь совершенствования законодательства – его гармонизация исходя из тех понятий, которыми оно уже оперирует, и которые уже имеют легальное толкование. Этот способ разрешения противоречий основывается на учете формулировок уголовного закона. Например, в ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) говорится о несанкционированном доступе к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, либо перехвате информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи; часть диспозиции статьи 352 УК определяется как несанкционированное копирование либо иное неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, либо перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи.

Следовательно, если действия и конечный результат в этом отношении понятен законодателю, то искомое название ОРМ, закономерно формулировать как «санкционированный доступ и далее по тексту», «правомерное завладение и далее по тексту». Этот подход позволяет разрешать все сомнения о сути проводимого мероприятия, способах получения конечного продукта (данных), а также способах исследования их достоверности, что при необходимости может оценить и эксперт, и следователь, и прокурор, и суд.

Этот подход позволяет понять: во-первых, почему в соответствии с положениями ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) источниками доказательств являются протоколы ОРМ о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания; во-вторых, почему на основании положений ст. 101 УПК материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, представлены, проверены и оценены в порядке, установленном УПК.

Предлагаемый способ гармонизации законодательства не претендует на оригинальность исходя из того, что нечто подобное существует в законодательстве европейских государств. Так, А.А. Трефилов в своей статье отмечает следующее: «... характерной особенностью швейцарского законодательства является отсутствие обособленной оперативно-розыскной деятельности, выведенной за рамки уголовно-процессуального регулирования. По мнению законодателя этой страны, все действия, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступлений, имеют единые уголовно-процессуальные (криминалистические) корни, в связи с чем отсутствует необходимость в их дифференциации» [8, с. 274].

Относительно агентурного метода (как следственного действия) А.А. Трефилов отмечает, что его применение «... имеет место, если сотрудники полиции или лица, которые временно назначены для выполнения полицейских задач... обманным путем получают контакты лиц с целью построить доверительные отношения и проникнуть в криминальную среду, чтобы раскрыть особо тяжкие преступные деяния» [8, с. 279]. Относительно тайного розыска (как следственного действия) разъясняется, что его применение обуславливается заключением мнимых сделок в целях раскрытия преступления или уголовного проступка. Личность агента и его функция в тайном розыске раскрывается в процессуальных актах и при допросах участников процесса.

Таким образом, основываясь на проведенном сравнительно-правовом и логическом исследовании проблем и перспектив совершенствования оперативно-розыскного законодательства, необходимо сделать следующие выводы.

ОРД – это система общественных отношений, включающая взаимодействие государственных органов, осуществляющих ОРД, с гражданами на основе конфиденциальности и проведение гласно и негласно оперативно-розыскных мероприятий с целью предупреждения, выявления и пресечения преступлений, выявления граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также обеспечения безопасности общества и государства.

Защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов соотносится либо к задачам, либо обязанностям государственных органов. Основные задачи ОРД – это сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности, розыск лиц, подготавливающих, совершивших или совершивших преступления, а также имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе.

Перспектива совершенствования оперативно-розыскного законодательства относительно целей, задач ОРД, формулировок и содержания ОРМ, видится в их корреляции с аналогичными позициями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах. С точки зрения криминалистики это позволит эффективно решать задачи уголовной ответственности в рамках

доказывания в ходе уголовного процесса, а также обеспечения безопасности общества и государства.

### Библиографический список

1. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития. – Режим доступа: URL [http://vuzirossii.ru/publ/problemu\\_kriminalistiki/16-1-0-2077](http://vuzirossii.ru/publ/problemu_kriminalistiki/16-1-0-2077). – Дата доступа: 21.10.2020.
2. Доспулов, Г.Г. О некоторых проблемах криминалистической методики / Методика расследования преступлений (общие положения) : материалы науч.-практич. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) // Всесоюзное координационное бюро по проблемам криминалистики. – С. 168–171.
3. Красиков, В.С. Некоторые аспекты развития оперативно-розыскной деятельности / Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). – Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. – С. 232–234.
4. Горяинов, К. К., Латынин, Е. В. – URL. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-operativno-rozysknyh-meropriyatiy-i-metodov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-primenyaemyh-v-deyatelnosti-uis/viewer>. – Дата доступа: 21.10.2020.
5. Астишина, Т. А. Омелин, В. Н. – URL. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodah-operativno-rozysknoy-deyatelnosti/viewer>. – Дата доступа: 21.10.2020.
6. Будкевич, А.А. О совершенствовании законодательства в области оперативно-розыскной деятельности Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 253–256.
7. Осипенко, А. Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления. – URL. – Режим доступа: [https://vimvd.ru/upload/iblock/734/вестник3\\_2016.pdf](https://vimvd.ru/upload/iblock/734/вестник3_2016.pdf). – Дата доступа: 21.10.2020).
8. Трефилов, А. А. Негласные следственные действия: опыт Швейцарии // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 274–279.

# **УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ**

**В.А. Кукштель**

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики  
Полоцкого государственного университета*

Экономические отношения, являясь наиболее динамично развивающимся сегментом современного общества, нуждаются в правовой регламентации, прогнозирующей в будущем потребности данной сферы деятельности. Однако, осуществляя законотворческую деятельность в экономической сфере, следует учитывать конституционный принцип свободы экономической деятельности. Конституция Республики Беларусь в ст. 13 закрепляет: «Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Государство способствует развитию кооперации. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1]».

Закрепляя в Конституции Республики Беларусь, принцип свободы экономической деятельности законодатель соглашается с тем, что экономические отношения способны к саморегулированию. В свою очередь задачей государства является создание гарантий экономической свободы, поддерживающих стремления граждан к занятию хозяйственной деятельностью, которая несет пользу государству и обществу. Профессор Н.А. Лопашенко пишет: «Государственное регулирование в экономической сфере должно быть сильно ограничено, чтобы свобода экономической деятельности не напоминала собой просторную золотую клетку, лишь в пределах которой человек свободен [2, с. 84]».

Эффективность экономических преобразований проводимых в Республике Беларусь зависят от сбалансированных и последовательных реформ, ориентированных на создание социально-рыночных условий работы реального сектора экономики, отвечающим обыкновённым закономерностям экономической деятельности.

Вступивший в законную силу Закон Республики Беларусь от 9 января 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» свидетельствует о либерализации уголовной ответственности в сфере преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Отметим, что при обсуждении проекта Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» существовало предложение о необходимости декриминализации ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской

задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). В принципе в настоящее время на разных уровнях продолжают серьезные дискуссии о необходимости исключения исследуемого нами состава преступления из УК Республики Беларусь.

Согласимся с доводами стороны, предлагающей декриминализацию ст. 242 УК Республики Беларусь, что кредиторская задолженность имеет исключительно гражданско-правовую природу. Однако полагаем, что из этого не следует вывод о необходимости урегулирования конфликтных правоотношений только в рамках гражданского судопроизводства. Поскольку единственным основанием исключения любого состава преступления из уголовного закона является утрата им своей общественной опасности.

Отвечая на вопрос о наличии либо отсутствия общественной опасности в деянии, ответственность за которое предусмотрено уклонением от погашения кредиторской задолженности, обратим внимание на структуру общественной опасности, которая не является общепринятым и признанным понятием в науке уголовное право.

В большинстве случаев в доктрине общественную опасность определяют, как причинение либо создание угрозы причинения преступлением вреда. Б.С. Никифоров сущность общественной опасности определял через вред, который причиняется общественному отношению [3, с. 130]. А.Н. Трайнин относил общественную опасность к свойству преступления, его способности причинять вред общественным отношениям [4, с. 29]. Приведенная выше позиция критиковалась во все времена, поскольку она рассматривает общественную опасность односторонне, т.е. само деяние остается за пределами данной категории.

В свою очередь законодатель в п. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь понятие преступления, понимает как «...общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными уголовным законом, ... [5]».

Согласимся с позицией Д.В. Мирошниченко, который полагает, что законодатель при конструировании состава преступления учитывает общественную опасность, и она логически выводится из признаков состава преступления. Автор определяет «материальное содержание преступления (общественную опасность) чрезмерной категорией, поскольку уголовный закон и есть то содержание, в котором и качественные и количественные признаки преступления уже сформулированы, а, стало быть, уже сформулирована и их общественная опасность [6, с. 250]».

Общественная опасность уклонения от погашения кредиторской задолженности заключается в нежелании должников отвечать по своим обязательствам перед кредиторами, мотивируя свои действия сохранением возможности продолжать экономическую деятельность, стремлением сохранить основные и оборотные средства субъекта хозяйствования и т.п. Субъект данного состава преступления, ставя в приоритет свои экономические

интересы, подрывает экономическую стабильность своих кредиторов, честно выполнивших взятые на себя обязательства, тем самым создавая состояние взаимной неплатежеспособности субъектов хозяйствования, которое парализует сектор экономики нашего государства.

Российский правовед С.В. Гудков в своем диссертационном исследовании определил основу общественной опасности рассматриваемого нами состава преступления в возникающем конфликте между кредитором и несостоятельным должником. Автор пишет «посягательства на сферу кредитных отношений способны приносить в общество отрицательные изменения, прежде всего качественного характера, когда государство вынуждено соответствующим образом «подстраиваться» под эти изменения, активно принимая меры для решения возникающих проблем» [7, с. 9].

Общественная опасность любого вида преступления неразрывно связана с причиненным вредом, в качестве которого в рассматриваемом нами составе выступает ущерб кредитору в виде крупного размера кредиторской задолженности. Степень общественной опасности определяется в нежелании (а не в отсутствии возможности) должника исполнить взятое на себя обязательство. Другими словами должник потребил какое-либо, предоставленное кредитором благо и не расплатился с ним, тем самым нарушив ст. 42 Конституции Республики Беларусь «...гарантируется справедливая доля вознаграждения в экономических результатах труда ... ». Кредиторы из-за меркантильных интересов должников, находятся в безвыходном состоянии: они вынуждены работать в долг. Однако рост долгов и просрочка в их погашении зачастую приводят к неплатежеспособности предприятий и увеличению риска их банкротства, что само по себе негативно сказывается на развитии финансово-хозяйственных взаимоотношениях между субъектами хозяйствования, и способствует снижению экономического потенциала государства.

Декриминализировав состав преступления уклонение от погашения кредиторской задолженности из УК Республики Беларусь, законодатель лишает возможности уголовно-правовой защиты интересов кредиторов и передает данные отношения в сферу гражданско-правового регулирования. Однако годами длящиеся хозяйственные споры между субъектами хозяйствования и всевозможные уклонения от исполнения постановлений экономических судов маловероятно, что выступят в качестве надежного механизма защиты экономических интересов бизнеса.

Согласно анкетированию, проводимого С.В. Гудковым, позиция работников банков из 123 опрошенных 96 респондентов ответили, что «именно уголовная ответственность является наиболее эффективным средством воздействия на лиц, нарушивших права и законные интересы кредиторов». Отметим, что 23 сотрудника полагают о возможности решения данной проблемы в рамках гражданского производства, 4 специалиста не имеют определенной позиции по данному вопросу [7, с. 9].

Таким образом, несмотря на то, что уклонение от погашения кредиторской задолженности относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности белорусское общество не готово передать данные общественные отношения в сферу гражданско-правового регулирования. Представляется, что у населения сравнительно не высокий уровень правовой культуры и либерализация уголовного закона в данной сфере приведет к отсутствию защищенности в должной мере экономических интересов кредиторов, и возрастут риски банкротства хозяйствующих субъектов.

### **Библиографический список**

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.
2. Лопашенко, Н.А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона / Н.А. Лопашенко // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 – 10 нояб. 2018 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2018. 295 с.
3. Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М. : Госюриздат, 1960. – 228 с.
4. Трайнин, А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин. – СПб. : Изд. «Юридический центр Пресс», 2004. – 898 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] :9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Мирошниченко, Д.В. Структура общественной опасности: постановка проблемы / Д.В. Мирошниченко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов 30 сентября – 1 октября 2019 г. / ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» ; под общ. Ред. Н.А. Лопашенко [и др.]. – Саратов : Изд. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – 432 с.
7. Гудков, С.В. Уголовно-правовая оценка посягательства на кредитные отношения : автореф. ...дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Гудков. – Омск 2008. – 19 с.



## **ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА ВНЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

**Ю.В. Кухарьков**

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат медицинских наук, доцент*

**М.Ф. Чудаев**

*магистрант кафедры криминалистики  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Обнаружение трупа либо смерть человека в присутствии очевидцев в любом случае будет являться поводом для проведения уполномоченными лицами действий, которые по своему содержанию определяются нормативными правовыми актами (НПА). Основными из них являются Инструкция «О порядке рассмотрения информации, заявлений (сообщений) о смерти (гибели), выезда на места происшествий по указанным фактам и направления трупов на исследование» (далее – Инструкция) [1], также статьи УПК Республики Беларусь [2], а именно: ч. 2 ст. 173, ст. ст. 193, 203, 205, 228 и некоторые другие, регулирующие проведение осмотров, назначение и проведение экспертизы, проведение проверок. По содержанию указанных НПАи с учетом собственных наблюдений выделяются ситуации смерти человека, когда определены субъекты, выполняющие процессуальные действия, а также фигурирующие при этом документы.

В любом случае, информация о смерти человека, наступившей вне организации здравоохранения, поступает в оперативно-дежурную службу органа внутренних дел, где сообщение регистрируется и обеспечивается доведение информации до лиц, выполняющих дальнейшие мероприятия (по сути, организуется их проведение). Информация в дежурно-оперативную службу может поступить непосредственно от лиц, обнаруживших труп, или от очевидцев наступления смерти, а также от службы скорой медицинской помощи (СМП) в случаях ее вызова к умершему. Нами выделяются следующие ситуации:

В присутствии очевидцев явно наступает насильственная смерть (например, дорожно-транспортное происшествие, падение с высоты, огнестрельное повреждение, труп извлечен из водоема и подобное), либо обнаружен труп с телесными повреждениями, которые типично могли повлечь за собой смерть. Место гибели человека или место обнаружения трупа, как осмотр места происшествия (ОМП) и наружный осмотр трупа осуществляет следователь, как правило, с участием специалиста в области судебной медицины. В современных условиях таким специалистом является государственный медицинский судебный эксперт из соответствующего подразделения Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ).

Оформляются протоколы ОМП, наружного исследования трупа (либо наружное исследование трупа – часть протокола ОМП), выносится постановление о назначении и проведении судебно-медицинской экспертизы (СМЭ), труп доставляется в судебно-медицинский морг ГКСЭ, где проводится экспертиза трупа. По ее результатам оформляется документ «Врачебное свидетельство о смерти».

Человек скончался в присутствии очевидцев и/или бригады СМП либо обнаружен его труп в жилище по месту жительства (месту регистрации), по сообщению не отмечаются признаки насильственной смерти. Для проведения наружного осмотра трупа выбывает сотрудник органов внутренних дел (ОВД), который и осуществляет проверку информации по факту смерти. В случае, когда отсутствуют признаки насильственной смерти, о факте смерти сообщается в территориальную государственную организацию здравоохранения (территориальную поликлинику или амбулаторию). Организация здравоохранения направляет врача на место обнаружения трупа для констатации смерти и осмотра умершего. Кроме того, констатацию смерти и осмотр умершего может осуществить бригада СМП. В таком случае врач из поликлиники, как правило, не вызывается (впрочем, не исключено и его прибытие). Медицинский работник при отсутствии подозрения на насильственную смерть и каких-либо признаков насильственной смерти оформляет заключение о констатации смерти человека, умершего вне организации здравоохранения; оформляется документ «Посмертный эпикриз». Экземпляры посмертного эпикриза передаются сотруднику ОВД, прибывшему по информации о смерти человека для предоставления в ОВД, а также в территориальное учреждение здравоохранения. Оформление факта смерти осуществляется в поликлинике (амбулатории). При этом устанавливается причина смерти по объективным данным в медицинской документации умершего человека тогда, когда покойный находился на учете, страдал заболеванием, которое могло привести к смерти. В таких случаях врач поликлиники оформляет врачебное свидетельство о смерти. Следует отметить, что организации скорой медицинской помощи, другие медицинские учреждения, кроме поликлиник (амбулаторий), в отношении умерших вне организации здравоохранения врачебного свидетельства о смерти не оформляют. В последующем сотрудник ОВД составляет письменный рапорт о проведенных проверочных мероприятиях с приложением экземпляра посмертного эпикриза.

В приведенной ситуации возможно возникновение различных вариантов. В случаях, когда умерший при отсутствии подозрения на насильственную смерть не состоял на амбулаторно-поликлиническом учете и не имел зарегистрированных тяжелых заболеваний, которые могли привести к смерти, врачебное свидетельство о смерти не оформляется, причина смерти считается не установленной, труп направляется для проведения СМЭ. Постановление о

назначении судебно-медицинской экспертизы трупа выносит сотрудник ОВД, прибывший для осмотра трупа.

Кроме того, по заявлению родственников умершего, сотрудник ОВД, прибывший для наружного осмотра трупа и места гибели человека, выносит постановление о назначении и проведении СМЭ даже в тех случаях, когда поликлиника (амбулатория) имеют основания для оформления врачебного свидетельства о смерти. При этом оформляется посмертный эпикриз.

Признаки насильственной смерти, когда изначально предполагалась смерть ненасильственная, могут быть выявлены сотрудником ОВД и медицинским работником при наружном осмотре трупа (например, имеются телесные повреждения небольшой давности) и осмотре места гибели человека (например, медикаменты или ядовитые вещества). Аналогично, если кто-то из присутствующих (родственники, другие лица) сообщают о возможности преступления. В таких случаях также немедленно информируется дежурная служба органа внутренних дел, информация передается в подразделение Следственного комитета. До прибытия следственно-оперативной группы (СОГ) сотрудник ОВД обеспечивает охрану места происшествия и сохранность следов возможного преступления. В деятельности СОГ оформляются документы, как в ситуации, изложенной в предыдущем пункте (протокол ОМП и др.).

Обнаружен труп или при очевидцах наступила смерть человека вне места его проживания (на улице, в парке, в общественном месте, по месту работы и в других подобных местах); смерть констатирована бригадой СМП. В современных условиях типично на место гибели человека выбывает СОГ. Место обнаружения трупа или его гибели, как ОМП и наружный осмотр трупа осуществляет следователь (лицо, производящее дознание), как правило, с участием специалиста в области судебной медицины. Оформляются протоколы ОМП, наружного исследования трупа, выносится постановление о назначении и проведении судебно-медицинской экспертизы (СМЭ), труп доставляется в судебно-медицинский морг Государственного комитета судебных экспертиз, по результатам проведенной СМЭ оформляется документ «Врачебное свидетельство о смерти». Следует отметить, что практически для таких случаев наблюдается кажущееся противоречие с Инструкцией, в которой в пунктах 5, 6, 7 указано, что проведение наружного осмотра трупа и место его обнаружения осуществляет сотрудник ОВД, труп осматривает медицинский работник из территориального учреждения здравоохранения, оформляется посмертный эпикриз, СМЭ не назначается (по согласию родственников), проведенные мероприятия по проверке отражаются в рапорте, врачебное свидетельство о смерти соответственно выдается учреждением здравоохранения. Однако полагаем, что такой вариант требует идеальной ситуации – смерть должна наступить непосредственно возле поликлиники, где покойный состоит на учете по тяжелому заболеванию. Во всех остальных вариантах поликлиникой не будет представлено врачебное свидетельство о смерти, которое отражает причину смерти. При этом следует учитывать, что ст. 228 УПК прямо

указывает, что экспертиза назначается и проводится в обязательном порядке для установления причины смерти. Кроме того, в такой приведенной ситуации подозревается возможность наступления насильственной смерти, причем независимо от того, имеются ли на теле ее какие-либо внешние признаки.

Отдельно выделена ситуация, когда при родах вне организации здравоохранения наступает мертворождение или гибель новорожденного, когда обнаруживают неопознанный труп, труп несовершеннолетнего, иностранного гражданина, задержанного лица, либо умирает лицо, содержащееся под стражей или в местах лишения свободы. Во всех таких случаях действия при проведении проверки по факту смерти осуществляются в ходе деятельности СОГ.

Таким образом, при смерти вне учреждения здравоохранения, в зависимости от особенностей места наступления смерти (обнаружения трупа), возможности наступления насильственной или ненасильственной смерти, особенностей умершего определяются различные субъекты проведения осмотра места происшествия, наружного осмотра трупа, назначения судебно-медицинской экспертизы трупа – это следователь, специалист в области судебной медицины, сотрудник ОВД, медицинский работник учреждений здравоохранения. В зависимости от ситуации и субъекта оформляются документы: протокол осмотра места происшествия, наружного осмотра трупа, посмертный эпикриз, рапорт сотрудника органов внутренних дел о проведенных мероприятиях, врачебное свидетельство о смерти. При этом порядок проведения осмотра места происшествия и наружного осмотра трупа, назначения экспертизы, как следственных действий, отражен в криминалистической [3, с. 229–236] и в судебно-медицинской литературе [4, с. 112–116], должен соблюдаться в любом случае без изъятий.

### **Библиографический список**

1. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения информации, заявлений (сообщений) о смерти (гибели) граждан, выезда на места происшествий по указанным фактам и направления трупов на исследование [Электронный ресурс] : постановление Следственного комитета Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 25 сент. 2013 № 210/436/99 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Криминалистика : пособие / В.В. Шабанов [и др.] ; под ред. В.Б. Шабанова, В.Л. Григоровича - Минск : БГУ, 2019. – 551 с.

4. Гусенцов, А.О. Судебная медицина: учебное пособие / А.О. Гусенцов, Ю.В.Кухарьков, М.Ю. Кашинский. – Минск: Академия МВД, 2016. – 263 с. [1] цв.ил.

**О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА  
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ  
(НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА  
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ)**

**С.Ю. Лаворенко**

*преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса  
юридического факультета*

*УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»*

Развитие цифровых коммуникаций и технологий, с одной стороны, создало множество возможностей для общения и ведения бизнеса, с другой - породило серьезную озабоченность по поводу конфиденциальности и защиты данных, включая охрану права на неприкосновенность частной жизни.

На 39-й сессии Совета по правам человека ООН в сентябре 2018 года Управлением Верховного комиссара по правам человека ООН, на основе соответствующих отчетов государств-членов ООН, был представлен Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век [1].

Особый интерес представляет анализ содержащейся в Докладе информации отдельных государств об обеспечении права на частную жизнь в современных условиях. Рассмотрим, в качестве примера, опыт Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, отраженный в соответствующих материалах, представленных в ООН [2].

Соединённое королевство в Докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век признаёт обязанность государства по защите граждан, их право на свободу выражения мнений и неприкосновенность частной жизни. Более того, Соединенное Королевство совместно Советом ООН по правам человека оказывало финансовую помощь в принятии резолюции от 2012, 2014 и 2016 годов по защите и соблюдению прав человека в Интернете.

В соответствии с этими резолюциями, Соединённое королевство легализовало положение о том, что те же права, которые люди имеют офлайн, должны быть защищены в сети. Соединенное Королевство также поддерживает Совет по правам человека и Резолюцию Генеральной Ассамблеи о праве на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий.

Соединённое Королевство имеет гибкую систему законодательства и обеспечивает конфиденциальность и безопасность как в автономном режиме, так и онлайн. В Докладе Соединённое Королевство выражает позицию по поводу того, что государства должны быть прозрачными в отношении своих

полномочий по слежению и перехвату сообщений, а также разработать и внедрить соответствующие меры безопасности. Так, в Соединенном Королевстве, принят Закон о полномочиях следствия от 2016 года. Этот закон предусматривает меры по защите конфиденциальности, включая пункт, где упоминается про то, что выдачу ордера необходимо осуществлять из соображений конфиденциальности.

Так же в законе указывается, чтобы любое поведение должностных лиц должно быть, соразмерным и осуществляться в соответствии с Законом о правах человека, гарантируя, что превышение полномочий является незаконным. В связи с этим вводится обязательное судебное решение при использовании лицом наиболее важных полномочий и включает в себя определенную дополнительную защиту для отдельных категорий данных, таких как журналистские материалы.

Такое положение предусмотрело создание офиса Уполномоченного по расследованию (IPC). В IPC, старший судья, отвечает за независимый надзор за использованием государственными органами полномочий по проведению следственных действий. Судья, может обратиться за квалифицированной технической консультацией, а также может потребовать раскрытие любой информации, относящейся к их надзору, в том числе службой безопасности и спецслужбами.

Закон также содержит положения, касающиеся шифрования. Соединенное Королевство выступает за надежное шифрование: критически важно защитить граждан Великобритании от вреда в Интернете. Соединённое Королевство не закрепляет беспрепятственный доступ ко всем коммуникациям, однако в строго запрещенных обстоятельствах правоохранительные органы Соединенного Королевства, службы безопасности и разведки должны иметь доступ к коммуникациям преступников, включая террористов, при наличии ордера, выданного Государственным секретарем, и утвержденного судьей.

Признавая необходимость надежной защиты данных в Соединённом королевстве, был принят новый Закон «о защите данных» в сентябре 2017 года. Закон призван создать новые данные рамки защиты, подходящие для эпохи цифровых технологий, которые включают положения ЕС. К этим положениям относятся, Общие правила защиты данных (GDPR) и Директива о защите данных (DPD). В частности, закон основывается на существующих стандартах защиты персональных данных, в соответствии с GDPR, предоставляя людям больший контроль над использованием своих данных и предоставление новых прав на перемещение или удаление личных данных.

Субъекты данных получают ряд новых прав, а именно:

- 1) более легкий доступ к их данным;
- 2) право на бесплатную информацию о том, как их данные были обработаны;
- 3) право на информацию о нарушении их данных;

4) требование к контролерам выполнять оценку воздействия на защиту данных, обработка которых может привести к высокому риску прав и свобод субъекта данных.

Таким образом, Соединенное Королевство продолжает играть ведущую роль в развитии и продвижении соответствующих стандартов защиты данных и трансграничных потоков данных, а также продолжает деятельность по работам международными партнерами для обеспечения соответствия стандартов защиты данных целям – как для защиты прав людей, а также для того, чтобы предприятия и государственные органы предлагали эффективные услуги и защиту населения.

Ряд мер, реализуемых в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии по защите личных данных, может быть использован, по нашему мнению, для совершенствования соответствующего законодательства Республики Беларусь.

### **Библиографический список**

1. Доклад Управления Верховного комиссара ООН по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век [Электронный ресурс]. – 2020. Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/DigitalAge/Pages/ReportDigitalAge.aspx>. – Дата доступа: 08.11.2020.

2. Submission to the Office of the High Commissioner for Human Rights: The right to privacy in the digital age <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/ReportPrivacyinDigitalAge/UK.pdf>. – Дата доступа: 08.11.2020.

## **СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В БЕЛАРУСИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**И.А. Лапина**

*ректор УО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров  
Государственного комитета судебных экспертиз  
Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

**С.В. Лапина**

*профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
доктор социологических наук, профессор*

Анализ истории становления и институционализации судебно-экспертной деятельности в Беларуси отчетливо демонстрирует ее конкретность и практическую ориентацию, с одной стороны, а с другой – постоянное расширение теоретико-методологической базы.

Начиная с конца XVIII века (именно этим временем датируется становление институциональной практики судебной экспертизы в Беларуси) вплоть до 30-х годов XX века судебная экспертиза развивалась преимущественно в рамках медицинской науки, приобретая характер судебно-медицинской экспертизы. Такого рода практика была наиболее востребована. Медицинский бэкграунд судебной экспертизы продолжал доминировать практически на всем протяжении XX века, создавая, предпосылки для развития различных видов судебных экспертиз в смежных с медициной естественнонаучных областях – биологии и химии. Исследовательские работы судебных экспертов в этих сферах базировались на классической методологии научно-познавательной деятельности, эмпирический характер которой был ориентирован на получение подтвержденных опытом объективных данных.

Одновременно с классической научно-познавательной ситуацией, отражающейся в практике судебной экспертизы, ее расширение требовало приращения и в сфере теории. Почерковедческие, баллистические, трасологические, автотехнические, товароведческие, экономические, почвоведческие, криминалистические и т.д. экспертизы, востребованность которых росла на протяжении XX века, требовали дальнейшей разработки теории и методологии судебной экспертизы, так как методики проведения конкретных видов судебных экспертиз должны опираться на соответствующую теоретико-методологическую базу [1].

В этих по своей сути гносеологических и методологических поисках, кроме конкретного предмета исследования, формирующегося на базе специальной теории со свойственной ей методологией, нельзя было обойти проявившиеся в XX веке общие черты современной научно-познавательной деятельности, связанные с тем, что практически в каждой отрасли научного знания, в каждом предмете научного исследования стала отчетливо проявляться человекоотнесенная составляющая. Это явление получило название перехода современной науки к изучению человекообразных объектов. Все, что исследует современная наука, как и вся исследовательская практика судебных экспертов, наполняется особенностями, присущими человеку. Причем, не в его единичном воплощении, а как члене определенной социальной группы, проходящем все этапы социализации, хотя и по-разному.

В новой научно-познавательной ситуации, сложившейся вполне определенно в последней трети XX века, в научных исследованиях стал обязательно учитываться человеческий фактор в его социологическом измерении. Судебные эксперты, таким образом, кроме конкретного вида экспертизы, основанной на специальной теории, должны учитывать привнесенные в предмет изучения факторы социокультурной среды. Особенно отчетливо это проявилось в отношении искусствоведческо-культурологической и лингвистической экспертиз, где сам предмет экспертизы был непосредственно связан с деятельностью человека [1].



Кроме такого рода специфики объектов и предметов познания в деятельность эксперта также органично встраиваются характеристики новой познавательной ситуации, в которой социокультурные параметры объектов экспертизы дополняются в ходе построения предмета исследования характеристиками субъектно-рефлексивного методологического подхода, необходимого для корректного проведения экспертизы. А этот субъектно-рефлексивный подход является спецификой социологической методологии, основами которой должен владеть современный исследователь-эксперт.

Субъектная соотнесенность всех элементов познавательного процесса всегда была отличительной чертой социологического познания, которое исследуя общество как систему взаимодействующих социальных субъектов, в то же время не могло игнорировать зависимость используемых форм и методов познания, а также содержания исходных концептуальных установок от социальной структуры общества, от социальной позиции субъектов познания, от социальных стереотипов, целей и задач, которые ставятся перед познающим субъектом обществом и им самим, ценностей, которыми он руководствуется и которые приняты в обществе. Тот же факт, что в современном научном познании в целом реализуются субъектные составляющие (за счет перехода современной науки к познанию «человекоразмерных» объектов), неизбежно выводящие в сферу социологического анализа, свидетельствует о том, что социологическое познание и его особенности приобретают общенаучную значимость.

Субъектные, человекоотнесенные параметры, присутствующие в объектах познания современной науки, могут пониматься, интерпретироваться и познаваться в разных аспектах. При этом следует обратить внимание на то, что в любой познавательной ситуации субъектность присутствует не как изолированная индивидуальная сущность, а как особое межсубъектное взаимодействие (между субъектом познающим и субъектом, включенным в объект познания), которое опосредовано сложной системой социальных связей.

Социологическая методология, вводя в научный анализ взаимодействие между субъектными составляющими и уровнями познания, в реальности приобретает метатеоретическую, общенаучную значимость.

В итоге в общем плане логику социологического познания можно представить как особую линию современной научно-познавательной деятельности.

В этой логике некоторое множество отображений теоретических схем (I) на картину (картины) мира и эмпирический материал коррелируется с множеством возможных реализаций объекта познания (II). Первое (I) определяется особенностями субъектов познания, задается их социокультурными параметрами, занимающими в структуре познания уровень метатеоретических предпосылок и, как показывает опыт проводимых исследований, реально может воплощаться в некотором множестве познавательных моделей. Второе (II) отображает разброс возможных

реализаций познаваемого объекта, в который органично встроен активный, действующий, наделенный сознанием и целеполагающий субъект [3].

В целом же особенности социологического познания состоят в органическом сочетании двух основных параметров познавательной деятельности: особого объекта познания – социальной реальности (I) и специфического субъектного подхода к ее познанию (II). Это позволяет свести воедино онтологические и методологические аспекты социологического познания, которое органично встраивается в современное научное познание как единый социокультурный феномен, тем самым обеспечивая системную целостность современной науки [4].

На фоне особенностей современной интегрирующейся науки, которая органично включает в свою структуру параметры, присущие социологическому познанию, в любой экспертной деятельности эти особенности должны учитываться. В связи с этим особую значимость приобретает включение в специальный, а не только общепрофессиональный блок, дисциплин, раскрывающих сущность и особенности социологической методологии, а также методики ее использования в судебно-экспертной деятельности..

Относительно парадоксальный факт, позволяющий выйти на объективные выводы – это профессиональное соотнесение субъектных (не сугубо субъективных) характеристик объекта судебной экспертизы (к примеру, совокупности высказываний с использованием ненормативной лексики) с параметрами той социокультурной среды, в которой они были использованы, а также с профессиональными и личностными ценностями, присущими эксперту как субъекту той же либо иной социокультурной среды. Эта методологическая рефлексия необходима для получения наиболее достоверных выводов, заключений, адекватных задачам судебной экспертизы.

Такого рода методологический прием является спецификой социологической методологии (особенностью социологического познания, методологией социологического подхода), где присутствует субъектная составляющая, как во всех объектах исследования, так, естественно, и в тех, кто осуществляет познавательную деятельность, а также в корреляции субъектных характеристик первых (объектов познания) с субъектными характеристиками вторых (субъектов познания).

Такое расширение теоретико-методологического поля деятельности судебного эксперта вполне релевантно его усложняющейся практике. Социологическая методология в этом случае способна не только ориентировать эксперта в информационном потоке, но и может вооружить его определенными методологическими, научно-познавательными ориентирами, позволяющими наращивать информационный потенциал и реализовывать его в профессиональной деятельности. Таким образом представляется современное теоретикометодологическое пространство судебной экспертизы, выводящее ее в междисциплинарную область – экспертологию, научная институционализация которой во многом зависит от использования

социологического подхода, приобретающего в современной науке метатеретический статус.

### **Библиографический список**

1. Кадышев, А.В. История института судебной экспертизы/ А.В. Кадышев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сборник научных трудов. – 2009. - № 2(26). – С. 23-33.
2. Лапина, С.В. Образовательный стандарт. ОСРБ 1-99 02 80-2017 / И.А.Лапина, С.В. Лапина, Ю.И. Остянко [авторы составители] // Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. – Минск: Минобр РБ, 2017. – 20 с.
3. Лапина, С.В. Методология социологического исследования социокультурных стилей студенческой молодежи в условиях глобализации / Сборник научных трудов Академ.упр.при През.РБ. – Минск, 2016. – С.110-117.
4. Лапина, С.В. Социологическая энциклопедия / А.Н.Данилов, С.В.Лапина, Д.Г.Ротман и др. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2003.

## **УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

**Е.В. Марковичева**

*главный научный сотрудник*

*Научного центра исследования проблем правосудия  
Российского государственного университета правосудия,  
доктор юридических наук, доцент*

Пандемия COVID-19 выявила ряд серьезных проблем, связанных с обеспечением транспарентности правосудия в условиях вынужденного социального дистанцирования. Введенные большинством государств те или иные ограничения на социальные контакты привели к ситуации, когда затруднительным стал как сам процесс уголовного судопроизводства, так и реализация отдельных прав участников процесса. Суды вынуждены искать баланс между необходимостью обеспечения права на справедливое судебное разбирательства и права на охрану жизни и здоровья каждого. Являясь важнейшим государственным институтом, суд не может не действовать в публичных интересах, которые в пандемический период лежат в плоскости физической безопасности и снижения эпидемической нагрузки. Однако одновременно суды должны выполнять те функции, которые возложены на них изначально, то есть, связанные с отправлением правосудия и осуществлением судебного контроля. Неслучайно перед судами была поставлена задача не только рассмотрения уголовного дела, но и обеспечения безопасного с эпидемиологической точки зрения правосудия. На это обстоятельство обратила

внимание и Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы, в специальной Декларации 10 июня 2020 года [1].

Единственным возможным в условиях цифрового общества выходом из кризиса с отправлением правосудия стал тренд на более активное использование современных технологий, позволяющих обеспечить хотя бы частичное рассмотрение уголовных дел в условиях закрытых для посетителей судов и вводимых ограничений на социальные контакты. В качестве универсальных критериев отбора уголовных дел и материалов для рассмотрения с использованием современных технологий государства признают: 1) наличие хотя бы минимальной законной базы для их использования (что в ряде государств потребовало экстренных поправок в законодательство); 2) оценка уголовного дела или материалов как безотлагательных, осуществляемая судами на основе рекомендаций высших судебных инстанций и общей эпидемической ситуации в регионе; 3) потенциальная возможность рассмотрения дела с использованием дистанционных технологий (по этой причине везде изначально отпал вопрос о деятельности судов присяжных).

Однако цифровая трансформация правосудия не может быть проведена в короткий временной период, а степень цифровизации судопроизводства зависит от нормативных, организационных и финансовых условий, которые должны быть обеспечены в системной взаимосвязи. Нельзя не учитывать и тот факт, что хотя в последнее десятилетие исследователи, в том числе и российские, активно призывают к переходу на электронный формат уголовного дела [2], в целом юридическое сообщество до 2020 г. демонстрировало осторожный, а нередко и весьма консервативный взгляд на «оцифровку» уголовного процесса и правосудия [3].

Как справедливо отмечают исследователи, степень информатизации уголовного судопроизводства отдельных государств в значительной степени варьируется и зависит от многих факторов [4]. В тех странах, где информатизации правосудия уделялось больше внимания, оказались в более выигрышном положении. Причем данная тенденция проявилась практически повсеместно. В результате усилия, затраченные на внедрение информационных технологий в деятельность судов в Казахстане или Эстонии позволили данным государствам быстрее адаптироваться к новым чрезвычайным условиям. Более того, в Казахстане, где не только возможно ведения электронного уголовного дела, но и нормативно определен порядок производства дистанционного допроса, удалось достаточно оперативно решить вопрос с рассмотрением неотложных дел в рамках уголовного судопроизводства. Российская судебная система, информатизации которой уделялось все же достаточно внимания [5], оказалась более адаптированной к функционированию в период пандемии, нежели чем органы предварительного расследования.

В целом принимаемые государствами в 2020 году меры направлены на разрешение возникшего конфликта между обязанностями субъектов уголовно-процессуальной деятельности и правом каждого на здоровье и безопасность в условиях эпидемической опасности. При этом неизбежно ограничиваются и отдельные права участников уголовного судопроизводства, что ставит вопрос о пределах подобного ограничения. Примечательно, что в принятом 7 апреля 2020 года Советом Европы руководстве для государств-членов ЕС «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19» указывается, что вирус не должен «уничтожить наши основополагающие ценности и свободу общества» [4]. Совет Европы рассматривает пандемическую ситуацию как временную и полагает, что можно говорить исключительно о временном, вынужденном приостановлении исполнения обязательств, взятых на себя государствами, ратифицировавшими Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Хотя подобные ограничения вводятся в условиях действия специальных режимов (например, тревожный режим в Испании или режим повышенной готовности в России) любые отступления от международных стандартов прав человека должны носить законный и соразмерный характер. К сожалению, уголовно-процессуальное законодательство большинства государств оказалось мало адаптированным к регулированию уголовно-процессуальных отношений в таких условиях. Например, судебная система Великобритании встала перед необходимостью нормативного распространения процедур дистанционного допроса и видеозаписи показаний на всех свидетелей, а не только на тех, кто нуждается в защите. Верховный Суд РФ был вынужден в условиях правовой неопределенности создавать новый механизм дистанционного рассмотрения дел за счет сочетания легально определенной видеоконференц-связи и неурегулированной процессуальным законодательством процедуры веб-связи. Российские суды в период карантинных ограничений стали активно использовать различные мессенджеры, хотя до пандемии чаще всего придерживались нормативно-методических инструкций, нацеливающих на проведение видеоконференц-связи только с использованием специального программного модуля. Тщательного анализа и осмысления требует и опыт различных государств по принятию нормативных актов «чрезвычайного характера», определяющих специальный режим деятельности государственных органов как в стране в целом, так и в отдельных ее частях.

Таким образом, признание приоритета жизни и здоровья каждого над процессуальными правами и обязанностями привело к появлению общего подхода к решению вопроса о необходимости или целесообразности производства тех или иных процессуальных действий, как отвечающих критерию неотложности.

Безусловно, что основным уроком, внесенным системой уголовного правосудия из периода функционирования в условиях специального режима

должна стать системная работа по его цифровой модернизации, которая, к сожалению, не может быть осуществлена только за счет привычных точечных корректив уголовно-процессуального законодательства. Проводимые мероприятия должны быть нацелены на сокращение разрыва между уровнем развития современных технологий и уголовно-процессуальным законом и практикой его применения.

### **Библиографический список**

1. Lessons learnt and challenges faced by the judiciary during and after the COVID-19 pandemic: European commission for the efficiency of justice (CEPEJ). Ad hoc virtual CEPEJ plenary meeting Wednesday 10 June 2020. Official site of the Council of Europe. Available at: [https://www.coe.int/ru/web/portal/-/how-should-judges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn?fbclid=iwar2rhvr8l-o9oxddpofodwu0\\_gnihh1viieabmturo-uzkz64s\\_xjxrj6q](https://www.coe.int/ru/web/portal/-/how-should-judges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn?fbclid=iwar2rhvr8l-o9oxddpofodwu0_gnihh1viieabmturo-uzkz64s_xjxrj6q) (Date accessed: 01.10.2020).

2. Качалова, О.В., Цветков, Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2 (106). – С. 95-101.

3. Клеандров, М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 15-25.

4. Масленникова, Л.Н., Сушина, Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6 (115). – С. 214-224. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.214-224.

5. Марковичева, Е.В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. – 2017. – № 3 (131). – С. 88-95.

## **КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ РЕСУРСЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

**В.В. Марчук**

*директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Потребность в цифровизации уголовного закона приобретает в настоящее время актуальное значение в связи с внедрением в практику цифровых технологий: электронного следствия, электронного правосудия [1–6] и, особенно, системы оцифровки уголовных дел [7–9].

Если кратко сформулировать процесс цифровизации в законодательстве, то его суть, как мне представляется, заключается в приведении текста соответствующего нормативного правового акта в такой формат, который бы

создавал для специалистов в области программирования возможность машинной обработки для дальнейшего его использования в соответствующей компьютерной программе.

Главным направлением в этом процессе, разумеется, является подготовка правоведами правовых алгоритмов (этапов, инструкций), позволяющих формализовать правовые тексты в соответствующие компьютерные матрицы. Вместе с тем, важное значение в прописывании указанных алгоритмов имеет существующая юридическая техника, в частности, техника конструирования составов преступлений в соответствующих нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Правильное использование этой техники, а в определенных случаях и ее совершенствование, создает предпосылки для адаптации соответствующей уголовно-правовой нормы в русло цифрового ресурса.

В настоящее время в статьях Особенной части действующего УК не наблюдается единства в конструировании квалифицированных составов преступлений в случаях, когда в соответствующей норме указывается на несколько квалифицирующих признаков.

Обозначение арабскими цифрами соответствующих квалифицирующих признаков («индексация») использована в Особенной части УК только в шести нормах: части 2 статьи 139, части 2 статьи 147, части 2 статьи 181, части 2 статьи 181-1, части 2 статьи 182, части 2 статьи 291. При этом анализ норм Особенной части УК показывает, что критерий введения цифровых обозначений для соответствующей группы квалифицирующих обстоятельств не имеет логического объяснения. Первоначально при конструировании статей Особенной части УК 1999 г. белорусский законодатель использовал цифровое обозначение квалифицирующих обстоятельств только в тех случаях, когда в соответствующей части статьи УК указывалось на семь и более квалифицирующих признаков. Потом предел множественности обстоятельств, необходимых для «индексации», был снижен до шести. В 2008 г. УК был дополнен статьей 181-1, в которой была установлена ответственность за использование рабского труда. Часть 2 данной статьи содержит шесть квалифицирующих признаков, четко определенных соответствующими цифровыми обозначениями. Однако в системе происходящих изменений в УК этот подход не был последовательным. За год до введения в УК статьи 181-1 были внесены изменения в часть 3 статьи 328 УК, в соответствии с которыми квалифицированный состав незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров стал характеризоваться также шестью альтернативными квалифицирующими признаками, а с 2015 года – семью признаками. Однако указанные квалифицирующие признаки не были выделены («индексированы») арабскими цифрами со скобкой. Непонятно, почему при наличии большого количества квалифицирующих признаков использованы разные приемы законодательной техники при конструировании нормы. Кроме того, во многих рассматриваемых статьях УК помимо

квалифицирующих признаков, предусмотрены особо квалифицирующие обстоятельства (часть 3 статьи 147, часть 3 статьи 181, часть 3 статьи 181-1, часть 3 статьи 182, часть 3 статьи 291). Их количество меньше (три или четыре признака). По форме изложения такие нормы вызывают достаточно странное восприятие. Так в части 2 статьи 181-1 УК – шесть квалифицирующих признаков «оцифрованы», но в части 3 этой же статьи указано на четыре особо квалифицирующих обстоятельства, описанных по правилам сложносочиненного предложения с разделительными союзами.

Использование или неиспользование цифрового обозначения квалифицирующих признаков предопределяет разные подходы в квалификации преступления, если его совершение было сопряжено с наличием нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных одной частью соответствующей статьи. К примеру, ч. 2 ст. 147 УК предусматривает десять квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Не исключена ситуация, когда совершение этого преступления будет сопряжено со всеми десятью квалифицирующими обстоятельствами. Событие, в таком случае, мы будем квалифицировать по пп. 1-10 ч. 2 ст. 147 УК. Но если при наличии тех же квалифицирующих обстоятельств умышленное причинение тяжкого телесного повреждения будет совершено, например, повторно и в отношении двух потерпевших (особо квалифицирующие признаки), то преступление будет квалифицировано по ч. 3 ст. 147 УК. Почему при наличии нескольких квалифицирующих обстоятельств формула квалификации требует предельной точности, а при установлении двух и более особо квалифицирующих обстоятельств (курс. автора) они не находят четкого обозначения в квалификации преступления? Указание в приведенном примере только на часть третью ст. 147 УК смазывает формулу квалификации преступления. Уголовно-правовая оценка в таком случае является неполной, неопределенной, порождает неясность в объеме и содержании нарушенного запрета.

Кроме того, исключение из обвинения одного из квалифицирующих признаков, вмененных необоснованно на стадии предварительного расследования, не влечет никаких изменений в формуле квалификации преступления. Согласно ч. 4 ст. 301 УПК Республики Беларусь государственный обвинитель вправе исключить из обвинения отдельные пункты. При этом составления нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого не требуется. В таких случаях формула квалификации внешне остается неизменной (если не происходит переквалификации на ту часть статьи, которая предусматривает менее тяжкое по степени общественной опасности обстоятельство), хотя объем обвинения реально сужается. Получается, что при наличии одной и той же квалификации преступления объем обвинения в суде может меняться. При этом могут быть существенно нарушены права обвиняемого. Можно ли такое состояние дел признавать нормальным? Почему существующие подходы к формуле квалификации в



таких случаях позволяют скрывать ошибки и недочеты правоприменительной деятельности? Представляется, что основные пределы и объем обвинения должны предопределяться формулой квалификации совершенного преступления. И изменение обвинения должно влечь корректировку формулы квалификации преступления. Во всяком случае, соответствующее нормативное предписание, в статье УК, должно находить адекватное отражение в формуле квалификации преступления.

В уголовных кодексах государств-участников СНГ квалифицирующие признаки проиндексированы. При этом в одних странах применяются буквенные обозначения – используются буквы латинского или русского алфавита со скобкой (уголовные кодексы Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан), в других – цифровые обозначения (уголовные кодексы Республики Азербайджан, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан).

В целях единого подхода в оформлении и изложении нормативного материала в УК, а также обеспечения точности и полноты формулы квалификации преступления, представляется, следует внести корректировки на предмет цифрового обозначения квалифицирующих признаков, если в соответствующей части статьи УК предусмотрено два и более квалифицирующих признака: необходимо выделить эти признаки в отдельные пункты соответствующей части статьи УК с обозначением их арабскими цифрами со скобкой.

В рамках работы межведомственной рабочей группы по совершенствованию норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, созданной во исполнение подпункта 2.3 пункта 2 протокола поручений Главы государства от 7 июля 2020 г. № 23, данное предложение нашло поддержку со стороны доминирующего большинства заинтересованных государственных органов и учреждений (Следственного комитета, Комитета государственной безопасности, Комитета государственного контроля, Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Академии Министерства внутренних дел, Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры и учреждений юстиции БГУ, Института Национальной безопасности и др.).

Реализация предложенного законодательного приема позволит обеспечить системный подход в использовании юридической техники конструирования квалифицированных составов преступлений, что создает предпосылки для обеспечения точности и полноты формулы квалификации преступления, а также условия для машинной обработки программистами нормы с квалифицирующими признаками.

### Библиографический список

1. Лебедев, С.Я., Джафарли, В.Ф. Цифровизация уголовно-правового ресурса – неизбежная перспектива инновационно-технологического обеспечения криминологической безопасности в эпоху 6-го технологического уклада // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 91–97.
2. Рагимов, И.М., Аликперов, И. М. «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 8–14.
3. Турышев, А.А. Цифровизация уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 97–100.
4. Голенко, Д.В. О трансформации уголовного законодательства России в связи с развитием цифровых технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 107–111.
5. Малько, А.В. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 5–19.
6. Кучине, Я.О. Уголовное право и цифровизация общественных отношений: об отражении процессов цифровизации в УК РФ и науке уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 130–135.
7. Каланча, И.Г. Алгоритм электронного уголовного производства // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2018. – № 4 (10). – С. 47.–52.
8. Масленникова, Л.Н., Собенин, А.А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 12–16.
9. Саргсян, Г.М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения // Предвар. расследование. – 2017. – № 2. – С. 73–75.

# **ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ**

**А.Н. Матлак**

*старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

**В.А. Чванкин**

*доцент кафедры криминалистических экспертиз  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Решение идентификационных задач при проведении судебных баллистических экспертиз зачастую является краеугольным камнем доказательственной базы по различным категориям уголовных дел. Поэтому особая важность экспертиз, при которых отождествляется конкретный образец огнестрельного оружия, не вызывает сомнений.

Вместе с тем в настоящее время на территории Республики Беларусь существует ряд проблем научно-методического характера и трудности материально-технического обеспечения, существенно снижающие возможности судебных экспертов в части идентификации огнестрельного оружия, что в свою очередь влечет невозможность использования тех или иных объектов в качестве источников доказательства.

Идентификационное исследование в судебной баллистике, как и в любом другом виде криминалистического исследования, в обязательном порядке предполагает наличие двух объектов – идентифицируемого и идентифицирующего. При производстве судебных баллистических экспертиз в роли идентифицируемого объекта выступает огнестрельное оружие, а идентифицирующего – выстрелянные из него объекты.

Ручное стрелковое огнестрельное оружие в зависимости от конструкции ствола подразделяется на гладкоствольное и нарезное. Соответственно используемые для стрельбы из гладкоствольного и нарезного огнестрельного оружия боеприпасы (патроны) также имеют свои особенности, выражающиеся в различных применяемых при их снаряжении метаемых снарядах. В случае с патронами к нарезному огнестрельному оружию в качестве метаемых снарядов используются пули, а при снаряжении патронов к гладкоствольному огнестрельному оружию помимо пуль применяются элементы множественного метаемого снаряда – дробь и картечь.

Именно конструкция стволов нарезного и гладкоствольного огнестрельного оружия, а также различные компоненты боеприпасов, применяемые при снаряжении патронов (пули, дробь и картечь), формируют необходимость использования различных методик при исследовании вышеуказанных объектов.

Принятыми на территории Республики Беларусь методиками проведения судебных экспертиз предусматривается решение идентификационных задач по установлению тождества пуль, выстрелянных в нарезном огнестрельном оружии. Основываясь на общих положениях судебной экспертизы, судебной трасологии и судебной баллистики, подобного рода задачи успешно решаются подразделениями Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Однако, анализ следственной и судебной практики показывает, что в подавляющем большинстве случаев при совершении преступлений, сопряженных с применением огнестрельного оружия (убийства, разбои, причинения тяжких телесных повреждений, хулиганства, браконьерства и т.д.), преступниками используется именно гладкоствольное огнестрельное оружие. Это объясняется широким распространением оружия данного вида среди населения страны в качестве гражданского охотничьего оружия.

Сложность проведения идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах в сравнении с отождествлением нарезного огнестрельного оружия обусловлена:

- различным механизмом образования следов на снарядах при выстреле;
- более трудоемким процессом выявления следов на снарядах;
- особым характером проведения экспертного эксперимента.

В настоящий момент методика, содержащая алгоритм действий эксперта по исследованию снарядов, выстрелянных из гладкоствольного огнестрельного оружия, отсутствует.

Ввиду отсутствия методики идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах (дробь и картечь), обнаруживаемые на местах происшествий не участвуют формировании доказательственной базы для привлечения виновных в совершении преступлений лиц к установленной законом ответственности.

Для производства идентификационных исследований гладкоствольного огнестрельного оружия помимо наличия научно обоснованной методики необходимо наличие в распоряжении судебного эксперта определенного перечня технических средств.

Наиболее важным приспособлением является пулеуловитель, позволяющий получить качественные экспериментальные снаряды для сравнительного исследования.

Вследствие того, что снаряды, применяемые для снаряжения патронов к гладкоствольному огнестрельному оружию, изготавливаются из мягкого материала (свинец), они подвержены деформации при столкновении с преградой и невозможности их последующего использования для сравнительного исследования.

Наиболее подходящим для использования является газожидкостный пулеуловитель. Вследствие насыщения газами поверхностного слоя жидкости, наполняющей пулеуловитель, уменьшается сила ударного воздействия на снаряд, при его проникновении в толщу принимающего материала.

В настоящее время в распоряжении экспертных подразделений Республики Беларусь отсутствуют газожидкостные пулеуловители, экспериментальная стрельба проводится в наполнители из арселона и кевлара, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к сохранности следов на поверхности снарядов, изготавливаемых из мягких материалов.

Зачастую случается, что по различным причинам проведение экспериментальной стрельбы из отождествляемого оружия невозможно, например, когда при поступлении на экспертизу ствол оружия обладает какими-либо дефектами (изогнут, имеются повреждения в виде раздутоостей, разрывов стенок). В случае невозможности проведения экспериментальной стрельбы и использования по каким-то причинам пулеуловителя, получение следов для сравнительного исследования, возможно, осуществлять путем протягивания (проталкивания) специального снаряда. Учеными-криминалистами предлагались различные по конструкции варианты специальных снарядов для проталкивания через канал ствола и получения на их поверхностях экспериментальных следов.

Для использования данного способа при проведении баллистических экспертиз можно изготавливать специальные снаряды для проталкивания в каждом конкретной экспертной ситуации, а возможно оснащение экспертных подразделений универсальными наборами специальных снарядов для гладкоствольного оружия различных калибров по конструкциям, ранее разработанными и имевшими успешное применение в практике других государств.

Данный способ в сравнении с экспериментальной стрельбой имеет ряд существенных недостатков, главный среди которых тот, что протягивание специального снаряда через ствол не соответствует условиям механизма следообразования, имевшим место при выстреле в ходе совершения преступления, что влечет разницу в отображении микрорельефа в следах. Однако, в отдельных случаях, когда проведение экспериментальной стрельбы невозможно, его нельзя полностью исключать как единственной доступный.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что среди проблемных вопросов судебной баллистики на настоящем этапе развития особенно выделяется решение идентификационной задачи при исследовании снарядов, выстреленных из гладкоствольного огнестрельного оружия. Реализация данной задачи судебными экспертами страны представляется невозможной ввиду отсутствия научно обоснованной методики решения вопроса об идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах, неукомплектованности экспертных подразделений пулеуловителями с необходимыми наполнителями и наборами специальных снарядов соответствующей конструкции.

## **ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ ИЛИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

**Ю.А. Никитин**

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В соответствии с ч. 1 ст. 426 УК уголовно наказуемым является умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Рассматриваемое преступление состоит в совершении действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий должностного лица, предоставленных ему по службе, то есть относящихся к полномочиям другого должностного лица, в том числе вышестоящего по службе, либо действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, либо действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424– 428 УК)» (далее – постановление Пленума).

Таким образом, исходя из смысла установленного уголовно-правового запрета, должностное лицо при совершении указанного преступления нарушает предъявляемое к нему законное требование действовать строго в пределах полномочий, которые предоставлены ему в рамках служебной компетенции. Действия должностного лица в этом случае изначально незаконны только потому, что они совершены неуполномоченным должностным лицом, юридически не наделенным правом на их совершение [1].

Превышение власти или служебных полномочий влечет уголовную ответственность в случае причинения ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Уголовно наказуемым по ст. 426 УК являются два альтернативных преступных деяния:

- превышение власти, которое может совершить только лицо, наделенное властными полномочиями, т.е. представитель власти;
- превышение служебных полномочий, ответственность за которое несет любое другое должностное лицо, вышедшее за пределы полномочий, предоставленных ему правовыми актами.

Для состава рассматриваемого преступления важно установить, что совершенные должностным лицом по службе действия явно выходили за

пределы предоставленных полномочий, т. е. очевидно, бесспорно (прежде всего для самого должностного лица). Если вопрос о превышении власти или служебных полномочий является неоднозначным, и должностное лицо превысило полномочия вследствие нечеткого определения круга служебных обязанностей или недостаточно четкого распределения полномочий между вышестоящими и нижестоящими должностными лицами, уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий исключается [2].

Говоря о квалификации действий должностного лица, которые могут быть совершены им только при наличии особых обстоятельств, на наш взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, полагающих, что подобные противоправные действия не представляют собой явный выход за пределы должностных полномочий. Превышая должностные полномочия, виновный выходит за пределы предоставленных ему прав, а не за пределы «оснований и условий их реализации» [3].

В данном случае возникает обоснованный вопрос о соотношении ст. 424 и ст. 426 УК. Так, при злоупотреблении полномочиями должностное лицо незаконно, вопреки интересам службы использует предоставленные ему законом права и полномочия, так же как и при одной из форм превышения полномочий (совершение должностным лицом действий при исполнении служебных обязанностей в пределах своей компетенции, но при отсутствии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте) [4].

Исходя из разъяснений Пленума, совершение должностным лицом действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, должны квалифицироваться как превышение служебных полномочий. К таким обстоятельствам относятся, например, обстоятельства, позволяющие сотрудникам милиции применять оружие и специальные средства. Например, в ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» перечисляются случаи, когда сотрудник органов внутренних дел имеет право на применение оружия (в частности, совершение лицом действий, правомерно запрещенных ему сотрудником органов внутренних дел, которые могут быть истолкованы им как угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья его или иных граждан). Также в названной статье указано, при каких обстоятельствах запрещается применять или использовать оружие, в том числе в отношении несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения или иных действий, угрожающих жизни или здоровью граждан.

Таким образом, при применении оружия в случаях, не оговоренных вышеуказанным Законом (например, производство выстрела в убегающего подростка, совершившего хищение и не угрожающего жизни или здоровью граждан), сотрудник милиции совершает действия по службе, которые формально соответствуют его компетенции и полномочиям, но по существу

являются незаконными, поскольку совершены в нарушение требований законности (объективной необходимости), т. е. вопреки интересам службы. Поэтому, на наш взгляд, использование должностным лицом своих прав, которые могут быть им реализованы только при наличии особых обстоятельств, более правильным было бы квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями.

Между тем вопрос квалификации подобных деяний (как превышения или злоупотребления должностными полномочиями) порожден проблемой разграничения этих двух преступлений в целом.

В юридической литературе по поводу соотношения двух названных преступлений высказываются различные мнения. Большинство ученых превышение служебных полномочий считают формой или частным случаем злоупотребления полномочиями.

Однако высказывается и другое вполне обоснованное мнение о том, что правомерная реализация должностных полномочий предполагает соблюдение двух требований в совокупности: 1) наличие правомерного основания реализации полномочия (юридического факта, при наличии которого полномочие может быть и одновременно должно быть реализовано); 2) соблюдение процедурной формы. Очевидно, что нарушение либо материального, либо процессуального основания реализации должностного полномочия представляет собой его превышение. В ситуации использования должностным лицом принадлежащих ему полномочий вопреки интересам службы субъект неизбежно либо нарушает процедуру осуществления полномочия, либо действует без легитимного основания. Поэтому злоупотребление должностными полномочиями невозможно как таковое: юридическая природа злоупотребления предполагает нарушение либо основания, либо процесса реализации предоставленного лицу права, то есть фактически злоупотребление представляет собой один из видов превышения должностных полномочий [5].

В этой связи возникает еще один обоснованный и поднимаемый в юридической литературе вопрос: как следует квалифицировать «неявный» выход за пределы должностных полномочий, то есть неочевидное отступление от регламентированных прав и полномочий (компетенции должностного лица) [6]?

Как свидетельствует правоприменительная практика, одни и те же действия должностных лиц, связанные с незаконным использованием служебных полномочий, могут квалифицироваться органами следствия и судами и как злоупотребление служебными полномочиями, и как их превышение.

Одним из выходов из сложившейся ситуации видится признание злоупотребления служебными полномочиями формой их превышения и соответствующей квалификации по ст. 426 УК, тем более что многими учеными и практиками признается, что данное преступление обладает более



высокой общественной опасностью по сравнению с преступлением, предусмотренным ст. 424 УК. Однако это является прерогативой законодателя.

### **Библиографический список**

1. Любавина, М.А. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий / М.А. Любавина // КриминалистЪ. – 2010. – № 1. – С. 44–46.
2. Хомич, В.М. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел XIII. Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления. Глава 35. Преступления против интересов службы (статьи 424–433) [Электронный ресурс] / В. М. Хомич // ИБ «КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства. Белорусский Выпуск» / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
3. Борков, В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. Н. Борков. – Омск, 2015. – С. 14.
4. Гааг, И.А. Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий / И.А.Гааг, Е.Н.Разыграева // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 258.
5. Греков, К.А. Квалификация преступлений, совершаемых путем превышения должностных полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. А. Греков. – Ростов н/Д, 2007. – С. 8–9.
6. Хилюта, В.В. Превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] / В.В.Хилюта // ИБ «КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства. Белорусский Выпуск» / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.

### **ПЕНАЛИЗАЦИЯ И ДЕПЕНАЛИЗАЦИЯ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ**

**Л.В. Павлова**

*ведущий научный сотрудник отдела исследований в области  
правоохранительной деятельности и осуществления правосудия  
Института правовых исследований*

*Национального центра законодательства и правовых исследований  
Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук*

Общественное мнение о справедливости и эффективности уголовного законодательства нередко формируется на основании суждений о наказаниях, назначаемых виновным в совершении преступлений. Для разработки и закрепления в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) адекватных мер реагирования на противоправные уголовно наказуемые деяния обязательным условием конструирования уголовно-правовых санкций должен

быть учет социальной ценности объекта преступления, типовой степени общественной опасности содеянного и личности преступника. При этом в части совершенствования системы наказаний, порядка их назначения и отбывания важное теоретическое и практическое значение имеет согласование подхода об определении понятий и правового значения пенализации и депенализации (далее – (де)пенализация), дополняющих идеи криминализации и декриминализации (далее – (де)криминализация) деяний.

Правильное уяснение сути пенализации возможно при ее соотнесении с криминализацией и иными средствами предупреждения отклоняющегося поведения. В одной из первых работ, посвященной рассматриваемой проблематике, – коллективной монографии «Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация», 1982 года, под криминализацией предложено понимать «общее понятие, охватывающее как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми. Процесс криминализации состоит в выявлении целей, оснований и возможностей установления уголовной ответственности за те или иные деяния и издания уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации – совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности и освобождения от нее» [1, с. 17]. Декриминализация была описана как отмена, исключение уголовной ответственности за те или иные деяния, ранее признававшиеся преступлениями, в том числе перевод этих деяний в категорию менее значительных правонарушений (административных, дисциплинарных и др.) [1, с. 17].

В этой же работе пенализация рассмотрена как элемент криминализации, ее значение авторами виделось в установлении уголовного наказания за деяния, уже признанные преступными. Далее отмечалось, что «поскольку это признание уже предreshает необходимость установления уголовно-правовой санкции, проблема пенализации, по существу, сводится к определению ее вида, размера, а также условий назначения, исполнения и освобождения от наказания лиц, виновных в совершении преступлений. Таким образом, степень пенализации есть, по существу, показатель интенсивности криминализации того или иного деяния» [1, с. 17–18]. Пенализации противопоставлялась депенализация; назначение последней определялось в снижении или отмене наказания за деяние, признававшееся преступным и тем самым понижении интенсивности криминализации [1, с. 18].

В представленном подходе – рассмотрение пенализации в качестве элемента (составной части) криминализации деяний – криминализация фактически поглощает пенализацию. Схожая точка зрения изложена Р.Р. Галиакбаровым, которым, не придавая пенализации самостоятельного значения, она рассматривалась в качестве одной из форм криминализации [2, с. 41]. В 70-х–80-х гг. XX в. данный взгляд был достаточно распространен и

среди иных ученых. В коллективной монографии «Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы», 1991 года (А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик), отмечено, что теория криминализации и пенализации еще «не имеет широкой столбовой дороги», «установление уголовной наказуемости общественно опасных деяний (криминализация) и определение характера наказуемости (пенализация) связаны между собой как две стороны одного и того же процесса. Объем, характер, способы и критерии криминализации влияют на пенализационные процессы в такой же мере, в какой особенности пенализации оказывают обратное влияние на процесс установления запрета» [3, с. 14, 16]. При этом А.И. Коробеевым пенализация была представлена как «процесс определения характера наказуемости деяний, а также их фактической наказуемости, т.е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике. Иными словами, пенализация есть количественная сторона криминализации, ее показатель, мерило» [4, с. 137].

В 90-х гг. прошлого столетия и позднее стали появляться новые воззрения относительно понимания (де)криминализации и, соответственно, (де)пенализации. Например, на пенализацию указано как на форму реализации уголовной политики, поскольку введение уголовных запретов, установление оснований и принципов уголовной ответственности, определение видов наказаний имеют политический контекст, что связано с вопросами поддержания, укрепления и развития существующего государственного строя [5, с. 28].

В настоящее время решение вопроса о рассмотрении пенализации в качестве составной части криминализации либо в качестве относительно самостоятельного направления (формы реализации) уголовной политики во многом зависит от используемой научной позиции к пониманию криминализации. В теории уголовного права выделяется два основных подхода по данной проблематике. В соответствии с первым, в основу которого положены работы советских ученых, криминализация рассматривается достаточно широко. Как отмечает М.Т. Валеев, данный подход подразумевает рассмотрение криминализации «как выражения уголовно-правовой политики государства, в рамках которого осуществляется обнаружение тех негативных явлений, с которыми надо бороться уголовно-правовыми средствами, и установление уголовной ответственности за них. Криминализация в таком случае охватывает определение как преступности деяний, так и их наказуемости» [6]. Тем самым, как указывалось ранее, пенализация общественно опасных деяний в используемом подходе либо вообще не выделяется, либо выступает элементом криминализации, имеющим с ней общие основания, и отражая ее интенсивность.

При втором, более узком подходе, криминализация рассматривается только как отнесение деяния к числу преступлений. В данном случае признается, что (де)криминализация осуществляется исключительно при законодательной форме реализации уголовной политики; результатом

(де)криминализации является установление (устранение) уголовно-правового запрета. Пенализация при этом отграничивается от криминализации, поскольку выражается в установлении наказуемости общественно опасных деяний и реализуется не только в нормотворческой, но и правоприменительной деятельности [см., например: 7, с. 18; 8, с. 7–8]. При таком рассмотрении криминализации деяний пенализация играет роль относительно самостоятельной категории, хотя и носит подчиненный характер.

Научный интерес представляет суждение Э. В. Густовой, отмечающей, что «поскольку уголовная наказуемость – обязательный признак преступления, следует признать, что пенализация совпадает с криминализацией и образует ее составную часть. Однако пенализация не сводится только к установлению наказания за совершение преступления, она включает также процесс внесения в систему наказаний и в санкции действующего уголовного законодательства изменений в направлении их ужесточения» [5, с. 27].

В настоящее время становится все более очевидным, что пенализация связана не только с работой законодателя по совершенствованию санкций статей (корректировка Особенной части УК), но и внесением изменений и дополнений в Общую часть УК, развитием законодательных институтов уголовной ответственности, наказания и его назначения; аналогично идепенализация охватывает не только вопросы отмены наказуемости деяний, но и снижения их сроков, введения более мягких видов наказаний, освобождения от наказания и от уголовной ответственности. Отдельного внимания заслуживают вопросы пенализации при применении норм УК в практической деятельности. Детальное исследование круга обозначенных проблем позволит прийти к определению моделей, принципов, интенсивности (де)пенализации, соответствующих правил и правового механизма нормотворчества и правоприменения, что необходимо для повышения эффективности осуществления уголовно-правовой политики.

### **Библиографический список**

1. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.
2. Галиакбаров, Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний / Р.Р. Галиакбаров // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний : сб. науч. тр. / Ом.высш. шк. милиции МВД СССР ; редкол.: А. И. Марцев [и др.]. – Омск, 1980. – С. 40–51.
3. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Изд-во Красноярск.ун-та, 1991. – 240 с.

4. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 267 с.
5. Густова, Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики / Э.В. Густова // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2014. – № 1. – С. 24–28.
6. Валеев, М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Т. Валеев. – Томск, 2005. – Режим доступа: <https://scicenter.online/rossii-pravo-ugolovnoe-scicenter/svoystva-ugolovnogo-nakazaniya-svete-teorii.html>. – Дата доступа: 09.06.2020.
7. Нечаев, А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Д. Нечаев ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2017. – 33 с.
8. Антонов, И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.М. Антонов ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2004. – 30 с.

## ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**А.П. Пацкевич**

*доцент кафедры криминалистики  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Согласно Конституции Республики Беларусь государство должно обеспечивать определенный уровень гарантий права каждого гражданина на качественную медицинскую помощь. Но в некоторых случаях права пациента при получении им медицинской помощи грубо нарушаются. Проявляется это в небрежном отношении к пациентам в процессе лечения, неправильном выставлении диагноза и недобросовестном дальнейшем лечении и т.д. В последнее время то и дело возникает ряд вопросов, в том числе и в средствах массовой информации, к работникам органов здравоохранения нашей страны по поводу некачественного оказания медицинской помощи населению. Нередко медицинские работники в связи с некачественным выполнением своих профессиональных обязанностей привлекаются к административной, дисциплинарной, а при наступлении тяжких последствий и к уголовной ответственности. Сами медицинские работники к основным проблемам, мешающим нормальному функционированию органов здравоохранения, относят, прежде всего, недостаточное финансирование, старое и изношенное медицинское оборудование и техника, слабая квалификация медицинского персонала.

Следует отметить, что проблемы расследования преступлений связанных с ненадлежащим исполнением своих обязанностей медицинским персоналом в Республике Беларусь, еще мало изучены. Об этом говорит и тот факт, что в учебниках по криминалистике, изданных в последнее время БГУ и Академией МВД Республики Беларусь, отсутствуют разделы, посвященные расследованию неквалифицированных действий медицинских работников, приведших к тяжким последствиям, на монографическом уровне исследования этих проблем не проводились, а в немногочисленных публикациях авторы рассматривали лишь отдельные вопросы уголовно-правовой характеристики этой категории преступлений. До настоящего времени глубоко не изучены и особенности использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений.

Рассматривая преступления, совершенные работниками здравоохранения в силу своей профессиональной компетенции, следует отметить, что такая категория уголовных правонарушений в юридической литературе получила название «ятрогенных». Согласно данным электронной Медицинской энциклопедии «Ятрогенія» (др.-греч. *iátrós* «врач» + *γενεά* «рождение») — ухудшение физического или эмоционального состояния человека, ненамеренно спровоцированное медицинским работником [2].

Впервые данный термин ввел в научный оборот немецкий психиатр О. Бумке еще в 1925 году, под ним он обозначил причинение медицинским работником какого-либо вреда пациенту своими неосторожными, порой необдуманными, непродуманными действиями, в том числе и в процессе бесед. [2]. В силу своих профессиональных знаний и компетенций О. Бумке не рассматривал тяжкие последствия этих действий и речь, прежде всего, шла об оказании пациенту психологической и психиатрической помощи [3, с.164-169].

Более позднее, к ятрогениям стали относить все нежелательные последствия, возникающие при оказании медицинским работником различной специализации, врачебной помощи любому пациенту.

Российский ученый И.О. Никитина определяет понятие «ятрогенных преступлений» как «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающих основные принципы оказания медицинской помощи и совершаемые при исполнении профессиональных или служебных обязанностей, при этом ставящие под угрозу причинения вреда или причиняющие вред жизни и здоровью, и иным законным правам и интересам пациента» [1, с. 21].

Расследуя ятрогенные преступления, следовательно необходимо выяснить ряд обстоятельств, указанных в ст. ст. 89 и 90 УПК Республики Беларусь. В первую очередь, по нашему мнению, должны исследоваться обстоятельства, освещающие основные элементы состава преступления.

Так, рассматривая субъект совершаемых «ятрогенных» преступлений, следует отметить, что им может быть только врач или иной медицинский работник, осуществляющий медицинскую или врачебную деятельность.

Поэтому в процессе расследования следует выяснить не только наличие специального медицинского образования, но и уровень их компетенции, т.е. соответствует ли квалификация медицинского персонала, а под ним понимаются не только врачи, но и средний медицинский персонал, осуществлению своей профессиональной деятельности [1, с. 22].

Рассматривая совершенное деяние по признакам объективной стороны следует выяснить: где совершено это преступление (в государственной или частной клинике, медицинском центре, поликлинике, лечебнице и т.д.). В чем заключалось представление медицинской помощи или услуг (например, неоказание помощи пациенту), в чем выразились последствия и их тяжесть. [1, с. 22]

Немаловажную роль в установлении степени виновности медицинского работника наступлением тяжких последствий отводится использованию специальных знаний, в первую очередь конечно к назначению и производству судебно-медицинской экспертизы [4, с. 7-9; 5; 6, с. 245-247]. Без заключения судебно-медицинской экспертизы сделать вывод о наличии признаков преступления, предусмотренного ст.162 УК Республики Беларусь, практически невозможно, поскольку именно благодаря ей устанавливается наличие причинной связи между конкретными действиями и наступившими последствиями, таким образом, она становится ключевым моментом в расследовании уголовного дела.

Судебно-медицинская экспертиза по фактам ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинским работником, получившая на практике название «врачебная», назначается, как правило, до возбуждения уголовного дела, и ее предметом является конкретное использование медицинских знаний ведущим лицом, т.е. экспертом для целей следственной и судебной практики. Согласно методике расследования уголовных дел по фактам ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей задача экспертизы состоит в выявлении: механизма медицинского события, связанного с оказанием медицинской помощи определенному пациенту по поводу имевшейся у него болезни или травмы, характера и тяжести последних; последовательности действий медицинских работников, осуществлявших врачебный процесс в интересах пациента и их соответствия медицинским правилам; определенного этапа врачебного процесса и (или) медицинского мероприятия, обусловившего наступление неблагоприятного для пациента исхода оказанной ему медицинской помощи; способа допущения дефекта медицинской помощи; времени возникновения, развития и обнаружения неблагоприятных последствий, степени их тяжести; характера и результативности действий по устранению этих последствий; отражения на качестве оказанной медицинской помощи ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей; непосредственной причины наступления неблагоприятного исхода оказанной медицинской помощи; причинно-

следственной связи между факторами, детерминировавшими наступление неблагоприятного исхода медицинской помощи и т.д.

Порой для правильной квалификации содеянного медицинским работником, требуется тщательное исследование различных медицинских документов как в процессе подготовки, назначения и производству экспертизы, так и при производстве иных следственных действий, таких как допрос, очная ставка, следственный эксперимент и т.д.

Осмотр медицинской документации также проводится на начальном этапе расследования. Его особая эффективность заключается в том, что он даёт возможность проанализировать информацию, содержащуюся не в одном, а в целом комплексе документов, и составить более-менее вероятную картину о нарушении.

Медицинская документация нередко не соответствует установленным формам, содержит большое количество дефектов от незначительных недочетов, дописок, исправлений, подчисток и вклеек до серьезных упущений, вплоть до отсутствия целого ряда необходимых сведений, полного переоформления, умышленного искажения сведений о проведенных диагностических и лечебных мероприятиях, клинической картине заболевания.

Среди них можно выделить: дефекты оформления медицинской документации - небрежное ведение записей, необоснованные сокращения, ошибки в последовательности вклеивания листов и результатов анализов; дефекты описательной части медицинской документации - неправильное описание характеристик повреждений и их морфологических свойств, стороны повреждения, отсутствие полного отражения анамнеза заболевания, данных, позволяющих судить о проводимой дифференциальной диагностике, указания о проведении дополнительных методов обследования больного, указаний на наличие у больного сопутствующих заболеваний, наличие или отсутствие побочных явлений и осложнений, ошибки в датах и часах осмотров [7]. Все это тщательно отражается в протоколах следственных действий.

К сожалению, объем данной публикации не позволяет нам в полной мере исследовать все особенности расследования «ятрогенных» преступлений, но несомненно рассмотренные нами следственные действия позволяют более эффективно расследовать эту категорию преступлений.

### **Библиографический список**

1. Никитина, И.О. Преступления в сфере здравоохранения : законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / И.О.Никитина : Нижегород. акад. МВД России. - Нижний Новгород, 2007. – 270 с.
2. Ятрогения [Электронный ресурс] / appteka.ru Медицинская энциклопедия. – 2020. – Режим доступа: [http://appteka.ru/encik/encik\\_ya/yatrogeniya.htm](http://appteka.ru/encik/encik_ya/yatrogeniya.htm) – Дата доступа : 05.11.2020.



3. Лысенко, В.М., Лысенко, О.В., Зарецкий, М.М., Черников, Е.Э. К вопросу о ятрогенных заболеваниях // Научный вестник Национального медицинского университета им. Богомольца, 2009. Киев, — С. 164—169;
4. Методические рекомендации по расследованию преступлений о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей медицинским работником: Главное управление организации и обеспечения расследования преступлений Следственного комитета Республики Беларусь. – Минск, 2012. – 23 с.
5. Судебно-медицинская экспертиза по материалам дела и при нарушениях профессиональной деятельности медицинских работников / Мин-во здравоохранения Респ. Беларусь, УО «Витебский государственный медицинский университет», каф. суд. мед. – Витебск: ВГМУ, 2014. – 47 с.
6. Скачек, Р.В. Экспертиза о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей медицинскими работниками («врачебная» экспертиза): проблемы подготовки и назначения, оценки заключения Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершённых медицинскими работниками Материалы конференции. - М.: Московская Академия СК РФ, 2018. — С.245-247.
7. Кошелева, И.С. Медицинская документация как объект исследования при расследовании уголовных дел в отношении медицинских работников//Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=434> – Дата доступа : 05.11.2020.

## **ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ**

**А.П. Петров**

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса  
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова,  
кандидат юридических наук, доцент*

**В.А. Петров**

*старший преподаватель  
кафедры уголовного права и уголовного процесса  
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова*

Проблема назначения наказания за преступления находится в центре внимания отечественной и зарубежной уголовной правовой науки.

Легальное определение понятия наказания дано в ст. 47 УК Республики Беларусь (далее – УК). «Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишениях или ограничений прав и свобод осужденного» [1].

Наказание выступает правовым последствием совершения преступления, поэтому является одной из форм реализации уголовной ответственности.

Следовательно, сущность и содержание уголовного наказания можно раскрыть в тесной связи с уголовной ответственностью. Эта связь вытекает из п. 1 ст. 46, закрепившей, что уголовная ответственность реализуется в осуждении лица совершившего общественно опасное деяние с применением назначенного по приговору суда наказания. Именно уголовное наказание как конкретно определенная карательная мера воздействия представляет собой наиболее суровую форму реализации уголовной ответственности.

Приведенная формулировка наказания в ст. 47 УК констатирует обязательные признаки наказания, т.е. те признаки, которые должны признаваться и наполняться реальным содержанием.

К таким признакам относятся:

1. Мера государственного принуждения, устанавливаемая уголовным законом. Принудительная мера воздействия государства применяется только к преступнику и не зависит от его желания, она обязательна для всех органов государства, которые призваны ее исполнять. Только государство устанавливает и регламентирует правила исполнения и отбывания наказания, осуществляемых в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством. «Именно государственное принуждение, выражающееся в принуждении к выполнению, восстановлению нарушенного порядка и наказанию непослушного, превращает запреты и требования права в уголовные предписания, осуществляемые в порядке уголовного правосудия особыми карательными мерами» [2, с. 437].

Уголовное наказание устанавливается уголовным законом и содержится только в санкциях соответствующих статей Особенной части УК Республики Беларусь [1].

2. Применение по приговору суда к лицу, осуждаемому за преступление. Наказание может применять только суд и никакой другой государственный орган. Это вытекает из ст. 109 Конституции Республики Беларусь, закрепившей, что «Судебная власть в Республики Беларусь принадлежит судам» [3]. Однако необходимо оговориться, что эта прерогатива принадлежит не всем судам, а только судам общей юрисдикции – районным, областным и судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь.

Наказание может быть применено к лицу, виновному в совершении преступления и эта вина должна быть установлена приговором суда. «Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившем в законную силу приговором суда» [3. ст. 26].

3. Наказание состоит в предусмотренных законом лишениях или ограничении прав и свобод осужденного. Общепринятым считается, что содержание наказания является кара, так как осужденный подвергается определенным в законе ограничениям и лишениям прав и свобод. Однако такие ограничения и лишения должны быть соразмерны содеянному и личности виновного.

Целями наказания в уголовном праве являются конечные социальные, фактические результаты, достижению которых, стремится достичь государство, осуждая виновного в совершении преступления и применяя к нему соответствующую меру наказания.

В УК Республики Беларусь цели наказания не определены [1], тогда как в ст.43 УК России закреплено, что «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [4]».

Преступник, совершая преступление, не только нарушает уголовно-правовые запреты, но и нарушает социальную справедливость. Поэтому суд, назначая наказание, восстанавливает социальную справедливость и тем самым ограждает государство, общество и отдельную личность от произвола преступности. Восстановление социальной справедливости понимается также и как восстановление нарушенных прав и свобод человека, удовлетворение чувств справедливости, вызванного у граждан фактом совершения преступления. В отношении потерпевшего социальная справедливость восстанавливается путем защиты прав и законных интересов нарушенных преступлением.

«Цель исправления осужденного заключается в том, чтобы с помощью карательных элементов наказания попытаться заставить изменить определенные качества осужденного под влиянием которых было совершено преступное деяние, и привить ему уважительное отношение к закону, установленному правопорядку, правам и интересам другим граждан» [5, с. 186-187].

На законодательном уровне в части 2 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Беларуси (далее УИК) закреплено, что «Исправление осужденных – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 7 УИК «Применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений, как осужденными, так и другими лицами [6].

В теории уголовного права общепринято подразделять предупредительное воздействие наказания на частное и общее предупреждение.

Под частным предупреждением понимается профилактика совершения преступлений самим осужденным. Общее предупреждение заключается в том, что осуждение конкретного лица, совершившего преступление должно оказывать превентивное воздействие на других лиц, показать другим гражданам неотвратимость наказания.

Таким образом, исследовав понятия наказания, его признаков и целей, представляется обоснованным внести изменения в ст. 47 УК и дополнить её частью второй.

Часть 1 ст. 47 УК изложить в следующей редакции: «Наказание является мерой государственного принуждения, включающей в себя карательный

элемент, применяемый судом к лицу, виновному в совершении преступления и влекущему в предусмотренных законом лишений или ограничений прав, свобод и законных интересов осужденного».

Дополнить ст. 47 УК частью второй изложив её в следующей редакции: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения преступления как осужденным, так и другими лицами».

### **Библиографический список**

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Республики Беларусь от 9 января 2019г, вступающими с силу с 19 июля 2019г. – Минск: Нац.центр правовой информации Республики Беларусь, 2019. – 304с.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я.Казаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008-720с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп. Принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 6-е издание, стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2010. – 64с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] Режим допуска: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/09.01.2020](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/09.01.2020). Дата доступа: 09.01.2020.
5. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учеб./ М.П.Журавлев [и др.]; под ред. А.И.Рагога. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008. – 704 с.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 1 сентября 2004г. – Минск: Нац.центр правовой информ. Республики Беларусь, 2014 – 224 с.

## **СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**В.А. Петров**

*старший преподаватель кафедры уголовного права  
и уголовного процесса юридического факультета  
УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»*

Институт наказаний в уголовном праве всегда вызывает повышенный интерес как к средству защиты от преступных посягательств, так и восстановлению социальной справедливости.

Под системой наказания следует понимать установленный уголовным законом исчерпывающий перечень наказаний, расположенный в определенном порядке в зависимости от степени их сравнительной тяжести. Уголовный

кодекс Республики Беларусь располагает виды наказаний от менее к более строгим и закрепляет десять основных и одно дополнительное наказание, из которых семь видов наказаний не связанных с лишением свободы [1].

Рассмотрим наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Общественные работы - это выполнение осужденным бесплатного труда в пользу общества. Этот вид наказания исполняют уголовно-исполнительные инспекции по месту жительства осужденных на объектах, определяемых местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с уголовно исполнительными инспекциями [2, ч. 1, ст. 23].

«Общественные работы устанавливаются на срок от 60 до 240 часов» [1, ч.2, ст. 49]. Если осуждается лицо, получающее образование либо имеющее постоянное место работы, то общественные работы отбываются не свыше 4-х часов в день в свободное от учебы или работы время. Тем осужденным, которые не учатся и не работают, с их согласия, общественные работы могут отбываться свыше 4-х часов, но не более 8 часов в день.

Уголовный закон запрещает назначать общественные работы к лицам не достигшим 16 лет; лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста; беременным женщинам; лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком; инвалидам I и II группы; военнослужащим; иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства; лицам, больным активной формой туберкулеза [1, ч. 4 ст. 49].

Суд может назначать общественные работы в качестве дополнительного наказания к штрафу или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Штраф – денежное взыскание, назначаемое судом в случае установленным Основной частью Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Размер штрафа определяется с учетом размера базовой величины на день вынесения приговора.

Устанавливается размер штрафа от 30 до 1000 базовых величин в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления и материального положения осужденного. За преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы - выше и установлен в размере от 300- до 5000 базовых величин.

Штраф может применяться как основное так и дополнительное наказание, но в случаях, когда он непосредственно указан в санкции соответствующей статьи.

Порядок исполнения наказания в виде штрафа регламентирован в ст. ст. 29, 30 УИК [2].

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, может быть назначено судом в зависимости от характера тяжести совершенного преступления на срок от 1 года до 5 лет [1, ч. 1, ст. 51].

Применение данного вида наказания возможно, если лицо совершило преступление связанное с занимаемой им должностью или выполняемой им деятельностью.

Как основное этот вид наказания может быть применен, если оно предусмотрено санкцией соответствующей статьи Уголовного Кодекса. Как дополнительное – применяется в тех случаях, когда оно предусмотрено в санкции статьи Уголовного кодекса, а также по усмотрению суда. «В этом случае, исходя из характера совершенного лицом преступления, связанного с занимаемой должностью или с занятием определенной деятельностью, суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью» [1, ч. 2 ст. 112].

Этот вид наказания не может назначаться в качестве дополнительного наказания к общественным работам и штрафу.

Порядок исполнения данного вида наказания закреплен в ст.ст. 31-36 УИК [2].

Исправительные работы устанавливаются на срок от шести месяцев до двух лет и отбываются на основании приговора суда по месту работы осужденного [1, ч. 1 ст. 52]. При этом в доход государства ежемесячно из заработка производится удержание, установленное приговором суда в пределах от 10 до 25 процентов, но не менее 1 базовой величины. Для несовершеннолетних такой срок устанавливается от двух месяцев до одного года, а из его заработка ежемесячно в доход государства взыскивается в размере, установленном приговором суда, в процентах от 5 до 15 процентов.

Исправительные работы не могут быть назначены: лицам не достигшим 16 лет; лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста; беременным женщинам; лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком; инвалидам I и II группы; военнослужащим и резервистам; иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Беларуси лицам без гражданства и лицам, больным активной формой туберкулеза, не имеющим постоянного места работы.

Порядок исполнения наказания в виде исправительных работ весьма подробно регламентировано в ст.ст. 37-43 УИК [2].

Ограничение по военной службе. «Назначается офицерам и иным военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса за совершение воинских преступлений, а также вместо исправительных работ, предусмотренных за иные преступления» [1, ч. 1 ст. 53].

Не может быть назначено ограничение по военной службе: лицам, имеющим выслугу лет для назначения пенсии, либо достигшим определенного возраста состояния на военной службе, либо имеющим право на увольнение по состоянию здоровья; беременным женщинам; лицам находящимся по уходу за ребенком.

Порядок исполнения в виде ограничения по военной службе закреплен в ст.ст.136-141 УИК [2].

В качестве дополнительного наказания Уголовный кодекс закрепил лишение воинского или специального звания. Применение этого вида наказания ограничено категорией преступлений и кругом лиц, к которым оно может быть применено. В соответствии со ст. 60 Уголовного кодекса «При осуждении за тяжкого или особо тяжкое преступление, лицо имеющее воинское или специальное звание, может быть по приговору суда лишено этого звания» [1].

Таким образом, в процессе исследования мы определили систему наказаний, дали характеристику наказаниям, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Представляется целесообразным расширить применение наказаний без изоляции от общества, усилить воспитательное воздействие на осужденного и создание дополнительных гарантий для индивидуализации наказаний не связанных с изоляцией осужденного от общества.

#### **Библиографический список**

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Республики Беларусь от 9 января 2019г, вступающими в силу с 19 июля 2019г. – Минск: Нац.центр правовой информации Республики Беларусь, 2019. – 304с.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 1 сентября 2004г. – Минск: Нац.центр правовой информ. Республики Беларусь, 2014 – 224с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] Режим допуска: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/09.01.2020](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/09.01.2020). Дата доступа: 09.01.2020.

### **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОДКУПА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ**

**Е.М. Попов**

*старший следователь по особо важным делам  
Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь*

Превращение спорта в одну из капиталоемких сфер рыночных отношений привело к росту его криминализации и, соответственно, необходимости разработки и внедрения эффективного механизма противодействия преступному вмешательству. Одной из актуальных проблем современного профессионального спорта стали манипуляции результатами спортивных соревнований, сопряженные со ставками на заранее известный результат. По

мнению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь И.Д. Носкевича договорные матчи стали трендом последних нескольких лет [1]. При этом интеллектуализация и трансграничность преступлений в данной сфере, возможное переплетение с хищениями, коррупционными преступлениями и другими криминальными явлениями превратили борьбу с договорными матчами в одно из наиболее сложных направлений деятельности правоохранительных органов.

Основой противодействия противоправным манипуляциям результатами спортивных соревнований является закрепление в ст. 253 УК Республики Беларусь уголовной ответственности за подкуп участников профессиональных спортивных соревнований. Объективная сторона соответствующего преступления выражается в получении денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера спортсменом, спортивным судьей, тренером, руководителем команды или организатором спортивных соревнований за оказание влияния на результаты соревнования, а также в предоставлении такого вознаграждения.

Таким образом, при выявлении и расследовании фактов подкупа участников профессиональных соревнований органу уголовного преследования необходимо доказывать не только факт передачи незаконного вознаграждения, но и цель совершения этих действий – оказание влияния на результаты соревнования. При отсутствии доказательств противоправной цели передачи вознаграждения подозреваемые могут выдвинуть множество защитных версий, объясняющих передачу денег (возврат долга, подарок и т.д.), что существенно затрудняет доказывание вины подкупающего и подкупаемого. В свою очередь установление взаимосвязанных фактов оказания подкупаемым спортсменом противоправного влияния на результаты соревнования и получения им вознаграждения от подкупающего практически исключает возможность ухода от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление.

В связи с изложенным, органу уголовного преследования надлежит тщательно анализировать действия спортсмена в ходе соревнования и оценивать их с точки зрения оказания им влияния на итоговый результат.

Соответствующая работа может быть условно разделена на два этапа: проведение осмотра видеозаписей соревнования и анализ данных профессиональной спортивной статистики.

Успешное решение комплекса задач, стоящих перед сотрудниками органов уголовного преследования, изучающими видеозаписи состоявшегося спортивного соревнования, существенно упрощается при использовании специализированного программного обеспечения. Его применение позволяет более четко зафиксировать допущенные спортсменами ошибки, а также визуализировать результаты проведенного следственного действия, сделав их максимально наглядными и понятными для лиц, впоследствии изучающих материалы уголовного дела.



В рамках расследования преступлений, сопряженных с подкупом участников профессиональных спортивных соревнований, целесообразно использовать несколько видов программного обеспечения, выполняющего различные функции:

1. Анализ физической активности спортсменов в ходе соревнования.

Соответствующая задача может быть решена посредством использования следующих приложений:

- BioMovie—позволяет фиксировать время реакции спортсмена на внешний раздражитель, время выполнения им каждого конкретного движения, синхронность движений, наличие пауз между ними, прилагаемую при выполнении спортивных элементов силу, скорость и ускорение спортсмена;

- Dartfish—дает возможность объективно оценивать работу биомеханического аппарата спортсмена (особенности его двигательной активности). Инструментарий программного обеспечения Dartfish позволяет сравнивать сходные действия спортсменов посредством наложения одного видеоизображения на другое, создания раскадровки событий соревнования и т.д.

2. Формирование наглядного результата осмотра видеозаписей спортивных соревнований.

Ряд программных продуктов (например, SportsCode) ставят перед собой задачу облегчить последующее восприятие и изучение отдельных событий соревнования. Для этого используется следующий инструментарий: захват видео в режиме реального времени с целью его последующего анализа; обеспечение быстрого перехода к конкретным эпизодам соревнования; возможность формирования системы связей между событиями соревнования (например, между ошибками, допущенными футболистом, и голами в ворота его команды); изобразительные и текстовые средства, дающие возможность разметки событий на видео и создания презентаций; автоматическое изготовление нарезок видеозаписи, фиксирующих все активные действия одного спортсмена; раскадровка видеозаписи, возможность ее воспроизведения с различной степенью замедления; автоматический анализ частоты заданных событий (например, ускорений спортсмена) на видеозаписи.

3. Анимирование видеозаписей с целью обеспечения всестороннего изучения эпизодов спортивных соревнований.

Отдельные программные комплексы (Ascensio System Limited, Stadionus), предназначены для создания 3D-моделей эпизодов соревнования посредством их анимирования. С помощью подобных программ, используя несколько видеозаписей спортивного соревнования, можно получить полную реалистичную 3D-модель эпизода, изучение которой не ограничено расположением видеокамер – можно использовать любой необходимый ракурс (в том числе – вид «из глаз» каждого спортсмена). Кроме того, в подобных программах можно эффективно использовать визуальные эффекты – подсвечивать траектории движения спортсменов, мяча и т.д.

Применение программного обеспечения позволяет повысить качество и объективность осмотра видеозаписей спортивного соревнования, структурировать полученные данные, делая их максимально простыми для восприятия.

В свою очередь использование компьютерных систем профессиональной спортивной аналитики в процессе расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 253 УК Республики Беларусь, дает возможность оценить действия участников соревнований на основе четких параметров, которые безошибочно подсчитываются программными комплексами. Такими параметрами являются технико-тактические действия спортсменов – важнейшие элементы для конкретного вида спорта, влияющие на итоговый результат соревнования (отборы, передачи, удары, ускорения и т.д.) [2].

Например, при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту подкупа участников матча Кубка Республики Беларусь по футболу, один из задержанных спортсменов, осознавая доказанность факта передачи ему денег третьим лицом после игры, заявил, что их получение не связано с выступлением в матче – он якобы действовал как обычно, никакого негативного влияния на результат не оказал.

Следственным комитетом Республики Беларусь была использована база профессиональной спортивной аналитики InStat, согласно данным которой указанный футболист по итогам матча был одним из худших в команде. Он ни разу не отобрал мяч у соперника, не пробил в створ ворот, передачи отдавал исключительно поперек поля и назад, допустив четыре потери мяча, после одной из которых был пропущен гол. При этом показатели указанного спортсмена в других матчах были в разы выше. На основании приведенных сведений следствием был сделан вывод о том, что действия футболиста в матче не были направлены на обеспечение победы своей команды.

После ознакомления с приведенными выше сведениями подозреваемый полностью признал свою вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 253 УК Республики Беларусь, указав, что в матче действовал умышленно плохо, т.к. условием получения незаконного вознаграждения было обеспечение поражения представляемой им команды [3].

Таким образом, использование специализированного программного обеспечения позволяет повысить качество и объективность анализа событий спортивного соревнования, выявить спортсменов, причастных к противоправным манипуляциям результатами, а также объективно устанавливать качественные и количественные характеристики действий участников соревнования, повлиявших на его итоги.

При выборе конкретной компьютерной системы профессиональной спортивной аналитики, равно как и программы для использования при просмотре видеозаписи спортивного соревнования, следует руководствоваться следующими критериями:

- достоверность информации, получаемой с помощью применяемой программы;
- автоматизированность (программа должна получать как можно больше информации автоматически и использовать как можно меньше сведений посредством «ручного ввода»);
- доступность программного обеспечения к официальному использованию в национальных спортивных федерациях или клубах (командах);
- наглядность программы и формируемых ею материалов;
- русифицированность (при наличии версии программы, переведенной на русский язык, должна использоваться именно она).

### **Библиографический список**

1. «Глава СК назвал договорные матчи трендом последних лет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belnovosti.by/sport/glava-sk-nazval-dogovornye-matchi-trendom-poslednih-let>. – Дата доступа: 21.11.2020.
2. Абдуллин, Р.Р., Садриев, А.Р. Техничко-тактическая подготовка в командных спортивных играх // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 10. – С. 53.
3. Архив суда Московского района г. Минска за 2020 г. – Уголовное дело № 1-109/2020.

## **НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧЕЛОВЕКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**С.Ю. Ревтова**

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Вопросы нравственности влияния, воздействия одним человеком на другого обычно возникают в правовой сфере, особенно когда речь идет о взаимоотношениях должностного лица правоохранительных органов и обычного гражданина. Но прежде чем начать разговор об этике воздействия одного человека на другого, следует понять, почему вообще возникает такой вопрос. При любом общении двух людей между собой, каждый из них играет свою роль. У каждого имеется свой опыт, свои переживания и свои представления об окружающем нас мире, которые могут быть отличными от других. А значит, каждый из нас имеет возможность поделиться своими мыслями, чувствами, каждым принятым нами решением. Мы любим информировать других и делиться с ними своими знаниями. Это приносит нам особое удовлетворение. И каждый раз, когда мы делимся своими мыслями и знаниями, мы стремимся влиять на других. Каждый раз, когда мы делимся своими суждениями, мы оперируем к своим представлениям и умозаключениям. Так устроен человек. Иногда мы даже не замечаем, как мы

убедили кого-то в том, во что верим сами. Точно также, нас в чем то убеждают другие. Когда мы не соглашались с чьим-то мнением, мы протестуем. Этот процесс вечен и постоянен. И в этом процессе, если вы хотите быть культурным человеком и строить гармоничные отношения с себе подобными, вопросы этики всегда выступают на первое место.

Когда же речь идет о судебной и прокурорско-следственной этики, то возникает вопрос об этичности взаимодействия и воздействия на свидетеля, подозреваемого, обвиняемого в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальное законодательство уделяет много внимания на недопущение должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, нарушения законных интересов всех участников уголовного процесса и особенно подозреваемого и обвиняемого. Это связано с тем, что именно в рамках уголовного процесса эти лица ограничены в своих законных правах. Все ограничения их гражданских прав и прав, которыми они наделяются в уголовном процессе, четко прописаны в законе. Закон говорит и об основных этических требованиях, которые предъявляются к должностным лицам уголовного процесса. С их стороны недопустимы оскорбления, действия унижающие честь и достоинства гражданина. Должностное лицо в работе с гражданами должно проявлять терпение, вежливость, тактичность, доброжелательность и уважение [1 с. 320]. И с этим никто спорить не будет. На наш взгляд, эти положения и не требуют дополнительного рассмотрения

Зачастую возникает вопрос о допустимости, в рамках уголовного процессе, воздействия на свидетеля, подозреваемого, обвиняемого в ходе проведения отдельных следственных действий и в ходе судебного разбирательства. Так, иногда приходится слышать, как адвокаты (защитник) на предварительном следствии заявляют, что следователь не имеет права в ходе допроса воздействовать на их подзащитного, особенно, когда речь идет о несовершеннолетнем лице. Бытует мнение, что законодатель ввел в закон положение о том, что допрос несовершеннолетнего лица должен проводиться в присутствии третьих лиц, таких как законный представитель, педагог или психолог, защитник, с целью предотвратить возможное воздействие следователя на допрашиваемого.

По нашему мнению – это глубокое заблуждение. Роль указанных лиц в уголовном процессе состоит в ином. Присутствие законного представителя несовершеннолетнего при проведении следственного действия предусмотрено для того, чтобы законный представитель мог убедиться, что ничего противозаконного в отношении его ребенка на следственном действии не совершалось. Присутствие педагога или психолога при проведении допроса несовершеннолетнего предусмотрено законом с целью оказания помощи следователю в случаях, если следователь испытывает затруднения при установлении с несовершеннолетним психологического контакта. Защитник присутствует в уголовном процессе для оказания юридической помощи подозреваемому и обвиняемому. Никто из указанных лиц, не может

вмешиваться в проведение следственного действия. Все несогласия с проведением следственного действия данные лица могут разрешать через заявление следователю ходатайств и обжалованием действий следователя вышестоящему начальнику или прокурору. В то же время следователь, прокурор и суд обязаны допросить этих лиц, получить достоверную информацию и в ходе общения повлиять на этих лиц, чтобы последние смогли понять противозаконность своих действий, осознать свою вину и встали на путь исправления. Таким образом, следователь, прокурор и суд всегда оказывают влияние на других лиц при осуществлении своих профессиональных обязанностей. Осуществление этих обязанностей просто не возможно, их работа теряет свой смысл без оказания должного воздействия на граждан.

Прежде, чем рассматривать вопросы этики воздействия и влияния в профессиональной работы следователя, прокурора и судьи, необходимо четко определиться с понятием и сущностью любого воздействия.

Влияние – это процесс или результат изменения индивидом или группой людей мнения, установок, ценностей и поведения отдельных индивидов или групп людей [2].

Манипуляция - вид психологического воздействия, используемого для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения партнера по общению к совершению определенных [3, с. 318].

Как уже было сказано, мы все при общении с другими людьми, хотим этого или не хотим, оказываем на них влияние. При этом мы может специально ставить перед собой такую цель или не ставить ее. Кто-то преуспевает в этом в большей степени, кто-то в меньшей. На нас, в свою очередь, оказывают влияние другие люди. Поэтому говорить о том, что следователь не должен оказывать на участников уголовного процесса влияния, безграмотно. Он влияет всегда более профессионально или менее.

Первая задача, которая стоит перед следователем при общении с участниками уголовного процесса – это собрать доказательства: наличие самого преступного события, виновности или невиновности подозреваемых и обвиняемых, собрать другую необходимую информацию, чтобы материалы уголовного дела можно было направить в суд для рассмотрения его по существу. Сделать эту работу качественно можно только, оказывая определенное воздействие на свидетелей, подозреваемого и обвиняемого. Вторая задача, которая стоит перед следователем при расследовании преступления – это оказать на подозреваемого, обвиняемого воздействие воспитательного характера. Следователь должен приложить максимум усилий, чтобы лицо, совершившее преступление, еще на предварительном следствии встало на путь исправления/

А вот третьей задачей любого следователя, который считает себя профессионалом, является - вести следствие в рамках этических норм. Внутренняя мораль и нравственность его действий должны быть на первом плане. Этому будут способствовать знания искусства влияния на человека.

Методы влияния, основанные на нравственности, уже разработаны психологами, и позволяют работать с наибольшей эффективностью.

Если придерживаться этих правил, ваше воздействие на человека будет эффективным и нравственным, так как вы достигаете результата, который выгоден не только вам, как должностному лицу правоохранительных органов, но и тому с кем вы работаете.

### **Библиографический список**

1. Кот, Я.И. Юридическая этика. Сборник нормативно-правовых документов / Я.И. Кот. – Минск: Харвест, 2013. – 320с
2. Свенцицкий, А.Л. Краткий психологический словарь /А.Л. Свенцицкий. – Москва: Проспект, 2018. – 512 с.
3. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции. – М.: ЧеРо, 2004.-318 с.

## **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ**

**Е.А. Реутская**

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии  
Академии МВД Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук*

Исследование системы наказаний является одним из актуальных направлений в теории уголовного права в современных тенденциях депенализации уголовного закона. Под системой наказаний следует понимать исчерпывающий перечень видов наказаний, иерархически расположенных в зависимости от их степени строгости и характера карательного воздействия. Каждое из входящих в систему наказаний представляет собой научный интерес ввиду того, что наказания выражают негативную реакцию государства на совершенное преступление, способствуют восстановлению социальной справедливости, общей и частной превенции, задают вектор уголовно-правовой политики.

Закрепление в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) системы наказаний имеет большое значение для единообразного формирования судебной практики. В настоящее время конструкция санкций статей Особенной части УК включает от двух до шести основных видов наказаний из десяти видов, закрепленных в ч. 1 ст. 48 УК, что, на наш взгляд, является избыточным. В разное время учеными уже была озвучена эта проблема и предложено решение: включать в конструкцию санкции половину от общего количества основных видов наказаний [1, с. 166; 2, с. 10]. Полагаем, что предложение о включении в санкцию статьи половины наказаний не решит проблему одновременного наличия в конструкции санкции значительно различающихся по строгости и характеру карательного воздействия видов наказаний (общественных работ, исправительных работ наряду с лишением свободы), как

и проблему включения в санкцию статьи схожих по степени карательного воздействия наказаний.

В целях совершенствования системы санкций, содержащихся в УК, полагаем необходимым поэтапно сократить количество основных видов наказаний в конструкции санкции. Уменьшение количества основных видов наказаний позволит решить проблему наличия в конструкции санкции наказаний с различным по строгости карательным потенциалом (например, общественных работ и лишения свободы как в ст.ст. 174, 175, 205, 206 УК и др.), одновременное включение которых в конструкцию одной и той же санкции нежелательно. Наличие в санкции статьи одного из мягких наказаний и самого строгого указывает на то, что законодатель не в полной мере осознает характер карательного воздействия и сочетаемость отдельных видов наказаний.

Сущность наказания состоит в лишении или ограничении законных прав и свобод лица, совершившего общественно-опасное деяние, содержащее все признаки состава преступления, в различном объеме, который зависит от степени строгости и характера карательного воздействия каждого наказания. Некоторые наказания, содержащиеся в ст. 48 УК имеют схожий объем правоограничений, что позволяет внести предложение о необходимости их систематизации путем объединения в группы в зависимости от степени строгости и характера карательного воздействия, что будет первым этапом в сокращении количества основных видов наказаний в конструкции уголовно-правовой санкции. На основании указанного критерия основные виды наказаний можно условно разделить на следующие группы:

1) не связанные с изоляцией от общества и предполагающие финансовые потери, включая полное или частичное неполучение материальных благ за выполнение определенных работ, услуг: общественные работы; штраф; исправительные работы; ограничение по военной службе;

2) не связанные с изоляцией от общества и предполагающие некоторые ограничения прав: лишение права занимать определенные должности; лишение права заниматься определенной деятельностью;

3) связанные с изоляцией от общества: арест; ограничение свободы; лишение свободы; пожизненное заключение;

4) смертная казнь (до ее отмены).

Полагаем, в санкции может быть представлено не более чем по одному наказанию от каждой группы, что позволит оптимизировать ее конструкцию и одновременно учесть схожесть карательного потенциала видов наказаний в рамках одной группы, исключив их дублирование. Следовательно, оптимальная конструкция санкции должна включать не более трети основных видов наказаний, которые будут отражать суть каждой группы. Последующее изучение и обобщение правоприменительной практики позволит обосновать необходимость во втором этапе совершенствования системы наказаний путем исключения отдельных видов из ч. 1 ст. 48 УК. Изменение структуры относительно-определенных санкций путем поэтапного сокращения основных

видов наказаний позволит упорядочить судебное усмотрение при назначении уголовного наказания и привести к единообразию судебной практики. В научной литературе высказывается точка зрения о том, что существование большого количества наказаний позволяет суду индивидуализировать наказание за совершение определенного деяния, однако разобщенность судебной практики, когда за схожие преступления назначаются различные по строгости наказания, свидетельствует об обратном. Конечно, речь идет не об установлении в УК единичных без альтернативных санкций, а об исключении излишней неопределенности и широты содержания уголовно-правовой санкции.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что система наказаний, закрепленная в УК, нуждается в совершенствовании путем поэтапного сокращения основных видов наказаний, что будет способствовать единообразию правоприменительной практики в области определения вида и размера наказания.

### **Библиографический список**

1. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. М. :ВолтерсКлувер, 2009. – 608 с.
2. Карипова, А.Т. Механизм построения санкций уголовно-правовых норм законодательства Республики Казахстан в зависимости от степени тяжести преступных деяний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Т. Карипова ; Караганд.юрид. Ин-т МВД РК им. БаримбекаБейсенова. – Астана, 2010. – 34 с.

## **ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Ю.Е. Руденя**

*помощник прокурора Фрунзенского района г. Минска*

Важность правильного установления уголовной противоправности уклонения от уплаты налогов обуславливает актуальность качества системного взаимодействия уголовного, налогового и иного законодательства о противодействии уклонению от уплаты сумм налогов, сборов.

Такое взаимодействие проявляется, во-первых, в своевременном выявлении и пресечении фактов незаконной налоговой экономии и привлечении виновных лиц к установленным законодательством мерам юридической ответственности; во-вторых, при привлечении виновных лиц к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов сделан акцент на необходимости правильного применения дефиниций норм налогового законодательства как в целях обеспечения законности в ходе реализации мер



уголовной ответственности, так и в целях соблюдения прав граждан не только как налогоплательщиков, но и в ряде случаев, как обвиняемых.

После отмены Указа Президента Республики Беларусь от 23.10.2012 № 488 «О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств» (далее – Указ № 488), который непосредственно стоял на заслоне борьбы с лжепредпринимательством, в п. 4 ст. 33 НК заложен правовой механизм противодействия незаконной налоговой минимизации как в целом, так и посредством использования лжепредпринимательских структур, в частности, посредством включения в данную норму такого основания для корректировки налогового обязательства, как отсутствие реальности совершения хозяйственной операции (абз. 4 п. 4 ст. 33 НК) [1].

Стратегия противоправной минимизации налоговых обязательств в результате взаимодействия со лжеструктурами заключается в оформлении фиктивной документации на не существовавшие в реальности хозяйственные операции, в результате чего в данные налогового учёта вносятся ложные сведения. Впоследствии происходит сокрытие, занижение налоговой базы и неполное исполнение налоговой обязанности, из-за чего имеет место неуплата либо неполная уплата налога на прибыль, НДС, ряда иных налогов и сборов, чем причиняется государству ущерб в крупном либо особо крупном размере. Значительность сокрытых в структуре теневой экономики денежных средств в результате недоплаченных сумм налогов при использовании лжепредпринимательских структур, невозможность, в ряде случаев, в установленном законом порядке доказать ключевые эпизоды, входящие в предмет доказывания по уголовному делу данной категории (например, единый умысел на причинение ущерба по разным эпизодам), обуславливают общественную опасность уклонения от уплаты налогов, совершаемого таким путём.

Эффективность реализации целей уголовной ответственности напрямую зависит от действенности норм налогового и иного законодательства, устанавливающего меры противодействия незаконной налоговой минимизации, определяющего критерии правомерности и экономической обоснованности налогового планирования, результативности механизма налогового контроля и учёта дохода и имущества граждан.

Стоит отметить, что по анализируемой категории уголовных дел в суде подлежит установлению виновность лица в противоправном неисполнении налогового обязательства в установленный срок, а не его недобросовестность как оценочная с точки зрения применения норм НК категория, а при наличии спора, устанавливаемая в рамках процедуры экономического судопроизводства [2, с. 5].

Специфика системного взаимодействия Закона Республики Беларусь от 01.04.2003 №174-З «О декларировании физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов» и норм уголовного закона обуславливает особенности уголовно-правовой квалификации способы

уклонения от уплаты в установленный срок по требованию налоговых органов подоходного налога посредством выявления фактов его занижения при начислении вознаграждения по трудовому либо гражданско-правовому договору за выполненные работы (услуги), а также при выявлении фактов незаконной минимизации подоходного налога, вследствие сокрытия источников дохода при установлении документально неподтверждённых обстоятельств превышения расходов над доходами граждан.

Так, установление фактов сокрытия либо занижения налоговой базы по подоходному налогу как обязательных элементов объективной стороны уклонения от уплаты налогов, предусмотренного ст. 243 УК, обуславливает и круг обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам об уклонении от платы налогов. В указанном случае проблема заключается в том, что презумпция облагаемости дохода неизвестного происхождения, фактически установленная Законом №174-З, не может быть положена в основу вины налогоплательщика. Ведь в уголовном законе действует принцип невиновности лица, предусматривающий обязанность органа, ведущего уголовный процесс, доказать, прежде всего, наличие противоправного сокрытия налогооблагаемого дохода

Общественная опасность преступлений, связанных с противоправной минимизацией НДС, заключается в том, что, при наличии определённых условий, может иметь место как уклонение от его уплаты, так и имущественное посягательство на бюджетные средства.

Установление элементов объективной стороны уголовно-наказуемой минимизации НДС состоит в прямой зависимости от установления факта нарушения конкретных норм налогового законодательства, регламентирующих порядок его исчисления и уплаты [3, с. 117].

Так, в случае предъявления незаконного требования о возмещении НДС у плательщика налогов возникает формальное право требования имущества из бюджета. Однако, возмещение НДС путем зачёта по налогам, сборам не предполагает сокрытие или занижение налоговой базы, происходит лишь внесение недостоверных сведений в данные налогового учёта, при этом налоговая база в сторону уменьшения не корректируется и не скрывается. Таким образом, принимая во внимание тот факт, что внесение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений является частным случаем сокрытия либо занижения налоговой базы, уголовная противоправность возмещения НДС при действующей конструкции состава уголовно-наказуемого уклонения от уплаты налогов в указанном случае не может считаться установленной.

В целом механизм уклонения от уплаты НДС характеризуется сложностью его выявления, обусловлен многошаговой, разветвлённой и крайне конспиративной «методологической» основой. Он включает в себя подготовительные действия, реализацию преступного умысла путём представления в налоговый орган декларации по НДС, заявления о возмещении вычетов по нему и иных документов, принятие налоговым органом решения о

возмещении (путём зачёта или зачисления средств на счёт), перечисление денежных средств на расчётный счет налогоплательщика, а также распределение похищенных средств между соучастниками.

В настоящее время необходима комплексная корректировка ст. 243 УК, которая должна позволить:

1) уйти от необходимости привлечения к уголовной ответственности исключительно лиц, обладающих признаками специального субъекта, когда в ряде случаев, фактические непосредственные руководители (применительно к противоправной минимизации налогов, уплачиваемых организациями) либо работники организаций (касательно противоправной минимизации подоходного налога с дохода от трудовой деятельности) избегают как уголовной, так и иной ответственности, вследствие несовершенства законодательной конструкции составов противоправных деяний в сфере налогообложения;

2) разрешить проблему открытости перечня криминализированных, в соответствии со ст. 243 УК, способов уклонения от уплаты налогов, дабы не допускать излишне «узкую» трактовку объективных признаков состава преступления, возникающую в судебной практике; криминализировать недобросовестную налоговую минимизацию, основанную не только на преступном сокрытии либо занижении налоговой базы при внесении недостоверных сведений в данные налогового учёта, но и заключающуюся в умышленном неисполнении требования налогового органа в тех случаях, когда недобросовестность налоговой минимизации обусловлена отсутствием деловой цели при совершении хозяйственной операции, хотя бы умышленное искажение налоговой базы и не имело бы место; придать уголовную противоправность возмещению НДС путем зачёта по налогам, сборам при внесении заведомо ложных сведений в данные налогового учёта, но при формальном отсутствии фактов сокрытия либо занижения налоговой базы;

3) обеспечить неизбежность уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты налогов с использованием лжепредпринимательских субъектов, независимо от факта причинения ущерба. Данную меру предложено осуществить посредством криминализации данного признака в ч. 2 ст. 243 УК по критерию общественной опасности самого способа уклонения от уплаты налогов (в виде формального состава преступления). Это, соответственно, необходимо в целях сужения предмета доказывания, а значит, для исключения необходимости установления в данном случае факта причинения ущерба, в том числе единого умысла на его причинение при наличии нескольких эпизодов противоправного деяния, что в настоящей судебной практике вызывает сложности при привлечении виновных лиц к уголовной ответственности;

4) более полно реализовать принцип неотвратимости от уголовной ответственности. Так, «лжепредприниматели» должны нести ответственность не только за уклонение от уплаты налогов, но и за фактически незаконную предпринимательскую деятельность. Предложенные изменения предполагают

исключение необходимости дополнительной квалификации действий, направленных на незаконную минимизацию сумм налоговых обязательств с помощью лжепредпринимателей, по иным статьям УК (например, по ст. 380 УК), которые, тем не менее, требуют уголовно-правовой оценки, ввиду невозможности связать соответствующие действия с прямым умыслом на уклонение от уплаты налогов. Это обусловлено тем, что соответствующий признак в качестве способа уклонения от уплаты налогов охватывал бы как создание лжепредпринимательского субъекта, так и изготовление, подготовку, сбыт подложных документов первичного учёта именно в рамках процесса по незаконной налоговой минимизации.

### **Библиографический список**

1. Звороно, Н.Ф. Перерождение Указа № 488. Что ждёт бизнес с принятием новой редакции НК [Электронный ресурс] / Н.Ф. Звороно // Neg.by – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/pererozhdenie-ukaza-No-488>. – Дата доступа: 31.10.2020.
2. Дубай, С.И. Доказательства и доказывание по делам об оспаривании решений налоговых и иных органов, связанных с применением налогового законодательства / С.И. Дубай // Законность и правопорядок / Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Минск, 2020. – № 1. – С. 44-50.
3. Данилова, Н.А. Налог на добавленную стоимость. Механизм преступления и его выявление / Н.А. Данилова [и др.] : под общ.ред. С.Г. Евдокимова. – Москва : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2013. – 98 с.

## **ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА**

**А.В. Рыбак**

*эксперт Московского (г. Минска) районного отдела  
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь*

В основе экспертной деятельности, как вида познавательной деятельности, первоочередно лежит принцип достоверности. Знание, полученное в результате экспертной деятельности должно объективно отражать действительность и быть безошибочным. В профессиональной деятельности экспертов, как и в иной познавательной деятельности, существует вероятность допущения ошибки. Ошибки, допущенные в экспертной деятельности, могут вести к существенным последствиям для уголовного, гражданского, хозяйственного и административного процессов, а также интересов заинтересованных в результатах экспертной деятельности физических лиц.

Проблема экспертных ошибок изучалась довольно большим количеством ученых. Среди них Г.Л. Грановский, Р.С. Белкин, А.А. Аубакирова,

Е.Р. Россинская, И.Я. Моисеенко, Н.А. Палиашвили, Н.П. Майлис, И.Н. Сорокотягин, В.В. Бушуев и др.

В настоящее время значение термина «экспертная ошибка» недостаточно изучено, существующие определения единичны, а подходы к определению экспертных ошибок в различных литературных источниках расходятся, что свидетельствует об отсутствии единого мнения среди авторов.

Необходимо обратить внимание на определение экспертной ошибки, предложенное А.А. Аубакировой, которое, на наш взгляд, достаточно объективно отражает ее значение. А.А. Аубакирова считает, что под интеллектуальной ошибкой эксперта (данный автор использует термин «интеллектуальная ошибка эксперта», обращая внимание на то, что за основу следует взять мыслительную деятельность эксперта, так как особое внимание уделено именно критерию непреднамеренности ошибки) следует понимать непреднамеренное неверное суждение (умозаключение) или действие эксперта при установлении фактических данных в процессе исследования объектов и оценки результатов, а также нарушение уголовно-процессуального закона, способные привести к неверному решению, не обеспечивающему полноту, объективность и всесторонность проведенного исследования [1, с. 75].

Основываясь на анализе определений экспертных ошибок, содержащихся в литературе, на присущих им признаках, а также современной экспертной практике, считаем возможным определять термин «экспертная ошибка» в широком и узком значениях.

В широком значении экспертная ошибка - неверное суждение или действие эксперта, как должностного лица, при осуществлении своих должностных обязанностей, в результате добросовестного заблуждения, выразившееся в нарушении нормативных актов, законов и правил логики, неправильном представлении об отношениях предметов объективной реальности, использовании методов и средств и иных нарушениях, способных привести к негативным последствиям.

В узком значении экспертная ошибка – неверное суждение или действие эксперта при проведении экспертного исследования, в результате добросовестного заблуждения, выразившееся в нарушении процессуального режима, законов и правил логики, неправильном представлении об отношениях предметов объективной реальности, использовании методов и средств и иных нарушениях, способных привести к недопустимому, недостоверному, неотнормированному или недостаточному результату экспертного исследования, а также иным негативным последствиям.

Понять сущность экспертных ошибок наиболее полно представляется возможным приведя их классификацию по различным основаниям. Однако, изучение вопроса классификации экспертных ошибок учеными имеет довольно одностороннюю направленность.

Так в криминалистической энциклопедии указывается, что экспертные ошибки неоднородны и могут быть разделены на три класса: 1) ошибки

процессуального характера; 2) гносеологические ошибки; 3) деятельностные (операциональные) ошибки.

Ошибки процессуального характера заключаются в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры производства экспертизы: выход эксперта за пределы своей компетенции, выражение инициативы экспертной в непредусмотренных законом формах, несоблюдение по незнанию процессуальных требований к заключению эксперта (в т.ч. отсутствие в заключении необходимых по закону реквизитов, обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела и др.).

Гносеологические ошибки могут быть допущены при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертизы, отношений между ними, а также при оценке результатов познания, итогов экспертного исследования.

Деятельностные (операциональные) ошибки связаны с осуществляемыми экспертом операциями (процедурами) и могут заключаться в нарушении предписанной последовательности этих процедур, в неправильном использовании средств исследования или использовании непригодных средств, в получении некачественного сравнительного материала и т.п. [2, с. 154].

Экспертные ошибки большинством авторов рассматриваются исходя из основания характеристики сторон процесса исследования. Иным основаниям классификации экспертных ошибок уделено меньше внимания.

Исходя из отсутствия единой классификации экспертных ошибок по всем необходимым основаниям, предлагаем наиболее точную и полную классификацию по следующим основаниям:

по основанию характеристики сторон процесса исследования:

- процессуальные ошибки;
- гносеологические ошибки:
  - логические гносеологические ошибки;
  - фактические гносеологические ошибки;
- деятельностные (операционные) ошибки:
  - тактические деятельностные ошибки;
  - технологические (технические) деятельностные ошибки.

по виду задачи экспертного исследования:

- общие ошибки;
- частные ошибки.

3. по влиянию на вывод экспертного исследования:

- существенные ошибки;
- несущественные ошибки.

4. по виду деятельности и правовому статусу эксперта, их допустившего:

- ошибки допущенные экспертом в правовом статусе эксперта,
- ошибки допущенные экспертом в правовом статусе специалиста;
- ошибки допущенные экспертом при осуществлении иной деятельности.

5. по характеру причин экспертных ошибок:

- субъективные;

-объективные.

Экспертные ошибки отрицательно влияют как на качество расследования уголовных дел, так и на правильность гражданско-правовой и административной оценки. Ввиду систематического допущения экспертных ошибок при проведении экспертиз, данная проблема требует поиска путей ее решения и внедрения их в экспертно-практическую деятельность.

Так, активно предпринимаются меры по своевременному обнаружению экспертных ошибок. Однако их обнаружение является лишь средством недопущения дальнейших последствий экспертных ошибок. Изучив природу экспертных ошибок, выявив процессуальные, гносеологические и деятельностные закономерности их совершения, всесторонне ознакомившись с практикой их обнаружения и разработав на этой основе действенный механизм предупреждения экспертных ошибок, судебная экспертиза обеспечит максимальную достоверность выводов эксперта при проведении экспертизы. Таким образом, разработка эффективной системы предупреждения экспертных ошибок является необходимой задачей теории судебной экспертизы.

#### **Библиографический список**

1. Аубакирова, А.А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения / А.А.Аубакирова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 178 с.
2. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – Изд. 2-е. М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

### **НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСПРАВЛЯЕМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЕЛЫ**

**С.В. Рыбак**

*заведующий кафедрой уголовного права и процесса  
ЧУО «БИП-Институт правоведения»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Начальник следственного подразделения – самостоятельный участник уголовного процесса. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) относит начальника следственного подразделения к классификационной группе государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Одноименную функцию в уголовном процессе и реализует начальник следственного подразделения. Однако его сфера деятельности этим не ограничивается. Осуществляя по должности функцию процессуального контроля, должностное лицо следственного органа (руководитель любого уровня) активно вторгается в уголовно-процессуальную деятельность, давая повод отдельным ученым говорить о реализации им аналогичной функции уже в самом уголовном

процессе [1]. Анализ содержания прав и обязанностей начальника следственного подразделения, регламентированных УПК, заставляет во многом солидаризироваться с высказанной выше позицией. Так или иначе, начальник следственного подразделения напрямую оказывает влияние на успех в реализации задач уголовного процесса. В этой связи его процессуальный статус нуждается в особом внимании со стороны законодателя.

В соответствии с п. 15 ст. 6 УПК «начальник следственного подразделения – Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, начальник следственного управления, начальник следственного отдела или отделения, а также иного подразделения органа предварительного следствия, в ведении которого находятся вопросы предварительного следствия, и их заместители» [2].

Нетрудно заметить, что законодатель формулирует определение начальника следственного подразделения посредством перечисления должностей в следственных органах, при занятии которых лица могут приобрести названный процессуальный статус. Аналогичным образом законодатель поступает и с конструкцией дефиниции прокурора, судьи и т.д. Стоит признать подобный способ формулировки определения участника уголовного процесса не в полной мере удачным не только по структуре, но и по содержанию.

Очевидно, что при занятии всех перечисленных в обозначенном выше определении должностей лицо может стать начальником следственного подразделения по конкретным материалам или уголовному делу при условии, что в ходе выполнения своих должностных (профессиональных) обязанностей оно вступит в процесс, т.е. будет совершать в нем какие-либо действия или принимать решения. В этом случае следует говорить о реализации прав и выполнении обязанностей не должностным лицом, а участником уголовного процесса. До тех пор, пока лицо не имеет отношения к материалам и уголовному делу – оно не является уголовно-процессуальной фигурой. Это по аналогии со следователем. Ведь следователей в следственном отделе может работать 10, 20 и более. Но это лишь лица, занимающие штатные должности. И только тот из них, кто примет к своему производству уголовное дело, будет наделен одноименным процессуальным статусом. Он может быть по должности и старшим следователем, и старшим следователем по особо важным делам, и начальником отдела. Но при принятии уголовного дела к своему производству процессуальный статус один для всех должностей – следователь. Процессуальный статус указывает на отношение той или иной фигуры к конкретным материалам проверки или уголовному делу. Такая же ситуация и с начальником следственного подразделения. В п. 15 ст. 6 УПК перечислены должности. Но занять любую из них мало для наделения процессуальным статусом. Только лишь при вступлении в уголовный процесс по конкретному уголовному делу (материалам проверки) это должностное лицо приобретает статус начальника следственного подразделения. Подчеркнем еще раз – статус



приобретается в рамках конкретных материалов проверки или уголовного дела. Думается, в определении начальника следственного подразделения законодательству следовало бы использовать указание на это.

Не менее уязвимым с точки зрения обоснованной критики процессуальный статус начальника следственного подразделения делает и употребление законодателем слов «в ведении которого находятся». Что означает нахождение в ведении того или иного лица? Если трактовать это лишь как возможность лица совершать какие-либо процессуальные действия и принимать решения по конкретным материалам или уголовному делу, то выкристаллизовывается трудноразрешимая проблема. Так, начальник следственного отдела может дать указания следователю по уголовному делу (п. 4 ч. 2 ст. 35 УПК). Он, несомненно, обладает процессуальным статусом начальника следственного подразделения. Следователь наделен правом обжаловать эти указания (ч. 4 ст. 36 УПК) вышестоящему руководителю – начальнику следственного управления. Значит и тот, исходя из смысла п. 15 ст. 6 УПК, пребывает в статусе начальника следственного подразделения. Таким образом, у нас в деле участвует одновременно 2 разных начальника следственного подразделения. Если продолжать логически выстраивать цепочку, то их может оказаться и три и четыре. Очевидно, такого быть не должно. Их процессуальный статус обязан не только отличаться по содержанию, но и иметь разные наименования.

Немного упростит ситуацию придание словам «в ведении которого находятся» смысла обязательного вступления участника в уголовный процесс путем совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. В этом случае до тех пор, пока следователь не решит обжаловать указания начальника отдела вышестоящему начальнику (начальнику управления), в деле будет только один начальник следственного подразделения.

Предположим, что все-таки обжалование состоялось. Или начальник следственного управления другим путем вовлечен (вступил) в уголовный процесс. Каким образом его статус дифференцировать с начальником следственного подразделения, которым уже является начальник следственного отдела? Более того, проблема имеет и другую сторону. Ведь в процесс может быть вовлечен и заместитель начальника отдела, который, исходя из п. 15 ст. 6 УПК, также наделается статусом начальника следственного подразделения. Очевидно, и его статус требует дифференциации.

Для разрешения указанной задачи предлагаем регламентировать в уголовно-процессуальном законе процессуальные статусы «вышестоящий начальник следственного подразделения» и «нижестоящий начальник следственного подразделения», сформулировав их определение и обозначив базовую совокупность прав и обязанностей. В ряде норм УПК данные выражения используются: нижестоящий начальник следственного подразделения – в п. 11, 15, 16 ст. 35, ч. 4 ст. 36; вышестоящий начальник следственного подразделения – в ч. 4 ст. 35, ч. 4 ст. 36, ч. 1 ст. 139, ч. 4 ст. 173,

ч. 3 ст. 190 и др. Однако в этих нормах речь идет об уровне должности лица, принимающего решения. По должности они все те же начальник следственного управления, начальник следственного отдела.отделения и т.д. Такая же ситуация свойственна и употребляемому выражению «заместитель начальника следственного подразделения» – ч. 3 ст. 190, ч. 2 ст. 249, ч. 2 ст. 253 и т.д. Ведь он также является заместителем начальника управления, отдела, отделения. Все эти должности включены в содержание п. 15 ст. 6 УПК, а лица, их занимающие, в уголовном процессе, согласно этой норме, должны считаться начальником следственного подразделения. При таком подходе использование дефиниций вышестоящий (нижестоящий) начальник следственного подразделения, заместитель начальника следственного подразделения теряет смысл. Проблема нивелируется, когда в процессе появятся одноименные самостоятельные участники производства по материалам и уголовному делу. Тогда можно будет говорить о том, что законодатель указывает не на должности следственных работников, а на их процессуальный статус.

В ч. 2 и ч. 4 ст. 139 УПК употребляется выражение «соответствующий начальник следственного подразделения», а в п. 4 ч. 5 ст. 34 УПК «начальник соответствующего следственного подразделения». Слово «соответствующий» видится в этих нормах лишним, т.к. речь, очевидно, ведется о процессуальной фигуре «начальник следственного подразделения».

Не в полной мере понятна и категория «помощник начальника следственного подразделения», на которую содержит указание п. 9, 15 ч. 2 ст. 35 УПК и ч. 3 ст. 35 УПК. Ввиду того, что должность помощника начальника следственного подразделения не включена в содержание п. 15 ст. 6 УПК, вероятнее всего, декларируется существование самостоятельного участника уголовного процесса. Однако, его статус требует базовой конкретизации (закрепления определения, регламентации прав и обязанностей).

Нельзя не обратить внимание еще на один недостаток, допущенный законодателем в рассматриваемой области правоотношений. В п. 15 ст. 6 УПК начальник следственного подразделения позиционируется как процессуальная фигура, принимающая участие исключительно в предварительном следствии. В то же время правомочиями данного участника уголовного процесса в соответствии со ст. 35 УПК являются: возбуждение уголовных дел; проверка материалов по заявлениям или сообщениям о преступлении, находящимся на рассмотрении у следователя; направление и возврат органам дознания для проведения проверки заявления или сообщения о преступлении, не содержащего достаточных данных, указывающих на признаки преступления; личное рассмотрение заявления или сообщения о преступлении и принятие по нему решения и др. Все эти действия совершаются, а решения принимаются на стадии возбуждения уголовного дела и не имеют отношения к производству предварительного следствия. Соответственно, п. 15 ст. 6 УПК нуждается в терминологической корректировке.

Для нивелирования обозначенных недостатков предлагаем:

1) Пункт 15 ст. 6 УПК изложить в следующей редакции «15) начальник следственного подразделения – Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, начальник следственного управления, начальник следственного отдела или отделения, а также иного подразделения органа предварительного следствия (их заместители), вступивший в уголовный процесс по конкретным материалам или уголовному делу;»;

2) Дополнить ст. 6 УПК п. 15-1 следующего содержания: «15-1) вышестоящий начальник следственного подразделения – должностное лицо органа предварительного следствия, наделенное правом осуществления процессуального контроля за начальником следственного подразделения и вступившее в уголовный процесс по конкретным материалам или уголовному делу;»;

3) Дополнить ст. 6 УПК п. 15-2 следующего содержания: «15-2) нижестоящий начальник следственного подразделения – должностное лицо органа предварительного следствия, над которым правомочен осуществлять процессуальный контроль начальник следственного подразделения, вступившее в уголовный процесс по конкретным материалам или уголовному делу;»;

4) Дополнить ст. 6 УПК п. 15-3 следующего содержания: «15-3) помощник начальника следственного подразделения – должностное лицо органа предварительного следствия, находящееся в непосредственном подчинении начальника следственного подразделения и вступившее в уголовный процесс по конкретным материалам или уголовному делу для выполнения его указаний;»;

5) Исключить из ч. 2, ч. 4 ст. 139 УПК, п. 4 ч. 5 ст. 34 УПК слово «соответствующий».

### **Библиографический список**

1. Ашитко, В.П. Функция контроля начальника следственного управления в уголовном судопроизводстве: дисс.. канд. юрид. наук: 12.00.09 /В.П. Ашитко. – М., 1996. – 266 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.; в ред. закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 № 171-З // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ РАБОТЫ С КАДРАМИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**О.З. Рыбаключева**

*доцент кафедры уголовного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Реализация государственной кадровой политики, как правило, рассматривается в социологической науке. Юридическая наука, в частности административное право, в меньшей степени исследует основы кадровой политики и процессы ее реализации, тем более в рамках отдельного ведомства. Вместе с тем кадровая политика в системе государственной службы является самостоятельным институтом административного права и отдельным направлением административно-правовой науки. Несомненно, реализация государственной кадровой политики в органах внутренних дел Республики Беларусь оказывает серьезнейшее влияние на формирование и развитие их кадрового состава и как следствие на эффективность правоохранительной деятельности органов внутренних дел и устойчивое развитие общества в целом.

Определение субъектов и объектов работы с кадрами в органах внутренних дел и характер их взаимодействия – одна из основополагающих проблем современной теории и практики реализации государственной кадровой политики. По мнению Л.В. Вечер, под субъектом государственной кадровой политики (в организационно-управленческом плане) понимается носитель определенных законом полномочий, прав и ответственности в выработке и реализации государственной кадровой политики [1, с. 32].

В свою очередь, законодатель к субъектам государственной кадровой политики относит государственные органы, являющиеся носителями определенной законодательством компетенции в системе государственного управления [2], в связи с чем можно утверждать, что главным субъектом государственной кадровой политики выступает государство, именно оно в значительной степени формирует ее. При этом одной из особенностей современной государственной кадровой политики является ее многосубъектность, когда субъект государственной кадровой политики является не только носителем установленных законом прав, компетенции и ответственности в сфере разработки и реализации государственной кадровой политики, но и активным участником кадровых процессов и отношений.

Систему субъектов работы с кадрами в органах внутренних дел образуют органы государственной власти общей компетенции, а также специализированные органы. Каждому субъекту соответствует свой круг полномочий, определяемых его правовым и должностным статусом, а также свои границы кадрового воздействия на объект. Причем объем правовой и управленческой субъективности у субъектов различных уровней управления отличается. Необходимо отметить, что для органов внутренних дел характерны

субъективно-объективные отношения, когда кадровые службы отдельного подразделения центрального аппарата МВД или центрального подчинения (департамента, управления, учреждения образования) являются одновременно объектом для вышестоящего субъекта (руководителя, кадровой службы) и субъектом для нижестоящих сотрудников.

Общими субъектами работы с кадрами в органах внутренних дел являются: Президент Республики Беларусь (определяет цели и основные направления государственной кадровой политики в целом, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти в работе с кадрами); Национальное собрание Республики Беларусь (осуществляет законодательное регулирование кадровой политики в государстве, закрепляет ее принципы и контролирует их исполнение) и Правительство Республики Беларусь (несет ответственность за реализацию единой политики в системе органов исполнительной власти).

В число специальных субъектов работы с кадрами в органах внутренних дел входят: Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД), которое осуществляет кадровое обеспечение центрального аппарата, территориальных органов внутренних дел; правовую, социальную защиту и личную безопасность сотрудников органов внутренних дел и членов их семей и т.д., и территориальные органы внутренних дел, их структурные подразделения и должностные лица.

Основным структурным подразделением МВД, осуществляющим реализацию в органах внутренних дел государственной кадровой политики, является главное управление кадров МВД (далее – главное управление кадров).

Главное управление кадров является структурным подразделением центрального аппарата МВД, подчиненным заместителю Министра внутренних дел.

Основными задачами главного управления кадров являются:

разработка и принятие в пределах своей компетенции мер по реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел;

комплексный анализ и прогнозирование кадровой ситуации, выработка управленческих решений, направленных на повышение эффективности кадрового обеспечения органов внутренних дел, развитие и совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей работу с кадрами в органах внутренних дел;

формирование оптимальной организационно-штатной структуры органов внутренних дел, наиболее полно отвечающей современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и другим условиям;

принятие мер по обеспечению органов внутренних дел высококвалифицированными и компетентными кадрами на основе конкурсного отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, непрерывного повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел;

совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для органов внутренних дел в целях обеспечения постоянной готовности органов внутренних дел к выполнению возложенных на них задач;

формирование действенного резерва руководящих кадров органов внутренних дел и планомерная работа с ним;

осуществление контроля за соблюдением законодательства о труде и порядка прохождения службы в органах внутренних дел;

обеспечение учета кадров органов внутренних дел;

методическое руководство кадровыми подразделениями органов внутренних дел [3].

Структурными подразделениями главного управления кадров МВД являются:

управление комплектования главного управления кадров МВД, которое осуществляет управление, координацию и методологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел МВД по вопросам работы с кадрами и прохождения сотрудниками службы (работы) в органах внутренних дел;

управление профессиональной подготовки главного управления кадров МВД, главной задачей которого является проведение государственной кадровой политики в области организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел;

организационно-штатное управление главного управления кадров МВД, на которое возложены организация и контроль за проведением организационно-штатной работы в органах внутренних дел, а также анализ, планирование и контроль деятельности главного управления.

Сегодня в процессе приема на службу в органы внутренних дел (далее – служба), перевода и перемещения по службе, оценке сотрудников органов внутренних дел, профессиональной подготовке задействованы различные подразделения органов внутренних дел: кадровые, идеологические, психологические, службы собственной безопасности, а также медицинские учреждения, учреждения образования (как входящие в систему органов внутренних дел, так и иные) и др. Здесь очень важным является вопрос разграничения функций и компетенций соответствующих подразделений в работе с кадрами.

Деятельность, связанная осуществлением всего комплекса мероприятий по работе с кадрами в органах внутренних дел возлагается на кадровые подразделения (службы). В горрайорганах через это подразделение реализуется кадровая политика, формируются коллективы органов внутренних дел. К сожалению, в деятельности кадровых подразделений (служб), особенно в низовых структурах управления, не в полной мере используются современные технологии кадровой работы. Поэтому в настоящее время МВД большое внимание уделяется вопросам совершенствования работы с кадрами, принимаются соответствующие организационно-правовые меры.

Учитывая различные уровни управления в органах внутренних дел (центральный аппарат МВД, областные управления внутренних дел, районные управления (отделы) внутренних дел, а также подразделения центрального подчинения МВД), возникает необходимость в разработке и внедрении нескольких вариантов структуры кадровых подразделений (служб) в органах внутренних дел, исходя из оптимального объема компетенции, распределения полномочий между структурными подразделениями и сотрудниками. Функции кадровых подразделений должны соответствовать их положению в иерархии уровней управления органами внутренних дел. Для успешного осуществления всех функций необходимо обеспечить профессиональный состав кадров в этих подразделениях. Подбор, воспитание и расстановка кадровых работников занимает приоритетное место в совершенствовании системы кадровой деятельности в органах внутренних дел. Обучение и подготовка специалистов – организаторов кадровой работы, а также в сфере управления кадровой работой является одним из компонентов совершенствования системы управления органами внутренних дел.

#### **Библиографический список**

1. Вечер, Л.В. Государственная кадровая политика и государственная служба : практикум / Л.В. Вечер – Минск : Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 228 с.
2. Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 18.06.2001 № 399 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Об утверждении положений о главном управлении кадров Министерства внутренних дел Республики Беларусь и его структурных подразделениях : приказ Министерства внутренних дел Респ. Беларусь от 27.05.2013, № 215.

# **ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ**

**М.В. Савич**

*начальник кафедры организации предварительного расследования  
УО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров  
Следственного комитета Республики Беларусь»,  
кандидат юридических наук, доцент*

**О.И. Локтевич**

*старший преподаватель  
кафедры организации предварительного расследования  
УО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров  
Следственного комитета Республики Беларусь»*

Деятельность защитника на досудебных стадиях уголовного процесса подвергалась научному исследованию и продолжает изучаться как учеными процессуалистами, криминалистами, так и практическими сотрудниками правоохранительных органов. Обусловлено это тем, что уголовно-процессуальное законодательство во всем мире развивается в направлении расширения права на защиту, благоприятствования защите. В этой связи, в целях определения перспективных направлений совершенствования правового регулирования вопросов, связанных с участием защитника в предварительном расследовании, полагаем целесообразным рассмотреть особенности законодательного регулирования данной проблемы в зарубежных странах.

В данном ключе наибольший научный интерес представляют нормы права, касающиеся понятия «защитник», субъектов, которые могут выступать в качестве защитника, требований, предъявляемых к нему, субъектов, в отношении которых осуществляется защита, оснований вступления защитника в уголовное дело, ситуаций обязательного участия защитника.

В уголовном процессе Республики Беларусь в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 44 УПК Республики Беларусь (далее – УПК) защитником является лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным УПК, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь, а равно осуществляет защиту прав и законных интересов умершего подозреваемого, обвиняемого. В качестве защитников на стадии предварительного расследования могут выступать исключительно адвокаты, являющиеся гражданами Республики Беларусь либо гражданами других государств в соответствии с международными договорами. Например, в соответствии с п. 3 ст. 1 Договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993 года № 2158-ХІІ литовские адвокаты пользуются такими же правами, как и белорусские.



В законодательстве других стран под защитником понимают: лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (Республика Казахстан); адвоката, осуществляющего защиту подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера или решался вопрос об их применении, а также лица, в отношении которого предполагается рассмотрение вопроса о выдаче иностранному государству (экстрадиции) (Украина); лицо, являющееся адвокатом, при этом адвокатом является тот, кто занесен в список коллегии адвокатов (Чехия); адвокатов, которые уполномочены представлять стороны в судебных органах (Швейцария).

В иностранных государствах защитником могут быть иные кроме адвоката субъекты: иное лицо (супруг (супруга) или близкий родственник, опекун, попечитель либо представитель организации, на попечении или иждивении которой находится подзащитный) (Республика Казахстан); адвокат-стажер (Чехия); преподаватели учреждений высшего образования юридического профиля, имеющие квалификацию для занятия должности судьи (Германия); университетские преподаватели уголовного права и уголовного процесса (Австрия).

В качестве требований, предъявляемых к защитнику, дополнительно к закрепленным в УПК указывают: требование иметь безукоризненный моральный облик, оплатить членский взнос, дать клятву «читать право и этику профессии, соблюдать конфиденциальность и хранить достоинство адвокатского сословия» (Чехия); обладать хорошим здоровьем, необходимым для осуществления адвокатской деятельности (Вьетнам).

Субъекты, в отношении которых осуществляется защита. В Республике Беларусь защитник осуществляет защиту прав и законных интересов не только подозреваемого, обвиняемого, как сказано в ч. 1 ст. 44 УПК, но и осужденного, оправданного (ст. 408, 411 УПК), лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости либо заболевшего психической болезнью после совершения преступления, а также к которому применены меры безопасности и лечения (ст. 450 УПК), лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (ст. 509 УПК).

В иностранных государствах защита осуществляется еще и в отношении иных, отличительных от определенных белорусским законодателем субъектов: несовершеннолетних, а также боязливых, некоммуникабельных, находящихся в опасности свидетелей (Германия); пострадавшего, которым считается «любое

физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный ущерб» (Молдова).

Основания вступления защитника в уголовное дело. Согласно ч. 4 и 5 ст. 44 УПК защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента вынесения в отношении лица постановления о возбуждении уголовного дела, а также с момента фактического задержания, применения меры пресечения, признания лица подозреваемым или предъявления обвинения, при этом защитник должен немедленно по принятии на себя защиты уведомить об этом орган, ведущий уголовный процесс.

В качестве оснований для вступления защитника в уголовное дело в иностранных государствах дополнительно указывают: с момента объявления подозреваемому лицу постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения в отношении подозреваемого или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы подозреваемого, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, при этом адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера (Российская Федерация); с момента получения лицом статуса свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, а также в любой последующий момент уголовного процесса (Республика Казахстан); на любой стадии уголовного процесса, необходимо лишь подтвердить свои полномочия путем представления свидетельства о праве на занятие адвокатской должности, а также ордера, договора с защитником или поручения органа (учреждения), уполномоченного законом на предоставление бесплатной юридической помощи (Украина); с момента первого вызова обвиняемого к следственному судье, а далее имеет право участвовать во всех допросах и очных ставках (Франция); с момента возникновения подозрения в совершении преступления (США).

Ситуации обязательного участия защитника. В Республике Беларусь ситуации обязательного участия защитника изложены в ст. 45 УПК (ходатайство подозреваемого, обвиняемого, представителя умершего подозреваемого, обвиняемого; несовершеннолетний возраст подозреваемого, обвиняемого; не владение подозреваемым, обвиняемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу либо его неграмотность; наличие у лица физических или психических недостатков, не позволяющих самостоятельно реализовывать право на защиту; подозрение (обвинение) в совершении особо тяжкого преступления; наличие противоречий между интересами защищаемых лиц, когда хотя бы один из них имеет защитника; если заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве).

К ситуациям обязательного участия защитника в иностранных государствах дополнительно относят ситуации, когда: подозреваемый (обвиняемый) не отказался от защитника; лицо принудительно направлено на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу; участвует представитель

потерпевшего; лицо находится вне пределов страны и уклоняется от явки; подозреваемый заявил ходатайство о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме; предусматривается применение принудительных мер воспитательного или медицинского характера или решается вопрос об их применении; предыдущий защитник исключен из участия; лицо лишено дееспособности или его правоспособность ограничена; проводится разбирательство в отношении беженца; ведутся переговоры, касающиеся заключения соглашения о виновности и наказании.

Указанные положения и проработка обозначенных вопросов участия защитника в предварительном расследовании требуют отдельного научного исследования. Вместе с тем, опыт иностранных государств может рассматриваться при определении перспективных направлений совершенствования правового регулирования.

В качестве данных направлений нами определены:

предоставление права выступать в качестве защитника иным кроме адвоката субъектам;

совершенствование действующего законодательства в части конкретизации условий вступления защитника в уголовное дело;

расширение перечня ситуаций, в которых участие защитника обязательно.

### **Библиографический список**

1. Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ РИ). Собр. 1. – Т. 5. – СПб.: тип. СЕИК II, 1830. – № 3006.
2. Загоскин, Н.П. Врачебное дело в старинной России. – Казань: Универ. тип., 1891.
3. Договор («правда») Смоленска с Ригию и Готским берегом // Памятники русского права. – Вып. 2. – М.: Госюриздат, 1953.
4. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. 1. – СПб., 1830. – № 200.
5. Стоглав: собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). –London: Trübner&Co., Paternosterrow, 1860.
6. Сушков, С.А., Небылицин, Ю.С. Хирургия на Белорусских землях в эпоху феодализма // Новости хирургии (Белоруссия). – 2014. – Т. 22. – № 1. – С. 5-17. – DOI: 10.18484/2305-0047.2014.1.5
7. Третьякевич, В.К. Развитие медицинского образования на Гродненщине; от средневековья до наших дней // Журнал Гродненского медицинского университета (Белоруссия). – 2018. –Т. 16 (2). – С. 237-244. – DOI: 10.25298/2221-8783-2018-16-2-237-244.
8. Торвальд, Ю. Сто лет криминалистики. – Пути развития криминалистики / пер. с нем. М.Б. Колдаева. – М.: Прогресс, 1974.
9. Каролина: Уголовно-судебное уложение Карла V / пер. со средневерхнегерм. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. 152 с. [Электронный

ресурс]: Путешествие во времени. URL: Режим доступа: <http://yakov.works/acts/16/1/1532karolina.htm>. – Дата доступа: 01.11.2020 г.).

10. Сундуков, Д.В., Баринов, Е.Х., Смирнов, А.В. История судебной медицины в зарубежных странах: учебное пособие. – М.: РУДН, 2017.

11. Гайворонский, И.В., Горячева, И.А., Гайворонская, М.Г. Фредерик Рюйш – великий голландский анатом XVII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Медицина. – 2018. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 106-112. DOI: 10.21638/11701/spbu11.2018.110.

## **ИНСТИТУТ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ В РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Т.А. Савчук**

*доцент кафедры правового обеспечения  
правоохранительной деятельности*

*Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Внимание юридического сообщества в последнее время акцентировано на поиске путей по совершенствованию национального уголовно-процессуального законодательства. В данном контексте значимым вопросом является совершенствование законодательства и оптимизация практики применения мер пресечения как одного из актуальных направлений уголовно-процессуальной политики в Республике Беларусь. Происходящие в последнее время в республике изменения в нормативном регулировании и практике применения мер пресечения указывают на либерализацию отдельных таких мер и стремление государства сформировать уголовно-процессуальный закон, основанный на признании международных стандартов и конституционных норм о правах и свободах личности. В то же время действующая система и трактовка отдельных мер пресечения требует пересмотра ввиду неточности их правовой регламентации и затруднительного использования на практике.

1. Бессменным лидером среди мер пресечения выступает подписка о невыезде и надлежащем поведении, составляющая в белорусской правоприменительной практике порядка 65 %. Причины сложившейся ситуации очевидны: эта мера пресечения имеет простой законодательный механизм избрания и неограниченную сферу применения. Частое обращение следственных органов к названной мере пресечения обусловлено также отсутствием в законе указаний на какой-либо контроль за ее исполнением, более того нередко эта мера пресечения замещает собой обязательство о явке. Согласно действующей редакции ст. 120 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) подписка о невыезде и надлежащем поведении заключается во взятии у подозреваемого, обвиняемого (далее – обвиняемый, если не указано иное) письменного обязательства не покидать

постоянное или временное место жительства без разрешения органа уголовного преследования и суда, не препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, в назначенный срок являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс. Считаем, что понятие «место жительства» применительно к рассматриваемой мере пресечения нуждается в уточнении в виду Указа Президента Республики Беларусь от 07.09.2007 года № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания», где под местом жительства понимается местонахождение (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно или преимущественно проживает. По сложившейся традиции, орган уголовного преследования в постановлении о применении подписки о невыезде и надлежащем поведении и собственно подписке указывает адрес, по которому обвиняемый постоянно или временно проживает, но в этом случае данная мера пресечения трансформируется в другую меру пресечения – домашний арест. Сказанное приводит к выводу, что ч. 1 ст. 120 УПК нуждается в корректировке: в ней должна идти речь не о постоянном или временном месте жительства обвиняемого, а о местности либо населенном пункте, в котором обвиняемый проживает.

2. Личное поручительство имеет редкое использование на практике (порядка 2–2,5 %), чему не способствует его нормативная трактовка, имеющая определенные пробелы. Так, одним из условий применения данной меры пресечения является инициатива поручителей, которая облекается в письменную форму, при этом отечественная следственная практика идет по пути принятия коллективных ходатайств от поручителей, что положительно оценивается и авторами комментария к УПК [1, с. 319]. Между тем, исходя из названия названной меры пресечения и ее сущности, в основе которой лежит личное обязательство конкретного физического лица, обладающего определенными правами и обязанностями, ходатайство может быть только индивидуальным и исходить от каждого поручителя, где он формулирует личную, а не коллективную просьбу. Учитывая, что инициатива в избрании личного поручительства принадлежит должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, указание в законе на ходатайство поручителей является некорректным. В связи с этим полагаем, что ст. 121 УПК должна содержать правило о получении согласия лица быть поручителем в виде подписки о принятии на себя обязанностей по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого в период этой меры пресечения. Недостатком действующей редакции ст. 121 УПК является отсутствие норм, закрепляющих право поручителя отказаться от принятых на себя обязательств до появления оснований, влекущих его ответственность, а также неуказание случаев такого отказа (ими могут быть обстоятельства, связанные с изменением характера взаимоотношений между поручителем и обвиняемым; переезд поручителя в

другую местность и др.). Также полагаем целесообразным в ст. 121 УПК установить запрет на избрание личного поручительства к обвиняемым в совершении тяжких и особо тяжких насильственных преступлений (на практике эту меру пресечения не применяют за такие преступления, а также к лицам, ранее привлекавшимся к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений и имеющим непогашенную и неснятую судимость).

3. УПК (ст. 122) предусматривает специальную меру пресечения в виде передачи военнослужащего под наблюдение командования воинской части, недостатком которой, по нашему мнению, является отсутствие обязательного получения согласия военнослужащего, в отношении которого предполагается применение данной меры пресечения. Получение согласия в этом случае преследует цель – установить характер взаимоотношений военнослужащего и начальствующего состава командования воинского подразделения, установить отсутствие неуставных отношений.

4. Представляется целесообразным отказаться от закрепления в УПК меры пресечения в виде отдачи несовершеннолетнего под присмотр. Напомним, что законодательная модель этой меры пресечения состоит в том, что заслуживающие доверия лица берут на себя обязательство осуществлять присмотр за несовершеннолетним обвиняемым с целью недопущения ими действий, препятствующих расследованию уголовного дела и разрешению его в судебном порядке. Такой отказ обусловлен, в первую очередь тем, что нормативная конструкция отдачи несовершеннолетнего под присмотр тождественна механизму применения меры пресечения в виде личного поручительства, которая может применяться к обвиняемому, независимо от его возраста.

5. Залог, не смотря на неоднократные попытки законодателя в его реформировании, так и не стал популярной мерой пресечения, а существующий механизм ее избрания не позволяет использовать потенциал залога в полной мере. В связи с этим представляется целесообразным, во-первых, придать сумме залога гибкий, вариативный характер: ее размер может устанавливаться в зависимости от категории совершенного преступления; она может вноситься в определенном размере (например, в 10 %) от установленной залоговой суммы. Различные подходы по данному вопросу высказываются учеными, одни из которых предлагают устанавливать сумму залога, равную причиненному преступлением ущербу (сумме заявленному гражданскому иску), а другие считают справедливым установление в УПК нижнего порога залоговой суммы (30 базовых величин за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности) и увеличения этой суммы соразмерно с каждой последующей категорией преступлений [2, с. 5]. Вторым, не менее важным аспектом, является вопрос о расширении в законе перечня залогодателей за счет включения в него юридических лиц негосударственной формы собственности (как это предусмотрено законодательством многих государств СНГ). В пересмотре нуждаются также правовые нормы,

регламентирующие механизм принятия залога, сроки для внесения залоговой суммы (по нашему мнению, этот срок может составлять пять дней со дня принятия решения об избрании этой меры пресечения) и процедура оценки залога, если им выступает движимое и недвижимое имущество.

6. Домашний арест имеет несомненные преимущества перед иными мерами пресечения, не связанными с содержанием под стражей, не смотря на редкое обращение органа уголовного преследования к названной мере пресечения, что обусловлено как несовершенством действующей редакции ст. 125 УПК, так и отсутствием законодательного механизма применения и исполнения названной меры пресечения. Проведенное нами исследование домашнего ареста и его законодательной конструкции позволяет предложить новую концепцию этой меры пресечения [3]. В качестве основной идеи нами выдвигается дифференцированный подход в определении системы мер, которыми может сопровождаться домашний арест, включающий две группы: 1) меры, обеспечивающие надлежащее поведение обвиняемого (запреты на совершение каких-либо действий); 2) меры, позволяющие осуществлять надзор за обвиняемым (перечисленные в п. 4–6 ч. 2 ст. 125 УПК). Действующий порядок избрания домашнего ареста также нуждается в пересмотре в виду его одинакового регулирования с заключением под стражу. В связи с этим необходимо: а) установить запрет на применение домашнего ареста к обвиняемым, совершившим насильственные преступления в отношении совместно проживающих с ними членов семьи, близких родственников либо иных лиц, которых они обоснованно считают близкими; б) предусмотреть получение от лиц, совместно проживающих с обвиняемым, письменного обязательства о соблюдении правил поведения, установленного для них органом, ведущим уголовный процесс, на время домашнего ареста; в) уточнить порядок процессуального оформления решения о домашнем аресте, а также отдельные вопросы установления и продления его срока; г) решить вопрос с принятием нормативного правового акта, регулирующего вопросы исполнения домашнего ареста.

7. Заключение под стражу не остается без внимания законодателя, который предпринимает попытки усовершенствовать порядок применения этой меры пресечения, равно как и правоведов, предлагающих пересмотреть условия и механизм ее избрания. Нам хочется обратить внимание на введенное в 2015 году в ст. 126 УПК правило, запрещающее применение заключения под стражу за менее тяжкие преступления против порядка осуществления экономической деятельности (кроме контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации средств, полученных преступным путем). Нам видится некорректным включение такого запрета в виду его дискриминационного характера и создания процессуального иммунитета от избрания заключения под стражу к лицам, совершившим названные преступления.

Представляется, что изложенные нами недостатки нормативного регулирования мер пресечения и сформулированные предложения по их устранению могут быть восприняты законодателем при разработке оптимальных правовых механизмов, предусматривающих эффективное применение уголовно-процессуального законодательства о мерах пресечения.

### **Библиографический список**

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учрежд. образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
2. Щерба, Т.Л. Залог как мера пресечения в уголовном процессе : автореф. дисс. .. канд. юрид. наук. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – 25 с.
3. Савчук, Т.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2014. – 234 л.

## **О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ**

**И.Н. Саковец**

*старший преподаватель цикла гражданско-правовых  
и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин  
УО «Военная академия Республики Беларусь»*

Нарушения уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности (далее – НУПВ) [1, ст. 443] являются одним из главных источников угроз воинскому правопорядку, нейтрализация которых обеспечивается путем принятия своевременных и действенных мер по устранению детерминантов и факторов их формирования.

Криминалистическая характеристика преступления играет особую роль в структуре методики его расследования, является основополагающим ее компонентом. Вместе с тем не существует единого подхода к определению структуры криминалистической характеристики преступлений [2, с. 307-308; 3, с. 188–189; 4, с. 27–28; 5, с. 320-322].

В качестве структурных компонентов криминалистической характеристики НУПВ целесообразно рассматривать следующие сведения о (об): этапах прохождения военной службы; способах совершения и сокрытия НУПВ; следах НУПВ; времени и месте НУПВ; личности преступника, его мотивов и целей; особенностях личности потерпевшего; связи НУПВ с другими правонарушениями [5, с. 394, 6, с. 89; 7].



Структурным (связующим) компонентом криминалистической характеристики НУПВ являются сведения о специфике этапов прохождения срочной военной службы в Вооруженных Силах и иных воинских организациях и формированиях, типичных формах неуставных взаимоотношений на этих этапах.

Сведения об этапах прохождения военной службы. В Республике Беларусь предусмотрена периодизация призыва граждан на срочную военную службу и увольнения в запас военнослужащих. Призыв на срочную военную службу осуществляется два раза в год (февраль-май, август-ноябрь), следовательно, каждый призыв по отношению к другим выступает в качестве старшего или младшего. Исходя из этого, на период службы военнослужащего приходится три этапа призыва: младший – средний – старший, каждый из которого характеризуется относительно ограниченным кругом лиц.

Сведения о способах совершения и сокрытия НУПВ. Избрание конкретной формы НУПВ зависит от обстоятельств их совершения (обстановка, условия, ее образующие). Целесообразно выделить следующие способы совершения НУПВ:

- морально-психологические, сопряженные с моральным давлением на военнослужащего (прозвища, клички оскорбительного значения; моральное унижение и оскорбление; навешивание отрицательных ярлыков; принуждение к различным действиям, не связанным с физическим воздействием и др.);

- физическое воздействие, связанное с насильственными формами (отжимание и иные физические упражнения как форма наказания; нанесение ударов руками или ногами; подъемы военнослужащих после отбоя; запрет в ночное время спать и др.);

- насаждение неформальных армейских традиций (сложившиеся поведения военнослужащих), способствующих существованию неуставной атмосферы в воинском коллективе (оборудование «дембельского» комплекта формы одежды; ведение «дембельского» календаря; «дембельский постриг»; жаргонная «иерархия» в зависимости от длительности пребывания на военной службе и др.) [8, с. 42];

- «экономические» (отбирание денег; требование приносить «подарки» из увольнений и отпусков; оплата чужого мобильного телефона и др.).

В целях сокрытия НУПВ преступники стремятся избрать способы, препятствующие возникновению и обнаружению следов НУПВ, чтобы избежать ответственности. Отдельные действия по сокрытию осуществляются и иными заинтересованными лицами. На основании этого целесообразно выделить группы военнослужащих тем или иным способом заинтересованных в сокрытии НУПВ: непосредственные участники – лицо (лица) совершившее НУПВ и потерпевший (потерпевшие); сослуживцы, в том числе и соучастники НУПВ, которым непринятие мер по сокрытию преступления грозит изобличением; лица суточного наряда, караула; младшие командиры; отдельные командиры и начальники.

К каждой обозначенной группе военнослужащих характерны типичные способы сокрытия НУПВ.

Сведения о следах НУПВ. Для НУПВ можно выделить следующие группы следов:

- следы-изменения на месте происшествия (разбросанная или переставленная мебель; разбитые оконные проемы, зеркала; проломы в стенах и др.);

- предметы как следы преступления (предметы военного обмундирования и снаряжения; документы военнослужащих; личные вещи участников НУПВ и т.п.);

- следы-отображения (следы рук и ног; следы обуви и т.п.);

- следы выделения (потожировые, слюна, кровь; иные следы биологического происхождения; микрообъекты и др.);

- следы тех орудий, предметов и средств, которые использовались преступником или потерпевшим при совершении НУПВ (дужка от кровати, табурет, ремень, пряжка от ремня и другие подручные средства);

- следы, оставленные на теле военнослужащих (следы зубов, ногтей, рук, ног; гематомы, ссадины на теле потерпевшего и др.).

Сведения о времени и месте НУПВ. Местом происшествия чаще выступают: помещения подразделения, воинской части, отдаленные от органов военного управления; редко используемые подсобные помещения; помещения, связанные с выполнением служебных задач в ночное время; помещения с ограниченным доступом личным составом. Вместе с тем нередко НУПВ совершаются и в общих местах (сушилки, комнаты для умывания, спортивный уголок, спальное расположение и др.).

Наиболее часто НУПВ совершаются в ночное время и вечернее время, когда снижен (минимален) контроль военнослужащих со стороны должностных лиц воинской части (подразделения).

Сведения о личности преступника, его мотивов и целей. Субъектами НУПВ могут быть военнослужащие, равные с потерпевшим по служебному положению и воинскому званию, старшие и младшие по воинскому званию, но не состоящие в отношениях подчиненности. Вместе с тем, субъектом совершения НУПВ зачастую является военнослужащий более раннего (старшего) призыва (этапа прохождения службы) на военную службу. Военнослужащими срочной военной службы одного призыва (этапа прохождения службы) НУПВ совершаются довольно редко, ситуационно, могут сопровождаться или быть обусловлены нарушениями требований общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Наиболее распространенной мотивацией является обеспечение военнослужащими облегченных условий службы, привилегированного положения в коллективе, подчинения своей воле сослуживцев, получение превосходства над другими военнослужащими. На практике НУПВ часто совершаются из корыстных или хулиганских побуждений.

Сведения об особенностях личности потерпевшего. В большинстве случаев НУПВ потерпевшими выступают военнослужащие младшего призыва (этапа прохождения срочной военной службы). В качестве объекта НУПВ избираются военнослужащие из числа: физически слабых; морально-психологически «запущенных», безвольных; отрицающих армейские традиции, образ жизни в военной среде; не могущие адаптироваться к армейской среде; пренебрегающих правилами личной гигиены и т.п. Также подвергаются НУПВ военнослужащие в связи с особенностями их поведения в мужском коллективе, профессии до военной службы.

На практике имеют место случаи, когда потерпевшим является военнослужащий среднего или даже старшего призыва. Это, как правило, связано со слабыми морально-психологическими, волевыми свойствами этих военнослужащих, которые зачастую считаются «изгоем» в воинском коллективе.

Сведения о связи НУПВ с другими правонарушениями. НУПВ связаны: с нарушениями воинской дисциплины и невыполнением требований общевоинских уставов (в вопросах прав, обязанностей, порядка взаимоотношений между военнослужащими, порядка несения внутренней, караульной служб); воинскими преступлениями (нарушение правил несения боевого дежурства, караульной или внутренней службы, бездействие должностных лиц, халатное отношение к службе); отдельными общеуголовными преступлениями (причинение телесных повреждений различной степени тяжести, кража, вымогательство, укрывательство преступлений, недонесение о преступлении).

Таким образом, в качестве структурных элементов криминалистической характеристики НУПВ целесообразно рассматривать сведения о (об): этапах прохождения военной службы; личности преступника, его мотивов и целей; способах совершения и сокрытия НУПВ; следах НУПВ; времени и месте НУПВ; особенностях личности потерпевшего; связи НУПВ с другими правонарушениями.

Сведения об элементах криминалистической характеристики НУПВ, их содержании и связях ориентированы на повышение эффективности решения задач расследования его субъектами.

### **Библиографический список**

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Порубов, Н.И. Криминалистика : учебное пособие / Н.И. Порубов, Г.И. Грамович, А.Н. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. – Минск : Выш. шк., 2007. – 575 с.

3. Белкин, Р.С. Курс советской криминалистики : в 3-ч. / С.Р. Белкин. – М., 1979. – Ч. 3. – 394 с.
4. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.
5. Криминалистика : пособие / В.Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В.Б. Шабанова, В.Л. Григоровича. – Минск : БГУ, 2019. – 551 с.
6. Саковец, И.Н. О структуре и содержании методики расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / И.Н. Саковец, В.А. Талалаев // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12-13 окт. 2017 г. / БГУ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 88-90.
7. Саковец, И.Н. К вопросу о методике расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / И. Н. Саковец // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2020. – № 2. – С. 63.
8. Беляков, О.Н. Направления деятельности командира по противодействию нарушениям порядка взаимоотношений между военнослужащими и неформальным армейским традициям / О. Н. Беляков // На боевом посту : сб. инфор.-метод. мат-лов по организации служебно-боевой деятельности внутр. войск МВД Респ. Беларусь / Главн. упр. команд. внутр. войсками МВД Респ. Беларусь. – Минск : ГУКВВ, 2016. – №1 (2). – 112 с.

## **СМЕНА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ**

**В.И. Самарин**

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора  
юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Опыт последних десятилетий показывает, что глобализация связана не только с экономическими отношениями и проявляется в различных сферах человеческой деятельности. Глобализация создает возможность для расширения образа мыслей человека. В современную эру цифровизации люди во всем мире обмениваются взглядами и знаниями благодаря Интернету, что позволяет быстрее увидеть и осознать достижения либо недостатки системы правосудия, существующей в другом государстве, если такая система достаточно транспарентна. Правосудие в современных демократических государствах поддерживается просвещенными идеями, побуждающими законодателей принимать более эффективные законы. Тем самым, глобализация приближает правовые системы к тому, что происходит в других государствах, и нельзя отрицать тот факт, что глобализация оказывает все

большее влияние на расследование преступлений и отправление правосудия на национальном уровне.

Нельзя не заметить активную пенетрацию международно-правовых предписаний через уголовно-процессуальное право в деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Необходимость учета международно-правовых норм правоприменителем отмечают и немецкие процессуалисты, говоря об интернационализации уголовно-процессуального права [1, с. 23, 27]. В результате подобной интернационализации, на наш взгляд, сложилась международно-правовая парадигма современного уголовного процесса, то есть парадигма, основанная на нормах международного права.

Международно-правовая парадигма уголовного процесса пришла на смену закрытому уголовному процессу, национально-государственной парадигме после того, как государство стало постепенно «уступать» суверенитет в самой деликатной сфере – уголовной юстиции. Она стала ответом на проявления инквизиционного процесса «закрытого государства» в худших его качествах в XX веке. Однако смена парадигмы на законодательном уровне, в науке уголовного процесса во многом идет впереди правоприменительной деятельности. Это обусловлено необходимостью смены ментальности правоприменителя.

Некоторые государства пытаются сопротивляться взятым на себя международно-правовым обязательствам. Это закономерно: правоприменители многих государств-членов Европейского Союза изначально не хотели признавать верховенство наднационального права. В этом плане Республика Беларусь отличается тем, что не берет на себя обязательства, которые не сможет выполнить на данном этапе своего развития.

Как указывал И. Кант, политическая идея государственного права подразумевает, что оно «должно быть соотнесено со всеобщим и полновластным международным правом» [2, с. 132]. И здесь под государственным он понимал именно национальное право. Однако в тот период он полагал, что «опыт отрицает для нас всякую надежду на это». Международно-правовая парадигма уголовного процесса приводит к необходимости постоянного соотнесения норм национального уголовно-процессуального права с indefinitными расплывчатыми международными стандартами, которые не закреплены четко в каком-либо одном международном правовом акте, что позволяет каждому исследователю ссылаться на различные предписания. Сквозь призму норм международного права (не всегда действующих для Республики Беларусь) анализируют нормы национального уголовно-процессуального права не только ученые-процессуалисты, но и судьи Конституционного Суда Республики Беларусь. Так, в большинстве своих решений, связанных с рассмотрением вопроса о соответствии Конституции Республики Беларусь предписаний Уголовно-процессуального кодекса, последний ссылается на Всеобщую декларацию прав

человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. В решении № Р-1167/2019 от 23.04.2019 «О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам» Конституционный Суд Республики Беларусь сослался на ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При этом мы признаем, что пенетрация, а также влияние международно-правовых норм на внутреннее уголовно-процессуальное право не устраняет границу между двумя самостоятельными правовыми системами [3, с. 222-224], ведь международное публичное право представляет собой, прежде всего, «совокупность обычных и конвенционных норм, юридически связывающих цивилизованные государства и другие общности, обладающие международной правосубъектностью, в их взаимоотношениях друг с другом» [4, с. 253], оно функционирует как самостоятельная система по отношению к внутреннему праву любого государства [5, с. 68]. Нормы международного публичного права регулируют отношения, прежде всего, между государствами, а также созданными ими субъектами (например, международными организациями). Однако необходимость приложения таких норм в рамках национальной правовой системы, закономерно приводит к размыванию указанной границы.

В ходе исследования нами условно выделено пять этапов интерференции надгосударственного в национальный уголовный процесс – пять этапов отступления национально-государственной парадигмы перед международно-правовой:

- 1) связанный с развитием дипломатического права после 1815 г.;
- 2) первое проникновение института международной правовой помощи по уголовным делам в национальное законодательство;
- 3) ответом на злодеяния режима национал-социализма в Германии. Появляются общепризнанные нормы международного права о правах человека в сфере уголовного процесса, которые постепенно адсорбируются национальным уголовным процессом, становятся его принципами;
- 4) развитие института международной судебной защиты (уголовное дело может быть пересмотрено по новым обстоятельствам – обоснованным надгосударственным юрисдикционным органом);
- 5) прямая гармонизация норм уголовно-процессуального права в рамках интеграционных образований.

На наш взгляд, международно-правовая парадигма подразумевает систему представлений законодателя, правоприменителя и общества о праве и основанной на нем деятельности, а также соответствующих ценностей в контексте общепризнанных принципов и норм международного права. Данную парадигму можно рассматривать и в отраслевом аспекте. Так, учитывая, что уголовный процесс представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел и их разрешению, а также, частично, по исполнению приговора [6, с. 13], то

опосредование в соответствующем законодательстве принципов, закрепленных в международных правовых актах, допущение прямого применения в уголовно-процессуальной деятельности международных договоров предполагает проявление международно-правовой парадигмы в национальном уголовном процессе.

### **Библиографический список**

1. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz : Großkommentar / Hrsg. P. Rieß. – 25., neubearbeitete Auflage. Bd. 1: Einleitung; §§ 1–71. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1999. – 274 S.
2. Кант, И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Собр. соч. : в 8 т. – М., 1994. – Т. 6 : Религия в пределах только разума. Метафизика нравов. – С. 5–222.
3. Зивс, С.Л. Источники права / С. Л. Зивс. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 240 с.
4. Wortley, B.A. The interaction of public and private international law today / B.A. Wortley // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. – 1954. – Vol. 85. – P. 239-338.
5. Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право»: Э. А. Пушмин // Советское государство и право. – 1982. – № 8. – С. 67-69.
6. Данилевич, А.А. Уголовный процесс : учеб.-метод. пособие / А.А. Данилевич, О.В. Петрова, В.И. Самарин. – Минск : БГУ, 2016. – 351 с.

## **ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

**В.Г. Стаценко**

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса  
юридического факультета*

*УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»,  
кандидат исторических наук, доцент*

Ретроспективный анализ подхода к содержанию понятия «преступность» в советской, а затем и в современной криминологии, показывает его эволюционный, в целом, характер – от понимания преступности как «совокупности (выделено мной – В.С.) конкретных преступлений, совершенных в определенный период времени в данном обществе» [1, с. 138], до определения преступности как «целостной совокупности, системы преступлений», имеющей определенные системные свойства, т. е. устойчивые взаимозависимости преступлений внутри целостности и между ней и другими социальными явлениями» [2, с. 63].

Связь отдельных преступлений и преступности как их явления трактуется сегодня, большей частью, как связь частного и общего. Поскольку общее не повторяет характеристики частного, рассмотрение преступлений в качестве

множества, привело к обнаружению особых свойств этого явления, особого системного качества проявляющихся в нем связей и характеристик. Преступность - как система взаимосвязанных элементов - обладает особыми качественными признаками, свойствами и закономерностями, которые не присущи ее отдельным элементам. Такой подход к преступности в современной криминологии можно полагать общепризнанным [3, с. 70], хотя рядом исследователей, в том числе и таким, например, классиком отечественной криминологии, как В.Н. Кудрявцев, традиционно используются, наряду с термином «система», понятия «совокупность», «сумма» и т.п. [4, с. 58].

Следует заметить, что понимание системного характера преступности, в трактовке сторонников такого подхода, существенно различается. В.Н. Кудрявцев, например, исходит из того, что системность преступности, как ее базовое свойство, означает, прежде всего наличие взаимосвязи преступности и ее трехуровневого (макросреда, микросреда, личность в конкретной жизненной ситуации) причинного комплекса [5, с. 106]. В.Д. Малков видит систему преступности «в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших» [6, с. 62]. По мнению А.И. Долговой, системно-структурный подход к анализу преступности должен основываться на взаимосвязи 2-х базовых аспектов – 1) рассмотрении преступности как сложной структуры, включающей в себя различные взаимосвязанные элементы и 2) анализа преступности в рамках общей системы - общества, выявления тех подструктур общества, которые ее детерминируют, учета взаимосвязей этих подструктур между собой и с преступностью» [7, с. 16].

Нужно отметить также и существование в доктрине точки зрения, согласно которой для рассмотрения преступности как системы достаточных оснований не существует. Так, С.В. Бородин, например, исходя из того, что отдельные преступления, в большинстве случаев, между собой не связаны, что развитие криминальных процессов определяется не столько внутренними закономерностями преступности, сколько воздействием внешних факторов, приходит к выводу, что, хотя преступность и обладает определенными признаками системы, рассматривать ее как целостное системное образование вряд ли возможно [8, с. 129].

Понятие «система» - применительно к преступности - используется в большинстве случаев исследователями без необходимой и, более того, прямо требуемой, с точки зрения теории систем, аргументации.

Кембриджский философский словарь определяет понятие системы - с позиций современной теории систем - как совокупность элементов, объединенных связями так, что они существуют (функционируют) как единое целое, приобретающее новые свойства, которые отсутствуют у этих элементов в отдельности [9].

Основные принципы системности с этих позиций:



- принцип внешней целостности – обособленность системы от окружающей среды. Система взаимодействует с окружающей средой как единое целое, ее поведение определяется состоянием среды и состоянием всей системы, а не какой-то отдельной ее частью;

- принцип внутренней целостности – устойчивость связей между частями системы. Состояние самой системы зависит не только от состояния ее частей – элементов, но и от состояния связей между ними. Наличие устойчивых связей между элементами системы определяет ее функциональные возможности;

- принцип иерархичности – в системе можно выделить подсистемы, определяя для каждой из них свой вход, выход, назначение. В свою очередь, сама система может рассматриваться как часть более крупной системы.

Отвечает ли преступность этим принципам (признакам)? Попробуем, хотя бы конспективно, ответить на этот вопрос.

1. Преступность очевидно следует рассматривать как подсистему более общей системы - социума. В качестве единого, общего для всех криминальных явлений базиса, выступают социальные детерминанты преступности, определяя их взаимные связи. Так, например, криминологический анализ насильственной и корыстной преступности обнаруживает однотипные экономические, социальные, психологические условия, детерминирующие эти различные виды преступности. Эти условия порождают, при неодинаковом механизме воздействия, особенности форм криминального поведения в различных их взаимосвязях.

Кроме того, преступность можно рассматривать – в большей конкретизации - и как структурный элемент девиантного поведения.

При всех различиях отдельных видов негативного отклоняющегося поведения, антиобщественный характер предопределяет их взаимовлияние и объединение в определенную социальную систему. Например, криминологические исследования свидетельствуют о том, что более 90% лиц, совершивших умышленные тяжкие преступления, отличались ранее отрицательными поведенческими девиациями некриминального характера [3, с. 75]. Исследователи отмечают также взаимосвязь уровня административных правонарушений с уровнем преступлений: как показывают расчеты В.В. Лунеева, например, рост числа правонарушений на одну тысячу влечет за собой 40-50 преступлений [11, с. 5-18].

2. Преступность - не механическое множество не связанных между собой криминальных деяний, это – именно система взаимосвязанных элементов, характеризующаяся определенной самостоятельностью и специфическими количественно-качественными характеристиками (массовость, устойчивость, латентность и др.).

3. Между структурными элементами преступности существуют устойчивые связи, которые характеризуются определенными количественными соотношениями.

Так, в условиях стабильного состояния общества, в общем объеме регистрируемых преступлений, достаточно постоянно соотношение различных видов преступлений (корыстные - насильственные, убийства - причинение тяжких телесных повреждений и т.д.), соотношение официальной и латентной преступности; незначительно колеблются показатели удельного веса преступлений, совершаемых несовершеннолетними, женщинами, неработающими и т.д.

В качестве примера можно привести данные, характеризующие соотношение убийств и причинения тяжких телесных повреждений.

Как показывает анализ официальной статистики, соотношение этих преступлений на протяжении ряда лет в Республике Беларусь выражается, примерно, как 1:2, - 1:2,5 (см.:табл.1).

Табл.1 Соотношение убийств и тяжких телесных повреждений в Республике Беларусь [11]

| Год  | Убийства<br>(с покушениями) | Тяжкие телесные<br>повреждения | Соотношение |
|------|-----------------------------|--------------------------------|-------------|
| 1990 | 612                         | 1263                           | 2,1         |
| 2005 | 1032                        | 2206                           | 2,1         |
| 2010 | 486                         | 1381                           | 2,8         |
| 2015 | 423                         | 842                            | 2,0         |
| 2018 | 320                         | 723                            | 2,3         |
| 2019 | 307                         | 719                            | 2,3         |

Связь структурных элементов преступности проявляется также в их динамическом взаимодействии. Например, уровень рецидивной преступности взрослых в существенной степени определяется предшествующим состоянием преступности несовершеннолетних.

Преступность, таким образом, можно и следует рассматривать как сложную систему, характеризующуюся собственными свойствами и признаками, а также обладающую определенными закономерностями, проявляющимися, прежде всего, статистически.

При исследовании преступности необходимо учитывать то, что показатели и свойства преступности детерминируются социальными процессами не автоматически, они являются следствием преломления этих процессов через собственные характеристики преступности как системного образования.

Криминологический анализ системных особенностей и закономерностей преступности имеет важнейшее значение для разработки мер превенции преступности как явления.

### Библиографический список

1. Курс советской криминологии.- М.: Юрид. лит.,1985. - Т. 1.- 416 с.
2. Криминология / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского.- М.: Изд-во МГУ, 1994.- 416 с.

3. Криминология / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2005. - 912 с.
4. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова.- 4 изд., перераб.и доп.- М.: Норма, 2009.- 800 с.
5. Кудрявцев, В.Н. Закон, поступок, ответственность [Текст] / В.Н. Кудрявцев. - Репр. воспр. изд. 1986 г. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. - 448 с.
6. Малков, В.Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России / В.Д.Малков // Общество и право. – 2007.- №3(17).- С.61-70.
7. Долгова, А.И. Исходные положения исследования территориальных различий преступности и их причин / А.И.Долгова // Методика изучения территориальных различий преступности и их причин.- М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989.- 140 с.
8. Бородин, С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С.В.Бородин.- М.: Наука, 1990. - 271 с.
9. Heylighen, F., Joslyn, C. What is Systems Theory?: Principia Cybernetica Web [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// cleamc11.vub.ac.be / REFERPCP.html](http://cleamc11.vub.ac.be/REFERPCP.html).
10. Лунеев, В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России / В.В.Лунеев // Государство и право. - 2004.- № 1.- С.5-18
11. Подсчитано по данным: Статистический ежегодник Республики Беларусь - Минск:Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016, 2019; Сведения о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за 2019г.– Минск: Информационный центр МВД Республики Беларусь, 2020.

## **К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ИМИТАЦИОННЫХ СРЕДСТВ**

**В.А. Талалаев**

*начальник кафедры юридических дисциплин  
факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Обеспечение общественной безопасности в сфере обращения предметов вооружения затрагивает интересы каждого гражданина. Особенно наглядно это проявляется в свете радикализации протестов, возможного использования указанных предметов или средств в преступных целях.

Быстрое и полное расследование незаконного оборота предметов вооружения достигается субъектами расследования путем постановки и решения задач различных уровней общности и сложности.

Допущение ошибок при определении задач расследования влечет за собой исключение отдельных пунктов обвинения, изменение квалификации деяний, возвращение уголовного дела для производства дополнительно предварительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 264 УПК Республики Беларусь и др.

Задача расследования – возникшая в ходе следствия по конкретному уголовному делу необходимость получения той или иной информации, проверки каких-либо фактов (или обеспечения осуществления этой деятельности в будущем), обусловленная предметом доказывания и решаемая уполномоченными лицами в ходе процессуальной деятельности [1, с. 9].

Система задач расследования незаконного оборота предметов вооружения формируется на основе уголовно-правовых, уголовно-процессуальных норм, криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, положений закона Республики Беларусь «Об оружии», отдельных локальных нормативных правовых актов, регулирующих оборот вооружения.

Основная группа указанной системы объединяет задачи, в целом относящиеся к установлению объективных признаков рассматриваемого преступления по видам вооружения, боеприпасов и др. При этом конкретизируются и индивидуализируются предметы незаконного оборота: огнестрельное оружие, его составные части и компоненты (ствол, корпус или ствольная коробка и др.), боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, приспособления для инициирования взрыва, их количество, характеристики, свойства и др.

В зависимости от особенностей указанных предметов в ходе расследования решаются задачи по использованию возможностей современных криминалистических экспертиз, – для установления принадлежности конкретного экземпляра оружия к категории огнестрельного, об отнесении веществ к взрывчатым, устройств к взрывным, патронов к боеприпасам и т.д.

На практике при конкретизации такого предмета незаконного оборота как взрывпакеты возникают определенные сложности, обусловленные различиями терминологического характера в отдельных правовых актах, научной литературе.

Так, Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 года № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294 – 297 УК)» в п. 3 взрывными устройствами признаются предназначенные к взрыву при определенных условиях изделия, изготовленные промышленным или самодельным способом, объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва.

Как правило, в заключении экспертизы соответствующего вида содержится вывод об отнесении взрывпакетов к взрывным устройствам. По факту наличия указанных выше предметов в незаконном обороте возбуждается уголовное дело, по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст.

295 УК Республики Беларусь (часть 1 указанной уголовно-правовой нормы законодателем исключена).

Данное преступление обоснованно отнесено законодателем к категории тяжких. На этом основании к лицу не могут быть применены меры по освобождению от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в порядке ст. 86 УК Республики Беларусь.

Вместе с тем, все предметы вооружения отличаются друг от друга целевым назначением и, соответственно, качественными характеристиками. Это в свою очередь оказывает влияние на характер и степень общественной опасности преступления в целом, что целесообразно учитывать при решении отдельных задач расследования преступлений рассматриваемого вида.

По своим характеристикам взрывпакет содержит взрывчатое вещество на основе дымного пороха, однако, исходя из предназначения и технических характеристик, не может причинить такой вред, как взрывные устройства при их, в том числе преступном, использовании.

В теоретическом плане без использования средств инициирования (капсюли-воспламенители и капсюльные втулки, капсюли-детонаторы, электровоспламенители и электродетонаторы, детонирующий шнур и др.) взрывное устройство по определению таковым не является.

Конструктивно взрывпакет (например, армейский цилиндрический) указанных средств не содержит. Здесь представляется уместным отметить, что в соответствии с пунктом 5 СТБ 2112-2010 (ГОСТ Р 51270-99) «Изделия пиротехнические. Общие требования безопасности», утвержденного и введенного в действие с 1 января 2011 г. постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 2 сентября 2010 года № 52, взрывпакеты относятся к V классу – «специальные пиротехнические изделия», а в соответствии с подпунктом 10.1 приложения В «Перечень-классификатор пиротехнической продукции» указанного ГОСТ – к средствам учебно-имитационным (патроны, шашки, взрывпакеты) (коды ОКП 727590, 727591, 727592).

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2011 г. № 458 «О мерах по обнаружению, обезвреживанию и уничтожению на территории Республики Беларусь взрывоопасных предметов и взрывных устройств» взрывпакеты не могут быть отнесены к взрывным устройствам, так как не способны причинить вред жизни, здоровью людей, имуществу или окружающей среде.

Также в соответствии с Правилами безопасности при изготовлении и использовании пиротехнических изделий, утвержденными постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 04.10.2004 № 32, имитационные взрывпакеты по применению и характеру действия относятся к пиротехническим изделиям (пункт 10 Правил).

В отечественных изданиях справочного характера взрывпакеты отнесены к имитационным средствам [2, с. 179; 3, с. 119–120].

Таким образом, с учетом дискуссионного характера рассматриваемых вопросов, целесообразно учесть возможность обособления таких средств из общего перечня видов вооружения, содержащихся в диспозиции ч. 2 ст. 295 УК. При таком подходе будут учтены положения п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 года № 1 о том, что судам «при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении наказания по делам о рассматриваемых преступлениях необходимо учитывать вид, количество, свойства ...» отдельных предметов вооружения.

Такой подход ориентирован на минимизацию ошибок правового, организационного и тактического характера, конкретизацию задач, упорядочение и оптимизацию процесса расследования указанных преступлений, совершенствование отдельных актов законодательства в сфере обеспечения безопасности, прав граждан и государственных интересов, выработке основанного на нормах законодательства единого мнения о классификации взрывпакетов, используемых в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях.

#### **Библиографический список**

1. Антонов, А.Н. Решение типовых задач расследования преступлений / А.Н. Антонов; под ред. В.В. Радаева. – Краснодар : Изд-во Краснодар. юрид. ин-та, 2000. – 102 с.
2. Дик В.Н. Взрывчатые вещества, пороха и боеприпасы отечественного производства. Часть 1. Справочные материалы. Справочник / В.Н. Дик. – Минск : Охотконтракт, 2009. – 280 с.
3. Дик В.Н. Взрывчатые вещества, пороха и боеприпасы отечественного производства. Часть 2. Рисунки и иллюстрации: Справочник / В. Н. Дик. – Минск : Охотконтракт, 2009. – 240 с.

### **ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ, ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ**

**М.В. Талан**

*заведующий кафедрой уголовного права  
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,  
доктор юридических наук, профессор*

**К.И. Нагорнов**

*стажер-исследователь  
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»*

В качестве одного из средств уголовно-правового реагирования на несовершеннолетних, преступивших уголовный закон, законодатели стран

постсоветского пространства единогласно продолжают выделять институт принудительных мер воспитания (далее – ПМВ), который унаследовали от советского законодателя (ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года). Несмотря на наличие имевшей место быть общей правовой основы, регламентация данного института в настоящее время в законодательстве указанных стран имеет ряд отличий, например: в наименовании института (принудительные меры воспитательного воздействия / характера, принудительные меры, меры исправительного характера, меры убережения); в системах данных мер; в порядке, условиях и основаниях применения и др. Особое внимание в данной работе хотелось бы сосредоточить на анализе законодательных моделей описания оснований применения (выступающих также в роли оснований освобождения от уголовной ответственности / наказания) ПМВ по законам указанных государств, поскольку данная категория позволяет раскрыть сущность и определить обоснованность выделения указанного института в рамках ответственности несовершеннолетних. От правильного определения основания применения зависит и практика применения данного института.

Так, уголовные законы Азербайджана (ст. 88), Армении (ст. 91), России (ст. 90), Таджикистана (ст. 89) и Туркменистана (ст. 89) в качестве основания применения ПМВ при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности указывают на *возможность достижения исправления лица путем применения указанных мер*. Подобного подхода придерживается и законодатель Кыргызстана (ст.102) при освобождении подростка от уголовного наказания с применением данных мер. Как отмечает Л.М. Прокументов, «наличие такой возможности обуславливается двумя обстоятельствами: во-первых, свойствами личности и, во-вторых, существованием необходимых объективных и субъективных предпосылок, способных обеспечить исправление лица» [1, с. 518]. К числу преимуществ такого подхода можем отнести следующие: во-первых, законодатель, основываясь на содержательном компоненте ПМВ, моделирует определенный социально-полезный результат, который потенциально может быть обеспечен данными мерами; во-вторых, законодатель устанавливает четкую зависимость применения института от возможности обеспечить путем его применения достижение указанного результата. *Замечания:* во-первых, при такой редакции основания не избежать субъективизма (т.к. требуется осуществления прогноза), кроме того, возникают вопросы и о содержании данного основания; во-вторых, зависимость ставится только между исправлением лица без учета, например, одной из важнейших задач уголовного закона – предупреждения (также называется и одна из принудительных мер воспитания), которую законодатель закладывает в основу, при конструировании того или иного уголовно-правового института, и необходимостью достижения которой также должен руководствоваться правоприменитель.

Применительно к основанию освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВ имеется еще одно замечание. Как отмечают, Ю.М. Ткачевский, Н.Е. Крылова [2, с. 151, 159], Благоев Е.В. [3, с. 165], основанием освобождения от уголовной ответственности по действующему законодательству следует считать отпадение или, как дополнительно указывает Е.В. Благоев существенное снижение общественной опасности виновного. Последний автор также добавляет, что «Ничьи признания, решения, выводы, убеждения или стремления также не могут служить основанием освобождения от уголовной ответственности. Любое основание всегда объективно...» [3, с. 163]. В случае применения ПМВ, общественная опасность сохраняется, т.к. она определяет необходимость достижения исправления лица путем применения данных мер, в противном случае их применение было бы нецелесообразным. Конечно, уровень общественной опасности лица, к которому были применены ПМВ, и лица, которому было назначено наказание, разный и в первом случае он ниже. В тоже время при применении данных мер, исходя из анализа их регламентации в УК обозначенных республик, предварительно не требуется установления снижения или отпадения общественной опасности, скорее, они нацелены на ее снижение и последующее отпадение. Это также подчеркивается условным характером основания освобождения (например, ч. 4 ст. 90 УК России, ч. 4 ст. 88 УК Азербайджана, ч. 4 ст. 89 УК Таджикистана и Туркменистана), что позволяет реверсировать последующее поведение.

Кроме того, не смотря на то, что основание освобождения от уголовной ответственности в отличие от основания освобождения от наказания должно быть обусловлено более вескими причинами, т.к. оно должно выступать «наиболее исключительной дифференцирующей мерой» [4, с. 153], вряд ли видится возможным различить основания освобождения от ответственности и наказания, когда ведется речь о применении одних и тех же мер, наполненных одним и тем же содержанием. Хотя стремление законодателя смоделировать специальный институт, реализуемый как вне рамок уголовной ответственности, так и в рамках последней, заслуживает одобрения. В данном случае «на помощь» могут придти отдельные дифференцирующие обстоятельства (например, категория преступления, факт совершения преступления впервые и др.), но вряд ли основанию может быть свойственна «двуликость Януса». Именно поэтому, думается, законодатели Азербайджана (ст. 89), России (ст. 92), Таджикистана (ст. 90), при регламентации ПМВ в рамках института освобождения от наказания указывают только на то, что лицо может быть освобождено от наказания с их применением. Правда, уголовно-процессуальные законы России (ч. 1 ст. 432) и Таджикистана (ст. 436), указывают, что несовершеннолетний может быть освобожден от наказания с применением ПМВ в случае, если он может быть исправлен без применения наказания. Вместе с тем, уголовно-процессуальные законы выделяют также



иные (нежели УК) основания применения ПМВ при освобождении от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 427 УПК РФ, ч. 1 ст. 432 УПК РТ).

Предпринимает такую попытку законодатель Казахстана, который в качестве основания применения анализируемых мер, при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, указывает на возможность достижения исправления лица без привлечения к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 83), а в качестве основания применения при освобождении от уголовного наказания – возможность достижения исправления лица путем применения указанных мер (ч. 2 ст. 83). Вместе с тем, и в первом, и втором случае речь идет о возможности исправления одними и теми же мерами, но наступают разные правовые последствия (в первом случае – освобождение от ответственности, во втором – осуждение и освобождение от наказания).

В тоже время, Пленум Верховного Суда Казахстана в п.п. 14, 15 постановления № 6 от 11.04.2002 года «О судебной практике по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних и о вовлечении их в совершение уголовных правонарушений и иных антиобщественных действий»<sup>16</sup> также обращает внимание на то, что данные меры применяются в случае, если их исправление и перевоспитание может быть достигнуто путем применения ПМВ. На это также акцентирует внимание Пленум Верховного Суда Кыргызстана в п. 27 постановления № 10 от 13.10.2017 года «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними»<sup>17</sup>, а также Пленум Верховного Суда Азербайджана в п. 18 постановления № 6 от 30.06.2008 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»<sup>18</sup>. Однако далее Пленум Верховного Суда Казахстана, противореча самому себе, в качестве основания применения данных мер в порядке ч. 2 ст. 83 УК РК указывает только возможность его исправления и, кроме того, относит к числу оснований – «впервые осужденный...». Как представляется, о перевоспитании вести речь стоит, т.к. в содержание института ПМВ заложен воспитательный компонент, но для этого необходимо реформировать системы ПМВ, в которых имеются меры, обладающие низкой эффективностью и неспособные обеспечить данный результат.

В качестве основания освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВ законодатель Узбекистана (ст. 87), Украины (ст. 97), а законодатель Туркменистана (ст. 88) в качестве основания освобождения от уголовного наказания с применением указанных мер, указывают на возможность исправления лица без применения наказания. Аналогичного

---

<sup>16</sup>Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2002>. – Дата доступа: 20.10.2020).

<sup>17</sup>Официальный сайт Верховного Суда Республики Кыргызстан [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://sot.kg/>. – Дата доступа: 20.10.2020.

<sup>18</sup>Официальный сайт Верховного Суда Республики Азербайджан [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://supremecourt.gov.az/post/view/166>. – Дата доступа: 20.10.2020.

подхода придерживаются законодатель Беларуси, при регламентации института ПМВ в качестве самостоятельной формы реализации уголовной ответственности (ст. 117), а также законодатель Казахстана, предусматривающий возможность применения данного института при условном осуждении (ст. 63). Помимо уже указанных нами выше, обоснованными видятся следующие *замечания*: 1) не понятно, почему при освобождении от уголовной ответственности необходимо руководствоваться возможностью исправления без применения одной из форм реализации уголовной ответственности, а не определять необходимо ли вообще привлекать к таковой или нет; 2) использованная формула порождает прямую зависимость института ПМВ от института наказания, что, хотя и обусловлено его регламентацией в рамках такой формы реализации уголовной ответственности как освобождение от наказания / условного осуждения, вместе с тем, это показывает несостоятельность данного института. Однако законодатель, в рамках регулирования вопросов уголовной ответственности, выделяет его в качестве специальной меры уголовно-правового воздействия. Помимо этого, такая регламентация отражает преимущественно карательный подход в уголовном законе (т.к. изначально ставится вопрос только о назначении наказания)<sup>19</sup>; 3) использование такой формулы («возможно без применения наказания»), неизбежно влечет постановку вопроса: возможно посредством чего?

Кроме того, в ч. 4 ст. 3 УК Беларуси говорится о том, что «каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». При этом законодатель в ст. 46 УК указывает, в каких формах реализуется уголовная ответственность (в т.ч. осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера). С учетом изложенного, можно прийти к выводу о том, что ПМВ также наряду с наказанием являются логическим последствием совершения несовершеннолетним преступления (конечно, при определенных условиях, ограничивающих сферу их применения, – категория преступления и т.д.) и нет необходимости указывать на зависимость применения мер от возможности исправления без применения наказания.

При освобождении лица от наказания с применением рассматриваемых мер законодатель Украины указывает на то, что лицо «...вследствие чистосердечного раскаяния и дальнейшего безупречного поведения на момент постановления приговора не нуждается в применении наказания» (ст. 105). Здесь, помимо того, что законодатель пытается различить основания освобождения с применением указанных мер в случае освобождения от

---

<sup>19</sup> Особый интерес вызывает положение ч. 3 ст. 75 УК Молдовы, в котором указано, что «...наказание в отношении несовершеннолетнего применяется только после установления того, что применение принудительной меры воспитательного характера окажется недостаточным».

уголовной ответственности и в случае освобождения от наказания, обращает внимание и то, что законодатель, указывая на отсутствие нуждемости в применении наказания, обходит стороной вопрос о нуждемости и необходимости в применении к лицу ПМВ. Вызывает вопросы и указание законодателем на более повышенные требования к освобождению от уголовного наказания, нежели к освобождению от уголовной ответственности.

Не можем не обратить внимание также на то, что Пленум Верховного Суда Украины, принял специальное постановление № 2 от 15.05.2006 «Про практику розгляду судами справ про застосування примусових заходів виховного характеру»<sup>20</sup>, разъясняющее отдельные вопросы применения ПМВ (аналогичного характера постановления были и ранее: от 22.12.1995 года № 21 и от 31.05.2002 № 6). Интересно, что Пленум в абз. 2 п. 1 данного постановления к целям ПМВ относит: обеспечение интересов несовершеннолетнего, заключающихся в получении надлежащего воспитания, образования, лечения, социальной, психологической помощи, защиты от жестокого обращения, насилия и эксплуатации, а также возможности адаптироваться, повысить общеобразовательный и культурный уровень, приобрести профессии, и трудоустроиться.

Уголовное законодательство Молдовы (ст. 93) применительно к ПМВ, применяемым в рамках освобождения от уголовного наказания, и уголовное законодательство Азербайджана (ст. 89), Таджикистана (ст. 90) применительно к такой мере как помещение в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение, применяемой при освобождении от уголовного наказания, указывают на возможность достижения целей наказания путем применения указанных мер. Недостатком данного подхода можно назвать то, что вряд ли оправданно распространять цели, поставленные перед одним институтом на другой институт (вызывает сомнение в достижении указанными мерами восстановления социальной справедливости, скорее следует говорить о содействии в ее достижении). При чем, не совпадают и цели наказания, и цели института освобождения от наказания [5, с. 186-188], в который встроен институт ПМВ, а также цели самого института ПМВ, на что нами уже обращалось внимание.

Довольно интересной видится формула основания, регламентированная в Кодексе о правосудии в отношении несовершеннолетних Грузии. В соответствии со ст. 38 данного акта, при наличии обоснованного предположения о совершении несовершеннолетним менее тяжкого или тяжкого преступления, в первую очередь рассматривается возможность удержания и оценивается – обеспечивает ли удержание ресоциализацию и реабилитацию несовершеннолетнего и предотвращение нового преступления. Преимуществами такого подхода, по нашему мнению, являются: 1) смещение

---

<sup>20</sup> Официальный веб-портал парламента Украины «Законодательство Украины» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua>. - 20.10.2020.

акцента с карательного на воспитательный подход (принцип приоритетного применения ПМВ); 2) законодатель более комплексно определяет положительные результаты, которые могут быть потенциально достигнуты путем применения данных мер. Помимо уже указанных выше, недостатком видится то, что в качестве конечного результата вряд ли правильно рассматривать ресоциализацию<sup>21</sup>, которая является процессом, скорее следует говорить о результатах этого процесса – исправлении [6, с. 135] либо реинтеграции<sup>22</sup>.

В целом, основания применения ПМВ в законодательстве стран постсоветского пространства регламентируются через указание на определенный социально-полезный результат, который может быть достигнут применением рассматриваемых мер, и указанием на то, что данные меры применяются в случае, когда указанный результат может быть достигнут путем применения данных мер. Отходят от указанной модели прибалтийские законодатели. Так, Литовский законодатель в ст. 82 УК вовсе отказался от выделения четкого основания применения ПМВ при освобождении лица от уголовной ответственности и от наказания, однако, установил императивное правило их применения к лицам, совершившим уголовный проступок. Законодатель Эстонии в ст. 87 Пенитенциарного кодекса указывает на учет уровня нравственного и умственного развития лица, а также его способность осознавать запрещенность своего деяния либо управлять своим поведением. Законодатель Латвии в ст. 66 УК указывает на учет особых обстоятельств совершения уголовного преступления и полученных сведений о личности правонарушителя, смягчающих его ответственность.

Сравнительный анализ позволяет обратить внимание на то, что различие в подходах к регламентации основания применения ПМВ во многом обусловлено различием в порядке их применения. При этом в регламентации основания применения имеется ряд проблем, связанных с: конструированием института ПМВ в рамках институтов освобождения от уголовной ответственности, освобождения от уголовного наказания, условного осуждения, самостоятельной формы реализации уголовной ответственности, и с соотношением института ПМВ с вышеперечисленными; определением тех социально-положительных результатов, которые могут быть реально достигнуты применением ПМВ и соотношением целей, поставленных перед уголовной ответственностью, уголовным наказанием, мерами воспитания. Как представляется, это во многом обусловлено неопределенностью законодателей с правовой природой данных мер, их ролью, местом в системе средств уголовно-правового воздействия, в

---

<sup>21</sup> Так, под ресоциализацией и реабилитацией в п. 18 ст. 3 данного закона понимается «формирование и развитие у несовершеннолетних чувства ответственности, уважения к правам других людей, содействие физическому, умственному, духовному, нравственному и социальному развитию несовершеннолетних и их подготовка к обретению своего места в обществе».

<sup>22</sup> Данная цель ресоциализации, например, поставлена в ст. 25 ФЗ № 182 от 23.06.2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

связи с чем, предпринимаются попытки (не совсем удачные) «встроить» данный институт в институты освобождения от уголовной ответственности, освобождения от уголовного наказания и т.д., без учета специфики проанализированного нами института. Сказанное, несомненно, актуализирует данную тему и определяет необходимость ее дальнейшего углубленного изучения, в целях поиска наиболее оптимальной и эффективной модели законодательного описания, как основания применения, так и модели самого института ПМВ.

### **Библиографический список**

1. Уголовное право. Общая часть: учеб.пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2016. – 600 с.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании. Учебник для вузов. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – 464 с.
3. Благоев, Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности / Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7(92). – С. 161-168.
4. Дифференциация ответственности в уголовном праве / А.В. Васильевский, Л.Л. Кругликов. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
5. Наказание в уголовном праве: учеб.пособие для студентов образовательных организаций, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалиф. (степень) «бакалавр» / Ф. Р. Сундуков, М. В. Талан. – М.: Статут, 2015. – 256 с.
6. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г.А. Василевич [и др.]; под науч. ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 990 с.

## **ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**А.В. Ткачев**

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета Московского  
государственного университета им. М.В. Ломоносова,  
кандидат юридических наук, доцент*

Одним из актуальных направлений, связанных с правовым регулированием процессов построения «цифрового общества», является создание юридической базы использования информационных систем, основанных на искусственном интеллекте. В настоящее время отечественное право находится на начальном этапе создания такой базы.

Приняты первые нормативные акты, в которых сформулирован понятийный аппарат и решены некоторые другие общие вопросы необходимые

для создания нового направления правового регулирования. Так, в п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. сформулировано понятие искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1]. Данное определение практически текстуально воспроизведено, за исключением расшифровки понятия информационно-коммуникационной инфраструктуры (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации) в ФЗ РФ № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [2].

С принятием указанных правовых документов, несмотря на использование в них оценочных, трудно определимых понятий, появились нормативные критерии, дающие возможность разграничить в правовом плане системы, использующие технологии искусственного интеллекта, от других автоматизированных систем. Таковыми критериями являются:

- присущие системам искусственного интеллекта технологические решения, позволяющие имитировать когнитивные функции человека;
- результаты их деятельности, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В то же время многие вопросы правосубъектности искусственного интеллекта на законодательном уровне не решены, в частности не урегулированы вопросы ответственности за причинение вреда в процессе использования соответствующих технологий. Российское законодательство несколько запаздывает по сравнению с рядом зарубежных юрисдикций, в котором попытки регулирования в указанной области уже предприняты. Например, Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Рекомендации № 2102 от 28.04.2017 года по технической конвергенции, искусственному интеллекту и правам человека [3] и Европейскую этическую хартию по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении [4].

Между тем судебные и правоприменительные органы сталкиваются с необходимостью разрешать споры, в которых приходится решать вопросы об отнесении той или иной системы к технологии искусственного интеллекта и

выяснять роль функций, выполняемых искусственным интеллектом, в причинении вреда или нарушении иных прав субъектов соответствующих правоотношений [5]. Большое значение приобретает проблема установления факта наступления вредных последствий в результате самостоятельной реализации искусственным интеллектом когнитивных функций человека.

В криминалистической литературе вопросы использования искусственного интеллекта рассматриваются главным образом с точки зрения его использования для оптимизации деятельности по расследованию преступлений [6; 7; 8]. В тоже время изучение особенностей следовой картины, возникающей при совершении преступлений с помощью искусственного интеллекта, и разработка на этой основе положений по расследованию соответствующих правонарушений, в том числе выяснения обстоятельств связанных с установлением ответственности, пока не привлекает внимание криминалистов. Представляется необходимым начинать работу в данном направлении.

Видимо можно полагать, что все следы, возникающие в процессе совершения преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта можно разделить на следующие группы. Во-первых, идеальные следы в сознании участников преступного события свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых). Во-вторых, материальные следы, связанные с проявлением преступных действий (бездействий) в виде физического взаимодействия различных объектов. В-третьих, материальные следы в виртуальном пространстве. Указанные виды следов характерны для большинства преступлений, совершаемых с применением цифровых технологий. Однако особенность искусственного интеллекта, связанная с возможностью его самообучения и решения задач, не поставленных его разработчиками в явном виде, ведет к появлению специфических особенностей формирования следовой картины и действий по ее выявлению.

В ходе расследования, с целью установления пределов и оснований ответственности, возникает необходимость в выявлении причинно-следственной связи с наступлением вредных последствий в результате действия (бездействия) искусственного интеллекта функциями и разграничении тех из них, которые были прямо предусмотрены его программным обеспечением и/или обусловлены ошибками допущенными при создании таких программ, от тех, где причинение вреда произошло при реализации функций, которые система искусственного интеллекта выработала самостоятельно.

Рассмотрим данную ситуацию на примере управления беспилотным транспортом в ходе, которого была причинена смерть или тяжкие телесные повреждения человеку транспортным средством.

Представляется, что идеальные следы в памяти свидетелей и потерпевших, а также материальные следы, отражающие физическое взаимодействие транспортного средства с потерпевшим, другими вещными объектами позволят установить внешний механизм события, но их исследование не даст информации позволяющее решить вышеуказанную задачу. Показания

подозреваемых (обвиняемых) требуют критического отношения при их оценке. Кроме того, даже правдивые показания данных лиц могут основываться на субъективных ошибочных представлениях о достоинствах и недостатках созданных ими программных продуктах. Видимо наибольший интерес будет представлять изучение виртуальных (цифровых, электронных) следов, отражающих особенности функционирования программ в ходе преступного события и позволяющих установить операции, произведенные искусственным интеллектом вне рамок заданных его разработчиками. Основным средством доказывания будут выступать специальные знания в форме экспертного исследования компьютерной информации и техники. Это потребует создания специфического инструментария в данной отрасли судебной экспертизы. В настоящее время предметом исследования является главным образом установление функций программ, созданных разработчиками или изменение этих функций в результате воздействия программ, написанных иными лицами, например, создателями вредоносных программ. Установление появления в программе новых функций, созданных такой программой самостоятельно, является новой задачей, стоящей перед экспертизой компьютерной информации и техники.

В связи с решающим значением, которое приобретает экспертные исследования для установления причинно-следственной связи между наступлением вредных последствий и соответствующими действиями (бездействиями) искусственного интеллекта возникает опасность сведения процесса доказывания к выводам эксперта [9, с. 33]. Это требует разработки комплексной методики доказывания и определения в ней места и роли экспертных исследований.

### **Библиографический список**

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
2. Собрание законодательства РФ, 27.04.2020, N 17, ст. 2701.
3. PACE Recommendation 2102 (2017). Technological convergence, artificial intelligence and human rights. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en>.
4. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment (Strasbourg, 3 - 4 December 2018). URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.
5. Например: определение Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2020 г. № 88-6364/2020 по делу № 42MS0092-01-2019-001235-96; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 07.10.2020 г. по делу № А33-5345/2020.
6. Ищенко, Е.П., Топорков, А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010.



7. Аршинский, Л.В., Жигалов, Н.Ю., Мункожаргалов, Ц.Б. Проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике // Российский следователь. - 2013. - № 3. - С. 6 - 10.

8. Сушина, Т.Е., Собенин, А.А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. - 2020. - № 6. - С. 21 - 25.

9. Лаптев, В.А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. - 2017. - № 3. - С. 32 - 35.

## **ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ**

**Г.М. Третьяков**

*доцент кафедры уголовного права,  
уголовного процесса и криминалистики*

*УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Информационная сфера приобретает ключевое значение и оказывает значительное влияние на современное общество, государство, на происходящие экономические и социальные процессы.

Активное распространение информационных технологий во всех сферах обуславливает срез определенных проблем. В том числе данные проблемы стоят перед правоохранительными органами и связаны с противодействием правонарушениям в рассматриваемой сфере. Преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, сегодня прочно зарекомендовали себя как явление международного масштаба, носят ярко выраженный транснациональный характер.

В Республике Беларусь за последние годы отмечается существенный рост количества преступлений в сфере высоких технологий. Так, за 2019 год было зарегистрировано 10 567 преступлений в сфере высоких технологий. Рост по сравнению с 2018 годом составил 121,6% (4769 преступлений в 2018 году). В 2018 по сравнению с 2017 годом количество выявленных преступлений также возросло на 53%. Вместе с тем увеличивается и удельный вес преступлений данной категории от общего количества регистрируемых в стране преступлений (в 2015 г. – 2,5%, 2016 г. – 2,7%, 2017 г. – 3,6%, 2018 г. – 5,7%).

Подавляющее число преступлений (2019 год – 76,4%; 2018 год – 75,6%), выявленных в сфере высоких технологий, относятся к хищениям путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК Республики Беларусь). Число таких преступлений, относящихся к категориям особо тяжких и тяжких, увеличилось в 2019 году в 3 раза (с 44 до 130).

В 2019 г. было установлено 1 859 лиц (2018 год – 1 283) совершивших преступления в сфере высоких технологий [1].

Следует отметить, что представленные статистические сведения включают лишь преступления, предусмотренные главой 31 УК Республики Беларусь (стст. 349-355) – преступления против информационной безопасности и ст. 212 УК Республики Беларусь – хищение путем использования компьютерной техники.

В то же время, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи, а также практические работники, эволюционирование киберпреступности привело к тому, что функциональный потенциал информационно-коммуникационных технологий позволяет использовать их в качестве орудий или средств совершения почти всех предусмотренных уголовным законом преступлений.

Анализ судебно-следственной практики позволяет говорить о том, что сегодня тенденции развития киберпреступности в Республике Беларусь в целом совпадают с основными мировыми тенденциями развития преступности в исследуемой сфере.

За рубежом в силу отличий национального законодательства существуют различные подходы к оценке показателей преступности. В ежегодном отчете Европола по оценке угроз преступности в сети Интернет на сегодняшний день, в качестве наиболее опасных выделяют следующие типы преступных посягательств [2], которые характерны также и для Республики Беларусь.

Киберзависимые преступления. В данную категорию включаются преступления объектом которых являются отношения в сфере информационной безопасности.

В числе ключевых угроз присутствует все большее распространение специализированных программ-вымогателей, которые наносят ущерб как государственному, так и частному сектору. Сложность противодействия данной категории преступлений обусловлена также их высокой латентностью, высокой степенью конфиденциальности, частым нежеланием жертв по различным причинам обращаться в правоохранительные органы.

Используемое программное обеспечение может быть предназначено не только для персональных компьютеров, но и также для иных устройств. В особой зоне риска находятся мобильные телефоны, которые все чаще используются для осуществления мобильных платежей, являются средством хранения либо обеспечения доступа к конфиденциальной информации.

Отмечено также, что в 2020 году пандемия COVID-19 и переход многих компаний на дистанционные формы работы привели к существенному снижению обеспечения безопасности данных и компьютерных сетей и как следствие, увеличению количества преступных посягательств.

Как отмечается в указанном выше отчете Европола, по-прежнему не теряют актуальности угрозы DDoS атак, как целенаправленных, так и

автоматизированных, совершаемых с различной мотивацией от простого любопытства и «пробы» собственных сил, до вымогательства и совершения тщательно спланированных преступных действий за вознаграждение.

Посягательства против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. Практика правоохранительных органов ЕС отмечает постоянное увеличение количества материалов сексуального характера с участием несовершеннолетних, размещаемых в сети Интернет и связанных с ними преступлений, таких как распространение данных материалов, сексуальное насилие, сексуальное принуждение, вымогательство. В отчете Европола в 2020 году отмечено несколько причин этому, в том числе популярность порнографических материалов, рост количества материалов собственного производства несовершеннолетними, совершенствование механизмов выявления данных правонарушений, расширение времени досуга несовершеннолетних в сети Интернет, связанного с противозидемиологическими мероприятиями.

Индивидуальное распространение и обмен между пользователями обычно происходят в социальных сетях, сетевых платформах и широко используемых зашифрованных мессенджерах.

Данная категория преступных посягательств также отличается латентностью, поскольку жертвы могут быть не осведомлены, что интимная информация получила распространение или предпочитают скрывать обстоятельства совершения преступления в отношении них.

В Республике Беларусь также выявляются преступления, связанные с изготовлением порнографии с участием несовершеннолетних в целях ее дальнейшего коммерческого распространения.

Преступления, связанные с использованием электронных платежных инструментов.

Отмечается увеличение преступлений, связанных с изготовлением дубликатов сим-карт мобильной связи в целях получения доступа к сервисам, защищенным двухфакторной аутентификацией на основе SMS-сообщений. Поскольку для этого требуются профессиональные навыки и подробная информация об объекте, действия, связанные с изготовлением дубликатов сим-карт, являются хорошо спланированными и целенаправленными.

Отмечается стабильно высокий уровень преступности, связанной с компрометацией электронной почты (BEC-атака) – получение доступа к корпоративным учетным записям электронной почты, чтобы при помощи методов социальной инженерии обмануть получателей, вынудив их осуществить перевод денежных средств, переслать конфиденциальную информацию либо совершить иные действия.

Также по прежнему распространенным способом мошенничества является создание различных онлайн платформ, обещающих быстрый стабильно высокий заработок путем инвестиций и др.

Отмечается увеличение количества преступлений связанных с использованием похищенных данных о банковских картах при покупке товаров и услуг и электронном перехвате платежных данных с использованием вредоносных программ.

Распространенными остаются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, совершаемы с использованием сети Интернет. Правоохранители отмечают, что сегодня практически при совершении каждого преступления в этой сфере используются информационно-коммуникационные технологии.

Подводя итог рассмотренному, можно сформулировать направления совершенствования противодействия преступлениям, совершаемым с использованием компьютерной техники:

Совершенствование механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности.

Совершенствование правового регулирования ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерной техники, гармонизация законодательства, выработка единообразных подходов к квалификации и расследованию преступных действий на международном уровне.

Совершенствование правового механизма проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет, в том числе также и механизмов оперативного обмена информацией с зарубежными органами

Совершенствование профилактических мер, направленных на предупреждение преступности, повышение уровня осведомленности населения о распространенных угрозах и способах совершения преступных действий.

Повышение качества и специализированная подготовка сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий, экономики и др.

### **Библиографический список**

1. Статистика управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/statistika-urpsvt>. – Дата доступа: 30.03.2020.
2. Internet Organised Crime Threat Assessment. – European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol), 2019. – 63 p.

# **ЕДИНСТВО В ПОНИМАНИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**А.М. Хлус**

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Цифровые технологии активно проникают в сферу противодействия преступности. Высказано мнение о необходимости разработки компьютерной программы, заменяющей уголовное дело в бумажном формате [1]. Эта научная мысль послужила поводом для начала обсуждения вопроса о необходимости ведения уголовного процесса в электронной форме [2, с. 67–73].

Соглашаясь с мнением о необходимости совершенствования процессуальной деятельности, считаем, что внедрение в нее цифровых технологий наталкивается на ряд проблем. На пути цифровизации уголовного судопроизводства необходима, во-первых, детальная законодательная регламентация процесса внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, а, во-вторых, тщательная техническая и процессуальная проработка имеющихся проблем.

Совершенствование уголовного процесса посредством цифровых технологий представляет собой внешнюю форму оптимизации следственной деятельности, для которой значима и содержательная сторона, определяемая уголовным правом и криминалистикой.

Анализ развития и взаимосвязи этих наук привел современных ученых к пониманию общности объекта их исследования. Еще на заре формирования специальных знаний в систему криминалистика была представлена «наукой о реальностях уголовного права» [3, с. 109]. Это достаточно важная мысль Ганса Гросса, фактически указавшего на неразрывную связь двух внешне существенно различающихся наук, для которых характерно много общего. К сожалению, некоторые ученые, занимающиеся исследованиями в области борьбы с преступностью, утратили осознание криминалистики как реальности уголовного права. Это приводит к субъективному разрыву между родственными науками, созданию барьеров на пути их интеграции и унификации понятийного аппарата. Данная тенденция сохраняется в условиях развития цифровых технологий, в равной степени проникающих в систему рассматриваемых наук.

На первый взгляд никакой связи не имеется между цифровизацией и интеграционными процессами, направленными на объединение уголовно-правовых и криминалистических знаний. Интеграцию указанных наук не следует рассматривать как всеохватывающий процесс, направленный на «объединение их (и их методов) в единое целое, стирание граней между ними» [4], поглощение существующих системных знаний каждой из наук. В

отношении уголовного права и криминалистики можно говорить о возможности интеграции определенной совокупности знаний. В ее результате уголовное право и криминалистика не утрачивают самостоятельности. Они изначально призваны решать вопросы, отличающиеся специфичностью и характерные только данным областям знаний. Такими вопросами для уголовного права являются, например, содержащиеся в его общей части, а для криминалистики особенности работы с многочисленными видами следов на месте криминального происшествия. Но имеется область знаний, в пределах которой уголовное право и криминалистика соприкасаются. Именно соприкасаются, но на данный момент еще рано утверждать, что они тесно связаны на основе единства подходов к пониманию исследуемого объекта.

Специалисты в области уголовного права и криминалистики выражают мнение, что данные науки объединяет общий объект исследования. Им является преступление. Но понимание объекта исследования учеными в области материального права и криминалистики различается. Проблема кроется не в нормативной формулировке понятия, согласно которой «преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенные им под угрозой наказания» [5]. Отсутствуют публикации по криминалистике, где бы содержались несогласие с нормативной трактовкой понятия «преступление» и предложения по ее изменению. Проблема находится глубже, в представлении тех признаков, предусмотренных уголовным кодексом.

С точки зрения теории уголовного права признаки преступления охватываются понятием «состав преступления», элементами которого являются объект и объективная сторона преступления, субъект и субъективная сторона преступления.

Научно-правовая конструкция состава преступления имеет абстрактный характер и, следовательно, его элементам свойственна та же абстрактность.

Показательным в этом аспекте является объект преступления, который с точки зрения уголовного права представлен в виде общественных отношений, охраняемых нормами права.

Концепция общественного отношения до сих пор доминирует в теории отечественного уголовного права при рассмотрении объекта преступления. Данная концепция не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равнозначного понятия для уголовного права и криминалистики.

Сложилась ситуация, когда имея общий объект исследования — преступление, близкие по духу, имеющие единую социальную значимость — борьба с преступностью, эти науки по многим вопросам о преступлении находятся на полярных позициях. Очевидно, что такое положение не способствует интеграционному процессу уголовного права и криминалистики, и, более того, создает некоторые проблемы для правоприменительной практики в части квалификации деяния.

Понимание объекта преступления в криминалистике складывается несколько иное и тому имеются объективные причины. Следует заметить, что далеко не все ученые-криминалисты воспринимают новую идею о ином подходе к криминалистическому познанию преступления. Причиной тому является сложившееся на первоначальном этапе развития криминалистики представление аксиоматичности теоретических знаний, разработанных в уголовном праве. Речь идет о тех знаниях уголовного права, на которых основывалось развитие криминалистики. Это повлекло за собой разработку учения о криминалистической характеристике преступления, содержащей блок сведений, заимствованных в неизменном виде из теории уголовного права.

Различие во взглядах на категорию «криминалистическая характеристика преступлений», абстрактность этого понятия, повлекло за собой выдвижение идеи о необходимости осуществить иной подход к криминалистическому познанию преступлений.

В ее основе ряд обстоятельств, позволяющих видеть тесную взаимосвязь уголовного права и криминалистики.

Во-первых, возвращение к пониманию криминалистики как науки «о реальностях уголовного права» позволяет перейти от абстрактных уголовно-правовых понятий и терминов в сферу реального, криминалистически значимого проявления конкретного преступления.

Во-вторых, преступное деяние, с позиции криминалистической науки рассматривается в качестве системы, которая, учитывая первое обстоятельство, не может быть абстрактной. Для нее характерна структура, состоящая из материальных образований (элементов).

Развитие идеи о необходимости осуществить иной подход к криминалистическому познанию преступления повлекло за собой разработку основ учения о материальной структуре преступления. Согласно этому учению элементами преступного деяния являются «субъект, совершающий преступление, объект преступного посягательства, средство совершения преступления, предмет преступного посягательства и предмет преступления» [6, с. 62].

Основываясь на данном учении, рассмотрим различие в подходах к пониманию объекта преступления, с позиции уголовного права и криминалистики на примере конкретного вида преступлений, например, мошенничества (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В отличие от уголовно-правового понимания объекта посягательства (общественные отношения собственности) данный элемент с точки зрения криминалистики в структуре мошенничества всегда материален.

Объектом преступного посягательства в криминалистическом понимании этого элемента структуры мошенничества выступает материальная система, на которую оказывает воздействие субъект, совершающий преступное деяние. Воздействие может быть оказано, как правило, психологическое. Особенность проявления воздействия со стороны субъекта на объект посягательства

позволяет различать в структуре рассматриваемых преступлений одушевленные и неодушевленные объекты.

Часто объектом посягательства в момент совершения мошенничества является конкретный человек. Оказав психологическое воздействие на него, преступник достигает своей цели, т. е. завладевает чужим имуществом. В результате воздействия на человека (в уголовно-процессуальном смысле на потерпевшего) преступник причиняет ему вред различной степени, как материального, так и морального характера.

Человек как объект посягательства при совершении мошенничества играет важную роль в процессе расследования деяния. Благодаря предоставленной им информации возможно восстановление картины произошедшего события, познание способа совершения мошеннических действий. Кроме того, у потерпевшего могут быть предметы, переданные ему мошенником, например, поддельные ювелирные изделия, которые подлежат изъятию и исследованию.

Объектом посягательства при совершении мошенничества может выступать и иная материальная система. В таком качестве «следует рассматривать юридических лиц (организации), например, банки, страховые компании, предприятия торговли и т. д. Таковыми они будут в случае проявленных в отношении их различных опосредованных способов воздействия. Воздействие оказывается через служащих (работников) организации, денежные средства либо имущество которой представляют интерес для мошенника. Например, он воздействует на уполномоченного работника кредитной организации посредством информации, как вербального характера, так и отраженной на материальных носителях (в документах). Уполномоченный служащий (работник) организации действует от ее имени и в ее интересах, выступает посредником в отношениях, складывающихся между организацией и гражданином. Это позволяет говорить об организации как об объекте посягательства» [7, с. 88].

Следовательно, в материальной структуре мошенничества объектом посягательства может быть человек (в единственном числе или группа людей) либо организация. Именно в отношении данных объектов мошенник совершает действия, отражаемые в определенной системе следов, содержащих информацию о преступлении и представляющих интерес с точки зрения криминалистики.

На примере объекта преступления показано существенное различие уголовно-правового и криминалистического понимания этого важного элемента в преступной системе. Аналогично можно рассмотреть и иные элементы преступления, понимание которых в уголовном праве и криминалистике различается. Это в равной степени касается предмета преступления, предмета преступного посягательства (в уголовном праве эти элементы не разделяются и речь идет только о предмете преступления) и средства совершения преступления. Можно высказать предположение о



необходимости единообразного понимания, наполнения общим содержанием и использования терминологии в рамках уголовного права и криминалистики.

Возвращаясь к вопросу о влиянии цифровых технологий на интеграцию знаний уголовного права и криминалистики, следует отметить следующее. Во-первых, цифровизации должно предшествовать решение междисциплинарных проблем. Выше мы указали на одну имеющуюся проблему различного понимания объекта преступления в уголовном праве и криминалистике. По нашему мнению, проведение междисциплинарных исследований позволит найти правильный путь в решении не только обозначенной, но и иных проблем. Во-вторых, цифровизация систем уголовно-правовых и криминалистических знаний в том виде, в котором они пребывают в настоящее время, не будет способствовать развитию интеграционных процессов в уголовном праве и криминалистике. В-третьих, внедрение в уголовное право и криминалистику цифровых технологий способно несколько нивелировать, сделать не заметными, но не устранить, имеющиеся проблемы в системе междисциплинарных знаний уголовного права и криминалистики, что, в итоге, приведет к приостановлению интеграционных процессов. Объясняется это характерными для цифровизации особенностями. Данному инновационному процессу свойственны как положительные, так и отрицательные качества. Уникальная возможность накапливать и хранить в неограниченном количестве информацию является положительной стороной цифровизации. Но, с другой стороны, использовать ее в оцифрованном виде, например, в исследовательских целях значительно труднее, нежели пользоваться тем же объемом информации, представленном традиционным способом в бумажном формате.

На основании изложенного можно сделать вывод, что использование цифровых технологий в уголовном праве и криминалистике является преждевременным процессом, реализация которого должна следовать после устранения междисциплинарных проблем, сложившихся на данном этапе развития названных наук.

### **Библиографический список**

1. Савчук, Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности : предпосылки и проблемы внедрения [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: Режим доступа: [https://institutemvd.by/components/com\\_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160713093354\\_Savchuk.pdf](https://institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160713093354_Savchuk.pdf) . – Дата обращения: 08.10.2020.
2. Гридюшко, П.В., Бушкевич, Н.С. Об электронной форме ведения уголовного процесса // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2(34). – С. 67–73.
3. Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р.С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111с.
4. Парахонский, А.П., Венглинская, Е.А. Интеграция и дифференциация наук, их связь с образованием [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:

<http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12835>. – дата доступа: 10.10.2020.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г., № 275-3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: [https://kodeksy-by.com/ugolovnyj\\_kodeks\\_rb.htm](https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm). - Дата доступа: 10.10.2020).

6. Гучок, А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.

7. Хлус, А.М. Методика расследования мошенничества: состояние и пути совершенствования // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. Вып. 1/47. – С. 85–90.

## **МЕТОДИКА УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**С.М. Храмов**

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин  
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Последние несколько десятков лет актуальность выявления и уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере применения современных медицинских технологий нарастает. Это связано, с одной стороны, с латентностью некоторой части общественно опасных деяний в данной сфере, с другой стороны – с недостаточной теоретической разработанностью вопросов, касающихся уголовно-правовой составляющей рассматриваемой проблемы. Уголовное право должно решать двуединую задачу. С одной стороны - обеспечивать всемерную охрану жизни человека, С другой - не препятствовать неизбежному прогрессу медицинских технологий. Именно поэтому «использование достижений современной медицины в реаниматологии и трансплантологии все более требует внимания со стороны науки уголовного права» [1].

В международной судебной практике появились первые примеры рассмотрения уголовных дел в сфере применения передовых биотехнологий. Так, в Китае ученый Хэ Цзянькуй и двое работавших под его началом коллег (Чжан Жэньли и Цинь Цзиньчжоу) были осуждены за проведение собственных экспериментов на человеческих эмбрионах, чтобы попытаться дать им защиту от ВИЧ. Это произошло в городе Шэньчжэнь, провинция Гуандун. Ученым инкриминировалось нарушение порядка проведения генетических экспериментов и этических норм, выразившееся в проведении незаконного эксперимента с рождением близнецов из генетически модифицированных эмбрионов. В качестве мотива преступления суд указал погоню за личной

славой и выгодой. Ученые, по мнению стороны обвинения, нарушили медицинский порядок. Сам Хэ Цзянькуй на суде настаивал, что «хотел сделать организм человека более устойчивым к болезням» [2].

Состоявшиеся два Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию прошли в 2010 г. (Сальвадор, Бразилия) и в 2015 г. (Доха, Катар). На данных Конгрессах специалистами активно обсуждались проблемы, связанные с необходимостью «совершенствования механизмов борьбы с преступностью в современных условиях» [3, с. 83]. По результатам обсуждения был сделан вывод о том, что «среди проблем, которые негативно влияют на состояние преступности, выделяются чрезмерная продолжительность расследования» [3, с. 83].

Для активизации работы по выявлению противоправных деяний в сфере применения современных медицинских технологий должна быть разработана и апробирована соответствующая криминалистическая методика. В качестве методологической оболочки может быть использован авторский Алгоритм установления обстоятельств, основные положения которого публиковались ранее [4; 5].

Рассмотрим возможные элементы такой методики на примере уголовно-наказуемого нарушения порядка проведения трансплантации (ст. 164 УК Республики Беларусь).

Нарушение условий и порядка изъятия органов или тканей человека либо условий и порядка трансплантации, предусмотренных законом, по своему содержанию противоправно. Эта категория в рассматриваемом контексте требует учета медицинского контекста. Как указывает А.В. Федченко, «в свете развития трансплантологии, а также проведения клинических испытаний лекарственных средств проблема правомерности / противоправности вреда, причиненного с согласия пациента, требует теоретического осмысления с учетом положений, выработанных биоэтикой» [6]. Кроме того, при квалификации подобных деяний должны быть учтены обстоятельства, связанные с возможной врачебной ошибкой, медицинским риском, а также трудно прогнозируемыми либо непрогнозируемыми возможными негативными результатами.

На первоначальном этапе необходимо зафиксировать факты, которые могут свидетельствовать о совершенном правонарушении. Например, при выявлении нарушения порядка проведения трансплантации имеет значение зафиксированный факт добровольной дачи согласия на забор органов и (или) тканей человека для трансплантации органов и (или) тканей человека реципиенту.

Для установления обстоятельств принуждения к даче органов или тканей для трансплантации требуется доказательство того, что потерпевший действительно принуждался к даче его органов или тканей для трансплантации, т.е. к трансплантации помимо его воли. Подобное утверждение справедливо и для близких этого лица.

Далее выдвигается гипотеза: донору или реципиенту причинены по неосторожности тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения вследствие нарушения условий и порядка изъятия органов или тканей человека либо условий и порядка трансплантации, предусмотренных законом. повреждения донору или реципиенту.

При расследовании данной категории дел может быть применен прием «Принцип другого взгляда на дело», разработанный автором. Реализация принципа состоит в следующем.

- а. Перейти от рабочей версии по делу к иной.
- б. Усилить иную версию до противоположной.
- в. Сопоставить данные, обнаруженные при отработке рабочей и иной версий.
- г. Установить фактические обстоятельства происшедшего.

Принцип другого взгляда на дело может быть реализован в выдвижении и проверке следующей анти-гипотезы по объективной стороне состава преступления: телесные повреждения причинены не вследствие нарушения условий и порядка изъятия органов или тканей человека либо условий и порядка трансплантации, а по другой причине.

Анти-гипотезой, связанной с проявлением субъективной стороны преступления, будет предположение о том, что последствия в виде причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения донору или реципиенту явились следствием умышленной формы вины.

Все выдвинутые гипотезы и анти-гипотезы исследуются и сопоставляются с фактическими обстоятельствами произошедшего события. В результате данной аналитической работы выделяется и окончательно формулируется основная гипотеза.

Далее необходимо ответить на ряд вопросов, связанных с исследуемым событием криминальной направленности.

Для этого целесообразно последовательно исследовать ряд вопросов. Марк Фабий Квинтилиан еще в I век н.э. (96 год) рекомендовал своим ученикам отвечать в речи – так или иначе – на следующие вопросы: Кто? Что? Где? Когда? Чем? Как? Почему?

Аналогичный перечень содержится у основателя криминалистики Ганса Гросса: следователь «при первом обнаружении серьезности или сложности работы, составляет для себя такой листок, причем выполнение его пунктов должно идти шаг за шагом, для важнейших же моментов следствия должны иметься отдельные графы. Эти графы для каждого дела должны заключать следующие вопросы: кто, что, где, какими средствами, каким образом и когда; кроме того, по каждому делу имена соучастников, доказательства за и против заподозренных, точное изложение в каждом случае признаков преступления, есть ли что-нибудь, напоминающее сознание косвенное, о вознаграждении убытков потерпевшего и т.п. обстоятельства» [7, с. 71-72].

Например, каким образом были нарушены условия и порядок изъятия органов или тканей человека либо условия и порядок трансплантации, предусмотренные законом?

Каким образом это сказалось на физическом состоянии донора или реципиента?

Кто причастен к нарушению порядка проведения трансплантации?

Когда произошло изъятие органов или тканей человека либо произведена трансплантация?

Исходя из собственной многолетней правоприменительной практики могу добавить перечень вопросов М. Квинтилиана и Г. Гросса еще двумя вопросами:

- кого / у кого,
- с какой целью?

На последующем этапе в обратном порядке исследуется цепочка действий / событий, приведшая к преступному результату; выдвигаются и отрабатываются версии, по результатам установления объективной истины дается окончательная уголовно-правовая квалификация произошедшего. Вне зависимости от результатов расследования и доказанности вины, потерпевший вправе заявить иск о необходимости возмещения причиненного физического и морального вреда.

Таким образом, на первоначальном этапе расследования с помощью применения криминалистической методики могут быть установлены и проверены обстоятельства преступлений в сфере применения современных медицинских технологий.

### **Библиографический список**

1. Ребеко, Н.В. Охрана жизни и право на смерть [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Гасюк, А. Гениальные арестанты. Китайские ученые сядут в тюрьму за незаконные эксперименты / А. Гасюк. – Текст : электронный // Российская газета. 2019. 30 дек. – (№ 296). – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/12/30/kitajskie-uchenye-siadut-v-tiurmu-za-nezakonnye-eksperimenty.html>. – Дата доступа: 28.05.2020).

3. Гирько, С.И. О «Международных стандартах» унифицированного дознания. Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – С. 81–85.

4. Храмов, С.М. Алгоритм установления обстоятельств и примеры решаемых с его помощью задач : криминалистический аспект исследования / Вучонья записки. – 2018. – Вып. 14. – Ч. 1. – С. 112–119.

5. Храмов, С.М. Установление обстоятельств преступлений [Электронный ресурс]. Режим доступа : [https://livrezon.ru/catalog/teoriya\\_tvorchestva/77/](https://livrezon.ru/catalog/teoriya_tvorchestva/77/) // Сборник 42-й конференции «Стратегии творчества» (СПб, 02.06.2018 г.) : гл. ред: А. А. Рыжачков. – Издательство «LIVREZON», 2018.

6. Федченко, А.В. К вопросу об обязательствах вследствие причинения вреда жизни или здоровью [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Гросс, Г.Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

## **ФУНКЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА<sup>23</sup>**

**К.М. Хутов**

*доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,  
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В настоящее время проходит процесс формирования профилактического права как самостоятельной отрасли права. Данный процесс активизировался с принятием Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851) (далее – ФЗ о профилактике правонарушений). Со вступлением в силу данного закона фактически уже сформировалась и продолжает далее развиваться и совершенствоваться самостоятельная комплексная отрасль законодательства, имеющая свой специфический предмет и систему источников права, в основе которой лежит базовый закон – ФЗ о профилактике правонарушений. В связи с этим актуализировался вопрос о функциях профилактического права.

Функция права в ее классическом понимании представляет собой единство двух моментов: а) роли (назначении) права в обществе; б) основных направлений его воздействия на общественные отношения [1, с. 108]. Как указывает А.И. Абрамов, подобный подход к понятию функций права синтезирует, в сущности, взгляды ученых, которые данную категорию сводят к одному из вышеуказанных компонентов [2, с. 71].

Исходя из роли профилактического права и основных направлений его воздействия на общественные отношения можно выделить целый ряд функций. Прежде всего, следует отметить предупредительную (превентивную) функцию профилактического права. В научной литературе отмечается, что в криминологическом смысле между понятиями «профилактика» и «предупреждение» нет существенных различий, они совпадают [3, с. 144] либо применяются как взаимозаменяющие термины [4, с. 185].

---

<sup>23</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194.

В ФЗ о профилактике правонарушений предупреждение правонарушений предусмотрено как одно из основных направлений профилактики правонарушений (п. 2 ч. 1 ст. 6). Предупреждение преступлений направлено, прежде всего, на воздействие на детерминанты преступности. Еще Чезаре Бекария писал, что лучше предупреждать преступления, чем карать за них [5, с. 230]. Безусловно, можно утверждать, что предупреждение преступности гораздо более эффективно, чем иные методы и направления борьбы с ней.

Результаты экспертного опроса, проведенного нами среди ведущих ученых-криминологов России (N=20), показали, что большинство из них полагает, что профилактическому праву присуща предупредительная (превентивная) функция – 94% опрошенных.

Помимо этого, в качестве функций профилактического права экспертами были названы регулятивная функция (41%) и воспитательная (41%). Треть респондентов полагает, что профилактическое право обладает также охранительной функцией (35%). Некоторые ученые отнесли к числу функций профилактического права также поощрительную функцию, но таких меньшинство (23%).

Регулятивная функция профилактического права проявляется в регламентации общественных отношений, возникающих в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации. Это большей частью установление определенного правового статуса и режима деятельности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений. Также это установление взаимных прав и обязанностей субъектов профилактических правоотношений. В целом данная функция заключается в правовом регулировании профилактики правонарушений, посредством которого осуществляется реализация основных направлений профилактики правонарушений.

Воспитательная функция профилактического права находит свое отражение в первую очередь в таком основном направлении профилактики правонарушений, предусмотренном п. 16 ч. 1 ст. 6 ФЗ о профилактике правонарушений, как повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан. Также явно выражено данная функция проявляется при осуществлении индивидуальной профилактики правонарушений, которая направлена на оказание воспитательного воздействия на лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Категории таких лиц перечислены в ч. 2 ст. 24 ФЗ о профилактике правонарушений. Воспитательная функция профилактического права прослеживается также при применении такой формы профилактического воздействия, как профилактическая беседа.

Воспитательная функция тесно связана с поощрительной функцией профилактического права. Последняя проявляется, в частности, при применении таких форм профилактического воздействия как социальная адаптация, ресоциализация и социальная реабилитация. Так, в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 24 ФЗ о профилактике правонарушений, обеспечение социальной

адаптации осуществляется посредством стимулирования деятельности организаций, предоставляющих рабочие места лицам, нуждающимся в социальной адаптации, а также лицам, прошедшим курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании, а также соответствующую реабилитацию.

Охранительная функция профилактического права проявляется главным образом при осуществлении предусмотренных ФЗ о профилактике правонарушений основных направлений профилактики правонарушений, как защита личности, общества и государства от противоправных посягательств (п. 1 ч. 1 ст. 6); охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий (п. 4 ч. 1 ст. 6); обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности (п. 5 ч. 1 ст. 6); противодействие терроризму и экстремистской деятельности, защита потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей (п. 8 ч. 1 ст. 6); противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (п. 9 ч. 1 ст. 6); обеспечение защиты и охраны частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (п. 10 ч. 1 ст. 6).

Как нам представляется, кроме названных функций у профилактического права также есть правотворческая, организационная и координационная функции.

Правотворческая функция выражается в разработке в соответствии со ст. 7 ФЗ о профилактике правонарушений государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений. Федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации обязаны разрабатывать государственные программы Российской Федерации в сфере профилактики правонарушений и государственные программы субъектов Российской Федерации в сфере профилактики правонарушений соответственно. Органы местного самоуправления наделяются правом разрабатывать муниципальные программы в данной сфере.

Организационная функция профилактического права состоит в необходимости регулирования нормами профилактического права деятельности, направленной на организацию всего процесса правоисполнения в сфере профилактики правонарушений. Профилактическое законодательство устанавливает организационные основы функционирования системы профилактики правонарушений, в том числе информационное обеспечение профилактики правонарушений посредством средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также мониторинг в сфере профилактики правонарушений, который проводится субъектами профилактики правонарушений в пределах их компетенции. Проявлением



организационной функции профилактического права является проведение профилактического учета (сбор, регистрация, обработка, хранение и предоставление информации), который предназначен для информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений.

С организационной функцией профилактического права взаимосвязана координационная функция, выражающаяся в обеспечении нормами профилактического права эффективного и согласованного взаимодействия всех субъектов профилактики и лиц, участвующих в профилактике правонарушений. В соответствии с ч. 1 ст. 30 ФЗ о профилактике правонарушений, в целях координации деятельности в указанной сфере создаются и функционируют межведомственный, ведомственные и региональные координационные органы.

Таким образом, исходя из роли профилактического права и основных направлений его воздействия на общественные отношения можно выделить предупредительную (превентивную), регулятивную, воспитательную, поощрительную, охранительную, правотворческую, организационную и координационную функции профилактического права.

#### **Библиографический список**

1. Радько, Т.Н. Понятие и функции социалистического права // Вопросы теории государства и права. Сборник статей / под ред. М.И. Байтина и В.В. Борисова. Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1971, Вып. 2. – С. 106-122.
2. Абрамов, А.И. Понятие функций права // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 71-83.
3. Бурлаков, В.Н., Полудняков, В.И. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // Правоведение. – 2016. – № 6 (329). – С. 134-150.
4. Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.
5. Беккария, Ч.О преступлениях и наказаниях. Перевод с итальянского / Сост.: Юмашев М.Ю.; 5-е изд., испр. и увелич. – М.: Стелс, 1995. – 304 с.

### **ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ОДЕЖДЫ И ПОВРЕЖДЕНИЙ НА НЕЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МЕХАНИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ОДЕЖДЫ**

**В.А. Чванкин**

*доцент кафедры криминалистических экспертиз  
следственно-экспертного факультета  
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

При проведении исследований, в том числе и трасологических, не малое значение приобретает всестороннее описание объекта(ов) исследования, так как

его грамотное и полное описание, позволит устранить возможные противоречия в иных процессуальных документах по уголовному делу.

Трасологическая экспертиза механических повреждений одежды состоит из ряда последовательных этапов:

- ознакомление с документами и материалами дела (обстоятельствами дела и результатами судебно-медицинского исследования трупа либо данными освидетельствования живого лица, историей болезни и т. д.) в объеме, касающемся производства экспертизы;

- осмотр одежды, представленной на исследование;

- выявление на одежде повреждений и следов, установление их вида, локализации, формы, размеров и т.д.;

- осмотр представленного на исследование орудия или оружия;

- получение экспериментальных повреждений;

- сравнительное исследование;

- оценка результатов, формулирование выводов и составление заключения.

Существенным аспектом, влияющим также на результаты исследования, является квалифицированный осмотр одежды и повреждений на ней.

Осмотр одежды выполняют с целью установления ее вида, размеров, состояния и обнаружения следов и повреждений.

При этом указывают наименование предмета одежды, материал, из которого он изготовлен, его строение, степень изношенности и другие особенности, имеющие значение для решения поставленных вопросов.

Размеры предметов одежды (таких как пальто, блузки, сорочки, пиджаки, платья и т.д.) устанавливают путем стандартных измерений ширины в плечах (между швами втачки рукавов) и общей длины со стороны спинки (расстояния от шва втачки ворота до низа полы), в брюках, юбках и т.д. – измеряется длина (расстояние от верхнего края поясной части до свободного края штанины (юбки)) и окружность поясной части (при застегнутом положении ее). В головных уборах – измеряется окружность изнутри.

В ходе осмотра и измерений предметы одежды предпочтительнее располагать на макете либо на большом столе, предварительно застелив его листами белой бумаги.

Состояние одежды определяется степенью ее изношенности и загрязнения. В процессе эксплуатации механические свойства одежды снижаются, и она может легко рваться вследствие ветхости от незначительных механических повреждений.

Загрязнения одежды чаще всего связаны с пропитыванием кровью и наложениями различных веществ, находящихся на слепообразующих предметах. Засохшие следы крови могут изменить вид повреждений и затрудняют их исследование. В случаях, когда исследование повреждений невозможно из-за высохшей крови, трудно расправляемых складок и неровностей, одежду следует увлажнить водой до ее разглаживания, а область повреждения зафиксировать на куске картона или фанеры и т.д.

Наличие других загрязнений (минеральных масел, грязевых следов, копоти и т. д.) должно быть подробно отмечено в заключении с указанием формы, размеров и локализации.

Примеры описания одежды, представленной на исследование:

1.«...Представленная на исследование мужская сорочка, изготовлена из ткани синего цвета. Имеет отложной воротник, втачные рукава с манжетами. Длина сорочки по спинке от шва пришива рукава до низа 600 мм, ширина спинки 400 мм, длина рукава 580 мм. На полочках сорочки расположено по одному нагрудному накладному карману прямоугольной формы размерами 115х140 мм с клапаном. Застежка сорочки на планке осуществляется на восемь круглых пуговиц диаметром 7 мм, изготовленных из полимерного материала синего цвета и восемь прорезных петель. Застежка клапанов карманов и манжет рукавов на пуговицах того же вида и прорезные петли...».

2. Фуфайка из материала синего цвета в клетку бело-голубого цвета. Фуфайка с отложным воротником и с длинными втачными рукавами. Застежка фуфайки глухая, представлена замком типа «молния», длиной 175 мм, пуговицей и прорезной петлей. Застежка манжет рукавов осуществляется на пуговицу с прорезной петлей. Длина фуфайки по спинке от, от шва пришива воротника до низа – 625 мм, ширина спинки 580 мм, длина рукава 540 мм. На перед фуфайки (в левой верхней части) расположении накладной карман прямоугольной формы...».

Затем предметы одежды фотографируют с масштабной линейкой. Особенно наглядны цветные фотоизображения, которые передают цвет следов крови, копоти и посторонних загрязнений, поэтому такая фотосъемка является предпочтительной.

При обнаружении повреждений на одежде указывают их вид, форму, размеры, количество и локализацию. Если повреждения располагаются на различных предметах верхней и нижней одежды, необходимо сопоставить их по локализации, а при возможности и с повреждениями на теле погибшего, с целью решения вопроса о возможности их одномоментного образования. Каждое из повреждений фотографируют по правилам масштабной съемки. В случае, если поврежденная одежда многослойная, то наряду с изучением видимых отверстий следует осмотреть скрытые повреждения на внутренних участках одежды (бортовке), где признаки орудия могут проявиться гораздо лучше. Для этого одежду аккуратно и экономно распарывают, о чем в заключении эксперта должно быть соответствующее упоминание.

Примеры описания повреждений на одежде:

1. «...Визуальным осмотром сорочки установлено, что:
  - на сорочке имеются наслоения вещества темного цвета;
  - сорочка ношена, загрязнена, со следами эксплуатационного износа;
  - на спинке сорочки в 320 мм от левого плечевого шва и в 20 мм от левого бокового шва по углом 60 градусов относительно нижнего среза сорочки

имеется сквозное повреждение линейной формы длиной 14 мм. При соединении краев «минус» ткани не наблюдается.

При исследовании повреждения с использованием криминалистической лупы 4-х кратного увеличения и микроскопа МБС-10 под различными углами к источнику освещения установлено, что:

- левая и правая сторона повреждения образуют острые углы, края повреждений ровные;
- свободные концы нитей отдельных нитей находятся на разном уровне, углы повреждения острые;

На концах некоторых нитей наблюдается разволокнение, волокна нитей имеют вид метелочек, отдельные нити в центральной части повреждены вытянуты.».

2. «Осмотром фуфайки установлено следующее:

- на сорочке имеются наслоения вещества темного цвета;
- сорочка ношена, загрязнена, со следами эксплуатационного износа;
- на передне фуфайки, в 355 мм от правого плечевого шва и в 203 мм от правого бокового шва расположено вертикальное сквозное повреждение линейной формы, длиной 11 мм. Края повреждения ровные, при их сложении «минуса» материала не имеется.

При микроскопическом исследовании (МБС-10, увел. 8-56х) повреждения установлено, что его края ровные, не разволокнены, волокна не вытянуты, не источены, краевые волокна – равновеликие. Признаки, индивидуализирующие слеодообразующий предмет, не отобразились.».

Указанные особенности и примеры описания, позволят экспертам устранить имеющиеся противоречия, оптимизировать и алгоритмизировать процесс исследования и описания предметов одежды и повреждений на них, при проведении судебных трасологических экспертиз и исследований.

## **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**В.Ю. Чешко**

*доцент кафедры юридических дисциплин  
Военной академии Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Реформирование в современном стремительно меняющемся мире является важным условием для повышения эффективности их деятельности и создания благоприятных условий для развития экономики. На наш взгляд, с учетом необходимости повышения уровня обеспечения прав и свобод человека, а также эффективности управления система органов внутренних дел нуждается в реформировании.

Говоря о реформировании органов государственного управления, как правило, употребляется термин «административная реформа». При этом, целью такой реформы является «повышение эффективности функционирования органов исполнительной власти посредством изменения их структуры, штатов и полномочий» [1, с. 130]. В подтверждение данной точки зрения следует отметить, что при реформировании органов государственного управления в основном применяется в основном структурно-функциональный подход, при котором анализируются структурные элементы государственного органа, их правовой статус, связи с другими элементами и иными государственными органами. Кроме того, достаточно часто реформирование проводится в связи с появлением необходимости осуществлять какую-либо деятельность, требующую внимание государства (например, увеличение количества подразделений органов внутренних дел по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий).

Исследователями выделяются основные инструменты для реформирования и повышения эффективности системы органов государственного управления:

- децентрализация;
- реструктурирование институтов управления;
- перераспределение ролей, миссий и задач между различными уровнями управления;

- сокращение расходов на содержание бюрократического аппарата [2, с. 12].

Исходя из указанного перечня, можно провести анализ возможностей для совершенствования органов внутренних дел, но изначально исключим последний инструмент, поскольку обоснование сокращения расходов потребует конкретных предложений и расчетов. Цель же данной статьи заключается в поиске основных направлений реформирования.

Переходя к децентрализации системы органов внутренних дел считаем необходимым обратить внимание, что в настоящее время МВД, являясь республиканским органом государственного управления, встроен в иерархию (вертикаль) исполнительной власти Республики Беларусь в связи с этим достаточно проблематично говорить о децентрализации. Этот процесс следует начинать с расширения полномочий местных исполнительных и распорядительных органов; в последующем можно рассмотреть иные способы подчинения, функционирования и комплектования органов внутренних дел.

Следующим инструментом является реструктурирование. Данное направление имеет в себе определенный потенциал, поэтому обратимся к анализу возможностей для этого.

Для обоснования оптимизации структуры органа управления обратимся к категории «правовой статус». Правовой статус конкретного органа государственной власти характеризуется обособленностью, которая индивидуализирует его в системе государственного управления и придает ему признаки устойчивости, формируя при этом специфические основы для его

деятельности. Обособленность рассматривается в трех аспектах: организационный, функциональный, юридический [1, с. 131–132].

Система органов внутренних дел образуется исходя из организационного и функционального подходов. В первом случае она представляет собой единую централизованную систему подразделений, включающую центральный аппарат (республиканский уровень), территориальные органы (областной, районный и городской уровни), а также учреждения образования.

На основе функционального подхода органы внутренних дел состоят из следующих подразделений: милиции, по гражданству и миграции, охраны, финансов и тыла, а также органов и учреждений уголовно-исполнительной системы [3, ст. 11].

Функциональный подход, описанный в Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел в Республике Беларусь» может лечь в основу реформирования органов внутренних дел путем выведения из их состава подразделений, выполняющих функции, которые они могут более эффективно выполнять в составе других ведомств, либо в иных организационно-правовых формах. К примеру, на базе подразделений охраны может быть создана отдельная структура, которая будет выполнять только охранную функцию и не привлекаться для обеспечения общественного порядка. Подразделения уголовно-исполнительной системы могут войти в министерство юстиции Республики Беларусь, а изоляторы временного содержания территориальных органов внутренних дел могут быть преобразованы в отдельное структурное подразделение МВД, либо выведено в отдельную службу по обеспечению прав человек, как это сделано в Грузии.

Кроме того, каким бы парадоксальным это не казалось, в систему органов внутренних дел не входят внутренние войска МВД, несмотря на то, что организационно они входят в МВД, но не в систему органов внутренних дел. Причиной тому видится особый правовой статус внутренних войск и наличия военной службы, в отличие от органов внутренних дел. Это порождает правовую неопределенность в терминологии. Так, МВД является государственным органом, в котором предусмотрена военная служба, но сама военная служба предусмотрена только во внутренних войсках, что также усложняет распределение полномочий между руководством МВД и командованием внутренних войск (Министр осуществляет руководство, а командующий – непосредственное управление) [4, ст. 7], а также создает необходимость отдельной регламентации статуса внутренних войск в системе обороны Республики Беларусь [5, ст. 2].

В Российской Федерации в 2015 году внутренние войска преобразованы в национальную гвардию Российской Федерации, с включением в ее состав подразделений специального назначения МВД, вневедомственной охраны, органы, осуществляющие контроль (надзор) за соблюдением законодательства в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности [6].

Такое направление может быть оправданным, поскольку в настоящее время, на наш взгляд, возникла необходимость исключения из компетенции органов внутренних дел задачи по ликвидации массовых беспорядков и ее передачу в самостоятельную структуру. В обоснование этой позиции можно включить следующие аспекты:

- отсутствие единого подхода по обеспечению подготовки и выполнения данной задачи;

- не приспособленность к решению этой задачи районных органов внутренних дел;

- необходимость объединения различных подразделений под единым руководством, что обуславливает снижение эффективности и оперативности командования;

- отрыв личного состава органов внутренних дел от непосредственного исполнения своих обязанностей и привлечение к несвойственной задаче.

Отдельным направлением выступает разработка объективных показателей эффективности как государственных органов, так и конкретных должностных лиц. О. И. Чуприс справедливо отмечает, что «в Республике Беларусь могут получить законодательное закрепление и быть использованы на практике современные подходы к оценке эффективности деятельности органов государственного управления на основе применения систем сбалансированных показателей и ключевых показателей результативности...» [7, с. 63].

В основу таких показателей может лечь действующая в органах внутренних дел система показателей, но, по нашему глубокому убеждению, она должна пройти общественное обсуждение, поскольку для повышения оценки деятельности органов внутренних дел в глазах населения необходимо исходить из установки, что обеспечение общественного порядка также является социальной услугой, оказываемой государством населению. Это создаст взаимную ответственность как населения, так и государственных органов за обеспечение общественного порядка. Кроме того, целесообразно повышать прозрачность деятельности органов внутренних дел и их руководства с помощью открытых площадок для диалога и обсуждения наиболее значимых проблем, а также открытая социология об эффективности деятельности милиции.

Таким образом, в качестве основных направлений реформирования органов внутренних дел определим следующие:

- реформирование системы управления органами внутренних дел, с разделением функций по охране общественного порядка с обеспечением массовых мероприятий и пресечением массовых беспорядков;

- перераспределение функций МВД с передачей части полномочий другим государственным органам и создание новых подразделений;

- внедрение интегральных показателей эффективности сотрудников органов внутренних дел.

### **Библиографический список**

1. Соломатина, Е.А. Изменение административно-правового статуса МВД России как органа исполнительной власти в условиях административного реформирования / Е.А. Соломатина, А.А. Калинин // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 130–136.
2. Ромашевская, И. Реформирование системы государственного управления в Республике Беларусь: актуальные вызовы в контексте мирового опыта / И. Ромашевская, Т. Чулицкая. – Минск : SYMPRA, 2012. – 24 с.
3. О органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 июня 1993 г., № 2341-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Об обороне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 5 апр. 2015 г., № 157 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
7. Чуприс, О.И. Применение современных подходов к оценке эффективности деятельности органов государственного управления / О.И. Чуприс // Право.by. – 2015. – № 1. – С. 59–64.

### **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Ю.Л. Шевцов**

*доцент кафедры уголовного права юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В процессе реализации современной отечественной уголовно-исполнительной политики сформирована система компетентных органов государства, на которые возложены функции исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности. Их основной целью является исполнение обвинительных приговоров суда, реализация свойственных наказанию правоограничений и оказание исправительного воздействия на осужденных, а также достижение целей уголовной ответственности.



Поскольку уголовно-исполнительная политика направлена на реализацию предусмотренных уголовным законом мер, то следует уяснить, что относится к предмету уголовно-исполнительной деятельности.

В статье 1 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 (далее – УК) определен комплекс уголовно-правовых средств, а именно «наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния». Таким образом, в первоначальной редакции УК выделялись три самостоятельные подсистемы: 1) наказания, 2) иные меры уголовной ответственности, - и те, и другие применяются к субъектам преступлений, и их исполнение регулируется уголовно-исполнительным правом, и 3) принудительные меры безопасности и лечения как следствие совершения лицом общественно опасного деяния, которые реализуются органами здравоохранения или уголовно-исполнительной системы.

Белорусский уголовный закон исходит из понимания уголовной ответственности как общего понятия, которое объемлет собой все правовые последствия, которые могут следовать за совершением преступления и осуждением виновного лица. В Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь 2000 года (далее – УИК) это положение и закреплено в статье 1: «уголовно-исполнительное законодательство определяет порядок и условия исполнения и отбывания наказания, а равно применения иных мер уголовной ответственности». Иные меры уголовной ответственности, предусмотренные главой 11 УК, а именно: отсрочка исполнения наказания, условное неприменение наказания, осуждение без назначения наказания, превентивный надзор и профилактическое наблюдение, - выступают самостоятельными либо дополнительными формами реализации уголовной ответственности и их исполнение является предметом уголовно-исполнительной деятельности.

В системе белорусского УК принудительные меры безопасности и лечения не являются формами реализации уголовной ответственности. Предусматриваются три случая. Принудительные меры безопасности и лечения могут быть назначены судом: 1) в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные УК, с целью предупреждения со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний, охраны и лечения таких лиц; 2) наряду с наказанием в отношении совершивших преступления лиц, признанных умывенно вменяемыми, с целью создания условий для лечения и достижения целей уголовной ответственности; 3) наряду с наказанием в отношении совершивших преступления лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, с целью лечения и создания условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности.

В двух последних случаях УИК устанавливает, что в отношении лиц, осужденных к аресту, лишению свободы, пожизненному заключению и

страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, лиц, страдающих психическими расстройствами, или признанных уменьшенно вменяемыми осужденных учреждения, исполняющие наказание, применяют принудительные меры безопасности и лечения. В отношении осужденных к иным наказаниям и мерам уголовной ответственности назначенные судом принудительные меры безопасности и лечения применяются по месту жительства осужденных путем принудительного амбулаторного наблюдения и лечения(ст. 16 ).

Лицам, совершившим предусмотренные УК общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим преступления, но заболевшим до постановления приговора или во время отбывания наказания психическим заболеванием, лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, если эти лица по своему психическому состоянию и с учетом характера совершенного ими деяния представляют опасность для общества, судом назначаются следующие принудительные меры безопасности и лечения: 1) принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у врача-специалиста в области оказания психиатрической помощи; 2) принудительное лечение в психиатрическом стационаре с обычным наблюдением; 3) принудительное лечение в психиатрическом стационаре с усиленным наблюдением; 4) принудительное лечение в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением. В случае, когда лицо невменяемо, нет субъекта преступления в уголовно-правовом значении, нет судебного акта об осуждении лица, который выступает правовым основанием применения правоограничений, составляющих сущность уголовной ответственности, нет виновности лица, то есть установленного законом психического отношения в форме умысла или неосторожности к своему деянию и его последствиям. Соответственно, нет и ответственности.

Однако первоначальная парадигма белорусского УК с достаточно стройной системой мер уголовной ответственности и предусмотренными формами реализации активно трансформируется, о чем свидетельствуют изменения и дополнения, вносимые в УК. Так, Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-З был введен новый институт уголовно-правовой компенсации, а согласно Закону Республики Беларусь от 09.01.2019 № 171-З была исключена ст. 61 УК «Конфискация имущества», регулировавшая одноимённое дополнительное наказание, и введена статья 46-1 «Специальная конфискация». Согласно ст. 46 УК специальная конфискация применяется при совершении преступления наряду с уголовной ответственностью, а также при освобождении лица от уголовной ответственности.

Следует констатировать, что и уголовно-правовая компенсация, и специальная конфискация имеют особенности, которые не вполне соответствуют сущности уголовной ответственности и находятся вне рамок ее оснований и условий, установленных в разделе II УК. С учетом действующей редакции статьи 1 УИК при ее буквальном прочтении эта специфика не в

полной мере учтена, что позволяет утверждать, что и специальная конфискация, и уголовно-правовая компенсация, и принудительные меры безопасности и лечения находятся вне рамок предмета правового регулирования уголовно-исполнительной деятельности, определенного в ст. 1 УИК. Согласно Закону Республики Беларусь от 09.01.2019 № 171-З статьи 166 – 171 УИК, регулировавшие порядок исполнения конфискации имущества как дополнительного наказания, исключены. В противоречие с вышеизложенным пониманием сущности специальной конфискации в раздел IX УИК «Исполнение мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания» введена новая глава 23-1 «Порядок исполнения специальной конфискации», содержащая две новые статьи 181-1 и 181-2. И, таким образом, в структуре УИК специальная конфискация рассматривается как мера уголовной ответственности, не связанная с применением наказания. Однако с нельзя согласиться с отнесением ее к числу мер уголовной ответственности с учетом изложенной выше специфики. В указанном случае требуется коррекция ст. 1 УИК путем дополнительного указания на иные меры уголовно-правового воздействия.

В Уголовном кодексе, как указывалось выше, в качестве системного термина в отношении мер уголовно-правового характера, используется понятие уголовная ответственность, в рамках которой, предусмотрены подсистемы наказаний (ст. 48 УК) и иных мер уголовной ответственности (гл. 11 УК). В свое время проф. С.Г. Келина связывала появление иных мер уголовной ответственности с процессом постепенного отказа от жесткой связи «преступление-наказание», поскольку применение только карательных мер к преступнику не всегда обеспечивает его исправление и не способствует пресечению преступной деятельности [1, с. 51 - 52].

Наказание в ст. 47 УК определено как принудительная мера уголовно-правового воздействия, которая применяется по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключается в предусмотренных законом лишениях или ограничениях прав и свобод осужденного. Таким образом, наказанию характерен принудительный характер его исполнения. В противоположность этому уголовно-правовая компенсация определена в УК как мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности (ч. 16 ст. 4).

При освобождении от уголовной ответственности в предусмотренных УК случаях уголовно-правовая компенсация выступает в качестве условия освобождения. Лицо выплачивает её на основании принципа добровольного исполнения. В случае невыполнения условия о выплате компенсации закон не предусматривает принудительного порядка её взыскания компетентными органами, что существенно отличает компенсацию от наказания или иных мер, исполнение которых связано с принудительным характером их реализации, что

прямо следует из определения наказания как принудительной меры уголовно-правового воздействия (ст. 47 УК).

Анализируя цели уголовной ответственности, установленные в ст. 44 УК, в отношении уголовно-правовой компенсации законодатель установил, что она является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление, и восстановлению социальной справедливости.

Согласно ч. 5 ст. 78 УК при осуждении с условным неприменением наказания суд может обязать осужденного уплатить в доход государства уголовно-правовую компенсацию в размере от тридцати до ста базовых величин в течение шести месяцев после вступления приговора в законную силу. В данном случае уголовно-правовая компенсация является одной из обязанностей, которые суд может возложить на осужденного. Как известно, если осужденный с условным неприменением наказания, несмотря на официальное предупреждение, не выполняет возложенные на него обязанности, то по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, а также по ходатайству лица, которому было поручено наблюдение за осужденным, суд может отменить условное неприменение наказания и направить осужденного для отбывания назначенного наказания. Как видно и в этом случае принудительный порядок её взыскания при невыполнении условия о выплате компенсации в законе не предусмотрен.

В отношении специальной конфискации в ч. 2 ст. 46 УК установлено, что она применяется наряду с уголовной ответственностью, а также при освобождении лица от уголовной ответственности. Указанное свидетельствует, что законодатель придает указанной мере самостоятельное значение, не включая ее в число мер уголовной ответственности.

Таким образом, указанные противоречия уголовно-исполнительной политики и правового регулирования относительно предмета этой отрасли права следует скорректировать, изложив ст. 1 УИК в следующей редакции: «уголовно-исполнительное законодательство определяет порядок и условия исполнения и отбывания наказания а равно применения иных мер уголовной ответственности и предусмотренного уголовным законом уголовно-правового воздействия в других формах».

### **Библиографический список**

1. Келина, С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 51-58.

# НАЦИОНАЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПЕНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

**А.В. Шидловский**

*первый заместитель директора*

*УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников  
прокуратуры, судов и учреждений юстиции*

*Белорусского государственного университета»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Уголовно-пенальная политика, являясь важнейшей частью уголовно-правовой политики государства, в последнее время приоритетно стала всё чаще определять направления в таких сегментах как: 1) упорядочение основных принципов и поиск новых подходов воздействия на преступность средствами уголовного права; 2) анализ пенализации и депенализации деяний в системе Особенной части национального уголовного права; 5) изменение системы наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия на преступность; 6) переоценка и уточнение критериев дифференциации уголовной наказуемости; 7) совершенствование оснований и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания; 8) ориентация правоприменительной деятельности на эффективное и рациональное использование норм и институтов уголовного права; 9) внедрение инновационной системы мер и средств воздействия на правовое сознание населения и формирование правовой культуры в современном обществе [1, с. 29-30].

Напомним, что Особенная часть Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. включает в себя 10 разделов и 22 главы. Разделы и главы в действующем УК размещены с учётом расстановки в современном белорусском обществе приоритетов уголовно-правовой охраны ценностей: «человечество – человек – общество – государство». Особенная часть уголовного закона начинается разделами «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», «Преступления против человека» и завершается посягательствами против государства, порядка управления, правосудия и интересов службы, а также против военной службы.

Во всех цивилизациях наказуемость распределялась в уголовно-правовых нормах в зависимости от значимости или степени важности той или иной ценности. Однако история показывает, что общество по-разному подходило к оценке одних и тех же ценностей, и, как следствие, к правовой охране за их нарушения [2, с. 767-768]. Поэтому система охраняемых государством по значимости ценностей отражается непосредственно в самом процессе пенализации – важнейшем направлении осуществления уголовно-пенальной политики. Пенализация воплощается в придании преступному деянию его карательной характеристики. Таким образом, можно сказать, пенализация есть правовое мерило криминализации.

Необходимо также отметить, что законодательная дифференциация уголовной наказуемости также проведена в системе норм Общей части УК – в

институтах назначения наказания, применения иных мер уголовной ответственности, освобождения от наказания и от уголовной ответственности.

Процессы пенализации и депенализации всецело осуществляются в рамках идеологического концепта уголовно-правовой политики государства. Наиболее широкой сферой практической пенализации является законодательная и судебная практика. Рассмотрим некоторые аспекты пенализации и депенализации, реализуемые в действующем белорусском уголовном законодательстве.

Нельзя сказать, что система Особенной части белорусского УК 1999 года безукоризненна и лишена изъянов. Об этом свидетельствуют следующие факты. За 20-летнюю правоприменительную его историю было принято 73 Закона о внесении изменений и дополнений в действующий УК и 1 Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь. Всего в уголовный закон внесено более 2 000 поправок и различного рода новшеств. Частота внесения в УК изменений не может не настораживать и показывает утрату должной его системности как необходимому условию эффективного применения уголовного закона. Для иллюстрации приведём несколько примеров, касающихся неоправданных преобразований в системе Особенной части УК.

Первая редакция УК Республики Беларусь 1999 года в Особенной части насчитывала 344 уголовно-правовых запрета, предусмотренных в отдельных статьях [3]. В настоящее время число запретов преступного поведения возросло до 362, и это, заметим, с учётом параллельно осуществляемой законодателем декриминализации ряда деяний. За этот период из УК было исключено 20 составов преступлений и введено 38 новых уголовно-правовых запретов [4]. Итак, за 20-летний период действия УК Республики Беларусь формула изменений норм-запретов в системе его Особенной части выглядит следующим образом:  $(344-20)+38=362$  (очевидное соотношение 1:2 в пользу криминализации деяний).

Стремление законодателя восполнить пробелы уголовно-правовой охраны путём дробления специальных норм стало приводить к излишнему нагромождению самой Особенной части, путанице в квалификации деяний, их иногда неразрешимой конкуренции между собой и противоречивости. Как верно заметил А.В. Наумов, такая ситуация «ставит практических работников уголовной юстиции подчас в трудное положение и также не способствует эффективному применению уголовного закона...» [5, с. 572]. Установление уголовной ответственности путём конструирования большого количества специальных уголовно-правовых норм при наличии в УК общих составов, охватывающих соответствующие деяния, указывает на бессистемный и необоснованный процесс криминализации с целью заполнить новыми уголовно-правовыми запретами мнимые пробелы в законе.

В связи с этим важно провести анализ процессов криминализации и пенализации по тем сегментам УК, где «появилась» серия новых

«псевдопреступлений» («квазипреступлений»), которые, по существу, являются дроблением одного общего преступления на несколько деяний с оформлением их в специальных нормах.

Приведём пример. При наличии общих уголовно-правовых норм о создании преступной организации либо участия в ней (ст. 285 УК), о создании незаконного вооружённого формирования (ст. 287 УК), об акте терроризма (ст. 289 УК) законодатель в 2014 году включил серию из 5 новых специальных составов («Финансирование террористической деятельности» (ст. 290-1 УК), «Содействие террористической деятельности» (ст. 290-2 УК), «Прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности» (ст. 290-3 УК), «Создание организации для осуществления террористической деятельности либо участие в ней» (ст. 290-4 УК), «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (ст. 290-5 УК)), которые вполне охватываются при квалификации таких раздробленных деяний упомянутыми выше запретами с учётом положений Общей части УК о соучастии, предварительной преступной деятельности и т. д.

Определённая бессистемность обнаруживается и в части пенализации этих посягательств. Так, новая уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 290-5 УК), казалось бы, должна быть направлена на усиление наказуемости по сравнению с общей нормой (ст. 285 УК «Создание преступной организации либо участие в ней», где в санкции по ч. 1 установлено «лишение свободы на срок от пяти до тринадцати лет со штрафом или без штрафа»), но почему-то здесь она содержит более мягкие позиции: в санкции ч. 1 закреплено «лишение свободы на срок от восьми до двенадцати лет со штрафом»; преступление по категории отнесено к группе тяжких; в примечании включена отдельная стимулирующая норма об освобождении от уголовной ответственности для участников террористической организации, добровольно прекративших свою деятельность в ней. Для последнего нововведения вспомним о существовании общей нормы, регламентирующей в ст. 20 УК условия освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды, которая является универсальной и вполне подходит для такого рода случаев.

В современных теоретических исследованиях проблем пенализации (депенализации) и дифференциации уголовной ответственности недостаточно внимания уделяется нормам с особой спецификой регламентации в уголовном законе. В Особенной части действующего УК предусмотрен ряд примечаний как к отдельным статьям, так и к некоторым главам, и даже разделам. Примером этому являются примечания к главе 24 «Преступления против собственности», к главе 35 «Преступления против интересов службы», к разделу X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения».

Примечания внутри Особенной части УК образуют своеобразную дифференцирующую систему норм, объединяющую группы из двух их разновидностей: разъяснительные, в которых раскрывается содержание отдельных признаков составов преступлений (например, размер имущественного ущерба или дохода, полученного преступным путём), и поощрительные (стимулирующие), где законодатель закрепляет особые условия освобождения от уголовной ответственности.

Определённой дифференцирующей спецификой в системе Особенной части УК обладают уголовно-правовые нормы бланкетного происхождения. Многие диспозиции статей, описывающие преступления, являются бланкетными. Для уяснения содержания признаков таких преступлений необходимо обращаться к действующим нормам других отраслей национального права и законодательства. Поэтому составы конкретных преступлений (например, ряда экономических и экологических преступлений) могут быть образованы исключительно в интегрированной системе признаков диспозиций статей Особенной части УК с нормами иных нормативных правовых актов (как правило, регулятивного характера), в которых раскрывается содержание признака противоправности или детализируется природа противоправного поведения. Вопрос о дифференциации наказуемости в таких нормах зависит от регулятивной сферы права.

К сожалению, есть примеры нелогичного размещения норм в системе Особенной части УК, что, как следствие, сказывается на пенализации (депенализации) предусмотренных в них деяний. Так, ст. 179 УК («Незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни») явно «затерялась» в главе 21 УК «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних». В ст. 179 УК сформулирована норма, которая является общей по отношению к иным специальным нормам, охраняющим отдельные сегменты частной жизни (нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан (ст. 202 УК), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений (ст. 203 УК) и др.), и также посягает на конституционные права человека. Учитывая однопорядковую степень тяжести и опасности приведенных «конституционных» преступлений, ранжирование уголовной наказуемости за указанное преступное деяние, считаем, должно осуществляться в системе специальных норм главы 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Таким образом, законодательные подходы к конструированию санкций значительного круга статей Особенной части УК нуждаются в пересмотре, исходя из требований основных начал назначения наказания, возможностей достижения целей уголовной ответственности, обеспечения адекватной реализации принципов законности и справедливости при дифференциации наказаний за преступления на основе единого комплекса критериев



социальной, уголовно-политической, криминологической, уголовно-правовой обусловленности норм, дифференцирующих уголовную ответственность.

### **Библиографический список**

1. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.]; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 863 с.
2. Шидловский, А.В. О методологии систематизации уголовного законодательства и её влиянии на ранжирование наказаний // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр., посвящ. д-ру юрид. наук, проф., засл. юристу Респ. Беларусь С. Г. Дробязко. Выпуск 13 / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; Ин-т правовых исследований; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2018. – С. 767-768.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Официальное издание]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобрен Советом Республики Национального собрания Респ. Беларусь 24 июня 1999 г., подписан Президентом Респ. Беларусь 9 июля 1999 г., № 275-З / Национальный центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 1999. – 214 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: подписан Президентом Республики Беларусь 9 июля 1999 г., № 275-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 11.11.2019 г., № 253-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Наумов, А.В. Преступление и наказание в истории России. – В 2 ч. – Ч. II. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 656 с.

### **«SCAM-ПРОЕКТЫ» КАК СРЕДСТВО ХИЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Д.И. Шнейдерова**

*преподаватель кафедры правовых дисциплин  
УО «Могилевский институт Министерства внутренних дел  
Республики Беларусь»*

Увеличение количества пользователей ресурсами сети «Интернет» в условиях складывающейся в различных странах социально-политической обстановки способствовало широкому внедрению и развитию мошеннических проектов, направленных на хищение риптовалют (Scam-проекты). Согласно статистическим данным IT-компании «Kaspersky» за первое полугодие 2020 года в русскоязычном сегменте Интернета было зафиксировано более 23 тысяч подобных ресурсов, что в 3 раза больше, чем за аналогичный период 2019 года [1]. Усложненный механизм таких преступлений, их латентность, отсутствие

свободного доступа к источникам цифровых доказательств, немногочисленный практический опыт расследования подобных уголовных дел представляют актуальную проблему для правоохранительных органов в вопросах методики выявления, раскрытия, пресечения и профилактики хищений в сфере оборота криптовалют. С целью ее разработки представляется необходимым изучение сущности, видовых категорий и механизмов реализации Scam-проектов как одного из часто применяемых средств хищения криптовалют.

Следует отметить, что в целом Scam как разновидность мошенничества в сети «Интернет» можно подразделить на две группы: «Scam-ресурсы» и «Scam-проекты». Ресурсы направлены, в большей степени, на получение от доверчивых пользователей денежных средств для участия в различных рекламных розыгрышах, приобретении криптовалют по стоимости меньше рыночной, получение призов за небольшой взнос в криптовалюте и т.д. В криптоиндустрии наиболее развита сфера Scam-проектов, под которыми следует понимать инвестиционные проекты, направленные на привлечение вкладчиков с целью формирования и циркулярного увеличения цифровых капиталовложений без намерения реализации обещанных условий. Scam-проекты классифицируются по различным основаниям: по форме реализации, по направленности умысла, по сроку действия и по механизму прироста криптовалют. По форме реализации проекты могут быть представлены в виде криптовалютных кошельков, криптобирж или криптоплатформ, включающих и кошельки и биржи одновременно.

Scam-кошельки представляют собой онлайн-сервисы, позволяющие хранить различные виды криптовалют (т.е. можно выделить как одновалютные, так и мультивалютные), осуществлять сделки по купле-продаже одних валют на другие, а также преумножать их количество (к примеру, Dash-Coin.net, Freewallet, StakedWallet, Chartoken и другие). По своему характеру кошельки могут быть активными и пассивными. Активные Scam-кошельки своей целью ставят либо хранение уже существующих криптомонет, либо предназначены для осуществления обменных операций с криптовалютой нового формата, поступающих на счет или приобретаемых на специализированной одноименной криптоплатформе, также являющейся Scam-проектом. В случае работы криптокошелька с уже обращающимися на рынке видами криптовалют механизм преступного замысла может быть представлен следующим образом: пользователю при посещении различных Интернет-ресурсов (онлайн-игры, розыгрыши, виртуальное казино, ставки и т.д.) предлагается пополнить счет своего аккаунта для возможности участия в некотором виртуальном проекте путем создания криптокошелька в скаме и перечислении на него необходимых криптосредств. После того, как пользователь выполнил действия по прописанной мошенниками инструкции криптовалюты действительно попадают на счет нового кошелька, отображаются для пользователя как активный баланс, однако вывести их с кошелька путем обмена на фиатные средства или перевести на другой кошелек уже не представляется возможным,

так как система блокирует подобные действия, поясняя владельцу, что ему необходимо пройти процедуру идентификации по принципу KYC (знай своего клиента). Такая процедура требует от владельца кошелька предоставления анкетных данных, фотографий с изображением личности, а также может запросить дополнительную аутентификацию по номеру мобильного телефона. При отправке необходимой информации сервис уведомляет пользователя, что его данные находятся в обработке и до ее завершения операции с криптовалютами на счете недоступны. Однако к завершению такая проверка так и не приходит, лишая возможности пользователя вернуть свои средства или воспользоваться ими иным образом. В таких случаях система продолжает находиться в состоянии проверки данных и отображает на балансе кошелька наличие криптовалют, однако при самостоятельной проверке пользователем по номеру транзакции на криптоплатформе информации о местонахождении средств последний обнаруживает, что криптовалюты были неоднократно перенаправлены на другие криптокошельки или выведены через криптообменники. В случае использования Scam-кошелька для хранения новых видов криптовалют механизм реализации преступного умысла заключается в убеждении пользователя приобретать криптовалюты нового Scam-проекта, обещая при этом увеличение со временем их капитализации и, соответственно, прибыль от вложения реальных средств в виртуальные. Однако по истечении определенного периода времени такие платформы, получив достаточное количество денежных средств, уничтожают свой сервис и удаляют данные о нем в различных социальных сетях.

Пассивные Scam-кошельки работают по принципу прироста количества криптовалют без совершения каких-либо дополнительных действий за счет привлечения денежных средств новых клиентов. Так пользователям предлагается перечислить на новый Scam-кошелек свои криптовалюты или приобрести их на определенной платформе с автоматическим зачислением для последующего хранения, в обмен на ежедневные начисления в размере 1,5 – 2 % к существующей сумме, которые производятся создателями сервиса за счет поступления денежных средств от новых пользователей. При этом привлечение новых клиентов может осуществляться путем рекламы самим сервисом, так и при помощи присоединившихся пользователей, вовлекающих своих знакомых в выгодный финансовый проект. Однако, как и в любом ином случае, по прошествии некоторого промежутка времени создатели выводят средства на свои криптокошельки и уничтожают сервис вместе с всевозможными следами его пребывания в сети «Интернет».

Scam-биржи, как работающие с собственными криптокошельками, так и со сторонними сервисами, реализуют свою преступную деятельность по схеме связанной с невозможностью вывода зачисленных для обменных операций криптовалют, которые в последующем переводятся создателями ресурса на иные кошельки, скрываются посредством использования криптомиксеров, либо реализуются через действующие обменники. Примерами таких бирж являются

Mt.Gox, Cryptsy, BTC-e, WEX, Coincheck, DAO, BitFinex и другие. Сама биржа перестает существовать либо пользователям сообщается о ее взломе хакерами и хищении ими всех активов, которые вернуть не представляется возможным.

По направленности умысла создателей Scam-проекты подразделяются на «хайпы» (HYIP) и «real-проекты». «Хайпы» представляют собой криптоинвестиционные проекты, которые создавались с целью осуществления мошеннической деятельности. Такие проекты отличаются краткосрочным характером деятельности, распространяются и привлекают клиентов за счет многочисленной рекламы на форумах, в социальных сетях и Интернет-магазинах, в качестве ключевых, обращающих на себя внимание, факторов являются обещания о быстром заработке и развитии проекта, а также об увеличении процента начислений и прироста средств в случае вложения большего количества денег или криптовалюты в проект. Сам ресурс выглядит довольно примитивно, не содержит или содержит в малом количестве информацию об основателях проекта, схемах его работы, источниках стартовых капиталовложений, либо использует данные, не соответствующие действительности, в том числе графического характера (например, фотографии сторонних лиц, полученные из социальных сетей). В отличие от «хайпов» реальные проекты первоначально создавались с целью осуществления инвестиционной деятельности на криптовалютном рынке, однако в результате неблагоприятных факторов не смогли реализоваться и преобразовались в Scam-проекты, осуществляющие преступную деятельность. В качестве факторов, способствующих преобразованию характера деятельности инвестиционных ИСОпроектов в Scam, можно выделить следующие: снижение притока внешних инвестиций в проект, конфликтные ситуации между учредителями относительно распределения активов, характера и механизма деятельности проекта, вывод активов привлеченными инвесторами, невостребованность проекта на инвестиционном рынке криптовалют, недостаточность средств для старта проекта.

При этом следует отметить, что, несмотря на разницу целей создания «хайпов» и «реальных» проектов, в качестве причин прекращения деятельности и потери средств инвесторов как первые, так и вторые прибегают к одним и тем же схемам ликвидации стартапа. Так можно выделить два способа прекращения проекта: полное уничтожение ресурса либо его «заморозка» по причинам внешнего воздействия, повлиявшего на потерю ресурсов инвесторов, т.е. банкротство. В первом случае, после вывода активов создатели проектов удаляют веб-страницы из сети «Интернет» и любую иную информацию о проекте со сторонних ресурсов, тем самым уничтожая цифровые следы своей деятельности. Во втором случае создатели объясняют потерю средств взломам сервиса путем хакерских атак, ошибками или противоправными действиями сотрудников проекта, техническими проблемами, переходом на новые методы работы, обманом со стороны партнеров и т.д., т.е. действиями со стороны, свидетельствующими об отсутствии вины самих создателей в

банкротстве проекта, который в последующем может быть восстановлен и возобновлен по той же схеме.

По сроку действия Scam-проекты подразделяются на краткосрочные (от нескольких дней до 1-2 недель), среднесрочные (от 1 до 3 месяцев) и долгосрочные (свыше 3 месяцев). При этом срок деятельности проекта находится в прямой зависимости от активности притока новых инвесторов. Как только проект перестает привлекать новых пользователей, а также теряет уже существующих, тогда преступниками принимается решение о его ликвидации и выводе накопленных средств. Для среднесрочных и долгосрочных проектов характерно создание видимости деятельности, когда инвесторам начисляются проценты или преумножается размер их криптовалютных средств на счетах.

Среди механизмов прироста криптовалют в рамках Scam-проектов можно выделить прамайнинг (увеличение инвестиций зависит от количества привлеченных пользователем новых инвесторов в проект), использование скрытого алгоритма торговли (проприетарные проекты), поиск и осуществление выгодных криптовалютных операций роботом (базируется на росте и падении курсов криптовалют), а также генерацию дохода по схеме «Понци» (создание финансовой пирамиды, где первые инвесторы получают доход за счет вложений последующих).

Таким образом, анализ сущности, видов и механизмов реализации корыстного преступного умысла создателей криптовалютных Scam-проектов является основой для разработки криминалистами и сотрудниками правоохранительных органов эффективной методики расследования и раскрытия хищений в сфере оборота криптовалют.

#### **Библиографический список**

1. Сапрыкина, А. Скам шагает по стране[Электронный ресурс] / А. Сапрыкина // Новостной портал «ComNews». – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/208121/2020-07-16/2020-w29/skam-shagaet-strane>. – Дата доступа: 12.11.2020.

### **РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БССР С ПРИНЯТИЕМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РСФСР 1922 ГОДА**

**Н.В. Шпаковский**

*инспектор Управления Следственного комитета  
Республики Беларусь по г. Минску*

В 1922 году в Советской России была проведена судебная реформа, созданы прокуратура и адвокатура, проведена кодификация уголовно-процессуального законодательства. Постановлением III сессии ВЦИК 25 мая 1922 года был утвержден первый на территории РСФСР Уголовно-Процессуальный Кодекс.

В июне 1922 года ЦИК БССР распространил действие Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР 1922 года на территорию Беларуси с 15 июля 1922 года. В него были внесены изменения, отражающие специфику построения судебной системы и органов следствия, административно-территориальное деление республики. Этот кодекс явился первым Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси [4].

В кодексе были впервые закреплены и развиты важнейшие демократические принципы уголовного процесса: публичность, гласность, право обвиняемого на защиту, национальный язык судопроизводства, участие народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел.

Большое место в кодексе отводилось усилению правовой охраны законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе. Кодексом было установлено, что «никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу, иначе, как в случаях, указанных в законе, и в порядке, законом определенном». На прокурора и судью возлагалась обязанность немедленно освободить каждого неправильно лишенного свободы или содержащегося под стражей сверх предусмотренного срока.

Особое место в Уголовно-процессуальном кодексе отводилось следователю – как основному участнику уголовного судопроизводства. Следователь как работник органов юстиции, осуществляющих задачи пролетарского суда, предполагается наиболее подготовленным и опытным в разрешении вопросов уголовного права и процесса. Ему поручена самостоятельная работа по производству расследования по наиболее сложным делам, а также руководство и наблюдение за работой других органов расследования, ведущих подсобную для суда работу и производящих расследование по делам менее сложным [1, с. 56].

Кодекс обязывал следователя при проведении расследования тщательно выяснять все обстоятельства – как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как усиливающие, так и смягчающие его вину и ответственность. Это правило относилось и к суду.

Надзор за производством дознания и предварительного расследования поручался прокурору, имевшему право знакомиться с материалами дела, давать обязательные для органа дознания или следователя указания о направлении или дополнении следствия. Прокурор принимал решение о предании обвиняемого суду по материалам дела, поступившего от органов дознания. Если проводилось предварительное следствие, то постановление о предании обвиняемого суду или о прекращении или приостановлении дела принималось на распорядительном заседании народного суда или трибунала [2, с. 288].

Специальная глава кодекса регулировала производство в порядке высшего судебного контроля Народного комиссариата юстиции. Наркомюст мог истребовать в порядке высшего судебного контроля любое уголовное дело. Он обладал правом отмены приговоров, решений и постановлений суда, вступивших в законную силу, ввиду явного нарушения закона или

противоречия руководящим началам советского законодательства и общей политике рабоче-крестьянского правительства [2, с. 289].

30 марта 1923 года ЦИК БССР утвердил и с 15 апреля 1923 года ввел в действие на всей территории Беларуси новый Уголовно-процессуальный кодекс БССР. В нем сохранялись основные положения республиканского кодекса 1922 года и Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР 1923 года, подробно регламентировались подсудность и порядок решения уголовных дел в Высшем суде республики, действующих на территории БССР трибуналах, уточнялись отдельные стадии процесса. Были расширены полномочия органов дознания, допущено участие в судебном заседании запасного народного заседателя, сокращены сроки обжалования и опротестования приговоров, сужены пределы рассмотрения материалов на распорядительном заседании и др. [5].

Последующие изменения и дополнения в УПК определялись главным образом изменениями в организации судебных и следственных органов, характером решаемых ими задач. Соответствующие уточнения в УПК были внесены, например, после проведения в 1924 г. реформы следствия. Чтобы усилить роль органов дознания и предварительного следствия в борьбе с преступностью, были изменены статьи УПК, устанавливающие порядок рассмотрения заявлений о преступлениях, урегулированы компетенция и взаимоотношения органов дознания и предварительного следствия при возбуждении уголовного дела и принятии мер к розыску преступника [2, с. 290].

Постановлением II сессии ВЦИК одиннадцатого созыва от 16 октября 1924 года «О дополнениях и изменениях Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» были внесены существенные изменения в УПК РСФСР, касающиеся возложения на следователя функции надзора и разрешения жалоб на действия органов дознания. За прокурором сохранялся лишь общий надзор. Именно следователь обязан был решать вопрос о направлении дела для производства дополнительного дознания, прекращении дознания при наличии законных оснований, постановлении о предании обвиняемого суду и др. [3, с. 168]

Исключительное значение в развитии уголовно-процессуального права имели Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные ЦИК СССР 31 октября 1924 г. Они установили единые для всех союзных республик принципы, основные формы и важнейшие институты уголовного судопроизводства, заложив, таким образом, прочную юридическую базу для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

### **Библиографический список**

1. Громов, В. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / В. Л. Громов. – 5-е переработанное изд. книги «Дознание и предварительное следствие». – М.: Советское законодательство, 1931. – 252 с.

2. История государства и права Белорусской ССР (в двух томах), т. 1 (1917-1936 гг.). Минск: Наука и техника, 1970. – 608 с.

3. История следствия в России: монография / под общ. ред. Д. О. Серова, А. В. Федорова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 280 с.

4. О распространении действия Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. на территорию С.С.Р. Белоруссии: Постановление III сессии Центрального Исполнительного комитета С.С.Р. Белоруссии, 24 июня 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства ССР Белоруссии. – 1922. – № 5.

5. О распространении действия Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР второго издания на территорию Белоруссии: Постановление II сессии Центрального исполнительного комитета С.С.Р. Белоруссии IV созыва, 30 марта 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства ССР Белоруссии. – 1923. – № 4.

## **ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНИНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА УЧАСТИЕ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

**И.С. Яцута**

*профессор ГУО «Институт национальной безопасности*

*Республики Беларусь»,*

*кандидат юридических наук, доцент*

**С.А. Челядинский**

*сотрудник ГУО «Институт национальной безопасности*

*Республики Беларусь»*

В настоящее время в уголовном законодательстве ряда государств установлена ответственность за наемничество. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) наемничеством признает участие на территории иностранного государства в вооруженных конфликтах, военных действиях лица, не входящего в состав вооруженных сил воюющих сторон и действующего в целях получения материального вознаграждения без уполномочия государства, гражданином которого оно является или на территории которого постоянно проживает (ст. 133 УК).

Изучение иностранного законодательства свидетельствует, что в отличие от наемничества, самостоятельная ответственность за участие граждан в вооруженных конфликтах на т.н. «патриотической» основе, национальным законодательством, как правило, не предусмотрена. Исключением является ст. 172 УК Республики Казахстан, которая предусматривает ответственность за «умышленное неправомерное участие гражданина Республики Казахстан в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранного государства при отсутствии признаков наемничества» [1].



Законом Республики Беларусь от 20.04.2016 № 358-З установлена уголовная ответственность за участие гражданина Республики Беларусь или постоянно проживающего в Республике Беларусь лица без гражданства на территории иностранного государства в вооруженном формировании одной из противоборствующих сторон, а равно участие в вооруженном конфликте, военных действиях без уполномочия государства и при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 133 УК [2], которая, в свою очередь, предусматривает ответственность за наемничество.

Как и наемничество, участие гражданина Республики Беларусь в военных действиях возможно в составе вооруженного формирования либо вне его.

Уголовный кодекс оперирует такими понятиями как «незаконное вооруженное формирование» (ст. 287 УК), «экстремистское формирование» (ст.ст. 361-1, 361-2 УК). В диспозиции ст. 361-3 УК используется термин «вооруженное формирование». И если под экстремистским формированием законодатель понимает организацию для осуществления экстремистской деятельности, экстремистскую организацию либо экстремистскую группу [3, ст. 1] то суть вооруженного формирования нормативно не определена. Использование в законе термина «вооруженное формирование», а не «незаконное вооруженное формирование», позволяет сделать вывод, что это может быть как незаконное формирование, так и формирование, созданное в соответствии с законодательством конкретного государства.

Так, например, иностранные граждане могут проходить военную службу по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами в Вооруженных Силах РФ и воинских формированиях [4, п. 2 ст. 2].

Иностранцы (в т.ч. женщины), которые на законных основаниях находятся на территории Украины, могут быть приняты на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Украины в добровольном порядке для замещения должностей рядового, сержантского и старшинского состава и при этом они являются военнослужащими Вооруженных Сил Украины [5, п. 2, 7, 15].

Широко известный французский иностранный легион представляет собой войсковое соединение, входящее в состав сухопутных войск Франции и комплектуемое преимущественно из иностранцев для защиты интересов Франции за границей и решения иных вопросов [6].

Полагаем, что нормативное закрепление возможности прохождения военной службы иностранными гражданами в зарубежных вооруженных силах само по себе не является преступлением с точки зрения белорусского законодательства. В диспозиции ст. 361-3 УК речь идет об участии в таком вооруженном формировании, которое выступает в качестве боевой единицы одной из противоборствующих сторон, что, в свою очередь, предполагает наличие определенного конфликта (внутригосударственного или международного). Только в этом случае лицо подлежит уголовной ответственности.

Международное гуманитарное право регламентирует наименование и правовой статус участников вооруженных конфликтов, к которым относятся:

- комбатанты (лица, входящие в состав признанных вооруженных сил государства, которые имеют право принимать непосредственное участие в боевых действиях, пользуются правом военного плена);

- некомбатанты (медперсонал, духовный персонал, раненые, больные, гражданское население);

- ополчение и добровольные отряды (имеют командира, отличительные знаки, открыто носят оружие, соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны, пользуются правом военного плена);

- добровольцы (иностранные граждане, которые добровольно поступили в вооруженные силы одной из воюющих сторон, могут пользоваться правом военного плена);

- военные разведчики и военные шпионы (в отличие от военных разведчиков действуют тайным образом или под ложными предлогами);

- наемники (лица, которые не являются гражданами стороны, находящейся в конфликте, ни лицами, постоянно проживающими на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входят в состав признанных вооруженных сил государства, находящуюся в конфликте; не посланы государством, которое не участвует в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил (т.н. советники); специально завербованы на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте и фактически участвующие в нем, которые руководствуются главным образом желанием получить личную выгоду; не пользуются правом военного плена) [7].

По мнению В.М. Хомича, отличие преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 361-3 УК от наемничества (ст. 133 УК) заключается в том, что лица участвуют в вооруженных конфликтах «... в качестве бойцов для осуществления военных (боевых) действий в отношении противника без оплаты такого участия и без намерения ее получить в любом виде от соответствующих государств, представителей (физических лиц и организаций) противоборствующих сторон вооруженного конфликта, иных организаций [8, с. 805]. С данным утверждением трудно согласиться.

Субъекты указанных преступлений обладают общими признаками: специально завербованы на месте или за границей для того, чтобы участвовать в вооруженном конфликте; не являются ни гражданами стороны в конфликте, ни лицами, постоянно проживающими на территории, находящейся под ее контролем; не входят в состав вооруженных сил воюющих сторон и не исполняют официальные обязанности в их составе по поручению Республики Беларусь; не имеют права на статус военнопленного; принимая участие в вооруженном конфликте, руководствуются главным образом желанием получить личную выгоду.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что граждане Республики Беларусь, входившие в состав вооруженных формирований противоборствующих сторон, получали денежное содержание такое же по размеру, как и лица, которые являлись гражданами стороны конфликта. Однако признаком наемника является то, что ему «... в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны» [3, п. 1 «б» ст. 1]. Это и является критерием отграничения наемничества (ст. 133 УК) от участия гражданина Республики Беларусь в вооруженном конфликте (ч. 1 ст. 361-3 УК).

В последнее время актуальным является вопрос, связанный с вхождением граждан в состав частных военных и охранных компаний (private military and security companies – PMSC's). Полагаем, что участие лица в составе частной военной компании (далее – ЧВК) может признаваться участием в вооруженном формировании при условии вхождения ЧВК в состав одной из противоборствующих сторон и квалифицироваться по ч. 1 ст. 361-3 УК либо ст. 133 УК. С учетом того, что частные военные и охранные компании предлагают свои услуги на мировом рынке, данный вопрос должен быть урегулирован на международном уровне.

### **Библиографический список**

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан // Режим доступа: [https://rodeksy-kz/ka/ugolovnyj\\_kodeks/172.htm](https://rodeksy-kz/ka/ugolovnyj_kodeks/172.htm). – Дата доступа: 08.01.2020.
2. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 20 апр. 2016 г., № 358-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 22.04.2016. – 2/2356.
3. О противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З (в ред. Закона от 18.07.2019 № 227-З) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 18.01.2007. – № 15. – 2/1300; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 26.07.2019. – 2/2666.
4. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон, 28 марта 1998 г. (с изм. на 16.12.2019, ред., действ. с 01.01.2020), № 53-ФЗ // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901704754/>. – Дата доступа: 08.01.2020.
5. Об утверждении Положения о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Украины иностранцами и лицами без гражданства : Указ Президента Украины, 10 июня 2016 г., № 248/2016 // Режим доступа: <https://president.gov.ua/documents/2482016-20153.htm>. – Дата доступа: 08.01.2020.

6. Французский\_Иностранный\_Легион // Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Французский\\_Иностранный\\_Легион](https://ru.wikipedia.org/wiki/Французский_Иностранный_Легион). – Дата доступа: 08.01.2020.

7. Батырь, В.А. Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооружённой борьбы в международных вооружённых конфликтах / В.А. Батырь // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 63-75.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

9. О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников: Международная конвенция ООН, 4 дек. 1989 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.

## **РАЗДЕЛ IV. ВКЛАД АГРАРНО-ПРАВОВОЙ, АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

### **О ПРАВЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА УЧАСТИЕ В ПРИНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ**

**А. Г. Авдей**

*заведующий кафедрой современных технологий образования взрослых  
Института повышения квалификации и переподготовки кадров  
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», кандидат  
юридических наук*

В Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, принятой в Стокгольме 16 июня 1972 года, закреплено, что охрана и улучшение среды, в которой живет человек, представляет собой важнейшую проблему, отражающуюся на благоденствии народов и экономическом развитии во всем мире.

Республика Беларусь, выразив 14 декабря 1999 года согласие на обязательность для нее положений Орхусской конвенции, признала общественность важнейшим субъектом экологических правоотношений, ее право на участие в процессе принятия решений по вопросам, касающимся окружающей среды; реализация указанного права является одной из форм непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства.

Важнейшим источником права, регулирующим отношения в области охраны окружающей среды, доступа общественности к принятию экологически значимых решений является Конституция Республики Беларусь. В республике в целях реализации положений Орхусской конвенции действует ряд нормативных правовых актов, вместе с тем, несмотря на наличие правовой основы в исследуемой сфере, она нуждается в совершенствовании.

Исследование сущности права общественности на участие в принятии экологически значимых решений основывалось на научных работах С.А. Балащенко, Т.И. Макаровой, Е.В. Лаевской и др. [1; 2; 3].

Учитывая решения Совещания Сторон Орхусской конвенции «Соблюдение Беларусью своих обязательств по Конвенции», можно предложить рекомендации по реализации в праве и административной практике Республики Беларусь отдельных мер, обеспечивающих выполнение указанных решений и направленных на дальнейшее совершенствование законодательства и административной практики в рассматриваемой области.

В целях установления разумных минимальных сроков представления замечаний в ходе процедуры участия общественности по всем решениям в соответствии со ст. 6 Конвенции с учетом стадии принятия решений, а также

характера, масштабов и сложности планируемой деятельности, по мнению автора, следовало бы:

1) дополнить ч. 7 ст. 4 «Право физических и юридических лиц на благоприятную среду обитания при осуществлении архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» Закона Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» от 5 июля 2004 года № 300-З (с изм. и доп. от 4 мая 2019 г. № 185-З) после слов «...за счет собственных средств.» предложением следующего содержания: «Физическим и юридическим лицам предоставляются разумные сроки для внесения замечаний в ходе обсуждения решений в области градостроительной деятельности».

2) изложить п. 8 Положения о порядке проведения общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь 1 июня 2011 года № 687 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 22.04.2019 № 256) в следующей редакции: «Участникам общественного обсуждения может предоставляться не менее пяти дней со дня окончания проведения экспозиции (выставки) и презентации проекта для подачи замечаний и (или) предложений». Тем самым был бы определен минимальный срок, не менее пяти дней, для представления замечаний и (или) предложений в ходе процедуры участия общественности в принятии решений;

3) изложить п. 25 Положения о порядке проведения общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь 1 июня 2011 года № 687 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 22.04.2019 № 256) в следующей редакции: «При поступлении в сроки, установленные извещением о проведении общественного обсуждения (но не менее пяти дней со дня окончания проведения экспозиции (выставки) и презентации проекта), в форме работы комиссии замечаний и (или) предложений участников общественного обсуждения в письменной или электронной форме, организатор общественного обсуждения в 5-дневный срок со дня поступления данных замечаний и (или) предложений готовит аргументированные ответы на них и предоставляет их в комиссию для рассмотрения.». Тем самым будет определено, что срок для представления замечаний и (или) предложений участников общественного обсуждения может быть установлен не менее, чем 5 дней после проведения экспозиции (выставки) и презентации проекта;

4) с учетом того, что разработан проект Кодекса об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности необходимо предусмотреть в указанном проекте соответствующие положения. Необходимо дополнить ч. 7 ст. 11 проекта Кодекса об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности после слов «Юридические и физические лица, в том

числе индивидуальные предприниматели, до утверждения градостроительной документации имеют право вносить предложения, участвовать в общественном обсуждении, и принятии решений в области градостроительной деятельности, проводить профессиональную независимую экспертизу градостроительной документации» предложением следующего содержания «Физическим и юридическим лицам предоставляются разумные сроки для внесения замечаний и (или) предложений в ходе обсуждения решений в области градостроительной деятельности. Организатор общественного (публичного) обсуждения обеспечивает рассмотрение поступивших замечаний и (или) предложений».

При этом в нормативном правовом акте Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, который будет устанавливать порядок проведения общественных обсуждений, необходимо четко определить разумные сроки для внесения замечаний и (или) предложений. Например, не менее, чем 5 дней после проведения экспозиции (выставки) и презентации проекта.

5) в ч. 8 п. 14 Положения о порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 14.06.2016 № 458 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 13.01.2017 № 24) предложение «сроки проведения общественных обсуждений с указанием даты их начала и окончания и порядок направления замечаний и предложений по проекту программного документа;» изложить в следующей редакции: «сроки проведения общественных обсуждений с указанием даты их начала и окончания, а также сроки и порядок направления замечаний и предложений по проекту программного документа;», дополнив предложение указанием на необходимость указания на сроки направления замечаний и предложений по проекту программного документа в публичном уведомлении о проведении общественных обсуждений проекта программного документа.

6) в целях более полной реализации положений части 7 статьи 6 Орхусской конвенции, а также обеспечения полноты участия заинтересованной общественности в процессе принятия экологически значимого решения в различных формах следовало бы дополнить главу 5 «Общественные обсуждения отчета об ОВОС» Положения о порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.06.2016 № 458 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 13.01.2017 № 24)) статьей 49-1, которая бы гласила: «Сбор замечаний и предложений заинтересованной общественности в

письменной или электронной формах производится на всех этапах общественных обсуждений отчета об ОВОС».

В целях улучшения административной практики по публичному уведомлению заинтересованной общественности о возможности участия в процессе принятия решений следовало бы полагаться не на один способ публичного уведомления, а на несколько. Например, не только публиковать уведомление в печатных СМИ или на Интернет-ресурсе местных исполнительных органов, но и, например, расклеивать плакаты с определенным радиусом охвата, организовывать выставки с представлением планов, чертежей, таблиц, графиков и моделей как действенных способов оповещения. Параллельное использование нескольких способов оповещения на практике зачастую может оказаться гораздо эффективнее. Иногда необходимо размещать повторные публичные уведомления, для обеспечения того, чтобы заинтересованная общественность получила соответствующую информацию. В ходе изучения зарубежного опыта в области публичного уведомления общественности об экологически значимых решениях было выявлено, что в законодательстве Республики Казахстан, в частности, в абзаце 3 пункта 8 Правил проведения общественных слушаний, которые утверждены приказом Министра охраны окружающей среды Республики Казахстан от 7 мая 2007 года № 135-п прямо установлено, что заказчик использует дополнительно и другие способы информирования общественности (информационные листки, стенды, индивидуальные уведомления). Считаем, что данный опыт законодательного регулирования осуществления уведомления приемлем для Республики Беларусь.

### **Библиографический список**

1. Балашенко, С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды / С.А. Балашенко. – Минск: БГУ, 2000. – 341 с.
2. Лаевская, Е.В. Защита права на благоприятную окружающую среду: проблемы теории и практики / Е.В. Лаевская; НЦЗПИ. – Минск :СтройМедиаПроект, 2016. – 386 с.
3. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т.И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т.И. Макаровой. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.



# **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ В ЛИНЕЙНОМ СООБЩЕНИИ**

**Н.Н. Акимов**

*доцент кафедры правового обеспечения  
правоохранительной деятельности  
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат технических наук, доцент*

Морская перевозка грузов – необходимый элемент осуществления внешнеторгового сотрудничества любого государства, в том числе и не имеющего выхода к морю. Массовые и крупногабаритные грузы, контейнеры, доставляются как правило морским транспортом. Не исключение и Республика Беларусь.

Проблематика правового регулирования морской перевозки грузов освещается в той или иной степени в отечественной правовой литературе с 90-х годов XX века. В Республике Беларусь процесс развития морского транспортного законодательства обозначился в 1999 году с принятием Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь (КТМ). Безусловно, его принятие – часть общего процесса изменения гражданского законодательства, в основе которого лежит принятие в 1998 году Гражданского кодекса Республики Беларусь. Далее последовало принятие Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь в 2002 году.

Однако за прошедшие 20 лет в белорусской правовой науке специальных исследований указанной проблематики не отмечено.

В Европе торговое право складывалось в средние века вместе с освоением новых морских торговых путей. В основе правового регулирования торгового мореплавания лежали обычаи. Среди средневековых обычаев морской торговли, оказавших влияние на современную практику торгового мореплавания, обозначим два: коносамент и цертепартия (чартер).

В торговом мореплавании сформировалась также договорная база международно-правового регулирования морских перевозок грузов.

1. Международная конвенция об унификации некоторых правил коносамента, принятая в Брюсселе 25 августа 1924 года, которая называется Гаагскими правилами, а с 1968 года – Гаагско-Висбийскими правилами.

2. Протокол о внесении изменений в Международную конвенцию об унификации некоторых правил коносамента, подписанный в Брюсселе 25 августа 1924 года, принятый в Брюсселе 23 февраля 1968 года и вступивший в силу 23 июня 1977 года, именуется «Висбийскими правилами».

3. Протокол о внесении изменений в Международную конвенцию об унификации некоторых правил коносамента от 25 августа 1924 года с поправками, внесенными протоколом от 23 февраля 1968 года, принятый 21 декабря 1979 года в Брюсселе и вступивший в силу 14 февраля 1984 года.

4. Конвенция ООН о морской перевозке грузов, принятая в Гамбурге 31 марта 1978 года и вступившая в силу 1 ноября 1992 года, известна как Гамбургские правила.

5. Конвенция о линейном Конференционном кодексе, принятая в Женеве 6 апреля 1974 года и вступившая в силу 6 октября 1983 года.

6. Конвенция ООН о международных мультимодальных перевозках грузов, принятая в Женеве 24 мая 1980 года.

7. Конвенция ООН о договорах полной или частичной морской перевозки грузов 2008 года, которую называют Роттердамскими правилами.

Указанные правила (Гаагские, Гаагско-Висбийские, Гамбургские, Роттердамские), определяют ответственность перевозчика и отправителя груза по отношению друг к другу.

При всех особенностях и различии этих правил, у них есть общая черта – они не применяются к морским чартерным перевозкам.

Республика Беларусь не участвует в перечисленных соглашениях, отразив некоторые их положения в КТМ. Проанализировав нормы КТМ, отмечаем, что комплекс норм (морское законодательство) Республики Беларусь, в своей основе соответствует подобным комплексам норм других стран и практике их применения.

Торговое мореплавание исторически формировалось в двух формах – трамповое (нерегулярное) судоходство и линейное (регулярное) судоходство.

Трамповое судоходство основано на том, что оно не связано с обслуживанием определенных направлений и портов. Суть его – одиночные рейсы. Порты захода, прибытия и отправления определяются договором морской перевозки. В трамповых перевозках таким договором является чартер.

Регулярное, или линейное, сообщение организуется морскими перевозчиками на устойчивых географических направлениях. Особенностью линейного судоходства является закрепление судов на данном направлении и их регулярные заходы в определенные порты по заранее объявленному расписанию. Регулирование правоотношений института морских перевозок в линейном сообщении неразрывно с применением субинститута коносамента, который выполняет следующие функции:

- 1) свидетельствует о заключении договора перевозки;
- 2) является распиской в получении груза перевозчиком;
- 3) является товарораспорядительным документом (ценной бумагой).

Причем, коносамент – документ, который не олицетворяет собой договор морской перевозки груза, а только подтверждает его. В ст. 86 КТМ указывается: «Перевозчик вправе выдать не коносамент, а иной документ в подтверждение получения груза для морской перевозки. Такой документ является первостепенным доказательством заключения договора морской перевозки груза и приема его перевозчиком» [1].

Законодательство Республики Беларусь особенности линейного судоходства специально не регулирует. В КТМ линейные перевозки отражены

только в части 3 ст. 96 (Место погрузки), в которой говорится: «при перевозках в линейном сообщении место погрузки устанавливает перевозчик».

Рассмотрим договор морской перевозки в линейном сообщении. Договор является двусторонне обязывающим. Так, согласно ст. 80 КТМ – «перевозчик обязуется доставить», а «отправитель обязуется уплатить». Каждая из сторон договора, таким образом, обладает правомочием, корреспондирующим обязанность другой стороны.

Согласно ст. 80 и ст. 119 «перевозчик обязуется выдать груз уполномоченному на получение лицу», именно по предъявлении в порту назначения одного из экземпляров оригинала коносамента, либо получателю, указанному в ином, выданном вместо коносамента документе.

Договор морской перевозки груза в линейном сообщении является возмездным. «На морском транспорте, цена транспортной продукции может быть выражена, двумя формами – тарифом и фрахтом. Тариф – заранее установленная провозная плата, опубликованная для всеобщего сведения. Если перевозка осуществлена безвозмездно, то в соответствии со ст. 4 КТМ, регулирование правоотношений будет осуществляться ГК Республики Беларусь.

Договор морской перевозки груза в линейном сообщении является срочным. Так, согласно ст. 116 КТМ, «перевозчик обязан доставлять грузы в соответствии с указанными в договоре маршрутом и сроками, а при отсутствии такого указания – в соответствии с обычным маршрутом и в обычные сроки».

Что же касается квалификации договора морской перевозки груза как реального, либо консенсуального, однозначного доктринального ответа здесь нет. Так ГК Республики Беларусь в ст. 739 определяет договор перевозки груза (для всех видов транспорта) как реальный. «По договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить *вверенный ему отправителем* груз в пункт назначения и выдать его уполномоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату» [2]. То, что договор носит реальный характер, указывалось во всякой литературе по морским перевозкам грузов в советское время.

Однако существует иное мнение, основанное на современном опыте заключения и исполнения договоров морской перевозки грузов в линейном сообщении – договор заключается до вручения груза перевозчику. Действительно, проецируя данную ситуацию на действия белорусского грузоотправителя, сложно предположить, что белорусский грузоотправитель, предварительно не согласовав все необходимые сведения для перевозки – количество мест, дату отправки, особенности упаковки и проч., (то есть фактически заключив договор на перевозку), отправит груз в порт, тем более находящийся в другом государстве.

Относительно договора перевозки в линейном сообщении, К.М. Шмитгофф пишет: «...договор морской перевозки заключается до выдачи

коносамента и что в последнем просто фиксируются условия договора, который уже частично исполнен» [3, с. 286]. Далее он поясняет, проект коносамента, отправленный отправителем перевозчику, часто является офертой, но сам договор перевозки считается заключенным только тогда, когда перевозчик акцептует оферту.

На наш взгляд, в споре о том, что договор, ранее признанный однозначно реальным, а в настоящее время признаваемый консенсуальным, просматривается эволюционное развитие, основанное прежде всего, на модернизации и технологическом совершенствовании как процесса заключения самого договора, так и процесса перевозки груза. Современное развитие коммуникаций уже привело (и еще более приведет) к применению электронных средств связи. Что логически приводит к тому, что договор морской перевозки груза в линейном сообщении может быть заключен путем обращения грузоотправителя к перевозчику с просьбой о перевозке.

Подводя итог, отметим, что в Республике Беларусь отсутствует нормативная база для регистрации морских линий. Также, как и нет международных соглашений о сотрудничестве с прибрежными морскими государствами в данной сфере. В случае возникновения возможности создания морской линии с участием белорусского перевозчика, необходимо предусмотреть заключение соглашения со страной-партнером. Считаем необходимым внести в КТМ понятие морской линии, с последующим уточнением норм, регулирующих действия операторов линии.

Предлагаем дополнить статью 2 КТМ Республики Беларусь определением морской линии, следующего содержания. «Морская линия – сообщение между морскими портами, при котором перевозки судами грузов и (или) пассажиров и их багажа осуществляются на регулярной основе по расписанию».

### **Библиографический список**

1. Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 13 окт. 1999 г.: одобр. Советом Респ. 28 окт. 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь.- Минск, 2020.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь.- Минск, 2020.

3. Шмиттгофф, К. Экспорт: право и практика международной торговли / К. Шмиттгофф. – М.: Юридическая литература, 1993. – 512 с.

## **О НЕКОТОРЫХ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**А.П. Анисимов**

*профессор кафедры гражданского и международного частного права  
Волгоградского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор*

Одной из наиболее обсуждаемых концепций взаимодействия природы и общества является концепция устойчивого развития. Впервые данная концепция была упомянута в 1987 году в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссия Гру Харлем Брундтланд), однако в окончательном виде она оформляется в решениях нескольких Конференций ООН по охране окружающей среды. Под «устойчивым» в их решениях понимается такое поступательное развитие государства и общества, при котором обеспечивается баланс экономических, экологических и социальных потребностей всех частных и публичных субъектов в интересах настоящего и будущего поколений. Именно благодаря принятым на таких конференциях ООН документах (начиная с решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 года), благоприятное качество окружающей среды начинает рассматриваться как один из элементов устойчивого развития.

Данные рекомендации были восприняты как на уровне межгосударственных объединений (например, в Европейском Союзе), так и на уровне отдельных государств мира. Так, на национальном уровне положения концепции устойчивого развития получили разную востребованность в конституциях, а также законодательных актах отдельных стран мира. Наивысшей точкой такого интереса является упоминание устойчивого развития в ст. 8 Конституции Эритреи 1997 года, ст. 60 Конституции Кении 2010 года, ст. 22 Конституции Республики Мальдивы 2008 года, ст. 81 Конституции Португалии 1976 года, ст. 33 Конституции государства Катар 2003 года, ст. 13 Конституции Республики Судан 1998 года и ряда других.

В Конституции РФ устойчивое развитие не упоминается, однако в российском законодательстве данную категорию можно обнаружить в нескольких законах, в частности, в Градостроительном кодексе РФ (ст. 1, 30, 41 и ряд других), ст. 1, 3, 36 Федерального закона «Об охране окружающей среды», ст. 36 Федерального закона от 27.12.2019 № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации», а также в нескольких стратегиях развития страны (по устойчивому развитию сельских территорий, устойчивому развитию туризма, развитию коренных малочисленных народов и т.д.). Между тем, общего документа, содержащего конкретный план действий по переходу к устойчивому развитию, в России нет. Международные акты предусматривают принятие на национальном уровне ряда специальных критериев и индикаторов, показывающих степень соответствия законодательства и состояния

экономических, экологических и социальных интересов заявленным в Концепции целям. В России наиболее развиты критерии и индикаторы устойчивого развития в лесном хозяйстве, в меньшей степени – в сфере использования и охраны объектов животного мира. По другим секторам общественной жизни (сельское хозяйство, транспорт, обращение с отходами и т.д.) критерии и индикаторы существуют только в научных исследованиях. Таким образом, можно констатировать, что в российском законодательстве присутствует определенное число фрагментарных упоминаний о концепции устойчивого развития, не сведенных в единый план действий, который бы содержал некоторую последовательность реализации стадий (этапов) перехода России к устойчивому развитию. Однако из этого совершенно не следует, что Россия не осуществляет такой переход. Одним из примеров проявления концепции устойчивого развития является институт нормирования, включенный в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года. Целью нормирования не является «борьба» с хозяйствующими субъектами, осуществляющими негативное воздействие на окружающую среду. Если бы это было так, все заводы оказались бы закрытыми, а качество окружающей среды после этого стало бы максимально высоким. Следовательно, институт нормирования преследует совсем иную цель – ограничить негативное воздействие на окружающую среду хозяйствующих субъектов, в случае необходимости оказывая им поддержку при переходе на новые природоохранные стандарты. Подтверждением последнего суждения является ст. 23.1 данного закона, которая предусматривает для хозяйствующих субъектов, не имеющих возможности соблюдать установленные нормативы негативного воздействия на окружающую среду, возможность установления «временно разрешенных выбросов и сбросов», позволяющих предприятию продолжать свою деятельность. Данная статья как раз и является одним из наиболее ярких доказательств того, что институт нормирования ориентирован на достижение задач перехода к устойчивому развитию. Переход на временно разрешенные выбросы и сбросы требует получения комплексного экологического разрешения. На период поэтапного достижения нормативов допустимых выбросов и сбросов, технологических нормативов, хозяйствующие субъекты в обязательном порядке должны разрабатывать программу повышения экологической эффективности (для объектов I категории) или план мероприятий по охране окружающей среды (для объектов II и III категории). Данный пример не является единственным. Кроме законодательства, концепция устойчивого развития востребована в правоприменительной практике. Самым известным такой пример – правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с

ограниченной ответственностью «Заполярье». В данном постановлении КС РФ, рассматривая значение термина «ущерб, причиненный экологическим правонарушением» указал, что в контексте ст. 42 Конституции РФ такой ущерб включает экологический вред (окружающей среде); вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред); вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред). Соответственно, возмещение такого ущерба позволит восстановить не только нарушенные экологические интересы, но также экономические и социальные интересы граждан и государства.

Последовательная реализация положений концепции устойчивого развития в российском законодательстве и судебной практике в условиях отсутствия нормативной базы для этого может иметь несколько объяснений. Первое заключается в том, что российские депутаты и судьи детально изучили декларации международных конференций ООН, принятых в разные годы, и содержащие набор самых разнообразных рекомендаций, и затем самостоятельно воплотили эти пожелания международных актов «мягкого права» в нормотворчество и правоприменительную практику. Такой «инициативный» вариант представляется маловероятным, т.к. в РФ нет четкого плана реализации концепции устойчивого развития (аналогичного Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 21 января 2020 года, № 20).

Второе возможное объяснение могло бы состоять в том, что все изложенные выше проявления концепции устойчивого развития в актах экологического законодательства – случайность. Однако главный аргумент против такого вывода заключается в том, что таких «случайных совпадений» слишком много, попытки найти баланс трех групп интересов представлены в самых разных законах, и во всем этом очевидна некая закономерность. В этой ситуации нам остается выдвинуть третью гипотезу о том, что идеи и ценности концепции устойчивого развития созвучны менталитету российского народа, и отражают его представления о справедливом правовом регулировании (балансе) экологических, экономических и социальных интересов. Поэтому реализация международных актов об устойчивом развитии идет без специальных указаний Российского государства.

## **ПРИНЦИП СБАЛАНСИРОВАННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СОЗДАНИЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ**

**Г.И. Балюк**

*профессор кафедры экологического права Института права  
Киевского национального университета им. Тараса Шевченко  
доктор юридических наук, профессор*

**Ю.Л. Власенко**

*доцент кафедры экологического права Института права  
Киевского национального университета им. Тараса Шевченко,  
кандидат юридических наук*

Известно, что в формировании Концепции устойчивого развития большую роль сыграла Международная комиссия по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», в которой была предложена стратегия в сфере охраны окружающей природной среды, позволившей бы достичь устойчивого развития мировой экономики. Официально стратегия перехода к устойчивому развитию была принята как Программа действий «Порядок дня на 21 столетие», представляющая собой глобальную программу формирования нового типа общества устойчивого развития.

Известно, что в основу стратегии устойчивого развития были положены инициативы в сфере интеграции экономической политики, социальной и экологической политики устойчивого развития. Что же представляет собой устойчивое развитие? Как его определить? Наиболее распространённым является вариант определения устойчивого развития в широком понимании, предложенный на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро. Устойчивое и длительное развитие представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация капиталовложений, ориентация технологического развития и институциональных изменений согласовывалась бы с нынешними и будущими потребностями. В соответствии с наведенным определением устойчивое развитие в целом представляет эволюцию общества с его природной средой.

Украина приняла положения указанной Декларации и отобразила ее положения в отечественном законодательстве. Основными документами, направленными на реализацию принципов устойчивого развития в Украине являются: «Стратегия устойчивого развития «Украина - 2020»», одобренная указом Президента Украины от 12 января 2015 года; на выполнение Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Превращение нашего мира: Порядок дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» в Украине было разработано национальную систему целей устойчивого развития до 2030 года, а указом Президента Украины от 30 сентября 2019 года «О целях устойчивого развития Украины на период до 2030 года» и ряд других документов Концепцией устойчивого развития определяют экологические,



социальные и экономические предпосылки устойчивого развития: господство «философии потребления», то есть вследствие целенаправленной деятельности человека его положение двойственное: с одной стороны, как элемент биосферы, он является ее частью, а с другой - как биосоциальное существо пребывает в конфликте с ней, используя биосферу, как ресурс для удовлетворения возрастающих потребностей, результатом чего является истощение ресурсного потенциала и деградация окружающей природной среды; - преобладание ресурсоразрушающих технологий; - несоответствие цен реальной их стоимости; - диспропорция в уровнях развития между развитыми странами и теми, что развиваются, то есть с одной стороны, относительно низкий уровень цен на сырье и рабочую силу, а с другой - высокий технологический и промышленный потенциал, порождающий главное противоречие - постоянно растущий уровень развитых государств, который формируется в связи с низкими ценами на природные ресурсы, и ещё более интенсивное использование природных ресурсов с целью возвращения задолженности.

Сегодня социальный фактор воспринимается как наиболее важный фактор достижения устойчивого развития. Сегодня можем вести речь о социальной безопасности отдельного гражданского общества. При этом возникает вопрос: что представляет собой социальная безопасность?

Мы исходим из того, что социальная безопасность - это такое состояние развития государства, при котором государство способно обеспечить достойный и качественный уровень жизни населения независима от внутренних и внешних угроз. Объектом социальной безопасности являются социальные потребности социализации человека и социальная инфраструктур: образование, воспитание, культура, торговля, охрана здоровья, образ жизни. К структурным элементам социальной безопасности в соответствии с функциональным назначением принадлежат: безопасность питания, безопасность проживания, безопасность здоровья, безопасность занятости, личная безопасность, безопасность обучения, безопасность отдыха, криминогенная безопасность и т.д.

Таким образом, не трудно заметить, что устойчивое развитие базируется на создании «социо-эколого-экономической среды», в основание которой заложен принцип сбалансированности окружающей среды, что обуславливает рассматривать социо-эколого-экономическую среду как единое целое.

При этом стабильность социологической подсистемы социо-эколого-экономической среды предусматривает стабильность численности населения, минимизацию зависимости от неблагоприятных условий для окружающей природной среды, обеспечение социальной направленности и благосостояния. Стабильность экономической подсистемы социо-эколого-экономической среды предусматривает экономическое развитие, обеспечивающее возможность удовлетворения будущих поколений в природных ресурсах, то есть сбалансированность между социальной и экономической подсистемами. Стабильность экологической подсистемы социо-эколого-экономической среды

предусматривает ряд ограничений, обусловленных необходимостью охраны окружающей природной среды с целью сохранения биоразнообразия и численности флотов и фауны.

Определяя ключевые сегменты, в которых Украина не реализовала свой потенциал, отметим, что по оценкам аудиторов, только вследствие недоиспользования земельного потенциала потери составили 85 млрд. долларов, водоиспользования - 12 млрд. долларов, лесопользования - 40 млрд. долларов, нереализованный потенциал географического расположения оценивается в 407 млрд. долларов. Проведённый экономический аудит - это счёт Украине за годы постоянных смен векторов, не завершение многих реформ, отсутствие долгосрочной экономической стратегии, коррупцию и неэффективное управление. Проведенный аудит должен стать отправной точкой для разработки Национальной экономической стратегии Украины до 2030 года, которая не должна стать декларацией, необязательной для исполнения, а быть ключом и дорожной картой для всех ветвей власти в Украине. Иначе говоря, стратегия должна стать экономической Конституцией и большой национальной идеей, которая не будет меняться с приходом нового Президента, парламента, правительства. Поэтому сегодня поставлена задача реализовать потенциал управления экономикой и сделать Украину успешной.

Изложенное свидетельствует о том, что отмеченные проблемы в Украине могут быть решены только путём объединения усилий различных не только юридических наук и практики, но и также путём привлечения специалистов других научных направлений - экономистов, социологов, психологов и т.п.

## **ОГРАНИЧЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ИХ ОБОСНОВАННОСТЬ: ПРАВОВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**Е.В. Бевз**

*доцент Института права  
Киевского национального университета им. Тараса Шевченко,  
кандидат юридических наук, доцент*

Без сомнения, 2020 год стал уникальным по количеству и масштабам вызовов, брошенных всему человечеству в связи с пандемией коронавируса COVID-19. Пандемия влияет и на экологическую ситуацию. И если сначала говорили об улучшении ситуации в связи с ограничениями, вызванными так называемым «локдауном», то теперь поднимается вопрос о возникновении новых экологических проблем.

Сегодня можно утверждать, что в результате мер, предпринятых разными странами для преодоления последствий пандемии, экологическая и экономическая составляющие концепции устойчивого развития вновь оказались противопоставлены.

В Украине в соответствии со статьей 29 Закона Украины «О защите населения от инфекционных болезней» с целью предотвращения распространения на территории Украины коронавируса COVID-19 и с учетом решения Государственной комиссии по вопросам техногенно-экологической безопасности и чрезвычайных ситуаций от 10 марта 2020 года постановлением Кабинета Министров Украины от 11 марта 2020 г. № 211 «О предотвращении распространения на территории Украины коронавируса COVID-19» с 12 марта 2020 года был введен карантин [1]. И уже 17 марта 2020 года был принят Закон Украины «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины и другие законы Украины относительно поддержки налогоплательщиков на период осуществления мероприятий, направленных на предупреждение возникновения и распространения коронавирусной болезни (COVID-19)» [2](с изменениями и дополнениями, внесенными законами Украины от 30 марта 2020 г., от 13 мая 2020 года). Среди предпринятых мер Законом устанавливается также и так называемый мораторий на проведение проверок. Согласно п. 3 заключительных и переходных положений Закона временно, по последний календарный день месяца (включительно), в котором завершается действие карантина, установленного Кабинетом Министров Украины на всей территории Украины с целью предотвращения распространения на территории Украины коронавирусной болезни (COVID-19), но не ранее 30 июня 2020 года запрещается проведение органами государственного надзора (контроля) плановых мероприятий по осуществлению государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности.

В то же время, остается возможность проведения неплановых проверок. Также Законом установлено ряд исключений из моратория, когда плановые проверки тоже проводят. В частности, разрешено проводить плановые проверки субъектов хозяйствования с высокой степенью риска.

Степень риска определяется отдельно в каждой из сфер государственного контроля по специально разработанным и утвержденным Кабинетом Министров Украины критериям оценки рисков. Критерии, по которым оценивается степень риска от осуществления хозяйственной деятельности и определяется периодичность проведения плановых мероприятий государственного надзора (контроля) в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов Государственной экологической инспекцией утверждены постановлением Кабинета Министров Украины от 6 марта 2019 года № 182 [3]. К таким критериям относятся:

- 1) осуществления хозяйственной деятельности с соблюдением экологических требований;
- 2) категория видов плановой деятельности и объектов, которые могут иметь значительное влияние на окружающую среду;
- 3) виды нарушений требований законодательства в сфере охраны окружающей природной среды, выявленных по результатам мероприятий

государственного надзора (контроля), проведенных в течение последних пяти лет, предшествующих плановому периоду;

4) количество нарушений требований законодательства в сфере охраны окружающей природной среды, выявленных по результатам мероприятий государственного надзора (контроля), проведенных в течение последних пяти лет, предшествующих плановому периоду;

5) количество внеплановых мероприятий государственного надзора (контроля), проведенных по субъекту хозяйствования в течение последних пяти лет, предшествующих плановому периоду, по основаниям, предусмотренным абзацами третьим, седьмым, девятым части первой статьи 6 Закона Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности»;

6) количество случаев недопущения субъектом хозяйствования должностных лиц органа государственного надзора (контроля) к проведению мероприятий государственного надзора (контроля) (кроме случаев, предусмотренных статьей 10 Закона Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности») в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов в течение последних пяти лет, предшествующих плановому периоду [4].

По данным критериям субъекты хозяйственной деятельности независимо от формы собственности распределяются по высокой, средней и незначительной степени риска. При этом для отнесения субъекта хозяйственной деятельности к той или иной категории применяется достаточно сложная балльная система: приложением 2 к постановлению определен перечень критериев, по которым оценивается степень риска от осуществления хозяйственной деятельности в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов, их показатели и количество баллов по каждому показателю. Отнесение субъекта хозяйственной деятельности к высокой степени риска осуществляется с учетом суммы баллов, начисленных по всем критериям, определенным в данном приложении, от 41 до 100 баллов.

Как показывает анализ данного перечня, к субъектам хозяйствования с высокой степенью риска относятся те, которые осуществляют хозяйственную деятельность в сфере экологии одновременно по нескольким критериям. Например, деятельность, связанная с образованием, сбором, сортировкой, перевозкой, хранением, обработкой (переработкой), утилизацией, удалением, обезвреживанием и захоронением отходов, включенных в раздел «А» Желтого перечня отходов, утвержденного постановлением Кабинета Министров Украины от 13 июля 2000 года № 1120 «Об утверждении Положения о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их утилизацией/удалением и Желтого и Зеленого перечней отходов» I класса опасности в количестве 10 тонн в год или более оценивается в 39 баллов, что

является недостаточным для отнесения к субъектам хозяйствования с высокой степенью риска.

Таким образом, условиях пандемии многие субъекты хозяйственной деятельности оказываются вне сферы влияния органов экологического контроля. В то же время, введение так называемого моратория на проверки органами государственного надзора (контроля) в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов относительно других субъектов может привести к нежелательным последствиям.

Как уже отмечалось выше, в связи с распространением COVID-19 весь мир поднимает перед собой новые вопросы. Среди таких вопросов есть и проблема обращения с медицинскими отходами. Внимание на такую важную в наше время проблему обращали и в Украине, и других странах еще в марте-апреле 2020 года, в то время, когда пандемия только была объявлена Всемирной организацией здравоохранения [5; 6; 7], которая, кстати, также требует, чтобы все участники, участвующие в борьбе с пандемией, находили быстрые решения для управления большими объемами образующихся медицинских отходов и соблюдали юридические процедуры [8].

Чтобы привлечь внимание к этой проблеме и оперативней координировать сотрудничество правоохранительных органов и на национальном, и на международном уровне, в марте этого года Европол начал операцию Retrovirus, по данным которого такие серьезные проблемы, как появление масок для лица в океане по всему миру, угрожают окружающей среде из-за распространения пандемии и других болезней, а также загрязнения морского мира [8].

Учитывая то, что сегодня с увеличением пациентов, больных COVID-19 и другими инфекционными заболеваниями, увеличилось количество медицинских отходов, которые к тому же могут нести эпидемическую угрозу, то есть быть источником заражения, необходимо разрешить органам экологического контроля в Украине проводить проверки субъектов хозяйственной деятельности относительно обращения с медицинскими отходами. Также из приведенного выше примера с медицинскими отходами следует, что экологические риски в условиях пандемии не уменьшились, скорее наоборот. Поэтому представляется необоснованным в сложившихся условиях даже под видом «поддержки» налогоплательщиков ограничивать проверки органами экологического контроля.

### **Бібліографічний список**

1. Про запобігання поширенню на території України гострої респіраторної хвороби COVID-19, спричиненої коронавірусом SARS-CoV-2: постанова Кабінету Міністрів України від 11.03.2020 р. № 211. –URL: Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/211-2020-%D0%BF#Text>. – Дата доступа: 14.11.2020.

2. Про внесення змін до Податкового кодексу України та інших законів України щодо підтримки платників податків на період здійснення заходів, спрямованих на запобігання виникненню і поширенню коронавірусної хвороби (COVID-19): Закон України від 17.03.2020 р. № 533-IX. URL: Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/533-20#Text>. – Дата доступу: 14.11.2020.

3. Про затвердження критеріїв, за якими оцінюється ступінь ризику від провадження господарської діяльності та визначається періодичність проведення планових заходів державного нагляду (контролю) у сфері охорони навколишнього природного середовища, раціонального використання, відтворення і охорони природних ресурсів Державною екологічною інспекцією: Постанова Кабінету Міністрів України від 06.03.2019 р. № 182. URL: Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/182-2019-%D0%BF#Text>. – Дата доступу: 14.11.2020.

4. Про основні засади державного нагляду (контролю) у сфері господарської діяльності: Закон України від 05.04.2007 р. № 533-IX. URL: Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/877-16#n196>. – Дата доступу: 14.11.2020).

5. Поводження із медичними відходами. URL: Режим доступу: [https://www.dei.gov.ua/posts/828?fbclid=IwAR2Rb6c57SNWv\\_nVVIAMx1DEPO20brVE2EnOzCQK5VAImQfdMzsWKIqY-Ос](https://www.dei.gov.ua/posts/828?fbclid=IwAR2Rb6c57SNWv_nVVIAMx1DEPO20brVE2EnOzCQK5VAImQfdMzsWKIqY-Ос). – Дата доступу: 12.11.2020).

6. Коронавірус та медичні відходи: Україна та світ. URL: Режим доступу: [http://epl.org.ua/announces/koronavirus-ta-medychni-vidhody-ukrayina-ta-svit/?fbclid=IwAR1xKzBpHdwnAix9\\_ms4NCmXm2Md\\_TthOTScpGyhMG5rbv2ByyoU9IpRq0Q](http://epl.org.ua/announces/koronavirus-ta-medychni-vidhody-ukrayina-ta-svit/?fbclid=IwAR1xKzBpHdwnAix9_ms4NCmXm2Md_TthOTScpGyhMG5rbv2ByyoU9IpRq0Q). – Дата доступу: 12.11.2020.

7. Коронавірус та медичні відходи: план дій для свідомих громадян. URL: Режим доступу: [http://epl.org.ua/announces/koronavirus-ta-medychni-vidhody-plan-dij-dlya-svidomyh-gromadyan/?fbclid=IwAR1r\\_x-OyPkHGZ6UUm0pxRhgnNobeoH9HA9\\_WuibkZbtp2czoSKKzIbd3TI](http://epl.org.ua/announces/koronavirus-ta-medychni-vidhody-plan-dij-dlya-svidomyh-gromadyan/?fbclid=IwAR1r_x-OyPkHGZ6UUm0pxRhgnNobeoH9HA9_WuibkZbtp2czoSKKzIbd3TI). – Дата доступу: 12.11.2020.

8. COVID 19 and sanitary waste. URL: Режим доступу: <https://www.elpaccto.eu/en/news/covid-19-and-sanitary-waste/?fbclid=IwAR1nFf4aqpZDAHyyhnh1PfU7GMrd4-txGHNECkdPXw5E7Y-P70APW5Jz7EqQ>. – Дата доступу: 14.11.2020.

# **ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**Л.А. Биткова**

*заведующий кафедрой правоведения  
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения  
высшего образования  
«Российский государственный аграрный университет –  
МСХА им. К.А. Тимирязева»,  
кандидат юридических наук, доцент*

В современных условиях понятие устойчивого развития стало одним из основных принципов права и законодательства многих стран, требующего комплексного исследования в целях реализации стоящих перед каждым государством задач и рассчитанного на долгосрочную перспективу. Как отмечает профессор С.А. Боголюбов, «комплексность понимания рассматриваемого феномена предполагает его сложносоставной набор – ряд основных направлений устойчивого развития, включающий общепризнанные экономическое, социальное, природоресурсное (экологическое) направления» [1, с. 37], которые, в свою очередь, лежат в основе внутренней и внешней политики государства.

Анализ различных мнений ученых-теоретиков [2] позволяет определить государственную политику как функцию управления обществом через постановку целей, задач, определения основных направлений развития общества и разработку конкретных программ деятельности государственных и общественных институтов. Чаще всего управляющее политическое воздействие осуществляется через издание правовых норм, которые призваны регулировать поведение участников общественных отношений.

В соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации [3] сельское хозяйство (п. «д») и земельное законодательство (п. «к») находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов, что означает возможность принятия по этим предметам ведения не только федеральных законов, но и нормативных актов субъектов РФ (ст. 76 Конституции РФ).

В настоящее время несмотря на достаточное количество нормативных и программных документов, содержащих отдельные положения как земельной, так и аграрной политики [4], остаются нерешенными некоторые проблемы.

Исходя из понимания земли как природного ресурса, используемого в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации [5, ст. 1], очевидной становится зависимость содержания аграрной политики от государственного регулирования в сфере использования земель сельскохозяйственного назначения, поскольку «устойчивое развитие Российской Федерации без рационального и эффективного управления сельскохозяйственными землями невозможно, они

выступают как главная ценность и базовый элемент жизнедеятельности населения страны, фактор обеспечения продовольственной безопасности» [6, с. 207]. Ценность земли должна стать «лейтмотивом» государственной политики, сельскохозяйственное производство должно пониматься не только как экономическая деятельность, нацеленная на извлечение прибыли, но и как образ жизни сельского населения. Только такое сочетание даст импульс устойчивому развитию сельских территорий. Крестьяне в царской России в своём большинстве не владели земельными участками на праве собственности, но всегда существовала некая связь человеческого труда и земли, люди не мыслили своего существования без «земли-матушки». Такое восприятие земли сейчас абсолютно недоступно для молодого поколения, которое переезжая в города, утрачивает связь с землей. Без осознания ценности плодородия земли, ее необходимой охраны возможны самые негативные последствия, примером которых может служить ситуация с продажей черноземных земель Украины иностранным компаниям, имеющая очевидную политическую подоплёку и вызвавшая неоднозначную реакцию населения страны [7].

Ключевой проблемой остается качество реализации государственной политики органами исполнительной власти. Хотя основы государственной земельной и аграрной политики устанавливаются высшими органами власти, функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной актами Президента РФ и Правительства РФ сфере деятельности в соответствии с указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» возложены на федеральное министерство [8].

Однако данный документ не раскрывает содержание функции по выработке государственной политики, он закрепляет только понимание функции по принятию нормативных правовых актов. Дискуссионным вопросом в научной среде до сих пор остается определение самого понятия «государственная политика», нормативно не закреплён механизм выработки и реализации государственной политики.

Представляется возможным, на наш взгляд, определять основные «вырабатываемые» направления государственной политики через полномочия конкретных органов исполнительной власти, перечисленных в положениях об этих органах [9, с. 40-41].

В России на федеральном уровне функции государственного управления земельными ресурсами осуществляются несколькими федеральными органами исполнительной власти, исходя из нормативно закреплённого множественного значения земли как природного ресурса, как средства производства и как объекта недвижимости [4, ст. 1]. Ученые-экономисты настаивают на создании единого органа по управлению земельными ресурсами, мотивируя отсутствием должного взаимодействия внутри системы органов исполнительной власти. На наш взгляд, в условиях развития информатизации и цифровизации всех отраслей хозяйствования допустимо осуществление функций управления



земельными ресурсами различными органами исполнительной власти в зависимости от предназначения этих земельных ресурсов, но с обязательным соблюдением требований охраны земель, пониманием значения этих земель для экономической и социальной стабильности страны.

Объединяя земельную и аграрную сферу отношений Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (далее – Минсельхоз России) осуществляет полномочия по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, прежде всего, в сфере агропромышленного комплекса, включая...устойчивое развитие сельских территорий, а также в сфере земельных отношений (в части, касающейся земель сельскохозяйственного назначения), по государственному мониторингу таких земель [10]. Сразу следует положительно оценить плодотворную законодательную работу, проводимую в последние годы Минсельхозом России в целях совершенствования действующего земельного и аграрного законодательства как для защиты национальных интересов, так и в рамках международного сотрудничества (например, по линии Таможенного союза).

Однако важно обратить внимание на то, что до сих пор серьёзный кризис претерпевает институт землеустройства; сельскохозяйственное производство территориально «уводят» от городов федерального значения в другие субъекты РФ, уменьшая возможности малого и среднего бизнеса по поставке в мегаполисы качественной сельскохозяйственной продукции; отсутствует целостная система плановых государственных закупок отечественного продовольствия (за исключением зерновых культур); существующая государственная поддержка не покрывает расходы сельскохозяйственных товаропроизводителей (на заработную плату работникам, ГСМ, транспортные, коммунальные и другие расходы), не направлена на минимизацию рисков, как это было в советское время в отношении хозрасчетных колхозов и совхозов; не изменена система земельных платежей, не отвечающая не только реалиям сегодняшнего дня, но и противоречащая достижению целей и задач государственной земельной и аграрной политики, она должна быть дифференцированной.

### **Библиографический список**

1. Боголюбов, С.А. Правовое обеспечение природоресурсного и других направлений устойчивого развития // Управление земельными и иными природными ресурсами: проблемы правового регулирования и судебной практики: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, 11-13 октября 2019 г. / Марийский государственный университет; отв. ред.: З.Ф. Сафин, З.К. Кондратенко, Е.В. Лунева.
2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права. М., 2000. С.160-161; Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. - 2-е изд., перераб., доп. и испр. – М.: Проспект, 2013. С. 90-91; Кара-Мурза С.Г. Политология, лекция 4. Государственная политика и управление

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://web.archive.org/>. – Дата доступа: 12.11.2020.- Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – С. 113-114.

3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) – Дата доступа: 12.11.2020.

4. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_64930/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/). – Дата доступа: 12.11.2020.

5. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_33773/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/). – Дата доступа: 12.11.2020.

6. Крашенинников, С.В. Введение в оборот земель сельскохозяйственного назначения как часть государственной политики // Управление земельными и иными природными ресурсами: проблемы правового регулирования и судебной практики: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, 11-13 октября 2019 г. / Марийский государственный университет; отв. ред.: З.Ф. Сафин, З.К. Кондратенко, Е.В. Лунева. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. – С. 206-210.

7. Ткачёв, Ю. Гордость на продажу // Огонёк. – № 46. – 25 ноября 2019 года. – С. 18-20.

8. Указ Президента РФ от 9.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 12.11.2020.

9. Биткова Л.А. К вопросу об органах исполнительной власти, реализующих государственную земельную и экологическую политику // Векторы развития законодательного обеспечения государственной земельной политики: опыт XX века и современность / Сборник материалов международной научно-практической конференции (Государственный университет по землеустройству 18 декабря 2018 г.) / Сост. С.А. Липски, Е.А. Позднякова. – М.: ГУЗ, 2018. – С.39-44.

10. Положение о Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства РФ от 12.06.2008 № 450 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 25. – Ст. 2983.

## **ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ XXI ВЕКА**

**С.А. Боголюбов**

*научный руководитель*

*отдела экологического и аграрного законодательства,*

*главный научный сотрудник*

*Института законодательства и сравнительного правоведения*

*при Правительстве Российской Федерации,*

*доктор юридических наук, профессор*

Реформирование основных законов Белоруссии, России, Украины, других Республик, составлявших Союз ССР, в 1937, 1978, 1990-х годах сопровождалось научным обеспечением решения природоресурсных, сельскохозяйственных проблем со стороны преподавателей, ученых Белорусского, Киевского, Московского, Ленинградского государственных университетов. Разработка, внесение и рассмотрение предложений о конституционном регулировании природоохранных отношений носило не одномоментный, а длящийся, исследовательский характер с публичным всесторонним обсуждением вопросов, в том числе в городе Минске [1; 2].

Экологические контуры умеренного развития, направления конституционных реформ готовились, обосновывались, комментировались специалистами в области аграрного, природоохрannого, природоресурсного права профессорами А.Е. Ереновым (Казахстан), О.С. Колбасовым и В.В. Петровым (Россия), В.Л. Мунтяном (Украина) и др.

Большой авторитет снискали и приобретают все большее значение в настоящее время теоретические и практические труды профессора, члена-корреспондента НАН Беларуси Н.В. Сторожева о правотворческих приемах и навыках, государственно-правовом строительстве, мелиорации земель. Его можно было регулярно встречать и слышать на научно-практических конференциях не только в Минске, но и в Ашхабаде, Киеве, Москве, Харькове, в Прибалтике. Будучи директором Института государства и права НАН Беларуси Николай Васильевич, незадолго до своей смерти выступал в Московской государственной юридической академии об интегративном сближении Республики Беларуси и Российской Федерации в их Союзе государств, становлении Союзного государства России – Беларуси.

Эти традиции преемственности, учета магдебургского права, причастности к сотворению конституций продолжают через активное участие в научных встречах Казанского (Приволжского), Марийского, других вузов современных представителей профессорско-преподавательского состава юридического факультета Белорусского государственного университета, 95-летие которого с удовлетворением отмечается евразийской общественностью [3]. Приносит пользу творческий взаимный обмен законотворческим опытом, теоретическими идеями, инновационными тенденциями [4].

Переживаемая в последние годы турбулентность социальной, экономической, политической жизни предполагает новые подвижки конституций. В Российской Федерации специально созданная комиссия рассмотрела сотни внесенных гражданами и организациями поправок Конституции Российской Федерации, десятки их были одобрены в ходе всенародного голосования 1 июля 2020 года, что означало, по общему признанию, новую конституционную многовекторную реформу.

Новая редакция Конституции Российской Федерации определяет модернизацию различных отраслей российского законодательства, включая законодательство об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, понимаемом в широком смысле как экологическое законодательство, включающее природоохранную часть, природоресурсную часть и экологизированные нормативные правовые акты, предписания других отраслей законодательства.

Объем, актуальность и содержательность новых конституционных положений обуславливают необходимость сосредоточения внимания на актуальных направлениях совершенствования экологического права и законодательства, повышающего результативность применения конституционных установок, распространения их на реалии общественной жизни.

Придание в поправках Конституции большего значения экологическим вопросам (в сравнении с прежним текстом Основного Закона России) свидетельствует о возрастании общественного внимания к сбережению плодородия земель, лесной и иной растительности, водоохраных зон, полезных ископаемых, биоразнообразия, переработке и утилизации твердых коммунальных отходов, но также об обострении экологической ситуации, обусловленном интенсификацией экономического развития и пандемией.

Фундаментальными для экологии становятся поправки, предусмотренные в части 1 статьи 67 и пунктах «в», «е»<sup>5</sup> «е»<sup>6</sup> части 1 статьи 114 Конституции Российской Федерации, которые непосредственно влияют на дальнейшее обновление природоохранного, природоресурсного законодательства, поскольку содержат нормы:

- о включении в территорию Российской Федерации воздушного пространства над ней (что давно было установлено в ряде государств [5]);

- о проведении единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды в развитие установленных ранее в пункте «е» статьи 71 Конституции Российской Федерации основ федеральной политики и федеральных программ в области экологического развития Российской Федерации;

- об осуществлении мер, направленных на снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду;

- о сохранении уникального природного и биологического многообразия страны (законодательство об особо охраняемых природных территориях);

о формировании в обществе ответственного отношения к животным [6];  
о создании условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Изменения Конституции Российской Федерации дают старт продолжению существенных трансформаций экологического, сельскохозяйственного и примыкающих к ним иных отраслей российского законодательства, определяют тенденции дальнейшего устойчивого комплексного экономического, социального, экологического развития.

Многие иные изменения Конституции России 2020 года также неминуемо оказывают свое непосредственное воздействие на состояние и применение экологического законодательства, вследствие чего эти поправки нуждаются в научном измерении, оценке их влияния на состояние, перспективы осуществления соответствующих правоотношений. Так, дополнение пункта «е» статьи 71 об отнесении к ведению Российской Федерации установления основ федеральной политики и федеральных программ в различных областях развития Российской Федерации новой сферой – научно-технологической порождает необходимость ее увязки с остальными областями развития, в том числе с обеспечивающими их природоохранным и природоресурсным законодательным потенциалом, в котором важнейшее место занимают пересекающиеся друг с другом земельные и градостроительные нормы. Дополнение пункта «д» статьи 72 Конституции РФ об отнесении к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов сельского хозяйства наряду с природопользованием, охраной окружающей среды, обеспечением экологической безопасности, особо охраняемыми природными территориями обосновывает и подтверждает научные поиски и усилия юристов-аграрников профессоров Н.В. Сторожева, З.С. Беляевой, М.И. Козыря, Н.И. Краснова, А.И. Бобылева, М.И. Палладиной, Г.В. Чубукова, И.Ф. Панкратова и др., которые отстаивали самостоятельность аграрного права как комплексной отрасли, добивались его включения (несмотря на скептицизм теоретиков права и сомнения членов ВАК при Минобрнауки России в наличии самостоятельного предмета и методов регулирования) в специальность 12.00.06 для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Не выглядит случайным помещение указанного дополнения в упомянутый «экологический» перечень, так как агропромышленный комплекс является одним из основных загрязнителей природной среды, что, в частности, отражено в докторской диссертации Л.Ф. Усмановой [7], в исследованиях белорусских ученых И.П. Кузьмич [8; 9; 10], В.В. Саскевич [9], И.С. Шахрай[8].

Экологическим вектором обладает статья 75-1 Конституции России о создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. Среди основных принципов охраны окружающей среды в ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» предусматривается научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и

государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды. Как основной принцип земельного законодательства (ст. 1 Земельного кодекса РФ) установлен приоритет охраны жизни и здоровья человека. Аналогичные положения о развитии экономики и обеспечении экологии для человека содержат Лесной, Водный кодексы России, природоресурсные акты законодательства Республики Беларусь.

В новой норме Конституции Российской Федерации предусматривается взаимное доверие государства и общества: в области природопользования, охраны природы оно необходимо самым настоятельным образом ввиду многообразных форм собственности на природные объекты, взаимосвязанности их использования и охраны различными правообладателями, зависимости состояния природных объектов от совместных действий, поведения, взаимопонимания физических, юридических лиц, их объединений, общества, государства, авторитета и роли регулирующей их отношения системы законодательства.

Именно отсутствием понимания между властью и народом, отчужденностью от них ряда собственников, должностных лиц можно объяснять публичные мероприятия относительно складирования бытовых отходов вблизи населенных пунктов, протесты местного населения против завоза без надлежащей обработки твердых коммунальных отходов одних населенных пунктов к другим, что может вести к нарушению экологической, социальной, экономической солидарности.

Соединению природоресурсных обязанностей и прав граждан должна способствовать деятельность и ответственность государства: профессор О.Е. Кутафин полагал, что в советские годы конституционно-правовая действительность не позволяла создать механизм реализации тех демократических институтов, которые были закреплены в нормах тогдашних конституций, например, ответственность государства перед гражданином [11].

Отношение к экологии имеет включение в Конституцию Российской Федерации статьи 75-1 об обеспечении сбалансированности прав и обязанностей гражданина, на что указывал Конституционный суд РФ, полагая, что статья 58 Конституции России об обязанностях каждого сохранять природу, бережно относиться к природным богатствам, распространяется и на юридические лица, и на государственные органы.

На недооценку выполнения гражданами своих обязанностей наряду с признанием, разъяснением, соблюдением и защитой прав и свобод человека и гражданина систематически обращали внимание ученые России и других стран Содружества Независимых Государств [12; 13; 14; 15; 16]. Евразийская доктрина сочетания обязанностей и прав, признаваемая и провозглашаемая в Республике Беларусь, в Российской Федерации, исходит из их неразрывного единства, обусловленности одних другими, ответственности государства не только за признание, соблюдение и защиту прав человека и гражданина, но и за

выполнение своих экологических функций (статьи 2, 18, 19, пункты «в», «г», «е» части 1 статьи 114 Конституции РФ).

В соответствии с частью 2 статьи 2 Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, внесенными республиканскими референдумами 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года, государство ответственно за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией.

На первый взгляд может показаться, что экологическое законодательство отдает предпочтение правам на природные объекты по сравнению с обязанностями по отношению к ним. В Земельном кодексе Российской Федерации (ЗК РФ) имеются: глава V о возникновении прав на землю с четырнадцатью статьями 25-39 (глава о возникновении земельных обязанностей вообще отсутствует); в главе VI о правах и обязанностях собственников, иных правообладателей при использовании земельных участков приоритет количественно отдается земельным правам (ст. ст. 40-41), а земельным обязанностям посвящается только одна ст. 42; глава VII о прекращении и ограничении прав на землю (ст. ст. 44-56) и глава IX о защите прав на землю и рассмотрении земельных споров (ст. ст. 59-64) заполнены в основном гарантиями земельных прав, и это представляется справедливым, поскольку права человека являются согласно статье 2 Конституции РФ высшей ценностью. Однако, такой внешний количественный перекос в правах и обязанностях оказывается поверхностным, но не сущностным, так как ряд обозначенных в ЗК РФ прав означает одновременно и обязанности землеобладателей путем добавления нормы в ЗК РФ об осуществлении прав следующих уточнений: «в установленном порядке», «в соответствии с законом», «в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием», «с соблюдением требований регламентов, правил, нормативов», «в соответствии с установленными законодательством экологическими, строительными, санитарно-гигиеническими и иными специальными требованиями», что означает не только набор прав, но и перечень связанных с их реализацией обязанностей.

Надо учитывать зависимость обязанностей (как и прав) собственников, пользователей, арендаторов от публичных функций мониторинга, землеустройства, надзора, контроля за соблюдением земельного законодательства, охраной земель. Такое сочетание прав и обязанностей приводит к одновременному возложению обязанностей на получателя права, к фактическому объединению прав и обязанностей в качественное единство, превращающемуся в условный статус, в задачи землеобладателей, где права неминуемо означают и обязанности, предполагая их неразрывное сочетание, сбалансированность.

По статье 12 Конституции России 1993 года органы местного самоуправления были объявлены в пределах своих полномочий

самостоятельными и отделены от системы органов государственной власти в отличие от Беларуси, Казахстана, Украины, где местные органы в целом подчиняются вышестоящим. Независимость по западноевропейским лекалам российских муниципальных органов была во многом декоративной и в складывающихся культурных, экономических, инфраструктурных условиях не была полностью реализована, прежде всего, из-за местных бюджетов.

Сохранению государственной, общественной дисциплины, преодолению либеральной мифологии, укреплению вертикали власти и управления в унитарной Республике Беларусь способствуют статьи 117-124 раздела V «Местное управление и самоуправление» Конституции, где предусматриваются соподчиненность Советов, принятие ими решений исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории; исполнение решений вышестоящих государственных органов; возможность роспуска и снятия с должности руководителей исполнительных и распорядительных органов Советов при определенных законом обстоятельствах.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» с 2002 года предусматривался муниципальный экологический контроль, который с принятием Градостроительного кодекса Российской Федерации был в законодательстве упразднен, хотя кое-где сумел добиться ощутимых результатов посредством инициатив и активности инспекторов, организации гласного муниципального и общественного мониторинга, контрольно-технических лабораторий. Некоторые функции по благоустройству, озеленению, содействию охране природы сохранялись впоследствии в законодательстве РФ об организации местного самоуправления, но не носили принципиального характера.

На состояние управления в области охраны окружающей среды способны повлиять статья 79-1 Основного Закона Российской Федерации о согласованном функционировании и взаимодействии органов, входящих в единую систему публичной власти; новая редакция статьи 132 Конституции о вхождении органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти в РФ, осуществлении взаимодействия для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории; статья 133 о выполнении органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций.

В отличие от муниципального экологического контроля, исключенного из Федерального закона «Об охране окружающей среды», муниципальный земельный контроль сохраняется в ст. 72 ЗК РФ и осуществляется с разной степенью успешности на практике, но в муниципальных образованиях вступает в некоторое соперничество с государственным земельным надзором, государственной регистрацией земельных участков, иной недвижимости и сделок с ними, производственным земельным контролем. Объединение видов,



усилий земельного, лесного, водного, надзора с соответствующим муниципальным контролем в единую публичную систему усилит их координацию, прибавит авторитета, повысит эффективность комплексного (интегрированного) экологического надзора и контроля, а также позволит органам местного самоуправления с их природоохранными полномочиями возвратиться в «клоно» полноценной системы органов публичной власти.

Совершенствованию природоохранных, природоресурсных правоотношений будут способствовать новые положения Конституции Российской Федерации о воспитании гражданственности (в том числе по отношению к сбережению, охране природы, ее ресурсов), сохранении идеалов и веры в Бога (в части трепетного отношения к природе [17], защите исторической правды (в том числе, об опасности безудержной эксплуатации природных богатств, грозящей угрозе их необратимой деградации), уникальном культурном наследии (в виде памятников истории и природы, нуждающихся в охране, участвующих в воспитании экологической культуры).

### **Библиографический список**

1. Правовые проблемы земельной и аграрной реформ в странах Центральной и Восточной Европы, в странах СНГ : сб. тезисов докладов Международного конгресса. – Минск, 1999.
2. Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного, энергетического права: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27 апреля 2018 г / Белорус. гос. ун-т; редкол. : Т.И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018.
3. Управление земельными и иными природными ресурсами: проблемы правового регулирования и судебной практики : сб. статей участников Междунар. науч.-практ. конф. (11–13 окт. 2019 г.) / Марийский госуд. ун-т ; отв. ред.: З.Ф. Сафин, З.К. Кондратенко, Е.В. Лунева. — Йошкар-Ола :МарГУ, 2019.
4. Пахарева, Г.В. Теоретические и практические проблемы гармонизации экологического законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь :автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.06 / Г.В. Пахарева ; ИЗИСП. – М., 2009.
5. Боголюбов, С.А. Развитие экологического права на евразийском пространстве: монография / С.А.Боголюбов. – М.:ИНФРА-М, 2020. – 432 с.
6. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / Отв. ред. Д.Б. Горохов. – М.:ИЗИСП-«Контракт», 2020. – 280 с.
7. Усманова, Л.Ф.Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в аграрном секторе экономики :дисс. д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Л.Ф. Усманова ; Башкирский институт переподготовки и повышения квалификации кадров АПК. – Уфа, 2000. – 370 с.

8. Кузьмич, И.П. Правовое обеспечение охраны окружающей среды в сельском хозяйстве Республики Беларусь / И.С. Шахрай, И.П. Кузьмич // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 9. – С. 69-80.
9. Кузьмич, И.П. Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве Республики Беларусь / И.П. Кузьмич, В. В. Саскевич / Актуальные проблемы теории экологического права : монография / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А. П. Анисимова. – М.: Юрлит-информ, 2019. – С. 496-512.
10. Кузьмич, И.П. Экологическая безопасность в контексте правового обеспечения ветеринарной и фитосанитарной безопасности / И.П. Кузьмич // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: Кутафинские чтения, материалы XVI Междунар. науч. практ. конф., г. Москва, 4-6 апреля 2019 г. / Московский государственный юридический университет: в 3 ч. – Часть 2. – М. : РГ-Пресс, 2019. – С. 163–167.
11. Беседа с действительным членом Российской Академии наук ректором Московской государственной юридической академии О.Е. Кутафиным» // Государство и право. – 2003. – № 10.
12. Ефимова, Е.И. Развитие института «экологические права и обязанности» в эколого-правовых исследованиях / Е.И.Ефимова // Экологическое право. – 2004. – № 2.
13. Голиченков, А.К. Экологические права и обязанности по законодательству Российской Федерации / А.К.Голиченков // Актуальные проблемы теории права и государства и экологического права. Вып. 1. – М.: Моск. гос. ун-т путей сообщения, 2001.
14. Боголюбов, С.А. Экологические обязанности граждан. / С.А.Боголюбов // Юридический мир.– 2001.– № 3.
15. Макарова, Т.И. Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь / Т.И.Макарова. — Минск : БГУ, 2004. — 231 с.
16. Макарова, Т.И. Обязанности граждан в области охраны окружающей среды как элемент эколого-правового статуса / Т.И.Макарова // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. — 2007. — № 1. — С. 126 — 132.
17. Селеев, С. Лес – Божий, ничей, никто его не растил / С.Селеев // Коммерсантъ. – 18.11.2017.

**СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ  
МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА  
КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ  
МИРОВОГО СООБЩЕСТВА**

**О.А. Бурукина**

*доцент Российского государственного гуманитарного университета,  
кандидат философских наук, доцент*

Вооруженный конфликт – внутренний и международный – самая жестокая реальность XX века. Несмотря на все усилия, предпринятые международными

организациями, дипломатами и мировой общественностью для того, чтобы на постоянную основу вместо использования оружия поставить мирные переговоры, число человеческих страданий, смертей и разрушений, которые неизбежно приносят войны, продолжает расти.

Предотвращение вооруженных конфликтов является и должно оставаться первоочередной целью международного сотрудничества. Вторая цель – сохранить человечество перед лицом войны. Именно в этом заключается миссия международного гуманитарного права (МГП).

Менее чем за 100 лет был создан внушительный свод норм МГП. Сегодня существуют четкие ограничения типологии действий, которые допускаются в вооруженном конфликте. Однако договоры и конвенции – даже если они торжественно ратифицированы – не могут спасти жизни, предотвращать жестокое обращение или защищать собственность невинных людей в отсутствие стремления участников вооруженных конфликтов применять эти соглашения при любых условиях. И международные соглашения не будут эффективными, если и комбатанты, и гражданские лица, не поймут, что основная проблема соблюдения принципов МГП заключается в соблюдении основных прав человека [1].

МГП в первую очередь направлено на продвижение гуманных стандартов поведения в ситуациях вооруженного конфликта, когда безопасность человека подвергается наибольшему риску. МГП состоит из множества правил и принципов, регулирующих стороны в вооруженном конфликте, требующих, например, чтобы комбатанты различали военные и гражданские цели; и что гражданские лица не должны быть преднамеренной целью операций; а также избегать методов ведения войны, причиняющих ненужные страдания. МГП также содержит подробные правила, требующие гуманного обращения с гражданскими лицами, военнопленными, а также с больными и ранеными [2].

В современных вооруженных конфликтах гражданские лица являются основными жертвами нарушений МГП, совершаемых как государственными, так и негосударственными участниками вооруженных конфликтов [3]. Диверсифицированный характер современных вооруженных конфликтов продолжает создавать проблемы для применения и соблюдения МГП в ряде областей, начиная от классификации вооруженных конфликтов с использованием новых технологий. Сегодня назрела необходимость выявить эти вызовы и адекватно реагировать на них, чтобы гарантировать, что МГП продолжит выполнять свою защитную функцию в ситуациях вооруженного конфликта любого типа. Однако, несмотря на защиту, обеспечиваемую гражданским лицам в вооруженных конфликтах международным правом, ежедневно гибнут 100 мирных жителей.

Глобальное устойчивое развитие. Для решения наиболее актуальных мировых проблем, в том числе проблемы защиты мирного населения и инфраструктуры в ходе вооруженных конфликтов, в 2015 году всеми государствами-членами Организации Объединенных Наций была принята

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, представляющая собой общий план обеспечения мира и процветания для людей и всей планеты в настоящее время и в будущем. В ее основе лежат 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР), основанных на десятилетиях работы ООН и государств-членов ООН, представляющие собой настоятельный призыв ко всем странам – как развитым, так и развивающимся – действовать в рамках глобального партнерства. Мировая общественность признала, что искоренение бедности и других лишений должно идти рука об руку со стратегиями, направленными на улучшение здоровья и образования, сокращение неравенства и стимулирование экономического роста – и все это при одновременном решении проблемы изменения климата и работе над сохранением земных океанов и лесов [4].

Цель 16 в области устойчивого развития – «Содействие мирному и инклюзивному обществу в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и инклюзивных институтов на всех уровнях» [4].

Принципы, лежащие в основе Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, никого не оставляют без внимания и обеспечивают права человека для всех. В Декларации ясно указывается на необходимость включения беженцев как жертв вооруженных конфликтов. Так, в пункте 4 говорится, что «никто не останется без поддержки и что намеченные цели и задачи устойчивого развития будут достигнуты для всех стран и народов, а также всех слоев общества» [5].

В пункте 23 Повестки дня указывается: «Совокупность нуждающихся, чьи потребности отражены в Повестке дня, включает в себя всех детей, молодежь, людей с ограниченными возможностями (из которых более 80% живут в бедности), людей, живущих с ВИЧ / СПИДом, пожилых людей, коренные народы, беженцев, перемещенных лиц и мигрантов. Мы преисполнены решимости принять дальнейшие эффективные меры и действия в соответствии с международным правом для устранения препятствий и ограничений, усиления поддержки и удовлетворения особых потребностей людей, живущих в районах, пострадавших от чрезвычайных гуманитарных ситуаций, и в районах, оказавшихся под пагубным воздействием терроризма» [6].

Таким образом, очевидно, что цели глобального устойчивого развития имеют гуманитарный характер, а цель 16 (SDG 16) непосредственно связана с миссией МГП.

Сущность международного гуманитарного права. Важно помнить, что МГП отличается от других инструментов, таких как, например, Устав Организации Объединенных Наций, позволяющий международному сообществу делать политические заявления, касающиеся применения силы в международных отношениях, в то время как МГП регулирует защиту людей и ведение боевых действий во время вооруженного конфликта.

Главная цель МГП – облегчение страданий гражданских лиц, оказавшихся в зоне военных действий, независимо от первопричин и возможных объяснений вооруженного конфликта. В соответствии с МГП не существует «справедливых» или «несправедливых» войн, потому что гражданские лица – если упомянуть только одну категорию лиц, защищаемых правилами МГП – имеют право не быть убитыми, подвергнутыми пыткам или изнасилованию, независимо от их политической и национальной принадлежности.

МГП не статично. Это свод правил, который постоянно уточняется и изменяется. Он постоянно пытается реагировать на новые вызовы, возникающие в связи с развитием средств и методов ведения войны. Результаты можно увидеть в многообразных изменениях, произошедших после принятия в 1864 году первой Женевской конвенции. Можно сказать, что за 56 лет МГП превратилось в сложный комплекс принципов и правил, актуальность которых никто не может отрицать [7].

Однако говорить о достижениях МГП имеет смысл только в том случае, если мы рассматриваем гуманитарное право по отношению к людям, нуждающимся в его защите, то есть к людям, являющимися жертвами вооруженных конфликтов. В примерно 70 вооруженных конфликтов, протекающих в мире в настоящее время, вовлечено бесчисленное количество детей, женщин и мужчин, не участвующих в принципе или больше не участвующих в военных действиях, но ежедневно сталкивающимися с крайними жизненными трудностями и проявлением насилия [8].

Факторы, воздействующие на развитие МГП. Возрастающая сложность вооруженных конфликтов породила дискуссии о понятии и типологии вооруженных конфликтов, в том числе о том, достаточна ли классификация конфликтов МГП на международные (IAC) и немеждународные (NIAC), чтобы охватить типы происходящих вооруженных конфликтов. Хотя МККК по-прежнему считает классификацию достаточной, Комитет признает, что количество фактических сценариев, которые могут быть классифицированы как NIAC, непрерывно растет [3].

Взаимодействие между МГП и правом прав человека продолжает иметь практические последствия для ведения военных операций. Взаимосвязь между правом прав человека и МГП влияет на вопросы, связанные с экстерриториальными нападениями на людей, задержанием мирных жителей и бывших комбатантов, а также с применением силы как в международных, так и немеждународных вооруженных конфликтах.

В современных вооруженных конфликтах защитные рамки МГП по-прежнему вызывают наибольшую озабоченность. Во многих ситуациях государства не могут или не желают удовлетворять основные потребности гражданских лиц, и тогда МГП предусматривает, что действия по оказанию помощи могут предприниматься другими субъектами, включая гуманитарные организации, с согласия государств, на территориях которых ведутся вооруженные конфликты. Однако остается много препятствий на пути

гуманитарного доступа, включая соображения военного и политического характера, в том числе проблемы безопасности, препятствующие оказанию помощи нуждающимся гражданским лицам [9].

В последние годы экстерриториальные военные операции привели к появлению новых форм военного присутствия на территории государства и переориентировали внимание на права и обязанности оккупирующей державы, регулирование применения силы на оккупированной территории и применимость закона оккупации к силам ООН [10]. Обязанности и задачи, возложенные на многонациональные силы, также изменились, чтобы охватить целый спектр операций, включая предотвращение конфликтов, поддержание мира, миротворчество, принуждение к миру и миростроительство. Многогранный характер этих операций означает, что многонациональные силы более склонны к применению силы, и поднимает вопрос о том, когда и как МГП будет применяться к их действиям [там же].

Еще одним важным фактором, обуславливающим развитие МГП на современном этапе, является появление множества новых технологий на поле современной битвы. Киберпространство открыло потенциально новую область ведения войны. Системы вооружения с дистанционным управлением, дроны и роботизированные системы, все чаще используются различными сторонами вооруженных конфликтов. Нет сомнений в том, что МГП применимо к этому новому оружию и любым сценариям применения новых технологий в войне. Однако эти новые средства и методы ведения войны создают правовые и практические проблемы с точки зрения обеспечения того, чтобы их использование соответствовало существующим нормам МГП, а также того, что должное внимание уделяется прогнозируемым гуманитарным последствиям их использования.

Военные действия, в которых негосударственные вооруженные группы, действующие в населенных районах, противостоят правительственным силам, использующим гораздо более совершенные военные средства, также являются повторяющейся моделью, подвергая гражданское население и гражданские объекты разрушительному воздействию военных действий [11]. Смешение вооруженных групп с гражданскими лицами в нарушение МГП использовалось некоторыми армиями как оправдание для обхода принятия возможных мер предосторожности для минимизации рисков для гражданских лиц, как того требует МГП.

Постоянной проблемой для защиты гражданского населения является неадекватное регулирование доступности и ненадлежащего использования обычных вооружений. В соответствии с Женевскими конвенциями и обычным международным правом государства обязаны обеспечивать соблюдение МГП, включающее в себя ответственность за обеспечение того, чтобы оружие и боеприпасы, которые передают (продают) государства, не попали во владение лиц, стремящихся использовать их в нарушение принципов МГП. Договор о

торговле оружием, поддерживаемый МККК, призван решить некоторые из этих проблем [12].

В последнее время МГП столкнулось с тенденцией государств квалифицировать как «террористические» все военные действия, совершаемые против них негосударственными вооруженными группировками, особенно во время немеждународных вооруженных конфликтов. Хотя вооруженные конфликты и террористические акты – разные формы насилия, регулируемые разными отраслями права, они стали восприниматься почти как синонимы из-за постоянного смешения в общественной сфере. Использование термина «террористический акт» в контексте вооруженного конфликта вызывает путаницу между двумя разными сводами права [8].

Изменение контекста, в котором должно применяться МГП. В последние десятилетия наблюдается заметный рост внутренних вооруженных конфликтов – локальных войн между фракциями, находящимися в пределах границ одного государства. В этих новых конфликтах гражданские лица все чаще оказываются на линии огня или даже целенаправленно становятся объектами ужасающего насилия. Соответственно, МГП развивалось и адаптировалось к изменяющемуся миру как ответ на изменившийся характер вооруженного конфликта, так и в связи с появлением нового подхода к безопасности, ориентированного на человека.

Хотя эта область международного права традиционно развивалась медленно и постепенно, за последнее десятилетие она претерпела революционные изменения. МГП было усилено благодаря синергии между новаторской судебной практикой специальных трибуналов, разработкой Римского статута Международного уголовного суда и национальными инициативами. МГП вступило в беспрецедентный период, когда тексты, написанные всего несколько лет назад, стремительно отходили «на второй план». Таким образом, было замечено, что МГП как свод законов недавно «достиг совершеннолетия» [2].

Тем не менее, несмотря на то, что были явно достигнуты важные успехи, все еще остается значительное сопротивление развитию данной области права, поскольку многие государства по-прежнему весьма нерешительно относятся к МГП. Традиционная озабоченность связано с тем, что МГП не должно становиться средством вмешательства в национальный суверенитет, и эта обеспокоенность усилилась, поскольку многие конфликты сегодня носят сугубо внутренний характер [13].

Указанная проблема проявляется в сопротивлении не только разработке новых принципов или правил, но даже скромным обязательствам по обеспечению соблюдения МГП, таким как предоставление доступа наблюдателям или предоставление информации о деятельности на национальной территории, касающейся выполнения МГП. Кроме того, воюющие державы и государства, непосредственно вовлеченные в конфликт,

по-прежнему стремятся сохранить максимально возможную гибкость в своих военных действиях [11].

Еще большую проблему представляет то, что фактическое соблюдение МГП во многих современных конфликтах чрезвычайно лимитировано, причем массовые нарушения даже самых элементарных правил являются обычным явлением.

Сегодня величайшей проблемой для безопасности человека является урегулирование немеждународных, или внутренних вооруженных конфликтов. В отличие от международных вооруженных конфликтов, когда государства осознают взаимную заинтересованность в установлении основных правил, внутренние вооруженные конфликты часто рассматриваются как вопрос внутреннего усмотрения, предоставляя правительствам максимальную свободу действий в борьбе с повстанцами. При этом многие государства были более склонны заботиться о своих интересах, чем о проблемах общества или гуманитарных требованиях [12].

Таким образом, получение какого-либо признания всех правил, применимых во внутреннем вооруженном конфликте, было и остается сложной и трудоемкой задачей. Даже в тех случаях, когда положения договоров предусматривали некоторое неохотное признание наиболее элементарных норм, применимых во внутреннем вооруженном конфликте, эти положения не предусматривали индивидуальную уголовную ответственность за серьезные нарушения [13].

В начале 1990-х гг. все еще считалось, что нарушения во внутренних вооруженных конфликтах не являются «военными преступлениями» и не влекут за собой уголовную ответственность.

Сравнительно недавнее признание концепции военных преступлений во внутренних вооруженных конфликтах стало одним из самых глубоких, но наименее заметных результатов усиления роли принципа безопасности человека в качестве международного приоритета [14]. Значимые события, произошедшие в последние несколько лет, побудили международное сообщество настаивать на том, чтобы узкие проблемы суверенитета не могли «затмить» жизненно важные гуманитарные проблемы. Растущее распространение, масштабы и жестокость внутренних вооруженных конфликтов фактически требуют, чтобы МГП не теряло актуальности в современном мире.

Внутренние вооруженные конфликты не только превзошли количество международных конфликтов, но и стали причиной многочисленных прецедентов, когда мирных жителей терроризировали и преследовали по причине их расы или этнической принадлежности, а также подвергали самым ужасным зверствам. В то же время многие государства стали более охотно уделять внимание безопасности отдельных людей и предпринимать более решительные шаги по продвижению основных норм приличия. Работа



специальных трибуналов также ускорила развитие МГП, интерпретируя и применяя его нормы и вдыхая жизнь в эти «выбитые в камне» доктрины [8].

Принятие Советом Безопасности Статута Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР), в котором был решен вопрос юрисдикции в отношении военных преступлений во внутренних вооруженных конфликтах, стало крупным шагом вперед. Юридические нормы, принятые после создания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), продолжали этот импульс, считая, что наиболее устоявшиеся запреты на международные вооруженные конфликты теперь можно рассматривать как применимые к внутренним вооруженным конфликтам. Этот процесс расширения был продолжен с принятием Римского статута [9].

Несмотря на первоначальное противодействие со стороны решительного меньшинства государств, Канада и другие государства-единомышленники настаивали на признании военных преступлений во внутренних вооруженных конфликтах [10]. В результате в Римском статуте был закреплен значительный перечень установленных запретов в отношении международных вооруженных сил.

Процесс «размывания» юридических различий между международным и внутренним вооруженным конфликтом будет продолжаться, поскольку по-прежнему существует разрыв в степени урегулирования двух типов конфликтов. Другой подход является продуктом исторического развития этой области права, но нет убедительной моральной причины для того, чтобы это различие оставалось таким обширным, как оно есть. Дальнейшие усилия международного сообщества, вероятно, будут направлены на дальнейшее сужение этих различий, и исследование международного обычного права Международным комитетом Красного Креста может способствовать продвижению этого процесса, однако сопротивление «осторожных» государств до сих пор остается сильным [11].

Еще одним важным событием последних десятилетий стало утверждение принципа, что преступления против человечности наказуемы не только в случае их совершения во время вооруженного конфликта, но и во время внутренних беспорядков или в мирное время. Статут МТБЮ, принятый в 1993 году, ограничил его юрисдикцию в отношении преступлений против человечности преступлениями, совершенными во время вооруженного конфликта. Однако год спустя был принят Статут МУТР, признающий преступления против человечности без каких-либо ограничений [9].

Судебная практика МТБЮ подтверждает, что преступления против человечности могут иметь место даже в отсутствие вооруженного конфликта. Этот вопрос горячо обсуждался во время международных переговоров, но в конечном итоге было достигнуто соглашение по предложенному Канадой определению преступлений против человечности, подтверждающему, что для их совершения нет необходимости инициировать вооруженный конфликт.

Предпринимаются и другие шаги, чтобы расширить сферу применения МГП для большего числа людей в большем количестве ситуаций. В 1999 году, в пятидесятую годовщину Женевских конвенций, Генеральный секретарь ООН объявил, что силы Организации Объединенных Наций (ООН), задействованные в качестве комбатантов, будут связаны основополагающими нормами МГП, устраняя любую двусмысленность в отношении юридического характера и статуса вооруженных сил под командованием ООН [10].

Римский статут, принятый в 1998 году, подтвердил, что принцип ответственности командования распространяется не только на военачальников, но и на гражданских лиц, облеченных властью. Определения преступлений в Римском статуте, и в частности определение преступлений против человечности, явно охватывают и негосударственных субъектов. Кроме того, в настоящее время ведутся обсуждения с целью выявления любых возможных оставшихся пробелов в защите прав человека и гуманитарного права и определения «основополагающих стандартов гуманности», применимых во всех ситуациях, включая насилие внутри страны, беспорядки, напряженность и чрезвычайные ситуации, от которых не допускаются отступления. Эти обсуждения высветили взаимодействие между МГП и международным правом прав человека и постепенный процесс взаимного обогащения и сближения этих сводов законов [15].

Защита наиболее уязвимых стейкхолдеров вооруженных конфликтов. Вооруженные конфликты XXI в. наглядно продемонстрировали, что мирные жители не только страдают в результате вооруженного конфликта, но и становятся преднамеренными целями войны. В последнее десятилетие были достигнуты значительные успехи в решении конкретных проблем уязвимых групп, которые не решались должным образом в рамках ранее существовавших общих правил.

Например, женщины становились жертвами изнасилований и других форм сексуального насилия со стороны комбатантов как формы запугивания и пыток, а также как средство террора населения. В последнее десятилетие были предприняты важные шаги по преодолению традиционной инерции и нерешительности в отношении признания таких злодеяний и борьбы с ними [там].

Прецедентом стал отчет 1992 года, подготовленный комиссией экспертов, назначенной для расследования военных преступлений в бывшей Югославии. Экспертная комиссия не только исследовала и задокументировала сообщения об изнасилованиях и других формах сексуального насилия, но и проанализировала доказательства указанных преступлений. Изнасилование и другие преступления сексуального характера были признаны преступлением против человечности сначала в Статуте МТБЮ, а затем квалифицированы как преступление против человечности и как военное преступление в Статуте МУТР [9].

В 1998 году Канада сыграла важную роль в обеспечении включения подробного списка преступлений на сексуальной и гендерной почве в Римский статут, включая не только изнасилование, но и сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительную беременность, принудительную стерилизацию и преследование по половому признаку [6].

Во время вооруженных конфликтов особенно уязвимыми становятся дети. Их вербуют как несовершеннолетних солдат или убивают, поскольку они могли быть завербованы противником. Детей принуждают к сексуальному и домашнему рабству и используют в качестве живого щита. Растущее признание последствий войны для детей привело к нескольким важным инициативам. Римский статут 1998 года признал военным преступлением призыв или зачисление детей в возрасте до пятнадцати лет в вооруженные силы и их использование для активного участия в боевых действиях [2].

21 января 2000 года был подписан проект Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающийся вовлечения детей в вооруженные конфликты, в соответствии с которым были повышены минимальные возрастные уровни – возраст призыва на военную службу с восемнадцати лет, добровольный призыв выше пятнадцати лет и использование дети в конфликтных ситуациях с восемнадцати лет [9].

Сотрудники ООН и гуманитарные работники – еще одна группа, которая часто становится мишенью, в том числе в рамках преднамеренных акций, направленных на подрыв усилий по миростроительству. Международное сообщество предприняло некоторые шаги для решения этой проблемы, например, приняв Конвенцию о безопасности сотрудников ООН и связанного с ней персонала, обеспечивающую защиту в определенных операциях сотрудников ООН и лиц, направляемых гуманитарными неправительственными организациями по соглашению с ООН. Тем не менее, очевидно, что необходимы дальнейшие меры по защите сотрудников, оказывающих гуманитарную помощь, чтобы расширить зону защиты как для гуманитарного персонала ООН, так и для персонала, не связанного с ООН, включая сотрудников, нанятых на месте [12].

1. [Droege 2008].
2. [Meron, Th. (1998)].
3. [Heffes & Kotlik 2020].

Инициативы последних десятилетий по запрещению или иному ограничению определенных видов оружия являются еще одним важным средством защиты гражданского населения и обеспечения безопасности человек. Ярким примером можно считать Оттавскую конвенцию о запрещении противопехотных мин [16].

Новой задачей является решение проблемы распространения стрелкового оружия и легких вооружений, особенно из-за четкой связи с детьми-солдатами: по мере того, как оружие становится меньше и легче, все более юные дети вербуются и вовлекаются в участие в боевых действиях [15].

В ситуациях вооруженного конфликта крайне уязвимы не только гражданские лица, но и гражданское имущество. В 1999 году был принят Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, основанный на Римском статуте. Второй протокол конкретно определяет серьезные нарушения, влекущие за собой индивидуальную уголовную ответственность, например, кража, разграбление или незаконное присвоение охраняемых культурных ценностей, независимо от того, произошли ли они в ходе международного или внутреннего вооруженного конфликта [1].

Создание новых норм МГП – как для усиления защиты уязвимых групп, так и для расширения охвата МГП – было и остается жизненно важной задачей мировой общественности. Но серьезной проблемой и, следовательно, критически важным условием прогресса стало выполнение этих норм.

Ряд факторов, проистекающих из изменившегося характера вооруженного конфликта, усугубили нарушения норм МГП. В традиционном межгосударственном конфликте, в котором участвовали профессиональные армии, соблюдающие военную дисциплину и нормы МГП (и особенно различие между военными и гражданскими целями) соответствовало преобладающей военной логике. Однако новые обстоятельства сегодняшних конфликтов связаны не только с противоречивыми интересами разных государств и ожесточенной междоусобной борьбой. Боевые действия ведутся повстанческими группами со слабым командованием, неэффективной военной дисциплиной и минимальным знанием или интересом к МГП [3].

Более того, в современных вооруженных конфликтах мирные жители обычно воспринимаются как основные цели, будь то по причинам этнической ненависти или с целью посеять ужас среди мирного населения посредством террора. В таких обстоятельствах применение МГП оказывается еще более напряженным, чем в традиционных межгосударственных вооруженных конфликтах. Таким образом, даже когда нормы МГП стали более жесткими, их фактическое соблюдение стало ослабевать. Сообщения СМИ ежедневно свидетельствуют о постоянных и массовых нарушениях даже самых элементарных правил МГП. Обеспечение соблюдения норм МГП стало сегодня буквально вопросом жизни и смерти [12].

Один из методов содействия соблюдению, в котором был достигнут определенный прогресс, – это усилия по привлечению нарушителей МГП к ответственности за свои действия. Специальные трибуналы, созданные Советом Безопасности для бывшей Югославии (1993 г.) и Руанды (1994 г.), стали важным нововведением в отношении тех, кто совершает наиболее серьезные нарушения МГП. Хотя даже у самых сильных сторонников международных трибуналов были осторожные ожидания, трибуналы заручились международной поддержкой, необходимой для обеспечения ареста и передачи многих подозреваемых. Они завершили важные дела и приняли новаторские решения по вопросам МГП и международного уголовного права,

которые не рассматривались со времен Нюрнберга. Специальные трибуналы также продемонстрировали, что международное уголовное правосудие может стать реальностью и не будет мешать мирным усилиям. Фактически, работа трибуналов помогла изолировать экстремистов и предотвратить исторический ревизионизм, тем самым способствуя установлению настоящего и прочного мира [9].

Готовность международного сообщества инициировать международные разбирательства в ответ на серьезные нарушения гуманитарного права побудила национальные системы более серьезно относиться к своим основным обязательствам по борьбе с этими преступлениями, подпадающими под их юрисдикцию. Работа международных трибуналов и Римский статут, принятый в июле 1998 года, породили глобальное «ожидание справедливости». Это ожидание справедливости также привело к конкретным шагам по установлению ответственных за нарушение норм МГП в столь разных ситуациях, как ситуации в Камбодже, Сьерра-Леоне и Восточном Тиморе [11].

Хотя есть надежда, что уголовное расследование и судебное преследование наиболее серьезных нарушений МГП в конечном итоге окажет значительный сдерживающий эффект, это произойдет только тогда, когда будет достигнута последовательность и оперативность в применении уголовного правосудия. Однако все равно еще это не будет окончательным решением, поскольку соблюдение МГП в конечном итоге будет зависеть от его принятия комбатантами. Таким образом, необходимо использовать многие другие средства для содействия соблюдению МГП. Сюда входят ратификация, выполнение и распространение инструментов МГП; подготовка и обучение военнослужащих и других потенциальных комбатантов и воспитание культуры воинской дисциплины; расширение гуманитарного доступа к нуждающемуся населению; и более тщательное изучение и контроль за поведением, включая тщательно подготовленные и проводимые миссии по установлению фактов военных преступлений. Политическая и общественная бдительность также необходима для того, чтобы гарантировать, что будет оказано общественное давление с целью обеспечения соблюдения международного права и нарушители будут осуждены. Только с помощью всей совокупности средств международного права можно будет добиться большего соответствия МГП.

В последние десятилетия были достигнуты большие успехи в расширении сферы действия МГП, создании новых норм для защиты уязвимых и обеспечении соблюдения норм МГП, но еще многое предстоит сделать. Эволюция МГП имеет решающее значение для обеспечения безопасности человека, поскольку эта безопасность часто нарушается во время конфликтов. Однако в то же время усилия по продвижению МГП не могут происходить в вакууме. Они должны дополнять ряд других мер по обеспечению безопасности человека, таких как превентивные действия, управление конфликтами и меры, направленные на устранение коренных причин конфликта. В самом деле, следует признать, что проблема создания условий, при которых соблюдается

МГП, вторична по сравнению с созданием условий, при которых МГП вообще не нужно. Однако где бы ни вспыхивали конфликты, применение МГП будет оставаться важнейшим гуманитарным императивом. Поэтому необходимо работать над тем, чтобы обеспечить соблюдение МГП и его неизменную актуальность в современных вооруженных конфликтах. И сегодня перед нами все еще стоит нерешенная задача по продвижению гуманитарных ценностей и обеспечению полного уважения к МГП.

Как верно заметил Иэн Скобби, «международное право существует не в интеллектуальном вакууме», и то, как мы понимаем МГП, и те функции, которые МГП выполняет или должно выполнять, основано на наборе определенных «теоретических допущений и предпосылок» [17, с. 53]. При отходе от традиционного подхода, ориентированного на государство, многие предпосылки и предположения по поводу МГП могут быть поставлены под сомнение. Тем не менее, переосмысление международного права в современном контексте ведет к пониманию МГП как чего-то большего, чем просто свод правил, ориентированных на государства, сегодня МГП – скорее процесс принятия решений.

### **Библиографический список**

1. Droege, C. (2008). Elective affinities? Human rights and humanitarian law. *The International Review of the Red Cross*. Volume 90 Number 871 September 2008: 501–548.
2. Meron, Th. (1998). *War Crimes Law Comes of Age*. Oxford: Clarendon Press, 1998.
3. Heffes, E. & Kotlik, M. D. (2020). How Focusing on Non-State Actors Can Change the IHL Narrative. Accessed on 2.11.2020. Retrieved from <http://opiniojuris.org/2020/11/03/how-focusing-on-non-state-actors-can-change-the-ihl-narrative/>
4. The 17 Goals of Sustainable Development. UN Department of Economic and Social Affairs. Accessed on 3.11.2020. Retrieved from <https://sdgs.un.org/goals>.
5. Blind, P. K. (2019). Humanitarian SDGs: Interlinking the 2030 Agenda for Sustainable Development with the Agenda for Humanity DESA Working Paper No. 160 ST/ESA/2019/DWP/160 May 2019.
6. UNHCR (2020). The UN Refugee Agency. 2030 Agenda for Sustainable Development. Accessed on 3.11.2020. Retrieved from <https://www.unhcr.org/2030-agenda-for-sustainable-development.html>.
7. Geneva Conventions (1949). Geneva Conventions of 1949 and The Additional Protocols 0/1977. 12 August 1949 and 8 June 1977.
8. Meron, Th. (1995). International Criminalization of Internal Atrocities. *American Journal of International Law* 89, No. I (January 1995).
9. Oosterveld, V. & Robinson, D. (2001). The Evolution of International Humanitarian Law. In: *Human Security and the New Diplomacy: Protecting People*,

Promoting Peace. McRae, Robert Grant and Don Hubert (ed). Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001.

10. Annan, K. (1999). Observance by United Nations Forces of International Humanitarian Law. Secretary General's Bulletin (8x7806/1999/13), 6 August 1999.

11. IHL & Challenges (2011). International Humanitarian Law and the challenges of contemporary armed conflicts. 31<sup>st</sup> International Conference of the Red Cross and Red Crescent Geneva, Switzerland 28/11–1/12/2011. Document prepared by the International Committee of the Red Cross Geneva, October 2011.

12. ICRC (2013). Contemporary challenges for IHL. Overview. Accessed on 5.11.2020. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/war-and-law/contemporary-challenges-for-ihl/overview-contemporary-challenges-for-ihl.htm>.

13. ICRC (2010). Development of modern international humanitarian law. Overview. Accessed on 5.11.2020. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/war-and-law/contemporary-challenges-for-ihl/overview-contemporary-challenges-for-ihl.htm>.

14. Robinson, D. & von Hebel, H. (1999). War Crimes in Internal Armed Conflict. Yearbook of International Humanitarian Law vol. 2. Statute of the International Criminal Court. Rome, 17 July 1998. United Nations.

15. Fact Sheet No.13 (1991), International Humanitarian Law and Human Rights. Accessed on 4.11.2020. Retrieved from [http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet 13en.pdf](http://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet%2013en.pdf). United Nations, Geneva, July 1991.

16. Oslo Convention (1997). Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of AntiPersonnel Mines and on their Destruction. Oslo, 18/9/1997.

17. Scobbie, I. (2014) A View of Delft. Some Thoughts about Thinking about International Law. In: Evans M (ed) International Law. Fourth Edition. Oxford Univ. Press, Oxford, pp. 53–88.

**ЭЛЕМЕНТЫ И ПРИЗНАКИ  
СОСТАВА НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ  
(ст. 11.26 КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ  
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ)**

**А.С. Валевко**

*старший преподаватель*

*кафедры конституционного права и государственного управления*

*юридического факультета*

*УО «Полоцкий государственный университет»*

В абз. 1 ч. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) закреплено, что под недобросовестной конкуренцией понимается направленные на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности

действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов, которые противоречат настоящему Закону, иным законодательным актам и актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации [1].

Административная ответственность за недобросовестную конкуренцию предусмотрена ст. 11.26 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [2]. Для правильной квалификации недобросовестной конкуренции по ст. 11.26 КоАП необходимо одновременное наличие всех элементов состава правонарушения: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

В КоАП и ПИКоАП понятие «состав административного правонарушения» нормативно не закреплено. С одной стороны, законодательство не определяет понятие «состав административного правонарушения», но, с другой – суд, органы, ведущие административный процесс, при привлечении лица к административной ответственности обязаны установить наличие признаков состава административного правонарушения, т.е. совокупность обязательных элементов, которые необходимы для правильной квалификации правонарушения, а также отграничения его от смежных правонарушений и даже преступлений.

Вопросы правильной квалификации недобросовестной конкуренции отмечаются в Методических рекомендациях по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденные приказом Министерства антимонопольного регулирования и торговли (далее – МАРТ) от 18.09.2017 № 154 (далее – Методические рекомендации) [3]. Данный документ можно считать теоретическим пособием о понятии и признаках правонарушения «недобросовестная конкуренция», элементах его состава. Однако рассмотрим каждый элемент состава недобросовестной конкуренции в отдельности.

Объект недобросовестной конкуренции.

Антимонопольное законодательство по своей правовой природе не регулирует властные правоотношения. Как отмечает В.С. Каменков «антимонопольное законодательство Республики Беларусь есть система нормативных правовых актов, содержащих правила регулирования воспроизводства и содействия добросовестной конкуренции, предотвращения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции» [4, с. 51].

В соответствии со ст. 2 Закона антимонопольное законодательство основывается Конституции Республики Беларусь и состоит Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и иных актов [1]. Не все отношения, регулируемые антимонопольным законодательством, могут рассматриваться в качестве объекта



административного правонарушения, а только те, за совершение которых установлена административная ответственность в соответствии с КоАП.

Таким образом, с одной стороны, административное правонарушение недобросовестная конкуренция – противоправное деяние, нарушающее нормы антимонопольного законодательства, за которое установлена административная ответственность в соответствии с КоАП. С другой стороны, объектом посягательства является не установленная норма, а общественные отношения, которые регулируются данной нормой. В этой связи необходимо сделать вывод о том, что объектом недобросовестной конкуренции выступают общественные отношения, урегулированные нормами антимонопольного законодательства, устанавливающими должное поведение субъектов.

Объективная сторона недобросовестной конкуренции.

В науке административного права существует множество точек зрения относительно объективной стороны административного правонарушения. А.Н. Крамник под объективной стороной административного правонарушения понимает совокупность предусмотренных нормой административно-деликтного права признаков характеризующих его во внешнем проявлении, т.е. его внешнюю сторону [5, с.103].

Квалификация недобросовестной конкуренции по объективной стороне будет зависеть от конкретной формы недобросовестной конкуренции. Такими формами согласно Закону будут являться: 1) дискредитация; 2) введение в заблуждение; 3) некорректное сравнение; 4) приобретением и (или) использование объектов интеллектуальной собственности конкурента; 5) создание смешения; 6) незаконное получение, использование, разглашение информации.

Стоит отметить, что недобросовестная конкуренция выражается всегда только в виде активных действий.

Субъект недобросовестной конкуренции.

В общетеоретической литературе правосубъектность делится на общую, отраслевую и специальную; на активную (наделяются субъекты власти) и пассивную (имеют субъекты подчинения) [6, с. 383–384]. Правосубъектность включает в себя правоспособность и дееспособность. Помимо правоспособности и дееспособности, в правосубъектности может выделяться еще один элемент – деликтоспособность.

Традиционно общий субъект административного правонарушения должен соответствовать двум критериям: достижение возраста и вменяемость правонарушителя.

Субъектом недобросовестной конкуренции может являться лишь недобросовестный хозяйствующий субъект-конкурент, осуществляющий свою деятельность в рамках одного товарного рынка с конкурентом.

В санкции ст. 11.26 на сегодняшний день содержатся три вида субъектов: физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность,

приносящую ему доход, которая в соответствии с законодательством подлежит лицензированию, индивидуальный предприниматель и юридическое лицо (коммерческая организация, некоммерческая организация) [2].

Доказательством статуса хозяйствующего субъекта является свидетельство о регистрации и учредительные документы.

Учитывая российский опыт, немаловажным является и тот факт, что используемые МАРТ Методические рекомендации [3] содержат мало квалификационных признаков субъекта недобросовестной конкуренции в сравнении с Методическими рекомендациями по применению главы 2.1 Федерального закона Российской Федерации от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» [7].

Субъективная сторона недобросовестной конкуренции.

В общетеоретической и отраслевой литературе есть различные мнения относительно субъективной стороны административного правонарушения. На наш взгляд стоит согласиться с мнениями таких ученых как Г.А. Василевич, А.Б. Венгеров, В.С. Нерсисянц, которые определяют субъективную сторону правонарушения как форму вины.

Формой вины в составе недобросовестной конкуренции является прямой умысел, поскольку данная противоправная деятельность направлена на приобретение необоснованных преимуществ в предпринимательской деятельности.

Между тем, стоит напомнить о грядущих изменениях в КоАП и ПиКоАП. Так, в проекте будущего КоАП уже не содержится понятие вины юридического лица. За совершение правонарушений в экономической сфере, в первую очередь, будут наказывать виновных должностных лиц субъектов хозяйствования. Ответственность же организаций рассматривается как дополнительная и будет применяться в тех случаях, когда ответственность должностного лица явно недостаточна в силу того, что нарушение приносит значительный вред интересам государства и общества, а также связано с получением организациями существенных экономических преимуществ в результате незаконной деятельности [8].

### **Библиографический список**

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 08.01.2018 № 98-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 декабря 2002 года : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 171-З // ЭТАЛОН.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020

3. Методические рекомендации по установлению факта наличия(отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции [Электронный ресурс] : утв. Приказом Министра антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 18 сентября 2017 г. № 154 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020

4. Каменков В.С. Специфика и эффективность антимонопольного законодательства Республики Беларусь / В.С. Каменков // Право Беларуси. – 2004. – № 41. – С. 51

5. Крамник, А.Н. Административно-деликтное право. – Общая часть: Пособие для студентов вузов / А.Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2004. – 288 с.

6. Алексеев, С.С. Общая теория права : учеб. / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2008. – 576 с.

7. Методические рекомендации по применению главы 2.1 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

8. Проект нового КоАП: сроки наложения взысканий для юрлиц и ИП унифицируют [Электронный ресурс]. – Сайт Экономической газеты. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/proekt-novogo-koap>. – Дата доступа: 13.11.2020.

## **ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ – НОВЫЙ ВИД АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ**

**С.Г. Василевич**

*доцент кафедры конституционного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Административно-деликтное законодательство остается одним из самых нестабильных, находится в постоянной динамике. Законодатель стремится оптимизировать административную ответственность. Динамичное развитие этой отрасли права связано с постоянно меняющимися вызовами времени, развитием общественных отношений в данной области, информационных технологий и др.

В 2020 году завершена подготовка нового Кодекса об административных правонарушениях (в дальнейшем КоАП): в настоящее время он уже находится на рассмотрение в Парламенте.

Проектом КоАП за совершение административных правонарушений в отношении физических лиц предусмотрено применение уже ставших традиционными взысканий (штраф, административный арест, лишение специального права, лишение права заниматься определенной деятельностью,

конфискация и др.), так и нового для нашего законодательства взыскания — общественных работ. Предусматривается, что общественные работы могут назначаться только судом (ст. 6.2 КоАП).

КоАП дает определение сути общественных работ: они заключаются в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных работ, направленных на достижение общественно-полезных целей. Конкретный вид выполняемых общественных работ определяется местными исполнительными и распорядительными органами на основании перечня общественных работ, определяемого Советом Министров Республики Беларусь (ст.6.5).

Поддерживаем гибкий подход разработчиков проекта к решению вопроса о продолжительности общественных работ. Они устанавливаются на срок от восьми до шестидесяти часов и выполняются не более четырех часов в день. Однако по ходатайству лица, на которое наложено административное взыскание, максимальное время выполнения общественных работ в течение одного дня может быть увеличено до восьми часов в день в выходные дни и иные дни, когда такое лицо не занято на основной работе, службе или учебе.

Вместе с тем, неожиданным выглядит положение ст. 6.5 проекта КоАП, согласно которому общественные работы могут налагаться судом только при наличии согласия физического лица, совершившего административное правонарушение, на их применение. Полагаем, что это лишает суд права выбора меры взыскания. Кроме того, такого рода наказания, как общественные работы (ранее исправительные работы), несут в себе мощный элемент профилактики: в данном случае лицо получает такое наказание, которое исполнять бывает весьма стыдно. За рубежом «наказание стыдом» довольно часто практикуется, особенно в США.

Кроме того, ограничения, которые установлены в ст. 6.5 проекта, также вызывают некоторые вопросы. Так предусмотрено, что общественные работы не могут быть наложены на лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста; лиц, совершивших административные правонарушения, в возрасте от 14 до 18 лет; беременных женщин и лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; инвалидов I и II группы; иностранных граждан и не проживающих постоянно в Республике Беларусь лиц без гражданства; лиц, имеющих заболевания, препятствующие выполнению общественных работ, перечень которых определяется Советом Министров Республики Беларусь; лиц, указанных в статье 4.5 Кодекса (имеются в виду военнослужащие и иные лица, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине). Можно предположить, что некоторые из указанных лиц предпочли бы вместо уплаты штрафа выполнить общественные работы. Вот для этих случаев и следовало предусмотреть диспозитивный подход: назначение общественных работ с учетом желания лица. Это может касаться, например, лиц, достигших пенсионного возраста (некоторые из этих категорий граждан работают после выхода на пенсию, что

свидетельствует о физической возможности выполнять посильную и при их желании работу). Не исключали бы аналогичный подход и для лиц, достигших 16-летнего возраста. Тем более, когда речь идет о гражданах, достигших 18 лет, хотя и совершивших правонарушения до 18 лет. Особенно, если такие лица не работают. Полагаем, что в данном случае «не работает» известный принцип не придания акту обратной силы.

Практика применения нового КоАП позволит удостовериться в том, насколько оптимальны его положения.

## **СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Н.П. Воронина**

*заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права  
Московского государственного юридического университета  
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),  
доктор юридических наук, доцент*

Сельскохозяйственная кооперация – это уникальное полисистемное явление, сочетающее гражданско-правовые признаки кооперативной формы хозяйственной деятельности и собственное уникальное содержание, отражающее особенности сельскохозяйственной деятельности сельскохозяйственных кооперативов. Этим и обусловлено специфическое правовое регулирование сельскохозяйственной кооперации, основу которой составляют ГК РФ и Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» (далее – Закон о сельхозкооперации). Их анализ позволяет сделать вывод о концептуальных недостатках правового регулирования, не позволяющих сельскохозяйственным кооперативам раскрыть их экономический и социальный потенциал.

Изменения ГК РФ 2014 года не привнесли положительных изменений в гражданско-правовой статус кооперативов. В частности, отсутствует интеграция норм о производственных и потребительских кооперативах в общий структурный элемент ГК РФ. В доктрине давно обоснован тезис об общей экономической природе всех кооперативов вне их сферы деятельности. Но в структуре ГК РФ в отличие от регулирования деятельности хозяйственных товариществ и обществ единого параграфа или подпараграфа, посвященного общим положениям о кооперативах, нет. Считаем необходимым его образовать [1, с. 80].

ГК РФ должен содержать общее понятие кооператива, отталкиваясь от его базового понятия, закрепленного в документах МКА или модельном законодательстве СНГ.

ГК РФ сохранил не имеющую ни правовых, ни экономических предпосылок классификацию кооперативов на коммерческие (производственные кооперативы) и некоммерческие организации

(потребительские кооперативы), необоснованно ограничив все многообразие кооперативов только двумя организационно-правовыми формами. В различных странах законодательно закреплено различное количество кооперативов – до 120 с отражением организационно-правовых особенностей каждого вида кооператива. В литературе сформулировано предложение о законодательном признании кооперативов самостоятельной организационной формой юридических лиц без деления кооперативов на коммерческие и некоммерческие организации [3, с. 64-65]. Разделяя эту позицию, отмечаем, что концептуальная ошибка ГК РФ – облачение сельскохозяйственных потребительских кооперативов в организационно-правовую форму некоммерческой организации. У сельскохозяйственных потребительских кооперативов, как и у производственных, общая цель - улучшение материального положения своих членов, что достигается за счет получения и распределения прибыли между ними. Но последнее после изменений от 5 мая 2014 года запрещено. Оцениваем данный правовой запрет негативно, поскольку он не позволяет привлечь в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию новые инвестиции, расширить членский состав и занять сельскохозяйственным кооперативам соответствующие экономические позиции.

Юридически ничем не обоснована норма п. 5 ст. 50 ГК РФ, предусматривающая то, что некоммерческая организация, извлекающая прибыль, должна иметь уставный капитал в размере, равном минимальному размеру уставного капитала ООО. Это норма подлежит применению и к сельскохозяйственным потребительским кооперативам. Полагаем, что относительно сельскохозяйственных потребительских кооперативов гражданское законодательство должно предусматривать исключение. Кооперативы основаны на свободном членстве, который означает, что каждый член кооператива имеет право выйти из него с возвратом стоимости пая. Отсюда несостоятельность и нецелесообразность нормативного требования о минимальном размере паевого фонда кооператива. Также, как и ограничение сельскохозяйственных потребительских кооперативов осуществлением лишь некоммерческой деятельности, поскольку доход, получаемый ими, – это средство достижения основной уставной цели.

ГК РФ запретил распределять потребительским кооперативам доходы между учредителями. Относительно сельскохозяйственных потребительских кооперативов эта норма имеет крайне отрицательное значение, поскольку не создает заинтересованности членов кооператива в результатах его деятельности и не мотивирует физических и юридических лиц вступать в члены кооператива.

Юридически несправедливой является норма ГК РФ о субсидиарной ответственности членов потребительского кооператива по его обязательствам в пределах невнесенной части дополнительного взноса члена кооператива (п. 2 ст. 123.3). Такая конструкция гражданско-правовой ответственности в большей степени соответствует природе коммерческих организаций и является

финансово обременительной, а подчас и нереальной для членов сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Таким образом, гражданско-правовое регулирование не отвечает потребностям сельскохозяйственных кооперативов и не отражает их специфику, поэтому особенности их правового положения – это сфера Закона о сельхозкооперации. Они обуславливаются спецификой осуществляемой сельскохозяйственными кооперативами сельскохозяйственной деятельности.

Сельскохозяйственные кооперативы в отличие от иных аграрных юридических лиц обладают рядом концептуальных преимуществ. К их числу относятся: удовлетворение хозяйственных, культурных и социальных интересов членов кооператива; обязательное трудовое или хозяйственное участие членов в деятельности кооператива, обязательное пользование работами и услугами кооператива; равенство членов при принятии решений; неделимые фонды; распределение доходов пропорционально вкладу (трудовому или личному) в результаты деятельности кооператива; социальная направленность деятельности сельскохозяйственных кооперативов. Поэтому сельскохозяйственная деятельность кооперативов характеризуется автономностью, направленностью на удовлетворение экономических и социальных интересов своих членов, открытым членством, равенством в управлении, взаимосвязью используемых земельных, трудовых и организационных ресурсов, единым логистическим характером всех стадий сельскохозяйственной деятельности, наличием фондов [4, с. 24-25]. Именно эти особенности и подлежат урегулированию в Законе о сельхозкооперации. Между тем специальное регулирование носит довольно фрагментарный характер, поэтому Закон о сельхозкооперации должен быть дополнен нормами, регулирующими правовой статус кооперативных объединений, осуществление сельскохозяйственной и иной деятельности, организацию личного трудового участия в сельскохозяйственных производственных кооперативах и трудовых отношений в сельскохозяйственных кооперативах и др.

Кроме того, при стратегическом планировании развития сельскохозяйственной кооперации ее необходимо понимать как экономическое объединение малых форм хозяйствования в целях совместной сельскохозяйственной деятельности (переработка, хранение, сбыт, реализация сельскохозяйственной продукции, снабжение, кредитование). Такой подход должен быть отражен в документах стратегического планирования развития сельского хозяйства в целом и сельскохозяйственной кооперации, в частности.

### **Библиографический список**

1. Воронина, Н.П. Гражданско-правовые «новеллы» в статусе кооперативов: per ASPERA AD ASTRA? // Юридическая наука. – 2014. – № 11. – С.11-15.
2. Абова, Т.Е. Производственные кооперативы в России: правовые проблемы теории и практики // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 71-81.

3. Абова, Т.Е. Кооперативы как субъект гражданского права / Субъекты гражданского права: сборник статей. Под ред. Т.Е. Абовой. – М., 2000. – 125 с.

4. Воронина, Н.П. О понятии и признаках сельскохозяйственной деятельности сельскохозяйственных кооперативов как объекта правового регулирования сельскохозяйственной кооперации // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов. Под общей редакцией А.А. Середина. – Вологда, 2019. – С. 20-25.

**ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ  
НОРМАТИВОВ КАЧЕСТВА АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА  
И ИНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ  
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЫБРОСОВ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ  
В АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ**

**Т.В. Гашникова**

*начальник отдела проблем укрепления законности  
в сфере экономической деятельности Научно-практического центра  
проблем укрепления законности и правопорядка  
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук*

Пунктом 6 статьи 19 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2008 года «Об охране атмосферного воздуха» предусмотрена возможность установления временных нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Так, в случаях, когда в пределах административно-территориальных единиц превышаются нормативы качества атмосферного воздуха, нормативы допустимой антропогенной нагрузки на атмосферный воздух, на стационарных источниках выбросов превышаются предельные значения концентраций выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, установленные экологическими нормами и правилами, а также когда согласно акту инвентаризации выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух превышают нормативы допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и (или) технологические нормативы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух с учетом применения наилучших доступных технических методов, территориальными органами Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды в разрешении на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух или в комплексном природоохранном разрешении могут устанавливаться временные нормативы допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и условия осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.



К условиям осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух относятся следующие требования:

- по обеспечению соблюдения или достижения установленных нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, технологических нормативов выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сроков их достижения, определенных с учетом мероприятий программ в области охраны атмосферного воздуха;

- к качеству топлива, сырья, материалов и проверке их качества;

- по оснащению организованных стационарных источников выбросов автоматизированными системами контроля за выбросами загрязняющих веществ в атмосферный воздух в случаях, предусмотренных обязательными для соблюдения требованиями технических нормативных правовых актов;

- по обеспечению отбора проб и производства замеров для определения количественного и качественного состава выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, локального мониторинга окружающей среды, объектом наблюдения которого являются выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, в случаях, предусмотренных актами законодательства об охране окружающей среды, в том числе обязательными для соблюдения требованиями технических нормативных правовых актов;

- по разработке и проведению мероприятий по сокращению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на период неблагоприятных метеорологических условий.

Среди перечисленных требований отсутствует требование об обеспечении соблюдения или достижения установленных нормативов качества атмосферного воздуха – величин допустимых концентраций химических веществ, их смеси, микроорганизмов в атмосферном воздухе, при соблюдении которых не оказывается ни прямое, ни косвенное вредное воздействие, включая отдаленные последствия, на окружающую среду, здоровье человека. Кроме того, отсутствует требование об обеспечении соблюдения или достижения установленных нормативов допустимой антропогенной нагрузки на атмосферный воздух – предельных значений для концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, установленных для конкретной территории на определенный период времени с учетом необходимости постепенного улучшения качества окружающей среды, обеспечения устойчивого функционирования естественных экологических систем и сохранения биологического разнообразия. Помимо этого, отсутствует указание на необходимость обеспечения соблюдения либо достижения предельных значений концентраций выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, установленных экологическими нормами и правилами.

Поскольку соблюдение нормативов качества окружающей среды в целом, и нормативов качества атмосферного воздуха, в частности, является критерием соблюдения конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду [1], а нарушение вышеуказанных нормативов влечет причинение

экологического вреда [2], на наш взгляд, их соблюдение (достижение) также должно являться условием осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух при установлении временных нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Схожий подход, полагаем, должен быть применен и в отношении иных нормативов, показатели которых нарушаются, а именно: нормативов допустимой антропогенной нагрузки на атмосферный воздух и предельных значений концентраций выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, установленных экологическими нормами и правилами.

Применительно к российскому законодательству, схожим образом регулирующим соответствующие правоотношения, в литературе отмечается, что неопределение в качестве ограничения при выдаче разрешения на временно согласованные выбросы верхнего предела концентраций химических веществ, до которого возможно превышение предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, создает неопределенность и связанные с этим риски для здоровья населения. Как вариант урегулирования проблемы предлагается дополнить законодательство положениями о возможности установления временно согласованных выбросов только при отсутствии неблагоприятного влияния выбросов на здоровье населения, проживающего в зоне влияния, в период достижения предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ [3].

В контексте необходимости обеспечения соблюдения нормативов качества атмосферного воздуха следует обратить внимание на норму части второй пункта 7 Инструкции о порядке установления нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, утвержденной постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 23 июня 2009 года № 43, в соответствии с которой для загрязняющих веществ, не включенных в перечень загрязняющих веществ, для которых устанавливаются нормативы допустимых выбросов в атмосферный воздух, согласно приложению 1 к постановлению Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 29 мая 2009 года № 31, превышающих нормативы качества атмосферного воздуха на границе санитарно-защитной зоны и (или) в жилой зоне, разрабатываются мероприятия по охране атмосферного воздуха и поэтапного сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, которые включаются в условия осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Применительно к данной ситуации, полагаем, также следует вести речь о необходимости соблюдения (достижения) нормативов качества атмосферного воздуха. При этом следует уточнить, в каком документе определяются вышеназванные условия осуществления выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Анализ содержания разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, форма которого содержится в приложении 2 к Положению о порядке выдачи разрешений на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, внесения в них изменений и (или) дополнений, приостановления, возобновления, продления срока действия разрешений на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, прекращения их действия, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2009 года № 664, и анализ содержания комплексного природоохранного разрешения, форма которого содержится в приложении 2 к постановлению Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 20 декабря 2011 года № 53 «О формах документов для получения и выдачи комплексных природоохранных разрешений», позволяет предположить, что речь идет об условиях, включаемых в названные разрешения.

При этом ссылки на постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 29 мая 2009 года № 31 в Инструкции о порядке установления нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, утвержденной постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 23 июня 2009 года № 43, следует актуализировать с учетом внесенных в законодательство изменений согласно постановлению Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 19 октября 2020 года № 21 «О нормативах допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух».

### **Библиографический список**

1. Гашникова, Т.В. Ответственность за нарушение требований нормативов качества окружающей среды и нормативов допустимого воздействия на нее / Т.В. Гашникова // Законность и правопорядок. – 2019. – № 1. – С. 46–49.
2. Гашникова, Т.В. О возмещении вреда, причиненного окружающей среде в результате нарушения экологических нормативов / Т.В. Гашникова // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. статей / Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы. – 2019. – Вып. 4. – С. 351-358.
3. Жданова-Заплесвичко, И.Г. К вопросу совершенствования нормативно-правового регулирования обеспечения качества атмосферного воздуха в соответствии с действующими гигиеническими нормативами предприятиями, которым установлены временно согласованные выбросы вредных (загрязняющих) веществ / И.Г. Жданова-Заплесвичко, А.Н. Перегожин//Актуальные вопросы анализа риска при обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения и защиты прав потребителей / материалы IXВсероссийскойнауч.-практ. конф. с междунар. участием, Пермь,

## ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС

**К.А. Герасимович**

*инспектор Минской региональной таможни*

Интеграционные процессы уже давно составили предмет исследования современных социально-гуманитарных наук. Понятие «интеграция» происходит от латинского «integratio» – обеспечение целостности, воссоединение [1, с. 210].

В юридической энциклопедии под редакцией М.Ю. Тихомирова представлено определение интеграции как «процесса взаимного приспособления, расширения экономического и производственного сотрудничества, объединения национальных хозяйств двух и более государств» [2, с. 185]. Данное определение является общим и концентрируется на экономической составляющей интеграции, не отражая ее правовую форму.

Важно отметить, что вплоть до настоящего времени в научной доктрине не сложилось единого мнения в отношении того, что представляет собой интеграция, а также самой дефиниции термина «интеграция». Авторы оперируют различными терминами и определениями не только в отношении самого термина (например, интеграция, интеграционные процессы), но и в отношении организационно-правовых форм интеграции (например, интеграционное образование, организация экономической интеграции, союз государств). Отсутствие конвенциональных взглядов среди ученых, как справедливо отмечено Т.Н. Михалевой, объясняется, «во-первых, наличием множества моделей, типов интеграционных процессов, которые различаются по целям и функциям, и, во-вторых, различиями национальных интересов, которые преследуются отдельными государствами или группами государств» [3, с. 13].

В зарубежных политических и экономических теориях можно выделить несколько подходов к пониманию региональной интеграции.

Представители функционализма (Д. Митрани, А. Клоуд, Р. Сисел и др.) при рассмотрении интеграции особое значение придают «технологической детерминированности»: интегрированное целое трактуется как организованное экономическое объединение; «экономическая унификация создает основание политического соглашения» [4, с. 279]. Дирижисты (Р. Купер, Я. Тинберген, Г. Мюрдаль и др.) понимают интеграцию как процесс согласования тех или иных областей политики между правительствами (органами государственного управления) стран-участниц. В теории многоуровневого управления заложен принцип признания компетенций, переданных интеграционному объединению, оставленных за собой на национальном уровне и пересекающихся.

Теоретическое осмысление региональной интеграции проводится учеными и на постсоветском пространстве.

В.Г. Барановский отмечает, что интеграция включает в себя институциональный и функциональный аспекты. Первый из них характеризует институты государственного управления (субъекты интеграции), второй касается политических функций, которые реализуются субъектами интеграции. Примечательна позиция Ю. А. Борко, который говорит о противоречивом характере интеграции и указывает на необходимость наличия механизма согласования позиций сторон, урегулирования конфликтов и споров.

На основе представленных позиций авторов относительно понятия интеграции, представляется возможность сформулировать лаконичное определение правовой интеграции в рамках ЕАЭС. Для этого сначала рассмотрим определения правовой интеграции, представленные в правовой доктрине.

В юридической доктрине также отсутствует единое определение понятия правовой интеграции.

С.В. Бахин определяет правовую интеграцию как «специально-организованную деятельность по координации правовой политики в сторону сближения правовых систем» [5, с. 16]. Полагаем, что рассматривать правовую интеграцию как субъективную деятельность по координации правовой политики в сторону сближения не совсем верно. В этой части следует согласиться с мнением Е.Г. Потапенко, который указывает на то, что «интеграция, с одной стороны, представляет собой объективный процесс, тогда как деятельность органов государственной управления, уполномоченных на сближение правовых систем государств, является частью указанного процесса, средством его реализации» [1, с. 36].

А.Е. Егоров полагает, что правовая интеграция выражается в гармонизации национальных правовых интересов различными способами и методами, но не представляет собой процесса абсолютной идентификации данных «правопорядков» [6, с. 76]. Следует отметить, что определение, представленное А.Е. Егоровым, имеет определенные недостатки, в частности, не совсем корректно определять правовую интеграцию через гармонизацию, поскольку гармонизация представляет собой уже метод, используемый в правовой интеграции, соответственно наблюдается определенная тавтология, также из определения исключается метод унификации, который часто используется в отдельных областях правовой интеграции, в том числе в рамках ЕАЭС, особенно в области таможенного регулирования.

Согласно Договору о ЕАЭС, под гармонизацией законодательства понимается сближение законодательства стран Союза, направленное на установление подобного правового регулирования в отдельных областях [7, ст. 2; 42], а под унификацией законодательства – сближение законодательства, направленное на установление тождественных механизмов нормативного

регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о ЕАЭС [7, ст. 2; 42].

Нетрудно заметить, что вышеприведенные определения правовой интеграции не лишены недостатков и не отражают всех сущностных признаков процесса.

Вместе с тем представленные позиции авторов позволяют сделать вывод о том, что правовая интеграция влияет на национальную систему права, ее отрасли. Это значит, что правовая интеграция влияет на конкретное государство, заставляя его изменяться в институциональном и функциональном значениях.

При разборе словосочетания «правовая интеграция» в качестве понятийной категории существительное «интеграция» относится к содержанию характеризуемого процесса, а прилагательное «правовая» связано с формой осуществления данного процесса. С указанных позиций под правовой интеграцией необходимо понимать не только объединительные процессы в собственно правовой форме, но и в любой иной социальной сфере (экономической, политической, культурной, информационной), которые осуществляются с использованием правовых средств [1, с. 37].

Таким образом, с учетом анализа вышепредставленных определений сделаем вывод, что правовая интеграция в рамках ЕАЭС – это объективный, закономерный процесс сближения национального законодательства стран-участниц ЕАЭС, опосредованный субъективной деятельностью органов государственной власти и управления по ее реализации и проведению, осуществляемый на основе применения универсальных методов правового регулирования, направленный на формирование качественно новой правовой базы, поэтапное объединение экономических, политических, правовых, информационных систем в единую консолидированную систему международного уровня, обеспечивающую углубление и расширение социально-экономических, политических и культурных связей.

### **Библиографический список**

1. Кулапов, В.Л. Теоретические основы правовой интеграции / В.Л. Кулапов, Е.Г. Потапенко. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 179 с.
2. Тихомирова, Л.В., Тихомиров, М.Ю. Интеграция / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров // Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997. – С. 185.
3. Михалева, Т. Н. Правовое регулирование региональной экономической интеграции: вызовы и перспективы / Т. Н. Михалева. – Минск : Институт радиологии, 2016. – 194 с.
4. Современные буржуазные теории международных отношений : Критический анализ / отв. ред. В. И. Гантман. – М. : Наука, 1976. – 486 с.

5. Бахин, С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (гармонизация и унификация права) : автореф. дис. ...докт. юрид. наук : 22.00.10 / С.В. Бахин.– СПб., 2003. – 16 с.

6. Егоров, А. Е. Правовая интеграция и ее содержание / А. Е. Егоров // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 74–84.

7. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Астане, 29 мая 2014 г. // Евразийский экономический союз. – Режим доступа : [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia\\_05062014](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014). – Дата доступа : 28.10.2020.

## **АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ДОКТРИНЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**К.А. Григорьева**

*доцент кафедры аграрного, земельного и экологического права  
Национального университета «Одесская юридическая академия»,  
доктор юридических наук, доцент*

Современное общество остро ощущает наступление важного переломного момента – необходимости срочно и коренным образом менять парадигму цивилизационного развития. Это отразилось в Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, «Превращение нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года» – важнейшем стратегическом документе современности. Среди прочего в доктрине устойчивого развития особое место занимает энергетическая проблема. Ей посвящена Цель 7 «Обеспечение доступа всех людей к приемлемым по цене, надежным, устойчивым и современным источникам энергии» (далее – ЦУР 7). Анализ глобальных заданий в рамках этой цели дает нам понимание того, какое место в доктрине устойчивого развития отведено альтернативной энергетике. При этом задания в рамках ЦУР 7 выписаны очень сдержанно и этому есть свои веские объяснения. Неравномерное развитие разных стран и обществ приводит к существенному разрыву в доминирующей модели энергетических отношений. Следовательно, обеспечение энергией в разных странах невозможно уравнивать в кратковременной перспективе. Однако векторы развития были четко очерчены и требуют своего анализа.

Социально-экономический вектор достижения ЦУР 7 состоит в том, что первым заданием в рамках этой цели определено обеспечение доступа к энергии. Выделены качества такой энергии, которые имеют значение в рамках этой ЦУР – недорогая, надежная, современная. В этом задании ярко выражены социальные и экономические цели, состоящие в обеспечении всего населения дешевой энергией.

Экологический вектор отражает постепенный переход от традиционной энергии, которая осуществляет сильное негативное влияние на окружающую

среду, к энергетике альтернативной, воздействие которой менее губительно. При этом задание 7.2 сформулировано очень сдержанно: нет конкретных цифр, показателей, количественных ориентиров (подобно многим другим ЦУР). Такой подход отражает несколько важных аспектов. Во-первых, технологический аспект – уж очень сильно современное общество зависит от традиционных источников энергии. Изменить эту зависимость кардинально в достаточно сжатые сроки (до 2030 года) – это было бы слишком нереально даже для такого амбициозного документа. Во-вторых, важен политический аспект, ведь при разработке и принятии резолюции учитывались интересы и государств – экспортеров традиционных энергоресурсов. В-третьих, инклюзивный аспект, а именно: формулировка задания говорит о том, что оно направлено на увеличение доли альтернативной энергетики в мировом балансе. Это помимо прочего означает, что увеличение производства энергии из альтернативных источников будет неравномерным – какие-то страны активно будут развивать альтернативную энергетику, какие-то – слабее. Важно то, что в этом процессе должны участвовать все.

Технологический вектор отражается ярче всего в задании 7.3 «удвоить глобальный показатель энергоэффективности». Вектор направлен на усовершенствование технологической составляющей и традиционной, и альтернативной энергетики.

Если анализировать достижение Украиной ЦУР 7, то в первую очередь необходимо обратиться к Национальному докладу «Цели устойчивого развития: Украина» (2017). Первое, на что следует обратить внимание, – это тот факт, что векторы развития, выявленные в глобальных заданиях ЦУР 7, отражены в национальных заданиях с некоторыми особенностями.

Во-первых, в отличие от глобальных заданий национальный вариант достижения ЦУР 7 предусматривает повышение объемов производства энергии. Во-вторых, в заданиях Украины отражено актуальная для нее задача по снижению энергетической импортозависимости. В-третьих, развитие альтернативной энергетики предлагается оценивать по одному индикатору – доля энергии, производимой из возобновляемых источников, в общем конечном потреблении энергии. Это в свою очередь означает, что не берутся во внимание другие возможные показатели: например, количество новых объектов альтернативной энергетики, равномерность развития в региональном аспекте и т.д. Такой подход указывает на существенный уклон в сторону экономических расчётов и некоторое игнорирование других важных аспектов развития альтернативной энергетики, в частности ее социальный характер (обеспечение дешевой энергией населения в труднодоступных местах, на сельских территориях). Национальный индикатор – доля альтернативной энергетики в энергобалансе страны – не отражает, насколько активно развивается сеть объектов, какой они мощности, направлены они на обеспечение местного населения, местного бизнеса или на обезличенную продажу и т.д. В связи с этим можно утверждать о недостаточном внимании Украины к развитию



национальной альтернативной энергетики в контексте доктрины устойчивого развития.

Этот вывод имеет некоторые фактические подтверждения. Например, по данным Министерства энергетики Украины, доля производства возобновляемой энергетики в Украине за январь-август 2020 выросла в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составляет 13,3% в общем энергобалансе страны. Однако этот факт нельзя рассматривать в отрыве от других событий и законодательных решений. Так, в течение 2020 года была начата и досрочно прекращена работа над «Концепцией зеленого энергетического перехода» – правительственным документом, который имел целью переход энергетики Украины к использованию до 60% ВИЭ в 2050 году. Без разработки концептуальных основ было принято решение о срочном изменении законодательства. Дело в том, что активное развитие альтернативной энергетики создало ситуацию, типичную для сферы государственной поддержки отечественной экономики, а именно: государство не могло выполнить взятые на себя обязательства по оплате «зеленого» тарифа. Это привело к стремительному возрастанию задолженности перед производителями энергии из альтернативных источников. Для выхода из сложившейся ситуации Министерство энергетики предложило производителям энергии из альтернативных источников подписать меморандум о сотрудничестве, а после его подписания инициировало принятие на основе его положений Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно усовершенствования условий поддержки производства электрической энергии из альтернативных источников энергии» от 21.07.2020 года. Этим Законом протекционистские условия развития альтернативной энергетики существенно изменены: уменьшен или отменен «зеленый» тариф, введены «зеленые» аукционы, предусмотрено повышение юридической ответственности производителей энергии из альтернативных источников и т.д.

Таким образом, активный переход развитых стран мира к максимально возможному использованию альтернативной энергетики соответствует ЦУР 7. Однако Украина, задекларировав стремление увеличивать долю альтернативной энергетики в своем энергобалансе, на деле оказалась не готова к ее возрастанию. Это повлекло необходимость принятия поспешных законодательных мер, направленных на снижение протекционистской нагрузки на бюджет. Негативные последствия таких действий еще дадут о себе знать, ведь резкие изменения регуляторной среды крайне негативно отражаются на инвестиционном климате (а ЦУР 7 предусматривает в том числе поощрение инвестиций в альтернативную энергетику). Все вышеизложенное подтверждает существование острой необходимости разработки качественных концептуальных основ формирования законодательства в сфере

альтернативной энергетики с целью достижения Украиной ЦУР 7 «Доступная и чистая энергия». <sup>24</sup>

## **НОВАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**О.В. Гришкевич**

*старший научный сотрудник отдела исследований  
в области государственного строительства и международного права  
Национального центра законодательства и правовых исследований  
Республики Беларусь*

Новая программа развития городов (Декларация об экологически устойчивых городах и населенных пунктах для всех и План осуществления Новой программы развития городов) была принята Конференцией ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), проходившей с 17 по 20 октября 2016 года, и одобрена резолюцией 71/256 Генеральной Ассамблеи ООН от 23 декабря 2016 года [1].

Новая программа развития городов определяется «универсальной по своему охвату, основанной на участии и ставящей во главу угла интересы человека», излагающей «приоритеты и действия на глобальном, региональном, национальном, субнациональном и местном уровнях, которые правительства и другие соответствующие заинтересованные стороны в каждой стране могут принимать исходя из своих потребностей» (п. 16). Осуществление Новой программы развития городов является вкладом в реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и ее адаптацию к местным условиям на комплексной основе и в достижение целей и задач в области устойчивого развития, в том числе цели 11 (п. 9). В соответствии с резолюцией 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года, цель 11 состоит в обеспечении открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов и включает, в частности, задачу по расширению масштабов открытой для всех и экологически устойчивой урбанизации и возможностей для комплексного и устойчивого планирования населенных пунктов и управления ими на основе широкого участия во всех странах (п. 11.3) [2].

В Программе разделяется видение «городов для всех», т.е. «равноправное владение и пользование городами и другими населенными пунктами» в интересах содействия процветанию и качеству жизни для всех; соответственно, цель заключается в создании таких городов и других населенных пунктов, где

---

<sup>24</sup> Исследование осуществлено при финансовой поддержке Национального фонда исследований Украины (проект №2020.02/0360).

все люди могут пользоваться равными правами и возможностями, а также своими основными свободами, руководствуясь целями и принципами Устава ООН, включая неукоснительное соблюдение норм международного права (п. 11–12). Программой признаны ведущая роль национальных правительств, в соответствующих случаях, в разработке и осуществлении всеохватных и эффективных мер городской политики и законодательства в целях устойчивого городского развития и не менее важный вклад субнациональных и местных органов управления, а также гражданского общества и других соответствующих заинтересованных сторон, на основе принципов прозрачности и подотчетности (п. 15b) [1].

В свою очередь План осуществления Новой программы развития городов включает обязательства «по проведению преобразований путем перехода к новой парадигме развития городов, обеспечивающей учет комплексных и неделимых социальной, экономической и экологической составляющих устойчивого развития» (п. 24). В рамках устойчивого городского развития сформулированы в том числе обязательства по созданию организационных, политических, правовых и финансовых механизмов с целью расширения в соответствии с национальной политикой всеохватных платформ, позволяющих обеспечить для всех значимое участие в процессах принятия решений, планирования и последующей деятельности, а также расширенное вовлечение граждан в эти процессы и их участие в предоставлении и производстве общественных услуг. В контексте экологически устойчивого и стабильного городского развития содержится обязательство следовать концепции «умного» города, тем самым предоставляя жителям возможности для выбора более экологически благоприятных решений и стимулирования устойчивого экономического роста, а также позволяя городам улучшать качество предоставления услуг (п. 41, 66).

Как отмечается, ключевую роль, в соответствующих случаях, в укреплении взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами и предоставлении возможностей для диалога осуществляют субнациональные и местные органы управления. В целом признана важная роль местных органов управления в качестве активных партнеров по реализации Новой программы развития городов и проведению обзоров хода ее осуществления на всех уровнях; последующая деятельность по реализации Программы увязывалась с выполнением Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (п. 42, 163–164) [1].

Успешное выполнение Новой программы развития городов, как отмечается в докладе Генерального секретаря «Ход осуществления Новой программы развития городов» от 7 мая 2018 г., требует координации на всех уровнях (п. 60). Механизмы отчетности, предусмотренные в Новой программе развития городов, увязаны с механизмами в рамках других глобальных обязательств и программ действий в области развития, в том числе с Повесткой дня на период до 2030 года, которые не могут быть реализованы без

руководства со стороны местных и субнациональных органов власти в тандеме с соответствующими заинтересованными сторонами и с учетом необходимости оценить благоприятные условия, необходимые для обеспечения более согласованной национальной городской политики (п. 7, 23, 29) [3].

Ход осуществления Новой программы развития городов и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года рассматривается далее в докладе Директора-исполнителя Ассамблеи Программы ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) от 22 февраля 2019 г., рекомендации которого сводятся в том числе к необходимости обеспечения широкого участия заинтересованных сторон и применения ориентированных на конкретные действия многосекторальных подходов; одобрению государствами, местными органами власти и ключевыми заинтересованными сторонами Новой программы развития городов в качестве ведущей платформы ООН для согласования и рационализации других платформ, баз данных и сетей, актуализации принятия инновационных решений на основе фактических данных и содействия мониторингу и отчетности государств и ключевых партнеров в отношении осуществления Программы и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (п. 77) [4].

В рамках обзора деятельности Программы ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) в связи с осуществлением Новой программы развития городов, представленной в докладе Генерального секретаря от 7 августа 2020 г., приведем разработку глобальной Инициативы в интересах процветания городов, посредством которой государства отслеживают компоненты Повестки дня на период до 2030 года, касающиеся городов (включая, в частности, такие показатели, как вопросы инклюзивности, инфраструктуры, окружающей среды, производительности, участия граждан в городском планировании); а также создание платформы, которая позволяет государствам и местным и негосударственным субъектам следить за ходом осуществления Новой программы развития городов (содержит национальные доклады, отслеживает выполнение обязательств, взятых на Всемирном форуме по вопросам городов и на региональных и национальных форумах по вопросам городов, позволяет обмениваться данными и практикой по аспектам развития городов) (п. 24, 29–30) [5].

Значение Новой программы развития городов в контексте обеспечения устойчивого развития обусловлено определением ее осуществления в качестве вклада в реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и в достижение целей и задач в области устойчивого развития. Кроме того, механизмы ее выполнения и отчетности взаимосвязаны с механизмами в рамках других глобальных обязательств и программ действий.

Как показал проведенный анализ, в документах о ходе осуществления Новой программы развития городов не только отражается выполнение принятых обязательств в рамках устойчивой урбанизации, согласованной городской политики и, соответственно, городской составляющей целей в

области устойчивого развития, но и отслеживаются компоненты Повестки дня на период до 2030 года, касающиеся городов, обязательства, взятые на Всемирном форуме по вопросам городов и др. Подчеркивается значимость участия всех заинтересованных сторон, ценность содействия полному, эффективному и оперативному осуществлению на глобальном, региональном, национальном, субнациональном и местном уровнях. При этом признаны важный вклад местных органов управления в реализацию Программы, необходимость эффективного участия в процессах принятия решений, а также ключевая роль, которую играют местные органы власти в области устойчивого развития.

### **Библиографический список**

1. Новая программа развития городов [Электронный ресурс]: одобр. резолюцией 71/256 Генер. Ассамблеи, 23 дек. 2016 г. // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/256>. – Дата доступа: 01.10.2020.
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: принята резолюцией 70/1 Генер. Ассамблеи, 25 сент. 2015 г. // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: [https://www.un.org/ga/search/view\\_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R). – Дата доступа: 01.10.2020.
3. Ход осуществления Новой программы развития городов [Электронный ресурс]: докл. Генер. секретаря, 7 мая 2018 г., A/73/83–E/2018/62 // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/73/83-E/2018/62>. – Дата доступа: 01.10.2020.
4. Ход осуществления Новой программы развития городов и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: докл. Директора-исполнителя Ассамблеи Программы Орг. Объед. Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат), 22 февр. 2019 г., HSP/HA/1/4 // Орг. Объед. Наций. ООН-Хабитат. – Режим доступа: [https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/hsp\\_ha\\_1\\_4\\_r.pdf](https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/hsp_ha_1_4_r.pdf). – Дата доступа: 01.10.2020.
5. Последующая деятельность в связи с осуществлением Новой программы развития городов и укрепление Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат) [Электронный ресурс]: докл. Генер. секретаря, 7 авг. 2020 г., A/75/296 // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/75/296>. – Дата доступа: 01.10.2020.

## **К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РАСТИТЕЛЬНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ЕАЭС**

**А.В. Гусаров**

*старший государственный инспектор  
в области охраны окружающей среды Владимирской области  
Департамента природопользования и охраны окружающей среды*

Конгломерат стран-участниц Евразийского экономического союза является одним из самых эффективных по производству сельскохозяйственной продукции. К примеру, в Российской Федерации в 2019 году оборот агропромышленной отрасли составил 5801,5 миллиардов рублей. В Республике Казахстан объем валовой продукции сельского хозяйства за аналогичный период достиг отметки в 5,2 триллиона тенге. В Республике Беларусь в 2019 году продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в совокупном объеме оценивалась в 20639 белорусских рублей. Сводные показатели Кыргызстана по производству продукции сельского хозяйства за январь-декабрь 2019 года находились на отметке 220 миллиардов сомов (включая лесное хозяйство и рыболовство – прим. авт.). Аналогичные показатели Армении составили 889,5 миллиардов армянских драмов (включая лесное хозяйство и рыболовство – прим. авт.). Таким образом, производство продукции всех стран ЕАЭС в 2019 году оценивалось в 119957,9 миллионов долларов США, что на 3,4 % больше показателей 2018 года [1]. Наиболее популярными экспортируемыми товарами из данного региона на протяжении последних нескольких лет остаются злаковые культуры, которые составляют основу всего экспорта раздела II «Продукты растительного происхождения» Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС) [2].

Тем не менее, несмотря на довольно высокие показатели, свидетельствующие о спросе агропромышленной продукции стран ЕАЭС вне пределов данного интеграционного образования, в области регулирования отношений по поводу экспорта сельскохозяйственной продукции из стран ЕАЭС существуют определенные проблемы.

Одним из наиболее серьезных препятствий для продвижения евразийской агропромышленной продукции на рынках вне ЕАЭС является негармонизированность законодательства в области порядка осуществления фитосанитарного надзора. В частности, в каждой стране, входящей в ЕАЭС, осуществляется процедура выдачи фитосанитарных сертификатов на продукцию с высоким фитосанитарным риском, однако практически везде имеются свои нюансы, связанные с их получением, которые делают саму процедуру выдачи сертификатов в каждой стране неповторимой. Стоит также сказать, что отличаются не только процедуры выдачи сертификатов, но и сам их перечень. К примеру, в Российской Федерации выдаётся три вида

фитосанитарных сертификатов – собственно фитосанитарный сертификат, реэкспортный фитосанитарный сертификат и карантинный сертификат [3]. В свою очередь, в Республике Беларусь в принципе отсутствуют какие-либо подвиды фитосанитарных сертификатов [4]. Подобное «разнообразие» вряд ли будет способствовать эффективному экспорту, поскольку при подготовке необходимой для экспорта документации тратится больше времени и иных материальных ресурсов экспортеров, нежели это могло бы быть. К сожалению, одна из главных идей интеграционного образования ЕАЭС, заключающаяся в сближении норм национальных законодательств, пока еще слабо проявила себя в данной сфере.

Кроме того, сотрудничество с главными странами-импортерами ЕАЭС осуществляется больше в рамках их межнационального сотрудничества с конкретной страной ЕАЭС, нежели с ЕАЭС в целом. Так, В 2019 году Китайская Народная Республика заняла первое место среди всех стран-партнеров по объемам экспорта сельхозпродукции из ЕАЭС, сохраняя эту позицию 4 года подряд. По данным статистики Евразийской экономической комиссии, экспорт сельхозпродукции ЕАЭС в Китай с 2014 по 2019 год вырос в 3 раза, составив в 2019 году в совокупном объеме 3706,8 миллионов долларов США. В Анализе по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств-членов ЕАЭС на рынок КНР за 2020 год отмечается, что «Китайская Народная Республика является важнейшим торговым партнером для ЕАЭС [5]». К слову, 25 октября 2019 года вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, что обуславливает новый этап развития евразийско-китайских отношений [6].

Между тем, как свидетельствует опыт, заключение профильных межправительственных соглашений между страной, входящей в ЕАЭС, со страной, которая не входит в данное интеграционное образование, довольно плодотворно способствует развитию как торгового потенциала отдельно взятой страны в составе ЕАЭС, так и ЕАЭС в целом. На сегодняшний день соглашения с Китаем в области сельского хозяйства заключили Россия, Беларусь, Казахстан, Армения. Кыргызстан и Китай также довольно плотно сотрудничают. Имеются сведения о заключении инвестиционных соглашений между правительствами данных стран, однако какого-либо кыргызско-китайского межправительственного соглашения по общим вопросам сельскохозяйственной сферы на сегодняшний день не имеется. Наличие подобных соглашений является важным аспектом не только укрепления отношений между конкретными странами, но и укрепления отношения между ЕАЭС в целом и какой-либо страной, не входящей в его состав.

Определенные перспективы усматриваются и в упрощении процедур таможенного оформления продукции агропромышленной отрасли. Сельскохозяйственная продукция ввиду своего биологического происхождения

имеет весьма ограниченный срок годности, поэтому ускорение ее перемещения через таможенные границы имеет большое значение для сохранения качества, свежести и, в конечном счёте, конкурентоспособности на местных рынках.

В данном контексте интересен опыт совместных российско-китайских проектов по созданию «зеленый коридоров», суть которых заключается в информационном взаимодействии экспортеров, импортеров и таможенных служб России и Китая. Наличие «зеленого коридора» способствует повышению оборотов российско-китайской торговли, поскольку длительность процедур по таможенному оформлению грузов за счёт двустороннего сотрудничества сокращается в разы [7, с. 8]. К примеру, в августе 2020 года таможня Маньчжурии открыла специальный «зеленый коридор» для импорта российской пшеницы. Причиной начала сотрудничества по упрощению таможенного оформления стало то, что за первое полугодие 2020 года Китай импортировал из России более 17 тыс. тонн зерна. По словам представителя сельскохозяйственной компании Yitai из Внутренней Монголии Си Сянцзюня, наличие «зеленого коридора» позволило заказывать у российских производителей в любое время любые дополнительные партии пшеницы и доставлять их в Маньчжурию [8].

Само собой, одно лишь наличие «зеленых коридоров» не будет способствовать развитию экспорта сельскохозяйственной продукции. Кроме того, их бесконтрольное создание приведет к тому, что рынок переполнится некачественными товарами, которые будут представлять опасность для конечного потребителя. Реализация подобных проектов должна осуществляться под строгим контролем заинтересованных стран, причем важно привлекать к их разработке и представителей Евразийского экономического союза, поскольку это во многом поспособствует экономическому росту в Евразийском регионе. Иными словами, создание «зеленых коридоров» будет отражаться не только на национальной экономике конкретной страны-участницы ЕАЭС, но и на экономике ЕАЭС в целом, повышая инвестиционную привлекательность и укрепляя имидж всех государств, входящих в данное интеграционное образование.

Преодоление негативных тенденций, существующих в области экспорта сельскохозяйственной продукции из стран ЕАЭС, должно быть ведущим направлением современной агропромышленной политики всего Евразийского экономического союза. Сфера сельского хозяйства представляет собой одно из наиболее перспективных направлений в плане сотрудничества для стран, входящих в ЕАЭС, поэтому необходимо прикладывать максимальные усилия для продвижения агропромышленной продукции на зарубежных рынках. Ликвидация вышеописанных проблем не только создаст благоприятные условия для успешного выстраивания новых трансграничных цепочек по сбыту товаров сельхозпроизводителей, но и значительно повысит интеграционный потенциал стран ЕАЭС.



### Библиографический список

1. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза (январь-декабрь 2019 года) // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr\\_i\\_makroec/dep\\_stat/econstat/Documents/Analytics/indicators201912.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/indicators201912.pdf). – Дата доступа: 30.09.2020.
2. Экспорт товаров ЕАЭС по группам ТН ВЭД ЕАЭС в торговле с третьими странами за январь – декабрь 2019 года // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr\\_i\\_makroec/dep\\_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2019/12/E201912\\_4\\_1.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2019/12/E201912_4_1.pdf). – Дата доступа: 30.04.2020.
3. Приказ Минсельхоза РФ от 13.07.2016 № 293 «Об утверждении порядка выдачи фитосанитарного сертификата, реэкспортного фитосанитарного сертификата, карантинного сертификата» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 37. – 12.09.2016.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 июля 2010 г. № 1140 «О некоторых вопросах карантина и защиты растений и внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 октября 2007г. №1370» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21731826&p1=1>. – Дата доступа: 21.09.2020.
5. Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок Китайской Народной Республики за 2020 год // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom\\_i\\_agroprom/dep\\_agroprom/export/Documents/Китай.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/export/Documents/Китай.pdf). – Дата доступа: 30.09.2020.
6. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Бюллетень международных договоров. – № 2. – февраль 2020 года.
7. Осина А.Ю., Сюй П., Цзян Ц. Российско-китайское сотрудничество в области сельского хозяйства: состояние и перспективы // Российский совет по международным делам (РСМД). – 20 с. – Режим доступа: URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-selskogo-khozyaystva-sostoyanie-i-perspektivy/>. – Дата доступа: 30.09.2020.
8. Таможня Маньчжурии открыла «зеленый коридор» для импорта российской пшеницы. – Режим доступа: // ChinaLogist URL: <https://chinalogist.ru/news/tamozhnya-manchzhurii-otkryla-zelenyy-koridor-dlya-importa-rossiyskoj-pshenicy-18790>. – Дата доступа: 30.09.2020.

## ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОСТУПКА

**К.В. Девятковская**

*ассистент кафедры уголовного права и криминалистики  
юридического факультета  
УО «Полоцкий государственный университет»*

Зачастую в литературе происходит упоминание таких институтов как административное правонарушение, противоправные деяния, проступки, административные проступки. Однако, что они под собой подразумевают, являются ли они идентичными или же это различные категории? В широком своем определении правонарушение можно определить как противоправное деяние, причиняющее или направленное на его причинение. Авторские концепции наделяют данное понятие характеризующими признаками, позволяющими определить вид правонарушения.

В различных научных концепциях, в зависимости от критериев классификации существует множество видов правонарушений.

По сферам общественных отношений:

- в экономической (незаконное получение имущества, причинение материального ущерба);
- политической (нарушения в области избирательного права);
- социально-бытовой (нарушение общественного порядка и нравственности);
- в других сферах.

По видам юридической деятельности:

- правонарушения в правотворческой деятельности; - правонарушения в правоприменительной деятельности.

По формам вины:

- совершенные умышленно;
- по неосторожности.

В зависимости от характера цели, стоящей перед правонарушителем, можно выделить:

- правонарушения, направленные на достижение конкретной, определенной цели;
- правонарушения направленные на достижение неопределенной цели или нескольких целей.

Необходимо отметить, что некоторые авторы высказываются о синонимичности терминов правонарушение и проступок. Д.Н. Бахрах, Ю.Н. Старилов и Б.В. Российский [1, с. 548] отмечают, что при принятии КоАП Республики Беларусь с целью унификации терминологии допустимо использование в правоприменении только словосочетания «административное правонарушение», однако в правовой науке, при анализе соотношения проступка, преступления и административного правонарушения возможно

использование административного проступка, поставив его на одну ступень вместе с административным правонарушением.

Не выработано также и единого подхода в вопросе предметной классификации проступков. В разных источниках выделяется разное их количество и обоснования. К примеру, А.С. Пиголкин использует в качестве критериев деления проступков на виды сферу общественных отношений, в которой они возникают, характер самих противоправных деяний, а также от меры правового воздействия. На основании вышеупомянутых критериев автор выделяет три вида проступка: уголовные, административные, гражданско-правовые [2, с. 529].

На основании определения сущности правонарушения как деяния, обладающего признаком противоправности, несущего вред для охраняемых интересов и влекущее наступление юридической ответственности, мы считаем рациональным согласиться с делением правонарушения как собирательной категории на проступки и преступления.

Проступками называются виновные противоправные деяния незначительной степени общественной опасности, влекущие наступление юридической ответственности. Проступки можно классифицировать в зависимости от сферы общественных отношений, в которой они совершаются, а также по видам взысканий, которые наступают за противоправные деяния. Проступки, в отличие от преступлений характеризуются меньшей степенью общественной опасности, и ответственность за их совершение предусмотрена нормами отраслевого законодательства, за исключением норм уголовного права. Динамичность общественных отношений приводит к изменчивости граней между проступками и преступлениями. Одни противоправные деяния утрачивают статус преступлений, другие обретают, либо происходит изменение правового статуса противоправного деяния. Эти процессы отражают тенденции меняющейся внутригосударственной политики.

Четкая и устоявшаяся классификация проступков в юридической науке отсутствует, тем не менее, наиболее распространенная классификация выглядит следующим образом: административный проступок, дисциплинарный проступок, гражданско-правовой проступок, финансовый, процессуальный и конституционный проступок.

Рассмотрим более детально административный проступок, определив его как деяние, меньшей степени общественной опасности, причиняющее вред государственным или общественным отношениям, собственности, правам граждан и юридических лиц. Административный проступок влечет за собой наступление административной ответственности, подкрепленную нормами отраслевого законодательства (таможенного, финансового, налогового и др.). Примерами административного проступка могут служить подделка проездных документов, нарушение правил лесных пользований, нарушения в области безопасности дорожного движения, нарушения правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, нарушение правил пользования жилыми помещениями и

ряд других правонарушений, отнесенных законодателем в разряд административных проступков и предусматривающих административную ответственность в виде применения административного взыскания.

Различие административного проступка и административного правонарушения может заключаться в определении проступка, как деяния, обладающего признаком общественной опасности, однако законодательно данный признак не указан и в характеристике административного правонарушения, что на наш взгляд является сомнительным. Сравнительный анализ объектов уголовно-правовой и административно-правовой охраны, наличие смежных составов правонарушений и преступлений, схожих институтов позволяет говорить о смежности некоторых составов, влекущих разную юридическую ответственность. Так, мелкое хулиганство и уголовно наказуемое хулиганство, мелкое хищение и кража и т.д., не единичные факты использования административной преюдиции как основания уголовной ответственности при повторном нарушении нормы права, что позволяет усомниться в отсутствии законодательно закрепленного у административного правонарушения признака общественной опасности. Безусловно, по своему характеру и последствиям, по размеру ущерба все административно-наказуемые деяния не могут находиться на одном уровне общественной вредности, очевидно, что не все они представляют общественную опасность для общества, сущность которого четко определена в науке уголовного права, однако отрицать ее наличие нельзя.

Важно отметить, что в проекте КоАП административное правонарушение и административный проступок представлены как общее и частное, определив проступки как виды административного правонарушения в зависимости от характера и степени общественной вредности. Так, представлены 3 вида административного проступка: административные проступки, значительные административные проступки и грубые административные проступки.

Наличие подобной классификации позволяет сделать вывод о наличии признака общественной опасности у административного проступка, однако разделив при этом все деяния на три категории по ее степени. Данный факт также позволяет проследить тесную взаимосвязь грубых административных проступков и преступления, сделав критерий повторности при привлечении к уголовной ответственности более оправданным.

#### **Библиографический список**

1. Административное право : учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю. Н. Старилов. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М. : Норма, 2008. — 816 с.
2. Пиголкин, А.С. Теория государства и права: Учебник. М.: Городец,- 2003. – 544 с.

# ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОВЕРОК

**М.М. Довгялло**

*главный специалист отдела методологического обеспечения  
криминологических экспертиз*

*ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления  
законности и правопорядка*

*Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»*

На сегодняшний день контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов (далее – экологический контроль) является действенным механизмом при проверке соблюдения экологического законодательства. В юридической литературе экологический контроль рассматривается в трех аспектах: во-первых, как правовая мера обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды от вредных воздействий, во-вторых, функция государственного управления, в-третьих – правовой институт экологического права [1, с. 58]. Посредством экологического контроля можно обеспечить принуждение соответствующих субъектов экологического права к исполнению требований экологического законодательства.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года № 1982-XII «Об охране окружающей среды» экологический контроль осуществляется в форме проверок и иных формах контроля, предусмотренных законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, а также в форме проведения полевых контрольных мероприятий (ч. 1 ст. 87).

Согласно п. 1 и 3 Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 года № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» государственный контроль (надзор) осуществляется в формах:

- выборочных проверок;
- внеплановых проверок;
- мероприятий технического (технологического, поверочного) характера;
- мер профилактического и предупредительного характера (мониторинг, разъяснительная работа, круглый стол, семинары и др.).

Несмотря на активизацию в последнее время проведения контроля в виде мониторингов и мероприятий технического (технологического, поверочного) характера, совершенствование механизма осуществления проверок остается актуальным.

В частности, выборочная проверка назначается с учетом критериев оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов при проведении выборочной проверки и на основании результатов анализа имеющейся в распоряжении контролирующего (надзорного) органа информации, свидетельствующей о высокой степени риска нарушений законодательства и невозможности их

выявления и (или) устранения иными формами государственного контроля (надзора).

Критерии оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов при проведении выборочной проверки определяются государственными органами (организациями), указанными в ч. 1 п. 15 Положения о порядке организации и проведения проверок по согласованию с Межведомственным советом по контрольной (надзорной) деятельности на основании методики формирования системы оценки риска. При этом ч. 2 п. 6 Методики формирования системы оценки степени риска, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 января 2018 г. № 43, установлено, что критерии оценки степени риска должны быть направлены на выявление признаков, свидетельствующих о возможности нарушения субъектом законодательства. Тем самым действующая модель определения критериев оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов ориентируется только на тяжесть потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения соответствующими субъектами установленных требований.

Иной подход предусмотрен Директивой от 24 ноября 2010 года № 2010/75/ЕС «О промышленных выбросах (о комплексном предотвращении загрязнения и контроле над ним)» (далее – Директива о промышленных выбросах).

Так, положениями вышеуказанной Директивы устанавливается обязанность государств-членов ЕС по включению установок в план проведения экологических проверок, утверждаемый на национальном, региональном или местном уровнях, а также по обеспечению регулярного пересмотра и, если применимо, изменения указанного плана. Под установкой понимается стационарное техническое сооружение, посредством которого осуществляется один или несколько видов деятельности, перечисленных в Приложении I или в части 1 Приложения VII к Директиве о промышленных выбросах, а также иные виды деятельности, осуществляемые на том же участке, имеющие непосредственную техническую связь с видами деятельности, перечисленными в этих Приложениях, и оказывающими влияние на выбросы и загрязнение.

Содержание каждого плана проведения экологических проверок включает в себя:

- общую оценку значительных проблем окружающей среды;
- географическую территорию, на которую распространяется план проверки;
- реестр установок, включенных в план проверки;
- порядок составления программ для плановых экологических проверок;
- порядок проведения внеплановых экологических проверок;
- положения о сотрудничестве между различными проверяющими органами (при необходимости).

В соответствии с планами проведения экологических проверок компетентный орган регулярно составляет программу проведения плановых экологических проверок, в том числе с указанием частоты посещений участков

для различных типов установок. Согласно ч. 2 параграфа 4 ст. 23 Директивы о промышленных выбросах период между посещениями участка устанавливается на основе систематической оценки экологических рисков и не может превышать 1 год для установок, представляющих наиболее серьезные угрозы, и 3 года для установок, представляющих наименее серьезные угрозы.

Критериями систематической оценки экологических рисков являются:

потенциальное и фактическое влияние соответствующей установки на здоровье человека и окружающую среду с учетом уровней и типов выбросов, чувствительности местной окружающей среды и риска возникновения аварий;

сведения о соблюдении условий разрешения;

участие оператора в системе эко-менеджмента и аудита (EMAS) на территории ЕС в соответствии с Регламентом (ЕС) 1221/2009 Европейского парламента и Совета ЕС от 25 ноября 2009 года о добровольном участии организаций в системе эко-менеджмента и аудита Сообщества (EMAS).

Рассмотренные положения Директивы о промышленных выбросах были реализованы в финском экологическом законодательстве. В частности, основным критерием частоты инспекций является оцененная регулятором степень экологического риска предприятия. Предприятия с высокой степенью экологического риска будут инспектироваться чаще и по более подробным программам. Для установок, подпадающих под действие Директивы о промышленных выбросах, период проведения инспекций изменяется от 1 до 3 лет. Регулирующий орган может назначить периодические инспекции и для других, не относящихся к вышеуказанной категории, установок. Инспекции проводятся региональными Центрами экономического развития, транспорта и окружающей среды, а также муниципальными органами охраны окружающей среды [2, с. 56].

На основании вышеизложенного полагаем целесообразным при совершенствовании законодательства в области осуществления экологического контроля с учетом национальных особенностей рассмотреть подход, предусмотренный Директивой о промышленных выбросах, в части критериев систематической оценки экологических рисков. Применение данного подхода позволит при планировании проверок основываться на фактическом влиянии осуществляемого проверяемым субъектом вида деятельности на здоровье человека и окружающую среду.

### **Библиографический список**

1. Калашникова, И.А., Рубанова, Н.А. Лицензионный контроль и прокурорский надзор как эффективные меры экологического контроля // Юридическая мысль. – 2017. – № 4. – С. 57–65.
2. Бегак, М.В., Манвелова, А.Б., Цветкова, А.В. Региональные особенности систем выдачи экологических разрешений на примерах Финляндии и Швеции // Региональная экология. – 2015. – № 7. – С. 53–62.

## **ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**Е.И. Заец**

*доцент кафедры земельного и аграрного права  
Института права Киевского национального университета  
им. Тараса Шевченко,  
кандидат юридических наук, доцент*

Президент Украины своим Указом от 30 сентября 2019 года «О целях устойчивого развития Украины на период до 2030 года» еще раз поддержал провозглашенные резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 № 70/1 глобальные цели устойчивого развития до 2030 года и результаты их адаптации с учетом специфики развития Украины, изложенные в Национальном докладе «Цели устойчивого развития Украины». Цель 11 этого доклада посвящена устойчивому развитию городов и общин. Одна из задач по реализации этой цели - обеспечить развитие поселений и территорий исключительно на основе комплексного планирования и управления с участием общественности.

Первый Добровольный национальный обзор по Целям устойчивого развития в Украине за 2015-2019 годы констатирует 100%-е утверждение и внедрение всеми 25-ю регионами Украины региональных стратегий развития, разработанных с участием общественности. Наличие региональных стратегий развития и планов мероприятий по их реализации является необходимым условием для получения регионами средств из государственного фонда регионального развития.

Для обеспечения достижения Цели 11 среди прочего была определена необходимость утверждения и реализации Государственной стратегии регионального развития на период до 2027 года, которая и была принята 5 августа 2020 года (Постановление Кабинета Министров Украины № 695), которым предусмотрены новые подходы к политике регионального развития - переход от преимущественно территориально нейтральной к территориально направленной политике развития территорий на основе стимулирования использования собственного потенциала; усиление связи между стратегическим, пространственным и бюджетным планированием.

Комплексное планирование напрямую связано с земельно-правовым аспектом, так как включает в себя пространственное планирование, в том числе планирование территорий населенных пунктов Украины. Согласно действующему законодательству основную функцию в этом процессе выполняют органы местного самоуправления.

Реформа местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине на основе децентрализации власти, которая успешно реализуется с 2015 года, создала новые возможности для развития территориальных общин.

Реформа децентрализации власти, в том числе в сфере земельных отношений, осуществляется на основе Закона Украины от 8 февраля 2015 года



«О добровольном объединении территориальных общин», Земельного кодекса Украины и некоторых других нормативных актов. «С этой целью правительством инициирована масштабная работа по обеспечению добровольного объединения территориальных общин городов, поселков и сел в способные объединенные территориальные общины (ОТГ), органы местного самоуправления которых наделяются значительно большим объемом полномочий, чем полномочия, которые имеют традиционные городские, поселковые и сельские советы» [1, с. 6].

В научной литературе правильно подмечено, что в земельной сфере Украины появился новый объект - земли ОТГ, правовой режим которых пребывает в состоянии формирования [1, с. 6].

В соответствии со статьей 4 Закона Украины «О добровольном объединении территориальных общин» территория объединенной территориальной общины должно быть неразрывной, границы объединенной территориальной общины определяются по внешним границам юрисдикции советов территориальных общин, которые объединились. Тут сразу возникла проблема, связанная с отсутствием изменений в Земельный кодекс Украины о правовом режиме земель ОТГ, о порядке определения границ ОТГ, о земельно-правовых полномочиях советов ОТГ. Эта проблема остается актуальной и сейчас, хотя процесс объединения идет в стране уже шестой год.

В связи с необходимостью наделить советы ОТГ наибольшим количеством полномочий в пределах своей территории (цель децентрализации) со временем встал вопрос о том, какие же земли являются собственностью ОТГ. Поскольку объединяются городские, поселковые и сельские территориальные общины, в собственность ОТГ как правопреемника переходят их земли, то есть в основном земли в границах населенных пунктов. За пределами населенных пунктов земли пребывают в основном в государственной, частной или коллективной собственности.

Распоряжением Кабинета Министров Украины от 31 января 2018 года № 60-р «Вопросы передачи земельных участков сельскохозяйственного назначения государственной собственности в коммунальную собственность объединенных территориальных общин» предпринята попытка передать часть государственных земель в собственность уже созданных ОТГ. Указом Президента от 15 октября 2020 года «О некоторых мерах по ускорению реформ в сфере земельных отношений» дано поручение Кабинету Министров Украины активизировать деятельность по передаче земельных участков сельскохозяйственного назначения государственной собственности в коммунальную собственность. Но такие передачи требуют государственного финансирования, потому осуществляются довольно медленно. Тем более следует заметить, что речь идет только о землях сельскохозяйственного назначения, а в государственной собственности на территории ОТГ могут находиться земли другого целевого назначения. Поэтому вышеуказанное распоряжение и указ полностью проблему не решают.

Законопроект № 2194 от 1 октября 2019 года «О внесении изменений в Земельный кодекс Украины и другие законодательные акты относительно усовершенствования системы управления и дерегуляции в сфере земельных отношений» (принятый в первом чтении) для решения этой проблемы предлагает земли государственной собственности за пределами населенных пунктов (кроме земель, на которых размещены объекты государственной собственности) передать в коммунальную собственность территориальных общин. Полностью поддерживаем эту инициативу. Украина уже имеет подобный успешный опыт с размежеванием земель государственной и коммунальной собственности на основании нормы закона в 2013 году. Кроме того, это существенно экономнее для государственного бюджета. Поэтому надеемся на скорое принятие Законопроекта № 2194.

Как шаг к достижению целей устойчивого развития, недавно принятый Закон Украины от 17 июня 2020 года «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно планирования использования земель» предусматривает введение нового вида планировочной документации - комплексного плана пространственного развития территории территориальной общины, который будет одновременно градостроительной документацией на местном уровне и документацией по землеустройству, определяет планировочную организацию, функциональное назначение территории, основные принципы и направления формирования единой системы общественного обслуживания населения, дорожной сети, инженерно-транспортной инфраструктуры, инженерной подготовки и благоустройства, гражданской защиты территории и населения от опасных природных и техногенных процессов, охраны земель и других компонентов окружающей природной среды, формирования экосети, охраны и сохранения культурного наследия и традиционного характера среды населенных пунктов, а также последовательность реализации решений, в том числе этапность освоения территории.

Этот новый документ пространственного планирования предназначен специально для ОТГ. Органам местного самоуправления дается возможность осуществлять пространственное планирование территории общины как в пределах так и за пределами населенных пунктов, устраняет необходимость разработки нескольких видов градостроительной и другой документации. Планируется внедрить современную методологию пространственного планирования, которая была отработана на 12 пилотных проектах ОТГ в 8 областях в рамках проекта USAID «Поддержка аграрного и сельского развития» [2].

Таким образом, земельное законодательство успешно движется в направлении совершенствования земельных отношений ОТГ как необходимого условия завершения реформы децентрализации власти в Украине и достижения целей устойчивого развития.

### **Библіографічний список**

1. Кулинич, А.П. Землі міських територіальних громад: проблеми формування правового режиму: монографія/ за ред. Т.О. Коваленко. К.: ТАЛКОМ, 2019. – 268 с. – Режим доступа: <https://www.usaid.gov/uk/ukraine/agriculture>

## **ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

**А.Н Захарин**

*доцент кафедры экологического, земельного и трудового права  
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,  
кандидат философских наук*

Влияние интеграционных процессов признается необходимым фактором нормативного обеспечения устойчивого развития в контексте экологической безопасности, ухудшение состояния окружающей среды находится в числе глобальных проблем человечества, которые переносятся на уровень межгосударственных объединений и могут быть устранены за счет принятия актов надгосударственного уровня. Концепция «устойчивого развития» в последние годы обрела большую популярность и широко употребляется при рассмотрении экономических, социальных, экологических процессов. Как отмечает Л.А. Овчинцева, термин повсеместно вошел в научный оборот, тема устойчивого развития стала предметом значительного числа научных исследований [6, с. 297].

Вопросы правового обеспечения устойчивого развития Российской Федерации нашли отражение в целом ряде нормативных правовых актов. В частности, была принята экологическая доктрина Российской Федерации, признающая условием достижения устойчивого развития страны и высокого качества жизни и здоровья ее населения формирование и последовательную реализацию единой государственной политики в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. В документе одним из основных факторов деградации природной среды на мировом уровне называется недостаточный для перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации уровень координации действий мирового сообщества в области решения экологических проблем и регулирования процессов глобализации.

Меры обеспечения и приоритеты формирования государственной политики в отношении устойчивого развития воплощаются в рамках реализации государственных программ, разработанных для отдельных отраслей промышленности, энергетики и других сфер. Так, в целях всестороннего развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, реализации потенциала сельских территорий разработаны и применяются соответственно Концепция устойчивого развития

коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (2009) [2], Концепция устойчивого развития сельских территорий (2010) [3], национальная Стратегия устойчивого сельского развития (2015).

Согласно Экологической доктрине Российской Федерации 2002 года, одним из основных инструментов реализации, сформулированных в ней, задач является создание эффективного правового механизма гармонизации национального законодательства в области охраны окружающей среды и норм международного права в рамках обязательств Российской Федерации по международным договорам [1].

И если принимать во внимание участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях (союзное государство Белоруссии и России, Евразийский экономический союз), которое во многом определяется реализацией экономических проектов и программ, то правовое обеспечение интеграционных процессов осуществлено бессистемно, без учета целевого регулирования экологических аспектов, при отсутствии четко установленных требований к методам и формам управления, в том числе в области природопользования и охраны окружающей среды [4, с. 131].

К новым вызовам, которые определяют состояние проблем развития интеграционных процессов в области охраны окружающей среды и природопользования на уровне Союзного государства Беларуси и России, относится потребность в правовом обеспечении эффективного взаимодействия между государственными структурами по вопросам эксплуатации и охраны различных природных ресурсов, экологического управления, гармонизации норм национального и международного водного, земельного и лесного законодательства.

Ключевым из проблемных аспектов региональной интеграции является расхождение содержания терминологии, отсутствие общего понимания ключевых системных элементов и направлений совершенствования правового механизма обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды. Наличие особенностей правового регулирования в различных сферах природоресурсного и экологического законодательства государств-участников интеграционных процессов регионального уровня порождает проблемы соотношения правового регулирования рационального, эффективного и ресурсосберегающего природопользования наднационального уровня.

В сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды системы правового регулирования должны эффективно взаимодействовать друг с другом. Это требует определенного уровня совместимости правовой базы между ними, существования идентичного или схожего законодательства в каждом из них [5, с. 146].

Без определения направлений унификации и имплементации положений природоресурсного и экологического права, разработки единообразных

правовых экологических норм национального законодательства, уже достигнутый уровень интеграции не принесет результата, потому что это не отвечает требованиям законодательств других государств. Только наличие системы унифицированных правил и норм в сфере регулирования общественных отношений по охране окружающей среды и использованию природных ресурсов позволит как реализовать в полном объеме социально-экономические задачи, определяющие цели устойчивого развития, так и обеспечить экологическую безопасность.

### **Библиографический список**

1. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 09.09.2002. – № 36. – ст. 3510.
2. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 16.02.2009. – № 7. – ст. 876.
3. Распоряжение Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 13.12.2010. – № 50. – ст. 6748.
4. Колесникова, К.В., Нутрихин, Р.В. О гармонизации законодательства Евразийского экономического союза в сфере природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. – № 2. – С. 129-134.
5. Навасардова, Э.С., Захарин, А.Н. Сравнительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области органического сельского хозяйства // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 2. – С. 141-146.
6. Овчинцева, Л.А. О содержании понятия «устойчивое сельское развитие» // Никоновские чтения. – 2015. – № 20-1. – С. 297-300.

## **МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА**

**Т.В. Злотникова**

*заведующий кафедрой земельного права  
и государственной регистрации недвижимости  
Московского государственного университета геодезии и картографии,  
доктор юридических наук, профессор*

Большой геополитический интерес к Арктическому региону в последние годы вызван совокупностью причин стратегического, природно-ресурсного и климатического характера. При этом, повышенное внимание к Арктике

проявляют не только арктические государства (Россия, США, Канада, Дания и Норвегия), но и другие северные государства (Финляндия и Исландия), а также далекие от Арктического континента страны, как Китай, Индия и пр.

Поскольку площадь арктических владений России превышает почти в полтора раза суммарную площадь владений остальных четырех арктических государств, соответственно этому и большая часть природных ресурсов сосредоточена на шельфе Северного Ледовитого океана, принадлежащем России. Впрочем, принадлежность богатого углеводородами арктического шельфа к национальным юрисдикциям сами арктические государства оценивают по-разному, о чем более подробно изложено в иных публикациях автора [1, с. 12; 2, с. 133].

При нарастающем освоении ресурсов Арктики исключительную важность приобретает защита уязвимой полярной природы, связанная с необходимостью сохранения биоразнообразия и хрупких экосистем этого региона, где сосредоточено более 20 тысяч видов растений, животных, грибов и микроорганизмов, многие из которых занесены в Красную книгу РФ и являются эндемиками.

Поэтому экологическая составляющая входит в число ключевых приоритетов международного сотрудничества, которое осуществляется как на многостороннем уровне [3; 4], так и в двустороннем формате [5; 6].

В 1991 году по инициативе Финляндии стартовал новый вид сотрудничества по защите северной и полярной природы в виде традиционных конференций Министров экологии северных стран. На первой конференции были приняты важнейшие международные акты арктического природоохранного сотрудничества [7]. Среди основных направлений этой совместной деятельности: защита арктических экосистем; признание традиционных и культурных интересов коренных народов в отношении охраны окружающей среды в Арктике; регулярный экологический мониторинг региона; определение, ограничение, а затем – запрещение загрязнения Арктики.

Другой формой международного взаимодействия для защиты полярной природы стал действующий с 1996 года Арктический Совет. Главный принцип Арктического Совета позволяет принимать его решения исключительно самими арктическими государствами, а три северных страны (Швеция, Финляндия и Исландия) участвуют в его деятельности на правах наблюдателей [8]. Все принимаемые международные акты этого органа носили характер рекомендательных деклараций.

Первым юридически обязывающим документом явилось подписанное в Швеции в 2013 года «Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике» [9].

Новой формой сотрудничества стали инициированные Россией Международные Арктические Форумы с общим названием «Арктика-территория диалога». Каждый такой Форум проводится раз в два года и посвящается разным актуальным арктическим темам. Так, 3-й Форум был

посвящен экологической безопасности и сохранению биоразнообразия (Салехард, 2013 год) [10, с. 74]. На 5-м Форуме с повесткой «Человек в Арктике» (Архангельск, 2017 год) рассматривались современные проблемы коренных малочисленных народов северных стран [11].

Правовое сопровождение национальных интересов России в Арктике обеспечивает более 2-х десятков национальных законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих разные проблемы российской Арктики.

Россия стала первым государством, принявшим долгосрочную стратегию в отношении Арктического региона. В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» конкретизированы понятия – «Арктика», «арктическая зона РФ», «российский сектор Арктики» [12]. В статье 7 указанного акта среди национальных приоритетов обозначено «сбережение хрупких арктических экосистем».

В 2013 году Президентом РФ утверждена «Стратегия развития Арктической зоны РФ... на период до 2020 года». В п. 24 указанного акта стратегического планирования сформулированы направления совершенствования нормативно-правовой базы Арктической зоны РФ [13].

Особо знаменательным в арктическом нормотворчестве стал 2020 год, когда Президентом РФ были утверждены «Основные направления государственной политики страны в Арктике на период до 2035 года» [14]. В этом акте определены цели, основные направления и задачи, а также механизмы реализации политики государства в Арктике. Провозглашены основные национальные интересы, среди которых указана важнейшая для устойчивого развития арктического региона: «охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны». В то же время немаловажным для устойчивого развития региона является обозначение основных задач по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, среди которых предусмотрено развитие сети ООПТ, обеспечение сохранения объектов животного и растительного мира Арктики, охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения растений, животных и другие меры.

В октябре 2020 года принят другой важный документ стратегического планирования по развитию Арктической зоны на ближайшие 15 лет [15].

В заключение необходимо отметить, что все указанные акты стратегического характера не могут заменить необходимости разработки и принятия специального законодательного акта, регулирующего все аспекты устойчивого развития российской Арктической зоны, включая надежные механизмы безусловного приоритета «сбережения хрупких арктических экосистем».

### Библиографический список

1. Злотникова, Т.В. Современные проблемы Арктического региона: соотношение природы, права, геополитики // Экологическое право. – 2017. – № 6. – С. 12–16.
2. Злотникова, Т.В. Право, природа, экономика и геополитика: как совместить интересы в современной Арктике // Сборник статей участников Международной научно-практической конференции, 11–13 октября 2019 г. / МарГУ; отв. ред.: З. Ф. Сафин, З. К. Кондратенко, Е. В. Лунева. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. – С. 133–140.
3. Многостороннее Соглашение о сохранении белых медведей (1973) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900923>.
4. Декларация министров иностранных дел об использовании Арктики, Гренландия (г. Илулиссат, 2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.mid.ru/sovet-gosudarstv-barenceva/evroarkticeskogo-regiona-sber/-/asset\\_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/336068](http://www.mid.ru/sovet-gosudarstv-barenceva/evroarkticeskogo-regiona-sber/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/336068).
5. Советско-американское Соглашение о сотрудничестве в борьбе с загрязнением в Беринговом и Чукотском морях в чрезвычайных ситуациях (1989) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900072>.
6. Соглашение между Правительствами РФ и Канады о сотрудничестве в Арктике и на Севере (1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901724056>.
7. Стратегия защиты окружающей среды Арктики (1991 г.) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902061>.
8. МИД РФ. Арктический совет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/arkticeskij-sovet>.
9. Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499065181>.
10. Рыбальский, Н.Г., Тикунов, В.С. Форум «Арктика – территория диалога» // Вестник Московского университета. – 2014. – Серия 5. – География. – № 2. – С. 74–75.
11. Международный Арктический Форум. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://forumarctica.ru/wp-content/uploads/2017/03/15\\_Digest\\_ru\\_05.pdf](http://forumarctica.ru/wp-content/uploads/2017/03/15_Digest_ru_05.pdf).
12. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденные Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 18 сентября 2008 г. Пр – 1969. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902149373>.
13. О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/info/18360/>.



14. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

15. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

## **АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ**

**И.Э. Исаева**

*старший преподаватель Российского университета дружбы народов*

**И.А. Попов**

*студент Российского университета дружбы народов*

Система гражданских прав человека зафиксирована в ст. 3-16 Всеобщей декларации прав человека [1], в ст. 6-17, 23, 26, Международного пакта о гражданских и политических правах [5], в двух факультативных протоколах к этому правовому акту, а также во многих других международно-правовых документах. Конституцией РФ 1993 года [4] данные права конкретизированы и юридически гарантированы в нормах уголовного, гражданского, семейного права и др.

Термин гражданские права неоднозначен, он используется в законодательстве, судебной практике и научной литературе дополняясь определенным содержанием. В английской литературе применяется термин гражданские свободы в США термин гражданские права и конституционные права употребляется как синонимы. Отечественные исследователи по данному вопросу согласны с мнением американских авторов, поэтому термин права личности объединяют права человека и права гражданина.

В современном мире права человека обозначены как Международный билль о правах [8]. Этот комплексный документ является международным стандартом, которому должны следовать государства и включает в себя: Всеобщую декларацию прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966).

Права гражданина — это реальные возможности удовлетворения интересов и потребностей, которые государство может обеспечить индивидам, стоит заметить они могут соответствовать или не соответствовать международным стандартам. Таким образом, личные конституционные права — “это имплементированные в российских конституционных нормах гражданские права человека. Во многих случаях они по содержанию тождественны гражданским правам, но в ряде случаев не могут быть признаны идентичными

[2, с. 34]. В отличие от других прав человека гражданским правам присущ индивидуальный, а не коллективный способ реализации.

Для западной классификации гражданских прав человека в сфере индивидуальной свободы характерно включения в состав этой группы права частной собственности. В таком случае проявляется имущественно - материальный характер гражданских прав [2, с. 50]. В работе Дж. Дик, Дж. Блейс и П. Мур «Гражданское право и государство. Экономические аспекты» приводятся определение частной собственности: «Трудовые ресурсы, природные ресурсы, капитальные ресурсы (например, оборудование и здания) а также товары и услуги, произведенные в экономике, принадлежат в значительно большей степени частным лицам и частным институтам, нежели государству. Подобная частная собственность в сочетании со свободой заключать обеспечиваемые законом договора, позволяет людям в очень широких пределах приобретать и использовать ресурсы по своему усмотрению». [3, с. 3].

Административно-правовое регулирование – это наиболее эффективный юридический институт, который может сочетаться с различными общественными отношениями [7, с. 265]. Нормативный аспект нормативно-правового регулирования подразумевает разработку и юридическое (в актах государственных органов) закрепление норм поведения людей и ведение определенных общественно значимых дел. Правовое регулирование понимается как разностороннее воздействие на общественное отношение, в связи с этим административно-правовое регулирование отношения собственности на землю - это «применение административно-правовых норм при государственном регулировании права собственности на землю, которое заключается в целенаправленном воздействии на поведение людей и общественные отношения с помощью правовых (юридических) средств государства, реализуемых специально уполномоченными государственными органами власти, а также органами местного самоуправления» [7, с. 266].

И. Трофимова отмечает, что регулирование — это такое воздействие, при котором ставятся ясно обозначенные цели, и, если целью являются упорядочение использования земли, то издается закон о земле, а воздействие норм земельного права позволяет реализовать поставленные цели [7, с. 266]. «Если же под воздействием законодательного акта или его норм наступают последствия, не предусмотренные законодательством, а в некоторых ситуациях и противоречащие целям законодателя, то такое воздействие не может считаться правовым регулированием. Так, под воздействием земельного законодательства возросли цены на земельные участки в Российской Федерации, увеличилось число сделок по поводу земли спекулятивного характера, совершаемых ради наживы, непроизводительного использования земли. Негативное влияние этого федерального закона о земле на общественные отношения нельзя назвать правовым регулированием, ибо это не входило в цели законодателя и не соответствует целям права - упорядочить

жизнь общества, обеспечить справедливый, разумный характер пользования такой ценностью, которой является земля» [7, с. 266].

Функция государственного регулирования прав граждан на недвижимое имущество в Российской Федерации реализуется с помощью перечня действий по осуществлению государственной кадастровой оценки земли (ГКОЗ). ГКОЗ проводится по отдельным категориям и видам функционального использования земли. В классификации функционального назначения земли установлено семь назначений (фондов) земель: сельскохозяйственного назначения, земли населенных пунктов, земли промышленного, транспортного и тому подобного назначения, природоохранного, рекреационного и историко-культурного назначения, земли лесного, водного фондов и земли запаса. Для каждой категории земель утверждены методическое и программное обеспечение, проведены практические расчеты и утверждены результаты кадастровой оценки земельных участков на всей территории Российской Федерации. ГКОЗ проводится для определения кадастровой стоимости земельных участков различного целевого назначения в целях внедрения экономических методов управления земельными ресурсами и повышения на этой основе эффективности использования земель.

Под администрированием отношений собственности на землю понимается применение «административно-правовых норм при государственном регулировании права собственности на землю, признание и переоформление земельных участков, государственную регистрацию прав на землю, государственный мониторинг и учет земель, государственный контроль и охрану земель, в том числе и тех, которые находятся в собственности граждан и юридических лиц» [7, с. 265].

В административно-правовом регулировании прав на землю в Российской Федерации участвуют не только органы государственной власти, но и органы местного самоуправления, так как право предоставления земель в собственность граждан и организаций установлено не только для органов государственной власти, но и для территориальных органов местного самоуправления [7, с. 267]. «Административно-правовое регулирование права собственности на землю можно определить, как целенаправленное воздействие государства на поведение людей и общественные отношения собственности, осуществляемые с помощью специальных правовых (юридических) средств и реализуемых уполномоченными органами государственной исполнительной власти, а также органами местного самоуправления» уточняет И. Трофимова [7, с. 267]. Согласно существующему законодательству административно-правовое регулирование земельных отношений делится на прямое и косвенное (Табл. 1).

Деление административно-правового регулирования земельных отношений по критериям прямое/косвенное.

Таблица 1

| № | прямое АПР                                                                 | косвенное АПР                                                                                                                                    |
|---|----------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1 | издание нормативно – правовых актов                                        |                                                                                                                                                  |
| 2 |                                                                            | определение и финансирование деятельности соответствующих федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ |
| 3 | управление земельными ресурсами:                                           |                                                                                                                                                  |
| 4 | резервирование или изъятие земель для государственных и муниципальных нужд |                                                                                                                                                  |
| 5 | контроль за использованием земель                                          |                                                                                                                                                  |
| 6 |                                                                            | регулирование охраны и целевого использования земель                                                                                             |
| 7 | применение санкций к правонарушителям в сфере земельных отношений.         |                                                                                                                                                  |
| 8 |                                                                            | разрешительная и регистрационная деятельность в сфере земельных отношений                                                                        |

В настоящее время определены стадии административно-правового регулирования собственности на землю для граждан. На первой стадии, нормы права ориентируют участников на достижение, поставленных ими целей, а также предупреждают о возможности наступления позитивных и негативных последствий в поведении людей. На второй стадии правового регулирования происходит индивидуализации, и конкретизация прав и обязанностей, граждане наделяются способами поведения, и, наконец, третья стадия правового регулирования характеризуется реализацией прав и обязанностей конкретных субъектов в конкретно правовой ситуации [7, с. 267]. Проведение работ, по государственной оценке земель является необходимым мероприятием.

Организация проведения ГКОЗ Осуществляется Федеральной службой государственной регистрации кадастра и картографии (Росреестр) и его территориальными органами. Орган, осуществляющий функции по государственной кадастровой оценке [9], проводит определение кадастровой стоимости объектов недвижимости в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом в функции которого входит нормативно-правовое регулирование оценочной деятельности.

### **Библиографический список**

1. Всеобщая декларация прав человека. – «Российская газета» от 10 декабря 1948 г.
2. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. Ф.М. Рудинского. – М., 2006.
3. Гражданское право и государство. – Экономические аспекты. – 2002.
4. Конституция Российской Федерации. – Собрание законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014 г. – № 31. – ст. 4398.
5. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – Режим доступа: <http://client.consultant.ru/site/list/?id=1010059513>. – Дата обращения 13.11.2020.
6. Мельников, В.Ю. Гражданин и его права в российском государстве / Ю.В Мельников. – Ростов н/Д: Издательство Фонд науки и образования, 2017.
7. Трофимова, И.А. Проблемы административно правового регулирования отношений собственности на землю. // Роль государства в обеспечении прав и свобод человека и гражданина в условиях экономического кризиса. – М., 2009. – С. 264-269.
8. «Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации» (постатейный). – (8-е издание, исправленное, дополненное и переработанное) (отв. ред. Ю.П. Орловский) «КОНТРАКТ». – 2019.
9. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998. – № 135-ФЗ. – «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998. – № 31. – ст. 3813.

### **ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

**В.О. Калишук**

*преподаватель кафедры политологии  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

Современные коммуникационные технологии и те модели политической коммуникации, которые строились на их базе, всегда играли значительную роль в контексте теоретического осмысления сущности такого явления как «цветные революции». Более того, можно утверждать, что их применение является неотъемлемым признаком изучаемого феномена.

В научной литературе как стран СНГ, так и запада до сих пор распространено мнение, что роль современных коммуникационных технологий и моделей политической коммуникации в широком спектре различных теоретических подходов к «цветным революциям» сводится к коммуникационному взаимодействию исключительно на базе СМИ и социальных сетей. Однако, на сегодняшний день, де-факто, развитие

коммуникационных платформ в целом и платформ политической коммуникации в частности шагнуло далеко вперед. Значительно увеличилась роль «новых СМИ» и остальных видов социальных медиа в процессе коммуникации как таковой. Стоит оговориться, что под «новыми СМИ» мы придерживаемся несколько переработанной трактовки данного понятия, предложенного белорусским журналистом А.А. Гадюшко и понимаем под ними «онлайн-платформы, где любой пользователь Интернета может участвовать в процессе создания, хранения и распространения социально значимой информации, адресованной широкой общественности» [1]. Под «новыми СМИ» мы понимаем «средства массовой информации, которые обладают следующими устойчивыми признаками: функционирование в системе Интернет; функционирование не только в социальной среде, но и на определенных программно-аппаратных платформах; функционирование на основе технологий Веб 2.0; участие пользователей в создании контента; коннективный тип распространения информации» [2].

В контексте «цветных революций» увеличение роли социальных медиа представляет особую актуальность. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что они значительно расширяют инструментарий субъектов-участников «цветных революций» и выступают в качестве дополнительных площадок для коммуникационного взаимодействия. Например, в качестве относительно неожиданного инструмента (и даже площадки) для политического противоборства (или воздействия на определенные социальные группы) могут выступать краудфандинговые виды социальных медиа. В качестве примера можно привести ситуацию, когда на Wikipedia редактируется информация о политических оппонентах из противоположного политического лагеря.

Стоит отметить, что относительно дискуссионным является вопрос определения реальной роли социальных медиа в контексте «цветных революций». С одной стороны, наиболее очевидным вариантом ответа на него видится определение социальных медиа как одного из инструментов реализации «цветных революций», т.е. постановка их на тот же уровень и определение той же функции какую, например, выполняли листовки или газеты в рамках классических социальных революций. С другой же стороны, видится и более широкий вариант ответа на данный вопрос, когда социальные медиа понимаются как детерминанта. Появление и развитие социальных медиа, по сути, изменило сущность коммуникационных процессов, следовательно, изменилась и сущность современных «цветных революций», которые теперь не только реализовываются на базе социальных медиа как площадках, но и в целом предопределяют саму возможность возникновения трансформационных процессов и даже детерминируются той коммуникацией, которая возникает на их основе. Тенденция на сетевизацию «цветных революций» (или даже появление новых их видов), весьма вероятно, также обусловлена именно вышеуказанными изменениями коммуникационных процессов. Безусловно, обозначенная проблематика требует более детального исследования, однако мы

склоняемся к тому, что однозначного ответа на данный вопрос получить не представляется возможным. По нашему мнению, наиболее точным будет вывод о двойственности роли социальных медиа, т.е. они одновременно выступают и как инструмент реализации «цветных революций» и как фактор трансформации самого феномена.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках научного осмысления проблематики феномена «цветных революций» в контексте современной политической коммуникации возникает проблема несоответствия теоретических исследований данной проблематики и процессов, протекающих на практике. Основным маркером, который иллюстрирует и подтверждает данное заключение, выступает уже отмеченное ранее наблюдение о широком использовании неактуального категориального аппарата в исследованиях, посвященных анализу «цветных революций».

### **Библиографический список**

1. Ефанова, Е.В. «Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России.» / Е.В. Ефанова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-instrument-publichnoy-politiki-v-sovremennoy-rossii>. – Дата доступа: 13.09.2019.
2. Носовец, С.Г. «Новые медиа: к определению понятия.» Коммуникативные исследования. – 2016. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-k-opredeleniyu-ponyatiya>. – Дата доступа: 10.04.2019.

## **ПУБЛИЧНЫЕ БЮДЖЕТНЫЕ СЛУШАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ**

**А.В. Карамышев**

*доцент кафедры государственного управления юридического факультета  
Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Как показывает мировая практика, публичные слушания (обсуждения) проектов местных бюджетов являются неотъемлемым критерием принципа бюджетной открытости и, в более широком плане, - важным элементом демократии, прежде всего, делиберативной («совещательной») демократии, роль которой возрастает. Делиберативная демократия рассматривается как форма правления, при которой формулирование политической повестки дня, рассмотрение спорных вопросов и принятие наиболее значимых политических решений в правовом государстве осуществляется с учетом предпочтений, выраженных делиберативным общественным мнением. Т.е. мнением

общественности, сформированным в соответствии с процедурой рационально аргументированного публичного дискурса, ориентированного на достижение консенсуса [1, с. 84].

Политико-правовая значимость такого рода обсуждений подтверждается на уровне Конституции Республики Беларусь. В соответствии со статьей 37 Основного Закона прямое участие граждан в решении государственных дел обеспечивается, в том числе, обсуждением вопросов местного значения на собраниях, другими способами. Конституция прямо связывает проведение обсуждений с такой организационно-правовой формой как собрания граждан. В то же время, Конституция не определяет ее как единственную и самодостаточную, ориентирует на развитие иных демократических институций.

В Законе Республики Беларусь от 12 июля 2000 года № 411-З «О республиканских и местных собраниях» (далее - закон о собраниях) они декларированы как основная форма непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства. Соответственно, местному собранию отведена роль основного института прямой демократии на уровне территорий. Как представляется, основной характер должен был проявиться в том, что собранию после местного референдума придавалась особая значимость с точки зрения таких критериев, как широкий круг вопросов, которые могут стать предметом рассмотрения собрания жителей, ориентированность на активное (с широким участием жителей) использование данной демократической формы, приоритетность и результативность непосредственного совместного обсуждения и принятия решений и выработки рекомендаций, предложений для местных органов власти, организационно-процедурная упорядоченность собраний.

Однако заложенная в законе о собраниях специфика праворегулирования, все же, не позволяет данные критерии полностью реализовать. Закон, «отрицая» перечневой метод Закона Республики Беларусь от 2 февраля 1988 года № 2010-XI «О народном обсуждении важных вопросов государственной жизни Республики Беларусь», прямо предусматривавшего возможность общественного обсуждения, в том числе, проектов решений местных Советов о бюджете, обозначает предмет собраний весьма широкими формулировками – «вопросы республиканского и местного значения», «вопросы, отнесенные к ведению органов местного управления и самоуправления», «оценка деятельности органов местного управления и самоуправления», «обсуждение вопросов и принятие по ним решений в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 года № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – закон о местном управлении и самоуправлении), «обсуждение других вопросов, затрагивающих интересы граждан соответствующей территории». Эти обобщенные позиции несут в себе известную сложность для понимания со стороны потенциальных инициаторов проведения собраний, которыми по закону являются граждане, органы территориального общественного



самоуправления, Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы. Предметная неконкретность делает правомочия малореализуемыми.

Применительно к бюджетированию данная проблема проявляется еще острее. Законодательство не создает необходимые правовые условия для общественного участия. Прежде всего, это относится к бюджетному законодательству. Формально-императивным ограничителем выступают положения, определяющие понятие бюджетного процесса и состав его участников. В соответствии со статьей 2 Бюджетного кодекса Республики Беларусь (далее - бюджетный кодекс) бюджетный процесс определяется как регламентируемая законодательством деятельность государственных органов, иных участников бюджетного процесса по составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению бюджетов, контролю за их исполнением, а также составлению, рассмотрению и утверждению отчетов об их исполнении. В статье 78 бюджетного кодекса установлен перечень участников бюджетного процесса. В последующих статьях кодекса систематизирована их бюджетная компетенция. Общественные институты в этой функциональной «схеме» никак не представлены. Общественное участие даже косвенно не обозначено и в тех статьях кодекса, которые посвящены вопросам организации составления проектов местных бюджетов.

На местном уровне также можно констатировать отсутствие организационно-юридического регулирования общественного участия в бюджетном процессе. Правовые акты, которые бы содержали соответствующие (материальные и процедурные) нормы, местными Советами не приняты, поскольку такое полномочие им прямо не предоставлено законом. Здесь по-прежнему сохраняется принцип *Ultravires*, в целом не характерный для регулирования местного самоуправления по Европейской хартии и законодательству государств, ее подписавших.

Закон о собраниях наряду с тем, что в общей канве никак не упоминает обсуждение проектов бюджетов в качестве предмета местных собраний, он в целом применяет императивное ограничение на принятие собраниями «бюджетных решений». Вдобавок к этому Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» содержит запрет общественного обсуждения бюджетного законодательства, что распространяется на проекты решений местных Советов о бюджете.

Необходимо преодолеть эту искусственно-запретительную парадигму. Общественные обсуждения местных бюджетов должны реализоваться как своего рода «опорный элемент» демократического местного самоуправления, получив обязательный статус, и проводиться именно как публичные слушания в формате собрания жителей или иного подобного мероприятия.

Весьма показательно, что данный принцип закреплён в обновленной в 2015 года редакции модельного закона СНГ «Об общих принципах организации местного самоуправления». В соответствии со статьей 26 закона вынесение на публичные слушания проекта местного бюджета и отчета о его

исполнении установлено в качестве обязательного. Порядок организации и проведения публичных слушаний должен предусматривать заблаговременное оповещение населения о времени и месте проведения публичных слушаний, заблаговременное ознакомление с проектом бюджета, другие меры, обеспечивающие участие населения в публичных слушаниях.

На сегодняшний день в законодательстве Республики Беларусь публичные слушания как форма общественного публичного обсуждения предусматриваются единственно как «парламентские слушания». Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.01.2019 № 56, ссылается на парламентские слушания как одну из форм публичного обсуждения проектов законов.

Как определено регламентами палат Национального собрания Республики Беларусь, парламентские слушания – форма деятельности, состоящая в заслушивании сообщений и мнений депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, представителей государственных органов и общественных объединений, экспертов и специалистов по конкретной проблеме или вопросу, относящимся к компетенции палат.

Формат репрезентативных слушаний позволяет предметно-акцентированно, всесторонне рассмотреть общественно значимый вопрос, выработать консенсусное решение. С учетом всего изложенного «собрание с участием населения» может рассматриваться как обобщенная формула проведения общественно-профессиональных публичных бюджетных слушаний с участием заинтересованных граждан, депутатов и должностных лиц органов местного управления, представителей средств массовой информации. Конкретными формами могут быть слушания по проекту бюджета непосредственно в форме собраний жителей; рассмотрение проекта бюджета на открытом расширенном заседании профильной депутатской комиссии местного Совета с участием жителей, представителей организаций гражданского общества. Для большей эффективности возможно последовательное сочетание данных форм.

Общественные обсуждения (публичные слушания) проектов местных бюджетов и отчетов об исполнении бюджетов как обязательный составной элемент бюджетного процесса должны быть закреплены в бюджетном кодексе. Важно также отметить следующее. Публичные слушания по проекту местного бюджета необходимо и целесообразно проводить в определенной «связке» с общественным обсуждением проектов социально-экономических планов и программ (комплексов/планов мероприятий), возможно, как единые публичные слушания. Соответствующие положения и иные базовые критерии (обязательность проведения, обеспечение результативного информационно-интерактивного подготовительного этапа, непосредственное присутствие заинтересованных граждан в месте проведения мероприятия и др.) должны быть определены в законе о местном управлении и самоуправлении. Более

детально порядок проведения публичных слушаний должен быть урегулирован нормативными правовыми актами местных Советов депутатов.

В общих чертах это может выглядеть следующим образом. Участникам публичных слушаний предоставляются для ознакомления проекты решений, вынесенных на публичные слушания, и материалы, приложенные авторами (инициаторами); заключения на проекты решений; предложения, замечания и поправки, поступившие к указанным проектам; иные дополнительные материалы по тематике публичных слушаний.

Предложения, замечания и поправки, поступившие от граждан при проведении публичных слушаний, а также рекомендации публичных слушаний в обязательном порядке рассматриваются исполнительным и распорядительным органом, Советом депутатов с участием заинтересованных лиц с предоставлением им права совещательного голоса.

### **Библиографический список**

1. Золотарева, Е.В. Концептуальные основы делиберативной демократии // Вестник РУДН, серия Политология. – 2013. – №1. – С. 84-94.

## **К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ**

**В.В. Кванина**

*заведующий кафедрой предпринимательского,  
конкурентного и экологического права  
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»,  
доктор юридических наук, профессор*

**Е.С. Уланова**

*начальник юридического отдела  
ООО «Второй автобусный парк»*

В современный период сфера экологизации агропромышленного производства в странах-участницах ЕАЭС имеет общие для них проблемы: большая доля эрозионно-опасных сельхозугодий, загрязненность тяжелыми металлами, крайне малый объем экологически чистой продукции и продовольствия и др. [1, с. 27]. Решение отдельных проблем в данной сфере лежит, в том числе, в плоскости «экологического предпринимательства», «зеленой экономики», «зеленых закупок» и пр.

Легальное определение экологическому предпринимательству дано в ст. 1 Модельного закона об основах экологического предпринимательства, принятого в г. Санкт-Петербурге 13 июня 2000 года Постановлением 15-6 на 15-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, под которым понимается производственная, научно-исследовательская, кредитно-финансовая деятельность, деятельность по

производству товаров, выполнению работ и оказанию услуг, имеющая целевым назначением обеспечение сохранения и восстановления окружающей среды и охрану природных ресурсов.

Прежде всего, критическую оценку вызывает содержание понятия «экологическое предпринимательство». Как указано выше, его цель ограничена обеспечением сохранения и восстановления окружающей среды и охраны природных ресурсов. Представляется, что только этим экологическое предпринимательство не ограничивается. Например, сегодня активно развиваются сферы предпринимательской деятельности по производству органической продукции. Целью такого производства является удовлетворение потребностей граждан в экологически чистой продукции (каждая страна – участница ЕАЭС даже приняла специальное законодательство в сфере производства органической пищевой продукции). При этом способы производства такой продукции снижают вредное воздействие на природные ресурсы. В этой связи, в странах Евросоюза к экологическому предпринимательству относится не только производство товаров и услуг, непосредственно направленное на сохранение окружающей среды (ликвидация и утилизация отходов, снижение уровней шума и электромагнитных излучений и пр.), но и использование в предпринимательской деятельности экологически чистых технологий, минимизирующих использование сырья и загрязнение природы [2, с. 68].

Ярким примером вида экологического предпринимательства является набирающий популярность экологический туризм, под которым понимается разновидность туризма, осуществляемая на особо охраняемых территориях национальных парков, в целях обеспечения их устойчивого экономического развития, за счет создания условий для комплексного развития инвестиционной, туристской, социальной, культурной деятельности с учетом особенностей ландшафта, специфики охраны природы и антропогенной нагрузки на эту естественную территорию, а также использования экологически «чистых» технологий [3, с. 82]. В данном случае заметим, что в настоящий период экологический туризм осуществляется не только на охраняемых территориях национальных парков, но и на территориях, не относящихся к данной категории. Особенно это направление проявило себя в условиях пандемии COVID-19.

Таким образом, экологическое предпринимательство значительно шире определения, закрепленного в Модельном законе об основах экологического предпринимательства. Отсутствие в нем упоминания об экологическом туризме, о производстве органической продукции как видах экологического предпринимательства соответственно привело и к отсутствию в нем критериев и требований к экологическому туризму, производству органической продукции.

Одной из основных целей организации ЕАЭС стало стремление государств создать единый рынок товаров, работ и услуг. В сфере экологического

предпринимательства конкретных мер по созданию такого рынка, к сожалению, на сегодня не предлагается. Каждая страна самостоятельно разрабатывает комплекс мер по поддержке предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере охраны окружающей среды. Более того, отсутствует единый подход и к понятийно-категориальному аппарату. Так, например, в России в нормативных актах термин «экологическое предпринимательство» не используется, а в Кыргызской Республике употребляется термин «зеленая экономика» [4]. Между тем, в условиях кризиса, в том числе связанного с пандемией COVID-19, требуется усиление роли государств в разрешении общенациональных проблем [5, с. 205].

Таким образом, экологическое предпринимательство сегодня – это активно развивающаяся сфера предпринимательства, от результатов которого зависит сохранение здоровья целых наций и будущих поколений. Однако проблемы экологического предпринимательства не могут разрешаться автономно. Оно имеет прочную связь с иными видами предпринимательской деятельности, например, инновационной, инвестиционной. Интеграционные процессы требуют единого подхода государств к вопросам содержания данного понятия, его принципов и видов, требований к субъектам экологического предпринимательства, а также мер государственной поддержки и стимулирования развития экологического предпринимательства. Сегодня ЕАЭС располагает множеством правовых инструментов решения подобных задач. Представляется, что в данном случае может быть принят межгосударственный стандарт, который создаст правовую основу для активного развития экологического предпринимательства в странах Евразийского экономического союза.

### **Библиографический список**

1. Егорова, Е.А. Интеграция Беларуси, Казахстана и России в аграрной сфере в рамках Таможенного союза: дис. ... канд. эк. наук. – М., 2012. – 224 с.
2. Рыженков, А.Я. Правовые проблемы развития экологического предпринимательства в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 1. – С. 66 – 70.
3. Тихомирова, А.В. Экологический туризм // Вестник ЮУрГУ. –Серия «Право». – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 80–83.
4. Концепция зеленой экономики в Кыргызской Республике «Кыргызстан - страна зеленой экономики», утв. постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 28 июня 2018 года № 2532-VI: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/83126?cl=ru-ru>. Дата обращения: 13.11.2020.
5. Портанский, А.П., Судакова, Ю.М., Ларионов, А.В. Предпосылки мирового экономического кризиса и его начало весной 2020 г. в связи с

## **ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ**

**Г.К. Киселевская**

*старший научный сотрудник отдела исследований  
в области государственного строительства и международного права  
Института правовых исследований  
Национального центра законодательства и правовых исследований Республики  
Беларусь*

Закрепление в Конституции Республики Беларусь права на участие в культурной жизни, свободы художественного, научного, технического творчества и преподавания свидетельствует не только о признании большой роли культуры, и важности реализации человеком прав в сфере культуры в интересах его личности, общества и государства, но и о том, что государство выступает гарантом реализации человеком прав в сфере культуры, и взяло на себя обязательство содействовать развитию культуры (ст. 51 Конституции Республики Беларусь). В ст.ст. 15, 51 Конституции Республики Беларусь говорится, что государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь, и содействует развитию культуры, научных и технических исследований на благо общих интересов. В ст. 32 Конституции Республики Беларусь прямо указывается на то, что государство берет на себя обязательство создавать необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в культурном развитии [1].

Осуществление государством закрепленных в Конституции Республики Беларусь положений происходит путем претворения в жизнь государственной политики в сфере культуры, а также посредством издания законодательных актов и целенаправленной деятельностью государственных органов, направленных на реализацию человеком его прав в области культуры.

Действующая в современной Беларуси система органов государственного управления в сфере культуры на законодательном уровне была заложена еще до принятия Верховным Советом БССР Декларации о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и провозглашения Республики Беларусь независимым государством. Так, Постановлением Совета Министров БССР от 22.08.1988 № 245 (ред. от 21.03.1991) «О генеральной схеме управления Министерства культуры БССР» было произведено переподчинение непосредственно Министерству культуры БССР находившихся ранее в непосредственном подчинении Государственного

комитета БССР по кинематографии предприятий, организаций и учреждений, кроме контор по прокату кинофильмов и передача из подчинения Министерства культуры БССР в подчинение управлений культуры облисполкомов и Минского горисполкома ряда учреждения культуры и искусства [2].

В Республике Беларусь Министерство культуры является республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в сфере культуры и координирующим в этой сфере деятельность других республиканских органов государственного управления и местных исполнительных и распорядительных органов областного и базового территориального уровней. Кроме этого, в компетенцию Министерства культуры входит «определение общей стратегии развития сферы культуры; обеспечение сохранения, развития, распространения и (или) популяризации белорусской национальной культуры и языка; обеспечение прав и свобод, защита законных интересов граждан в сфере культуры; содействие обеспечению общедоступности культурной деятельности и культурных благ, повышению их качества; создание условий для развития юридических лиц всех форм собственности, осуществляющих культурную деятельность; оказание методической помощи по осуществлению культурной деятельности организациям культуры и другим субъектам культурной деятельности; обеспечение подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников культуры, педагогических работников учреждений образования в сфере культуры, разработка и реализация мер по социальной защите работников культуры и творческих работников; осуществление сотрудничества с органами территориального общественного самоуправления, общественными объединениями, в том числе творческими союзами, и иными юридическими лицами, гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями; содействие развитию культур национальных общностей, которые проживают в Республике Беларусь; осуществление международного сотрудничества в сфере культуры, обеспечение поддержки белорусов зарубежья в сфере культуры» [3].

В систему Министерства культуры входят структурные подразделения облисполкомов, Минского горисполкома, осуществляющие государственные властные полномочия в сфере культуры, и подчиненные государственные организации [3]. Осуществление и реализация на территории г. Минска государственной политики в сфере культуры, возложена на управление культуры Минского городского исполнительного комитета, в областях и областных центах эту функцию выполняют управления культуры облисполкомов.

Сложившаяся система органов государственного управления в сфере культуры, на наш взгляд является логичной, с широким кругом полномочий, однако в нынешних условиях не всегда эффективной. Для выхода на качественно новый уровень на сегодняшний день требуются глобальные

трансформации в подходах к реализации государственной политики в сфере культуры, а также полномочиях государственных органов.

Как отмечают исследователи, культура, не бывает безнациональной, но, на наш взгляд, на сегодняшний день она все больше носит наднациональный характер. Основываясь на менталитете определенного народа, сохраняя традиции, культура не статична не только в рамках одного народа, но она постоянно меняется и развивается под воздействием культур других народов. При этом, культура и искусство всегда являлись универсальным языком общения людей и народов, поколений, а с учетом достигнутого прогресса, развития цифровых технологий, процессов глобализации, этот процесс взаимного воздействия стал проще и носит массовый характер. Мы видим, что искусство и культура отдельных народов, государств, взаимодействуют и непрерывно воздействуют друг на друга и служат производными для нового, что не укладывается в рамки культуры одной нации.

В Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств № 47-5 «Межкультурный диалог стран Содружества: состояние, перспективы и правовое обеспечение» (вместе с «Модельным кодексом о культуре для государств-участников СНГ»), принятом в г.Санкт-Петербурге 13.04.2018, отмечается, что в настоящее время сложилась эффективная практика взаимодействия Республики Беларусь в отдельных областях культуры со странами Содружества Независимых Государств, заложенных Соглашением о сотрудничестве в области культуры от 15 мая 1992 года, Соглашением о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2006 года, Концепцией сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере культуры от 19 мая 2011 года, Решением Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2015 года об Основных мероприятиях сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в области культуры на 2016 - 2020 годы [4].

Однако необходимо создавать благоприятные условия для развития культурных связей, культурного обмена и сотрудничества Республики Беларусь в области искусства и культуры, охраны и рационального использования памятников и других объектов культурно-исторического наследия, и других видов культурной деятельности, как в рамках Содружества Независимых Государств, так и в рамках сотрудничества с другими государствами, в том числе и с государствами членами Европейского Союза и Евразийского экономического союза.

На сегодняшний день мы имеем дело как с новыми вызовами, возникшими в результате процесса глобализации и цифровизации, совершенствования маркетинга, развитием и появлением новых форм взаимодействия с аудиторией, так и с увеличением финансовых трудностей при финансировании культуры, вызванных, в том числе, и экономическим кризисом. Назрела необходимость переосмыслить функции государственных органов управления



в сфере культуры. С учетом вышеназванных факторов, необходимо адаптировать их работу в новых условиях, повысить уровень подготовки кадров в сфере культуры и культурного менеджмента в целом. В отношении культуры, в виду ее специфичности и значимости для личности, общества и государства, следует руководствоваться не принятой сейчас количественной оценкой культурных мероприятий, а делать акцент на качество и долгосрочные результаты.

Исходя из того, что культура признается одним из факторов благополучия общества, а также приоритетности неотъемлемых прав личности, в том числе на культурную самобытность, свободу творчества, культурную деятельность, удовлетворение духовных потребностей и приобщение к культурным ценностям мы приходим к выводу, что необходимы преобразования на всех уровнях государственного управления.

### **Библиографический список**

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. О генеральной схеме управления Министерства культуры БССР [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров БССР, 22 авг. 1988 г., № 245 (ред. от 21.03.1991) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Вопросы Министерства культуры (вместе с «Положением о Министерстве культуры») [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 17 янв. 2017 № 40 (ред. от 10.08.2020) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21700040>. – Дата доступа: 24.11.2020.
4. Межкультурный диалог стран Содружества: состояние, перспективы и правовое обеспечение [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств, 13 апр. 2019 г., № 47-5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

# **ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УКРАИНЫ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА**

**Т.А. Коваленко**

*профессор кафедры земельного и аграрного права  
Института права*

*Киевского национального университета им. Тараса Шевченко,  
доктор юридических наук, доцент*

25 сентября 2015 года была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года», которая объявляет новый план действий, ориентированный на вывод мира на траекторию устойчивого и жизнестойкого развития, и включает 17 целей устойчивого развития и 169 задач. Среди приоритетных целей устойчивого развития на следующие 15 лет – преодоление голода, достижение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства (цель № 2).

Украина, как и другие страны-члены ООН, присоединилась к глобальному процессу обеспечения устойчивого развития. Для установления стратегических рамок национального развития Украины на период до 2030 года начат инклюзивный процесс адаптации Целей устойчивого развития. В частности, 30 сентября 2019 года Президент Украины издал Указ «О Целях устойчивого развития Украины на период до 2030 года», согласно которого в целях обеспечения национальных интересов Украины по устойчивому развитию экономики, гражданского общества и государства для достижения роста уровня и качества жизни населения Президент постановил обеспечивать соблюдение Целей устойчивого развития Украины на период до 2030 года, в частности по преодолению голода, достижению продовольственной безопасности, улучшению питания и содействию устойчивому развитию сельского хозяйства.

Устойчивое развитие сельского хозяйства Украины предусматривает органическую взаимосвязь экологической, экономической и социальной составляющих. Начиная с 1990 года в Украине было принято более трех десятков нормативно-правовых актов, направленных на устойчивое развитие сельского хозяйства Украины. Однако их эффективность является низкой; предусмотренные в них меры, направленные на преодоление кризисного состояния в аграрной экономике и социальной сфере села, практически не имеют соответствующих механизмов реализации; конституционное право граждан на достаточное питание остается законодательно не обеспеченным. Так, по данным Национального отчета Украины за 2017 год «Цели устойчивого развития Украины» украинская диета является несбалансированной, поскольку на продукты животноводства приходится 28% потребляемых калорий, по сравнению с оптимальным уровнем 55%. Средний уровень потребления мяса и мясопродуктов в Украине составляет 64% от рекомендованного уровня, молока и молочных продуктов – 55%, а рыбы и рыбных продуктов – 43%.

Законодательно установленный минимальный уровень заработных плат, стипендий, пенсий не достаточен для обеспечения полноценного питания человека. В частности, в 2009 году в связи с изложением статьи 8 Закона Украины «О личном крестьянском хозяйстве» в новой редакции подавляющее большинство крестьян – членов личных крестьянских хозяйств было признано лицами, обеспечивающими себя работой самостоятельно. Начиная с 2013 года согласно статье 4 Закона Украины «О занятости населения» от 5 июля 2012 года члены личных крестьянских хозяйств принадлежат к занятому населению, при этом не конкретизируется, что такая работа для них должна быть основной. Соответственно, такие лица не могут быть зарегистрированы в качестве безработных и лишаются права на государственную социальную защиту.

Согласно Концепции Государственной целевой программы устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 года, которая была одобрена распоряжением Кабинета Министров Украины от 3 февраля 2010 года, предполагалось обеспечить охрану окружающей среды и экологическую безопасность в результате: выведения из интенсивного возделывания деградированных, малопродуктивных и техногенно загрязненных сельскохозяйственных угодий; развития органического сельскохозяйственного производства; организации, разработки и обеспечения выполнения планов использования земельных, лесных и водных ресурсов; оптимизации землепользования в результате усовершенствования системы регистрации прав собственности на землю и другое недвижимое имущество. Однако указанные меры в полной мере реализованы не были. Так, согласно Закона Украины «Об основных принципах (стратегии) государственной экологической политики Украины на период до 2030 года» от 28 февраля 2019 года состояние земельных ресурсов Украины близко к критическому: водной и ветровой эрозией поражены около 57% территории Украины; более 12% территории государства испытывают подтопления; загрязненными являются около 20% земель Украины; ежегодно фиксируется почти 23 000 случаев оползней; более 150 000 га земель нарушены в результате горнодобывающей и других видов деятельности. Причины возникновения такой ситуации носят комплексный характер, среди которых: нарушение экологически сбалансированного соотношения между категориями земель, уменьшение территории уникальных степных участков, чрезмерная распашка территории и нарушение естественного процесса почвообразования, использование несовершенных технологий в сельском хозяйстве и др.

Одной из существенных современных проблем сельского хозяйства Украины является нестабильность конкурентных позиций отечественной сельскохозяйственной продукции на внешних рынках из-за незавершенности процессов адаптации к европейским требованиям качества и безопасности пищевых продуктов, в результате чего доля экспорта продукции пищевой промышленности является значительно меньшей, чем доля экспорта

сельскохозяйственного сырья. В последнее время можно отметить определенные положительные тенденции совершенствования законодательного регулирования экологизации аграрного производства в Украине, в частности: в 2014 году был изложен в новой редакции Закон Украины «Об основных принципах и требованиях к безопасности и качеству пищевых продуктов» от 22 июля 2014 года; в 2016 году был принят Закон Украины «О побочных продуктах животного происхождения, не предназначенных для потребления человеком» от 7 апреля 2015 года, в 2017 году были приняты законы Украины «О безопасности и гигиене кормов» от 21 декабря 2017 года и «О государственном контроле за соблюдением законодательства о пищевых продуктах, кормах, побочных продуктах животного происхождения, здоровье и благополучии животных» от 18 мая 2017 года; в 2018 году был изложен в новой редакции Закон Украины «Об основных принципах и требованиях к органическому производству, обращению и маркировке органической продукции» от 10 июля 2018 года. В то же время остаются неурегулированными вопросы транспортировки и утилизации ГМО, регистрации ГМО, которые используются в сельском хозяйстве и пищевой промышленности; не разработана система экономического стимулирования производства продовольственного сырья и продуктов детского питания и т.д.

С целью преодоления указанных выше негативных тенденций и обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства в Национальном докладе «Цели Устойчивого развития: Украина», подготовленном Министерством экономического развития и торговли Украины в 2017 году, предусмотрены следующие меры: повышение уровня инвестиционной привлекательности аграрного сектора; стимулирование создания малых хозяйств (площадь до 50 га), в том числе семейных ферм; техническая модернизация сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности; содействие наращиванию экспорта продовольствия с высокой добавленной стоимостью, в частности путем завершения адаптации украинского законодательства к требованиям ЕС в сфере сельского хозяйства; создание четкого механизма регулирования рынка органической продукции и сырья, надлежащей системы ее сертификации; обеспечение стабильности, прогнозируемости и прозрачности системы государственной поддержки аграрного сектора путем внедрения среднесрочного бюджетного планирования и выделении на поддержку сельхозпроизводства не менее 1% от объема валового выпуска продукции сельского хозяйства и т.д. Внедрение этих мер будет возможным и эффективным лишь при условии усовершенствования действующего аграрного законодательства Украины в указанных сферах и учета рекомендаций аграрно-правовой науки.

# **ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**Н.И. Ковальчук**

*доцент кафедры трудового и социального права  
юридического факультета*

*Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,  
кандидат юридических наук, доцент*

Сравнительный анализ предоставления крестьянским (фермерским) хозяйствам (далее – КФХ) для осуществления их деятельности земельных участков из государственной или муниципальной собственности будет полезен с целью совершенствования правового регулирования земельных отношений в России и Республике Беларусь.

Фермерские хозяйства по законодательству этих стран, хотя и образуются на семейной основе, но имеют разный правовой статус [1]. Если по ФЗ от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в России фермерское хозяйство представляет собой объединение граждан на основе соглашения, то по одноименному Закону Республики Беларусь от 18 февраля 1991 года № 611-XII - это коммерческая организация. Поэтому субъектом прав на земельный участок в РФ являются члены КФХ, а в РБ - само КФХ как юридическое лицо. Согласно ст. 86.1 ГК РФ допускается создание КФХ как юридическое лицо, но только теми гражданами, которые уже ведут совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании КФХ. В этом случае земельный участок является собственностью юридического лица. Земельный участок как объект недвижимости, являющийся основным средством производства в сельском хозяйстве, более определенное правовое положение имеет в организации со статусом юридического лица.

Основания и порядок предоставления земельных участков из государственных или муниципальных земель для деятельности фермерского хозяйства устанавливаются Земельным кодексом РФ от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ и ФЗ от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Детальное урегулирование порядка предоставления земельных участков на столь высоком уровне, с одной стороны, перегружает кодифицированный акт, а с другой, предоставляет субъектам большие гарантии в приобретении земельных участков. В статье 35 Кодекса Республики Беларусь о Земле от 23 июля 2008 года № 425-З установлено, что предоставление земельных участков, находящихся в государственной собственности, осуществляется на основании решений об изъятии и предоставлении земельных участков, а порядок этой процедуры урегулирован Президентом Республики Беларусь.

После создания КФХ его члены, граждане РФ, могут приобрести из государственных или муниципальных земель земельные участки в общую

совместную собственность или по соглашению между ними в общую долевую собственность. Членам КФХ в России также предоставляются земельные участки в безвозмездное пользование или на основе договора аренды. Иностранцы граждане и лица без гражданства, как в РФ, так и в Республике Беларусь могут иметь сельскохозяйственные земельные участки только на праве аренды.

Фермерские хозяйства в Республике Беларусь могут иметь земельные участки на ограниченных вещных правах или обязательственных правах, поскольку земли сельскохозяйственного назначения не могут быть в частной собственности. Земельные участки сельскохозяйственного назначения согласно статьям 13-16 Кодекса Республики Беларусь предоставляются в пожизненное наследуемое владение (только гражданам Республики Беларусь), постоянное пользование, временное пользование и аренду.

По статье 40 Кодекса Республики Беларусь после государственной регистрации КФХ земельный участок предоставляется ему по выбору в постоянное пользование или аренду либо главе этого хозяйства в пожизненное наследуемое владение или аренду в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь. Когда земельный участок предоставляется главе хозяйства на праве пожизненного наследуемого владения, КФХ как юридическое лицо не может одновременно стать субъектом прав на этот же земельный участок. С другой стороны, гражданин получает земельный участок на праве пожизненного наследуемого владения не для личных целей, а как глава фермерского хозяйства для его деятельности. Это связывает главу КФХ обязательством обеспечить использование земельного участка фермерским хозяйством со статусом юридического лица. Представляется, что такая конструкция земельных отношений неустойчива, более уязвима, нежели напрямую предоставление земельного участка КФХ юридическому лицу на праве постоянного пользования.

В России на ограниченных вещных правах земельные участки фермерскому хозяйству не предоставляются. Однако, предоставленные до введения в действие ЗК РФ, продолжают использоваться на этом праве, хотя могут быть приобретены в собственность или аренду по льготной цене, а в случаях, установленных в региональном законодательстве, бесплатно.

Из государственных и муниципальных земель КФХ РФ могут получать земельные участки в собственность, аренду на аукционе или без торгов, за плату или бесплатно. Земельные участки предоставляются КФХ без проведения торгов на праве собственности согласно подп. 8, 9, 10 ч. 2 ст. 39.3 ЗК РФ или аренды в соответствии с подп. 12, 15, 31 п.2 ст. 39.6 ЗК РФ.

Особенности предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, фермерским хозяйствам для осуществления их деятельности установлены ст. 39.18 ЗК РФ. Главой фермерского хозяйства подается заявление о предоставлении земельного участка в орган местного самоуправления, последний обеспечивает

опубликование в средствах массовой информации извещения о предоставлении земельного участка для указанных целей. Считается, что это порядок предоставления земельного участка без аукциона. И это так, если отсутствуют другие заявления о намерении приобрести этот земельный участок, тогда с главой КФХ заключают договор купли-продажи или договор аренды земельного участка. Но при поступлении заявлений от иных граждан по поводу получения этого же земельного участка, проводится аукцион [2].

По общему правилу в Республике Беларусь земельные участки, находящиеся в государственной собственности, предоставляются по результатам аукционов. Применительно к КФХ аукцион может проводиться только на право заключения договора аренды. При этом, без проведения аукционов земельные участки могут предоставляться в случаях, устанавливаемых Президентом Республики Беларусь.

Процедура предоставления фермерскому хозяйству земельного участка в Республике Беларусь начинается с подачи заявления гражданами, пожелавшими создать КФХ, в соответствующий районный исполнительный комитет о подтверждении возможности размещения КФХ и предполагаемом месте размещения земельного участка для ведения фермерского хозяйства. То есть, прежде чем будет сформирован земельный участок, требуется согласовать его местоположение с органами власти.

Согласно ст. 40 Кодекса Республики Беларусь районный исполком, принимая решение, обеспечивает преимущество в получении земельного участка при прочих равных условиях фермерским хозяйствам, создаваемым лицами, зарегистрированными в населенном пункте, расположенном на территории соответствующего сельсовета, а также членам (работникам) реорганизуемых или ликвидируемых сельскохозяйственных организаций. Такое преимущество обеспечивает трудовую занятость местного сельского населения Республики Беларусь.

Российское законодательство направлено на привлечение населения в сельскую местность, испытывающую нехватку рабочей силы, поэтому поощряет переселяющихся для создания фермерских хозяйств в малонаселенные муниципальные районы. Для этого гражданам, объединившимся в КФХ, земельные участки предоставляются в безвозмездное пользование до шести лет, если они осуществляют деятельность в муниципальных образованиях, определенных субъектом РФ (подп. 6 п. 2 ст. 39.10 ЗК РФ). При использовании земельного участка в соответствии с разрешенным использованием в течение пяти лет, он предоставляется гражданам бесплатно (п. 4 ст. 39.5 ЗК РФ).

В России и Республике Беларусь земельные участки, предоставляемые фермерским хозяйствам, образуются, в первую очередь, из земель фонда перераспределения. В России он формируется из земель, приобретенных РФ, субъектом РФ или муниципальным образованием за счет земель, собственники

от которых отказались, а также из невостребованных земельных долей в праве общей собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения.

В обеих странах идет ориентация на долгосрочную аренду, что способствует надлежащему поддержанию качества сельскохозяйственных земель со стороны арендатора. Сроки аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения установлены в РФ от трех до сорока девяти лет для сельскохозяйственного производства, а для сенокошения и выпаса скота - до трех лет. В Республике Беларусь срок аренды земельного участка для ведения сельского хозяйства не может быть менее десяти лет, но не должен превышать девяноста девяти лет, а временное пользование земельными участками КФХ установлено на срок до десяти лет.

Земельные участки, предоставляемые КФХ, не должны быть малы по размеру, поскольку фермерское хозяйство занимается предпринимательской деятельностью. Но разные регионы России обладают неодинаковым количеством сельскохозяйственных земель, поэтому Закон о КФХ предоставляет право субъектам РФ установить в своих законах предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, которые можно предоставить фермерскому хозяйству. Например, в соответствии с п.1 ст. 7 Закона Омской области эти предельные размеры земельных участков составляют от 0,04 га до 300 га.

Фермерские хозяйства России могут приобретать земельные участки не только из государственных или муниципальных земель, но и по гражданско-правовым сделкам с частными лицами. Поэтому общее количество сельскохозяйственных угодий, находящихся у КФХ на праве собственности, не может превышать установленный для гражданина максимальный размер общей площади сельскохозяйственных угодий, которые расположены на территории одного муниципального района. Это ограничение устраняет земельный монополизм и способствует конкуренции, что положительно сказывается на развитии сельского хозяйства.

Поскольку в Республике Беларусь сельскохозяйственные земли не могут находиться в частной собственности, то ограничитель устанавливается для владения землями на праве пожизненного наследуемого владения и только в части предоставления государственных земель, не более 100 гектаров.

Площадь земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, одновременно находящихся в аренде у одного арендатора, в том числе фермерского хозяйства, не ограничивается обеими странами.

Анализ правового регулирования предоставления земельных участков для КФХ из государственных и муниципальных земель в России и Республике Беларусь показывает, что оно осуществляется земельным законодательством, а не нормативными актами, определяющими статус крестьянских (фермерских) хозяйств.



### **Библиографический список**

1. Тихомиров, М.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (постатейный). – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2015.
2. Устюкова, В.В. Предоставление земельных участков для ведения фермерского хозяйства: новые подходы // Журнал российского права. –2016. – № 1. – С. 42 – 46.

## **К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС**

**К.В. Колесникова**

*доцент кафедры экологического, земельного и трудового права,  
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Одной из составляющих как национальной, так и наднациональной безопасности признана экологическая безопасность и рациональное природопользование, обеспечение которых, на наш взгляд, в значительной степени зависит от объемов финансирования охраны окружающей среды и природопользования. Эффективное и достаточное финансирование указанной сферы, безусловно, является основополагающим фактором формирования эколого-безопасного пространства.

Достижение должного уровня экологической безопасности должно быть не только целью деятельности отдельных стран, но и вполне может реализовываться в рамках союза государств. Механизм обеспечения экологической безопасности должен включать правовые и экономические аспекты.

При этом финансирование мероприятий в области охраны окружающей среды и рационального природопользования само по себе является неотъемлемой частью обеспечения экологической безопасности.

Законодательство государств ЕАЭС не содержит определения экономического механизма охраны окружающей среды.

Т.В. Петровой отмечается, что действующий правовой механизм финансирования деятельности по охране окружающей среды базируется на сочетании двух основных принципов: принципа платности природопользования, в том числе за негативное воздействие на окружающую среду, и принципа участия публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований) в финансовом обеспечении планируемых ими мер по охране окружающей среды [1, с. 28].

Надо отметить, что сказанное применимо и к правовому регулированию механизма финансирования охраны окружающей среды для всех государств-участниц ЕАЭС.

Можно, конечно не согласится с такой позицией автора, так как платежи за пользование природными ресурсами в РФ не направляются непосредственно на финансирование экологически значимой деятельности, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал компенсационный характер платежей за негативное воздействие на окружающую среду. В отличии, скажем от Республики Беларусь, где средства, получаемые от пользования природными ресурсами, имеют целевой характер, то есть направляются на охрану окружающей среды.

Необходимо отметить отсутствие каких-либо многосторонних договоров, соглашений, заключенных в рамках ЕАЭС, целью которых являлось бы регулирование природопользования и охрана окружающей среды. В самом Договоре о Евразийском Экономическом Союзе, подписанном в г. Астане 29 мая 2014 года, нет специальных норм, регулирующих отношения в интересующей нас области. Однако это не означает, что за все годы существования Союза не возникала необходимость в подобных правовых установлениях.

В соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств - участников СНГ 2013 г. финансирование совместных мероприятий и программ предполагалось осуществлять из бюджетов соответствующих государств, а также за счет привлечения внебюджетных источников на договорной основе.

Как мы видим, из бюджета самого СНГ финансирование данных мероприятий не предполагалось, да и понятие внебюджетных источников также не раскрывается.

Из анализа Договора о Евразийском Экономическом Союзе также явственно следует, что из бюджета ЕАЭС конкретные мероприятия не финансируются.

Доходы бюджета Союза формируются за счет долевого взносов государств-членов Союза, а расходы направляются лишь на финансирование деятельности органов Союза и проведение заседаний.

Учитывая стоящие перед мировым сообществом экологические вызовы, и учащающиеся в последнее время техногенные катастрофы, данный подход представляется нам в корне неверным. Правительства стран, входящих в ЕАЭС, должны учитывать не только экономические выгоды от свободного перемещения товаров и услуг, которые дает объединение по макроэкономическому принципу, но и увеличивающиеся возможности предотвращения и ликвидации экологических угроз в регионе. К тому же положительный экономический эффект от совместного использования природных ресурсов, включая возможности выгодного инвестирования в данную сферу также очевиден.

В этой ситуации остается только рассчитывать на эффективную реализацию принципа гармонизации национального законодательства стран-участниц, в том числе при регулировании исследуемых нами отношений. Однако, из анализа текста Договора о Евразийском Экономическом Союзе, явственно следует, что сама гармонизация не является задачей, которую ставят перед собой участники. Представляется, что установление единых принципов, касающихся экономического механизма в данной сфере и выработка единых инструментариев финансирования охраны окружающей среды и рационального природопользования должны стать насущной проблемой стран, входящих в ЕАЭС.<sup>25</sup>

### **Библиографический список**

1. Петрова Т.В. Финансирование в сфере охраны окружающей среды: новые и традиционные подходы // Экологическое право. – 2010. – № 6. – С. 28 - 33.

## **КОНВЕРГЕНЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ**

**Л.А. Краснобаева**

*доцент кафедры государственного управления  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

На уровне современного законодательства происходит проникновение частноправового метода регулирования в публичную сферу общественных отношений, а публично-правового – в частную. Как указывает Т.Н. Михалева, юридическая конвергенция – это процесс сближения в праве, который отражает взаимодействие отдельных элементов национальной правовой системы в форме повышения степени связанности и согласованности правового регулирования общественных отношений [1, с. 243].

Следует учитывать, что в процессе юридической конвергенции данные отношения не растворяются друг в друге, не образуют нового правового феномена, а сохраняют свою юридическую сущность, отраслевые специфические особенности и системные признаки [2, с. 34.]. Юридическая сущность конвергенции административного и гражданского права обеспечивает упорядочение общественных отношений посредством сочетания частноправовых и публично правовых методов их регулирования.

---

<sup>25</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект 20-511-00015 Бел\_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского Экономического Союза».

Близким по значению к государственным услугам являются социальные услуги, которые являются частью публичных услуг. По общему мнению, публичная услуга – это «выраженная в нормах права и гарантированная государством целенаправленная деятельность государственных органов по удовлетворению прав и законных интересов физического или юридического лица и иницирующего, осуществляемая в интересах общества и обладающая социальной значимостью» [3; 4].

В самом общем виде определение «услуга» дано в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 года № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», где услугой признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности. Следует отметить, что отношения в сфере государственных закупок (работ, услуг) регулируются Гражданским кодексом Республики Беларусь, т.е. охватываются частноправовыми отношениями, несмотря на то, что возникают в сфере административно-публичной деятельности. А.В. Барков полагает, что социальные услуги это «материальные блага отвечающие требованиям гражданско-правовой услуги и представляющие собой деятельность или действия, требующие договорного режима вне зависимости от условий ее оказания и оплаты в целях социального содействия лицу в преодолении трудной жизненной ситуации» [5, с. 9]. Л.К. Терещенко к социальным услугам относит такие услуги, которые реализуются в определенной сфере деятельности – в здравоохранении, культуре, образовании, науке [6, с. 18]. В обзоре практики разработки стандартов государственных и муниципальных услуг Российской Федерации указывается, что «социально-культурная бюджетная услуга – услуга по удовлетворению духовных, интеллектуальных потребностей и поддержание нормальной жизнедеятельности потребителя, направленная на поддержание и восстановление здоровья, духовное и физическое развитие личности, повышение профессионального мастерства». Здесь же дано определение и материальной услуги как «услуги по удовлетворению материально-бытовых потребностей потребителя (получателя) услуг» [7, с. 6]. Можно согласиться, что «социальные услуги – все виды услуг, в сфере реализации социальных прав, оплата которых полностью или частично производится за счет средств бюджета» [8, с. 4; 9, с. 12.]

Понятие социальной услуги в Республике Беларусь закреплено Законом Республики Беларусь от 22 мая 2000 года № 395-З «О социальном обслуживании» и под услугой понимается деятельность в области социального обслуживания. Законом Республики Беларусь от 11 ноября 1999 года № 322-З «О государственных минимальных социальных стандартах» социальные услуги подразделяются на бесплатные и общедоступные. Перечень и виды социальных услуг регулируются Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 года № 1218 «О некоторых вопросах оказания социальных услуг» и к ним относятся консультационно-информационные услуги,

социально-бытовые услуги, социально-педагогические услуги, социально-психологические услуги и социально-реабилитационные услуги. Таким образом, анализ законодательства показывает, что социальными услугами в Республике Беларусь признаются только услуги в сфере социального обеспечения.

Термин «услуга» достаточно часто встречается в иных нормативных правовых актах. Так Закон Республики Беларусь от 16 июля 2008 года № 405-З «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» оперирует понятием жилищно-коммунальные услуги как услуги по поддержанию и (или) восстановлению надлежащего санитарного и (или) технического состояния жилых домов, оказываемые в соответствии с договорами. Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-XII «О здравоохранении» обозначает, что под медицинской услугой понимается «медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, а также иные действия, выполняемые при оказании медицинской помощи». Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 года № 243-З не дает понятия «образовательной услуги», а только указывает на возможность оказания услуг в сфере образования и на основании договора о платных услугах (статья 77). При этом законодатель определяет, что на данные отношения распространяются правила статьи 733 Гражданского Кодекса Республики Беларусь. Указ Президента Республики Беларусь от 18 июня 2020 года № 227 «Об оказании охранных услуг» и Закон Республики Беларусь от 8 ноября 2006 года № 175-З «Об охранной деятельности в Республике Беларусь» не обозначают собственно понятие «охранной услуги», а перечисляют их виды. Несмотря на обладание всеми известными признаками государственных услуг, существует полемика в вопросе определения правовой природы охранных услуг и отнесения их к государственным. Например, ряд исследователей, [10, с. 21] считают охранные услуги предпринимательской деятельностью, а другие, в зависимости от инициатора взаимодействия, считают её государственной функцией [11; 12; 13]. В работе мы придерживаемся второй позиции и полагаем, что охранные услуги являются государственными социальными услугами. Это подтверждается тем, что субъекты, осуществляющие охранную деятельность, реализуют социальную функцию государства в сфере обеспечения конституционных прав граждан на неприкосновенность собственности. Также возможно сформулировать и определение охранной услуги как деятельности субъектов охранной деятельности по реализации функции охраны объектов (имущества) физических и юридических лиц, осуществляемой по запросам заявителей в пределах полномочий, установленных нормативными правовыми актами. По аналогии, медицинские, образовательные и коммунальные услуги обеспечиваются государственным управлением и направлены на реализацию социальных прав и свобод граждан, а значит могут считаться государственными социальными услугами.

Таким образом, по своему содержанию вышеперечисленные отношения лежат в плоскости административного права, являются публично-правовыми, реализуются и охраняются государственными органами управления, но обеспечиваются посредством гражданско-правового метода путем заключения гражданско-правового договора. Из общеизвестных признаков характерных для гражданского права таких как безусловное наделение лиц субъективными гражданскими правами; правовая инициатива; имущественная самостоятельность, на наш взгляд, диспозитивность и равенство сторон исключаются наличием властного субъекта. Можно определить, что отношения, возникающие между частными субъектами, являются гражданско-правовыми и регулируются сугубо гражданско-правовыми договорами, а отношения, возникающие между органами государственного управления и частными субъектами (гражданином, организацией) являются административно-правовыми отношениями и на них распространяются административно-договорные отношения, в этом случае они могут быть закреплены путем заключения не гражданско-правовых договоров, а административных соглашений. Республика Беларусь нуждается в концепции административной реформы. Одной из многочисленных целей модернизации и регламентации является правовое закрепление качества и доступности государственных социальных услуг и повышение эффективности деятельности местных органов управления в данной области.

#### **Библиографический список**

1. Михалева, Т.Н. Юридическая конвергенция // Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества: сборник тезисов докладов II Международной конференции, Минск, 2 июня 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – С.243–247.
2. Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / / Н. М. Коршунов. – М.:НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – с. 238, [1]
3. Морозова, Е.В. Публичные услуги: теоретико-правовой аспект:автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.В. Морозова; Рос. ун-т кооп. – Мытищи, 2009. – 22 с.
4. Талапина, Э., Тихомиров Ю. Публичные функции в экономике // Право и экономика. - М.: Юрид. Дом "Юстицинформ", 2002. – № 6. – С. 3-9.
5. Барков, А.В. Творческое развитие идеи А. Г. Быкова о социальном предназначении предпринимательства в концепции правового регулирования рынка социальных услуг/ / Предпринимательское право. – 2013. – № 3. – С. 9-13.
6. Терещенко, Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. - 2004. - №10 - С.5-23
7. Маковецкая, С.Г. Обзор практики разработки стандартов государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: [http://ibb-d.by/wp-content/uploads/2020/01/Rossiya\\_Obzor-praktiki-razrabotki-standartov-sotsuslug.pdf](http://ibb-d.by/wp-content/uploads/2020/01/Rossiya_Obzor-praktiki-razrabotki-standartov-sotsuslug.pdf) – Дата доступа 5.11.2020

8. Путило, Н.В. Публичные услуги между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журнал российского права - 2007. - №6. - С.3-10

9. Субботин, Г. В. Социальные услуги: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.01 / Г.В.Субботин; Моск. новый юрид. ин-т -Москва, 2011. -25 с.

10. Дмитриева, О.В. Некоторые вопросы ответственности подразделений вневедомственной охраны // Охрана-97: Тез. докл. всерос. науч.-практ. конф.- Воронеж: Воронеж. высш. шк. МВД России, 1997. - 159 с.

11. Маликова, О.И. Административно-правовое регулирование охраны имущества в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / О.И. Маликова; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2009. - 35с.

12. Романов, Р. А. Государственные услуги в сфере обеспечения общественной безопасности: правовые и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.14 / Р.А. Романов; Всерос. НИИ Мин. внутрен. дел РФ. – М., 2012. - 30 с.

13. Хатуаев, В.У. Административно-правовая система обеспечения имущественной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / В.У.Хатуев ;Моск. гос. юрид. акад. – М., 2005. - 47 с.

## **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО СЕРВИТУТА**

**Г.В. Красуцкий**

*судья суда Минского района Минской области*

Законодательство Республики Беларусь в качестве правовой формы использования земли выделяет сервитут, под которым в силу ст. 1 кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) понимается право ограниченного пользования чужим земельным участком, устанавливаемое для обеспечения прохода, проезда, прокладки и эксплуатации газопроводов, нефтепроводов, воздушных и кабельных линий электропередачи, связи и других подобных сооружений, обеспечения водоснабжения и мелиорации, размещения геодезических пунктов, а также иных целей, которые не могут быть обеспечены без предоставления такого права. Согласно ст. 45 КоЗ земельный сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления земельного сервитута, и землепользователем обременяемого им земельного участка. В случае недостижения соглашения об установлении и (или) условиях земельного сервитута спор разрешается судом по иску заинтересованного лица.

Стоит констатировать, что в настоящее время нормы законодательства предусматривают возможность установления сервитута или по соглашению

сторон или по постановлению суда, но ни в одном, ни в другом случае закон не содержит критериев, которыми следует руководствоваться для определения наличия либо отсутствия правовых оснований для его установления. Кроме того, в правовом регулировании отношений по установлению сервитута имеется ряд иных правовых неопределенностей, в связи с чем можно согласиться со следующим мнением Н. Г. Станкевич: «... в законодательстве отсутствует целостный подход к установлению системы земельных сервитутов и их классификации. Так, ГК Республики Беларусь (п. 1 ст. 268), Кодекс Республики Беларусь о земле (ч. 2 ст. 13) перечисляют некоторые конкретные виды сервитутов, устанавливая, в основном, их хозяйственную направленность... Перечень целей, для которых устанавливается сервитут, законодательством не ограничен. Ими могут быть и иные нужды, которые невозможно обеспечить без установления сервитута (сервитуты прогона скота через участок, создания защитных насаждений, различных природоохранных объектов и др.)» [1, с. 132].

Учитывая, что в науке земельного права достаточно много дискуссионных вопросов в отношении земельного сервитута, поэтому считаем необходимым остановиться лишь на некоторых из них.

Так, согласно ст. 57 Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» документами, являющимися основанием для государственной регистрации возникновения сервитута, являются: договор, предусматривающий установление сервитута на недвижимое имущество; судебное постановление. Документ, являющийся основанием для государственной регистрации возникновения сервитута, должен содержать описание его сущности, границ, а также срок действия и размер платы, если они установлены. Обоснованно отмечает О. А. Хотько: «При установлении земельного сервитута у лица, в пользу которого он устанавливается, возникает право пользования земельным участком в определенных пределах и данное обстоятельство не вызывает сомнений в том, что сервитут следует считать ограниченным вещным правом» [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что неотъемлемым элементом сервитута являются его границы, с помощью которых можно определить в натуре пределы ограничения прав землепользователя, в отношении участка которого установлен сервитут. Соответственно, действующее законодательство не позволяет установить сервитут в отношении земельных участков, границы которых на местности не установлены, либо в случае, когда фактические границы не соответствуют юридическим, поскольку в нарушение ст. 57 вышеназванного закона документ, являющийся основанием для государственной регистрации возникновения сервитута, не будет содержать достоверное описание его границ. Как следствие, невозможно определить площадь сервитута и размер платы за него.



Полагаем, данное обстоятельство свидетельствует об искусственном ограничении прав субъектов земельных отношений, выраженном в том, что невозможность установления сервитута обусловлена отсутствием зарегистрированных границ либо совершением смежными землепользователями действий, повлекших нарушение границ. В то же время в обоих случаях лицо, заинтересованное в установлении сервитута, в зависимости от конкретных обстоятельств или не имеет объективной возможности устранить существующие препятствия или ограничен в выборе правовых механизмов для этого, которые в свою очередь являются достаточно сложными и затратными.

Еще одним проблемным вопросом при установлении сервитута является порядок определения размера платы за него.

В соответствии с ч. 3 ст. 19 КоЗ землепользователь земельного участка, обремененного земельным сервитутом, вправе, если иное не установлено законодательными актами, требовать от лица, в пользу которого установлен земельный сервитут, плату за пользование земельным участком, размер которой определяется по соглашению сторон, а при недостижении соглашения - судом. Согласно ч. 5 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2011 № 9 «О практике рассмотрения судами земельных споров» размер платы за пользование земельным сервитутом устанавливается судом в зависимости от вещного права на земельный участок, обременяемый сервитутом, срока действия сервитута и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Очевидно, что вышеприведенные нормы права не дают однозначного ответа на вопрос о том, каким образом должен быть определен размер платы за пользование земельным участком, обремененного сервитутом, то есть законодатель закрепил исключительно субъективный подход к решению данного вопроса.

Как отмечает В.В. Подгруша, «размер платы, как правило, призван компенсировать ограничения в пользовании недвижимым имуществом, обремененным сервитутом» [3]. Полагаем возможным согласиться с указанной точкой зрения, поскольку в силу исключительного характера установления сервитута и его целей, плата за пользование земельным участком должна быть соразмерной тем ограничениям, которые будет вынужден испытывать землепользователь. В то же время представляется очевидным тот факт, что в законе не целесообразно определять ни минимальный, ни максимальный размер платы, поскольку это не будет соответствовать принципу диспозитивности отношений, а также создаст искусственное ограничение для разрешения соответствующего спора судом. Вместе с тем, считаем необходимым имплементировать разъяснения вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в законодательство, дополнив их, и закрепить в КоЗ норму об открытом перечне критериев для определения судом размера платы за пользование земельным участком, обремененного

земельным сервитутом, которые следовало бы учитывать для всесторонней оценки ее компенсационной функции. На наш взгляд, это позволит закрепить в правовой норме положительный опыт правоприменительной деятельности.

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования сервитутных отношений предлагаем следующие дополнения в КоЗ, которые будут способствовать сокращению правовой неопределенности земельного законодательства:

- закрепить положение о том, что отсутствие в Едином государственном регистре недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним сведений о зарегистрированных правах на обременяемые сервитутом земельные участки (в связи с выдачей правоудостоверяющих документов в соответствии с законодательством об охране и использовании земель до 1 февраля 2006 года) и (или) о координатах характерных точек границ таких земельных участков не является препятствием для установления сервитута, за исключением случаев, когда имеются споры о правах на такие земельные участки, исключающие возможность достоверно определить землепользователя и границы обременяемого сервитутом земельного участка;

- закрепить в КоЗ норму о критериях для определения судом размера платы за пользование земельным участком, обремененного земельным сервитутом, к которым помимо вещного права на этот земельный участок, срока действия сервитута, могут быть отнесены: категория земель; целевое назначение земельного участка; площадь земельного участка, обремененного сервитутом, и ее соотношение с площадью всего участка; кадастровая стоимость; размер налога на землю; средний размер арендной платы на аналогичные земельные участки в соответствующей местности; фактическое использование земельного участка, не противоречащее закону; характер ограничений, возникающих в связи с установлением сервитута, и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

### **Библиографический список**

1. Станкевич, Н.Г. Вещные права на землю: Монография / Н. Г. Станкевич. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 160 с.
2. Хотько, О.А. Земельный сервитут – право или ограничение (обременение) прав на земельные участки? [Электронный ресурс] / О. А. Хотько. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/105609>. – Дата доступа: 16.10.2020.
3. Подгруша, В.В. Правовое регулирование и судебная практика установления и прекращения сервитутов [Электронный ресурс]: [по состоянию на 19.10.2006] / В.В.Подгруша // Консультант Плюс Беларусь. / ООО «ЮрСпектр» . – Минск, 2020.

# **РОЛЬ АГРАРНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

**И.П. Кузьмич**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В настоящее время в Республике Беларусь сформировалась комплексная правовая основа для развития сельских территорий, которая объединяет не только отдельные нормы, но и правовые механизмы, нацеленные на поддержку как традиционных (таких как, ведение крестьянского (фермерского) хозяйства, личного подсобного хозяйства граждан, социальная сфера села), так и новых для сельской местности общественных отношений (связанных с созданием агрогородков, производством органической продукции, распространением агроэкотуризма, ремесленной деятельностью и др.). При этом правовое обеспечение устойчивого развития сельских территорий, уже давно выделившись в качестве самостоятельного направления правового регулирования, является предметом исследования преимущественно науки аграрного права, поскольку, находясь в тесной взаимосвязи со сферой сельскохозяйственного производства, сельские территории выступают, не менее значимым, наряду с сельским хозяйством, объектом заботы со стороны государства в рамках проводимой аграрной политики, оказывая влияние тем самым на содержание и структуру отрасли аграрного права.

Следует отметить, что аграрная политика Республики Беларусь с первоначального этапа своего формирования неразрывно связана с развитием сельской местности. Одним из первых законов, принятых в период становления Беларуси как независимого государства, был Закон «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса» от 29 мая 1991 года, № 822-XII. Именно в рамках реализации положений данного закона начался процесс создания новой правовой основы, базирующейся на изменении соотношения приоритетов и признания села в качестве равнозначного объекта государственного регулирования, наряду со сферой агропромышленного производства.

На данный момент можно с уверенностью утверждать, что роль аграрной сферы, и в первую очередь сельского хозяйства, заключается не только в реализации экономической, но и в не меньшей степени экологической и социальной функций. Следует отметить, что в сельской местности проживает 22 процента населения республики, а численность работников, занятых в сельском хозяйстве, составляет около 300 тыс. человек [1]. При этом сельское хозяйство до настоящего времени остается основным источником дохода, для сельского населения, гарантией поддержания социального благополучия и надлежащего санитарно-гигиенического состояния сельских территорий в целом. В этой связи правовое обеспечение устойчивого развития сельского

хозяйства и сельских территорий закономерно взаимосвязаны между собой, что находит непосредственное подтверждение в многочисленных актах действующего аграрного законодательства. Так, в Указе Президента Республики Беларусь «О государственной аграрной политике» от 17 июля 2014 года № 347 обеспечение устойчивого развития сельских территорий закреплено в качестве одной из основных целей государственной аграрной политики. «Осуществлять устойчивое развитие территории сельской местности, стимулировать занятость сельского населения и повышать уровень его жизни» – ключевая цель в рамках деятельности Правительства, что обозначено в Директиве Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 года № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли». Согласованная агропромышленная политика в рамках Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 года) проводится в целях обеспечения развития сельской местности в интересах населения каждого государства-члена. При этом подчеркивается, что при проведении согласованной агропромышленной политики государства-члены учитывают особый характер деятельности в области сельского хозяйства, обусловленный не только производственной, экономической, но и социальной значимостью отрасли.

В результате, если на первоначальном этапе объектом исследования в рамках аграрно-правовой науки выступала преимущественно социальная сфера села, то в настоящее время правовое обеспечение реализации концепции устойчивого развития привело к существенному расширению предмета аграрного права, с учетом четко выраженной нацеленности государственной аграрной политики на устойчивое развитие сельских территорий. В контексте данной концепции лежит понимание значимости села как определенной и относительно самостоятельной социально-территориальной подсистемы, выполняющей широкий спектр народнохозяйственных функций: демографических, культурных, рекреационных, природоохранных и многих других (а не только, как источника трудовых ресурсов для сферы агропромышленного производства и территориального базиса для его размещения). В итоге понятие «сельская местность» получило законодательное закрепление. Одновременно шел процесс совершенствования правового статуса и появления новых видов сельских населенных пунктов (аггородков), формирования правовой основы по установлению особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности на территории сельских населенных пунктов, жилищного строительства в сельской местности. Появление новых правовых дефиниций и их активное использование в законодательстве существенно обогатило понятийный аппарат науки аграрного права, способствуя активизации исследований в данной сфере. С учетом стремительной модернизации аграрной отрасли, с одной стороны, и высокими рисками возникновения новых угроз, связанных с проблемами обеспечения экологической, продовольственной, ветеринарной и фитосанитарной безопасности, с другой стороны, возникает потребность в своевременном

реагировании и поиске новых путей развития для сельской местности в целях поддержания баланса в условиях постоянно меняющихся социально-экономических отношений. «Деревня будущего», «родовые поместья», «зеленая» экономика, органическое сельское хозяйство – это тепроекты, идеи и направления, с которыми в настоящее время связывают ближайшие перспективы развития сельских территорий, частично уже получившие законодательное оформление.

Формированию самостоятельного аграрно-правового института, посвященного устойчивому развитию сельских территорий, способствовало не только активное развитие аграрного законодательства, но и многочисленные научные исследования специалистов в области аграрного права. Проблемы правового обеспечения развития социальной сферы села и сельских территорий нашли отражение в трудах таких известных ученых, как М.И. Козырь [2], И.А. Бобылев [3], И.А. Фаршатов [4], представлены в многочисленных научных публикациях отечественных представителей аграрно-правовой науки: И.П. Кузьмич [5; 6; 7; 8], Н.А. Шингель [9; 10], В.В. Саскевич [11] и многих других ученых [12; 13; 14].

Наличие результатов научных исследований, связанных с правовым обеспечением устойчивого развития сельских территорий, нашло закономерное отражение и в учебной программе по курсу «Аграрное право». Данная учебная дисциплина преподается на юридическом факультете Белорусского государственного университета студентам, обучающимся на специальности «Правоведение» и «Экономическое право», способствуя формированию у них понимания основ государственной аграрной политики в контексте реализации концепции устойчивого развития с учетом тесной взаимосвязи аграрной отрасли и сельских территорий.

Все вышеизложенное свидетельствует, что аграрно-правовая наука вносит существенный вклад в правовое обеспечение устойчивого развития сельских территорий, выделяя данную совокупность правовых норм в качестве самостоятельного правового института, базируясь на применении междисциплинарного и комплексного подхода в процессе исследования данной совокупности общественных отношений, способствуя тем самым повышению эффективности их правового регулирования, а также развитию аграрного законодательства с учетом не только экономического, но экологического и социального воздействия на сельскую местность.

### **Библиографический список**

1. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли[Электронный ресурс]: Директива Президента Республики Беларусь, 4 марта 2019 г., № 6 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Козырь, М.И. Правовое обеспечение социального развития и устойчивого развития сельскохозяйственных территорий / М. И. Козырь // Аграрное и земельное право. – 2008. - № 10. - С. 36-46.
3. Бобылев, А.И. Теоретические вопросы правового регулирования социального развития села / А. И. Бобылев // Аграрное и земельное право. – 2007. - № 12. – С. 73-75.
4. Фаршатов, И.А. Проблемы правового регулирования общественных отношений в сферах материального, социально-культурного, коммунально-бытового обслуживания сельского населения: застройки сел. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Фаршатов И. А. - М., 1992. - 34 с.
5. Правовые проблемы обеспечения устойчивого развития сельских территорий и эффективного функционирования агропромышленного комплекса / И.П. Кузьмич [и др.]; под общ. ред. И.П. Кузьмич. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – 480 с.
6. Кузьмич, И.П. Правовое обеспечение развития социальной сферы села: сравнительно-правовой аспект / И.П. Кузьмич // Право в современном белорусском обществе: сб.науч.тр. Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2011. - Выпуск 6. – С. 334-343.
7. Кузьмич, И.П. Социальная сфера села как самостоятельный объект правового регулирования: теоретико-правовой аспект / И.П. Кузьмич // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. - № 4. – 2011. – С. 52-59.
8. Кузьмич, И.П. Эффективное правовое регулирование экономических отношений с участием граждан как основа устойчивого развития сельских территорий / И.П. Кузьмич // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей. В 2 т. Т. 2 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; ред.кол.: В.И. Бельский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – С. 40-45.
9. Шингель, Н.А. Правовые проблемы планирования социально-экономического развития в АПК / Н.А. Шингель // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Вып. 7. – Минск, Бизнесофсет, 2012. – С. 431-435.
10. Шингель, Н.А. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий / Н.А. Шингель // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 23 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – С. 165 – 177.
11. Саскевич, В.В. К вопросу о правовом обеспечении устойчивого развития села и малых городских поселений / В.В. Саскевич // Правовое обеспечение устойчивого развития / Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины : Круглый стол, 9 апреля 2010 г. – Гомель, 2010 г. – С. 235 – 238.

12. Анисимов, А.П. Правовые проблемы обеспечения устойчивого развития сельских территорий / А.П. Анисимов // Аграрное и земельное право. – 2008. - № 8. – С. 60-62.

13. Чичкин, А.В. Проблемы правового регулирования социального развития села / А.В. Чичкин // Аграрное и земельное право. – 2005. - № 8. – С. 149-150.

14. Воронин, Б.А. Право сельского населения на достойные условия жизни – конституционное право сельского населения / Б. А. Воронин // Аграрное и земельное право. – 2011. - № 2. – С. 77-84.

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**Э.Л. Лещина**

*доцент кафедры теории государства и права,  
конституционного и административного права  
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Одним из действенных правовых средств обеспечения добросовестного выполнения государственными служащими своих служебных (должностных) обязанностей, предотвращения нарушения ими законности и дисциплины выступает дисциплинарная ответственность, под которой предлагается понимать «предусмотренное правовой нормой особое правовое состояние, которое наступает вследствие совершенного дисциплинарного проступка или иного правонарушения, когда компетентный орган или должностное лицо от имени государства требует от подчиненного ему члена административного коллектива дать отчет о совершенном им противоправном деянии (бездействии) и возлагает на него в установленной процессуальной форме предусмотренные законодательством меры дисциплинарного принуждения (взыскания), а виновное лицо обязано претерпеть эти лишения и их дополнительные отрицательные последствия в целях воспитания правонарушителей, общей и частной превенции дисциплинарных проступков» [1. с. 43].

Основы дисциплинарной ответственности государственных служащих Республики Беларусь установлены Главой 8 Закона Республики Беларусь № 204-З от 14.06.2003 «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее № 204-З). Фактическим основанием дисциплинарной ответственности выступает неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине государственного служащего возложенных на него служебных обязанностей, превышение должностных полномочий, нарушение трудовой и

исполнительской дисциплины, а равно несоблюдение установленных ограничений, связанных с государственной службой (ст. 56 № 204-3).

Порядок привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности в науке административно-процессуального права именуется дисциплинарным производством, в рамках которого субъект дисциплинарной власти (наниматель, его представитель, уполномоченный руководитель) при выявлении случаев совершения проступков лицом, находящимся в непосредственном или организационном подчинении, проводит в установленном порядке разбирательство для подтверждения наличия или отсутствия фактов нарушения законности, дисциплины, соблюдения ограничений, запретов и обязанностей, связанных со службой, решения вопроса о возможности (невозможности) применения дисциплинарного взыскания к лицу, в отношении которого ведётся данное производство.

Характеристику существующего порядка привлечения государственных служащих Республики Беларусь к дисциплинарной ответственности проведем применительно к основным элементам процессуальной формы производства по дисциплинарным делам. Процессуальная форма является одной из основных категорий науки административного процесса, «это система процессуальных норм, закрепляющих совокупность требований, предъявляемых к действиям участников процесса» [2, с. 299]. Конструктивными элементами процессуальной формы производства по дисциплинарному делу выступают: цели и принципы производства; его участники, круг их прав и обязанностей; подведомственность дел, отдельных вопросов, действий; сроки совершения процессуальных действий; виды и источники доказательств; система, виды и порядок совершения процессуальных действий; порядок фиксации совершенных действий и принятых решений; гарантии прав участников; порядок доведения принятого решения по делу.

Что касается целей (задач) производства по дисциплинарному делу, то они, применительно к служебной проверке, определены в п. 2 Инструкции о порядке проведения служебных проверок в органах внутренних дел и внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утв. Постановлением Министерства внутренних дел РБ № 294 от 30.12.2002 – это своевременное, всестороннее, полное и объективное исследование дисциплинарных проступков сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Как видится, в ходе дисциплинарного производства на первый план выступает задача установления обстоятельств дела, доказывание наличия или отсутствия юридически значимых фактов и обстоятельств, их правовая оценка.

Что касается принципов наложения дисциплинарных взысканий, то в законе № 204-3 нашли свое закрепление следующие: 1) законность; 2) обоснованность; 3) справедливость; 4) гуманизм; 5) равенство перед законом; 6) ответственность за вину; 7) компетентность. Приведенный перечень, применительно к производству по дисциплинарным делам, может



быть дополнен в законодательства следующими принципами: 1) публичность; 2) единство юридических прав и обязанностей; 3) презумпция невиновности; 4) состязательность сторон.

Порядок и сроки применения дисциплинарных взысканий, органы, руководители, правомочные применять дисциплинарные взыскания, порядок обжалования, снятия и погашения дисциплинарных взысканий определяются законодательством о труде и иными актами законодательства (ч. 4 ст. 57 № 204-ФЗ). Как видится, на этом правовая регламентация производства по дисциплинарным делам государственных служащих Республики Беларусь в базовом законе о государственной службе заканчивается. К «иным актам законодательства», опираясь на п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РБ № 4 от 28.06.2012 «О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников», мы можем отнести утвержденные в установленном законодательством порядке для отдельных категорий работников дисциплинарные уставы и положения о дисциплине, Типовые правила внутреннего трудового распорядка, утвержденные постановлением Министерства труда Республики Беларусь от 5 апреля 2000 года № 46, другие нормативные правовые акты (в том числе локальные - коллективные договоры, должностные инструкции, инструкции по охране труда и технике безопасности и т.п.).

Трудовой Кодекс Республики Беларусь № 296-З от 26.07.1999 определяет общий порядок (ст. 199) и сроки наложения дисциплинарных взысканий (ст. 200) в отношении работников. Следует отметить, что порядок дисциплинарной ответственности трудящихся Республики Беларусь в основном аналогичен порядку применения дисциплинарных взысканий к работникам согласно Трудовому кодексу РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ст. 192 – 193). Это касается таких вопросов, как: а) оснований применения дисциплинарного взыскания; б) определения момента обнаружения дисциплинарного проступка; в) обязательности затребования объяснения от работника; г) определения сроков давности наложения дисциплинарного взыскания; д) наложения дисциплинарного взыскания в приказе (ином письменном акте); е) доведение акта о наложении дисциплинарного взыскания до работника.

Однако в этих элементах, несмотря на внешнее тождество, имеют место и содержательные различия. Это касается: 1) срока для предоставления объяснения работником (в РФ для этого дается два рабочих дня, в ТК Республики Беларусь этот срок не определен); 2) последствий нарушения порядка ознакомления работника с приказом о наложении дисциплинарного взыскания (в Республике Беларусь работник, не ознакомленный с приказом (распоряжением), постановлением о дисциплинарном взыскании, считается не имеющим дисциплинарного взыскания, в РФ подобные правил отсутствуют).

Круг субъектов и участников производства по дисциплинарному делу, их права и обязанности, подведомственность дел, определяются «иными актами законодательства». Здесь важным моментом является наличие или отсутствие

законодательных гарантий для государственного служащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности. В частности, может быть установлено право: а) ознакомиться с документами, на основании которых проводится разбирательство, служебная проверка; б) пользоваться помощью представителя; в) ознакомиться с заключением проверки и иными собранными материалами (за исключением сведений, составляющих государственную тайну) до рассмотрения дела о дисциплинарном проступке. Также требуется закрепление круга иных субъектов и участников производства и определение их административно-процессуального статуса.

Как видится, помимо видов доказательств, собранных при проведении служебной проверки - объяснений, справок, заявлений, данных осмотров, заключений и пояснений (п. 27 Инструкции о порядке проведения служебных проверок в органах внутренних дел и внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь), в законодательстве должны определяться порядок их собирания, документального фиксирования, а также порядок совершения определенных проверочных действий, по крайней мере, в рамках служебной проверки.

Что касается установления процессуальных сроков, то в законодательных актах только определяются сроки для наложения дисциплинарного взыскания и срок давности привлечения к дисциплинарной ответственности. В Законе Республики Беларусь № 296-З могут быть определены сроки назначения, проведения, продления, утверждения заключения служебной проверки, рассмотрения ходатайств и возражений государственного служащего, в отношении которого проверка проводится.

При утверждении заключения служебной проверки руководителем решается вопрос о возможности наложения дисциплинарного взыскания на виновного, и здесь, как таковая, стадия решения дела отсутствует. Порядок доведения решения по дисциплинарному делу определяется ст. 199 Трудового Кодекса Республики Беларусь – ознакомление с приказом о наложении взыскания осуществляется в пятидневный срок. Оспаривание наложенного дисциплинарного взыскания, согласно нормам ТК Республики Беларусь, осуществляется последовательно.

Если сопоставить существующий в Республике Беларусь порядок дисциплинарной ответственности государственных служащих и работников с закрепленным в Постановлении ЦИК СССР, СНК СССР 13 октября 1929 года (утв. Постановлением ЦИК СССР от 08.12.1929) «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик», то мы здесь найдем много общего. Также у исследователя вызывают вопросы о субсидиарном применении законодательства о труде к государственно-служебным отношениям. Как видится, в законе о государственной службе должен быть определен порядок дисциплинарной ответственности государственных служащих, закреплены основные элементы процессуальной формы производства по дисциплинарному делу. Это будет способствовать

формированию полноценного служебного дисциплинарного законодательства и служебного права, уходу от трудовправовой модели государственной службы, в т.ч. и от советской доктрины государственной службы, воплощенной в советском трудовом праве и законодательстве, под влияние которой попадали и госслужащие Республики Беларусь.

### **Библиографический список**

1. Лещина, Э.Л. Дисциплинарная ответственность в административном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 34-43.
2. Бахрах, Д.Н. Административное право России: учебник. – М.: Эксмо, 2011. – 624 с.

## **ОБЪЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА**

**В.Е. Лизгаро**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Многоуровневый характер связей, имеющих место и вновь образующихся во внутригосударственном масштабе и во взаимодействии на межгосударственном и надгосударственном уровнях позволяет говорить о формировании новых сфер правового регулирования. Например, цель Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) – формирование «единого экономического пространства, состоящего из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура» [1]. Однако, формирование «единого экономического пространства» и «общего (единого) рынка» как совокупности экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы неизбежно вторгается в сферу экологических отношений [2]. Так, в соответствии со статьёй 52 Договора о ЕАЭС вводимые в рамках технического регулирования технические регламенты Союза и стандарты направлены на защиту в том числе окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения. Такие технические регламенты имеют прямое действие на территории Союза. На включение в сферу правового регулирования Договора экологических отношений указывают также нормы, посвященные мерам нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору о ЕАЭС). На их основе Коллегией

Евразийской экономической комиссии введены такие единые меры нетарифного регулирования, как запрет либо разрешительный порядок ввоза (вывоза) озоноразрушающих веществ, опасных отходов, а также минерального сырья, диких живых животных, отдельных дикорастущих растений, в том числе включенных в красные книги государств-членов ЕАЭС, дикорастущего лекарственного сырья и др. [3]. Краткий анализ содержания Договора о ЕАЭС показывает, что проведение согласованной экологической политики не заявлено в качестве самостоятельной цели учреждения ЕАЭС. Тем не менее, по оценкам специалистов, присутствуют признаки формирования евразийского эколого-правового пространства, связанного с необходимостью учета экологического фактора при регулировании экономических отношений [4, с. 57], данное интеграционное объединение реализует экологическую функцию, хотя прямо она не отражена в учредительных актах [5, с. 62-63]. Таким образом, имея целью сформировать единое экономическое и таможенное пространство, Договор о Евразийском экономическом союзе создает новое эколого-правовое пространство. В этом контексте интересен подход, отраженный в экологическом законодательстве государств – членов ЕАЭС, к такой важной для экологического права категории как объекты экологических правоотношений. О ее значении говорится в юридической науке как о «предопределяющей специфику предмета данной отрасли права» [6, с. 5], с чем с уверенностью можно согласиться.

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» определяет круг объектов экологических отношений, закрепляя, что таковыми являются: земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, околоземное космическое пространство, леса, растительный и животный мир в его видовом разнообразии, особо охраняемые природные территории и природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы, климат, естественные экологические системы, иные природные объекты, а также право природопользования [7, ст. 5]. Учитывая, что объект экологических правоотношений является одной из важнейших категорий экологического права [6; 8, с. 104-106] следует обратить внимание на определенное несоответствие, заключающееся в том, что природные территории, подлежащие специальной охране, названы в качестве самостоятельного объекта наряду с типичными и редкими природными ландшафтами, биотопами, однако последние согласно ст. 63 Закона «Об охране окружающей среды» отнесены к природным территориям, подлежащим специальной охране. Таким образом, круг объектов отношений в области охраны окружающей среды, закрепленный в ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» требует уточнения.

С другой стороны, в экологическом законодательстве государств-участников ЕАЭС в принципе отсутствует такая категория как «природные территории, подлежащие специальной охране». Например, согласно

ст. 4 Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» объектами охраны окружающей среды от загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и (или) иной деятельности являются компоненты природной среды, природные объекты и природные комплексы [9]. В ч. 1 ст. 7 Экологического кодекса Республики Казахстан 2007 года определено, что «охране от уничтожения, деградации, повреждения, загрязнения и иного вредного воздействия подлежат земля, недра, поверхностные и подземные воды; атмосферный воздух; леса и иная растительность; животный мир, генофонд живых организмов; естественные экологические системы, климат и озоновый слой Земли». Часть 2 ст. 7 закрепляет, что особой охране подлежат особо охраняемые природные территории и объекты государственного природно-заповедного фонда [10].

Полагаем, что подход белорусского законодателя в части закрепления природных территорий, подлежащих специальной охране, в качестве самостоятельного объекта экологических правоотношений представляется обоснованным. Причем, последние могут выделяться не только для сохранения объектов или природных комплексов, расположенных в их границах (например, биотопы), но чаще всего установление специального режима является средством охраны других компонентов природной среды (например, особый правовой режим для мест обитания диких животных и мест произрастания дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, с ограничением хозяйственной деятельности устанавливается в целях охраны самих редких видов). В научной литературе некоторые из таких территорий называют «промежуточными» в силу «повышенной экологической уязвимости, которой, тем не менее, все же недостаточно для придания им всем статуса особо охраняемых природных территорий (хотя отдельным таким экосистемам данный статус может быть придан)» [11, с. 5].

### **Библиографический список**

1. Договор о Евразийском экономическом союзе, 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]: Ратифицирован Законом Республики Беларусь, 9 окт. 2014 г., № 193-З // Эталон-Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск 2020.
2. Макарова, Т.И. Проблемы эффективности экологического права в условиях участия Республики Беларусь в интеграционных процессах / Т.И. Макарова, В.Е. Лизгаро // Дискуссионные проблемы теории экологического права : монография / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.П. Анисимова. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С.515-537.
3. О мерах нетарифного регулирования [Электронный ресурс]: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 21 апр. 2015 г., № 30 //

Эталон-Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск 2020.

4. Макарова, Т.И. Право окружающей среды Евразийского экономического союза: проблемы формирования / Т.И. Макарова // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С.55-58.

5. Малый, А.Ф. Об экологической функции межгосударственного объединения / А.Ф Малый // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. – С.62-63.

6. Бринчук М.М. Экологическое право: объекты экологических отношений / М.М.Бринчук. – М. : Институт гос-ва и права РАН, 2011.

7. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2002 // Эталон-Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2020.

8. Жлоба А.А. Об объектах экологических правоотношений/ А.А.Жлоба // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С.104-106.

9. Об охране окружающей среды :Федер. Закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (с изм. и доп.) // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2020.

10. Экологический кодекс Республики Казахстан, 9 января 2007 г., № 212 (с изм. и доп.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz/document/>.

11. Анисимов А.П. Правовой режим территорий с особым эколого-правовым статусом и проблемы его совершенствования // Аграрное и земельное право. – 2013. – № 3 (99). – С.4-9.

## **О ПРАВОВЫХ ФОРМАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА**

**Н.В. Макарова**

*преподаватель кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета*

**Т.И. Макарова**

*заведующий кафедрой экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор*

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» понятие «экологический вред» охватывает все виды ущерба, которые возникают вследствие «прямого или косвенного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к ее отрицательным изменениям» [1, ст. 1]. Возмещение экологического вреда входит в состав эколого-правовой ответственности, в отношении которой в научной литературе сложилась позиция относительно ее самостоятельности как вида юридической ответственности [2; 3; с. 238-241]. Как особенность такой ответственности называют установленную в экологическом законодательстве обязанность лиц, ведущих хозяйственную деятельность, возмещать вред, который причиняется не только вследствие правонарушения, но и правомерного, разрешенного воздействия на окружающую среду. Такая ответственность в эколого-правовой литературе получила определение позитивной [4, с. 238]. Экологические требования, установленные главой 6 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», основаны на том, что любая экономическая деятельность влечет негативные изменения в природной среде, которые в установленных в законодательстве случаях подлежат компенсации [1, гл. 6]. Этот подход опирается на ч. 3 ст. 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь, устанавливающую, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законодательством [5].

Однако практика применения экологического законодательства позволяет утверждать, что установленные формы возмещения экологического вреда охватывают всех правовых последствий, возникающих вследствие взаимодействия человека с окружающей средой. За рамками этой классификации остается то обстоятельство, что вред общественным отношениям может быть причинен естественными процессами, протекающими в самой природе. Безусловно, такие процессы в определенных случаях могут приобрести характер непреодолимой силы, т.е. стать «непредотвратимым при данных условиях обстоятельством» [5, ст. 203], но именно возможность наступления такого рода обстоятельств подводит к необходимости возложения обязанности по принятию превентивных мер, способствующих предупреждению такого рода вреда. Субъектом, на

которого может быть возложена обязанность по проведению профилактических мероприятий и ответственность в случае наступления вреда вследствие естественных процессов, проистекающих в самой природе, должно выступать лицо, которому на законных основаниях предоставлено право управления или пользования конкретным объектом экологических отношений.

Следует обратить внимание, что действующее экологическое законодательство в отличие от законодательства советского периода не содержит норм предупредительного характера, направленных на предотвращение вредного воздействия самой природной среды, таких, например, как были в главе 27 «Предупреждение и ликвидация вредного воздействия вод» Водного кодекса БССР 1972 года, в которой устанавливалась обязанность предприятий и организаций по планированию, предупреждению и ликвидации такого вредного воздействия, а, следовательно, и ответственность в случае ее невыполнения [6, ст.ст. 105-107]. Рассмотрим возможность введения такого рода специальных мер ответственности на примере вреда, возникающего от падения деревьев. Здесь сложилась определенная судебная практика, на основе которой могут быть сформулированы теоретические выводы [7; 8; 9]. В законодательстве о растительном мире среди обязанностей пользователей объектами растительного мира [10, ст. 9] требование по обеспечению выявления и своевременного удаления опасных деревьев отсутствует, что на наш взгляд является пробелом, способным привести к невозможности законного возмещения вреда. При этом налицо эколого-правовая специфика причинения такого рода вреда, выражающаяся в том, что определить потенциальную угрозу, которую представляет объект природы, зачастую возможно только при помощи мер экологического характера, например, в ходе ведения мониторинга, учета и иных мероприятий организационного характера, а также при выполнении экологических требований, проведение которых возложено на лиц, осуществляющих природопользование.

Принятие решений об удалении грозящих падением деревьев отнесено к компетенции местных исполнительных и распорядительных органов. Однако порядок выдачи разрешений на удаление таких деревьев не предусматривает особых условий удаления деревьев, находящихся в аварийном состоянии, устанавливая общее правило относительно проведения общественных обсуждений выдачи разрешения на удаление [11, ч.1 п.7]. С нашей точки зрения, принятие решения об удалении аварийно-опасных деревьев по соображениям безопасности должно проводиться, минуя процедуру общественного обсуждения. Однако для исключения злоупотребления такой процедурой следует предельно четко определить, что представляют собой опасные деревья. К ним в соответствии со ст.1 Закона Республики Беларусь «О растительном мире» относят «деревья, создающие своим вероятным падением угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу граждан и юридических лиц (сухостойные, имеющие иные значительные повреждения ствола и (или) корневой системы...)» [10]. При этом прилагательное



«опасный» означает «способный вызвать, причинить какой-либо вред» [12, с. 451], из чего следует, что «опасными» могут быть не только «деревья, создающие своим вероятным падением угрозу причинения вреда...», но также, в том числе болеющие деревья и создающие этим угрозу заболевания другим растениям или ядовитые деревья. Представляется, что определение как «опасных» деревьев, «создающих своим вероятным падением угрозу причинения вреда», размывает суть явления. В нормативных правовых актах встречаются иные термины со сходным содержанием – «аварийно-опасные деревья», «объекты растительного мира, находящиеся в ненадлежащем, в том числе аварийном, состоянии». Исходя из значения понятия «аварийный» как «грозный повреждением, выходом из строя» [12, с. 24], полагаем, что последнее из определений таких деревьев самым точным образом указывает на их опасное состояние, не вступая при этом в противоречие с этимологией слова «опасность».

Анализ практики относительно возмещения вреда, причиненного такого рода объектами растительного мира [7; 8; 9], подтверждает необходимость совершенствования законодательства в направлении, которое в настоящее время никак в нем не отражено. Для сравнения: законодательство о животном мире устанавливает ответственность в виде возмещения ущерба, причиненного охотничьими животными в результате уничтожения или повреждения сельскохозяйственных и (или) лесных культур [13, ст. 64]. Из приведенных практических примеров мы видим, что при вынесении решений о возмещении ущерба, причиненного аварийно-опасными деревьями, суд в силу отсутствия специальных норм руководствовался положениями ст. 933 Гражданского кодекса [5], которые не отражают специфики правового регулирования данного вида отношений. При рассмотрении подобных дел задачей судов является необходимость правильно определить лицо, виновное в причинении вреда, что возможно только после установления факта аварийности дерева и определения лица, виновного в том, что аварийное состояние объекта растительного мира не было установлено, либо лица, виновного в том, что после установления данного факта, этот объект не был удален. Представляется в данном случае необходимым наличие специальной нормы, регулирующей отношения по возмещению вреда, причиненного определенными объектами растительного мира. Предлагается дополнить Закон Республики Беларусь «О растительном мире» статьей «Возмещение вреда, причиненного объектами растительного мира, находящимися в ненадлежащем, в том числе аварийном состоянии», закрепив в ней обязанность полного возмещения вреда, причиненного в результате падения находящихся в ненадлежащем, в том числе аварийном состоянии деревьев или их частей жизни или здоровью граждан, имуществу, находящемуся в собственности государства, граждан и юридических лиц, лицом, причинившим вред.

В теоретико-правовом плане мы видим основания для дополнения научной классификации эколого-правовой ответственности видом гражданско-правовой

ответственности, возникающей при причинении вреда объектами природной среды, наряду с возмещением вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушения экологического законодательства и компенсацией вреда, правомерно причиняемого природной среде при осуществлении разрешенной хозяйственной деятельности в случаях.

### **Библиографический список**

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в ред. Закона от 17 июля 2002 г. № 126-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Бринчук, М.М. Эколого-правовая ответственность - самостоятельный вид юридической ответственности / М.М. Бринчук // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 39-48.
3. Экологическое право : учебник / С.А.Балашенко, Т.И.Макарова, В.Е.Лизгаро. – Минск :Вышэйш. Школа, 2016. – 383 с.
4. Петров, В.В. Экологическое право России :учеб.для вузов / В.В.Петров. – М. : БЕК, 1995. – 557 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Водный кодекс Белорусской ССР : Закон Белорус. ССР, 27 дек. 1972 г. [Электронный ресурс] // Национ. библиотека Беларуси. Виртуальный центр правовой информ. – Режим доступа: <https://vcpi.nlb.by/kodeksy-bssr-new/vodnyy-kodeks/> – Дата доступа 31.05.2020.
7. Архив суда Советского района г. Минска за 2015 г. – Гражданское дело №2-2549/15 по иску Солодковой Е.С. к УП «ЖРЭО Советского района г.Минска».
8. Архив суда Советского района г. Минска за 2018 г. – Гражданское дело №2-1998/18 по иску Ничик М.Н., Адамович Л.Г. к ЖКХ Советского района г.Минска, КУП «ЖЭУ №1 Советского района г. Минска», ПКУП «Зеленстрой Советского района г.Минска».
9. Белявский, С.Ч. Кто отвечает за упавшие деревья, которые причинили вред третьим лицам? / С.Ч.Белявский [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
10. О растительном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. Положение о порядке выдачи разрешений на удаление объектов растительного мира и разрешений на пересадку объектов растительного мира [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 окт. 2011 г., № 1426 (ред. от 26.04.2019) // ЭТАЛОН. Законодательство

Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Ожегов. С.И. Словарь русского языка : 70 000 слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. :Рус.яз., 1990. – 917 с.

13. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГАРМОНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

**И.В. Мищенко**

*доцент кафедры морского и таможенного права  
Национального университета «Одесская юридическая академия»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Таможенно-правовая система Украины, а вместе с ней и соответствующее правовое поле, находясь в состоянии перманентного реформирования и трансформации, продолжает искать оптимальные модели и форматы своего функционирования. Этому есть много причин, среди которых наибольшее значение имеют евроинтеграционные процессы, которые требуют постоянного совершенствования соответствующей правовой базы. Какие бы адаптационные инструменты в данном случае не применялись - имплементация, аппроксимация, рецепция и т.д. - первой испытывает изменения понятийный аппарат. Причем такие изменения не всегда являются положительными, последовательными и целесообразными. Порой имеет место тотальное заимствование, почти дословный и не всегда уместный перевод отдельных положений европейского и международного законодательства, которые играют злую шутку с будущими правоприменителями из-за несогласованности с другими законодательными актами, которых изменения не коснулись. Иногда, наоборот, наблюдаются фрагментарные, точечные изменения законодательных положений, которых недостаточно для комплексной перестройки и перезагрузки тех или иных правовых институтов.

В этом контексте можно вспомнить о пресловутой проблеме соотношения понятий «таможенный режим» и «таможенная процедура» в таможенном законодательстве Украины. Первое характерно для национального законодательства страны [1], а также некоторых международных актов [2], второе - для таможенного законодательства Европейского Союза (далее ЕС) [3]. Об указанном несоответствии неоднократно писали ученые [4, с. 88] и пытались выяснить причину употребления различных слов для объяснения одного и того же правового явления. Отметим, что считаем целесообразным придерживаться мнения о необходимости употребления категории «таможенная процедура» как более адекватной содержанию и правовой

природе соответствующих правоотношений, возникающих при ввозе товаров на таможенную территорию Украины или их вывозе с этой территории с определенной целью. Существование термина «таможенная процедура» в Таможенном кодексе (далее – ТК) Украины в том виде, которое имеем сегодня, вообще не понятно, ведь, кроме определения этого понятия в статье 4 ТК Украины, оно ни разу не встречается ни в кодексе, ни в других нормативных актах. К таможенным процедурам по ТК ЕС относятся выпуск для свободного обращения, специальные процедуры и экспорт. Учитывая то, что внешняя торговля, которая в таможенном отношении опосредуется процедурами импорта и экспорта, является основой внешнеэкономической деятельности, вполне целесообразно выделить их среди других процедур (режимов), которые используются значительно реже и в корне отличаются по таможенным формальностям, правовым последствиям, налогообложению и т.п. Поэтому считаем нецелесообразным обременение ТК Украины двумя близкими по смыслу понятиями - «таможенный режим» и «таможенная процедура» - и предлагаем пойти по пути разработчиков ТК ЕС, ограничившись более уместным термином «таможенная процедура», в значении, которое предлагается в европейском документе.

Другим примером не слишком удачной адаптации украинского таможенного законодательства к европейским стандартам является категория «авторизованный экономический оператор». Проблема заключается в отсутствии комплексного подхода к внедрению этого института. Из украинского кодекса не понятно, кто же является авторизованным экономическим оператором, хотя бы потому, что не ясно, кто такой вообще экономический оператор. Этот термин отсутствует в кодифицированном акте в сфере таможенного дела Украины. ТК ЕС под ним понимает лицо (физическое или юридическое), которое осуществляет деятельность, подпадающую под регулирование таможенным законодательством [3]. Применение этого термина в украинском ТК значительно упростило бы другие формулировки, которые встречаются в ТК Украины, например: «предприятие-резидент, выполняющее какую-либо роль в международной цепи поставок товаров (производитель, экспортер, импортер, таможенный представитель, перевозчик, экспедитор, держатель склада)» (статья 12), «предприятия и граждане, перемещающие товары, транспортные средства коммерческого назначения через таможенную границу Украины или осуществляют деятельность, контроль за которой в соответствии с настоящим Кодексом возложена на таможенные органы» (статья 21), «лицо, перемещающее товары, транспортные средства коммерческого назначения через таможенную границу Украины или осуществляющих деятельность, контроль за которой этим Кодексом возложен на таможенные органы» (статья 334) и т.д. [1]. Все эти длинные и сложные словесные конструкции можно было бы заменить на простой и понятный термин «экономические операторы». Это, в том числе, позволило бы избежать ненужных тавтологий, в частности употребления словосочетания «авторизация

авторизованного экономического оператора». Очевидно, что в данном случае недоработка законодателя заключается в оставлении без внимания точного и лаконичного, а главное нужного термина «экономический оператор», который на сегодняшний день представлен в ТК ЕС.

Еще одной терминологической коллизией в таможенном законодательстве Украины является понятие «таможенный долг». В ТК ЕС под ним понимается обязательство лица уплатить сумму импортных или экспортных платежей, которое применяется к определенным товарам в соответствии с действующим таможенным законодательством [3]. При этом в ТК Украины употребляется понятие «налоговый долг по уплате таможенных платежей» (статьи 14, 303, 304 и т.д.) [1]. Несмотря на это, в Законе Украины «О режиме совместного транзита и введения национальной электронной транзитной системы» употребляется именно понятие «таможенный долг», под которым понимается обязанность лица уплатить сумму таможенных платежей в отношении товаров, помещенных под режим совместного транзита [5], что в принципе соответствует европейскому подходу. Более того, в заключительных и переходных положениях ТК Украины (п. 63) также встречается указанный термин в контексте применения процедуры совместного транзита в Украине [1]. Таким образом, складывается похожая ситуация, когда снова одно и то же явление в правовом поле называется разными терминами. При обычном транзите субъект должен предоставить гарантию на налоговый долг по уплате таможенных платежей, а при применении процедуры совместного транзита, которая используется в Европейском Союзе, - таможенный долг. Считаем, что однообразное использование в ТК Украины термина «таможенный долг» вместо других аналогов является оправданным и логичным.

Есть определенные вопросы относительно толкования понятия «лица» в ТК Украины, под которыми понимаются только юридические и физические лица. Сравнивая это определение с аналогичным европейским, бросается в глаза не включение в него такой группы субъектов, как объединения физических и/или юридических лиц. Они, кстати, Законом Украины «О внешнеэкономической деятельности» определены как субъекты такой деятельности [6], а значит имеют права заключать внешнеэкономические контракты и выполнять их любыми разрешенными способами, в том числе путем ввоза товаров и транспортных средств коммерческого назначения на таможенную территорию Украины и их вывоза с этой территории. Это означает, что на них распространяется и таможенное законодательство нашего государства, в котором они сейчас даже не упомянуты. В данном случае также не мешало бы заимствование соответствующего европейского опыта.

Наконец, ключевое понятие таможенного права в целом и ТК Украины, в частности, - «таможенный контроль» - не лишено интерпретационных недостатков. Так, во-первых, это понятие употребляется в случае осуществления определенных активных действий должностными лицами таможенного органа в рамках установленных форм такого контроля (проверки

документов, опрос лиц и т.п.) для убеждения, что перемещение через таможенную границу Украины товаров и транспортных средств коммерческого назначения происходит в соответствии с действующим законодательством. Во-вторых, ТК Украины знает и другой аспект таможенного контроля - так называемый «пассивный», под которым находятся товары, помещенные в некоторые таможенные режимы (транзит, таможенный склад) или товары на временном хранении. В этом случае должностные лица таможенных органов не осуществляют каких-то специфических действий, а наоборот, ко владельцу таких товаров и транспортных средств есть определенные требования по целевому их использованию или необходимости воздержаться от совершения в отношении них определенных операций. Природа обоих видов таможенного контроля различна, что нашло отражение в ТК ЕС. Такой «пассивный» таможенный контроль, под которым временно находятся товары и транспортные средства, получившего название «customssupervision» [3], то есть таможенный надзор, или таможенное наблюдение. Констатируем, что традиционный таможенный контроль является проверкой на предмет соблюдения действующего таможенного законодательства, в то время, как таможенный надзор (наблюдение) - определенным состоянием, условиями, средой, в которых временно находятся товары. Именно поэтому считаем целесообразным ввести в ТК Украины отдельный термин, которым бы определялся не собственно таможенный контроль как совокупность таможенных формальностей, а состояние, в котором находятся товары в течение определенного периода до момента их выпуска в свободное обращение или другой разрешенный таможенный режим (процедуру).

Как видим, адаптационные процессы даются нашей стране не слишком легко. Перенимать опыт и заимствовать чужие правовые нормы следует, учитывая большое количество факторов, в том числе лингвистические особенности разных языков. Более взвешенная политика в этом ключе будет способствовать эффективному правоприменению и правопониманию, чего в нашей правовой действительности всегда не хватает.

### **Библиографический список**

1. Митний кодекс України від 13.03.2012 р. № 4495-VI / Верховна Рада України / Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 44-45. – № 46-47. – № 48. – Ст. 552.
2. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18.05.1973 / Совет таможенного сотрудничества/. – Режим доступа: URL: [https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995\\_643#o1956](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_643#o1956). – Дата доступа: 21.10.2020.
3. Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code. – Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02013R0952-20200101>. – Дата доступа: 21.10.2020.

4. Кормич, Б.А. Митнірежими як інститутмитного права. – Митна справа. – 2013. – № 6. – С. 86-92.

5. Про режим спільного транзиту та запровадження національної електронної транзитної системи: Закон України від 12.09.2019 № 78-IX / Верховна Рада України / Відомості Верховної Ради України. – 2019. – № 41. – Ст.232.

6. Про зовнішньоекономічну діяльність: Закон України від 16.04.1991 р. № 959-XII / Верховна Рада України / Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 29. – Ст. 377.

## **СУЩНОСТЬ ТЕРМИНА «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО» В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА ОТ ИНОСТРАННОЙ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ**

**Н.О. Мороз**

*доцент кафедры государственного управления  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Предоставление иностранным должностным лицам иммунитета от уголовной юрисдикции имеет важнейшее значение для межгосударственного сотрудничества, поскольку осуществляется в целях недопущения вмешательства во внутренние дела государства, а также обеспечения суверенного равенства государств. Таким образом, хотя иммунитеты и предоставляются отдельным лицам, их конечным бенефициаром является именно государство [1]. В то же время чрезмерно широкое толкование содержания функционального иммунитета должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции может приводить к безнаказанности за совершение международных преступлений.

Указанное выше предопределяет необходимость четкого выявления всего спектра субъектов, которые могут претендовать на такой иммунитет. В этой связи определение термина «должностное лицо» в контексте рассматриваемой темы имеет первостепенное значение.

В соответствии со статьей 5 Проекта статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции (далее – Проект статей об иммунитете), предварительно одобренной Редакционным комитетом Комиссии международного права ООН (далее – КМП): «Должностные лица государства, действующие в качестве таковых, пользуются иммунитетом *rationemateriae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции» [2].

В то же время термин «должностное лицо государства» означает любое лицо, которое представляет государство или осуществляет государственные функции» (ст. 2, подпункт (е)) [2]. Это означает, что иммунитет *rationemateriae* предоставляется должностным лицам в силу фактически выполняемой ими функции и не связан с местом, которое они формально занимают в иерархии

государственного аппарата. Другими словами, должностное лицо государства – это любое лицо, «которое действует в интересах и от имени государства и представляет государство или осуществляет элементы государственной власти» [3].

Определение должностного лица государства, предложенное Специальным докладчиком КМП, имеет довольно широкий охват и подчеркивает связь между должностным лицом и представляемым им государством. В проекте ст. 2 уточняется, что этот вид представительства включает любую деятельность законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти [2].

Таким образом, термин «должностное лицо государства» включает членов парламентов, сотрудников правоохранительных органов, судей и др. Он также охватывает высокопоставленных должностных лиц, таких как главы государств, главы правительств и министры иностранных дел, которые пользуются иммунитетом *rationemateriae* по истечении срока их полномочий.

Несмотря на то, что в международных договорах не определяется термин «должностное лицо» в контексте иммунитета, некоторые их положения способствуют прояснению содержания исследуемого понятия (например, дефиниция понятия «публичное должностное лицо», содержащаяся в Конвенции ООН против коррупции (п. а.ст. 2) [4].

Вместе с тем, именно национальное законодательство устанавливает какие лица могут рассматриваться в качестве должностных лиц государства. Как указал Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии в деле Бласкича: «каждое суверенное государство вправе устанавливать свою внутреннюю структуру и, в частности, определять круг лиц, действующих в качестве государственных агентов или органов» [5].

В то же время бывают ситуации, когда государственные функции могут выполнять лица, не занимающие государственные должности. Примерный список таких лиц можно составить на основе положений статей 5, 8, 9 и 11 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (физическое или юридическое лицо, которое не является органом государства, но уполномочено правом этого государства осуществлять элементы государственной власти; лицо или группа лиц, которые фактически осуществляют элементы государственной власти в отсутствие или несостоятельности официальных властей и в условиях, требующих осуществления таких элементов власти; лицо или группа лиц, которые фактически действуют по указанию, под руководством или контролем государства; любое физическое или юридическое лицо, действие которого государство признает и принимает как свое собственное) [6].

Всех вышеупомянутых лиц вряд ли можно назвать «должностными лицами», поскольку они не занимают государственных должностей *strictosensu*. Тем не менее, они выполняют определенные элементы государственной власти, что позволяет атрибутировать их деяния государству.



КМП указала, что термин «должностное лицо государства» не следует толковать слишком широко, как «охватывающий всех официальных лиц де-факто» [7]. Правовой режим иммунитета «представляет собой исключение из общего правила об осуществлении юрисдикции государством», и, таким образом, институт иммунитета не должен «превращаться в механизм уклонения от ответственности» [7]. Следовательно, только отдельные категории лиц, перечисленные в статьях 5-11 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, могут претендовать на иммунитет и при определенных условиях.

Специальный докладчик предложил два основных требования для того, чтобы лицо могло признаваться «должностным лицом государства»: а) лицо действует в интересах и от имени государства; и б) лицо представляет государство или осуществляет элементы государственной власти, относящиеся к законодательным, исполнительным или судебным функциям, независимо от того, какое должностное положение занимает это лицо в системе государственного аппарата [2].

Эти требования являются совокупными, а не альтернативными. Следовательно, когда лицо осуществляет элементы государственной власти, этого факта самого по себе недостаточно для признания его в качестве должностного лица для целей предоставления иммунитета от уголовной юрисдикции иностранного государства. Так, например, члены добровольческих отрядов, таких как ополченцы, не смогут претендовать на иммунитет, за исключением случаев, когда государство законодательно закрепило за ними статус военнослужащих или представителей государственной власти.

По аналогии, те люди, которые имеют формальную связь с государством, поскольку работают в министерствах, государственных ведомствах и других государственных органах, но не выполняют никаких государственных функций (например, бухгалтеры, водители), не будут пользоваться иммунитетом. И наоборот, если они осуществляют элементы государственной власти, но не действуют в интересах и от имени государства, они не будут пользоваться функциональным иммунитетом. Указанное правило может быть применимо, например, к должностным лицам частных тюрем, когда фактически государственные правоохранительные функции делегированы частным организациям на основании контракта.

Таким образом, термин «должностное лицо», используемый в работе КМП над темой «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» не охватывает весь круг лиц, которые могут выполнять действия в интересах государства и претендовать на иммунитет *rationemateriae* (например, членов полугосударственных образований). Данная терминологическая проблема была поднята (хотя и по иным причинам) Специальным докладчиком при обсуждении темы в КМП. Специальный докладчик предложила использовать термин «орган» как более «подходящий

для обозначения всех лиц, которые могут пользоваться иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции» [3].

Полагаем, что предложения Специального докладчика, рассмотренные выше, также не вполне удачны, поскольку и личный, и функциональный иммунитет должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции распространяются исключительно на физических лиц, а не на коллективные образования, таких как государственные органы.

В этой связи термин «агент» представляется более точным для использования в дальнейшей работе КМП над темой иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, поскольку: а) он до этого уже использовался в международной договорной практике, работе Комиссии и его толкование не вызывает затруднений; б) более точно отражает круг субъектов, которым может быть предоставлен функциональный иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции.

### **Библиографический список**

1. The International Law Commission: Second report on the immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction, by Concepción Escobar Hernández, Special Rapporteur, DOCUMENT A/CN.4/661, 4 April 2013, available at: [https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a\\_cn4\\_661.pdf&lang=ES](https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_661.pdf&lang=ES) X (accessed on 22 October 2020).

2. United Nations General Assembly, Report of the International Law Commission, 8 August 2014, A/69/10, available at: <https://legal.un.org/ilc/reports/2014/english/chp9.pdf> (accessed on 27 October 2020).

3. International Law Commission: Third report on the immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction, by Concepción Escobar Hernández, Special Rapporteur, DOCUMENT A/CN.4/661, 8 August 2014, available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/412/64/PDF/N1441264.pdf?OpenElement> (accessed on 22 October 2020).

4. 4. United Nations Convention against Corruption (adopted 31 October 2003, entered into force 14 December 2005) 2349 UNTS 41.

5. Blaškić Case (Judgement on the request of the Republic of Croatia for review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997) ICTY-95-14, Appeal Chamber (25 October 1997), para 41.

6. United Nations General Assembly: Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, 12 December 2001, Resolution 56/83, available at: <https://undocs.org/en/A/RES/56/83> (accessed on 19 October 2020).

7. International Law Commission: Fourth report on the immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction, by Concepción Escobar Hernández, Special Rapporteur, DOCUMENT A/CN.4/686, 29 May 2015, available at: <https://documents-dds->

## **ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ИНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**О.В. Мороз**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Одной из действенных природоохранных мер является оценка воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС), так как проводится на стадии разработки проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности. Это позволяет минимизировать негативное воздействие на окружающую среду еще до начала реализации хозяйственной деятельности. Превентивный характер данной природоохранной меры отражается и в легальном определении, в котором акцентируется внимание на таких основных ее задачах как определение возможного воздействия на окружающую среду при реализации проектных решений, предполагаемых ее изменений, а также необходимых мероприятий по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов [1, ст. 1; 2, ст. 1].

Как видится, при проведении ОВОС специалисты заинтересованы в успешном проведении государственной экологической экспертизы на этапе согласования проектной документации, то есть в соответствии проектных решений требованиям законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. В национальном законодательстве отсутствует указание на такое условие. Для того, что бы изначально направить усилия заказчиков и проектных организаций на учет экологических требований, целесообразно закрепить соответствующую правовую норму. В данном контексте представляется более совершенным определение правового понятия ОВОС в Республике Казахстан, в котором содержится указание на учет требований экологического законодательства при проведении ОВОС [3, ст. 35].

Определение места ОВОС в организационно-правовом механизме охраны окружающей среды позволяет ее рассматривать как элемент экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности (далее – ЭСХД), предшествующий экологической экспертизе и проводимый на стадии разработки проектных решений. ЭСХД предполагает непрерывный учет экологического фактора на различных стадиях хозяйственной и иной деятельности. Под элементами ЭСХД представляется возможным понимать природоохранные меры, позволяющие оценить воздействие на окружающую среду, определить соответствие хозяйственной и иной деятельности

экологическим требованиям на конкретном этапе ее осуществления, а также выработать мероприятия по минимизации негативного воздействия на окружающую среду. В случае формализации в законодательстве такого понятия как ЭСХД правовое регулирование ОВОС могло бы иметь место в рамках правового обеспечения такого сопровождения. Как видится, она является сложившимся элементом такого сопровождения, так как характеризуется наличием объектов, субъектов, порядка проведения, которые находят достаточно детальное правовое закрепление.

ОВОС подлежат проектные решения, реализация которых представляет наибольшую экологическую опасность. В качестве таковых могут выступать проектные решения по таким объектам как тепловые электростанции и другие установки для сжигания топлива эквивалентной мощностью 100 и более мегаватт, атомные электростанции и другие ядерные установки, искусственные водоемы с площадью поверхности более 50 гектаров, подземные хранилища газа, по объектам, у которых базовый размер санитарно-защитной зоны составляет 300 и более метров и другие. Так, по сравнению с законодательством утратившим силу наблюдается тенденция к сокращению перечня объектов, подлежащих ОВОС [2, ст. 7]. С одной стороны, благоприятное состояние окружающей среды предполагает максимальный охват различных видов намечаемой деятельности природоохранными мерами, а также их присутствие на различных стадиях хозяйственной и иной деятельности, а с другой стороны, наличие ряда факторов, в том числе, минимальное воздействие на окружающую среду при реализации некоторых проектных решений, многообразие условий возможного осуществления проектных решений намечаемой деятельности, вопросы экономического развития определяют установление оптимального круга объектов ОВОС и (или) критериев отнесения к таковым [4, с. 59-60]. При его формировании, как и по другим аспектам, следует также ориентироваться и на международные соглашения. В частности, на Конвенцию об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [5].

Основными субъектами ОВОС являются проектные организации и заказчики планируемой хозяйственной и иной деятельности. Непосредственным их проведением занимается разработчик проектной (предпроектной) и иной документации. Именно ему в данной процедуре отводится работа по существу. Заказчик несет организационную и финансовую нагрузку. Следует отметить, что в случае с ОВОС такая форма организации сохраняется много лет. Под влиянием международных соглашений расширился круг субъектов. В частности, общественность также рассматривается в качестве самостоятельного ее участника. При этом такое участие осуществляется путем проведения общественных обсуждений отчета об ОВОС. Обязанность оказывать содействие возлагается на местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы. В случае возможного значительного вредного трансграничного воздействия в данной процедуре могут принимать участие представители других государств (затрагиваемые

стороны). Это делает проектные решения более обоснованными и помогает учесть интересы различных субъектов также с позиции природоохранного фактора.

Следует признать положительным тот факт, что регламентируемый в национальном законодательстве порядок проведения ОВОС выходит за рамки только подготовки итогового документа (отчета об ОВОС), что позволяет корректировать проектные решения намечаемой деятельности с позиции учета природоохранного фактора. Срок проведения ОВОС в законодательстве не устанавливаются и зависят от заинтересованности заказчика в реализации проектных решений намечаемой деятельности. Результаты оформляются в виде отчета об ОВОС и ее финансирование возлагается на заказчиков (инициаторов намечаемой деятельности) [6].

ОВОС имеет наиболее тесную взаимосвязь с экологической экспертизой и стратегической экологической оценкой, которые в совокупности представляют собой единый процесс учета экологического фактора на стадии разработки и согласования проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности. Действующее законодательство направлено на единство их правового регулирования, и дальнейшую его систематизацию следует осуществлять на основе выявления общих аспектов данных природоохранных мер. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию обособленного правового обеспечения природоохранных мер, объединенных понятием экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности [4, с. 62].

### **Библиографический список**

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2016 г., № 399-З : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Казахстан, 9 янв. 2007 г., № 212-III. – Режим доступа: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=30085593](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593). – Дата доступа: 14.11.2020.
4. Мороз, О.В. Правовое регулирование стратегической экологической оценки, оценки воздействия на окружающую среду и государственной экологической экспертизы // Юстиция Беларуси. – № 10. – 2018. – С. 58-62.
5. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Электронный ресурс] : совершено г. Эспо, 25 февр. 1991 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Положение о порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду, требованиях к составу отчета об оценке воздействия на окружающую среду, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение оценки воздействия на окружающую среду [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 января 2017 г. № 47 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

## **РОЛЬ ДИСЦИПЛИНЫ «ВОЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ПРАВОВАЯ РАБОТА В ВОЙСКАХ» В ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ**

**С.В. Павлющик**

*заместитель начальника кафедры юридических дисциплин  
факультета внутренних войск  
УО «Военная академия Республики Беларусь»*

В разные периоды отечественной истории систематизация норм военного права осуществлялась под воздействием процессов развития государства и права, выполнения функции обеспечения вооруженной защиты Отечества [1, с. 9–14].

Военная администрация и правовая работа в войсках по своей природе и содержанию является военно-правовой наукой, объединяющей собственно военные и юридические аспекты военного строительства (строительства военной организации государства). Как наука и учебная дисциплина она имеет свои нормативно-правовые источники, в которых выражаются общеобязательные правила поведения участников военно-административных правовых отношений.

Необходимость выделения военной администрации и правовой работы в войсках в специальную юридическую дисциплину обусловлено интересами более глубокого изучения военно-административных правовых норм и отношений, а также особенностями правовой регламентации жизни, быта и деятельности войск. Важно подчеркнуть, что цель преподавания военной администрации – это получение обучаемыми не только научных знаний, но и практических навыков в применении военно-административных правовых норм, в осуществлении контроля и надзора за их соблюдением органами военного управления, воинскими должностными лицами, военнослужащими и гражданским персоналом.

К числу закономерностей военной администрации относятся формирование самостоятельного категориального аппарата, отличного от других юридических дисциплин; отражение этого категориального аппарата в отдельных видах законодательства о воинской обязанности и воинской службе, правовых актах военного управления; распространение этих актов на субъекты военной администрации.

На протяжении длительного периода развития военно-правовой мысли понятия «военное право», «военно-административное право» и «военная администрация» отождествлялось, что на наш взгляд, является ошибочным.

Признавая уникальность имеющихся в военно-юридической литературе определений, проанализировав законодательство Республики Беларусь, выскажем свою точку зрения:

под общим предметом военной администрации понимаются общественные отношения властного (организационного) характера, возникающие между органами военной администрации, их должностными лицами, призывниками, военнослужащими, резервистами, военнообязанными и лицами гражданского персонала в области военного строительства (строительства военной организации государства);

предметом военной администрации является военное строительство (строительство военной организации государства), урегулированное нормами военного и иных отраслей права [2, с. 51–56; 3, с. 238–243].

Исходя из квалификационных требований к военно-профессиональной подготовке выпускников факультета внутренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», приоритетными направлениями деятельности преподавателя становятся: выработка у обучаемых практических умений и навыков в административно-служебной, боевой, военно-педагогической, правоохранительной и правоприменительной видах военно-профессиональной деятельности.

Первостепенное значение при изучении дисциплины следует уделять правовым, социально-политическим, финансово-экономическим, военно-техническим, информационно-идеологическим, организационным и другим мероприятиям, осуществляемым в интересах развития военной организации государства, повышения ее военного потенциала для обеспечения военной безопасности. Важнейшим моментом образовательного процесса является исследование роли и места внутренних войск в современном государственно-правовом механизме, а также изучение мероприятий, проводимых для совершенствования, комплектования, оснащения, всестороннего обеспечения и подготовки внутренних войск.

Важными принципами обучения являются: научность; практическая направленность образовательного процесса; соответствие направленности обучения государственной идеологии Республики Беларусь; наглядность; использование электронных средств обучения; систематичность и последовательность; единство обучения и воинского воспитания; единоначалие; безопасность военной службы. При осуществлении теоретических, практических и дополнительных форм обучения должны приветствоваться любая инициатива.

Правовая работа в войсках осуществляется субъектами военной администрации в целях соблюдения и реализации в повседневной деятельности военнослужащими внутренних войск требований Главы государства,

нормативных правовых актов Республики Беларусь, правовых актов военного управления, локальных актов. При этом первостепенное внимание уделяется мероприятиям по совершенствованию нормативной правовой базы, укреплению законности и правопорядка, воинской, трудовой и финансовой дисциплины, обеспечению социальных и правовых гарантий военнослужащих и членов их семей, формированию у военнослужащих и гражданского персонала готовности к отстаиванию национальных интересов.

Таким образом, преподавание дисциплины «Военная администрация и правовая работа в войсках» позволяет подготовить и воспитать будущих офицеров, понимающих и поддерживающих государственную идеологию, обладающих высокой правовой культурой, навыками правомерного поведения в области военного строительства (строительства военной организации государства).

### **Библиографический список**

1. Павлющик, С. В. Становление и развитие правового регулирования воинской службы в истории Беларуси (IX – конец XVIII вв.) / С. В. Павлющик // Право.by. – 2013. – № 2. – С. 9–14.
2. Павлющик, С. В. Военное право в системе права Республики Беларусь / С. В. Павлющик, С. Б. Матвийчук // Вестник Военной академии Республики Беларусь, № 4 (25) 30 дек. 2009 г. – С. 51–56.
3. Павлющик, С. В. Военное право и военная администрация: понятия, соотношение и связи / С. В. Павлющик // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: в 3-х ч. / Под общ. ред. С. А. Куценко: сб. науч. ст. межвузовской науч.-практич. конф. с международным участием – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. – С. 238–243.



# **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О РАССМОТРЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ**

**Т.П. Пестова**

*доцент кафедры правоохранительной деятельности  
и национальной безопасности*

*ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Эффективность различных публичных институтов в системе государственного и муниципального управления зависит от наличия и интенсивности обратной связи государства с обществом. Обращение как раз-таки и выступает средством такой связи граждан и их объединений с различными структурами органов власти и управления, государственными (муниципальными) учреждениями и различными организациями, реализующими публично значимые функции.

Современные информационные технологии позволяют сделать обращение более мобильным средством обратной связи государства с обществом. Применение информационных технологий при обращении в органы власти и управления является одной из составляющих проекта «Электронное правительство». По данным ООН, которая начиная с 2001 года проводит исследования электронного правительства, «наблюдается положительная тенденция к повышению уровня развития электронного правительства» [1]. Так, в 2018 году ООН дала оценку «очень высокий» 40 странам, включая Беларусь, Казахстан, Российскую Федерацию и пр.

«Высокий показатель» развития электронного правительства в целом должен говорить и об увеличении количества обращений, подаваемых с помощью различных информационных технологий (электронных обращений), а, следовательно, о повышении уровня информатизации в стране, компьютерной грамотности граждан, безопасности Интернета, о доверии к публичным органам власти и их должностным лицам и пр. Так, например, в 2019 году количество обращений в форме электронного документа, направленных Президенту РФ составило 64,6 % [2], количество обращений в форме электронного документа, направленных Правительству РФ составило 76,2 % [3].

Но, при очевидной востребованности электронных обращений, глобальной проблемой является отсутствие должного административно-правового регулирования правоотношений в производстве по делам о рассмотрении таких обращений, которые заключаются, прежде всего, в наличии так называемых последующих пробелов.

Во-первых, в нормативных правовых актах не всегда правотворческий субъект закрепляет содержание нормы-дефиниции, которая бы установила легальное определение понятия «электронное обращение», тогда как именно

нормы-дефиниции «усиливают нормативные свойства права теми или иными оттенками и придают праву как целостности композиционную завершенность, полноту» [4, с. 114]. Кроме того, как в доктрине, так в правотворчестве отсутствует единый подход относительно применения термина, которым бы было обозначено название обращений, подаваемых с помощью различных информационных технологий («обращение в форме электронного документа», «электронное обращение», «интернет-обращения» и т.д.).

В Российской Федерации правоотношения, связанные с реализацией права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления регулируются Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ) (ред. от 08.01.2019). Основные термины, используемые в Законе № 59-ФЗ, закреплены в ст. 4, в которую, как мы полагаем, и следует внести дополнения и использовать для Закона № 59-ФЗ в качестве одного из основных терминов «электронное обращение». Так, в Законе Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (ред. от 17.07.2020) в ст. 1 закрепляется содержание нормы-дефиниции, где электронное обращение понимается как «обращение заявителя, поступившее на адрес электронной почты организации либо размещенное в специальной рубрике на официальном сайте организации в глобальной компьютерной сети Интернет» (абз. 7 ч. 1 ст.1).

Закон № 59-ФЗ только причисляет электронное обращение, как и письменное обращение, и устное обращение, к формам обращений (п. 1 ч. 1 ст. 4). В то же время ученые-административисты высказываются о необходимости унифицировать терминологию, обозначающую виды письменных обращений» [5, с. 1347], а результатами такой унификации должны стать дополнения в ст. 4 Закон № 59-ФЗ, включающие нормы-дефиниции, закрепляющие содержание понятий «электронное обращение», а также «рукописное обращение», «машинописное обращение», «факсимильное обращение».

Во-вторых, способы подачи электронного обращения на уровне законодательных актов не закрепляются, но применяются на практике. Заявители направляют свои электронные обращения посредством электронной почты, сервиса «Электронная приемная» (интернет-приемная) официального сайта органа власти в сети Интернет, специализированных государственных интернет-порталов (например, официальный интернет-портал государственных услуг, «Бизнес-навигатор МСП», «ЗаБизнес.рф» и т.д.), специальных официальных приложений для смартфонов, которые возможно скачать на официальном сайте соответствующего органа власти и управления (например, «Мобильное приложение МВД России», «Официальное приложение от Федеральной службы судебных приставов России» и пр.), специальных электронных терминалов, путем предоставления адресату обращения, текста

обращения, записанного на съемный носитель информации (флеш-карту, CD, DVD).

Некоторые из указанных способов подачи электронного обращения предусмотрены подзаконными нормативными правовыми актами. Так, например, создание и функционирование сайтов федеральных органов исполнительной власти отвечает положениям постановления Правительства Российской Федерации от 24.11.2009 № 953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти». Посредством ведомственных актов устанавливаются способы подачи обращений, которые в последующем, принимаются к рассмотрению соответствующим адресатом обращения. Так, Приказом МВД России от 12.09.2013 № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» в перечне способов подачи обращений предусмотрено и направление обращения посредством официальных сайтов. Способы подачи такого обращения как заявления о предоставлении государственной услуги подразделениями МВД России, так и другими уполномоченными в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг органами власти и управления, устанавливается соответствующими Административными регламентами предоставления государственных (муниципальных) услуг. Так, согласно Административного регламента МВД России предоставление государственной услуги по регистрации транспортных средств (утв. Приказом МВД России от 21.12.2019 № 950) «основанием для начала административной процедуры является обращение заявителя в регистрационное подразделение с заявлением и документами, предусмотренными п. 27 Административного регламента, или получение заявления о предоставлении государственной услуги с помощью ЕПГУ с приложением документов в электронной форме» (п. 63).

Мы полагаем, что упорядочить отношения в рассматриваемой сфере следует все-таки путем законодательного закрепления способов подачи электронного обращения, с установлением, так называемой меры усмотрения. То есть перечень способов подачи электронного обращения устанавливает законодатель, а органы государственной власти и органы местного самоуправления по своему усмотрению, в пределах предоставленных им полномочий, применяют законодательные нормы относительно того или иного способа подачи электронного обращения.

В-третьих, на законодательном уровне следует регламентировать требования к электронному обращению, в том числе требования относительно обязательного использования электронной подписи заявителя, а так же процедуры первой стадии производства по делу о рассмотрении электронного обращения – стадии возбуждения производства по делу, в том числе, процедуры регистрации электронного обращения, процедуры принятия обращения к рассмотрению. При этом, необходимо пересмотреть сроки

регистрации электронного обращения, сроки «перенаправления» электронного обращения адресату, в компетенцию которого входит решение поставленных в обращении вопросов, сроки направления электронного обращения нескольким адресатам, когда решение поставленных в письменном обращении вопросов относится к компетенции сразу нескольких государственных органов и (или) органов местного самоуправления. При этом изменение сроков должно произойти в сторону их сокращения, обеспечивая и оправдывая тем самым принцип мобильности электронного обращения.

Дальнейшая детализация этапов стадии возбуждения производства по рассмотрению электронного обращения, а также всей системы регулирования отношений по организации рассмотрения электронных обращений должна быть регламентирована подзаконными нормативными правовыми актами с учетом специфики деятельности соответствующих органов власти и управления, используемых ими способов приема электронных обращений, а также соблюдения требований информационной безопасности.

Полагаем, что от решения обозначенных в настоящем исследовании проблем зависит качество административно-правового регулирования правоотношений в производстве по делам о рассмотрении электронных обращений, а, следовательно, и качество реализации института обращений граждан и их объединений как важного компонента правовой системы современного государства.

### **Библиографический список**

1. Исследование ООН: электронное правительство 2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. – Режим доступа: URL: <https://publicadministration.un.org/>. Дата доступа: 01.11.2020.
2. Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2019 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер. – Режим доступа: URL: <http://letters.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 06.11.2020.
3. Об обращениях граждан, поступивших в Правительство Российской Федерации в декабре 2019 года. – Режим доступа: URL: <http://services.government.ru/>. Дата доступа: 06.11.2020.
4. Горшенев, В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. –1978. – № 3. – С. 113–118.
5. Савоськин, А.В. Система обращений в соответствии с объективной стороной волеизъявления граждан РФ (подсистемы устных, письменных и конклюдентных обращений) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7 (44). – С.1346–1350.

# **ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ «УМНЫЙ ГОРОД» ДЛЯ Г. МИНСКА**

**К.В. Пилецкий**

*заведующий сектором эколого-правовых исследований  
центра государственного строительства и права  
Института экономики НАН Беларуси*

За последние два десятилетия инициативы по созданию «умных городов» получили широкое распространение во всем мире в качестве способа создания более эффективной и пригодной для жизни городской среды. Сегодня все большее внимание уделяется необходимости распространения преимуществ «умных городов» на все слои общества. Политика «умного города» должна разрабатываться, осуществляться и контролироваться как средство повышения благосостояния людей. Умные города также нуждаются в разумном управлении и должны адаптироваться к быстро меняющимся условиям.

К примеру, вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 переопределяет способы, с помощью которых города могут использовать цифровизацию для защиты своих жителей и бизнеса. В период физического дистанцирования цифровые технологии играют все более важную роль в передаче жизненно важной информации в реальном масштабе времени, обеспечивая непрерывность ключевых государственных услуг и устраняя социальную изоляцию. Приложения Smart city могут предложить мощный инструмент для поддержки перехода от персонального к удаленному предоставлению услуг, смягчения последствий кризиса и расширения возможностей новых форм местного управления.

Концепция развития «умного города» (Smart City) зародилась в зарубежной урбанистике в конце 1990-х годов и была направлена в первую очередь на развитие технологий и инфраструктуры. Так, понятие «умного» устойчивого города, разработанное Оперативной группой по «умным» устойчивым городам Европейской экономической комиссии ООН в 2015 году определяет «умный» устойчивый город как «инновационный город, использующий информационно-коммуникационные технологии и другие средства для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и услуг в городах, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах» [1]. В данной трактовке главной задачей «умного» города являлась цифровизация, связывание городской инфраструктуры в интеллектуальные сети, охват их информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и Интернетом вещей и т.д. В тоже время, пройдя стадию активного технологического развития в начале первого десятилетия XXI века, модель «умного» города ориентирована не только на различные способы применения умных технологических решений, но и на активное вовлечение жителей и бизнеса в их развитие, что во многом определяет особенности современных подходов.

В Беларуси в 2019 году Министерством связи и информатизации Республики Беларусь утверждена Типовая концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь [2] с целью создания базовых условий для последующего формирования на уровне городов Республики Беларусь комплексного подхода к повышению эффективности городского управления с помощью передовых ИТ-решений. Стратегической целью создания «умных городов» определен качественный рост конкурентоспособности экономики, благосостояния и качества жизни горожан посредством цифровой трансформации всех аспектов человеческой жизнедеятельности.

Однако, указанная Типовая концепция только описывает основные направления и примеры типовых проектов (решений), которые могут быть использованы для внедрения. При этом она не имеет статус обязательного стандарта, что обуславливает актуальность их разработки и принятия. Необходимость принятия стандартов подтверждается и тем, что они не только выступают ориентиром в планировании долгосрочных и краткосрочных целей развития городов, но и как показывает мировой опыт помогают в выборе приоритетных проектов.

В настоящее время действуют нормативные правовые акты, регулирующие вопросы создания устойчивой инфраструктуры города Минска, создания в городе равных возможностей для достижения высокого уровня и качества жизни населения, обеспечения комфортных условий проживания человека посредством внедрения инновационных цифровых решений:

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2000 года № 410-З «О статусе столицы Республики Беларусь - города Минска», устанавливающий особенности местного управления и самоуправления в столице Республики Беларусь в целях сочетания интересов населения столицы Республики Беларусь и общегосударственных интересов Республики Беларусь;

Устав города Минска, утвержденный решением Минского городского Совета депутатов от 26 июня 2001 года № 193, определяющий направление и порядок взаимодействия Минского городского Совета депутатов, исполнительных и распорядительных органов, органов территориального общественного самоуправления по вопросам осуществления в столице управления и самоуправления, особенности формирования и полномочий органов территориального общественного самоуправления, градостроительного устройства, иные вопросы, касающиеся осуществления городом Минском функций столицы Республики Беларусь;

Программа социально-экономического развития города Минска на 2016 - 2020 годы, утвержденная решением Минского городского Совета депутатов от 28 февраля 2017 года № 275, направленная на повышение уровня занятости населения, рост экспорта, привлечение иностранных инвестиций и применение информационных систем и технологий.

В рамках выполнения Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 - 2020 годы, утвержденной

постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 года № 235, в городе Минске будут реализованы мероприятия, направленные на развитие и модернизацию местных сетей электросвязи с подключением к узлам сети передачи данных для организации доступа к универсальным услугам электросвязи.

Реализация концепции «умных» городов нашла свое отражение в Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2016 года № 1061, что позволит улучшить состояние окружающей среды и условиях проживания населения.

Вместе с тем, активное развитие города обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования государственного управления и развития в сфере цифровых технологий в Минске.

Созданию комфортной и безопасной городской среды для каждого человека будет способствовать разработка и реализация концепции развития «умный город» (Smart City) для г. Минска на основе цифровизации таких сфер, как безопасность городской инфраструктурой, «управление транспортным спросом» [3, с. 33], медицинские услуги, экология, коммунальное хозяйство, утилизация отходов, благоустройство. Для этих целей в указанной концепции должно быть предусмотрено построение зоны беспроводной связи (5G); внедрение системы мониторинга общественного транспорта; создание многофункционального городского портала, ориентированного на использование мобильных приложений и предоставление широкого спектра сервисов городской инфраструктуры и услуг, обеспечивающих жизнедеятельность граждан.

Внедрение концепции развития «умный город» позволит осуществить в г. Минске интеллектуальную интеграцию и онлайн-координацию городских служб, сервисов и инфраструктуры, расширит доступ к социальным онлайн-услугам и как следствие обеспечит комфортные условия проживания.

Концепция развития «умный город» для г. Минска должна согласовываться с ранее принятыми программными документами развития города, а также учитывать имеющийся в стране опыт и лучшие международные практики в этой сфере. В качестве руководящих документов, определяющих, на что должны быть в первую очередь направлены проекты по развитию «умного города», в Беларуси определены Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 годы, а также Типовая концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь. При инициировании и проработке таких проектов необходимо руководствоваться следующими принципами: максимальная ориентация на человека и его потребности; участие жителей в управлении городом; применение передовых технологий для решения городских задач; формирование безбарьерной городской среды; развитие города совместно с

бизнесом и научным сообществом; использование открытого и лицензионного программного обеспечения.

В комплексной цифровизации города Минска можно выделить несколько этапов. Прежде всего, обследование города на предмет необходимых преобразований и готовности к их проведению и внедрению, в рамках которого должны быть изучены стартовые возможности информационно-коммуникационной инфраструктуры города, уже применяемые ИТ-решения, а также обозначены потенциальные «точки роста» города и наличие необходимых условий для адаптации его жителей к новым условиям. Далее, обладая данными сведениями, должны быть определены конкретные проекты по выбранным в качестве приоритетных направлениям, сроки реализации, ответственные исполнители, ожидаемые результаты, т.е. разработана «дорожная карта». И на завершающей стадии разработанная развития «умный город» и «дорожная карта» должны быть представлены общественности, экспертам и государственным органам, курирующим развитие соответствующих отраслей и функциональных сфер экономики, для обсуждения, оценки и согласования с последующим утверждением документа.

Одновременно с непосредственной реализацией концепции развития «умный город» для г. Минска необходимо предусмотреть формирование и адаптацию нормативной правовой базы, стандартов, технических регламентов, образовательных программ и реализующейся кадровой политики в части наращивания ИТ-компетенций, развитие объектов городской инфраструктуры, поддерживающих работу технологий «умного города».

### **Библиографический список**

1. Показатели «умных» устойчивых городов, разработанные ЕЭК ООН–МСЭ [Электронный ресурс] // Экономический и Социальный Совет ООН. - Режим доступа: [http://https://www.unece.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/2015/ECE\\_HBP\\_2015\\_4.ru.pdf](http://https://www.unece.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/2015/ECE_HBP_2015_4.ru.pdf). - Дата доступа: 13.11.2020.
2. Типовая концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Министром связи и информатизации Респ. Беларусь 05.06.19 // Витебский областной исполнительный комитет. - Режим доступа: <http://vitebsk-region.gov.by/uploads/files/Tipovaja-Kontseptsija-Umnyj-gorod.PDF>. - Дата доступа: 13.11.2020.
3. Абламейко, М. «Умный город»: от теории к практике / М. Абламейко, С. Абламейко// Наука и инновации. - 2018. - № 6. - С. 28-34.



## **ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В УКРАИНЕ<sup>26</sup>**

**Е.О. Платонова**

*доцент кафедры аграрного, земельного и экологического права  
Национального университета «Одесская юридическая академия»,  
кандидат юридических наук, доцент*

Необходимым условием гармоничного и стабильного экономического и социального развития Украины является обеспечение и поддержка энергетической безопасности, повышение уровня эффективности использования отечественных энергоресурсов. Стремление усилить энергетическую и экономическую безопасность, снизить зависимость нашей страны от внешних поставок энергетического сырья, негативных экологических последствий от его использования являются теми факторами, которые обусловили признание приоритетным направлением отечественной энергетической политики производство энергии из альтернативных источников. Привлекательность альтернативных источников энергии связана с их неисчерпаемостью, независимостью от конъюнктуры цен на мировых рынках энергоносителей и экологической чистотой.

Общественные отношения в сфере альтернативной энергетики, которые возникли в результате объективной необходимости поиска путей замены традиционных источников энергии на экологически приемлемые, нуждались в правовом регулировании. Поэтому с провозглашением независимости Украины, с учетом кризисного состояния экономики и ограниченных возможностей оплаты за энергоресурсы был принят ряд важных нормативно-правовых актов, регулирующих сферу использования альтернативных источников энергии [1, с. 95]. Учитывая, что формирование системы эффективного правового обеспечения альтернативной энергетики это длительный поэтапный процесс, крайне важным является создание четко структурированной хронологии развития законодательства в сфере использования альтернативных источников энергии.

Период становления законодательства по энергосбережению и использованию альтернативных источников энергии в Украине (1994 - 1999 гг.), характеризуется, прежде всего, принятием базовых Законов Украины «Об энергосбережении» от 01 июля 1994 года и «Об электроэнергетике» от 16 октября 1997 года.

Несомненной ценностью Закона «Об энергосбережении» было то, что именно в его нормах впервые на законодательном уровне было дано определение нетрадиционных и возобновляемых источников энергии, а также

---

<sup>26</sup> Исследование осуществлено в рамках выполнения проекта «Альтернативная энергетика в Украине: пути системного законодательного стимулирования», при финансовой поддержке Национального фонда исследований Украины.

закреплены меры стимулирования энергосбережения (в том числе и для развития альтернативной энергетики) [2]. Основы для развития альтернативной энергетической генерации в Украине были заложены принятием Закона Украины «Об электроэнергетике» от 16 октября 1997 года. Его нормами предусмотрены меры по стимулированию производства электроэнергии из альтернативных источников энергии, в том числе был установлен «зеленый» тариф для субъектов хозяйствования, то есть специальный тариф, по которому закупается электрическая энергия, произведенная на объектах электроэнергетики из альтернативных источников энергии. В настоящее время этот нормативно-правовой акт утратил силу согласно п. 23 раздела XVII «Заключительные и переходные положения» Закона Украины «О рынке электрической энергии» от 13 апреля 2017 года.

Значительным шагом в становление отношений эффективного и рационального использования энергетических ресурсов, внедрения нетрадиционных и возобновляемых источников энергии и топлива, а также их государственной поддержки было принятие Кабинетом Министров Украины ряда программных документов. Среди наиболее важных программ можно назвать: Комплексную программу строительства ветровых электростанций, Комплексную государственную программу энергосбережения Украины, Программу государственной поддержки развития нетрадиционных и возобновляемых источников энергии и малой гидро- и теплоэнергетики. Однако, учитывая программный характер указанных документов, большинство их положений были общими и не содержали четких механизмов их реализации.

По нашему мнению, начиная с 1994 года, в стране был начат процесс становления законодательства по использованию альтернативных источников энергии. Характерной чертой нормативных актов этого периода была высокая степень обобщенности их положений и отсутствие специального законодательства, которое бы регулировало отношения в сфере использования альтернативных источников энергии.

Следующий период формирования законодательства, направленного на развитие альтернативной энергетики (2000 - 2011 гг.), характеризуется принятием основных нормативно-правовых актов в сфере использования альтернативных источников энергии. Так, принятие Закона Украины «Об альтернативных видах топлива» от 14 января 2000 года, позволило определить правовые, социальные, экономические, экологические и организационные принципы производства (добычи) и использования альтернативных видов топлива и предусмотреть экономический механизм стимулирования в сфере альтернативных видов топлива. Постепенно появилась необходимость в законодательном закреплении правовых, экономических, экологических и организационных аспектов использования альтернативных источников энергии и содействие расширению их использования в топливно-энергетическом комплексе. Поэтому значительным событием было принятие Закона Украины «Об альтернативных источниках энергии» от 20 февраля 2003 года,

положительной вехой которого было разграничение понятий «альтернативные источники энергии» и «возобновляемые источники энергии» [3].

В целях совершенствования законодательной базы альтернативной энергетики были приняты Законы Украины, которые предполагали внесение изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно стимулирования мероприятий по энергосбережению, установлению «зеленого» тарифа, а также содействия производству и использованию биологических видов топлива. Введения «зеленого» тарифа должно было способствовать повышению инвестиционной привлекательности проектов по возобновляемой электроэнергетике, однако через значительные колебания его размера достижение указанной цели было усложнено [4, с.19].

Третий период развития законодательства по использованию альтернативных источников энергии (2011 - 2017 гг.), безусловно связан с присоединением Украины к Договору об учреждении Энергетического Сообщества и характеризуется адаптацией законодательства Украины в сфере использования альтернативных источников энергии к законодательству Европейского Союза, а также расширением международного сотрудничества Украины в сфере альтернативной энергетики.

Вступление Украины в Энергетическое сообщество предоставило возможности и инструменты для проведения структурной реформы в области энергетики. В соответствии с принятыми обязательствами в 2020 году обязательная доля возобновляемой энергии в общей структуре энергопотребления в нашей стране должна составлять 11 процентов. Такие обязательства продиктованы положениями Директивы 2009/28 / ЕС о поощрении к использованию энергии, произведенной из возобновляемых источников, план мероприятий по имплементации которой был утвержден распоряжением Кабинета Министров в 2014 году. Указанной Директивой устанавливаются обязательные национальные цели в области возобновляемой энергетики для предоставления гарантий инвесторам и поощрения их к развитию новейших технологий и инноваций в этой сфере.

Для этого периода, с учетом членства Украины в Энергетическом Сообществе, характерным является усиление в нормативных актах внимания к внедрению альтернативных источников энергии. Так, государственное стимулирование развития возобновляемой энергетики в виде «зеленого» тарифа было предусмотрено Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно обеспечения конкурентных условий производства электроэнергии из альтернативных источников энергии» от 4 июня 2015 года. Одной из задач Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере энергетики и коммунальных услуг, созданной согласно Закону Украины 22 сентября 2016 года, является увеличению доли производства энергии из возобновляемых источников энергии и защита окружающей среды.

В связи с возникшей необходимостью дальнейшего усовершенствования правового регулирования отношений в сфере альтернативной энергетики, в частности условий поддержки производства электрической энергии из альтернативных источников энергии, можно говорить о выделении четвертого этапа развития законодательства в этой сфере (2017 г. и до настоящего времени). Для этого периода характерным является урегулирование на законодательном уровне насущных проблем функционирования «зеленой» электрогенерации, уменьшения финансовой нагрузки на конечную цену электроэнергии путем оптимизации уровня «зеленого» тарифа, достижения баланса интересов общества, потребителей и участников рынка электрической энергии, а также улучшения платежеспособности субъектов рынка. Наиболее значимыми Законами Украины, принятыми в этот период, являются: «О рынке электрической энергии» от 13 апреля 2017 года [5], «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно инвестиционной привлекательности строительства объектов возобновляемой энергетики» от 4 сентября 2018 года. Особо следует отметить Законы Украины: «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно обеспечения конкурентных условий производства электрической энергии из альтернативных источников энергии» от 25 апреля 2019 года, а также «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно усовершенствования условий поддержки производства электрической энергии из альтернативных источников энергии» от 21 июля 2020 года.

Таким образом, формирование системы правового регулирования отношений в сфере альтернативной энергетики происходило в Украине поэтапно с учетом характера развития общественных отношений в государстве, уровня развития его экономики, а также важных международных событий. Именно поэтому, анализ историко-правового опыта их регулирования и осуществление периодизации развития законодательства в сфере использования альтернативных источников энергии в Украине, бесспорно, поможет решению современных проблем правового регулирования эффективного и рационального использования альтернативных источников энергии.

### **Библиографический список**

1. Рудь, Ю. Развитие законодательства об энергосбережении в сельском хозяйстве Украины / Ю. Рудь // *Legea Si Viata*. – 2014. – № 11. – С. 95–99.
2. Про енергозбереження: Закон Україна від 1 липня 1994 року. – Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 30. – Ст. 283.
3. Про альтернативні джерела енергії: Закон Україна від 20 лютого 2003 року. – Офіційний вісник України. – 2003. – № 12. – Ст. 522.
4. Hodovaniuk, A.I., Hryhorieva, K.A., Platonova, Y.O., Stepska, O.V., Chumachenko, I.Y. State support of bioenergy in Ukraine: legal problems (Державна

підтримка біоенергетики в Україні: правові проблеми) // Amazonia Investiga. Vol. 9 Núm. 25 / Enero 2020. – P. 15-23.

5. Про рынок електричної енергії: Закон Україна від 13 квітня 2017 року. – Офіційний вісник України. – 2017. – № 49. – Ст. 1506.

## **ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

**Л.А. Самусенко**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Понятие Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – ГСЧС) определяется по-разному в различных нормативных правовых актах.

Так, согласно Закону Республики Беларусь от 5 мая 1998 года № 141-З «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Закон) ГСЧС объединяет республиканский орган государственного управления, осуществляющий управление в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, гражданской обороны, другие республиканские органы государственного управления, иные государственные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы, другие организации, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (статья 3 «ГСЧС»).

Факт, что в статье 3 Закона закреплено определение понятия ГСЧС, подтверждает практически аналогичное определение данного термина, которое приведено в Положении о ГСЧС, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 апреля 2001 года № 495 (далее – Положение). Данная ситуация приводит к дублированию норм и требует изменения.

В соответствии с пунктом 1 вышеназванного Положения ГСЧС – это система, объединяющая республиканский орган государственного управления, осуществляющий управление в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной, промышленной и радиационной безопасности, гражданской обороны, другие республиканские органы государственного управления, иные государственные организации, подчиненные Правительству Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы, организации, обеспечивающая планирование, организацию, исполнение мероприятий по защите населения и территорий от

чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и подготовку к проведению мероприятий гражданской обороны.

На наш взгляд, определение ГСЧС (системы) через тот же термин (систему) не корректно и требует изменения.

Сравнительный анализ обоих определений показывает, что различие между ними состоит в следующих моментах: наименовании высшего органа исполнительной власти: по Закону – Совет Министров, по Положению – Правительство; компетенции республиканского органа государственного управления по чрезвычайным ситуациям – в Положении не указаны его полномочия в сфере ядерной безопасности, о которых говорится в Законе; наименовании других организаций, имеющих полномочия в рассматриваемой сфере – в Законе это другие организации, а в Положении – организации.

При этом в определении ГСЧС в Положении указываются *цели* ее создания:

- планирование, организация, исполнение мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;
- подготовка к проведению мероприятий гражданской обороны.

Тем самым возникает коллизия в определении основных задач ГСЧС (статья 3 Закона) и гражданской обороны (статья 4 Закона Республики Беларусь от 27 ноября 2006 года № 183-З «О гражданской обороне»), поскольку гражданская оборона как отдельная система защиты существует параллельно с ГСЧС.

Подчеркнем, что гражданская оборона предназначена для защиты населения, материальных и историко-культурных ценностей от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а ГСЧС создана для решения задачи защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в мирное время. Эти системы имеют ряд общих признаков, однако независимы друг от друга и развиваются самостоятельно.

Согласно статье 3 Закона Республики Беларусь «О гражданской обороне» подготовка государства к ведению гражданской обороны осуществляется заблаговременно в мирное время с учетом совершенствования средств вооруженной борьбы и средств защиты населения от опасностей, возникающих при ведении военных действий. Следовательно, организация и осуществление мер по подготовке к проведению мероприятий гражданской обороны из основных задач ГСЧС (статья 3 Закона), также как и из ее целей (пункт 1 Положения) должна быть исключена.

Следует отметить, что определение ГСЧС акцентирует внимание на органах и организациях, которые входят в состав данной системы, т. е. по существу закрепляет не понятие, а состав (структуру) ГСЧС. В то же время «само понятие системы уже включает в себя объединение входящих в нее элементов для решения некой общей задачи. Первичны не органы, которые нужно объединять, а цель, для которой нужно создавать новые или

приспосабливать имеющиеся структуры» [1, с. 37-38]. Российский ученый П.Т. Смелов предлагает уточнить цель и функции РСЧС<sup>27</sup> следующим образом. «Цель: своевременное эффективное реагирование ресурсами общества на угрозы чрезвычайных ситуаций и их проявления. При этом реагирование заключается в проведении соответствующих мероприятий предупредительного характера, когда угроза чрезвычайных ситуаций возможна, но еще не проявилась, или уже при ее проявлении для ликвидации последствий действия поражающих факторов чрезвычайных ситуаций. Основные функции РСЧС: мониторинг и прогнозирование; оповещение и связь; реагирование на чрезвычайные ситуации: предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций» [2, с. 60-61].

Следовательно, целесообразно понимать ГСЧС как совокупность (объединение) органов и организаций, осуществляющих реагирование на чрезвычайные ситуации. При этом реагирование включает как предупреждение, так и ликвидацию чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, определение понятия ГСЧС, содержащееся в пункте 1 Положения, по нашему мнению, в силу дублирования следует исключить, а закрепленное в Законе нуждается в изменении.

### **Библиографический список**

1. Смелов, П.Т. Научно-методическое совершенствование звеньев РСЧС / П.Т.Смелов // Технологии граждан.безопасности. – 2011. – № 3. – Т. 8. – С. 36-40.
2. Смелов, П.Т. К вопросу о построении дерева целей РСЧС / П.Т. Смелов // Технологии граждан.безопасности. – 2006. – № 2. – Т. 3. – С. 59-63.

---

<sup>27</sup>Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, созданная в Российской Федерации, аналогичная ГСЧС в Республике Беларусь.

# **МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**З.Ф. Сафин**

*заведующий кафедрой экологического, трудового права  
и гражданского процесса юридического факультета  
Казанского (Приволжского) федерального университета,  
доктор юридических наук, профессор*

**Е.В. Лунева**

*доцент кафедры экологического, трудового права и  
гражданского процесса юридического факультета  
Казанского (Приволжского) федерального университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Рациональное природопользование – это прямой путь к устойчивому развитию современной цивилизации. Поэтому исследование совместных действий международного сообщества по обеспечению рационального природопользования представляется актуальным и востребованным.

В источниках международно-правовой охраны окружающей среды не применяется термин «рациональное природопользование». Однако указанное обстоятельство вовсе не означает отсутствия международного сотрудничества в области рационального природопользования.

Значимость международного взаимодействия в обеспечении рационального использования природных благ подтверждается в науке экологического и международного права. О развитии международного сотрудничества в области рационального природопользования указывается в работах В.В. Петрова [1, с. 497], Л.Д. Прокофьевой [2, с. 3, 7, 8, 10]. Е.А. Галиновская пишет об особом значении совместной деятельности «государств в обеспечении эффективного природопользования» [3, с. 13].

В юриспруденции признаётся многоплановый характер понятий «рациональное природопользование», «рациональное использование природных ресурсов». Под ними понимают форму экологической деятельности [4, с. 287], активную, созидательную творческую деятельность государства и иных участников общественных отношений [5, с. 15, 288, 289, 387], идеологию, цель, принцип и методы охраны окружающей среды, вид (круг) общественных отношений, предмет правового регулирования [6, с. 70, 71], стратегическое направление государственной экологической политики, правовое понятие, правовой принцип, обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, право и обязанность правообладателей (пользователей) природных ресурсов [7, с. 33]. Следовательно, рациональное природопользование можно рассматривать одновременно и как одну из целей, и как принцип природоресурсных отраслей права, а право рационального



природопользования – как систему правовых норм в рамках соответствующих отраслей права, содержащих такие цель и (или) принцип и реализующих их [8].

Полагаем, что к рациональному природопользованию можно применять как узкий, так и широкий подходы. В узком понимании рациональное природопользование связано исключительно с повышением устойчивости экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [9, с. 13]. В широком понимании рациональное природопользование включает не только повышение устойчивости экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов, но и обеспечение такой устойчивости.

В международном экологическом законодательстве наряду с охраной окружающей среды часто используются словосочетания: «улучшение состояния окружающей среды», «рациональное использование природных ресурсов», «повышение стойкости экосистем», «восстановление окружающей среды» и т.д. Правоведами-экологами, специалистами по международному праву обращается внимание на применение международным сообществом не только организационно-правовых мер по сохранению, но и по восстановлению, улучшению природных условий [10, с. 453, 544], улучшению природной среды, её отдельных компонентов [11, с. 67], рациональному использованию природных ресурсов [12, с. 37]. Перечисленные формулировки, закреплённые в международно-правовых актах, признанные в правовой доктрине, характеризуют межгосударственные общественные отношения по улучшению экологических систем, увеличению их устойчивости, являющиеся элементами концепции «устойчивого социального развития». Следовательно, в международном праве рациональному природопользованию соответствует деятельность по улучшению состояния окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, оздоровлению окружающей среды, восстановлению окружающей среды и иным взаимодействиям общества и природы, связанным с обеспечением и повышением устойчивости экологических систем в целом.

Первоначально международное сообщество предлагало решать проблемы окружающей среды исключительно с помощью мероприятий по её сохранению (без выделения мер по различным видам улучшения окружающей среды) [13; 14]. В последующем, постепенно, стал признаваться комплексный подход, когда следует разрабатывать, внедрять и использовать мероприятия и по сохранению, и по улучшению окружающей среды [15; 16; 17; 18]. По ходу становления и развития международного сотрудничества в области окружающей среды мероприятия по её улучшению получают всё большее признание [19; 20; 21] в качестве одного из основных способов сохранения экологического баланса [22; 23; 24; 25; 26]. В перспективе международного сотрудничества ожидается ещё большее укрепление системы организационно-правовых мер, принимаемых мировым сообществом и его членами по улучшению состояния окружающей среды. Так, в проекте Глобального пакта по окружающей среде отчетливо выделяются меры по улучшению природной

среды: признаётся необходимость восстановления целостности экосистемы Земли (ст. 2, 18), улучшения окружающей среды (ст. 12), восстановления разнообразия и способности экосистем сопротивляться нарушениям и восстанавливаться (принцип сопротивляемости/устойчивости, ст. 16) [27].

Таким образом, в межгосударственном сотрудничестве продолжается тенденция в сторону признания всесторонней ценности природы для человека [28, с. 27]. Рациональное природопользование, соответствующие организационно-правовые меры мирового сообщества позволят сохранить и преумножить всестороннюю ценность природы, а, значит, и стать оптимальным способом обеспечения устойчивого развития.

### **Библиографический список**

1. Петров, В.В. Экологическое право России: Учебник для вузов. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 557 с.
2. Прокофьева, Л.Д. Становление и развитие международного экологического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 22 с.
3. Правовой механизм обеспечения рационального использования природных ресурсов: монография / Е.А. Галиновская, В.Б. Агафонов, С.А. Боголюбов [и др.]; отв. ред. Е.А. Галиновская. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – 312 с.
4. Голиченков А.К. Экологическое право России: Словарь юридических терминов: Учебное пособие для вузов. М.: Издательский Дом «Городец», 2008. 448 с.
5. Мухитдинов, Н.Б. Избранные труды в 9 томах. – Т.2.: Основы горного права: некоторые важные положения теории и практики. Алматы, 2010. – Изд. 2-ое, доп. – 420 с.
6. Институты экологического права / С.А. Боголюбов и др. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.
7. Петрова, Т.В. Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 29–34.
8. Лунева, Е.В. Понятие и место права рационального природопользования в системе экологического права // Экологическое право. – 2020. – № 6.
9. Лунева, Е.В. Правовое обеспечение рационального природопользования и права на природные ресурсы // Экологическое право. – 2019. – № 3. – С. 12–17.
10. Колбасов, О.С. Избранное. – М.: РГУП, 2017. – 620 с.
11. Петров, В.В. Правовая охрана природы в СССР: Учебник. – М.: Юридическая литература, 1984. – 384 с.

12. Василенко, Е.В. Совершенствование международно-правового механизма освоения и использования природных ресурсов // Юридический мир. – 2009. – № 10. – С. 37–39.
13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1831 (XVII) от 18 декабря 1962 года «Экономическое развитие и охрана природы». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1831%28XVII%29>.
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2398 (XXIII) от 3 декабря 1968 года «Проблемы окружающей человека среды». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2398%28XXIII%29>.
15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2581 (XXIV) от 15 декабря 1969 года «Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2581%28XXIV%29>.
16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2657 (XXV) от 7 декабря 1970 года «Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2657%28XXV%29>.
17. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2849 (XXVI) от 20 декабря 1971 года «Развитие и окружающая среда». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2849%28XXVI%29>.
18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2850 (XXVI) от 20 декабря 1971 года «Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2850%28XXVI%29>.
19. Декларация Стокгольмской конференция ООН по окружающей среде от 16 июня 1972 года. – Режим доступа: // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/riodecl.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml).
20. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2995 (XXVII) от 15 декабря 1972 года «Сотрудничество между государствами в области окружающей среды». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2995%28XXVII%29>.
21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2997 (XXVII) от 15 декабря 1972 года «Организационные и финансовые мероприятия по международному сотрудничеству в области окружающей среды». – Режим доступа: // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2997%28XXVII%29>.
22. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1975. – № 33.
23. Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. – М.: Издательство политической литературы, 1989.

24. Повестка дня на XXI век. – Режим доступа: // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf).

25. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция от 25 июня 1998, действует с 30 октября 2001 года). – Режим доступа: // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/orhus.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml).

26. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года от 25 сентября 2015 года. – Режим доступа: // URL: [https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/08/Overview\\_Sustainable\\_Development\\_Summit.pdf](https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/08/Overview_Sustainable_Development_Summit.pdf)

27. Предварительный проект глобального пакта об окружающей среде. – Режим доступа: // URL: <https://globalpactenvironment.org/uploads/RU.pdf>.

28. Краснова И.О. Современные тенденции развития международного экологического права // Экологическое право. – 2018. – № 2. – С. 20–27.

## **ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВЕНСТВА СТОРОН В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРОЦЕССЕ**

**А.С. Сенько**

*доцент кафедры правового обеспечения  
правоохранительной деятельности*

*Академии управления при Президенте Республики Беларусь,  
кандидат юридических наук, доцент*

Одной из форм проявления закрепленного в п. 4 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 года «О прокуратуре Республики Беларусь» института участия прокурора в административном процессе является такое направление деятельности прокуратуры как участие в рассмотрении дел об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) закреплены две возможности реализации данного функционального полномочия прокурора: участие в рассмотрении дел об административных правонарушениях в случаях, когда подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению осуществлялась непосредственно должностными лицами органов прокуратуры (ч. 1 ст. 3.29, ч. 4 ст. 11.4); участие по делам об административных правонарушениях, по которым прокурор вступает в административный процесс по решению судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (ч. 4 ст. 11.4). При этом следует отметить, что процессуально-деликтный закон практически не регламентирует правовой статус прокурора в процессе рассмотрения дел об административных правонарушениях. В обоих

вышеназванных случаях прокурор в соответствии с действующим ПИКоАП вправе только давать объяснения и представлять доказательства по делу об административном правонарушении.

В прошлом белорусская прокуратура обладала в рассматриваемом плане гораздо большими правовыми возможностями. Прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, имел право участвовать в рассмотрении любых дел об административных правонарушениях, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дел об административных правонарушениях (ст. 230, 258 Кодекса Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» от 6 декабря 1984 года).

Полагаем, что существующее определение процессуальных прав и обязанностей прокурора при рассмотрении дел об административных правонарушениях в настоящее время уже не в полной мере отвечает потребностям государственного предназначения органов прокуратуры и, в некоторых случаях, конституционным установкам относительно стандартов осуществления правосудия в Республике Беларусь. В связи с изложенным существует настоятельная необходимость в более тщательном рассмотрении правового положения прокурора при реализации им обозначенной формы участия в административном процессе.

Подготовленное прокурором дело об административном правонарушении по общему правилу подлежит направлению для рассмотрения в суд. В отечественной и зарубежной литературе постоянно дискутируется вопрос о правовой природе деятельности суда по рассмотрению дел об административных правонарушениях. В том числе высказывается точка зрения о том, что рассмотрение судами дел данной категории осуществляется в форме правосудия. С этим утверждением следует полностью согласиться, так как дела об административных правонарушениях рассматриваются отечественными судами в рамках административного судопроизводства. Исходя из этого, в силу предписаний ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 8 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей дела об административных правонарушениях судами подлежат рассмотрению на основе принципа состязательности и равенства сторон в процессе, несмотря на то, что в ПИКоАП принцип состязательности и равенства сторон в процессе легального закрепления не нашел. Данное упущение несомненно подлежит исправлению. Представляется, что в ПИКоАП необходимо непосредственно закрепить указанный принцип. В тоже время, в силу юрисдикционной природы деятельности должностных лиц органов, ведущих административный процесс, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях распространение принципа состязательности и равенства сторон в процессе целесообразно ограничить лишь соответствующей деятельностью судов.

Касаясь вопроса о непосредственном содержании принципа состязательности и равенства сторон в процессуально-деликтном производстве,

отметим, что по аналогии с иными видами юридического процесса (уголовного, гражданского) нет необходимости в распространении его действия на все категории дел об административных правонарушениях, подлежащих рассмотрению судами. На наш взгляд на первоначальном этапе, с участием лица, поддерживающего административное преследование (как основного институционального проявления анализируемого принципа), в суде должны рассматриваться дела, являющиеся основанием к возникновению административной преюдиции как условию привлечения лица к уголовной ответственности, дела по своему составу схожие с составами уголовно-наказуемых правонарушений, дела об административных правонарушениях коррупционной направленности, дела, получившие большой общественный резонанс, а также любые иные дела об административных правонарушениях по обоснованному решению суда, и т.п. В дальнейшем данный перечень может подлежать пересмотру в соответствии с запросами теории и практики административно-деликтного права и административно-деликтного процесса.

В целях обеспечения реализации рассматриваемого принципа необходимо прежде всего ввести такого участника административного процесса как должностное лицо, поддерживающее административное преследование в суде. Полагаем, что в качестве такого участника могут выступать должностные лица (их представители) органов, ведущих административный процесс, направивших дела об административных правонарушениях на рассмотрение в суды, в том числе прокурор. При этом считаем, что прокурор вправе выступать в качестве лица, поддерживающего административное преследование в суде, как правило, только по делам об административных правонарушениях, которые были им направлены на рассмотрение в суд либо были подготовлены к рассмотрению иными участниками административного процесса по поручению прокурора в порядке реализации им предписаний п. 8 ч. 1 ст. 2.15 ПИКоАП. Вместе с тем, представляется, что прокурор по своему усмотрению может также выполнять данную роль и по другим делам об административных правонарушениях, которые для рассмотрения в суд направлялись иными должностными лицами органов, ведущих административный процесс. В подобных случаях, совместно с прокурором поддерживать административное преследование целесообразно должностному лицу (его представителю), направившему дело об административном правонарушении в суд.

Для осуществления функции поддержания в суде административного преследования должностным лицам необходимо предоставить соответствующие полномочия. В частности, принимать участие в рассмотрении дел об административных правонарушениях в суде, оглашать протоколы об административных правонарушениях, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, заявлять ходатайства, излагать суду свое мнение по существу административного преследования лиц, а также по другим вопросам, возникающим во время рассмотрения дел, высказывать суду предложения о применении административного закона и назначении лицам

наказания, отказываться от административного преследования, пользоваться другими полномочиями, предусмотренными ПИКоАП.

Введение в судебную деятельность по рассмотрению изучаемой категории дел принципа состязательности и равенства сторон в процессе потребует закрепления и правовой регламентации в ПИКоАП и иных, наряду с изложенными, правовых институтов. В этих целях целесообразно дополнить ПИКоАП самостоятельной главой 11<sup>1</sup> «Рассмотрение дел об административных правонарушениях судами». Реализация данного предложения потребует за собой дальнейшей серьезной теоретической и практической проработки не только правовых, но и организационных и материально-финансовых аспектов, связанных с внедрением в правоприменительную практику данной новеллы.

## **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**Т.В. Телятицкая**

*заведующий кафедрой международного экономического права  
УО «Белорусский государственный экономический университет»,  
кандидат юридических наук, доцент*

**Н.О. Рамазанова**

*ассистент кафедры международного экономического права  
УО «Белорусский государственный экономический университет»*

Проблемы государственного управления миграционными процессами в Республике Беларусь возникли не вчера: страна имеет богатый опыт регулирования миграции, однако особо остро они обострились в 2020 году, на фоне распространения пандемии коронавируса, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы для мировой экономики и национальных экономических систем. Наблюдается рост ксенофобских настроений в неблагоприятных условиях и условиях прямых экономических, политических и социальных рисков. Изоляционные меры, предпринятые различными государствами, и сопутствующие им проблемы масштабного «сжатия» рынка труда, актуализировали отношения между спектром всех групп мигрантов (от трудовых до нелегальных) с одной стороны, а также властями и гражданами принимающих их государств, с другой стороны.

Планетарное распространение пандемии COVID-19 не могло не затронуть Республику Беларусь, поставив новые задачи перед государственными органами, занимающимися вопросами миграции. Наиболее актуальной проблемой стала разработка дополнительных мер по борьбе с коронавирусом и проведение различных карантинных мероприятий, направленных на недопущение распространения этого заболевания.

Миграционная политика Беларуси прошла в своем формировании достаточно продолжительный период, и в настоящее время продолжает активно

развиваться и прирастает новыми законодательными актами. Многочисленность (а иногда и противоречивость) правовых актов в сфере миграции существенно затрудняет их применение и приводит к несогласованности действий правоприменительных органов, регулирующих миграционные процессы. Поскольку государственное управление в данной сфере является самостоятельным направлением деятельности органов исполнительной власти, напрямую связанным с обеспечением государственной безопасности и социально-экономического развития страны, перед государством стоит первоочередная задача систематизации миграционного законодательства, разработки системы базовых документов стратегического планирования миграционной политикой.

Основополагающим актом, на котором следует формировать миграционное законодательство, должна стать Концепция миграционной политики на долгосрочную перспективу (минимум на 10 лет). Представляется, что в данной Концепции должны найти отражение взгляды на содержание, принципы и основные направления деятельности Республики Беларусь в сфере миграции.

В содержание Концепции необходимо включить: 1) оценку современной миграционной ситуации в Республике Беларусь; 2) показатели развития миграционных процессов по отдельным вариантам прогноза социально-экономического развития; 3) сценарии развития угроз национальной безопасности Республики Беларусь на долгосрочный период. 4) приоритетные направления, цели и задачи государственного управления в сфере миграции, эффективные способы их достижения.

Среди принципов, на которых должно строиться государственное управление миграционными процессами, следует выделить:

Конституционные принципы: принцип верховенства права; приоритет общепризнанных принципов международного права; равенство перед законом между социальными, национальными и другими общностями, уважение их прав и интересов; равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела друг друга.

Отраслевые принципы: эффективности; объективности; учета специфики конкретной миграционной ситуации, жизненных обстоятельств и сопутствующих им условий; научности.

Организационные принципы: функциональный; отраслевой; линейный; территориальный; сочетания коллегиальности и единоначалия.

Специальные принципы государственного управления в сфере миграции (принципы миграционного учета): принцип свободы передвижения иностранных граждан и выбора ими места пребывания и жительства в пределах Республики Беларусь; принцип защиты государством права иностранных граждан на свободу передвижения и выбор ими места пребывания и жительства в пределах Республики Беларусь на основе законности и соблюдения норм



международного права; принцип сочетания интересов личности, общества и государства; принцип обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь и защиты иных национальных интересов государства; принцип доступности совершения действий, необходимых для осуществления миграционного учёта.

К числу задач миграционной политики следует отнести:

а) совершенствование правовых и организационных механизмов, регулирующих и обеспечивающих въезд на территорию Республики Беларусь, пребывание на ее территории лиц с деловыми, туристическими, научными и иными целями, которые способны содействовать экономическому, социальному и культурному развитию нашей страны;

б) содействие добровольному переселению в Республику Беларусь на постоянное место жительства белорусов зарубежья, а также иных лиц, способных успешно интегрироваться в белорусское общество и внести свой вклад в его развитие;

в) адаптация иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, к ее правовым, социальным, культурным и иным условиям жизни;

г) создание условий для свободного перемещения граждан, в особенности научно-педагогических работников, специалистов высокой квалификации и студентов, для распространения и изучения передового опыта, новейших технологий, повышения уровня подготовки кадров и интенсивного развития экономики Республики Беларусь;

д) создание условий для развития регионов, снижения диспропорции и размещении населения;

е) профилактика, выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства, совершенствование мер ответственности в данной сфере.

При установлении определенных ограничений в сфере миграции следует исходить из принципа соразмерности и вытекающего из него требования адекватности и пропорциональности используемых правовых средств. В тех случаях, когда конституционные нормы дают право установить ограничения конкретных прав и свобод, эти ограничения не должны посягать на саму сущность того или иного права и приводить к утрате его реального содержания. То есть следует использовать не чрезмерные, а минимально необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями ограничительные меры.

Свобода передвижения не является абсолютной. Допускается ее ограничение в установленных законодательством случаях и пределах. Подход к пониманию сущности свободы передвижения и пределов ее реализации определяет состояние миграционного законодательства и концептуальные направления его развития. Поскольку со свободой передвижения непосредственно связана реализация многих конституционных прав и свобод, то ее ограничение с большой долей вероятности служит причиной встречных

ограничений. В том случае, когда миграционные процессы становятся основной угрозой безопасности, логичным является усиление соответствующих мер, в том числе ограничивающих личные права и свободы в установленных законодательством пределах.

Одним из векторов дальнейшего развития миграционного законодательства должна стать оптимизация полномочий государственных органов в управлении миграционными процессами на основе конституционных принципов, обеспечения национальной безопасности, соблюдения прав иностранных граждан и с целью повышения экономического благосостояния государства.

Можно выделить следующие основные направления государственного регулирования миграционных процессов:

- определение приоритетных направлений государственной политики в сфере миграции;

- совершенствование миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Республику Беларусь;

- оформление и выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда, постоянного проживания, временного проживания и временного пребывания в Республике Беларусь;

- определение порядка привлечения иностранных работников в Республику Беларусь и трудоустройства граждан Республики Беларусь за границей;

- осуществление контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции;

- предоставление статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь;

- предоставление особого правового статуса белорусам зарубежья, оказание содействия в их добровольном переселении на родину;

- установление порядка возвращения граждан Республики Беларусь в свою страну в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, и др.

Большая роль в сфере регулирования миграционных процессов должна отводиться и местным исполнительным и распорядительным органам. На них, в частности, должны быть возложено:

- определение потребности в привлечении иностранной рабочей силы, оценка эффективности ее использования;

- принятие и распределение лиц, признанных беженцами либо получивших дополнительную защиту, убежище и временную защиту на территории Республики Беларусь;

- обеспечение прав и законных интересов этих лиц, их обустройства на новом месте жительства, социальной и культурной адаптации, и др.

Таким образом, формирование новой миграционной политики Республики Беларусь ставит на повестку дня решение целого комплекса вопросов, таких как: защита прав и свобод коренных жителей и мигрантов; обеспечение государственной и общественной безопасности; решение социально-экономических проблем и т.п. Все это нуждается в четком правовом

регулировании, которого можно достичь только в рамках единой, согласованной системы правовых норм, то есть в рамках соответствующей отрасли (подотрасли) права. Соответственно, можно говорить о необходимости выделения в системе административного права подотрасли миграционного права.

## **МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ**

**О.Н. Толочко**

*профессор кафедры государственного управления  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор*

Коррупция представляет собой одно из наиболее масштабных по негативным последствиям социальных явлений, поэтому борьба с ней является приоритетным направлением политики каждого государства. В современных условиях эффективная борьба с коррупцией немыслима без международного сотрудничества.

В последние десятилетия был принят ряд важных международных соглашений по борьбе с коррупцией, прежде всего, в рамках ООН и Совета Европы. В 2000 году была заключена Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. В соответствии со ст. 8 Конвенции государства-участники обязались признать уголовно-наказуемыми такие деяния как обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу какого-либо неправомерного преимущества для него или для иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей, а также вымогательство или принятие неправомерного преимущества таким публичным должностным лицом для себя или иного физического или юридического лица. Конвенция вступила в силу для Республики Беларусь в 2003 году.

В 2003 году была заключена Конвенция ООН против коррупции (вступила в силу для Республики Беларусь в 2005 году). Государства – участники Конвенции обязались принимать меры по обеспечению прозрачности и эффективности подбора кадров для публичных должностей, проведения государственных закупок и управления публичными финансами, работы органов государственного управления, а также меры по обеспечению независимости судебных органов. Кроме того, государства-участники обязались признать уголовно-наказуемым подкуп публичных должностных лиц, определяемый схожим с Конвенцией 2000 года образом, а также хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, злоупотребление влиянием в корыстных целях, злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение,

подкуп в частном секторе, отмывание доходов от преступлений, воспрепятствование осуществлению правосудия и еще ряд коррупционных деяний.

В 2003–2005 гг. Республика Беларусь присоединилась к Конвенциям Совета Европы 1999 года об уголовной ответственности за коррупцию и о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Наша страна стала участницей этих Конвенций, не будучи членом Совета Европы.

Конвенция об уголовно-правовой ответственности за коррупцию обязывает государств-участников криминализировать такие деяния как активный и пассивный подкуп национальных публичных должностных лиц, подкуп членов национальных публичных собраний, активный и пассивный подкуп в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях, отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией и еще ряд общественно опасных деяний, включая транснациональную коррупцию: подкуп иностранных должностных лиц, подкуп членов иностранных государственных собраний, подкуп должностных лиц международных организаций, подкуп членов международных парламентских собраний, подкуп судей и должностных лиц международных судов.

Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию обязывает государств-участников предусмотреть в своем национальном законодательстве эффективные средства правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков. Ст. 2 Конвенции определяет коррупцию как просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового.

Контроль за выполнением обязательств по Конвенциям Совета Европы возложен на Группу государств против коррупции (ГРЕКО). Данная международная организация создана Советом Европы в 1999 году и нацелена на совершенствование методов борьбы с коррупцией в государствах-участниках, а также создание базы для обмена позитивным опытом в области предотвращения и выявления коррупции. Будучи участницей Конвенций Совета Европы против коррупции, Беларусь является также членом ГРЕКО.

В настоящее время сотрудничество нашей страны с ГРЕКО складывается не лучшим образом. В 2012 году организация составила оценочный отчет о соблюдении нашей страной антикоррупционных стандартов, в котором содержались рекомендации по борьбе с коррупцией. В частности, рекомендовалось провести всеобъемлющие исследования с привлечением независимых экспертов, чтобы получить более глубокие представления о масштабах и рисках коррупции в различных секторах экономики и государственного управления; разработать стратегию и план действий по

борьбе с коррупцией, в котором бы предусматривалось, помимо прочего, повышение уровня транспарентности государственного управления, обеспечение свободы выражения мнений и развитие независимых СМИ; участие гражданского общества в мониторинге реализации антикоррупционных программ; развитие системы сдержек и противовесов, в том числе обеспечение независимости прокуратуры и суда; ограничение полномочий Президента по назначению судей и формированию высших судебных инстанций; отмена полномочия Президента давать согласие или налагать вето на возбуждение уголовных дел по фактам коррупции в отношении государственных служащих из кадрового реестра Президента, а также ряд других рекомендаций (всего – 24). Разрешения на публикацию отчета Беларусь организации не предоставила, поэтому в соответствии с п. 21 ст. 35 Правил процедуры ГРЕКО опубликовала лишь Резюме отчета об оценке [1].

В последующем, рассмотрев представленный нашей страной текущий отчет по выполнению рекомендаций, ГРЕКО пришла к выводу о том, что лишь 4 из этих рекомендаций были выполнены удовлетворительным образом: подготовка и специализация сотрудников правоохранительных органов (рекомендации 6 и 7), меры по конфискации (рекомендация 14) и введение международных стандартов бухгалтерской отчетности (рекомендация 23). В целом же уровень выполнения рекомендаций на протяжении ряда лет (в 2014, 2015, 2016 и 2017 гг.) признавался неудовлетворительным. По настоящее время Беларусь не дает разрешения на публикацию отчетов ГРЕКО, будучи единственным членом организации, который воспользовался этой возможностью.

В 2018 г. в связи с отсутствием существенного прогресса ГРЕКО приняла решение организовать в январе 2019 г. миссию высокого уровня в Беларусь согласно п. 2 (IV) статьи 32 Правил процедуры. Поскольку миссия так и не состоялась, в марте 2019 года ГРЕКО выступила с беспрецедентной для своей истории публичной декларацией о несоблюдении Беларусью антикоррупционных стандартов Совета Европы. В декларации было отмечено, что предусмотренная Конвенциями процедура соблюдения не привела к результатам, и что она прекращается. Организация предложила государствам-членам распространить данную декларацию среди государственных учреждений и финансовых институтов и учитывать ее в своих контактах с Беларусью. ГРЕКО также с критической озабоченностью отметила, что Беларусь не дала разрешения на публикацию ни одного из отчетов, что противоречит практике, которой следуют все остальные члены организации, наносит ущерб любым усилиям, направленным на разоблачение коррупции в стране и борьбу с ней, и призвала власти разрешить публикацию всех этих отчетов. Беларуси также было предложено сообщить о дальнейшем прогрессе в отношении рекомендаций, которые не были выполнены, если ситуация существенно изменится [2]. Спустя полгода, в октябре 2019 года, визит миссии

ГРЕКО в Республику Беларусь всё же состоялся; официальные результаты пока не опубликованы.

Вместе с тем, задача борьбы с коррупцией продолжает оставаться приоритетной. По данным Генеральной прокуратуры, в 2018 году в сравнении с 2017 годом количество коррупционных преступлений в стране увеличилось на треть [3]. Причины такой ситуации, по оценке ведомства, заключаются в неспособности отдельных чиновников устоять перед искушением обогащения, а также в организационных просчетах: руководители государственных и иных органов не знают норм антикоррупционного законодательства, требовательность по их соблюдению подчиненными сотрудниками – низкая, работа кадровых, юридических и иных служб в отношении государственных должностных лиц ведется ненадлежащим образом [3]. В качестве мер по улучшению ситуации Генеральная прокуратура видит проверку на полиграфе лиц, претендующих на должности с повышенным коррупционным риском; совершенствование механизмов декларирования имущества и доходов; совершенствование системы госзакупок в части сроков выделения денег («выделять деньги в течение года, чтобы избежать поспешных и необдуманных закупок»); введение в ВУЗах и ССУЗах специального курса, посвященного вопросам коррупции [3].

Как представляется, для существенного улучшения ситуации таких мер недостаточно. Обеспечение эффективной борьбы с коррупцией, по оценкам профильных международных организаций, требует повышения роли гражданского общества; защиты свободы слова и обеспечения свободного доступа к информации о деятельности органов государственной власти и управления; привлечения общественности к контролю за расходованием бюджетных средств; обеспечения независимости суда; повышения уровня подотчетности административных органов обществу. Акцент на привлечение к ответственности, разъяснительную и профилактическую работу, несмотря на всю важность этой работы, направлен в большей степени на борьбу с коррупционерами, нежели с коррупцией как с социальным явлением. Если страна нацелена на искоренение или, по меньшей мере, сведение к минимуму коррупционных проявлений, необходимо изменить отношение к сотрудничеству с международными организациями по борьбе с коррупцией (ГРЕКО, Transparency International и др.) и активнее внедрять передовые международные практики борьбы с этим социальным злом.

#### **Библиографический список**

1. Summary of the Evaluation Report on Belarus // GRECO. – Mode of access: <https://rm.coe.int/16806c1d38>. – Date of access: 05.11.2020.
2. Public declaration of non-compliance in respect of Belarus. Rule 32.2(iv) // GRECO. – Mode of access: <https://rm.coe.int/joint-first-and-second-evaluation-rounds-public-declaration-of-non-com/168093909f>. – Date of access: 05.11.2020.

3. «Борьба с коррупцией в стране – не разовая акция, а системная ежедневная работа». Генпрокурор Александр Конюк представил антикоррупционный декрет на заседании Палаты представителей Национального собрания // Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/sobytiya-i-meropriyatiya/borba-s-korrupsiey-v-strane-ne-razovaya-aktsiya-a-sistemnaya-ezhednevnyaya-rabota-genprokuror-aleksa/>. – Дата доступа: 05.11.2020.

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ**

**В.Э. Холупко**

*заместитель начальника юридической службы РУП «Гродноэнерго»*

Сельское хозяйство является для нашей страны ведущей системообразующей сферой экономики [1], формирующей рынок сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, продовольственную и экономическую безопасность. Одной из составляющих обеспечения продовольственной безопасности является правовое регулирование отношений по технологии соблюдения производства сельскохозяйственной продукции, ее безопасности и качества.

Термин «безопасность» может использоваться как правовое понятие, отражающее специфические ориентиры безопасности, свойственные той или иной отрасли права [2, с. 200]. Определение понятия «безопасность» отсутствует как таковое в статье 1 Закона Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации» [3], «безопасность» как термин распространяется только на объекты технического регулирования и нормирования.

Понятие «качество продукции» в соответствии с СТБ ИСО 9001-2015 «Системы менеджмента качества» [4] определяется как степень соответствия присущих характеристик требованиям. Следовательно, данная характеристика является постоянной в признаках продукции, и, таким образом, неотделима от объекта. Требование в приведенном определении означает необходимость, которая установлена, презюмируется или является обязательной. Установленным является такое требование, которое определено, например, в каком-либо документе, в том числе и в стандарте.

Таким образом, определение понятия «качество» представляется не более четким, чем определение понятия «безопасность». В отношении сельскохозяйственной продукции показатели (физические, химические, биологические и иные) безопасности могут быть выражены и, как правило, выражаются в абстрактных числовых значениях (и определяются с помощью

точных формул) [2, с. 201], однако правовыми средствами не урегулирован способ достижения данных показателей. Так, ТКП 45-3.01-116 «Градостроительство. Населенные пункты. Нормы планировки и застройки» [5], ТКП 45-3.01-164-2009 «Генеральные планы строительства сельскохозяйственных предприятий» [6] по проектированию имеют отсылочные нормы в отношении безопасности и качества сельскохозяйственной продукции, в них лишь указывается, что проектирование зависит от конкретных технологических условий производства.

При проектировании строительства, реконструкции сельскохозяйственных предприятий, в том числе помещений и мест для осуществления деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, их следует разрабатывать в составе проекта раздел «Охрана окружающей среды» в соответствии с требованиями ТКП 45-3.01-116 [5], ПЗ-02 к СНБ 1.03.02-96 «Состав и порядок разработки раздела «Охрана окружающей среды» в проектной документации» (далее – ПЗ-02 к СНБ 1.03.02-96) [7]. В соответствии с данными правовыми актами в составе проектной документации разрабатывается раздел для оценки экологического состояния территории с позиции возможности (необходимости) размещения проектируемого (или реконструкции действующего) объекта, содержащий предварительный качественный и количественный прогноз возможных изменений в окружающей среде после реализации намечаемого строительства (реконструкции). Для сельскохозяйственных предприятий, внесенных в перечень оценки воздействия на окружающую среду, данная оценка определяется в соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» с учетом планируемой хозяйственной и иной деятельности [8]. Таким образом, одной из задач аграрно-правовой науки является в данном случае может являться внесение инициатив по введению в законодательство института по обязательному техническому нормативному правовому регулированию сельскохозяйственного производства. По мнению автора ТКП 45-3.01-164-2009 «Генеральные планы строительства сельскохозяйственных предприятий» необходимо дополнить нормами, учитывающими особенности непосредственно самого процесса производства сельскохозяйственной продукции. Здесь необходимо сказать, что законодательные акты по технологии ведения сельскохозяйственного производства в Республике Беларусь отсутствуют. Например, в Украине [9] утвержден Национальный стандарт в области растениеводства, регламентирующий виды продукции, технологию ее выращивания, требования к ее безопасности.

В отношении соблюдения требований по безопасности сельскохозяйственной продукции, качеству при потреблении в пищу и реализации в Республике Беларусь действует ряд технических нормативных правовых актов, в том числе международных [10, 11, 12], целью которых должна была быть установлена основа правового регулирования производства сельскохозяйственной продукции.



В ходе анализа вышеуказанных правовых актов и практики их применения нами был сделан все же вывод, о том, что в область применения технических регламентов входит только продукция как результат производственной деятельности, однако регламенты не содержат в себе правил поведения как таковых, не способствуют сельскохозяйственным производителям достигать соответствующего результата и выбирать более приемлемые способы осуществления деятельности по производству сельскохозяйственной продукции в целях обеспечения ее качества и безопасности.

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 года № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации» [13] объектом технического нормирования является – продукция либо продукция и связанные с техническими требованиями к продукции процессы разработки, проектирования, изысканий, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации (использования), хранения, перевозки (транспортирования), реализации и утилизации. Таким образом, вступая в отношения в области технического нормирования и стандартизации, сельскохозяйственный товаропроизводитель становится субъектом технического нормирования, а поскольку сельскохозяйственная продукция является объектом технического нормирования по смыслу вышеназванного нормативного акта, правовое регулирование отношений в этой области осуществляется на принципах обязательности и добровольности.

Таким образом, объектом аграрно-правовой науки должно являться дальнейшее упорядочение отношений, складывающихся в области обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции, в данной связи актуальной будет разработка новых правовых инструментов, обеспечивающих правовое регулирование производства сельскохозяйственной продукции в Республике Беларусь.

### **Библиографический список**

1. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 4 марта 2019 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Степаненко, А. В. Правовое регулирование обращения с химическими веществами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / А. В. Степаненко. – М., 2008. – 226 л.
3. О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г., № 262-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Системы менеджмента качества. Требования [Электронный ресурс] // Систэмы менеджменту якасці. Патрабаванні : СТБ ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). – Взамен СТБ ISO 9001-2006 ; введ. 01.03.16. – Минск :

Госстандарт, 2015. – Режим доступа: <http://portal.mspu.by/dok/smk/stb-iso-9001-2015.PDF>. – Дата доступа: 08.09.2020.

5. Градостроительство. Населенные пункты. Нормы планировки и застройки [Электронный ресурс] // Горадабудаўніцтва. Населеныя пункты. Нормы планіроўкі і забудовы : ТКП 45-3.01-116-2008 (02250). – Введ. 01.07.09 (с отменой СНБ 3.01.04-02) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [https://pravo.by/upload/docs/op/W01833598p\\_15430](https://pravo.by/upload/docs/op/W01833598p_15430)

6. Режим доступа: 06800.pdf. – Дата доступа: 11.09.2020.

7. Генеральные планы сельскохозяйственных предприятий. Строительные нормы проектирования [Электронный ресурс] // Генеральныя планы сельскагаспадарчых прадпрыемстваў : ТКП 45-3.01-164-2009 (02250). – Введ. 01.05.10 (с отменой на территории РБ СНиП II-97-76) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/upload/>

8. Режим доступа: docs/op/W01933963p\_1554325200.pdf. – Дата доступа: 11.09.2020.

9. Состав и порядок разработки раздела «Охрана окружающей среды» в проектной документации: ПЗ-02 к СНБ 1.03.02-96. – Минск : М-во архитектуры и стр-ва Беларуси, 2002. – 43 с.

10. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. Технологія вирощування сільськогосподарських культур. Терміни та визначення понять [Электронный ресурс] : ДСТУ 4838:2007. – Чин. від 01.01.09. – Київ : Держспоживстандарт України, 2009. – Режим доступа: [http://gost-snip.su/download/dstu\\_4838\\_2007\\_tehnologiya\\_viroshuvannya\\_silskogospodarskih](http://gost-snip.su/download/dstu_4838_2007_tehnologiya_viroshuvannya_silskogospodarskih). – Дата доступа: 11.09.2020.

12. О безопасности зерна [Электронный ресурс] : ТР ТС 015/2011 : утв. решением Комис. Тамож. союза, 9 дек. 2011 г., № 874 : в ред. решения Совета Евраз. экон. комис. от 15.09.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. О безопасности мяса и мясной продукции [Электронный ресурс] : ТР ТС 034/2013 : принят решением Совета Евраз. экон. комис., 9 окт. 2013 г., № 68 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

14. О безопасности пищевой продукции [Электронный ресурс] : ТР ТС 021/2011 : утв. решением Комис. Тамож. Союза, 9 дек. 2011 г., № 880 : в ред. решения Совета Евраз. экон. комис. от 08.08.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г., № 262-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ  
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ  
В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ  
(НА ПРИМЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА  
И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)**

**О.А. Хотько**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В юридической науке пристальное внимание обращается на необходимость более тесного сотрудничества государств в решении природоохранных проблем. О совершенствовании «механизма многостороннего управления глобальной экологической безопасностью, основой которого является становление устойчивого развития» отмечают Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский [1, с. 131]. На неизбежность координации усилий в области охраны окружающей среды государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), подготовке дополнительного документа с этой целью на пространстве ЕАЭС обоснованно указывает Т.И. Макарова [2, с. 58]. Особенности развития экологического права на евразийском пространстве рассматривает С.А. Боголюбов [3]. Такие подходы, касающиеся гармонизации законодательства ЕАЭС применительно к сфере обеспечения экологической безопасности, следует поддержать и обозначить, что на современном этапе необходимо не только проведение совместной политики в странах-участницах ЕАЭС, но и разработка конкретных эколого-правовых требований к осуществлению деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду.

Как в государственных программных документах, так и в научной литературе прослеживается подход, согласно которому «задача обеспечения экологической безопасности является составной частью более глобальной задачи любого современного государства – обеспечение его устойчивого развития» [4, с. 38]. Обратим внимание, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в качестве принципа скоординированной (согласованной) транспортной политики назван принцип экологичности, а в перечне задач такой политики – снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека (п. 2 ст. 86 Договора). Вместе с тем, положения, отражающие решение данной задачи, не уточнены и не раскрыты в актах права ЕАЭС. Протокол о

скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к вышеуказанному Договору), решения Высшего Евразийского экономического совета не предусматривают конкретных мер по обеспечению экологической безопасности, что не способствует устойчивому развитию стран-участниц ЕАЭС. Исходя из того, что во-первых, риск трансграничного загрязнения окружающей среды чрезвычайно высокий, во-вторых, в экологической сфере признана зависимость от межгосударственной интеграции в решении экологических проблем, необходимо формирование эколого-безопасного пространства в рамках ЕАЭС в связи с потребностью в разработке совместных направлений в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при осуществлении хозяйственной деятельности, в том числе, при создании общего рынка транспортных услуг, для достижения целей устойчивого развития.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года в качестве стратегической задачи перехода к устойчивому развитию в сфере экологии закреплено снижение негативного воздействия на окружающую среду и улучшение ее качественного состояния, восстановление нарушенного экологического равновесия, отмечены показатели экологической безопасности и экологические последствия в случае выхода за пороговые значения (Приложение 2). Данные идеи получили продолжение в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, одобренной на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 года, согласно которой определено, что, например, для устойчивого развития транспортной системы необходимо «обеспечение природоохранных требований в процессе эксплуатации транспортных средств, расширение использования более чистых видов топлива (электроэнергии, биотоплива, водорода и других)» (п. 5.5.3). В ней указаны приоритетные направления экологической безопасности, включая обеспечение охраны атмосферного воздуха путем минимизации выбросов загрязняющих веществ от стационарных и мобильных источников (п. 6.1). В концепции проекта Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 года предусмотрено 17 целей устойчивого развития, многие из которых взаимосвязаны с обеспечением экологической безопасности (хорошее здоровье и благополучие (цель № 3), устойчивые города и населенные пункты (цель № 11), борьба с изменением климата (цель № 13). В качестве направлений устойчивого развития в ней закреплены повышение жизнеспособности экосистем и экологического здоровья через улучшение качеств окружающей среды, создание экологически безопасной среды проживания посредством обеспечения качества атмосферного воздуха, повышение экологической устойчивости городов, повышение уровня экологического образования и экологической культуры населения, а также обеспечение экологически благоприятных условий жизнедеятельности общества и граждан. Полагаем, целесообразно развитие

данных направлений в законодательстве, чтобы концепция, основанная на идее благоприятного образа жизни, не явилась декларацией. Кроме того, представляется необходимым уточнить термины «экологически безопасная среда», «экологическая устойчивость», «экологически благоприятные условия», «улучшение качества окружающей среды» в силу отсутствия их законодательного закрепления.

Стратегия в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2025 года определяет направления государственной политики в области охраны окружающей среды, но в ней не учитываются инновационные преобразования в современных условиях. Считаем необходимым разработку документа на долгосрочную перспективу, охватывающего ряд вопросов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности с учетом выработанного в науке эколого-правового механизма, а в отношении отдельных видов хозяйственной деятельности – соответствующую концепцию, содержащую цели, задачи, основные направления ее реализации для эффективности действия экологического законодательства. В свете запланированного принятия национальной Стратегии долгосрочного развития Беларуси с низким уровнем выбросов парниковых газов на период до 2050 года, включающей мероприятия по сокращению выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в транспортном секторе, должны быть учтены научно обоснованные подходы в части установления правовых требований экологической безопасности к осуществлению транспортной деятельности, что будет способствовать устойчивому развитию общества. В тоже время подготовку документа следует предусматривать с учетом проекта одноименной Стратегии, уже разработанного в Российской Федерации, и создать единые основы снижения угроз экологической безопасности в странах-участницах ЕАЭС. Кроме того, необходимо принятие Рекомендаций по гармонизации законодательства стран-участниц ЕАЭС в сфере обеспечения экологической безопасности.

В Европейском союзе (далее – ЕС) охрана окружающей среды является одним из приоритетных направлений наряду с экономической интеграцией в силу необходимости решения актуальных проблем по снижению загрязнения окружающей среды и достижения устойчивого развития. Реализацию направлений в области охраны окружающей среды ЕС проводит на основании принципов экологической политики, закреплённой в Договоре об учреждении Европейского Союза. Начиная с 1973 года принято семь основополагающих программ в эколого-правовой сфере на определенный период (1973 год – Первая программа, 1977 год – Вторая программа, 1983 год – Третья программа, 1987 год – Четвертая программа). По результатам проведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году (РИО-92) была принята Пятая программа действий ЕС в области охраны окружающей среды, основанная на концепции устойчивого развития. В рамках Шестой программы определено продолжение мероприятий, направленных на обеспечение

устойчивого развития, в ней определены следующие приоритетные сферы: 1) изменение климата, 2) природа и биологическое разнообразие, 3) окружающая среда, здоровье и качество жизни, 4) природные ресурсы и отходы. Седьмая программа действий ЕС по окружающей среде, принятая решением Парламента и Союза 20 ноября 2013 года и функционирующая с 2014 по 2020 гг., в качестве основной идеи закрепляет устойчивое развитие и определяет несколько стратегических целей, включая защиту природного капитала, переход к ресурсосберегающей экономике, создает стимулы для роста и инноваций с низким уровнем выбросов углекислого газа в целях обеспечения сохранения здоровья людей и их благополучия. Необходимо обратить внимание на то, что для осуществления природоохранных мероприятий принимается ряд актов, директив, регламентов, программ устойчивого развития, действие которых распространяется на все европейские государства, а значит, направляются максимальные объединенные усилия на развитие безопасных технологий, в том числе в области продвижения экологически чистого транспорта, снижения шума, сертификации автомобилей относительно норм выбросов и др. Государства-члены ЕС считают своим долгом разрабатывать документы, касающиеся предотвращения вреда окружающей среды, качества атмосферного воздуха.

Таким образом, подводя итоги анализа и сравнительно-правовой характеристики подходов Евразийского экономического союза и Европейского союза в части закрепления направлений охраны окружающей среды и экологической безопасности, отметим, что ЕС проводит достаточно эффективную экологическую политику, что доказывается рядом планомерных действий по развитию законодательства в европейских странах, а государствам – участникам ЕАЭС необходимо усилить общие направления деятельности в достижении цели устойчивого развития.

### **Библиографический список**

1. Жаворонкова, Н.Г., Шпаковский, Ю.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации. – М.: Проспект, 2017.

2. Макарова Т.И. Право окружающей среды Евразийского экономического союза: проблемы формирования // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного, энергетического права: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27 апреля 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Т. И. Макарова (отв.ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. – С. 55–58.

3. Боголюбов, С.А. Развитие экологического права на евразийском пространстве: монография. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020.

4. Семашко, Е.В. Оценка воздействия на окружающую среду как форма реализации экологической функции государства // Правовое обеспечение

реализации принципов «зеленой» экономики: монография / Е. В. Лаевская [и др.] ; под ред. Е. В. Лаевской. – Минск : Четыре четверти, 2017.

## **МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

**В.М. Чернышова**

*младший научный сотрудник отдела исследований  
в области государственного строительства и международного права  
Национального центра законодательства и правовых исследований  
Республики Беларусь*

Основной целью Международного уголовного суда (далее – МУС, Суд) является привлечение к ответственности и, как одно из следствий, превенция преступлений, угрожающих международному миру и безопасности. Все преступления, на которые распространяется юрисдикция Суда признаны государствами как обязательства *erga omnes*. В связи с этим, некоторые исследователи находят недостаток Суда в том, что, несмотря на его цели и предметную юрисдикцию, действие МУС по общему правилу распространяется лишь на государства-члены Римского статута 1998 (далее – Статут). А. Абашидзе утверждает, что обязательность Статута, по крайней мере, для всех членов Совета Безопасности ООН, существенно бы повысила эффективность Суда и послужила бы развитию его превентивной функции [2]. Полагаем, признание обязательности юрисдикции МУС вне зависимости от участия государств в Статуте не только повысило бы эффективность Суда, но и наибольшим образом обеспечило бы принцип неотвратимости наказания. На наш взгляд, в данном контексте уместно рассмотреть причины отказав признания обязательности Статута некоторых государств. Например, США настаивали на необходимости признания в тексте Статута роли Совета Безопасности в определении совершения акта агрессии [3]. Данную претензию, выдвинутую США, рассмотрим детально.

Согласно п. 1 ст. 5 Статута, преступление агрессии включено в предметную юрисдикцию Суда. Однако, в Статуте делается оговорка о том, что «Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со статьями 121 и 123 положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Такое положение соотнобразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций» (п. 2 ст. 5) [4]. Для разрешения вопросов реализации юрисдикции МУС в отношении преступлений агрессии в 2002 году Ассамблеей государств-участников МУС была создана Специальная рабочая группа. Примечательно, что в работе данной группы принимали участие не

только государства-члены Статута, но и государства, принимавшие участие в Римской конференции 1998 года по разработке уставного документа Суда.

В результате работы Специальной рабочей группы был подготовлен проект статей, содержащих поправки к действующим нормам Статута. На конференции 2010 года по обзору Статута МУС консенсусом была принята Резолюция RC/Res.6 (далее – Резолюция) [5]. Данная Резолюция содержала, среди прочего, определение преступления агрессии и условия реализации юрисдикции МУС в отношении этого преступления. Согласно ст. 15бис п. 6-8, «когда Прокурор приходит к выводу о том, что имеется разумное основание начать расследование в отношении преступления агрессии, он или она сначала выясняет, вынес ли Совет Безопасности определение в отношении акта агрессии, совершенного соответствующим государством. Если Совет Безопасности вынес такое определение, Прокурор может начинать расследование преступления агрессии. Если никакого подобного определения не выносится в течение шести месяцев с даты уведомления, Прокурор может начать расследование в отношении преступления агрессии, при условии, что Палата предварительного производства санкционировала начало расследования в отношении преступления агрессии в соответствии с процедурой, изложенной в статье 15, и Совет Безопасности не вынес решения об ином в соответствии со статьей 16» [6].

Таким образом, в первую очередь, механизм юрисдикции Суда в отношении преступлений агрессии «запускает» Совет Безопасности ООН, что соответствует Уставу ООН, согласно которому «Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (ст. 24), «Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» (ст. 39) [1]. Однако, на основании статьи 15-бис МУС наделяется полномочиями начать расследование в отношении преступления агрессии без определения акта агрессии Советом Безопасности. Полагаем, данное положение является противоречивым и может вызвать трудности в осуществлении юрисдикции МУС в отношении данного преступления. Российская Федерация заявила, что «осуществление юрисдикции МУС без уполномочия Совета Безопасности может повлечь создание параллельной системы поддержания мира и международной безопасности, что входит в противоречие с Уставом ООН» [5]. Как отмечает С.В. Глотова, МУС инкорпорирован в систему поддержания мира и международной безопасности, однако главенствующую позицию в данной системе занимает Совет Безопасности [5].

Наряду с вышеприведенной, существует другая позиция, которая не оспаривает главную роль Совета Безопасности в поддержании международного мира и безопасности, однако, подчеркивается, что ответственность Совета Безопасности не является исключительной. Приверженцы данной позиции акцентируют внимание также на то, что МУС не является напрямую зависимым от Совета Безопасности, а баланс между полномочиями Совета Безопасности в



отношении определения акта агрессии и юрисдикцией Суда по отношению к преступлениям агрессии достигнут путем закрепления норм о том, что «никакое расследование или уголовное преследование не может начинаться либо проводиться в соответствии с настоящим Статутом в течение периода в 12 месяцев после того, как Совет Безопасности в резолюции, принятой на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, обращается в Суд с просьбой на этот счет; эта просьба может быть повторена Советом Безопасности при тех же условиях» (ст. 16) [4].

Как отмечалось выше, по нашему мнению, полномочия МУС начинать расследование в отношении преступления агрессии без определения акта агрессии Советом Безопасности не является оправданным и противоречит Уставу ООН. Исходя из целей ООН и полномочий Совета Безопасности можно сделать вывод, что государства стремились создать единую систему безопасности и исключительный орган, который определял бы наличие угрозы миру и решал, какие действия ввиду этого необходимо предпринять. С нашей точки зрения, возможность МУС осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений агрессии в обход наличия определения акта агрессии Совета Безопасности не соответствует идее Устава ООН.

Полагаем, принятая концепция комплементарности юрисдикции Суда также требует пересмотра. В деле «Прокурор против Франсиса Кирими Мутауры, Ухуру МуигаиКениатты и Мохаммеда Хусейна Али» Суд разъяснил принцип комплементарности [7]. Комплементарность подразумевает, что национальная юрисдикция государств обладает приоритетом по отношению к юрисдикции Суда. Дело переходит под юрисдикцию Суда в случаях, если, в частности, не выполняются условия, предусмотренные статьей 17 Статута: дело расследуется или в отношении него возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении него юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом; дело расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него, и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования; лицо, которого это касается, уже было судимо за поведение, которое является предметом данного заявления; дело не является достаточно серьезным, чтобы оправдывать дальнейшие действия со стороны Суда [2].

Несмотря на согласованность юрисдикции МУС с принципом суверенного равенства государств, уважением суверенитета, полагаем, было бы эффективнее последовать примеру Международных трибуналов, где юрисдикция трибунала являлась приоритетной по отношению к национальной юрисдикции. Поскольку преступления, входящие в предметную юрисдикцию МУС, требуют единства в толковании и наказании за них, такой подход в большей мере обеспечивает единство и преемство правоприменительной практики.

### Библиографический список

1. Абашидзе, А. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств [Электронный ресурс] / А. Абашидзе // Международный уголовный суд : проблемы, дискуссии, поиск решений: сб. ст. под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз – 2008. – Режим доступа: <http://euglobe.ru/wp-content/uploads/2016/09/Сборник-статей-по-МУП.-Богуш-Трикоз.pdf>. – Дата доступа: 09.11.2020.
2. Толочко, О.Н. Международный уголовный суд: создание, деятельность, перспективы [Электронный ресурс] / О. Н. Толочко // Электронная библиотека БГУ / ЮстыцяБеларусі. – 2008. – № 7 (78). – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/116158>. – Дата доступа: 10.11.2020.
3. Римский статут международного уголовного суда [Электронный ресурс] : [принят в г. Риме 17.07.1998 г.] // Организация Объединенных Наций. – 2002. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/pdf/rome\\_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf). – Дата доступа: 10.11.2020.
4. Глотова, С.В. Юрисдикция международного уголовного суда в отношении преступления агрессии [Электронный ресурс] / С.В. Глотова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева : Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisdiksiya-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda-v-otnoshenii-prestupleniya-agressii>. – Дата доступа: 10.11.2020.
5. Преступление агрессии [Электронный ресурс] : резолюция, принятая консенсусом на 13-м пленарном заседании 11 июня 2010 г. – Режим доступа: [https://www.msal.ru/common/upload/icctc2012rus\\_aggression\\_russian.pdf](https://www.msal.ru/common/upload/icctc2012rus_aggression_russian.pdf). – Дата доступа: 10.11.2020.
6. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : [подписан в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> – Дата доступа: 09.11.2020.
7. Ситуация в Республике Кения [Электронный ресурс] : решение апелляционной палаты Международного уголовного суда от 30 авг. 2011 г., ICC-01/09-02/11 ОА. – Режим доступа: [https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2011\\_13819.PDF](https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2011_13819.PDF)– Дата доступа: 09.11.2020.

# **К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ**

**И.М. Чиж**

*консультант правового, организационного и кадрового управления  
Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь*

Формирование эффективного рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия согласно Указу Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 года № 347 «О государственной аграрной политике» (далее – Указ 347) относится к основным целям государственной аграрной политики. Функционирование рынка сельскохозяйственной продукции в значительной степени зависит от правового регулирования отношений по реализации сельскохозяйственной продукции. При этом необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует системность в правовой регламентации рассматриваемых отношений, что, в свою очередь, негативно сказывается на экономическом положении производителей данной продукции.

Государство, стремясь обеспечить населения продуктами питания, а перерабатывающую промышленность сырьем, устанавливает в законодательстве различные ограничения по реализации сельскохозяйственной продукции, влияющие на предпринимательскую инициативу ее производителей. Кроме этого, местные органы власти определяют для перерабатывающих организаций сырьевые зоны, в рамках которых они могут закупать сельхозпродукцию у ее производителей. Установление сырьевых зон объясняется необходимостью загрузки мощностей перерабатывающих организаций, находящихся на территории данных административно-территориальных единиц. Приобретение продукции у сельхозпроизводителей за пределами установленных сырьевых зон возможно только при наличии соответствующего разрешения. В качестве подтверждения сказанному можно привести нормы постановления Совета Министров Республики Беларусь от 18 августа 2014 года № 797 «О проведении эксперимента по обработке схемы реализации молока (сырья), молока и молочной продукции с применением свободных цен», которым закреплено, что молокоперерабатывающие организации Могилевской области закупают молоко (сырье) у сельхозпроизводителей на основании договоров, заключаемых субъектами хозяйствования, без определения в установленном порядке сырьевых зон.

Ограничением прав сельхозпроизводителей при реализации своей продукции нужно признать также установление различного рода административных препятствий, создаваемых местными органами власти, для продажи сельхозпродукции, произведенной на территории другого региона республики. Местные органы власти мотивируют принятие таких мер необходимостью защиты интересов местных сельхозпроизводителей. Известны также случаи, когда местные органы власти запрещали сельхозпроизводителям

реализовывать произведенную ими продукцию за пределы своей области по причине нехватки данной продукции в этой административно-территориальной единице.

Следует также обратить внимание, что на сегодняшний день при закупке сельхозпродукции фактически существует монополизм перерабатывающих организаций, которые, как правило, разрабатывают типовые и примерные договоры, а сельхозпроизводители вынуждены присоединяться к ним, чтобы обеспечить осуществление сельскохозяйственного производства. О наличии монополизма в данной сфере говорит тот факт, что по инициативе Министерства антимонопольного регулирования и торговли крупнейшие переработчики сырого молока, закупающие его у сельскохозяйственных производителей, были включены в региональные реестры предприятий, занимающих доминирующее положение на товарных рынках.

Для устранения возможности введения рассмотренных выше ограничений считаем целесообразным закрепить в п. 3 Указа 347 принцип свободы волеизъявления производителей сельскохозяйственной продукции при реализации произведенной им продукции и принцип свободного перемещения сельскохозяйственной продукции на территории Республики Беларусь.

Устранению приведенных выше ограничений будет способствовать, на наш взгляд, также расширение использования сети Интернет при реализации сельскохозяйственной продукции ее производителями.

Следует отметить, что в последнее время активно развивается розничная торговля сельхозпродукцией через интернет – магазины, под которыми понимаются сайты, содержащие информацию о товарах, продавце, позволяющий осуществить выбор, заказ и (или) приобретение товара. В Республики Беларусь отношения по розничной торговле в сети Интернет через интернет-магазин регламентируются Правилами осуществления розничной торговли по образцам, которые утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 года № 31. В соответствии с п. 4 названных правил через интернет-магазины вправе реализовывать сельхозпродукцию юридические лица, производящие эту продукцию, индивидуальные предприниматели, осуществляющие данный вид деятельности. Производители через интернет-магазины могут реализовывать весь спектр сельскохозяйственной продукции, соответствующей требованиям законодательства. Исключение составляют семена мака, которые в соответствии с указанными правилами запрещены для продажи через интернет-магазин.

Как отмечалось выше, через интернет-магазины сельхозпродукцию могут реализовывать только юридические лица и индивидуальные предприниматели, выращивающие (производящие) данную продукцию. Следовательно, граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, не могут продавать выращенную (произведенную) ими продукцию через интернет-магазины, поскольку согласно ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 11 ноября 2002 года № 149-З «О

личных подсобных хозяйствах граждан» данная деятельность граждан не относится к предпринимательской.

Между тем, личные подсобные хозяйства граждан вносят значительный вклад в продовольственное обеспечение страны и, как показывает практика, имеют существенные проблемы с реализацией, выращенной (произведенной) ими сельхозпродукции. Одним из способов решения указанной проблемы, на наш взгляд, является закрепление на законодательном уровне права граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, реализовывать выращенную (произведенную) ими сельхозпродукцию с применением рекламы в сети Интернет. В связи с этим следует ч. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 11 ноября 2002 года № 149-З «О личных подсобных хозяйствах граждан» после слова «договорам» дополнить «, а также с применением рекламы в глобальной компьютерной сети Интернет, путем доставки по указанному потребителем адресу любым видом транспорта».

Необходимо обратить внимание, что на сегодняшний день через Интернет осуществляется реализация сельскохозяйственной продукции, выращенной (произведенной) гражданами на земельных участках, предоставленных им не только для ведения личного подсобного хозяйства, но и для других целей: строительства и обслуживания жилого дома, дачного строительства, коллективного садоводства, огородничества. Однако данные отношения не регламентированы в законодательстве. В целях устранения указанного пробела следует в пункте 2.7-1 Указа 347 закрепить норму о том, что граждане вправе продавать сельскохозяйственную продукцию, выращенную (произведенную) ими на земельных участках, находящихся у них на законных основаниях, с применением рекламы в сети Интернет.

К формам торговли в Интернете наряду с интернет-магазинами относятся также электронные биржи. В настоящее время биржевая торговля сельскохозяйственной продукцией проводится в ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» (далее - БУТБ), в рамках которой действует самостоятельная секция сельхозпродукции.

Регламентом биржевых торгов по секции сельхозпродукции в БУТБ (далее – Регламент), который утвержден постановлением правления ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» от 31 декабря 2005 года № 8, закреплены перечни продукции, которые могут быть предметом биржевых торгов по данной секции.

Следует отметить, что Регламентом установлены специальные правила проведения биржевых торгов молоком коровьим сырым код ТНВЭД ЕАЭС 0401 (далее - молоко) для внутреннего рынка. Так, участвовать в биржевых торгах молоком могут только резиденты Республики Беларусь. В качестве продавцов вправе выступать посетители торгов, осуществляющие производство молока, и управляющие компании холдингов, в состав которых включены организации, производящие молоко (далее – производители), при условии, что они не имеют на первое число месяца, следующего за отчетным, задолженности

(неисполнение обязательств) по поставке молока в счет авансовых выплат, а также других финансовых обязательств по расчетам с организациями, осуществляющими деятельность по обработке (переработке) молока и производству молочной продукции на территории Республики Беларусь и реализацию готового продукта в потребительской таре, согласно перечню, предоставляемому бирже комитетами по сельскому хозяйству и продовольствию облисполкомов не позднее 10-го числа текущего месяца. В качестве покупателей могут выступать посетители, осуществляющие деятельность по обработке (переработке) молока и производству молочной продукции на территории Республики и реализацию готового продукта в потребительской таре, либо управляющие компании холдингов, в состав которых организации, осуществляющие деятельность по обработке (переработке) молока и производству молочной продукции на территории Республики Беларусь и реализацию готового продукта в потребительской таре, согласно перечню, представленному комитетами по сельскому хозяйству и продовольствию облисполкомов.

В Регламенте установлены методы корректировки цены молока, закупаемого по биржевому договору в зависимости от фактического показателей жирности и содержания белка, учитывающие специфику отношений по реализации данной сельскохозяйственной продукции и направленные, по мнению автора, на формирование цены соответствующей интересам как производителей, так и покупателей молока.

Практика проведения в БУТБ биржевых торгов молока и формирование специального механизма их осуществления является, на наш взгляд, важным шагом для развития электронной биржевой торговли сельскохозяйственной продукции. Считаем, что существует объективная необходимость расширения перечня отечественной сельскохозяйственной продукции, которая может быть реализована на электронных биржевых торгах в БУТБ на экспорт и для внутреннего использования, что будет способствовать продвижению данной как на внутренний, так и на внешний рынок.

Полагаем также, что в целях создания свободного, равноправного доступа производителей сельскохозяйственной продукции на рынок, а также устранения посредников в отношениях по реализации данной продукции, целесообразно, на наш взгляд, закрепить нормы, регламентирующие создание и деятельность специализированной аграрной биржи и интернет-площадок, в том числе в рамках ЕАЭС, на которых будет реализовываться сельскохозяйственная продукция ее производителями.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что для создания и функционирования эффективного рынка сельскохозяйственной продукции необходимо закрепить:

в п. 3 Указа 347 принцип свободы волеизъявления производителей сельскохозяйственной продукции при реализации произведенной им продукции

и принцип свободного перемещения сельскохозяйственной продукции на территории Республики Беларусь;

в законодательстве предлагаемые выше автором нормы, которые направлены на расширение использования сети Интернет при реализации сельскохозяйственной продукции ее производителями.

## **К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ФУНКЦИЙ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ**

**И.С. Шахрай**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

В современных условиях функционирование природных ресурсов в значительной степени находится под контролем человека. Например, осуществляется создание искусственных водных объектов и регулирование водных потоков; регулирование водного режима почв путем проведения мелиорации земель; создание и содержание лесных насаждений и насаждений объектов растительного мира; регулирование видового разнообразия и численности диких животных, в том числе, обитающих в охотничьих и рыболовных угодьях, и т.п. Не вызывает сомнений, что эти отношения нуждаются в надлежащей правовой регламентации с учетом особенностей природных ресурсов. При этом отраслевое природоресурсное законодательство Республики Беларусь, предусматривая осуществление различных видов деятельности, направленных на охрану, защиту, воспроизводство, поддержание функций природных ресурсов, не демонстрирует единых подходов.

Наиболее полнотаккие виды деятельности урегулированы лесным законодательством и законодательством о животном мире. В частности, проведение лесохозяйственных мероприятий и обеспечение рационального (устойчивого) использования лесных ресурсов охватывается понятием «ведение лесного хозяйства» (Лесной кодекс Республики Беларусь от 24 декабря 2015 года); деятельность по охране, воспроизводству и рациональному (устойчивому) использованию ресурсов охотничьих животных и рыбных ресурсов – понятиями «ведение охотничьего хозяйства» и «ведение рыболовного хозяйства» соответственно (Указы Президента Республики Беларусь от 21 марта 2018 года № 112 «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства», от 8 декабря 2005 года № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ею»). Основанием возникновения права ведения лесного хозяйства является принятие Советом Министров Республики Беларусь решения о предоставлении участков лесного фонда для ведения лесного хозяйства; права ведения охотничьего и рыболовного хозяйства –

предоставление охотничьих (рыболовных) угодий юридическим лицам в аренду либо в безвозмездное пользование (в последнем случае – по решению Президента Республики Беларусь).

При этом ведение лесного, охотничьего, рыболовного хозяйства хотя и подразумевает осуществление ряда организационных мероприятий и реализацию управленческих функций в отношении соответствующих природных ресурсов (например, выдачу разрешительных документов – лесных, лесорубочных билетов, охотничьих путевок, разрешений на добычу охотничьего животного), но одновременно рассматривается в качестве видов экономической деятельности, что следует из положений общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности», утвержденного постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 года № 85. Такая ситуация является, с одной стороны, проявлением общей тенденции, характерной для сферы государственного управления, – расширения круга субъектов, реализующих управленческие полномочия, а с другой – создает сложности определения содержания рассматриваемых видов деятельности и правового статуса реализующих их субъектов (данный вывод, в первую очередь, касается юридических лиц, ведущих лесное хозяйство [1, с. 291-293]). Одним из возможных последствий является риск преобладания при ведении лесного, охотничьего, рыболовного хозяйства экономических интересов и недостаточного учета целей рационального использования, охраны и воспроизводства соответствующих ресурсов.

По своему содержанию озеленение, осуществление которого предусматривается Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 205-З «О растительном мире», имеет значительные сходства с ведением лесного хозяйства (так, под озеленением понимается комплекс мероприятий по созданию и содержанию насаждений, выполняющих санитарно-гигиенические, рекреационные, инженерно-технические, культурные, эстетические или иные несельскохозяйственные функции). Вместе с тем, законодательство о растительном мире применяется к отношениям в области озеленения лишь в части, не урегулированной законодательством Республики Беларусь в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, о коммунальном хозяйстве (ст. 2 названного Закона).

Аналогично отношения в области мелиорации земель (к которой согласно Закону Республики Беларусь от 23 июля 2008 года № 423-З «О мелиорации земель» отнесена деятельность, направленная на коренное улучшение земель с целью обеспечения создания и поддержания оптимальных водного, воздушного, теплового и питательного режимов почв для сельскохозяйственных растений, лесов и иных насаждений, путем проведения мелиоративных мероприятий) урегулированы специальным законодательством (о мелиорации), тогда как Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 года вообще не отражает специфику правового режима мелиорированных и



мелиорируемых земель. Особенности проведения агролесомелиоративных, противозрозионных и иных мероприятий, обеспечивающих создание и поддержание оптимальных режимов почв, природоресурсное законодательство также практически не уделяет внимания; лишь Водный кодекс Республики Беларусь от 30 апреля 2014 года в ст. 30 выделяет отдельные виды специального водопользования, направленные на поддержание водного баланса земель (водопользование, связанное с устранением подтопления, заболачивания земель; с изъятием поверхностных вод передвижными устройствами для орошения сельскохозяйственных земель).

Следует также отметить, что Кодекс Республики Беларусь о земле определяет состав одной из категорий земель – земель водного фонда – через признак предоставления для ведения водного хозяйства, в том числе для размещения водохозяйственных сооружений и устройств [2, с. 111]. Вместе с тем, Водный кодекс Республики Беларусь не содержит понятие «ведение водного хозяйства», хотя и выделяет некоторые виды специального водопользования (в частности, водопользование, связанное с регулированием водных потоков с применением гидроузлов, плотин и других водоподпорных сооружений, а также водопользование, связанное с проведением мероприятий по защите водоносных горизонтов), которые по своему содержанию ближе не к пользованию, а к тем видам деятельности, которые связаны с созданием, преобразованием и поддержанием функций природных ресурсов. Полагаем, что закрепление водным законодательством понятия «ведение водного хозяйства» позволило бы решить проблему расширительной трактовки права водопользования, а также устранить неопределенность в закреплении состава земель водного фонда.

Таким образом, виды деятельности, направленные на охрану, защиту, воспроизводство, поддержание функций различных природных ресурсов, обладают значительным содержательным сходством, но урегулированы природоресурсным законодательством по-разному, что обусловлено не столько спецификой отдельных природных ресурсов, сколько историческими особенностями. Так, Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 года № 257-З «О животном мире» выделяет виды деятельности, связанные с использованием объектами животного мира, и относит к ним ведение охотничьего и рыболовного хозяйства; лесное законодательство традиционно включает элементы управления и лесопользования в содержание ведения лесного хозяйства, а его эффективность, как правило, оценивается с экономических позиций [3]; водное законодательство не закрепляет понятие «ведение водного хозяйства» (хотя оно используется в иных отраслях природоресурсного законодательства), но относит к водопользованию многие виды деятельности, направленные на регулирование гидрологического режима вод и водного баланса земель, то есть расширительно трактует понятие «водопользование».

Кроме того, природоресурсное законодательство не всегда должным образом отражает специфику правового режима природных ресурсов,

подвергшихся существенному воздействию в целях поддержания их функций. В частности, Кодекс о земле даже не упоминает об особенностях использования и охраны мелиорированных и мелиорируемых земель, которые в Республике Беларусь имеют значительный удельный вес.

С учетом сказанного, полагаем, что проблема создания общих подходов к регулированию отраслевым природоресурсным законодательством схожих видов деятельности, направленных на поддержание надлежащего состояния, выполняемых функций, охраны природных ресурсов, требует дальнейшего изучения. При этом, с учетом экологического значения природных ресурсов, важным является недопущение преобладания экономической составляющей при осуществлении данной деятельности.

### **Библиографический список**

1. Шахрай, И.С. Проблемы правового регулирования лесных правоотношений в антикоррупционном контексте / И. Шахрай // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. , спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред. А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – С. 290-299.
2. Шахрай, И. С. Состав земель Республики Беларусь: правовые проблемы / И. С. Шахрай // Актуальные проблемы государственной экологической политики : сб. материалов заочной Междунар. науч.-практ. конф., г. Уфа / отв. ред. Р. Х. Гиззатуллин. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. – С. 104–112.
3. Янушко, А.Д. Лесное хозяйство Беларуси / А.Д. Янушко, В.П. Демидовец // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 2. – С. 56-64.

## **О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**Н.А. Шингель**

*доцент кафедры экологического и аграрного права  
юридического факультета Белорусского государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент*

Право сельскохозяйственного землепользования представляет собой один из самостоятельных видов права природопользования, которое получило закрепление преимущественно в законодательстве об охране и использовании земель в рамках установления правового режима земель сельскохозяйственного назначения единообразно во всех государствах-членах ЕАЭС [1]. Наличие специального и довольно детального правового регулирования сельскохозяйственного землепользования выгодно отличает этот вид

сельскохозяйственного природопользования от некоторых других, предусмотренных в природоресурсном законодательстве. Однако, современный этап социально-экономического развития Республики Беларусь выявил необходимость дальнейшего совершенствования его правового регулирования в увязке с проведением аграрной и продовольственной политики.

Использование земельных ресурсов, пригодных для производства сельскохозяйственной продукции, как и других природных ресурсов, выступающих естественно-природной основой ведения сельскохозяйственной деятельности, является ключевым фактором, определяющим размещение и специализацию сельскохозяйственного производства [2, с. 25], а эффективное использование земель сельскохозяйственного назначения учитывается при выработке правового механизма обеспечения устойчивого развития. С точки зрения достижения целей устойчивого развития право сельскохозяйственного землепользования имеет двойственное значение. С одной стороны, как отмечается в юридической литературе, «в сельском хозяйстве земля используется как природный ресурс и приоритет при ее использовании имеют экологические показатели состояния земли и главное ее свойство — плодородие» [3, с. 177]. В связи с этим сельскохозяйственные производители являются основными землепользователями земель сельскохозяйственного назначения и пользуются преимуществами при получении земельных участков и использовании. С другой стороны, современное сельское хозяйство развивается как отрасль, оказывающая существенное воздействие (зачастую негативное) на состояние окружающей среды и, в первую очередь, на земли, непосредственно используемые в сельскохозяйственном производстве. Поэтому принципы устойчивого развития требуют распространить на эту отрасль правовой инструментарий, связанный с развитием «зеленой» экономики и устойчивого природопользования, в том числе организационно-правовой механизм, посредством которого обеспечивается экологизация сельскохозяйственной отрасли и рациональное (устойчивое) использование земель сельскохозяйственного назначения.

Мы считаем необходимым в целях систематизации норм, регулирующих право сельскохозяйственного землепользования, выделить его как самостоятельное направление в общем правовом режиме земель сельскохозяйственного назначения на основе учета земли как основного средства производства в сельском хозяйстве. Данное обстоятельство отражается в той или иной степени в основных актах земельного законодательства стран ЕАЭС. Так, например, Кодекс Республики Беларусь о земле [4, ст. 1] (далее — КоЗ), Земельный кодекс Российской Федерации [5, ст. 1] прямо закрепляют это положение в юридическом понятии земли; ст. 4 Земельного кодекса Республики Казахстан [6] предусматривает принцип «сохранения земли как природного ресурса» и закрепляет меры по его реализации. Земельный кодекс Республики Армения [7] исходит из важности природоохранного, хозяйственного и социального значения земли и предусматривает установление

для отдельных земель целевого назначения особого правового режима и ограничений их использования. Опыт этих стран в регулировании сельскохозяйственного землепользования на различных правовых титулах может быть обобщен и востребован Республикой Беларусь в процессе внесения изменений в действующее земельное законодательство

Важным направлением совершенствования права сельскохозяйственного землепользования в долгосрочной перспективе является его адаптация к единым правовым требованиям, предусмотренным Договором о Евразийском экономическом союзе [8, ст. 95] при проведении согласованной (скоординированной) агропромышленной политики. В ряде приложений к указанному Договору закреплены меры по реализации положений ст. 95, прямо или косвенно касающиеся использования природных ресурсов для сельскохозяйственной деятельности. Непосредственно к сельскохозяйственному землепользованию относятся, в частности, предусмотренные Протоколом о мерах государственной поддержки сельского хозяйства (утвержден Приложением № 29 к Договору) выплаты при выбытии из оборота сельскохозяйственных земель, а также меры содействия структурным изменениям посредством программ по прекращению использования ресурсов (п.п. 21, 23). Содержащиеся в земельном законодательстве Республики Беларусь (ст. 38 КоЗ) общие правила перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории для использования с иным целевым назначением, частично нуждаются в пересмотре и согласовании с правом ЕАЭС.

Наличие существенных ограничений в обороте земель сельскохозяйственного назначения в перспективе требует трансформации организационно-правового механизма устойчивого использования этих земель. Право сельскохозяйственного землепользования реализуется в процессе распределения и перераспределения земель сельскохозяйственного назначения и предоставляется лицам и для целей, указанных в ст. 37 КоЗ, в том числе сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам, иным организациям для ведения сельского хозяйства. Цель предоставления этих участков основной категории сельскохозяйственных землепользователей – сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам – не в полной мере отражает экономическую сущность данного вида землепользования и должна быть, по нашему мнению, сформулирована как ведение товарного сельского хозяйства.

Уточнение целей предоставления земельных участков сельскохозяйственным производителям, а также расширение инновационных форм сельскохозяйственного землепользования и установление преференций субъектам, которые осуществляют эту деятельность, должно сопровождаться расширением правовых форм использования земель сельскохозяйственного назначения. Последнее направление совершенствования права сельскохозяйственного землепользования может быть связано с обновлением

конституционных норм. В Республике Беларусь расширение правовых форм сельскохозяйственного землепользования сдерживается наличием конституционной нормы о нахождении земель сельскохозяйственного назначения только в собственности государства (ст. 13 Конституции Республики Беларусь) [9] и отсутствием у сельскохозяйственных производителей возможности использовать предоставленные им на льготных условиях земельные участки для экономического обеспечения сельскохозяйственной деятельности (например, передачи в залог права аренды земельного участка без предварительного внесения платы за заключение договора аренды земельного участка и др.).

Не решена до конца проблема экологизации земельного законодательства [10], значимость которой связана с необходимостью сохранения природного и экономического потенциала земель в процессе их интенсивного использования при реализации аграрной и продовольственной политики. В отношении сельскохозяйственных земель, используемых в сельскохозяйственном производстве, представляется необходимым вернуться к дифференцированному правовому регулированию закрепленных за сельскохозяйственными производителями сельскохозяйственных угодий. Данное предложение можно обосновать необходимостью реализации механизма содействия структурным изменениям посредством стимулирования инвестиций в рамках государственной поддержки сельского хозяйства, предусмотренной Договором о Евразийском экономическом союзе (Приложение № 29 к Договору). В качестве правовой основы для такой дифференциации можно взять уже имеющееся в земельном законодательстве (ст. 7 КоЗ) деление сельскохозяйственных земель на виды, используемое при кадастровом учете данной категории земель.

Таким образом, имеется целый ряд объективно необходимых новаций, которые могут получить закрепление в законодательстве об охране и использовании земель в процессе его намечаемого обновления. Эти изменения должны расширить оборот земель сельскохозяйственного назначения и одновременно усилить эколого-правовые требования их использования, вытекающие из концепции устойчивого развития.

### **Библиографический список**

1. Шингель, Н.А. Право сельскохозяйственного землепользования в законодательстве государств – членов ЕАЭС / Н.А. Шингель // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 17-20.
2. Шингель, Н.А. Аграрное право : ответы на экзаменац. вопр. / Н.А. Шингель. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 160 с.
3. Симонов, В.И. Охрана земель сельскохозяйственного назначения как цель государственной аграрной политики / В.И. Симонов // Современные

приоритеты в развитии аграрного, земельного и экологического права : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 12 марта 2012 г. – Москва, 2012. – С. 177-179.

4. Кодекс Республики Беларусь о земле[Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г. № 425-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : кодекс Российской Федерации, 25 окт. 2001 г., № 136-ФЗ (с изм. и доп.) // Консультант Плюс: Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». – М., 2020.

6. Земельный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан, 20 июня 2003 года № 442 (с изм. и доп.) // БД Закон: Версия 6 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Земельный кодекс Республики Армения: кодекс Республики Армения, 4 июня 2001 г., №ЗР-185 (с изм. и доп.) //База данных «Законодательство стран СНГ»; Дата доступа 09.06.2018; [Режим доступа]: [http://base.spinform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=8657](http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8657)

8. О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 окт. 2014 г., № 193-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10 изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

10. Макарова, Т. И. Экологизация земельного законодательства: состояние и проблемы совершенствования / Т.И. Макарова, О.А. Хотько // Современное право (РФ). – 2015. – № 7. – С. 123-131.